ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1805 — 1819).

Разсказы по архивнымъ документамъ.

Н. Булича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КАЗАНЬ.

Типография Императорскаго Университета.

1891.

Печатано съ разрѣшенія Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета

Деканъ Д. Бѣляевъ.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]
АКАДЕ[illegible]
145
28

Отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго университета за 1890 и 1891 гг.

Четыре года назадъ тому появилась въ свѣтъ первая часть предлагаемыхъ „Разсказовъ“, какъ отдѣльные оттиски періодическаго изданія, издаваемаго Казанскимъ университетомъ („Ученыя Записки“ за 1875, 1880 и 1886 годы). Не смотря на мѣстный характеръ событій и лицъ, она встрѣчена была довольно снисходительно въ нашихъ историческихъ журналахъ, и это обстоятельство конечно обязывало автора продолжать свой трудъ, тѣмъ болѣе, что тотъ же почтенный печатный органъ Казанскаго университета „Ученыя Записки“, по опредѣленію совѣта, гостепріимно раскрылъ свои страницы для печатанія выходящей теперь отдѣльнымъ изданіемъ второй части („Ученыя Записки“ 1890 и 1891 годовъ). Авторъ считаетъ своимъ долгомъ принести за это глубокую благодарность членамъ совѣта Казанскаго университета. Безъ ихъ участія книга никакъ не могла быть напечатана, и искреннее желаніе автора служить и въ отставкѣ родному университету, раскрывая различныя, мало извѣстныя стороны его прошедшей жизни не могло бы осуществиться. Первоначально авторъ предполагалъ, доведя свои разсказы до времени попечительства Магницкаго, изложить и ходъ его пресловутой ревизіи (Предисловіе къ *первой* части, стр. VIII), но познакомившись ближе съ этою ревизіею, онъ убѣдился, что она была въ высшей степени поверхностна, что результаты ея были заранѣе опредѣлены, что при существованіи предвзятаго взгляда на университетъ, эта ревизія, произведенная въ нѣсколько дней, была только произвольнымъ актомъ quasi-ревизора. Вотъ почему изложеніе хода ревизіи Магницкаго, по мнѣнію автора, должно примкнуть ко всей исторіи времени Магницкаго и его дѣйствій какъ попечителя. Разсказъ объ этомъ

времени не можетъ уже принадлежать къ той серіи разсказовъ, которые озаглавлены „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“. Время Магницкаго —это новый, большой и оригинальный отдѣлъ въ исторіи Казанскаго университета. Хотя это время достаточно знакомо автору, но разсказъ о немъ выходитъ изъ первоначальныхъ рамокъ задуманнаго имъ труда.

Точка зрѣнія автора на прошлое Казанскаго университета высказана имъ въ предисловіи къ первой части: ей онъ остался вѣренъ и считаетъ ее обязательною для себя и на будущее время, если представится возможность продолжать начатый трудъ. Какъ бы много ни заключалось анекдотическихъ подробностей въ его трудѣ, но автору казались и онѣ умѣстными, такъ какъ служили объясненіемъ другихъ, болѣе достойныхъ вниманія явленій. Въ мысли автора на первомъ планѣ были исключительно судьбы науки и тотъ характеръ ея, какой она должна была принять въ далекомъ провинціальномъ городѣ, съ его чисто восточнымъ характеромъ, въ тѣ минувшіе годы, которыхъ касаются разсказы, съ его обществомъ, не чувствовавшимъ никакой потребности въ наукѣ и не выходившимъ изъ области тупаго матеріализма. Государственная власть шла впереди этого общества, призывала его основаніемъ университета къ идейной жизни, къ умственному труду, а насколько успѣшенъ былъ этотъ призывъ, могутъ отвѣтить факты, собранные авторомъ въ его сочиненіи и основанные на нихъ его разсказы. Факты эти не выбирались имъ, а только группировались по извѣстнымъ рубрикамъ, главамъ и отдѣламъ для болѣе удобнаго обозрѣнія прошлой университетской жизни. Никакой посторонней цѣли, никакой партійности или пристрастія не могло быть въ его изложеніи, предметомъ котораго было давно минувшее время. Если, можетъ быть читателю, невольно приходило на мысль дѣлать иногда сближеніе съ болѣе новымъ временемъ, даже съ настоящимъ, то онъ не долженъ забывать, что замѣченное имъ явленіе есть только *пережитокъ*, survival, значеніе котораго объясняютъ археологи. Такіе остатки

доисторической старины преслѣдуютъ человѣчество даже на самыхъ высокихъ ступеняхъ развитія.

Авторъ высказывалъ не разъ мысль, что разсказы его изъ прошлаго Казанскаго университета не имѣютъ ничего общаго съ тѣми почтенными трудами по исторіи нашихъ университетовъ, которые составляются къ извѣстному юбилейному году ихъ, какъ напр. Московскаго (Шевыревъ), С.-Петербургскаго (Григорьевъ), Кіевскаго (г. Владимірскій-Будановъ) и др. Сочиненія ихъ изображаютъ жизнь университета за извѣстный періодъ времени и не останавливаются на мелкихъ подробностяхъ. Точность главнѣйшихъ фактовъ и такъ сказать статистика прошлаго университетской жизни, заключенныя въ этихъ сочиненіяхъ, дѣлаютъ ихъ важными и необходимыми справочными книгами для историка и самой университетской науки. Труды эти кратки и поучительны. Большій, сравнительно съ ними размѣръ предлагаемыхъ авторомъ „Разсказовъ“ является слѣдствіемъ того желанія его, чтобы книга его послужила сборникомъ матеріаловъ для будущаго историка Казанскаго университета. Такъ читатель найдетъ въ „Разсказахъ“ большія подробности біографическія о старыхъ профессорахъ. Авторъ смѣетъ увѣрить, что свѣдѣнія имъ собранныя полны, насколько это возможно; онъ ничего не оставилъ безъ вниманія въ этомъ отношеніи. Очень можетъ быть, что въ собранныхъ имъ фактахъ заключено довольно много и мелочныхъ подробностей, но передавая ихъ онъ имѣлъ въ виду лишь болѣе опредѣленную характеристику того или другаго жреца науки, чтобъ лучше понять и опредѣлить его отношеніе къ послѣдней. Судьба науки и оригинальныя условія ея существованія въ Казани болѣе всего занимали автора и понятно, что приходилось ему часто и много говорить о внѣшней обстановкѣ университета, о его отношеніяхъ къ людямъ, къ обществу и т. п. Авторъ старался основать свои „Разсказы“ на подлинныхъ документахъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ личнымъ воспоминаніямъ пережитаго въ долгіе годы. Эти воспоминанія должны быть извинены автору.

Они были непроизвольны. Особенно многимъ воспользовался авторъ изъ переписки старыхъ профессоровъ и главное Яковкина, къ первому попечителю, сохранившейся въ архивѣ совершенно случайно. Профессоръ Кондыревъ, нѣкоторое время исполнявшій должность правителя канцеляріи попечителя Салтыкова, доносилъ 12 мая 1816 года, совѣту университета:

«По препорученію его пр—ства г попечителя я сдалъ изъ канцеляріи его находившіяся бумаги въ университетскую архиву Замѣтивъ при семъ, что между оффиціальными бумагами, находилась и частная переписка нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ къ покойному г. попечителю и находя *неприличнымъ* быть оной между сими дѣлами, доносилъ я его п—ству г. попечителю: не благоугодно ли будетъ ему приказать письма сіи, въ присутствіи г ректора и секретаря совѣта, а равно и моемъ, *предать огню* На что Е. п. отъ 18 марта и изъявилъ свое согласіе. О чемъ для надлежащаго исполненія и имѣю честь симъ почтеннѣйшему совѣту донести»

Авторъ не раздѣляетъ этого взгляда Салтыкова и Кондырева, какъ не раздѣлилъ его тогдашній совѣтъ (1), и многими изъ этихъ писемъ воспользовался. Интимная сторона людей, призванныхъ служить наукѣ, распространять ее въ средѣ молодаго поколѣнія, призывая его къ умственному труду, казалась ему особенно любопытною. Отъ ихъ нравственныхъ свойствъ, отъ характера ихъ отношеній къ наукѣ зависитъ очень многое, и сами они невольно становятся образцами для подражанія. Правъ ли авторъ въ этомъ случаѣ, или ошибается — судить не его дѣло. Его всегда глубоко занималъ вопросъ о необходимости преданія въ жизни и развитіи русскихъ университетовъ. Ихъ научное прошлое, за исключеніемъ анекдотической стороны, сохранившейся въ пессимистическихъ по большей части воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ, почти неизвѣстно, а между тѣмъ наука сильна только преданіемъ, какъ и всякое развитіе. Найти эту связь настоящаго съ далекимъ прошлымъ, укрѣпить новое старымъ преданіемъ казалось автору полезнымъ.

15 марта, 1891 года

(1) Мысль Кондырева не была приведена въ исполненіе, хотя очевидно много не достаетъ писемъ. Его донесеніе находится въ Дѣлѣ *совѣта* 1816 года, № 168, подъ названіемъ «Собраніе бумагъ безъ дальнѣйшаго производства».

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Глава X.

Стр.

Иностранцы-профессора, приглашенные Румовскимъ: 1) Іоаннъ Фридрихъ Христіанъ Вуттигъ, профессоръ технологіи (1808—1812); 2) Иванъ Миллеръ, адъюнктъ всеобщей исторіи (1808—1810); 3) Каспаръ Фридрихъ Реннеръ, профессоръ прикладной математики (1808—1816); 4) Теобальдъ Реннеръ, профессоръ скотолѣченія (1808); 5) Карлъ Готлибъ (Карлъ Амвросіевичъ) Фойгтъ, профессоръ философіи (1808—1811); 6) Іоаннъ Христофоръ Финке, профессоръ правъ: естественнаго, политическаго и народнаго (1809—1814). . . . . 1—65.

Глава XI.

Иностранцы-профессора, приглашенные Румовскимъ: 7) Іоаннъ Георгъ Нейманъ, профессоръ правъ, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и политической экономіи (1809—1811); 8) Егоръ Васильевичъ баронъ Врангель, адъюнктъ Неймана, а потомъ ординарный профессоръ правъ (1809—1819; Нейманъ—вторично на службѣ (1814—1817); 9) и 10) приготовленіе къ занятію юридическихъ каѳедръ магистровъ Николая Алехина и Эльпидифора Манассеина (1814—1818); судьба обоихъ; 11) Іосифъ Іоаннъ Литтровъ, профессоръ астрономіи (1810—1816); его дѣятельность въ Казани; заботы объ устройствѣ обсерваторіи, первыя наблюденія; казанскія отношенія Литрова . . . . . 66—144.

Глава XII.

Иностранцы-профессора, приглашенные Румовскимъ: 12) Іоганнъ Фридрихъ Эрдманъ, профессоръ патологіи, терапіи и клиники (1810—1817); заботы его объ устройствѣ клиники; разширеніе гимназической больницы; поѣзд-

Стр.

ки его въ границахъ казанскаго учебнаго округа и результаты ихъ; Сергіевскія сѣрныя воды; романъ профессора Фукса; Болгарскія развалины; описаніе губерніи и города Казани; рѣчь на актѣ; описаніе губерній учебнаго округа въ званіи визитатора; переходъ на службу въ Дерптъ; 13) Францъ Ксаверій Броннеръ, профессоръ теоретической и опытной физики (1810—1817); пересказъ его автобіографіи; переѣздъ въ Казань; перевозка его имущества изъ Швейцаріи; лекціи и устройство физическаго кабинета; организація преподаванія въ гимназіи и университетѣ; Броннеръ — директоръ педагогическаго института и инспекторъ студентовъ; отпускъ за границу и отставка . . . . . 145—276

Глава XIII.

Дѣятельность совѣта до открытія университета: неопредѣленность положенія; открытіе «публичныхъ преподаваній». Заботы объ устройствѣ преподаванія; о часовыхъ и двухчасовыхъ лекціяхъ; науки приготовительныя и спеціальныя. Предполагавшееся открытіе университета согласно уставу 1804 года: первые выборы ректора и декановъ въ 1810 году. «Дѣло о горячности профессора Фойгта». Волненія и пререканія между профессорами, какъ слѣдствіе неудавшихся выборовъ. Неутвержденіе выборовъ. Планъ профессора Броннера организаціи университетскаго преподаванія по отдѣленіямъ и факультетамъ . . . . . 277—328.

Глава XIV.

Дѣятельность совѣта до открытія университета. Постепенное увеличеніе дѣятельности. Управленіе училищами округа и училищный комитетъ. Чистопольское дѣло: голова Плаксинъ и учитель Лебедевъ. Характеръ дѣлъ училищнаго комитета, разбираемыхъ совѣтомъ. Дѣленіе на факультеты въ первый разъ. О правахъ экстраординарныхъ профессоровъ. Столкновеніе Яковкина съ профессоромъ Германомъ. Вопросъ о переводѣ русскихъ бумагъ для нѣмецкихъ профессоровъ. Уколъ самолюбію Яковкина, какъ директору гимназіи. Личные счеты. Обида Брауномъ адъюнкта Петровскаго. Патріотизмъ 1812 года. Разборъ въ совѣтѣ частныхъ долговъ профессора Германа и его старанія о прибавкахъ къ профессорскому жалованью. Его же жалобы на нарушеніе казанской полиціей профессорскихъ привилегій. Послѣдніе годы его дѣятель-

Стр.

ности въ Казани до увольненія Магницкимъ. Экзаменный комитетъ и обвиненіе въ «лакомствѣ». Разборъ въ совѣтѣ дѣла по жалобѣ жены лектора татарскаго языка Хальфина на мужа. . . . . 329—409.

Глава XV.

Школа и жизнь. Могущественное вліяніе жизни на школу.—Педагогическое безсиліе казанской гимназіи, откуда поступало большинство студентовъ.—Дѣло ученика Ивана Сокольскаго.—Яковкинъ, какъ педагогъ; собранія для декламаціи.—Донесеніе инспектора Лубкина о безуспѣшности казенныхъ воспитанниковъ гимназіи.—Опредѣленіе неудачныхъ казенныхъ учениковъ въ писцы и канцеляристы.—Дѣла о бѣглыхъ ученикахъ гимназіи Богдановичѣ, Маньковскомъ, Ларіоновѣ.—Дѣла: 1) о выбитіи глаза ученику Иванову; 2) о причиненной обидѣ ученику Вячеславу Манассеину; 3) о противозаконныхъ поступкахъ ученика Дмитрія Путилова съ инспекторомъ Броннеромъ.—Стремленіе учениковъ гимназіи и студентовъ, особенно казенныхъ, поступить въ военную службу.—Разсужденія о мѣрахъ къ исправленію студентовъ.—Нѣсколько случаевъ прямого нарушенія даннаго обязательства прослужить въ учебной службѣ шесть лѣтъ за казенное содержаніе.—Обсужденіе поведенія студентовъ.—Составленіе и изданіе «Правилъ благочинія». . . . . 410—484.

Глава XVI.

Студенты до двадцатыхъ годовъ. — Источники для изученія нравовъ казанскихъ студентовъ.—Неподготовленность тогдашнихъ студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій и ихъ умственная неразвитость.—Нехожденіе на лекціи — Характеръ слушанія лекцій. — Жалоба штабъ-лѣкаря Кельца.—Новые инспекторы студентовъ послѣ Яковкина: Браунъ, Броннеръ и Брейтенбахъ.—Грубости студентовъ.—Законъ Божій, какъ воспитательное средство и введеніе его въ университетское преподаваніе.—Увѣщанія инспекторовъ.—Пьянство студентовъ; различные случаи и проступки ихъ, соединенные съ этою слабостью, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и внѣ его.—Дѣла о студентахъ: Замятинѣ и Бабановскомъ.—Комитетъ для разбора своевольствъ между студентами и его взгляды на инспекцію и поведеніе студентовъ вообще.—Проступки студентовъ: Попова, Сапожникова, Соловьева, Уфим-

Стр.

цева и другихъ.—Снисходительный взглядъ членовъ совѣта на проступки студентовъ.—Устройство жизни и хозяйство казенныхъ студентовъ.—Фиктивное существованіе спеціальнаго (факультетскаго) преподаванія въ университетѣ.—Энергическія дѣйствія студентовъ при казанскихъ пожарахъ . . . . . 485—576.

Глава XVII.

Неудачныя попытки замѣщенія вакантныхъ каѳедръ.—Профессоры, опредѣленные въ послѣдніе два года жизни Румовскаго, до открытія университета: 1) Іоаннъ Михаилъ Томасъ (Иванъ Григорьевичъ), ординарный профессоръ всемірной исторіи, статистики и географіи (1810—1819); 2) Адамъ Ивановичъ Аригольдъ, экстраординарный профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства (1812—1814); директоръ тобольскихъ училищъ (1815—1817); ординарный профессоръ хирургіи (1817—1819); 3) Іосифъ Христофоръ (Осипъ Христофоровичъ Ренардъ), адъюнктъ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности (1812—1817); 4) Филиппъ Леонтьевичъ Брейтенбахъ, ординарный профессоръ технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ (1812—1819); 5) Александръ Степановичъ Лубкинъ, ординарный профессоръ умозрительной и практической философіи (1812—1815); 6) Г. Н. Городчаниновъ, ординарный профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, возвратившійся въ Казань (1811) . . . . . 577—674.

Глава XVIII.

Новый попечитель послѣ Румовскаго.—Постепенное измѣненіе взглядовъ на ваши университеты.—Личность Салтыкова и біографическія о немъ свѣдѣнія.—Характеристика его дѣятельности, какъ попечителя.—Отношеніе его къ Яковкину и борьба съ нимъ.—Мотивы для открытія университета.—Выборы должностныхъ лицъ и утвержденіе ихъ.—Возвращеніе удаленнаго въ 1807 году профессора Цеплина.—Распоряженія по открытію университета и первыя дѣйствія отдѣленій.—Торжество открытія 5 іюля 1814 года.—Отношеніе общества и мѣстной газеты.—Первыя самостоятельныя распоряженія совѣта.—Отношеніе университета къ казанской гимназіи; паденіе значенія Яковкина; составленіе новаго положенія для гимназіи.—Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ.—Правила объ

Стр.

испытаніяхъ на ученыя степени.—Іоаннъ Готтлибъ Іонъ, первый докторъ (обоихъ правъ) въ Казанскомъ университетѣ.—Лица ищущія ученыхъ степеней.—Приготовленіе молодыхъ людей къ профессорской дѣятельности: магистръ Самсоновъ и кандидатъ Лентовскій.—Два выбранные по открытіи университета профессора: 1) Эмануилъ Вердерамо, профессоръ повивальнаго искусства (1815—1819) и 2) Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ, профессоръ правъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ (1815—1822).—Искатели каѳедръ.—Занятіе профессорами вторыхъ вакантныхъ каѳедръ за половинное жалованье.—Заключеніе . . . . . 675—799.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк. съ верху.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
29	37	адъюнкта	адъюнкта
150	11	амбуляторія	амбулаторія
168	27	на письмахъ	въ письмахъ
199	29	спохватились	хватились
265	37	и по физикѣ и по минералогіи	ни по физикѣ ни по минералогіи
267	22	разсѣивалось	распадалось
312	12	ушвержденъ	утвержденъ
354	34	такъ какъ	(лишнее)
383	6	Thiere	Thieren
	20	сыно-	сыновей
386	26	семи	семьи
395	40	se batte	se bat
404	14	тридцатые,	тридцатые и
414	16	Чумакова	Чумикова
418	10	едва ли ли	едва ли
436	38	въ неплатежѣ	на неплатежъ
467	29	Голицина	Голицына
474	21	какъ какъ	такъ какъ
513	21	дни	дня
519	32	Кулаковъ	Куликовъ
525	27	интезивною	интензивною
543	13	дни	дня
564	13	1889	1819
565	35	безъ спроса	(лишнее)
574	26	журналъ,	журналъ)
583	12	Мойсееву	Моисееву
	19	êtat	état
585	24	Мойсеева	Моисеева
595	40	Румовскимъ	Разумовскимъ
597	11	произвести	привести
603	17	опредѣлилъ предоставить	совѣтъ опредѣлилъ представить
643	21	рескриптовъ	рескриптахъ
645	15	Haushälterinn	Haushälterin

II.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА РУМОВСКАГО И САЛТЫКОВА.

(1804—1819 г.).

Глава X.

Иностранцы-профессора, приглашенные Румовскимъ: 1) Іоаннъ Фридрихъ Христіанъ Вуттигъ, профессоръ технологіи (1808—1812); 2) Иванъ Миллеръ, адъюнктъ всеобщей исторіи (1808—1810); 3) Каспаръ Фридрихъ Реннеръ, профессоръ прикладной математики (1808—1816); 4) Теобальдъ Реннеръ, профессоръ скотолѣченія (1808); 5) Карлъ Готлибъ (Карлъ Амвросіевичъ) Фойгтъ, профессоръ философіи (1808—1811); 6) Іоаннъ Христофоръ Финке, профессоръ правъ: естественнаго, политическаго и народнаго (1809—1814).

Изъ того, что было разсказано нами въ первой части нашей книги, легко вывести заключеніе, что вакантныя по уставу 1804 года каѳедры могли быть замѣщаемы въ Казанскомъ университетѣ почти исключительно иностранными учеными и преимущественно нѣмецкими. Этому способствовали въ то время многія условія: и бѣдность научнаго развитія въ нашемъ отечествѣ сравнительно съ успѣхами его въ Германіи, и политическое положеніе этой страны подъ гнетомъ Наполеона, и извѣстныя способности нѣмецкаго народа къ эмиграціи, съ помощью которыхъ онъ очень удобно и выгодно устраивается въ чужой землѣ. Съ 1808 года, вслѣдъ за из-

вѣстнымъ математикомъ Бартельсомъ, біографія котораго была нами разсказана (ч. 1. стр. 226—256). Казанскій университетъ сталъ быстро наполняться нѣмецкими профессорами. Собравъ на родинѣ разныя справки, заведя при посредствѣ знакомыхъ или родныхъ нѣкоторыя связи въ Петербургѣ, они являлись въ русской столицѣ къ попечителю Румовскому и искали каѳедръ, доказывая разными способами свои знанія и свою пригодность для университетскаго преподаванія. Почти всѣ они, или по личному убѣжденію попечителя въ ихъ достоинствѣ, или по ходатайству нѣкоторыхъ членовъ Академіи Наукъ и другихъ вліятельныхъ лицъ въ столицѣ, согласно представленію попечителя, утверждались министромъ и ѣхали въ Казань. Весьма понятно, что выборъ многихъ такихъ профессоровъ, зависѣвшій не отъ коллегіальнаго обсужденія ихъ научныхъ знаній и достоинствъ преподаванія, а отъ произвола власти и отъ силы вліятельной рекомендаціи, былъ иногда совершенно случаенъ и часто неудаченъ: преподаваніе оставалось жалкимъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Являлся неизвѣстный человѣкъ изъ за-границы, представлялъ разные дипломы и свидѣтельства, рекомендательныя письма извѣстныхъ ученыхъ, всегда снисходительныхъ къ непосредственнымъ ученикамъ своимъ; въ часы добраго расположенія духа находили его и знающимъ и способнымъ: искатель нравился и — получалъ мѣсто. Явившись въ Казань, при несуществованіи факультетовъ, въ университетѣ, который ждалъ еще своего открытія, такой профессоръ преподавалъ извѣстную спеціальность на свой такъ сказать страхъ, безъ всякаго контроля ученой коллегіи. Тѣ, отъ кого зависѣло его опредѣленіе, не думали о томъ въ какой связи съ прочими находится предметъ его преподаванія, какую пользу могъ онъ приносить неприготовленнымъ слушателямъ. У нихъ была одна формальная цѣль: какъ нибудь замѣстить опредѣленную уставомъ и вакантную каѳедру.

Мы считаемъ необходимымъ остановиться на цѣломъ рядѣ такихъ иностранныхъ профессоровъ въ Казанскомъ университетѣ, дѣйствовавшихъ въ первые годы его существованія и опредѣленныхъ при прямомъ участіи перваго его попечителя.

Раньше другихъ заграничныхъ искателей каѳедръ въ далекой Казани явился къ Румовскому въ Петербургѣ въ началѣ 1808 года молодой человѣкъ, саксонецъ родомъ, Іоганнъ

Фридрихъ Христіанъ *Вуттигъ* (Wuttig (*)) По словамъ попечителя, въ его представленіи министру, Вуттигъ обучался въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ: химіи, технологіи, фармацевтикѣ, минералогіи, физикѣ и ботаникѣ. Испытанію во всѣхъ этихъ наукахъ, но преимущественно въ фармацевтикѣ. Вуттигъ подвергался въ Виленскомъ университетѣ (слѣдовательно онъ ранѣе своего представленія Румовскому былъ уже въ предѣлахъ Россіи, и отчасти знакомъ со страною). Въ другомъ русскомъ университетѣ, Дерптскомъ, гдѣ Вуттигъ занимался между прочимъ до 1807 года физическими опытами у профессора Паррота и пріобрѣлъ по всей вѣроятности его рекомендацію, онъ публично защитилъ 2 мая 1806 года свою диссертацію „Versuch uber die Gallussaure" (**), за которую получилъ степень доктора философіи. Пріѣхавъ въ началѣ 1808 года въ С.-Петербургъ, Вуттигъ управлялъ чьею-то фабрикою купороснаго масла „Почитая для Казанскаго университета весьма полезнымъ пріобрѣтеніе сего молодаго ученаго, подающаго надежду быть, со временемъ, достойнымъ званія профессорскаго", Румовскій представилъ министру объ утвержденіи Вуттига *адъюнктомъ* химіи, фармацевтики и технологіи, такъ какъ ни одна изъ этихъ трехъ наукъ, распредѣленныхъ по разнымъ каѳедрамъ, не преподавалась еще въ Казанскомъ университетѣ (15 апр. 1808 года). Утвержденіе не замедлило послѣдовать и въ концѣ мая того же года Вуттигъ отправился въ Казань.

„Онъ человѣкъ молодой, тихаго нрава, и, сколько я судить могу, человѣкъ искусный — писалъ частнымъ образомъ попечитель къ Яковкину около того же времени. Я думаю, что г. Браунъ его знаетъ, потому что отъ Виленскаго уни-

---

(*) Онъ родился въ Вундерслебенѣ близъ Вейссензее, въ Тюрингенѣ, въ Саксоніи, 22 марта 1783 года См. «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland»— Реке и Напирскаго, гдѣ въ указаніи года рожденія Вуттига — очевидная опечатка

(**) Это небольшая брошюра въ 12°, разгонисто напечатанная и передающая результаты девяти опытовъ сдѣланныхъ авторомъ. Румовскій, основываясь на свидѣтельствахъ, предъявленныхъ ему Вуттигомъ, говоритъ въ своемъ представленіи о немъ министру, «о разныхъ его сочиненіяхъ», но они были напечатаны Вуттигомъ вѣроятно впослѣдствіи. До 1808 года они не указаны въ подробныхъ нѣмецкихъ библіографіяхъ Кайзера и Гейнзіуса.

верситета имѣетъ хорошій аттестатъ". Дѣйствительно Браунъ хвалилъ Вуттига, знакомаго ему по экзамену въ Вильнѣ. „Дай Богъ, чтобъ похвала его была справедлива, пишетъ въ благодушномъ настроеніи того года директоръ къ попечителю, и чтобы чиновники университета съ благородными, безпристрастными и ко благу общему приверженными чувствованіями умножались". Въ то время и самъ Браунъ, котораго Яковкинъ такъ чернилъ впослѣдствіи, по словамъ его, былъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для университета.

Вуттигъ въ первый разъ явился въ засѣданіе совѣта 6 іюля 1808 года, при чемъ доставилъ посланный съ нимъ попечителемъ астрономическій секстантъ Къ началу лекцій, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ представилъ совѣту *планъ* своихъ будущихъ чтеній, исключительно посвященныхъ технологіи. На основаніи этого плана, занимавшаго Вуттига, по его словамъ, нѣсколько лѣтъ, онъ изложилъ уже въ началѣ 1809 года свою *систему технологіи*, которую и не замедлилъ представить по начальству. Изъ его конспекта этой системы можно видѣть, что Вуттигъ, живя уже нѣкоторое время въ Россіи, достаточно познакомился съ русскимъ языкомъ. Онъ занимался имъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, *упорно*, переводя въ Казани, съ помощью знакомаго намъ, вполнѣ обрусѣвшаго Эвеста, нѣмецкіе технологическіе термины на русскій языкъ. Правда, встрѣчаются у него слова, напр. *возгонять*, *сортучивать*, *стекловать*, *стружить*, *печатовать* и нѣкот. другія, но они теряются въ массѣ правильно употребленныхъ. Свою науку, технологію, Вуттигъ дѣлитъ на *химическую* и *математическую* или скорѣе механическую. Въ каждую часть вошло великое множество производствъ и даже ремеслъ, но свѣдѣнія о нихъ, сообщаемыя Вуттигомъ, безъ сомнѣнія носили только энциклопедическій характеръ, давали самыя общія, начальныя понятія и конечно не могли научить никакому производству. Съ полнымъ правомъ мы можемъ утвердительно сказать, что изъ 12 студентовъ, которые, или по собственной охотѣ, или по указанію начальства, записались въ первый годъ на лекціи Вуттига, ни одинъ не былъ знакомъ практически съ какимъ либо производствомъ, за исключеніемъ развѣ можетъ быть, и то только наглядно, выдѣлки кожъ и варенія мыла, чѣмъ изстари славилась Казань. Студенты эти конечно вовсе не были приготовлены къ слушанію технологіи; они не могли заинтересоваться ею и предметъ

этотъ являлся совершенно случайнымъ въ общей системѣ преподаванія

Самъ Вуттигъ былъ человѣкъ молодой, довольно знающій, повидимому преданный своему практическому дѣлу, выгодному въ матеріальномъ отношеніи. Его имя пользовалось нѣкоторою извѣстностью между тогдашними спеціалистами. Онъ считался почетнымъ членомъ королевскаго экономическаго общества въ Лангензальцѣ и Лейпцигѣ, иностраннымъ секретаремъ горнаго общества въ Фрейбергѣ, членомъ обществъ натуралистовъ въ Іенѣ, Бреславлѣ и наконецъ въ Москвѣ (*). Нѣсколько мелкихъ статей по технологіи были напечатаны Вуттигомъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Эту литературную дѣятельность онъ продолжаетъ и въ Казани, ища случаевъ обогатиться новыми свѣдѣніями. Такъ въ началѣ іюля 1819 года, какъ только кончились занятія въ университетѣ, Вуттигъ съ спеціальною цѣлью изученія минералогическихъ богатствъ и нѣкоторыхъ производствъ на Уралѣ, отправляется въ отпускъ въ Оренбургъ. Ѣдетъ онъ на свой счетъ (у Вуттига были нѣкоторыя средства и онъ владѣлъ даже участкомъ земли на своей родинѣ въ Вейссензее, въ Тюрингіи).

Путешествіе Вуттига на Уралъ продолжалось долѣе вакаціоннаго времени, на которое онъ былъ отпущенъ и онъ принужденъ былъ просить у Яковкина отсрочки, предполагая сдѣлать еще поѣздку въ сѣверныя части Урала. Изъ нѣмецкаго письма Вуттига къ директору, мы видимъ, что въ Златоустѣ онъ встрѣтился съ пріятелемъ своимъ минералогомъ Моромъ изъ Вѣны (имя его впрочемъ въ наукѣ неизвѣстно, это былъ купецъ, торгующій минералами) и путешествовалъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ нимъ по Уралу. Въ сопровожденіи двухъ студентовъ Московскаго университета и двухъ козаковъ, Вуттигъ подымался, по его словамъ, съ опасностью для жизни, на одну изъ вершинъ Урала (это была гора Таганай или Таканай), гдѣ, писалъ онъ, не ступала еще нога человѣка и куда его спутники не имѣли силъ подняться. Путешествіе было въ самомъ дѣлѣ затруднительно и Вуттигу пришлось по большей части ѣхать верхомъ. Онъ даже захворалъ и пролежалъ больной девять дней въ Казатурѣ. Не опасаясь трудностей пути и считая необходимымъ продлить свое

(*) Въ московскомъ Journal des naturalistes напечатана его французская статья «Объ очищеніи воздуха въ галерныхъ кораблякъ».

путешествіе, Вуттигъ писалъ Яковкину, что имъ „онъ принесетъ гораздо больше пользы ихъ общему отечеству (т. е. Россіи), чѣмъ нѣсколькими лекціями въ Казанскомъ университетѣ, хотя и это путешествіе будетъ полезно для его слушателей". Отсрочка была разрѣшена попечителемъ, подъ условіемъ „если учиненныя Вуттигомъ замѣчанія обратятся къ усовершенствованію заводовъ". При этомъ попечитель высказывалъ желаніе, чтобъ г. адъюнктъ сообщилъ совѣту свои изслѣдованія письменно.

Вуттигъ воротился изъ своего путешествія 15 сентября. Отчетъ свой, по которому можно судить о научныхъ результатахъ этой поѣздки, онъ вскорѣ по возвращеніи представилъ на нѣмецкомъ языкѣ въ совѣтъ; опредѣлено было поручить учителю гимназіи Стефани перевести его по русски, а подлинникъ препроводить къ попечителю. Другаго заключенія не было. Перевода въ дѣлахъ не оказалось. Болѣе же подробное описаніе Вуттигъ, какъ видно изъ его словъ, отправилъ въ Императорскую Академію Наукъ (*), по вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ сообщить вкратцѣ и попечителю о новыхъ, сдѣланныхъ имъ на Уралѣ, *открытіяхъ* и *изобрѣтеніяхъ*. Они, какъ видно изъ письма его, заключались въ слѣдующемъ: „1) въ мѣдоплавильномъ дѣлѣ, открылъ я, пишетъ онъ, новый методъ съ большимъ успѣхомъ испробованный въ губерніяхъ Оренбургской и Пермской: для всей Сибири онъ будетъ очень полезенъ; 2) въ 15 верстахъ разстоянія отъ Златоуста, у горы Таганай, я нашелъ мѣстность, гдѣ расположенъ сплошной авантюринъ (родъ полеваго шпата). Такъ какъ этотъ камень (мнѣ удалось найти болѣе 20 видовъ его) по своей красотѣ и чистотѣ превосходитъ авантюринъ испанскій, а я нашелъ куски его діаметромъ въ нѣсколько аршинъ, то я убѣжденъ, что сдѣланные и полированные изъ него столы, колонны и вазы принесутъ Россіи новую славу. Генералъ Германъ, тогдашній начальникъ горныхъ заводовъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ Вуттигъ сообщилъ ему топографію видѣнной имъ мѣстности съ авантюриномъ, послалъ немедленно, 15-го сентября, изъ Екатеринбурга экспедицію, состоящую изъ 50 человѣкъ для добыванія этого камня; 3) я открылъ новый

(*) Въ переводѣ онъ напечатанъ въ изданіи Академіи Наукъ: *Технологическій журналъ* (т. VII. ч 1, стр. 122—139, 1810 г.), подъ заглавіемъ: «Примѣчанія г. Вуттига, учиненныя въ Уральскомъ хребтѣ».

видъ углекислаго стронціанита (carbonato de strontione) недалеко отъ Міасска, который думаю назвать *міасцитомъ*; 4) я убѣдился, что слюдистые блестки или листки (Blättchen) въ авантуринѣ должны получить особое мѣсто въ системѣ минералогіи; они не что иное какъ кварцъ и я называю эти листки кремнистою слюдою (Kieselglimmer); 5) въ Березовскомъ золотомъ рудникѣ я нашелъ цѣлую горную вершину изъ Лабрадора, перемѣшаннаго впрочемъ съ бурымъ и полевымъ шпатомъ; этотъ камень былъ неизвѣстенъ прежде; 6) я открылъ новый родъ Verbascum. Кромѣ того я нашелъ много другихъ замѣчательныхъ минераловъ, точное опредѣленіе которыхъ сдѣлаю послѣ химическаго изслѣдованія".

Еще до путешествія на Уралъ, Вуттигъ сообщалъ попечителю, что имъ написано по нѣмецки сочиненіе „О приготовленіи сѣрной кислоты" (Sur la fabrication de l'acide sulfurique), съ присоединеніемъ необходимыхъ рисунковъ и полнаго объясненія производства. Сочиненіе это, по словамъ Вуттига, написано имъ не только для настоящихъ химиковъ, но также и для фабрикантовъ, такъ что всякій, имѣющій самыя незначительныя свѣдѣнія въ химіи и математикѣ, можетъ, пользуясь его наставленіями, и основать фабрику, и управлять ею. „Что касается до подробностей приготовленія сѣрной кислоты въ большомъ количествѣ, пишетъ онъ къ попечителю (посредствомъ сжиганія сѣры), то это пока секретъ, извѣстный очень немногимъ и такъ какъ мнѣ удалось секретъ этотъ усовершенствовать и кромѣ того, имѣя въ виду, что практическія свѣдѣнія пріобрѣтены мною съ большимъ трудомъ, что я рисковалъ даже здоровьемъ, что полное обнародованіе этого искусства очень важно для каждаго государства (такъ какъ потребленіе сѣрной кислоты возрастаетъ съ каждымъ годомъ), я могу съ большимъ основаніемъ надѣяться, безъ особенной нескромности, получить награду за свое сочиненіе". Но Вуттигъ, вдали отъ Германіи, гдѣ бы онъ могъ продать свою рукопись издателю, не знаетъ какъ приступить къ ея напечатанію въ Россіи и обращается къ попечителю съ просьбою указать ему средства для изданія его сочиненія. Въ томъ же письмѣ къ попечителю Вуттигъ сообщаетъ, что и другое, написанное имъ сочиненіе „Fundament zu einer mathematischen Methode der Chemie", совершенно готово къ печати и должно въ скоромъ времени появиться въ печати съ предисловіемъ знаменитаго, по его словамъ, Гёттлинга и проситъ позволенія

посвятить эту книгу попечителю. Но такого сочиненія Вуттига ни тогда, ни послѣ не выходило. Причина этихъ сообщеній попечителю о своихъ трудахъ и сочиненіяхъ заключалась для Вуттига въ сильномъ желаніи выбраться изъ положенія адъюнкта и получить званіе экстраординарнаго профессора технологіи и фармаціи, о чемъ онъ откровенно просилъ Румовскаго передъ отъѣздомъ своимъ на Уралъ. Попечитель, получивъ его систему технологіи, отвѣчалъ ему очень вѣжливо: „Je ne suis pas le juge compétant d'un pareil ouvrage, cependant je puis comprendre qu'il vous a coûté bien de la peine et qu'il pourra devenir un livre classique non seulement pour l'université de Kasan. mais pour toutes les autres de l'Empire, s'il venait à paraître surtout en langue russe". Что касается до другаго сочиненія Вуттига „О пріуготовленіи купороснаго масла" (*), то попечитель не находилъ способа какимъ бы образомъ издать его въ пользу автора и предлагалъ просителю представить его на разсмотрѣніе совѣта, при чемъ сообщалъ Вуттигу, что это дастъ ему случай представить министру о повышеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора *при будущемъ открытіи* Казанскаго университета. По возвращеніи съ Урала, Вуттигъ не замедлилъ внести въ совѣтъ свое сочиненіе, но въ послѣднемъ не было лицъ, которыя могли бы судить о достоинствахъ его, и все дѣло ограничилось представленіемъ случая „на благоусмотрѣніе попечителя".

По возвращеніи изъ поѣздки, научными результатами которой Вуттигъ былъ очень доволенъ и поспѣшилъ, какъ мы видѣли, вкратцѣ сообщить о нихъ попечителю, его желанія уже не ограничиваются скромнымъ званіемъ экстраординарнаго профессора. „Въ теченіе четырехъ лѣтъ, пишетъ онъ по нѣмецки попечителю, я познакомился въ технологическомъ отношеніи съ главными русскими губерніями, сравнивая русскія ремесла съ состояніемъ ихъ въ другихъ европейскихъ земляхъ. Эти поѣздки я дѣлалъ изъ склонности къ наукѣ и изъ любви *къ своему второму отечеству*, на собственный счетъ (**). И въ другихъ отношеніяхъ я много принесъ жертвъ

(*) Оно было напечатано въ Германіи тогда, когда Вуттигъ давно уже оставилъ и Казань и свое «второе отечество»: «Grundliche Anleitung z Fabrikation der Schwefelsäure». Berl 1815. 8°.

(**) Въ своемъ описаніи путешествія на Уралъ, Вуттигъ говоритъ также, что онъ объѣхалъ главнѣйшія губерніи Россіи на сѣверѣ и югѣ; въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ и въ Сарептѣ онъ дѣлалъ опыты надъ золою *Технологич. журн.*, т. VIII, ч. 1, стр. 129, 134.

наукѣ: могу назвать по имени сотни фабрикантовъ и художниковъ, которымъ я помогъ и принесъ пользу своими знаніями. Это было причиною, что со времени моего переселенія въ Россію, я истратилъ значительную часть моего состоянія, что сдѣлаетъ можетъ быть рѣдкій нѣмецкій ученый въ Россіи. И со времени переѣзда въ Казань, я принужденъ былъ перевести изъ Германіи и еще часть моихъ собственныхъ денегъ, не смотря на мою чрезвычайно скромную жизнь. Конечно 800 рублей жалованья для меня, человѣка одинокаго, были бы вполнѣ достаточны, но 1) химическіе и технологическіе опыты, 2) покупка книгъ, 3) изученіе необходимыхъ языковъ, напр. русскаго и 4) технологическія экскурсіи — все это такія потребности, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ настоящій ученый въ практической наукѣ, какова моя. Все это стоитъ мнѣ болѣе половины жалованья. Я не могу, при настоящей дороговизнѣ, существовать поэтому на жалованье въ 800 рублей. Долженъ также подумать и о будущемъ, „долженъ подумать о томъ, что *не всегда я буду одинокимъ* и что мое небольшое состояніе, которымъ я владѣю еще въ Германіи, постепенно умаляется. — Моя неодолимая привязанность къ наукамъ, кажется мнѣ, хочетъ сдѣлать меня несчастнымъ. Она была причиною, что я покинулъ мою первую родину (хотя уже юношею 21 года я имѣлъ возможность удачно начать карьеру въ саксонской горной службѣ, какъ можетъ то засвидѣтельствовать горный департаментъ въ Фрейбергѣ) и отправился туда, гдѣ живетъ покровитель наукъ (der Beschützer der Wissenschaften). Это стремленіе къ наукѣ было причиною также, что и въ Россіи я отклонилъ нѣсколько чрезвычайно выгодныхъ предложеній вступить въ практическую службу. Теперь однако наступило время, когда я, озабочиваясь моею будущностью, необходимо долженъ буду оставить науку, если в. п. не примете во мнѣ участія и не доставите мнѣ средствъ продолжать служить наукѣ. Я принесу ей себя въ жертву и буду смотрѣть какъ на свой жребій, какъ на судьбу свою, на желаніе принести пользу наукѣ (а всѣмъ извѣстно, что я въ состояніи это сдѣлать), но я не могу побѣдить препятствія. Очень легко было бы мнѣ въ Россіи, на практической службѣ, пріобрѣсти въ короткое время богатства, но я презираю ихъ, и безъ личнаго интереса желаю работать для своего втораго отечества. Въ настоящее время я прошу в. п. дать мнѣ знать *какъ можно скорѣе*: возможно ли Вамъ въ

теченіе этой зимы повысить меня въ званіе ординарнаго профессора? Снова дѣлаютъ мнѣ блестящія предложенія вступить въ практическую службу (это можетъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать пермскій генералъ-губернаторъ ф. Модерахъ) и, озабочиваясь будущею судьбою своею, я принужденъ буду отказаться отъ службы въ здѣшнемъ университетѣ. если Вы, в. п., ничего не сдѣлаете для меня. По обстоятельствамъ, которыя я считаю въ настоящее время невозможнымъ объяснить, я не могу болѣе оставаться на службѣ ни въ званіи адъюнкта, ни въ званіи экстраординарнаго профессора. Убѣдительно прошу в. п., если это возможно, удовлетворить моему желанію: это не только будетъ большимъ для меня счастіемъ, но и выгодно для вашего университета. Я посвящу тогда всѣ мои силы ему и вѣчно буду Вамъ благодаренъ за то, что Вы открыли мнѣ широкую дорогу къ успѣху въ наукѣ. Не безызвѣстно конечно в п., что моя спеціальность, требующая чрезвычайно разнообразнаго практическаго изученія, не смотря на всю свою важность для каждаго государства, принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ спеціальностямъ, такъ что теперь во всей Европѣ только четыре технолога. Вашему превосходительству должно быть извѣстно, *что мнѣ труднѣе читать лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, чѣмъ сотнѣ другихъ профессоровъ*. Если кромѣ всего сказаннаго, Вы пожелаете имѣть еще доказательства моихъ способностей, то я прошу Васъ обратиться къ сочиненіямъ Тромсдорфа, Гермбштедта, Гёттлинга и др., гдѣ обо мнѣ не разъ говорится съ похвалою, хотя ссылки дѣлаются пока еще на мои непечатные труды (*).

„Но если все это недостаточно, чтобъ Вы могли представить меня въ ординарные профессоры; если недостаточно и то, что всѣ члены Казанскаго университета будутъ просить Васъ о томъ,—то я вызываюсь, съ своей стороны, взять на себя въ университетѣ обязанности двухъ профессоровъ и не только читать двойное число лекцій, но кромѣ наукъ, при-

---

(*) Тромсдорфъ (Trommsdorff, Ioh. Bartolom, 1770—1837), профессоръ химіи и физики въ Эрфуртѣ; Гермбштедтъ (Hermbstadt, Sigismund Friedrich. 1760—1833), профессоръ химіи и технологіи въ Берлинѣ; Гёттлингъ (Gottling Ioh. Friedr. Aug. 1755—1809), профессоръ химіи и технологіи въ Іенѣ Не легкую задачу давалъ Вуттигъ попечителю искать указаній на его сочиненія въ трудахъ этихъ нѣмецкихъ ученыхъ: одинъ Тромсдорфъ въ первой четверти XIX вѣка напечаталъ 43. а Гермбштедтъ—42 сочиненія

надлежащихъ къ моей каѳедрѣ, преподавать еще и минералогію, такъ какъ я минералогъ. Эту столь важную для Россіи науку здѣсь никто не читаетъ: нельзя конечно требовать отъ профессора Фукса, чтобы онъ, при своихъ обширныхъ познаніяхъ въ прочихъ частяхъ естественныхъ наукъ, имѣлъ еще и свѣдѣнія въ минералогіи, которыхъ у него и нѣтъ.

„Но пусть будетъ что будетъ. Я теперь готовъ на все и рѣшился оставить университетъ. Я жду рѣшенія в. п. и покорнѣйше прошу съ ближайшею почтою выслать мнѣ тѣ изъ моихъ дипломовъ, которые еще остаются въ вашемъ распоряженіи".

По просьбѣ Вуттига обратился съ ходатайствомъ за него въ томъ же смыслѣ къ попечителю и тогдашній президентъ Академіи Наукъ, говорившій о Вуттигѣ, какъ о будущемъ украшеніи Казанскаго университета. Румовскій отвѣчалъ, что онъ уже обѣщалъ Вуттигу званіе экстраординарнаго профессора при открытіи университета, вмѣстѣ съ прочими адъюнктами, старшими его по службѣ, что онъ не можетъ теперь повысить его, не обижая послѣднихъ, но что въ виду его категорическаго заявленія, что онъ не можетъ служить иначе въ Казани какъ въ званіи экстраординарнаго профессора, онъ представитъ о томъ министру народнаго просвѣщенія. Дѣйствительно Румовскій представилъ министру въ русскомъ переводѣ письмо къ нему Вуттига. „Его сіятельство, по разсмотрѣніи письма вашего, писалъ онъ Вуттигу (11 ноября, 1809 года), кажется мнѣ остался въ такихъ мысляхъ, что согласенъ онъ, по знаніямъ вашимъ, *на первый случай* утвердить васъ экстраординарнымъ профессоромъ; но когда наставленіемъ юношества, для котораго университетъ преимущественно имѣетъ честь считать васъ въ своемъ сословіи, или какимъ полезнымъ для наставленія юношества или для пользы общества отличите себя сочиненіемъ, тогда, *по засвидѣтельствованію совѣта*, наименуетъ васъ ординарнымъ профессоромъ. Вы пишете, между прочимъ, будто не безызвѣстно мнѣ, что *на преподаваніе лекцій при университетѣ больше труда полагаете, нежели сто другихъ профессоровъ*. Признаюсь вамъ чистосердечно, я о таковомъ вашемъ трудолюбіи никакого свѣдѣнія не имѣю".

Какъ только настойчиво преслѣдующій свою цѣль: сдѣлаться какъ можно скорѣе ординарнымъ профессоромъ. Вуттигъ получилъ это письмо попечителя, какъ уже прямо отъ себя,

письмомъ, на этотъ разъ писаннымъ по русски, обратился къ самому министру. Министръ, какъ мы видѣли, требовалъ доказательствъ и сочиненій. „Поелику такихъ доказательствъ, писалъ Вуттигъ, у меня еще болѣе, нежели в с—ство требуете, то осмѣливаюсь предложить безпосредственно не только свидѣтельство университета (въ немъ упомянуты семь рукописныхъ сочиненій Вуттига на разныхъ языкахъ, и въ томъ числѣ на русскомъ) о моихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, но и также извлеченіе изъ моей системы технологіи. Сверхъ того, если в. с — ству угодно будетъ приказать, я буду имѣть честь представить доказательства изъ разныхъ губерній о томъ, что я въ продолженіе четырехлѣтняго моего пребыванія въ Россіи имѣю и нѣкоторыя практическія отличающія (sic) заслуги къ моему второму отечеству, касательно отправленія художествъ, такъ какъ и наставленіемъ юношества въ Казанскомъ университетѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ я начерталъ свою собственную систему технологіи, которая еще не печатана, хотя по ней (?) читаютъ нынѣ въ нѣмецкихъ университетахъ, напр. въ Лейпцигскомъ, Виттенбергскомъ и др. По желанію какъ иностранной ученой публики, такъ и россійской, я написалъ обозрѣніе оной на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и ежели в. с благоволите приказать оную напечатать, то почелъ бы себѣ за величайшую честь получить отъ Васъ дозволеніе *украсить сіе мое сочиненіе* посвященіемъ великому имени в. с.“.

Не совсѣмъ пріятны были попечителю эти настойчивыя хлопоты Вуттига объ ординатурѣ, не смотря на то, что онъ повидимому высоко цѣнилъ его знанія. „Г. Вуттигъ писалъ ко мнѣ и требовалъ, чтобы объявленъ онъ былъ профессоромъ ординарнымъ, сообщаетъ онъ въ Казань Яковкину, и ежели сего не сдѣлается, то намѣренъ университетъ оставить, сказывая, что ему предлагаютъ выгоднѣйшія мѣста. Требованія его безъ обиды старшихъ адъюнктовъ, удовлетворить не нахожу я возможности, хотя знанія его и способности почитаю“. И Яковкинъ, старается помочь ему: „Знанія г. Вуттига, отвѣчаетъ онъ попечителю, съ цѣлью разсѣять его сомнѣнія, доказываются его сочиненіями многими, *каковыхъ ни одного еще старшіе его сотоварищи не представили*, да онъ же и идетъ по своей части; почему повышеніемъ его и отданіемъ ему справедливости никто обижаться не долженъ. Весьма жаль потерять сего достойнаго чиновника,

отличающагося знаніями своими *при прекраснѣйшей нравственности*“. —„Я ни малѣйшаго сумнѣнія не имѣю о знаніяхъ г. Вуттига, пишетъ съ своей стороны попечитель. Роспись сочиненіямъ его, при опредѣленіи въ адъюнкты, служила мнѣ основаніемъ къ представленію г. министру просвѣщенія о принятіи въ университетъ адъюнктомъ, и я ему писалъ, что уважая знанія его, представлю его съ прочими къ переименованію его экстраординарнымъ профессоромъ; но онъ симъ не доволенъ, и недоволенъ, потому что одинъ можетъ столько показать услугъ, сколько сто другихъ профессоровъ, какъ изъяснялся въ письмѣ мнѣ писанномъ. Самому себя хвалить неприлично“. Попечитель однако сильно разсердился, когда совѣтъ, по просьбѣ Вуттига, бумагою просилъ его возвратить ему дипломы Виленскаго, Дерптскаго и другихъ университетовъ, „по причинѣ крайней въ нихъ надобности“. Онъ писалъ Яковкину: „Не могу я одобрить поступка вашего въ принятіи и предложеніи совѣту рода жалобы на меня г. Вуттига, который требовалъ отъ меня, чтобы я ему доставилъ bald möglichst его патенты. Не могъ ли онъ самъ ко мнѣ отнестися? Какъ вы, такъ и совѣтъ вмѣшались въ дѣло до васъ не принадлежащее. Я бы могъ оправдаться совершенно, ежели бы нужда настояла. Но ни вамъ, ни совѣту, ни г. Вуттигу въ дѣлахъ моихъ отвѣчать долгу не имѣю. Я прошу впредь отъ подобныхъ предначинаній воздерживаться“ (16 дек., 1809 г., № 748). Яковкину пришлось оправдываться и увѣрять въ своей неизмѣнной преданности начальству: Проступокъ мой въ принятіи представленія г. Вуттига—совершенно неумышленный, отписывается онъ, и свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ, что честь и спокойствіе моего начальства почитая дороже всего на свѣтѣ, никогда и въ мысляхъ не имѣлъ о нанесеніи и самомалѣйшаго оскорбленія“. Ему неизвѣстна была переписка Вуттига съ попечителемъ и въ ходатайствѣ о возвращеніи дипломовъ ни онъ, ни совѣтъ не видѣли ничего особеннаго.

Такъ въ теченіе 1809 года Вуттигъ, не смотря на всѣ свои хлопоты, письма къ попечителю и министру и угрозы отставкой, не могъ добиться желаемой имъ ординатуры. Наступившій 1810 годъ былъ для него счастливѣе. Вмѣстѣ съ двумя другими адъюнктами, Эрихомъ и Запольскимъ, онъ былъ, по представленію попечителя, утвержденъ 16 января въ званіи экстраординарнаго профессора. Если ординатура

прельщала Вуттига своимъ содержаніемъ, то въ настоящемъ случаѣ онъ выигрывалъ немного: всего прибавлялось ему въ годъ, по тогдашнимъ штатамъ, 200 р изъ хозяйственной суммы. Попечителю очевидно не нравились настойчивыя требованія Вуттига о скорѣйшемъ производствѣ его въ ординарные профессоры. „О г. Вуттигѣ вы писали, что онъ идетъ своею дорогою, сообщаетъ онъ своему казанскому корреспонденту: я не знаю, кто ему мѣшаетъ продолжать оную. Мнѣ кажется, что *онъ не идти, а скакать хочетъ*, и въ томъ ему никто не мѣшаетъ“ (27 янв. 1810 г.). Вуттигъ конечно былъ недоволенъ, и рѣшилъ разстаться съ Казанью и со „вторымъ отечествомъ“ своимъ очень скоро. Въ февралѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія о производствѣ въ экстраординарные, онъ подаетъ прошеніе о полугодовомъ отпускѣ за границу, въ свой родной городъ, куда требуютъ его „нѣкоторыя обстоятельства касательно имѣнія“; отпуска онъ просилъ „съ тѣмъ условіемъ, что я лишаюсь полугоднаго моего жалованья“. Вслѣдъ за тѣмъ онъ проситъ совѣтъ университета купить всѣ его книги за 386 рублей. На отпускъ попечитель скоро согласился: что же касается до покупки книгъ, то онъ потребовалъ къ себѣ каталогъ, въ которомъ была бы обозначена цѣна каждой книги, но все же разрѣшилъ.

Нѣкоторую часть перваго полугодія 1810 года Вуттигъ еще читалъ свои лекціи въ Казани, или, какъ выражаются ежемѣсячные рапорты совѣта „занимался преподаваніемъ технологіи по собственной своей системѣ“, хотя за январь и февраль онъ не подавалъ „за болѣзнію“ рапортовъ о своихъ занятіяхъ, а съ 18 мая уже считался въ отпуску. Было у него 15—18 слушателей изъ всѣхъ 37 студентовъ этого полугодія. Какое содержаніе было его лекцій и какой смыслъ онѣ имѣли въ общей системѣ ученія—сказать затрудняемся. Полагаемъ, что и успѣхи были очень малые. Разсматривая списки слушателей Вуттига съ его отмѣтками: „хорошъ, внимателенъ, прилеженъ“ и пр. и зная болѣе или менѣе судьбу этихъ слушателей впослѣдствіи, мы можемъ остановиться на одномъ только Алексѣѣ Лобачевскомъ, сдѣлавшемся впослѣдствіи магистромъ химіи и технологіи (см. о немъ ч. 1, стр. 249—251), который самъ отказался отъ предлагаемаго ему чтенія „технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ“ по неимѣнію свѣдѣній въ этихъ наукахъ и по недостатку въ университетѣ пособій для такого преподаванія. Правда самъ Вуттигъ говоритъ въ своей статьѣ

„О дѣланіи кумачу": „Машины, орудія и утвари показываю я во время моихъ лекцій или на рисункахъ или на моделяхъ: большую часть фабричныхъ принадлежностей предоставляю я моимъ слушателямъ дѣлать самимъ въ маломъ видѣ: я же съ своей стороны *съ сими послѣдними хожу на фабрики*, находящіяся въ здѣшней губерніи". На сколько однако правды заключается въ этихъ словахъ—повѣрить мы не имѣемъ возможности: всякая память о Вуттигѣ исчезла въ технологическомъ кабинетѣ университета.

Только разъ въ протоколахъ совѣта встрѣчаемъ, что въ началѣ мая 1810 года „по лекціямъ своимъ" онъ ѣздилъ въ теченіе трехъ дней, въ сопровожденіи двухъ своихъ слушателей: упомянутаго нами А. Лобачевскаго и Эльпидифора Манассеина на какую-то кумачную татарскую фабрику, отстоящую отъ Казани въ 90 верстахъ. Имъ была выдана подорожная и деньги на путевыя издержки изъ суммъ химическаго класса. Эта поѣздка, послѣдняя, которую сдѣлалъ Вуттигъ въ предѣлахъ Казанской губерніи, имѣла связь съ спеціальнымъ изученіемъ имъ приготовленія кумача имѣвшаго большое распространеніе въ прежнее время въ здѣшней мѣстности. Теперь это производство, за успѣхами въ техникѣ приготовленія красокъ и вслѣдствіе введенія машинъ, почти уже не существуетъ у татаръ. Прежде много было такихъ фабрикъ въ Казанской губерніи и главные мастера на нихъ были бухарцы, а рабочіе татары. Любознательный Вуттигъ былъ хорошо знакомъ съ ними. „Я часто бывалъ на сихъ кумачныхъ фабрикахъ, говоритъ онъ, и при крашеніи занимался самъ главнѣйшею работою, поелику татары часто изустно, *и съ нѣкоторымъ при томъ удовольствіемъ*, разговаривали со мною о существенной пользѣ отъ ихъ работы получаемой, и *ничего отъ меня не утаивали*. По сему въ предлежащемъ моемъ сочиненіи (*) сообщаю я по большей

(*) Статья «О дѣланіи бухарскаго и персидскаго кумача» (перев. съ нѣм. П. Петрова) См *Технологическій журналъ*, издав. Имп. Академіею Наукъ, т. VIII, ч. I, стр. 3—70, Спб. 1811. Статью эту отдѣльною брошюрою Вуттигъ издалъ, по отъѣздѣ изъ Россіи въ Берлинѣ: Uber die Fabrikation des Burlats bei den Bucharen u Persen. Что Вуттигъ обращалъ вниманіе на разныя производства, которыя онъ могъ наблюдать во время своего кратковременнаго профессорства въ Казани, доказательствомъ можетъ служить также и другая статья его въ томъ же журналѣ: „Способъ наводить чернь на серебрѣ, употребительный въ Чебоксарахъ», т. XI, ч 4, (1812 г.), стр. 44—48. Способъ этотъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, давно не существуетъ въ Чебоксарахъ.

части такіе опыты, которые знающій сіе дѣло легко можетъ отличить отъ поверхностныхъ наблюденій путешественника. *Я жилъ наиболѣе въ татарскихъ деревняхъ* Уракбешакѣ и др., въ которыхъ находятся обширнѣйшія фабрики, выдѣлывающія ежегодно кумачу болѣе 50 тысячъ кусковъ. *А какъ на оныхъ фабрикахъ могъ я съ рабочими людьми разговаривать безъ переводчика*, то мнѣ было гораздо легче и основательнѣе приступить къ такому изслѣдованію" (стр 8—9). Описаніе производства кумача на казанскихъ фабрикахъ сдѣлано весьма обстоятельно Вуттигомъ.

Чтобы ѣхать въ дозволенный отпускъ. Вуттигъ въ началѣ іюня 1810 года сдалъ вещи и шнуровыя книги химическаго и технологическаго классовъ Запольскому и отправился въ Петербургъ За границу, какъ кажется, онъ не поѣхалъ. по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ на то положительныхъ указаній. но профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ онъ числился до начала 1812 года. Въ октябрѣ 1810 года онъ былъ произведенъ даже въ ординарные профессоры. Представляя Вуттига къ утвержденію въ этомъ званіи „по случаю приближающаго торжественнаго открытія" университета, о чемъ и самъ Вуттигъ лично просилъ министра, Румовскій писалъ, что онъ основываетъ свое ходатайство „на выгодныхъ отзывахъ въ иностранныхъ вѣдомостяхъ о сочиненіяхъ имъ изданныхъ", на его „раченіи въ преподаваніи публичныхъ лекцій" и на словахъ самого Вуттига, сказанныхъ имъ мѣсяцъ тому назадъ, что ему предложена каѳедра въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ (какъ кажется надежда получить каѳедру въ Германіи и была главною побудительною причиною, почему Вуттигъ желалъ оставить Казань). Ко всему сказанному Румовскій прибавлялъ въ своемъ представленіи. что „увольненіе его почитаетъ за сущую потерю для университета между прочимъ и потому, что онъ, живучи около четырехъ лѣтъ въ Россіи, пріобрѣлъ способность говорить по россійски", способность. какъ мы знаемъ, очень рѣдкую между тогдашними нѣмецкими профессорами. Въ концѣ того же 1810 года Вуттигъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и Академіею Наукъ удостоенъ званія члена-корреспондента.

Числясь на службѣ въ Казанскомъ университетѣ и получая жалованье ординарнаго профессора, Вуттигъ однако не возвращался къ мѣсту своего служенія, не смотря на то, что срокъ его отпуска истекъ, и жилъ въ Петербургѣ. Жилъ

онъ однако не безъ дѣла и во всякомъ случаѣ не безъ выгоды для себя, что было совершенно естественно въ то время, при недостаткѣ у насъ людей съ положительными свѣдѣніями въ практическихъ наукахъ. Но о содержаніи практическихъ занятій Вуттига у насъ нѣтъ однако точныхъ свѣдѣній Изъ предложенія попечителя совѣту (25 января 1811 года, № 9) мы видимъ, что министръ народнаго просвѣщенія, по сношенію съ министромъ финансовъ, дозволилъ Вуттигу остаться въ Петербургѣ при лабораторіи монетнаго двора „для раздѣленія золота и серебра и для занятія опытами извлеченія голубой краски". Въ началѣ марта того же года Вуттигъ обратился письменно къ попечителю съ просьбою о продленіи его пребыванія въ Петербургѣ. „Какъ ни сильно желаю я возможно скорѣе воротиться въ Казань, писалъ онъ, вижу однако, что мнѣ невозможно будетъ выѣхать ранѣе чѣмъ черезъ шесть недѣль, частію вслѣдствіе моихъ работъ въ крѣпости (т. е. на монетномъ дворѣ), которыя я необходимо долженъ кончить какъ для общаго блага, такъ и для моей чести, частію потому, что я долженъ ожидать здѣсь полученія писемъ изъ Тюрингена". Въ іюнѣ срокъ отпуска Вуттига былъ продолженъ попечителемъ еще на два мѣсяца, а въ началѣ октября онъ снова оставленъ въ Петербургѣ на нѣкоторое время по волѣ министра „до окончательнаго разсчета, дѣлаемаго казною съ симъ профессоромъ". Въ чемъ состоялъ этотъ разсчетъ и сколько получилъ денегъ Вуттигъ—намъ неизвѣстно.

Всѣ сношенія этого профессора съ Казанскимъ университетомъ во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ ограничились только однимъ предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ въ январѣ 1811 года, „о пользѣ имѣть университету ученаго коммиссіонера въ Лейпцигѣ". Въ проектѣ, представленномъ Вуттигомъ, указывается на то обстоятельство, что въ университетѣ „удовлетвореніе учебныхъ потребностей сопряжено съ чрезвычайно многими затрудненіями, отчего происходитъ непосредственно вредное вліяніе въ умственное усовершеніе ученыхъ". Онъ предлагаетъ учредить ученый коммиссаріатъ, полезный для каждаго факультета. Порученія, которыя возлагаются на коммиссіонера, двоякаго рода: 1) ученыя (напр. сообщеніе краткихъ извлеченій изъ журналовъ и другихъ сочиненій, коихъ университетъ не имѣетъ, или по причинѣ большихъ издержекъ получать не можетъ; сообщеніе извѣстій

о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ и пр.) и 2) *покупныя* (пріобрѣтеніе книгъ для университета и продажа университетскихъ изданій). Совѣтъ нашелъ, что заведеніе такого коммиссіонера въ настоящее время *не совершенно нужно*, что одинъ коммиссіонеръ не въ состояніи исполнить всѣхъ порученій, указываемыхъ Буттигомъ, да кромѣ того для такихъ дѣлъ каждый факультетъ по уставу (§§ 38—40) долженъ имѣть почетнаго члена. Проектъ Буттига не былъ принятъ ни совѣтомъ, ни попечителемъ.

Не смотря на то, что Буттигъ высказывалъ, какъ мы видѣли, въ письмѣ къ попечителю, по окончаніи работъ своихъ на монетномъ дворѣ, намѣреніе свое возвратиться въ Казань къ своей должности, какъ только разсчетъ казны съ нимъ будетъ конченъ, въ началѣ 1812 года онъ подалъ въ отставку и вскорѣ былъ уволенъ. Аттестатъ о службѣ былъ высланъ ему въ іюлѣ мѣсяцѣ. Какія теперь причины заставили Буттига, получившаго званіе ординарнаго профессора, котораго онъ сильно добивался, разстаться со своимъ „вторымъ отечествомъ", страною, гдѣ его спеціальность и находила и могла еще въ будущемъ найти такое широкое примѣненіе, гдѣ почти нетронутыя естественныя богатства представляли такъ много новаго для его наблюдательности, знаній и талантовъ, гдѣ на каждомъ шагу могли представляться ему значительныя матеріальныя выгоды,—мы не знаемъ. Онъ самъ очень хорошо понималъ важность и необходимость науки и знанія для русскихъ производствъ: „Главнѣйшее обстоятельство, препятствующее хорошему состоянію многихъ фабрикъ и мануфактуръ, состоитъ въ томъ, писалъ онъ, что фабриканты и художники во всей Россіи не имѣютъ основательныхъ химическихъ и менѣе того механическихъ свѣдѣній"... (*)

Оставался ли Буттигъ еще нѣсколько времени въ Россіи или уѣхалъ тотчасъ въ Германію—намъ также неизвѣстно, но кажется онъ уѣхалъ изъ Россіи въ пору: судьба нѣмецкихъ профессоровъ въ ней скоро, какъ мы увидимъ, сдѣлалась очень печальною. Буттигу впрочемъ не скоро удалось добиться на родинѣ продолженія своей академической карьеры, брошенной имъ въ Россіи. Онъ сталъ служить Пруссіи, государству, которое тогда справедливо клало въ основу своего будущаго

(*) *Технол. журн.* т VIII, ч. 1. стр 135.

могущества умъ, знанія, науку, вызывало ихъ государственными мѣрами и собирало въ Берлинѣ выдающихся ихъ представителей. Хотя съ 1812 года мы встрѣчаемъ уже сочиненія Буттига печатаемыми въ Германіи, но еще въ 1818 году онъ былъ только Kommissionsrath при прусскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вскорѣ однако онъ сдѣлался доцентомъ Берлинскаго университета. Умеръ Буттигъ 23 апрѣля, 1850 года

Каѳедру всемірной исторіи, статистики и географіи, вакантную со времени удаленія въ 1807 году профессора Цеплина, занялъ въ 1808 году, въ званіи однакожъ только адъюнкта, Иванъ *Миллеръ*. У насъ нѣтъ къ сожалѣнію никакихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ Не знаемъ ничего о происхожденіи его, о томъ, гдѣ онъ учился, въ чемъ состояло его приготовленіе къ занятію университетской каѳедры и права его на нее, равно также неизвѣстно и то, чѣмъ кромѣ чьей-то, по всей вѣроятности академической рекомендаціи о Миллерѣ, руководствовался Румовскій, представляя его на утвержденіе министру, какъ онъ дѣлалъ всегда. Что родился онъ не въ Россіи, видно изъ того, что подобно Буттигу онъ именуетъ ее своимъ „вторымъ отечествомъ". Въ половинѣ 1805 года Румовскій опредѣлилъ его учителемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ въ Астраханскую гимназію, но черезъ годъ съ небольшимъ Миллеръ уже пишетъ попечителю письмо, напоминая ему о данномъ обѣщаніи „открыть ему болѣе широкій кругъ дѣятельности" переводомъ на службу въ Казанскій университетъ. Едва ли однако Миллеръ имѣлъ точное и опредѣленное представленіе о „широкомъ кругѣ дѣятельности"; едва ли онъ сосредоточивался на какой либо спеціальности, но задумавъ переходъ въ университетъ, онъ все таки желалъ заинтересовать попечителя своими наклонностями къ наукѣ, чтобы сколько нибудь оправдать свое стремленіе къ университетской карьерѣ. „Съ нѣкотораго времени находится въ Астрахани искусный ботаникъ изъ Геттингена, Д-ръ Лондесъ, инспекторъ ботаническаго сада графа Разумовскаго въ Москвѣ— пишетъ по нѣмецки Миллеръ къ попечителю. Онъ ѣдетъ въ ботаническую экскурсію на Кавказъ. Я ботанизировалъ съ нимъ много разъ въ окрестностяхъ Астрахани и собралъ зна-

чительное количество интересныхъ растеній, изъ которыхъ составлю гербарій для гимназіи. Кромѣ того я написалъ небольшую статью, подъ заглавіемъ: „Sur la pierre fameuse de Beluges (Lapis husonis) (*), которую Лондесъ, по возвращеніи въ Москву, вмѣстѣ съ семью интересными экземплярами этого камня, представитъ обществу натуралистовъ". Мы нарочно дѣлаемъ эти выписки изъ письма Миллера, чтобы показать, какъ далеки были эти занятія его ботаникой и зоологіей рыбъ отъ тѣхъ предметовъ, читать которые онъ былъ опредѣленъ въ Казанскій университетъ. Также не близки были къ нимъ и его „Извѣстія о славныхъ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ". Статью эту, какъ доказательство съ его стороны „служить для распространенія историческихъ, географическихъ и статистическихъ свѣдѣній новаго мнѣ отечества—Россіи" (на этотъ разъ Миллеръ пишетъ по русски) онъ препроводилъ къ попечителю, прося его посредничества для помѣщенія ея въ какомъ либо изъ журналовъ, издаваемыхъ Академіею Наукъ. Статья однако напечатана не была. Къ такимъ же попыткамъ доказать свои стремленія къ наукѣ была и маленькая статья Миллера „Опытъ добыванія масла изъ подсолнечника (Hilianthus annus, Linn.)", которую онъ, со свидѣтельствами сосѣднихъ хозяевъ объ успѣхѣ сдѣланномъ имъ въ разведеніи растенія и въ добываніи масла, послалъ въ Вольное Экономическое Общество. За это получилъ дипломъ на званіе корреспондента (**). Такимъ образомъ къ ботаникѣ и зоологіи прибавилась еще и технологія. Мы не ошибемся поэтому, если за главную побудительную причину просьбы его къ попечителю вывести его въ болѣе широкій кругъ дѣятельности переводомъ на службу въ Казанскій университетъ, было то обстоятельство, какъ онъ сообщаетъ попечителю, что *„въ Астрахани очень мало представляется случаевъ пріобрѣсти что либо частными уроками.* Хотя здѣшніе іезуиты съ годъ уже какъ устроили здѣсь пансіонъ, но число воспитанниковъ въ немъ не превышаетъ трехъ" (***).

(*) Это такъ называемый *бѣлужій камень* (Bulegenstein, Hausenstein), известковаго образованія, встрѣчающійся въ мочевыхъ органахъ бѣлуги. Въ старину ему приписывали родовспомогательную силу и цѣнили очень дорого.

(**) Она напечатана въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» 1808 г. ч. IX, въ «Запискахъ дѣяній» его, стр. 36—41.

(***) Объ этомъ іезуитскомъ пансіонѣ въ Астрахани, получившемъ въ 1806 году утвержденіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія,

Въ январѣ 1808 года Миллеръ былъ утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта въ Казанскій университетъ, но выѣхать изъ Астрахани онъ скоро не могъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ писалъ еще попечителю, что по причинѣ господствовавшей тогда въ городѣ чумной заразы, всѣмъ отъѣзжающимъ изъ губерніи воспрещенъ выѣздъ, что по словамъ пріѣхавшаго въ Астрахань по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ медика Віена, разрѣшеніе на выѣздъ послѣдуетъ только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Свободное теперь время Миллеръ, по словамъ его, „употребляетъ значительно для усовершенствованія себя въ предметахъ моихъ, чтобы показать себя достойнымъ мѣсту, на которое в. п. меня назначить изволили". Занимается онъ также и русскимъ языкомъ и пишетъ на немъ къ попечителю: „Извините, в. п., что я осмѣливаюсь къ вамъ въ такомъ языкѣ писать, въ которомъ я только съ недавняго времени себѣ пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ, каковой языкъ я однакожъ надѣюсь себѣ скоро совершенно присвоить". Озабочиваясь однако условіями своей жизни въ Казани и узнавъ, что профессорамъ и адъюнктамъ еще не отпускаются квартирныя деньги, онъ проситъ, чтобъ ему выданы были по крайней мѣрѣ „прогоненныя" (sic) деньги. Это было разрѣшено.

Только 21 октября 1808 года Миллеръ явился въ первый разъ по пріѣздѣ въ совѣтъ. Путешествіе его изъ Астрахани было продолжительно вслѣдствіе тогдашнихъ мѣръ противъ заразы: въ Селянскомъ карантинѣ, находившемся близъ самаго города Астрахани, его продержали 12 дней, въ другомъ, на границѣ Астраханской и Саратовской губерній— 40 дней и выше города Саратова еще 12 дней. Вслѣдъ за прибытіемъ Миллера въ Казань, поступила въ совѣтъ

см. *Морошкина*, Іезуиты въ Россіи, ч 2, Спб, 1870, стр. 284—288 Въ нашемъ распоряженіи есть любопытное письмо одного изъ видныхъ представителей тогдашняго астраханскаго общества Андрея Лохтина, писанное въ 1808 году къ Румовскому. Цѣль его—защита пансіона отъ придирокъ директора астраханской гимназіи Храповицкаго и протопопа, префекта семинаріи. Письмо объясняетъ эти придирки соперничествомъ въ желаніи имѣть нахлѣбниковъ изъ богатыхъ семействъ. Между тѣмъ, пишетъ Лохтинъ, безъ этого пансіона, «какъ одного теперь въ Астрахани въ своемъ родѣ училища, дѣти наши останутся безъ ученія, что для родителей должно быть крайне прискорбно». И у Миллера жили дѣти генералъ-маіора Попова, перешедшіе къ іезуитамъ, но Миллеръ «по благоразумію не оказалъ никакого пристрастія».

жалоба на него изъ симбирской почтовой конторы, присланная въ казанскую полицію и началось дѣло „о причиненіи Миллеромъ смотрителю Шумовской почтовой станціи Алексѣеву и почтарю Ларіону Ѳедорову побойства и ругательствъ". Дѣло было заурядное въ то время ѣзды на почтовыхъ. Миллеръ ѣхалъ по казенной подорожной на три лошади, *съ будущими* при немъ; изъ будущихъ лишнею была пятилѣтняя дочь, а такъ какъ осенью по закону припрягаютъ лишнюю лошадь, то Миллеръ, соглашаясь платить за четыре (изъ Симбирска до Шумовки везли его на тройкѣ), счелъ придиркою со стороны смотрителя требованіе платы за шесть лошадей. Вышли споры, брань и даже драка, но смотритель, котораго по одеждѣ Миллеръ принялъ за ямщика, считался въ 14 классѣ и подалъ жалобу. Дѣло доходило до попечителя, но кончилось ничѣмъ.

Что преподавалъ адъюнктъ Миллеръ? Руководствами при преподаваніи онъ выбралъ: для исторіи—*Schlozer's.* Allgemeine Weltgeschichte im Auszuge, по ней читали и Яковкинъ и потомъ Кондыревъ, а для географіи—сочиненіе Пикертона. Читалъ онъ по два часа въ недѣлю. Прослѣдимъ изъ любопытства его чтенія въ первый семестръ 1809 года, такъ какъ въ концѣ 1808 года онъ ограничился лишь какимъ-то введеніемъ въ свои науки. Въ январѣ почему-то онъ излагалъ древнее состояніе Испаніи — изъ исторіи, а изъ географіи введеніе въ нее; въ февралѣ—продолжалъ исторію Испаніи, а изъ географіи—также объ Испаніи и прошелъ до Новой Кастиліи; въ мартѣ кончилъ исторію и географію Испаніи и началъ исторію и географію Португаліи; въ апрѣлѣ за болѣзнью рапорта не подалъ; въ маѣ занимался исторіею и географіею французской имперіи; въ іюнѣ продолжалъ тоже самое; въ іюлѣ опять за болѣзнью рапорта не подалъ. Слушателей у него было 14, изъ которыхъ 5 на лекціи не ходили. Миллеръ однако не ограничился одними своими, и весьма обширными, предметами. Желаніе получать такъ называемыя *добавочныя деньги*, желаніе такъ часто, къ сожалѣнію, встрѣчавшееся и потомъ, даже въ послѣдніе годы, побудило его хлопотать о нихъ. Но Миллеръ не готовился ни къ какой спеціальности; читать по другой какой либо каѳедрѣ онъ былъ не въ состояніи. „По силѣ устава Казанскаго университета, пишетъ онъ къ попечителю, должны быть при ономъ три лектора для преподаванія нѣмецкаго, фран-

цузскаго и татарскаго языковъ, изъ которыхъ *каждому положено по 600 р.* А какъ я желаю остальное праздное *мѣсто*, отъ *теперешней* должности, время, посвятить къ пользѣ университета, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. п. опредѣлить меня еще на должность лектора нѣмецкаго языка *съ означеніемъ упомянутаго жалованья.* и предписать о семъ куда слѣдуетъ". Попечитель разрѣшилъ согласно просьбѣ, но жалованье убавилъ, по закону, на половину, чѣмъ разумѣется Миллеръ остался недоволенъ. Онъ разсчитывалъ, что „сіе приращеніе жалованья" поправитъ его состояніе, разстроенное продолжительнымъ переѣздомъ изъ Астрахани, долговременнымъ задержаніемъ на карантинахъ и запрещеніемъ везти съ собою изъ Астрахани такіе необходимые предметы, какъ постели, шубы и теплыя платья. Подлинныя свидѣтельства отъ карантинныхъ начальниковъ онъ конечно представилъ.

Разсчеты на „болѣе широкій кругъ дѣятельности" въ Казани (въ чемъ онъ видѣлъ этотъ широкій кругъ достаточно можно видѣть изъ изложеннаго) повидимому не оправдались. Какъ только въ началѣ іюля кончились лекціи въ университетѣ, Миллеръ беретъ отпускъ и ѣдетъ въ Петербургъ—искать лучшаго. Когда срокъ этого отпуска истекъ, попечитель продлилъ его еще на 29 дней, „для окончанія дѣлъ", съ удержаніемъ однакоже жалованья. Но при возвращеніи Миллера въ Казань онъ далъ ему порученіе осмотрѣть по пути: Нижегородскую гимназію и состоящее при ней уѣздное училище, въ Макарьевѣ уѣздное училище и въ Чебоксарахъ и Козмодемьянскѣ два малыя училища. Для осмотра попечитель далъ ревизору подробную инструкцію, но, что было всего важнѣе для Миллера, онъ возвратилъ ему удержанное жалованье и снабдилъ его прогонными деньгами. Осмотръ Миллера имѣлъ вполнѣ поверхностный характеръ.

Поѣздка Миллера въ Петербургъ измѣнила судьбу его. Тамъ хлопоталъ онъ о лучшемъ мѣстѣ и по всей вѣроятности, при посредствѣ знакомыхъ ему нѣмецкихъ членовъ академіи наукъ, онъ заручился покровительствомъ сильнаго тогда въ администраціи лица—сибирскаго генералъ-губернатора И. Б. Пестеля. По его желанію Миллеръ, въ началѣ ноября 1809 года, былъ назначенъ директоромъ Иркутской гимназіи и простился навсегда съ Казанскимъ университетомъ, которому служилъ съ небольшимъ годъ. Очевидно на этотъ разъ выборъ Румовскаго былъ случаенъ и неудаченъ, въ чемъ онъ сознался

и самъ. Яковкинъ, какъ только было получено извѣстіе о назначеніи Миллера директоромъ, писалъ къ попечителю: „Г. Миллера жалѣть нѣтъ никакой причины: это человѣкъ безхарактерный, безъ довольнаго усердія къ службѣ и безъ достаточныхъ знаній. Лекціи его состояли въ письмѣ выбора изъ прежнихъ моихъ сочиненій. Студенты были имъ весьма недовольны, а самъ онъ, чувствуя свою слабость, не посмѣлъ дать и экзамена при послѣднихъ публичныхъ“ (7 дек. 1809 года). Съ этимъ заключеніемъ согласился вполнѣ и Румовскій. „О Миллерѣ и я не жалѣю, отвѣчалъ онъ Яковкину. Въ бытность его здѣсь (въ Петербургѣ) я узналъ его покороче, нежели при опредѣленіи въ учители, и онъ служитъ мнѣ наставленіемъ *сколь мало должно полагаться* на *одобренія постороннія*“.

Уѣзжая изъ Казани Миллеръ еще разъ обратился къ попечителю, который оставался его непосредственнымъ начальникомъ, такъ какъ Иркутская гимназія принадлежала къ Казанскому учебному округу, съ просьбою быть и въ будущемъ причисленнымъ къ Казанскому университету въ званіи корреспондента Онъ высказывалъ желаніе принести ему пользу сообщеніемъ въ изданія его своихъ сочиненій. Одно его нѣмецкое сочиненіе „Статистическія свѣдѣнія объ Астрахани“ было препровождено въ совѣтъ попечителемъ еще въ самомъ началѣ 1809 года для перевода и помѣщенія въ предполагаемыя изданія общества любителей словесности; другое „Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи“ было прислано для тѣхъ же изданій изъ Иркутска. Первая статья не была напечатана (*) Попечитель назначилъ его членомъ-корреспондентомъ, но безъ жалованья. Первая просьба Миллера изъ Иркутска, адресованная къ попечителю, была о награжденіи его чиномъ, что слѣдовало по закону для опредѣляющихся въ Иркутскую губернію (**). Въ званіи корреспондента университета Миллеръ все же, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока онъ оставался директоромъ Иркутской губерніи (до 1815 года), дѣлалъ разныя сообщенія, которыми впрочемъ пользовались

(*) Въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» (1816 г., № 52) напечатана небольшая статейка его «Мой путь изъ Иркутска въ Киренскъ въ 1814 году» — «Историческое обозрѣніе» напечат въ Період сочин. объ успѣхахъ народн. просвѣщ 1810 г № XXVII, ст. 416—428

(**) Приведемъ еще для характеристики Миллера, этого неудачнаго избранника Румовскаго, два отрывка о немъ изъ писемъ Яковкина къ попечителю:

мало. Онъ посылалъ для кабинетовъ университета нѣкоторые мѣстные предметы: сушеныя растенія иркутской флоры, китайскія книги, минералы, штуфы и пр. За посылки получалъ онъ денежныя награды.

Мы знаемъ, что попечитель Румовскій, какъ математикъ и астрономъ, обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы каѳедры математики въ Казанскомъ университетѣ были замѣщены достойнымъ образомъ. Въ этой области знанія онъ самъ былъ судьею и ему не было надобности въ чужихъ совѣтахъ и въ чужой рекомендаціи. Мы видѣли какъ онъ высоко цѣнилъ Бартельса, приглашеннаго имъ въ Казань на каѳедру чистой математики (ч. 1-я, стр. 226 сл.), какъ онъ радовался пріобрѣтенію этого достойнаго ученаго, родоначальника математическаго преподаванія въ Казани. Пригла-

---

«Г Миллеръ донынѣ еще въ Казани. Всѣ его поступки доказывали справедливость описанія его характера по письму, полученному мною подъ неизвѣстнымъ именемъ изъ Астрахани еще задолго до пріѣзда г Миллера и представленному отъ меня тогда же на благоусмотрѣніе в. п. Главнѣйшею причиною искательства его въ Иркутскѣ должности директора есть слѣдующій чинъ, обыкновенно даемый отправляемымъ въ Иркутскъ Честолюбіе неотмѣнно требовало пожертвовать спокойствіемъ, большимъ противъ нынѣшняго его жалованьемъ (только на 100 р.) и значительными путевыми издержками, за кои награда основана на таковыхъ же спекуляціяхъ, какъ онъ самъ говаривалъ на каковыхъ основанъ былъ и переѣздъ его изъ Астрахани въ Казань, то есть на привозѣ и распродалѣ разныхъ товаровъ, между прочимъ главнѣйше женскихъ шалей; а Иркутскъ къ спекуляціямъ представляетъ гораздо больше способовъ.—Но предварительно смѣю донести в. п, что поелику не только знакомые его, но даже и облагодѣтельствовавшіе его здѣсь, въ Казани, отзываются объ его качествахъ съ весьма непохвальной стороны; то онъ еще болѣе Протопопова (см. о немъ, ч. 1-я стр 566—579) нанесетъ безпокойствій и огорченій какъ в. п., такъ и впредь училищному комитету. Грѣшно какъ хвалить, такъ и хулить несправедливо, а правда, ежели не въ настоящемъ, то въ будущемъ времени всегда окажется» (10 янв. 1810 г) «Недавно узналъ я достовѣрно о новыхъ происках г. Миллера. Распрашивалъ онъ меня прежде много о Большой Бухаріи, и о Туркменіи и о бывшемъ въ старину теченіи рѣки Аму въ Каспійское море и получилъ отъ меня нѣкоторыя старинныя карты Каспійскаго моря, въ томъ числѣ сочиненную всего прибрежья онаго бывшимъ адмираломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ еще лейтенантомъ. Разговаривалъ онъ также со многими татарами, бывавшими или жившими долго въ Бухаріи Изъ всего того составился прожектъ, чтобы для торговли Россіи Аму провести опять въ Каспійское море, который препроводилъ онъ къ князю Григорію Семеновичу Волконскому и къ гг. министрамъ коммерціи и внутреннихъ дѣлъ, а едва ли къ г. министру просвѣщенія, надѣясь употребленъ быть въ числѣ отличныхъ чиновниковъ, въ званіи историографа, при посольствѣ предполагавшемся въ Бухарію. О дальнѣйшемъ успѣхѣ ничего не могу донести; но видно, что ему не удались сіи затѣи; а потому то уже и прибѣгнулъ онъ къ г Пестелю» (17 янв, 1810 г.)

шеніе Бартельса послѣдовало въ самый первый годъ существованія университета. Но когда очень скоро послѣ даннаго имъ Румовскому обѣщанія ѣхать въ Казань, Бартельсъ отказался отъ этого намѣренія, имѣя въ виду предстоящую ему научную дѣятельность на родинѣ, въ Брауншвейгѣ, Румовскій поручилъ ему пріискать для Казанскаго университета достойнаго математика. Еще въ 1806 году Бартельсъ указалъ Румовскому, какъ на достойнаго ученаго, получившаго солидное образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ и приватъ-доцента его (1802—1805) доктора философіи *Каспара Фридриха Реннера* (род. въ 1780 году) (*). Онъ уже напечаталъ одно сочиненіе по математикѣ (**) и изъявляя свое согласіе принять предлагаемую ему профессуру въ Казани, послалъ Румовскому еще небольшой, писанный по французски мемуаръ „Sur les caustiques par refraction“, относящійся къ трансцендентальной геометріи. Изъ него я заключилъ, писалъ попечитель въ своемъ представленіи къ министру, что г. Реннеръ достоинъ званія профессорскаго“. Однако онъ предложилъ Реннеру жалованья на 500 рублей меньше, чѣмъ Бартельсу, обѣщая увеличеніе „по открытіи университета“; также и на переѣздъ просилъ онъ у министра для Реннера нѣсколько меньше. Сообщая объ этомъ Бартельсу, Румовскій оговаривается однако: „Я полагаю, пишетъ онъ, что г Реннеръ не сочтетъ для себя обидою, что я не ставлю его на одну доску съ вами“. Вопросу, задаваемому имъ Бартельсу: знакомъ ли Реннеру языкъ латинскій—отвѣтомъ служилъ печатный трудъ Реннера по Тациту, чѣмъ былъ очень доволенъ Румовскій, самъ переводившій римскаго историка (***). Получивъ согласіе Реннера, Румовскій представилъ его къ утвержденію (іюнь, 1807 г.), съ тѣмъ, чтобъ выдача жалованья началась не ранѣе какъ какъ по явкѣ его въ Петербургъ. Деньги на проѣздъ онъ долженъ былъ получить тамъ же. Утвержденіе не замедлило послѣдовать.

(*) Это настоящее его имя. Въ нѣмецкихъ библіографическихъ каталогахъ и у Poggendorff'a, Biographisch-litterarisches Worterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften, 2-er B. Leipz 1863, онъ называется Христіаномъ Францомъ. Русскіе звали его—Каспаръ Ѳедоровичъ.

(**) Anfangsgrunde der Algebra, Münster. 1805 8° Другое сочиненіе Реннера напечатано было имъ во время службы въ Казани: Disquisitiones ad calculum integralem finitorum spectantes Mitau 1810. 4°.

(***) Lebensbeschreibung des Jul. Agricola, latein u deutsch, mit Anmerkk. von K. F. Renner u. J K. Finke. Gotting. 1808. 8.—Второе изданіе этой книжки сдѣлано было извѣстнымъ Августомъ Шлегелемъ въ 1818 году.

Между тѣмъ Реннеръ не скоро еще пріѣхалъ въ Россію. Изъ писемъ его видно, что денегъ у него на путешествіе не было, что надобно было высылать ихъ ему, что по полученіи этихъ денегъ въ ноябрѣ, онъ не рѣшается, какъ предполагалъ сначала, сдѣлать этотъ переѣздъ моремъ, опасаясь зимнихъ бурь. За тѣмъ почему-то поѣздка Реннера откладывается до весны слѣдующаго года. Въ Штетинѣ онъ заболѣлъ, пролежалъ нѣсколько недѣль и долженъ былъ снова дожидаться денегъ на переѣздъ, такъ что къ Румовскому въ Петербургъ онъ явился лишь 20 іюля 1808 года. Пробывъ недолго въ столицѣ, 12 сентября этого года, послѣ двухнедѣльнаго пути, онъ могъ уже писать попечителю изъ Казани: „Je me rejouis du bonheur de vivre dans une jolie ville où de la part de mes collègues j'ai trouvé l'accueil le plus agréable“. Бартельсъ, пріѣхавшій въ Казань семью мѣсяцами ранѣе, встрѣтилъ своего соотечественника и конечно не замедлилъ познакомить его съ новою средою. И помѣщенъ онъ былъ, по предписанію попечителя, въ отдѣленіи *новаго зданія*, на одной половинѣ съ Бартельсомъ.

Въ теченіе восьмилѣтняго служенія своего Казанскому университету, Реннеръ является передъ нами исключительно строгимъ ученымъ и профессоромъ, преданнымъ своему дѣлу. Какъ человѣкъ холостой, не имѣвшій семьи, съ самаго опредѣленія получившій званіе ординарнаго профессора, т. е. то высшее званіе, дальше котораго нейдетъ ученый, выбравшій университетскую службу, если его не соблазняютъ выгоды административной карьеры, Реннеръ ничего не искалъ, ничего не добивался лично для себя и не участвовалъ ни въ какихъ коалиціяхъ и партіяхъ. Это была натура спокойная и ровная, жившая постоянно въ умственныхъ интересахъ. Любимымъ занятіемъ его были языки и онъ зналъ почти всѣ европейскіе. По смерти его профессоръ Германъ искалъ испанскую грамматику, взятую у него Реннеромъ. Любимымъ классическимъ авторомъ этого математика, какъ и попечителя Румовскаго, былъ Тацитъ, котораго жизнь Агриколы онъ издалъ до переѣзда въ Россію. Можетъ быть, что между языкомъ этого классика и языкомъ интегральнаго счисленія существуетъ какое-то неуловимое сходство въ сжатости выраженія и въ глубинѣ содержанія. Въ Казани Реннеръ переводилъ на нѣмецкій языкъ „Лѣтописи“ Тацита и первая часть перевода была разсмотрѣна и одобрена цензурнымъ комитетомъ при уни-

верситетѣ (*). Умъ, точный и глубоко образованный, привычный къ строгой логикѣ математическихъ формулъ, полнота содержанія его лекцій, читанныхъ на изящномъ французскомъ языкѣ, все это осталось въ памяти его первыхъ слушателей, вспоминавшихъ о немъ съ уваженіемъ. Мы слышали эти отзывы отъ двухъ лучшихъ учениковъ его, которые сами сдѣлались потомъ выдающимися математиками и профессорами. Это были причины, почему, просматривая архивныя бумаги университета за все время службы Реннера, мы не могли найти ни одного случая, гдѣ бы имя его поминалось вмѣстѣ съ прочими въ какой либо университетской исторіи. Даже богатая мелкими подробностями переписка Яковкина съ попечителемъ Румовскимъ не доставила намъ ни одного упоминанія о Реннерѣ, кромѣ приведеннаго нами выше увѣдомленія о его пріѣздѣ въ Казань. Когда, послѣ неожиданной смерти Реннера, тогдашній ректоръ Браунъ послалъ по членамъ университетской корпораціи повѣстку съ вопросомъ о томъ: не долженъ ли покойный кому нибудь изъ нихъ или ему кто либо, Яковкинъ сдѣлалъ на ней слѣдующую надпись: „Съ покойнымъ профессоромъ Реннеромъ никогда не имѣлъ никакой связи, ни сношеній“. Только разъ онъ не выдержалъ, возмутившись, и безъ сомнѣнія сильно, безцеремоннымъ обращеніемъ съ книгами, къ какому онъ не привыкъ на своей нѣмецкой родинѣ. „Посѣтивъ вчера 29 іюля (1813 г.) здѣшнюю университетскую библіотеку, пишетъ онъ въ своей нѣмецкой бумагѣ, поданной имъ въ совѣтъ, къ моему величайшему удивленію, я нашелъ въ одномъ изъ ея отдѣленій нѣсколько кадокъ, наполненныхъ мукою, сохраняемыхъ тамъ г адъюнктомъ Кондыревымъ (исправлявшимъ тогда должность библіотекаря по смерти профессора Сторля). Такъ какъ это обстоятельство необходимо должно способствовать еще большему разведенію мышей и крысъ, отчего грозитъ опасность книгамъ Императорской библіотеки, то я покорнѣйше прошу

(*) Это одобреніе къ печати послѣдовало незадолго до смерти Реннера. Любопытенъ латинскій рапортъ Френа въ этотъ комитетъ (collegium arbitrorum librorum vulgandorum), на которомъ основывалось одобреніе. «Praelecto libro mspto cel. professoris Renner: «C Corn Tacitus Jahrbücher romischer Geschichte, teutsch herausgegeben», testor me in eo non invenisse, ex quo vel religio vel respublica vel mores boni vel alicujus fama detrimenti quid capiant» Судьба этого перевода намъ неизвѣстна: напечатанъ онъ не былъ

совѣтъ принять мѣры къ удаленію изъ нея кадокъ съ мукою". Бумага была подана въ вакаціонное время: Кондыревъ былъ въ отпуску, но когда этотъ хозяйственно-запасливый библіотекарь воротился и узналъ, что ключи отъ библіотеки „съ вѣдома начальства" (т. е. попечителя Салтыкова). были переданы Реннеру и что кадки „были вынесены въ корридоръ, не весьма удобный для храненія муки", какъ онъ пишетъ въ своей оправдательной бумагѣ, поданной имъ въ совѣтъ, онъ жестоко обидѣлся, что „все сдѣлано письменно и внесено въ протоколъ для его обвиненія". Старается онъ доказать, что кадки съ мукою находились „въ деревянномъ ящикѣ, крѣпкомъ и почти закупоренномъ такъ, что едва могла пройти туда и муха", а слѣдовательно и мыши. Изъ этого объясненія Кондырева мы узнаемъ, что онъ даже жилъ нѣкоторое время въ библіотекѣ послѣ какого-то пожара. Впрочемъ эпизодъ этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Реннеръ сталъ читать прикладную математику немедленно по пріѣздѣ, съ октября 1808 года. Началъ онъ однако съ коническихъ сѣченій, за тѣмъ перешелъ къ объясненію кривыхъ линій и къ началамъ механики Объяснялъ онъ, руководствуясь способомъ Монжа (Traité de statique, 1788), съ нѣкоторыми своими прибавленіями. Въ слѣдующіе за тѣмъ немногіе годы своего преподаванія, Реннеръ читалъ. *высшую механику* по Карстену и *начала оптики* по сокращенію того же автора: иногда Карстена замѣнялъ Эйлеръ (Theoria motus corporum solidorum и Dioptrica). Шмидтъ. Боссю (Traité de mécanique, 1792). Съ желающими онъ занимался *практическою геометріею* „по руководству славнаго Майера" (*Mayer*, Iohann Tobias, проф. физики въ Геттингенскомъ университетѣ, 1752—1830). Читалъ Реннеръ иногда 4 часа, но чаще 6 часовъ въ недѣлю и всегда очень рано, съ 8 часовъ утра. Слушателей у него сначала было 5 человѣкъ, а потомъ осталось только трое, уже извѣстные намъ братья Лобачевскіе и Симоновъ. Кромѣ чтенія лекцій, Реннеръ, въ послѣдніе два года своей жизни, въ 1814 и 1815 году, былъ по выбору совѣта членомъ училищнаго комитета и въ 1815 году, въ званіи визитатора, въ сопровожденіи адъюнкта Ренарда, дѣлалъ осмотръ училищъ Пензенской и Тамбовской губерній, заслужившій полное одобреніе университетскаго совѣта.

Не считаемъ нужнымъ входить въ подробности этого осмотра пензенскихъ и тамбовскихъ училищъ, такъ какъ въ

немъ не выступаетъ личность Реннера. Визитація эта имѣла тотъ же общій характеръ. какъ и прежнія, о которыхъ мы разсказывали въ первой части книги: Яковкина (стр. 559—565) и Запольскаго и Кондырева (565—587); порядокъ осмотра былъ почти тотъ же. Только у Реннера и Ренарда была очень подробная. тщательно выработанная училищнымъ комитетомъ университета инструкція, слѣдуя которой визитаторы могли составить себѣ совершенно опредѣленное представленіе объ обозрѣваемыхъ ими училищахъ. Обширные протоколы осмотра, прекрасно переписанные. представляютъ любопытный современный матеріалъ для историка нашего просвѣщенія. Реннеръ конечно плохо зналъ русскій языкъ; его латинскія обращенія къ представителямъ провинціальнаго общества, собравшимся на публичные экзамены, къ корпусу учителей гимназіи или главнаго народнаго училища, были безъ сомнѣнія гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но спутникъ его, адъюнктъ скотоврачебной науки, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, владѣлъ вполнѣ русскимъ языкомъ. Бесѣды съ каждымъ учителемъ отдѣльно о предметѣ имъ преподаваемомъ, объ учебникахъ. о недостаткахъ училищъ въ томъ или другомъ отношеніи, письменныя заявленія отъ каждаго учителя, потребованныя визитаторами и разсмотрѣнныя въ общихъ засѣданіяхъ, а число послѣднихъ приходилось по 12 на Пензу и Тамбовъ, все это дѣйствительно должно было имѣть значеніе для успѣховъ нашего молодаго народнаго просвѣщенія. Въ училищный комитетъ университета визитаторы представили 25 статей, т. е. 25 мѣръ улучшеній или измѣненій къ лучшему въ тѣхъ училищахъ, которыя были осмотрѣны ими. Визитаторы вникали въ малѣйшія подробности и разбирали разные случаи, представившіеся имъ при обозрѣніи. Такъ въ Тамбовѣ они отстранили отъ преподаванія первоначальному чтенію и письму и изученія часослова и псалтыря мѣщанина Малина (такіе частные учителя вносили тогда въ казну 5% съ каждаго рубля получаемой ими съ учениковъ годовой платы) на томъ основаніи, что Малинъ принадлежитъ къ молоканской сектѣ и „исполняя оную секту во всей полнотѣ, какъ рапортуетъ директоръ тамбовскихъ училищъ (20 янв. 1816 г. № 17), не содержитъ принятыхъ православною церковью священныхъ обрядовъ и не признаетъ единосущнаго Бога въ Троицѣ“. Напрасно Малинъ, не отвергая того, что онъ „исповѣданія древнія религіи христіанской, подъ названіемъ моло-

кановъ", два раза обращался въ совѣтъ университета съ просьбою снять съ него запрещеніе, доказывая, что онъ не склоняетъ учениковъ въ секту, что учитъ онъ по книгамъ, существующимъ „въ общую пользу": напрасно родители учениковъ Малина, тамбовскіе жители, мѣщане, купцы разныхъ гильдій и частію мелкіе чиновники (было до пятидесяти подписей) заступались за учителя, свидѣтельствовали, что Малину 50 лѣтъ, что дѣти ихъ у него очень скоро выучиваются „чтенію и письму по россійски", что онъ „тѣлеснаго наказанія никому не чинитъ, а каждаго поощряетъ ласкою и благонравнымъ наставленіемъ", что онъ не преподаетъ и не толкуетъ закона Божія,—его лишили права учить. Въ Пензѣ визитаторы явились примирителями. Взаимныя неудовольствія директора и учителя нѣмецкаго языка Цитреуса прекращены были въ присутствіи ихъ миромъ. Составленъ былъ за общимъ подписомъ „актъ миролюбія". Въ Краснослободскѣ визитаторы также къ общему удовольствію покончили дѣло, тянувшееся года два и возникшее вслѣдствіе оффиціальной жалобы городничаго на смотрителя училища іерея Любимова, часто прибѣгавшаго къ мѣрамъ жестокаго наказанія учениковъ розгами.

Если вѣрить словамъ оффиціальной переписки, а въ данномъ случаѣ мы не можемъ въ томъ сомнѣваться, то визитаторы, по словамъ письма правившаго тогда должность тамбовскаго губернатора къ попечителю Казанскаго учебнаго округа, „въ полной мѣрѣ оправдали довѣренность университета на нихъ возложенную, для блага нашихъ еще въ юношествѣ находящихся училищъ". Съ своей стороны и визитаторы просили совѣтъ университета изъявить благодарность за покровительство и вниманіе къ наукѣ разнымъ лицамъ: тамбовскому преосвященному Іонѣ, губернатору Безобразову, вице-губернатору Шредеру, полицмейстеру Похвисневу, пензенскому губернскому предводителю дворянства Колокольцеву, Козловскому уѣздному предводителю, Моршанскому городскому головѣ, даже капитану пензенской внутренней стражи Григорьеву за помѣщеніе визитаторовъ въ своемъ домѣ (купецъ Алферовъ, въ домѣ котораго назначена была полиціей квартира визитаторамъ, не пустилъ ихъ и полиція ничего не могла подѣлать) и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Въ то время просвѣщеніе еще цѣнилось и уважалось въ провинціи; признаки начинающейся и скоро наступившей реакціи, съ ея

враждою къ образованію, были едва замѣтны и мы совершенно увѣрены, что перечисленныя лица съ большимъ удовольствіемъ читали выраженную имъ благодарность университетскаго совѣта за сочувствіе къ дѣлу народнаго просвѣщенія, тогда еще не заподозрѣнному.

Весною 1816 года Реннеръ, не смотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, обѣщавшее, при его умѣренной и дѣятельной жизни, по выраженію современника, „глубокую и покойную старость“, захворалъ корью, усложнившеюся горячкою (вѣроятно тифомъ) и умеръ 4 іюня 1816 года. Некрологъ его, составленный по всей вѣроятности кѣмъ либо изъ его молодыхъ слушателей и напечатанный въ мѣстномъ изданіи (*), не смотря на свою краткость, завнсѣвшую отъ тогдашнихъ условій писательства, проникнутъ однако большимъ сочувствіемъ къ покойнику. „Знанія въ наукахъ, говорится въ немъ, присоединили его имя къ членамъ физикальнаго Гёттингенскаго общества, а душевныя качества ввели его въ небольшой кружокъ друзей, сѣтующихъ о своей потерѣ“ (**).

Не такъ удачно было опредѣленіе въ Казанскій университетъ другаго Реннера, родственника математика—на каѳедру скотолѣченія. Проѣздомъ въ Казань, Бартельсъ познакомился съ нимъ въ Москвѣ и писалъ Румовскому, что этотъ двоюродный братъ математика—*Теобальдъ Реннеръ* (род. 4 іюня 1779 года въ Бременѣ), служившій тогда ветеринаромъ при

(*) Казанскія Извѣстія, 1816 г № 48.

(**) По смерти Реннера оказались нѣкоторые неуплаченные имъ долги по текущимъ счетамъ въ Казани, не было денегъ на похороны, да отъ синдика Геттингенскаго университета поступилъ реестръ долговъ на 412 рейхсталеровъ По уставу 1804 года правленіе распорядилось продажею съ публичнаго торга имущества покойнаго, которое состояло въ коекакой мебели, посудѣ, носильномъ платьѣ, бѣльѣ, книгахъ и наконецъ арфѣ (по описи значутся и рукописи перевода Тацита и нѣкоторыя математическія, которыя взяты были вѣроятно кѣмъ либо изъ сослуживцевъ) Сумма, вырученная отъ продажи была такъ незначительна, что правленіе университета удовлетворило кредиторовъ 34 коп. за рубль Любопытно, что болѣе чѣмъ чрезъ тридцать лѣтъ по смерти Реннера, въ 1847 году, покойнаго вспомнили почему-то на его родинѣ: ганноверскій генеральный консулъ просилъ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ доставить ему свѣдѣнія о томъ, не оставилъ ли Реннеръ послѣ себя наслѣдниковъ въ Россіи и не осталось ли послѣ него какого имущества

московской полиціи, какъ передавали ему нѣмецкіе профессора въ Москвѣ, пользуется тамъ большою извѣстностью по своимъ познаніямъ. Бартельсъ сообщалъ, что Реннеръ скоро получитъ ученую степень и намѣренъ обратиться къ Румовскому съ просьбою о каѳедрѣ.

Въ своемъ письмѣ къ попечителю, Реннеръ передаетъ, что онъ учился въ „медико-хирургической коллегіи и славной берлинской ветеринарной школѣ", что пріѣхалъ онъ въ Россію въ 1802 году, что не смотря на свое служебное положеніе въ качествѣ практическаго ветеринарнаго врача, онъ „посвящалъ все отъ должности свободнымъ остающееся время упражненію въ медицинскихъ и физическихъ наукахъ", что въ этомъ отношеніи онъ весьма много обязанъ Московскому университету, гдѣ въ качествѣ члена-основателя, онъ состоитъ при Императорскомъ обществѣ испытателей природы. Упоминаетъ Реннеръ и о „нѣкоторомъ знаніи россійскаго языка", а потому, заключаетъ онъ, „въ семъ званіи (профессора скотолѣченія въ Казанскомъ университетѣ), ласкаюсь надеждою принести отечеству гораздо болѣе пользы, нежели всякій другой нововыписанный изъ чужихъ краевъ профессоръ въ состояніи будетъ то сдѣлать за незнаніемъ русскаго языка, ибо скотолѣчебная практика требуетъ многихъ и весьма частыхъ сношеній съ простымъ народомъ и крестьянами". Читать лекціи онъ намѣренъ или по латыни или по французски,—какъ угодно будетъ попечителю. Больше всего настаиваетъ онъ на своихъ научныхъ занятіяхъ. „Полученіемъ профессуры скотолѣченія въ Казани, пишетъ онъ, приведенъ я буду въ состояніе заняться свободнѣе обработываніемъ тѣхъ частей скотолѣченія, которыя по пріобрѣтенному мною въ путешествіяхъ моихъ по разнымъ русскимъ губерніямъ (до полиціи Реннеръ служилъ ветеринаромъ при конномъ заводѣ графа Ѳ. В. Ростопчина), довольно достаточному познанію внутренняго состоянія государства, почитаю особенно нужными для Россіи, и въ коихъ занятіяхъ теперь я часто бываю прерываемъ разными по должности дѣлами". При этомъ письмѣ, переведенномъ и писанномъ кѣмъ либо въ Москвѣ, Реннеръ приложилъ „маленькій опытъ трудовъ" своихъ (*).

(*) Это была небольшая статья, помѣщенная въ «Mémoires de la societé des sciences naturelles de Moscou» 1806 года: «Les observations sur l'épizootie de l'année 1805»

Чтобы поскорѣе „рѣшить участь человѣка, ревнующаго посвятить всѣ силы свои служенію и пользѣ первой въ свѣтѣ монархіи", президентъ общества испытателей природы профессоръ Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, рекомендовалъ Реннера весьма лестнымъ образомъ Румовскому чрезъ посредство вліятельнаго члена Академіи Наукъ, непремѣннаго секретаря ея Н. Фусса и сверхъ того писалъ о немъ въ Казань къ Фуксу. Не основываясь однако на чужихъ рекомендаціяхъ и не считая себя достаточнымъ судьей въ ветеринарной наукѣ, попечитель не представилъ Реннера прямо отъ себя министру на утвержденіе, но въ первый разъ при назначеніи въ Казань профессора, препровождая въ совѣтъ сочиненіе Реннера, попросилъ резолюціи членовъ по части отдѣленія врачебныхъ наукъ, а оно, какъ и университетъ, было еще не открыто. Подходящихъ для сужденія членовъ, какъ мы знаемъ, было тогда въ Казани только двое: медикъ, но профессоръ естественной исторіи и ботаники Фуксъ и профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки—Браунъ. Оба они очень скоро, въ апрѣлѣ того же года, дали свои заключенія. Очевидно однако, что и они не были настоящими судьями по наукѣ Реннера; самъ Фишеръ хвалилъ его только за помощь, оказываемую имъ при анатомическихъ изслѣдованіяхъ труповъ животныхъ. Фуксъ, въ своемъ очень краткомъ мнѣніи, восторгался красотою французскаго языка Реннера (persensi magna cum animi voluptate stilum in lingua gallica peroptime perfectum) и простотою употребленныхъ имъ средствъ (via medendi auctoris nostri cernatur in simplicitate quadam ingenua et popularitate artis). За тѣмъ онъ въ нѣсколькихъ только словахъ излагаетъ содержаніе статьи Реннера, высказывая свое удовольствіе, что Реннеръ обратилъ вниманіе на вліяніе погоды на эпизоотію (лошадиную) и сообщилъ нѣсколько исторій болѣзней. Исполняя просьбу Фишера, Фуксъ ограничился общими похвалами. Добросовѣстный же Браунъ, съ своей стороны, прямо заявилъ совѣту, что его свѣдѣнія въ ветеринарной части такъ незначительны, что онъ не въ состояніи дать своего заключенія ни о сочиненіи Реннера, ни о томъ, какого онъ званія въ университетѣ достоинъ: адъюнктскаго или профессорскаго. „Одно только я могу утвердительно сказать, заключаетъ Браунъ, что отъ представителя ветеринарной науки, если мы желаемъ получить отъ нея пользу, мы должны требовать весьма многихъ и разнообразныхъ познаній и ме-

дицинскихъ и естественно-научныхъ. но владѣетъ ли ими г. Реннеръ—я не знаю".

Не смотря на неопредѣленность отзывовъ. попечитель предложилъ Реннеру каѳедру скотолѣченія съ званіемъ экстраординарнаго профессора: Реннеръ старался „обезпечить себя въ разсужденіи дровъ и квартиры" и выговорилъ прибавку къ жалованью въ 300 рублей и на путевыя издержки отъ Москвы—200 рублей. Онъ былъ утвержденъ министромъ 1 августа 1808 года и попечитель. отправляя деньги на переѣздъ къ Реннеру, просилъ его поспѣшить отправиться въ Казань и увѣдомить его о днѣ выѣзда.

Но Реннеръ однако въ Казань не пріѣхалъ. Тотчасъ послѣ назначенія своего. въ августѣ 1808 года. онъ писалъ Румовскому, что еще находится на казенной должности. что удерживаетъ его начальство. такъ какъ въ Москвѣ свирѣпствуетъ эпидемическая и заразительная болѣзнь въ коровахъ. Въ октябрѣ онъ писалъ. что зараза еще продолжается. что ему совѣстно оставить въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ свои служебныя обязанности, что скоро явится его преемникъ и что тогда онъ не замедлитъ отъѣздомъ своимъ въ Казань. Но этого преемника Реннеру не увольняли, за неимѣніемъ другаго. изъ придворнаго конюшеннаго вѣдомства. гдѣ онъ служилъ. и Реннеръ не ѣхалъ. Прошло восемь мѣсяцевъ и Румовскій категорически спрашиваетъ его въ іюлѣ 1809 года—не перемѣнилъ ли Реннеръ своего намѣренія. Только въ письмѣ, писанномъ въ ноябрѣ 1809года, Реннеръ старается объяснить попечителю причины, почему ему уже болѣе не представляется возможности ѣхать въ Казань, но объясненія его очень темны. По словамъ его, онъ совсѣмъ уже былъ готовъ ѣхать въ Казань, въ маѣ того же года, но внезапное страданіе груди заставило его для излѣченія провести нѣсколько времени въ деревнѣ. Тамъ, живя у родственниковъ, онъ познакомился съ особою, которая открыла ему возможность карьеры счастливой и блестящей въ томъ однако только случаѣ, если онъ останется въ Москвѣ, и конечно Реннеръ долженъ былъ воспользоваться этимъ. Правда онъ увѣряетъ попечителя, что получивъ его послѣднее письмо, онъ долго убѣждалъ особу, „отъ которой зависитъ его счастіе, дозволить ему выполнить обязательства, данныя имъ Казанскому университету и слѣдовать за нимъ туда", но получилъ полный отказъ. Тогда только онъ рѣшился увѣдомить Румовскаго, что онъ не по-

ѣдетъ. Въ декабрѣ попечитель представилъ министру объ увольненіи Реннера (*).

Тою же осенью 1808 года, въ самомъ началѣ академическаго года, когда одинъ за другимъ являлись въ Казань упомянутые нами нѣмецкіе профессора: Вуттигъ, Миллеръ и Реннеръ, прибылъ наконецъ и *нѣмецкій философъ*, котораго давно ждали. Послѣ смерти перваго адъюнкта этой науки наукъ—Левицкаго († 1807), которому его „тучное тѣлосложеніе", по характерному выраженію Яковкина, „воспрещало заниматься умозрительностью", занять эту каѳедру очень желали, какъ мы знаемъ, и Городчаниновъ, не имѣя на то никакихъ основаній (ч I, стр. 144) и Запольской, преподававшій логику и психологію въ гимназіи, говорившій въ ходатайствахъ своихъ о каѳедрѣ о „своей преимущественной склонности къ философіи" (*тамъ же*, стр 434). Въ январѣ 1808 года Румовскій сообщалъ въ Казань Яковкину. „Чтобы не затруднить г. Запольскаго, я такого мнѣнія, чтобы классы г. Городчанинова (по философіи) никѣмъ заняты не были, потому что въ непродолжительномъ времени отправится въ Казань профессоръ философіи Фойгтъ, бывшій прежде сего профессоромъ въ Дерптѣ, но удалившійся отъ онаго по причинѣ распрей между бывшими кураторами и внутреннихъ несогласій. Сіе обстоятельство рѣшитъ содержаніе письма поданнаго вамъ отъ Запольскаго" (въ немъ послѣдній хлопоталъ о переходѣ на каѳедру философіи).

Кто такой былъ этотъ нѣмецкій философъ, представителемъ какой философской системы является онъ въ Казани? Начало вѣка, какъ всѣмъ извѣстно, было полно въ Германіи такимъ напряженнымъ развитіемъ философской мысли, что ея вліянія не могла избѣжать ни одна наука. Въ нѣмец-

---

(*) Изъ біографіи Теобальда Реннера напечатанной въ «Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», ч 2, стр 348—349, въ которой впрочемъ ничего не говорится объ отношеніяхъ его къ Румовскому и Казани, видно что въ Москвѣ онъ получилъ въ 1810 году степень доктора медицины и въ томъ же году сдѣлался тамъ э. о проф. скотолѣченія, но служилъ не долго, до 1812 года. Въ 1816 году онъ уѣхалъ въ Германію и умеръ въ 1850 году профессоромъ сравнительной анатоміи и директоромъ ветеринарнаго института, учрежденнаго при Іенскомъ университетѣ

кихъ университетахъ господствовали совершенно сложившіяся, съ опредѣленнымъ содержаніемъ системы: необходимо стало для всякаго образованнаго человѣка, для всякаго университетскаго слушателя въ то время принадлежать къ той или другой системѣ, jurare in verba того или другаго великаго учителя Система субъективнаго идеализма Фихте была уже вполнѣ закончена и имѣла много послѣдователей. До времени появленія Фойгта въ Казань развилась окончательно и Шеллингова система объективнаго идеализма, сложилась вся натуръфилософія его многочисленныхъ послѣдователей: всѣ главнѣйшія сочиненія Шеллинга, по которымъ исключительно занимаетъ онъ многія страницы въ исторіи науки, были написаны до 1807 года. Правда, войны съ французами и владычество Наполеона тяготѣли надъ этою могучею философскою мыслью, но намъ кажется, что эти внѣшнія обстоятельства, въ силу народнаго характера, придавали ей еще больше силы и интензивности. Въ тотъ годъ, когда Фойгтъ собирался въ Казань, Фихте читалъ въ Берлинѣ свои знаменитыя „Reden an die deutsche Nation“, которыя дѣйствительно создали *націю*; незадолго до того вышла изъ печати „Феноменологія духа“ Гегеля, предисловіе къ которой авторъ дописывалъ подъ громъ іенскихъ пушекъ, долетавшій въ его уединенный кабинетъ. Казалось столь естественнымъ, и мы такъ долго думали это, до болѣе подробнаго знакомства съ архивными документами, что Фойгтъ, слушавшій лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, профессоръ *умозрительной и практической философіи*, какъ называлась каѳедра въ уставѣ 1804 года, никакъ не могъ избѣжать вліянія того сильнаго развитія философской мысли, которое господствовало въ современной Германіи, и необходимо долженъ былъ принести съ собою на каѳедру въ Казани, если не яркую окраску той или другой системы, то по крайней мѣрѣ слѣды ихъ вліяній. Таковъ былъ, хотя и нѣсколько позднѣе, харьковскій профессоръ Романъ Шадъ (*). Въ то время, когда Фойгтъ былъ уже назначенъ въ Казань, къ попечителю обратился письмомъ, съ просьбою о каѳедрѣ, довольно извѣстный въ послѣднихъ годахъ прошлаго и въ первыхъ настоящаго вѣка составитель

(*) См. Christ. von Rommel—«Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit» въ сборникѣ *Фридриха Бюлау*: Geheime Geschichten und räthselhaften Menschen, 5-er Band, Leipz 1853, S. 528 flg.

множества популярныхъ учебниковъ по разнымъ наукамъ, но преимущественно по исторіи, бывшій тогда профессоромъ философіи въ Виттенбергскомъ университетѣ, Пёлицъ. Не будь дѣло объ опредѣленіи Фойгта уже рѣшено въ то время, очень можетъ быть, что вмѣсто него попалъ бы на каѳедру философіи этотъ нѣмецкій полигисторъ. Пёлицъ, какъ видно изъ письма его, читалъ университетскія лекціи въ продолженіе 14 лѣтъ, и по разнымъ наукамъ, которыя онъ и перечисляетъ. Кромѣ философскихъ наукъ, онъ читалъ и готовъ былъ читать: и права, и финансы, и богословіе, и всеобщую грамматику, и всеобщую исторію, и географію, и статистику. Мотивы, выставляемые имъ для переселенія въ Россію, заключались въ недостаточности получаемаго имъ содержанія и въ дороговизнѣ всего, наступившей въ Виттенбергѣ вслѣдъ за войною 1806 года и побѣдами французовъ. Румовскій все же предложилъ Пёлицу профессуру въ Казани (съ точностью не знаемъ какую), но Пёлицъ, въ февралѣ 1809 года, увѣдомилъ попечителя, что обстоятельства его измѣнились, и, что не смотря на свое желаніе, онъ принужденъ отказаться. „Совершенно неожиданно, писалъ онъ, вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лѣстницы въ своей библіотекѣ, университетъ лишился нашего знаменитаго профессора Шрекка. Послѣ его смерти здѣшняя профессура исторіи сдѣлалась вакантною и его величество (король саксонскій) передалъ ее недавно мнѣ. Въ то же время, вслѣдствіе смерти Шрекка, перешли ко мнѣ и здѣшняя семинарія и редакція Виттенбергскаго еженедѣльнаго листка. Съ моей стороны было бы большою неблагодарностью, еслибъ я, послѣ такихъ милостей, оставилъ это государство“. Пёлицу впрочемъ Казань была обязана такимъ замѣчательнымъ медикомъ и ученымъ, какимъ былъ рекомендованный имъ Румовскому Іоганнъ Фр. Эрдманъ. Кто же былъ этотъ первый профессоръ философіи въ Казани, гдѣ эта наука наукъ преподавалась до него исключительно по жалкимъ семинарскимъ учебникамъ, была почти неизвѣстна?

Карлъ Теофилъ, или Готтлибъ по нѣмецки, Фойгтъ (по русски звали его Карлъ Амвросіевичъ) (*) былъ уже чело-

(*) Въ небольшой автобіографіи сына его, бывшаго профессора Казанскаго университета, а въ послѣдствіи попечителя Харьковскаго учебнаго округа и предсѣдателя ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, нашего уважаемаго наставника (1808—1873), Карла Карловича Фойгта (она составляетъ приложеніе ко 2 части «Исторической

вѣкъ не молодой, когда былъ назначенъ въ Казань. Родился онъ, судя на формуляру, въ 1759 или 1760 году, въ городѣ Луковѣ (Luckau) въ Нижнихъ Лужицахъ (Nieder-Lausitz), принадлежавшихъ тогда Саксоніи, гдѣ отецъ его служилъ акцизнымъ сборщикомъ (*). Первоначальное школьное образованіе получилъ онъ въ училищахъ или лицеяхъ сильно понѣмеченныхъ городковъ: Лукова, Лубина (Lubben) и Хосебуза (Kotbus) этой славянской землицы, утонувшей въ нѣмецкомъ морѣ. Нѣсколько лѣтъ слушалъ онъ лекціи, преимущественно юридическія, въ Лейпцигскомъ университетѣ и въ немъ 28 мая 1788 года публично защищалъ, для полученія званія юрисконсульта, theses philosophico-juridicae (числомъ 6). Тезисамъ предшествовала программа исторіи гражданскаго римскаго права, написанная на шести страницахъ и не бывшая въ печати. Любопытно, что потомъ, ища получить какую либо каѳедру въ Казани, Фойгтъ прибавилъ въ своей программѣ послѣдній параграфъ, „ut jus romanum non solum in Polonia, Suetia, in quibusdam provinciis russicis, e. g. in Livonia, Curonia, in usu fuerit et sit, sed *ut etiam quaedam constitutiones et leges Russiae cum eo plane sint concordes*".

Послѣ защиты своихъ тезисовъ, Фойгтъ нѣкоторое время жилъ въ Дрезденѣ, не оставляя научныхъ занятій, но безъ всякаго опредѣленнаго положенія. Въ это время онъ вѣроятно и напечаталъ нѣсколько небольшихъ статей частію юридическаго, частію философскаго содержанія, помѣщенныхъ въ нѣмецкомъ журналѣ „Merkur" и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ (**) Вскорѣ однако Фойгту представился случай посѣтить Россію и остаться въ ней. Въ Россію Фойгтъ явился по приглашенію курляндскаго барона Гейнриха Кар-

---

записки о 1-й Казанской гимназіи»— Владимірова, стр. 23—59) заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ отцѣ его, но весьма незначительныя Онъ не говоритъ даже о годѣ его рожденія и называетъ его уроженцемъ дрезденскимъ. Самая любопытная подробность этой автобіографіи состоитъ въ томъ, что жена философа, мать автора автобіографіи, Елисавета Карловна, была дочерью лейбъ-медика Карла Эйлера и внукою знаменитаго математика Леонгарда Эйлера. Это случайное повидимому обстоятельство и было, какъ мы увидимъ, причиною назначенія Фойгта въ Казань

(*) Въ своихъ тезисахъ Фойгтъ называетъ себя уроженцемъ города Лукова — Lusato-Luccaviensis, но былъ ли онъ славяниномъ, хотя и онѣмеченнымъ, или отецъ его былъ нѣмецъ — рѣшить не можемъ.

(**) Указанія на эти статьи сдѣланы были такъ неопредѣленно, что мы не имѣли возможности разыскать ихъ.

ла Гейкинга, довольно извѣстнаго дѣятеля въ эпоху послѣдняго раздѣла Польши и окончательнаго присоединенія Курляндіи къ Россійской имперіи (1751—1809) (*) По всей вѣроятности этотъ баронъ. человѣкъ весьма образованный, знакомый съ разными нѣмецкими университетами, лично узналъ Фойгта въ Лейпцигѣ и пригласилъ его къ себѣ въ качествѣ собственнаго секретаря въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ уполномоченнымъ курляндскаго герцога при русскомъ императорскомъ дворѣ (1795). Когда послѣ курляндскаго сейма (въ мартѣ 1795 г), послы или депутаты рыцарства или дворянства и бюргерства или земства Курляндіи и Пильтенскаго округа (**) явились въ Петербургъ съ манифестомъ объ отдѣленіи отъ Польши и актомъ о вступленіи въ русское подданство, то Фойгтъ былъ секретаремъ этой делегаціи и присутствовалъ на торжественномъ пріемѣ пословъ при высочайшемъ дворѣ (15 апр 1795).

Съ пріѣзда въ Петербургъ Фойгтъ не думаетъ объ ученой карьерѣ и о профессорствѣ; онъ дѣлается чиновникомъ и вступаетъ тогда же на службу протоколистомъ въ палату гражданскаго суда Курляндской губерніи, учрежденной Екатериною. Но императоръ Павелъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ. упразднилъ это судебное мѣсто, возстановилъ преж-

---

(*) Это тотъ самый баронъ Гейкингъ, записки котораго «Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeichnungen eines kurländischen Edelmannes, herausg v. Friedr Bunemann (Leipz. 1886) переведены. хотя и съ сокращеніями, въ журналѣ *Русская Старина* (1887, т LVI) Гейкингъ былъ весьма образованный человѣкъ Отъ него осталось нѣсколько сочиненій, имѣющихъ предметомъ своимъ исторію, права и законы его родины, которой онъ служилъ, какъ патріотъ въ послѣдніе годы ея самостоятельности Былъ онъ и маіоромъ въ русской службѣ (въ лейбъ-кирасирскомъ полку), и депутатомъ отъ Курляндіи и Пильтенскаго округа на польскомъ сеймѣ (1789—1793) и каммергеромъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа, и оберъ-шталмейстеромъ послѣдняго курляндскаго герцога Петра Бирона. Въ 1793 году Гейкингъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ сильномъ спорѣ, возникшемъ между герцогомъ и дворянствомъ съ одной стороны и бюргерствомъ съ другой. Дальнѣйшее служеніе его разсказано въ замѣткѣ, напечатанной въ *Русск. Стар.* (1888, т. LVII. мартъ, стр. 801—804), гдѣ Гейкингъ названъ неправильно Карломъ Александровичемъ, хотя годъ рожденія и смерти его показаны тѣ же, что и у насъ. Ссылаемся на извѣстные словари: Эрша и Грубера, Didot, Biographie générale, Реке и Напирскій.

(**) Округъ Пильтена, небольшаго городка Курляндской губерніи, имѣлъ свои особыя историческія права и привилегіи. См подробности объ этомъ присоединеніи Курляндскаго герцогства и Пильтенскаго округа въ сочиненіи *Петра Колотова*, Дѣянія императрицы Екатерины II, часть VI, СПб. 1811, стр 57—97

нюю курляндскую конституцію и Фойгтъ дѣлается секретаремъ Пильтенской коллегіи ландратовъ, затѣмъ секретаремъ юстицъ-коллегіи. Эта служба по гражданскому вѣдомству прерывается на очень короткое время, всего на пять мѣсяцевъ (съ 20 дек. 1800 по 27 мая 1801 года) профессорствомъ въ Дерптскомъ университетѣ по каѳедрѣ *практической юриспруденціи* (der praktischen Rechts-Gelehrsamkeit). Какимъ образомъ Фойгтъ получилъ каѳедру, рѣшившись вдругъ оставить служебную карьеру—намъ неизвѣстно. Мы не знаемъ также и тѣхъ обстоятельствъ, которыя вынудили Фойгта подать въ отставку изъ университета. Въ представленіи Румовскаго объ опредѣленіи Фойгта въ Казань говорится, что онъ оставилъ свое профессорство „по причинѣ несогласія происшедшаго между дворянствомъ курляндской и лифляндской губерній, въ то время, когда университетъ переводили въ Митаву“ (*). Пришлось воротиться на прежнее мѣсто служенія Въ началѣ царствованія императора Александра I Фойгтъ былъ приглашенъ въ высочайше утвержденную коммисію для составленія законовъ въ званіи редактора формъ уголовнаго процесса, но оставался въ ней не долго и будучи выбранъ юстицъ-бургомистромъ города Нарвы, переѣхалъ туда, уже женатый, въ началѣ 1804 года.

Но своею служебною дѣятельностью въ магистратѣ города Нарвы, который не принадлежалъ еще тогда къ Петербургской губерніи, Фойгтъ не былъ доволенъ. Вѣроятно, не смотря на неудачное начало профессорской службы въ Дерптѣ, карьера профессора манила его. Онъ зналъ объ открытіи въ Россіи новыхъ университетовъ, о появленіи нѣмецкихъ профессоровъ изъ за-границы: жалованье профессора, при тогдашней дешевизнѣ жизни и при увеличеніи семьи, составляло также немаловажную приманку Фойгтъ рѣшился обратиться съ просьбою о возможности доставить ему мѣсто профессора въ одномъ изъ

(*) Несогласія эти происходили собственно между *кураторами* университета Дерптскій университетъ существовалъ преимущественно для трехъ такъ называемыхъ остзейскихъ губерній. Дворянство каждой изъ трехъ губерній имѣло право избирать куратора для завѣдыванія экономическою частью. Эти кураторы и не ладили между собою. Самое существованіе университета въ тѣ годы было весьма неопредѣленно. Основанный шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, онъ пересталъ существовать въ началѣ 18-го вѣка въ эпоху войнъ Петра В въ Лифляндіи. По присоединеніи Курляндіи къ Россіи, по вступленіи на престолъ императора Павла I, высочайшимъ указомъ былъ возстановленъ университетъ, но почему-то мѣстопребываніе ему было назначено не въ Дерптѣ, а Митавѣ

русскихъ университетовъ къ непремѣнному секретарю Академіи Наукъ Н. Фуссу, какъ человѣку весьма вліятельному не только въ Академіи, но вообще въ сферахъ тогдашняго министерства просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что оба они были родня по Эйлерамъ. Это послѣднее обстоятельство впрочемъ нѣсколько смущало Фойгта. „Я бы весьма желалъ, пишетъ онъ къ Фуссу, чтобъ вы навели обо мнѣ справки. Я слишкомъ гордъ для того, чтобъ искать вашего покровительства и помощи только вслѣдствіе отношеній, въ которыхъ я имѣю честь находиться къ вамъ по женѣ“ (*). Онъ проситъ обратиться за свѣдѣніями о немъ къ его бывшимъ начальникамъ по коммиссіи законовъ: барону Гейкингу, Вейдемейеру, Новосильцеву, Розенкампфу. Въ этомъ письмѣ онъ высказываетъ и причины, побуждающія его къ перемѣнѣ службы „Моя настоящая должность и была, и находится, и всегда будетъ находиться въ полномъ противорѣчіи съ моими чувствами и убѣжденіями и я сердечно желаю разстаться навсегда съ Нарвою. Я желаю гдѣ бы то ни было получить университетскую каѳедру, лучше всего каѳедру

(*) Жена Фойгта, мать нашего профессора русской словесности Карла Карловича, была дочерью Карла Эйлера, втораго сына знаменитаго математика. Карлъ Эйлеръ былъ лейбъ-медикомъ при высочайшемъ дворѣ; дочь его получила образованіе въ Смольномъ монастырѣ и пользовалась, какъ свидѣтельствуетъ ея сынъ, особеннымъ вниманіемъ императрицы Маріи Ѳедоровны Замужъ вышла она въ 1804 году. Непремѣнный секретарь нашей Академіи Наукъ Николай Ивановичъ Фуссъ былъ женатъ на дочери старшаго сына знаменитаго математика — Іоанна Альберта Эйлера, бывшаго въ свое время также непремѣннымъ секретаремъ Академіи (зять занялъ должность тестя и передалъ ее потомъ своему сыну Павлу). Жены Фойгта и Фусса были такимъ образомъ двоюродными сестрами.— Елисавета Карловна долго жила въ Казани, до смерти своей, въ домѣ сына профессора (въ 1852 году). Мы помнимъ еще эту маленькую, худощавую старушку уважаемую всѣми ее знавшими Это была живая лѣтопись за полстолѣтіе университетской жизни. Послѣ смерти мужа, она вскорѣ, съ небольшимъ черезъ годъ, вышла замужъ за профессора Брауна, перваго ректора Казанскаго университета, но овдовѣла снова (8 янв. 1819 года). Новое вдовство внучки Эйлера продолжалось опять не долго Есть основаніе думать, что кромѣ высокихъ душевныхъ свойствъ вдовы, большая доза привлекательности ея личности заключалась въ родствѣ съ Фуссами. Заступившій мѣсто Френа, профессоръ орьенталистъ Ѳедоръ Ивановичъ или Францъ Эрдманъ, женатый на родной племянницѣ Елисаветы Карловны Мирандѣ фонъ Дѣленъ также овдовѣлъ (2 мая 1821 года) и ровно черезъ годъ женился на ея теткѣ Это третье замужство вдовы Фойгтъ продолжалось 15 лѣтъ и кончилось не новымъ вдовствомъ, а лютеранскимъ разводомъ, имѣющимъ болѣе нравственную обстановку, чѣмъ нашъ разводъ (въ 1837 году). Профессоръ Эрдманъ, человѣкъ уже не первой молодости, женился на молодой нижегородской княжнѣ Мышецкой, но прежняя жена жила нѣкоторое время съ молодыми и вела домашнее хозяйство.

юридическихъ наукъ (къ ней собственно я и готовился и эти науки были моими Brodt studii), но если нѣтъ такой вакантной каѳедры, то я согласенъ на каѳедру умозрительной философіи или эстетики (это мои любимые коньки). Я долженъ однако, чтобы не упрекать себя впослѣдствіи, откровенно сознаться вамъ, если подъ юриспруденціей разумѣютъ только знакомство съ указами, что я плохой юристъ, но что я готовъ подвергнуть себя всякому испытанію въ юриспруденціи, понимая ее въ томъ видѣ, какъ она есть дѣйствительно, т. е. какъ науку". Что касается философіи, занятіе которой для Фойгта было второстепеннымъ дѣломъ, то въ ней, по словамъ того же письма, онъ „по большей части принадлежитъ къ послѣдователямъ системы Канта, но что онъ не особенный другъ новѣйшей теоріи изящныхъ искусствъ (?) и вовсе не поклонникъ Жанъ-Поля и его Vorschule der Aesthetik". Изъ этихъ словъ можно сдѣлать заключеніе о поверхностномъ знакомствѣ Фойгта съ философіей.

Кромѣ формулярнаго списка, выданнаго ему изъ коммиссіи о составленіи законовъ, упомянутыхъ уже тезисовъ и программы римскаго гражданскаго права, Фойгтъ приложилъ къ письму своему таблицу - программу энциклопедіи юриспруденціи и небольшое рукописное (менѣе однако печатнаго листа) разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ о спеціальномъ юридическомъ вопросѣ „О завѣщаніяхъ военныхъ" (Von Militar-Testamenten), собственно о формахъ составленія такихъ завѣщаній въ римскомъ правѣ. Статейка была написана годомъ или двумя ранѣе. „Война! Всемірная исторія едва ли знаетъ другую подобную! — пишетъ онъ въ своемъ вступленіи. Русскіе герои сражаются за своего обожаемаго монарха, за дорогую родину, за собственный очагъ противъ самаго жестокаго врага человѣчества! Война—вотъ страшный лозунгъ современности! Онъ раздается не только во дворцахъ властителей, но и въ хижинахъ земледѣльцевъ. Только война, это могущественное явленіе времени составляетъ единственное содержаніе разговоровъ. Не должно поэтому казаться удивительнымъ, что ученый юристъ, послѣ прогулки въ высокихъ палатахъ римскаго права, останавливаетъ вниманіе свое на законахъ, содержаніе которымъ даетъ война и подробно объясняетъ ихъ. Вопросъ de militari testamento поэтому самый современный". Но въ то время, когда Фойгтъ писалъ письмо къ Фуссу, былъ уже заключенъ Тильзитскій миръ. „Теперь

миръ, говоритъ авторъ. Если мое вступленіе не годится болѣе, то содержаніе разсужденія долго еще будетъ находить примѣненіе, и особенно въ настоящее время въ судахъ будутъ встрѣчаться случаи, гдѣ потребуется точное знакомство съ ученіемъ о завѣщаніяхъ военныхъ". Если такимъ образомъ, на основаніи доставленныхъ имъ документовъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе о юридическомъ образованіи Фойгта и о его знакомствѣ съ римскимъ правомъ, то у насъ нѣтъ совсѣмъ данныхъ для сужденія о занятіяхъ его философіей и о его философскихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ. И въ своемъ первомъ письмѣ къ попечителю Румовскому, писанномъ по полученіи извѣстія отъ Фусса, что онъ готовъ его назначить на каѳедру въ Казань, Фойгтъ говоритъ, что хотя его любимымъ занятіемъ всегда была спекулятивная философія, но что собственно спеціальность его—юриспруденція. Онъ сообщаетъ даже, что у него довольно полная юридическая библіотека, въ которой находятся не только рѣдко встрѣчающіяся въ Россіи сочиненія, но даже дорогія рукописи еще не напечатанныхъ законовъ (напр. эстляндское право), что онъ совсѣмъ готовъ къ чтенію лекцій по юридическимъ наукамъ, что напротивъ того, для наукъ философскихъ ему придется пріобрѣтать книги и пособія вновь, такъ какъ едва ли университетская библіотека въ Казани богата книгами по этой наукѣ. Румовскій однако, высказывая въ письмѣ своемъ къ Фойгту сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить вполнѣ его желанію, предложилъ ему каѳедру философіи на томъ основаніи, что юридическія науки уже имѣютъ въ Казани одного представителя (это было Бюнеманъ, профессоръ права естественнаго, политическаго и народнаго, какъ называлась эта каѳедра въ уставѣ 1804 года, умершій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ), а философія — никого. Фойгтъ долженъ былъ согласиться: онъ былъ и этимъ доволенъ и обѣщалъ попечителю представить планъ философскаго преподаванія, который и принялся теперь составлять.

Въ началѣ декабря 1807 года Румовскій представилъ министру объ утвержденіи Фойгта ординарнымъ профессоромъ и о выдачѣ ему 300 р. на проѣздъ изъ Нарвы до Казани. Утвержденіе не замедлило послѣдовать (въ январѣ 1808 года) и попечитель торопилъ Фойгта получить скорѣе отставку отъ должности бургомистра и ѣхать въ Казань. Увольнительный аттестатъ, въ которомъ бургомистръ и члены магистрата „Императорскаго и торговаго города Нарвы (des kaiserlichen

und Handelstadt Narva)“ свидѣтельствуютъ на нѣмецкомъ языкѣ о знаніяхъ (?), способностяхъ и точности въ исполненіи Фойгта, былъ выданъ ему 7 февраля и съ этого числа онъ сталъ получать присвоенное ординарному профессору жалованье. Румовскій, не зная еще женатъ ли Фойгтъ или нѣтъ, писалъ уже въ Казань къ Яковкину приготовить для новаго профессора казенное помѣщеніе, „гдѣ бы онъ могъ на первый случай, мѣсяца на два или на три, пріютиться“. Узнавъ, что Фойгтъ женатъ, онъ уступилъ ему тѣ комнаты, которыя предназначались для собственнаго его пріѣзда въ Казань. Между тѣмъ до іюля мѣсяца онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о Фойгтѣ, который давно уже получилъ въ Ревелѣ деньги на проѣздъ. Сначала онъ полагалъ, что Фойгтъ находится уже въ Казани, но узнавъ, что его нѣтъ тамъ, распорядился чрезъ Яковкина не выдавать ему жалованья со дня назначенія впредь до новаго предписанія „Сей случай для меня новый, писалъ онъ, и я, не доложа министру, самъ собою рѣшить не могу“. Фойгтъ хотѣлъ ѣхать немедленно, за тѣмъ отложилъ свой отъѣздъ до половины апрѣля, ссылаясь на то, что въ его библіотекѣ, какъ онъ уже писалъ прежде, очень мало книгъ по философіи и онъ выписываетъ ихъ изъ Дерпта, Риги и Кенигсберга. Въ маѣ только, чрезъ посредство Фусса, Румовскій получилъ письмо отъ Фойгта, объясняющее причины его замедленія домашними обстоятельствами: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ жена его родила: роды были трудны и продолжительны: жена его заболѣла: дѣтямъ привили оспу: самъ онъ лежалъ въ постели двѣ недѣли, страдая подагрой. „Dans tous les pays du monde, писалъ Фуссъ къ Румовскому, объясняя промедленіе своего родственника, des empêchements de cette nature sont regardés comme légitimes. Ainsi je ne doute pas de l'indulgence que M. Voigdt trouvera auprès de votre Excellence et même auprès de Mr le ministre“. Еще нѣсколько времени задержала Фойгта въ Нарвѣ продажа мебели и прочей движимости и только 19 іюля, послѣ настоятельнаго и довольно рѣзкаго понужденія Румовскаго, могъ онъ явиться въ Петербургъ. Въ началѣ августа только, съ женою и двумя маленькими сыновьями, Фойгтъ отправился водою изъ Петербурга въ Казань, куда пріѣхалъ послѣ плаванья, продолжавшагося цѣлый мѣсяцъ, 14 сентября.

Явившись чрезъ недѣлю въ засѣданіе совѣта, Фойгтъ заявилъ, что „философскія его чтенія будутъ состоять въ томъ,

что онъ, прочтя исторію философіи *по своимъ тетрадямъ*, будетъ обучать логикѣ. метафизикѣ. и нравоученію". Изъ латинской программы науки. составленной Фойгтомъ и представленной имъ попечителю. видно почему онъ считалъ необходимымъ предпослать изложенію философскихъ наукъ изложеніе исторіи философіи, такъ какъ наука является результатомъ всего предшествовавшаго историческаго развитія. Кромѣ логики, метафизики (психологія есть только часть ея) и нравоученія, Фойгтъ присоединялъ къ философіи естественное право, политику и эстетику, но исключалъ ихъ изъ своего курса, потому что естественное право и политика составляютъ предметъ другой каѳедры, а эстетику преподаетъ Сторль. Программа всей философіи заключаетъ въ себѣ всего 16 параграфовъ и при изложеніи науки Фойгтъ не забывалъ совѣта, даннаго ему попечителемъ „so kurz wie möglich seyn". По документамъ и мѣсячнымъ вѣдомостямъ, представляемымъ Яковкинымъ попечителю. видно, что въ 1808 году (начиная съ октября) Фойгтъ читалъ вступленіе въ философію, прошелъ философію варварскую (?) и греческую, кончивъ ее на школѣ Элеатовъ; въ 1809 году онъ продолжалъ и кончилъ греческую философію до Платона (читалъ онъ только два часа въ недѣлю). На 1809—1810 годъ назначены были лекціи по исторіи философіи (2 часа) и логики (2 часа) по Снелю или Шнелію—*частію на латинскомъ, частію на нѣмецкомъ языкѣ.* Онъ продолжалъ чтеніе греческой философіи съ Платона до конца въ теченіе года (надобно замѣтить, что онъ хворалъ три мѣсяца), а изъ логики прочелъ первую ея часть: понятія, сужденія и умозаключенія. Изъ росписанія преподаваній на 1810—1811 годъ видно. что Фойгтъ уже не читалъ болѣе исторіи философіи, ограничившись изложеніемъ только греческаго ея періода. На этотъ учебный годъ назначены были: практическая или прикладная часть логики по Снеллію и потомъ метафизика по собственнымъ запискамъ. Видно однако, что онъ не желалъ разстаться съ своими прежними служебными обязанностями, что философія, совершенно новый для него предметъ преподаванія, не вполнѣ поглощала его. Онъ объявилъ на тотъ же учебный годъ „Энциклопедію правъ губерній: курляндской, эстляндской и лифляндской" (для желающихъ студентовъ) въ удобное время у себя на дому (уже черезъ годъ по пріѣздѣ въ Казань онъ пріобрѣлъ себѣ домъ (*).

(*) Изъ письма Фусса къ Румовскому видно, что домъ купленъ

Читалъ онъ и по латыни и по нѣмецки. но мы уже знаемъ какъ мало студенты Казанскаго университета были знакомы съ иностранными языками и потому можно съ увѣренностью утверждать. что они ничего не вынесли изъ лекцій Фойгта: безъ сомнѣнія и желающихъ слушать у него энциклопедію правъ остзейскихъ губерній не нашлось Самъ профессоръ, обращаясь въ письмѣ къ попечителю съ заступничествомъ за студента Николая Стрѣлкова. котораго Румовскій не утвердилъ кандидатомъ въ 1809 году. по слабому знакомству его съ латинскимъ языкомъ. выставляетъ этого Стрѣлкова въ качествѣ самаго внимательнаго и прилежнаго изъ всѣхъ своихъ слушателей. увѣряетъ, что онъ проникнутъ искреннею любовью къ философіи и что онъ занимается этою наукою особенно. независимо отъ лекцій На сколько правды заключаетъ въ себѣ эта характеристика Стрѣлкова—не знаемъ, но извѣстно. что изъ него философъ не вышелъ Думаемъ. что перомъ Фойгта руководила снисходительность. „Меня огорчаетъ. что Стрѣлкова не произвели въ кандидаты по незнанію имъ латинскаго языка. между тѣмъ какъ почти всѣ произведенные въ настоящее время въ кандидаты знаютъ по латыни столько же, сколько и онъ, а только онъ одинъ долженъ пострадать". Изъ этого же письма видно, что у Фойгта было только пять слушателей: обо всѣхъ ихъ онъ говоритъ. что они не пошли дальше началъ въ латинскомъ языкѣ. что онъ можетъ засвидѣтельствовать только объ ихъ внимательности. То же мягкое сердечное чувство къ юношамъ высказываетъ Фойгтъ въ другомъ письмѣ къ попечителю объ умершемъ въ августѣ 1809 года студентѣ Кручининѣ· „между моими слушателями онъ былъ первымъ. лучшимъ. у него была прекрасная голова и онъ могъ служить для другихъ примѣромъ прилежанія и порядка. Это могутъ подтвердить всѣ мои сослуживцы". Фойгтъ хлопоталъ даже о томъ, чтобъ поставить памятникъ съ приличною надписью надъ могилою этого студента Кручинина.

Фойгтомъ на занятыя деньги по необходимости очистить казенную квартиру и по дороговизнѣ наемнаго помѣщенія Фуссъ хлопоталъ о квартирныхъ деньгахъ для родственника: «Ne serait-il pas possible et juste de lui procurer un équivalent annuel en argent?» По представленію Румовскаго въ главное правленіе училищъ, въ концѣ 1809 года и были назначены квартирныя деньги всѣмъ профессорамъ, не имѣющимъ казенныхъ помѣщеній.

Составить себѣ опредѣленное представленіе о преподавательской дѣятельности Фойгта мы не имѣемъ возможности: она была слишкомъ кратковременна и скоро пресѣклась смертью; слѣдовъ этой дѣятельности совсѣмъ не осталось, хотя мы и встрѣтимся съ Фойгтомъ, какъ дѣятелемъ въ совѣтѣ въ слѣдующихъ главахъ, при изложеніи той траги-комедіи, которая разыгралась въ концѣ 1810 года по поводу первыхъ университетскихъ выборовъ въ Казани. Фойгтъ былъ человѣкъ болѣзненный. Климатъ ли казанскій повліялъ на него, или онъ пріѣхалъ уже съ зародышемъ тяжкой болѣзни— не знаемъ, но съ конца 1810 года онъ часто хворалъ и по цѣлымъ мѣсяцамъ не читалъ лекцій. Умеръ Фойгтъ 13 іюня 1811 года. Послѣ него осталась вдова съ двумя малолѣтними сыновьями. По ходатайству совѣта, тотчасъ послѣ смерти мужа, она получила въ единовременное пособіе 2000 рублей; столько же выдано обоимъ сыновьямъ и Бартельсъ пріютилъ у себя на квартирѣ осиротѣвшую семью.

Были случаи, что нѣмецкіе профессора, соблазненные или прелестями казанской жизни или дешевизною условій ея, побуждали товарищей или близкихъ людей въ Германіи послѣдовать ихъ примѣру и искать мѣста въ Казани. Такъ Реннеръ, вскорѣ послѣ смерти Бюнемана, единственнаго профессора правъ въ Казанскомъ университетѣ, тоже бывшаго геттингенскимъ студентомъ (*), далъ идею проситься на его

(*) Бюнеманъ умеръ 2 августа 1808 года. Такъ какъ переписка съ Фойгтомъ, желавшимъ собственно получить каѳедру правъ, къ которой онъ и готовился началась еще при жизни его, то Фойгтъ и долженъ былъ удовольствоваться философіей. Бюнеманъ былъ первый изъ нѣмецкихъ профессоровъ, умершихъ въ Казани. Яковкинъ, описавъ подробно въ письмѣ къ попечителю его болѣзнь и ея теченіе (Бюнеманъ умеръ отъ водянки и гангрены), даетъ слѣдующую картину: «Церемонія погребенія Бюнемана была подобна бывшей при погребеніи Левицкаго. При тѣлѣ дежурили по два офицера изъ учителей и надзирателей и по два студента. Гробу, какъ при выносѣ изъ дому въ церкву, такъ и оттуда на кладбище, предшествовали всѣ на лицо въ гимназіи и университетѣ по причинѣ ваканціи бывшіе воспитанники, студенты, учители и члены университета, а выносили его на дроги, снимали съ нихъ и сопровождали его 12 учителей и студентовъ. Несчастная вдова его съ племянницею безутѣшны, оставшись на чужой сторонѣ, въ бѣдности, частію съ долгами. Единственная ея надежда на начальственное в. п — ства милостивѣйшее снисхожденіе къ страждущему человѣчеству. Совѣтъ съ сею почтою имѣетъ честь представить в. п. о семъ происшествіи особымъ донесеніемъ и

мѣсто своему товарищу по университету Іоанну Христофору *Финке* (съ нимъ вмѣстѣ они переводили Жизнь Агриколы— Тацита и писали къ ней комментаріи). Финке былъ также геттингенскимъ уроженцемъ (род. въ 1773 г.), учился до 1792 года въ гимназіи своего роднаго города и потомъ тамъ же слушалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лекціи по разнымъ юридическимъ наукамъ. Въ 1798 году онъ послѣ экзамена защитилъ въ Геттингенѣ свою диссертацію на степень доктора правъ „De unius testis confessione". До изученія правъ Финке очень усердно занимался филологіей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и участвовалъ въ филологической семинаріи знаменитаго геттингенскаго профессора Гейне. По пріобрѣтеніи докторской степени Финке жилъ въ Геттингенѣ, занимаясь практически то у прокурора, то въ качествѣ адвоката или помощника мироваго судьи въ томъ же городѣ, или ассесора. Эти служебныя обязанности не мѣшали однако Финке и теоретически работать надъ разными сторонами и вопросами юридическихъ наукъ. Такъ въ 1806 году онъ напечаталъ въ Геттингенѣ брошюру Darstellung eines Plans zum Gebrauch für Vorlesungen über die gemeinen deutschen Processe, а въ то время, когда онъ рѣшился ѣхать въ Казань, только что издалъ свой переводъ толкованій Теофила на институціи Юстиніана, сочиненіе весьма важное для объясненія римскаго права: Theophilus Paraphrase üb. die Institutionen Justinians. Aus d. griech. mit Anmerkk. von Ioh. Chr. Fincke. Erster Theil Gotting. 1809. II переводъ и примѣчанія сдѣланы были, по свидѣтельству Гейне, „felici cum successu" (*). Финке прошелъ

дерзаетъ испрашивать несчастной всевозможную помощь по примѣру недавно въ московскомъ университетѣ происшедшему. (Тамъ вдовѣ проф Грельмана, прослужившаго только полгода, назначена была пенсія) Сіе послужитъ какъ для настоящихъ профессоровъ, такъ и для имѣющихъ пріѣхать особымъ утѣшеніемъ, что остающіяся послѣ нихъ семейства благодѣтельнымъ начальствомъ покровительствуются и утѣшаются» (4 авг. 1808 г.) — Вдовѣ выдано было только годовое жалованье мужа единовременно. Впослѣдствіи, особенно послѣ смерти Финке, она бѣдствовала въ Казани.

(*) Книга была встрѣчена съ большою похвалою тогдашнею ученою критикою См Goetting Gelehrte Anzeigen, 1809 S. 1136, 1190—1191. Изданію второй части помѣшало переселеніе въ Казань Этотъ Теофилъ, по общему признанію всѣхъ тогдашнихъ юристовъ, считался самымъ важнымъ и главнымъ пособіемъ при критикѣ и объясненіи римскаго права. «Я былъ первымъ изъ нѣмцевъ, рѣшившимся обработать этого писателя», пишетъ Финке къ попечителю Первое изданіе книги явилось еще въ 1803 году и встрѣчено было тогда критикою также весьма радушно, какъ

хорошую школу: тогдашній юридическій факультетъ Гёттингенскаго университета, по личностямъ его представлявшимъ и по силѣ научнаго знанія, пользовался большою извѣстностью.

Рѣшившись ѣхать въ Казань, Финке обратился прямо къ Румовскому съ просьбою о каѳедрѣ юридическихъ наукъ, сдѣлавшейся, какъ онъ узналъ, вакантною. Онъ разсчитывалъ, что лучшею рекомендаціею ему будутъ свидѣтельства отъ уважаемыхъ представителей юридическаго факультета въ Геттингенѣ и заручился ими. Прилагая свидѣтельства профессоровъ Вальдека (1751—1815) и Мейстера (1755—1832), говорившихъ въ пользу его юридическихъ свѣдѣній, его трудолюбія, его готовности къ академической дѣятельности, дававшихъ лестные отзывы о его характерѣ (Finke est d'un caractère doux. aimable et à tous égards recommandable) хваливщихъ образъ его жизни (il a toujours mené une vie exemplaire et louable), онъ присоединилъ къ нимъ и свидѣтельство такой знаменитости, какъ Гейне, о полномъ знакомствѣ своемъ съ древностями и римскою литературою. Изъ письма Финке видно также, что другой извѣстный гёттингенскій ученый Мейнерсъ, принимавшій большое участіе въ судьбѣ нашихъ молодыхъ университетовъ въ началѣ вѣка и находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ попечителемъ Московскаго университета М. Н. Муравьевымъ (*) уже нѣсколько разъ рекомендовалъ его въ Москву. Финке улыбается профессура въ далекомъ восточномъ городѣ; онъ обѣщаетъ посвятить всѣ силы свои избранной имъ дѣятельности. Даже то обстоятельство, что онъ человѣкъ семейный, его не пугаетъ—семья его будетъ съ нимъ.

Румовскій немедленно по полученіи письма отъ Финке, признавая вполнѣ достаточными представленныя имъ свидѣтельства авторитетныхъ лицъ, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ. Видно, что онъ былъ радъ неожиданному предложенію, тѣмъ болѣе, что въ Казани не была замѣщена ни одна юридическая каѳедра На первый разъ однако онъ поторговался и предложилъ Финке званіе экстраординарнаго профессора съ жалованьемъ въ 1500 рублей со дня пріѣзда его въ Петербургъ, 300 рублей квартирныхъ и 1000 рублей на путевыя издержки отъ Гёттин-

---

это видно изъ повременныхъ изданій того года (Allgem. Hallische Liter. Zeitung, Das juridische Journal u Goett. gelehrte Anzeigen).

(*) См о немъ у *М. И. Сухомлинова*, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. Гл. II, стр. 40—44.

тена до Казани. Финке былъ очень доволенъ, но ссылаясь на свое семейное положеніе, говоря о любви своей къ женѣ и дѣтямъ, онъ обратился съ просьбою къ попечителю объ ординатурѣ. Румовскій не встрѣтилъ никакихъ затрудненій къ тому, но только предложилъ ему условіе по окончаніи чтенія курса правъ естественнаго, политическаго и народнаго (на эту каѳедру и предназначался Финке), не повторяя этого курса, заняться чтеніемъ лекцій по другой каѳедрѣ, именно правъ „знатнѣйшихъ какъ древнихъ такъ и нынѣшнихъ народовъ", если не скоро на эту каѳедру будетъ назначенъ какой либо другой профессоръ. При этомъ Румовскій счелъ долгомъ познакомить Финке съ постановленіемъ главнаго правленія училищъ, состоящимъ въ томъ, что если профессоръ, получившій деньги на путевыя издержки, по какому либо случаю вздумаетъ оставить свою службу ранѣе двухъ лѣтъ, то обязанъ возвратить полученныя имъ на проѣздъ деньги. Финке, въ письмѣ своемъ къ попечителю, просилъ его позволенія посвятить его имени тогда печатавшійся его переводъ комментарій Теофила. На эту просьбу Румовскій отвѣчалъ слѣдующее: „Что касается до посвященія мнѣ вашего сочиненія, то позвольте мнѣ отклонить его, такъ какъ я, будучи совершеннымъ невѣждою въ юридическихъ наукахъ, считаю неудобнымъ съ моей стороны принять его. Можетъ быть вы найдете болѣе приличнымъ посвятить его университету". Книга вышла однако безъ всякаго посвященія. Финке былъ теперь вполнѣ доволенъ и писалъ попечителю въ началѣ апрѣля 1809 года о высылкѣ ему паспорта на проѣздъ (онъ ѣхалъ съ женою Юліаною Гертрудою, двумя маленькими дѣтьми—сыномъ Арнольдомъ и дочерью Софіею и служанкою), прося вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы деньги на проѣздъ не переводились на его имя векселемъ за границу, а были вручены ему по явкѣ его въ Петербургѣ. Паспортъ былъ высланъ Финке въ концѣ апрѣля, но прошло четыре мѣсяца, а о Финке не было никакихъ извѣстій. Румовскій сильно безпокоился; онъ уже думалъ, что паспортъ потерялся на почтѣ, какъ наконецъ Финке явился въ Петербургъ. Онъ немедленно былъ утвержденъ министромъ, съ 1 сентября. Причина запозданія Финке лежала въ семейной обстановкѣ: полугодовую дочь кормила грудью мать и семья ѣхала отъ Геттингена до Петербурга семь недѣль. Почему-то болѣе дешевымъ переѣздомъ моремъ Финке не могъ воспользоваться и ѣхалъ

сухимъ путемъ, а путешествіе по сильно разореннымъ послѣднею войною прусскимъ провинціямъ обошлось гораздо дороже, чѣмъ онъ предполагалъ. Разсчеты его продать передъ отъѣздомъ болѣе выгодно въ Гёттингенѣ движимость также не оправдались, какъ объяснялъ Финке. Французскіе поборы, ожиданіе новой войны и организація Наполеоновскаго Вестфальскаго королевства окончательно разорили его соотечественниковъ. Ему пришлось продавать свою движимость за безцѣнокъ. Дорога до Петербурга стоила ему около 900 рублей золотомъ. и въ карманѣ у Финке осталось только 50 рублей. Ко всему этому надобно было присоединить и паденіе курса: въ то время, какъ Финке заключалъ условіе о службѣ въ Казани и разсчитывалъ, что путь до нея будетъ стоить тысячу рублей, курсъ ассигнацій былъ 18½ штиверовъ, а теперь только 14½ шт. Эти обстоятельства заставили Румовскаго выхлопотать для Финке прибавку въ 300 р. къ назначенной ему на путевыя издержки суммѣ въ 1000 р. Передъ отъѣздомъ Финке изъ Петербурга Румовскій писалъ въ Казань къ Яковкину, чтобъ онъ, по прежнимъ примѣрамъ. приготовилъ для новаго профессора, какъ человѣка семейнаго. казенное помѣщеніе и именно тѣ комнаты, которыя занималъ Фойгтъ.

Только 21 октября и больной послѣ труднаго осенняго путешествія пріѣхалъ Финке въ Казань. Вскорѣ однако онъ объявилъ о своихъ лекціяхъ по предметамъ каѳедры, „по собственнымъ тетрадямъ“, 6 часовъ въ недѣлю и хотя въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ о чтеніяхъ профессоровъ, представляемыхъ попечителю за конецъ 1809 и начало 1810 года (весь этотъ послѣдній годъ онъ по болѣзни, съ разрѣшенія совѣта. читалъ на дому), при имени Финке стоитъ фраза: „по новости и болѣзни рапорта не подавалъ“, мы можемъ однако составить себѣ представленіе о его чтеніяхъ изъ письма его къ попечителю, писаннаго черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ (24 дек., 1809 г.). Воспользовавшись желаніемъ попечителя, чтобы пройдя курсъ правъ, принадлежащихъ къ его каѳедрѣ, то есть правъ естественнаго, политическаго и народнаго, онъ началъ чтеніе по другой каѳедрѣ, т. е. по исторіи правъ, Финке началъ свои лекціи прямо по этой второй каѳедрѣ. Причины такого измѣненія, выставленныя имъ, были весьма разумны. особенно принимая въ соображеніе полную неподготовленность казанскихъ студентовъ. „Я счелъ своею

обязанностью, пишетъ онъ, начать съ положительныхъ (positive) правъ, а не съ естественнаго, государственнаго и народнаго, потому что послѣднія суть не иное что какъ философія права, изученіе которой необходимо предполагаетъ основательные взгляды на право, требуетъ знакомства съ понятіями о положительномъ правѣ, и въ особенности потому, что положительное, какъ нѣчто историческое, легче понять и усвоить, чѣмъ философское. Мои слушатели выказываютъ прилежаніе и потому я доволенъ ими. Недостатки, встрѣчающіеся здѣсь для преподавателя—извѣстны в. п. вполнѣ и я увѣренъ, что при вашемъ попеченіи они скоро исчезнутъ". Не думаемъ однако, чтобы слушатели Финке сколько нибудь понимали своего профессора, но во всякомъ случаѣ то положительное, тѣ факты изъ исторіи права и законодательствъ древнихъ и новыхъ народовъ, которые сообщалъ имъ Финке на своихъ лекціяхъ, могли быть скорѣе ими усвоены, чѣмъ отвлеченныя философскія понятія о правѣ. Финке сталъ такимъ образомъ съ большимъ тактомъ на настоящую дорогу. Ему желательно было сообщать положительныя свѣдѣнія. „Между новыми законодательствами, пишетъ онъ къ попечителю, самымъ важнымъ считается Code Napoleon, но вопросъ, можно ли знакомить съ этимъ кодексомъ слушателей русскихъ университетовъ, остается для меня безъ отвѣта. Я чужестранецъ здѣсь и потому позвольте просить в. п. разрѣшить мое недоумѣніе: можно ли излагать на лекціяхъ эти законы". Румовскій отвѣчалъ Финке, что на вопросъ этотъ онъ не можетъ *въ настоящее время* дать никакого положительнаго отвѣта и посовѣтовалъ ему знакомить пока своихъ слушателей съ правами другихъ народовъ. Не могъ Финке, зная, что это будетъ особенно пріятно попечителю, не сообщить ему въ первомъ же письмѣ изъ Казани о своихъ хорошихъ отношеніяхъ къ директору: „Я не могу довольно нахвалиться, пишетъ онъ, пріемомъ, оказаннымъ мнѣ профессоромъ Яковкинымъ; этотъ превосходный *дѣловой человѣкъ* (Geschäftsmann) выказалъ мнѣ необыкновенную доброту и дружелюбіе".

Попечитель остался очень доволенъ всѣмъ сообщеннымъ ему Финке. Онъ нашелъ, что и измѣненія, сдѣланныя имъ въ преподаваніи, вполнѣ цѣлесообразны „на сколько онъ въ состояніи былъ судить о томъ". Свои лекціи Финке началъ съ изложенія римскаго права, частію по своимъ соб-

ственнымъ запискамъ, частію руководствуясь сочиненіемъ своего учителя Вальдека. За этими лекціями слѣдовала теорія общихъ уголовныхъ нѣмецкихъ законовъ по краткому руководству другаго учителя, криминалиста Мейстера. Съ 1813—1814 года Финке перешелъ уже къ главному предмету своей каѳедры и излагалъ по латыни естественное право по своему сочиненію (*). Кромѣ чтенія лекцій для студентовъ, Финке, начиная съ 1811 года, участвовалъ въ публичномъ преподаваніи для чиновниковъ, обязанныхъ службою на основаніи извѣстнаго высочайшаго указа сенату отъ 6 августа 1809 года. Здѣсь онъ читалъ права: естественное, римское и частное гражданское, употребляя, какъ и для студентовъ, оба языка: латинскій и нѣмецкій. Эти публичныя чтенія Финке продолжались только два года. Кромѣ чтенія лекцій, Финке съ 1811 года былъ членомъ открывшагося тогда училищнаго комитета (**), а съ 14 февраля 1814 года, когда открытъ былъ и университетъ со всѣми его факультетами, онъ избранъ былъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Какіе слѣды въ Казанскомъ университетѣ остались послѣ преподаванія

(*) Сочиненіе это, написанное по нѣмецки, какъ руководство для студентовъ и слушателей, и переведенное на русскій языкъ (имя переводчика намъ неизвѣстно, хотя полагаемъ, что надъ переводомъ трудились Срезневскій и Алехинъ), напечатано въ Казани года чрезъ два послѣ смерти автора: «Естественное частное, публичное и народное право» 1816. 8⁰ XI и 312 стр Собственно это краткій учебникъ, раздѣленный на параграфы, но онъ замѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ собою первую книгу писанную по русски, посвященную идеѣ отвлеченнаго права и толкующую о правѣ естественномъ, впервые вошедшемъ въ уставъ университетскій 1804 года. Книга сообщала слушателямъ философское понятіе о правѣ (Финке былъ послѣдователемъ Канта), столь необходимое для образованныхъ юристовъ, имѣвшихъ дѣло только съ грудою часто противорѣчащихъ другъ другу указовъ. Она вносила свѣтъ въ темное царство «Россія имѣетъ мудрые законы, имѣетъ многія собранія законовъ, но не имѣетъ достаточныхъ *ученыхъ произведеній* касательно правовѣдѣнія»— говоритъ авторъ. Отсюда понятна та вражда реакціи послѣ 1815 года, которую выказала она противъ естественнаго права въ нашихъ университетахъ. Финке, какъ ученый нѣмецъ, снабдилъ свою книгу полною для того времени литературою предмета и былъ убѣжденъ, что она должна имѣть практическое значеніе для русскихъ юристовъ и чиновниковъ. Она продавалась по желанію автора «въ пользу русскихъ инвалидовъ», которыхъ было такъ много послѣ войны 12 года Число подписавшихся, какъ видно изъ приложеннаго къ книгѣ списка, болѣе 600.

(**) По поводу совмѣстнаго засѣданія въ этомъ комитетѣ Финке съ Френомъ и недружелюбнаго заявленія перваго и возникли разсказанныя нами въ первой части нашего сочиненія «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» пререканія между профессорами въ совѣтѣ (218—224 стр.).

Финке, при томъ довольно кратковременнаго (онъ служилъ только пять лѣтъ)—сказать мы не беремся. Сдѣлавшійся при немъ магистромъ, а впослѣдствіи и адъюнктомъ, уже упомянутый нами (I, 525 сл.) Алехинъ читалъ на публичныхъ курсахъ для чиновниковъ право естественное и право римское уже на русскомъ языкѣ: вѣроятно это былъ переводъ ученикомъ лекцій учителя, но Алехинъ ничего не напечаталъ (*). Выдержавшій испытаніе въ деканство Финке на степень магистра правовѣдѣнія въ 1814 году извѣстный впослѣдствіи профессоръ, ректоръ и казанскій прокуроръ Гавріилъ Солнцевъ не былъ слушателемъ Финке. Какъ и другихъ его нѣмецкихъ товарищей, Финке отдѣляло отъ слушателей—незначительное число ихъ, полная ихъ неподготовленность и языкъ, для нихъ непонятный. Послѣднее онъ и самъ сознавалъ, желая, чтобъ его учебникъ былъ переведенъ на русскій языкъ, „былъ понятенъ для читателей всякаго состоянія" и возбудитъ бы при такихъ условіяхъ „большую охоту къ изученію права". „Обязанность каждаго профессора,—пишетъ Финке къ попечителю,—препровождая къ нему этотъ учебникъ естественнаго права, написанный имъ по нѣмецки и прося его сдѣлать распоряженіе о напечатаніи русскаго перевода на казенный счетъ, — приложить прежде всего величайшее стараніе къ своему преподаванію". Учебникъ этотъ онъ началъ писать еще въ Геттингенѣ, занимался имъ нѣсколько лѣтъ и теперь высказываетъ желаніе, чтобы онъ былъ напечатанъ по русски на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Неоспоримая истина, что устное преподаваніе тогда только приноситъ пользу слушателю, когда у него есть въ рукахъ и учебникъ, составленный профессоромъ, служащій и для приготовленія и для повторенія, заключающій въ себѣ какъ бы конспектъ лекцій.

(*) По всей вѣроятности онъ главнымъ образомъ и участвовалъ въ переводѣ учебника своего учителя. Появленіе самаго перевода вызвано было еще Румовскимъ, одобрившимъ сочиненіе Финке. При Салтыковѣ была назначена особая коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ Городчанинова, барона Врангеля и адъюнкта Лубкина для исправленія перевода. Примѣчанія же переводилъ проф. Солнцевъ. Цензура исключила изъ книги только §§ 172 и 177. Книга была напечатана въ количествѣ 1000 экз. и, за покрытіемъ расходовъ по печатанію, въ комитетѣ, высочайше утвержденный въ 18 день 1814 года, были отправлены правленіемъ университета собранные со всей Россіи 1420 р. 4 к., да опекуны дѣтей покойнаго Финке успѣли продать въ пользу сиротъ его книгъ на 250 р. и отослать ихъ въ Сохранную Казну.

2) Каждая наука имѣетъ свой языкъ: въ особенности это можно сказать о наукахъ права. Безъ знакомства съ этимъ особеннымъ языкомъ невозможно самое поверхностное знакомство съ наукою „Этотъ техническій языкъ науки должно усвоить себѣ однако посредствомъ того языка, который понятнѣе всего для учащагося, слѣдовательно посредствомъ *роднаго* языка. *Въ университетахъ всѣхъ странъ, кромѣ Россіи, науки преподаются на родномъ языкѣ.* Въ Россіи ввести такое преподаваніе съ разу невозможно, хотя иностранные преподаватели и пріобрѣли *нѣкоторыя* свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ, но именно недостаточность знанія ими русскаго языка можетъ смутить молодыхъ русскихъ слушателей. Отсюда неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является фактъ, что не смотря на всю добрую волю профессора и слушателя, преподаваніе страдаетъ. Я борюсь съ большими затрудненіями, чтобы студенты могли понимать меня, такъ какъ въ состояніи преподавать только на чуждыхъ для нихъ языкахъ, а они въ нихъ сами ушли не далеко. Поэтому я твердо убѣжденъ, что зло можно въ довольной степени устранить, давъ имъ учебникъ на ихъ родномъ языкѣ. На русскомъ языкѣ не существуетъ ни одного учебника по естественному праву, почему моя книга будетъ полезна для тѣхъ молодыхъ чиновниковъ, которые, согласно указу отъ 6 августа 1809 года, должны сдать экзаменъ по этому предмету“ Эта выписка даетъ намъ представленіе какъ сознательно относился Финке къ своему не совсѣмъ нормальному положенію профессора-иностранца, не знающаго русскаго языка—въ русскомъ университетѣ.

Передъ нами нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ, что самъ Финке принадлежалъ къ числу весьма дѣятельныхъ профессоровъ и не щадилъ усилій для пользы своихъ слушателей, если только съ ихъ стороны встрѣчалъ готовность и рвеніе. Такъ все лѣто 1811 года онъ занимался у себя на дому въ особые часы съ магистрами Алехинымъ и Ю. Врангелемъ, стараясь усовершенствовать ихъ въ юридической латыни (in der juristischen Latinität). И въ другіе годы не разъ Финке называетъ еще нѣкоторыя имена кандидатовъ и студентовъ, которымъ онъ читалъ частныя домашнія лекціи, сверхъ назначенныхъ по росписанію, не получая за то никакого вознагражденія, по разнымъ юридическимъ предметамъ.

Привычка къ учено-литературной дѣятельности, желаніе не покидать ея въ Казани и продолжать уже начатое не

оставляла Финке, но встрѣтила непреодолимыя препятствія Мы говорили, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Гёттингена онъ только что напечаталъ первую часть своего перевода съ греческаго комментарій Теофила къ институціямъ Юстиніана, трудъ, встрѣченный въ Германіи съ большимъ одобреніемъ спеціалистами. „Трудъ этотъ я никакъ не могу окончить здѣсь въ Казани—пишетъ онъ въ своей просьбѣ въ совѣтъ чрезъ четыре года по пріѣздѣ (въ 1813 году), по недостатку у меня всякихъ литературныхъ пособій. Я не имѣю никакого права надѣяться, чтобы эти пособія были пріобрѣтены для меня на казенный счетъ даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не будутъ удовлетворены самыя необходимѣйшія книжныя нужды для преподаванія, но члены совѣта должны согласиться со мною, что обстоятельство это весьма горько для меня лично. Часть продолженія этого сочиненія, начатую мною еще на родинѣ, прилагаю при семъ. Римско-греческое право до сихъ поръ еще никѣмъ не разработывалось въ Германіи. Только французы и голландцы, и то въ прежнее время, кое-что сдѣлали въ этой области. Отъ филологической разработки этихъ законовъ со стороны англичанъ можно ожидать чрезвычайно важныхъ открытій для научнаго изученія римскаго права. У меня всегда была сильная страсть къ этой сторонѣ римскаго права и изданіемъ Теофила я положилъ начало моей собственной разработки. Къ сожалѣнію я не могу кончить моего труда надъ этимъ писателемъ. *Въ нѣсколько лѣтъ всѣ тѣ знанія, которыя я пріобрѣлъ на родинѣ по отношенію къ римско-греческому (византійскому) языку*, весьма не похожему на классическій греческій языкъ, *я долженъ буду совершенно позабыть здѣсь, въ Казани*“.

Кромѣ этихъ двухъ сочиненій по римскому и естественному праву, какъ руководствъ для слушателей, Финке обработалъ во первыхъ, измѣнивъ его, учебникъ нѣмецкаго уголовнаго права своего учителя, гёттингенскаго профессора Мейстера. „Небольшая заслуга моя въ этомъ дѣлѣ состоитъ вообще въ томъ, говоритъ Финке, что я исключилъ многое, не имѣющее отношенія къ Россіи, но за то я сдѣлалъ большія дополненія, тщательно разсмотрѣлъ источники, прибавилъ общую и частную литературу предметовъ, чего совершенно не было въ книгѣ Мейстера: даже въ самой теоріи и системѣ моего предшественника я измѣнилъ кое-что, пользуясь преимущественно для исправленія Фейербахомъ по вто-

рому изданію его сочиненія". За тѣмъ онъ повторяетъ мнѣніе, высказанное имъ прежде попечителю о необходимости со стороны профессоровъ составлять учебники для своихъ слушателей по предметамъ ими преподаваемымъ. Имѣя ихъ въ рукахъ, слушатель избавляется отчасти отъ мучительнаго труда переписки, притупляющей умъ и оставляющей нѣкоторое недовольство противъ науки. Наконецъ латинскій учебникъ для извѣстной части юридическихъ наукъ, напр. для римскаго и нѣмецкаго уголовнаго права, составляетъ необходимую потребность, потому что пониманіе этихъ правъ основывается на положительномъ знаніи латинскаго языка, частію по латинскимъ источникамъ, частію потому что права эти были обработаны классическими писателями. Это настоящій, точный языкъ науки и учебникъ подготовляетъ къ нему. Онъ даетъ въ руки ученика и грамматику и лексиконъ этого языка. Вообще каждое положительное право должно быть и преподаваемо и изучаемо на томъ языкѣ, на которомъ оно писано. Совсѣмъ другое отношеніе при естественномъ правѣ. Оно основано на правильныхъ умозаключеніяхъ, а они легко могутъ быть переводимы на всѣ языки міра; только положительное право заключаетъ въ себѣ много непереводимаго. Собственно римское право не можетъ быть переводимо точно ни на какой языкъ; тутъ возможенъ только перифразисъ. Поэтому въ русскихъ университетахъ необходимы латинскіе учебники по тѣмъ частямъ права, о которыхъ я говорю, хотя бы все преподаваніе велось по русски. Извѣстно, что въ Германіи и теперь преподаютъ эти права по латинскимъ учебникамъ и отъ того преподаваніе тамъ процвѣтало при мнѣ". Учебникъ этотъ, какъ видно изъ заявленія Финке, онъ представилъ попечителю (Салтыкову), но судьба его неизвѣстна. Изъ того же заявленія Финке видно, что онъ работалъ надъ составленіемъ учебника также и по римскому праву; третью часть написаннаго онъ представилъ на благоусмотрѣніе совѣта. По его словамъ это была полная переработка книги покойнаго профессора Гофакера въ Тюбингенѣ, котораго Финке ставитъ очень высоко: „Это былъ одинъ изъ немногихъ новыхъ ученыхъ юристовъ, которые излагали римское право въ совершенно чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси другихъ правъ, черпали прямо изъ источниковъ. Языкъ его—чисто римскій юридическій языкъ; обыкновенно онъ передаетъ слова самаго закона". Кончить предпринятую переработку Финке не удалось.

Наконецъ Финке представилъ на разсмотрѣніе совѣта свой „Опытъ уголовнаго судопроизводства", заключающій въ себѣ правила, какъ должны поступать суды въ уголовныхъ дѣлахъ при слѣдствіи, распросѣ свидѣтелей и при рѣшеніи дѣла. „Мое прежнее счастливое положеніе (въ Гёттингенѣ), говоритъ Финке, дозволявшее мнѣ соединять теорію съ практикою, представляло мнѣ часто случаи для наблюденія. Не разъ находилъ я, что не все справедливо и примѣнимо, чему учитъ теорія. Эти случаи вызывали меня часто на размышленіе: многое я записывалъ на память. И здѣсь уже, въ Казани, я вознамѣрился набросать свой очеркъ судопроизводства". Очеркъ этотъ Финке переслалъ къ попечителю, который представилъ его въ Коммиссію составленія законовъ. Судьба его намъ также неизвѣстна.

Изъ только что нами приведенныхъ свѣдѣній о профессорской и научной дѣятельности Финке есть полное основаніе заключить, что въ немъ молодой Казанскій университетъ имѣлъ вполнѣ достойнаго преподавателя. Особенно важно было появленіе такого преподавателя на каѳедрѣ юридическихъ наукъ, приготовляющей дѣятелей близко соприкасающихся съ практическою стороною жизни. Ученый и честный профессоръ, какимъ былъ Финке, притомъ стоявшій въ уровень съ современнымъ развитіемъ науки, самъ принимавшій участіе въ этомъ развитіи, долженъ былъ принести большую нравственную пользу своимъ слушателямъ. Чрезвычайно было важно знакомить этихъ слушателей, которымъ по окончаніи курса приходилось вступать въ міръ безправія, въ среду ловкихъ, пронырливыхъ, безчестныхъ дѣльцовъ и взяточниковъ, дѣйствовавшихъ безнаказанно въ безконечномъ лабиринтѣ указовъ, какъ въ темной водѣ.—съ идеями права, справедливости и высшей нравственности. Изъ всѣхъ отдѣленій стараго университета по уставу 1804 года, отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ давало, по нашему мнѣнію, болѣе всего духовнаго и нравственнаго содержанія своимъ слушателямъ, должно было приготовлять ихъ къ распространенію идей законности и гуманности для тѣхъ темныхъ сферъ жизни, гдѣ имъ выпадало на долю дѣйствовать. Но при этомъ необходимо было, чтобъ эти идеи гуманности и законности являлись во всеоружіи науки, чтобъ представитель ихъ былъ дѣйствительно человѣкъ науки и духа, уважаемый за свою ученость всѣми, не въ одномъ только дружески расположенномъ къ нему фа-

культетѣ. не жалкій ремесленникъ, связанный съ преподаваемою имъ наукою только въ мѣсячные сроки получаемымъ имъ жалованьемъ. Такимъ честнымъ, строгимъ и глубоко научнымъ профессоромъ и былъ по нашему убѣжденію Финке, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ документамъ. Къ сожалѣнію онъ не могъ принести всей пользы, какую можно было ожидать отъ него: онъ дѣйствовалъ въ средѣ совсѣмъ незнакомой и чуждой; онъ говорилъ на языкѣ чужомъ, понятномъ лишь для незначительнаго меньшинства слушателей. Самая дѣятельность его, какъ профессора, насильственно прерванная смертью, продолжалась не долго. Учениковъ онъ не успѣлъ приготовить, продолжателей въ томъ же духѣ и направленіи у него не оказалось, а вскорѣ послѣ его смерти для Казанскаго и другихъ русскихъ университетовъ наступила новая эпоха, гдѣ цѣнились не наука и ея развитіе, не проповѣдуемыя ею идеи гуманности и справедливости, столь необходимыя въ то время для страны, а ненависть къ уму и развитію, прикрываемая елейными фразами, воспитывавшими лишь лицемѣріе.

Самъ Финке былъ недоволенъ своею обстановкою въ Казани и ея условіями. Представленія, составленныя имъ объ ожидающей его жизни въ этомъ городѣ вдали отъ него, оказались ложными. Повидимому онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ ловкихъ практиковъ, которые вездѣ и ко всему умѣютъ приноровиться. Мы привели уже его печальныя слова, что онъ боится забыть въ Казани свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ на родинѣ. Неудачно сложилась и матеріальная обстановка. Благодаря, чрезъ полгода по пріѣздѣ въ Казань, попечителя за квартирныя деньги, онъ жалуется на сравнительную дороговизну всѣхъ безъ исключенія жизненныхъ припасовъ въ Казани, возрастающую съ каждымъ днемъ, чего онъ никакъ не предполагалъ въ Германіи. На родинѣ онъ продалъ всю свою движимость за безцѣнокъ, а по пріѣздѣ въ Казань отдалъ послѣдніе 15 рублей ямщику. Вскорѣ по пріѣздѣ возникли долги. Въ 1810 году къ попечителю въ Петербургѣ являлся нѣсколько разъ какой-то сѣдельный мастеръ Виттендорферъ по порученію казанскаго нѣмца Петерса съ просьбою объ уплатѣ должныхъ Финке послѣднему по векселю 200 р. и попечитель просилъ Финке избавить его отъ посѣщеній этого человѣка. Почти всѣ нѣмецкіе семейные профессора, недовольные своими наемными помѣщеніями въ Казани, какъ извѣстно изобилующими неудобствами, старались. если можно

было достать на то средства, пріобрѣтать свои собственные, небольшіе, конечно деревянные дома. Такъ сдѣлали Браунъ, Германъ, Фойгтъ, Френъ, Литтровъ: такъ долженъ былъ поступить, вынужденный необходимостью и Финке. Съ помощью денегъ, взятыхъ взаймы у Брауна онъ купилъ также домъ (*). Въ январѣ 1812 года Браунъ подалъ прошеніе въ совѣтъ, что домъ этотъ Финке перепродалъ ему, Брауну, но безъ совершенія купчей крѣпости (вѣроятно для обезпеченія полученныхъ денегъ взаймы), а нынѣ просилъ его, Брауна оставить этотъ домъ по прежнему въ его владѣніи, за что и обѣщался выдать ему 2500 р., но объ этомъ не заключено между ними никакого письменнаго условія Браунъ и обратился въ совѣтъ съ просьбою спросить г. Финке въ засѣданіи совѣта о томъ: справедливы ли всѣ обстоятельства дѣла, изложенныя Брауномъ. Не смотря на заявленіе адъюнкта Кондырева, что такое дѣло не подлежитъ разбирательству совѣта, а учрежденной для того палатѣ гражданскихъ дѣлъ, совѣтъ постановилъ потребовать выпискою изъ протокола отъ Финке, въ засѣданіи неприсутствовавшаго, объясненій и удовлетворенія претензіи Брауна. Мы не знаемъ какъ послѣдовало соглашеніе обѣихъ сторонъ, но попечитель остался весьма недоволенъ тѣмъ, что совѣтъ принялъ къ своему разбирательству дѣло, не подлежащее его компетенціи и согласился съ мнѣніемъ Кондырева. По его мнѣнію Браунъ былъ неправъ, предъявляя свое требованіе безъ всякаго письменнаго документа, почему онъ и не можетъ считать спорный домъ купленнымъ у Финке, а г. Финке имѣетъ на него, какъ пріобрѣтеннаго у третьяго лица, неоспоримое право. Домъ Финке проданъ былъ уже по смерти его, съ разрѣшенія сената, опекунами дѣтей, профессорами Бартельсомъ и Эрдманомъ съ публичнаго торга и деньги съ процентами, въ количествѣ 2500 р по векселю были уплачены Брауну.

На сколько мы можемъ судить изъ частныхъ писемъ Финке, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, нельзя составить себѣ другаго о немъ представленія, какъ о человѣкѣ безу-

(*) Изъ дѣлъ совѣта 1811 года видно, что Финке купилъ домъ въ концѣ 1810 года у жены коллежскаго регистратора Анны Лавровой за 2250 р., но при заключеніи купчей онъ заплатилъ Лавровой 1611 р., а въ остальныхъ 639 р выдалъ заемное письмо Въ началѣ 1811 года продавщица представила его въ совѣтъ, но Финке внесъ деньги и онѣ были выданы по принадлежности чрезъ губернское правленіе.

корнзненно честномъ, строгомъ къ себѣ и другимъ до щепетильности, можетъ быть иногда, въ качествѣ юриста, доводившемъ свою мораль до того, что summum jus переходило въ summa injuria: но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется намъ натурою мягкою и нѣсколько болѣзненною. Въ разсказанномъ нами эпизодѣ бурныхъ совѣтскихъ засѣданій по поводу брака профессора Френа (ч. 1, стр. 218 сл.), Финке нельзя осуждать такъ строго, какъ сдѣлалъ это Броннеръ Подъ вліяніемъ шумныхъ сплетенъ провинціальнаго города и злыхъ и желчныхъ подстреканій Яковкина, которому доставляло удовольствіе возникновеніе всякой ссоры между ненавистными ему нѣмецкими профессорами, Финке написалъ къ нему частную записку о томъ, что онъ не желаетъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сидѣть рядомъ съ Френомъ въ училищномъ комитетѣ (вѣроятно для избѣжаній столкновеній), а Яковкинъ изъ записки сдѣлалъ оффиціальное заявленіе, которое и было заслушано въ засѣданіи и возбудило бурю. Въ своей запискѣ онъ только просилъ Яковкина, согласно § 173 устава, по которому члены училищнаго комитета перемѣняются ежемѣсячно, не назначать его съ Френомъ, а съ профессоромъ Томасомъ или Городчаниновымъ. Правда онъ оспариваетъ слова Броннера о различіи между жизнью частною и публичною, доказывастъ съ своей стороны, что существуетъ рядомъ съ честью нравственной и честь гражданина, что эту послѣднюю *намъ, иностранцамъ*, призваннымъ въ русскій университетъ, слѣдуетъ охранять и защищать съ особенными усиліями, но ему тяжело и горько утвержденіе Броннера, что онъ, Финке—„ist ein ungerechter, ein liebloser, ein übermüthiger Mann“.—Кромѣ этого печальнаго эпизода имя Финке не замѣшано ни въ какихъ бурныхъ исторіяхъ совѣта описываемаго времени. Повидимому онъ избѣгалъ ихъ.

Но жизнь этого вполнѣ достойнаго, какъ намъ кажется, профессора сложилась не совсѣмъ удачно. Онъ недоволенъ былъ Казанью, не только потому что въ ней не видѣлъ онъ возможности продолжать начатые имъ ученые труды, для чего, особенно въ то время, необходимо было имѣть профессору большую силу воли, но и по вредному на его здоровье вліянію казанскаго климата, и по семейнымъ потерямъ. Здоровье его сильно разстроилось. Онъ сталъ думать о томъ какъ бы выбраться изъ Казани, перемѣнить родъ службы, хотя мы не знаемъ каковы были его положительныя намѣренія. Приведемъ его, любопытное по наивнымъ житейскимъ подроб-

ностямъ прошеніе, поданное въ совѣтъ университета о желаніи перемѣнить службу, отъ 15 октября 1813 года.

„Послѣ смерти сердечно любимой жены моей, память о которой останется священною до конца дней моихъ, послѣдовавшей лѣтомъ 1810 года (слѣдовательно менѣе чѣмъ чрезъ годъ по пріѣздѣ) здоровье мое сильно разстроилось. Для маленькихъ дѣтей моихъ и для собственнаго успокоенія я снова вступилъ въ бракъ (Финке женился на племянницѣ жены своего предшественника по каѳедрѣ—Бюнемана). Я снова сталъ счастливымъ человѣкомъ, найдя добродѣтельную спутницу жизни, сдѣлавшуюся для меня тѣмъ, чего я искалъ. Состояніе здоровья моего улучшилось. Къ моей величайшей радости, я съ усиленнымъ рвеніемъ могъ вполнѣ посвятить себя моему призванію. Но съ нѣкотораго времени, особенно съ половины прошедшей зимы, я сталъ сильнѣе чѣмъ прежде чувствовать вредное вліяніе казанскаго климата на мое и безъ того слабое здоровье, и значительное ослабленіе моихъ тѣлесныхъ силъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я лишился почти совсѣмъ сна; только къ утру я въ состояніи заснуть, и то на нѣсколько часовъ. Чтобы имѣть возможность работать, я долженъ поддерживать себя крѣпкимъ кофе, отъ чего здоровье мое еще болѣе безъ сомнѣнія страдаетъ. Сверхъ того я чувствую въ лѣвомъ плечѣ сильныя боли: лишайная сыпь, этотъ весьма несносный подарокъ казанскаго воздуха, не менѣе безпокоитъ меня относительно моего здоровья, какъ и то обстоятельство, что съ начала настоящаго учебнаго года, послѣ каждой прочитанной лекціи, я чувствую себя до крайности утомленнымъ. Моя обязанность самымъ добросовѣстнымъ образомъ позаботиться о сохраненіи моей жизни и моего здоровья, особенно имѣя въ виду счастіе семьи. Какъ бы ни тяжело было для меня въ нѣкоторомъ отношеніи оставить этотъ городъ и искать другое мѣстопребываніе, но я вынужденъ къ тому,—я слишкомъ убѣдился, что здѣшній, столь измѣнчивый климатъ, все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ разстраиваетъ мое здоровье. Я бы оскорбилъ нашего уважаемаго начальника, господина попечителя, если бы, желая привести въ исполненіе высказанное мною намѣреніе, сталъ дѣйствовать не откровенно. Напротивъ, — чистосердечно объясняя совѣту вышеприведенныя причины моего намѣренія искать другой родъ службы,—я надѣюсь заслужить и его благосклонное вниманіе ко мнѣ".

Заявляя все это совѣту, Финке просилъ, для представленія другому начальству, выдать ему свидѣтельство о службѣ, въ которомъ были бы перечислены всѣ его труды и занятія по университету. Но до перемѣны службы, онъ высказывалъ обѣщаніе по прежнему нести всѣ свои обязанности по Казанскому университету съ одинаковымъ рвеніемъ и усердіемъ и продолжать тѣ ученыя литературныя работы, на начало которыхъ онъ указывалъ. Совѣтъ конечно выдалъ ему подобнаго рода аттестатъ. Намъ неизвѣстно хлопоталъ ли Финке о переводѣ своемъ или объ измѣненіи рода службы, и что сдѣлано было имъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ намѣренія, но онъ не прекращалъ своей профессорской дѣятельности до самой смерти. Еще за мѣсяцъ до нея онъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта: ихъ онъ рѣдко пропускалъ. Какъ деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ (Финке былъ первымъ деканомъ по открытіи университета) онъ еще больше былъ занятъ. Въ 1814 году въ факультетѣ были произведены два испытанія на степень доктора правъ: Іона и Солнцева. „Въ доброй волѣ сдѣлать что нибудь большее, говоритъ онъ въ своемъ заявленіи совѣту, недостатка у меня не было, но не смотря на то, что во время всей моей казанской жизни, я жилъ исключительно для моихъ служебныхъ обязанностей и моей науки, и въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ удалялся отъ всякаго общества, ограниченность, недостатокъ литературныхъ связей и сношеній дѣлали невозможнымъ желаемый болѣе счастливый успѣхъ моей литературной дѣятельности". Она его болѣе всего прочаго заботила и невозможность продолжать въ Казани учено-литературную разработку права была главною и почти единственною причиною, какъ онъ самъ выражался, оставить службу въ Казанскомъ университетѣ. Какая болѣзнь свела его въ могилу (ему было всего 41 годъ) мы не знаемъ. Вредное вліяніе казанскаго климата, не смотря на печальныя санитарныя условія города и въ настоящее время, существовало конечно только въ воображеніи Финке. Онъ умеръ 17 сентября 1814 года. По ходатайству совѣта высочайше разрѣшено было выдать вдовѣ Финке и дѣтямъ его единовременно по 2000 рублей; кромѣ того въ пенсіонъ назначена было вдовѣ пятая часть жалованья — 400 р. и такая же доля дѣтямъ. Опекунами дѣтей опредѣлены были правленіемъ университета профессоры Бартельсъ и Эрдманъ Потомъ они часто мѣнялись,

но изъ дѣла объ опекѣ надъ дѣтьми Финке, которое велось до совершеннолѣтія сына и дочери, изъ отчетовъ, которые эти нѣмецкіе опекуны отъ времени до времени представляли въ правленіе университета, мы имѣемъ полное право сдѣлать заключеніе, что опека велась ими образцово. Опекуны заплатили всѣ, конечно незначительные, долги покойнаго профессора; выданные на долю дѣтей единовременно 2000 р. и 400 р. пенсіи за 1814 годъ, положивъ въ сохранную казну Московскаго Воспитательнаго дома на обращеніе изъ процентовъ, при совершеннолѣтіи сына и дочери въ 1824 году, обоимъ имъ они возвратили 4057 р. 50 к. Дѣтей опекуны успѣли воспитать на ту незначительную пенсію, которая выдавалась имъ отъ казны. Вдова профессора Финке въ февралѣ 1819 года вышла за мужъ за какого-то штабсъ-капитана Шутскаго и пенсія ей была прекращена: сынъ кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, но судьба его намъ неизвѣстна: дочь же въ 1825 году сдѣлалась женою профессора Эйхвальда.

Глава XI.

Иностранцы-профессора, приглашенные Румовскимъ: 7) Іоаннъ Георгъ Нейманъ, профессоръ правъ, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и политической экономіи (1809 — 1811); 8) Егоръ Васильевичъ баронъ Врангель, адъюнктъ Неймана, а потомъ ординарный профессоръ правъ (1809—1819); Нейманъ — вторично на службѣ (1814—1817); 9) и 10) приготовленіе къ занятію юридическихъ каѳедръ магистровъ Николая Алехина и Эльпидифора Манассеина (1814—1819); судьба обоихъ; 11) Іосифъ Іоаннъ Литтровъ, профессоръ астрономіи (1810—1816); его дѣятельность въ Казани; заботы объ устройствѣ обсерваторіи, первыя наблюденія; казанскія отношенія Литтрова.

„За господиномъ Финке, писалъ попечитель къ Яковкину (7 сент. 1809 года), въ непродолжительномъ времени будетъ слѣдовать *Нейманъ*, профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской имперіи и политической экономіи“ (послѣдняя наука соединялась по уставу однако съ другой каѳедрой, именно съ дипломатикой). „*Указъ, изданный объ испытаніи чиновниковъ необходимо требуетъ подобнаго человѣка*, и лучшаго сыскать въ Россіи я сомнѣваюсь. Г. Нейманъ два года съ половиною былъ при коммиссіи о сочиненіи законовъ и въ сіе короткое время *научился по русски говорить и писать*“. „Но пріѣздъ его совѣтъ долженъ будетъ перемѣнить планъ лекцій“ (для чиновниковъ).

То обстоятельство, что Нейманъ (Johann Georg Josias Neumann) началъ свое служеніе въ Коммиссіи о составленіи законовъ, гдѣ безъ сомнѣнія остались его документы и свидѣтельства о слушаніи имъ лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ, лишило насъ возможности составить представленіе о его первоначальномъ приготовленіи для каѳедры, на которую онъ назначался и о правахъ его на нее. Мы знаемъ только, что онъ родился въ Магдебургѣ въ 1780 году. Очень возможно, что подобно Фойгту, и онъ былъ приглашенъ на службу упомянутымъ нами въ біографіи Фойгта баронома Гейкингомъ, пріобрѣсть знакомства въ нѣмецкихъ кругахъ Петербурга и потомъ, въ качествѣ образованнаго юриста, проведшаго университетскую школу, быть принятымъ въ Коммиссію о составленіи законовъ, гдѣ дѣлопроизводителемъ былъ Розенкампфъ. Нигдѣ въ Россіи кромѣ этой Коммиссіи нельзя было получить въ то время юридическаго образованія, т. е. знакомства сначала историческаго а потомъ и теоретическаго съ массою дѣйствующихъ законовъ, изъ которыхъ впослѣдствіе времени долженъ былъ составиться Сперанскимъ извѣстный Сводъ. Лучшіе работники въ этой Коммиссіи были почти исключительно первоначально нѣмцы, получившіе юридическое образованіе въ университетахъ, нѣкоторые изъ нихъ, а въ ихъ числѣ и Нейманъ, сдѣлались профессорами. Потомъ эта Коммиссія, долго единственная наша юридическая школа, при непосредственномъ участіи Сперанскаго, доставила университетамъ и нѣсколько русскихъ юридическихъ профессоровъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью.

Неймана рекомендовалъ Румовскому непремѣнный секретарь Академіи Наукъ П. Фуссъ. Изъ содержанія письма Фусса видно, что многіе академики принимали живое участіе въ судьбѣ Неймана и желали доставить ему юридическую каѳедру въ Казанскомъ университетѣ. Фуссъ называетъ его ученымъ юрисконсультомъ, хвалитъ его обширныя знанія, свѣтлый и систематическій умъ и даже его краснорѣчіе. Онъ убѣжденъ, что Нейманъ будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для университета и можетъ со славою занять каѳедру. Въ доказательство того, что Нейманъ способенъ занять любую изъ четырехъ юридическихъ каѳедръ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ, Фуссъ приложилъ къ письму своему четыре рукописные мемуара Неймана, по одному на каждую

каѳедру, но говоритъ, что самъ онъ предпочитаетъ профессорство правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ такъ и нынѣшнихъ народовъ. Естественно, что для этой каѳедры Нейманъ былъ гораздо болѣе приготовленъ, чѣмъ для каѳедры правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россіи. И Фуссъ придавалъ большое значеніе тому обстоятельству, что Нейманъ быстро успѣлъ въ русскомъ языкѣ и что скоро онъ въ состояніи будетъ и преподавать на немъ. Кромѣ того—Нейманъ подъ рукою: нѣтъ надобности выписывать ученаго изъ за-границы и дѣлать издержки на его переѣздъ.

Въ чемъ заключались четыре мемуара Неймана, доставленные Фуссомъ къ попечителю, мы не знаемъ; но всей вѣроятности это были краткія программы преподаванія по каждой изъ четырехъ юридическихъ каѳедръ отдѣленія. По Румовскій лично познакомился съ искателемъ, говорилъ съ нимъ не разъ о будущемъ его преподавании и „нашелъ въ немъ все, что писалъ ко мнѣ г Фуссъ о его способностяхъ и знаніяхъ“. Когда попечитель, имѣя особенно въ виду указъ сенату отъ 9 августа 1809 года, предложилъ Нейману каѳедру правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и политической экономіи, предметовъ, которые должны быть читаны для чиновниковъ на языкѣ русскомъ, Нейманъ представилъ ему: 1) „систематическій планъ о всѣхъ матеріяхъ, принадлежащихъ къ гражданскому и уголовному праву; 2) планъ преподаванія политической экономіи (оба на французскомъ языкѣ) и 3) краткій планъ преподаванія россійскаго права и политической экономіи (программа)“—на языкѣ русскомъ.

Каѳедру правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства Нейманъ считаетъ чрезвычайно важною и самою полезною въ практическомъ отношеніи „Для юношества, говоритъ онъ, необходимо изученіе національнаго права. Нельзя быть человѣкомъ государственнымъ, законодателемъ, чиновникомъ и даже хорошимъ гражданиномъ, не зная законовъ своей страны. Но въ Россіи изученіе ихъ до сихъ поръ находилось въ пренебреженіи. Знакомство съ существующимъ правомъ было доступно небольшому числу лицъ, которыя дѣлали изъ него монополію. Огромная масса указовъ вносила во всѣ дѣла и юридическіе вопросы замѣшательство и неопредѣленность. Единственный способъ научиться заключался въ продолжительной практикѣ въ судахъ или въ департаментѣ министерства юстиціи. Этотъ способъ, трудный самъ по себѣ и доступный

ниѣ для немногихъ молодыхъ людей, не всегда можетъ быть успѣшнымъ". Только университеты, основанные при Александрѣ I-мъ указомъ 6 августа, требующій отъ чиновниковъ образованія могутъ, какъ доказываетъ далѣе Неймань, способствовать положительному изученію русскаго права. Вотъ почему Неймань считаетъ особенно важными публичныя лекціи права. Изложивъ кратко содержаніе своего предмета, порядокъ частей его составляющихъ и порядокъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ науки, Неймань останавливается на методѣ преподаванія. Этотъ методъ долженъ имѣть научный характеръ и Неймань за образецъ принимаетъ тотъ, который одобренъ Коммиссіею составленія законовъ для ея работъ. По его словамъ, онъ будетъ очень полезенъ молодымъ людямъ въ ихъ будущей практической карьерѣ. Преподаваніе необходимо должно происходить на языкѣ русскомъ: „наука русскаго права есть наука національная: техническія слова въ ней опредѣлены обычаемъ". Неймань справедливо показываетъ, что при преподаваніи этой науки на языкѣ латинскомъ большинство слушателей не будутъ понимать ея, а тѣ, которые и поймутъ, пріобрѣтутъ знаніе роднаго права въ чужихъ терминахъ: „они узнаютъ право, но не языкъ права" и сдѣлаются безполезными для практической службы. Весь курсъ Неймана долженъ продолжаться три года (два для гражданскаго права и одинъ для уголовнаго и для нѣкоторыхъ дополнительныхъ преподаваній). Необходимость такого срока, который тогда могъ показаться продолжительнымъ, онъ доказываетъ примѣромъ европейскихъ университетовъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что его будущіе казанскіе слушатели совершенно незнакомы съ наукою права, не приготовлены къ ней ни наукою права естественнаго, ни наукою права римскаго (тогда не была занята въ Казани ни одна юридическая каѳедра, а Финке еще не пріѣзжалъ). Необходимость трехлѣтняго курса вытекаетъ и изъ того, что не существуетъ ни одного систематическаго сочиненія о русскомъ правѣ, матеріалы же, собранные въ нѣкоторыхъ книгахъ (да и ихъ число весьма ограниченно), представляютъ только плохо составленныя компиляціи съ большими пробѣлами. Профессоръ русскаго права, желающій систематически излагать свою науку, долженъ самъ работать надъ предварительнымъ дѣломъ систематизированья: онъ долженъ составлять комментарій къ существующему праву. Чтобъ исполнить это трудное и важное

дѣло. Нейманъ говоритъ, что онъ возьметъ себѣ въ образецъ трудъ знаменитаго англійскаго юриста Блекстона и его лекціи англійскаго права, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ. Онъ обѣщаетъ сдѣлать съ своей стороны первый опытъ составленія такого же комментарія къ русскимъ законамъ и „хотя онъ не смѣетъ надѣяться сравняться съ своимъ великимъ образцомъ, но по крайней мѣрѣ постарается проложить дорогу и предоставить рукамъ болѣе искуснымъ довершеніе такого важнаго труда“.

Въ помощь себѣ, для преподаванія Нейманъ высказываетъ желаніе имѣть адъюнкта (такого онъ имѣетъ уже въ виду и скоро получитъ, какъ мы увидимъ) Въ заключеніе онъ развиваетъ предположеніе образовать въ Казани литературное общество, по образцу парижской юридической академіи. Главою этого общества является профессоръ русскаго права. Студенты, болѣе другихъ успѣвшіе, будутъ воспитанниками этой академіи, а потомъ и членами. Занятія будутъ имѣть исключительно цѣли практическія: здѣсь будутъ обсуждаться юридическіе вопросы и факты, вестись примѣрные процессы, даваться по дѣламъ консультаціи. Конечно на первый разъ мы должны видѣть во всемъ этомъ только скромное начало“. Нейманъ пока не имѣетъ въ виду ни одного члена будущей академіи, кромѣ предполагаемаго своего адъюнкта, но „если мнѣ предоставятъ, говоритъ онъ, раздавать кой-какія отличія студентамъ, болѣе прочихъ ревностнымъ и прилежнымъ, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ предпріятія. Я льщу себя надеждою, что многіе уважаемые юристы и даже нѣкоторые изъ Петербурга сдѣлаются членами этого общества. Оно не будетъ стоить казнѣ никакихъ издержекъ, а можетъ сдѣлаться полезнымъ и для университета и для государства“ Въ подтвержденіе возможности осуществленія своей идеи Нейманъ ссылается на § 9 устава (объ ученыхъ обществахъ)

Другой большой планъ, писанный по французски и представленный Нейманомъ почечитено, касается преподаванія политической экономіи. Наука эта, по опредѣленію Неймана „должна наставлять людей искусству управлять государствомъ“ Такое широкое опредѣленіе науки, сознается Нейманъ, не употребительно въ настоящее время: политическая экономія составляетъ только отдѣльную отрасль наукъ государственныхъ; она трактуетъ о національномъ богатствѣ и научаетъ познавать условія этого богатства. Такую идею науки поло-

жилъ въ ея основаніе Адамъ Смитъ, знаменитый авторъ классическаго сочиненія „О богатствѣ націй". Изъ элементовъ національнаго богатства онъ выводитъ уже и всѣ государственныя мѣры для управленія страной. „Не можетъ быть однако сомнѣнія, говоритъ Нейманъ, что одна наука о національномъ богатствѣ не въ состояніи обнять все управленіе страною или по крайней мѣрѣ представить основныя начала этого управленія. Въ основу науки должна быть положена идея государства". Нейманъ разбираетъ далѣе различные взгляды ученыхъ на содержаніе политической экономіи, приводитъ мнѣнія Сея, Людерса, Шлецера и задаетъ себѣ для рѣшенія вопросъ: что понимается подъ наукою политической экономіи въ уставѣ университетовъ? Наука ли это о народномъ богатствѣ въ смыслѣ А. Смита и его учениковъ, одна ли это вѣтвь, хотя и самая важная, наукъ политическихъ, какъ понимаетъ ее Сей, или наконецъ система государственныхъ финансовъ, какъ опредѣляетъ ее Шлецеръ? Понятіе о ней не разъяснено въ уставѣ и Нейманъ рѣшается самъ дать опредѣленіе политической экономіи, „которое болѣе бы соотвѣтствовало здравому смыслу и интересамъ гражданскаго общества. Всѣ согласны въ томъ, что эта наука заключаетъ въ себѣ систему свѣдѣній, относящихся къ искусству управлять государствомъ, а потому всякій администраторъ долженъ быть знакомъ съ нею, обязанъ изучать ее: вотъ почему и преподаютъ ее въ университетахъ. Пусть она называется науками политическими вообще или политической экономіей въ частности (въ уставѣ дерптскаго университета все это носитъ названіе наукъ *камеральныхъ*, къ которымъ причисляются финансы и торговля), но не надобно терять изъ виду, что только общность, цѣлое всѣхъ этихъ знаній, должно имѣть въ виду университетское образованіе для пользы общества". Такое, нѣсколько неопредѣленное впрочемъ понятіе о своей наукѣ, Нейманъ подтверждаетъ словами устава 1804 года. Въ немъ каѳедра политической экономіи соединена съ каѳедрою дипломатики. „Это соединеніе ясно доказываетъ, говоритъ Нейманъ, что авторъ устава понималъ подъ этимъ соединеніемъ всѣ политическія науки, необходимыя для образованія государственнаго человѣка, по отношенію какъ къ дѣламъ иностраннымъ, такъ и къ внутренней политикѣ". Но это было собственное мнѣніе Неймана, очевидно у него не было яснаго представленія о наукѣ и онъ долженъ былъ держаться чужаго ученія.

„Въ настоящее время больше всего распространена теорія Смита; всегда надобно уважать общее мнѣніе, хотя не всегда новыя идеи заключаютъ въ себѣ истину. Сочиненіе Смита принято было съ большими похвалами во всѣхъ странахъ; оно вполнѣ и заслужило ихъ. Слѣдовательно, каково бы ни было мое личное мнѣніе, на первый годъ я буду излагать теорію Смита, присоединяя къ ней нѣкоторыя поправки и разъясненія, сдѣланныя его учениками, людьми извѣстными и пользующимися заслуженнымъ уваженіемъ". Въ слѣдующіе годы Неймань надѣется представить болѣе обширное изложеніе науки: она должна заключать въ себѣ всѣ политическія науки, то цѣлое свѣдѣній, которое считается необходимымъ для администратора и государственнаго человѣка.—Настоящій курсъ Неймань полагаетъ окончить въ одинъ годъ.

Для преподаванія необходимо какое либо руководство. Оно должно быть, по словамъ Неймана, писано по русски, но такой книги нѣтъ и ее нужно еще написать. На нѣмецкомъ языкѣ многіе излагали теорію А. Смита и хотя нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, наприм. Сарторіуса, и полезны, „но я не люблю переводы, говоритъ Неймань: всякій переводъ ниже подлинника" (*). „Пользуясь развитіемъ этой науки въ послѣднее время (развитіе теоріи А. Смита Неймань видитъ въ мемуарахъ академика Шторха и въ его политической экономіи, съ которою онъ знакомъ въ рукописи), я буду дѣлать краткій анализъ сочиненія А Смита по англійскому подлиннику: анализъ этотъ будетъ написанъ по русски, я постараюсь излагать какъ можно проще и яснѣе". Какъ и при преподаваніи русскаго права, Неймань и здѣсь разсчитываетъ впослѣдствіе времени образовать изъ студентовъ и посторонникъ (въ Казани?) ученыхъ кружокъ людей, интересующихся политическими науками, чтобы пріучить ихъ къ практикѣ, „но для этого, справедливо замѣчаетъ онъ, надобно приготовить прежде учениковъ".

Таковы были широко задуманные Нейманомъ планы его будущаго преподаванія въ Казани (о краткихъ программахъ его мы не станемъ говорить). Нельзя не замѣтить, что на этихъ планахъ, особенно на политической экономіи, отража-

(*) Сочиненіе Сарторіуса было, съ одобренія Неймана, переведено Кондыревымъ и напечатано въ Казани въ 1812 году См. нашей книги часть первая, стр. 499—500

лось направленіе времени и то желаніе имѣть для государственной службы образованныхъ и знающихъ дѣятелей, которымъ было проникнуто тогда правительство. Планы Неймана очень понравились Румовскому. „Опыты сіи знаній г. Неймана, пишетъ онъ въ своемъ о немъ представленіи къ министру (13 сент. 1809 г.), показываютъ, что онъ имѣетъ обширное свѣдѣніе о писателяхъ особливо политической экономіи *которая въ каждомъ государствѣ должна быть отлична* и планы сіи столь основательно кажутся мнѣ начертаны, что искуснѣйшій правовѣдецъ отдастъ имъ достойную похвалу". По словамъ Румовскаго, Нейману *извѣстны всѣ права въ университетахъ преподаваемыя*; онъ пріобрѣлъ достаточное знакомство съ русскими законами въ Коммиссіи составленія законовъ, имѣетъ способность писать и изъяснять на русскомъ языкѣ а для политической экономіи, которая по высочайшему повелѣнію 6 августа необходимо „должна быть преподаваема въ университетахъ при настоящемъ вещей положеніи способнѣйшаго человѣка отыскать я не надѣюсь". Въ началѣ октября того же 1809 года Нейманъ получилъ за подписью Сперанскаго, выписку изъ журнала Коммиссіи составленія законовъ (въ ней онъ назывался письмоводителемъ, а по формуляру — помощникомъ редактора) объ увольненіи его отъ должности и о томъ, что онъ „соотвѣтственно желанію, имъ изъявленному", принятъ корреспондентомъ Коммиссіи по части уголовнаго права, а 19 октября былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета, съ выдачею ему 400 р. на путевыя издержки. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Казань, Нейманъ, озабочиваясь полнотою и достоинствомъ своего преподаванія, которое встрѣчало тогда затрудненія, не существующія нынѣ, обратился къ попечителю съ просьбою—исходатайствовать ему разрѣшеніе пользоваться въ Казани архивомъ губернскаго правленія. Изъ этой просьбы мы видимъ, что для преподаванія русскаго права, равно какъ для систематическаго изложенія русскихъ законовъ „необходимо *требуется познаніе всѣхъ указовъ, какъ имѣвшихъ законную силу, такъ и тѣхъ, которые еще нынѣ законную силу имѣютъ*". По словамъ Неймана, сочиненія о русскомъ правѣ слишкомъ недостаточны, чтобы служить руководствомъ; собраніе печатныхъ законовъ не полно, а потому необходимо прибѣгнуть къ самимъ источникамъ. Печатный указатель законовъ представляетъ пробѣлы за многіе годы

(Нейманъ перечислять ихъ) и эти пробѣлы должно самому восполнять изъ архивовъ. Другая просьба Неймана заключалась въ необходимости назначенія ему адъюнкта: на него, тоже служащаго въ Коммиссіи составленія законовъ, онъ указывалъ попечителю, какъ на вполнѣ достойнаго человѣка и притомъ знающаго русскій языкъ. Обѣ просьбы были удовлетворены.

Адъюнктъ рекомендованный Нейманомъ, былъ его сослуживцемъ по Коммиссіи составленія законовъ и безъ сомнѣнія ближнимъ къ нему человѣкомъ. Это былъ баронъ Егоръ Васильевичъ *Врангель* сдѣлавшійся впослѣдствіе времени ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета и прослужившій въ немъ гораздо дольше чѣмъ Нейманъ. Этотъ Врангель родился въ 1785 году въ Мейдель Везенбергскаго округа Эстляндской губерніи и принадлежалъ къ старой баронской фамиліи Остзейскаго края. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о его образованіи и о томъ, насколько онъ былъ приготовленъ къ занятію юридической каѳедры, знаемъ только, что правамъ онъ учился въ университетахъ Дерптскомъ, Виттенбергскомъ и Вюрцбургскомъ. По окончаніи образованія и по возвращеніи на родину, Врангель тотчасъ же началъ служить въ ревизіонной коммиссіи о владѣльческихъ доходахъ въ Лифляндской губерніи, въ Дерптскомъ уѣздѣ. Онъ былъ секретаремъ этой коммиссіи и получалъ 1500 руб жалованья въ годъ. Черезъ годъ, по прекращеніи дѣятельности этой коммиссіи, Врангель поступаетъ въ Петербургѣ въ Коммиссію составленія законовъ подъ начальство Розенкампфа не имѣя впрочемъ въ ней сначала опредѣленныхъ занятій. При новой организаціи этой Коммиссіи, при Сперанскомъ, Врангель получитъ въ ней должность письмоводителя съ жалованьемъ въ 500 рублей. Служба его въ Коммиссіи одобрялась. Попечителю, въ доказательство своихъ юридическихъ знаній, Врангель представилъ въ рукописи „Исторію уголовнаго права“, но о ней мы ничего не можемъ сказать, не видавъ ея. По словамъ Румовскаго эта исторія доказывала его свѣдѣнія „и купно знаніе россійскаго языка, толико для университетскаго совѣта нужнаго“. Онъ былъ назначенъ вслѣдъ за Нейманомъ, съ выдачею 200 р. на путевыя издержки.

Нейманъ былъ первымъ и единственнымъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, назначенныхъ въ Казань Румовскимъ, писав-

шимъ къ попечителю по русски. Правда письма эти дают намъ понятіе, что русскій языкъ чуждъ для Неймана, но они свидѣтельствуютъ объ его энергіи и настойчивомъ желаніи служить новому своему отечеству. Эти письма кромѣ того, подробно разсказываютъ о его профессорской дѣятельности въ Казани. Нейманъ съ женою и съ Врангелемъ выѣхали изъ Петербурга 4 января 1810 года и только 29 добрались до Казани. И у него мы встрѣчаемъ обычныя жалобы на дорогу: выставляются причины запозданія. Безостановочная ѣзда сказала вредное вліяніе на здоровье Неймана а чрезъ Валдайскія горы почему то, въ очень сурную погоду и ночью пришлось всѣмъ идти пѣшкомъ и Нейманъ простудился. Въ Москвѣ путешественники прожили десять дней и это время Нейманъ употребилъ на покупку для библіотеки университета на 500 рублей юридическихъ и по политической экономіи книгъ, что ему поручилъ сдѣлать попечитель, взявъ книги у книгопродавцевъ на свой счетъ, съ тѣмъ чтобъ получить ихъ потомъ изъ экономической суммы университета. Порученіе это Нейманъ выполнилъ совершенно удовлетворительно, съ выгодою для университета. По его словамъ не только всѣ важныя сочиненія по русскому праву и по политической экономіи, списокъ которыхъ онъ представилъ попечителю но и нѣсколько другихъ были пріобрѣтены имъ. Книгопродавцы дѣлали уступки такъ что за 638 р по счету приходилось платить всего 169 рублей. Книги Нейманъ привезъ съ собою, для чего понадобилось отъ Москвы до Казани брать нанятую лошадь. Другое порученіе Румовскаго заключалось въ томъ, чтобы помочь Яковкину въ составленіи объявленія на русскомъ языкѣ о содержаніи открывающихся въ университетѣ публичныхъ курсовъ, согласно указу 6 авг. 1809 года (первое объявленіе написано было по латыни и попечителемъ не утверждено) Новое, русское попечитель представилъ въ главное правленіе училищъ; „кстати пріѣхали гг. Нейманъ и Врангель, пишетъ онъ къ Яковкину, и г Нейманъ изрядно пишетъ по русски“.

Явившись въ первый разъ въ совѣтъ 16 февраля, Нейманъ представилъ ему очень подробное изложеніе своихъ предварительныхъ работъ по систематической обработкѣ русскаго права. Главный тезисъ его—„въ Россіи еще нѣтъ юриспруденціи“: необходимо обратиться къ самимъ источникамъ, т. е. читать указы одинъ за другимъ и дѣлать изъ

нихъ выписки. Неймань представилъ только планъ систематическаго собранія *уголовныхъ законовъ*. Онъ соотвѣтствуетъ вполнѣ плану уголовнаго уложенія, принятому Коммиссіей составленія законовъ и Неймань, въ видахъ преподаванія, измѣняетъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ порядокъ. Выписки изъ указовъ доведены Нейманомъ до 1809 года. Онъ говоритъ, что на его работу обратилъ вниманіе Сперанскій, предсѣдатель въ Коммиссіи составленія законовъ, опредѣлившій на помощь къ нему для выписокъ двухъ чиновниковъ. Эту-то работу, надъ которой Неймань трудился будучи еще на службѣ въ Коммиссіи, онъ представляетъ теперь съ согласія попечителя, въ совѣтъ, для разсмотрѣнія ея профессорами Финке и Фойгтомъ.—Лекціи свои по уголовному праву Неймань началъ читать съ 1 марта—два раза въ недѣлю по два часа, какъ это было въ общемъ употребленіи тогда въ Казани (*).

Что касается второй науки своей преподавать которую онъ долженъ былъ въ Казани, т. е политической экономіи, то онъ принужденъ былъ, по отношенію къ ней, измѣнить свои намѣренія, высказанныя имъ прежде попечителю Знаменитое сочиненіе Адама Смита, создавшее промышленный строй Великобританіи, идеи котораго господствовали въ то время вездѣ въ Европѣ (**) и преподавались у насъ въ тѣ годы и при дворѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ, а на практикѣ стали тогда въ первый разъ примѣняться Сперанскимъ. Неймань, какъ мы говорили уже, хотѣлъ самъ переводить и объяснять студентамъ Вѣроятно однако, указывая имъ, какъ руководство сочиненіе Смита, Неймань имѣлъ въ виду недавно передъ тѣмъ появившійся русскій переводъ его (***), но теперь „раз-

(*) См Жизнь графа Сперанскаго (графа Корфа). СПБ. 1861. Томъ первый, стр. 189—191.

(**) По всей вѣроятности эти лекціи по уголовному праву вошли въ его книжку: «Начальныя основанія уголовнаго права Сочиненіе профессора Ивана Неймана». СПБ. 1811 8°. Это небольшая, разгонисто напечатанная книжка въ 75 стр., состоящая изъ 52 §§ Она заключаетъ въ себѣ только общія опредѣленія и не приводитъ ни одного положительнаго русскаго закона Нѣмецкій переводъ этого сочиненія, составляющаго повидимому только первую часть учебника, появился въ томъ же году въ Дерптѣ: «Abriss d russischen peinlichen Rechts, 1-er Theil». Онъ сдѣланъ однимъ изъ его слушателей въ Дерптѣ фонъ Эссеномъ

(***) Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ; соч *Адама Смита*; перев. съ англ. Николаи *Политковскаго* 4 части. СПБ. 1802—1806. 8°.

сматривая переводъ сочиненія Смита, нашелъ онъ, я примѣтилъ, что нельзя пользоваться онымъ для моихъ лекцій. Техническія слова, принятыя въ семъ переводѣ, не соотвѣтствуютъ словамъ, употребленнымъ Смитомъ и часто г. переводчикъ не выразилъ даже смысла подлинника. Чтобъ доказать справедливость онаго утвержденія, я сравнилъ первые два листа сего сочиненія съ переводомъ, и показалъ, что на сихъ двухъ листахъ не менѣе десяти разъ или употреблены слова неприличныя или не выраженъ смыслъ сочинителя. Не могши пользоваться симъ переводомъ, я принужденъ перемѣнить планъ моихъ преподаваній по сей части, *и будучи иностранецъ, я не въ состояніи написать на россійскомъ языкѣ краткое изложеніе системы Смита*". Свои лекціи о политической или государственной экономіи, какъ иначе называетъ науку Нейманъ, онъ намѣренъ однако, со второй половины года, читать непремѣнно по русски, а руководствомъ выбираетъ сочиненіе Якоба „пока успѣю обработать краткое изложеніе системы Смита на россійскомъ языкѣ" (*).

По отношенію къ адъюнкту своему барону Врангелю, Нейманъ желалъ, чтобы были сохранены права, принадлежащія ему по закону вполнѣ и чтобъ адъюнктъ находился въ полномъ его распоряженіи. Въ § 31 устава сказано: „Адъюнкты суть помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большаго степени совершенства, и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны принять участіе". Поэтому Нейманъ предоставляетъ себѣ какъ дальнѣйшее образованіе Врангеля, такъ и указаніе ему занятій.

(*) Нейманъ и обработалъ потомъ свой учебникъ: «Изслѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Адама Смита. Сочиненіе профессора *Ивана Неймана*». СПБ. 1817. 8° XXI, 216 стр. Книга издана главнымъ правленіемъ училищъ «въ пользу училищъ, какъ руководствующая книга для преподаванія политической экономіи» Она обработана по англійскому подлиннику Въ своемъ предисловіи, въ видахъ безпристрастія, авторъ обѣщаетъ еще издать краткія объясненія какъ *купеческой* (меркантильной) такъ и *земледѣльческой* (физіократической) системъ «дабы учащіеся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣли случай сравнивать между собою положенія и правила трехъ главнѣйшихъ по сей части теорій, которыя славились во всѣхъ почти просвѣщенныхъ земляхъ и даже часто имѣли нарочитое вліяніе *въ* управленіе общественныхъ дѣлъ». Такъ распространялось тогда у насъ сочиненіе Смита; въ настоящее время, съ 1884 года, оно принадлежитъ къ числу недозволенныхъ.—Что касается до учебника Якоба, взятаго въ руководство Неймановъ, то мы не въ состояніи сказать какой это учебникъ. Учебникъ Якоба «Народное хозяйство» напечатанъ позднѣе, въ 1817 году

Нейманъ желалъ, чтобы Врангель „способствовалъ ему собираніемъ матеріаловъ“ и читать лишь „дополнительныя лекціи“ для студентовъ вновь поступающихъ въ университетъ. Въ тотъ годъ Врангель былъ единственнымъ адъюнктомъ въ Казанскомъ университетѣ и, по росписанію лекцій 1810—1811 года, онъ долженъ былъ преподавать изложеніе гражданскихъ россійскихъ законовъ (по своимъ тетрадямъ): *уголовные же продолжать по начертанію профессора Неймана* (4 часа въ недѣлю). Изъ тетрадей Врангеля дошла до насъ только одна 3-я глава (о супружествѣ) изъ первой части (право личное). Въ 1810 же году, до августа мѣсяца, Яковкинъ распорядился Врангелемъ безъ вѣдома Неймана. Онъ предоставилъ ему учить *младшихъ* студентовъ, а *старшіе* должны были слушать Неймана: оба читали одни и тѣ же предметы и въ одни часы. Нейманъ не протестовалъ: „большая часть нашихъ студентовъ состоитъ изъ однихъ казенныхъ воспитанниковъ, писалъ онъ къ попечителю, и г. Яковкинъ, будучи ихъ инспекторомъ, безъ сомнѣнія лучше можетъ судить о ихъ способностяхъ и объ образѣ наставленій онымъ соотвѣтственномъ“, но потомъ настоялъ, чтобы Врангель находился въ полномъ его распоряженіи. Совѣтъ представилъ объ этомъ обстоятельствѣ попечителю и послѣдній удовлетворилъ требованію Неймана.

Не вдругъ Нейманъ присмотрѣлся къ университету и къ условіямъ жизни въ незнакомомъ ему городѣ. Безъ сомнѣнія Румовскій, которому конечно было любопытно издали знать что дѣлается тамъ, и знать не изъ однихъ писемъ директора, просилъ Неймана сообщать ему свои наблюденія. „Я еще ничего не могу сказать, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ писемъ къ попечителю, ни о состояніи здѣшняго университета, ни о средствахъ умножить число здѣшнихъ студентовъ, что въ будущемъ времени будетъ необходимо, *чтобы правительство не почитаетъ издержки для онаго данныя, безполезными и излишними*; а я буду имѣть смѣлость представить в. п. мое мнѣніе о семъ предметѣ, когда по долгому пребыванію въ семъ мѣстѣ, я бы имѣлъ случай провѣдать здѣшнія обстоятельства, средства и затрудненія“ (оставляемъ на этотъ разъ русскій текстъ письма Неймана безъ исправленія).

Черезъ два мѣсяца Нейманъ уже сообщаетъ попечителю объ успѣхѣ своего преподаванія, не смотря на то, что сту-

дентовъ у него весьма мало. Преподаваніе на русскомъ языкѣ стало привлекать и посторонних слушателей изъ города; нашлось двое дворянъ, „пожелавшихъ обучаться главнымъ понятіямъ и началамъ правовѣдѣнія“ и Нейманъ сталъ читать имъ приватныя лекціи. Но онъ „принужденъ признаться, что начало для меня весьма трудно и что, дабы быть полезнымъ соотвѣтственно моимъ желаніямъ, *необходимо имѣть больше въ своемъ силѣ языка*“. Не покидаетъ Неймана и желаніе осуществить мысль, высказанную имъ при опредѣленіи на службу попечителю, завести въ Казани *юридическій институтъ* „для образованія молодыхъ людей посвятившихъ себя гражданской службѣ“; изъ Петербурга (вѣроятно изъ Коммиссіи законовъ) онъ получилъ сочувственныя заявленія: остается, по его словамъ только найти домъ „который былъ бы удобенъ для такого учрежденія“. Попечитель, въ отвѣтъ на эти извѣстія Неймана любезно высказывалъ ему пожеланіе, чтобы его дѣятельность послужила примѣромъ прочимъ профессорамъ. Дальше однако разсказанія о началѣ, дальше предположеній дѣятельность Неймана въ Казани не пошла.

Не прошло и полугода со времени полученія попечителемъ этихъ пріятныхъ для него отъ Неймана извѣстій, какъ условія новой для него казанской жизни, постепенно раскрывались предъ нимъ, стали казаться ему весьма неблагопріятными. Уже тотчасъ по пріѣздѣ, онъ сталъ жаловаться на разстройство здоровья. Квартира, въ которой онъ остановился съ семьею и Врангелемъ, оставалась непригнанною въ теченіе всей зимы, она промерзла: сквозной вѣтеръ ходилъ по всѣмъ комнатамъ: пришлось немедленно искать другую, болѣе удобную. Въ началѣ сентября Нейманъ пишетъ уже попечителю „о самомъ худомъ и слабомъ состояніи здоровья“. Казанскій климатъ онъ считаетъ очень нездоровымъ, для иностранцевъ же даже весьма опаснымъ. Это подтверждается, говоритъ онъ, ежедневнымъ опытомъ. Такъ трое его сослуживцевъ, нѣмецкихъ профессоровъ, въ непродолжительное время потеряли своихъ женъ (Сторль, Браунъ, Финке); онъ самъ, не болѣе десяти дней тому назадъ, похоронилъ свою шестилѣтнюю дочку, всегда пользовавшуюся хорошимъ здоровьемъ отъ самаго рожденія. Дитя умерло, по мнѣнію Неймана, вслѣдствіе казанскаго климата, что доказывается и исторіей болѣзни. Потеря дочери и на Неймана и на женѣ его отозвалась тягостно. Другой ребенокъ, сынъ, оставленъ былъ передъ отъѣздомъ въ

Казань въ деревнѣ. у кормилицы Жена, по словамъ Неймана. сильно тоскуетъ теперь послѣ смерти дочери по оставшемся ребенкѣ· она хочетъ ѣхать за нимъ, привезти его сюда. Какъ матери, и притомъ сильно разстроенной потерею дочери. Нейманъ считаетъ себя не въ правѣ отказать ей въ этой поѣздкѣ. про себя же говоритъ онъ. что сдѣлался совершенно неспособенъ исполнять свои обязанности, считаетъ необходимымъ успокоеніе и потому рѣшается просить попечителя о двухмѣсячномъ отпускѣ для поправленія здоровья и приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ важныхъ семейныхъ дѣлъ. Въ заключеніе Нейманъ говоритъ. что служа три года. онъ ни разу не пользовался отпускомъ, что попечитель изъ его занятій можетъ уже заключить, что ему нужно успокоеніе. „притомъ и для службы государства необходимы люди, полную силу имѣющіе“. Получивъ это просьбу въ письмѣ Неймана, попечитель безъ замедленія сдѣлалъ представленіе министру объ увольненіи его въ отпускъ, причемъ, въ противность закона, по которому лицамъ, берущимъ отпускъ сверхъ двадцативосьмидневнаго срока. жалованье не выдавалось, онъ. ссылаясь на служебную ревность и трудолюбіе Неймана, хлопоталъ о сохраненіи за нимъ и на время отпуска получаемаго имъ содержанія. Въ письмѣ къ Нейману попечитель совѣтовалъ ему отправиться по первому зимнему пути, „когда морозы бываютъ еще умѣренны“.

Въ числѣ непріятныхъ мотивовъ, нарушившихъ душевное спокойствіе Неймала и побудившихъ его просить для успокоенія отпуска, было одно „досадное“ произшествіе. о которомъ онъ выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Членъ университета былъ отъ особы къ сему никакой власти не имѣющей, обиженъ на общенародномъ мѣстѣ. Таковое можетъ встрѣтиться съ каждымъ изъ насъ, напаче, когда мы находимся одни и безъ свидѣтелей“. Какъ видно изъ другаго нѣсколько позднѣйшаго и болѣе спокойнаго письма Неймана, это непріятное произшествіе произвело на него тягостное впечатлѣніе. Произшествіе было съ Врангелемъ и Нейманъ былъ огорченъ не только какъ другъ Врангеля, но и какъ членъ университета, по его собственному признанію. Источникъ событія коренился въ своеобразныхъ провинціальныхъ нравахъ; въ русскомъ обществѣ весьма непріятное впечатлѣніе и на долго, какъ извѣстно, произвелъ знаменитый указъ 6 августа 1809 года объ экзаменахъ чиновниковъ; дѣйствующими

лицами являлись профессора университета. Если впослѣдствіе времени эти экзамены, какъ очень многія мѣропріятія наши, вводимыя въ жизнь безъ строгаго обсужденія, а подъ впечатлѣніемъ времени, обратились въ пустую формальность, дѣлались иногда источникомъ взяточничества между профессорами, то въ началѣ, при строгомъ исполненіи послѣдними своихъ обязанностей, при дѣйствительномъ экзаменѣ, они должны были породить массу недовольныхъ и быть источникомъ такихъ же какъ и правы грубыхъ выходокъ. Вотъ что говоритъ Нейманъ (мы нѣсколько поправимъ полу-русскій складъ его рѣчи): „Ваше п-ство изволили вѣрить мнѣ важную должность, опредѣливъ меня членомъ испытательнаго для чиновниковъ комитета по юридическимъ предметамъ. *Я сею должностью принужденъ неминуемо сопротивляться желаніямъ многихъ людей, а наипаче тѣхъ, кои имѣютъ большія связи и покровительство.* Какимъ образомъ можетъ быть обезпечена моя личная безопасность, когда въ здѣшнемъ городѣ могутъ имѣть мѣсто такія произшествія, какое случилось съ Врангелемъ. Въ глубинѣ совѣсти я твердо увѣренъ въ томъ, что дѣло было такъ, какъ передаетъ его Врангель. Всѣ знаютъ его за человѣка тихаго и скромнаго, который никогда и ни съ кѣмъ не заводилъ ссоры и тѣмъ болѣе это произшествіе должно было сдѣлать сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ и особенно на меня".

Къ сожалѣнію мы не можемъ въ подробности передать и причины и обстановку произшествія, возмутившаго Неймана. Официально Врангель, публично оскорбленный казанскимъ комендантомъ Кастелліемъ по поводу строгаго экзамена и неудовлетворительнаго результата его для его сына—чиновника, не жаловался; члены университета оставались безмолвными и, вѣроятно не всѣ, молча негодующими зрителями событія. Писемъ Врангеля и Яковкина (послѣдній не былъ еще тогда тестемъ Врангеля, а потому былъ скорѣе на сторонѣ высокаго по общественному положенію въ Казани лица, чѣмъ на сторонѣ неизвѣстнаго ему адъюнкта), писанныхъ къ попечителю о подробностяхъ событія въ дѣлахъ архива не оказалось. Вотъ что говоритъ самъ Румовскій въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Яковкину: „Сердечно сожалѣю о послѣдовавшемъ явленіи между г. комендантомъ и адъюнктомъ Врангелемъ. Предположеніе нѣкоторыхъ, что безъ всякой подлинной причины, г. комендантъ никакъ не рѣшил-

ся бы остановить незнакомаго человѣка и, упрекая въ невѣжливости, ругать—кажется мнѣ основательно, *особливо какъ вы увѣряете, что г. комендантъ благороднаго характера.* Но съ другой стороны мнѣ кажется, что г. комендантъ, объясняясь съ вами, ни единой не сказалъ довольной причины, побудившей его къ удержанію Врангеля и къ называнію его: „невѣжею, повѣсою, негодяемъ и сквернавцемъ". Желалъ бы я, чтобы г губернаторъ сыскалъ средства къ миролюбивому прекращенію. Но ежели стараніе губернатора будетъ тщетно, то дѣло или произшествіе сіе неминуемо дойдетъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и ни Врангелю, ни коменданту не принесетъ похвалы" (23 сент. 1810 г.). По полученіи письма отъ Врангеля съ описаніемъ событія, попечитель былъ уже больше на его сторонѣ и писалъ директору: „Сожалѣю о нанесенномъ Врангелю оскорбленіи. Онъ проситъ моего совѣта, но я самъ собою въ семъ *образцовомъ* дѣтѣ, не доложа министру, никакого подать не могу. Къ несчастію его министръ на сихъ дняхъ отправляется въ Москву, говорятъ на два мѣсяца, и я не знаю, буду ли имѣть случай до отъѣзда его видѣть. Но хоть бы и увидѣлъ, я думаю, что отъѣздъ его воспрепятствуетъ ему вступиться въ сіе дѣло по надлежащему Я прошу его (Врангеля) о семъ увѣдомить Г Нейманъ скоро получитъ дозволеніе отлучиться въ Петербургъ, и какъ онъ знакомъ съ Сперанскимъ. то я совѣтовалъ бы препоручить г. Нейману отобрать о семъ произшествіи мнѣніе Сперанскаго, а между тѣмъ совѣтую г. Врангелю потерпѣть" (29 сент. 1810 г.). Дѣло это впрочемъ кончилось ничѣмъ, да и въ ту пору господствовавшаго безправія, когда въ Казани только первый Нейманъ на русскомъ языкѣ сталъ излагать понятіе о правѣ и законности, оно и должно было кончиться ничѣмъ. Трудно было такому мелкому въ глазахъ провинціальнаго общества и провинціальныхъ властей, *чиновнику*, какимъ долженъ былъ казаться какой-то адъюнктъ, бороться съ сильнымъ человѣкомъ и притомъ находящимся въ родствѣ съ самыми богатыми фамиліями города. „Г. Врангель, по миролюбивому своему характеру, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, дѣло съ комендантомъ оставилъ съ презрѣніемъ, чувствуя, какъ и всѣмъ извѣстно, что вся справедливость находится на его сторонѣ". Къ тому же были и прецеденты. Профессора Эвеста, о которомъ мы говорили (ч. 1-я, стр. 123 – 130), даже били. Было-ли въ дѣлѣ коменданта съ Врач-

гелемъ „оскорбленіе дѣйствіемъ", выражаясь современнымъ юридическимъ терминомъ,—мы не знаемъ, но о случаѣ съ Эвестомъ считаемъ не лишнимъ разсказать со словъ современника. Онъ даетъ нѣкоторое понятіе объ обществѣ, посреди котораго возникалъ университетъ. „Изъ казанскихъ происшествій осмѣливаюсь довести объ одномъ рѣдкомъ (?) и мало (?) обычайномъ, пишетъ Яковкинъ къ Румовскому. Г. почтъ-директоръ Карпека, по причинѣ взнесенныхъ на него частныхъ большихъ взысканій (болѣе 130/т. рублей), и опустошенныхъ казенныхъ почтамтскихъ сундуковъ, частію лишился послѣднихъ усилій отличія, различающаго человѣка отъ скота, а частію и по притворству многія дѣлалъ по городу непристойности для приведенія нѣкоторыхъ въ сожалѣніе Больному неотмѣнно должно было рѣчиться, но по причинѣ отказу разныхъ медиковъ, упросилъ г. Эвеста навѣщать его и прописывать лѣкарства За то и не умедлилъ вскорѣ отблагодарить его, а именно въ прошедшую пятницу—бильярдными шарами кіями и масами, и вблизи, и въ погоню за кимъ съ крыльца" (4 февр. 1808 г). Эвестъ конечно не жаловался, суда бы онъ не нашелъ. То было далекое прошлое, но и на нашей памяти, въ сороковыхъ годахъ, совершилось истязаніе профессора на его квартирѣ отъ докторанта (!) и его пріятелей за неудавшійся экзаменъ. Но крайней мѣрѣ Карпека кончилъ самосудомъ:

«Уничиженная гордость и отчаяніе, сообщаетъ тотъ же современникъ сдѣлались вчера причиною рѣдкаго въ Казани происшествія и погибели цѣлаго семейства. Почтъ-директоръ Карпека, по пріѣздѣ своемъ въ Казань, назанимовалъ болѣе 130 т рублей въ долгъ, на кои купивъ деревню, завелъ въ ней винокуренный заводъ и вступилъ въ подрядъ о поставкѣ вина Не могши выкуривать потребнаго по подряду количества наконецъ по безделью и безпечности, принужденъ былъ и совсѣмъ остановить заводъ свои Сіе обстоятельство вовлекло его въ обязанность заплатить за невыставку большую сумму Между тѣмъ кредиторы, узнавъ о семъ, представили свои векселя ко взысканію Къ вящему его несчастію около сего времени померла жена его, весьма почтенная, добрая и умная дама. Обнаружившіяся партикулярныя претензіи понудили чиновниковъ почтамтскихъ осмотрѣться въ разсужденіе казенныхъ денегъ, и сундукъ, вмѣсто хранившихся 25 т. рублей ассигнаціями, оказался совершенно пустъ Какъ недостатокъ сей падалъ и на каждаго изъ нихъ, то они, употребивъ всевозможныя мѣры, *продажею людей*, разной движимости и луговъ, кое-какъ собрали 12 т. Знакомые его, казанскіе помѣщики, псовые охотники, складчиною собрали въ пользу его до 7 т; оставшихся же все еще не доставало, а между тѣмъ вскорѣ ожидали пріѣзду г сенатора Рунича, коему, какъ Карпека думалъ, препоручено было заглянуть и въ почтамтъ. Для избѣжанія остуды (?), Карпека притворился сумасшедшимъ и ѣздя по городу производилъ раз-

ныя дурачества. Когда Руничъ проѣхалъ, то Карпека началъ было входить въ свою должность: но не видя никакихъ способовъ къ поправленію своего паденія, вчера, въ полдни, какимъ-то образомъ получивъ изъ аптеки потребное количество мышьяку будто бы для истребленія мышей, вмѣсто ихъ принялъ его самъ, и, не взирая на усилія врачей, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, вчера, въ восьмомъ часу по полудни, испустилъ духъ свой. Оставшіеся сынъ и пятеро дочерей еще малолѣтны, такъ что и старшей изъ нихъ только десятый годъ» (14 апр 1808 г.).

Нейману очень хотѣлось уѣхать изъ Казани. Кромѣ просьбы объ отпускѣ къ попечителю, онъ просилъ еще Сперанскаго хлопотать о немъ. Дѣйствительно Сперанскій написалъ Румовскому письмо, высказывая въ немъ необходимость прибытія Неймана въ Петербургъ, такъ какъ онъ имѣлъ отъ Коммисіи составленія законовъ „порученіе по разнымъ предметамъ сдѣлать редакціи“. Отпускъ Нейману, съ сохраненіемъ содержанія, высочайше разрѣшенъ былъ 30 сентября 1810 года. Изъ Казани же онъ уѣхалъ въ концѣ ноября. Передъ самымъ отъѣздомъ, выставляя достоинства и труды барона Врангеля по преподаванію, и въ качествѣ секретаря совѣта, заручившись также вполнѣ похвальными отзывами о Врангелѣ со стороны еще двухъ членовъ будущаго отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ Финке и Фойгта, онъ представилъ его, имѣя въ виду близкое открытіе университета, къ производству въ экстраординарные профессоры. Отпускъ Нейману на два мѣсяца считался съ 25 ноября и ровно чрезъ два мѣсяца, 24 января, не являясь въ Петербургѣ къ попечителю, онъ обратился прямо къ министру и выхлопоталъ еще двухмѣсячную отсрочку.

Это продленіе отпуска, безъ всякаго участія въ немъ попечителя, было повидимому весьма непріятно послѣднему. „Г. Нейманъ, письмомъ отъ 25 января, сообщаетъ онъ Яковкину, увѣдомилъ меня, что г. министръ народнаго просвѣщенія, для поправленія здоровья, продлилъ отпускъ его еще на два мѣсяца. Я слышу, что жалобу приноситъ на неласковый мой пріемъ, но думаю, что со временемъ умолкнетъ. Едва не намѣренъ ли онъ оставить университетъ. Изъ словъ его заключаю, что въ меморіи (по поводу выборовъ 1810 года), присланной ко мнѣ, онъ великое имѣлъ участіе“. Слѣдовательно онъ не могъ помириться съ дѣйствіями Яковкина, хотя и не жаловался на нихъ попечителю Съ своей стороны и Яковкинъ никакъ не могъ видѣть въ Неймапѣ своего партизана. Замѣчаніе попечителя, выше приведенное нами, вы-

звано было слѣдующимъ сообщеніемъ директора. „Время отъѣзда Неймана извѣстно по актамъ совѣта. Недовѣрчивость его и подозрѣніе (не знаю за что и почему) были такъ велики, что онъ самъ росписался, что получилъ увольненіе изъ совѣта 26 ноября, хотя и поѣхалъ уже четыре дня спустя. Онъ *крикуновъ нашихъ* умѣлъ увѣрить, что въ Петербургѣ онъ у всѣхъ въ большой силѣ, а потому и прощальные поклоны ему были самые большіе однакожъ весьма справедлива старинная пословица: parturiunt montes“...

Прошелъ однако только мѣсяцъ со времени продленія отпуска Неймана какъ 23 февраля попечитель получилъ отъ него формальное прошеніе объ увольненіи отъ службы въ Казанскомъ университетѣ. Въ этой просьбѣ онъ ссылался на вредное на него вліяніе казанскаго климата, на частыя болѣзни, заставляющія его пропускать лекціи, но главный мотивъ увольненія, о которомъ онъ говоритъ только въ концѣ, былъ тотъ, что онъ переходитъ на службу въ Дерптскій университетъ, куда его пригласили. Всѣ сомнѣнія переходъ этотъ былъ для него выгоденъ во всѣхъ отношеніяхъ и о Казани жалѣть ему было нечего. Въ просьбѣ своей онъ однако высказываетъ, что давъ при опредѣленіи на службу слово попечителю „стараться сколь возможно объ образованіи молодыхъ Россіянъ“, онъ отчасти исполнилъ это обѣщаніе (это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ). Въ доказательство своей дѣятельности по отношенію къ приготовленію преподавателей, Нейманъ указывалъ на своего адъюнкта Врангеля (приготовленіе его было вполнѣ независимо), составившаго систематическое изложеніе россійскихъ гражданскихъ законовъ, „что очень важно, такъ какъ ни въ одномъ русскомъ университетѣ ни однимъ еще профессоромъ не сдѣлано такого опыта“. Другое лицо, для политической экономіи. Нейманъ указывалъ въ Княжевичѣ, членѣ общества любителей словесности. Нейманъ говорилъ, что этотъ молодой человѣкъ посвятилъ цѣлый годъ на изученіе юридическихъ наукъ, а въ особенности политической экономій, „которой онъ занимался во время службы, и что сочиненія его служатъ доказательствомъ его способностей“ (*). Замѣ-

(*) Это былъ старшій братъ Александра, бывшаго въ царствованіе Императора Александра II министромъ финансовъ—Дмитрій Максимовичъ, впослѣдствіи попечитель Ришельевскаго лицея. Въ университетѣ онъ не учился, кончивъ только курсъ въ Казанской гимназіи въ 1802 году, послѣ

чательно. что Неймань вовсе не упоминаетъ о Кондыревѣ, человѣкѣ близкомъ къ Яковкину, который послѣ него и сталъ читать политическую экономію. Увольненіе Неймана послѣдовало 21 февраля 1811 года. Изъ Петербурга онъ уѣхалъ въ Дерптъ.

Такъ кончилось первое появленіе на весьма короткое время Неймана въ Казанскомъ университетѣ. Нельзя конечно не пожалѣть объ этомъ. Судя по его началу и по тѣмъ сочиненіямъ, которыя были изданы имъ въ Дерптѣ, думаемъ. что университетъ терялъ въ немъ знающаго и дѣятельнаго профессора, притомъ достаточно знакомаго съ русскимъ языкомъ и это знакомство безъ сомнѣнія увеличивалось бы съ годами. Но съ другой стороны слѣдуетъ согласиться, что переходъ Неймана въ Дерптъ былъ въ порядкѣ вещей. Онъ переходилъ почти на родину: и языкъ, и вѣра, и привычки науки и образованія были тамъ родные ему. Такъ дѣлали и всѣ болѣе выдающіеся первые казанскіе профессора нѣмецкаго происхожденія; они естественно искали лучшаго. Политическое состояніе Германіи заставило ихъ промѣнять родину на страну имъ вполнѣ чуждую; къ ея тяжелымъ условіямъ они никакъ не могли привыкнуть и при первой, представившейся возможности, спѣшили домой. Только позднѣе стали появляться у насъ нѣмецкіе профессора. успѣвавшіе акклиматизироваться. привыкавшіе къ казанской почвѣ и роднившіеся съ туземцами. Надобно сознаться однако, что этотъ второй слой. по своему внутреннему достоинству. былъ значительно ниже перваго. Румовскій конечно сильно досадовалъ на переходъ Неймана въ Дерптъ, но удержать его въ Казани былъ не въ силахъ. „Въ бытность здѣсь Неймана я узналъ, писалъ онъ въ свое утѣшеніе къ своему казанскому корреспонденту, что онъ человѣкъ непостоянный и безпокойнаго характера. Я не думаю. чтобы онъ долго пробылъ въ Дерптѣ“. Тѣмъ не менѣе Румовскій долженъ былъ сильно жалѣть, что преподаваніе юридическихъ наукъ. и притомъ на языкѣ русскомъ, столь важное для чтенія публичныхъ курсовъ чиновникамъ, должно было лишиться въ Казани Неймана Онъ боялся, и не безъ основанія, потерять

чего поступилъ на службу въ Петербургѣ Указъ 6 августа 1809 года принудилъ его поучиться болѣе и, пріѣхавъ въ Казань, гдѣ у него были мать и братья, онъ по всей вѣроятности бралъ частные уроки у Неймана. Въ 1810 году онъ и держалъ въ Казани экзаменъ на чиновника. Съ 1807 года онъ принадлежалъ къ числу иногородныхъ членовъ общества любителей отечественной словесности, но писалъ только «О синонимахъ».

другаго профессора, Врангеля. „Я слышу, что г. Нейманъ переѣзжалъ съ собою, или въ другое какое-то мѣсто барона Врангеля, пишетъ онъ въ Казань. Увѣрьте его, что ежели онъ намѣренъ остаться при университетѣ, то въ непродолжительномъ времени, а именно къ открытію университета, сдѣлаю я представленіе о переименованіи его въ экстраординарные профессоры правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства Россійской имперіи, съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ. На сію статью буду ожидать вашего отвѣта". Яковкинъ писалъ: „Нейманъ дѣйствительно подманивалъ барона Врангеля съ собою, но онъ отказался. Сперва баронъ жилъ съ нимъ и столъ имѣлъ вмѣстѣ, но строптивость Неймана, причудливость и прихотливость (обѣдать въ шестомъ, ужинать въ двѣнадцатомъ часу по полудни) принудили его нанять особую квартиру. Предположеніе в. п. о новышеніи я барону объявилъ и онъ принялъ оное съ полною сердечною признательностью къ благорасположенію о немъ в. пр.-ства". „Благоразумно г. Врангель сдѣлалъ, заключая весь этотъ эпизодъ попечитель, что отказался отъ предложенія Неймана. Теперь я вижу, что онъ человѣкъ вѣтренный и причудливый. Я радъ, что онъ *бѣдный* Казанскій университетъ оставилъ" (17 апр. 1811 г.)

Предполагаемое скоро открытіе университета, какъ мы знаемъ, не послѣдовало, но Румовскій сдержалъ слово: по его представленію баронъ Врангель былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ правовѣдѣнія 23 марта 1811 года. Не прошло и мѣсяца со времени полученія въ Казани бумаги объ этомъ утвержденіи, какъ Яковкинъ писалъ уже попечителю о Врангелѣ слѣдующее: „Всеблагій промыслъ, посѣщая немощи наши отечески, сраствояетъ купно отечески же и печали наши съ радостями. Ему благоугодно было воззвать къ себѣ, противу всякаго нашего ожиданія, единороднаго моего студента Яковкина, а послѣ и воспитанника моего племянника Яковкина же, благоугодно опять награждать меня новымъ сыномъ въ лицѣ г. экстраординарнаго профессора барона Егора Васильевича Врангеля, испросившаго отеческое наше согласіе на соединеніе своей участи съ участью дочери нашей Парасковьи. Донося о семъ отечески пекущемуся начальству, дерзаю при томъ испрашивать Богомъ даруемому сему сыну

продолженіе начальственнаго в. п.-ства благорасположенія, да и онъ купно со мною потщится достойнымъ прохожденіемъ своего званія заслуживать и оправдывать несомыя уже милости начальства". Черезъ пять мѣсяцевъ Яковкинъ доносилъ и о свадьбѣ: „Вчера, въ воскресенье, 15 числа сего октября, съ помощію Божіею, совершено бракосочетаніе дочери нашей Парасковьи съ г. профессоромъ барономъ Врангелемъ". Въ промежутокъ времени между обрученіемъ и свадьбою Врангель ѣздилъ на родину въ Лифляндію къ отцу для приведенія въ порядокъ дѣлъ „Нашедши въ Казани все, что можетъ мнѣ доставить благополучіе, писалъ онъ къ попечителю съ просьбою объ отпускѣ, я вознамѣрился остаться въ Казани, тѣмъ паче, что за священный долгъ почитаю ревностнымъ отправленіемъ моей должности заслуживать то поощреніе, коимъ в. п. меня удостоили" (*).

Оставшись въ Казани вслѣдствіе своей женитьбы, которая какъ кажется и помирила его съ этимъ городомъ, сначала въ званіи экстраординарнаго, а потомъ, съ 1815 года и ординарнаго профессора правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства (онъ былъ утвержденъ въ этомъ послѣднемъ званіи 28 марта 1815 года. Врангель въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1811—1819) преподавалъ, всегда на русскомъ языкѣ и по своимъ тетрадямъ, то уголовные, то гражданскіе законы, то судопроизводства, то исторію русскаго права, то иногда „если найдутся слушатели" нѣкоторыя провинціальныя права. Въ эти годы онъ, не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, былъ единственнымъ профессоромъ юристомъ, читавшимъ по русски (Солнцевъ съ 1815 года читалъ римское право по латыни), да и во всей Россіи русскихъ юристовъ, которые могли получить тогда приготовленіе только на службѣ въ Коммиссіи составленія законовъ, подъ руководствомъ Сперанскаго и Розенкампфа, было весьма немного. Представленіе о повышеніи Врангеля въ ординарные профессоры было

(*) Эту невѣсту и потомъ жену Врангеля, старшую дочь Яковкина, представляетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» тогдашній студентъ Казанскаго университета В. И. Панаевъ, какъ свою первую молодую любовь Страницы, посвященныя описанію этого увлеченія, по нашему мнѣнію, самыя искреннія во всѣхъ «Воспоминаніяхъ». Дѣвушка обрисована весьма симпатично и ея образъ рисуется привлекательнымъ, хотя и давно исчезнувшимъ типомъ въ провинціальной жизни. См *Вѣстникъ Европы* 1867 г., т. III (сентябрь), стр. 221—227

сдѣлано другомъ его Нейманомъ, который снова, хотя опять на короткое время, появился вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета, профессоромъ въ Казани, о чемъ мы сейчасъ скажемъ. Сочиненіе, представленное Врангелемъ, какъ образчикъ ученыхъ трудовъ, носило названіе „Теорія судопроизводства Россійской имперіи". Оно осталось не напечатаннымъ и въ дѣлахъ его не оказалось, такъ что единственнымъ, хотя и рукописнымъ трудомъ его, мы должны считать ту обработанную имъ главу изъ русскихъ гражданскихъ законовъ „О супружествѣ", о которой мы уже упоминали, она имѣетъ для Врангеля какъ бы символическое значеніе. Онъ былъ избранъ совѣтомъ большинствомъ 14 голосовъ противъ 3.

Недостатокъ преподавателей юридическихъ наукъ въ этомъ году обратилъ на себя особое вниманіе попечителя. „Усматриваю изъ меморій, писалъ Салтыковъ совѣту, что со времени отпуска г. Неймана (онъ долженъ былъ читать право естественное публичное и народное) и увольненія совѣтомъ магистровъ Алехина (римское право) и Манассеина (право народное), лекціи оныхъ никѣмъ не продолжаются. А какъ сіе продолженіе нужно для полноты курса, то и предлагаю совѣту предложить отдѣленію нравственно политическихъ наукъ распорядиться чтобы до возвращенія упомянутыхъ гг. профессора и магистровъ, поручить кому либо продолжать ихъ преподаванія, хотя изъ того которую либо нужнѣйшую часть, напр. право естественное". Но въ распоряженіи отдѣленія не было лишнихъ юристовъ; ему пришлось донести только, что римское право преподаетъ э. о. профессоръ Солнцевъ, а адъюнктъ Срезневскій — практическую философію, которой существенную часть составляетъ и право естественное.

Кромѣ профессорства, Врангель несъ и другія разныя обязанности. Съ 1810 года онъ былъ секретаремъ совѣта, съ 1814 года къ этой должности присоединилась должность синдика (за первую, по уставу онъ получалъ прибавочнаго жалованья въ годъ—300 р., за вторую—200 р.); кромѣ того онъ былъ членомъ экзаменаціоннаго и училищнаго комитетовъ. Но Врангель ни въ которой изъ своихъ обязанностей не выдавался ничѣмъ особеннымъ и имя его, кромѣ подписи послѣ каждаго совѣтскаго засѣданія по званію секретаря, не встрѣчается почти совсѣмъ на страницахъ журналовъ или какихъ либо совѣтскихъ дѣлъ. Визитаторомъ Врангель не ѣздилъ ни разу и изъ Казани въ теченіе десяти лѣтъ, кромѣ поѣздки

предъ свадьбой никуда не отлучался. Только разъ почему то, въ засѣданіи совѣта онъ сталъ просить объ увольненіи его отъ должности секретаря но всѣ члены совѣта убѣдили его остаться. Въ другой разъ онъ противорѣчилъ въ совѣтѣ Броннеру, жаловавшемуся въ званіи директора педагогическаго института на затрудненія, встрѣчаемыя имъ при отправленіи должности, и Броннеръ поспѣшилъ извиниться

Тихій, скромный, мягкосердечный, онъ пользовался со всѣхъ сторонъ симпатіями. „Всеблагій промыслъ сраствояющій печали наши съ радостями“ употребляя выраженіе Яковкина, благословилъ его бракъ: въ 1818 году у Врангеля былъ уже сынъ и двѣ дочери И вдругъ, въ 1819 году, разразился надъ нимъ ударъ, который слѣдовало бы предвидѣть, но вѣроятно для Врангеля былъ онъ неожиданъ. Разгромъ университета послѣ ревизіи Магницкаго печально отозвался на судьбѣ Врангеля въ Казани. Вотъ какое сужденіе о всей дѣятельности барона Врангеля дѣлаетъ Магницкій послѣ кратковременной своей ревизіи Казанскаго университета въ представленіи министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (9 апрѣля 1819 года, № 3). „Нѣтъ ничего жалостнѣе преподаванія россійскаго уголовнаго права профессоромъ Врангелемъ. Ни понятія о преподаваемомъ имъ предметѣ, ни познанія языка россійскаго, на которомъ преподаетъ, онъ не имѣетъ. Поучась въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ, вступилъ онъ юнкеромъ въ Коммиссію составленія законовъ (люди тогдашней реакціи чувствовали особенную ненависть къ этой Коммиссіи и стоявшему въ главѣ ея Сперанскому, какъ къ врагу безаконія и произвола) и, переѣхавъ въ Казань, изъ юнкеровъ Коммиссіи въ пять лѣтъ сдѣлался профессоромъ *Онъ зять Яковкина*“ (Магницкій думалъ, что послѣдними словами онъ сказалъ все) Въ своемъ мѣстѣ, если обстоятельства и судьба дозволятъ намъ то, мы разскажемъ и самый ходъ ревизіи Магницкаго, предпринятой съ предвзятою цѣлью, проникнутой исключительной ненавистью къ наукѣ, и самое управленіе Магницкаго въ Казанскомъ университетѣ, превратившее этотъ университетъ въ печальную, лишенную нравственнаго и умственнаго содержанія, школу. Здѣсь мы не станемъ останавливаться на разборѣ того: правъ или не правъ былъ Магницкій въ своемъ рѣзкомъ сужденіи о Врангелѣ (мы постараемся впослѣдствіи представить тѣ историческія основанія, которыя руководили Магницкимъ въ его дѣйствіяхъ и

сужденіяхъ), но скажемъ какое дѣйствіе имѣлъ на дальнѣйшую судьбу Врангеля этотъ приговоръ ревизора. Въ своемъ предложеніи совѣту Казанскаго университета (5 августа 1819 года, № 61), *о предварительномъ преобразованіи* этого университета, предложеніи, основанномъ на докладѣ Главнаго Правленія училищъ, который удостоился въ 14 день іюня того же года высочайшаго утвержденія, Магницкій, тогда уже не ревизоръ, а попечитель, дѣлалъ распоряженіе объ *удаленіи* изъ университета нѣсколькихъ профессоровъ, въ томъ числѣ и Врангеля. Этимъ удаленіемъ и кончилось служебное поприще Врангеля въ Казани. Любопытно, что совѣтъ, на основаніи разныхъ указовъ, приведенныхъ и подобранныхъ имъ, въ томъ числѣ и 1765 года, постановилъ, что жалованье и квартирныя деньги всѣмъ удаленнымъ и уволеннымъ должны быть прекращены выдачею не со дня полученія предложенія попечителя (20 августа), а со дня высочайше утвержденнаго доклада Главнаго Правленія училищъ, а такъ какъ всѣ удаленные и уволенные, по закону и обычаю, получили свое жалованье и квартирныя деньги по 1 августа (по существующему въ настоящее время порядку всѣ они успѣли бы получить и за августъ мѣсяцъ), то и опредѣлено было взыскать съ нихъ все полученное ими съ 14 іюня по 1 августа. Къ удовольствію удаленныхъ и уволенныхъ, этотъ совѣтъ, такъ быстро сформировавшійся въ лакействующую предъ Магницкимъ клику и запѣвшій въ унисонъ vae victis!, на этотъ разъ ошибся. Новымъ предложеніемъ (6 октября, 1819 года) Магницкій распорядился выдать уже взысканное жалованье по 20 августа, то есть по день полученія указа. Только одинъ Кондыревъ, впослѣдствіи времени жалѣвшій о временахъ Яковкина, выказалъ нѣкоторое гражданское мужество. На вопросъ проректора университета, обращенный къ нему письменно, какъ къ библіотекарю: „нѣтъ ли какихъ касательствъ по библіотекѣ до профессора Врангеля?“ (это нужно было для безпрепятственной выдачи ему паспорта на отъѣздъ), онъ отвѣчалъ: „Хотя и есть, но я за нихъ самъ отвѣтствую“. Врангель уѣхалъ изъ Казани въ началѣ декабря 1819 года и навсегда (*).

(*) Жестокая аттестація Магницкаго, данная имъ на обумъ, съ заранѣе предвзятою и составленною цѣлью карать и осуждать, внушенная ненавистью къ наукѣ, къ счастію Врангеля лично для него не имѣла печальныхъ послѣдствій. Довольный своимъ положеніемъ и семейнымъ

Нейманъ однако снова появился въ Казани, хотя и на весьма короткое время и при очень странныхъ условіяхъ. Мы говорили, что въ 1811 году, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ служебной дѣятельности въ Казанскомъ университетѣ,

---

счастьемъ въ Казани, онъ никакъ не разсчитывалъ оставлять Казань, «но судьба и люди рѣшили иначе: зависть, клевета и неблагодарность заставили этого почтеннаго, добраго человѣка, послѣ девяти лѣтъ неусыпной дѣятельности и тяжкихъ трудовъ, оставить противъ воли Казань и переселиться въ 1819 году съ семействомъ въ Петербургъ» (Беремъ эти слова изъ некролога барона Врангеля, чрезвычайно тепло и сердечно написаннаго однимъ изъ учениковъ его, правовѣдомъ перваго или втораго выпуска Училища Правовѣдения Б—скимъ, напечатаннаго въ *Отеч. Запискахъ* 1842 года, т XXII, № 6, Отд. смѣси, стр 52—57. Некрологъ этотъ и послужилъ намъ главнымъ образомъ для сообщенія свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни Врангеля) Безъ службы которая только и давала ему средства для жизни онъ оставался недолго: 27 іюня 1820 года, съ высочайшаго соизволенія, Врангель опредѣленъ профессоромъ *нравственныхъ и политическихъ наукъ* въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ. Въ томъ же году онъ снова причисленъ къ Коммиссіи составленія законовъ въ званіи чиновника по особымъ порученіямъ и въ этомъ званіи пробылъ до послѣдняго преобразованія Коммиссіи въ 1826 году (первое преобразованіе этой Коммиссіи послѣдовало въ 1809 году: послѣ него Нейманъ и Врангель и пожелали опредѣлиться въ Казанскій университетъ) Въ дѣлахъ и работахъ Коммиссіи Врангель однако почти вовсе не принималъ участія, такъ какъ у него и безъ того было много занятій, да и жилъ онъ въ Царскомъ Селѣ, по близости Лицея, пріютивъ у себя также какъ и онъ уволеннаго тестя своего Яковкина Съ 1832 года снова начинается служба Врангеля по министерству народнаго просвѣщенія Сохраняя должность свою въ Лицеѣ, онъ назначается профессоромъ Главнаго Педагогическаго Института и въ томъ же году, и на тѣхъ же основаніяхъ, занимаетъ каѳедру *россійскаго права* въ С Петербургскомъ университетѣ По преобразованіи этого университета, согласно уставу 1835 года, Врангель былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета и утвержденъ имъ 4 февраля 1836 года Читалъ онъ въ университетѣ россійскіе гражданскіе законы (общіе), а съ 1837—1838 года сталъ преподавать и мѣстные Ни слова не говоря о преподаваніи Врангеля, историкъ Петербургскаго университета (*В. Григорьевъ*, С. Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія СПБ. 1870, стр. 155) упоминаетъ только о немъ, что онъ «пользовался всеобщею любовью за свой кроткій нравъ и покойный характеръ» —Въ 1835 году послѣдовало основаніе Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и баронъ Врангель опредѣленъ въ немъ инспекторомъ классовъ немедленно по основаніи Переѣхавъ по новой обязанности своей изъ Царскаго Села въ Петербургъ, Врангель долженъ былъ отказаться отъ службы въ Лицеѣ и уволился изъ нея 23 іюля 1837 года, получивъ въ пенсію полный окладъ жалованья и званіе заслуженнаго профессора. Въ замѣнъ этой ученой службы въ Лицеѣ, Врангель, съ 15 іюня 1837 года, сталъ преподавать въ Училищѣ Правовѣдѣнія исторію русскаго права (гражданскаго и уголовнаго) Сперанскій, который съ самаго начала царствованія императора Николая до 1839 года работалъ надъ великимъ трудомъ своимъ, Сводомъ Законовъ, безъ сомнѣнія, по службѣ Врангеля въ Коммиссіи, постоянно оказывалъ ему вниманіе и благосклонность, посѣщалъ его и по его пред-

онъ переѣхалъ въ Дерптъ. Здѣсь занялъ онъ каѳедру государственнаго и народнаго права, а также и политики, и конечно читалъ свои лекціи по нѣмецки. Такъ какъ однако на Нейманѣ сказалось сильное вліяніе его первоначальной

ставленію Врангелю выпала на долю высокая честь преподавать, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, юридическія науки государю цесаревичу Великому Князю Наслѣднику (покойному императору Александру Николаевичу) Не будь злобнаго отзыва Магницкаго и удаленія изъ Казани, Врангель не могъ бы удостоиться такого высокаго довѣрія, на которое онъ «смотрѣлъ какъ на лучшую награду трудовъ всей своей жизни».—Воспитатель наслѣдника Жуковскій былъ очень доволенъ преподаваніемъ Врангеля: «Врангель добрый, скромный, человѣкъ чистѣйшей нравственности, былъ богатъ свѣдѣніями по своей части и постоянно усерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей» писалъ онъ къ наслѣднику Цесаревичу немедленно по смерти Врангеля «Ваше Высочество имѣли возможность оцѣнить свойства этого рѣдкаго человѣка» Жуковскій хлопоталъ и о полномъ пенсіонѣ Врангелю, по окончаніи занятій, и о половичномъ женѣ его, по смерти мужа (См. *Русск. Архивъ* 1883 г. Кн 2, стр XXXIX и LVII) О его профессорскомъ преподаваніи, со словъ некролога мы можемъ только сказать, что у него было «твердое нѣсколько одностороннее убѣжденіе, что единственное истинное основаніе права есть исторія а слѣдовательно и изученіе права должно быть исключительно основано на историческихъ изслѣдованіяхъ» Такой исключительно историческій взглядъ на право безъ сомнѣнія почерпнутъ Врангель изъ направленія работъ Коммиссіи о законахъ и единственная, извѣстная намъ глава его курса гражданскаго право. «О супружествѣ», обработанная еще въ Казани, имѣетъ также историческій характеръ: философскихъ опредѣленій у него было немного Тотъ же авторъ некролога, правовѣдъ, говоритъ о Врангелѣ съ большимъ уваженіемъ и любовью, какъ объ инспекторѣ: «Онъ имѣлъ сильное нравственное вліяніе на воспитанниковъ училища: мы всѣ любили и уважали его; необыкновенная снисходительность, кротость и добродушіе,—словомъ вся личность его располагали насъ открывать предъ нимъ душу, не таить отъ него нашихъ мыслей и желаній; онъ душевно радовался каждому даже малѣйшему успѣху, не могъ безъ улыбки удовольствія слышать доброе вѣсти о всякомъ изъ насъ». Нѣтъ причины заподозрить искренность этихъ словъ: Врангель былъ уже въ могилѣ и это не была надгробная рѣчь Время охлаждаетъ непосредственныя чувства и впечатлѣнія Черезъ сорокъ лѣтъ другой правовѣдъ, по всей вѣроятности товарищъ по выпуску автора некролога, отзывался о Врангелѣ нѣсколько иронически, но и онъ не лишалъ его своей симпатіи (*В. В Смысовъ*, «Училище правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ». *Русск. Стар* 1880 т XXIX, стр. 1025). Упрекаютъ Врангеля, и конечно не безъ основанія, что послѣ него не осталось въ печати ни одного сочиненія, ни одного учебника Но всѣмъ извѣстно, что скромная непроизводительность, за немногими блестящими исключеніями и то въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія, составляетъ особое свойство русскихъ профессоровъ. Причины этой непроизводительности имѣютъ по большей части общій характеръ и главныя изъ нихъ заключаются въ молодости нашей науки и въ маломъ сознаніи ея необходимости для страны. Ученая же юридическая литература, по самому ходу вещей, не могла начаться ранѣе трудовъ Неволина, да и теперь она существуетъ почти исключительно въ столицахъ. Врангель умеръ 15 іюня 1811 года, послѣ кратковременной болѣзни, на 57 году жизни

службы въ Коммиссіи законовъ и его лекцій въ Казани, то и въ Дерптѣ, вмѣсто предметовъ каѳедры, на которую онъ былъ назначенъ, онъ читалъ преимущественно о русскомъ правѣ и его исторіи (*)

Предметъ этотъ былъ конечно совершенно новъ для дерптскихъ студентовъ и нѣкоторые изъ нихъ заинтересовались имъ. Объ его учебникѣ русскаго уголовнаго права, переведенномъ на нѣмецкій языкъ однимъ изъ его сушателей, мы упоминали уже выше, на стр. 76. Въ современномъ нѣмецкомъ учено-литературномъ журналѣ, издаваемомъ въ Дерптѣ, мы находимъ нѣкоторыя извѣстія о трудахъ Неймана по русскому праву. Тамъ говорится, что онъ вполнѣ закончилъ обработкою свой учебникъ русскаго уголовнаго права по русски и что этотъ учебникъ скоро долженъ появиться въ печати Его работы по исторіи русскаго права, которыя Нейманъ намѣревается также напечатать, представляютъ нѣсколько частей. „Но при обработкѣ древнѣйшихъ русскихъ законовъ, ему пришлось дѣлать много частныхъ изслѣдованій и изысканій, которыя должны предшествовать окончательной разработкѣ исторіи права, почему эта послѣдняя и должна замедлиться еще на нѣсколько лѣтъ“ Тамъ же читаемъ мы извѣстіе, что въ началѣ 1814 года, съ цѣлью выслушать сужденіе спеціалистовъ и знатоковъ дѣла, Нейманъ представилъ въ Академію Наукъ, гдѣ спеціалистомъ по русской исторіи считался тогда академикъ Кругъ, свое нѣмецкое разсужденіе: „О важности познанія и обработки древняго славянскаго права для объясненія древнѣйшихъ русскихъ законовъ и вообще для русской и славянской исторіи“ (**) Извѣстный изслѣдователь древней русской исторіи и профессоръ этого предмета въ Дерптскомъ университетѣ Эверсъ вѣроятно обязанъ былъ Нейману нѣкоторыми свѣдѣніями въ исторіи русскаго права; онъ называетъ себя ученикомъ Неймана въ этой отрасли знанія (***). Мы не знаемъ однако никакихъ печат-

---

(*) Обзоръ дѣятельности Дерптскаго университета за 1802—1865 гг. Дерптъ 1866. стр 121.

(**) Dorptische Beitrage fur Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst Herausg von Karl Morgenstern. Zweiter Band. Dorpat 1815. S. 284—286

(***) Напечатавъ, въ своихъ «Studien zur grundlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands» основательное изслѣдованіе Неймана сына: «Verfassung und Verwaltung Novgorods im Mittelalter» (S 257—178). Эверсъ, въ преди-

ныхъ трудовъ Неймана собственно по русскому праву, кромѣ вышеупомянутыхъ, а потому ничѣмъ не можемъ подтвердить деритское извѣстіе о его сочиненіяхъ въ этомъ родѣ. Въ 1814 году онъ напечаталъ только двѣ небольшія на нѣмецкомъ языкѣ книжки, содержаніе которыхъ посвящено политикѣ и естественному праву; это только фрагменты, какъ онъ самъ называлъ ихъ (*). Въ этомъ же году, по деритскому извѣстію, и чтеніе лекцій и обработка ученыхъ трудовъ Неймана были временно прерваны поѣздкою въ Казань *съ особыми порученіями*, данными ему министромъ народнаго просвѣщенія.

Какія причины имѣлъ Неймань и какая цѣль была у него въ виду, чтобы тотчасъ послѣ смерти Финке, послѣдовавшей 17 сентября 1811 года, проситься снова въ Казанскій университетъ на его мѣсто и притомъ, какъ мы увидимъ, на самое короткое время—мы не знаемъ. Изъ бумаги министра народнаго просвѣщенія къ попечителю Казанскаго округа (19 окт 1814 г., № 3151) видно, что Неймань самъ объявилъ желаніе занять сдѣлавшуюся вакантною каѳедру правъ естественнаго, политическаго и народнаго *на одинъ годъ*, съ тѣмъ „чтобы *въ сіе время приготовить къ заступленію оной двухъ извѣстныхъ ему магистровъ въ Казанскомъ университетѣ находящихся и по своей части оказавшихъ большіе успѣхи*". Магистры эти были: Алехинъ Николай (о немъ мы уже говорили ч. 1, стр 525) и Манассеинъ Эпиѳифоръ. Въ первое краткое пребываніе Неймана и тотъ и другой были только студентами, ходили къ нему на лекціи не совсѣмъ аккуратно, какъ видно изъ мѣсячныхъ рапортовъ, и кандидатами сдѣлались въ 1811 году, когда Неймана не было уже въ Казани. Алехинъ, какъ мы видѣли, сдѣлался магистромъ въ 1812 году. Въ 1813 и 1814 годахъ онъ уже сообщалъ студентамъ *повторительныя чтенія* права и даже объ Юстиніановомъ законодатель-

---

словіи къ своей книгѣ, изданной тотчасъ послѣ его смерти (Dorpat, 1830 8°), говоритъ, что молодой авторъ изслѣдованія о Новгородѣ «der Sohn eines mir sehr lieben Freundes des Staatsrath und Ritters Neumann ist, welchen ich selbst als meinen Lehrer in der russischen Rechtsgeschichte dankbar anerkenne» Изъ трудовъ Неймана въ этомъ направленіи намъ извѣстенъ только одинъ небольшой, и то въ русскомъ переводѣ: «О жилищахъ древнѣшнихъ Руссовъ и критическій разборъ оныхъ» (сочиненіе г. N), перев *Мих. Погодинъ*. М. 1826.

(*) Это: 1) Principien der Philosophie und Moral. Leipz. 1814. 8° и 2) Principien der Politik. Ein Fragment. Dorpat. 1814 8°.

ствѣ. Такія лекціи состояли въ простомъ повтореніи и вѣроятно распрашиваніи того на русскомъ языкѣ, что студенты выслушали у профессоровъ по латыни. Что касается до Манассеина, который по университету былъ на одинъ годъ моложе Алехина, то ему пришлось пріобрѣтать степень магистра уже не при старыхъ порядкахъ, а съ открытіемъ университета, въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, начавшемъ свои дѣйствія еще въ 1813 году. Экзаменъ Манассеина происходилъ въ апрѣлѣ и маѣ 1814 года, еще при жизни Финке, и подъ его предсѣдательствомъ, какъ старшаго члена отдѣленія, такъ какъ избранные деканы не были еще утверждены Нейманъ пріѣхалъ въ Казань передъ самымъ диспутомъ Манассеина. тезисы его были напечатаны; совѣтъ потребовалъ, чтобы половина этихъ тезисовъ была на латинскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобъ Манассеинъ и защищалъ ихъ по латыни (*). Защита тезисовъ происходила 9 декабря „съ совершеннымъ успѣхомъ“ и Манассеинъ утвержденъ былъ магистромъ правъ.

Для приготовленія этихъ-то двухъ молодыхъ людей къ занятію каѳедры Финке Нейманъ и вызвался пріѣхать въ Казань на одинъ годъ. Министръ нашелъ вызовъ Неймана весьма полезнымъ для университета, опредѣлилъ его и распорядился выдать ему 400 рублей на путевыя издержки. Вѣроятно онъ находилъ вполнѣ возможнымъ со стороны Неймана, „сочиненія котораго по части правовѣдѣнія одобрены Академіею Наукъ и многими учеными особами“, приготовить въ теченіе одного года двухъ малоизвѣстныхъ ему молодыхъ людей для занятія каѳедры, весьма обширной. Но чтобы придать значеніе и болѣе полное содержаніе предстоящей Нейману дѣятельности въ теченіе года, министръ далъ ему „наставленіе“ или инструкцію, составленную по всей вѣроятности самимъ Нейманомъ. Она была предъявлена совѣту. Въ инструкціи высказывалось категорическое указаніе, чтобы Нейманъ препо-

(*) Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не можемъ составить себѣ яснаго представленія о томъ, какъ производились экзамены на степени магистра и доктора въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ въ первые годы по открытіи университета, а между тѣмъ, именно въ немъ, прежде другихъ начались эти испытанія: дѣлъ этого отдѣленія (потомъ юридическаго факультета) въ настоящее время въ архивѣ не существуетъ. По той же причинѣ мы не знаемъ даже заглавія диссертаціи Манассеина, конечно рукописной, и содержанія его печатныхъ тезисовъ.

давалъ *тожмо* лекціи гражданскаго и уголовнаго права знатнѣйшихъ народовъ и лекціи естественнаго права (какъ будто и этого было бы недовольно для Неймана), что онъ долженъ участвовать въ испытаніяхъ по сей части, но что онъ освобождается отъ всѣхъ другихъ университетскихъ дѣлъ. Въ замѣнъ этого освобожденія отъ университетскихъ дѣлъ (Нейманъ избавлялся отъ обязанности ходить въ засѣданія совѣта, что можетъ быть и не составляло для него особой прелести), Нейманъ обязывался читать *особыя лекціи* и преподавать наставленія магистрамъ Алехину и Манассеину: они должны заниматься учеными трудами подъ его руководствомъ. Нейманъ обязанъ каждые три мѣсяца доносить объ ихъ успѣхахъ попечителю, а по окончаніи года—министру. Если бы Алехинъ и Манассеинъ, противу чаянія, оказались нерадивыми или по какому либо случаю выбыли изъ университета, то Нейманъ долженъ былъ „немедленно избрать для образованія по сей части другихъ студентовъ, оказавшихъ собственную къ занятію оной склонность". Отъ имени министра Нейманъ могъ объявить молодымъ людямъ, что начальство обратитъ на нихъ особое вниманіе, если они удовлетворятъ его ожиданія своею ревностью, *а наипаче сочиненіями своими*.—Въ заключеніе этой инструкціи, касающейся занятій Неймана съ магистрами, министръ давалъ ему еще слѣдующее особое порученіе: „Сверхъ того препоручается вамъ доставлять начальству *разныя свѣдѣнія о живущихъ въ близости Казани различныхъ народахъ и о любопытныхъ древностяхъ, находящихся въ окрестностяхъ того города и въ близъ лежащихъ губерніяхъ*" (а эти близъ лежащія губерніи пространствомъ равнялись почти Европѣ—и все это въ одинъ годъ). Въ этомъ особомъ порученіи Нейману высказалась по всей вѣроятности любознательность самого графа Разумовскаго, хотя мы никакъ не можемъ уяснить себѣ что было общаго въ собираніи этихъ свѣдѣній, съ возложенною на Неймана обязанностью приготовить двухъ магистровъ къ занятію каѳедры правъ естественнаго, политическаго и народнаго. „Для собиранія однако этихъ свѣдѣній время преподаванія Нейманомъ лекцій должно быть расположено такимъ образомъ, чтобы онъ могъ отлучаться нѣсколько дней сряду изъ города, „не прерывая тѣмъ преподаваемыхъ лекцій".

Съ 30 ноября Нейманъ началъ свое преподаваніе студентамъ „предварительнымъ курсомъ". Кончивъ этотъ курсъ,

съ новаго 1815 года, онъ сталъ преподавать: по понедѣльникамъ—право естественное, а по вторникамъ—римское. Преподаваніе заключалось въ *диктованіи начертанія* по симъ предметамъ, но у Неймана, по его словамъ, недоставало времени, и онъ поручилъ магистру Манассеину диктовать студентамъ дополнительный къ его лекціямъ курсъ естественнаго права изъ *начертанія* этого предмета, обработываемаго Манассеиномъ подъ руководствомъ професора; Алехинъ дѣлалъ тоже съ римскимъ правомъ. Въ этомъ, сколько намъ извѣстно, и заключалось все приготовленіе двухъ магистровъ. Какъ самъ Нейманъ доноситъ совѣту, лекціи, даваемыя имъ Алехину и Манассеину, состояли въ томъ, что они, подъ его руководствомъ, занимались „обработываніемъ учебныхъ книгъ по избраннымъ ими частямъ, въ которыхъ мы имѣемъ еще почти совершенный недостатокъ“. Эти же составляемые ими учебники они и диктовали. Такой способъ приготовленія Нейманъ считаетъ наилучшимъ, „ибо не тотъ, кто выучилъ токмо преподаваемыя другими мысли, но кто самъ въ состояніи ихъ сравнивать, излагать кратко и ясно, и содѣйствовать къ усовершенствованію науки, можетъ почесться достойнымъ званія профессора“. Магистръ Алехинъ выбралъ для занятій своихъ гражданское и уголовное право знатнѣйшихъ народовъ, а преимущественно римское (успѣхи его были медленны по недостатку пособій, какъ заявлялъ Нейманъ). Манассеинъ сталъ заниматься правомъ естественнымъ, публичнымъ и народнымъ, объясняя его по системѣ Канта. „Какъ подробное изложеніе, такъ и сокращеніе—кончено имъ“, говоритъ Нейманъ въ маѣ 1815 года. Но въ этомъ же маѣ мѣсяцѣ совершенно неожиданно Нейманъ входитъ въ совѣтъ съ представленіемъ о томъ, что въ іюлѣ, если онъ получитъ на то позволеніе начальства, ему необходимо, для окончанія семейныхъ дѣлъ, уѣхать изъ Казани, „а тѣмъ и прервутся даваемыя мною двумъ магистрамъ правовѣдѣнія наставленія“. Для того, чтобъ наставленія эти оставили какіе либо слѣды, Нейманъ посовѣтовалъ молодымъ людямъ воспользоваться §§ 128—130 устава, которыми совѣту предоставляется право каждые два года избирать изъ числа магистровъ двухъ наиболѣе отличившихся и отправлять ихъ въ чужіе краи для усовершенствованія на два года. Къ жалованью, магистромъ получаемому (400 р.), должна производиться тогда прибавка изъ суммы, положенной въ штатѣ на заграничныя путешествія. Молодые люди обрадова-

лись. Перспектива заграничной жизни улыбалась имъ, прелесть далекихъ и невиданныхъ странъ манила ихъ. И Алехинъ и Манассеинъ въ одинъ день подали просьбы въ совѣтъ объ отправленіи ихъ въ чужіе краи, при чемъ оба, считая прибавку къ жалованью магистра недостаточною для жизни за границею, изъявляли готовность пополнить этотъ недостатокъ собственными средствами. Съ своей стороны Нейманъ докладывалъ совѣту, что по его мнѣнію, магистры на столько приготовлены, что могутъ учиться за границею безъ его помощи, но что, если высшее начальство соизволитъ и на будущее время (т. е. сверхъ года), сохранить его въ званіи профессора съ жалованьемъ и согласится на его просьбу отпустить его на четыре мѣсяца за границу, куда ему необходимо ѣхать по семейнымъ дѣламъ, то онъ готовъ сопровождать молодыхъ людей, устроить ихъ на первый разъ, если они изберутъ Лейпцигъ и даже помогать имъ въ трудахъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Нейманъ конечно доказывалъ безспорную пользу отправленія магистровъ въ чужіе краи, не для слушанія тамъ лекцій, а для лучшей обработки начатыхъ ими учебниковъ, при помощи богатыхъ пособіями библіотекъ. Изъ нѣмецкихъ университетовъ, для будущаго пребыванія молодыхъ людей за границею, онъ указывалъ: Лейпцигскій, а потомъ Геттингенскій. Совѣтъ съ своей стороны нашелъ отправленіе магистровъ за границу весьма полезною мѣрою (это была первая попытка въ Казани примѣненія касающихся того параграфовъ устава) и опредѣлилъ ходатайствовать о томъ передъ министромъ, согласно представленію Неймана, а также о заграничномъ отпускѣ его на четыре мѣсяца, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, по причинѣ большихъ издержекъ на путешествіе по низкому тогдашнему курсу, равно какъ и о томъ, чтобы Нейманъ оставленъ былъ въ Казани на прежнихъ основаніяхъ. Эти послѣднія заключались въ томъ, какъ мы уже видѣли, что Нейманъ избавлялся отъ всякихъ университетскихъ обязанностей, кромѣ преподаванія, и сверхъ того получалъ право отлучаться изъ города „для поправленія здоровья“, безъ ущерба для лекцій (въ теченіе полугодоваго пребыванія въ Казани въ этотъ разъ онъ былъ боленъ два мѣсяца). Куда онъ ѣздилъ изъ Казани и на сколько правды заключалось во всѣхъ его заявленіяхъ о поѣздкахъ— сказать не можемъ.

Не ожидая рѣшенія министра на ходатайство совѣта, Нейманъ одновременно подалъ просьбу, ссылаясь на слабое состояніе здоровья, объ увольненіи его въ отпускъ на 28 дней. Вслѣдъ за нимъ такія же просьбы подали въ совѣтъ, приводя, какъ причину отпуска, семейныя обстоятельства и оба магистра. Отпуски были разрѣшены самимъ совѣтомъ и всѣ трое уѣхали немедленно въ Петербургъ, разсчитывая вѣроятно лично хлопотать о заграничной командировкѣ. Но прежде чѣмъ они пріѣхали въ столицу, министръ отказалъ въ этой командировкѣ, находя отправленіе Алехина и Манассеина въ чужіе краи *въ настоящее время* неудобнымъ. На отпускъ самого Неймана онъ согласился и даже оставилъ его по дѣламъ въ Петербургѣ. Что касается до пріѣхавшихъ туда же нашихъ магистровъ, то согласно новому представленію Неймана, сдѣланному уже непосредственно министру, графъ Разумовскій изъявилъ согласіе на то, чтобы они остались въ Петербургѣ „для усовершенствованія себя въ наукахъ и для окончанія начатыхъ подъ руководствомъ Неймана учебныхъ книгъ“. Для помощи имъ и Нейманъ отложилъ свой выѣздъ въ чужіе краи до будущей весны. Министръ разрѣшалъ сверхъ того выдавать жалованье магистрамъ, пока они будутъ оставаться въ Петербургѣ, по 1000 р въ годъ. Жалованье Нейману слѣдовало высылать въ Петербургъ. Когда всѣ трое остались въ Петербургѣ, попечитель Салтыковъ, безъ вѣдома котораго кажется сдѣлалось это переселеніе, и счелъ нужнымъ замѣтить о печальномъ положеніи преподаванія юридическихъ наукъ въ Казани (см. выше стр. 89). Нейманъ успѣлъ выхлопотать себѣ въ Петербургѣ и отпускъ за границу, съ сохраненіемъ жалованья профессора. Онъ уѣхалъ туда въ началѣ 1816 года (жалованье ему или высылалось изъ Казани въ Петербургъ или было выплачено по возвращеніи). Въ апрѣлѣ 1817 года, воротясь въ Петербургъ, онъ снова получилъ четырехмѣсячный отпускъ, на этотъ разъ безъ сохраненія содержанія. Въ Казань онъ не возвращался болѣе, а 18 сентября 1817 г., согласно прошенію, и съ утвержденія новаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, принятъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Оставался здѣсь на службѣ Нейманъ очень не долго и уже въ слѣдующемъ 1818 году онъ снова поступаетъ въ Дерптскій университетъ на каѳедру

лифляндскаго права и практическаго законовѣдѣнія (*), читалъ однако же не провинціальныя права, по прежніе свои предметы: исторію русскаго права, а также русское гражданское и уголовное право. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1826 году, онъ перестаетъ быть профессоромъ и поступаетъ на службу въ собственную Е. И. В. канцелярію по составленію законовъ (2-е отдѣленіе), сохраняя однако и званіе и жалованье профессора. Съ этого времени намъ ничего уже неизвѣстно о дѣятельности Неймана, но невольно приходитъ на память приговоръ о немъ Румовскаго, приведенный нами, что Нейманъ „человѣкъ непостоянный и безпокойнаго характера".

Намъ остается, для полноты исторіи первоначальнаго замѣщенія юридическихъ каѳедръ въ Казани, сказать и о судьбѣ двухъ приготовлявшихся въ Петербургѣ къ занятію ихъ магистровъ. Они остались въ Петербургѣ, согласно предписанію министра (19 іюля 1815 года), заниматься подъ руководствомъ Неймана „для окончанія начатыхъ ими трудовъ" (составленіе учебниковъ). Жалованье имъ по 1000 рублей въ годъ получали по довѣренности каждую треть отцы ихъ въ Казани и высылали имъ въ Петербургъ. Алехинъ, живя еще въ Петербургѣ, произведенъ былъ министромъ въ адъюнкты (3 февраля 1816 года), почему ему сдѣлана была прибавка къ жалованью по 300 р. въ годъ. Сначала оба оставлены были въ Петербургѣ до начала 1816—1817 года, за тѣмъ, такъ какъ судьба ихъ почему-то соединена была съ судьбою Неймана, срокъ ихъ пребыванія въ Петербургѣ продленъ до возвращенія этого послѣдняго изъ за границы. Алехинъ возвратился въ Казань только 5 октября 1817 года, Манассеинъ же, произведенный въ адъюнкты въ Петербургѣ (5 янв. 1817 г.) полугодомъ ранѣе его, немедленно послѣ производства своего въ адъюнкты.

Какъ приготовлялись къ профессорству въ Петербургѣ молодые адъюнкты и въ чемъ состояли ихъ занятія опредѣленно сказать мы затрудняемся. Въ Петербургѣ университета не было; слушать лучшія чѣмъ въ Казани лекціи было имъ не у кого; никакого плана у нихъ не было и никакихъ инструкцій для занятій имъ не давали. Правда сохранились отчеты того и другаго, но ихъ такъ мало и всѣ они говорятъ такъ

(*) Обзоръ дѣятельности Дерптскаго университета, стр 118

немного, что кажется, что и писаны они были лишь для очищенія совѣсти, для сохраненія формы. Такъ Манассеинъ въ мартѣ 1816 года доноситъ, что онъ въ теченіе всего прошлаго года дѣлалъ извлеченія на русскомъ языкѣ изъ естественнаго права и перевелъ естественное право профессора Гуго (*). Эти труды онъ отдалъ проф. Нейману, а тотъ представилъ ихъ на разсмотрѣніе высшаго начальства. Алехинъ въ маѣ того же года писалъ, что онъ въ теченіе январьской трети „изложилъ римское гражданское право, частію для того, чтобы удержать въ памяти читанное имъ, частію для того, чтобъ руководствоваться симъ систематическимъ начертаніемъ при преподаваніяхъ, когда оныя на него будутъ возложены". Ровно черезъ годъ онъ же Алехинъ доноситъ, что въ теченіе всей трети онъ „ожидалъ выписываемыхъ имъ новѣйшихъ юридическихъ сочиненій", а между тѣмъ занимался исторіей римскаго права и переводомъ первой книги институцій. Въ слѣдующемъ своемъ рапортѣ Манассеинъ (въ маѣ 1816 года) доноситъ, что въ теченіе истекшей трети онъ занимался: 1) примѣненіемъ русскихъ законовъ къ естественному праву Гуго и 2) переводомъ европейскаго народнаго права Заальфельда (**) Болѣе рапортовъ не было. На сколько подвинулось дѣло составленія ими учебниковъ, чему придавалъ такую важность руководитель ихъ Нейманъ—намъ тоже неизвѣстно. Что касается лекцій, которыя они должны были по возвращеніи читать въ званіи адъюнктовъ, то и это чтеніе продолжалось весьма не долго. Объ Алехинѣ еще можно сказать, что онъ читалъ съ небольшимъ годъ, а о Манассеинѣ и того нельзя. Въ росписаніяхъ преподаванія на 1817—1818 и 1818—1819 мы встрѣчаемъ указанія на то, что Алехинъ, адъюнктъ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, секретарь отдѣленія нравственно-политиче-

---

(*) Сочиненія *Густава Гуго*, профессора Геттингенскаго университета (1764—1844) занимаютъ очень высокое мѣсто собственно въ исторіи изученія римскаго права; его имя стоитъ рядомъ съ Гаубольдомъ и Савиньи Алехинъ выбралъ для перевода изъ его курса: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts, besonders des Privatrechts Первое изданіе вышло въ Берлинѣ въ 1799 году и много разъ повторялось. Судьба оставшагося, конечно въ рукописи, перевода Алехина—намъ неизвѣстна

(**) *Заальфельдъ* Як. Христоф Фридрихъ, профессоръ философіи въ Геттингенѣ (1785 — 1834). Манассеинъ переводилъ его книгу: Grundriss eines Systems des europaischen Völkerrechts, Gotting. 1809

скихъ наукъ, будетъ объяснять институціи Юстиніана, сравнивая ихъ съ законами франко-гальскими, а Манассеинъ, адъюнктъ юридическихъ наукъ (безъ опредѣленія каѳедры), будетъ читать философію положительнаго права по руководству Гуго и народное европейское право по Заальфельду, но преподаваніе Манассеина и не начиналось вовсе. Алехинъ умеръ вскорѣ (въ мартѣ 1819 года), а Манассеинъ избралъ карьеру, ничего общаго съ призваніемъ и дѣятельностью профессора не имѣющую.

Казалось бы, молодому адъюнкту, только что вернувшемуся въ университетъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ столицѣ, гдѣ во всякомъ случаѣ, не смотря на печальные признаки времени, было гораздо больше возбуждающихъ къ духовной дѣятельности элементовъ, чѣмъ въ глухой провинціи, и гдѣ Манассеинъ *готовился* достойнымъ образомъ занять вакантную каѳедру, казалось бы, говоримъ, слѣдовало на первыхъ порахъ отдаться всею душею своей наукѣ и ея преподаванію. Недавно еще онъ мечталъ о поѣздкѣ за границу, къ которой впрочемъ, чтобы слушать тамъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ, онъ едва ли былъ и приготовленъ настоящимъ образомъ Между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ другое. Едва прошелъ годъ со времени его возвращенія изъ Петербурга, какъ совѣтъ университета (26 апр. 1818 г.) постановляетъ, и конечно по личному желанію Манассеина, отправить его въ званіи визитатора, сначала въ Саратовъ, гдѣ готовились къ открытію гимназіи (открытіе это поручалось профессору Никольскому), а оттуда чрезъ Астрахань въ Кавказскую губернію (она заключала въ себѣ Грузію и Ставропольскую губернію и нѣкоторыя другія части Кавказа и входила тогда въ районъ Казанскаго учебнаго округа, а слѣдовательно находилась по вопросамъ просвѣщенія въ завѣдываніи училищнаго комитета Казанскаго университета). Визитаторское посѣщеніе Манассеина было первое въ этомъ отдаленномъ краю. Ему поручалось „обозрѣніе тамошнихъ учебныхъ заведеній и побужденіе жителей къ заведенію новыхъ“. Манассеинъ уѣхалъ визитаторомъ лѣтомъ 1818 года, вѣроятно съ личною цѣлью лѣчиться на кавказскихъ водахъ, и уже въ октябрѣ того же года вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, присланнымъ изъ Кизляра, въ которомъ онъ высказывалъ желаніе оставить службу адъюнкта. „Эта должность, которой имѣлъ счастіе удостоиться въ университетѣ, писалъ онъ, не токмо

несоотвѣтственна съ теперешнимъ состояніемъ моего здоровья, но по роду моей болѣзни еще болѣе послужитъ къ разстройству онаго, какъ по причинѣ обязанности изустно преподавать наставленія, такъ и по усиленнымъ занятіямъ, которыя предстоятъ всякому, кто истинно привязанъ къ наукамъ и желаетъ въ полной мѣрѣ удовлетворить обязанностямъ наставника и быть достойнымъ званія ученаго. Но чувствуя въ полной мѣрѣ признательность къ Казанскому университету (Манассеинъ учился на казенный счетъ), яко тому высшему учебному заведенію, въ которомъ довершилъ свое образованіе и которому обязанъ настоящимъ своимъ званіемъ, *въ доказательство искренней благодарности*, желаю, сколько силы и способности мои позволятъ, быть полезнымъ службою въ округѣ сего университета въ такой должности, которая бы болѣе соотвѣтствовала моему здоровью и доставила бы возможность возстановить оное въ прежнее состояніе". Манассеинъ говоритъ, что ему помогли кавказскія воды и теплый южный климатъ: близость этихъ водъ и заставляетъ его просить себѣ должности въ Грузіи. Въ Тифлисѣ, недавно причисленномъ къ округу Казанскаго университета, есть училище высшихъ наукъ, называемое пансіономъ (*). Мѣсто директора въ немъ никѣмъ не было занято и Манассеинъ желаетъ получить его, обѣщая съ своей стороны „употребить всѣ усилія къ распространенію просвѣщенія въ столь отдаленномъ отечества нашего краю, коего жители, по мѣстному положенію, претерпѣваютъ великій недостатокъ въ средствахъ къ образованію юношества". Манассеинъ желаетъ, чтобы ему поручено было устроеніе училищъ въ Кавказской губерніи и обѣщается, въ непродолжительномъ времени, учредить три уѣздныхъ и нѣсколько приходскихъ училищъ. Совѣтъ конечно согласился на просьбу Манассеина и представилъ его къ утвержденію, но министръ отказалъ на томъ основаніи, что Манассеинъ не знаетъ языка грузинскаго, а исправляющій нынѣ должность директора училища Букринскій „всѣми на-

(*) Это Тифлисское благородное училище, о которомъ Казанскій университетъ не имѣлъ до 1819 года никакого понятія, было открыто по высочайше конфирмованному проекту главнокомандующаго Грузіею князя Циціанова. Оно основано было въ 1804 году для туземцевъ (грузинъ и армянъ) и имѣло пять классовъ, въ которыхъ было приходящихъ учениковъ 168; ученіе происходило на языкѣ русскомъ, плохо понимаемомъ туземцами. Впослѣдствіе времени изъ него образовалась губернская гимназія

чальниками Грузіи, какъ прежними, такъ и нынѣшними, отлично одобряется". Но принимая въ соображеніе необходимость для здоровья Манассеина жить въ южномъ климатѣ, министръ предлагаетъ ему мѣсто директора училищъ въ самой Кавказской губерніи. На это предложеніе министра Манассеинъ выразилъ согласіе, съ тѣмъ однако, чтобы онъ произведенъ былъ, по закону для отправляющихся въ службу въ отдаленные края, въ чинъ надворнаго совѣтника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая болѣе невыгодныя условія директора кавказскихъ училищъ съ прочими, Манассеинъ просилъ объ ассигнованіи ему денегъ на квартиру, на письмоводителя и на канцелярскіе расходы, и прогонныя на проѣзды по губерніи. Совѣтъ опять ходатайствовалъ согласно прошенію, но не указалъ того источника, изъ котораго можно было бы произвести требуемые Манассеиномъ расходы, а потому послѣдовалъ новый отказъ. Совѣтъ поручилъ тогда самому Манассеину указать источники. Не было на то однако другаго источника кромѣ штатной гимназической суммы (а гимназія была не открыта): на эту сумму онъ указывалъ и прежде, но министръ не согласился расходовать изъ нея до открытія гимназіи и Манассеинъ, высказывая, что онъ не противорѣчитъ министру, просилъ снова производить расходы до открытія гимназіи изъ нея, по открытіи же, директоръ, говорилъ онъ, по своему положенію, будетъ также выгодно обставленъ какъ и директоры въ прочихъ русскихъ губерніяхъ. Это было представлено уже попечителю, которымъ сдѣлался между тѣмъ Магницкій, не заставшій Манассеина въ Казани во время своей ревизіи. На это представленіе о назначеніи Манассеина директоромъ училищъ Кавказской губерніи, совѣтъ получилъ рѣзкую бумагу Магницкаго. Одновременно съ представленіемъ совѣта къ Магницкому пришло письмо Манассеина (вѣроятно тотъ еще не имѣлъ понятія о новомъ попечителѣ), „въ коемъ проситъ онъ объ опредѣленіи его директоромъ училищъ Астраханской и Кавказской губерній съ обращеніемъ въ пользу окладовъ его жалованья по обѣимъ губерніямъ. Во 1-хъ нужнымъ считаю дать знать совѣту, что за разрѣшеніемъ г. министра относительно штатной суммы, не могу уже входить ни въ какія по сему объясненія и представленное на оное возраженіе Манассеина нахожу неприличнымъ. Во 2-хъ требованіе Манассеина быть директоромъ училищъ Астраханской и Кавказской губерній, по мнѣнію моему, показываетъ человѣка болѣе заносчиваго.

нежели дѣйствительно могущаго быть полезнымъ. Не считая по сему особенно важнымъ, чтобы г. Манассеинъ непремѣнно былъ директоромъ училищъ Кавказской губерніи и не видя крайней нужды излишне озабочиваться доставленіемъ ему преимущественныхъ противъ другихъ директоровъ выгодъ, предлагаю совѣту увѣдомить г. Манассеина, что онъ можетъ быть опредѣленъ директоромъ училищъ Кавказской губерніи, по желанію его, съ чиномъ надворнаго совѣтника, на основаніи указа 29 октября 1809 года, но безъ всякихъ прочихъ особенныхъ условій, а на обыкновенномъ положеніи для всѣхъ директоровъ гимназій, вмѣстѣ съ тѣмъ истребовать отъ него рѣшительнаго на сіе отвѣта и, въ случаѣ несогласія, предписать ему немедленно возвратиться къ своей должности въ университетъ, а меня увѣдомить, дабы могъ быть избранъ другой на его мѣсто директора Кавказской губерніи" (28 окт. 1819 г.). Манассеину ничего болѣе не оставалось, какъ согласиться. Утвержденіе Магницкій отложилъ до окончанія визитаціи и ревизіи Манассеина на Кавказѣ. Надобно замѣтить, что Манассеинъ, обревизовавъ гимназію и училища въ Астрахани, поѣхалъ на Кавказъ въ началѣ 1819 года, гдѣ и оставался вслѣдствіе распоряженія министра народнаго просвѣщенія, для устройства учебной части, съ увольненіемъ отъ прежнихъ занятій. Донесенія, дѣлаемыя визитаторомъ о существующихъ на Кавказѣ училищахъ и объ открытіи имъ новыхъ (Манассеинъ открылъ три уѣздныхъ училища: Георгіевское, Кизлярское и Моздокское и одно приходское) (*), Магницкій разсматривалъ съ большою подозрительностью, дѣлая часто свои замѣчанія и требуя чрезъ совѣтъ университета объясненій отъ Манассеина. Такое отношеніе къ нему попечителя вынудило Манассеина въ декабрѣ 1820 года обратиться въ совѣтъ университета съ прошеніемъ объ увольненіи его отъ службы. На это увольненіе онъ имѣлъ, по его словамъ,

---

(*) Описаніе торжества открытія Моздокскаго училища, сдѣланное Манассеиномъ, было напечатано См *Казанскія Извѣстія*, 1819 года, № 52. Актъ торжества совершился съ тою полнотою, какую въ Казани любилъ Яковкинъ Манассеинъ во всемъ слѣдовалъ своему великому образцу Тутъ были: и крестный ходъ, и торжественныя рѣчи, русскія и армянскія, и музыка, и закуска, и выстрѣлы изъ пушекъ, и пѣніе, и сборъ пожертвованій, и иллюминація съ прозрачнымъ картинами, и фейерверкъ «при непрерывномъ звукѣ музыки и громѣ пушекъ», и необыкновенное стеченіе зрителей, и, наконецъ—великолѣпный балъ и ужинъ (беремъ въ общихъ чертахъ порядокъ торжества изъ описанія)

теперь право, такъ какъ своею службою съ 1811 года (въ званіи кандидата) онъ „выполнилъ общую обязанность казенныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, заключающуюся въ выслугѣ шести лѣтъ по учебной части“. Въ доказательство невозможности *продолжать службу въ ученомъ званіи* при Казанскомъ университетѣ, куда и возвратиться безъ очевидной опасности для своего здоровья онъ не можетъ, Манассеинъ представилъ два медицинскія свидѣтельства. Совѣтъ опредѣлилъ, прописавъ заслуги Манассеина по службѣ по визитаціи, ревизіи и открытіи кавказскихъ училищъ, представить ихъ на благоусмотрѣніе попечителя и просить его: 1) ходатайствовать о награжденіи Манассеина знакомъ отличія, 2) возвратить ему собственныя деньги, израсходованныя имъ на разъѣзды по училищамъ и 3) разрѣшить увольненіе съ аттестатомъ. На такое представленіе совѣта получено было предложеніе Магницкаго, въ которомъ ни слова не говорилось объ увольненіи Манассеина въ отставку; напротивъ того— онъ утверждался директоромъ училищъ Кавказской губерніи съ производствомъ ему штатнаго жалованья по 800 р. въ годъ, возвращались изъ визитаторской суммы деньги на разъѣзды, употребленныя имъ изъ своихъ собственныхъ, давался слѣдующій ему по закону чинъ и наконецъ дѣлалось обѣщаніе въ положенный срокъ представить его къ наградѣ орденомъ. Въ другомъ, слѣдующемъ предложеніи совѣту Магницкаго, послѣдній увѣдомлялъ, что получивъ отъ визитатора училищъ Розанова весьма одобрительный отзывъ объ адъюнктѣ Манассеинѣ, онъ представилъ его къ награжденію орденомъ Что заставило Магницкаго такъ скоро измѣнить составленное имъ невыгодное представленіе о Манассеинѣ—не знаемъ. Съ мая 1821 года считается уже Манассеинъ директоромъ училищъ Кавказской губерніи Въ теченіе цѣлаго года, за неимѣніемъ никого другаго, Манассеину привелось исправлять должность штатнаго смотрителя въ Георгіевскомъ уѣздномъ училищѣ; за это онъ, по представленію Магницкаго и съ разрѣшенія комитета министровъ, получилъ въ награду годовое содержаніе штатнаго смотрителя. Въ то же время ему пожаловали орденъ св. Анны 3 ст. и за тѣмъ, еще черезъ годъ, Манассеинъ получилъ въ награду 1000 р. Служба его въ званіи директора училищъ Кавказской губерніи, въ зависимости отъ училищнаго комитета Казанскаго университета, продолжалась до 31 октября 1824 года, когда по высочайшему по-

велѣнію послѣдовало новое распредѣленіе губерній по учебнымъ округамъ и Кавказская губернія отошла къ Харьковскому округу (*). Служба Манассеина въ новомъ учебномъ округѣ продолжалась не долго и въ 1827 году, по представленію управляющаго тогда департаментомъ удѣловъ Л. А. Перовскаго, которому Манассеинъ былъ лично извѣстенъ, онъ назначенъ былъ управляющимъ удѣльной конторой въ Саратовѣ. Въ этомъ городѣ онъ и умеръ 22 января 1833 года.

Безъ сомнѣнія Манассеинъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось отдѣлаться легко отъ ученой карьеры и отъ службы профессора на каѳедрѣ. Имѣемъ основаніе думать, что болѣзнь, на которую онъ ссылался, какъ на главную побудительную причину, вынуждающую его оставить ученую карьеру, и медицинскія свидѣтельства, представленныя имъ въ подтвержденіе, были фиктивнаго характера. Званіе профессора не манило его, какъ и большинство его современниковъ, своими преимуществами. При тогдашнемъ недостаткѣ образованныхъ людей на всѣхъ поприщахъ государственной службы, при усиленномъ требованіи такихъ людей со стороны власти, всякая служба представляла молодому человѣку того времени гораздо больше выгодъ, почестей и блеска въ будущемъ, чѣмъ скромная карьера ученаго, особенно въ провинціальномъ городѣ, гдѣ она и не пользовалась никакимъ со стороны общества уваженіемъ, особенно, если профессоръ въ своей наукѣ и въ своей дѣятельности не выходилъ изъ чисто теоретической сферы. Весьма возможно, что и самъ Манассеинъ чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ профессурѣ, хотя у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ это Въ самомъ дѣлѣ: каково могло быть его приготовленіе къ каѳедрѣ? Этихъ мальчиковъ, казенныхъ студентовъ, какими были Алехинъ и Манассеинъ, директоръ, по своему внутреннему убѣжденію, заставлялъ слушать того или другаго профессора собственно для того чтобъ у профессоровъ были какіе нибудь слушатели, чтобъ аудиторіи ихъ не были совершенно пусты. Манассеинъ слушалъ одного Финке въ теченіе двухъ лѣтъ и едва ли понималъ его по незнакомству съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками; Неймана и Врангеля, говорившихъ съ грѣхомъ по-полламъ по русски, ему пришлось слушать только въ теченіе

(*) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія СПБ 1864 Томъ первый № 491 (стр 1599)

нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ 1811 году онъ былъ уже кандидатомъ, считался на службѣ, получалъ жалованье, но какъ и подъ чьимъ руководствомъ готовился онъ къ полученію степени магистра, въ чемъ состоялъ его экзаменъ на эту степень, была ли, кромѣ тезисовъ, написана имъ какая либо диссертація — все это намъ неизвѣстно. При существованіи тѣхъ патріархальныхъ отношеній, какія господствовали въ университетѣ въ то время и о какихъ намъ уже не разъ случалось упоминать, надобно полагать, что все это дѣлалось чрезвычайно просто и не представляло для болѣе ловкаго юноши никакихъ затрудненій. Двухлѣтнее пребываніе обоихъ магистровъ: Алехина и Манассеина въ Петербургѣ, подъ номинальнымъ руководствомъ Неймана, не могло принести имъ желаемой пользы: учиться имъ было не у кого, а то дѣло, которое выставлялось Нейманомъ, какъ главная ихъ обязанность, т. е. составленіе учебниковъ или проще сказать — переводъ ихъ съ готовыхъ нѣмецкихъ — легко могло бы дѣлаться и въ Казани. Въ какой средѣ жили они въ Петербургѣ — не знаемъ, но ужъ въ Казани они никакъ не могли найти такой умственной среды, которая пріучила бы ихъ къ научному труду. Въ нашихъ молодыхъ университетахъ, и это явленіе было совершенно естественно, не существовало никакихъ преданій научнаго свойства. Исторія создается не вдругъ и чтобъ она создалась, чтобъ появились эти преданія, столь важныя для прочности всякаго человѣческаго дѣла, необходимъ большой промежутокъ времени и множество условій, начиная съ присущей для науки свободы, которыя создаются общимъ развитіемъ страны. Вотъ почему въ тѣ ранніе годы, о которыхъ мы говоримъ, преподавать съ пользою могли только иностранные профессора. Они приносили съ собою и знаніе дѣйствительное и историческія преданія науки; они выросли въ строгой школѣ; польза ими принесенная была несомнѣнна и она была бы гораздо существеннѣе, если бы ихъ не отдѣляло отъ слушателей незнаніе языка. Тѣ русскіе профессора, которые пріобрѣли свои знанія и степени въ первые годы существованія Казанскаго университета только въ немъ одномъ и о которыхъ намъ приходилось говорить до сихъ поръ эпизодически, были вполнѣ ничтожны, да и пробивались они впередъ не столько наукой, трудомъ и знаніемъ, сколько разными посторонними средствами, которыми изобилуетъ провинція. Если Манассеинъ сознавалъ свою неподготовленность къ занятію каѳедры и по

этой причинѣ отказался отъ нея—это бы сдѣлало ему великую честь: но мы не думаемъ, чтобъ это было такъ: ему просто выгодно было въ житейскомъ отношеніи выбрать другой родъ службы. Сколько послѣ него было на разныхъ каѳедрахъ ничтожнѣйшихъ лицъ, которыя могли быть терпимы только въ званіи ученаго, такъ какъ не годились ни въ какой родъ службы! Долго еще университету приходилось страдать отъ неприготовленности профессоровъ. Печальная исторія приготовленія къ каѳедрѣ Алехина и Манассеина, на которой мы невольно остановились, повторялась не разъ. Еще печальнѣе было приготовленіе въ теченіе трехъ лѣтъ уже упомянутаго нами (часть 1, стр. 524) Самсонова въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ, о чемъ мы скажемъ вѣроятно при удобномъ случаѣ. До тѣхъ поръ пока не стали появляться на каѳедрахъ профессора, обязанные своимъ приготовленіемъ Дерптскому профессорскому институту, нельзя было ожидать никакого оживленія, никакого хода впередъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Когда же эта строгая и разумная школа перестала существовать, старая рутина, прежнія привычки взяли къ сожалѣнію верхъ. Случалось, что на цѣлыя десятилѣтія каѳедры безполезно находились въ рукахъ совершенно жалкихъ представителей.

Никогда старый попечитель Румовскій, выписывая профессоровъ для молодаго Казанскаго университета изъ Европы, или съ помощью разныхъ рекомендацій членовъ нашей Академіи Наукъ, находя ихъ у себя подъ рукой, такъ не радовался, какъ въ то время, когда ему удалось пріобрѣсти для Казани перваго профессора астрономіи. Это обстоятельство напоминало ему его молодость, его путешествія для астрономическихъ наблюденій, его прежнее увлеченіе наукой, которая стояла для него выше всѣхъ наукъ, хотя и должна была теперь уступить мѣсто административной дѣятельности. Ему очень хотѣлось получить для Казанскаго университета такого же дѣльнаго профессора астрономіи, какимъ былъ профессоръ математики Бартельсъ, но прошло пять лѣтъ, а онъ не выискивался. Наконецъ случай, такой же, какой былъ при опредѣленіи въ Казань и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ профессоровъ, представился. Тѣ же современныя исто-

рическія событія. Наполеоновскія войны, перевернувшія весь строй старой Европы, мѣнявшія судьбы государствъ и людей, доставили Казанскому университету перваго профессора астрономіи. Эта наука въ тѣ годы, которыми мы занимаемся, заключала въ себѣ особую привлекательную силу: ея изложеніе вѣковѣчныхъ и незыблемыхъ законовъ, господствующихъ въ безначальныхъ и безконечныхъ пространствахъ, являлось какъ бы окончательнымъ выводомъ и синтезомъ того могучаго развитія духа, которое совершалось въ человѣчествѣ въ теченіе всего XVIII вѣка (Ср. нашу книгу, 1 ч., стр. 231—233). Ея преподаваніе было очень важно: его поощряли вездѣ. Человѣкъ, положившій начало этому преподаванію въ Казани, былъ Литтровъ, впослѣдствіи извѣстный и уважаемый всѣми ученый спеціалистъ. Постараемся разсказать о его появленіи въ Казани, о его дѣятельности въ ней и о его казанскихъ отношеніяхъ (*).

Іосифъ Іоганнъ Литтровъ (по нѣмецки свою фамилію писалъ онъ и Lyttrof и Littrof и наконецъ Littrow) по происхожденію былъ нѣмецъ (онъ выводилъ своихъ предковъ изъ Лифляндіи, хотя и родился въ небольшомъ чешскомъ городкѣ Бишовъ-Тейницъ, 13 Марта 1781 года, „въ тотъ самый часъ, какъ замѣчаетъ сынъ-біографъ, когда Гершель открылъ планету Уранъ“. Профессія отца его Антона—неизвѣстна. Послѣ первоначальнаго ученія въ городской школѣ, Литтровъ 13 лѣтъ поступилъ въ 1794 году въ гимназію города Праги. Здѣсь получилъ онъ солидное классическое образованіе и любовь къ литературнымъ занятіямъ, даже къ стихамъ. Тоже продолжалось въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ однако къ филологіи присоединилось и изученіе математики. Но университетскія лекціи неожиданно были прерваны въ 1801 году военными упражненіями. По призыву извѣстнаго австрійскаго полководца эрцгерцога Карла, обращенному къ пражскимъ студентамъ и вызванному войною съ Наполеономъ, Литтровъ поступилъ въ такъ называемый легіонъ. Военная служба его

(*) Мы пользовались въ нашемъ изложеніи біографіей, написанной сыномъ его К. Л. Литтровымъ, директоромъ Вѣнской обсерваторіи (J. J. v. Littrow's vermischte Schriften, 1846, Dritter Band, S. 559—654), его собственными неоконченными очерками, написанными въ тридцатыхъ годахъ: «Bilder aus Russland» (тамъ же, Erster Band, S. 3—96), и конечно болѣе всего архивными документами.

продолжалась однако недолго, чрезъ девять мѣсяцевъ былъ заключенъ миръ, студенты распущены, и Литтровъ вернулся къ университетскимъ занятіямъ.

Но въ университетѣ Литтровъ не могъ никакъ остановиться на какой либо спеціальности; объ астрономіи не было и рѣчи. Свобода слушанія въ нѣмецкихъ университетахъ, вслѣдствіе которой наука является дѣйствительнымъ призваніемъ человѣка, а не чѣмъ-то принудительнымъ, дала ему возможность перепробовать разныя спеціальности. Сначала, какъ и все тогдашнее юношество, сильно занимала его та философія природы, основанія которой положила система Шеллинга. Литтровъ увлекался ея широкими, часто мечтательными обобщеніями, но какъ всѣ люди положительной науки, скоро разстался съ этимъ увлеченіемъ и долго потомъ еще въ жизни, по словамъ сына, онъ жалѣлъ о потраченныхъ имъ напрасно на эту философію природы молодыхъ годахъ своихъ. Но кажется однако, что нѣкоторые отголоски ея идей, занимавшихъ Литтрова въ молодости, сохранились въ его извѣстномъ сочиненіи: „Wunder des Himmels“. Затѣмъ Литтровъ занимался послѣдовательно лекціями юридическихъ наукъ, медицины и даже богословія, но не могъ ни на чемъ сосредоточиться.

Съ 1803 года прекращается слушаніе лекцій и Литтровъ выбираетъ призваніе домашняго наставника, живя въ семействахъ разныхъ австрійскихъ графовъ и бароновъ, то въ ихъ имѣніяхъ, то наконецъ въ Вѣнѣ. Занятія воспитателя и учителя скоро однако перестали удовлетворять Литтрова. Онъ колеблется; то рѣшается держать экзаменъ на ученую степень по юридическимъ наукамъ, то даже, въ качествѣ ревностнаго католика, думаетъ поступить въ монастырь. Къ счастію для Литтрова совѣтъ знакомаго ему директора реальнаго училища въ Вѣнѣ, оцѣнившаго его познанія въ математикѣ, направилъ его на ту дорогу, по которой онъ уже шелъ до конца жизни Этотъ директоръ посовѣтовалъ ему заняться астрономіей, гдѣ именно онъ и могъ бы примѣнить свои математическія свѣдѣнія. Литтровъ нашелъ наконецъ призваніе и съ глубокимъ увлеченіемъ отдался астрономіи. Онъ сталъ дѣлать наблюденія на вѣнской обсерваторіи, находившейся въ завѣдываніи астронома іезуита Триснекера, близко сошелся съ нимъ и даже жилъ въ домѣ довольно извѣстной любительницы астрономіи въ Вѣнѣ баро-

нессы Маттъ. Въ 1807 году, изъ Силезіи, гдѣ онъ жилъ въ домѣ барона Гастгеймба въ качествѣ наставника, Литтровъ писалъ уже первыя астрономическія письма свои къ только что упомянутому Триснекеру. Въ томъ же году (19 Ноября) по конкурсу, объявленному Краковскимъ университетомъ, за астрономическую работу, имъ представленную и найденную судьями лучшею, особенно потому что Литтровъ не имѣлъ школы и являлся нѣкоторымъ образомъ самоучкой, онъ получилъ въ этомъ австрійскомъ тогда университетѣ каѳедру астрономіи и высшей математики.

Въ Краковѣ началась первая профессорская дѣятельность Литтрова, не смотря на то, что обсерваторія тамъ находилась въ очень жалкомъ положеніи и была лишена почти всякихъ научныхъ пособій. Литтровъ былъ однако вполнѣ доволенъ, что жизнь его устроилась и научное призваніе опредѣлилось; въ іюлѣ слѣдующаго года онъ женился, скоро былъ у него адъюнктъ, необходимый при наблюденіяхъ. Тѣмъ спокойнѣе могъ онъ отдаваться наблюденіямъ неба, что счастіе на землѣ казалось было устроено. Судьба однако рѣшила иначе и скоро Литтрову, конечно противъ желанія, пришлось переселяться изъ древней столицы польскихъ королей въ прежнюю столицу царей татарскихъ.

Съ начала 1809 года всѣ признаки предсказывали войну Австріи съ Французской имперіей. Въ мартѣ началось движеніе австрійскихъ войскъ къ предѣламъ страны, но уже 30 апрѣля Наполеонъ, разбивъ нѣсколько разъ австрійцевъ, занялъ Вѣну. Уступая давленіямъ Наполеона, своего союзника послѣ Тильзитскаго мира, императоръ Александръ I, который велъ уже тогда три войны: съ Англіей, Швеціей и Турціей, рѣшился начать и четвертую—съ Австріей. Подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына (*) собранъ былъ корпусъ въ числѣ 70.000 человѣкъ на австрійской границѣ; но до конца мая 1809 года онъ не переходилъ ея. Между тѣмъ часть австрійской арміи, подъ командою эрцгерцога Фердинанда, заняла Варшаву и половину тогдашняго Варшавскаго герцогства. Тогда Наполеонъ предписалъ извѣстному польскому вождю, коман-

(*) Къ этому Голицыну, женатому на одной изъ племянницъ Потемкина, относятся 10 и сл. строфы оды Державина «Осень во время осады Очакова» (1788)

дующему варшавскимъ корпусомъ, князю Понятовскому, двинуться въ Галицію въ тылъ австрійцамъ. „Галичане встрѣтили войска Понятовскаго, какъ освободителей“ (Богдановичъ). Тогда только русскій авангардъ, какъ кажется нарочно медливший, въ свою очередь вступилъ въ Галицію. Между русскимъ и польскимъ предводителями начались недоразумѣнія. Къ обоимъ императорамъ посылались взаимныя жалобы. Князь Голицынъ видимо былъ на сторонѣ австрійцевъ, хотя и доносилъ императору Александру, что жители Галиціи охотно готовы поступить подъ русскую державу. Цѣлью движенія какъ русскихъ такъ и польскихъ войскъ сдѣлался Краковъ, откуда австрійцы выступили, какъ только что было получено извѣстіе о пораженіи Наполеономъ ихъ арміи подъ Ваграмомъ (24 іюня) II русскіе и поляки спѣшили предупредить другъ друга по пути къ древней польской столицѣ. Отряды тѣхъ и другихъ одновременно вступили въ Краковъ. Но преимущество численности было за поляками и собственно въ ихъ власти и остался городъ, жители котораго приняли присягу на подданство Наполеону, и отъ его имени учреждено было новое управленіе Вслѣдствіе этого по Шенбрунскому договору (2 окт. 1809 г.) Галиція была присоединена къ Варшавскому герцогству. Россіи же достался городъ Тарнополь съ его округомъ, отошедшими снова во власть Австріи по Вѣнскому трактату. Такъ кончилась наша единственная и какъ кажется вполнѣ безкровная война съ Австрійской имперіей (*).

Эти политическія и военныя событія должны были сильно отразиться на судьбѣ австрійскаго Краковскаго университета и его профессоровъ, которые съ выходомъ изъ города австрійскихъ властей перестали получать жалованье, а слѣдовательно и на судьбѣ Литтрова. Въ самые дни вступленія въ Краковъ корпуса Понятовскаго, у Литтрова умеръ только что родившійся первый сынъ. Вслѣдъ за этимъ разныя бѣдствія обрушились на него, по разсказу его біографа. Не смотря на всѣ его возраженія, обсерваторію обратили въ пороховой магазинъ: цѣна жизненныхъ припасовъ поднялась необычайно; всякая надежда на помощь австрійскаго прави-

(*) Подробности у Богдановича: «Исторія царствованія императора Александра I» 1869, т II, стр 435—455

тельства исчезла и нужда заставила побѣдителя скорѣе принять какія либо мѣры. Правда біографъ его передаетъ, что австрійскій губернаторъ Галиціи графъ Вурмзеръ выдалъ Литтрову аттестатъ, въ которомъ много говорилось о его познаніяхъ, честномъ и твердомъ характерѣ, что преданности австрійскому императору, но этотъ аттестатъ не могъ дать Литтрову того что ему было необходимо— средствъ для жизни. Можетъ быть и новый польскій ректоръ Краковскаго университета графъ Скарбекъ просилъ Литтрова остаться въ Краковѣ на извѣстныхъ условіяхъ но Литтровъ колебался: онъ все еще былъ австрійскій подданный. Участь его была рѣшена приглашеніемъ на каѳедру астрономіи въ Казань. Біографъ Литтрова однако или не знаетъ, или не хочетъ упомянать, что инициатива этого приглашенія исходила отъ самого профессора. Передъ нами лежитъ французское письмо Литтрова, написанное имъ 19 августа 1809 г. Слѣдовательно въ первые дни занятія Кракова корпусомъ Понятовскаго (выше нѣкоторыя числа событій мы приводили по старому стилю), обращенное къ командующему русской арміей князю Голицыну, на котораго слѣдовательно онъ смотрѣлъ, какъ на своего естественнаго покровителя. Письмо это по нашему мнѣнію любопытно, оно обрисовываетъ положеніе профессора подъ свѣжими впечатлѣніями подавляющихъ политическихъ событій времени и мы приведемъ его извлекая болѣе выдающіяся мѣста.

Упомянувъ о томъ, что у него почти нѣтъ родины, оставленной имъ въ дѣтствѣ, Литтровъ говоритъ, что „рѣшился окончить дни свои въ литературномъ уединеніи, единственно посвященномъ наукамъ", и переходитъ къ своему настоящему положенію. „Поляки, продолжаетъ онъ, только что возвратили себѣ свою страну. Интендантъ, губернаторъ и много польскихъ генераловъ, ежедневно приходящихъ осматривать обсерваторію, безъ всякаго вызова съ моей стороны, увѣряютъ меня, что и на будущее время я могу спокойно оставаться на мѣстѣ и продолжать занятія наукою, что на всемъ пространствѣ страны они не знаютъ никого, кто бы могъ замѣстить мою каѳедру. Я убѣжденъ, что они любятъ, уважаютъ науки, но они ненавидятъ нѣмцевъ и обращаются съ ними презрительно. А я, жившій до настоящаго времени между звѣздами, и ничѣмъ не вызвавшій ихъ нерасположенія къ себѣ, служившій наконецъ вѣрно своему народу, импера-

тору, я не въ состояніи допустить, чтобы меня презирали только потому, что я не полякъ Мнѣ остается или возвратиться на родину или искать такое мѣсто, гдѣ бы я, окруженный уваженіемъ, могъ исключительно посвятить себя наукѣ. Я рѣшился наконецъ на выборъ послѣдняго Въ другихъ мѣстахъ науку только терпятъ, въ Россіи ее уважаютъ (въ тѣ годы слова эти пожалуй не были преувеличеніемъ). На долю счастливаго жителя этихъ обширныхъ областей выпалъ жребій служить благородному и великодушному императору, доставляющему счастіе столькимъ народамъ и находящему личное благо въ благѣ подданныхъ....“

Высказавъ все это, Литтровъ уже прямо обращается къ князю Голицыну съ просьбою доставить ему въ Россіи астрономическую обсерваторію, или каѳедру профессора высшей математики. Онъ считаетъ безполезнымъ ссылаться на аттестаты; достаточно того факта, что онъ профессоръ въ императорскомъ университетѣ, но упоминаетъ однако, что онъ выдержалъ въ Вѣнѣ очень строгій экзаменъ у самыхъ извѣстныхъ австрійскихъ астрономовъ, а въ доказательство своихъ знаній прилагаетъ нѣсколько рукописныхъ астрономическихъ трактатовъ, писанныхъ по латыни, на случай представленія ихъ какому либо университету (*). „Выборъ города, гдѣ бы я могъ служить августѣйшему монарху и наукамъ, — для меня безразличенъ, заключаетъ Литтровъ свое письмо. Мнѣ нуженъ только университетъ и при немъ библіотека, безъ которой я не могу существовать. Что касается жалованья, то я прошу только считать меня на равнѣ съ прочими астрономами и профессорами высшей математики, такъ чтобы мнѣ осталось кое-что на покупку книгъ“. Сверхъ того Литтровъ проситъ средствъ на дорогу. Свидѣтельства о его познаніяхъ отъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ европейскихъ астрономовъ онъ надѣется получить скоро, какъ только возобновятся прерванныя войною почтовыя сообщенія.

Это обращеніе Литтрова къ нашему командующему войсками въ Галиціи было получено послѣднимъ 22 нашего августа, а уже 31 того же мѣсяца Румовскій, возвратясь от-

---

(*) Это небольшія статьи, числомъ пять, впослѣдствіи переработанныя и распространенныя, были помѣщены потомъ Литтровымъ въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ.

куда-то на свою петербургскую квартиру, нашел следующую записку отъ министра Завадовскаго. „Нужно знать: можетъ-ли астрономъ Литтровъ занять должность профессора при Казанскомъ университетѣ, способенъ ли онъ къ сей должности и надобенъ ли онъ тамъ". Съ послѣдующею, какъ бы доказывающею приведенныя нами выше слова Литтрова объ уваженіи у насъ науки, Румовскій отвѣчалъ на другой же день министру, что „судя по сочиненіямъ, представленнымъ Литтровымъ князю Голицыну, онъ равно искусенъ какъ въ высшей математикѣ, такъ и въ астрономіи, и *во всей нѣмецкой землѣ мало сыщется такихъ людей, коимъ предъ Литтровымъ должно отдать преимущество, и пріобрѣтеніе его для всякаго въ Россіи университета почитаю я драгоцѣннымъ*". По уставу 1804 года астрономія дѣлилась между двумя, одинаковыя права имѣющими профессорами, профессоромъ астрономомъ-наблюдателемъ и профессоромъ теоретической астрономіи. Литтровъ, по мнѣнію Румовскаго, достоинъ занять и ту и другую каѳедру, но онъ полагаетъ что „каѳедра астронома - наблюдателя долгѣ должна остаться праздною, доколѣ не устроена будетъ обсерваторія, и не снабжена нужными инструментами". Литтровъ можетъ по этому преподавать теоретическую астрономію, а когда „приспѣетъ время, *управлять строеніемъ обсерваторіи*, которая ежели не для *тщеславія должна быть воздвигнута*, то должна приправлена быть къ инструментамъ, какіе нынѣ въ употребленіи". Смущаетъ Румовскаго то обстоятельство, что библіотека Казанскаго университета не богата математическими книгами, но онъ утѣшается однако тѣмъ, что Литтровъ „въ комментаріяхъ Академіи и въ книгахъ покойнаго академика Иноходцева, ежели они въ Казань отправлены, довольно найдетъ сочиненій до высшей математики и астрономіи относящихся". Но Румовскій опасается особенно другаго обстоятельства, которымъ, по его словамъ, можетъ огорчиться Литтровъ, а университетъ его лишиться. „онъ вѣрно въ Краковѣ при обсерваторіи имѣлъ готовую квартиру, а въ Казани, не имѣя сего удовольствія, будетъ скорбѣть, какъ прочіе профессора и адъюнкты".

Слѣдствіемъ этого донесенія попечителя министру, было уже прямое приглашеніе Румовскаго и предложеніе Литтрову занять каѳедру астрономіи теоретической (и практической— прибавлялъ отъ себя уже, въ противность уставу, Румовскій, такъ какъ послѣдняя лежала на обязанности другаго профес-

сора, астронома-наблюдателя). По соглашенію съ министромъ, Румовскій обѣщалъ Литтрову 500 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ, пока университетъ не будетъ въ состояніи помѣстить его въ собственномъ зданіи. Это увѣдомленіе Румовскаго было отправлено Литтрову 13 сентября, а уже 15 ноября н. с., слѣдовательно съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Литтровъ высказывалъ попечителю радость „de dédier mes jours sous un chef. à qui cette science doit sa fleur et son fruit le plus beau dans votre pays". Колебаній и долгой нерѣшительности со стороны Литтрова ѣхать въ страну, съ языкомъ которой и съ условіями жизни въ ней онъ былъ совершенно незнакомъ, мы не видимъ и напрасно говоритъ о нихъ его біографъ-сынъ. Была конечно естественная боязнь зимы, страшной русской зимы, представляющейся обыкновенно болѣе южному уроженцу въ необычайныхъ размѣрахъ, пугала страшная даль и неизвѣстность, припоминался стихъ Виргилія, вложенный имъ въ уста кумской сивиллы, о спускѣ въ подземное царство: „facilis descensus Averni, sed revocare gradum". . (VI, 126), но замедленіе въ отъѣздѣ произошло не по винѣ Литтрова. Черезъ три недѣли послѣ перваго письма своего къ Румовскому, Литтровъ снова пишетъ ему, не зная, въ теченіе этого времени, ничего о своей участи, не получая никакихъ извѣстій отъ князя Голицына, который долженъ былъ снабдить его деньгами на дорогу. Онъ проситъ совѣта Румовскаго: „Поляки съ радостью предложили мнѣ каѳедру астрономіи въ Краковѣ, но я отказался. Сегодня въ третій разъ я получилъ предложеніе австрійцевъ. Они учреждаютъ университетъ въ Леополѣ (Львовѣ): у нихъ не достаетъ астронома. Всѣ прочіе краковскіе профессоры собрались уже тамъ и только я одинъ остаюсь въ непріятельской землѣ. Губернаторъ графъ Вурмзеръ приглашаетъ меня оффиціально; мои товарищи начинаютъ недовѣрять мнѣ и торопятъ меня присоединиться къ нимъ. Мнѣ нѣтъ никакой надобности бѣжать отсюда, но я не подавалъ еще оффиціальной просьбы объ отставкѣ, такъ какъ ничего до сихъ поръ положительнаго не знаю о моемъ переселеніи въ Россію. Позвольте говорить откровенно. *Я тысячу разъ предпочитаю Россію всѣмъ другимъ странамъ, даже скажу безъ колебанія, моей родинѣ*; но я опасаюсь сыграть плохую игру и не попасть ни въ одну изъ трехъ. У меня семья, а потому простите мнѣ мое раздумье: оно вызвано семейными обязанностями". Что касается до размѣра суммы, необходимой на

переѣздъ, то Литтровъ опредѣленіе этого размѣра предоставляетъ попечителю, но проситъ принять въ соображеніе, что ему предстоитъ сдѣлать болѣе 2100 верстъ, что со времени занятія Кракова онъ не получаетъ вовсе жалованья, что онъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ дозволенія привезти съ собою безпошлинно изъ за-границы имущества на 3000 рублей, не имѣя ничего (это предоставлялось иностраннымъ профессорамъ особымъ распоряженіемъ), что ему необходимо еще купить много книгъ по астрономіи, „которыя вѣроятно трудно будетъ пріобрѣсти на границѣ Азіи. Mais pourquoi tout cela au père de l'astronomie en Russie?, заключаетъ свое письмо Литтровъ: nous sommes ses fils, il nous connait, il ne nous abandonnera pas".

Дѣйствительно Румовскій распорядился немедленно. Къ князю Голицыну было послано отношеніе о выдачѣ Литтрову 1200 руб. на проѣздъ изъ Кракова въ Казань (что составляло 200 червонцевъ) и паспорта. Эта переписка заняла еще нѣсколько времени, такъ что только 19 января 1810 года Литтровъ могъ начать продолжительную, весьма утомительную, полную и печальныхъ и комическихъ приключеній одиссею свою до Казани. Въ Тарнополѣ, главной квартирѣ русской арміи, отъ князя Голицына, онъ получилъ свой паспортъ и деньги (чрезъ двѣ недѣли послѣ ихъ свиданія князь Голицынъ умеръ, 20 янв.). Нѣмецъ-чиновникъ на русской границѣ въ Оссіерно долго ставилъ разныя затрудненія къ переѣзду чрезъ границу, такъ какъ Литтровъ имѣлъ неосторожность не взять съ собой никакихъ документовъ отъ австрійскихъ властей и только подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла заставило его наконецъ согласиться на пропускъ; за то русскій унтеръ-офицеръ, на первомъ казачьемъ пикетѣ, протянулъ руку въ кибитку, попросилъ на-водку и пропустилъ путешественниковъ безъ дальнѣйшихъ распросовъ. Только 2 февраля пріѣхалъ Литтровъ въ Кіевъ и былъ по его разсчету на полпути. Но здѣсь живетъ онъ болѣе недѣли, а выѣхать не можетъ. Письмо отъ 9 февраля къ попечителю можетъ дать намъ понятіе о встрѣченныхъ имъ здѣсь затрудненіяхъ. Выдали ему въ Тарнополѣ подорожную на 8 лошадей (ему нужно было столько, такъ какъ онъ везъ съ собою много книгъ):

«Мнѣ говорили, что я буду ѣхать очень быстро, между тѣмъ на дорогу отъ Лемберга до Кіева пришлось употребить цѣлый мѣсяцъ. Всѣ мои настоянія, просьбы, угрозы—все было тщетно. Уже семь разъ пришлось мнѣ ѣхать на наемныхъ лошадяхъ, и за каждую милю платить по червонцу золотомъ. Позвольте мнѣ для примѣра привести только Кіевъ,

гдѣ я живу уже цѣлую недѣлю Когда 2 февраля пришелъ я на почту, почтмейстеръ (вѣроятно смотритель станціи) сказалъ, чтобъ я явился завтра, такъ какъ сегодня лошадей нѣтъ—всѣ въ разгонѣ Пришелъ я на другой день, но онъ былъ такъ пьянъ, что едва ворочалъ языкомъ Когда я снова явился поздно вечеромъ—мнѣ велѣли придти 4-го и пораньше утромъ Но въ ночь пріѣхалъ какой-то офицеръ, прибилъ почтмейстера и силою отнялъ лошадей, которыя были оставлены для меня На мою угрозу, что я буду жаловаться губернатору, почтмейстеръ только отвѣчалъ смѣхомъ Тогда я рѣшился дѣйствовать иначе Послѣ подарка въ три рубля, онъ обѣщалъ 5-го, въ полдень, непремѣнно дать мнѣ лошадей, но какъ только я явился за ними, оказалось что какой-то помѣщикъ уже забралъ ихъ себѣ Я сослался на свои три рубля, но помѣщикъ со смѣхомъ увѣрялъ меня, что онъ далъ почтмейстеру десять рублей и прибавилъ, что кто лучше смазываетъ, тотъ лучше и ѣдетъ Я вздумалъ было нанять вольныхъ но съ меня запросили 40 рублей только до первой станціи Не имѣя возможности платить такъ дорого, я наконецъ рѣшился сидѣть на почтѣ до тѣхъ поръ, пока не получу лошадей И вотъ я сижу здѣсь сегодня, досадуя и почти безъ всякой надежды на окончательное избавленіе Я считаю долгомъ прибавить къ этому, что тоже случается со многими, почти со всѣми, за исключеніемъ военныхъ, которые силою умѣютъ настоять на порядкѣ»

Эти неизвѣстные до сихъ поръ Литтрову обычаи должны были сильно возмущать его, пока онъ не познакомился лучше со страною Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ сознается, что причиною множества недоразумѣній и препятствій, встрѣченныхъ имъ на длинномъ пути, было незнаніе имъ людей и совершенное незнакомство съ языкомъ. Онъ не понималъ ни одного слова русскаго, и съ досады, на границѣ, рѣшился совсѣмъ не учиться по русски. Пришлось конечно горько раскаяться.

Тѣ русскіе, и даже люди образованные, съ которыми встрѣчался нашъ путешественникъ, или смѣялись надъ его злоключеніями или рекомендовали ему, какъ панацею, насильственныя мѣры. Въ Кіевѣ же, въ величайшей досадѣ на почтовые безпорядки. Литтровъ, въ дорожномъ костюмѣ, отправился прямо къ губернатору (имъ былъ какой-то Ланской, очень образованный, по словамъ Литтрова, и вполнѣ владѣвшій французскимъ языкомъ человѣкъ). Разсказавъ ему обо всѣхъ непріятностяхъ, онъ просилъ помощи, просилъ научить что ему дѣлать, чтобы имѣть возможность спокойно доѣхать до Казани, пугалъ, что онъ не тронется дальше. Губернаторъ принялъ его весьма ласково, но не далъ никакого другаго совѣта, кромѣ употребленія палки на почтовыхъ станціяхъ Профессоръ сталъ доказывать, что это не совсѣмъ удобно, что онъ ѣдетъ одинъ, что ему придется можетъ быть имѣть дѣло съ двадцатью человѣками, которые его самого поколотятъ. Губернаторъ засмѣялся, говоря, что видно путешественникъ совсѣмъ не знаетъ Россіи,

что въ ней ни одинъ мужикъ не рѣшился ударить хорошенько. (Впрочемъ, при отъѣздѣ Литтрова, изъ особой любезности къ нему, онъ далъ ему въ провожатые до Казани солдата мѣстной команды.) Вечеромъ въ тотъ же день губернаторъ пригласилъ Литтрова въ гости. Собравшемуся обществу ему снова пришлось передавать свои дорожныя жалобы, но онѣ вызывали не сожалѣніе, какъ онъ разсчитывалъ, а только смѣхъ, всеобщій и неудержимый. „Вы понимаете конечно по русски?" спросилъ его одинъ изъ присутствующихъ, къ которому прочіе относились съ особеннымъ уваженіемъ. „Ни слова"—былъ отвѣтъ. „Но вѣдь вы знаете же русскія буквы"—„Положительно ни одной.—Ну, такъ я напишу вамъ латинскими буквами только два слова, но прошу васъ твердо выучить ихъ наизусть и произносить ихъ громко и съ ударѣніемъ при всякомъ случаѣ, когда вы сочтете нужнымъ употребить въ дѣло ихъ, а это впередъ вамъ говорю, будетъ часто, если вы желаете ѣхать хорошо". При этомъ было очень гуманно замѣчено Литтрову, что нужно только остерегаться бить по головѣ или лицу, что можетъ конечно имѣть дурныя послѣдствія а вообще же вовсе не слѣдуетъ стѣсняться. Сообщивъ все это, любезный господинъ присѣлъ къ столу и написалъ таинственныя слова, которыя должны были на будущее время защитить профессора при всякомъ столкновеніи на станціяхъ и спасать его отъ противодѣйствія. Магическая формула состояла изъ слѣдующихъ словъ: „Ja potpolkovnik, a ti sobaka, k.. insyn". Литтровъ испугался, когда узналъ въ переводѣ смыслъ написанныхъ словъ, но, какъ самъ сознается, часто и не безъ пользы употреблялъ ихъ на своемъ долгомъ пути въ Казань (*).

Кто странствовалъ по Россіи въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, тотъ конечно не забылъ ни прелестей, ни неудобствъ первобытнаго пути, но ѣхать изъ Кіева до Казани въ исходѣ зимы, какъ случилось это съ Литтровымъ, было

(*) Въ Кіевѣ Литтровъ долженъ былъ оставить, помѣстивъ ее въ больницу приказа общественнаго призрѣнія, сильно захворавшую служанку, взятую имъ изъ Кракова. Но выздоровленіи, она была задержана полиціею за неимѣніе письменнаго вида и о ней еще въ сентябрѣ происходила переписка между Кіевомъ и Казанью. Литтровъ выслалъ деньги для отправки ея или въ Казань, къ нему, если она того пожелаетъ, или къ родителямъ—въ Краковъ.

особенно затруднительно. Изъ его разсказовъ мы видимъ какъ постепенно знакомится онъ и съ курными избами, гдѣ по необходимости приходилось ночевать для больной, беременной жены, и съ зажорами по рѣкамъ, и съ поломками экипажей, и съ быстротою ѣзды. На больной женѣ въ особенности отразились трудности пути. На нее нашло даже временное помѣшательство. Разъ на одной станціи, когда мужъ оставилъ ее одну въ повозкѣ и пошелъ въ станціонный домъ, онъ не нашелъ ея по возвращеніи. Никто не видалъ какъ и куда она исчезла. Литтровъ послалъ людей во всѣ стороны на поиски и самъ побѣжалъ. Послѣ продолжительныхъ блужданій и едва отбившись съ помощью проѣзжаго крестьянина отъ большой стаи злыхъ деревенскихъ собакъ, Литтровъ нашелъ наконецъ свою подругу: она сидѣла на холмикѣ, покрытомъ снѣгомъ. На вопросъ: что она тутъ дѣлаетъ, бѣдная женщина отвѣчала, что пасетъ своихъ милыхъ бѣленькихъ гусятъ. Литтрову долго пришлось увѣрять больную, что ея гусята были кучками снѣга и убѣдить ее возвратиться.

Встрѣчались конечно на этомъ длинномъ пути и впечатлѣнія болѣе пріятныя, доставлявшія полное удовлетвореніе. Мы не ошибемся, если скажемъ, на основаніи позднѣйшихъ русскихъ воспоминаній Литтрова, что хорошее впечатлѣніе, вынесенное имъ о русскомъ народѣ и о природѣ страны, что его мягкое, любовное такъ сказать отношеніе къ этому простому народу, которому онъ искренно желалъ освобожденія отъ крѣпостнаго гнета, воспитались въ его поѣздкахъ по Россіи. Первый шагъ въ русскихъ предѣлахъ былъ отраденъ для него и онъ записалъ его. „Веселость, врожденная русскимъ, проявляется въ особенности въ любви къ пѣнію и вообще къ музыкѣ. Русскіе, какъ и большинство славянъ—поющая нація и совершенный недостатокъ въ музыкальномъ чувствѣ, такъ часто встрѣчающійся между нѣмцами, у нихъ весьма рѣдокъ. Эту характерную черту русскихъ я узналъ впервые, когда въ декабрѣ 1809 года, пріѣхалъ въ тогдашній пограничный русскій городъ Тарнополь. Тогда только что прекратились ужасы войны и на жителяхъ Галиціи, надъ опустошенною страною лежала общая печаль вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ и страшныхъ потерь. Но какъ измѣнилась сцена, когда я, позднимъ вечеромъ, вступилъ на русскую границу. Только что спустившаяся съ неба ночь освѣщалась безчисленными сторожевыми огнями русскихъ, со всѣхъ сторонъ зву-

чала музыка и веселыя пѣсни солдать у огней раздавались далеко за полночь. Во все время моего пути я видѣлъ въ праздничные вечера по деревнямъ сборища молодежи обоего пола и слышалъ исполненіе многоголосныхъ пѣсенъ, часто очень художественной композиціи, съ такою вѣрностью и съ такимъ чувствомъ, которое у насъ, и часто не въ такой высокой степени, пріобрѣтается только послѣ долгаго упражненія въ школѣ".

Изъ Кіева же, жалуясь попечителю на трудности и дороговизну путешествія, Литтровъ проситъ его выслать ему еще денегъ на дорогу и объяснить министру то печальное положеніе, въ которомъ онъ находился. „Я ѣду къ границамъ Азіи, пишетъ онъ, чтобы жить для своей науки, чтобы приносить пользу государству, посвящая на то всѣ мои силы, а вовсе не для того, чтобы собирать сокровища... Живу я такъ скупо, какъ только возможно, но у меня семья и я сильно безпокоюсь объ окончаніи моего пути. До сихъ поръ я ѣхалъ съ большою бодростью, исполненный прекрасныхъ надеждъ, но каково будетъ мое положеніе, когда я принужденъ буду остаться безъ денегъ между чужими людьми?" Румовскій немедленно распорядился о высылкѣ на имя директора Нижегородской гимназіи 50 червонныхъ для выдачи Литтрову.

Но пока шло это письмо Литтрова изъ Кіева отъ 9 февраля (оно было получено въ Петербургѣ лишь 1 марта), Румовскій сильно безпокоился о судьбѣ столь нетерпѣливо ожидаемаго имъ астронома, тѣмъ болѣе что отъ министра даже не высланъ былъ ему заграничный паспортъ. Какъ разъ въ это время происходила смѣна министровъ народнаго просвѣщенія. Графъ Завадовскій, человѣкъ уже очень старый и малодѣятельный (въ Петербургѣ о немъ говорили, что онъ шесть дней въ недѣлѣ ничего не дѣлаетъ, а въ седьмой отдыхаетъ) выходилъ въ отставку и теченіе дѣлъ пріостановилось. Наканунѣ того дня какъ было получено кіевское письмо Литтрова, Румовскій писалъ къ Яковкину: „Въ ожиданіи новаго министра просвѣщенія графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, всѣ дѣла нѣсколько пріостановились. Графъ Петръ Васильевичъ входитъ только въ такія, кои не терпятъ времени, а по большей части отсылаетъ въ правленіе. По сему обстоятельству можетъ быть университетъ лишится искуснаго краковскаго профессора астрономіи Литтрова. Уже давно относился я къ его с—ству о доставленіи ему паспорта,

по по сіе время не имѣю отвѣта". Обрадованный тогда же извѣстіемъ, что Литтровъ уже въ предѣлахъ Россіи и ѣдетъ чрезъ Москву въ Казань, Румовскій въ тотъ же день распорядился чрезъ директора о помѣщеніи Литтрова въ новомъ гимназическомъ строеніи, пока не получитъ онъ квартирныя деньги.

Въ Москвѣ Литтровъ жилъ нѣсколько дней; вѣроятно онъ сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ между нѣмецкими профессорами университета. Мы не имѣемъ однако никакихъ свѣдѣній о пребываніи его въ этомъ городѣ, кромѣ свѣдѣнія о знакомствѣ съ графомъ Разумовскимъ, пригласившимъ его обѣдать. Въ письмѣ Яковкина къ попечителю (29 марта 1810 года) говорится, что Литтровъ просилъ директора донести попечителю о приглашеніи его графомъ А. К. Разумовскимъ (попечитель округа и вскорѣ министръ) отправиться при предполагавшемся тогда въ Бухарію посольствѣ для астрономическихъ наблюденій; „однако онъ и тогда, не давши никакого вѣрнаго обѣщанія, нынѣ совершенно отказывается отъ сей коммиссіи по причинѣ слабости своего здоровья, также опасности и трудности таковаго путешествія". Это было конечно очень пріятно попечителю.

Литтровъ пріѣхалъ въ Казань 13 марта и, благодаря солдату, данному ему въ провожатые кіевскимъ губернаторомъ, сдѣлалъ этотъ путь гораздо удобнѣе, чѣмъ отъ границы до Кіева. Но онъ не былъ еще опредѣленъ (оффиціальное назначеніе его должно было послѣдовать по пріѣздѣ въ Россію), а потому въ Казань онъ явился лицомъ неизвѣстнымъ. Такъ и писалъ о немъ Яковкинъ къ попечителю: „Сегодня по утру (14 марта) явился ко мнѣ незнакомый иностранецъ Литтровъ, сказавшій о себѣ и удостовѣрившій подорожною, что онъ назначенъ профессоромъ астрономіи въ Казанскій университетъ. В. п. давно уже удостоили мнѣ дать знать о приглашеніи проф. астрономіи изъ Кракова, но послѣдствія сего приглашенія мнѣ неизвѣстны. По убѣдительной просьбѣ г. Литтрова рѣшился я приказать помѣстить его въ Великопольскомъ домѣ на мѣсто г. Неймана, съѣхавшаго давно на квартиру свою, а между тѣмъ буду имѣть честь ожидать дальнѣйшихъ начальственныхъ предписаній". Неимѣніе послѣднихъ и было причиною новыхъ жалобъ Литтрова, что онъ живетъ въ чужомъ городѣ почти безъ средствъ, не получая пока ни жалованья, ни квартирныхъ. Только 31

марта послѣдовало утвержденіе Литтрова ординарнымъ профессоромъ со дня пріѣзда его въ Кіевъ, т. е. со 2 февраля 1810 года.

Съ 16 мая, съ перваго появленія Литтрова въ совѣтѣ, начинается его профессорская дѣятельность въ Казани: въ предшествовавшее засѣданіе совѣта, куда его пригласилъ Яковкинъ, онъ не попалъ по ошибкѣ „повѣщено ему было явиться въ совѣтъ въ одиннадцать часовъ, шипетъ директоръ, но онъ, мало зная по русски, вмѣсто одиннадцати часовъ, понялъ одинъ въ которое время и дѣйствительно пришелъ ко мнѣ". Но еще прежде совѣтской дѣятельности Литтровъ просилъ Яковкина „дать ему нѣсколько слушателей для предварительнаго приготовленія ихъ и пріобученія къ дѣланію наблюденій". Для этого были избраны три студента, преимущественно занимавшіеся математическими науками: Лобачевскій старшій, Линдстремъ и Симоновъ. Изъ нихъ послѣдній и занялъ впослѣдствіи времени каѳедру своего учителя. О содержаніи своихъ лекцій Литтровъ объявилъ что онъ, „неимѣя никакой сообразной своей цѣли астрономической книги, будетъ проходить съ слушателями своими *астрономію теоретическую и практическую* по Шуберту и Лаланду, также и по своимъ тетрадямъ. Нужны были конечно инструменты для наблюденій, но они пріобрѣтены были не вдругъ. Литтровъ тотчасъ же сталъ хлопотать о покупкѣ нѣкоторыхъ, болѣе необходимыхъ, изъ за-границы, но Яковкинъ посовѣтовалъ ему обратиться съ просьбою о томъ прямо отъ себя къ попечителю. На первый разъ выданы были ему для употребленія: квадрантъ, компасъ, Грегоріанская и большая Долландова трубы, — инструменты, присланные Румовскимъ въ прежніе годы. Пріобрѣтеніе другихъ пособій нельзя было сдѣлать скоро. „Писалъ ко мнѣ Литтровъ о нужныхъ для него инструментахъ, сообщаетъ Румовскій директору (9 мая 1810 года), но по причинѣ предписанія министра финансовъ не можно ихъ скоро пріобрѣсть, какъ польза требуетъ и желается Литтрову. Желалъ бы я изъ письма его до инструментовъ касающееся (письмо это къ сожалѣнію не попало въ наши руки) представить министру просвѣщенія, но сообщеніе между Васильевскимъ островомъ и Адмиралтейскою стороною прервано и думаю не скоро будетъ возстановлено." Только въ сентябрѣ могъ увѣдомить Румовскій совѣтъ и Литтрова на просьбу его о необходимости пріобрѣтенія двухъ

астрономическихъ часовъ Зейферта, круга Борды, сдѣланнаго Рейхенбахомъ и двухфутоваго квадранта изъ Академіи Наукъ (предполагалось, что послѣдній подаритъ академія), что по представленію графа Разумовскаго, Государь Императоръ разрѣшилъ употребить на покупку астрономическихъ инструментовъ и на перевозку ихъ въ Казань 4300 р. асс изъ экономическихъ суммъ. Румовскій разсчитывалъ, что денегъ этихъ будетъ на первый разъ вполнѣ достаточно и что останется еще нѣкоторая сумма на книги. Съ своей стороны онъ сообщалъ Литтрову, что въ берлинскомъ альманахѣ на 1811 годъ онъ прочиталъ о продажѣ инструментовъ, оставшихся послѣ графа Гана въ Ремплинѣ и что въ числѣ ихъ находится золотой хронометръ Арнольда цѣною въ 620 экю Онъ совѣтовалъ Литтрову снестись съ Ортманомъ, секретаремъ въ Ремплинѣ, объ этомъ хронометрѣ письменно, и купить его, если онъ еще не проданъ. При этомъ онъ дѣлалъ вычисленія о стоимости каждаго инструмента и предполагалъ возможность покупки за дарованную сумму всѣхъ перечисленныхъ выше инструментовъ Предложеніе попечителя объ отчисленіи изъ хозяйственныхъ суммъ 4300 р. было заслушано въ совѣтѣ 26 октября Другимъ предложеніемъ попечителя, отъ 23 ноября, о покупкѣ инструментовъ, онъ уполномочивалъ Литтрова выписать изъ Дрездена отъ Зейферта двое астрономическихъ часовъ, а Бордовъ кругъ отъ Рейхенбаха изъ Мюнхена, условившись съ нимъ въ цѣнѣ и о томъ, до какого русскаго города можно доставить означенные инструменты и что будетъ стоить ихъ пересылка.

Въ началѣ марта слѣдующаго года былъ полученъ отъ Румовскаго двухфутовый квадрантъ, уступленный Академіей Наукъ, „по ветхости своей неспособный къ употребленію“ (слова Симонова), стоимостью въ 2000 руб., но не даромъ какъ думали, а слѣдовало заплатить за него изъ отпущенныхъ денегъ. Это тотъ самый квадрантъ, который долго служилъ Румовскому при его наблюденіяхъ („qui mihi eo carior est, пишетъ Литтровъ, cum tam diu laborum meritorumque tuorum testis in diversis regionibus assistebat“). Что же касается до астрономическихъ инструментовъ, выписанныхъ изъ Дрездена и Мюнхена, то прошелъ цѣлый годъ, а были только получены нѣкоторыя книги по астрономіи на сумму 115 альбертинскихъ талеровъ, объ инструментахъ же не было никакихъ свѣдѣній. Попечитель потребовалъ отъ совѣта, чтобы ему представлена была переписка Литтрова съ Дрезденомъ и Мюн-

хеномъ объ инструментахъ „для того, говоритъ онъ, чтобы можно было сумѣть, сколько по уплатѣ за часы, Борсолъ кругъ и книги должно прибавить къ 4300 р. за покупку хронометра, потому что по волѣ г. министра пріобрѣтеніе помянутыхъ инструментовъ должно предшествовать пріобрѣтению хронометра". Вскорѣ послѣ этого „Литтровъ заявилъ совѣту о своей дѣятельности по выпискѣ инструментовъ. Оказалось, что ни Зейфертъ въ Дрезденѣ, ни Рейхенбахъ въ Мюнхенѣ не отвѣчали ему въ теченіе всего года на одно письмо его, такъ что онъ принужденъ былъ обращаться къ Боде, королевскому астроному въ Берлинѣ, и просить о его содѣйствіи. Только въ отвѣтъ на письмо „Литтрова отъ 10 октября 1810 года къ Ортману о хронометрѣ, онъ получилъ 11 апр. 1811 года увѣдомленіе, что совѣтникъ Ганзенъ готовъ выписать его изъ Парижа за 620 рейхсталеровъ или 140 луидоровъ, съ тѣмъ чтобы указанъ былъ какой-либо торговый домъ въ Ростокѣ или Берлинѣ для принятія хронометра и уплаты за него. По разсчету оказалось, что ассигнованныхъ денегъ едва будетъ доставать на уплату за выписанные инструменты, хотя неизвѣстно будутъ-ли они когда либо доставлены, на провозъ же ихъ изъ за-границы до Казани („курсъ же нынѣ еще сталъ для насъ невыгоднѣе")— денегъ вовсе не было. Между тѣмъ приближался грозный 1812 годъ, который надолго прервалъ наши сношенія съ Европой. Въ томъ же году умеръ и Румовскій, которому, болѣе чѣмъ какому нибудь другому попечителю, было близко къ сердцу дѣло астрономіи. Пришлось въ Казани и для этой науки, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, прибѣгать лишь къ *домашнимъ* и самымъ простымъ средствамъ.

Тѣми же домашними средствами должны были ограничиться и при выборѣ мѣста для астрономическихъ наблюденій, первой обсерваторіи въ Казани. „Литтровъ пишетъ ко мнѣ, сообщаетъ попечитель директору въ Казань (29 сент. 1810 г.), что г. Сторль соглашается уступить ему квартиру свою, съ тѣмъ, чтобы Сторль получалъ квартирныя деньги Литтрову назначенныя. Мнѣ кажется, что въ сей размѣнѣ никакого не можетъ быть затрудненія и я согласенъ, чтобы сіе требованіе было исполнено, потому наипаче, что Литтровъ пишетъ, что квартира Сторлемъ занимаемая удобна съ нѣкоторою маловажною перестройкою *къ учрежденію небольшой обсерваторіи*, ежели одинъ верхній покой, однимъ изъ ма-

гистровъ занимаемый, отданъ ему будетъ для помѣщенія инструментовъ. Я прошу удовлетворить его требованіе, а вверху живущаго магистра помѣстить въ покояхъ, кои занималъ г. Гринъ. На нужную для обсерваторіи перестройку употребите изъ суммы на заведеніе университета отпускаемой. Увѣдомите о семъ Литтрова.“ Къ этой перемѣнѣ квартиры со Сторлемъ Литтровъ вынужденъ былъ тѣмъ, что на ходатайство свое у Румовскаго о необходимости прежде всего устроить обсерваторію, онъ получилъ въ отвѣтъ, что устройство ея въ одномъ изъ казенныхъ зданій, какъ предполагалъ Литтровъ, потребуетъ новыхъ и большихъ расходовъ, и попечитель не можетъ ходатайствовать объ отпускѣ на нихъ суммъ пока не будетъ формально открытъ университетъ. „И какую пользу въ состояніи принести обсерваторія безъ инструментовъ — заключаетъ свое увѣдомленіе Румовскій. Прежде всего надобно думать объ инструментахъ, а потомъ уже объ обсерваторіи.“ Конечно Яковкинъ не преминулъ свести Литтрова въ тотъ куполъ надъ гимназическимъ зданіемъ, весьма удобный по его мнѣнію для обсерваторіи и очень его восхищавшій, о которомъ мы уже говорили (ч 1, стр. 299). Эти „нижнюю и верхнюю обсерваторіи“, какъ онъ называетъ ихъ, Литтровъ, къ особенному удовольствію Яковкина, нашелъ довольно достаточными на первый случай, но почему-то однако не остановилъ на нихъ своего выбора Предположеніе объ устройствѣ первоначальной обсерваторіи въ мезонинѣ квартиры, занимаемой Сторлемъ, также не могло быть осуществлено, потому что Сторль „по измѣнившимся обстоятельствамъ“ положительно отказался дать на то свое согласіе. Явилось тогда со стороны Литтрова другое предположеніе, одобренное попечителемъ — помѣняться квартирами съ Брауномъ, о чемъ была возбуждена переписка, но Литтрова предупредилъ Городчаниновъ; затѣмъ обратили вниманіе на казенную квартиру Реннера съ тою же цѣлью устроить въ ней обсерваторію, что наконецъ и приведено было въ исполненіе „Только верхнія комнаты годятся для нѣкоторыхъ наблюденій, писалъ Литтровъ Съ безопасностью я буду хранить тамъ свои инструменты, спокойно я буду дѣлать тамъ свои исчисленія вмѣстѣ съ Симоновымъ, который всею душею преданъ астрономіи; у меня поставится тамъ по особому способу труба, такъ что я довольно долго буду въ состояніи обходиться безъ пассажнаго инструмента, который

всегда стоитъ очень дорого. Что касается другихъ наблюденій, то ихъ нельзя будетъ дѣлать по незначительной высотѣ комнатъ, по крайне малому размѣру въ нихъ оконъ и по выдающейся крышѣ надъ домомъ. Зимою въ этихъ комнатахъ можно будетъ видѣть развѣ только на полчаса въ день, и едва ли будетъ возможно хоть разъ взять соотвѣтствующія высоты солнца. Слѣдовало бы, снявъ всю крышу съ дома, выстроить на верху отдѣльный домикъ, но это стало бы не дешево".

Съ такими затрудненіями соединено было отысканіе помѣщенія для наблюденій, необходимыхъ при изученіи астрономіи. „Я долго мучился, обходя въ продолженіе нѣсколькихъ дней, всѣ мѣста, принадлежащія къ университету и близкія къ моей квартирѣ, чтобъ исполнить ваше желаніе о необходимой близости обсерваторіи къ моему помѣщенію — пишетъ къ попечителю Литтровъ. Къ счастію я нашелъ такое помѣщеніе, которое вы вполнѣ можете одобрить. Въ углу ботаническаго сада (это было въ саду тепличномъ, отъ. тамъ, гдѣ теперь зданіе анатомическаго театра) есть небольшая каменная постройка, исключительно назначенная для храненія садовыхъ инструментовъ, длиною она 36, шириною 23, а толщиною стѣнъ 2½ англ. ф. Домикъ хорошо сохранился и довольно крѣпокъ, чтобы поставить на него небольшой шестиугольникъ съ шестью довольно высокими окнами, хотя бы и деревянный, устройство котораго не можетъ превысить суммы въ 500 р. Нисколько не стѣсняя ботаническій садъ, онъ напротивъ того послужитъ къ его украшенію. У насъ будетъ здѣсь свободный горизонтъ, превосходное мѣстоположеніе, достаточная твердость почвы и совершенная тишина: однимъ словомъ у насъ будетъ небольшая обсерваторія, весьма чистая и удобная для всякаго рода наблюденій. Что касается разстоянія отъ моего помѣщенія, которое впрочемъ не превышаетъ двухъ сотъ шаговъ то оно вовсе не будетъ мнѣ замѣтно. Въ двухъ нижнихъ, и теперь существующихъ, но остающихся безъ употребленія комнатахъ есть печка а сторожъ ботаническаго сада, можетъ жить въ одной изъ этихъ комнатъ, охраняя также и обсерваторію, а я поставлю въ другой столъ и маленькую кровать и стану оставаться тамъ всякую ночь, когда только ясное небо позволитъ намъ дѣлать наблюденія".

Попечитель конечно былъ очень доволенъ, что за такую ничтожную сумму, какая указана была Литтровымъ, можно

будетъ на первый разъ устроить довольно удовлетворительную обсерваторію. Онъ поручилъ конторѣ составить смѣту на перестройку караулки и Литтрову, вмѣстѣ съ Симоновымъ, пришлось имѣть дѣло съ архитекторомъ университета Васильевымъ. Изъ этого вышла цѣлая строительная, хотя и весьма обыкновенная у насъ исторія. Въ январѣ 1812 года, когда эта каменная караулка, гдѣ хранились садовыя орудія, сѣмена и коренья, была еще занесена снѣгомъ, архитекторъ, если вѣрить его объясненію, поданному Яковкину, вслѣдствіе жалобы Литтрова на дороговизну смѣты и произвольное ея увеличеніе, сказалъ Литтрову, что если зданіе прочно, то постройка будетъ стоить не дороже *трехъ тысячъ*. При осмотрѣ же и при снятіи плана оказалось, что домикъ не крѣпокъ, что онъ не выдержитъ надстройки. Явилась необходимость проекта новаго, особаго зданія обсерваторіи. Смѣта увеличилась до *шести тысячъ* Литтровъ естественно пожелалъ тогда, чтобы крыша у обсерваторіи была подвижная, а это составило прибавку болѣе чѣмъ на тысячу рублей, такъ что окончательная смѣта Васильева, испугавшая Литтрова и разрушившая его мечты о скорой постройкѣ обсерваторіи, возросла съ подвижною крышею до 7173 руб., а безъ нея до 6273 р. Архитекторъ, какъ видно изъ его объясненія, обидѣлся и высказывалъ прискорбіе, что Литтровъ надбавки къ первоначальной смѣтѣ желаетъ представить „въ смѣшномъ увеличивающемся ряду“, ссылался на справочныя цѣны, и въ оправданіе себя, въ доказательство экономіи, просилъ Яковкина представить его планъ и смѣту попечителю, „чтобы благоволилъ показать петербургскимъ архитекторамъ“, которые, какъ онъ надѣется, оправдаютъ его Такое представленіе конторы, которая по прежнему вела всѣ хозяйственныя дѣла университета, и пошло къ попечителю въ мартѣ 1812 года, но не получило никакого дальнѣйшаго хода. Начиналась война и о какихъ либо лишнихъ и непредвидѣнныхъ расходахъ для науки нечего было и думать, а въ іюлѣ послѣдовала и смерть Румовскаго. Литтровъ очень хорошо понялъ, что архитекторъ Васильевъ принадлежитъ всецѣло къ строительной школѣ Яковкина и даже ничего болѣе не писалъ уже къ попечителю объ устройствѣ столь необходимой ему обсерваторіи. Въ другомъ мѣстѣ (часть 1, стр. 479—481) мы привели отрывки тѣхъ писемъ Литтрова къ попечителю, которые доказывали вполнѣ все печальное состояніе Казанской гимназіи какъ приготовитель-

ной школы для университета и положительное отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній у студентовъ, поступавшихъ изъ этой гимназіи. Эти сообщенія возбудили глубокую ненависть и личную вражду къ Литтрову со стороны директора. Роль, которую игралъ Литтровъ въ выборахъ ректора и ученовъ въ концѣ 1810 года, гдѣ онъ случайно явился соперникомъ Яковкину (о чемъ намъ придется еще говорить), еще болѣе увеличила ненависть его. Есть основаніе думать, что дѣло о перестройкѣ каравулки въ обсерваторію было нарочно испорчено Яковкинымъ. Изъ его писемъ къ попечителю раскрывается его вражда, хотя онъ исключительно говоритъ о Литтровѣ, какъ о членѣ совѣта.

Только въ 1814 году, при новомъ попечителѣ Салтыковѣ и по открытіи университета, когда Яковкинъ потерялъ уже значеніе, Литтрову удалось осуществить свое желаніе и устроить обсерваторію, именно въ томъ видѣ, какъ онъ сначала предполагалъ. Въ іюлѣ этого года правленіе университета получило предписаніе попечителя объ устройствѣ обсерваторіи изъ каменной бесѣдки ботаническаго сада съ деревянною надстройкою, цѣною по примѣрной смѣтѣ въ 1300 р. Эти деньги должны были составиться изъ двухъ третей суммы, отпускаемой на обсерваторію (въ годъ отпускалось 500 рубл., но такъ какъ ея не существовало, то Литтровъ, въ теченіе трехлѣтней службы своей, не тратилъ ничего) и изъ 1000 руб. взятыхъ заимообразно изъ суммы, отпускаемой на визитаторовъ (эти тысяча рублей въ сентябрѣ того же года, особымъ предписаніемъ попечителя, съ разрѣшенія министра, зачтены были безъ возврата, т. е. не вычитая ихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ изъ суммы, ежегодно на обсерваторію отпускаемой, какъ это предполагалось сначала). Попечитель разрѣшалъ также употребить на обсерваторію строевой лѣсъ, тесъ и другіе матеріалы, оставшіеся отъ постройки типографскаго дома. Для ускоренія дѣла вся постройка поручена была Литтрову, профессору Аргольду и адъюнкту Симонову (*), а правленіе только приглашалось способствовать съ своей стороны зависящими мѣрами. Согласно смѣтѣ состоялись торги на по-

(*) Симоновъ безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Яковкина, ссылаясь на то что онъ не участвовалъ въ торгахъ и условіяхъ съ рабочими людьми, что строеніе уже началось, что онъ считаетъ себя совсѣмъ лишнимъ въ производствѣ его, рапортомъ просилъ правленіе уволить его отъ участія и отвѣтственности въ самомъ дѣлѣ, но правленіе отказало въ просьбѣ.

стройку въ правленіи, но цѣны были найдены очень высокими. Вскорѣ между членами, назначенными попечителемъ, возникли почему-то несогласія; все дѣло поручено было сначала правленію, а потомъ одному Литтрову, которому и выданы были деньги Въ половинѣ ноября вся постройка была окончена, и Литтровъ представилъ въ правленіе университета подробный латинскій отчетъ объ издержкахъ, указывая въ немъ отдѣльную стоимость каждой части постройки и мелочей отдѣлки Передержалъ онъ только 41 руб. 9 к., которые и выданы были ему изъ суммы на обсерваторію ассигнованной и записаны въ первый разъ на приходъ въ шнуровую книгу (liber funiculis publicis instructus). Свой отчетъ весьма довольный астрономъ заключаетъ искреннею благодарностью: „Superest ut gratias habeam quam maximas excellentissimo domino curatori nostro, honorandissimoque universitatis Regimini, quod precibus meis indulgentes *parvi observatorii diu multumque desiderati* prono in litteras earumque cultores animo concedebant“. Съ своей стороны попечитель изъявлялъ, въ особомъ предписаніи въ совѣтъ и чрезъ правленіе, благодарность Литтрову и „усматривая великую пользу и честь университету отъ учрежденія обсерваторіи“, отдавалъ полную справедливость его усердію

Обсерваторія эта, перестроенная изъ старой, еще тенишевской бесѣдки, а всего вѣроятнѣе бани, по справедливому выраженію самого Литтрова, была *маленькою*, но она могла удовлетворять первой настоятельной потребности науки: въ ней можно было учиться дѣлать наблюденія: стоила же она сравнительно ничтожную сумму. Сравнивая смѣту, составленную Яковкинскимъ Браманте со смѣтою Литтрова, мы находимъ напр., что по первой кирпичу требовалось 114 т. п, извести 10 куб. саж., желѣза 150 п. и такъ далѣе въ подобныхъ же размѣрахъ: по второй кирпичу—6 т., извести $^2/_3$ куб. с. желѣза 28 пуд. и пр. Но обсерваторія нуждалась въ инструментахъ Прежде чѣмъ она была достроена, Литтровъ просилъ правленіе ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ отпускѣ 150 червонцевъ на покупку самыхъ необходимыхъ ему инструментовъ. Обсерваторія не имѣла хорошихъ астрономическихъ часовъ, Гадлеева секстанта, который бы имѣлъ отъ 8 до 10 дюймовъ въ полупоперечникѣ и ночной трубы или комето-искателя (Kometen-Sucher). Безъ нихъ, доказывалъ Литтровъ, нѣтъ возможности обойтись; безъ нихъ

останутся безъ употребленія другіе, уже находящіеся превосходные инструменты нашей обсерваторіи. Кажется однако, что Литтровъ не дождался ихъ всѣхъ. Только въ началѣ 1815 года чрезъ петербургскаго академика Шуберта были получены астрономическіе часы цѣною въ 1000 рублей, затѣмъ въ маѣ англійскій Гадлеевъ секстантъ съ искусственнымъ горизонтомъ и зрительная труба за 602 р. 34 коп. Одновременно должны были получиться и книги, выписанныя Литтровымъ изъ за-границы чрезъ академическаго коммиссіонера Мейера, но оказалось, что получить ихъ гораздо труднѣе (*). Долго-ли просуществовала эта провизорная обсерваторія и на сколько она была полезна для заступившаго мѣсто Литтрова адъюнкта его Симонова—намъ пока неизвѣстно. Черезъ годъ понадобилось исправлять подвижную крышу, дѣлать двойныя двери въ обсерваторіи: на это, сверхъ положенной по штату суммы, отпущено было, съ разрѣшенія министра, еще 500 рублей. Симоновъ, вскорѣ послѣ отъѣзда своего учителя, отправился въ кругосвѣтное и къ южному полюсу плаваніе, а по возвращеніи изъ него въ 1821 году сталъ уже хлопотать о постройкѣ большой обсерваторіи на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь находится. Но только къ началу 1838 года, черезъ 22 года послѣ отъѣзда Литтрова, было готово настоящее зданіе обсерваторіи. Всякій слѣдъ маленькой обсерваторіи Литтрова исчезъ. Мы не можемъ точно указать мѣста гдѣ она была(**).

(*) Книги отправлены были изъ Ростока отъ книгопродавца Стиллера моремъ на кораблѣ и задержаны петербургскою таможнею. При морскихъ грузахъ требуется коносаментъ (фактура), а его не было. Въ простомъ свидѣтельствѣ не было обозначено сколько книгъ, какой форматъ ихъ и въ какомъ онѣ переплетѣ; за необозначеніе всего этого взыскивалась двойная пошлина. Вотъ что писалъ Мейеръ Литтрову (за неимѣніемъ подлинника, приводимъ отрывокъ изъ его письма въ переводѣ оффиціальнаго переводчика правленія университета, учителя Стефани): «Вамъ для сего (т. е. полученія книгъ) не остается ничего иное, какъ немедленно объявлять г. министру народнаго просвѣщенія, что вы выписали сіи книги для университетской библіотеки. Нашъ министръ сообщаетъ для того съ министромъ финансовъ, сей съ министромъ таможенныхъ дѣлъ, и такъ отъ министра до министра вѣроятно, что тюкъ напослѣдокъ дойдетъ въ руки бѣднаго коммисара въ академической лавкѣ, который симъ у васъ и проситъ объявить, какимъ образомъ ему доставить сіе добро въ Казань».

(**) По словамъ Симонова, она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настоящаго зданія обсерваторіи, именно влѣво отъ нея. См. «Описаніе астрономической обсерваторіи Казанскаго университета» Ж. М. Н. П. 1838, ч. 3-я, стр. 3.

Изъ разсказаннаго видно, какъ скудно было обставлено первоначальное преподаваніе астрономіи въ Казанскомъ университетѣ, не смотря на то, что представителемъ ея былъ вполнѣ достойный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, и при тѣхъ жалкихъ средствахъ, которыя имѣлись, оказался успѣхъ. Въ декабрѣ 1810 года уже экзаменовался на степень магистра Симоновъ, обязанный впрочемъ своимъ математическимъ образованіемъ Бартельсу; лекціи Литтрова привлекли его къ астрономіи (см. о немъ нашу книгу, ч 1, стр. 250—255). Литтровъ постоянно хвалилъ его, какъ въ письмахъ къ попечителю, такъ и совѣту, но Симоновъ былъ одинъ; другой слушатель Бартельса и Литтрова—Лобачевскій выбралъ для занятій своихъ исключительно чистую математику. Оба они были помощниками Литтрова въ наблюденіи надъ кометою 1811 года, увидѣнною въ Казани 28 августа. Литтровъ руководилъ ихъ. Съ 30 августа наблюденія дѣлались изъ оконъ канцеляріи совѣта „сколько имѣющіеся нынѣ инструменты и погода дозволяли“. Литтровъ свидѣтельствуетъ, что Симоновъ и при этихъ наблюденіяхъ велъ себя „ut juvenis multae assiduitatis et praeclarae indolis“. „Но погода сильно не благопріятствовала, а точности наблюденій надъ кометою мѣшалъ недостатокъ астрономическихъ часовъ. Старый хронометръ Арнольда, предложенный къ покупкѣ казанскимъ помѣщикомъ, капитаномъ 2 ранга Костливцевымъ, Литтровъ не былъ въ состояніи вывѣрить по солнцу, постоянно закрытому облаками; при томъ онъ находилъ, что хронометръ этотъ не стоитъ просимой цѣны. При наблюденіи употреблялись часы, висящіе въ залѣ совѣта, но при повѣркахъ, по высотѣ солнца и по разнымъ вычисленіямъ, они оказались не совсѣмъ вѣрными; найденныя погрѣшности и ошибки доходили до 40″ во времени или до 10′ въ дугѣ. Фуксъ принесъ было на помощь свой хронометръ Баррода, стоющій по его словамъ 60 гиней, но онъ оказался попорченнымъ и былъ ничѣмъ не лучше самыхъ обыкновенныхъ часовъ. Эти наблюденія надъ кометою 1811 года были первыми въ Казани, „primitiae“, какъ называлъ ихъ Литтровъ; въ письмѣ къ попечителю онъ откровенно высказался, что они почти ничего не стоятъ, „ut pote nullius pretii“ (*). Но какъ только въ Казани были получены хорошіе

(*) Наблюденія эти напечатаны въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, 1811 г № 21.

инструменты въ обсерваторію то начались болѣе успѣшныя и правильныя наблюденія. Такъ Симоновъ, съ помощью уже Kometen-Sucher'a, въ апрѣлѣ 1815 года, замѣтилъ весьма слабо освѣщенную комету, открытую въ Берлинѣ Ольберсомъ, время обращенія которой доходитъ до 73 лѣтъ (*). Энергія не покидала Литтрова. Въ то время, когда еще онъ только задумалъ устройство обсерваторіи, не смотря на незначительность ея размѣровъ, онъ увѣрялъ Румовскаго, что эта маленькая обсерваторія, были бы только пріобрѣтены инструменты, превзойдетъ многія старыя и большія.

Преподаваніе Литтрова въ теченіе шести лѣтъ посвящено было исключительно теоретической астрономіи она читалась четыре часа въ недѣлю. Только въ первый годъ службы, желая заинтересовать слушателей, онъ вздумалъ было читать по нѣмецки исторію древней и новой астрономіи, но потомъ уже не повторялъ этого предмета. Какъ руководства онъ указывалъ постоянно только Лаланда и Шуберта и свои записки. Языки, на которыхъ онъ преподавалъ, были латинскій, нѣмецкій и французскій. Вѣроятно, какъ и другіе, онъ прибѣгалъ къ нимъ попеременно, примѣняясь къ силѣ пониманія студентовъ. Когда была готова его маленькая обсерваторія, онъ сталъ преподавать практическую астрономію (занимался ею съ Симоновымъ и Лобачевскимъ, какъ мы уже упоминали прежде) и училъ употребленію астрономическихъ инструментовъ—только на французскомъ языкѣ. Русскому языку онъ не выучился на столько, чтобы читать на немъ лекціи и писать, да въ этомъ и не было большой надобности. Что же мы можемъ сказать объ успѣхахъ его преподаванія? Студентовъ, которые могли бы извлекать пользу изъ его лекцій, было весьма мало. За всѣхъ отвѣчали единственные двое: Симоновъ и Лобачевскій, и еслибъ не было перваго, его адъюнкта и потомъ замѣстителя, какъ наглядныго доказательства

(*) Сообщая объ этой кометѣ (Каз изв 1815 г. №№ 36 и 68), Литтровъ для любителей астрономіи передаетъ новое важное открытіе астронома Бесселя въ Кенигсбергѣ о движеніи неподвижныхъ звѣздъ «Чрезъ сіе открытіе доказывается, заключаетъ Литтровъ, что законъ движенія небесныхъ тѣлъ, найденный безсмертнымъ Невтономъ для тѣлъ нашей солнечной системы, *очень вѣроятно* есть общій законъ природы, которому не только наши планеты и кометы повинуются но даже и тѣ созвѣздія, кои лежатъ въ чрезмѣрно великомъ отъ насъ разстояніи, куда самыя лучшія наши орудія не могутъ проникнуть»

успѣха его лекцій, мы могли бы съ полнымъ правомъ заключить, что вліяніе это сводится къ нулю. Прочіе, большею частью невольные слушатели астрономіи, въ качествѣ казенныхъ студентовъ, вовсе не понимали языка профессора, на какомъ бы онъ ни заговорилъ, да и въ математикѣ для астрономіи были такъ мало приготовлены, что по выраженію самого Литтрова, уже приведенному нами въ другомъ мѣстѣ, не могли отличить синуса отъ косинуса. Въ февралѣ 1813 года Литтровъ заявилъ въ совѣтѣ, что слушатели къ нему не ходятъ и было постановлено сдѣлать имъ замѣчаніе: Лобачевскій и Симоновъ были въ это время уже адъюнктами.

Литтрову оставалось только работать въ тиши кабинета для любимой своей науки, и надобно отдать полную справедливость его энергіи и характеру, что шесть лѣтъ его казанской жизни не прошли даромъ для его научнаго развитія. Пока былъ живъ Румовскій, Литтровъ часто переписывался съ нимъ по разнымъ астрономическимъ вопросамъ, обращался къ нему за совѣтами и указаніями. Такъ онъ просилъ разъ его совѣта говоря, что никто кромѣ его не можетъ дать его, ибо опытъ сдѣланъ былъ Румовскимъ на Ледовитомъ морѣ. Вопросъ Литтрова заключался въ слѣдующемъ: „какъ при сильномъ морозѣ избѣгнуть запотѣнія стеколъ трубы?—Мои наблюденія очень страдаютъ отъ этой случайности: ни въ Вѣнѣ, ни въ Краковѣ со мной не случалось ничего подобнаго“. „О если бы я могъ говорить съ в. п. только о небѣ и о моихъ наблюденіяхъ!—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ попечителю. Если бы я могъ удалиться отъ земныхъ, часто весьма мелкихъ интересовъ людскихъ“! Но Литтрову много приходилось писать Румовскому о своихъ отношеніяхъ къ самовластному директору, объ оскорбленіяхъ, которыя онъ принужденъ былъ выносить отъ него Яковкинъ и его дѣйствія были и потомъ самымъ непріятнымъ казанскимъ воспоминаніемъ Литтрова. Литтровъ велъ довольно обширную ученую переписку не только съ секретаремъ нашей Академіи Наукъ Н. Фуссомъ, академикомъ Шубертомъ, но и съ заграничными астрономами, хотя письма изъ Европы ходили тогда въ Казань по два и по три мѣсяца. Его статьи астрономическаго содержанія помѣщались, и въ тѣ уже ранніе годы, и въ мемуарахъ нашей Академіи Наукъ и въ европейскихъ спеціальныхъ журналахъ. Въ 1813 году Литтровъ избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, а въ Казани членомъ

училищнаго комитета. По всей вѣроятности онъ долженъ былъ принять участіе въ качествѣ астронома въ большой ученой экспедиціи 1811 года, о которой мы говорили (ч. I, стр. 539—543), для опредѣленія высоты и широты многихъ главныхъ по пути городовъ, но это предпріятіе было оставлено безъ исполненія по недостатку денежныхъ средствъ, истощенныхъ войною.

Литтровъ пользовался большимъ уваженіемъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ, конечно не тѣхъ, которые принадлежали къ партіи Яковкина. Нѣмецкіе ученые въ Казани естественно должны были жить тѣснымъ умственнымъ кружкомъ близкихъ людей. Ихъ соединяли въ одно цѣлое и чувство національной солидарности, и общая правильная и серьезная школа, и болѣе глубокое сознаніе своего нравственнаго достоинства, и наконецъ лучшее духовное и эстетическое развитіе. Русскіе профессора брели врозь, хотя самодовольно презирали нѣмцевъ и пошло смѣялись надъ ними. По большей части наука была для нихъ только средствомъ: выходили впередъ они не ею, а безхитростнчивою ловкостью, умѣя очень хорошо обдѣлывать свои дѣлишки, прикрывая ничтожное содержаніе лицемѣрными и снаружи благонамѣренными фразами.

И въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи Литтровъ не могъ пожаловаться на свою казанскую жизнь: ея формы, условія, образы онъ сохранилъ надолго потомъ въ добродушныхъ очеркахъ своихъ, Bilder aus Russland. При немъ была любимая молодая жена: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Казань у него родился сынъ Карлъ, впослѣдствіи тоже астрономъ, занявшій его мѣсто директора вѣнской обсерваторіи: онъ росъ на его глазахъ. Друзья любили его. Литтровъ купилъ домъ въ Красной улицѣ, а когда онъ сгорѣлъ, то другой, на Вознесенской. Пансіонъ, который завелъ Литтровъ, говоритъ его сынъ, куда самыя богатыя семейства стали отдавать своихъ сыновей, былъ такъ выгоденъ для Литтрова, что онъ ничего больше и не могъ желать въ экономическомъ отношеніи". Объ открытіи этого пансіона Литтровъ представилъ въ совѣтъ въ іюлѣ 1814 года вмѣстѣ съ планомъ, при чемъ хлопоталъ, чтобы пансіонъ этотъ не былъ въ вѣдѣніи директора училищъ, а подъ непосредственнымъ начальствомъ училищнаго комитета, которому подчиненъ и самъ директоръ. Совѣтъ и попечитель разрѣшили это.

Если что мучило Литтрова въ далекомъ восточномъ городѣ, такъ это зима съ ея морозами, которую онъ съ трудомъ пере-

носилъ. Читая его воспоминанія о казанскихъ зимахъ, пережитыхъ имъ, о громадныхъ массахъ снѣга, заносившихъ города и деревни и лежавшихъ въ теченіе полугода, о замерзавшихъ людяхъ, о поврежденныхъ ушахъ и носахъ во время получасовой прогулки по улицѣ, когда ему часто приходилось слышать восклицанія встрѣчныхъ: „Батюшка, вашъ носъ!“,—о распространеніи въ огромной массѣ народа болѣзни глазъ, причину которой онъ видѣлъ въ продолжительности зимнихъ морозовъ,—невольно приходитъ въ голову, что назадъ тому 80 лѣтъ наши зимы были жесточе и суровѣе. Въ душу иностранца, привыкшаго къ болѣе мягкому климату, закрадывалась тоска объ оставленной родинѣ и воспоминаніе лучшаго. „Я долженъ смѣяться надъ самимъ собою, говоритъ Литтровъ, когда припомню, какъ однажды въ Казани, въ половинѣ октября, когда уже все кругомъ застыло отъ холода, вслѣдствіе легкаго нездоровья, принужденъ былъ лежать въ постели и для развлеченія развернулъ дѣтскую книгу Weisse's Kinderfreund. Я раскрылъ ее случайно на томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ описываетъ свою прогулку въ концѣ ноября, въ полдень, по зеленѣющему лугу на берегу Плейссы. Слезы горя и раскаянія выступили у меня на глазахъ при мысли о томъ, что я промѣнялъ мою дорогую, мою славную родину, на эти негостепріимныя, и какъ мнѣ казалось тогда, страшныя мѣста. Я улыбаюсь, когда вспоминаю о тогдашнемъ моемъ малодушіи, но слезы, которыя я не могъ удержать, имѣли серьезный смыслъ: онѣ текли изъ глубины сердца и я не ручаюсь, что со мной повторится тоже самое, если судьба приведетъ меня снова въ подобное положеніе“. Желаніе оставить Казань зрѣло въ душѣ Литтрова. Это желаніе тѣмъ болѣе должно было развиваться, что исчезли причины, заставившія какъ Литтрова, такъ и другихъ его соотечественниковъ покинуть родину: войны затихли и Вѣнскій трактатъ умиротворилъ Европу Онъ ждалъ только случая.

Случай этотъ представился въ концѣ 1815 года. Литтровъ не прерывалъ своей связи съ европейскими астрономами: имя его, какъ весьма дѣятельнаго и талантливаго ученаго, уважалось. Нѣтъ ничего удивительнаго, что отъ довольно извѣстнаго тогда астронома—Пасквича, директора университетской обсерваторіи въ Пештѣ, которая только что была окончена постройкою и снабжена наилучшими инструментами, Литтровъ получилъ приглашеніе переселиться на службу въ

этотъ городъ, т. е. на родину, въ Австрію. Ласкичъ, знавшій его прежде, писалъ ему, что самъ онъ уже старъ, что здоровье его плохо, что онъ не въ состояніи ежедневно и особенно ночью работать. Онъ искалъ себѣ помощника не такого, который впослѣдствіи занялъ бы его мѣсто. Переписка кончилась тѣмъ, что Литтровъ выговорилъ себѣ, какъ непремѣнное условіе для перехода изъ Казани, формальное обѣщаніе со стороны власти, что онъ потомъ займетъ мѣсто директора обсерваторіи и полученіе жалованья въ суммѣ 2000 фл ежегодно. Тогда Литтровъ рѣшился оставить Казань.

Онъ непрямо однако заявилъ совѣту университета о своемъ намѣреніи оставить русскую службу, но въ февралѣ 1816 года подалъ прошеніе о шестимѣсячномъ отпускѣ за границу, къ баденскимъ (близъ Вѣны) минеральнымъ водамъ и за тѣмъ въ Лембергъ, Пештъ и Вѣну. Предлогомъ къ этому путешествію, во время котораго онъ отказывался отъ полученія жалованья, онъ выставлялъ разстроенное казанскимъ климатомъ свое и женино здоровья, что было засвидѣтельствовано двумя товарищами его по службѣ, профессорами медицины Эрдманомъ и Вердерамо. Вѣроятно тогда переговоры съ Пештомъ не были еще совершенно окончены; но уже черезъ два мѣсяца, въ своемъ новомъ прошеніи въ совѣтъ, Литтровъ положительно говоритъ, что принялъ приглашеніе въ Пештскій университетъ, считая переходъ этотъ необходимымъ для своего здоровья, „разстроеннаго казанскимъ климатомъ“, а потому и проситъ совѣтъ уволить его совершенно отъ службы. Въ прошеніи онъ указывалъ и на то, что будучи опредѣленъ профессоромъ теоретической астрономіи, онъ, сверхъ этой должности „исправлялъ въ теченіе шести лѣтъ труднѣйшую изъ всѣхъ въ университетѣ и положенную по уставу, но до сихъ поръ еще не занятую должность профессора-наблюдателя по собственной своей волѣ, безъ всякаго жалованья, и, сколько знаю, къ удовольствію какъ здѣшняго университета, такъ и С. Петербургской Академіи Наукъ, которой я сообщалъ труды свои“. Въ заслугу себѣ Литтровъ ставилъ и то обстоятельство, что образовалъ въ адъюнктѣ Симоновѣ „русскаго астронома, отъ котораго многаго ожидать можно“. Въ заключеніе Литтровъ выражалъ своимъ сослуживцамъ благодарность „за то лестное дружелюбіе, съ какимъ они приняли меня въ свое общество“ и говоритъ, что съ огорченемъ оставляетъ многихъ, которыхъ воспоминаніе ему будетъ не-

забвенно". Увольненіе Литтрова отъ службы распоряженіемъ министра послѣдовало 25 мая 1816 года, преподаваніе же, какъ теоретической, такъ и практической астрономіи, поручено было Симонову, который лѣтомъ того же года былъ сдѣланъ профессоромъ экстраординарнымъ.

Литтровъ оставилъ Казань въ послѣдній день мая мѣсяца. Всѣ профессора факультета физико-математическихъ наукъ, безъ сомнѣнія и другіе, болѣе близкіе сослуживцы, провожали его до Волги. Здѣсь, на ея берегу, въ Услонѣ, былъ устроенъ прощальный обѣдъ, долго помнившійся потомъ Литтрову. Пѣли прощальныя русскія пѣсни, которыя такъ полюбились астроному. Одна изъ нихъ, сочиненная кѣмъ-то изъ близкихъ ему людей, была даже напечатана и одинъ экземпляръ ея врученъ былъ Литтрову на память. Къ сожалѣнію мы не могли прочитать этихъ прощальныхъ стиховъ въ подлинникѣ, не знаемъ кто былъ авторомъ ихъ; (современное періодическое изданіе города „Казанскія Извѣстія" не заикнулось объ отъѣздѣ и проводахъ Литтрова), но изъ прозаическаго перевода, сдѣланнаго имъ самимъ, проглядываетъ искреннее чувство. Отрывокъ другой прощальной пѣсни, которую въ Россіи, по словамъ Литтрова, знаетъ наизусть каждый ребенокъ (вѣроятно въ то время она была распространена въ формѣ романса), пѣсни, по его словамъ, торжественно-мелодической, которую обыкновенно поютъ отъѣзжающему въ кружкѣ провожающихъ друзей, Литтровъ записалъ латинскими буквами: „Хотя и въ путь далекій—Твой путь опредѣленъ.—Отъ нашихъ душъ на вѣки Не будешь удаленъ. Ты насъ не забывай, любезный братъ, Прощай, прощай, прощай"! Въ первое же по отъѣздѣ Литтрова изъ Казани засѣданіе университетскаго совѣта онъ былъ выбранъ въ почетные члены университета.

Намъ нѣтъ надобности разсказывать дальнѣйшую жизнь Литтрова, всю посвященную наукѣ, въ исторіи которой имя его занимаетъ, какъ извѣстно, высокое мѣсто. И для частной жизни, и для науки, Литтровъ только выигралъ возвращеніемъ на родину. Мы имѣли въ виду только пребываніе его въ Казани, начало астрономіи въ этомъ городѣ. Но эти шесть лѣтъ казанской жизни остались въ памяти Литтрова навсегда. Вспоминались ему и темныя и свѣтлыя стороны ея. По временамъ онъ приходилъ въ дрожь отъ представленія о сѣверо-восточныхъ морозахъ· стояли въ его памяти картины страш-

наго бѣдствія, пережитаго Казанью въ 1815 году, котораго онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Эти періодически повторявшіеся пожары, когда пламя пожирало $^7/_{10}$ цѣлаго города, должны были навсегда остаться въ памяти людей, пережившихъ бѣдствіе. Черезъ 23 года картины казанскаго пожара ожили въ воспоминаніяхъ Литтрова и онъ помѣстилъ его описаніе въ сборникѣ, изданномъ въ Пештѣ въ пользу пострадавшихъ отъ жестокаго наводненія въ 1838 году.

Но и свѣтлыя стороны казанской жизни не забывались имъ. Онъ всегда съ радостью вспоминалъ о Россіи, говоритъ его сынъ, о своей частной жизни тамъ, жалѣлъ что *внѣшнія причины* заставили его разстаться съ ней. Общественныя отношенія Казани не могли представлять для него конечно особеннаго интереса. Съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ города Литтровъ не сближался. Безъ сомнѣнія въ распоряженіи этого общества были и богатство, и болѣе культурныя внѣшнія формы жизни, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніи оно тогда, какъ и потомъ, было вполнѣ ничтожно; притомъ, для сближенія съ нимъ, нужно было поступаться многимъ. Вспоминаетъ правда Литтровъ о нѣкоемъ генералѣ (въ современныхъ спискахъ онъ назывался дѣйств. ст. совѣтникомъ) Сергѣевѣ, человѣкѣ, по его словамъ, очень образованномъ, превосходнаго характера, съ которымъ онъ очень часто видѣлся, но разсказываетъ о немъ только для того, чтобы указать на специфическое названіе болѣзни, которою страдалъ его знакомый. Онъ приводитъ по русски ея названіе: „бѣлая горячка“. „deren Grund aufzufinden mir nicht gelang“ — прибавляетъ онъ. Описывая ея симптомы и страданія больнаго „во время которыхъ жена не допускала къ мужу никого изъ посторонныхъ и только самымъ близкимъ людямъ дозволялось его посѣщеніе“, Литтровъ никакъ не догадывается какою болѣзнью страдалъ его знакомый, называя ее только очень странною. Мы, воспитанные русскою жизнью, можемъ только улыбнуться наивности иностраннаго ученаго. Въ годы жизни въ Казани Литтрова, ея общество оживилось однако новыми элементами. Будучи удалена отъ мѣстъ, гдѣ происходили военныя событія 1812 года, Казань непосредственно не страдала отъ нихъ, но она все же была довольно близка къ событіямъ и въ ней нашли пріютъ много семействъ, и семействъ очень образованныхъ изъ Москвы, такъ что Казань въ общественной жизни выиграла отъ общаго бѣдствія.

Въ особенности на первыхъ порахъ пребыванія Литтрова въ Пештѣ, когда онъ ближе узналъ директора обсерваторіи Пасквича и отношенія его на новомъ служебномъ мѣстѣ сложились не такъ благопріятно, какъ онъ разсчитывалъ, Литтрову пришлось не мало жалѣть о Казани и о своей жизни тамъ. Его сильно безпокоилъ вопросъ о будущей пенсіи; годы казанской службы были зачтены съ большимъ трудомъ, а безпрерывныя столкновенія съ самовластнымъ директоромъ обсерваторіи скоро убѣдили Литтрова, что оставаться въ Пештѣ долѣе ему не представляется болѣе возможности. Правда, онъ былъ въ восторгѣ, что снова наслаждается южной весной, но къ радости примѣшивалось глубокое сожалѣніе. „Встрѣтили ли вы уже весну?“ пишетъ онъ къ астроному Боненбергеру, своему пріятелю (7 марта 1817 г.). Здѣсь она царствуетъ уже три недѣли во всемъ своемъ великолѣпіи. Какіе дни! какая разница съ Казанью и однако—зачѣмъ я не остался тамъ“! Черезъ полгода мы читаемъ подобныя же жалобы и сожалѣнія „Молю Бога о возможности скорѣе прислать вамъ побольше наблюденій съ нашей обсерваторіи, пишетъ онъ тому же лицу. Но до сихъ поръ мало имѣю на то надежды. Я обѣщалъ себѣ такъ много, съ такими свѣтлыми надеждами ѣхалъ я сюда отъ дальнихъ предѣловъ Азіи и долженъ сознаться, что жалкія ссоры и мелкія страсти испортили все. Непріятности, окружавшія меня въ Казани, еще живы въ моей памяти, но ни на одну минуту я не переставалъ жалѣть о тѣхъ славныхъ людяхъ, которыхъ я оставилъ тамъ Ни въ одномъ университетѣ я не встрѣчалъ такой настоящей коллегіальной дружбы. На третій день по пріѣздѣ я былъ тамъ вездѣ какъ дома и мы всѣ, казалось, были членами одной большой семьи. Были ли они въ самомъ дѣлѣ лучше другихъ, соединяли ли ихъ тѣснѣе суровый климатъ и незнакомство съ языкомъ страны, гдѣ они жили, или можетъ быть потому что всѣ они воспитались въ школѣ бѣдствій, такъ какъ почти всѣ были изгнаны изъ Германіи ненавистными французами.—но жить съ ними было отрадно и, какова бы ни была моя будущая судьба, я не перестану считать годы, проведенные съ ними, лучшими въ моей жизни.“

Въ это тяжелое время раздумья и непріятностей, о которыхъ онъ сообщалъ конечно и въ Россію, Литтровъ получилъ приглашенія воротиться. Фуссъ звалъ его въ Москву, Салтыковъ обратно въ Казань, Шубертъ въ Харьковъ, но

не смотря на непріятности, любовь къ родинѣ пересилила ихъ и Литтровъ остался. Еще три года онъ пробылъ въ Пештѣ, но въ половинѣ 1819 года сдѣлался директоромъ Вѣнской обсерваторіи, гдѣ и оставался до самой смерти (въ 1840 году). Ея переустройство и слава соединены съ его именемъ. Здѣсь, въ Вѣнѣ, ему доставляло удовольствіе видѣть у себя русскаго странника; въ числѣ его посѣтителей былъ въ 1823 году и единственный казанскій ученикъ его Симоновъ, жившій нѣсколько дней въ его квартирѣ при обсерваторіи.

Россія оставила въ сердцѣ Литтрова вообще самыя сердечныя чувства. Мы уже упоминали о его „Bilder aus Russland", въ которыхъ выражаются эти чувства и по отношенію къ русской природѣ и по отношенію къ русскому народу, который онъ полюбилъ. Приведемъ въ заключеніе еще одинъ отрывокъ въ доказательство того, въ какихъ широкихъ образахъ представлялъ себѣ этотъ иностранецъ нашу родину: „Какъ удивились мои соотечественники, услышавъ, что я рѣшился ѣхать въ Казань. По ихъ мнѣнію это было почти на концѣ свѣта и они отказывались отъ всякой надежды снова увидать меня. По другую сторону границы, напротивъ того, смотрѣли на мою поѣздку съ величайшимъ равнодушіемъ, потому что многіе русскіе лично были знакомы и съ тѣми мѣстами, и еще болѣе отдаленными. Эта поразительная разница въ воззрѣніяхъ двухъ сосѣднихъ народовъ проявляется также и во многихъ другихъ чертахъ. У насъ все мелко, какъ того требуютъ наши ограниченные обычаи, тамъ все въ широкихъ, почти исполинскихъ размѣрахъ. Узкія границы нашей родины сузили наши чувства и наши воззрѣнія, тогда какъ тамъ сообразно громаднымъ пространствамъ, гдѣ люди двигаются свободнѣе, они и развиваются гораздо шире... Когда иностранецъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Россіи, снова возвращается въ свою родную клѣтку, съ большимъ трудомъ приходится ему отвыкать въ ней отъ широкихъ идей и представленій о вещахъ и находить нѣкоторый вкусъ въ той мелкой кукольной комедіи, которая окружаетъ его." Согласимся, что слова эти односторонни, но они даютъ понятіе объ искреннихъ чувствахъ Литтрова.

Въ Казани Литтровъ оставилъ много близкихъ друзей въ средѣ иностранныхъ профессоровъ. Казанскій корреспондентъ лейпцигской литературной газеты говоритъ о немъ, что университетъ потерялъ въ Литтровѣ чрезвычайно талант-

ливаго и дѣятельнаго въ научномъ отношеніи члена, работавшаго въ послѣдніе годы преимущественно въ комментаріяхъ русской Академіи Наукъ, всѣ же нѣмецкіе друзья Литтрова потеряли въ немъ одного изъ самыхъ занимательныхъ людей и блестящихъ собесѣдниковъ: его живое и неистощимое остроуміе скрашивало ихъ бесѣды (*). Но и въ тѣхъ немногихъ русскихъ слушателяхъ, которые въ состояніи были воспользоваться его преподаваніемъ, Литтровъ конечно оставилъ добрую память. Пишущій эти строки не разъ слышалъ отъ профессора Симонова полныя любви и уваженія воспоминанія о его учителѣ. Въ своихъ печатныхъ статьяхъ онъ всегда называлъ Литтрова „любезнѣйшимъ наставникомъ“. Симоновъ часто передавалъ случай какъ бы нагляднаго доказательства духовнаго общенія своего съ Литтровымъ. Онъ разсказывалъ, что въ день, а можетъ быть и часъ смерти Литтрова, какъ онъ узналъ потомъ, его портретъ, всегда висѣвшій надъ рабочимъ столомъ Симонова, упалъ безъ всякой причины съ гвоздя и стекло, покрывавшее гравюру, разбилось. Симоновъ вѣрилъ, что это произошло не случайно, но слушая его разсказы, мы не думали, что придется когда либо говорить о Литтровѣ, и не записывали ихъ тогда.

(*) Leipzig. Litter. Zeitung, 1817. № 203, S. 1617—1618.

Глава XII.

Иностранцы-профессора, приглашенные Румовскимъ. 12) Іоганнъ Фридрихъ Эрдманъ, профессоръ патологіи, терапіи и клиники (1810—1817); заботы его объ устройствѣ клиники; разширеніе гимназической больницы; поѣздки его въ границахъ казанскаго учебнаго округа; результаты ихъ; Сергіевскія сѣрныя воды; романъ профессора Фукса; Болгарскія развалины; описаніе губерніи и города Казани; рѣчь на актѣ; описаніе другихъ губерній; переходъ на службу въ Дерптъ; 13) Францъ Ксаверій Броннеръ, профессоръ теоретической и опытной физики (1810—1817); пересказъ его автобіографіи; переѣздъ въ Казань; перевозка его имущества изъ Швейцаріи; лекціи и устройство физическаго кабинета; организація преподаванія въ гимназіи и университетѣ; Броннеръ—директоръ педагогическаго института и инспекторъ студентовъ; отпускъ за границу и отставка

Изъ всѣхъ каѳедръ, принадлежащихъ къ медицинскому факультету, до 1810 года въ Казанскомъ университетѣ была замѣщена только одна, именно: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки. Ее занималъ профессоръ Браунъ съ 1807 года, о которомъ было уже говорено (ч. 1-я, стр. 162—175). Не смотря на свои довольно обширныя связи и сношенія, переписку и старанія, Румовскій не находилъ медиковъ профессоровъ. Въ Россіи ихъ было недостаточно и для государственной врачебной службы. Съ одной стороны русскіе врачи въ тѣ годы были слишкомъ мало приготовлены, чтобы занять съ честью университетскую каѳедру, а съ другой—положеніе служащаго врача было гораздо выгоднѣе чѣмъ положеніе профессора: стоитъ только вспомнить хотя бы объ обычныхъ въ то время, но очень выгодныхъ злоупотребленіяхъ при

рекрутскихъ наборахъ Не удавалась Румовскому и выписка профессоровъ медицинскихъ наукъ изъ Германіи. Переписка, начатая съ нѣкоторыми изъ нихъ, кончилась ничѣмъ: условія, выставляемыя ими для своего переѣзда въ Казань, принять онъ не могъ, находя ихъ слишкомъ неумѣренными Но въ февралѣ 1809 года получилъ онъ отъ приглашеннаго имъ на каѳедру и потомъ отказавшагося виттенбергскаго профессора Пелица (см. выше стр. 37—38) извѣстіе о желаніи одного изъ его товарищей по службѣ, доктора и уже профессора *Іоганна Фридриха Эрдмана* (род. въ Виттенбергѣ въ 1778 году) занять какую либо каѳедру въ Казани „Этому человѣку, полному силъ и духовныхъ способностей, писалъ Пелицъ, только 31 годъ. Онъ видѣлъ больницы Вѣны, Вюрцбурга и нѣсколько другихъ нѣмецкихъ: въ предстоящія пасхальныя феріи онъ намѣревается познакомиться съ врачебными учрежденіями Парижа (въ 1809 году онъ и объѣхалъ Францію, Верхнюю Италію и Швейцарію). У него превосходныя свѣдѣнія въ области европейскихъ языковъ, а его медицинскія лекціи собираютъ здѣсь весьма многочисленную аудиторію. Своею служебною дѣятельностью въ званіи врача и физика уѣзднаго управленія (Kreisamts und Land-Physicus) и обширною, счастливою практикою, онъ удачно соединяетъ теорію съ практикою въ медицинѣ. Но должность профессора не дастъ ему въ годъ болѣе 300 талеровъ; остальное онъ долженъ пріобрѣтать практикою. Въ медицинскомъ факультетѣ нашего университета существуетъ странный обычай, по которому бывшій здѣшній профессоръ, а теперь королевскій лейбъ-медикъ въ Дрезденѣ Леонгарди, продолжаетъ получать еще профессорское жалованье, а своему замѣстителю здѣсь выдаетъ только 200 талеровъ. Это мѣсто и занимаетъ Эрдманъ. Онъ работаетъ столько, сколько долженъ работать ординарный профессоръ, занимаетъ всю каѳедру лейбъ-медика, засѣдаетъ и подаетъ голосъ въ академическомъ совѣтѣ,—только по жалованью онъ уступаетъ прочимъ(*)“.

(*) Что Эрдманъ, не смотря на свою молодость, пользовался, какъ врачъ, извѣстностью на родинѣ еще до переселенія въ Казань, имѣемъ совершенно случайное свидѣтельство современника. Казанскій дворянинъ, служившій въ чинѣ ротмистра въ партизанскомъ отрядѣ извѣстнаго Фигнера, Н. Ис. Депрейсъ, писалъ въ Казань къ своей матери въ январѣ 1814 года, изъ Зорау, саксонскаго городка близъ Виттенберга: «Жители, узнавши что я казанскій, приходили со мной знакомиться, спрашивая о докторѣ Эрдманѣ, *котораго они почитаютъ* и къ которому я прилагаю письмецо отъ его стараго товарища изъ Зорау». *(Русск. Стар*, т. LVIII, 1888 г., Іюнь, стр. 614)

Пелицъ хвалитъ и сочиненія рекомендуемаго имъ профессора. Эрдманъ, начиная съ 1795 года, учился сначала богословію, а потомъ уже медицинѣ въ томъ же Виттенбергскомъ университетѣ, въ которомъ, послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, онъ сдѣлался въ 1804 году экстраординарнымъ, а въ 1808 году ординарнымъ профессоромъ патологіи и терапіи. Диссертація, за которую онъ получилъ степень доктора медицины въ Виттенбергѣ, имѣла предметомъ своимъ вопросъ физики (*). Другое сочиненіе представляетъ еще смѣшанный характеръ (**), но потомъ онъ исключительно пишетъ уже по медицинѣ, начиная съ трактата о водянкѣ (***). Пѣлицъ въ особенности указываетъ на знанія Эрдмана въ области химіи, ссылается на лестное свидѣтельство Тромсдорфа и говоритъ, что Эрдманъ желалъ бы получить въ Казани каѳедру химіи. Онъ считаетъ его весьма полезнымъ дѣятелемъ для Россіи, кромѣ преподаванія химіи, также и въ вопросахъ примѣненія ея къ мануфактурамъ и фабрикамъ. Самъ Эрдманъ приложилъ къ письму Пѣлица свѣдѣніе, что онъ можетъ читать: 1) химію; 2) ученіе о врачебныхъ средствахъ (Arzneymittellehre), т. е. занять каѳедру врачебнаго веществословія, какъ она называлась въ уставѣ 1804 года (materia medica); 3) судебную врачебную науку; 4) патологію и наконецъ 5) терапію. При этомъ онъ указывалъ еще на нѣкоторыя свои сочиненія и статьи, помѣщенныя въ разныхъ нѣмецкихъ медицинскихъ журналахъ.

Румовскій предложилъ Эрдману немедленно, на обычныхъ въ то время для выписываемыхъ изъ за границы профессоровъ условіяхъ, вторую незамѣщенную въ Казани медицинскую каѳедру: патологіи, терапіи и клиники съ званіемъ ординарнаго профессора. Письмо съ увѣдомленіемъ объ этомъ не было получено Эрдманомъ и черезъ пять мѣсяцевъ недоумѣвающій Румовскій повторилъ чрезъ Пѣлица свое приглашеніе. Въ теченіе этого времени Эрдманъ успѣлъ сдѣлать довольно большое путешествіе и только воротившись осенью въ Виттенбергъ, узналъ о своемъ приглашеніи. Онъ отвѣтилъ немедленно пол-

(*) Utrum aqua per electricitatem columnae a cel. Volta inventae in elementa sua dissolvatur? Wittenb. 1802, 4°. съ рис.

(**) Elementa Organonomiae ex notione motus derivata. Wittenb. 1804, 4°.

(***) Progr. de hydropis natura et curatione. Partes I—X. Wittenb 1804—1810

нымъ согласіемъ, высказывая увѣренность, что онъ переселится въ Казань не на нѣкоторое время, а навсегда. Подобно другимъ, онъ говорилъ, что „настоящія политическія перемѣны въ Германіи неблагопріятны для наукъ, что онъ радуется переселенію своему въ страну, мудрое правительство которой такъ дѣятельно покровительствуетъ наукѣ и вообще просвѣщенію“. Румовскій, не теряя времени, сдѣлалъ свои распоряженія о высылкѣ Эрдману денегъ на проѣздъ и паспорта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимаго свидѣтельства для Полангенской таможни, что ѣдущій въ Россію профессоръ Эрдманъ имѣетъ право провезти съ собою вещей и товаровъ на 3 т. рублей Воспользоваться этимъ правомъ, чтобъ провезти съ собою нѣсколько необходимыхъ предметовъ, стоющихъ въ Россіи гораздо дороже, посовѣтовалъ Эрдману нашъ консулъ въ Лейпцигѣ. Въ то же время Румовскій писалъ въ Казань (3 марта 1810 года): „Въ будущее лѣто (т. е. черезъ два мѣсяца) ожидаю сюда изъ Виттенберга профессора патологіи, терапіи и клиники г. Эрдмана. Съ моей стороны все къ нему отправлено. Я имѣю надежду пріобрѣсть еще профессора физики изъ Швейцаріи, рекомендованнаго Бартельсомъ, и еслибы удалось замѣстить каѳедру хирургіи и повивальнаго искусства, то бы Казанскій университетъ, не взирая на не полное число профессоровъ, можно назвать полнымъ“. Эрдманъ пріѣхалъ въ Петербургъ 17 мая, почему и опредѣленіе его министромъ считается съ этого числа, а 13 іюля былъ уже въ Казани, какъ писалъ о томъ Яковкинъ къ попечителю. Путешествіе его было совершено безъ всякихъ затрудненій. Онъ былъ холостъ и ѣхалъ одинъ.

Въ первое же засѣданіе совѣта, въ которомъ онъ присутствовалъ, Эрдманъ заявилъ о содержаніи своихъ лекцій на будущій 1810—1811 годъ. Предметомъ этихъ лекцій (по собственнымъ тетрадямъ), которыя онъ намѣревался читать по латыни, была *органономія* или наука о законахъ организма. По окончаніи этого предмета, онъ долженъ былъ читать патологію и терапію. Часы, указанные ему для преподаванія, были послѣобѣденные: отъ 4—6 часовъ. Но профессоръ клиники былъ безъ клиники и безъ больныхъ, на которыхъ онъ могъ бы учить студентовъ, какъ врачевать страждущее человѣчество, а потому первымъ дѣломъ Эрдмана, какъ только онъ кончилъ свою органономію, въ началѣ слѣдующаго семестра, было представить въ совѣтъ университета о необходимости

учрежденія клиническаго и повивальнаго института. Эрдманъ совершенно серьезно отнесся къ своей задачѣ, такъ близко стоящей къ нему, и къ представленію своему приложилъ подробно разработанный имъ на французскомъ языкѣ планъ клиники, безъ которой и самое чтеніе имъ практической науки было немыслимо.

По уставу 1804 года на содержаніе клиническаго института и университетской больницы назначено было въ годъ 5000 рублей, но сумма эта не отпускалась, такъ такъ никакой клиники не было. Соображаясь съ этою суммою, Эрдманъ и представилъ свой планъ клиническаго института: онъ полагалъ, что суммы этой будетъ вполнѣ достаточно на содержаніе клиники по его плану. Клиника дѣлилась, какъ и потомъ, на три отдѣленія: собственно клиника (внутреннія болѣзни), хирургическое и повивальное. Эрдманъ конечно распространялся о пользѣ и о необходимости для медицинскаго образованія клиническаго института. Число больныхъ въ клиникѣ не должно быть ниже 24 (12 для внутреннихъ болѣзней, шесть мужчинъ и 6 женщинъ; 8 въ хирургическомъ и 4 въ повивальномъ отдѣленіи). По разсчету Эрдмана, полагая мѣсяцъ на пребываніе больнаго въ клиникѣ и шесть недѣль на беременную женщину, можно было бы для медицинскаго преподаванія имѣть въ теченіе года 272 больныхъ (144 для внутреннихъ, 96 для наружныхъ болѣзней и 32 беременности). Въ очень скромныхъ размѣрахъ опредѣлялся и персоналъ служащихъ при клиникѣ. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности плана устройства клиники, составленнаго Эрдманомъ, но считаемъ нужнымъ, для характеристики его преподаванія и взглядовъ, остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ, вызванныхъ условіями мѣста и времени. Клиника, по его словамъ, должна принимать больныхъ всякаго рода, не исключая никого, но преимущественно въ ней должны находиться страдающіе такими болѣзнями, которыя чаще всего встрѣчаются на практикѣ. Тѣ медики, которые принимаютъ только страдающихъ болѣзнями рѣдкими и сложными, говоритъ Эрдманъ, грубо ошибаются, подобно тѣмъ, которые наполняютъ клинику больными съ однородными болѣзнями. Чтобы всегда имѣть больныхъ, для успѣха преподаванія, Эрдманъ считаетъ весьма полезнымъ предоставить профессорамъ клиники право выбирать для себя больныхъ изъ городскихъ больницъ и госпиталей. Такъ какъ въ то

время деньги, которыя могли бы быть собираемы за лѣченіе въ клиникѣ съ достаточныхъ больныхъ, не отбирались въ пользу государственнаго казначейства, а шли на улучшеніе самой клиники, то, считая это обстоятельство выгоднымъ, Эрдманъ настаивалъ однако на строгомъ выборѣ больныхъ, утверждая, что польза научная должна всегда стоять выше экономической выгоды. По плану Эрдмана при клиникѣ должна быть и аптека; она необходима въ цѣляхъ преподаванія; въ ней могли бы ученики, составляя лѣкарства *сложныя*, знакомиться съ фармакологіей и фармаціей. Въ планѣ Эрдмана стояла и амбуляторія для бѣдныхъ больныхъ, приходящихъ изъ города; совѣты и помощь, подаваемые такимъ больнымъ профессоромъ въ присутствіи студентовъ, были бы весьма полезны для послѣднихъ; приходящіе больные могли бы безденежно получать и медикаменты, „если доходы клиники дадутъ на то средства“ —Въ заключеніе своего плана Эрдманъ высказываетъ требованіе, чтобы ни одинъ слушатель медицины не былъ удостоиваемъ академической степени безъ представленія свидѣтельствъ клиническаго профессора, до начала экзамена, о томъ, что на его попеченіи находилось по крайней мѣрѣ шесть больныхъ (4 съ внутренними, 2 съ наружными) и что онъ присутствовалъ все время при одномъ по крайней мѣрѣ случаѣ родовъ. Что касается акушерскаго отдѣленія, Эрдманъ думаетъ, что оно могло бы служить очень хорошею школою для молодыхъ акушерокъ, но для этого онъ считаетъ необходимымъ распоряженіе со стороны власти о томъ, чтобъ ни одна женщина въ Казанской губерніи не допускалась къ акушерской практикѣ безъ представленія свидѣтельства отъ клиники въ томъ, что она практиковала. „Кто знакомъ съ недостатками повивальныхъ бабокъ и какой онѣ оказываютъ вредъ народонаселенію, конечно согласится съ необходимостью предлагаемой мѣры“—заключаетъ Эрдманъ.

Совѣтъ, для разсмотрѣнія плана Эрдмана, составилъ комитетъ; профессора Браунъ и Фуксъ вполнѣ одобрили этотъ планъ и онъ вскорѣ былъ представленъ попечителю „на его начальственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе“. Попечитель, какъ онъ пишетъ въ своемъ предложеніи совѣту (15 іюня 1811 года), читалъ этотъ планъ учрежденія клиники „съ отмѣннымъ удовольствіемъ“ и выражалъ Эрдману благодарность „за попеченіе его объ общемъ благѣ и пользѣ университета“. Онъ потребовалъ затѣмъ планъ строенія, сдѣланный

при помощи губернскаго архитектора или кого либо другаго при университетѣ. Зданіе для клиническаго института, по его словамъ, должно было быть построено такъ, чтобъ въ немъ были помѣщенія и для чиновниковъ, нужныхъ для института. „Я, получа планъ строенія и примѣрное исчисленіе, *ежели не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, то по крайней мѣрѣ со временемъ*, долгомъ поставлю г. министру просвѣщенія представить на благоразсмотрѣніе и просить объ исходатайствованіи потребной на зданіе суммы". Такимъ образомъ постройка зданія, столь необходимаго для преподаванія, откладывалась на срокъ весьма неопредѣленный. Тѣмъ не менѣе совѣтъ поручилъ Эрдману и адъюнкту Петровскому, приглася губернскаго архитектора, составить планъ будущей клиники. Планъ этотъ, какъ и планъ анатомическаго театра и еще третій—зданія для каѳедры скотолѣченія были представлены въ томъ же году попечителю (объ этомъ мы уже разсказали, ч. 1, стр. 318—319), но дѣло осталось безъ всякаго движенія и даже новый попечитель Салтыковъ не могъ исходатайствовать въ концѣ 1814 года на постройку необходимыхъ для медицинскаго преподаванія зданій ни копѣйки. Профессоръ клиники по неволѣ оставался безъ клиники. Чтобы сколько нибудь помочь этому обстоятельству и имѣть матеріалъ для практики медицинскихъ слушателей, Эрдманъ просилъ Яковкина представить попечителю о передачѣ ему, какъ профессору клиники, больницы, существующей при гимназіи и университетѣ и завѣдываемой до того времени профессоромъ естественной исторіи Фуксомъ. Это было разрѣшено (съ этою должностью соединялось и полученіе нѣкотораго добавочнаго содержанія).

Этимъ распоряженіемъ остался недоволенъ однако профессоръ Фуксъ, завѣдывавшій больницею съ 1806 года, не столько потому что лишался вознагражденія въ качествѣ особаго медика, сколько потому, что долженъ былъ оставить казенную квартиру въ университетскомъ зданіи, такъ какъ попечитель непремѣнно требовалъ, чтобы Эрдманъ жилъ вблизи больныхъ. Впрочемъ можетъ быть требованіе Румовскаго о переѣздѣ Фукса съ казенной квартиры основывалось на новыхъ сообщеніяхъ Яковкина о характерѣ частной жизни Фукса, о чемъ мы скажемъ еще. Всѣ резоны, какіе Фуксъ представлялъ попечителю о необходимости остаться на казенной квартирѣ, были отклонены послѣднимъ. Вскорѣ должно было оказаться, что эта больница для гимназистовъ и студентовъ, въ качествѣ

клиники, была очень мало полезна. Правда Эрдманъ занималъ въ ней медицинскихъ слушателей клиническими упражненіями, но уже въ іюнѣ 1812 года онъ доносилъ совѣту, что „такъ какъ больные все молодые люди, одного пола и почти одного возраста, то большого разнообразія въ болѣзняхъ быть не можетъ, почему и слушатели его не имѣютъ случая чрезъ сіе получить всѣ тѣ свѣдѣнія, которыхъ преподаваніями клиническими пріобрѣсть надлежало бы". Сумма на клиники, 5 т. р. въ годъ стала отпускаться, но не могла быть расходуема безъ особаго разрѣшенія министра и Эрдманъ желалъ воспользоваться нѣкоторою ея частію, чтобы разширить больницу Онъ представилъ въ совѣтъ о необходимости увеличить ее дозволеніемъ помѣщать въ нее служителей гимназическихъ и университетскихъ обоего пола и даже другихъ лицъ, но принадлежащихъ къ гимназіи и народному училищу, одержимыхъ *важными болѣзнями*, „чрезъ что могли бы студенты пріобрѣсти практическія познанія"; они могли бы видѣть и изучать „болѣзни обоимъ поламъ и разнымъ возрастамъ приличныя". Комитетъ, разсматривавшій это представленіе, указалъ что на разширеніе въ такомъ видѣ больницы не потребуется болѣе 600 р. въ годъ, почему министръ и разрѣшилъ эту сумму, „но никакъ не болѣе".

Предположеніе о постройкѣ особаго зданія для клиническаго института было совсѣмъ оставлено во все время службы Эрдмана въ Казанскомъ университетѣ. Оно осуществилось лишь въ тридцатыхъ годахъ. Но читая студентамъ со времени открытія университета въ 1814 году то *всеобщую*, то *спеціальную терапію* и *патологію* (спеціальную терапію онъ читалъ по Гекеру), показывая студентамъ *искусство писать рецепты*, занимая ихъ *состязаніями на латинскомъ языкѣ* и ведя съ ними шесть разъ въ недѣлю клиническія занятія у постели больныхъ, Эрдманъ постоянно нуждался въ клиническомъ матеріалѣ. Неудовлетворяло его и завѣдываніе гимназической и студенческой больницей въ томъ нѣсколько разширенномъ видѣ, какой получила она дозволеніемъ принимать въ нее служителей и членовъ ихъ семействъ. По открытіи университета въ 1815 году, онъ сталъ съ большою энергіею и настойчивостью по прежнему хлопотать объ отдѣльной отъ нея и самостоятельной клиникѣ. Эрдману казалось, что теперь самое время и его условія благопріятствовали его желанію снова пустить въ ходъ задуманный имъ въ самомъ началѣ его казанской службы планъ постройки зданія для

клиникъ, оставленный безъ движенія вслѣдствіе событій 1812 года. „Я не ошибусь, утверждая, что именно настало теперь время для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана Славная война кончена; ея успѣхи должны оказать благодѣтельное вліяніе на внутреннее развитіе государства (вмѣстѣ съ Эрдманомъ это же самое думали, къ сожалѣнію ошибочно, и лучшіе русскіе люди того времени) — писалъ Эрдманъ въ своемъ французскомъ представленіи въ совѣтъ о необходимости построить клинику. Полное открытіе нашего университета показываетъ твердую рѣшимость власти, чтобы онъ выполнилъ свое назначеніе; стараніе отдѣльныхъ членовъ его образовать изъ себя вполнѣ согласное цѣлое и посвящать свою дѣятельность только благу общественному,—всѣ эти явленія доказываютъ болѣе чѣмъ когда либо необходимость привести въ исполненіе столь важное дѣло“. О важности и необходимости клиники онъ говорилъ съ точки зрѣнія европейской науки, въ идеяхъ и условіяхъ которой онъ самъ образовался (*). Высказывая сожалѣніе о томъ, что представленный имъ въ 1811 году планъ клиники не былъ осуществленъ, Эрдманъ говоритъ. что преподаваніе медицины въ Казанскомъ университетѣ поэтому было безъ результатовъ: „нѣсколько студентовъ, подававшихъ прекрасныя надежды, оставили Казанскій университетъ и отправились оканчивать курсъ туда, гдѣ практическое преподаваніе снабжено всѣми необходимыми пособіями. Боязнь, что и вновь поступившіе студенты послѣдуютъ ихъ примѣру, доказываетъ положительнымъ образомъ необходимость больницы, вполнѣ зависимой отъ университета и заставляетъ желать скорѣйшаго ея осуществленія“.

(*) «L'étude de la medecine n'ayant proprement de la valeur pour la société, que quand elle regarde la pratique et que le médecin l'emploie pour diminuer les plus grands maux physiques, c. à d. les maladies, on doit par conséquent, pour former les médecins faire plus d'efforts pour se procurer les secours nécessaires aux leçons pratiques, que pour former toutes les autres classes de citoyens Pour cette raison on a regardé depuis les temps les plus reculés et chez toutes les nations cultivées les observations faites sur la nature au lit de malade comme l'un de premiers moyens propre à achever les leçons de médecine. On s'est servi pour les rendre plus faciles des hôpitaux, qui, outre le but général d'y bien soigner les malades, tendaient encore vers un plus grand, vers celui de former les médecins. L'histoire et l'expèrience de tous les jours prouvent, combien d'effets salutaires les hôpitaux ont produits à cet égard, car il est à savoir, si sans cette école de la nature et des observations, il y eut eu jamais des grands médecins, et s'il y en eut aujourd'hui»? (Дѣло совѣта 1815 года, № 10).

Эрдманъ и на этотъ разъ вполнѣ придерживается прежняго плана. Клиника должна быть выстроена на землѣ, принадлежащей университету и вблизи его. Издержки на постройку простираются, по его разсчету, до 60 т. р. „Сумма эта конечно можетъ показаться великою, говоритъ Эрдманъ, но она не такъ пугаетъ, если мы сравнимъ ее съ издержками, сдѣланными въ другихъ университетахъ на подобныя учрежденія и, если мы представимъ себѣ пользу для общаго блага отъ такого учрежденія". Эрдманъ разсчитываетъ, что сумма, необходимая на постройку клиники, легко можетъ быть найдена, если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ употребить на то остатки отъ ассигнуемой на университетъ, но никогда вполнѣ не истрачиваемой суммы—130 т. р. Но и этой траты легко избѣгнуть. Попечитель ѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ; онъ высказалъ желаніе отдать помѣщеніе, занимаемое имъ, на нужды университета; съ небольшими перемѣнами внутри, въ немъ легко устроить двѣ клиники, и Эрдманъ указываетъ въ чемъ должны заключаться приспособленія. Всѣ они, и сверхъ того проектируемая пристройка флигеля, не обойдутся дороже 12 т. р. Правда тутъ нѣтъ мѣста для акушерской клиники, но для ея помѣщенія Эрдманъ указываетъ на домъ Снижарной, но онъ такъ плохъ, что грозитъ паденіемъ, а потому постройка новаго вмѣсто него будетъ конечно выгоднѣе. Всѣ эти предположенія, одобренныя совѣтомъ, не удостоились однако утвержденія. Воспользоваться для клиники квартирою попечителя (домъ Кастеллія) министръ отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что „домъ сей, устроенный для жительства попечителя, можетъ быть и впредь нуженъ будетъ для сего употребленія". Тогда Эрдманъ и вновь опредѣленный профессоръ хирургіи Вердерамо представили совѣту проектъ устройства клиники въ типографскомъ домѣ (тотъ, что былъ перестроенъ изъ манежа). Это было разрѣшено, планъ одобренъ, но съ тѣмъ условіемъ „ежели устроеніе сіе не потребуетъ значительныхъ издержекъ и покои, въ коихъ предполагается помѣстить клиники, не заняты и не нужны для другаго употребленія".

По смѣтѣ, составленной обоими профессорами и архитекторомъ адъюнктомъ Петровскимъ, устройство трехъ клиникъ въ верхнемъ этажѣ типографскаго дома, какъ разъ надъ типографскими станками, должно было обойтись въ 9898 рублей. Въ августѣ 1815 года эта смѣта и ходатайство совѣта были отправлены къ министру народнаго просвѣщенія, но въ

сентябрѣ того же года пожаръ истребилъ большую часть города и министръ, полагая, что сгорѣли и нѣкоторыя училищныя зданія, считалъ „неудобнымъ завести клиники“, остановился рѣшеніемъ и требовалъ отъ правленія объясненій. Въ виду того обстоятельства, что теперь типографическій домъ занятъ большею частію чиновниками сгорѣвшей гимназіи, а въ одной половинѣ верхняго этажа типографскаго дома находятся гимназическая и университетская больницы, правленіе, по соглашенію съ Эрдманомъ и Вердерамо, принуждено было ограничиться весьма скромными размѣрами для первоначальной клиники. Нашлись въ верхнемъ этажѣ того же дома, рядомъ съ упомянутою больницею, двѣ небольшія комнаты; въ нихъ рѣшено было помѣщать чиновниковъ и служителей, которые до того времени лѣчились на счетъ клиники на своихъ квартирахъ. Требовалось прибавить къ отпускаемой прежде суммѣ въ 600 р. еще 1400 р. въ годъ. И это должно было представлять собою клинику!

На такую комбинацію наконецъ получено было разрѣшеніе въ концѣ декабря 1815 года. Эрдманъ конечно обрадовался. Немедленно принялся онъ за устройство маленькой клиники. Сначала разсчитывалъ онъ на возможность имѣть 8 кроватей, но недостатокъ суммы принудилъ ограничиться только *четырьмя*. Вскорѣ онъ просилъ разрѣшенія принимать въ эту клинику и постороннихъ, съ платою по 15 р. въ мѣсяцъ, что должно было представлять нѣкоторую выгоду для университета (*) и съ половины мая 1816 года имѣлъ уже 8 кроватей, вслѣдствіе чего ему отпущена была лишняя сумма въ 500 рублей. Всѣ дальнѣйшія заботы Эрдмана о клиникѣ, до перехода его въ Дерптъ, напр. ходатайство въ концѣ 1816 года завести въ клиникѣ кровати для больныхъ женщинъ, не получили осуществленія. На послѣднее ходатайство новый министръ просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ отвѣчалъ отказомъ на томъ основаніи, что „въ суммахъ, слѣдовавшихъ къ отпуску на министерство просвѣщенія въ будущемъ 1817 году сдѣланы важныя убавки“. Очевидно профессору клиническихъ болѣзней нечего было дѣлать въ Казани. Вести сколько нибудь сносно свое преподаваніе не представлялось возможности.

(*) Лѣчилось въ этой клиникѣ впрочемъ немного. За цѣлый годъ университетъ получилъ съ трехъ помѣщичьихъ людей, въ томъ числѣ съ проф Кондырева, за его крѣпостнаго, всего 45 р асс.

Просматривая весьма внимательно списки студентовъ за время профессорской дѣятельности Эрдмана въ Казани съ цѣлью найти слѣды этой дѣятельности, мы убѣдились, что она по необходимости должна была имѣть случайный характеръ. При двухъ только профессорахъ: анатоміи и патологіи и частью хирургіи (Арнгольдъ и потомъ Вердерамо) университетъ не могъ приготовить настоящихъ медиковъ. Въ 1812—1813 году у Эрдмана было четыре слушателя (изъ общаго числа студентовъ 48), а въ послѣдній годъ его казанской жизни—только три (изъ 110 студентовъ). Изъ послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, медиками сдѣлались только двое: Лентовскій, впослѣдствіи (по уставу 1835 года) профессоръ дѣтскихъ и женскихъ болѣзней и Отсолигъ, бывшій потомъ директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, но оба они оканчивали свое медицинское образованіе въ Петербургѣ, въ академіи. Эрдманъ оставался такимъ образомъ безъ дѣла, не смотря на то, что у него было много задатковъ для дѣятельности: и хорошая школа, и обширная подготовка, и масса разнообразныхъ свѣдѣній, и свѣтлый умъ, и энергія характера, и наконецъ молодость. Была однако у него и дѣятельность, весьма почтенная и оставившая прочные слѣды, хотя къ сожалѣнію не въ русской литературѣ. Эта послѣдняя почти не воспользовалась его трудами, его печатными нѣмецкими сочиненіями, посвященными изученію Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Какъ медикъ, Эрдманъ, сколько мы можемъ судить по его письмамъ, сочиненіямъ и документамъ, не чуждался практики, особенно въ началѣ своей казанской жизни, но никогда изъ этой практики не дѣлалъ исключительной профессіи для себя. Притомъ въ этомъ отношеніи у него былъ сильный соперникъ въ лицѣ профессора Фукса, умѣвшаго пріобрѣсти съ перваго своего появленія въ Казани весьма большую практику. Очень можетъ быть, что у Эрдмана недоставало той вкрадчивости, той общежительности и умѣнья ладить съ разнообразными человѣческими личностями и поддѣлываться къ нимъ, какія необходимы для практическаго врача. Не было ни одного года въ теченіе службы Эрдмана въ Казани, чтобы онъ не ѣздилъ изъ этого города, то для изслѣдованій, то въ званіи визитатора училищнаго комитета. Его поѣздки простирались до Астрахани къ югу, до Вятки и Тобольска къ сѣверу и сѣверо-востоку. Поѣздки эти исключительно происходили лѣтомъ, въ вакаціонное вре-

мя, но наблюденія, вынесенныя изъ путешествія, надобно было обработать литературнымъ образомъ и на эту обработку безъ сомнѣнія посвящалось довольно времени, такъ какъ наблюденія, сдѣланныя во время пути, были и богаты и разнообразны. Въ этомъ отношеніи Эрдманъ, кажется намъ, продолжалъ то великое дѣло изученія нашего отечества, богатое результатами, которое дѣлали наши нѣмецкіе академики Екатерининской эпохи. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ трудахъ Эрдмана.

Въ апрѣлѣ 1811 года, слѣдовательно меньше чѣмъ чрезъ годъ по пріѣздѣ въ Казань, Эрдманъ женился на дочери уже упомянутаго нами (часть 1-я, стр. 343—344) лифляндскаго уроженца Кальма (*). По свидѣтельству Яковкина бракъ этотъ былъ счастливъ и молодые жили очень хорошо. Очень можетъ быть, что на Эрдманѣ, какъ на вновь пріѣхавшемъ, сказалось также вредное вліяніе казанскаго климата: „Г. Эрдманъ былъ отчаянно боленъ сильнымъ ревматизмомъ въ ногѣ, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, и даже самъ отчаявался въ своей жизни; но съ прошедшей субботы стало ему нѣсколько полегче. *Избави Боже университету лишиться въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ чиновниковъ!*“ (16 окт. 1811 г.). Для излѣченія этого ревматизма въ правой ногѣ. Эрдманъ еще въ началѣ іюля того же года, во время вакаціи, ѣздилъ на Сергіевскія сѣрныя воды (тогда Оренбургской, а нынѣ Самарской губерніи Бугурусланскаго уѣзда) и это была первая поѣздка Эрдмана.

Эти минеральныя воды, пользовавшіяся очень большою извѣстностью въ восточной Россіи, начиная съ десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и кончая началомъ шестидесятыхъ, были когда-то любимымъ мѣстомъ для многочислен-

---

(*) Къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были сообщены нами, прибавимъ еще вновь добытыя изъ архивовъ Въ 1788 году, когда Кальмъ служилъ учителемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, во время войны со Швеціей, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что чрезъ Германію послалъ въ Швецію задѣланные въ натуральную трость чертежи нашихъ крѣпостей, баттарей и пограничныхъ укрѣпленій Посылка была конфискована и Кальма сослали въ Казань учителемъ нѣмецкаго языка въ главномъ народномъ училищѣ, за что онъ получалъ жалованья по 400 р. въ годъ Положеніе его въ Казани улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался учителемъ дѣтей казанскаго губернатора князя Баратаева, а потомъ онъ составилъ себѣ нѣкоторый капиталъ какъ содержатель пансіона На родину его не отпускали

ныхъ лѣтнихъ съѣздовъ помѣщиковъ нѣсколькихъ ближайшихъ губерній. Тогда кипѣла въ этомъ углу широкая, привольная жизнь. Частію съ паденіемъ крѣпостнаго права и обѣднѣніемъ дворянства, частію съ измѣненіемъ характера господствовавшихъ въ обществѣ болѣзней, а всего вѣроятнѣе съ успѣхами самой медицины, прежняя слава о цѣлительности сѣрныхъ источниковъ исчезла почти безслѣдно. Нынѣ это печальное, наводящее уныніе мѣстечко, гдѣ главный, хотя и весьма немногочисленный контингентъ пріѣзжихъ представляютъ только больные военнаго сословія съ однообразнымъ родомъ болѣзни; для нихъ существуетъ тамъ безплатное приспособленіе для пользованія цѣлительною силою водъ. Пишущаго эти строки, знавшаго Сѣрныя воды въ разные блестящіе годы ихъ существованія и посѣтившаго ихъ въ послѣдній разъ въ 1887 году, поразило безлюдіе, мертвенность и опустошеніе, воцарившіяся здѣсь. Развалины, грязь и бѣдность—на каждомъ шагу. Человѣкъ, знакомый съ нѣмецкими курортами, невольно задумается о причинахъ этой неприглядности и о коренномъ неумѣньи нашемъ пользоваться дарами природы. Даже та высокая и довольно широкая долина, окаймленная съ трехъ сторонъ горизонта непрерывными возвышенностями, составляющими какъ полагаютъ начало Уральскаго хребта (на гребнѣ одной изъ нихъ и расположено мѣстечко), которая окружаетъ источники, наводитъ глубокое уныніе. Когда-то, даже въ тридцатыхъ годахъ, цвѣтущая ковыльная степь, по которой разгуливали свободно многочисленные табуны сосѣднихъ калмыковъ, давно отодвинутыхъ въ Астраханскую губернію, эта равнина представляетъ теперь тощую растительность и невольно наводитъ на мысль, что печальныя условія средне-азіатскихъ степей подвигаются какъ бы видимо на западъ. А на берегахъ одной изъ рѣкъ, извивающихся по той равнинѣ, именно Сока, въ годы путешествія Палласа, росли дубовые лѣса, въ самой рѣкѣ водились бобры. Петръ В. въ 1703 году повелѣлъ строить здѣсь изъ дубоваго лѣса городъ Сергіевскъ (нынѣ посадъ), а вокругъ него срубленъ былъ острогъ съ 14 башнями и 5 воротами, но черезъ годъ весь этотъ деревянный городъ былъ по царскому указу разобранъ до подошвы и отправленъ водою на Терекъ (*). Петръ В. думалъ добывать здѣсь

(*) *А. Щекатова*, Словарь географическій россійскаго государства, часть пятая. М. 1807. стр. 908.

столь нужную ему для пороха сѣру и въ шести верстахъ отъ Сергіевска, у самыхъ источниковъ, бьющихъ изъ горы и осаждающихъ сѣру, былъ также построенъ дубовый острогъ съ двумя башнями и домами для мастера, 15 подмастерьевъ и переселенныхъ изъ разныхъ мѣстъ рабочихъ для заведеннаго здѣсь сѣрнаго завода (ясашныхъ крестьянъ для завода переселено было сюда 508 семей). Въ лощинѣ, куда стекаютъ сѣрные ключи, былъ вырытъ прудъ, устлано дубомъ дно его и раздѣлено на перегородки, въ которыхъ осаждалась сѣра. Но содержаніе ея было такъ незначительно, добыча была такъ ничтожна, что заводъ былъ брошенъ въ 1720 году и добываніе сѣры началось въ другомъ мѣстѣ, на берегу Волги, противъ устья Сока. Туда и были переведены работы.

Цѣлительныя свойства сѣрныхъ источниковъ вѣроятно были открыты окрестными жителями и прежде всего калмыками, у которыхъ ламы въ тоже время и врачи. Есть извѣстіе, что сѣрные ключи обозрѣвались лейбъ-медикомъ Петра В. Шоберомъ, который посѣтилъ ихъ въ 1717 году, возвращаясь съ терекскихъ теплыхъ водъ, для изслѣдованія и описанія которыхъ онъ былъ отправленъ Петромъ (*). Первыя описанія сѣрныхъ водъ съ медицинскими свѣдѣніями и наставленіями сдѣланы были профессорами Казанскаго университета, которые очень рано, со времени распространившейся въ обществѣ извѣстности о ихъ цѣлительности, стали посѣщать ихъ. Въ 1808 году случилось здѣсь исцѣленіе богатаго помѣщика Глазова отъ тяжкой и застарѣлой болѣзни, о чемъ онъ и напечаталъ въ газетахъ. Съ тѣхъ поръ извѣстность водъ быстро распространилась въ состоятельномъ кругу помѣщиковъ и купцовъ сосѣднихъ губерній, чающихъ исцѣленія недуговъ, и число посѣтителей увеличивалось съ каждымъ годомъ. Первый изъ казанскихъ профессоровъ-медиковъ, посѣтившій Сергіевскія сѣрныя воды уже въ слѣдующемъ 1809 году, былъ Фуксъ. Онъ приглашенъ былъ для изслѣдованія дѣйствія только что сдѣлавшихся извѣст-

(*) *Вильгельмъ Рихтеръ*, Исторія медицины въ Россіи Часть 3. М. 1820, стр 141 Показанія Рихтера впрочемъ не точны; изъ его словъ видно, будто Шоберъ открылъ *сѣрныя ямы* и что послѣ этого уже открытія Петръ В повелѣлъ завести сѣрный заводъ, устроенный, какъ мы видѣли, гораздо ранѣе. Неизвѣстно на какомъ основаніи почтенные авторы статьи «К Ѳ. Фуксъ и его время» (*Казанск, литерат. сборникъ*, Каз. 1878, стр 423) говорятъ, что Сергіевскія сѣрныя воды были *описаны* Шоберомъ.

ными источниковъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Волконскимъ и ѣздилъ туда на казенный счетъ. Отчетъ его о водахъ и наблюденія, сдѣланныя имъ, были отправлены княземъ Волконскимъ къ министру внутреннихъ дѣлъ князю Куракину. По словамъ Фукса „haecce balnea in morbis perdomandis et praecipue in scorbuto, quasi miracula edidisse". Плодомъ этой поѣздки было также первое описаніе водъ, составленное имъ и напечатанное въ началѣ 1810 года (*). И воды, и ихъ цѣлебность, и наконецъ жизнь на водахъ чрезвычайно понравились Фуксу: мѣстечко это часто, до конца жизни, посѣщалось имъ. Въ 1810 году, какъ врачъ гимназической и университетской больницы, съ разрѣшенія попечителя и по представленію совѣта, Фуксъ повезъ туда двухъ гимназистовъ: Юнакова „страждущаго неизлѣчимымъ въ костяхъ и по всему тѣлу скорбутическимъ наслѣдственнымъ недугомъ" (exostosis) и другаго Рудометова На поѣздку эту выдано было пособіе. Въ этомъ году Фуксъ запоздалъ на Сѣрныхъ водахъ и не могъ явиться къ концу вакаціоннаго времени, ссылаясь на то, что лѣченіе гимназистовъ еще не кончено и что всѣ больные на водахъ, или „нашъ лагерь", какъ онъ называетъ съѣхавшихся лѣчиться объявили ему, что они силою воспротивятся его отъѣзду

О томъ видѣ, какой въ тѣ годы представляли Сѣрныя воды, можно составить себѣ понятіе изъ отрывка письма Фукса къ Яковкину: „J'ai trouvé un camp très vaste, couvert des tentes et des kibitki kalmoucs. Il y a ici à présent 54 familles et en tout plus de mille personnes, qui emploient les eaux minérales avec beaucoup de succès. Tout cela ressemle a un ярманка, et à la verité plusieurs marchands ont établi des boutiques et vendent plusieurs marchandises et *surtout du vin.* La plupart des familles sont venues de Simbirsk, un grand nombre du gouvernement d'Orenbourg, et quelques-unes de Cazan. Si vous sériez ici, j'en suis sûr que

(*) Это очень рѣдкая казанская брошюра: «Краткое описаніе Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ» (безъ имени автора) Казань. Въ университетской типографіи 1810 8° 16 (разгонисто-напечатанныхъ) страницъ. Въ ней очень коротко говорится: 1) о мѣстоположеніи водъ, 2) о явленіяхъ, усматриваемыхъ въ водахъ, 3) о дѣйствіяхъ ихъ въ тѣлѣ, 4 и 5) объ образѣ ихъ внутренняго и наружнаго употребленія, 6) о составныхъ частяхъ (безъ химическаго анализа), 7) о болѣзняхъ, изцѣляемыхъ водами, 8) о діэтѣ и наконецъ 9) о времени употребленія водъ

vous vous amuseriez beaucoup, parceque *chacun vit ici à sa manière, sans se gêner*, et beaucoup de personnes s'amusent avec la chasse et la pêche, qui sont toutes deux extrêmement abondantes. Je vous engagerai pour l'anneé prochaine d'aller voir ce superbe emplacement, d'où découlent nos eaux salutaires".—Такую же картину жизни на сѣрныхъ водахъ, съ бо́льшими деталями, даетъ и Эрдманъ, посѣтившій ихъ черезъ годъ.

«Пріѣхавшіи сюда съ представленіемъ о нѣмецкихъ минеральныхъ водахъ, при первомъ взглядѣ будетъ пораженъ весьма непріятно: онъ видитъ передъ собой только временную колонію, ведущую номадную жизнь. На холмистой, покрытой травою равнинѣ, принадлежавшей прежде къ сосѣдней калмыцкой степи, разбросаны безъ всякаго порядка жилища гостей, пріѣхавшихъ сюда лѣчиться Это или плетеныя изъ древесныхъ вѣтвей хижины, или калмыцкія и киргизскія войлочныя кибитки, или палатки, только изрѣдка попадаются между ними деревянные дома: каждый пріѣзжающій въ эту пустыню обязанъ везти съ собою и свое жилище, вмѣстѣ со всѣми прочими потребностями Каждый по своему вкусу выбираетъ и мѣсто для поселенія Состоятельные помѣщики изъ окрестныхъ мѣстностей посылаютъ впередъ нѣсколько крестьянъ: они окружаютъ заборомъ выбранное мѣсто роютъ колодцы и погреба, плетутъ изъ вѣтвей домики, ставятъ кибитки, разбиваютъ палатки Когда все готово, пріѣзжаютъ господа съ своею прислугою, а за ними тянутся небольшія стада скота: необходимо имѣть молоко, а для мяса—овецъ и барановъ Даже ванны и котлы, кухонная и столовая посуда—привозятся издалека Менѣе состоятельные или пріѣхавшіе изъ мѣстъ отдаленныхъ довольствуются кровомъ въ родѣ бесѣдокъ изъ ивовыхъ вѣтвей, которыя плетутъ окрестные жители, безъ всякой ограды, а часто и землянками Между этими жилищами и вокругъ нихъ свободно пасутся пригнанныя лошади, коровы и овцы Такъ формируется колонія жителя которой, побуждаемые частью необходимостью, частью естественнымъ стремленіемъ къ общественности, безъ различія состоянія и привычекъ, образуютъ одну семью, а присущая въ высшей степени русскому народу способность охотно дѣлиться съ другими своимъ и примѣняться къ обстоятельствамъ производятъ явленія, для насъ нѣмцевъ непонятныя Кто привезъ съ собою ванну или котелъ для согрѣванія воды, снабжаетъ ими тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ; владѣлецъ коровы дѣлится чистымъ молокомъ; кто пригналъ барановъ охотно уступаетъ кусокъ баранины, иногда и цѣлаго барана — новымъ друзьямъ; у кого свои лошади, тотъ охотно позволяетъ другому возить на нихъ воду для ваннъ

«Какъ только устроилась жизнь, тотчасъ принимаются за развлеченія игрою въ карты, прогулками пѣшкомъ и въ экипажахъ, даже чтеніемъ, такъ какъ всякій, привезшій съ собою сколько нибудь книгъ, охотно ссужаетъ ими другихъ; однимъ словомъ частная собственность дѣлается подъ конецъ общимъ достояніемъ и жизнь на водахъ, вообще очень однообразная, скоро получаетъ прелесть независимости и какъ бы естественной свободы А какъ любопытны здѣсь контрасты, попадающіеся на каждомъ шагу! Вотъ выходитъ изъ калмыцкой войлочной кибитки одѣтая по французской модѣ дворянка, въ итальянской соломенной шляпѣ на головѣ, съ турецкой шалью на плечахъ, въ сопровожденіи служанки, чтобы сдѣлать визитъ своей пріятельницѣ, которая рядомъ, подъ крышею изъ иво-

выхъ вѣтвей, лежитъ въ припадкѣ истерическихъ судорогъ; тамъ въ простой крестьянской избѣ, за стаканами пуншa, у карточнаго стола изъ краснаго дерева, сидятъ офицеры и помѣщики; здѣсь, у низенькаго забора, стоитъ лакированная, съ зеркальными стеклами англійская карета, а за заборомъ, на открытомъ воздухѣ, кипитъ висящій на кольяхъ котелъ съ сѣрной водою для ванны, а рядомъ, на очагѣ изъ простыхъ камней, дымятся кастрюли, въ которыхъ варится обѣдъ; нѣсколько шаговъ дальше важный чиновникъ въ халатѣ идетъ въ землянку брать ванну, а слуги несутъ за нимъ бѣлье и разныя принадлежности. — Такъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ трудомъ отстаетъ человѣкъ отъ своихъ привычекъ Впрочемъ въ настоящемъ году, для удобства гостей на водахъ, былъ привезенъ сюда цѣлый транспортъ фаянсовой посуды, и другой съ иностранными винами изъ Казани, была устроена даже походная аптека, для которой я составилъ планъ; все это помѣщалось въ ивовыхъ мазанкахъ; отъ времени до времени появляются и сосѣдніе крестьяне; они продаютъ куръ, яйца, масло Казачья команда изъ Оренбурга, расположенная оивуакомъ на одномъ изъ холмовъ, наблюдала за внѣшнимъ порядкомъ и записывала пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Наконецъ были и врачи: кромѣ командированнаго уѣзднаго, были изъ Казани, не считая меня, еще двое, одинъ изъ Симбирска и одинъ изъ Оренбурга» (*).

Естественно, что при такомъ характерѣ жизни на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ, при свободѣ встрѣчъ и отношеній, когда люди такъ близко и непосредственно сходятся другъ съ другомъ, при наплывѣ пріѣзжихъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, это уединенное мѣстечко восточнаго поволжья, должно было изобиловать множествомъ различнаго рода приключеній, особенно романическаго свойства. Дѣйствительно здѣсь завязывалось и развязывалось въ прежніе годы, до шестидесятыхъ, множество романовъ; здѣсь была выставка невѣстъ: въ семейной хроникѣ многихъ помѣщиковъ окрестныхъ губерній сохранились преданія объ этихъ романахъ. Очень можетъ быть, что живы еще и нѣкоторыя дѣйствующія лица, хотя вся эта старина давно отодвинулась въ глубь прошлаго, отъ котораго, по характеру самой русской жизни, не осталось никакихъ сколько нибудь заслуживающихъ памяти преданій. Мы видѣли, что профессоръ Фуксъ, съ своими больными гимназистами, запоздалъ на Сѣрныхъ водахъ. Причина этого запозданія заключалась, по словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей этого отдаленнаго прошлаго, въ романическихъ приключеніяхъ популярнаго въ Казани профессора, который вообще пользовался большимъ довѣріемъ и любовью со стороны прекраснаго пола. „Онъ имѣетъ большую здѣсь практику и довѣренность—сви-

(*) Ioh. Friedr. Erdmann, Reise im Innern Russlands, Zweiter Theil. Erste Hälfte. Leipz. 1825, S. 4—7

дѣтельствуетъ о немъ Яковкинъ. Можетъ быть скоро многое въ жизни его перемѣнится, когда, какъ я за достовѣрное слышалъ. на сей недѣлѣ онъ женится" (31 янв. 1811 г.). Свадьба эта впрочемъ не состоялась и романъ дошелъ даже до разбирательства у начальства, о чемъ мы имѣемъ подробное донесеніе того же лица попечителю:

«На прошедшей недѣлѣ вышли у насъ новыя свадебныя проказы Г профессоръ Фуксъ давно уже имѣлъ связь, переписку и взаимные подарки съ барышнею Мячковою (*) Во время пребыванія на Сергіевскихъ водахъ она всѣмъ объявила себя невѣстою Фукса и принимала поздравленія 1 февраля вечеромъ пріѣхала она прямо въ квартиру Фукса въ Тенищевскомъ домѣ 2 февраля, часу въ десятомъ поутру, съѣхавши со двора, скрылся онъ на весь день Давно уже у него живетъ одна солдатка, непотребная, пьяница, воровка и нахалка (**) Нѣсколькократно напоминалъ я ему, что онъ наводитъ стыдъ и соблазнъ университету, держа у себя таковую непотребницу, и онъ, обѣщавши мнѣ многократно сослать ее, удерживалъ у себя 2-го февраля вечеромъ часу въ осьмомъ рапортуетъ мнѣ ефрейторъ нашъ, что въ квартирѣ г Фукса происходитъ шумъ, почему немедленно пошедъ туда, нахожу помянутую барышню Мячкову, которая объявляетъ мнѣ, что непотребница Фуксова ругаетъ ее всячески и поноситъ, что по приказанію Фуксову, хотя и отпустила она домой всѣ свои пожитки, но сама не выходитъ изъ квартиры его. что г. Фуксъ поѣхалъ прощаться съ знакомыми своими, что положено межъ ими, чтобы ей съ братьями ея и Фуксомъ въ ту же ночь отправиться за Каму въ гости (по всѣмъ увѣреніямъ, чтобъ въ селѣ невѣстиномъ повѣнчаться). Почему для возстановленія тишины приказалъ я оную солдатку взять подъ караулъ. — Вечеръ и ночь прошли спокойно, а г Фуксъ не являлся. По утру, въ шестомъ часу, ефрейторъ рапортуетъ, что гостья Фуксова выѣзжаетъ; и такъ, чтобы чего не распропало, приказалъ я комнаты запереть и поставить часоваго День прошелъ въ неизвѣстности, и въ седмь часовъ вечера явившійся ко мнѣ старшій университетскій сторожъ отрапортовалъ, что г Фуксъ пріѣхалъ И такъ, пошедъ къ нему, узналъ, *что онъ нарочно скрывался отъ своей невѣсты* (***). — Чѣмъ кончится сія трагикомедія — еще неизвѣстно, а между тѣмъ г Фуксъ непотребницу свою оставилъ у себя по прежнему» (6 февр. 1811 г).

Исторія съ барышнею Мячковою, начало которой относится къ совмѣстному пребыванію на Сергіевскихъ водахъ, сильно занимала тогда казанцевъ, но конечно больше всего Яковкина „Женитьба г. Фукса кажется разсохлась, со-

(*) Это была дочь помѣщика Спасскаго уѣзда, но фамилія давно не существуетъ Осталось въ одномъ углу уѣзда лишь названіе *Мячкова сада*.

(**) Объ этой солдаткѣ «Татьянушкѣ» было уже упомянуто въ нашей книгѣ, ч. 1-я, стр 266 — 267.

(***) Какъ кажется Фуксъ думалъ употребить тотъ же маневръ и передъ состоявшейся черезъ десять лѣтъ свадьбой, къ которой онъ былъ, по разсказамъ стариковъ, вынужденъ настояніями родныхъ невѣсты, болѣе энергичныхъ, чѣмъ у Мячковой; но это ему не удалось. См. упомянутую выше на стр 159 статью въ *Каз. Литер. Сборн* 1878 г., стр. 499.

общаетъ этотъ не разъ цитированный нами современникъ, но едва ли она обойдется безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, потому что говорятъ, да и самъ я, при однократномъ только свиданіи, весьма примѣтилъ, невѣста носитъ уже съ августа залогъ, время отъ времени увеличивающій животъ ея“ Попечитель съ своей стороны обращалъ большое вниманіе на всѣ доходившіе до него слухи въ Петербургѣ о казанскихъ профессорахъ. „Мнѣ одинъ изъ профессоровъ писалъ, что нѣкоторые товарищи его liederlich leben. Вѣроятно, что онъ между прочими разумѣлъ и г. Фукса. Прошу неумедлить увѣдомить меня, обращается онъ къ директору, чѣмъ кончилась начатая имъ траги-комедія Скажите ему при случаѣ моимъ именемъ, что онъ наводитъ образомъ жизни своей стыдъ въ соблазнъ всему университету, и ежели дойдетъ образъ жизни его до свѣдѣнія министра, то я опасаюсь, чтобъ онъ не уволилъ его отъ университета“. Такое требованіе попечителя кажется еще болѣе поощрило Яковкина сообщить ему, съ распространенными подробностями, о разнообразныхъ любовныхъ приключеніяхъ Фукса:

«Изъ холостыхъ профессоровъ «liederlich leben» прямо можно сказать объ одномъ только Фуксѣ Френъ, живучи въ своемъ домѣ, и имѣя весьма малое обращеніе по незнанію россійскаго языка, мало можетъ быть извѣстенъ постороннимъ въ домашней своей жизни, хотя и содержитъ домоправительницею извѣстную прежде потаскуху —Фуксъ, по переѣздѣ своемъ на казенную квартиру въ Теницевской домъ, убравъ щегольски всѣ покои— и мѣсяца черезъ три пріѣзжаетъ къ нему изъ Петербурга какая-то англичанка Гаттонъ, жена одного въ Петербургѣ ремесленника, съ коими онъ и тогда, видно, былъ ближе, нежели другъ Гостья, сперва подъ видомъ ожиданія возлюбленнаго своего супруга, остановившись у Фукса, начала хозяйствовать, распоряжать и повелѣвать даже самимъ хозяиномъ. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ,—и десять,—и годъ, а сиръ Гаттонъ не является. И такъ, будто не могши дождаться, начала собираться обратно; но прежде отъѣзда удостоила недѣли съ двѣ прогостить еще у тогдашняго друга Фуксова, а нынѣ непримиримаго врага—Френа, жительствовавшаго тогда въ типографскомъ домѣ.—По отъѣздѣ лади Гаттонъ, Фуксъ принялъ къ себѣ изъ подгороднаго села Царицына простую бабу солдатку, коей ввѣрилъ совершенно какъ все домашнее свое распоряженіе, такъ и себя самого, выстроилъ ей въ Царицынѣ отличный крестьянскій домъ; при приходящихъ всѣхъ допускаетъ ей въ деревенскомъ сарафанѣ (дубасѣ) отправлять у себя должность ключницы, кухарки, кофишенки, келлермейстерины и камердинерши,—далѣе свободно сноситъ, когда она явно, при всѣхъ, его ругаетъ, а онъ отдѣлывается только смѣхомъ —Для осмотрѣнія Болгаровъ, въ четвертомъ году, бралъ онъ ее съ собою въ мужскомъ платьѣ, а на Сергіевскія воды, въ третьемъ и прошломъ году, въ собственномъ ея сарафанномъ платьѣ, безъ малѣйшаго зазрѣнія и стыда Въ прошломъ году бѣдные двое гимназистовъ, взятые Фуксомъ на воды для лѣченія, должны были смиренно испрашивать кусокъ хлѣба у сей непотребницы —Тамъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ долговременной прежде любовной переписки и взаимныхъ подарковъ, свелъ Фуксъ самое тѣсное обращеніе съ барышнею

Мячковою, которая по сему публично принимала уже поздравленія и отъ почетныхъ особъ на водахъ бывшихъ, какъ помолвленная невѣста Фуксова, а хозяйствующая сарафанница бѣсилась, смѣялась и клялась, что не бывать по тому—Съ водъ Мячкова отправилась къ сестрѣ и жила до исхода генваря, когда пріѣхавъ въ Казань прямо къ Фуксу, требовала отъ него неотмѣнно исполненія даннаго слова: поелику и я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ побудительнѣйшей къ таковому настоянію физической причины, несовмѣстной съ состояніемъ дѣвицы Фуксъ, уѣхавши изъ своей квартиры подъ видомъ распрощанія съ пріятелями, скрывался въ городѣ трои сутки. и узнавъ, что Мячкова уже уѣхала изъ Казани къ матери своей, какъ къ единственному прибѣжищу въ заблужденіи страсти, явился вечеромъ въ свою квартиру.— Многія изъ сихъ обстоятельствъ извѣстны уже в и изъ тогдашняго моего донесенія —По пріѣздѣ его пришелъ я къ нему и выговаривалъ за шумъ и безпокойства, причиненныя въ его квартирѣ; но онъ мнѣ на то съ сердцемъ сказалъ: «Развѣ думаете вы поступать со мною. какъ съ учителемъ? Знайте, что я такой же профессоръ, какъ и ты» — Сколько ни обидѣнъ былъ таковой упрекъ, но я скрѣпилъ свое сердце—и наконецъ, послѣ даннаго обѣщанія исправиться, Фуксъ, далъ слово, что чрезъ три дня не будетъ болѣе жить у него непотребница его. содержавшаяся тогда, по приказанію моему, подъ карауломъ въ казармѣ за причиненный въ Тенищевскомъ домѣ шумъ Какъ онъ не учитель, то непотребницу свою удерживаетъ при себѣ и донынѣ, къ явному стыду и поношенію университета и соблазну студентовъ, что и было первѣйшею и главнѣйшею причиною рапорта моего къ в и *дабы больницу университетскую и гимназическую препоручить г. Эрдману*, а съ тѣмъ купно, подъ означенною въ ономъ благовидною виною, отдать ему же и занимаемую Фуксомъ квартиру.—Объ явномъ непотребствѣ, пьянствѣ и распутствѣ въ отсутствіе Фукса, въ его покояхъ, равно и явномъ обворовываніи его, мерзко даже и подумать» (далѣе слѣдуетъ уже приведенный нами эпизодъ воровства яблокъ) Вотъ нѣкоторыя еще только изъ тѣхъ, и большею частію недавно узнанныхъ мною обстоятельствъ, что слова «liederlich leben» должны прямо относиться на счетъ Фукса.—Въ домашнюю жизнь всякаго чиновника университетскаго входить не только нѣтъ мнѣ никакой возможности, но, кажется, не имѣю на то и никакого права, потому что каждый самъ по себѣ обязанъ, оберегая собственную свою честь. оберегать чрезъ то и честь заведенія, коего онъ сочленомъ».

Вѣроятно въ то время, когда Яковкинъ описывалъ попечителю похожденія Фукса, между ними пробѣжала черная кошка Фуксу, послѣ передачи ему директоромъ выше приведеннаго замѣчанія попечителя о его поведеніи, сдѣлалось извѣстнымъ кто доставляетъ въ Петербургъ свѣдѣнія о немъ. Съ своей стороны Яковкинъ ничего такъ не боялся какъ молвы о немъ въ Петербургѣ и изложенія его собственныхъ дѣйствій, независимо отъ взгляда начальства. Онъ опасается, что Фуксъ разсказываетъ о немъ всѣмъ пріѣзжающимъ изъ Петербурга въ Казань извѣстнымъ лицамъ, которыя сходились съ нимъ. „Не довольно еще сего, пишетъ директоръ: чрезъ своихъ сира и лади Гаттонъ старался и старается меня чернить въ разныхъ почетныхъ домахъ и въ Петербургѣ. Сердце мое предъ в. п. открыто. Слава Богу, что кичливость мнѣ совсѣмъ

чужда: но злобную зависть довести до такой самой подлѣйшей степени весьма непростительно, а еще постыднѣе, не щадя никакой подлости и унизительности, искать благосклонности всякаго пріѣзжаго и не только задавать тонъ и увѣрять, что одинъ только Фуксъ и есть при Казанскомъ университетѣ достойный профессоръ, прочіе же всѣ ничего не стоятъ. что самое, чрезъ своихъ возлюбленныхъ Гаттоповъ, распространять и въ Петербургѣ. Теперь то я знаю совершенно весь постыдный характеръ сего человѣка, одинаковое со звѣремъ таковыхъ же свойствъ прозваніе носящаго. Богъ съ нимъ! Онъ его рано или поздно накажетъ".

Попечитель успокоивалъ своего постояннаго и вѣрнаго корреспондента: „Не ожидалъ я отъ г. Фукса такихъ поступковъ, какіе въ письмѣ вашемъ описаны. Что нѣкоторые изъ нашихъ господъ содержатъ домоводокъ, то дѣлаютъ они по примѣру нѣмецкихъ университетовъ. Но домоводки тамъ ведутъ себя скромнѣе, нежели наши солдатки. Поступокъ его въ разсужденіи васъ непростителенъ и еще того непростительнѣе, что не стыдится говорить, что онъ одинъ только и есть при Казанскомъ университетѣ достойный профессоръ, а прочіе же всѣ ничего не стоятъ. Здѣсь не только не слышно, что проповѣдуютъ сиръ и лади въ пользу Фукса, но ни о сирѣ ни о лади ничего не знаютъ". „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ г. Фукса письмо, въ которомъ старается доказать, что всѣ вѣтки, до меня дошедшія, суть клеветы (*).

(*) Яковкинъ прочиталъ Фуксу отрывокъ письма попечителя, касающійся его: «Je fus stupéfait d'étonnement et d'horreur, lorsqu' il a lu l'histoire d' une accusation aussi fausse qu'atroce», говорилъ Фуксъ и счелъ необходимымъ оправдываться въ письмѣ къ попечителю. Приведемъ нѣкоторые отрывки изъ него Фуксъ говоритъ о своемъ положеніи въ казанскомъ обществѣ: «Je jouis depuis bien longtemps de l'éstime publique, puisque (?) on m'invite pour chaque bonne société; on est enchanté de me posséder; on me dit mille choses agréables; on me comble de bienfaits. Tous les grands personnages, qui arrivent de Pétersbourg ou de Moscou viennent faire ma connaissance Messieurs le prince Volconsky, le comte Orlov, le prince Temischev, le sénateur Obreskov et beaucoup de personnes de mérite distingué, ont passé plusieurs fois une soiréé entière chez moi . Pendant cette semaine beaucoup de généraux et des conseillers d'état sont venus me féliciter pour la fête de Paques, honneur dont je dois être jaloux. et qui, j'en suis sûr, n'a été accordé à aucun de nos professeurs—Mais que diront mesdames, par ex madame Veschnékov, dont le mari a été maréchal de la noblesse de Cazan et madame la générale Hannibal, qui avec leurs familles viennent passer la soirée chez moi une ou deux fois par semaine, que diront ces dames, lorsqu'elles entendront parler d'une pareille accusation, voudraient elles venir chez un homme de mauvaise conduite?» Далѣе Фуксъ говоритъ, что по мнѣнію казанскихъ

и между прочимъ увѣряетъ, что весь городъ готовъ дать свидѣтельство о его добропорядочномъ образѣ жизни. Но какъ бы то ни было, онъ долженъ будетъ жалѣть, ежели барышня Мячкова письменно начнетъ просить о разрѣшеніи любовной между ими связи. По тѣхъ поръ дѣло сіе можетъ длиться, покамѣстъ не подастъ она чего нибудь на письмѣ, и какъ бы оно ни кончилось—не принесетъ добра г. Фуксу.“ Вообще Фуксъ въ этомъ году запутался въ своихъ домашнихъ дѣлахъ; на Сѣрныя воды онъ снова поѣхалъ: тамъ была у него обширная практика, а передъ его отъѣздомъ, въ іюнѣ 1811 года, Яковкинъ писалъ о немъ слѣдующее: „Явившаяся въ Казань на прошедшей недѣлѣ Гаттонъ возродила съ г. Фуксомъ новую непріятную интригу. Солдатка его, царицынка, убѣжала въ свое село, не забывши забрать съ собою что помягче, полегче или потяжеловѣснѣе; а дворянка барышня Мячкова приступаетъ ко мнѣ почти уже формально, чтобы вынудить у г. Фукса развязку продолжающейся уже три года любовной ихъ комедіи. Говорилъ я сегодня о семъ съ Фуксомъ для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій; но онъ увѣряетъ совсѣмъ противно, нежели какъ увѣдомляетъ и даже готовится доказать барышня Мячкова. Чѣмъ исторія сія продолжится или кончится, не премину обстоятельно донести в. п.; а барышня сія затѣваетъ и предполагаетъ многое“. По возвращеніи Фукса въ Казань, его ждала новая непріятность: очищеніе казенной квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ, по требованію попечителя: ее долженъ былъ занять Эрдманъ.

дворянъ онъ былъ «le modèle pour le bon goût, la décence et la propreté, qui regnent chez moi» Наконецъ Фуксъ ссылается на двѣ причины, «qui ôtent même le pouvoir d'être débauché par force: La première est que ma chétive figure n'est pas faite pour la moindre débauche, puisque je souffre beaucoup d'une obstruction de foie que j'ai gagné à Pétersbourg et de la gravelle, dont je suis souvent attaqué Le moindre excès me coûtera la vie. Cela est connu à tous nos médecins de Cazan que j'ai consulté à cet égard. En second lieu j'élève deux pauvres enfants orphelins, auxquels je ne voudrais pas donner un mauvais exemple. De plus M le général Vsevolodjsky à Moscou m'a confié l'éducation de son cousin, qui loge aussi chez moi». Трудно конечно разобраться въ правдѣ двухъ крайне противоположныхъ утвержденій, но сколько мы знаемъ, по разсказамъ стариковъ казанскихъ, Фуксъ, по мягкости своей натуры, будучи кромѣ того весьма *женолюбивъ*, подчинялся женщинамъ и позднѣе; у жены своей былъ подъ башмакомъ. Впрочемъ по разсказу, слышанному нами отъ давно умершей старушки помѣщицы, сосѣдки по имѣнію барышнѣ Мячковой, эта послѣдняя, принадлежавшая къ тѣмъ энергическимъ женскимъ типамъ, какіе съ 19 февраля 1861 года, постепенно вымираютъ, задалась непремѣннымъ желаніемъ во что бы то ни стало женить на себѣ мягкосердечнаго Фукса

Напрасно онъ употреблялъ усилія, доказывая предъ начальствомъ необходимость сохранить эту квартиру по близости ея къ ботаническому саду; его заставили ее очистить „Самъ г. Фуксъ не былъ бы столько упрямъ, да и не осмѣлился бы; но пожаловавшая его своимъ пріѣздомъ лади Гаттонъ и ожидаемый сиръ Гаттонъ много его надуваютъ. Не повезло Фуксу въ тотъ годъ, если вѣрить Яковкину, и въ излюбленномъ имъ мѣстѣ. „На Сергіевскихъ водахъ сволочью своею заслужилъ онъ всеобщее презрѣніе, а братъ Мячковой, преслѣдуя его тамъ, принудилъ скорѣе спасаться въ Саратовскую губернію, да и здѣсь въ Казани опасается онъ чрезвычайно его преслѣдованія". Дальше этого года мы не имѣемъ однако болѣе интимныхъ свѣдѣній о жизни Фукса и его приключеніяхъ Эпизодъ его съ барышней Мячковой, такъ интересовавшій Румовскаго, повидимому не имѣлъ послѣдствій.

Мы невольно, къ сожалѣнію, увлеклись изобиліемъ представившихся намъ архивныхъ матеріаловъ для такой когда-то крупной личности и въ городѣ и въ университетѣ, какою былъ Фуксъ. Свѣдѣнія, доставленныя Яковкинымъ, вызваны были любознательностью попечителя. Этотъ старикъ, жившій въ Петербургѣ, давно уже не думалъ о наукѣ и ея успѣхахъ. Весь преданный теперь бумажной административной дѣятельности, онъ желалъ повидимому оживить ее собираніемъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ далекой Казани и ея университетѣ, ввѣренномъ его попеченію. Пріѣзжіе въ столицу отвѣчали лично на его старческіе, добродушные повидимому расиросы; отсутствующіе въ свою очередь передавали ему на письмахъ событія съ своей точки зрѣнія, а начальникъ думалъ, что онъ всезнающъ и твердо держитъ въ своихъ рукахъ дѣло науки и образованія.

Въ медицинскомъ описаніи Сергіевскихъ минеральныхъ источниковъ Фуксъ предупредилъ Эрдмана и хотя послѣдній сдѣлалъ свои наблюденія надъ водами на другой годъ послѣ Фукса, но опубликованы по нѣмецки они были гораздо позднѣе, не ранѣе изданія имъ книги, т. е. 1825 года. Описаніе водъ, сдѣланное Эрдманомъ было готово однако уже въ августѣ 1811 года, тотчасъ по возвращеніи съ этихъ водъ, и было представлено имъ въ С. Петербургскую медико-хирургическую академію. Краткое извлеченіе изъ него было напечатано въ

мѣстной газетѣ (*). Описаніе это тѣмъ важно, что Эрдманъ первый сдѣлалъ на мѣстѣ, послѣ пятидесяти опытовъ, не смотря на большой недостатокъ необходимыхъ пособій и снарядовъ, правильный химическій анализъ состава сѣрной воды. Сравнивая этотъ анализъ съ другимъ, сдѣланнымъ въ тридцатыхъ годахъ профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ Клаусомъ и съ анализомъ объявленія содержателя водъ весны настоящаго 1888 года,—мы не находимъ значительной между ними разницы, не смотря на естественный ростъ науки. Описаніе Эрдмана вообще солиднѣе Фуксова Эрдману же первому принадлежитъ проектъ такого устройства этого заброшеннаго, но все же полезнаго мѣстечка, по которому оно могло походить сколько нибудь на нѣмецкій Bade-Ort. Наблюдательный Эрдманъ жилъ очень удобно на Сергіевскихъ водахъ: у него, какъ у медика, была хорошая квартира; онъ жилъ на всемъ готовомъ и ни въ чемъ не нуждался. Отсюда онъ дѣлалъ разныя поѣздки, изучая незнакомую страну. Такъ весьма любопытно все то, что онъ разсказываетъ о калмыкахъ, кочевавшихъ по близости, о ламѣ-врачѣ, медицинскія средства котораго онъ изучалъ и пр. (**).

Не проходило ни одного года, чтобы дѣятельный и любознательный Эрдманъ не дѣлалъ изъ Казани какой либо поѣздки, для чего онъ пользовался всегда порученіями отъ университета, то съ научною цѣлью, то въ качествѣ визитатора. Наблюденія, сдѣланныя имъ во время этихъ поѣздокъ и составили содержаніе трехъ томовъ его сочиненія, посвященнаго изученію Россіи: „Beitrage zur Kenntniss des Inneren von Russland“, сочиненія, не утратившаго и теперь интереса, но къ

(*) *Каз Изв.* 1811 г №№ 19 и 20 Болѣе подробное помѣщено Эрдманомъ въ современномъ журналѣ Scherer's Nordische Blatter, Band I, Heft I.

(**) Сергіевскія сѣрныя воды вызвали въ литературѣ много описаній. Мы думаемъ, что изъ всей этой литературы самое замѣчательное принадлежитъ Эрдману (Beitrage zur Kenntniss des Innern von Russland, Zweiter Theil, Erste Hälfte, S 1—29), но оно не было переведено по русски и позднѣйшими описателями игнорировалось Укажемъ еще на статью бывшаго профессора терапевтической клиники Казанскаго университета Н. А. Скандовскаго, помѣщенную въ «Запискахъ по части врачебныхъ наукъ» С Петербургской медико-хирургической академіи 1843 года и отдѣльно (съ рисункомъ): «О Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ», СПБ. 1843 8°. 21 стр О характерѣ прежней общественной жизни на этихъ водахъ и о печальномъ состояніи этого курорта (теперь оно гораздо хуже) даетъ понятіе статья казанца *Н. А. Демерта*: «Помѣщичьи минеральныя воды» (*Отеч Записки*, 1871 г. т V, N. 9, Отд I, стр 211—260).

сожалѣнію не переведеннаго на русскій языкъ, почему вѣроятно и рѣдко встрѣчаются на него ссылки. Самъ онъ объ этомъ сочиненіи своемъ отзывается весьма скромно: „Какъ мало самому мнѣ приходило въ голову ставить мою работу рядомъ съ трудами Палласа, Георги, Гмелина, Гюльденштедта, Лепехина и Фалька, также мало и публика можетъ требовать отъ меня чего либо подобнаго Эти люди совершали свои путешествія по указаніямъ правительственной власти, для изслѣдованія свойствъ цѣлой страны, для изученія произведеній ея природы, искусства, древностей и народовъ въ ней обитающихъ,—я же, напротивъ того, дѣлалъ свои поѣздки по порученіямъ университета, къ которому принадлежалъ тогда, для ревизіи зависимыхъ отъ него учебныхъ заведеній, для представленія рапортовъ о состояніи ихъ и отчасти предположеній къ лучшему ихъ устройству. Все, что было исполнено мною по даннымъ порученіямъ, находится въ рукахъ учрежденій, посылавшихъ меня и не можетъ интересовать обыкновенную публику. Здѣсь я представляю только то, что имѣетъ общій интересъ. Но наблюденія мои были для меня дѣломъ побочнымъ, сколько дозволяло ихъ дѣлать мнѣ свободное отъ исполненія возложенныхъ на меня порученій время и заранѣе опредѣленный маршрутъ. Не слѣдуетъ поэтому требовать отъ меня подробной топографіи посѣщенныхъ мною мѣстъ“ (*). Недостатокъ личныхъ наблюденій Эрдманъ дополняетъ значительнымъ знакомствомъ съ литературою о Россіи, не только иностранною, но и русскою (по всей вѣроятности въ переводахъ). Сужденія его о странѣ, правительствѣ, народныхъ свойствахъ и явленіяхъ русской жизни отличаются вообще большою умѣренностью, соединенною однако съ большимъ знаніемъ. Вотъ почему неизвѣстный переводчикъ общей картины русскаго характера и русскаго правленія, представленной Эрдманомъ въ его сочиненіи, называетъ его въ одномъ изъ нашихъ журналовъ 1825 года—*благонамѣреннымъ* (**), а рецензентъ нѣмецкой литературной газеты, напротивъ того, упрекаетъ автора за слишкомъ снисходительное наприм. отношеніе къ существовавшему тогда въ Россіи крѣпостному праву. „Едва ли можно хвалить рабство,

(*) Предисловіе къ первой половинѣ второй части, стр. VIII—IX.

(**) «Мысли благонамѣреннаго иностранца о Россіи» *Сѣв. Архивъ* 1825 г; ч. XVIII, N. 23, стр. 209—242

говоритъ онъ, по той причинѣ, что найдутся добродушные господа, по человѣчески обращающіеся съ своими крѣпостными или такіе слабые, которыми управляютъ ихъ же собственные рабы. Подобныя явленія могутъ встрѣчаться даже на Антильскихъ островахъ между рабовладѣльцами и рабами. Но возможно ли на этомъ основаніи хвалить самую сущность рабства?“ (*). Въ своихъ отвѣтахъ этому рецензенту, очевидно хорошо знакомому съ Россіей, Эрдманъ нѣсколько спутался: онъ никакъ не могъ доказать существованія въ нашемъ отечествѣ такихъ законоположеній, которыя хотя сколько нибудь регулировали бы даже обязательныя работы крѣпостныхъ помѣщику. Но не будемъ входить въ подробности политическихъ убѣжденій профессора-клинициста: въ ту пору и въ его положеніи они не могли быть иными. Эрдману въ особенности нравилась Россія, какъ такая страна изъ всѣхъ европейскихъ, которая отличается наибольшимъ гостепріимствомъ по отношенію къ иностранцамъ. Передадимъ по возможности коротко, что сдѣлалъ онъ для изученія Россіи во время службы своей въ Казани.

Въ 1812 году, на другой годъ послѣ поѣздки на Сергіевскія воды, Эрдманъ, въ сопровожденіи магистра Шоника, ѣздилъ въ окрестности уѣзднаго города Тетюши, гдѣ находится пещера, образовавшаяся отъ весеннихъ разливовъ Волги, съ небольшимъ сѣрнымъ ключемъ. Впослѣдствіе времени разные наивные прожектеры искали тамъ сѣру, нефть, асфальтъ, устраивали заводы, но ничего не добились. Въ годъ поѣздки Эрдмана мечтали найти тутъ цѣлительные сѣрные ключи, но минеральная вода оказалась въ ничтожномъ количествѣ (**)

Къ слѣдующему 1813 году относится самая любопытная, по нашему мнѣнію, и замѣчательная по своему археологическому достоинству. поѣздка Эрдмана, въ сопровожденіи профессора Френа на развалины древняго Булгара, въ это излюбленное мѣсто позднѣйшихъ казанскихъ археологовъ, описывавшихъ эти развалины каждый по своему, какъ Богъ на душу положитъ. Достоинству описанія Эрдмана придавало большое значеніе присутствіе такого знатока татарской древ-

(*) Hallische Literatur Zeitung. 1822 № 282

(**) Замѣчанія Эрдмана напечатаны въ *Каз. Изв.* 1812 г, № 18 и въ его Beitrage (Erster Theil, S. 306—309): «Beschreibung einer Höhle bei Tetjusch».

ности, какимъ былъ Френъ, и мы увѣрены, что вся историческая часть описанія, все что касается археологіи Востока въ немъ, сообщено Эрдману Френомъ. „Я видѣлъ и изслѣдовалъ развалины Булгара, пишетъ Френъ къ Моргенштерну. Я былъ въ особенномъ душевномъ настроеніи, когда бродилъ посреди этихъ почтенныхъ остатковъ древняго, исчезнувшаго татарскаго величія, когда чувствовалъ себя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда, за четыре столѣтія до нашего времени, прошелъ съ оружіемъ страшный Тимурленгъ. Не смотря на разрушающее дѣйствіе времени и все уничтожающія руки жителей села Болгаръ, которое занимаетъ только небольшую часть прежней громадной территоріи города, стоятъ еще цѣлыми четыре большія развалины и глазъ не нарадуется, смотря на стройную, высокую, прямую башню, имѣющую можетъ быть пять, а можетъ быть и болѣе вѣковъ, тогда какъ вблизи ея, гораздо ниже ея по высотѣ, поражая неуклюжестью размѣровъ и формы, колокольня русской церкви, которой нѣтъ и 80 лѣтъ, уже начинаетъ наклоняться. Мнѣ такъ хорошо было здѣсь, между развалинъ, что я намѣренъ снова посѣтить ихъ слѣдующимъ лѣтомъ“ (*).

Описаніе развалинъ Булгара, сдѣланное Эрдманомъ, есть первое обстоятельное описаніе ихъ, послѣ Лепехина и Палласа. Первый, сверхъ сухаго опредѣленія размѣровъ стѣнъ, и ихъ разстояній другъ отъ друга, даетъ только переводъ скопированныхъ по повелѣнію Петра В. надгробныхъ надписей. Палласъ—гораздо точнѣе, но самъ сознается, что суровое время года мѣшало его изслѣдованіямъ: кромѣ того, его догадки, по словамъ Эрдмана или скорѣе Френа, не всегда удачны, да онъ и не знакомъ съ исторіей Булгара. Френа и Эрдмана, который посредствомъ камеры-обскуры снималъ каждую развалину отдѣльно, сопровождалъ университетскій живописецъ Крюковъ (учитель рисованія): онъ срисовалъ видъ всѣхъ развалинъ, а для Френа скопировалъ нѣсколько арабско-татарскихъ надгробныхъ надписей и двѣ армянскихъ. Изслѣдователи были увлечены величіемъ въ первый разъ видѣнныхъ ими развалинъ (теперь не осталось и десятой доли того, что они видѣли): „Развалины Булгара принадлежатъ безспорно къ важнѣйшимъ памятникамъ древности этого ро-

(*) Dorptische Beiträge. Zweiter Band, 1815 S. 270 — 271. Письмо Френа помѣчено 2 ноября 1813 года

да, говоритъ Эрдманъ. Онѣ представляютъ главный матеріалъ для исторіи забытаго народа, который когда-то могущественно правилъ колесами міровой машины. Уже самое имя, указывающее на происхожденіе многочисленнаго народа въ другихъ странахъ, болгаровъ на Дунаѣ, самая страна, которая была нѣкогда театромъ великихъ міровыхъ событій въ то время, какъ Европа, погруженная въ зимнюю спячку, жила темною жизнью среднихъ вѣковъ, богатство находимыхъ здѣсь надписей и монетъ, бросающихъ порою нѣкоторый свѣтъ въ темную область восточной исторіи и наконецъ остатки зданій, которыя въ состояніи дать понятіе о прежней культурѣ и могуществѣ исчезнувшаго государства — все это должно возбуждать жажду знанія и давать высокій интересъ описанію этой мѣстности".

Описаніе развалинъ Булгара, состоящее изъ двухъ частей: а) *описанія самихъ развалинъ*, весьма подробнаго и точнаго (при немъ приложенъ переводъ шести надгробныхъ арабско-турецкихъ надписей и трехъ армянскихъ) и б) *исторіи Булгара* (*), было написано Эрдманомъ въ мартѣ 1817 года, передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Казани (**). Безъ сомнѣнія онъ и послѣ 1813 года посѣщалъ еще эту любопытную мѣстность и не вдругъ составилъ свое описаніе, до сихъ поръ не утратившее своего научнаго интереса, какъ трудъ людей и серьзно подготовленныхъ къ изученію этихъ историческихъ развалинъ и высоко образованныхъ для пониманія прошлаго. Болгарскія развалины много разъ описывались различными путешественниками, то пріѣзжавшими из-

(*) Исторія Булгара, по словамъ Эрдмана въ его примѣчаніи, всецѣло принадлежитъ Френу, который «позволилъ мнѣ свободно пользоваться собранными имъ матеріалами». Восточные источники, на которые постоянно ссылается эта «исторія» и обширныя свѣдѣнія о восточной исторіи могли принадлежать только Френу. Въ другой разъ онъ посѣтилъ Булгаръ, сопровождая туда извѣстнаго любителя старины и покровителя науки въ Россіи графа Н. П Румянцева. Своими историческими замѣчаніями и поправками помогалъ Эрдману и профессоръ исторіи Казанскаго университета Цеплинъ (см. о немъ нашего сочиненія, ч 1-я, стр. 72—74, 391—394), при новомъ попечителѣ Салтыковѣ снова воротившійся на каѳедру «Исторія Булгаровъ» переведена на русскій языкъ Языковымъ *(Сынъ Отечества*, 1821 г, ч. 67, № VI, стр. 241—252, и № VII, стр 289—306)

(**) Сочиненіе Эрдмана въ первый разъ было напечатано въ Neue Allgemeine geographische Ephemeriden, herausgg. von F. J. Bertuch, Weimar, 1820. 7-er Band, viertes Stuck, S. 393—434. Оно повторено, но съ нѣкоторыми сокращеніями въ его Beitrage, Ester Theil, 1822, Beilage, № 1. «Die Ruinen Bulghars», S. 280—305.

далека, то мѣстными (*). За немногими исключеніями, всѣ они были диллетантами въ восточной археологіи Какъ это ни странно, но мы почти увѣрены, что большинство изъ нихъ не знало о существованіи сочиненія Эрдмана, оставшагося почти неизвѣстнымъ и никогда не переведеннымъ на русскій языкъ (мы говоримъ собственно объ описаніи развалинъ). Конечно изслѣдователи, время отъ времени появлявшіеся въ селеніи Болгарахъ, удовлетворяли любознательности, но имъ не слѣдовало бы знакомить публику съ своими открытіями, не справившись съ предшествовавшею литературою. Выходило до самаго послѣдняго времени очень забавно, когда многіе изъ нихъ воображали, что открыли давно открытую Америку. Мы, нѣсколько знакомые съ этою, почти случайною литературою о болгарскихъ развалинахъ, имѣемъ дерзость утверждать, что все написанное и напечатанное о нихъ, послѣ статьи Эрдмана (съ участіемъ Френа)— достоинствомъ гораздо ниже ея. Прекрасные рисунки главнѣйшихъ развалинъ, сдѣланные такимъ хорошимъ рисовальщикомъ, какимъ былъ Крюковъ (**) и воспроизведенные гравюрою на мѣди географическимъ институтомъ въ Веймарѣ (***) весьма важны. Они даютъ и тщательно сдѣланные, хотя и въ весьма малыхъ размѣрахъ, планы нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ построекъ. Они даютъ также и представленіе о томъ видѣ развалинъ, въ ка-

---

(*) Подробное изложеніе «библіографіи описаній булгарскаго городища» даетъ г. Шпилевский, въ своей книгѣ: «Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи», на стр 195—233 Къ сожалѣнію авторъ до того безпристрастенъ, что сопоставляя всѣ эти описанія и сравнивая ихъ частности, не даетъ никакого заключенія о сравнительномъ ихъ достоинствѣ. Читатель не знаетъ кто правъ и кто ошибается

(**) Крюковъ, отецъ извѣстнаго въ сороковыхъ годахъ профессора латинской словесности въ Московскомъ университетѣ, былъ вольноотпущеннымъ помѣщицы поручицы Секіотовой и пріѣхалъ въ Казань изъ Симбирска въ 1806 году Въ городѣ онъ имѣлъ большой успѣхъ своими портретами, какъ грудными такъ и миніатюрными Образцы его работъ находятся до сихъ поръ въ университетѣ Крюковъ явился къ Яковкину и изъявилъ ему желаніе занять мѣсто учителя живописи въ только что открытомъ университетѣ Яковкинъ послалъ нѣсколько работъ его къ Румовскому, хвалилъ его талантъ и особенно «тихій его характеръ и благородное обращеніе» Румовскій пожелалъ, чтобы Фуксъ далъ Крюкову срисовать что нибудь изъ натуральной исторіи. Были сдѣланы рисунки нѣкоторыхъ животныхъ и растеній; они понравились—и Крюковъ былъ опредѣленъ Онъ умеръ въ 1840 году.

(***) Тѣ-же рисунки, приложенные при первой половинѣ второй части Beiträge, но повторенные уже литографіей, гораздо ниже достоинствомъ.

комъ онѣ находились болѣе семидесяти лѣтъ тому назадъ. Со времени поѣздки Эрдмана многое измѣнилось. Время, а болѣе всего хищничество окрестныхъ жителей, увозившихъ и надгробныя плиты и камни, и старые кирпичи на потребу вседневной жизни, не имѣющей основаній заботиться о старинѣ (такъ мы знали дорожку отъ крыльца до кухни въ помѣщичьемъ дворѣ, выстланную надгробными камнями съ арабскими надписями) сдѣлали свое дѣло Нѣсколько зданій исчезло совершенно, другія разрушились, обвалились; основанія засыпаны мусоромъ; архитектурныя украшенія, глиняныя мозаики представляютъ только жалкіе обломки, да ихъ и трудно теперь собрать на мѣстѣ. Цѣль, которую имѣлъ Эрдманъ, представляя свое описаніе развалинъ, сдѣланное имъ послѣ Палласа, въ ихъ тогдашнемъ видѣ, заключалась въ томъ, чтобы нѣсколько способствовать разъясненію древней исторіи Болгарскаго царства и извлечь остатки зданій изъ забвенія для той эпохи, „когда все разрушающее время, безостановочно работающее надъ ними, измѣнитъ ихъ формы до неузнаваемости". Заботамъ казанскаго археологическаго общества Высочайше ввѣрено охраненіе этихъ историческихъ памятниковъ, сохраненіе ихъ для потомства. Пожелаемъ, чтобъ это общество всегда оставалось на высотѣ такого своего призванія.

Плодомъ семилѣтняго пребыванія Эрдмана въ Казани было подробное изученіе имъ города и губерніи, преимущественно въ медицинскомъ отношеніи; но къ этой главной темѣ присоединено очень много свѣдѣній историческихъ, географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ. Сочиненіе Эрдмана, не смотря на разнообразное содержаніе свое, носитъ названіе: „Медицинская топографія губерніи и города Казани" (*). Къ нему, кромѣ значительнаго числа таблицъ о народонаселеніи по разнымъ рубрикамъ, о господствующихъ болѣзняхъ и пр., приложенъ большой планъ Казани съ объясненіями. Въ этой топографіи, отдѣльно о городѣ и отдѣльно о губерніи, излагаются: исторія, физическія, т. е. естественно-историческія свѣдѣнія, климатъ (съ метеорологическими наблюденіями), промышленность и ремесла, населеніе и условія его жизни (въ томъ числѣ и увеселенія), заведенія для народнаго образованія и наконецъ господствующія болѣзни.

(*) Оно составляетъ первую часть его Beitrage, S. 1—344.

„Польза такихъ медицинскихъ топографій всѣми признана (*), говоритъ Эрдманъ она возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія числа ихъ, такъ какъ сравненіе свойствъ разныхъ мѣстностей всегда приводитъ къ новымъ результатамъ". Эрдманъ сознаетъ недостатки своего труда. Съ одной стороны онъ жалуется, совершенно впрочемъ справедливо, на недостатокъ данныхъ, особенно статистическихъ, числовыхъ и неимѣніе сотрудниковъ, съ другой на несуществованіе предшествовавшихъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ неправъ. Уже съ конца прошлаго вѣка печатались такія медицинскія топографіи о Казани (**), но мы къ сожалѣнію не можемъ сказать въ какомъ отношеніи находится сочиненіе Эрдмана къ предшествовавшимъ трудамъ подобнаго содержанія. Можно только утверждать, что трудъ Эрдмана мало или даже вовсе не былъ извѣстенъ мѣстнымъ ученымъ, потомъ, послѣ него, касавшимся сходнаго содержанія. Повторилось тоже, что и въ археологіи и съ такимъ печальнымъ явленіемъ, необходимымъ свойствомъ исторіи русской научной дѣятельности, лишенной преданій и преемственности въ разработкѣ, приходится невольно помириться. Эрдманъ не могъ оставить въ Казани ни школы, ни учениковъ и имя его, какъ профессора, было вполнѣ забыто.

Что самъ онъ былъ хорошо подготовленъ къ такого рода сочиненіямъ, основаннымъ главнымъ образомъ на личномъ изученіи и наблюденіи, можно заключить изъ обширной, но ненапечатанной программы разныхъ вопросовъ по врачебной наукѣ, представленной имъ въ комитетъ, учрежденный при Казанскомъ университетѣ въ 1811 году, слѣдовательно только чрезъ годъ его служебной дѣятельности, по поводу предполагавшейся тогда, по желанію правительства, ученой экспеди-

---

(*) Мы знаемъ, что въ тѣ годы инспекторъ медицинской управы въ каждомъ губернскомъ городѣ обязанъ былъ составить такую «медицинскую топографію» и наши университетскіе визитаторы, пріѣзжая въ незнакомый городъ, старались съ самаго начала заручиться такой топографіей, чтобы ориентироваться на мѣстѣ

(**) Таковы были: «Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда», соч *Дмитрія Зиновьева* М. 1788 8°. Объ авторѣ этой книги мы говорили въ своемъ сочиненіи (ч 1-я, стр. 625—626) и «Краткое медико-физическое и топографическое обозрѣніе города Казани и губерніи оной». СПБ. 1809. 8° Это сочиненіе принадлежитъ инспектору врачебной управы Лангелю. Съ нимъ былъ очень близокъ Эрдманъ и всегда, когда оставлялъ Казань, поручалъ ему, а не Фуксу, завѣдываніе студентской и гимназической больницами

ціи (о цѣли и о судьбѣ этой экспедиціи было уже разсказано нами, ч. 1-я, стр. 539—543). Вопросы, отвѣты на которые Эрдманъ предполагалъ собирать въ экспедиціи только на пространствѣ губерній, составлявшихъ районъ Казанскаго учебнаго округа, касались: 1) врачебной статистики, 2) патологіи, 3) терапіи, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолѣченія и 7) врачебнаго вещесловія, при послѣдней рубрикѣ приложенъ „списокъ иностранныхъ лѣкарствъ, съ показаніемъ натуральныхъ тѣлъ, изъ коихъ они получаются и ихъ отечества“ (см. дѣло совѣта 1811 года, № 42). Не смотря на безспорный прогрессъ, сдѣланный наукою со времени Эрдмана, многіе изъ этихъ вопросовъ, не говоря уже о томъ, что они свидѣтельствуютъ о знаніяхъ и наблюдательности составителя, весьма любопытны, потому что и въ настоящее время они составляютъ предметъ изслѣдованія земскихъ медицинскихъ коммиссій и ждутъ рѣшенія.

На университетскомъ актѣ 1815 года Эрдманъ произнесъ латинскую рѣчь: „О выгодахъ, доставляемыхъ государству изученіемъ наукъ ( )“. Конечно эта латинская рѣчь осталась непонятною присутствующимъ, но она тогда же была переведена на русскій языкъ Срезневскимъ и напечатана. Въ ней профессоръ патологіи, клиники и терапіи вовсе не касался своей спеціальности, но говорилъ вообще о значеніи науки въ государствѣ—тема никогда не старая у насъ и для современниковъ, конечно, совершенно новая. Онъ говорилъ отъ лица и сословія ученыхъ и старался доказать вліяніе науки и занятій ученыхъ на общественное благосостояніе. Онъ возвышалъ званіе и положеніе ученаго и профессора, говорилъ о трудностяхъ, о тяжелой жизни того, кто отдаетъ всего себя наукѣ, забывая свою личность и жертвуя всѣми радостями жизни избранному труду и увлеченію наукой. Могущество государствъ и народовъ Эрдманъ прямо приписываетъ образованію. Въ доказательство онъ приводитъ примѣры изъ исторіи и другіе, имъ противоположные, доказывая этими послѣдними, что тѣ, которые боятся свѣта, боятся науки, желаютъ истребить плоды ея, руководятся нежеланіемъ общей пользы, а эгоизмомъ. Только великіе въ исторіи государи покровительствовали наукѣ, говоритъ профессоръ; „только съ

(*) De fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus. Cas 1815 4°. 24 p

просвѣщеніемъ ума возвышаются до безконечности и могущество физическое, и нравственныя качества, и выгоды развитія и благосостояніе общественное". Доказательства этого положенія онъ беретъ изъ краткаго очерка различныхъ наукъ и ихъ значенія. Это приводитъ профессора къ развитію общихъ положеній о значеніи университетовъ и въ государствѣ, и въ наукѣ, и для образованія самихъ ея представителей. Онъ не согласенъ съ узкою спеціальностью какого либо одного знанія „Только связь ихъ (nexus), соединеніе въ одно цѣлое, какъ въ университетѣ, научаетъ людей и быть дѣйствительно знающими и заботиться о благѣ общественномъ. Богословъ, законовѣдъ, врачъ, политико-экономъ и другіе, призванные быть пособниками общаго блага въ государствѣ, не одною только какою либо наукою должны образовать свой умъ, но обязаны познакомиться со многими изъ нихъ". Въ заключеніе своей рѣчи Эрдманъ говоритъ о Казанскомъ университетѣ, о его призваніи, какъ оно представлялось ему и его современникамъ, о тѣхъ обширныхъ пространствахъ четырнадцати губерній, составлявшихъ его округъ, омываемыхъ на югѣ Каспійскимъ моремъ, а на сѣверѣ Ледовитымъ океаномъ, гдѣ ввѣрено этому университету народное образованіе. Эти пространства заселены множествомъ разноплеменныхъ народовъ, частію еще дикихъ, ведущихъ кочевую жизнь въ степяхъ и тундрахъ. И эти народы, побуждаемые примѣромъ русскихъ и ихъ успѣхами въ просвѣщеніи, должны также сдѣлаться культурными, подчиниться законамъ людскости (legibus humanitatis). „Тяжкій по истинѣ трудъ предстоитъ намъ (т. е. членамъ Казанскаго университета), но не устрашимся этой тягости и пусть она возбудитъ насъ еще къ большему напряженію нашихъ силъ: великіе намѣренія и труды ожидаетъ и великая слава"— говоритъ ораторъ. И, основываясь на исторіи, на примѣрахъ, взятыхъ имъ изъ русскаго развитія, Эрдманъ мечтаетъ, что со временемъ, благодаря Казанскому университету, и калмыки, и киргизы, и телеуты, и якуты, и тунгусы, и самоѣды, и вогулы, и остяки (о ближайшихъ къ Казани инородцахъ онъ почему-то умалчиваетъ), пріобрѣтутъ плоды образованія. Достиженіе такого успѣха кажется оратору не очень отдаленнымъ по времени; по его разсчету до него столько же вѣковъ, сколько прошло ихъ со времени господства Золотой Орды. „Вижу, какъ кочевыя племена строятъ себѣ постоянныя жилища, кладутъ

основанія городамъ, образуютъ общества, полезныя государству, а изъ нихъ выйдутъ нѣкогда внуки, проникнутые любовью къ ученію и наукѣ, придутъ въ святилища музъ (т. е. университеты) и принесутъ изъ нихъ своимъ согражданамъ просвѣщеніе. Что кажется теперь сномъ, то сбудется когда нибудь!"

Осуществить, выполнить на дѣлѣ это призваніе университета должны, по мнѣнію Эрдмана, визитаторы-профессора, о дѣйствіяхъ и поѣздкахъ которыхъ намъ не разъ уже приходилось говорить. Первая поѣздка Эрдмана, въ званіи визитатора, относится къ 1815 году. Ему предстояло обозрѣть Симбирскую, Саратовскую и Астраханскую губерніи, т. е. гимназіи, разныя народныя училища и пансіоны въ этихъ губерніяхъ. Товарищемъ по ревизіи и спутникомъ Эрдмана былъ адъюнктъ астрономіи Симоновъ, которому тѣмъ болѣе пріятна была эта поѣздка, что онъ ѣхалъ къ роднымъ и ревизовать гимназію, давшую ему воспитаніе. Эрдманъ, какъ плохо говорившій по русски, и незнакомый съ страною, нашелъ въ немъ прекраснаго помощника. Онъ былъ очень доволенъ его обществомъ и благодаренъ за его savoir faire. Визитаторовъ сопровождалъ университетскій солдатъ-инвалидъ. Путешественники выѣхали изъ Казани 8 іюля, чрезъ три дня послѣ университетскаго акта, на которомъ Эрдманъ читалъ свою рѣчь. Поѣздка совершена была сухопутно (настоящихъ удобствъ воднаго пути тогда не существовало) и длилась только ровно три мѣсяца. Въ Астрахани получили они извѣстіе о страшномъ пожарѣ, уничтожившемъ 2 сентября того года Казань и поспѣшили домой.

Плодомъ этой поѣздки было описаніе всего видѣннаго въ теченіе ея, помѣщенное Эрдманомъ въ его Beiträge (*). Мы не имѣемъ конечно возможности передавать здѣсь какой либо разсказъ объ этой поѣздкѣ (сдѣлано было 3220 верстъ), можемъ сказать только о томъ впечатлѣніи, которое производитъ описаніе путешествія на читателя. Передъ нами весьма образованный путешественникъ; вниманіе его обращено на самые разнообразные предметы и жалѣть надобно, что это описаніе не появилось тогда же въ русскомъ переводѣ. Въ нашей литературѣ въ тѣ годы, съ легкой руки Карамзина, плодились такъ называемыя сентиментальныя путешествія:

(*) Reise durch das Simbirskische, Saratowsche und Astrachanische Gouvernement im Sommer 1815 Beiträge, 2-er Theil, Erste Hälfte, S. 30—230.

Вл. Измайлова, кн. И. Долгорукова, М. Невзорова, и др., не дававшія никакихъ свѣдѣній, ничего не говорившія уму. Здѣсь, напротивъ того, кромѣ разсказа о пути и о мѣстахъ видѣнныхъ, мы видимъ описаніе всего замѣчательнаго, замѣтки о разнообразныхъ народностяхъ края, наблюденія надъ нравами и обычаями, описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, любопытныхъ или въ естественно-историческомъ отношеніи, или по продуктамъ, которые обработываетъ мѣстная промышленность и пр. Наконецъ Эрдманъ говоритъ и о личностяхъ, чѣмъ либо выдававшихся въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, съ которыми ему приходилось входить въ сношенія. Все, что относилось до дѣла, порученнаго ему училищнымъ комитетомъ университета, все это было имъ своевременно представлено куда слѣдуетъ. Объ этомъ порученіи онъ почти ничего не говоритъ въ своемъ описаніи; оно заключаетъ въ себѣ только то, что представляетъ общій интересъ. А какъ разнообразенъ этотъ интересъ, можно видѣть изъ приложеній къ этому описанію поѣздки до Астрахани. Читатель можетъ познакомиться изъ нихъ и съ состояніемъ саратовскихъ нѣмецкихъ колоній и со школами этихъ колоній, о лучшемъ устройствѣ которыхъ Эрдманъ представлялъ въ совѣтъ университета, и съ добываніемъ соли на Эльтонскомъ озерѣ, и съ химическимъ анализомъ воды этого озера, и съ описаніемъ степныхъ миражей (Luftbilder) съ попыткою объяснить ихъ, и съ астраханскими индійцами, и съ свѣдѣніями о современномъ положеніи калмыковъ и пр. Эрдманъ записывалъ и клалъ на музыку богослужебныя пѣсни индійцевъ въ Астрахани, пѣсни калмыковъ разнаго содержанія. татаръ казанскихъ, наконецъ армянъ

Черезъ три мѣсяца визитаторы воротились въ сгорѣвшую Казань. За нѣсколько верстъ до нея восточный вѣтеръ донесъ до нихъ запахъ пожарища (это было болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ пожара) и при лунномъ свѣтѣ ѣхали они посреди обширной пустыни, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ возвышались только обгорѣлыя колокольни и каменныя стѣны. Этотъ пожаръ сильно поразилъ современниковъ; преданія о немъ переходили изъ устъ въ уста очень долго, до такого же опустошительнаго пожара въ 1842 году, подобно тому какъ петербургскими старожилами передавались разсказы о наводненіи 1824 года. Эрдманъ, какъ и Литтровъ, описалъ этотъ пожаръ(*).

(*) Beiträge, 2, 1, S. 231—237.

Въ слѣдующемъ 1816 году Эрдманъ, въ сопровожденіи адъюнкта Ренарда, отправляется визитаторомъ въ совершенно другую сторону, но поѣздка эта интересовала его не менѣе, чѣмъ и прежнія. Въ маѣ этого года, по случаю перестройки пришедшаго въ совершенную ветхость зданія Тобольской гимназіи, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія экономическихъ суммъ директоромъ Аргольдомъ (бывшимъ не задолго до того профессоромъ хирургіи въ Казанскомъ университетѣ, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ) и наконецъ по поводу возникшаго между директоромъ и гражданскимъ начальствомъ несогласія, попечитель предписалъ совѣту отправить въ Тобольскъ визитатора. Такимъ выбранъ былъ Эрдманъ, который безъ сомнѣнія самъ вызвался на это дальнее путешествіе изъ любознательности. Не станемъ говорить о томъ, какъ визитаторы выполнили свое порученіе. Ихъ служебный осмотръ былъ весьма непродолжителенъ, донесенія ихъ сохранились и результаты поѣздки въ этомъ отношеніи интересны для желающихъ познакомиться съ первоначальной исторіей гимназіи въ Тобольскѣ. Въ этомъ городѣ предполагали, при учрежденіи въ 1803 году министерства народнаго просвѣщенія, основать университетъ для Сибири, были пожертвованія для этой цѣли; одинъ Демидовъ далъ 60,000 р., но университетъ основанъ не былъ. Проценты съ капитала, а частію и самый капиталъ шли на постройку гимназіи. Въ 1815 году оказалось, что каменный домъ ея грозитъ паденіемъ, а въ большой деревянной пристройкѣ уже три года никто не живетъ по ея негодности. Послѣ визитаціи, и по утвержденіи въ Петербургѣ новыхъ плановъ и смѣтъ постройки и перестройки, было употреблено на нихъ до 5000 капитала, но уже въ 1824 году новый визитаторъ Словцовъ доносилъ въ Казань о негодности всѣхъ сдѣланныхъ для Тобольской гимназіи построекъ, не смотря на то, что позаботились даже о приданіи имъ внѣшней красоты: въ началѣ 1825 года, по случаю ожиданія въ Тобольскъ императора Александра Павловича, генералъ губернаторъ западной Сибири Капцевичъ, въ бытность свою въ Тобольскѣ, приказывалъ словесно чрезъ гражданскаго губернатора и городничаго, чтобы поставленная на гимназическомъ домѣ фигура (по всей вѣроятности Минерва, какъ на аѳинскомъ акрополѣ) была поправлена или совсѣмъ снята, „ибо оная не только не составляетъ никакого украшенія, но и безобразитъ все зданіе“. Объ этомъ обстоятельствѣ доносилъ правленію университета директоръ тобольскихъ училищъ.

Описаніе путешествія двухъ визитаторовъ въ Тобольскъ начинается съ Вятской губерніи и носитъ тотъ же характеръ, что и прежнее. Эрдманъ доѣхалъ до Вятки, конечно сухимъ путемъ, обращая вниманіе на все то, что по пути, по его мнѣнію, казалось интереснымъ. Такъ въ Вятской губерніи онъ подробно описываетъ винокуренный заводъ помѣщика Юшкова, желѣзо-дѣлательные заводы Мосолова, вотяковъ, ихъ нравы и обычаи (въ приложеніи сообщены употребляемые ими письменные знаки), въ самой Вяткѣ — гимназію, какъ цѣль визитаціи, семинарію духовную, знакомство свое съ преосвященнымъ Гедеономъ, церкви, фабрики и пр. Изъ Вятки, чрезъ Екатеринбургъ, Эрдманъ спѣшилъ въ Тобольскъ, къ конечной цѣли поѣздки Въ довольно подробномъ описаніи этого города особенно любопытными представляются личности, встрѣченныя тамъ Эрдманомъ, съ которыми онъ познакомился. На возвратномъ пути болѣе продолжительная остановка была въ Екатеринбургѣ. Отсюда Эрдманъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по уральскимъ заводамъ. Они, и путь до Перми, дали ему матеріалы для сообщенія въ своемъ описаніи свѣдѣній о горнозаводскомъ дѣлѣ, собранныхъ и изложенныхъ довольно подробно (*). Вся поѣздка визитаторовъ длилась два съ половиною мѣсяца и была послѣднею изъ сдѣланныхъ Эрдманомъ. Во время службы своей въ Казани изъ четырнадцати обширныхъ губерній, составлявшихъ территорію Казанскаго учебнаго округа, Эрдманъ обозрѣлъ шесть, но далекая Сибирь съ ея учебными заведеніями была еще вполнѣ неизвѣстна казанскому училищному комитету.

Какъ ни интересны были для Эрдмана всѣ эти поѣздки, доставившія ему потомъ матеріалъ для литературной дѣятельности, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Казань не удовлетворяла его какъ профессора, для котораго дорога его спеціальность. Не смотря на открытіе университета со всѣми его факультетами въ 1814 году, преподаваніе медицинскихъ наукъ не могло быть организовано немедленно, многія каѳедры оставались незамѣщенными; самъ Эрдманъ оставался безъ клиники и почти безъ слушателей. Естественно онъ сталъ подумывать объ оставленіи Казани, о пріисканіи такого мѣста

(*) Путешествіе въ Вятскую, Пермскую и Тобольскую губерніи въ Beiträge, Zweiter Theil, zweite Hälfte. S 1—202. Страницы 203—257 составляютъ приложенія.

для своей профессорской дѣятельности, которое могло бы его удовлетворить. Въ этомъ отношеніи у него было уже нѣсколько примѣровъ. Въ Дерптѣ, гдѣ у него были связи и гдѣ университетъ, по своей близости къ Германіи, легко пополнялся учеными изъ нея и былъ гораздо богаче обставленъ въ научномъ отношеніи изобиліемъ пособій для преподаванія, гдѣ оно происходило на языкѣ родномъ и для профессоровъ и для слушателей, въ 1817 году сдѣлалась свободною каѳедра терапіи и клиники и для ея замѣщенія избранъ былъ Эрдманъ. Вотъ почему въ началѣ іюня этого года, онъ вошелъ въ совѣтъ Казанскаго университета, всеобщимъ уваженіемъ членовъ котораго онъ пользовался, съ прошеніемъ объ отставкѣ, объясняя впрочемъ свое намѣреніе оставить Казанскій университетъ, подобно другимъ, вреднымъ вліяніемъ на него казанскаго климата (infesti climatis gravem in sanitatem vim percepi). Прежде еще этого прошенія Эрдманъ отказался отъ завѣдыванія гимназической и студентской больницей и какъ бѣденъ былъ медицинскій факультетъ въ то время силами, можно заключить изъ того обстоятельства, что за отказомъ принять на себя должность врача въ этой больницѣ со стороны профессора Вердерамо и ректора Брауна, университетъ принужденъ былъ пригласить на эту должность лицо совершенно постороннее, а именно шгабъ-лѣкаря Рындовскаго, извѣстнаго болѣе въ качествѣ стихотворца и дѣятельнаго члена общества любителей словесности Очень скоро получена была отъ министра народнаго просвѣщенія князя Голицына бумага объ увольненіи Эрдмана отъ должности. Въ то время уже начинало господствовать въ этомъ министерствѣ убѣжденіе о вредѣ для русскихъ университетовъ нѣмецкихъ профессоровъ, собственно какъ вольномыслящихъ протестантовъ. Со стороны власти слѣдовательно не могло быть никакихъ желаній удержать на службѣ столь полезнаго профессора, какимъ былъ Эрдманъ: тогда думали уже не о наукѣ, а о направленіи, подозрѣвая самую науку. Къ чести однакоже университетскаго сословія того времени мы должны упомянуть, что оно съ своей стороны, когда уже отставка была получена, обратилось къ Эрдману съ коллективною просьбою принять снова на себя оставленную имъ должность. Эту просьбу подписало 18 сочленовъ Эрдмана, но въ числѣ подписавшихся мы не встрѣчаемъ однако именъ Яковкина, Фукса, Городчанинова, Никольскаго: послѣдніе трое, какъ увидимъ,

сдѣлались скоро дѣятельными помощниками новаго попечителя Магницкаго Обращеніе къ Эрдману со стороны его товарищей полно глубокаго уваженія и искренняго чувства, но оно уже не могло имѣть силы для него. „Я бы нисколько не колебался принять его, отвѣчалъ Эрдманъ, еслибъ меня не удерживали причины, для меня весьма важныя и слово, данное мною Дерптскому университету (nisi rationes, quibus commotus, missionem petii, satis graves propositum tenere, et fides litterarum universitati Dorpatensi data promissis stare iuberent"). Каѳедра Эрдмана, согласно просьбѣ Фукса, впредь до замѣщенія ея, поручена была этому послѣднему, а члены совѣта поднесли отъѣзжающему товарищу слѣдующій, напечатанный на пергаментѣ, съ возможною въ то время для университетской типографіи роскошью („commendationem splendide typis excusam"—по словамъ Эрдмана) адресъ на русскомъ языкѣ (сколько намъ извѣстно это единственный примѣръ печатнаго обращенія къ профессору со стороны его товарищей, такъ какъ дипломы на званіе почетнаго члена давно уже носятъ сухой, чисто канцелярскій характеръ): „Члены совѣта, уважая ревностное ваше служеніе въ университетѣ; многоразличные ваши труды на пользу и устроеніе онаго: точное, всегда желаннымъ успѣхомъ сопровождавшееся исполненіе разнообразныхъ порученій; рачительное содѣйствіе въ образованіи юношества; вашу готовность, всегдашнюю и безкорыстную, на вспомоществованіе болѣзновавшимъ сотоварищамъ вашимъ, ихъ семействамъ и вообще всѣмъ служащимъ въ университетѣ; ваши нравственныя правила, привлекшія къ вамъ любовь и почтеніе всякаго, постановили единодушно, кромѣ предписаннаго законами аттестата, дать вамъ сей листъ, дабы онъ свидѣтельствовалъ о дѣлахъ вашихъ предъ всѣми, а вамъ самимъ напоминалъ, что они умѣли цѣнить ваши дарованія, свѣдѣнія и добродѣтели. Данъ въ Казани октября 26 дня, 1817 года". Вскорѣ послѣ того Эрдманъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Казанскаго университета.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Казани, Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ онъ говорилъ о сдѣланномъ имъ *„открытіи*, которое можетъ быть весьма полезно Россійскому государству". Оно заключалось въ слѣдующемъ: „Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, при химическихъ опытахъ, учиненныхъ мною вмѣстѣ

съ г. профессоромъ Броннеромъ, касательно разложенія соляной воды Эльтонскаго озера, нашелъ я въ оной невѣроятное количество *магнезіи,* которая въ надлежащее время, при хорошей погодѣ и при хорошихъ учрежденіяхъ, столь чисто можетъ быть отдѣляема, что въ состояніи будетъ совершенно замѣнять англійскую.

„Такъ какъ до сихъ поръ вещь сію Россія получала изъ чужихъ земель и платила за оную болѣе 70 т. рублей ежегодно, что видно изъ таблицъ о россійской торговлѣ, обнародованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1812 году, то сумма сія могла бы сохраниться впредь въ государствѣ чрезъ запрещеніе ввоза иностранной магнезіи.

„Приготовленіе оной могло бы быть сопряжено съ столь малыми издержками, что въ случаѣ, ежели бы правительство захотѣло учредить заведеніе при Эльтонскомъ озерѣ, то оно каждогодно не потребовало бы болѣе 20 т. рублей и слѣдовательно только при употребленіи сей магнезіи въ отечествѣ выигрывалось бы 50 т. рублей, кромѣ прибыли, которую могъ бы доставить вывозъ оныя за границу".

Объ этомъ заявленіи Эрдмана донесено было тогда же министру народнаго просвѣщенія, но представляло ли оно дѣйствительно выгоду и имѣло ли практическое значеніе—не знаемъ (*).

Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, въ томъ же 1810 году, явился въ Казань утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія съ 1 сентября того же года ординарнымъ профессоромъ теоретической и опытной физики, вызванный изъ Аарау, въ Швейцаріи, *Францъ Ксаверій Броннеръ* Имя его пользуется нѣкоторою извѣстностью въ нѣмецкой поэтической литературѣ прошлаго вѣка, въ особенности по его „идилліямъ",

(*) Эрдманъ переселился въ Дерптъ въ началѣ 1818 года, но оставался и тамъ не долго Въ 1822 году онъ получаетъ званіе королевско-саксонскаго лейбъ-медика и живетъ уже въ Дрезденѣ Студенты Дерптскаго университета повѣсили портретъ его въ одной изъ залъ медицинской клиники, при прощаніи съ нимъ Послѣ смерти саксонскаго короля, въ 1827 году, послѣ вторичнаго приглашенія изъ Дерпта, Эрдманъ снова занимаетъ тамъ каѳедру, но уже другую: физіологіи, семіотики и патологіи; въ слѣдующемъ году онъ мѣняетъ ее на каѳедру врачебнаго вещесловія, діэтетики и исторіи медицины и занимаетъ ее до выхода въ отставку, послѣдовавшаго въ 1843 году Онъ оставилъ Дерптъ и умеръ въ Висбаденѣ 16 января 1846 года См Hirsch, Aug «Biograph. Lexikon der hervorragenden Aerzte, Zweiter Band, Berlin. 1885, S. 295

навѣяннымъ произведеніями знаменитаго тогда швейцарца Геснера, но заключающимъ въ себѣ много субъективнаго, выражающимъ не мало обстоятельствъ пестрой, исполненной разнообразныхъ треволненій, личной жизни Броннера. Какъ ученый въ своей спеціальности, Броннеръ совсѣмъ неизвѣстенъ. Это былъ любознательный самоучка, обязанный образованіемъ себѣ самому, но судьба подарила ему и большую энергію и разнообразныя способности. Въ теченіе семи лѣтъ казанской службы своей, Броннеръ проявилъ чрезвычайную дѣятельность, не столько въ качествѣ ученаго профессора, сколько какъ педагогъ и какъ воспитатель. Считаемъ поэтому не лишнимъ остановить вниманіе читателя на этомъ старомъ казанскомъ профессорѣ и нѣсколько подробнѣе обрисовать его личность.

Приглашеніе Броннера на каѳедру физики въ Казань произошло по рекомендаціи Бартельса, которому Казанскій университетъ обязанъ основаніемъ своей солидной математической школы. Бартельсъ познакомился съ будущимъ физикомъ въ Аарау, гдѣ оба они были учителями въ центральной школѣ кантона (см. нашей книги ч. I, стр. 229). Дѣло о приглашеніи въ Казань Броннера начиналось еще въ 1806 г., въ то время, когда Бартельсъ, отказавшись отъ предложенной ему въ Казани профессуры, жилъ въ Брауншвейгѣ и въ званіи почетнаго члена Казанскаго университета, велъ переписку съ попечителемъ Румовскимъ, рекомендуя ему ученыхъ для занятія вакантныхъ каѳедръ. Положеніе Броннера въ кантональномъ училищѣ было весьма не прочно; за недостаткомъ средствъ дирекція стала увольнять учителей, а Броннеръ былъ только наемникъ, Schul-Knecht, по его выраженію. Лѣтомъ 1806 года онъ совершенно для него неожиданно получилъ предложеніе Бартельса ѣхать въ Казань. Оно, по словамъ его, сулило ему чрезвычайно выгодную будущность, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднимало въ душѣ разныя сомнѣнія

«Сколько вопросовъ я долженъ бы сдѣлать вамъ предварительно, чтобы съ полнымъ знаніемъ дѣла принять окончательное рѣшеніе — отвѣчалъ онъ Бартельсу Вы хорошо понимаете, что въ моемъ положеніи нельзя отказываться отъ подобныхъ предложеній Мнѣ необходимо найти какое нибудь мѣсто для средствъ къ существованію. Конечно я нѣсколько боюсь мѣстностей, расположенныхъ подъ 55° 43′ 48″ сѣв широты и опасаюсь, что буду тамъ мерзнуть среди лѣта,, но я могу разсчитывать и на высокое наслажденіе, доставляемое наблюденіями надъ незнакомой природой. Въ особенности пугаетъ меня то обстоятельство, какимъ образомъ я, не зная ни одного словечка по русски, буду объясняться съ тамошними жителями по пути и въ Казани Ни по нѣмецки, ни по латыни, ни по французски

они не говорятъ: какъ же мы будемъ понимать другъ друга? На какомъ языкѣ долженъ я вести преподаваніе? Но у меня сверхъ того большая куча книгъ, много собранныхъ минераловъ, раковинъ, насѣкомыхъ, растеній, математическихъ и механическихъ инструментовъ: сколько издержекъ, если все это должно сдѣлать путешествіе въ Азію и сколько затрудненій! Но всѣ подобныя опасенія можно, можетъ быть и устранить Если я дѣйствительно получу приглашеніе, они не удержатъ меня отъ поѣздки въ Россію; но между математиками я такое неизвѣстное существо (ein namenloses Wesen), что не въ состояніи и представить себѣ, чтобъ на меня, hominem obscurum было потрачено столько рублей Неужели они рѣшатся пригласить меня, не имѣя обо мнѣ никакого понятія? (Броннеръ употребляетъ для выраженія этой мысли нѣмецкую пословицу: «die Katze ohne weiteres im Sacke zu kaufen») До сихъ поръ я не кончилъ еще моей диссертаціи «De lunulis Hippocratis, eorumque usu gonometrico» (sic)(*) Я слишкомъ недавно покинулъ музу поэзіи, чтобъ слѣдовать за ея считающей и мѣряющей сестрой (т е математикой) и она увлекла снова своего ученика; теперь я работаю надъ поэмою, половина которой уже окончена(**) Мнѣ было бы тяжело бросить ее именно теперь, но черезъ полгода я буду готовъ(***) Я однако вовсе не отказался отъ изученія математики; ежедневно размышляю надъ ея задачами и считаю; въ особенности въ дождливую погоду все мое время я посвящаю этой строгой музѣ У меня почти кончена и готова къ печати тригонометрія».

Далѣе Броннеръ говоритъ о своихъ занятіяхъ съ учениками школы, состоявшихъ главнымъ образомъ въ практическихъ упражненіяхъ землемѣріемъ.

«но какъ только почувствую себя свободнымъ отъ школьныхъ занятій — я убѣгаю въ лѣсъ и сочиняю стихи, стихи и вѣчно стихи При такихъ обстоятельствахъ, заключаетъ Броннеръ свое письмо къ Бартельсу, вы видите сами, что хотя я и не безполезенъ для такого заведенія, какъ здѣшняя кантональная школа, но не могу имѣть никакихъ притязаній на каѳедру университета, который по всей справедливости, при своемъ возникновеніи, долженъ обращать вниманіе только на людей извѣстныхъ. Къ этому надобно присовокупить, что я не имѣю никакой академической степени: на 48 году жизни я совершенный профанъ въ этомъ отношеніи, не имѣю цеховаго достоинства, а потому и права продавать ученикамъ съ каѳедры мою мудрость Я не думаю поэтому, мой дорогой другъ, что вы рѣшитесь предложить меня г попечителю При всей готовности съ моей стороны принять такое выгодное предложеніе, я не могу разсчитывать этимъ путемъ избавиться отъ моего школьнаго рабства» (17 августа н с. 1806 г)

(*) Диссертація эта, если и была кончена, осталась ненапечатанною Гиппократъ изъ Хіоса (460—450 до Р. Х.), учившійся математикѣ въ Аѳинахъ, извѣстенъ нѣкоторыми открытіями въ геометріи Одно изъ нихъ «луночка» (lunula), названная по его имени, площадь, заключенная между дугами круговъ, дала поводъ ему и нѣкоторымъ позднѣйшимъ математикамъ надѣяться на возможность найти квадратуру круга. Очень можетъ быть, что и Броннеръ питалъ эту надежду.

(**) Это была большая поэма: Der erste Krieg in sechzig metrischen Dichtungen. 1—2 Aarau. 1810 8° VIII, 396, 432 S.

(***) Только послѣ напечатанія ея въ 1810 году Броннеръ рѣшился ѣхать въ Россію

Такою на первый разъ представляется намъ въ этомъ письмѣ скромная личность Броннера, для котораго дороже всего было его поэтическое творчество. Онъ самъ называетъ себя „уединеннымъ мечтателемъ“ (ein ensiedlerischer Grübler). Бартельсъ однако зналъ Броннера лично и хорошо, цѣнилъ въ особенности нравственное достоинство его характера и, не смотря на уклончивый, скромный отказъ самого Броннера, рѣшился писать о немъ къ Румовскому и рекомендовать его на профессорскую каѳедру въ Казань. „Я считаю долгомъ познакомить в. п. съ этимъ человѣкомъ, писалъ онъ. Хотя онъ по своимъ математическимъ и теоретическимъ познаніямъ, не вполнѣ имѣетъ право на профессуру въ Казани, но *въ другомъ отношеніи* университетъ сдѣлаетъ въ немъ превосходное пріобрѣтеніе. Я знаю его какъ отличнаго учителя, какъ человѣка, владѣющаго большимъ запасомъ прекрасныхъ свѣдѣній въ естественной исторіи, физикѣ, механикѣ. музыкѣ и пр. Давно извѣстенъ онъ какъ замѣчательный поэтъ“. Въ доказательство этого Бартельсъ ссылается на мнѣніе извѣстнаго тогдашняго критика и эстетика Эшенбурга. высказанное по поводу перваго сборника стихотвореній Броннера (*). Содержаніе этихъ идиллій было пережито Броннеромъ; образы изображаемой имъ природы онъ видѣлъ или изъ окна уединенной монашеской кельи своей или во время долгихъ прогулокъ въ окрестностяхъ роднаго городка. „Отсюда наивныя подробности этихъ полныхъ прелести маленькихъ картинокъ, прибавляетъ Эшенбургъ, отсюда эта правда, эта свѣжесть настоящихъ красокъ. Вездѣ замѣтно чрезвычайно тонкое чувство ко всему нравственно-прекрасному, развитое наблюденіемъ отдѣльныхъ красотъ природы“ (**). Бартельсъ, рекомендуя своего пріятеля Румовскому, переслалъ и письмо его, свидѣ-

---

(*) Fischergedichte und Erzählungen Zurich 1786 Предисловіе къ этой книжкѣ написалъ Геснеръ, съ большимъ сочувствіемъ отозвавшійся, какъ о поэтическомъ достоинствѣ наивныхъ идиллій Броннера, такъ и о его личныхъ свойствахъ Въ другой разъ онѣ были напечатаны въ собраніи всѣхъ стихотвореній Броннера: Fr Xav Bronner's Schriften 1—3 Bände. Zürich. 1794 12°.

(**) Можно сопоставить съ этимъ сужденіемъ слова гораздо позднѣйшаго и по нашему мнѣнію самаго умнаго критика и историка нѣмецкой литературы Гервинуса: «Идилліи Броннера заимствованы изъ дѣйствительныхъ природныхъ условій, но носятъ совершенно идеальную одежду; самъ поэтъ — наивный, безыскусственный человѣкъ, но не таково его образованіе» Geschichte der deutschen Dichtung Vierte Aufl 1853. IV, S. 156.

тельствующее о его скромности „Безъ сомнѣнія, прибавлялъ Бартельсъ, въ Петербургѣ знакомы съ жизнеописаніемъ Броннера".

Это жизнеописаніе Броннера (*), заключающее въ себѣ подробную автобіографію его съ самаго рожденія, пересказъ его пестрыхъ и разнообразныхъ приключеній, доведенный почти до года изданія, есть одна изъ любопытнѣйшихъ нѣмецкихъ книгъ прошлаго вѣка. Она вводитъ насъ въ умственную жизнь католической южной Германіи, далекую отъ той, которую представляютъ намъ духовные центры протестантскихъ университетовъ ея, но все же до крайности оригинальную, тѣмъ болѣе, что въ этомъ жизнеописаніи заключаются, по выраженію Гервинуса „viel schönere Idyllen", чѣмъ въ печатномъ сборникѣ его стихотвореній. Принадлежи Броннеръ къ націи, которая какъ французская тогда, шла впереди духовнаго развитія Европы, мы увѣрены что его автобіографія имѣла бы гораздо болѣе читателей и значенія, чѣмъ знаменитыя Confessions Ж. Ж. Руссо. Въ ней больше искренности и правды, чѣмъ въ послѣднихъ. Чтобъ познакомиться съ этимъ старымъ казанскимъ профессоромъ и съ тѣмъ духовнымъ содержаніемъ, которое онъ принесъ въ далекій городъ на востокѣ, мы сочли нужнымъ передать въ сокращеніи эту автобіографію Первоначальный набросокъ ея составленъ былъ Броннеромъ для Геснера, но правда и искренность ея такъ понравились знаменитому швейцарскому иллиллику, что онъ посовѣтовалъ Броннеру изложить свою жизнь въ болѣе подробномъ видѣ.

Броннеръ родился 23 декабря 1758 года въ небольшомъ городкѣ Гехштедтѣ въ тогдашнемъ княжествѣ Пфальцъ-Нейбургскомъ, на сѣверо-восточной границѣ Швабіи, почти у самаго берега Дуная. И дѣдъ и отецъ его были простыми работниками на заводахъ, гдѣ выдѣлываютъ кирпичъ и обжигаютъ известь. Отецъ боролся съ страшною бѣдностью, получая на заводѣ по 15 крейцеровъ за полторы тысячи сдѣланныхъ имъ кирпичей, но отличался, по словамъ сына, терпѣніемъ, мужествомъ и выносливостью. Другой источникъ заработковъ состоялъ въ скрипкѣ и флейтраверсѣ, а зимой, когда работа на кирпичныхъ заводахъ прекращалась, онъ брался за разные способы добыванія денегъ: то приготовлялъ изъ грубой

(*) Franz Xaver Bronners, Leben von ihm selbst beschrieben. Три части. Zurich 1795—1797. 12°. Было и позднѣйшее изданіе.

пакли пряжу для мѣшковъ и свѣтиленъ, то ткалъ изъ соломы навѣсы на двери и для покрышки грядъ, то выдѣлывалъ струны для инструментовъ, или мастерилъ клѣтки, игрушки, улья и пр., наконецъ продавалъ канареекъ и голубей. Понятно, что въ бѣдной, едва перебивающейся семьѣ, рожденіе лишняго ребенка не было большою радостью.

Съ большими, часто наивными подробностями, останавливается Броннеръ на своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, рисуя и свѣтлыя и темныя стороны ихъ, особенно на первоначальномъ ученіи. Его очень рано, чтобы „скачать съ шеи“ рѣзваго мальчика, отдали сначала въ школу женскаго монастыря, а потомъ къ кантору, примѣнявшему къ мальчикамъ жестокія тѣлесныя наказанія. Рѣдко выпадала на долю этого мальчика радость въ нуждающейся родной семьѣ и только въ жилищѣ дѣда, любившаго внука, онъ отдыхалъ и душевно и тѣлесно. За то поэзія окружающей природы раскрылась очень рано передъ Броннеромъ въ долгихъ прогулкахъ по лѣсамъ и горамъ, по берегамъ Дуная, въ катаньи по рѣкѣ на лодкѣ, въ уженьи рыбы и въ разнообразныхъ встрѣчахъ. Воображеніе было рано и сильно возбуждено. Въ зимніе вечера, когда сосѣди собирались вмѣстѣ для общей работы, шли безконечные народные разсказы, по большей части фантастическаго содержанія и твердо удерживались въ молодой памяти. Эти сосѣди, да и вся семья были строгими католиками, но Броннеръ еще мальчикомъ заразился отъ отца нѣкоторымъ скептицизмомъ, отразившимся въ его воспоминаніяхъ (таковъ напр. анекдотъ о чудесно изцѣленной капуциномъ больной курицѣ, I, 76 сл.) Даже католическія книжки для первоначальнаго образованія, въ которыхъ заключалось такъ много фанатическаго, производили на него обратное дѣйствіе.

Успѣхъ въ пѣніи у кантора, хорошій голосъ и случайное участіе въ іезуитскомъ хорѣ имѣли слѣдствіемъ, что одиннадцатилѣтній Броннеръ, въ 1769 году, былъ принятъ въ іезуитскую семинарію сосѣдняго города Диллингена. Этотъ городъ, гдѣ имѣли мѣстопребываніе аугсбургскіе епископы, принадлежалъ въ то время имъ. Здѣсь долго, до 1802 года, существовала и высшая школа, нѣчто въ родѣ католическаго университета. И мать и отецъ были рады, мечтая о славномъ и обезпеченномъ будущемъ сына. Латинская школа понравилась было Броннеру сначала тѣмъ, что ученикамъ давалась прекрасная пища, какой не пробовалъ онъ никогда прежде,

ни дома, ни у кантора, но жестокость наказаній и истязанія остались тѣ же. Къ этому надобно присоединить и обычное лицемѣріе, господствовавшее въ подобныхъ школахъ, весьма рано подмѣченное Броннеромъ. Изъ самыхъ младшихъ учениковъ былъ составленъ такъ называемый coetus angelicus и образцемъ для жизни и дѣятельности учениковъ отцы іезуиты выбрали жизнеописаніе католическаго святаго св. Алоизія. Мальчиковъ учили самоистязанію: они бичевали другъ друга, но чтобъ удары не были слишкомъ чувствительны, они могли откупаться отъ нихъ и крейцерами и лакомствами. Строгость отношеній учителей къ ученикамъ смягчалась однако неглассными услугами, оказываемыми первымъ послѣдними. Такъ Броннеръ носилъ за монастырскія стѣны письма своего инструктора къ его любовницѣ. Четыре года пробылъ онъ въ этой іезуитской школѣ (онъ прошелъ классы, какъ они назывались, principia, rudimenta, grammatica media и syntaxis minor), выучился конечно превосходно владѣть латинскимъ языкомъ, познакомился нѣсколько съ греческимъ, за что получилъ награду и скоро сдѣлался первымъ ученикомъ. На четвертомъ году пребыванія въ школѣ, случайно пріобрѣтя книжку идиллій Геснера, онъ выбралъ этого поэта образцемъ для своего поэтическаго творчества и остался навсегда вѣренъ ему. Скоро сталъ онъ и самъ писать стихи и поэтическое чувство его особенно развивалось во время вакацій, проводимыхъ имъ дома и въ блужданіяхъ по окрестностямъ. О нихъ онъ разсказываетъ весьма подробно.

Въ августѣ 1773 года знаменитою буллою папы Климента XIV „Dominus ac Redemptor noster“ былъ повсемѣстно уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Ректоръ диллингенской школы публично объявилъ объ этомъ событіи на сценѣ школьнаго театра, вслѣдъ за представленіемъ праздничной пьесы. Извѣстіе встрѣчено было слезами и рыданіями; ученики распущены по домамъ и Броннеръ не понималъ чѣмъ заслужили преслѣдованіе такіе добрые, полезные и ученые люди. Неизвѣстность будущей судьбы сильно безпокоила и родителей, и мальчика, которому пошелъ уже шестнадцатый годъ. Но ему скоро удалось однако поступить въ духовную семинарію или лицей города Нейбурга, гдѣ обращеніе съ учениками, по словамъ его, было еще грубѣе и деспотичнѣе, а учителя были тоже іезуиты, хотя и другія, чѣмъ въ Диллингенѣ, личности и назывались они теперь уже эксъ-іезуитами. Три года, про-

веденные Броннеромъ въ нейбургской семинаріи, описаны имъ также подробно, и описаніе это вводитъ насъ въ любопытныя условія насильственнаго духовнаго развитія людей въ іезуитскихъ школахъ южной Германіи во второй половинѣ прошлаго вѣка. Здѣсь изучалъ Броннеръ такъ называемыя тогда *первую* и *вторую* реторику, но пріобрѣтеніемъ разнообразныхъ свѣдѣній онъ обязанъ былъ не школѣ, а случайному чтенію, принявшему обширные размѣры (такъ Броннеръ познакомился съ языкомъ итальянскимъ). Такое чтеніе преслѣдовалось эксъ-іезуитами, объявившими особенно жестокую войну тогдашнимъ нѣмецкимъ писателямъ, которые уже развивались въ условіяхъ новаго времени и подъ вліяніемъ идей, начинавшихъ тогда господствовать повсюду. Разсказъ Броннера тѣмъ любопытнѣе, что онъ совершенно спокоенъ и объективенъ. что никакой позднѣйшей рефлексіи не замѣтно въ немъ, что самъ онъ всецѣло отдается тому. что его окружаетъ, что описывая очень подробно и съ большою наивностью первыя пробужденія въ немъ чувственности и разныя монастырскія, весьма скабрезныя въ этомъ отношеніи сцены, онъ передаетъ и то, какимъ образомъ, независимо отъ посторонннхъ вліяній, или не сознавая ихъ, онъ сталъ мечтать о монастырской жизни. Убѣжденія матери, желавшей видѣть со временемъ въ сынѣ епископа, сдѣлали эту мечту дѣйствительностью. Въ 1776 году, восемнадцати лѣтъ отъ роду, Броннеръ началъ свой новиціатъ монаха бенедиктинскаго ордена и поселился одинъ въ кельѣ, воюя съ мышами, находившимися въ ней въ изобиліи. Скоро однако пришлось ему разочароваться въ духовныхъ прелестяхъ монашества. „Скоро убѣдился я, говоритъ онъ, что со словомъ „совершенство“ монахъ долженъ соединять совсѣмъ иное понятіе, чѣмъ то, которое я имѣлъ, и что монашеское совершенство никакъ не можетъ быть соединимо съ мірскою наукою, а особенно съ поэзіей“ (I, 267). „Нельзя представить себѣ ничего столь отупляющаго духъ и уродующаго здравый смыслъ человѣческій, какъ жизнь послушника“ (I, 290) (*). Съ одной стороны обязательное чтеніе исключительно аскетическихъ сочиненій (всякое другое чтеніе не допускалось) или ежедневное изученіе такой книги, какъ Annus Mariannus, невольно вызывавшей скептическую улыбку на лицѣ читателя, съ другой ночное чтеніе и жадное изученіе запрещенныхъ книгъ, которыя надобно было

(*) Говоримъ о католическомъ монашествѣ

тайно выкрадывать изъ монастырской библіотеки, придумывая для воровства болѣе или менѣе удачныя хитрости Тогда Броннеръ познакомился съ французскимъ языкомъ и въ первый разъ съ идеями Руссо. Съ одной стороны обязательныя для послушника (во время новиціата) власяница и бичеваніе, съ другой—участіе въ пьяныхъ оргіяхъ старшихъ монаховъ, въ ихъ дикихъ забавахъ, грязныхъ до отвращенія— изъ этого слагалась жизнь. Но Броннеръ началъ писать свои идилліи, и монашеская келья, изъ которой раскрывался прекрасный видъ на долину Дуная, перестала казаться ему тѣсною. Монахи жили въ близкомъ общеніи съ природою: весною и осенью на нѣсколько недѣль переселялись они на монастырскую дачу и проводили время посреди баварскихъ горъ и лѣсовъ въ охотѣ, рыбной ловлѣ, въ долгихъ прогулкахъ. Въ автобіографіи можно найти указанія, когда и по какому случаю былъ написанъ тотъ или другой разсказъ изъ его „Fischergedichte".

Осенью 1777 года срокъ новиціата Броннера, въ теченіе котораго онъ сильно выросъ и возмужалъ, кончился. Не безъ внутренней борьбы молодой послушникъ рѣшился окончательно постричься, торжественно произнеся обычные обѣты и клятвы juxta regulam s. patris Benedicti: онъ получилъ имя Бонифація. Изъ обѣтовъ, данныхъ Броннеромъ, особенно тяжело ему было исполнять обѣтъ цѣломудрія, тѣмъ болѣе, что судя по описаніямъ его окружающей монастырской жизни, нарушить этотъ обѣтъ представлялось много случаевъ. Но въ первый годъ монашества Броннеръ много учился. Успѣхами своими въ математикѣ онъ много былъ обязанъ о. Бедѣ, прежде бывшему іезуитскому пріору (*). О немъ отзывается онъ съ большимъ уваженіемъ, хотя вообще былъ не высокаго мнѣнія о математикахъ изъ іезуитовъ. Но начальство монастыря, не смотря на древнюю ученую славу бенедиктинцевъ, не долюбливало ученыя занятія, часто приходилось выслушивать проповѣди на тексты въ родѣ: „abominabiles facti sunt in studiis suis" (Пс. 13, 1) и хитростью скрывать ночныя занятія и чтеніе современныхъ книгъ, въ томъ числѣ и Вольтера, отъ котораго приходилъ въ ужасъ пріоръ.

За математикою слѣдовало изученіе механики, конечно по іезуитскимъ, писаннымъ по латыни учебникамъ. Каковы

(*) Свѣтское имя этого патера было Майръ (Мауг) Онъ умеръ въ 1794 году, напечатавъ нѣсколько математическихъ и богословскихъ сочиненій и проповѣдей

были результаты этого изученія, видно изъ того, что Броннеръ сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ опытовъ и мечталъ о возможности perpetuum mobile, пока болѣе строгое знакомство съ основами науки не излѣчило его отъ этой маніи. Науки въ лицеѣ изучались не одновременно, а каждой посвящалось по году. Второй годъ посвященъ былъ изученію физики. Броннеромъ написано было разсужденіе и тезисы, которые онъ и защищалъ съ большою робостью и смущеніемъ. Практическое примѣненіе знакомства съ законами физики онъ попробовалъ сдѣлать въ изобрѣтенной имъ летательной машинѣ, работая надъ которой онъ наивно мечталъ о томъ, какъ было бы весело съ ея помощью улетѣть, подобно вольной птицѣ, далеко за надоѣвшія монастырскія стѣны. Впослѣдствіи, когда Броннеръ узналъ о первыхъ опытахъ аэронавтики, онъ, по его словамъ, думалъ сдѣлать ея примѣненіе къ своей машинѣ. Рядомъ съ точными науками шли успѣхи въ музыкѣ и игра на скрипкѣ. Послѣдними науками, которыми заканчивался курсъ, были *богословіе* и *мораль* (1780—1781). Преподаваніе первой пробудило въ душѣ Броннеръ разныя сомнѣнія, но онъ не останавливается на нихъ и не вдается въ подробности, прибавляя только, что воспитаніе съ дѣтства научило его избавляться очень скоро отъ сомнѣнія горячею молитвою. Преподаваніе же морали было поручено такому неудачному профессору, что ученики спали на лекціяхъ, и начальство разрѣшило имъ заниматься предметомъ въ кельяхъ и не ходить въ классы.

Съ большими подробностями за то останавливается Броннеръ на своемъ юношескомъ романѣ въ эти годы. Разсказъ о началѣ, развитіи и концѣ романа, чисто платоническаго, дышетъ искренностью; онъ полонъ идиллическими картинками. Предметомъ любви, длившейся годъ, была сестра его товарища. Дѣло ограничилось поцѣлуями и нѣжной перепиской, но кончилось замужствомъ возлюбленной, съ чѣмъ долженъ былъ примириться Броннеръ. Недостатокъ воли и характера, тяжелое сознаніе выбраннаго имъ случайно призванія, оставили въ сердцѣ его глубокую тоску, которая исчезла только впослѣдствіи, когда онъ сталъ легче смотрѣть на жизнь и чаще встрѣчался съ женщинами. Теперь приходилось смириться и отказаться. Lerne dulden und missen—говорилъ онъ себѣ и никогда не молился такъ горячо, какъ въ эту пору сердечныхъ волненій.

Между тѣмъ Броннеръ учился прекрасно и успѣхи его были столь значительны, что пріоръ высказалъ ему предположеніе со стороны начальства послать его по окончаніи курса въ Эйхштедтъ, гдѣ былъ старый католическій университетъ, переведенный потомъ въ Ландсгутъ. Цѣль этого переселенія заключалась въ слушаніи лекцій и ученіи подъ руководствомъ извѣстнаго тогда своими знаніями и спеціальными сочиненіями эксъ-іезуита Пикеля (*). Предметомъ занятій была высшая математика и приготовленіе въ ней къ профессорству въ нейбургской коллегіи. Перспектива полной свободы въ теченіе двухъ лѣтъ и независимость отъ строгой монастырской ферулы наполнили сердце Броннера глубокою радостью, но эта радость значительно ослабѣла, когда пришлось выполнить непремѣнное условіе этой ученой карьеры въ будущемъ и посвятиться въ Аугсбургѣ въ субдьяконы. Обѣты, связанные съ этимъ званіемъ, особенно обязательное безбрачіе, имѣли то слѣдствіемъ, что Броннеръ долженъ былъ потерять всякую надежду когда либо оставить духовный санъ. Въ началѣ января 1782 года Броннеръ былъ уже въ Эйхштедтѣ и началъ посѣщать коллегію экс-іезуитовъ, живя на частной квартирѣ и такимъ образомъ пользуясь значительною, прежде неиспытанною имъ свободою. Подъ руководствомъ Пикеля онъ исключительно занялся математическими науками, начиная съ первыхъ основаній ихъ, познакомился съ сочиненіями Эйлера, Лаланда и др. Рядомъ съ изученіемъ математики, усердно шли практическія занятія землемѣріемъ и Броннеръ желалъ, по его словамъ, доказать, что монастырь не даромъ тратилъ деньги на его воспитаніе.

Въ Эйхштедтѣ Броннеръ близко познакомился съ однимъ изъ тѣхъ духовныхъ явленій, которыми въ то время наполнялась умственная жизнь Германіи. Эти новыя явленія способствовали развитію, захватывали своимъ содержаніемъ особенно молодое поколѣніе и приготовили новыя формы жизни. Провожая Броннера изъ Нейбурга въ Эйхштедтъ, учитель его Беда, предостерегалъ его, что тамъ существуютъ тайныя общества, много масонскихъ ложъ и уговаривалъ его не вступать съ ними въ сношенія. Предупрежденіе это было напрасно, и Броннеръ, подобно многимъ современникамъ своимъ,

(*) Этотъ ученый, Ign. Balthazar Pickel († 1818) напечаталъ нѣсколько латинскихъ учебниковъ по математикѣ и нѣмецкихъ по землемѣрію.

былъ увлеченъ общимъ духомъ времени, и хотя повидимому боялся тайны, но съ другой стороны именно эта тайна кажется и влекла его. При посредствѣ одного каноника, которому онъ былъ рекомендованъ своимъ прелатомъ, Броннеръ вошелъ въ общеніе и съ масонами, и съ иллюминатами. Онъ скоро самъ сдѣлался членомъ масонскаго ордена и послѣ посвященія получилъ орденское имя Аристотеля, участвовалъ въ собраніяхъ, исполнялъ письменныя на задачи работы, заключающія въ себѣ обсужденіе разныхъ нравственныхъ вопросовъ. Но Броннеру не нравилась внѣшняя сторона масонскаго ордена, начиная съ церемоніи, происходившей при принятіи въ орденъ. Мундирная одежда братьевъ, ихъ ордена на шеѣ,—вся эта внѣшняя обстановка, окружавшая масоновъ, называлась имъ смѣшными и безполезными обрядами. Нѣтъ ничего мудренаго, что ему, недовольному ни своимъ монашествомъ, ни масонскою дѣятельностью, гораздо больше понравилось общество иллюминатовъ, содержаніемъ котораго онъ былъ на долго увлеченъ до того, что самъ сталъ горячимъ приверженцемъ и привлекалъ въ орденъ своихъ друзей.

Изъ автобіографіи не видно находился ли Броннеръ въ личныхъ сношеніяхъ съ знаменитымъ основателемъ ордена иллюминатовъ Вейсгауптомъ, дѣятельность котораго, именно въ тѣ годы, проходила въ тѣхъ же мѣстностяхъ, и въ старыхъ городахъ Баваріи (*). Подобно Броннеру, основатель иллюминатовъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ, но скоро разорвалъ съ ними и пошелъ тою дорогою, по которой увлекалъ современниковъ новый духъ вѣка. Броннеръ увлекся рѣчами иллюминатовъ, вступилъ въ ихъ общество и на долго усвоилъ себѣ образъ ихъ мыслей и убѣжденія Правда въ организаціи этого общества, устроенной Вейсгауптомъ, онъ не пошелъ дальше первоначальныхъ степеней: онъ не долго пробылъ въ Эйхштедтѣ, а въ 1784 году курфирстъ баварскій воспретилъ въ своихъ владѣніяхъ всѣ тайныя общества. Въ 1783 году Броннеръ имѣлъ степень только *минервала* и читалъ въ кружкѣ рѣчь о безсмертіи: вскорѣ онъ сталъ illuminatus minor. Не говоря о томъ, что въ собраніяхъ общества участвовали люди всѣхъ сословій, что давало Броннеру доступъ въ самое высшее общество, чѣмъ повидимому онъ

(*) *Финдель*, Исторія франкъ-масонства. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ первый. Спб 1872 Стр. 244 сл.

былъ очень доволенъ, изъ воспоминаній его мы имѣемъ право заключить, что въ немъ развилось глубокое уваженіе къ обществу иллюминатовъ и къ ихъ дѣятельности. Здѣсь не существовало множества пустыхъ обрядовъ, которыми окружали себя масоны. Въ дѣятельности иллюминатовъ, въ ихъ убѣжденіяхъ, онъ находилъ много реальнаго и полезнаго, въ особенности въ педагогическомъ отношеніи. По его свидѣтельству иллюминаты превосходно умѣли воспитывать юношей и исправлять ихъ въ случаѣ надобности, и очень можетъ быть, что онъ вспомнилъ принципы иллюминатовъ, когда болѣе чѣмъ черезъ четверть вѣка, ему пришлось встать въ самыя близкія отношенія, въ званіи инспектора, къ студентамъ Казанскаго университета.

Но за то общеніе съ иллюминатами накопляло постепенно въ Броннерѣ массу религіозныхъ сомнѣній, переживать которыя было тѣмъ мучительнѣе и невыносимѣе, что на немъ тяготѣли обѣты монашества и обѣты будущаго служителя алтаря. Сознаніе ложнаго положенія разрывало его душу, но Броннеръ былъ слишкомъ мягкою и не реальною натурою для того, чтобъ разомъ сбросить съ себя тяжесть сомнѣній и рѣшиться идти по одной какой либо, но прямой дорогѣ. Въ концѣ 1782 года онъ посвящается въ санъ дьякона: въ апрѣлѣ 1783 года дѣлается пресвитеромъ. Страшный скептицизмъ и глубокія мученія совѣсти переживаются имъ въ торжественныя минуты посвященій. Успокоиваетъ его нѣсколько наука: астрономія доказываетъ ему и всемогущество и величіе Творца; но онъ уже читалъ сочиненія Руссо и другихъ свободныхъ мыслителей вѣка, которыхъ называетъ „предвѣстниками язычества“. Первымъ, знакомымъ ему въ подлинникѣ, онъ сильно увлекается и покупаетъ даже нѣмецкій переводъ его сочиненій для того, чтобъ познакомить съ ними монаховъ, незнающихъ по французски. Понятно какое сильное впечатлѣніе должно было имѣть на Броннера сочиненіе Руссо: „Profession de foi du vicaire savoyard“. Подъ его вліяніемъ, въ первой мессѣ имъ отслуженной, онъ горячо молилъ Творца, чтобы онъ сдѣлалъ его „жрецомъ истины, учителемъ добродѣтели“.

Осенью 1783 года кончилось ученіе Броннера въ Эйхштедтѣ; съ грустью простился онъ съ новыми друзьями, съ братьями по ордену и съ свободою. Съ тяжелымъ чувствомъ возвратился Броннеръ въ свою монашескую келью въ До-

наувертѣ, и привычный монастырскій порядокъ сдѣлался ему теперь, послѣ относительной свободы. еще болѣе невыносимъ чѣмъ прежде, особенно, когда пришлось ему исполнять священническія обязанности. Напрасно читаетъ онъ въ назиданіе себѣ религіозныя книги, даже написанныя протестантами: онѣ не удовлетворяютъ его больше. Напрасно онъ изучаетъ философію, знакомится съ Лафатеромъ, съ новыми явленіями въ этой наукѣ въ Германіи — съ идеями о философіи исторіи Гердера, съ Критикою чистаго разума Канта: все это не можетъ примирить его съ сознаніемъ ложнаго положенія. Напрасно отказывается онъ отъ денегъ за заказываемыя ему мессы: онъ видитъ, что заказчики недовольны, считаютъ его даровые молебны не дѣйствительными и несутъ свои деньги другому, который не стѣсняется платою за духовную помощь. Начнетъ ли онъ нравоучительную проповѣдь и нечаянно замѣтитъ вдругъ въ толпѣ слушателей въ церкви—Minnchen, предметъ его перваго чистаго юношескаго увлеченія и синій туманъ стоитъ въ глазахъ молодаго проповѣдника и насилу удается ему докончить въ видѣ слабаго лепета свою орацію. Приходится ему и исповѣдывать, и не смотря на увѣреніе, обращенное къ самому себѣ, что исповѣдь знакомитъ съ людьми, Броннеръ не доволенъ и этою обязанностью. Нѣкоторое спасеніе отъ мучащаго его томленія онъ находитъ по прежнему въ поэзіи и идилліи; одна за другой пишутся онѣ имъ, но не могутъ замѣнить ему дѣйствительности. Развлеченіе находитъ онъ и въ землемѣрныхъ работахъ, въ межеваніи, по порученію прелата, монастырскихъ владѣній, но скоро этотъ начальникъ монастыря становится во враждебныя отношенія къ Броннеру. Очень короткое время ему удается поддерживать переписку съ иллюминатами, но и она скоро прекращается, а чтеніе свѣтскихъ книгъ и вліятельныхъ сочиненій времени, чтеніе тайкомъ, по ночамъ, дѣлается извѣстнымъ, возбуждаетъ подозрѣнія; даже самъ любимый имъ прежній учитель Беда возстаетъ противъ такого чтенія. Наконецъ его мучитъ несовмѣстимое съ монашествомъ чувство ревности: онъ подозрѣваетъ свою чистую Minnchen въ преступной связи съ какимъ-то монахомъ одного съ нимъ монастыря. Положеніе становится невыносимымъ.

И вотъ, постепенно развиваясь, назрѣваетъ въ душѣ его мысль о бѣгствѣ. Приходила она и прежде въ голову, но не доставало ни воли, ни средствъ привести ее въ исполненіе.

Теперь рѣшеніе созрѣло. Но какъ отдѣлаться отъ монастыря? Можно бы деньгами, этимъ универсальнымъ средствомъ, откупиться отъ монашества въ Аугсбургѣ, но денегъ-то и не было у Броннера. Нельзя было ему идти этою прямою дорогою, приходилось выбрать окольную, кривую. Бѣгство являлось необходимостью, единственною возможностью. Но куда бѣжать? Въ Германіи католической не было конечно пріюта бѣглому монаху, нельзя было найти и средствъ для жизни; для спокойнаго существованія въ протестантской Германіи—необходимо было перемѣнить вѣру, на что Броннеръ не могъ рѣшиться. Единственною нѣмецкою страною, гдѣ можно было пріютиться ему и куда была открыта дорога—была Швейцарія. Естественно Броннеръ и остановился на ней. Съ любопытными подробностями разсказываетъ онъ приготовленія, весьма ловко и хитро обдуманныя, для приведенія въ исполненіе задуманнаго предпріятія и побѣду надъ препятствіями. Въ одеждѣ послушника, отпущеннаго на время для свиданія съ родными (иначе нельзя было объяснить встрѣчнымъ тонзуру), рано утромъ 29 августа 1785 года, онъ наконецъ бѣжалъ изъ монастыря, отправивъ все необходимое, съ помощью знакомаго, впередъ съ почтою въ Базель. Драматическимъ интересомъ полонъ его разсказъ о восьмидневномъ странствованіи то пѣшкомъ, то въ дилижансахъ на югъ, мимо роднаго Гехштедта, Дилингена, Лаунингена, Ульма, Шафгаузена, рейнскаго водопада. На каждомъ шагу Броннеръ, до перехода въ Швейцарію, боялся, что его узнаютъ и воротятъ, но все обошлось счастливо. За то въ Базелѣ, гдѣ думалъ онъ найти спасеніе, его ожидали непріятности. Монастырскія власти скоро спохватились бѣглеца, разузнали куда направилъ онъ свое бѣгство и прислали въ Базель формальное обвиненіе Броннера въ томъ, что поддѣлавъ ключи, онъ обокралъ монастырь, захвативъ разныя монастырскія драгоцѣнныя вещи, золотыя монеты нумизматическаго собранія и пр. Базельская полиція узнала Броннера при входѣ въ городскіе ворота и немедленно арестовала его. Началось слѣдствіе. Незнавшая предѣловъ злоба монаховъ однако ошиблась; изъ Донауверта, при требованіи о задержаніи и выдачѣ Броннера, былъ присланъ списокъ якобы похищенныхъ предметовъ; при обзорѣ же сундука бѣглеца не нашлось въ немъ ничего подозрительнаго. Счастливый случай помогъ Броннеру. При осмотрѣ вещей его, одинъ изъ городскихъ депутатовъ

узналъ по разнымъ признакамъ о принадлежности Броннера къ ордену масоновъ и будучи самъ масономъ, принялъ въ немъ горячее участіе. Когда сенатъ этого торговаго города Базеля не нашелъ возможнымъ дозволить Броннеру пребываніе въ своихъ стѣнахъ въ виду лежавшаго на немъ обвиненія въ воровствѣ, депутатъ масонъ посовѣтовалъ ему перебраться въ Цюрихъ, гдѣ представлялось больше возможности найти необходимую работу и даже далъ ему письмо туда къ ратсгерру Фюссли. Броннеръ пѣшкомъ ушелъ въ Цюрихъ.

Этотъ городъ въ то время представлялъ замѣчательный умственный центръ, съ большимъ литературнымъ движеніемъ, чему способствовали условія швейцарской свободы. Нѣсколько выдающихся людей, участниковъ этого движенія, частью туземцевъ, частью переселенцевъ жили здѣсь. Ратсгерръ Іоганнъ Рудольфъ Фюссли (der jüngere), которому былъ рекомендованъ Броннеръ, миніатюристъ-живописецъ и издатель-основатель большаго словаря художниковъ всѣхъ странъ, былъ однимъ изъ членовъ многочисленной и чрезвычайно образованной семьи художниковъ и знатоковъ искусства. Но первый визитъ свой Броннеръ, явившійся въ Цюрихъ безъ всякихъ средствъ, сдѣлалъ знаменитому тогда Лафатеру. Онъ былъ давно знакомъ съ его многочисленными сочиненіями и составилъ себѣ очень высокое мнѣніе о его умѣ, вѣротерпимости и любви къ человѣчеству. Личное знакомство однако повело къ разочарованію. Очевидно Лафатеръ былъ изъ Баваріи предупрежденъ кѣмъ либо о посѣщеніи его Броннеромъ. Отсюда его рѣзкое обращеніе съ „бѣглымъ монахомъ“. Броннеръ откровенно высказалъ Лафатеру внутреннее состояніе свое, убѣжденіе, что онъ не можетъ удовлетвориться догматико-католическою системою, въ которой былъ воспитанъ и почему онъ считаетъ также невозможнымъ для себя перейти въ протестантство. Лафатеръ назвалъ его деистомъ, не захотѣлъ принять участія въ волненіяхъ его совѣсти и прямо отвѣчалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь ему, настоятельно совѣтуя воротиться въ Донаувертъ и подвергнуться обыкновенному въ такихъ случаяхъ наказанію. Броннеръ, ссылаясь на обширность и разнообразіе связей Лафетера, просилъ его не о матеріальной помощи, а о заступничествѣ чрезъ папскаго нунція въ Люцернѣ о снятіи съ него монашескихъ обѣтовъ, но и въ этомъ отказано было. При прощаніи Лафатеръ сунулъ

въ руку посѣтителя монету въ 4 бацена и пристыженный Броннеръ уже не являлся болѣе къ этой цюрихской знаменитости.

За то Фюсли принялъ его ласково Съ его помощью мало по малу устраивается жизнь бѣглеца на чужой сторонѣ, онъ получаетъ возможность зарабатывать и поступаетъ въ наборщики нотъ по какой-то новой системѣ. Незнакомое дѣло шло сначала медленно, но энергія не покидала и скоро Броннеръ работалъ, какъ и другіе, глубоко радуясь, что можетъ существовать на свои средства. Довольный въ этомъ отношеніи, онъ заводитъ знакомства въ Цюрихѣ, чему помогало то обстоятельство, что владѣя довольно большимъ и хорошо обработаннымъ въ монастырскомъ хорѣ голосомъ, Броннеръ сталъ принимать участіе въ публичныхъ концертахъ. На одномъ изъ нихъ онъ встрѣтился съ литературною знаменитостью того времени въ Цюрихѣ — Соломономъ Геснеромъ, принявшимъ въ немъ теплое участіе и пригласившимъ его къ себѣ. Любопытно, что Геснеръ, узнавъ хорошо Броннера и обстоятельства его жизни, совѣтовалъ ему ѣхать искать счастія въ Россію и обѣщалъ ему свою рекомендацію, говоря, что у него много друзей въ Петербургѣ (II. 159) Броннеръ жалѣлъ, что не послѣдовалъ тогда же этому совѣту, но чрезъ четверть вѣка привелъ его въ исполненіе. Пылкая дружба съ сыномъ Геснера — Генрихомъ еще болѣе сблизила Броннера съ симпатичною и добродушною личностью идиллика и съ его семьею. Броннеръ былъ въ полномъ восторгѣ отъ сердечной доброты старика и въ минуты откровенности передалъ ему, что и самъ пишетъ идилліи. Въ Цюрихѣ, во время экскурсій въ горы и на озера, посреди великолѣпной природы, не смотря на стѣсненное положеніе Броннера, эти идилліи писались еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, показывались Геснеру и одобрялись имъ. Какъ литераторъ, Броннеръ сталъ участвовать къ Цюрихской газетѣ, съ восторгомъ получилъ первый гонораръ и сшилъ на него новое платье. Онъ былъ вполнѣ доволенъ Цюрихомъ.

Между тѣмъ прежнія монастырскія власти на родинѣ и католическое духовенство въ Аугсбургѣ не теряли надежды воротить Броннера въ лоно католической церкви. Онъ сталъ получать письма изъ Аугсбурга съ разными, весьма впрочемъ неопредѣленными предложеніями о выгодахъ въ будущемъ, но главною темою этихъ писемъ было возвращеніе. Началась

довольно длинная переписка. И по убѣжденіямъ цюрихскихъ друзей, и по собственнымъ наблюденіямъ и опыту, Броннеръ боялся, что его обманутъ и не исполнятъ обѣщаній, а потому желалъ уяснить свое положеніе и требовалъ гарантій. Многое его влекло на родину. и старый отецъ, и сердечныя связи и вѣроятно тоска по ней; это была мягкая натура. Но, опасаясь обмана, онъ ставилъ категорически и съ своей стороны требованія. Броннеру хотѣлось во что бы то ни стало избавиться отъ монашества; для этого необходимо было папское разрѣшеніе, а за тѣмъ дозволеніе сдѣлаться католическимъ священникомъ какого либо прихода, съ чѣмъ онъ мирился. Надобно было писать разныя просьбы и Броннеръ, по его собственному признанію, долженъ былъ лицемѣрить, не имѣя возможности откровенно высказать причины, заставлявшія его бѣжать отъ монашества. Въ письмахъ своихъ къ католическимъ властямъ, Броннеръ, по совѣту друзей, не дѣлалъ рѣшительнаго шага, пока не получится это разрѣшеніе или освобожденіе отъ монашества (dispensatio). Одновременно съ этимъ и розенкрейцеры старались увлечь его къ себѣ.

Наконецъ Броннера увѣдомили, что разрѣшеніе пришло, что съ его стороны надобно только, въ видѣ покаянія, въ теченіе десяти дней, выполнить нѣкоторыя церковныя экзерциціи и онъ будетъ только свѣтскимъ священникомъ. Но извѣстно, что свѣтскій священникъ не можетъ существовать безъ прихода, дающаго какой-либо доходъ для жизни (beneficium, Pfründe); между тѣмъ о приходѣ не было и рѣчи, а это было самое больное мѣсто и сдѣлалось потомъ источникомъ большихъ огорченій для Броннера. Не прежде однако, какъ получивъ засвидѣтельствованную копію (copia vidimata) съ папской диспензаціи, Броннеръ рѣшился, по совѣту Геснера, послушаться зова аугсбургскихъ католическихъ властей и сталъ готовиться къ отъѣзду, оставивъ у друзей въ Цюрихѣ всѣ копіи съ переписки, веденной имъ по поводу возвращенія. Передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Цюриха Геснеръ отдалъ въ печать сборникъ его первыхъ идиллій „Fischergedichte“. Рыбачьими поэмами называются онѣ потому, что главное занятіе жителей той мѣстности, гдѣ былъ монастырь, была рыбная ловля, изобильная въ то время въ Дунаѣ. Къ книжкѣ написано было Геснеромъ и предисловіе. Въ немъ говорилось между прочимъ и о самомъ Броннерѣ: „Во время пребыванія своего въ Цюрихѣ, своими талантами, наивностью

скромныхъ отношеній своихъ къ людямъ, тонкимъ пониманіемъ всего добраго и благороднаго, заслужилъ онъ общее уваженіе; всѣ люди съ познаніями и вкусомъ были его друзьями. Въ его поэмахъ отражается его личный характеръ. Въ Аугсбургѣ потомъ уже получилъ онъ экземпляръ своей книжки и восемь луидоровъ гонорара, по одному за печатный листъ.

Броннеръ выѣхалъ изъ Цюриха 14 іюля 1786 года. Всю дорогу на родину, которую онъ сдѣлалъ теперь гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый путь, благодаря деньгамъ ему присланнымъ, его мучило тяжелое сознаніе двусмысленнаго положенія своего и невѣріе въ призваніе, которое ждало его въ будущемъ. Глубоко сожалѣлъ Броннеръ, что долженъ будетъ скрывать свои дѣйствительныя убѣжденія, что ему придется снова читать мессы, исповѣдывать и пр., словомъ, исполнять всѣ обряды и всѣ церемоніи, предписываемые католичествомъ, не вѣря въ значеніе и пользу дѣлаемаго имъ передъ людьми. Но его утѣшало сознаніе, что онъ будетъ не даромъ мученикомъ, что онъ сдѣлается учителемъ народа, научитъ его истинѣ и принесетъ дѣйствительную пользу учительствомъ. Въ Аугсбургѣ духовныя власти оказали ему на первыхъ порахъ ласковый пріемъ. Освобожденіе отъ церковнаго отлученія за нарушеніе монашескихъ обѣтовъ заключалось въ церемоніи, состоявшей изъ двухъ частей: первая, торжественная—въ церкви съ разными обрядами—для міра (pro foro exteriori), вторая, уединенная—для совѣсти (pro foro interiori), для чего потребовались десятидневныя молитвы и поклоны въ ближайшемъ монастырѣ кармелитовъ. Все это было выполнено Броннеромъ, но за то сколько упрековъ внутреннихъ долженъ былъ онъ сдѣлать себѣ за свое малодушіе и недостатокъ воли. И это тѣмъ было печальнѣе, что духовныя власти оставались не расположенными къ нему за отказъ отъ монашества.

Эта часть автобіографіи Броннера вводитъ насъ въ самую средину духовной жизни южной Германіи, въ самый разгаръ совершавшейся тогда борьбы стараго католичества и напирающей со всѣхъ сторонъ свободной мысли. И это происходило какъ разъ передъ секуляризаціей духовныхъ властей и епископствъ. Но эти отношенія слишкомъ далеки отъ насъ, имѣютъ свой спеціальный интересъ, да и трудно вообще разобраться въ этой подпольной борьбѣ строгихъ католиковъ, протестантовъ, скрытыхъ іезуитовъ, масоновъ, иллюминатовъ Одною изъ выдающихся личностей въ этой борьбѣ, часто

упоминаемой Броннеромъ, былъ сначала ингольштадтскій, а потомъ диллингенскій профессоръ Зайлеръ (1751 — 1832), напечатавшій множество сочиненій. Его лекціи слушалъ Броннеръ и довольно вѣрно, какъ свидѣтельствуетъ и Гервинусъ, сохранилъ его нравственный образъ. Его подозрѣвали въ связяхъ и съ протестантами и съ иллюминатами; между тѣмъ это былъ іезуитъ и въ своихъ лекціяхъ въ Диллингенѣ говорилъ противъ разума. Понятно, что Броннеръ, посреди окружающей его борьбы самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ интересовъ, долженъ былъ бояться всего и всѣхъ По опредѣленію духовныхъ властей, которому онъ безропотно подчинился, онъ долженъ былъ въ ноябрѣ 1786 году переселиться въ тотъ же Диллингенъ, гдѣ учился прежде, жить въ томъ же іезуитскомъ монастырѣ. Ему дали мѣсто помощника библіотекаря и заставили учиться исторіи, съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи времени онъ сталъ ея преподавателемъ. Такимъ образомъ всѣ данныя ему обѣщанія оказались ложными. Онъ весь во власти іезуитовъ, живетъ въ жалкой комнатѣ, собираетъ матеріалы, впрочемъ по собственному выбору, для исторіи императора Генриха IV и слушаетъ лекціи Зайлера. Къ довершенію непріятностей, его не только считаютъ, но и объявляютъ опаснымъ человѣкомъ, заставляютъ исполнять при епископѣ обязанности архидьякона или по цѣлымъ днямъ заниматься канцелярскою работою въ регистратурѣ. Только прогулки въ родной городокъ, свиданія въ немъ съ старымъ отцемъ и бѣдными родными, да нѣкоторыя любовныя похожденія, о которыхъ упоминаетъ онъ весьма скромнымъ образомъ, служили ему развлеченіемъ и нѣсколько смягчали его увѣренность, что онъ кругомъ обманутъ. Тогда вновь поднимается въ душѣ его, успокоивая и утѣшая, любимая мечта сдѣлаться пасторомъ, священникомъ на родинѣ.

Съ начала 1788 года Броннеръ опять въ Аугсбургѣ и въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Снова служитъ онъ въ церквахъ, визитируетъ съ епископомъ разные монастыри, въ томъ числѣ и женскіе, страдаетъ отъ недостатка денегъ и мучится канцелярскою работою въ регистратурѣ. Онъ продолжаетъ однако попрежнему писать стихи, гуляя по окрестностямъ; его бодрость поддерживаетъ переписка съ цюрихскими друзьями, сообщившими ему и печальную, вызвавшую въ Броннерѣ слезы горя, вѣсть о смерти столь любимаго имъ Геснера. Но кругомъ него было столько ханжества, вражды,

сплетенъ, что становилось невыносимо. Невольно возникало и росло въ душѣ желаніе жить подъ другимъ небомъ, „гдѣ меньше духовнаго гнета, гдѣ больше простора человѣческой мысли, гдѣ легче удовлетворяется и страсть къ наукѣ“. Какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Броннеръ снова рѣшается бѣжать, насильственно вырваться на свободу. Онъ уже все приготовилъ для бѣгства, уже уложился, но свиданіе съ отцомъ, которое онъ считалъ прощальнымъ, заставило его измѣнить намѣреніе. Онъ нѣжно любилъ отца: ему жалко было разстаться съ нимъ, остававшимся безъ всякой помощи и этотъ старикъ, строгій католикъ, убѣдилъ его, говоря, что „лучше терпѣть голодъ, чѣмъ жить въ лютеранской землѣ“.

Было трудно жить безъ средствъ и на католической родинѣ. Броннеру приходилось остаться вѣчнымъ писцомъ въ канцеляріи, получая 150 флориновъ въ годъ. И вотъ начинаются хлопоты, чтобъ добиться положенія сельскаго священника, съ доходомъ хотя бы въ 300 фл. въ годъ. Броннеръ разсчитывалъ, что служа только раннія обѣдни, онъ будетъ имѣть много свободнаго времени для научныхъ занятій Почти добился онъ исполненія этого желанія, какъ неожиданно другой, болѣе ловкій искатель, перебилъ у него мѣсто. Снова начинаетъ онъ хлопотать о beneficium, но для полученія прихода нужно было много заплатить въ Римѣ; самая низшая цѣна за beneficium была 127 скуди, а взять ихъ было не откуда И вотъ Броннеръ даетъ себѣ слово добиться этого права на приходъ (Habilitation) даромъ, „хотя бы весь Аугсбургъ и всѣ римскіе агенты были противъ него“. На этотъ разъ онъ выказалъ силу характера. Несмотря на то, что дѣло доходило до Рима, что папа сказалъ о Броннерѣ: tous ces moines apostates sont ou des fous ou des coquins“, Броннеръ, благодаря, можетъ быть тому, что добиваясь права на приходъ, искренно, въ глубинѣ души, сулилъ Ватикану, всѣмъ нунціямъ и кардиналамъ судьбу іерусалимскаго храма и его служителей, онъ добился своего: право на приходъ было получено; оставалось только указать на дѣйствительный beneficium, найти его. Сообщая всѣ подробности объ этихъ хлопотахъ, Броннеръ, вѣроятно для развлеченія читателя, проводитъ передъ нимъ цѣлый рядъ наивныхъ, иногда не совсѣмъ скромныхъ и часто забавныхъ встрѣчъ и отношеній своихъ съ разными Ленхенъ. Лизетами, Ленорами.

Около трехъ лѣтъ прожилъ еще Броннеръ въ тѣхъ же самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ, не имѣя силъ разорвать опутывавшія его узы и мало успѣвъ въ заботахъ объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія. Въ сентябрѣ 1789 г. онъ получаетъ мѣсто регистратора въ духовной канцеляріи; жалованье его увеличивается до 400 гульденовъ въ годъ, но за то автобіографія за это время наполняется постоянными жалобами на непріятную службу. Съ тяжелымъ чувствомъ говоритъ онъ, что принужденъ цѣлые дни возиться съ ворохомъ бумагъ, наполненныхъ юридически-каноническимъ безсмысліемъ, что не можетъ высказать ни одной здравой человѣческой мысли, что не имѣетъ права въ его положеніи издать свободно и смѣло написанную имъ книгу, иначе, какъ подъ чужимъ именемъ, что онъ, за массою ненавистной ему работы, не въ состояніи сколько нибудь удовлетворить томящую его жажду знанія. Къ службѣ своей онъ чувствуетъ полное отвращеніе; она въ совершенной дисгармоніи съ его убѣжденіями. Переписывая и регистрируя безчисленные акты въ своей канцеляріи, Броннеръ возмущается массою заключающихся въ нихъ несправедливостей, въ доказательство чего онъ передаетъ нѣсколько случаевъ. Служба отнимаетъ у него то время, которое онъ могъ бы употребить съ большею пользою для своего духовнаго развитія; усталый—вечеромъ онъ не способенъ ни на что. Только въ письмахъ своихъ къ цюрихскому другу, молодому Геснеру, звучатъ еще бодрыя ноты. Онъ сообщаетъ ему, что непріятная работа не задавитъ его духъ, увѣряетъ, что убѣжденія его по прежнему крѣпки, душа и смѣла и свободна, что не смотря ни на что, онъ не погибнетъ въ бездѣятельности, не подчинится силѣ гнетущихъ обстоятельствъ, подобно жалкому рабу. Изъ его словъ видно, что онъ много читаетъ, особенно философскихъ сочиненій. Съ трудомъ преодолѣваетъ онъ и усвояетъ себѣ философскія положенія „Критики чистаго разума“, но усвояетъ ихъ настолько, что по словамъ его, эти положенія развиваются имъ реально въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ написанныхъ имъ въ то время идиллій. Занимаясь, сколько возможно было, физикой и математикой, Броннеръ самъ изготовляетъ электрическую машину. Но постоянное желаніе его добиться какого нибудь небольшаго прихода или получить по крайней мѣрѣ мѣсто священника, служащаго раннія обѣдни (Frühmesserstelle), не приводится въ исполненіе. Настойчивость его вызы-

ваетъ неудовольствіе тѣхъ, къ кому онъ обращается Въ тяжелыя минуты онъ приходитъ въ отчаяніе, убѣждается, что онъ не дождется ничего въ Аугсбургѣ. Опять возникаютъ и растутъ въ головѣ его планы искать спасенія въ бѣгствѣ; но чѣмъ жить? на какія средства питаться? — эти вопросы останавливали его. Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней раздумья и отчаянія Броннеръ рѣшился испробовать ограничить свое питаніе хлѣбомъ и водою Послѣдствіемъ такого рѣшенія была сначала сильная слабость, а потомъ очень опасная болѣзнь, чуть не уложившая его въ гробъ. Во время этой болѣзни Броннеръ всего болѣе боялся католическаго священника, который придетъ его напутствовать. За то самъ онъ сочинялъ и записывалъ горячія и искреннія молитвы къ Богу, прося его, чтобы онъ вывелъ его изъ невыносимаго положенія. Выздоровленіе пришло скоро. Прогулки и стихи снова оживили его Въ это время, по желанію сына Геснера, для какого-то мецената. Броннеръ сталъ описывать событія своей жизни.

Между тѣмъ политическія событія времени, скоро измѣнившія государственный строй половины Европы, должны были измѣнить многое и въ томъ углу католической Германіи, гдѣ жилъ Броннеръ. Отзвуки французской революціи доносились сюда. Французы были уже въ Трирѣ. Кобленцскій курфирстъ бѣжалъ вмѣстѣ съ дворомъ своимъ въ Аугсбургъ. Мы говорили уже, на основаніи разсказовъ Броннера, какія партіи, какія идеи господствовали въ то время въ этомъ католическомъ германскомъ центрѣ. Впереди всѣхъ были іезуиты, по прежнему господствовавшіе, не смотря на декретъ папы объ уничтоженіи ордена. Во главѣ ихъ въ Аугсбургѣ стоялъ Зайлеръ, любопытный споръ свой съ которымъ записалъ Броннеръ. Повинуясь духу времени, передъ революціей, они, по его выраженію, надѣли тогда маску просвѣщенія. Они желали, и тѣмъ болѣе, что это было выгодно, идти за этимъ духомъ времени, представлялись свободно-мыслящими, или, употребляя тогдашнее выраженіе, aufgeklärt. Они, въ угоду неопредѣленнымъ стремленіямъ времени, вмѣстѣ со многими, занимались и алхиміей, работали и надъ Grand oeuvre. Источникомъ всей этой дѣятельности было конечно всегда присущее имъ стремленіе къ власти. Но революція принудила снять маску, открыла карты и они очутились въ весьма неловкомъ положеніи. Въ Аугсбургѣ, при дворѣ курфирста Кобленцскаго, всякое сочувствіе къ

пробужденному для новой политической жизни народу, отъ котораго и распространялись вліятельныя идеи времени, заподозривалось, считалось уже преступленіемъ. На французовъ смотрѣли какъ на хищныхъ звѣрей. Названія: свѣтлая голова, человѣкъ просвѣщенный, иллюминатъ, якобинецъ, бунтовщикъ, благодаря іезуитамъ, сдѣлались теперь синонимами.

Въ это замѣчательное для южной Германіи время, когда въ строго-католическую жизнь ея общества, особенно молодаго поколѣнія, проникали событія сосѣдней Франціи и сильно волнующія новыя идеи, порожденныя этими событіями, Броннеръ, увлекаемый этимъ движеніемъ, жалуется въ своей автобіографіи на то, что время его проходитъ только въ совершеніи обязанностей, въ силу которыхъ онъ не вѣритъ. Онъ разсказываетъ съ досадою, какъ приходится ему освящать на пасху яица, окорока, пироги и пр., на срѣтенье — восковыя свѣчи, въ день св. Іоанна—вино и т. д., 3 февраля, на память св. Блазія—„blaseln,“ т. е раздавать его дары (по Legenda aurea этотъ святой помогалъ въ болѣзняхъ горла), а въ среду на первой недѣлѣ великаго поста (Aschermittwoche) — посыпать подходящихъ къ нему въ церкви пепломъ. Особенно недоволенъ онъ католическимъ праздникомъ тѣла Господня, corpus Domini (онъ учрежденъ въ XIII вѣкѣ) Глубокій разладъ между его убѣжденіями и дѣятельностью сильно мучитъ его. Онъ искренно, горячо жалѣетъ о темномъ народѣ, его невѣжествѣ, объ обманѣ, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ его. Планы, такъ долго лелѣемые имъ—придти на помощь этому народу поученіемъ, сдѣлаться учителемъ и проповѣдникомъ, разбились о силу вещей, подобно планамъ фантазировавшей молочницы, по его собственному сравненію Онъ усердно готовится къ проповѣди, учится громко говорить, но цензура духовныхъ властей искажаетъ его проповѣди и его не часто пускаютъ на каѳедру. Его обязанности по службѣ въ канцеляріи возрастаютъ и не оставляютъ ему почти вовсе свободнаго времени для занятія наукою или поэзіей Онъ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ тайнаго секретаря, долженъ писать и переписывать всѣ тѣ акты духовные и бумаги Аугсбургскаго княжества, которыя власть считаетъ необходимымъ сохранить въ тайнѣ. Правда за это увеличеніе работы ему обѣщаютъ дать со временемъ приходъ, именно въ деревнѣ, какъ онъ всегда мечталъ, но время уходитъ и онъ скоро убѣждается, что ждетъ онъ напрасно, что его только обманываютъ.

Онъ скоро замѣчаетъ, что только самые плохіе студенты богословія назначаются сельскими патерами и получаютъ приходы, что духовная власть поступаетъ въ этомъ случаѣ систематически: надобно чтобъ народъ оставался въ прежнихъ мракѣ и невѣдѣніи.

По временамъ Броннеръ переодѣтый посѣщаетъ театръ, разсказываетъ нѣсколько забавныхъ случаевъ, дающихъ понятіе или о хитрости и злобѣ католическаго духовенства Баваріи или о глубокомъ невѣжествѣ, въ которое погруженъ простой народъ, описываетъ разныя встрѣчи, особенно съ женщинами: ими онъ увлекается по прежнему. Занимается онъ также механикой и подробно описываетъ придуманную имъ числительную машину для умноженія и дѣленія большихъ чиселъ. но настоящая, любимая имъ жизнь, вся проходитъ въ мечтѣ. Идеалъ его будущей жизни заключается въ твердомъ рѣшеніи ожидать успѣха и счастія только отъ самого себя, полагаясь исключительно на собственныя силы, ни отъ кого не зависѣть. И вотъ въ головѣ его ткутся различные планы о будущемъ: хочется жить бѣднымъ, но независимымъ. Увлекаясь чтеніемъ путешествій—а въ концѣ прошлаго вѣка ихъ появлялось много и они были любимымъ чтеніемъ—Броннеръ задумывается о томъ, гдѣ бы поселиться ему на будущее время, хотя любимою страною все же остается Швейцарія. Онъ составляетъ и записываетъ цѣлый планъ жизни *лѣснаго жителя* (Waldbewohner), нѣчто въ родѣ робинзонады, пишетъ подробный инвентарь всѣхъ условій подобной жизни, реестръ всего что нужно, перечисленіе всѣхъ родовъ будущей дѣятельности

Какъ и прежде, когда Броннеръ былъ монахомъ, такъ и теперь, и на этотъ разъ еще сильнѣе, сладкія мечты о свободной жизни и полной независимости отъ іерархическихъ оковъ, оживляются въ немъ съ каждымъ днемъ. Невыносимѣе съ каждымъ часомъ становится для него отправленіе обязанностей его сана и противорѣчіе послѣднихъ съ его внутренними убѣжденіями. Жизнь въ Аугсбургѣ особенно тяжела для него. здѣсь нѣтъ у Броннера ни одного близкаго человѣка, которому бы онъ могъ довѣриться. Кругомъ однѣ только интриги и сплетни лицъ при духовномъ дворѣ; всѣ эти лица хлопочутъ только о самихъ себѣ и подставляютъ ножку другъ другу. Скоро сознаетъ Броннеръ, что планъ его жизни въ лѣсу можетъ быть приведенъ въ исполненіе только въ самомъ крайнемъ случаѣ. При условіяхъ подобной жизни пришлось

бы забыть и о всякой наукѣ, отказаться отъ всѣхъ удобствъ, принести навсегда въ жертву независимости все, что пріятно и дорого человѣку И Броннеръ начинаетъ обдумывать новые планы будущаго: какъ сдѣлаться вполнѣ свободнымъ, какъ совсѣмъ перестать быть духовнымъ лицомъ. Событія французскаго переворота, происходившія такъ близко отъ него, имѣли могущественное вліяніе на образъ его мыслей. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ вліяніи:

«Сравнивая декреты и распоряженія представителей французскаго народа съ окружавшимъ меня іерархическимъ строемъ, враждебнымъ всякому прогрессу, я сознавалъ всю тягость моего положенія Читая газету, я узнавалъ, что силою декрета осуществляется напримѣръ такая новая идея, проведеніе въ жизнь которой считалось возможнымъ развѣ чрезъ двѣсти лѣтъ Сердце усиленно билось у меня и я благословлялъ страну, избранную провидѣніемъ поднять свой народъ свѣтомъ и силою разума на высшія ступени человѣческаго развитія Никому не навязываю я этихъ моихъ мыслей, но высказываю ихъ, какъ мое искреннее убѣжденіе. Тѣмъ, кто злорадно кричалъ о настоящихъ неудачахъ Франціи, или тономъ пророка сулилъ ей бѣдствія въ будущемъ, я отвѣчалъ: «Человѣкъ только что начавшій постройку дома, не долженъ требовать возможности жить въ немъ удобно, пока постройка доведена только до половины». Я чувствовалъ такое уваженіе къ новымъ французскимъ законодателямъ, что мнѣ и на мысль не приходило сомнѣваться въ здравомъ умѣ и честности хотя бы одного депутата. Любимою мечтою моею сдѣлалась жизнь въ этой свободной и счастливой странѣ. Какая отрадная перспектива развертывалась впереди! Передо мной лежала какъ бы только что открытая, неизвѣстная прежде страна, гдѣ каждому честному человѣку дозволено и думать, и писать, и дѣлать все что ему прилично, не опасаясь преслѣдованій или лишенія гражданскихъ правъ»

Броннеръ думалъ было сначала отправиться прямо въ Страсбургъ и принять тамъ присягу, требуемую новыми законами отъ каждаго священника и въ званіи prêtre assermenté учить истинѣ и добродѣтели, согласно внутреннему убѣжденію. Но при всей его увѣренности въ храбрости и патріотическомъ пылѣ столь любимыхъ имъ новыхъ республиканцевъ, онъ не могъ не опасаться, что нѣмцамъ удастся на нѣкоторое хотя бы время овладѣть Эльзасомъ и тогда его положеніе сдѣлалось бы затруднительнымъ Съ другой стороны онъ былъ справедливо увѣренъ, что и тамъ, во Франціи, духовныя лица несутъ такія же обязанности, какъ и въ южной Германіи. Онъ передумалъ и рѣшился остаться въ Аугсбургѣ пока не кончится война. Въ ожиданіи этого Броннеръ обратился къ механикѣ. Онъ остановился на усовершенствованіи ткацкаго станка и прядильной машины. Посѣщая аугсбургскихъ ткачей, Броннеръ убѣдился въ несовершенствѣ

производства и ему удалось, какъ онъ разсказываетъ съ восторгомъ, придумать особую, вполнѣ удобную прядильную машину. Въ чемъ состояло его изобрѣтеніе — изъ разсказа не видно, но изготовивъ модель, онъ убѣдился, что машина его будетъ стоить дорого.

У Броннера явилось тогда новое намѣреніе. Онъ рѣшилъ переселиться во Францію, къ которой направлены были теперь всѣ симпатіи его и заняться тамъ торговлею, не приводя однако въ исполненіе этого намѣренія пока не будетъ заключенъ миръ Явились между тѣмъ причины, которыя заставили его, не дожидаясь конца войны, рѣшиться на бѣгство. Слѣдя, подобно многимъ своимъ современникамъ, съ большимъ волненіемъ за событіями, особенно за совершающимися во Франціи, Броннеръ очень желалъ читать французскую газету и узнавать изъ нея свѣжія новости, но это было затруднительно. Читалъ онъ правда у своего начальника по духовной канцеляріи, намѣстника курфирста, французскій Монитёръ; онъ называлъ это чтеніе своимъ „демократическимъ праздникомъ“, но удавалось это ему рѣдко. Узнавъ, что въ одной изъ аугсбургскихъ кофеенъ получается „Страсбургскій Курьеръ“, онъ, хотя и переодѣтый (католическимъ духовнымъ запрещено было посѣщать кофейни, содержимыя лютеранами), сталъ приходить туда часто за свѣжими извѣстіями. Нѣкоторое время никто не замѣчалъ Броннера, но разъ изъ только что прочитаннаго извѣстія, что Лафатеръ въ Цюрихѣ говорилъ рѣзкую проповѣдь противъ французской республики и ея дѣйствій, въ кофейнѣ завязался оживленный общій споръ и Броннеръ принялъ въ немъ участіе тѣмъ болѣе, что изъ писемъ цюрихскихъ друзей своихъ зналъ подробнѣе о рѣчи Лафатера. Всѣ обратили на него вниманіе и очень скоро сдѣланъ былъ курфирсту доносъ о немъ, какъ о неблагонадежномъ человѣкѣ; обвиненіе заключало въ себѣ 4 пункта; на Броннера стали смотрѣть косо, обращались съ нимъ холодно и высокомѣрно, особенно ближайшій его начальникъ, намѣстникъ курфирста. Какъ разъ въ это время сдѣлались свободными два прихода, но Броннеру не только не дали одного изъ нихъ, а заставили еще писать его самого представленіе о передачѣ приходовъ другимъ лицамъ. Передъ нимъ открывалась непріятная перспектива сидѣть въ особомъ исправительномъ домѣ для духовныхъ лицъ, устроенномъ въ окрест-

ностяхъ Аугсбурга. Тогда только Броннеръ рѣшился немедленно бѣжать.

Какъ человѣкъ чрезвычайно точный и аккуратный, какимъ онъ оставался всю жизнь, Броннеръ строго обдумалъ свое намѣреніе. Для себя онъ написалъ весьма подробно всѣ основанія, которыя бы говорили и за и противъ его бѣгства, и долго разсуждалъ о каждомъ, пока не рѣшился Причинъ за бѣгство оказалось значительно больше; притомъ онѣ были полновѣснѣе Любопытно, что въ числѣ 11 основаній для бѣгства онъ записалъ и надежду испытать въ будущемъ радости супруга и отца. Но для этого надобно было совсѣмъ оставить духовный санъ и Броннеръ сознается, что это слѣдовало бы сдѣлать давно. Изъ причинъ, говорившихъ противъ бѣгства. одна и самая главная—покинуть безъ средствъ къ существованію своего стараго отца—была теперь устранена. Отецъ жилъ на общественный счетъ въ богадѣльнѣ; небольшой домъ свой онъ продалъ, имѣлъ такимъ образомъ деньги, да и сынъ разсчитывалъ посылать ему со временемъ. Но конечно главныя причины, заставившія его рѣшиться, носили вполнѣ нравственный характеръ. Это вопервыхъ страстное желаніе свободы: „serviat aeternum, qui timet esse liber“— говорилъ онъ себѣ и во вторыхъ глубокое сознаніе бездны, лежавшей между его убѣжденіями и житейскимъ положеніемъ. Броннеръ убѣдилъ себя, что онъ поступитъ гораздо честнѣе и нравственнѣе уходя, чѣмъ оставаясь на мѣстѣ И теперь, какъ и въ другихъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, онъ возсылаетъ самую искреннюю и теплую молитву къ провидѣнію и записываетъ ее.

Любовь къ свободѣ невольно указывала ему на Францію, гдѣ онъ рѣшился поселиться и конечно въ родственномъ Эльзасѣ. Не смотря на господствовавшую тогда въ южной Германіи ненависть къ этой странѣ и ея народу, Броннеръ горячо вѣритъ въ ея счастливое будущее. „Судьба Франціи не можетъ быть такъ печальна, какъ желаютъ того аристократы— говоритъ онъ. Было бы странно, еслибъ этотъ энтузіазмъ къ свободѣ и къ родинѣ, этотъ смѣлый полетъ духовныхъ силъ, въ соединеніи съ такимъ умомъ и военными способностями, не побѣдили бы въ концѣ концовъ. Явственно, что провидѣніе дозволило явиться такому великому событію предъ глазами изумленнаго міра не для пустой игры; это не ракета, которая подымается въ воздухъ, лопается съ трескомъ и исчезаетъ.

Въ событіяхъ заключается великое поученіе человѣчеству: ими подымается оно на высшую ступень развитія. Франція по всей вѣроятности не погибнетъ; но если и должно случиться самое худшее, если Эльзасъ будетъ отдѣленъ отъ нея, то у меня достанетъ храбрости раздѣлить судьбу моихъ свободныхъ согражданъ и удалиться въ другую свободную провинцію“ (III. 230). Но прежде Эльзаса Броннеръ рѣшилъ отправиться въ Швейцарію.

Не станемъ останавливаться на подробномъ описаніи его приготовленій къ бѣгству. Точный и осмотрительный. Броннеръ сдѣлалъ все съ своей стороны, чтобъ и приготовленія эти, и самое бѣгство окружены были глубокою тайною. Все это читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ описано весьма живо. Разныя препятствія, случайныя или подозрительныя встрѣчи, которыя могли бы задержать его или вовсе помѣшать бѣгству, все это изображено съ большимъ талантомъ. Онъ устроилъ всѣ свои дѣла, обратилъ въ деньги все, что только можно было, большую часть своей библіотеки и пожитковъ отправилъ впередъ чрезъ коммиссіонерскую контору, не возбуждая ни догадокъ, ни подозрѣній и для бѣгства выбралъ самое удобное время, когда и курфирстъ и соборный пробстъ Аугсбурга, въ прямой зависимости котораго онъ находился, уѣхали въ Мюнхенъ На прощаньи, которое теперь, онъ былъ увѣренъ, было окончательное, Броннеръ оставилъ два письма, копіи съ которыхъ онъ напечаталъ въ автобіографіи: одно, очень смѣлое, гдѣ онъ не стѣсняясь высказываетъ свои убѣжденія, находящіяся въ совершенномъ разладѣ съ тѣми, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ въ монастырѣ—къ курфирсту, другое, болѣе мягкое, но столь же ядовитое, полное личныхъ уколовъ—къ его намѣстнику. Броннеръ говоритъ, что онъ хотѣлъ щадить послѣдняго, потому что, не смотря на то, что тотъ постоянно обманывалъ его, онъ все же былъ ему обязанъ нѣсколько и даже нѣкоторое время жилъ въ его домѣ. Очень хотѣлось ему передъ отъѣздомъ издать анонимно написанное имъ въ видѣ пародіи, имѣвшей цѣлью взбѣсить католическое духовенство, сочиненіе: „Святыя аптеки въ окрестностяхъ Аугсбурга“, гдѣ осмѣивалось множество находящихся тамъ фиктивныхъ реликвій, помогающихъ въ самыхъ разнообразныхъ недугахъ, но почему-то однако раздумалъ это сдѣлать.

Снова, послѣ записаннаго имъ молитвеннаго обращенія къ провидѣнію, Броннеръ начинаетъ свое бѣгство 14 іюля 1793 года. На этотъ разъ путь его былъ нѣсколько восточнѣе, чѣмъ первый, но съ такими же опасеніями и предосторожностями, какъ и тогда. Теперь однако у него была опредѣленная цѣль: его манила страна, только что завоевавшая себѣ свободу и условія жизни въ ней. Прежде онъ бѣжалъ только отъ монашества, теперь отъ всего сознательно пережитаго и прочувствованнаго гнета іерархически-католическаго государства. Для Броннера уже перестала давно имѣть значеніе старинная нѣмецкая поговорка: „Unter Krummstabe ist gut zu wohnen“. Онъ весь проникнутъ революціонными идеями. При видѣ старыхъ рыцарскихъ замковъ, встрѣчающихся на пути, онъ высказываетъ ихъ: „Кому при взглядѣ на этотъ огромный дворецъ, представляющій такой сильный контрастъ съ бѣдными жилищами земледѣльца, не придетъ въ голову мысль о произволѣ и насиліи? Меня нисколько не удивляетъ, что при началѣ французской революціи крестьянинъ съ такимъ злорадствомъ жегъ замки. Великолѣпное зданіе казалось оскорбляло взоры бѣдняка: „на счетъ страны, на мой счетъ, изъ поту моихъ предковъ и частію моего, говорилъ онъ, выстроены эти твердыни насилія“. Въ другомъ мѣстѣ Броннеръ повторяетъ почти тоже самое о громадныхъ фабричныхъ зданіяхъ, пробуждающихъ такую же тяжелую идею о контрастѣ между роскошью фабриканта и нищетою рабочаго (III, 319).

Пользуясь аккуратно веденнымъ имъ дневникомъ, Броннеръ, какъ и въ первое время, очень подробно описываетъ путь свой. Часть его сдѣлалъ онъ пѣшкомъ, часть на лошадяхъ. Онъ записываетъ все, что сколько нибудь останавливало на себѣ его вниманіе, случайныя встрѣчи и приключенія. Дорога шла чрезъ Боденское озеро и по Альпамъ, не безъ опасности погибнуть въ ущельяхъ, чему онъ не разъ подвергался. Броннеръ шелъ бодро и весело, мечтая о будущей свободной жизни, въ началѣ пути боясь однако погони и весьма непріятно поражаясь, когда при случайныхъ встрѣчахъ люди узнавали въ немъ монаха или священника. Вздохнулъ онъ въ первый разъ свободно на границѣ аугсбургскаго духовнаго округа и съ глубокимъ чувствомъ радости вступилъ на почву Швейцаріи, которую онъ называетъ страною свободы и трудолюбія по преимуществу. Прелести горной природы, простая

жизнь швейцарскихъ пастуховъ и сыроваровъ, въ жилищахъ которыхъ ему приходилось останавливаться и подкрѣпляться для дальнѣйшаго пути,—все это прочувствовано его сердцемъ „Не говорите мнѣ, пишетъ онъ, что миръ идилій существуетъ только въ головѣ поэта: въ дѣйствительности онъ внѣ его; нужно владѣть только искреннимъ чувствомъ, да душею не усыпою, а открытою для всякаго явленія (III, 341).

Отслуживъ наканунѣ, противъ всякаго личнаго желанія, а по просьбѣ знакомыхъ женщинъ, въ окрестностяхъ Цюриха, послѣднюю свою обѣдню. Броннеръ пришелъ въ этотъ городъ 24 іюля, пробывъ въ дорогѣ десять дней. Первое посѣщеніе Броннера въ Цюрихѣ было въ домъ Геснера, того человѣка, который такъ обласкалъ его въ первый разъ. Этотъ столь прославленный въ XVIII вѣкѣ идилликъ былъ для него не только образцемъ въ поэтическомъ творчествѣ, но и вообще идеаломъ человѣка. Онъ называлъ его „поэтомъ невинности и природы". Вдова Геснера и сынъ его сердечно привѣтствовали бѣглеца Другіе цюрихскіе друзья, а ихъ было довольно много у Броннера, съ большою радостью обняли его. Все улыбалось ему. По его словамъ это было самое счастливое время его жизни. Все отправленное имъ изъ Аугсбурга, по адресу конторы извѣстнаго цюрихскаго издателя-книгопродавца Орелли, Броннеръ получилъ въ цѣлости. Нашелъ онъ скоро и удобное помѣщеніе. Устроивъ его по своему вкусу, онъ въ теплой молитвѣ выразилъ свою благодарность провидѣнію. „Меня упрекали, говоритъ онъ, что въ своей книгѣ я часто упоминаю о молитвахъ и привожу ихъ; но моя цѣль изобразить человѣка вполнѣ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ". Слова эти, по нашему мнѣнію, доказываютъ искренность его автобіографіи. Снова принимается Броннеръ за свои идиллии, весьма часто играетъ на скрипкѣ, стараясь, какъ говоритъ онъ, выразить въ звукахъ чувства своего сердца. Знакомыхъ у него было много; время незамѣтно проходило въ посѣщеніяхъ въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ; были и встрѣчи съ разными особами прекраснаго пола, описанныя, какъ и всегда Броннеромъ съ большими подробностями, съ цѣлью упомянуть о встрѣченныхъ имъ „моральныхъ опасностяхъ". Тогда же вышли въ свѣтъ два томика его Neue Fischergedichte und Erzählungen, за которые онъ получилъ отъ издателя ихъ Орелли очень хорошій, по словамъ его, гонораръ.

Прежде чѣмъ рѣшиться привести въ исполненіе свое намѣреніе отправиться во Францію, Броннеръ наводитъ справки. Кто-то изъ его друзей въ Стразбургѣ, на вопросы Броннера о поѣздкѣ, отговаривалъ его, но въ случаѣ настоятельнаго желанія, если онъ захочетъ быть священникомъ, совѣтовалъ обратиться къ епископу департамента Верхняго Рейна. Представленіе Броннера о присяжномъ священникѣ во Франціи было далеко отъ дѣйствительности. Онъ вообразилъ, что это идеальный учитель народа, что стоитъ только вести скромную и уединенную жизнь, учить народъ, согласно своимъ убѣжденіямъ, правдѣ, нравственности и добродѣтели, учить думать, и что въ этомъ будетъ состоять вся его служба, за что онъ будетъ получать и жалованье. Онъ былъ увѣренъ, что у него будетъ много свободнаго времени для изготовленія разныхъ машинъ для фабрикъ. Какъ только вышли въ свѣтъ его „сочиненія“, онъ написалъ въ Кольмаръ письмо къ епископу; въ немъ онъ откровенно высказалъ свои убѣжденія, восторгъ свой отъ революціи и свое пламенное желаніе сдѣлаться французскимъ гражданиномъ въ званіи священника, тождественномъ, по его мнѣнію, съ званіемъ учителя. Недавно изданный декретъ республики воспрещалъ, подъ угрозою смертной казни, переходъ французской границы всѣмъ иностранцамъ; но Броннеръ надѣялся, что онъ, какъ чтитель свободы, найдетъ въ этой странѣ и убѣжище и безопасность. Кольмарскій епископъ немедленно увѣдомилъ его, что послѣдній декретъ до него не касается, что онъ найдетъ мѣсто и совѣтовалъ торопиться. Нѣкоторые изъ цюрихскихъ друзей его, ближе знакомые съ обстоятельствами, предостерегали Броннера. Онъ написалъ другое письмо къ епископу съ разными вопросами и сомнѣніями, но всѣ они разрѣшены были епископомъ въ благопріятномъ смыслѣ. Онъ упрекалъ Броннера за недовѣріе, но послѣдняго повергъ снова въ недоумѣніе крестикъ, поставленный передъ подписью: онъ увидѣлъ въ этомъ крестикѣ пастырское благословеніе, которому не вѣрилъ и — задумался.

То было критическое время для новорожденной республики. Австрійскія войска проникли далеко въ Эльзасъ; Броннеръ легко могъ попасть къ нимъ въ руки; страна эта была разорена до нищеты, а союзники даже составили проектъ выморить ее голодомъ. Напрасно друзья его въ Цюрихѣ убѣждали его не оставлять этотъ городъ, нашли даже ему боль-

шую и пріятную для него работу: составленіе ученаго каталога предметовъ по естественнымъ наукамъ, пожертвованныхъ городу; напрасно секретарь французскаго посольства на отрѣзъ отказалъ ему въ выдачѣ паспорта въ Кольмаръ: ничто не могло побѣдить его рѣшимости. Броннеръ слишкомъ вѣрилъ въ храбрость французовъ и побѣду ихъ, а чтобъ не умереть съ голода, онъ забралъ съ собою нѣсколько современныхъ книгъ, въ которыхъ трактовалось о растеніяхъ, кореньяхъ, ягодахъ и грибахъ, годныхъ на пищу. Онъ думалъ вездѣ, въ лѣсу и въ полѣ и даже на улицѣ, найти свой столъ и взялъ между прочимъ съ собою „Аугсбургскую поваренную книгу“ съ тою цѣлью, чтобъ самому и готовить (списокъ всѣхъ этихъ очень полезныхъ для путешественника книгъ онъ напечаталъ, III, 458). Важнѣе всего однако было то, что онъ умѣлъ свой литературный гонораръ, состоящій изъ свѣтленькихъ луидоровъ, такъ ловко спрятать на себѣ, хотя прибѣгалъ для этого къ самымъ оригинальнымъ способамъ, что ихъ не нашли голодные французы на пограничныхъ таможняхъ.

Въ день своего рожденія (ему исполнилось тогда 35 лѣтъ), 23 декабря 1793 года, Броннеръ простился съ своими друзьями и, съ зонтикомъ въ рукѣ, съ новымъ республиканскимъ календаремъ и маленькимъ Эльзевиромъ, весьма похожимъ на католическій бревіарій (молитвенникъ), но заключающимъ въ себѣ стихотворенія Катулла, Тибулла, Проперція и Марціала въ карманѣ, да съ однимъ изъ руководствъ какъ различать съѣдобныя травы и коренья, однако безъ паспорта. Броннеръ отправился въ свое полное разочарованій путешествіе въ обѣтованную страну свободы. Часть пути, до Базеля, прошелъ онъ довольно благополучно, но хотя при встрѣчахъ, на задаваемые ему вопросы на счетъ его личности, Броннеръ вездѣ назывался „механикомъ изъ Аугсбурга“, всѣ принимали его за патера: „точно у меня на лбу написано, что я патеръ“ — говорилъ онъ. Первымъ дѣломъ его въ Базелѣ, чтобъ не походить на патера, было купить сѣрые чулки и свѣтлый галстухъ, но и это не помогло: такъ сильно вліяли и іезуитское воспитаніе, и жизнь въ монастырѣ, и многолѣтнія привычки. Въ Базелѣ же Броннеръ надѣялся выхлопотать себѣ паспортъ, но и это не удалось: его выдавали тогда только природнымъ швейцарцамъ. Онъ рѣшился идти на удачу

На границѣ, у французскихъ бараковъ, Броннера не пускаютъ дальше. Его цюрихскій паспортъ не дѣйствителенъ: онъ не визированъ французскимъ посланникомъ. Когда, обращаясь къ стражѣ съ просьбою о пропускѣ, онъ назвалъ присутствующихъ: meine Herren!, его называютъ „citoyen“ и объявляютъ ему, что всѣ клички и титулы упразднены во Франціи. Послѣ чрезвычайно строгаго осмотра въ таможнѣ, его ведутъ къ sous-général, который долженъ рѣшить его участь. Передъ этою республиканскою властью Броннеръ сильно оробѣлъ сначала, особенно потому, что не могъ бѣгло говорить по французски. Ему замѣтили, что „республиканцы ненавидятъ лицемѣріе и робость“ и позволили ему объяснить свои желанія на нѣмецкомъ языкѣ. Броннеръ держитъ цѣлую рѣчь. Въ ней горячо говоритъ онъ о своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ, о своемъ пламенномъ желаніи сдѣлаться французскимъ гражданиномъ, что для исполненія этого желанія онъ готовъ пѣшкомъ сходить въ Россію и обратно. Слова эти привели въ восторгъ присутствующихъ: „Écoutez, citoyens! n'est il pas enragé?“— говорили они, на что Броннеръ отвѣчалъ: „Heureuse la France! si ma rage aurait pris tous les français“. Слова эти были покрыты общими рукоплесканіями. Все это благопріятно подѣйствовало на генерала, но онъ замѣтилъ, что жалованья священника, не смотря на обѣщанія епископа, ему не дадутъ. Тогда Броннеръ заявилъ, что если ему и не дадутъ жалованья, то онъ готовъ все терпѣть, лишь бы только сдѣлаться французскимъ гражданиномъ, готовъ питаться одними кореньями и при этомъ указалъ на одно изъ своихъ руководствъ, какъ приготовлять ихъ въ пищу. Надъ такимъ рѣдкимъ энтузіастомъ посмѣялись, но паспортъ выдали ему, отказавшись даже отъ платы за него. Его предупредили однако, что онъ долженъ держаться прямой дороги въ Кольмаръ и не уклоняться отъ нея въ сторону, подъ угрозою гильотины.

Любопытно описаніе этого путешествія и первыхъ шаговъ Броннера въ странѣ, о которой онъ мечталъ. Ему встрѣчались новые люди: національные гвардейцы, якобинцы верхомъ въ своихъ колпакахъ, крестьяне, то громко, то въ полголоса жаловавшіеся на безбожіе и ужасы, распространяемые національнымъ собраніемъ. Гостинницы по дорогѣ были почти всѣ закрыты: ни нанимать прислугу, ни покупать припасы на ассигнаціи, сильно упавшія въ цѣнѣ, не было возмож-

ности. Въ одной изъ такихъ auberges, ея хозяинъ жаловался путешественнику, что ему съ семьей оставляютъ на пропитаніе самую малую, необходимую часть припасовъ, все остальное переписано, что заставляютъ продавать по таксѣ и притомъ на ассигнаціи. Когда онъ увидалъ у Броннера въ рукахъ звонкую монету, то угостилъ его и скорѣе и охотнѣе. Броннера поразило обращеніе солдатъ республики съ служанками въ auberge. „Гражданинъ! чему вы удивляетесь?—говорили ему: это современные нравы, общій обычай теперь, съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ церквей". „Конечно, размышлялъ онъ о католической Франціи: въ странѣ, гдѣ нравственность не усвоена сознательнымъ ученіемъ и наставленіемъ, гдѣ она не сдѣлалась достояніемъ сердца и убѣжденія, а была чѣмъ то побочнымъ при догматической религіи, гдѣ религія заключалась лишь въ обрядахъ и церемоніяхъ, въ такой странѣ и не могло быть иначе Какъ только эти обряды и церемоніи были упразднены декретомъ, а ихъ не трудно упразднить, должны были пасть и религія и нравственность. Только тамъ они не могутъ быть ничѣмъ искоренены, гдѣ они глубоко усвоены сердцемъ; тамъ только они одни могутъ спасти народъ отъ нравственной гибели".

И лично Броннеръ долженъ былъ испытать нѣсколько непріятностей. Кондукторъ дилижанса, присутствовавшій при его объясненіяхъ съ sous-général, увидавъ его за столомъ въ гостинницѣ, кричитъ хозяину: „гони его вонъ! Это попъ отступникъ и бѣшеный якобинецъ"! Въ другомъ мѣстѣ его назвали шпіономъ, а встрѣчная толпа, разглядѣвъ что на немъ не было республиканской кокарды, обозвала его „аристократическимъ животнымъ" и едва не прибила. Первымъ дѣломъ его въ Кольмарѣ было купить и надѣть трехцвѣтную кокарду. Дорога въ этотъ городъ была также полна множествомъ разочарованій для путешественника. Передъ нимъ развалины полевой часовни: распятіе и разбитые куски статуй святыхъ лежатъ въ мусорѣ. „Я не могу объяснить себѣ, говоритъ онъ, какимъ образомъ столь религіозный католическій народъ можетъ смотрѣть равнодушно на это разореніе дорогой для него святыни, не приходя въ негодованіе. Боюсь, что дѣло разума и свободы этимъ жестокимъ, страстнымъ нападеніемъ на народныя вѣрованія, потеряетъ все, тогда какъ оно выиграло бы отъ умѣренности". Броннеръ видѣлъ, какъ народъ, проходившій мимо, только вздыхалъ, поднималъ

къ небу глаза или съ горемъ отворачивался. Никто однако не выражалъ громко волнующія его чувства. всѣ боялись гильотины. Въ одной изъ гостинницъ, узнавъ, что Броннеръ патеръ, его гораздо лучше накормили.

Епископъ кольмарскій, на обѣщаніи котораго положился Броннеръ, былъ уже сѣдой, пожилой человѣкъ, но онъ оказался вполнѣ безсильнымъ и не имѣющимъ никакого значенія въ городѣ, гдѣ силу имѣли только республиканскія власти. Онъ передалъ Броннеру, что хотя большинство церквей и обращено теперь въ храмы разума, но есть еще и такія, въ которыхъ продолжается католическое служеніе; онъ высказалъ желаніе, чтобы Броннеръ былъ его помощникомъ и несъ всѣ обязанности патера. Онъ обѣщалъ ему даже постороннюю работу, съ платою за нее: разборъ старыхъ документовъ, доставленныхъ изъ упраздненныхъ монастырей и церквей. Эта перспектива не радовала Броннера; она слишкомъ не походила на составленный имъ себѣ идеалъ свободнаго учителя народа; онъ видѣлъ, что долженъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ amanuensis—рабомъ епископа. Къ счастью у этого послѣдняго не было власти привести въ исполненіе свои обѣщанія.

Между тѣмъ то, что Броннеръ видѣлъ въ Кольмарѣ (а записанное имъ весьма любопытно, представляя въ живыхъ образахъ тогдашнее революціонное движеніе), нисколько не успокоивало его, напротивъ того увеличивало его разочарованіе. На главномъ порталѣ кольмарскаго собора, огромными золотыми буквами на черной доскѣ находилась свѣжая надпись: Temple de la raison—и горькое чувство раздумья проникаетъ въ душу Броннера. Народъ идетъ въ этотъ храмъ не по убѣжденію, а изъ любопытства и по принужденію. Точно ли это храмъ разума, того разума, того естественнаго закона природы, о которомъ такъ много писали великіе современные учители? Можно ли силою декрета уничтожить вѣковыя предубѣжденія? Не падутъ ли вмѣстѣ съ ними и основы нравственности, на которыхъ они держались? Броннеръ сознается, что самъ онъ смотрѣлъ на этотъ храмъ косо и съ боязнью. По другую сторону собора кучка санкюлотовъ окружала. очень весело болтая, какой-то, деревянный помостъ, похожій на эстраду или сцену, окрашенную въ красную краску. Оказалось, что это гильотина. Ея столбы и орудіе увезли для казней въ сосѣдній городъ Роффахъ. Отвратительная машина, считавшаяся орудіемъ свободы, конечно

должна была еще усилить тягостное впечатлѣніе. Дальше, на довольно большой площади, передъ какою-то церковью, въ безпорядочную кучу сброшены были алтари, колонны, церковныя скамьи, статуи святыхъ, рамы священныхъ картинъ, исповѣдальни и пр. Все было разбито, разломано, но охранялось, какъ національная собственность, стражею изъ двухъ санкюлотовъ. Не понималъ Броннеръ какимъ образомъ народъ молча, безъ сопротивленія, позволилъ такое обращеніе съ его святынею. Большою дерзостью, чѣмъ-то очень жестокимъ казалось ему возбуждать со стороны власти ежедневно понятное недовольство народа этимъ зрѣлищемъ поруганія дорогихъ и священныхъ ему предметовъ Въ глубину души его проникалъ ужасъ.

Епископъ кольмарскій, не смотря на то, что онъ присягалъ конституціи, оказался, какъ узналъ Броннеръ, весьма интолерантнымъ. На праздникъ Рождества, послѣ долгихъ просьбъ духовенства, власти города позволили открыть для церковной службы іезуитскую церковь, съ тѣмъ, чтобъ ею воспользовались по очередно и католики и лютеране. Епископъ однако ни за что не хотѣлъ уступить лютеранамъ, согласиться съ ними въ часахъ службы. Это не понравилось свободно-мыслящему Броннеру и у него исчезла всякая охота служить съ нимъ Однако они попали вмѣстѣ въ comité du district. Одинъ изъ членовъ его насмѣшливо встрѣтилъ епископа, называя его citoyen и прямо объявилъ Броннеру, что онъ явился во Францію не во время, что дѣлать ему здѣсь нечего, такъ какъ попы упразднены, что самое лучшее воротиться ему въ Германію. Во время изслѣдованія побужденій, заставившихъ Броннера явиться въ Кольмаръ, нѣкоторые изъ членовъ заявили, что онъ былъ обманутъ, что надобно наказать обманщика епископа, взыскавъ съ него сумму издержекъ, употребленныхъ Броннеромъ на дорогу. Надъ нимъ смѣются, что онъ говоритъ о просвѣщеніи, а самъ выглядываетъ попомъ и вѣритъ глупому епископу. Отъ президента этого комитета его повели къ національному агенту; этотъ добродушно вошелъ въ его затруднительное положеніе, и узнавъ, что онъ писатель, предложилъ ему мѣсто переводчика на нѣмецкій языкъ французскихъ распоряженій правительства—въ городскомъ управленіи; но содержаніе переводчика оказалось слишкомъ недостаточнымъ. Когда въ комитетѣ выслушали новую рѣчь Броннера, въ которой онъ высказалъ свои респу-

бликанскія убѣжденія и свою любовь къ Франціи, ему было предложено мѣсто оратора въ храмѣ разума. Охотно соглашаясь на такое предложеніе, онъ высказалъ однако опасеніе, что поученія его едва ли будутъ въ духѣ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ теперь обученіе народа. „Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣтили ему: мы вамъ скажемъ чему учить“ Такая зависимость оратора показалась Броннеру хуже прежней цензуры его проповѣдей соборнаго пробста.

Для характеристики смутныхъ понятій окружающаго Броннера общества республиканцевъ въ Кольмарѣ очень любопытны его воспоминанія. Такъ, во время споровъ въ комитетѣ о Броннерѣ, одинъ изъ защищавшихъ его членовъ сказалъ: „Клянусь душею, онъ честный человѣкъ и патріотъ“. Другой членъ, по профессіи врачъ, немедленно останавливаетъ его за нереспубликанское выраженіе: „Душа, душа! человѣкъ есть матерія“! Въ свою очередь третій членъ комитета называетъ этого врача собакою, за то что онъ не признаетъ души. Во время этихъ споровъ о Броннерѣ, которые могли бы кончиться для него гильотиною, онъ сидѣлъ у окна въ другой комнатѣ и читалъ своего карманнаго Марціала. Эту книжку приняли за молитвенникъ и указали президенту. Дѣло разрѣшилось смѣхомъ и это спасло Броннера. Посѣтилъ онъ и „храмъ разума“. Все, что только могло напоминать прежнюю церковь и католическое богослуженіе, было выброшено. Тамъ, гдѣ былъ главный алтарь, возвышалась теперь сцена; на ней поднималась высокая, огнедышащая гора— олицетвореніе всемогущей якобинской *горы*. На ея склонѣ находились изображенія свободы и истины, нѣсколько ниже— храбрости и индустріи. Это были фигуры, расписанныя красками на доскахъ и вырѣзанныя. Можетъ ли эта театральная обстановка, спрашиваетъ себя Броннеръ, замѣнить для народа прежній алтарь? Здѣсь не было ничего, что говорило бы уму, сердцу, даже чувствамъ. На сцену выступило начальство департамента: разные чиновники въ якобинскомъ одѣяніи, въ трехцвѣтныхъ шарфахъ и повязкахъ. Заиграли трубы, флейты и органъ. Всѣ присутствующіе, подъ акомпаниментъ этой музыки, пропѣли марсельезу, каждая строфа которой заканчивалась веселымъ ça ira. Одинъ изъ республиканскихъ чиновниковъ сообщилъ со сцены извѣстіе о снятіи осады Тулона и другія политическія новости, за тѣмъ раздалъ печатные листки патріотическихъ пѣсенъ. Всѣ закричали: vive la ré-

publique или ça va и тѣмъ богослуженіе разуму кончилось.

Когда послѣ него Броннеръ отправился обѣдать къ тому кольмарскому гражданину, который звалъ его въ учители дѣтей своихъ. онъ увидѣлъ другія явленія. Дѣти молились Богу передъ обѣдомъ и послѣ него: были и другіе случаи религіознаго настроенія, подмѣченные имъ и прежде. И Броннеръ убѣдился. что все это невѣріе вокругъ него было напускное, что-то въ родѣ моды, которою хвастались и щеголяли передъ народомъ. Большинство атеистовъ, въ глубинѣ сердца, хранили наивную вѣру, какъ и ихъ жены; имъ хотѣлось щеголять только современнымъ образомъ мыслей, какъ это дѣлаютъ новички и выскочки Чуть они замѣтятъ, что новое для нихъ почему либо невыгодно, они возвращаются назадъ, къ вѣрѣ, внушенной имъ съ дѣтства. Это болтуны, пустомели. Все это приводило Броннера въ раздумье. За совѣтомъ пошелъ онъ къ Пфефелю (*), рѣшившись поступить такъ какъ онъ скажетъ Пфефель говорилъ ему о господствующемъ кругомъ хаосѣ. о невѣрности существованія; по его словамъ лучше жить милостыней въ Швейцаріи, чѣмъ оставаться въ Эльзасѣ. И Броннеръ рѣшился уйти. На прощаньи съ городомъ, онъ былъ въ засѣданіи amis réunis или якобинцевъ. но оно нагнало на него только скуку пустотою содержанія и произнесенныхъ рѣчей. Вечеромъ передъ „храмомъ разума", по случаю взятія Тулона, былъ разложенъ большой костеръ Нѣсколько паръ санкюлотовъ и женщинъ плясали вокругъ огня. Плясали и кричали они точно бѣшеные. Это напомнило Броннеру пляски дикихъ канадцевъ. Множество зрителей и зрительницъ этого дикаго веселья стояли на помостѣ гильотины, не чувствуя отвращенія къ страшной машинѣ. Кругомъ гремѣла музыка и раздавались патріотическіе гимны.

На другой день, очень холодно простившись съ епископомъ, виновникомъ его неудачнаго посѣщенія Франціи, Броннеръ отправился обратно тою же дорогою, хотя едва добился

(*) Это былъ нѣмецкій поэтъ, кольмарскій уроженецъ (1736—1809), довольно извѣстный въ нѣмецкой литературѣ прошлаго вѣка, какъ авторъ басенъ, сказокъ и театральныхъ пьесъ. Ослѣпши въ очень молодыхъ годахъ, онъ работалъ много и былъ даже практически дѣятеленъ: такъ имъ основана была въ Кольмарѣ военная школа, упраздненная во время революціи Пфефель, хотя и не былъ въ связи съ нѣмецкими писателями, но въ Кольмарѣ пользовался общимъ уваженіемъ Gervinus, Gesch. d. deutschen Dichtung, IV, 99.

пропуска Это возвращеніе описано уже очень кратко и самое любопытное и забавное въ немъ—разсказъ о томъ, какъ онъ умудрялся скрыть отъ голодныхъ французовъ свои лундоры. Глубокая радость проникла въ его душу, когда онъ вступилъ въ предѣлы Швейцаріи. „Я, какъ Улиссъ, говоритъ онъ, готовъ былъ пасть ницъ и цѣловать почву этой мирной страны". Но Францію онъ любилъ, жалѣлъ о ней Явленіе противоположнаго порядка съ тѣмъ что онъ видѣлъ въ Кольмарѣ, поразило его въ небольшомъ пограничномъ городкѣ Меллингенѣ, гдѣ онъ ночевалъ. Здѣсь, въ гостинницѣ, онъ встрѣтилъ большую толпу эмигрантовъ, украшенныхъ орденами и крестами, епископовъ, маркизовъ, кавалеровъ ордена св. Людовика Броннеръ видѣлъ, какъ они шли къ обѣденному столу, строго соблюдая ранги и достоинство, какъ они садились за столъ съ разными церемоніями. Поразилъ его ихъ разговоръ, ихъ сплетни. „Бѣдная Франція! писалъ онъ. Если бъ на эту страну ниспала хотя бы тысячная доля тѣхъ бѣдствій, которыя эти французы сулили и пророчили ей, забывая, что говорятъ о своей родинѣ, то междоусобія, убійства, война, голодъ, моръ и прочія бѣдствія давно должны бы были обратить ее въ пустыню".

Въ первыхъ числахъ января 1795 года Броннеръ воротился въ Цюрихъ изъ своего неудачнаго путешествія въ обѣтованную землю свободы Сердце его сжималось въ ожиданіи насмѣшекъ и упрековъ, но все обошлось благополучно: друзья, ему преданные, встрѣтили его ласково. Свою жизнь устроилъ онъ въ Цюрихѣ такъ, что скоро сталъ вполнѣ ею доволенъ, тѣмъ болѣе, что и работа нашлась по душѣ. Это было описаніе предметовъ естественно-историческаго собранія, принадлежащаго городу. Вскорѣ потомъ онъ сдѣлался редакторомъ цюрихской газеты, издаваемой Орелли; нашлись и другія литературныя занятія, такъ что существованіе его было довольно обезпечено, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ былъ бережливый и неприхотливый

На началѣ этой цюрихской жизни прерывается автобіографія Броннера (послѣдній томъ ея вышелъ въ 1797 году). Желаніе познакомиться съ этою оригинальною личностью, которой предстояла довольно значительная дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ, заставила насъ изложить его подробный разсказъ. Останавливаясь на главныхъ событіяхъ его жизни, мы старались указать и на его внутреннее развитіе

и на его приготовленіе къ научной дѣятельности. Не смотря на все желаніе наше быть краткимъ по возможности (болѣе полуторы тысячи страницъ текста мы изложили на 36 страницахъ), разсказъ нашъ о Броннерѣ вышелъ изъ намѣченныхъ нами рамокъ. Мы смотримъ однако на трудъ нашъ, какъ на матеріалъ для будущихъ историковъ русскаго просвѣщенія, а потому намъ казалось, что передача автобіографіи Броннера заключаетъ въ себѣ и общій интересъ Это весьма оригинальная, мало извѣстная, притомъ глубоко-искренняя личность Весьма жаль, что у насъ нѣтъ никакихъ записанныхъ Броннеромъ подробностей о его казанской жизни, кромѣ журналовъ, веденныхъ имъ о поведеніи студентовъ и кандидатовъ При его наблюдательности и внимательномъ отношеніи къ окружающему, у насъ въ рукахъ были бы драгоцѣнные матеріалы. Въ концѣ третьей части Броннеръ даетъ торжественное обѣщаніе не продолжать далѣе своей автобіографіи. „Четвертая часть никогда не появится"—говоритъ онъ. Это потому, что по его убѣжденію, о близкомъ и новомъ нельзя писать откровенно. По его сравненію, разсказы о современникахъ, съ которыми живешь въ одномъ мѣстѣ, похожи на портреты, висящіе въ школьномъ помѣщеніи: рѣзвыя дѣти бросаютъ въ нихъ шарики изъ жеванной бумаги, пририсовываютъ къ нимъ усы, чубуки, носы. Фигуры не могутъ остаться въ первоначальномъ видѣ. Броннеръ поэтому боится, что хорошіе люди мало будутъ имѣть охоты водить дружбу съ человѣкомъ, который вздумаетъ показать свѣту ихъ дѣйствія и мнѣнія, можетъ быть въ превратномъ видѣ.

По „безпристрастнымъ наблюденіямъ надъ самимъ собою", по его собственнымъ словамъ, мы можемъ возстановить нравственную и духовную личность Броннера. Это человѣкъ, въ которомъ воображеніе пересиливаетъ прочія душевныя силы. Боязнь людей, заставившая его идти въ монахи; ревность, принудившая его къ бѣгству; любовь къ житейскимъ удобствамъ, воротившая его вновь въ духовное званіе; страсть къ изобрѣтенію разныхъ машинъ, — ей не давало простора это званіе,—возбудившая въ немъ смолкнувшее чувство свободы,— все это усиливалось отъ преобладанія воображенія. Лучшимъ внутреннимъ качествомъ своимъ Броннеръ считаетъ твердую волю; отсюда его упорство, постоянство въ дѣйствіяхъ. Эти свойства были воспитаны іезуитскимъ монастыремъ, его жестокою, рабскою системою. Но какою соб-

ственно наукою интересовался Броннеръ больше всего—изъ его автобіографіи мы не видимъ. Онъ самъ разсказываетъ, что въ заботахъ о развитіи разума, онъ долженъ былъ переходить отъ одной науки къ другой: отъ занятій словесностью къ математикѣ, потомъ къ философіи, исторіи, богословію и юридическимъ наукамъ; наконецъ къ механикѣ, минералогіи, химіи, вообще къ естествознанію. И все это большею частью по чужимъ указаніямъ, безъ строгой подготовки и системы. Такая пестрота занятій должна была помѣшать основательности его свѣдѣній. Сознается онъ съ болью въ сердцѣ и въ томъ, что много времени и дѣятельности онъ растратилъ прежде на занятія, которыя кажутся ему теперь пустыми. Это были его „идилліи“; онъ говоритъ о нихъ, что онѣ вполнѣ безполезны, и въ послѣднее время уже никакъ не могли возбуждать интересъ своимъ содержаніемъ.

О нѣсколькихъ годахъ, проведенныхъ Броннеромъ въ Цюрихѣ, послѣ неудачнаго путешествія во Францію, у насъ вовсе нѣтъ свѣдѣній. Долго ли издавалъ онъ цюрихскую газету—мы не знаемъ. Дѣло приведенія въ порядокъ и составленія описанія цюрихскаго музея, исполненное Броннеромъ по порученію городскихъ властей, помогло ему, какъ намъ кажется, составить и свое собственное собраніе естественно-историческихъ предметовъ, проданное имъ потомъ Казанскому университету. Въ 1802 году его положеніе упрочилось. Въ этомъ году кантонъ Аарау основалъ у себя школу нѣсколько выше средней, и Броннеръ получилъ въ ней мѣсто преподавателя математики и физики. Въ этомъ званіи онъ оставался семь лѣтъ до того времени, какъ рѣшился переѣхать въ Казань. По словамъ его перваго латинскаго письма къ Румовскому, писаннаго 10 сентября н. с. 1809 года (первое приглашеніе черезъ Бартельса, о которомъ мы говорили выше на стр. 186, въ 1806 году, не имѣло почему-то послѣдствій), видно, что Броннеръ преподавалъ тамъ, въ кантональной школѣ, не одни первоначальныя только основанія математики, знакомилъ учениковъ не съ легкими только опытами физическими; по его словамъ, ученики Ааравской школы были знакомы съ анализомъ, съ обѣими тригонометріями, съ исчисленіемъ кривыхъ и вообще съ законами механики и „натуральной философіи“. Это даетъ намъ очень неопредѣленное представленіе

о преподавательской дѣятельности Броннера въ школѣ, но онъ увѣряетъ, что ученики ея съ успѣхомъ оканчивали курсъ въ нѣмецкихъ университетахъ и во французскихъ военныхъ училищахъ Броннеръ считаетъ себя однако вполнѣ достойнымъ занять каѳедру физики, а въ особенности математики, въ университетѣ, о чемъ и обращается съ просьбою къ попечителю, упоминая о томъ, что онъ слышалъ о жалованьи профессора: „cui muneri annuos reditus duorum millium aureorum Rossicorum (vulgo Rubel“) и сверхъ того о квартирныхъ. Имѣя значительную библіотеку, большія, по его словамъ, собранія физико-математическія и естественно-историческія, онъ просилъ и о денежномъ пособіи для перевозки ихъ въ далекій городъ, „sub plagam coeli adeo remotam“. Въ заключеніе письма Броннеръ представляетъ списокъ своихъ сочиненій, какъ печатныхъ (всѣ они литературнаго содержанія), такъ и рукописныхъ. Между этими послѣдними (они не были и потомъ напечатаны), кромѣ двухъ историческихъ: „Объ обращеніи саксовъ въ христіанство Карломъ В.“ и „Исторіи церкви и воспитанія во время швейцарской революціи 1798 — 1803 г.г.“ (только собраніе матеріаловъ), мы встрѣчаемъ и учебники: алгебры, геометріи, тригонометріи, физики и прикладной математики. Неизвѣстно на сколько все это было обработано.

Очень скоро, какъ это было въ его привычкахъ, по полученіи этого письма, Румовскій, полагаясь конечно больше всего на рекомендацію уважаемаго имъ Бартельса, представилъ министру народнаго просвѣщенія объ утвержденіи Броннера на вакантную каѳедру физики (занимавшій ее Запольской, умершій въ слѣдующемъ году, долженъ былъ перейти на каѳедру философіи) на тѣхъ условіяхъ, какія онъ выставилъ въ своемъ письмѣ. На путевыя издержки отъ Аарау до Казани, „чтобъ не упустить случая къ пріобрѣтенію столь достойнаго и опытнаго профессора“, Румовскій просилъ выдать 1400 рублей ассигнаціями. Министръ изъявилъ согласіе, о чемъ Броннеръ былъ немедленно увѣдомленъ. Но почтовыя сообщенія въ тѣ годы были медленны. По точному разсчету Броннера, письмо изъ Петербурга въ Аарау приходило на сороковой день. Только 2 февраля н. с. 1810 года Броннеръ увѣдомилъ Румовскаго, что онъ съ глубокою радостью и благодарностью принимаетъ предложенную ему каѳедру теоретической и опытной физики, что постарается какъ можно ско-

рѣе освободиться отъ своихъ обязанностей въ Швейцаріи и начнетъ немедленно укладывать свои собранія, но онъ долженъ подчиниться общему уставу аарауской школы: каждый преподаватель ея, въ случаѣ намѣренія выйти въ отставку или перейти на другое мѣсто, обязанъ увѣдомить о томъ начальство за четверть года впередъ, а потому онъ не можетъ выѣхать ранѣе конца мая мѣсяца Условіе полученія имъ подъемныхъ денегъ на переселеніе въ Казань, сообщенное ему Румовскимъ, по которому онъ долженъ возвратить сполна всю выданную ему сумму, если задумаетъ оставить службу до истеченія двухъ лѣтъ, нисколько не смущаетъ Броннера. „Я намѣренъ совершенно поселиться въ Казани, пишетъ онъ, и, если выдержитъ мое здоровье, остаться тамъ навсегда". Хотя Броннеру шелъ тогда 52 годъ, но онъ считаетъ себя вполнѣ крѣпкимъ, „viribus adhuc vigentibus", и утѣшается тѣмъ, что можетъ наконецъ посвятить всѣ свои силы одной опредѣленной дѣятельности и въ ней сдѣлать что нибудь достойное общаго одобренія. Не смотря на предостереженія своихъ цюрихскихъ друзей, на разныя запугиванія о низкомъ курсѣ нашего рубля, о затрудненіяхъ по поводу военныхъ событій того времени, Броннеръ твердо рѣшился и проситъ только выслать ему 500 р. впередъ и паспортъ (*). Только въ началѣ іюня Броннеръ получилъ отвѣтъ на это письмо, вексель на 500 р. и паспортъ, такъ какъ попечитель долженъ былъ еще вести предварительную переписку съ разными вѣдомствами. Всего болѣе безпокоился онъ о своихъ книгахъ, разныхъ естественно-научныхъ предметахъ и вещахъ для домашняго употребленія. Изъ переписки видно, что онъ, какъ человѣкъ аккуратный и домовитый, весьма заботился о своемъ имуществѣ Немедленно были отправлены чрезъ Лейпцигъ, на границу въ Мемель, четыре большіе и тяжелые ящика, вѣсомъ 18 центнеровъ; за ними, послѣ его отъѣзда, должны были слѣдовать и другіе. „О, какъ тяжело,

(*) Любопытно что Броннеръ проситъ обозначить въ паспортѣ, что ѣдетъ *съ женою и служанкою* («имя послѣдней я не могу еще назвать, пишетъ онъ, такъ какъ не знаю еще кто рѣшится ѣхать съ нами въ такую даль») Едва ли впрочемъ можно утвердительно сказать, что Броннеръ былъ женатъ: по всей вѣроятности онъ только собирался «испытать радости супруга и отца»—по его выраженію, но это ему не удалось. Семейная жизнь осталась несбывшеюся мечтою И въ Петербургъ, и въ Казань онъ пріѣхалъ одинъ, и мы не встрѣтили указанія, что онъ былъ женатъ. Во всѣхъ бумагахъ и въ формулярныхъ спискахъ онъ значится холостымъ.

пишетъ онъ, продавать за ничтожную цѣну многое, что было собрано годами, отказываться отъ разныхъ мелкихъ, но необходимыхъ и полезныхъ вещей и разрывать давнія и дорогія связи! Я беру съ собою только десятую часть того, что имѣю. И пересылка того, что я отправляю изъ моихъ вещей, не смотря на все желаніе ограничить себя, какъ можно болѣе, будетъ стоить очень дорого, такъ что я опасаюсь какимъ образомъ устроюсь я по пріѣздѣ въ Казань". Въ этомъ „лабиринтѣ страховъ" онъ возлагаетъ всю надежду на доброе участіе къ нему попечителя.

Только 1 сентября пріѣхалъ Броннеръ въ Петербургъ, и съ этого числа былъ утвержденъ въ должности. Поѣздка стоила дорого; оказалось, что ассигнаціонный рубль по тогдашнему курсу стоилъ менѣе полтины, и денегъ не доставало, а сухопутный фрахтъ неимовѣрно дорогъ. Румовскій, сознавая это, выхлопоталъ у министра прибавку къ суммѣ, отпущенной на подъемъ, въ количествѣ 350 рублей, чѣмъ Броннеръ остался очень доволенъ. Вещи и книги, отправленныя имъ изъ Аарау, пришли гораздо позже, въ то время какъ онъ уже былъ въ Казани. Уѣзжая, онъ далъ довѣренность получить ихъ изъ таможни самому попечителю, такъ какъ знакомыхъ въ Петербургѣ у него не было никого. Каждый профессоръ пользовался правомъ привезти безпошлинно изъ заграницы вещей на 3 т р., но ящики Броннера не были оцѣнены, а потому таможня не выдавала ихъ. Рѣшено было, снова послѣ долгой переписки, чтобы таможня отправила ихъ за своею печатью въ Казань, гдѣ они и будутъ осмотрѣны членами мѣстнаго магистрата.

Полученіе вещей, отправленныхъ Броннеромъ изъ Швейцаріи, сильно замедлилось, и эта медленность, огорчавшая его чрезвычайно, доводившая его почти до отчаянія, вызвала обширную переписку его съ попечителемъ. Въ Казань онъ пріѣхалъ 12 октября, а въ половинѣ февраля слѣдующаго 1811 года ящики еще не были получены. Основываясь на §§ IX и XV Высочайшей утвердительной грамоты Казанскаго университета, которыми все получаемое изъ за-границы для университета и его научныхъ цѣлей, или привезенное или выписанное оттуда приглашеннымъ профессоромъ на сумму не свыше 3 т. р. не подлежитъ обложенію пошлиной, не вскрывается въ таможняхъ, а лишь на мѣстѣ, въ присутствіи членовъ магистрата, и поручивъ полученіе своихъ ящи-

ковъ Румовскому, какъ попечителю университета, Броннеръ былъ совершенно спокоенъ за ихъ судьбу. Вещи, какъ писалъ Румовскій, получены уже въ Петербургѣ; Броннеръ ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ, надѣясь что по хорошему зимнему пути онѣ скоро прибудутъ въ Казань и вмѣсто того, изъ письма попечителя, онъ узнаетъ, что онѣ не отправлены далѣе и находятся въ Петербургѣ третій мѣсяцъ. Въ Казань, не желая медлить, пріѣхалъ онъ, по словамъ его, налегкѣ, съ однимъ дорожнымъ мѣшкомъ, живетъ онъ неудобно, терпитъ много лишеній, въ надеждѣ скораго прибытія своего имущества. „И вотъ, въ Петербургѣ, въ безопасной такъ сказать гавани, послѣ множества приплатъ, вся моя надежда рушится“. Онъ упрекаетъ попечителя: за чѣмъ онъ не объявилъ на таможнѣ, что ящики принадлежатъ университету, какъ это недавно было сдѣлано для вещей профессора Эрдмана, за чѣмъ онъ не принесъ жалобы на таможню, вскрывшую ящики даже въ отсутствіе Румовскаго и нарушившую такимъ образомъ университетскія права, зачѣмъ онъ довелъ его „до несчастія потерпѣть убытки и быть обокраденнымъ“ Съ горькимъ чувствомъ пишетъ онъ: „Мои лучшіе физическіе и математическіе инструменты, прекрасныя, съ трудомъ пріобрѣтенныя карманныя изданія классиковъ, какихъ теперь и купить нѣтъ возможности, много небольшихъ непробованныхъ и вывѣренныхъ физическихъ инструментовъ, напр. два термометра, два ареометра, вѣсы, масштабы, мѣдный инструментъ для землемѣрія, манускрипты, корреспонденція, все новое бѣлье, двѣ постели, нѣсколько предметовъ домашняго хозяйства, платье и пр.,—все это въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отдано на произволъ таможенныхъ чиновниковъ! Изъ письма в. п. я вижу, что вы не позаботились даже приказать запаковать мои ящики, а между тѣмъ требуете, чтобы я прислалъ вамъ реестръ всего въ нихъ заключающагося, но къ чему—развѣ для того, чтобъ знать потомъ чего недостаетъ. Какъ печальна участь честнаго человѣка, отдавшаго свою собственность въ руки отечески расположеннаго къ нему защитника и попечителя и убѣдившагося, что не смотря на эту защиту, у него могутъ быть похищены лучшія вещи. Много ночей не сплю я отъ этого печальнаго извѣстія“. Его инструменты, вещи столь дорогія ему, представляются ему разбитыми, разграбленными, не смотря на тройные крѣпкіе, швейцарскіе замки, которыми онъ снабдилъ свои сундуки. Они конечно

должны быть сломаны. „Поспѣшите, на сколько можете обращается Броннеръ къ попечителю, выр.ать хотя бы остатки изъ рукъ таможенныхъ гарпій. Большое счастье для меня, что мои минералы и дорогія раскрашенныя гравюры естественно-историческихъ предметовъ, не были мною отправлены и остались пока въ Швейцаріи Весь гонораръ, полученный за мое послѣднее сочиненіе, состоящее изъ 5 листовъ, я употребилъ на покупку книгъ по физикѣ, чтобы имѣть въ далекой Казани научныя пособія: все уложено было въ два сломанные теперь сундука. Кто знаетъ, какія воровскія руки завладѣли моимъ добромъ? Плоды заботъ многихъ лѣтъ по всей вѣроятности погибли". Посылая списокъ того, что находится въ сундукахъ, вскрытыхъ таможнею, Броннеръ говоритъ, что изъ этого списка можно видѣть, что его вещи не представляютъ ничего недозволеннаго, что всѣ онѣ, посредственно или непосредственно, служатъ къ пользѣ университета, но онъ опасается, что будетъ пропущено время, удобное для отправки сундуковъ въ Казань, что скоро можетъ настать распутица.

Вещи и сундуки Броннера дошли до Казани только въ послѣднихъ числахъ марта и опасенія, что они пострадаютъ отъ весенней распутицы, оправдались въ нѣкоторой степени. Броннеръ жалуется, что при свидѣтельствѣ этихъ вещей его, было поступлено гораздо строже, чѣмъ было съ другими профессорами въ подобныхъ случаяхъ Прежде просили только отпереть сундуки въ присутствіи магистратскаго чиновника, съ профессорами обращались учтиво и любезно, только съ нимъ почему-то съ особою строгостью, на его вещи смотрѣли какъ на контрабанду. Пришлось трое сутокъ ждать законнаго осмотра. Полицейскіе чины, два магистратскихъ чиновника, секретарь, депутатъ отъ университета, понятые (послѣдніе въ качествѣ оцѣнщиковъ) собрались въ его квартирѣ. „Вскрывали сундуки, разбирали и разсматривали все, составляли реестръ всего до самыхъ незначительныхъ мелочей, торговцы мяснаго ряда были приглашены для оцѣнки книгъ и инструментовъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ, и такъ какъ они ничего не смыслили, то я вынужденъ былъ, хотя мнѣ это было весьма непріятно, помогать имъ, чтобъ только кончить скорѣе. Меня мучили два дня". Одинъ изъ сундуковъ не былъ вскрытъ на таможнѣ, но половина вещей, въ немъ заключавшаяся и большое количество книгъ испорчены. Въ другомъ, вскрытомъ въ Петербургѣ, все было подложено, смерз-

лось, представляло массу чего-то съ трудомъ раздѣлимаго; все было сложено кое-какъ, не такъ, какъ укладывалъ самъ Броннеръ; многихъ предметовъ значительной цѣнности, обозначенныхъ въ его реестрѣ, на лицо не оказалось. Въ теченіе двухъ недѣль не могли быть вполнѣ просушены книги. „Кромѣ продолжительнаго и тягостнаго ожиданія моихъ вещей, писалъ Броннеръ къ попечителю, я несу чувствительный для меня убытокъ и я могъ бы имѣть полное право на вознагражденіе со стороны господъ, причинившихъ его, но не желаю портить процессомъ начало моей службы“ (Румовскій писалъ ему, что онъ можетъ жаловаться судебнымъ порядкомъ). „Лучше перенести съ покорностью убытокъ, чѣмъ приносить безполезную жалобу суду. Большая часть книгъ можетъ быть высушена и исправлена“. Онъ проситъ поэтому попечителя сообщить министру финансовъ, что онъ не имѣетъ намѣренія искать чего либо съ таможенныхъ чиновниковъ, причинившихъ ему столько горя, заботъ и убытковъ, хотя съ своей стороны онъ нравственно убѣжденъ въ похищеніи весьма дорогихъ предметовъ, напр. футляра съ прекрасными математическими инструментами и пр. составлялъ онъ свой реестръ вещей только по памяти и очень возможно („только возможно, а не вѣроятно“ — оговаривается онъ), что онъ и ошибся. Все, что писалъ Броннеръ къ попечителю о состояніи вещей, полученныхъ имъ изъ петербургской таможни, подтверждаетъ также и Яковкинъ въ своемъ письмѣ. „Многія вещи раскрадены видно въ таможнѣ; многія дорогія книги подмочены; главнѣйше же состоятъ въ математическихъ инструментахъ и книгахъ“ (4 апр 1811 г.) Какъ бы то ни было, половину своего домашняго и ученаго имущества Броннеръ получилъ наконецъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ; въ Швейцаріи оставалось еще многое, тоже упакованное имъ самимъ и приготовленное къ отправкѣ. На эту отправку у него недоставало денегъ, и мы увидимъ, какъ съ помощью энергіи и настойчивости, онъ добился ихъ.

Свой собственный путь до Казани Броннеръ совершилъ весьма удачно. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ подробностей, какъ онъ ѣхалъ Зная его любовь къ описанію видѣннаго и испытаннаго на пути, любовь развернувшуюся такъ широко въ его автобіографіи, мы имѣли бы право ожидать, что и этотъ путь по странѣ ему вполнѣ незнакомой, любопытной для него во многихъ отношеніяхъ, путь, которымъ онъ былъ вполнѣ

доволенъ, описанъ имъ съ такими же подробностями. И дѣйствительно есть свидѣтельство его самого, что онъ записывалъ свои дорожныя впечатлѣнія (*). Сохранилось ли это описаніе— не знаемъ, но сколько намъ извѣстно, въ печати оно не существуетъ. Изъ писемъ Румовскаго видно, что Броннеръ поѣхалъ водою въ Казань въ сопровожденіи какого-то казанскаго купца. бывшаго по дѣламъ въ Петербургѣ, о которомъ писалъ къ нему Бартельсъ. Въ домѣ этого купца онъ и остановился на первый разъ. Въ Казань пріѣхалъ онъ 12 октября Предувѣдомленный о пріѣздѣ его Яковкинъ помогъ ему устроиться, а дружески расположенный къ нему Бартельсъ поспѣшилъ познакомить его съ новыми товарищами. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ онъ уже присутствовалъ въ засѣданіи совѣта и сталъ подписывать по русски. сначала впрочемъ печатными буквами его протоколы. Броннеръ попалъ какъ разъ въ тѣ засѣданія совѣта, въ которыхъ было много шума и споровъ по поводу неутвержденныхъ выборовъ въ должности ректора и деканова. о чемъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Это было непріятно ему: „graviter autem tuli, illo me tempore eidem (concilio) accensum, quo inter professores origo quaedam contentionum versari videtur". Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта директоромъ и инспекторомъ студентовъ Яковкинымъ было заявлено. что студентовъ, желающихъ учиться физики у Броннера. нашлось восемь. По письму его къ попечителю можно заключить, что онъ представилъ въ совѣтъ составленныя имъ тетради для преподаванія физики. но что собственно онъ читалъ въ 1810—11 году—намъ неизвѣстно. Мѣсячныхъ рапортовъ о пройденномъ Броннеръ не подавалъ, какъ это обязаны были дѣлать всѣ профессора, или „по новости дѣла", или „по неизвѣстной причинѣ". Только въ рапортѣ за сентябрь 1811 года мы встрѣчаемъ указаніе, что онъ „толковалъ въ физическихъ главахъ часть аэрометріи—гипнометрію господина Лапласа (de altitudinibus barometro metiendis)" съ опытами. Изъ послѣдующихъ печатныхъ росписаній преподаванія видно, что Броннеръ читалъ

(*) Въ первомъ же письмѣ къ попечителю изъ Казани Броннеръ пишетъ: «Salvum me incolumemque per tantas viarum ambages Casanum perduxit Numen; nec itineris incommodis laesus, nec adversis rerum eventibus fractus sed diversissimis, quas conscripsi. gentium regionumque observationibus peramoene distentus, rebusque novis non parum recreatus, locum futurae sortis meae attigi, praevieque nunc ejusdem in domo mercatoris hospitor, qui animo tam benevolo huc me advexit».

свой главный предметъ, физику, или по своимъ тетрадямъ— по латыни, или по руководству Грена—по французски. За тотъ же сентябрь 1811 года видно, что физикѣ училось 15 студентовъ (изъ общаго числа—44), но неизвѣстно сколько изъ 15 студентовъ приходилось на долю собственно Броннера, такъ какъ физику преподавалъ еще магистръ Кайсаровъ, подъ руководствомъ Броннера (см. о немъ, нашей книги ч. 1, стр. 255, 513).

Не смотря на то, что Броннеръ, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ иностранцамъ, жаловался на вредное дѣйствіе на него казанскаго климата и на мучившую его лихорадку. онъ, какъ видно изъ письма его къ попечителю, не прерывалъ своихъ лекцій въ началѣ своей службы, не терялъ всегда присущей ему бодрости духа. За то сильно смущало его другое обстоятельство:

«Три дня назадъ тому, писалъ онъ. мы съ горемъ похоронили нашего коллегу Запольскаго; тяжкая болѣзнь унесла его въ могилу Какъ бы я былъ счастливъ. еслибъ онъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство свое знаніе русскаго языка! Ежедневно сознаю я, что мы, иностранцы, могли бы приносить гораздо больше пользы, еслибъ были въ состояніи свободно говорить по русски О непрерывномъ и связномъ академическомъ чтеніи указаннымъ мнѣ студентамъ нечего и думать, хотя нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ хорошими математическими свѣдѣніями За то нѣтъ ни одного изъ нихъ, который былъ бы настолько силенъ въ латинскомъ языкѣ, чтобы былъ въ состояніи легко понимать лекцію, читанную по латыни Нѣкоторые изъ нихъ могутъ однакоже довольно хорошо понимать мои. въ видѣ афоризмовъ, диктуемыя положенія (я ихъ объясняю потомъ по нѣмецки или по французски); другіе же не умѣютъ правильно записать и то, что я диктую Тоже самое можно сказать и объ ихъ познаніяхъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ Одни довольно хорошо понимаютъ по нѣмецки, другіе не знаютъ ни слова Нѣкоторые очевидно занимались болѣе французскимъ языкомъ, но ни однимъ изъ этихъ языковъ они не владѣютъ вполнѣ Впрочемъ языкъ французскій, именно разговорный, болѣе кажется распространенъ, чѣмъ нѣмецкій, и мнѣ часто приходится сожалѣть, что самъ я мало упражнялся въ немъ Дѣйствительно мнѣ, какъ и многимъ моимъ сослуживцамъ, чрезвычайно трудно быть понятнымъ для студентовъ Чтобъ сообщить мысль нужно употребить много трудныхъ повтореній Для меня крайне необходимо выучиться постепенно по русски; этому дѣлу я посвящаю теперь ежедневно по два часа Этого настоятельно требуютъ и часто получаемыя русскія бумаги, и дѣла совѣтскія и нужды ежедневной жизни. Въ высшей степени непріятно мнѣ было чувствовать этотъ недостатокъ знанія русскаго языка недавно, когда мнѣ случилось присутствовать на экзаменахъ въ гимназіи Какъ я мало понималъ! Какъ я мало былъ въ состояніи составить собственное понятіе объ успѣхахъ учениковъ!»

Это незнакомство съ русскимъ языкомъ долго мѣшало Броннеру исполнить данное попечителемъ порученіе. написать ему подробно о Казанскомъ университетѣ, сообщить свои

наблюденія о людяхъ и дѣлахъ въ немъ. Успѣхи въ изученіи были однако медленны давались съ трудомъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ онъ писалъ: „Вечеромъ, въ очередь изъ шей масляницы, я былъ на представленіи комедіи („Мотникъ"), разыгранной не безъ таланта нашими студентами (между ними были и мои слушатели). Увы! Тутъ я убѣдился, какъ незначительны еще мои успѣхи въ русскомъ языкѣ! Я не понималъ и двадцатой доли; съ какимъ трудомъ усвоиваю я значеніе отдѣльныхъ выраженій!"

Въ первые же дни по пріѣздѣ Броннеръ, съ свойственной ему энергіей, сталъ хлопотать *о физическомъ кабинетѣ*, безъ пособій котораго не могли быть читаны и его лекціи. Инструментовъ и предметовъ физическаго кабинета, пріобрѣтенныхъ собственно для университета, оказалось весьма немного; большая часть принадлежала гимназіи, тогда не отдѣленной еще отъ университета. Увидавъ одинъ инструментъ, умѣло сдѣланный университетскимъ механикомъ Гордепинымъ (см. о немъ, ч. 1, стр. 552—553), Броннеръ похвалилъ его искусство и высказалъ надежду, что съ его помощью онъ будетъ въ состояніи исправить многое испорченное и приготовить нѣсколько простыхъ инструментовъ, для которыхъ нѣтъ надобности въ слишкомъ тонкой работѣ. Но всѣ инструменты, очевидно почти совсѣмъ не употребляемые (*), собраны

(*) Лекціи физики читалъ до Броннера адъюнктъ, потомъ э. о. профессоръ Запольской, о которомъ мы упоминали уже много разъ, по разнымъ случаямъ. Лекціи эти имѣли совершенно отвлеченный характеръ и, сколько намъ извѣстно, не сопровождались никакими опытами. За годъ до пріѣзда Броннера Запольской, желавшій перейти на каѳедру философіи, къ которой по словамъ его, онъ чувствовалъ больше призванія, читалъ на торжественномъ актѣ рѣчь по своей спеціальности: «О природѣ вообще и въ отношеніи къ человѣку». Содержаніе этой рѣчи и ораторскіе пріемы, употребленные Запольскимъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, что заключалось въ его лекціяхъ по физикѣ. Можно было бы думать, что отвлеченный взглядъ на природу въ этой рѣчи есть отголосокъ той философіи природы, которая въ послѣднихъ годахъ прошлаго и первыхъ настоящаго вѣка получила такое сильное развитіе въ Германіи, по вліянію идей Шеллинга, но въ рѣчи Запольскаго вовсе не видно знакомства съ этими идеями, хотя изрѣдка и встрѣчаемъ въ ней термины Шеллинга. «Берусь трепещущею рукою, говоритъ ораторъ, поднять завѣсу, которая отъ вѣка и донынѣ закрывала отъ ока смертныхъ благодѣтельницу нашу природу». Рѣчь дѣлится на двѣ части. Первая говоритъ «о природѣ самой по себѣ» (an sich). Это—«единая матерь всѣхъ видимыхъ существъ»; вездѣ въ природѣ можно видѣть только одни измѣненія вещества, но количество его не мѣняется. Эти измѣненія происходятъ вслѣдствіе дѣйствій трехъ силъ природы: механической, химической и органической. Нѣкоторые примѣры, приводимые въ рѣчи, служатъ доказательствомъ дѣйствія этихъ силъ. Силы природы управляются законами; законы эти—«чудная необходимость» и «недремлющая производительность», но человѣкъ не въ состояніи по-

были въ небольшой тѣсной комнатѣ, такъ что пробраться къ нимъ и взять какой либо изъ нихъ въ руки было крайне затруднительно Насущною необходимостью считалъ поэтому Броннеръ прежде всего озаботиться, при помощи Яковкина, пріисканіемъ болѣе просторнаго помѣщенія для физическаго кабинета, который соединялся бы съ особою физическою аудиторіею, съ камерою, удобною для оптическихъ опытовъ и съ химическою лабораторіею. Приготовляясь представить обширный планъ устройства физическаго кабинета, который былъ бы достоинъ университета, Броннеръ однако высказывалъ опасеніе, что обстоятельства времени неблагопріятны для исполненія его, но считалъ обязанностью съ своей стороны сдѣлать достойное начало, положить хорошее основаніе. „Конечно меня не обманываетъ слѣпая надежда, пишетъ онъ, пріобрѣсти вдругъ много инструментовъ, создать полный физическій кабинетъ, но предо мною все таки имѣется въ виду утѣшительная перспектива, что теперь, при отдѣленіи университетскаго имущества отъ гимназическаго и при очищеніи университетскихъ зданій отъ помѣщенія гимназіи, найдется въ нихъ удобное мѣсто для физическаго кабинета. Вѣроятно также, что мнѣ отпустятъ на первый разъ довольно значительную сумму, что дастъ возможность ревностно взяться за дѣло и при каждогодной, хотя и менѣе значительной прибавкѣ, можно будетъ скоро образовать значительный кабинетъ, приносящій честь университету. Такой только кабинетъ можетъ послужить къ дальнѣйшему научному развитію физическихъ знаній. Ибо *я не думаю, что академическій преподаватель долженъ оставаться при томъ, что было сдѣлано другими, но его обязанность идти впередъ, успѣвать, создать что нибудь свое и зайти дальше своихъ предшественниковъ*“. Броннеръ, ссылаясь на свои прежнія, въ теченіе многихъ лѣтъ, занятія практической механикой, надѣется, что при пособіи будущаго кабинета (въ Аарау было крайне бѣдное и незначительное собраніе

стигнуть въ природѣ «причины дѣйствующія и конечныя»: здѣсь положенъ предѣлъ разуму человѣческому Поэтому ораторъ не можетъ «удержаться, чтобы не потребовать самаго строгаго отвѣта съ тѣхъ, «которые когда либо дерзали защищать управленіе въ мірѣ случая или непремѣнныхъ нѣкоторыхъ судебъ» —Вторая часть рѣчи трактуетъ «О природѣ въ отношеніи къ человѣку» Здѣсь ораторъ входитъ уже въ область психологіи и все имъ высказанное сводится къ утвержденію, что «природа есть единственный, просвѣщеннѣйшій нашъ наставникъ и нѣтъ никакой другой книги, которую бы намъ, во всю жизнь нашу, съ толикимъ вниманіемъ читать надлежало» Очевидно все это было очень далеко отъ содержанія опытной физики.

инструментовъ), онъ скоро будетъ въ состояніи сообщить о своихъ собственныхъ изобрѣтеніяхъ. Эти широкіе планы и мечты Броннера, какъ это было и въ другихъ случаяхъ, должны были конечно остаться безъ исполненія.

Въ январѣ 1811 года было формально передано въ его завѣдываніе то, что носило названіе физическаго кабинета. Въ началѣ февраля Броннеръ вслѣдъ за симъ представилъ въ совѣтъ университета большое латинское мнѣніе, состоящее изъ двухъ частей: 1) о состояніи тогдашняго физическаго кабинета и 2) о тѣхъ инструментахъ, которые онъ считаетъ необходимыми пріобрѣсти. Уже при первомъ взглядѣ на то, что носило названіе физическаго кабинета въ Казанскомъ университетѣ, Броннеръ убѣдился, что у него вовсе нѣтъ пособій при преподавании (*). Онъ боялся даже принимать на свою отвѣтственность вещи по каталогу и потому просилъ совѣтъ назначить кого либо изъ своихъ членовъ, знакомаго съ русскимъ языкомъ, чтобы онъ присутствовалъ при пріемѣ и отмѣчалъ въ шнуровой книгѣ что испорчено и чего вовсе нѣтъ на лицо Это поручено было Фуксу. Главная забота Броннера была однако посвящена будущимъ условіямъ преподаванія; его надѣялся онъ обставить лучшими пособіями, сообразно требованіямъ современной науки. Съ этою цѣлью онъ представилъ довольно полный реестръ тѣхъ физическихъ инструментовъ, которые, по его мнѣнію, необходимо было пріобрѣсти, раздѣляя ихъ на три рубрики: 1) тѣ инструменты и вещи, которые можно выписать только изъ за-границы, чрезъ корреспондентовъ; 2) тѣ, что можно купить въ большихъ городахъ, напр. Берлинѣ, С.-Петербургѣ, Москвѣ и наконецъ 3) тѣ, что можно купить или въ иностранныхъ стекольныхъ лавкахъ, или заказать на заводахъ. На одинъ изъ такихъ заводовъ, существовавшихъ тогда близъ Казани, именно Юшкова, Броннеръ и указывалъ. Всѣ инструменты и вещи назначались при преподаваніи общихъ свойствъ тѣлъ, или отдѣльныхъ частей науки, какъ она понималась тогда: динамики, статики, механики, гидростатики, гидравлики, аэростатики, акустики, пирометріи, оптики, діоптрики, ученія о цвѣтахъ, катоптрики, термологіи, электричества, гальванизма, магнетизма, физиче-

(*) «Reperi autem vasa complura diffracta, partesque non paucas instrumentorum aut laesas aut vario modo pessum datas, aut omnino deperditas, quorum naevos vel defectus in catologo a me privatim conscripto solerter annotavi».

ской астрономіи. Само собою разумѣется. что профессоръ хлопоталъ и о достойномъ помѣщеніи инструментовъ будущаго физическаго кабинета и о приличной аудиторіи (*). Рядомъ съ этимъ обширнымъ помѣщеніемъ для кабинета и аудиторіи, Броннеръ предполагалъ еще двѣ комнаты, спеціально устроенныя и снабженныя всѣмъ нужнымъ для оптическихъ опытовъ и для физико-химической лабораторіи.

Какъ первый профессоръ физики въ Казанскомъ университетѣ, очевидно хорошо знакомый съ состояніемъ науки въ Европѣ и съ тѣми пособіями, какими она обставлена тамъ, Броннеръ считалъ такимъ образомъ своею нравственною обязанностью озаботиться о достойномъ преподаванія ея. Мы знаемъ, что университетъ открылся безъ всякихъ пособій для преподаванія О нихъ никто не думалъ, и хотя по штатамъ и отпускалась извѣстная сумма на учебно-вспомогательныя заведенія университета (на физическій кабинетъ въ годъ 500 р.), но она не тратилась, за неимѣніемъ свѣдущаго лица. Прошло только четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Броннеръ пріѣхалъ въ Казань; онъ еще не вполнѣ ознакомился съ обстоятельствами и думалъ, что дѣло устроится весьма легко, особенно, если совѣтъ университета, съ своей стороны, будетъ усердно ходатайствовать передъ попечителемъ объ отпускѣ необходимой на устройство кабинета и покупку инструментовъ суммы Размѣръ ея онъ не указывалъ и потому что, какъ человѣкъ пріѣхавшій издалека, онъ не могъ знать точныхъ цѣнъ, и вообще по своей неопытности въ покупкахъ этого рода, но высказывалъ однако соображеніе, что пріобрѣтеніе однихъ инструментовъ, не считая того, что будетъ стоить устройство помѣщеній, обойдется никакъ не менѣе 6 т. рублей Изъ письма его къ попечителю видно, что вся сумма должна быть еще значительно больше: „Ограничиваясь указаніемъ на сумму 6 т. р., писалъ онъ, я подражалъ тѣмъ архитекторамъ, которые, чтобъ не напугать собственниковъ строющагося дома, предлагаютъ имъ въ началѣ только половину издержекъ, объясняя другую половину необходимостью довести до конца зданіе“. Ежегодно отпускаемой на физическій кабинетъ суммы, въ количествѣ 500 руб., понятно, не достанетъ на эти расходы; необходима особая сумма

(*) «Destinetur eidem aula (sive ut ajunt Sala) magna, alta, lucida, ornata in medio mensarum serie, triaque ad latera scrinis vitro occlusis: ex parte lateris quarti separetur cancellis nitide fabrefactis locus auditorii physici, subselliis instruendus».

и экстраординарная щедрость: „liberalitate non ordinaria hisce in primordiis opus est“. Совѣтъ, съ своей стороны опредѣлилъ всю эту записку Броннера и реестръ необходимо-нужныхъ для физическаго кабинета пріобрѣтеній „представить на благоусмотрѣніе попечителя“. Дѣло положено было въ долгій ящикъ, и попечитель, найдя только въ представленіи Броннера „между прочимъ, что многія части къ физическимъ инструментамъ принадлежащія повреждены, а иныхъ не достаетъ“, для приведенія ихъ въ надлежащее состояніе и для закупки разныхъ нужныхъ мелочей, разрѣшилъ выдать Броннеру 200 рублей изъ суммы отпускаемой на физическій кабинетъ и снабдить его шнуровою на записку прихода и расхода книгою. Исправленіе инструментовъ поручено было машинисту Горденину. Шнуровая книга была необходима по существующему порядку, и Броннеръ понялъ это. „Тотчасъ по пріѣздѣ въ Казань, сообщаетъ онъ попечителю, въ виду крайней необходимости для преподаванія, заказалъ я для кабинета нѣсколько небольшихъ вещей, но меня предупредили, сказавъ, чтобъ я не дѣлалъ этого, что такой заказъ будетъ мнѣ же въ убытокъ. *Я вижу, что живу здѣсь въ какомъ-то условномъ мірѣ церемоній* (in einer Welt der Umständlichkeiten), *въ которомъ нельзя дѣйствовать такъ прямо, какъ въ Швейцаріи.* Здѣсь недостаточно одного честнаго показанія, за что куплена извѣстная вещь: никто этому не вѣритъ; необходимо доказать каждую самую ничтожную бездѣлицу расхода письменными документами (mit Schwarz auf Weiss belegen konnen) для того, чтобъ счетъ былъ признанъ правильнымъ. Все это конечно имѣетъ свои основанія, и я постараюсь точно слѣдовать существующему обычаю“.

Судьба главныхъ пріобрѣтеній для почти не существующаго физическаго кабинета, судьба устройства особой большой аудиторіи, удовлетворяющей современному состоянію науки, а также и судьба помѣщенія самого профессора (Броннеръ доказывалъ необходимость близости этого помѣщенія къ кабинету) — все это зависѣло отъ силы и убѣдительности представленія Румовскаго министру; на это и надѣялся Броннеръ. Напрасно однако онъ старался съ своей стороны убѣдить попечителя дѣятельно взяться за хлопоты. „Подумайте, в. п., писалъ онъ, что честь и польза университета требуютъ устройства хорошаго физическаго кабинета; сдѣлайте всевозможное съ вашей стороны, чтобы были даны для

того необходимыя суммы. Въ настоящемъ положеніи вещей я могу преподавать только теоретическую физику; объ опытной и о прикладной математикѣ не можетъ быть и рѣчи Конечно не къ чести вашего управленія отнесется, если вы не согласитесь на значительные расходы для этой цѣли. Я не позволяю себѣ сомнѣваться, в. п., что вы употребите дѣятельныя усилія съ своей стороны для достиженія цѣли, и если будетъ даровано немного, то я скорѣе припишу это военнымъ обстоятельствамъ, чѣмъ недостатку желанія съ вашей стороны". Всѣ эти убѣжденія были напрасны. Въ февралѣ 1811 года, когда хлопотали о физическомъ кабинетѣ въ Казани, о войнѣ будущаго года еще не думали; но прежній пылъ къ университетамъ уже остылъ; на нихъ смотрѣли уже другими глазами. О покупкѣ инструментовъ для физическаго кабинета Румовскій писалъ Броннеру, что пріобрѣтеніе ихъ можетъ послѣдовать не вдругъ, а по немногу, начиная съ самыхъ необходимыхъ. Сумму въ шесть тысячъ рублей, назначенную Броннеромъ, онъ считалъ недостаточною, но чтобъ получить и ее, по его словамъ, надобно выждать благопріятнаго случая. На счетъ кабинета, аудиторіи и лабораторіи слѣдуетъ ожидать времени, когда отдѣлится гимназія отъ университета (это препятствіе встрѣчалось на каждомъ шагу въ первые годы существованія университета) и на это должно послѣдовать распоряженіе министра Такимъ образомъ Румовскій вовсе даже не дѣлалъ представленія объ отпускѣ суммъ По всей вѣроятности, онъ считалъ его безполезнымъ.

Въ 1813 году только, совершенно случайно, удалось университету сдѣлать для физическаго кабинета пріобрѣтеніе, которому тогда придавали очень большое значеніе и цѣнили его дорого. Считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ пріобрѣтеніи, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, извлеченныя нами о немъ изъ архива, даютъ нѣкоторое понятіе о тогдашнемъ взглядѣ на преподаваніе физики. Въ февралѣ этого года нѣкто оберъ-кригсъ-коммиссаръ 6 класса Турчаниновъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому съ *покорнѣйшимъ прошеніемъ*. Въ немъ излагалъ онъ слѣдующее:

«Съ вѣрою въ душѣ, съ правдою на языкѣ, 17 лѣтъ служа государю и отечеству безпорочно, со дня моего вступленія въ оберъ-офицерскій чинъ; сперва со шпагою, потомъ съ фитилемъ въ рукѣ; несчастное случившееся со мною приключеніе, отъ коего я теперь совсѣмъ глухой, нисколько не слышу, понудило меня оставить сію любезную для меня

службу, приняться за перо вступленіемъ въ штатъ коммиссаріатскій. Но и тутъ судьба моя нанесла мнѣ къ продолженію службы новый ударъ: гнѣвъ покойнаго государя Павла Петровича на коммиссаріатъ (по нынѣшнему это интендантство; извѣстно, что императоръ Павелъ въ одинъ день уволилъ во всей Россіи интендантскихъ чиновниковъ). Управляя я въ Тобольскѣ, при Сибирскомъ корпусѣ, оберъ-кригсъ-коммиссаріатскою коммиссіею, будучи ни въ чемъ невиненъ и непричастенъ, удостоился получить высокомонаршую ко мнѣ милость увольненіемъ съ награжденіемъ оберъ-кригсъ-коммиссарскаго чина и ношеніемъ мундира. И такъ, удалясь въ 1798 году въ тихое убѣжище къ моей родительницѣ, на заводы Пермской губерніи въ Екатеринбургской округѣ состоящіе, будучи по глухотѣ моей лишенъ всякаго общества, потому что неначе должно со мною изъясняться какъ на письмѣ. Не желая въ семъ мірѣ остаться тунеядцемъ, въ праздности, *посвятилъ дни свои наукѣ*, избравъ и прилѣпясь къ *физической*, стараясь обучать собственныхъ своихъ мастеровъ, въ послѣдствіи чего и успѣлъ, и трудъ мой къ желанію моему въ полной мѣрѣ вознагражденъ. Трудами моими и иждивеніемъ сооруженъ я славную *электрическую машину*, не къ самохвальству моему могу сказать, что по сильному ея дѣйствію и красотѣ своей, не уступитъ она лучшимъ академическимъ и можетъ изъ числа первѣйшихъ машинъ въ нашемъ государствѣ».

По подробному описанію этой машины, составленному самимъ русскимъ Эдисономъ того времени, она могла производить около 250 опытовъ. Было собственно у Турчанинова двѣ машины; различались онѣ величиною діаметра стеклянныхъ колесъ; при первой были баттареи лейденскихъ банокъ, а вторая имѣла „полный лѣчебный ко врачеванію болѣзней приборъ“ и съ ея помощью можно было показывать разные фокусы. Турчаниновъ такъ описываетъ ихъ:

«Во время посѣщенія знаменитыхъ любителей, стоящіе у пушекъ канониры салютуютъ довольно громкими выстрѣлами, а изъ мортиръ мечутъ бомбы; потомъ надъ крѣпостью блистаетъ молнія, и ударъ въ трубу комендантскаго дома его разрушаетъ; потомъ ударъ въ шпицъ бастіонной (крѣпостной) башни взрываетъ на воздухъ стоящій внизу башни пороховой магазинъ; потомъ въ родѣ часоваго корпуса представлено волнующееся море во время бури, гдѣ люди на ботахъ и обломкахъ кораблей спасаются отъ потопленія, между тѣмъ какъ молнія ударяетъ въ корабельныя мачты, расшибая ихъ, и маленькіе искусственные корабли погружаются въ волнахъ. Для приданія виду крѣпости, сдѣлана итальянской архитектуры церковь, гауптвахта, народъ съ офицерами и знаменемъ, солдатскія казармы, надъ крѣпостными воротами башня съ часами» (Расхваливая красоту отдѣлки разныхъ частей и принадлежностей машины, изобрѣтатель говоритъ, что онъ на сооруженіе ея употребилъ пять лѣтъ, что она стоитъ ему самому около шести тысячъ рублей: одного стекла выписано было болѣе чѣмъ на четыре тысячи рублей) «А какъ ваше сіятельство есть начальникъ и покровитель всѣхъ наукъ и художествъ, говоритъ въ своемъ прошеніи Турчаниновъ, то посему къ надеждѣ и повергаюсь подъ милостивое высокое ваше покровительство. Не ищу я в. с. изъ алчнаго корыстолюбія прибыли, *но ищу своей я славы къ прославленію своего имени* въ познаніи сей науки и художества; ибо сія вещь въ разсужденіи Сибирскаго края не имѣетъ той цѣны и есть почти мертвая; рѣдко весьма уче-

нѣйше мужи ее посѣщаютъ, почему весьма подолгу стоитъ безъ дѣйствія, а тѣмъ самымъ теряя свое достоинство и купно съ онымъ мою славу, и имя мое останется забвенно, и пятилѣтній мой трудъ въ ничто обратится».

Не смотря однако на увѣреніе, что онъ ищетъ только славы, а не прибыли, Турчаниновъ подъ конецъ высказываетъ желаніе продать свою машину „въ знаменитый“ Казанскій университетъ за *семь тысячъ рублей*. За эту сумму онъ обязывался доставить машину въ Казань, устроить двѣ комнаты въ зданіи университета, необходимыя для помѣщенія всѣхъ вещей, сдѣлать шкафы, поставить и привести машину въ дѣйствіе, обучить управлять ею и производить опыты, и наконецъ привести въ порядокъ и прочій физическій кабинетъ въ университетѣ. По прошенію Турчанинова министръ просвѣщенія предписалъ отправить на мѣсто нахожденія машины въ вакаціонное время 1813 года кого либо изъ чиновниковъ университета, который бы могъ судить о достоинствѣ машины, заслуживаетъ ли она быть пріобрѣтенною и стоитъ ли просимой Турчаниновымъ цѣны. Для исполненія этого предписанія министра, попечитель Салтыковъ назначилъ адъюнкта Кондырева и магистра химіи Дунаева, давши имъ еще порученія по училищамъ въ Вяткѣ и Перми. Совѣтъ съ своей стороны присоединилъ къ нимъ магистра Юнакова. На Сысертскомъ заводѣ, гдѣ находилась машина, они прожили болѣе десяти дней, продѣлали всѣ опыты и подробно описали всѣ части и принадлежности ее составляющія. Полный реестръ множества предметовъ, принадлежащихъ къ машинѣ, былъ составленъ ими и представленъ совѣту.

Убѣдили ли Турчанинова молодые магистры или взяло верхъ въ немъ желаніе славы, а можетъ быть и награды, но только онъ отказался отъ полученія денегъ за свою машину и пожертвовалъ ее университету на пользу науки и для удовольствія знатныхъ посѣтителей. Лѣтомъ 1814 года вся машина, со всѣми составными частями своими, была перевезена въ Казань. Дорогою однако, какъ это видно изъ донесенія Броннера, были украдены два ящика, но надѣялись, что съ помощью власти воры будутъ отысканы („sed fures ubique persequitur modo auctoritas publica“), да разбился большой стекляный кругъ, главная часть машины, но щедрый жертвователь замѣнилъ его на свой счетъ другимъ, такихъ же размѣровъ и формы. Броннеръ придавалъ очень большое значеніе этому пріобрѣтенію физическаго кабинета. „Если бы

кто нибудь, при моемъ переселеніи сюда, предсказалъ мнѣ, что университетъ нашъ изъ Сибири получитъ богатѣйшіе дары для физическаго кабинета, вещи, сдѣланныя искуснѣйшими мастерами, я никогда бы не повѣрилъ тому. Тѣмъ не менѣе это случилось" Броннеръ оцѣнивалъ весь подарокъ Турчанинова въ 12 т рублей. Изъ каталога 1814 года подписаннаго Броннеромъ и адъюнктами, можно видѣть, что даръ Турчанинова представлялъ собою полную коллекцію того времени по электростатикѣ. Это былъ цѣлый кабинетъ Въ немъ было восемь отдѣловъ, заключавшихъ почти всѣ извѣстные приборы по электричеству, даже измѣрительные приборы, напр. мѣрительную банку Лана: насосы для выкачиванія воздуха и пр. Не однѣ электрическія игрушки интересовали Турчанинова При слушаніи донесенія Броннера въ совѣтѣ, Кондыревъ заявилъ, что жертвователь готовитъ для университета же и гальваническую машину. Постановлено было, что совѣтъ, „уважая важность сего пожертвованія и усердіе г. Турчанинова къ пользѣ университета, не почитаетъ себя въ силахъ достойно его возблагодарить, почему проситъ г. попечителя представить его с—ству г. министру объ исходатайствованіи г. Турчанинову у монаршаго престола достойной награды и поощренія". Имѣло ли это ходатайство какой либо результатъ — намъ неизвѣстно. Министерство только публиковало во всеобщее свѣдѣніе о такомъ значительномъ пожертвованіи (*), но и эта публикація сдѣлана была по особому ходатайству совѣта, согласно рапорту профессора Кондырева, уже послѣ смерти Турчанинова (онъ умеръ 2 марта 1815 года). Пожертвованіе его объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что сынъ Турчанинова, губернскій секретарь, служилъ въ университетѣ канцелярскимъ чиновникомъ. Незадолго до смерти, по представленію того же Кондырева, Турчаниновъ былъ выбранъ въ члены-корресподенты университета, а по смерти, совѣтъ университета опредѣлилъ поставить въ память его въ физическомъ кабинетѣ его портретъ, „когда онъ получится" и рекомендовать министру принять сына благотворителя „въ особенное начальственное покровительство" (**).

Если Броннеръ не успѣлъ ничего сдѣлать для устройства

(*) *Казанскія Извѣстія*, 1815 г, № 61

(**) Мы напрасно искали этого портрета и вообще какихъ либо слѣдовъ пожертвованія Турчанинова въ физическомъ кабинетѣ университета.

физическаго кабинета, столь необходимаго для его лекцій, то за то ему удалось выхлопотать лично для себя пособіе. Мы знаемъ, что половина его собраній, цѣнимыхъ имъ очень дорого, оставалась въ Швейцаріи. Все это было имъ упаковано въ четырехъ ящикахъ, но на перевозку недоставало средствъ. Въ этихъ ящикахъ находилось полное, по словамъ его, собраніе минераловъ, прекрасныя раковины, гербарій, дорогія книги по естественнымъ наукамъ, много сочиненій по физикѣ, пріобрѣтенныхъ имъ послѣ первой отправки своего имущества, матеріалы рукописные и манускрипты сочиненій, приготовляемыхъ имъ къ печати ландкарты, разные домашніе предметы и наконецъ разобранныя части изобрѣтенной имъ машины для тканья брабантскихъ кружевъ. Мы нарочно списываемъ эту накладную Броннера, чтобы показать разнообразіе его занятій. Изъ отпущенныхъ ему на подъемъ и на перевозку имущества 1750 рублей, по его разсчету, одинъ фрахтъ вещей отъ Аарау до Казани, вслѣдствіе паденія курса, стоилъ 930 рублей, его собственный переѣздъ, также по его разсчету, стоилъ 2500, такъ что онъ издержалъ всего 3430 рублей, слѣдовательно болѣе на 1680 рублей, чѣмъ онъ получилъ отъ министерства. Перевозка предметовъ, оставленныхъ имъ въ Швейцаріи, должна стоить по меньшей мѣрѣ 1200 р., а потому Броннеръ долженъ бы былъ издержать собственныхъ денегъ, сверхъ полученныхъ, еще 2880 р. Получить эти деньги и становится теперь, когда онъ представитъ свои соображенія объ устройствѣ физическаго кабинета и о необходимыхъ для него пріобрѣтеніяхъ, главною заботою Броннера. Объ этомъ онъ пишетъ убѣдительныя письма къ попечителю, но не желаетъ получить эту сумму даромъ. Здѣсь мы въ первый разъ узнаемъ, что онъ занимался и минералогіей. „Я охотно предлагаю, пишетъ онъ, ежегодно, даромъ, читать въ здѣшнемъ университетѣ лекціи по минералогіи и показывать на нихъ слушателямъ минералы. Много статей въ извѣстныхъ нѣмецкихъ минералогическихъ сочиненіяхъ (напр. Leonhards Jahrbücher) могутъ свидѣтельствовать в. п., что для того у меня довольно знаній и опыта, почему и состою членомъ Іенскаго минералогическаго общества. Такого полнаго собранія минераловъ, какое есть у меня, здѣсь не существуетъ, а я ежедневно долженъ нуждаться въ нихъ для физическихъ опытовъ. Физику они крайне необходимы, особенно при физическихъ опытахъ“. Кромѣ чтенія лекцій по минералогіи, Броннеръ предлагаетъ, также даромъ, нѣсколько часовъ въ недѣлю, ве-

сти со студентами бесѣды на языкѣ латинскомъ Такое упражненіе считалось тогда необходимостью, такъ какъ лекціи иностранныхъ профессоровъ были недоступны слушателямъ: бесѣды заводились еще и прежде, въ 1807 году (см. ч. I, стр. 475 сл.), но конечно существовали только на бумагѣ Сверхъ этихъ бесѣдъ, за просимую имъ сумму, Броннеръ писалъ попечителю, что онъ готовъ нести всякія обязанности, которыя ему угодно будетъ возложить на него. „При необходимости устроиться здѣсь не безъ значительныхъ издержекъ, я не имѣю возможности сберечь что либо на выписку моего имущества; только великодушное благоволеніе ваше можетъ вывести меня изъ тяжелаго затрудненія“.

„Съ сокрушеннымъ сердцемъ“ (avec serrement du coeur) читалъ эту просьбу Броннера попечитель и увѣдомилъ его, что исполненіе ея не зависитъ отъ него: „Это такая милость, которою и министръ, безъ вѣдома государя, не уполномоченъ располагать“, и потому онъ посовѣтовалъ Броннеру обратиться прямо отъ себя съ просьбою къ министру и умолять его объ участіи и помощи. Получивши это письмо, Броннеръ немедленно написалъ и отправилъ свое прошеніе къ министру, снова обращаясь къ попечителю съ самыми убѣдительными просьбами вступиться за него и ходатайствовать передъ министромъ. Прошло однако четыре мѣсяца, въ теченіе которыхъ, какъ видно изъ писемъ, Броннеръ находился въ большомъ волненіи касательно результата своей просьбы. Что Румовскій съ своей стороны расположилъ министра въ пользу Броннера видно не только изъ того, что онъ сообщилъ ему въ началѣ августа о томъ, что министръ потребовалъ его заключенія о просителѣ и о состояніи экономической университетской суммы, но изъ самаго текста той бумаги, которою разрѣшалась выдача просимой суммы Румовскимъ составлена была и докладная записка, которую министръ народнаго просвѣщенія представилъ государю императору объ этомъ дѣлѣ. Въ засѣданіи совѣта 31 августа выслушана была копія съ отношенія министра народнаго просвѣщенія къ попечителю Казанскаго учебнаго округа отъ 8 августа о томъ, что „Государь Императоръ, по докладу его сіятельства, повелѣть соизволилъ профессору Казанскаго университета Броннеру изъ хозяйственныхъ суммъ университета выдать двѣ тысячи девять сотъ двадцать семь рублей въ добавокъ къ суммѣ, полученной имъ на путевыя издержки и провозъ вещей его, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Броннеру вмѣнено было въ обязанность

сверхъ физическихъ лекцій, преподавать въ университетѣ наставленія въ минералогіи, и въ продолженіе двухъ лѣтъ дважды пройти весь курсъ минералогіи по кабинету имъ собранному (*). и *что прошеніе Броннера уважено не только въ разсужденіе знаній его и усердія, но и тихаго и кроткаго его нрава, толико нужнаго для сохраненія спокойствія въ университетѣ*“ Это должно было быть объявлено Броннеру въ засѣданіи совѣта, при чемъ предписывалось *внушить совѣту* почему именно уважено прошеніе Броннера и снова повторялись тѣ же самыя слова предписанія. Броннеръ былъ болѣнъ и не присутствовалъ въ томъ засѣданіи совѣта, гдѣ было читано это внушеніе совѣту „Mais cet éloge, inséré et au mandat du ministère et au réscrit de votre excellence, писалъ онъ въ благодарственномъ письмѣ своемъ къ попечителю по поводу полученія денегъ, et distingué à la lecture par le ton bien significatif d'admonition, comme on le me racontait, a choqué en quelque manière mes collegues, et je crains, qu'il aurait suscité l'envie et aliéné les coeurs de moi, s'il était possible de douter de ma droiture et de l'ingénuité de mon caractère“. Не смотря на болѣзнь, онъ нашелъ однако въ себѣ достаточно вдохновенія, чтобы излить чувства благодарности въ „Одѣ по случаю тезоименитства государя императора“, которую и приложилъ къ своему письму. На какомъ языкѣ она была написана и какая была судьба ея — не знаемъ. Что касается до „тихаго и кроткаго характера“ Броннера, доставившаго ему такую чрезвычайную милость, то Румовскій вѣроятно составилъ себѣ о немъ понятіе по сообщеніямъ Броннера о совѣтскихъ дѣлахъ и спорахъ, по попыткамъ его къ примиренію враждовавшихъ партій и по тому обстоятельству, что Броннеръ ладилъ съ Яковкинымъ. Дѣйствительно въ письмахъ послѣдняго мы не встрѣчаемъ ни одной жалобы на Броннера, да и вообще упоми-

(*) Минералогическаго кабинета въ то время еще не было, кромѣ случайно купленныхъ или присланныхъ штуфовъ и камней Въ іюлѣ того же года Яковкинъ предполагалъ было купить собраніе минераловъ, состоящее изъ 570 кусковъ, продававшееся послѣ умершаго надворнаго совѣтника П Л Молоствова, и попечитель разрѣшилъ уже эту покупку за триста рублей на счетъ суммы кабинета естественной исторіи, но требовалъ, чтобы профессоръ Броннеръ предварительно осмотрѣлъ это собраніе и рѣшилъ: будетъ ли полезно оно для университета Броннеръ покупку не одобрилъ, находя въ собраніи мало замѣчательныхъ и годныхъ для университетскаго музея предметовъ.

наній о немъ, кромѣ эпитета „почтенный старичекъ". О характерѣ и содержаніи миролюбивыхъ сообщеній Броннера скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Кромѣ этихъ сообщеній, Румовскій остался особенно доволенъ исполненіемъ со стороны Броннера одного его порученія, имѣвшаго большой интересъ для всѣхъ иностранныхъ профессоровъ. Выше, на стр. 237, мы приводили жалобу Броннера, что студенты не понимаютъ его лекцій по своему незнакомству съ тѣми языками, на которыхъ онъ можетъ преподавать. На это попечитель отвѣчалъ ему: „Давно уже я требовалъ отъ совѣта, чтобъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи переводились въ университетъ только тѣ, которые въ состояніи понимать латинскія лекціи профессоровъ и вы вполнѣ правы, высказывая свое недовольство тѣмъ, что они не понимаютъ васъ; но совѣтъ долженъ помочь этому. Прошу васъ сообщить мнѣ ваши мысли о необходимомъ устройствѣ латинскихъ классовъ въ гимназіи и объ экзаменахъ. Конечно слѣдуетъ желать, чтобъ гг. профессоры и въ своемъ собственномъ интересѣ, и для пользы университета, выучились со временемъ по русски, но было бы несправедливо требовать, чтобъ они знали этотъ языкъ немедленно по пріѣздѣ. Можетъ быть однако, что нѣкоторые изъ нихъ, болѣе благоразумные, послѣдуютъ вашему примѣру" (т. е. станутъ учиться по русски). На слова попечителя, что совѣтъ долженъ помочь съ своей стороны незнакомству студентовъ съ латынью, Броннеръ отвѣчалъ, что онъ не ясно представляетъ себѣ положеніе совѣта. „Я постараюсь въ слѣдующемъ письмѣ, говоритъ онъ, откровенно представить это положеніе и дать вамъ подробныя свѣдѣнія о способѣ, какъ ведутся дѣла въ совѣтѣ. Но прежде, чѣмъ я сообщу в. п. мои замѣчанія о гимназическихъ классахъ и о методѣ ученія въ нихъ, мнѣ необходимо собрать точныя свѣдѣнія и предварительно справиться у г. директора Яковкина о цѣляхъ разныхъ распоряженій, дабы то, что можетъ быть и цѣлесообразно, по недостаточности знанія обстоятельствъ, я не могъ бы счесть за нецѣлесообразное" (10 февр. 1811 г.). Только въ іюлѣ, послѣ присутствія на экзаменахъ въ гимназіи, Броннеръ сообщилъ попечителю обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи преподаванія въ Казанской гимназіи, откуда поступалъ главнѣйшій контингентъ студентовъ, свѣдѣнія какъ объ успѣхахъ учениковъ, такъ и о недостаткахъ имъ замѣченныхъ. „Я хорошо знаю,

что объ этомъ вы получаете, писалъ онъ попечителю, много рутинныхъ донесеній, но статься можетъ, что ваши отеческія заботы найдутъ также что нибудь полезное въ правдивомъ и чуждомъ всякаго личнаго интереса разсказѣ человѣка вполнѣ искренняго, имѣющаго въ виду только вашу славу и благо учрежденія, вами управляемаго:

«Съ радостью, смѣшанною съ сожалѣніемъ, было замѣчено мною, что много молодыхъ людей проявляютъ значительные успѣхи въ русскихъ сочиненіяхъ и въ отвѣтахъ своихъ по исторіи, географіи, исторіи естественной и пр; что же касается языковъ иностранныхъ, латинскаго, французскаго, ариѳметики, то самые лучшіе были до того слабы, что быть довольнымъ было невозможно Позвольте мнѣ раскрыть источникъ этого неуспѣха въ самой глубинѣ его Я собиралъ справки, сколько это было возможно, никого не оскорбляя; взгляните на результатъ собранныхъ мною свѣдѣній

I Во всѣхъ *низшихъ* классахъ, гдѣ начинающіе учатся языкамъ латинскому, французскому нѣмецкому и ариѳметикѣ, находится такое множество учениковъ, что одинъ учитель не въ состояніи ничего сдѣлать съ ними тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія, съ которыми они принимаются, чрезвычайно разнообразны: одни почти совсѣмъ не умѣютъ читать, другіе же гораздо лучше подготовлены —II Почти у всѣхъ учениковъ въ классахъ нѣтъ въ рукахъ книгъ: грамматикъ, лексиконовъ, хрестоматій, такъ что въ классѣ, состоящемъ изъ 60 учениковъ, съ трудомъ можно найти два или три необходимыхъ учебника —III Уроки распредѣлены до того несчастнымъ образомъ, что ученіе ежедневно прерывается и предметы мѣшаютъ другъ другу Сегодня напр ученики въ латинскомъ классѣ учатся по латыни; завтра нѣкоторые изъ этихъ же учениковъ должны идти во французскій классъ, послѣ завтра въ учителю нѣмецкаго языка, а въ теченіе этихъ двухъ дней преподаватель латинскаго языка продолжаетъ свои наставленія съ тѣми учениками, которые явились къ нему, между тѣмъ какъ ученики, бывшіе въ классахъ французскомъ и нѣмецкомъ, потеряли уже нить наставленій, не слушая его уроковъ; учитель продолжаетъ свои уроки и не можетъ постоянно повторяться Всѣ преподаватели единогласно жалуются на это печальное смѣшеніе уроковъ, не позволяющее ученикамъ пользоваться непрерывнымъ и послѣдовательнымъ ученіемъ Всѣ тѣ изъ нихъ, съ которыми я говорилъ о причинахъ, мѣшающихъ успѣху, единогласно указывали на это дурное распредѣленіе уроковъ

«Чтобы устранить *первый недостатокъ*, я счелъ своею обязанностью предложить сегодня совѣту, чтобы онъ просилъ в и назначить къ учителямъ самыхъ низшихъ классовъ языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и ариѳметики, къ каждому изъ нихъ, по одному помощнику. Совѣтъ одобрилъ мое мнѣніе, съ прибавленіемъ условія, если число учениковъ будетъ больше 50 Но я не думаю, чтобы для всѣхъ предметовъ одно количество должно быть критеріемъ необходимости помощника, такъ какъ русскій языкъ, естественная исторія, географія, исторія и пр, т е предметы, допускающіе коллективное преподаваніе одного *разсказывающаго* учителя, могутъ быть съ пользою преподаваемы и большему числу учениковъ —*Второму недостатку* можно помочь, если вы дадите предписаніе, чтобы для классовъ были выбраны извѣстные авторы и чтобы всякій, принятый въ классъ ученикъ, приносилъ съ собою грамматику и лексиконъ того языка, которому онъ учится —Противъ *третьяго недостатка* будетъ съ успѣхомъ дѣйствовать лучшее и внимательнѣйшее распредѣленіе уроковъ, такъ какъ и прежде они были распредѣлены гораздо лучше чѣмъ теперь»

Свѣдѣнія, сообщенныя Броннеромъ попечителю о положеніи преподаванія латинскаго языка въ Казанской гимназіи, доказывали весьма убѣдительно, что знаменитый педагогъ-директоръ, которому такъ безусловно довѣрялъ Румовскій, думалъ только о себѣ, о своихъ дѣлишкахъ, а не объ обязанностяхъ, соединенныхъ съ его службою. Все, что писалъ Броннеръ, было не новостью для попечителя. Это было повтореніе жалобъ профессора Германа (ч. I. стр. 89), Литтрова (стр 477 сл.) и безъ сомнѣнія другихъ, хотя они и не писали о томъ къ попечителю. Эти жалобы вызывались естественною силою вещей. Мѣры для усиленія знакомства учениковъ гимназіи съ языкомъ латинскимъ были тогда необходимостью, незнаніе его дѣлало совершенно безполезными всѣ усилія приглашенныхъ иностранныхъ профессоровъ, большинство которыхъ были вполнѣ достойными лицами. „Пока всѣ профессора не выучатся говорить по русски, крайне необходимо, чтобы они въ латинскомъ языкѣ находили средство сообщать студентамъ свою науку“—писалъ Броннеръ. Между тѣмъ, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ имъ, знаніе латинскаго языка было до крайности ничтожно. Въ высшемъ классѣ, изъ котораго переходили въ университетъ, въ русскомъ текстѣ, писанномъ подъ диктовку, надъ каждымъ русскимъ словомъ диктовалось его значеніе по латыни; учитель указывалъ падежъ и время, чтобы не было ошибокъ и, не смотря на то, переводы изобиловали ими. Тѣмъ не менѣе изъ 33 учениковъ высшаго класса 17 были назначены въ студенты Латинскіе переводы ихъ были отправлены къ попечителю и онъ нашелъ въ нихъ массу ошибокъ, свидѣтельствовавшихъ, что писавшіе не понимали учителя.

Замѣтки о состояніи гимназіи, представленныя Броннеромъ попечителю и его предположенія о лучшемъ устройствѣ ея чрезвычайно понравились послѣднему. Очевидно онъ высоко цѣнилъ и знанія и опытность Броннера. „Чтобы устранить недостатки гимназіи, указанныя въ письмѣ вашемъ, писалъ попечитель къ нему, я не вижу другаго средства, какъ поручить г. директору, при участіи вашемъ, привести въ порядокъ преподаваніе сообразно вашимъ идеямъ. Но какъ трудъ этотъ не входитъ въ ваши обязанности, не смѣю предложить его вамъ, не получивъ на то вашего согласія и потому прошу васъ извѣстить меня согласны ли вы взять его на себя“. Говоря о средствахъ къ устраненію трехъ главныхъ недостат-

ковъ гимназіи, указанныхъ Броннеромъ, попечитель снималъ съ себя отвѣтственность за нихъ и указывалъ на свои прежнія распоряженія и предписанія, которымъ не слѣдовалъ совѣтъ. Объ учебникахъ онъ прямо поручалъ Броннеру назначить тѣ изъ нихъ, какіе онъ сочтетъ полезными и опредѣлить ихъ число, сообразно съ числомъ учениковъ. Броннеру предоставлялось право дѣйствовать въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, не соображаясь съ тѣми указаніями, какія даны директору. Самое трудное дѣло—распредѣленіе преподаванія, такъ чтобы оно шло безъ перерыва и учителя не мѣшали бы другъ другу, поручалось также Броннеру. Одно только предположеніе Броннера, заявленное имъ также и въ совѣтѣ, именно о томъ, чтобы къ преподавателямъ, въ случаѣ, если въ классѣ будетъ болѣе 50 учениковъ, назначались помощники, не можетъ быть приведено въ исполненіе, такъ какъ эти помощники должны получать сверхштатное жалованье, между тѣмъ какъ 8 пунктомъ высочайшаго манифеста отъ 5 февраля 1810 г. не дозволено дѣлать никакихъ сверхштатныхъ назначеній.

Послѣдствіемъ сообщенія Броннера было предложеніе попечителя совѣту, въ которомъ онъ возлагалъ на кого либо изъ профессоровъ, вмѣстѣ съ директоромъ „сдѣлать вновь сколько возможно удобнѣйшее расположеніе классовъ, времени и упражненій“ и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалъ никого не принимать на казенное содержаніе въ гимназію „кто не будетъ порядочно наученъ читать и писать по россійски, по латыни, по французски и по нѣмецки, тѣмъ паче, что для сего есть особливое въ Казани главное народное училище“. Въ гимназію нерѣдко, даже на казенный счетъ, поступали совсѣмъ безграмотные. Черезъ четыре года пребыванія тамъ, они переходили въ университетъ и должны были слушать нѣмецкихъ профессоровъ, представителей нѣмецкой науки, которую серьезно понять на языкѣ латинскомъ и усвоить не въ состояніи, мы въ томъ увѣрены, и настоящіе молодые люди, неподготовленные восьмилѣтнимъ изученіемъ классическихъ языковъ въ современныхъ гимназіяхъ и снабженные аттестатами зрѣлости.

Въ своемъ предложеніи совѣту, возлагая на кого либо изъ профессоровъ устройство вмѣстѣ съ директоромъ, гимназическаго преподаванія, попечитель не называлъ Броннера, не получивъ еще на то его согласія. Яковкинъ предложилъ въ помощники себѣ профессора Томаса, но нѣкоторые изъ членовъ совѣта указали на Броннера, что было отклонено

директоромъ, замѣтившимъ, что онъ не довольно хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ Броннеръ промолчалъ не высказавъ того, что писалъ ему попечитель, но на другой день пошелъ къ Яковкину и послѣ долгихъ объясненій съ нимъ. добился того, что и его онъ принялъ въ эту коммиссію. хотя и не совсѣмъ охотно „Il me semble, писалъ къ попечителю Броннеръ, qu'il avait seulement peur, de se jeter, en me choisissant, dans une prolixité des affaires concernantes le gymnase. La manière un peu amère, avec laquelle m-r le directeur annonçait cet ordre (назначеніе Броннера членомъ коммиссіи), témoignait déjà qu'il n'aimait pas une nouvelle recherche de défauts au gymnase".

Броннеръ представилъ попечителю въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезвычайно обстоятельный, стоившій ему большаго труда, отчетъ о дѣйствіяхъ коммиссіи, душею которой онъ былъ. Ему приходилось бороться съ хитростью Яковкина и ловкостью клеврета его — инспектора Петровскаго. отрицавшихъ существованіе какихъ либо безпорядковъ въ распредѣленіи классовъ Броннеръ переписалъ еженедѣльные рапорты 30 учителей за сентябрь обо всѣхъ ученикахъ. посѣщавшихъ ихъ классы, имена всѣхъ учениковъ списалъ по алфавиту, затѣмъ составилъ каталогъ учениковъ. посѣщавшихъ тѣ или другіе классы и вывелъ изъ всего этого общую таблицу, изъ которой ясно было видѣть всякому, что ученики гимназіи посѣщаютъ безъ всякаго порядка тотъ или другой классъ. какъ имъ вздумается, что преподаваніе предметовъ постоянно прерывается, что учители имѣютъ полное основаніе жаловаться на безпорядокъ, а успѣхи учениковъ по необходимости должны быть ничтожны. Все это понялъ и инспекторъ, но считалъ невозможнымъ помочь злу; трудность бороться съ нимъ пугала его. Броннеръ самъ составилъ новое распредѣленіе классовъ, которое вполнѣ одобрилъ инспекторъ. За то Яковкинъ не хотѣлъ и слушать его, ссылаясь на множество своихъ занятій, медлилъ собирать комитетъ и Броннеръ долженъ былъ просить попечителя понудить его къ этому. Онъ жаловался также и на нерадѣніе и полную неспособность учителей и указывалъ на необходимость избавиться отъ нихъ. Плодомъ всѣхъ этихъ педагогическихъ занятій Броннера было назначеніе внезапныхъ экзаменовъ (examina subitanea) сначала учениковъ гимназіи. а потомъ и учителей, мѣры, какъ мы разсказывали уже (ч. I, стр. 481—483), оставшіяся безъ результата. Расположеніе

часовъ преподаванія латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ въ гимназіи, сдѣланное Броннеромъ съ тою цѣлью, чтобъ учители не мѣшали другъ другу, было введено „для примѣрнаго исполненія“ на одну недѣлю, но удержалось ли оно на долго—мы не знаемъ. „Мнѣ кажется, что г. директоръ Яковкинъ подозрѣваетъ, что я былъ обвинителемъ въ плохой латыни студентовъ передъ попечителемъ; въ совѣтѣ онъ всегда обращался ко мнѣ и къ сосѣду моему Литтрову. Можетъ быть, пишетъ онъ къ попечителю, такое убѣжденіе его увеличитъ трудность успѣха при приведеніи въ дѣйствіе моихъ плановъ относительно гимназіи“.

Не смотря на то, что попытка Броннера къ заведенію правильнаго порядка въ гимназіи и къ усиленію въ ней преподаванія латинскаго языка, не имѣла большаго успѣха, попечитель Румовскій, изъ переписки съ Броннеромъ и изъ знакомства съ его планами, составилъ себѣ очень высокое представленіе о его педагогическихъ способностяхъ. Онъ рѣшился ввѣрить его завѣдыванію *педагогическій институтъ*, дѣятельность котораго опредѣлялась §§ 122—130 университетскаго устава 1804 года. Учрежденіе это при университетѣ, имѣвшее цѣлью приготовлять учителей для гимназій и училищъ университетскаго округа (см. ч. 1, стр. 530—531) изъ кандитатовъ и магистровъ, воспитывавшихся на казенный счетъ, не имѣло еще директора и не было открыто. „Помнится мнѣ, что г. Фойгтъ избранъ былъ директоромъ педагогическаго института (это было въ концѣ 1810 года, при общихъ выборахъ, которые не были утверждены)—писалъ Румовскій къ директору (17 авг. 1811 года). По смерти его я не нахожу другаго достойнаго къ сей должности, какъ г. Броннера, и вижу, что всѣ почти прочіе иностранные не пекутся о благосостояніи гимназіи и университета“. По представленію Румовскаго Броннеръ и былъ утвержденъ первымъ директоромъ педагогическаго института при Казанскомъ университетѣ 28 мая 1812 года, съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ; по штату отпускалось 500 р., но 100 р., согласно представленію попечителя, удерживались на книги для студентовъ - кандитатовъ. Впрочемъ черезъ два года эти удержанныя деньги были возвращены Броннеру и онъ сталъ получать полностью. Увѣдомленіе объ этомъ назначеніи заслушано было въ совѣтѣ 7 августа; 27 августа Броннеръ присягалъ на эту должность и подписалъ свое клятвенное обѣщаніе по латыни. Назначены были

для студентовъ - кандидатовъ четыре особыя комнаты налѣво отъ парадного крыльца: самъ же Броннеръ почему-то отказался отъ казенной квартиры, предлагаемой ему и предпочелъ пока остаться въ наемной, находящейся впрочемъ вблизи университетскаго зданія. Въ началѣ сентября онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, собравъ въ первый разъ порученныхъ ему кандидатовъ По списку ихъ оказалось восемь: трое изъ нихъ жили внѣ университета Помѣщеніе для педагогическаго института было приспособлено для кандидатовъ и магистровъ только въ 1813 году, когда гимназія переведена была изъ университета въ собственный домъ. Изъ дѣлъ правленія видно, что всѣ кандидаты и магистры жили довольно просторно, что у каждаго была своя особая комната съ перегородкою, съ чуланомъ, съ подваломъ, гдѣ могли храниться съѣстные припасы: на двѣ комнаты полагалась особая кухня. Кромѣ того была общая комната, conversatorium, гдѣ всѣ кандидаты могли собираться или для бесѣдъ или для общихъ занятій чтеніемъ, музыкой и т. п. Броннеръ весьма заботился объ устройствѣ этихъ помѣщеній и часто входилъ въ контору, а потомъ въ правленіе университета, съ своими представленіями о разныхъ исправленіяхъ.

Отъ этой педагогической дѣятельности Броннера остался въ дѣлахъ, сохраняемыхъ въ архивѣ, его любопытный латинскій журналъ за все время его директорства, съ 13 сентября 1812 года по 9 сентября 1817 года (Protocollum directoris instituti paedagogici), писанный его собственною рукою. Журналъ этотъ имѣетъ только личный характеръ, хотя онъ прошнурованъ и скрѣпленъ печатью, но печать эта собственная. Въ этомъ журналѣ онъ записывалъ почти ежедневно, кромѣ дней, когда самъ былъ болѣнъ, все, что видѣлъ, обходя кандидатскія помѣщенія, всѣ разговоры свои съ молодыми людьми, а также и замѣчанія имъ дѣлаемыя. Кромѣ этого журнала весьма любопытны и латинскіе отчеты Броннера, которые онъ, согласно § 124 устава, представлялъ каждые полгода совѣту. Воспитанный, какъ мы знаемъ, въ очень суровой іезуитской школѣ, а потомъ подъ строгимъ надзоромъ бенедиктинскихъ монаховъ, пріученный къ вѣковымъ формамъ порядка, онъ, въ этомъ журналѣ своемъ, является передъ нами какимъ то идеальнымъ инструкторомъ. Кандидатовъ и магистровъ, какъ мы видѣли, было весьма немного, а потому ему было легко познакомиться съ каждою отдѣльною личностью

вполнѣ, изучить ее совершенно. Журналъ начинается его разговоромъ съ ввѣренными его попеченіямъ молодыми людьми; онъ съ перваго разу задаетъ имъ 16 вопросовъ, касающихся ихъ знаній въ языкахъ (разговоръ происходитъ на трехъ языкахъ; всѣ они сильно хромаютъ и въ особенности языкъ латинскій): о томъ откуда они родомъ, сколько каждому изъ нихъ лѣтъ, гдѣ и въ какомъ году они родились, о ихъ происхожденіи, о родителяхъ, родственникахъ и близкихъ, о томъ, гдѣ они провели лѣто и что видѣли замѣчательнаго, о занятіяхъ и развлеченіяхъ, о наукѣ, которою каждый изъ нихъ преимущественно занимается, о книгахъ, которыя имъ необходимы и т. п. Всѣ отвѣты на эти разнообразные вопросы должны были быть сначала написаны, а потомъ высказаны устно; первые къ сожалѣнію не дошли до насъ, хотя они и были собраны Броннеромъ, какъ видно изъ журнала; вторые записаны имъ съ удивительною аккуратностью, со всѣми подробностями ошибокъ противъ языка. Передъ нами чрезвычайно пестрая картина: точно какая-то безформенная, расплывающаяся масса принимаетъ по немногу опредѣленныя очертанія; мы знакомимся съ исчезнувшими давно условіями жизни и съ личностями въ этихъ условіяхъ. Вотъ напр. кандидатъ Гроздовскій, 22 лѣтъ, занимающійся юриспруденціей и философіей, но любящій особенно общество, игру на гитарѣ, флейтѣ и кларнетѣ. Первый вопросъ, который обыкновенно задавалъ кандидатамъ Броннеръ, при первомъ знакомствѣ съ ними, имѣлъ цѣлію узнать на сколько сильны они въ латинскомъ языкѣ. Гроздовскій отвѣчалъ на него по французски: „Je sais quelque chose en latin, mais pas tout". — Когда я спросилъ его: „Potes ne intelligere quae loquor?, онъ долго вслушивался молча и когда я повторилъ вопросъ и объяснилъ его по французски, онъ далъ наконецъ отвѣтъ: „Je sais la signification *potes*, mais non *intelligere*". Въ томъ же родѣ были и остальные кандидаты.

Трудно было пріучить аккуратному Броннеру этихъ молодыхъ людей къ какому нибудь порядку, къ сколько нибудь серьезному отношенію къ жизни, къ занятіямъ и сознанію обязанностей, но кажется, что его настойчивость и упорство имѣли нѣкоторый успѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался уваженіемъ за свой откровенный и честный характеръ. Жалѣть надобно, что это серьезное отношеніе къ дѣлу продолжалось не долго, что вскорѣ послѣ выхода Броннера изъ универ-

ситета, насталъ періодъ Магницкаго. Въ это время, полное фразъ и толковъ о нравственности и религіозномъ воспитаніи юношества, мы увидимъ крайнюю нравственную распущенность молодыхъ людей. То была эпоха воспитанія фальшивыхъ, лицемѣрныхъ и исключительно своекорыстныхъ характеровъ. Въ это время преобладала фраза, казавшаяся благонамѣренною, но прикрывавшая собою и незнаніе жизни и ея требованій, и глубокое презрѣніе къ ней и народу, а чаще всего личные разсчеты и своекорыстіе. Трудно было Броннеру пріучить своихъ молодыхъ людей къ веденію журнала (diarium), въ которомъ долженъ былъ заключаться въ самомъ краткомъ видѣ перечень занятій днемъ, содержаніе того, что было ими прочитано и т. п. (quid ad sui perfectionem in studiis egerit, legerit vel composuerit); онъ требовалъ, чтобъ они писали его ежедневно и потомъ составляли мѣсячные отчеты о себѣ. Кандидаты долго не могли понять на что ему нуженъ такой журналъ: очевидно ихъ не пріучали никогда думать о себѣ и о своихъ обязанностяхъ. Броннеръ не разъ долженъ былъ объяснять имъ пользу такого сознательнаго отношенія къ себѣ самимъ. Они желали всячески отдѣлаться отъ такой неслыханной ими прежде обязанности. Сначала никто не писалъ и Броннеръ долженъ былъ самъ указать, какъ писать и въ чемъ долженъ былъ заключаться дневникъ. За тѣмъ пошли частныя отговорки: одинъ не успѣлъ, другой просто забылъ, третій ссылался на то, что у него болитъ палецъ, у четвертаго болѣла голова и проч. Панкратовъ, на вопросъ Броннера: готовъ ли у него дневникъ? отвѣчалъ, что онъ написалъ его по русски,—въ надеждѣ, что Броннеръ не спроситъ его,—но когда тотъ попросилъ его показать написанное, то оказалось, что кандидатъ солгалъ. Броннеръ уличилъ его во лжи. Дневники онъ требовалъ непремѣнно на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, лучше извѣстномъ кандидату, или на латинскомъ. Чтобы уличить кандидатовъ во лжи, къ которой они часто прибѣгали, Броннеръ повѣрялъ показанія дневника другими свѣдѣніями, собираемыми отъ профессоровъ и съ разныхъ сторонъ.

Обходя или очень рано поутру или вечеромъ поздно, но всегда въ неопредѣленные часы дня комнаты кандидатовъ, Броннеръ заставалъ ихъ довольно часто на распашку, иногда въ занятіяхъ, ничего общаго съ приготовленіемъ къ учительству не имѣющихъ, а потому часто приводилось ему уходить,

дѣлая отеческія внушенія, говоря о нравственныхъ требованіяхъ и побуждая къ дѣятельности („non sine multis paternis monitionibus, adhortans ad bonos mores et activitatem"), доказывая даже вредъ для здоровья отъ того неправильнаго образа жизни, который возмущалъ его. Часто заставалъ онъ кандидатовъ въ постели по утру, когда лекціи уже начались, гналъ запоздалыхъ въ аудиторіи, будилъ отъ послѣ-обѣденнаго сна, прекращалъ карточную игру, уличалъ того, отъ котораго несло запахомъ горѣлаго вина („Sresnevskium odorem vini adusti spargentem"), или выводилъ на чистоту притворныя болѣзни. По словамъ его, онъ пріучалъ кандидатовъ къ правильной жизни, ко сну въ опредѣленное время, къ раннему вставанью („monui eos serio et paterne, regulari vitae rationi assuescerent, tempore debito lecto decumberent, ac mane surgerent, pretiosas esse studiis horas matutinas"). Въ особенности трудно было Броннеру пріучить кандидатовъ къ чистотѣ. Небрежность ихъ въ этомъ отношеніи сильно возмущала его и онъ являлся тутъ болѣе строгимъ („vehementes feci reprehensiones, severius comminans"). Любопытно однако, что при всемъ этомъ, повидимому мелочномъ вторженіи въ жизнь молодыхъ людей, уже взрослыхъ, съ долголѣтними привычками, мы въ цѣломъ журналѣ Броннера, съ педантизмомъ записывавшаго и самые пустые случаи, не нашли ни одного намека на недовольство кандидатовъ этими мѣрами, на какую либо грубость съ ихъ стороны или неповиновеніе. Безъ сомнѣнія нравственное содержаніе личности Броннера внушало къ нему полное уваженіе, не допускало никакихъ выходокъ. Совершенно въ другія отношенія былъ онъ поставленъ къ студентамъ, когда сдѣлался инспекторомъ. Только съ однимъ кандидатомъ, Ярцевымъ, повидимому вышло у Броннера столкновеніе, но это произошло по особому случаю. Объ этомъ единственномъ и даровитомъ ученикѣ оріенталиста Френа мы уже говорили въ нашей книгѣ (ч. 1-я, стр. 194—198). Изъ журнала Броннера видно, что Ярцевъ отвѣчалъ на предложенные ему вопросы лучше всѣхъ кандидатовъ, что знанія его въ иностранныхъ языкахъ были значительны, что кругъ его свѣдѣній и число прочитанныхъ имъ книгъ не по одной его спеціальности, были обширны. Но Ярцевъ, при всей своей талантливости, былъ увлекающеюся натурою, почему можетъ и имя его осталось безслѣднымъ въ наукѣ о Востокѣ. Сначала не понравилось Броннеру извѣстіе „Iar-

zovium venereo morbo laborare", что оказалось впрочемъ пустяками и его безпорядочный образъ жизни; за злоупотребленіе свободой онъ наказалъ его тѣмъ, что не позволилъ ему въ теченіе мѣсяца выходить безъ спроса изъ университета. Онъ просилъ Эрдмана оказать Ярцеву медицинскую помощь, дѣлалъ ему строгіе упреки и заставилъ его дать подписку въ томъ, что онъ выполнитъ объявленное ему и одобренное попечителемъ наказаніе. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и въ журналѣ Броннера мы находимъ слѣдующій разсказъ о Ярцевѣ:

«По выздоровленіи отъ простуды, осматривая кандидатскія комнаты, я нашелъ, что деревянныя перегородки и чуланы (parva cubicula lignea), сдѣланы удовлетворительно и что всѣ кандидаты этимъ довольны. Но въ номерѣ Ярцева я увидѣлъ молодую женщину, моющую бѣлье, кандидата же не было дома Написавъ ему записку, въ которой потребовалъ, чтобъ онъ принесъ мнѣ свой журналъ и что мнѣ необходимо кое о чемъ съ нимъ объясниться, я положилъ записку на столъ На другой день онъ принесъ мнѣ журналъ, небрежно написанный На вопросъ мой: что это за молодая женщина (mulierecula), которую я видѣлъ въ вашей комнатѣ? — онъ отвѣчалъ, что она его экономка (culinae procuratrix) и кухарка Я ему говорю: «Но кто же позволилъ вамъ ввести женщину въ педагогическій институтъ? Онъ мнѣ на это: «Меня заставила это сдѣлать экономія; прежде я голодалъ, хотя и тратилъ на пищу 15 рублей въ мѣсяцъ (кандидаты получали жалованье и должны были сами заботиться о пищѣ), а она довольна и тремя рублями въ мѣсяцъ; она и моетъ и варитъ, мнѣ же все попадались молодыя женщины; ни полилой, ни старухи я не нашелъ» Я сказалъ ему, что въ педагогическомъ институтѣ невозможно позволить кому либо имѣть при себѣ служанку, что ему необходимо съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ условиться о столѣ въ семейномъ домѣ, а служанку онъ обязанъ отпустить немедленно, что мнѣ придется обо всемъ этомъ доложить попечителю и что онъ долженъ ждать себѣ наказанія за такое неприличное мѣсту поведеніе Когда я доложилъ объ этомъ случаѣ попечителю, тотъ сказалъ мнѣ: «Изумляюсь дерзости этого кандидата: привести въ институтъ дѣвку *безъ чьего либо дозволенія*» (absque ulla permissione) и приказалъ немедленно ее выпроводить. Когда на слѣдующій день я объявилъ Ярцеву этотъ приказъ, сильно разгорячился юноша, называя меня своимъ преслѣдователемъ, упрекая меня дерзко въ несправедливости по отношенію къ нему Я возражалъ ему, что его собственная безнравственность принудила меня принять эти мѣры противъ него, что мнѣ тяжело прибѣгать къ нимъ, но что онѣ необходимы для его же пользы На это отвѣтилъ онъ мнѣ, что долженъ будетъ теперь умереть съ голоду, что не имѣя болѣе дѣвушки-кухарки, ему очень дорого будетъ обходиться столъ вмѣстѣ съ другими, что некому теперь будетъ мыть ему бѣлье, на что я замѣтилъ ему, что онъ долженъ жить въ этомъ отношеніи, какъ и всѣ прочіе. Въ сильномъ раздраженіи онъ вскочилъ и грозилъ мнѣ, что немедленно пойдетъ жаловаться на меня попечителю «Идите и жалуйтесь» сказалъ я, видя, что онъ забываетъ всякое приличіе. Когда онъ шелъ отъ попечителя, то встрѣтился со мною на дорогѣ и не снялъ шапки «Развѣ вы не знаете вашей обязанности?»—спросилъ я —Знаю!»—отвѣчалъ онъ грубо. Попечитель, когда я пришелъ къ нему, сказалъ мнѣ, что онъ уже говорилъ съ Ярцевымъ Я разсказалъ про встрѣчу —Черезъ два дни, осматривая комнаты кандидатовъ, я увидѣлъ, что Ярцевъ сидитъ у печки въ мрачномъ расположеніи духа Я спросилъ его: отпустилъ ли онъ свою

дѣвушку, какъ приказывалъ попечитель Послѣ нѣкотораго молчанія онъ отвѣтилъ, что отпустилъ «Говорилъ мнѣ Френъ, сказалъ я Ярцеву, что вы жаловались ему на меня, будто я прогналъ домой того *мальчика*, котораго вы учили въ своей комнатѣ Вы знаете что это ложь Тѣмъ не менѣе я объявляю вамъ, что вы можете держать мальчика при себѣ, пока похвальнымъ образомъ занимаетесь его воспитаніемъ и ученіемъ» Мальчикъ этотъ былъ гимназистъ, котораго Ярцевъ училъ татарскому языку Ничего не отвѣтилъ онъ мнѣ на это, только стоялъ и улыбался Я сказалъ ему тогда: въ такомъ видѣ вы по крайней мѣрѣ кажетесь любезнымъ» и ушелъ»

Этимъ эпизодъ съ Ярцевымъ могъ бы и кончиться, но при дальнѣйшихъ своихъ осмотрахъ кандидатскихъ комнатъ, Броннеръ находилъ уже комнату Ярцева запертою и на двери висѣлъ замокъ. „На вопросъ мой, сдѣланный Максютову— „гдѣ же Ярцевъ? онъ отвѣчалъ улыбаясь и едва удерживаясь отъ смѣха, что онъ не знаетъ что Ярцевъ все время былъ дома до обѣда. Все это заставило Броннера весьма подозрительно относиться къ Ярцеву и когда въ 1814 году астраханскій губернаторъ просилъ попечителя и университетъ о переводчикѣ съ восточныхъ языковъ. Броннеръ, желая отдѣлаться отъ Ярцева, совѣтовалъ попечителю послать его туда, указывая на его дурные нравы, но попечитель и Френъ ставили выше всего его способности.

Кандидатовъ на учительство, находившихся подъ надзоромъ Броннера, было немного, а потому ему легко было ладить съ ними и находиться въ близкихъ, почти дружественныхъ къ нимъ отношеніяхъ. Изъ его журнала или протокола можно видѣть, что онъ часто разговаривалъ съ ними, интересовался ихъ занятіями, указывалъ на книги для чтенія, знакомилъ ихъ съ лучшими методами на сколько это зависѣло отъ возможности взаимнаго пониманія. Узнавъ, что Самсоновъ (кандидатъ) читаетъ съ большимъ увлеченіемъ сочиненія Руссо, которыми въ молодости и онъ сильно восторгался въ монастырѣ, Броннеръ, какъ самъ онъ разсказываетъ, старается доказать молодому человѣку необходимость обдуманнаго и критическаго отношенія къ этому мыслителю, говоритъ, что многія изъ положеній Руссо должны быть отвергнуты. „Я совѣтовалъ ему, чтобы онъ сначала познакомился съ настоящей, серьезной философіей и тогда, когда онъ вполнѣ проникнется ея здравыми положеніями, ему безопаснѣе будетъ читать такія сочиненія, какъ Руссо, у котораго нѣтъ строгихъ основаній. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что уже познакомился съ доброю и здравою философіею на лекціяхъ покойнаго профессора Запольскаго.

Броннеръ, какъ мы знаемъ, былъ поэтъ и главная поэтическая его дѣятельность заключалась въ его идилліяхъ, о которыхъ мы уже говорили. Не смотря на ничтожное знаніе казанскими студентами нѣмецкаго языка, до нѣкоторыхъ изъ нихъ могло дойти свѣдѣніе о поэтическихъ произведеніяхъ ихъ профессора и директора педагогическаго института, пользовавшихся тогда извѣстностью и въ самой Германіи. Нашелся одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ, который въ казанскомъ періодическомъ изданіи, сказалъ нѣсколько словъ вообще объ идилліи и изложилъ содержаніе одной изъ идиллій Броннера, подъ названіемъ „Треножникъ". „Читатели, мало знакомые съ лирою нашего пѣснопѣвца, украшающаго нынѣ закатомъ дней своихъ *цвѣтущія долины казанскія*, безъ сомнѣнія захотятъ видѣть нѣкоторые листки съ гирляндовъ украшающихъ вѣнецъ его Музы" (*). Мы не сомнѣваемся, что и тогдашній кандидатъ, слушавшій лекціи Перевощикова и начавшій писать стихи именно въ это время, В. И. Панаевъ, направленіемъ своей тогдашней поэтической дѣятельности, выборомъ для нея идиллии, былъ обязанъ Броннеру, хотя и не думаемъ, чтобъ онъ знакомъ былъ въ подлинникѣ съ произведеніями послѣдняго. Еще въ 1813 году Броннеръ записалъ въ своемъ журналѣ, что онъ представилъ

(*) *Казанскія Извѣстія* 1815 г. № № 49, 51 и 53. Статья «Нѣчто о Броннеровыхъ идилліяхъ» принадлежала тогдашнему студенту *Березникову*, Львову Ивановичу, но она не кончена, вѣроятно потому, что послѣ экзаменовъ въ іюнѣ 1815 года, Бередниковъ, получивший на торжественномъ актѣ публичную похвалу за отличные успѣхи (по словесности) и хорошее прилежаніе, оставилъ вскорѣ Казанскій университетъ чтобы кончить свое образованіе въ Московскомъ Бередниковъ, впослѣдствіи столь извѣстный археологъ, ординарный академикъ, дѣятельный участникъ археологической экспедиціи Строева, членъ и главный редакторъ археографической коммиссіи и почетный членъ Казанскаго университета (1793—1854), по свидѣтельству его біографа (*Плетневъ*, Академикъ Я. И. Бередниковъ въ «Извѣстіяхъ Акад. Н. по отдѣленію русскаго языка и словесности», т. III, стр. 321—352), еще въ дѣтствѣ «пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Это конечно дало ему, увлекавшемуся тогда словесностью и писавшему стихи, возможность познакомиться съ идилліями Броннера. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. № 14 помѣщенъ переводъ двухъ идиллій Броннера: «Куры» и «Выздоравливающій Эдонъ», принадлежащій В. М. Перевощикову, тогда экстраординарному профессору русской словесности (см. о немъ ч. I, стр. 508—513). Изъ примѣчанія издателя (Каченовскаго) видно, что онъ перевелъ нѣсколько Броннеровыхъ идиллій для этого журнала. Четырнадцать идиллій Броннера, имъ переведенныхъ, напечатаны въ его «Опытахъ» (Дерптъ, 1822). Въ Казанскомъ университетѣ Бередниковъ учился съ 12 іюня 1813 по 8 іюля 1815 года.

попечителю идилліи Панаева и тотъ обѣщалъ ихъ прочитать, а потомъ хвалилъ ихъ Эти идилліи, положившія, какъ извѣстно, основаніе служебной карьерѣ Панаева, своимъ содержаніемъ свидѣтельствовали только о пустотѣ жизни, окружавшей молодаго человѣка. По нашему мнѣнію это чисто внѣшнія, вымученныя произведенія, хотя по признанію автора (*), въ одной изъ нихъ онъ изобразилъ свою любовь къ дочери Яковкина Если идилліи Броннера, по выраженію казанскаго переводчика ихъ Бередникова „сіи картины живописнѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ сняты съ природы“, съ чѣмъ согласны и нѣмецкіе критики, если онѣ глубоко прочувствованы, какъ видно изъ автобіографіи Броннера, то къ блѣднымъ по краскамъ, бѣднымъ содержаніемъ и творчествомъ идилліямъ этого казанскаго Теокрита въ высокой степени примѣнима извѣстная эпиграмма Пушкина „Русскому Геснеру“. Даже Батюшковъ смѣялся надъ ними. „Кто такой Панаевъ? спрашиваетъ онъ Гнѣдича Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ медъ, патоку, молоко, творогъ, Шапкова и тминъ, спрыснутый водою“ (Соч. III, 457). По словамъ же самого Панаева, онъ „старался подражать Геснеру вездѣ, гдѣ дозволяли то слабыя его способности и трудность стихосложенія“ (Предисловіе).

Въ званіи директора педагогическаго института, представивъ въ первый разъ въ октябрѣ 1812 года, согласно § 124 устава, *планъ ученія* для готовящихся къ учительской должности, Броннеръ не повторялъ его однако чрезъ каждые полгода, какъ того требовалъ этотъ §, опредѣливъ разъ навсегда, соображаясь съ предметами преподаванія въ гимназіи, какими науками должны заниматься кандидаты. За то онъ каждые полгода представлялъ отчеты о занятіяхъ кандидатовъ наукою и о тѣхъ повторительныхъ или скорѣе подготовительныхъ урокахъ, которые они должны были вести съ младшими, только что вступившими въ университетъ и весьма неподготовленными, какъ мы знаемъ, студентами. При такихъ отчетахъ прилагались также и упражненія кандидатовъ, сочиненія ими написанныя. Отчеты обыкновенно читались въ засѣданіяхъ совѣта, но не обсуждались, а сочиненія и упражненія, по открытіи университета въ 1814 году и по образованіи факультетовъ, препровождались на разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ.

(*) *Воспоминанія*. Вѣстн Евр. 1867 г. т III, стр 227

При незначительномъ числѣ кандидатовъ на учительскія должности въ то время, Броннеру было нетрудно съ самаго начала поставить это дѣло удовлетворительнымъ образомъ.

Были ли однако какіе либо видимые результаты дѣятельности Броннера въ званіи директора педагогическаго института сказать трудно, но отчеты его проникнуты значительною долею пессимизма Онъ самъ говоритъ, что всѣ старанія его пріучить къ труду кандидатовъ посредствомъ указаній съ его стороны и участія въ этихъ трудахъ имѣли самый незначительный результатъ (exiguus effectus). „Ни одинъ изъ кандидатовъ, говоритъ онъ, не занимается наукою съ дѣйствительнымъ рвеніемъ и любовью. Безъ принужденія, они не умѣютъ повиноваться Подъ самыми пустыми предлогами, они отдѣлываются отъ посѣщенія лекцій Немногіе изъ нихъ еще могутъ подавать нѣкоторую надежду; другіе же никакой. Панкратовъ не знаетъ ни одного языка, кромѣ своего роднаго, между тѣмъ какъ на французскій языкъ указалъ, какъ на главный предметъ своихъ занятій. Панаевъ, избравшій также этотъ языкъ, нѣсколько знакомъ съ нимъ, но многаго не понимаетъ, не знаетъ правилъ, не имѣетъ ни практики, ни достаточнаго запаса словъ. Не смотря на все это, оба кандидата, подъ различными предлогами, но въ дѣйствительности изъ тайнаго самолюбія, съ пренебреженіемъ относились къ наставленіямъ покойнаго лектора французскаго языка и никогда не посѣщали его аулиторіи, не смотря на мои настоянія Точно таковъ и Поповъ, вовсе не понимающій по нѣмецки и не желающій ходить на лекціи къ Лейтеру“. Жалуется наконецъ Броннеръ и на то, что нѣкоторые изъ кандидатовъ, уѣхавъ на рождественскіе праздники непзвѣстно куда, не воротились до сихъ поръ (конецъ января), что Максютовъ, уѣхавшій на лѣтнія вакаціи, воротился только 21 декабря, объясняя свое отсутствіе множествомъ мѣстъ, въ которыхъ онъ перебывалъ и на вопросъ: отчего онъ опоздалъ?— представить могъ только одну отговорку: „J'étais indisposé“. За эти отлучки Броннеръ представлялъ совѣту сдѣлать вычетъ изъ получаемаго кандидатами жалованья, что совѣтъ и постановилъ. Изъ всѣхъ донесеній Броннера совѣту о педагогическомъ институтѣ мы имѣемъ полное основаніе сдѣлать заключеніе, что приготовленіе кандидатовъ учительства было самое жалкое, что ни одного порядочнаго сколько нибудь учителя этотъ институтъ при Броннерѣ и не могъ доставить, не смотря на всѣ его старанія.

Дѣятельность Броннера, какъ директора педагогическаго института, заслужила благодарность попечителя Салтыкова, а сослуживцы его, профессоры университета, оцѣнили его умѣнье обращаться съ молодыми людьми тѣмъ, что при баллотировкѣ въ должность инспектора студентовъ, происходившей согласно предписанію попечителя 22 іюня 1814 года (прежній инспекторъ профессоръ Браунъ, недолго несшій эту обязанность послѣ Яковкина, будучи избранъ ректоромъ, отказался отъ нея), Броннеръ получилъ больше всѣхъ избирательныхъ шаровъ. Онъ отказался сначала, ссылаясь на плохое знакомство свое съ русскимъ языкомъ и прося выбрать вмѣсто него кого либо болѣе знакомаго съ этимъ языкомъ. Тогда сдѣланъ былъ вторичный выборъ, по которому наибольшее число избирательныхъ баловъ получилъ профессоръ Томасъ, но этотъ рѣшительно отказался, ссылаясь на то „что хотя онъ, послѣ внимательнаго приготовленія и въ надеждѣ на снисходительность аудиторіи, можетъ довольно сносно объяснять и излагать по русски, но когда ему приходится говорить безъ приготовленія и объ обыкновенныхъ предметахъ въ жизни (praesertim de rebus in vita familiari obviis), онъ не на столько знакомъ съ русскимъ языкомъ чтобъ не ошибаться противъ правилъ грамматики и не возбуждать смѣха неупотребительными словами и реченіями („ne praeposteris verbis phrasibusque risum moveam“). Это должно вредить достоинству инспектора и ронять его въ глазахъ студентовъ въ случаѣ, когда ему приходится уговаривать ихъ или убѣждать“. Другой мотивъ отказа со стороны Томаса заключался въ томъ, что инспектору необходимо жить въ самомъ зданіи университета, для того чтобъ находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ со студентами, а у него свой домъ, продать который онъ не можетъ въ скоромъ времени. Совѣтъ уважилъ эти причины и тогда Броннеръ объявилъ, что онъ „готовъ взять на себя эту должность и попытаться можетъ ли онъ удовлетворить ея обязанностямъ („huic officio humeris submittere, atque tentare, num ejusdem obligationibus satisfacere queam“).

Историческимъ документомъ служебной дѣятельности Броннера въ званіи инспектора студентовъ (1814—1817) можетъ служить „Книга о поведеніи студентовъ, заведенная до него немедленно по основаніи университета въ 1805 году и доведенная до 1820 года. Какъ и журналъ по педагогическому институту, часть этой книги, писанная Броннеромъ по латыни, представляетъ

его дневникъ, въ который онъ вносилъ почти ежедневно все имъ пережитое въ званіи инспектора всѣ свои отношенія къ студентамъ и разныя событія въ этомъ мірѣ, который находился подъ его непосредственнымъ надзоромъ Эта книга чрезвычайно любопытна, потому что даетъ намъ матеріалы для изображенія быта казанскихъ студентовъ за семьдесятъ слишкомъ лѣтъ до нашего времени. Надобно замѣтить, что искренній Броннеръ относился вовсе не формальнымъ образомъ къ своей обязанности и, сравнивая имъ записанное съ тѣмъ, что въ той же книгѣ писали его предшественники и послѣдующіе инспектора, нельзя не отдать полной справедливости и его наблюдательности и его желанію принести пользу общему дѣлу воспитанія. Предполагая въ одной изъ послѣдующихъ главъ этой части остановиться болѣе подробно на бытѣ студентовъ, на ихъ отношеніяхъ и къ университетскому начальству, и къ жизни ихъ окружавшей, мы воспользуемся въ своемъ мѣстѣ тѣми любопытными данными, которыя заключаютъ въ себѣ дневныя записки Броннера. Можно замѣтить здѣсь одно только, что при внимательномъ разсмотрѣніи этого журнала, у читателя должно исчезнуть всякое представленіе о томъ „добромъ, старомъ времени“, какое невольно можетъ быть возникаетъ у нѣкоторыхъ, при возвращеніи къ воспоминаніямъ о прошломъ. Молодость—прекрасное время жизни и понятно, что впечатлѣнія ея окрашиваются въ весенній розовый цвѣтъ въ воспоминаніяхъ, но этотъ цвѣтъ весьма часто тускнѣетъ и исчезаетъ, когда мы познакомимся съ дѣйствительными историческими фактами Они говорятъ другое. Передъ нами возникаютъ такія явленія, которыя къ счастію мыслимы только въ давно изчезнувшихъ общихъ условіяхъ жизни, окружавшихъ университетъ въ первые годы его существованія. По мѣрѣ увеличенія съ годами числа студентовъ, вопросъ объ урегулированіи ихъ отношеній къ университету, объ устройствѣ ихъ жизни, о пріученіи ихъ къ извѣстнымъ формамъ, необходимымъ въ общежитіи, о развитіи въ нихъ любви къ занятіямъ,—являлся самымъ существеннымъ. Что-то до крайности безформенное, дикое, грубое, лишенное умственныхъ и нравственныхъ интересовъ представляетъ намъ это сборище молодыхъ людей, незнакомыхъ ни съ какою дисциплиною воспитанія, плохо развитыхъ въ умственномъ отношеніи и совершенно случайно попавшихъ подъ университетскую крышу, съ единственною цѣлью получить тѣ привилегіи, которыя давались тогда высшимъ образованіемъ, но по-

лучить ихъ безъ труда, а при помощи тѣхъ средствъ, какія преобладали въ окружающей жизненной средѣ Нельзя безусловно винить за все это молодыхъ людей. Они были дѣтьми времени и обстоятельствъ, служили вѣрнымъ выраженіемъ той жизни, которая ихъ воспитала. Въ годы господствованія Яковкина, продолжавшіеся до смерти попечителя Румовскаго и назначенія Салтыкова, ближе разсмотрѣвшаго знаменитаго директора, число студентовъ было весьма незначительно, отношенія были вполнѣ патріархальныя и, если и пробивались наружу какія-либо ботѣе серьезныя исторіи (не въ томъ конечно политическомъ смыслѣ, какъ смотрятъ на нихъ теперь), то ловкость Яковкина умѣла замять дѣло; передъ глазами посторонняго зрителя почти все было шито и крыто. О студенческихъ правилахъ при немъ, объ особомъ званіи „камернаго“ студента, товарища-надзирателя за нравственностью другихъ мы уже говорили въ первой части (стр. 466—471). Когда въ 1814 году университету даровано было самоуправленіе, опредѣленное уставомъ, то рядомъ съ самымъ насущнымъ вопросомъ о приведеніи въ какой либо порядокъ преподаванія (мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи господствовалъ полный хаосъ), возникъ совершенно естественно и вопросъ о студентахъ, вызванный силою вещей. И занятія и поведеніе студентовъ должны были обратить особое вниманіе нѣмецкихъ профессоровъ, въ рукахъ которыхъ былъ теперь университетъ послѣ его открытія Въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ исторію попытокъ этихъ профессоровъ, имѣвшихъ цѣлью создать изъ Казанскаго университета учрежденіе, сколько нибудь похожее на тѣ, которымъ сами они были обязаны своимъ приготовленіемъ къ научной дѣятельности. И въ томъ и другомъ вопросѣ мы еще встрѣтимся съ Броннеромъ. Какъ былъ имъ устроенъ лучшій порядокъ преподаванія въ Казанской гимназіи, о чемъ было уже говорено, также точно много труда было положено имъ на устройство преподаванія и въ университетѣ, на распредѣленіе наукъ по факультетамъ; въ этомъ отношеніи онъ много работалъ, и послѣ Френа сталъ составлять и печатать латинскія обозрѣнія преподаваній.

Эта дѣятельность Броннера въ званіи директора педагогическаго института и потомъ инспектора должна была поглощать много времени и конечно отвлекать его отъ чтенія лекцій. О нихъ мы не можемъ составить себѣ никакого яснаго представленія, кромѣ тѣхъ указаній, какія находятся въ печат-

ныхъ обозрѣніяхъ лекцій. Физику Броннеръ читалъ четыре часа въ недѣлю или по своимъ тетрадямъ или по руководству Фишера („Lehrbuch der mechanischen Naturlehre“) и Греена; минералогію, которую онъ обязанъ былъ прочитать два раза въ двухгодичный курсъ, за деньги, полученныя имъ на перевозку его вещей изъ Швейцаріи (на эти лекціи посвящалось также четыре часа въ недѣлю) онъ излагалъ по разнымъ сочиненіямъ. Эта минералогія, читанная имъ по нѣмецки, заключала въ себѣ, какъ это можно видѣть изъ одного его рапорта: 1) философію минералогіи или науку о свойствахъ минераловъ (de caracteribus), на основаніи началъ Вернера; 2) ориктогнозію или науку о познаніи простыхъ минераловъ, составляющихъ четыре класса и 3) геогнозію или науку о минералахъ сложныхъ. При чтеніи минералогіи, Броннеръ пользовался какъ пособіями, таблицами Леонгарда, своими собственными таблицами и своимъ минералогическимъ собраніемъ. Когда въ 1815 году онъ во второй разъ кончилъ свой двухлѣтній курсъ минералогіи, то донося объ этомъ совѣту, онъ высказывалъ готовность преподавать и впредь эту науку, но уже съ какимъ нибудь вознагражденіемъ. Министръ утвердилъ это вознагражденіе въ количествѣ 800 р. ежегодно вмѣсто 1000 р., какъ представлялъ совѣтъ. „доколѣ онъ будетъ читать сію науку“. Съ 1815 года Броннеръ присоединилъ къ изложенію минералогіи и конхіологію по собственному собранію раковинъ. Чтеніе минералогіи было возложено на Броннера конечно потому, что предмета этого никто не читалъ, что не было профессора минералогіи. Поэтому онъ крайне былъ удивленъ, когда въ „извѣщеніи о преподаваніи наукъ“, напечатанномъ на 1815—1816 годъ, прочелъ, что адъюнктъ естественной исторіи Василій Тимьянскій будетъ также проходить *минералогію* „сколько сіе возможно по малочисленности штуфовъ въ университетскомъ минеральномъ кабинетѣ находящихся“. Онъ поспѣшилъ донести совѣту объ этомъ обстоятельствѣ и просить его распорядиться, чтобы Тимьянскій и Фуксъ условились между собою какія части естественныхъ наукъ читать имъ, кромѣ минералогіи. Лекцій по этой наукѣ Тимьянскій и не начиналъ.

Невольно приходимъ къ убѣжденію, что результаты преподаванія Броннера были весьма незначительны, если не вполнѣ ничтожны. Ни одного ученика и по физикѣ и по минералогіи онъ не оставилъ послѣ себя въ Казани. Тѣ же

Кайсаровъ и Тимьянскій, читавшіе физику и минералогію до него и частію при немъ (для только что поступившихъ студентовъ), стали читать и послѣ него. Его дѣятельность преимущественно посвящена была педагогическому институту, инспекторству и разнымъ проектамъ организаціоннаго свойства, имѣвшимъ задачею болѣе правильное устройство преподаванія какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ работалъ очень много и ни одинъ нѣмецкій профессоръ не оставилъ столько бумагъ и донесеній послѣ себя, сколько оставилъ ихъ Броннеръ Не смотря однако на высказанное имъ Румовскому при своемъ опредѣленіи твердое намѣреніе остаться въ Казани до конца жизни, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ ней, въ душѣ Броннера, постепенно созрѣваетъ намѣреніе оставить свою разнообразную дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ и переселиться въ любимую имъ Швейцарію. Какія побудительныя причины были у него къ тому, кромѣ можетъ быть недовольства казанскою жизнью и тоски по родинѣ, къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, за неимѣніемъ письменныхъ данныхъ. Безъ сомнѣнія онъ высказывалъ ихъ въ интимномъ кругу своихъ нѣмецкихъ сотоварищей. Но самый кругъ этотъ постепенно разрушался: одни умирали, очень можетъ быть, что отъ вліянія суроваго и непривычнаго климата; другіе по немногу уходили, переселяясь или въ Дерптъ, или за-границу, или въ Императорскую Академію Наукъ (Френъ), находя такое переселеніе болѣе удобнымъ и для жизни, и для своей научной дѣятельности. Съ 1815 года министерство народнаго просвѣщенія у насъ приняло направленіе, весьма неблагопріятное для нѣмецкой, особенно преподаваемой профессорами протестантами, науки. На нихъ стали смотрѣть неблагосклонно. Изъ воспоминаній харьковскаго профессора Роммеля (*) можно составить представленіе о ихъ положеніи въ русскихъ университетахъ въ это время. Безъ сомнѣнія они всѣ, за немногими исключеніями, были чутки къ признакамъ времени и переписывались другъ съ другомъ. Въ концѣ 1816 года въ совѣтѣ Казанскаго университета было заслушано предложеніе исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія (князя А. Н. Голицына) отъ 28 ноября, № 3822, о томъ „что профессоръ

(*) «Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit von Chr. von Rommel» въ сборникѣ *Фридриха Бюлау*: Geheime Geschichten und rätselhafte Menschen, V Band, 1854, S. 421—600

Харьковскаго университета Шадъ ( ) *за обнаруженныя имъ правила* удаленъ отъ должности и высланъ за границу, такъ какъ онъ, по препорученію совѣта, издалъ на казенный счетъ, для употребленія въ училищахъ, извѣстную на латинскомъ языкѣ, изданную во Франціи Ломондомъ книгу подъ заглавіемъ De viris illustribus Romae, въ которой онъ сдѣлалъ прибавленія и выраженія, для юношества соблазнительныя и вредныя. Кромѣ сего онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ Institutiones juris naturae, заключающую въ себѣ также мѣста неприличныя въ сочиненіяхъ, писанныхъ для наставленія юношества. Сверхъ сего диссертаціи искавшихъ получить въ Харьковскомъ университетѣ степень доктора Гриневича и Ковалевскаго оказались *поддѣланными и списанными съ диссертаціи Шада и съ тетрадей, по коимъ онъ преподаетъ свои лекціи* Причемъ препоручается, что если находятся въ Казанскомъ университетѣ и учебныхъ заведеніяхъ ему подвѣдомыхъ, упомянутыя изданныя профессоромъ Шадомъ книги, были бы оныя, во исполненіе Высочайшей воли, истреблены".

Бронперу было почти 60 лѣтъ, одинокій и безсемейный старикъ, онъ ничѣмъ не былъ связанъ съ Казанью: дружеское нѣмецкое общество, въ которомъ только онъ и вращался, разсѣивалось; близкіе ему люди уходили одинъ за другимъ. При чрезвычайно скромной и простой жизни, у него безъ

(*) Вѣроятно Броннеръ былъ лично знакомъ съ Шадомъ Судьба ихъ почти одинакова Какъ и Броннеръ, Романъ Шадъ выросъ и развился въ тѣхъ же условіяхъ и въ той же южной Германіи; родились они въ одномъ и томъ же году И Шадъ былъ воспитанъ іезуитами, поступилъ въ монахи бенедиктинскаго ордена, бѣжалъ отъ монастырскаго гнета и описалъ свои приключенія (Lebens und Klostergeschichte von ihm selbst beschrieben, 2 Bde, Erfurt, 1803—1804) и послѣ бѣгства увлекся философіей, сначала Фихте, а потомъ Шеллинга Сдѣлавшись первымъ профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ, онъ читалъ въ немъ всѣ философскіе предметы и былъ послѣдователемъ Шеллинга Въ противоположность скромному Броннеру, Шадъ, по разсказу Роммеля, отличался рѣзкимъ языкомъ, насмѣшливостью и цинизмомъ, за что былъ нелюбимъ, особенно русскими профессорами Когда въ министерствѣ стали господствовать идеи Жозефа де Местра, возбудившія недовѣріе къ нѣмецкимъ профессорамъ, Шадъ былъ обвиненъ въ атеизмѣ. Его процессъ и высылка изъ Россіи долго занимали общественное мнѣніе въ Германіи, а Шадъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не уступаютъ безъ протеста Онъ печаталъ при жизни свои воззрѣнія и очень жаль, что подробное описаніе пережитаго и видѣннаго имъ въ Харьковѣ, приготовленное уже къ печати, было имъ передъ смертью, если вѣрить тому же Роммелю, продано, по недостатку средствъ, русскому посланнику въ Берлинѣ Алопеусу. См. еще о немъ *М. И. Сухомлинова*, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, стр. 92—93 и примѣч 139 —

сомнѣнія накопились сбереженія (онъ получалъ, какъ профессоръ 2000, за минералогію 800 р., за директорство въ педагогическомъ институтѣ 500, по должности инспектора казенныхъ студентовъ 400 рублей, наконецъ квартирныя, хотя въ послѣдніе годы, послѣ пожара 1815 года, помѣщался въ университетскомъ домѣ). На эти сбереженія онъ вѣроятно разсчитывалъ провести спокойную старость въ любимой имъ Швейцаріи Съ 1815 года онъ началъ собираться и ликвидировать дѣла. Въ совѣтъ онъ подалъ прошеніе, въ которомъ прописалъ всю свою дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ и просилъ выдать ему въ томъ удостовѣреніе или аттестатъ. Совѣтъ удовлетворилъ его просьбу и кромѣ той дѣятельности Броннера, о которой было говорено, въ этомъ аттестатѣ были указаны и другія ея стороны. Такъ находящійся подъ его завѣдываніемъ физическій кабинетъ „приведенъ имъ въ отличный порядокъ и хозяйственнымъ распоряженіемъ отпускаемыхъ на сей предметъ суммъ значительно пріумноженъ“ (этотъ кабинетъ впрочемъ сильно пострадалъ во время сентябрьскаго пожара 1815 года, отъ неосторожныхъ попытокъ вынести вещи); Броннеръ велъ съ самаго начала своей службы метеорологическія наблюденія (они начаты были еще Запольскимъ) и печаталъ ихъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“; два раза былъ избираемъ членомъ училищнаго комитета; принималъ участіе въ составленіи новаго положенія о Казанской гимназіи (какъ мы знаемъ, она существовала по особому положенію и штатамъ, утвержденнымъ еще при императорѣ Павлѣ; теперь ее вводили въ общую систему средняго образованія, согласно реформамъ просвѣщенія при Александрѣ I). Сверхъ того Броннеръ участвовалъ въ разныхъ коммиссіяхъ и исполнилъ нѣсколько мелкихъ порученій совѣта, напр. дѣлалъ „изысканія лучшихъ противъ пожаровъ средствъ“, что все перечислялось въ аттестатѣ (*). Больше всего совѣтъ ставилъ

(*) Единственнымъ печатнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Броннера въ Казани была его небольшая статья, помѣщенная въ мѣстномъ изданіи, вѣроятно кѣмъ либо переведенная съ нѣмецкаго: «Водяной столбъ, видѣнный на Волгѣ близъ Казани» (*Казанск. Извѣстія*, 1816 г., № 47) Смерчъ этотъ, разразившійся ливнемъ между Верхнимъ и Нижнимъ Услонами, надъ деревнею Воробьевкою, объясняется авторомъ съ точки зрѣнія тогдашней науки, но въ описаніи говорилось объ опустошительныхъ дѣйствіяхъ ливня: «Вода, протекая съ полей чрезъ овраги сильнымъ потокомъ, уносила встрѣчавшійся ей срубленный лѣсъ и мосты, снесла одну довольно большую житницу, и вымывая въ оврагахъ камни,

въ заслугу Броннеру несеніе имъ должности инспектора казенныхъ студентовъ „Въ семъ званіи, говорилось въ аттестатѣ, старается онъ какъ объ усовершенствованіи въ наукахъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, такъ равномѣрно и о нравственномъ ихъ образованіи; посѣщаетъ часто и во всякое время комнаты, разсматриваетъ ихъ занятія, ежемѣсячно прочитываетъ въ собраніи студентовъ свидѣтельства преподавателей объ успѣхахъ и прилежаніи слушателей, съ приличными при томъ наставленіями“ и т. д. Очевидно Броннеръ пользовался расположеніемъ своихъ сослуживцевъ, хотя и не въ такой степени, какъ Эрдманъ. Любопытно, что въ засѣданіи совѣта 24 августа 1815 года, когда ректоръ докладывалъ списокъ чиновниковъ, выслужившихъ узаконенное число лѣтъ для ихъ производства въ слѣдующіе чины, онъ предложилъ также о награжденіи орденами профессоровъ Броннера и Эрдмана. Тогда члены совѣта, на первыхъ порахъ дарованнаго ему самоуправленія, единогласно согласились просить попечителя и министра о награжденіи орденомъ также и ректора „за его отличную службу и дѣятельность“ Это ходатайство совѣта не было однако уважено.

изъ коихъ *иные вѣсили 50 пудъ, катя ихъ съ такою силою*, что они, ударяясь о деревья, ломали даже самые крѣпкіе дубы» Было ли въ этихъ словахъ преувеличеніе—не знаемъ; но привлекая на описанія грандіозныхъ явленій природы въ Казанской губерніи имѣлъ тогда губернаторъ, которымъ былъ дѣдъ знаменитаго современнаго намъ писателя—графъ Илья Толстой Прочитанное имъ въ мѣстномъ листкѣ описаніе смерча было для него новостью; донесенія объ явленіи онъ не получалъ и потому «о столь важномъ произшествіи» онъ далъ предписаніе земскому суду донести рапортомъ, но и судъ не имѣлъ никакихъ донесеній и только теперь, по полученіи губернаторскаго предписанія, волостной голова Услона и писарь объяснили, что «надъ рѣкою Волгою оказалась *обыкновенная радуга*, а не столбъ», что «вода повредила только два небольшіе моста на сухихъ оврагахъ стоящіе», что она не сносила «ни лѣсу, ни житницы ни молодаго скота» и только «на усадьбахъ замыла плотъ огурцы» Губернаторъ, донося объ этомъ главнокомандующему въ Петербургѣ, спрашивалъ правленіе университета оффиціально: «Съ чего въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» помѣщена изъясненная статья, когда земскій судъ съ отобраннаго отъ мѣстнаго начальства свѣдѣнія доноситъ о противномъ»? (*Каз. Изв.* № 51) Черезъ три недѣли, въ томъ же мѣстномъ органѣ (№ 58) напечатана записка адъюнкта Тимьянскаго, бывшаго на самомъ мѣстѣ опустошенія и такъ сказать произведшаго слѣдствіе Записка подтверждаетъ прежнія свѣдѣнія статьи Броннера На сторонѣ ни мѣстной администраціи или университетскихъ ученыхъ была правда—могли рѣшить только наблюдательные и мыслящіе современники событія. Эта статья Броннера, въ сокращеніи, чрезъ тридцать лѣтъ, была перепечатана въ другомъ мѣстномъ органѣ (*Губернскія Вѣдом.* 1845 г, № 46) и редакторъ не высказывалъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности явленія, свойственнаго морямъ

Съ 1816 года Броннеръ сталъ продавать университету свои естественно-историческія собранія, о которыхъ онъ такъ много заботился. Сначала, въ сентябрѣ этого года, были проданы имъ раковины Это, по словамъ дѣлавшаго представленіе о покупкѣ адъюнкта Тимьянскаго, „богатое собраніе, заключающее въ себѣ большую часть видовъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ родовъ“ было пріобрѣтено университетомъ за 1000 р., на общія средства кабинета естественной исторіи, на который по уставу 1804 года отпускалось въ годъ 600 р., съ добавленіемъ 400 рублей заимообразно изъ суммы экономической. Въ слѣдующемъ году профессоръ естественныхъ наукъ Фуксъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ о покупкѣ и минералогическаго собранія Броннера. Оно, по словамъ Фукса, „состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ различныхъ штукъ и заключало почти всѣ породы минераловъ, кромѣ немногихъ новѣйшихъ, которыхъ въ скоромъ времени невозможно было получить“. Собраніе заключало (приведемъ тогдашнее описаніе съ его давно неупотребительной терминологіей): „1) *орикгогностическую* часть простыхъ минераловъ, заключающую въ себѣ извѣстныя четыре главныя отдѣленія т. е.: *земли* и *камни*, *соли*, *возгараемыя* (Inflammabilien) и металлы: 2) *геогностическую* часть, содержащую въ себѣ сложные камни, т. е камни первобытныхъ горъ (Urgebirgsarten): порфиръ, траппы (Trapp-Formation), флецовые камни, брячи, (брекчіи или обломочныя породы, песчаные камни, вулканическія и псевдовулканическія произведенія и пр; 3) *окаменѣлости*, имѣющія многоразличныя достопримѣчательныя формы, по большей части хорошо отобранныя штуки“. Все собраніе минераловъ, нѣмецкій каталогъ котораго былъ составленъ Броннеромъ, расположено было по системѣ Вернера, согласно таблицѣ Леонгарди. Броннеръ желалъ получить за него 3000 р., да за большой шкафъ съ ящиками, въ которомъ хранились минералы, 80 рублей (шкафъ этотъ оказался очень скоро неудобнымъ и заказано было другое помѣщеніе). Продажную цѣну Фуксъ находилъ умѣренною; по его мнѣнію собраніе могло стоить 5000 р. Онъ считалъ очень полезнымъ пріобрѣтеніе собранія и просилъ совѣтъ не пропускать благопріятнаго случая. Совѣтъ, уважая ученый авторитетъ Броннера, и зная, что онъ многіе годы трудился надъ составленіемъ своего собранія, подобнаго которому и за такую умѣренную цѣну, невозможно пріобрѣсти въ Казани, ходатайствовалъ предъ министромъ о покупкѣ

за 3080 рублей изъ экономической суммы, съ тѣмъ чтобъ она пополнялась ежегоднымъ отчисленіемъ суммы въ 500 р. изъ 600 рублей штатной, на кабинетъ естественной исторіи отпускаемой. Это было разрѣшено очень скоро (17 іюля 1817 года) и Фуксъ принялъ собраніе въ свое завѣдываніе. Преподаваніе всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ, въ теченіе шести лѣтъ, должно было вслѣдствіе этой покупки, ограничиться пособіями, на которыя имѣлось только 100 рублей въ годъ. Въ декабрѣ 1823 года оставалось еще долгу въ экономическую сумму 530 р. и когда въ то же время совѣтъ, по представленію профессора Эйхвальда, ходатайствовалъ объ ассигнованіи ежегодно 2000 рублей на кабинеты зоологическій и зоотомическій, то въ удовлетвореніи этого ходатайства было отказано и разрѣшено только не отчислять послѣдніе 530 р. долгу (*).

Вслѣдъ за представленіемъ совѣта о покупкѣ этого минералогическаго собранія. Броннеръ послалъ просьбу къ министру народнаго просвѣщенія, въ которой, жалуясь на то что въ теченіе семилѣтней разнообразной службы своей Казанскому университету, часто страдалъ мѣстною лихорадкою, что она снова стала мучить его въ настоящемъ году, будучи сопровождаема страданіями скорбутными. ревматическими и ипохондрическими (scorbuticis, rheumaticis, ac hypochondricis malis), что ему скоро исполнится шестьдесятъ лѣтъ и что онъ мучится такимъ страстнымъ желаніемъ увидать родину, что не достаетъ душевныхъ силъ бороться съ болѣзнью (ut desint animo vires, quibus huic morbo resistam), просилъ о шестимѣсячномъ отпускѣ его въ Швейцарію (24 іюня 1817 года). Для устраненія всякихъ препятствій къ этому отпуску, совѣтъ, къ которому съ просьбой о томъ же обратился Броннеръ, немедленно сдѣлалъ выборъ лицъ, которыя должны были временно исполнять его обязанности: проф. Германа—въ директоры педагогическаго института и проф. Брейтенбаха въ инспекторы студентовъ; преподаваніе физики и

(*) По наведеннымъ нами справкамъ минераловъ изъ коллекцій Броннера въ настоящее время въ университетскихъ собраніяхъ не существуетъ Раковины же почти всѣ (онѣ, числомъ 592, принадлежали къ морскимъ породамъ) сохранились, за исключеніемъ весьма немногихъ, въ зоологическомъ кабинетѣ университета. По всей вѣроятности это сохраненіе надобно приписать аккуратности, историческому чувству и уваженію къ преданію двухъ нѣмецкихъ профессоровъ зоологіи, завѣдывавшихъ означеннымъ кабинетомъ послѣ Броннера: Эйхвальда и Эверсмана.

завѣдываніе кабинетомъ поручено было магистру Кайсарову. Просьба объ отпускѣ Броннера разсматривалась въ комитетѣ министровъ и восходила на высочайшее утвержденіе. Разрѣшеніе получено было въ Казани 5 сентября; Броннеръ поспѣшилъ немедленно сдать всѣ свои должности, все, что находилось у него изъ казеннаго имущества и 13 сентября получилъ свой аттестатъ и заграничный паспортъ. Вѣроятно онъ и уѣхалъ немедленно.

Въ мартѣ слѣдующаго 1818 года кончался срокъ его отпуска. Броннеръ однако не явился, а въ началѣ апрѣля ректоръ предъявилъ совѣту письмо Броннера къ нему изъ Аарау, въ которомъ онъ пишетъ, что только 7 февраля 1818 года прибылъ онъ въ этотъ городъ (намъ неизвѣстно какъ и гдѣ онъ путешествовалъ въ теченіе пяти почти мѣсяцовъ), что до возвращенія его къ сроку въ Казань, ему остается только двѣ недѣли на пребываніе въ Аарау, и въ такое короткое время онъ не въ состояніи окончить свои дѣла, почему и проситъ разрѣшить ему новый отпускъ до ноября (это уже болѣе чѣмъ на полгода). Комитетъ министровъ разрѣшилъ этотъ новый отпускъ до 1 ноября. Прошелъ и этотъ срокъ. Въ засѣданіи совѣта 13 ноября, ректоръ заявилъ о новомъ полученномъ только 9 ноября, письмѣ Броннера отъ 8 сентября н. с. Въ письмѣ этомъ Броннеръ жаловался, что онъ только $^{5}/_{17}$ сентября получилъ увѣдомленіе о продленіи ему отпуска, слѣдовательно ждалъ отвѣта на свою просьбу девять мѣсяцевъ, что въ виду этой медленности онъ сталъ предполагать, что министръ отказалъ ему въ отпускѣ, что оставаясь все время безъ жалованья, онъ вынужденъ былъ принять предложенное ему прежнее мѣсто въ школѣ кантона и соединенное съ этимъ обязательство не ранѣе оставить это мѣсто, какъ черезъ три мѣсяца со дня перваго о томъ заявленія. „Имѣя въ виду противодѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ моему опредѣленію въ школу, не смотря на общее ко мнѣ расположеніе, писалъ онъ, я бы съ удовольствіемъ отказался отъ этого предложенія, но предполагая, что вовсе не получу изъ Казани продленія отпуска, что тамъ я уже потерялъ мѣсто и не скоро найду другое подобное въ Германіи, я вынужденъ былъ необходимостью принять предложенное мнѣ мѣсто учителя“. Изъ этого обстоятельства Броннеръ выводилъ необходимость новой и гораздо продолжительнѣйшей отсрочки отпуска и представлялъ въ доказательство слѣдующій разсчетъ:

„Письмо до Казани идетъ по почтѣ обыкновенно 52 дня, 10 дней нужно положить на время, пока совѣтъ обсудитъ и рѣшитъ дѣло; вѣроятно болѣе 90 дней потребуется на то, пока придетъ разрѣшеніе комитета министровъ; считайте опять 10 дней, пока увѣдомленіе будетъ отправлено ко мнѣ и 52 дня, пока оно дойдетъ до меня, за тѣмъ снова 90 дней, пока я законнымъ образомъ получу право оставить занимаемое мною мѣсто въ школѣ и на поѣздку въ Казань—еще 90 дней. Все это составитъ сумму изъ 394 дней, т. е. 13 мѣсяцевъ, при чемъ надобно предположить еще, что въ теченіе этого времени не встрѣтится какой либо неожиданной задержки и самъ я буду ѣхать безъ препятствій". Броннеръ просилъ новаго отпуска уже на годовой срокъ, до конца 1819 года. „Я опасаюсь, что едва ли будетъ возможно получить такой отпускъ и прошу васъ предложить этотъ случай на обсужденіе совѣта университета", писалъ онъ къ ректору и просилъ увѣдомить о послѣдствіяхъ.

Слушаніе этого письма и просьбы Броннера въ совѣтѣ имѣло не лишенныя значенія послѣдствія, и есть основаніе думать, что возникшее по этому поводу дѣло было одною изъ побудительныхъ причинъ скоро послѣдовавшей ревизіи университета Магницкимъ Въ засѣданіи 12 ноября профессоромъ Арнгольдомъ, о личности и объ отношеніяхъ котораго намъ придется еще говорить, было заявлено особое мнѣніе. Въ этомъ мнѣніи онъ высказывалъ: 1) „Г. Броннеръ уволенъ въ отпускъ 1817 года въ августѣ мѣсяцѣ и находится уже годъ и два мѣсяца въ отпуску; нынѣ же, по доброму желанію своему, вступивъ въ другую службу, желаетъ удержать за собою и мѣсто при университетѣ Казанскомъ, каковое желаніе его, полагаю я, незаслуживающимъ уваженія, потому что оно не имѣетъ законнаго основанія, и потому болѣе, что *университетъ претерпѣваетъ нужду въ преподавателѣ (коего г. магистръ Кайсаровъ въ полномъ смыслѣ замѣнить не можетъ)*, между тѣмъ какъ въ дѣйствительномъ намѣреніи г Броннера весьма сомнѣваться должно; 2) г. Броннеръ, бывши при университетѣ, занималъ должность инспектора студентовъ и директора педагогическаго института, каковыя должности, за отсутствіемъ его, поручены до возвращенія его другимъ. Не охуждая распоряженій отправляющихъ тѣ должности, почитаю однакоже временное ихъ отправленіе *причиною тѣхъ разстройствъ между сту-*

дентами, о коихъ дѣла остаются и нынѣ еще нерѣшенными. Почему полагаю сообразнѣе и для лучшаго благоустройства по сей части полезнѣе или утвердить нынѣ состоящихъ исправляющими должности, или учинить снова избраніе въ инспекторы и директоры института".

Совѣтъ, не обсуждая мнѣнія Аргольда, но „уважая личныя достоинства г. Броннера и наипаче то, что онъ доселѣ еще числится при университетѣ, не будучи вовсе изъ онаго уволенъ", представилъ все дѣло на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія, „испрашивая начальственнаго по сему предмету разрѣшенія, *дабы не лишиться сего достойнаго чиновника*". Но и Аргольдъ, съ своей стороны, представилъ при рапортѣ копію съ своего мнѣнія министру. Прочитавъ въ этомъ мнѣніи сужденіе о Кайсаровѣ и свѣдѣнія *о разстройствахъ между студентами*, князь Голицынъ предложилъ совѣту (14 дек. 1818 года, № 2950) увѣдомить его въ точности: „имѣлись ли въ виду совѣта таковыя обстоятельства и почему могли быть терпимы подобныя разстройства? При семъ случаѣ надлежитъ принять во вниманіе средства къ приведенію всего того въ лучшій порядокъ и, если университетъ надѣется найти достойнаго и способнаго профессора къ замѣнѣ Броннера въ мѣстѣ имъ тщетно занимаемомъ, то въ прекращеніе затрудненій, отсутствіемъ его производимыхъ, представить мнѣ объ опредѣленіи таковаго. Отправляющимъ же временно должности инспектора студентовъ и директора педагогическаго института предписать нынѣ же, подъ строгою ихъ отвѣтственностью, чтобы исполняли во всей точности возложенное на нихъ дѣло какъ слѣдуетъ и какъ бы они дѣйствительно въ помянутыя должности опредѣлены были. Въ противномъ случаѣ, при открывшихся безпорядкахъ и упущеніяхъ, взыскано сіе будетъ не только съ нихъ, но и съ членовъ совѣта, коихъ обязанностію есть соблюденіе во всѣхъ частяхъ должнаго порядка и благоустройства. На сіе буду ожидать обстоятельнаго отъ совѣта донесенія".

Вслѣдствіе этого строгаго предписанія министра, возникло цѣлое дѣло, нелишенное любопытныхъ подробностей, такъ какъ и рапортомъ Аргольда и министерскимъ предписаніемъ затрогивались и обвинялись личности. Въ главѣ, посвященной студентамъ, мы остановимся на подробностяхъ директорства Германа и инспекторства Брейтенбаха, временно испра-

влявшихъ должности Броннера, и на тѣхъ случаяхъ разстройства, о которыхъ упоминалось. Что касается Броннера, то дальнѣйшей отсрочки отпуска онъ не получилъ и былъ уволенъ отъ службы лишь въ маѣ 1820 года. согласно представленію министру уже новаго попечителя Магницкаго „по причинѣ долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, сверхъ даннаго ему срока и потомъ продолжительной еще отсрочки“. Для объявленія Броннеру объ его увольненіи чрезъ посредство нашей миссіи, министръ, съ своей стороны, отнесся къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Съ этого времени университетъ не имѣлъ уже никакихъ сношеній съ Броннеромъ.

Вспоминалъ ли Броннеръ о далекомъ городѣ за Волгой — мы не знаемъ Весьма жаль, что онъ не напечаталъ никакихъ воспоминаній о своей семилѣтней профессурѣ въ Казани; при его наблюдательности и значительномъ литературномъ талантѣ, навѣрное мы получили бы живое и любопытное изображеніе отдаленной жизни и нравовъ стараго университета, вышедшее изъ подъ пера посторонняго наблюдателя. Очевидно однако, что онъ былъ очень доволенъ возвращеніемъ въ Швейцарію. Какъ и прежде живетъ онъ умственными интересами, забытыми въ Казани, пишетъ и печатаетъ и даже, вѣроятно подъ вліяніемъ снова увидѣнной имъ природы своей придунайской родины и Швейцаріи, возвращается къ излюбленному имъ роду поэзіи. Новая книжка идиллій свидѣтельствуетъ, что онъ снова живетъ сердцемъ, какъ въ молодые годы (*). Очень можетъ быть, что въ этой книжкѣ есть и образы нашего русскаго востока, но мы незнакомы съ нею. Трудно однако предположить, чтобы окружавшая его казанская жизнь могла дать ему содержаніе для его наивныхъ, сердцемъ прочувствованныхъ идиллій. Годы оказали свое сокрушительное дѣйствіе на него, и въ Казани онъ уже не могъ найти тѣхъ простодушныхъ и добрыхъ Minchen и Lenchen, которыя вдохновляли его въ дни его молодости, или смотрѣлъ на нихъ иными глазами. Въ этомъ уныломъ и некрасивомъ городѣ онъ, какъ это мы видѣли изъ его собственныхъ словъ, сильно тосковалъ и по родинѣ, и по дорогой ему Швейцаріи. Въ нѣ-

(*) Lustfahrten ins Idyllenland Gemuthliche Erzahlungen u neue Fischergedichte 2 Bdch Aarau, 1833 12°.

медкихъ профессорскихъ семействахъ сохранялось преданіе, что любимою прогулкою Броннера были лѣсистые склоны нагорнаго берега р. Казанки, находящіеся на сѣверной сторонѣ города и заросшіе безпорядочно березникомъ, дубомъ и липками. Говорятъ, что Броннеръ первый далъ этимъ глинистымъ холмамъ названіе Швейцаріи, утвердившееся за ними. Надобно думать, что глубока была тоска его по любимой странѣ, если эта жалкая мѣстность напоминала ему ея величавые образы (*).

На Броннерѣ мы прерываемъ на время рядъ біографическихъ очерковъ профессоровъ Казанскаго университета изъ первыхъ лѣтъ его существованія, чтобъ обратиться къ внутренней жизни этого учрежденія и познакомиться съ *совокупною* дѣятельностью этихъ профессоровъ, посвященною наукѣ и преподаванію.

(*) Въ Аарау Броннеръ остался до конца своей долгой жизни, но у насъ нѣтъ никакихъ подробностей объ этомъ послѣднемъ періодѣ ея. Сколько времени онъ служилъ преподавателемъ въ школѣ кантона—тоже неизвѣстно Въ самые послѣдніе годы онъ былъ еще секретаремъ правительства въ кантонѣ, завѣдывалъ архивомъ и библіотекою города. Постоянно бодрый и дѣятельный, онъ до самого конца не покидалъ литературныхъ занятій, хотя эти занятія не имѣли ничего общаго съ наукою, которую онъ преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ. Изъ сочиненій, напечатанныхъ имъ въ послѣдніе годы жизни, назовемъ: 1) Abenteuerliche Geschichte Herzog Werner's von Urslingen, Anführer eines grossen Räuberheeres im Italien um d. Mitte des 14—ten Jahrhunderts. Nebst e Uebersicht d. Gesch. d. Herzoge v. Urslingen am Schwarzwalde, Aarau. 1828 8°; 2) Anleitung Archive u. Registraturen nach leichtfassl. Grundsätzen einzurichten etc Aarau. 1832. 8° Послѣдняя печатная книга Броннера посвящена описанію кантона, гдѣ онъ жилъ: «Der Kanton Aargau, histor. geograph., statist. geschildert, Ein Hand u. Hausbuch für Kantonsbürger u. Reisende. 2 Bde. St. Gallen, 1844. 8°. Есть извѣстіе, что Броннеръ въ этотъ періодъ его жизни перешелъ въ протестантство, что свидѣтельствуетъ о новомъ религіозномъ направленіи его (*М. И. Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи. Спб. 1889. Томъ первый, стр 101). До этого времени, не смотря на то, что онъ былъ, употребляя современное выраженіе, «свободнымъ мыслителемъ», онъ не хотѣлъ разстаться съ католичествомъ, въ которомъ родился и воспитался. Броннеръ умеръ 17 августа 1850 года, 92 лѣтъ отъ роду.

Глава XIII.

Дѣятельность совѣта до открытія университета: неопредѣленность положенія; открытіе «публичныхъ преподаваній». Заботы объ устройствѣ преподаванія; о часовыхъ и двухчасовыхъ лекціяхъ; науки приготовительныя и спеціальныя. Предполагавшееся открытіе университета согласно уставу 1804 года: первые выборы ректора и деканов въ 1810 году. «Дѣло о горячности профессора Фойгта». Волненія и пререканія между профессорами, какъ слѣдствіе неудавшихся выборовъ. Неутвержденіе выборовъ. Планъ профессора Броннера организаціи университетскаго преподаванія по отдѣленіямъ и факультетамъ.

Въ 1810 году, когда, какъ мы видѣли изъ разсказанныхъ нами біографій нѣкоторыхъ профессоровъ, университетъ пріобрѣлъ довольно много новыхъ преподавателей, совѣтъ въ первый разъ высказалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ въ началѣ года, и высказалъ совершенно ясно всю неопредѣленность, въ какой находилось преподаваніе. Хотя университетскій уставъ 1804 года и дѣлилъ (гл. III § 23) все „ученое сословіе“ на четыре факультета, приготовлявшіе каждый своихъ спеціалистовъ, но университетъ не былъ открытъ и факультеты не существовали. Съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ появленія въ университетъ новыхъ представителей той или другой науки, количество преподаваній увеличивалось, и естественно возникалъ вопросъ: какимъ студентамъ слушать новаго профессора, и какую связь имѣетъ этотъ новый предметъ преподаванія съ прежними занятіями студента. Яковкинъ, самовластно распоряжавшійся наклонностями и желаніями казенныхъ студентовъ (въ жизни и занятіяхъ собствен-

но своекоштныхъ студентовъ царилъ полный хаосъ, и они повидимому ничего не дѣлали), по личному выбору и усмотрѣнію, назначалъ къ новому профессору слушателей. Руководствовался онъ въ этомъ случаѣ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, но не смотря на частые призывы въ своихъ письмахъ „Сердцевѣдца“, какъ свидѣтеля чистоты его намѣреній, самъ онъ далеко не былъ сердцевѣдцемъ, и его назначенія были произвольны и случайны Преподаваніе не имѣло успѣховъ. Профессоры читали опредѣленное уставомъ число часовъ; студенты тоже, судя по наружности, ходили на лекціи; ихъ утренніе и послѣобѣденные часы были наполнены изученіемъ разныхъ предметовъ, не имѣвшихъ часто никакого отношенія между собою. Въ началѣ 1810 года должны были открыться при университетѣ и *публичныя преподаванія*, согласно указу 6 августа 1809 года для чиновниковъ, или для тѣхъ лицъ, которыя должны были со временемъ подвергнуться экзамену для чинопроизводства. Объ этихъ публичныхъ курсахъ „для чиновниковъ. службою обязанныхъ“, существовало самое смутное представленіе: положительно не знали, кто будутъ слушатели ихъ, не знали, кого можно заставить являться на нихъ. Притомъ эти курсы увеличивали трудъ нѣкоторыхъ профессоровъ безъ особеннаго за то вознагражденія, и это должно было вести къ сокращенію числа лекцій для студентовъ. Какъ извѣстно, эти курсы не имѣли никакого успѣха, и все дѣло ограничилось лишь экзаменами въ комитетѣ, образованномъ подъ предсѣдательствомъ Яковкина изъ преподавателей на этихъ курсахъ (1) Они состояли изъ трехъ отдѣленій наукъ: юридическихъ, словесныхъ и математическихъ съ физическими. Кромѣ Финке, читавшаго по нѣмецки, и Бартельса—по французски, остальные преподаватели, большею частію магистры, читали по русски. На первый разъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1810 года, на слушаніе этихъ

(1) Первыми экзаменовавшимися въ казанскомъ комитетѣ чиновниковъ, въ январѣ 1810 года, были: сынъ надворнаго совѣтника и вмѣстѣ дѣйствительнаго камергера Мусина-Пушкина и его племянникъ Они «обучались на дому всѣмъ предписаннымъ въ указѣ предметамъ, кромѣ правъ» и оказались достойными аттестатовъ Это были два будущіе попечители Казанскаго учебнаго округа: столь извѣстный впослѣдствіи М Н Мусинъ-Пушкинъ и В П Молоствовъ Въ числѣ первыхъ же слушателей изъ чиновниковъ находился въ спискахъ и третій казанскій попечитель, тогда губернскій секретарь, Евареетъ Груберъ, служившій въ почтамтѣ

курсовъ записалось 26 человѣкъ: изъ нихъ 16 были канцеляристами, подканцеляристами, копіистами и протоколистами (приводимъ ихъ современные титулы); изъ прочихъ десяти четверо были губернскими секретарями, трое губернскими и трое коллежскими регистраторами. Изъ казенныхъ присутственныхъ мѣстъ больше всего, а именно 16 слушателей доставила казенная палата, вѣроятно потому что предсѣдатель ея былъ любителемъ просвѣщенія, да гимназія, по настоянію Яковкина, прислала 6 человѣкъ изъ служащихъ при ней; прочія присутственныя мѣста Казани имѣли по одному представителю. Сначала, какъ видно изъ разсказаннаго, было большое рвеніе. „Кромѣ того въ каждый разъ приходитъ еще болѣе 20 человѣкъ не записавшихся, такъ и любопытствующихъ; въ числѣ послѣднихъ бываютъ и высшіе чиновники съ орденами"—сообщаетъ Яковкинъ (16 мая 1810 года). Съ годами рвеніе ослабѣло, любопытство исчезло, и курсы перестали собирать слушателей, тѣмъ болѣе, что и творецъ указа объ экзаменахъ чиновниковъ, Сперанскій скоро попалъ въ опалу.

Въ началѣ 1810 года сила вещей заставила подумать и начальство и членовъ совѣта о необходимости распредѣлить преподаваніе всѣхъ предметовъ, регулировать его. Еслибъ открытъ былъ университетъ и существовали факультеты, по которымъ распредѣлялись бы слушатели, вопроса о такомъ регулированіи и не было бы возбуждено. Теперь его ставило само начальство. Въ 1810 году лекціи читались 17 профессорами, 4 адъюнктами и магистрами, да 3 учителями и лекторами. Если положить минимумъ по 5 часовъ въ недѣлю на каждаго преподавателя, то всѣхъ недѣльныхъ часовъ выходило 129; съ прибытіемъ каждаго новаго профессора являлось затрудненіе въ назначеніи ему часовъ преподаванія. Кромѣ отсутствія факультетовъ, отсутствовали и курсы, по которымъ распредѣлялось бы ознакомленіе слушателей съ тою или другою наукою. Затрудненіе въ особенности встрѣтилось въ началѣ 1810 года, когда вдругъ явились два профессора: Нейманъ и баронъ Врангель и лекторъ французскаго языка Шарпіо.

Съ начала этого года Яковкинъ былъ болѣнъ и не могъ выходить изъ квартиры. „Привыкши ежедневно быть занятъ и ходить всюду для осмотру", писалъ онъ къ попечителю, „претерпѣваю нестерпимую скуку, тѣмъ болѣе, что ни читать,

ни писать (у него болѣли глаза и письмо писано чужой рукой), ниже говорить по причинѣ кашля не могу". Предсѣдательство въ совѣтѣ передано было имъ Фуксу. По соглашенію съ больнымъ директоромъ, Фуксъ представилъ въ совѣтъ свое предложеніе о различныхъ измѣненіяхъ касательно преподаванія, вызываемыхъ настоятельною потребностью, сознаваемою всѣми, но съ мѣрами, предложенными Фуксомъ, не могли согласиться прочіе члены совѣта и, считая измѣненія необходимыми, предлагали съ своей стороны болѣе, по ихъ мнѣнію, раціональныя. Привыкши, послѣ разгрома совѣта въ 1808 году, не встрѣчать никакого противодѣйствія своимъ дѣйствіямъ, Яковкинъ былъ конечно крайне недоволенъ. Вотъ какъ онъ писалъ попечителю о возбужденныхъ въ совѣтѣ преніяхъ по поводу предложенія Фукса:

«Послѣднія, весьма шумныя, какъ я слышалъ достовѣрно и какъ о томъ обѣщалъ донести в. п г Фуксъ, навѣщавшій меня вчера поутру, засѣданія совѣта предполагаютъ *возникающій снова духъ крамолы*, прежде благополучно и совершенно истребленный Отъ 7 февраля я имѣлъ честь донести в. п объ изготовленномъ мною, и, какъ слышалъ, представленномъ на начальственное благоусмотрѣніе, росписаніи публичныхъ лѣтнихъ лекцій Съ симъ сопряжена должна быть перемѣна времени разныхъ нынѣшнихъ лекцій, отъ чего *расположеніе лекцій удобнѣе выходитъ по часу нежели по два, какъ было донынѣ* Должно также назначить время для профессора Неймана, адъюнкта Врангеля и лектора Шарпіо, *до нынѣ остающихся безъ всякаго дѣла* Но, вопреки всякаго безпристрастнаго разсужденія, г. Френъ *преемникъ по отчизнѣ Цеплина*, по причинѣ увольненія въ отпускъ единственнаго его слушателя Ярцова остающійся безъ всякаго публичнаго занятія, совершенно воспротивился оной перемѣнѣ, а г Фойгтъ обѣщалъ присутствію совѣта написать и представить *систему всѣхъ лекцій университетскихъ*, коей преподаватели обязаны бъ были слѣдовать, притомъ, чтобъ уничтожить классы искусствъ, какъ ненужные, и преподаванія магистровъ, какъ несовмѣстныя съ ихъ профессорскими преподаваніями Опасаюсь, чтобы по причинѣ тихаго характера г Фукса, *буйный сей духъ не укоренился глубже;* но не имѣя еще теперь ни силъ, ни крѣпости, ниже порядочнаго голоса, долженъ быть до совершеннаго выздоровленія только простымъ слышателемъ всѣхъ таковыхъ *непрязненныхъ козней*. Что далѣе воспослѣдуетъ, не премину со всѣми обстоятельствами представить на начальственное благоусмотрѣніе».

Мы имѣемъ полную возможность по подлинному дѣлу провѣрить эти сообщенія Яковкина и увидѣть въ чемъ заключался этотъ „возникающій, буйный духъ крамолы" между профессорами послѣ двухъ лѣтъ вынужденной тишины. Дѣло было очень просто и, касаясь преподавательской дѣятельности каждаго профессора, должно было естественно вызвать ихъ общее живое участіе въ рѣшеніи вопроса, ставшаго на

очередь. Вопросъ этотъ возбудилъ Фуксъ, заступившій больнаго Яковкина въ званіи предсѣдателя совѣта. До сихъ поръ Яковкинъ постоянно одинъ составлялъ росписаніе лекцій, назначалъ часы преподаванія для вновь опредѣленныхъ профессоровъ, выбиралъ для нихъ слушателей, однимъ словомъ распоряжался въ этомъ отношеніи въ университетѣ также самовластно и произвольно, какъ и въ гимназіи. Мы видѣли однако изъ приведенныхъ нами выписокъ изъ писемъ Броннера къ попечителю, какъ ничтожны были успѣхи учениковъ гимназіи, и какой хаосъ господствовалъ въ ней по отношенію къ преподаванію. Фуксъ, безъ сомнѣнія по соглашенію съ Яковкинымъ, „занимаясь распоряженіемъ лекцій", имѣя въ виду, что явились новые профессора, часы преподаванія которымъ до сихъ поръ еще не назначены, что нужно выдѣлить еще по три часа каждый день для публичныхъ преподаваній чиновникамъ, не находилъ возможнымъ найти свободные часы. Затрудненіе это конечно не существовало бы, еслибъ университетъ былъ открытъ со всѣми факультетами, еслибъ студенты распредѣлены были по спеціальностямъ, и еслибы опредѣлена была постепенность изученія различныхъ факультетскихъ предметовъ, вызвавшая потомъ распредѣленіе и занятій и самихъ студентовъ на курсы и семестры. Чтобы помочь встрѣтившемуся ему затрудненію, Фуксъ, конечно съ одобренія Яковкина, предложилъ перемѣнить употребительное тогда двухчасовое преподаваніе (преподаватель читалъ лекцію два часа сряду) на одночасовое. Въ своемъ предложеніи, заслушанномъ въ совѣтѣ 26 февраля 1810 года, онъ доказывалъ выгоды такого измѣненія укоренившагося обычая: „1) находилось свободное время для лекцій новыхъ преподавателей; 2) студентъ не всякія лекціи можетъ слушать въ теченіе двухъ часовъ сряду, не ослабѣвъ во вниманіи; 3) не для всѣхъ преподавателей и всегда удобно говорить или имѣть сряду два часа, отчасти по другимъ должностямъ ихъ; 4) если кому нибудь нужно время продолжительнѣе часоваго, то сіе не препятствуетъ такому имѣть оное и сряду два часа; 5) вниманіе слушателя въ теченіе часа не можетъ ослабѣть, напротивъ онъ, будучи внимательнѣе, будетъ успѣвать болѣе; 6) впредь способнѣе можно будетъ дѣлать распоряженія чтеній при потребныхъ случаяхъ; 7) двухчасовое время, бывшее сначала при меньшемъ противъ теперяшняго числѣ учащихъ, удобнымъ, при умноженіи числа преподавате-

лей содѣлывается неудобнымъ.—*Статью сію особенно предлагаю разсужденію и благоусмотрѣнію совѣта*".

Вопросъ объ относительныхъ выгодахъ двухчасоваго или одночасоваго чтенія профессорскихъ лекцій, подразумѣвая это чтеніе однимъ и тѣмъ же студентамъ, не представляется конечно важнымъ. Знакомый съ этимъ преподаваніемъ, знаетъ также, что никогда профессоръ не читаетъ двухъ часовъ сряду, не выходя изъ аудиторіи (мы конечно говоримъ о теоретическихъ лекціяхъ); слѣдовательно пространныя объясненія Фукса или лучше сказать Яковкина, о выгодахъ того или другаго порядка чтеній, были по меньшей мѣрѣ излишни. На этомъ вопросѣ члены совѣта долго и не останавливались. Но предложеніе Фукса заключало въ себѣ нѣсколько другихъ сторонъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ урегулированію университетскаго преподаванія вообще; вопросъ объ открытіи факультетовъ назрѣлъ самъ собою, и само начальство университета, въ лицѣ Фукса, поднимало его, если не въ его точномъ смыслѣ, то предлагая обсужденію членовъ совѣта приведеніе въ лучшій порядокъ существующаго уже пять лѣтъ въ университетѣ преподаванія, не приносящаго результата. Въ предложеніи Фукса прямо высказывались между прочимъ разные недостатки существующаго порядка вещей: 1) „Какъ съ нѣкотораго времени, *по стекшимся обстоятельствамъ* (?), *многіе изъ студентовъ имѣютъ излишекъ свободнаго времени*, то для предостереженія ихъ отъ вреднаго празднолюбія и укорененія большей привычки заниматься, нужнымъ представляется мнѣ *положить* имъ *болѣе часовъ учебныхъ*". Предложеніе такимъ образомъ констатировало фактъ неуспѣшности главнаго дѣла университета, т. е. приготовленія научно образованныхъ, полезныхъ для государства дѣятелей. „Ожиданіе отечества требуетъ истинной пользы отъ студентовъ, воспитывающихся отъ щедротъ монаршихъ, и долженствующихъ быть сподвижниками его славы, говорилось въ предложеніи (очевидно слогъ Яковкина). Возрастъ студентовъ не есть еще возрастъ здраваго сужденія и слѣдовательно попускать имъ свободу въ занятіяхъ значитъ сдѣлать ошибку и оставить имъ путь къ цѣли сумнительной. Посему занятія студентовъ и успѣхи требуютъ особеннаго вниманія". Больше прочихъ часовъ преподаванія должны имѣть всѣ „назначенные въ студенты", т. е. только что поступившіе въ студенты; болѣе свободныхъ часовъ по-

лучали тѣ изъ студентовъ, которые пробыли въ университетѣ годъ или два. Всѣ студенты, какъ казенные, такъ и своекоштные должны были выслушать *курсъ наукъ приготовительныхъ* (1) и сверхъ того „потомъ или тогда же *въ указѣ отъ 6 августа 1809 года изображенныхъ*“ (при этомъ предложеніе забывало специальное назначеніе тогдашнихъ казенныхъ студентовъ: готовиться въ преподаватели гимназій и народныхъ училищъ по предметамъ, преподающимся въ нихъ). „Окончившихъ курсы наукъ приготовительныхъ *и въ указѣ 6 августа 1809 года упомянутыхъ* (какъ кажется Яковкинъ не имѣлъ яснаго представленія о публичныхъ курсахъ для чиновниковъ, только что тогда учрежденныхъ) *можно бы раздѣлить впредь по отдѣленіямъ наукъ* для большихъ успѣховъ“. Такимъ образомъ вопросъ о раздѣленіи студентовъ по факультетамъ поднимался самъ собою. Мѣры для развитія успѣховъ студентовъ, рекомендуемыя разбираемымъ нами предложеніемъ Фукса или скорѣе Яковкина, носили притомъ исключительно дисциплинарный характеръ и не представляли собою ничего новаго: „1) всякій преподающій каждомѣсячно испытывалъ слушателей и сообщалъ г. инспектору студентовъ свои замѣчанія, а 2) инспекторъ обязанностію себѣ поставитъ входить въ причины отъ чего сіе (2) происходитъ; 3) не прослушавшій съ успѣхомъ приготовительные курсы не могъ бы быть производимъ въ студенты; 4) за приходомъ, выходомъ и вниманіемъ слушателя во время преподаванія смотрѣть строго, для чего и учреждены въ каждой аудиторіи старшіе студенты; 5) напомнить студентамъ, что неокончившему упомянутые курсы не слѣдуетъ выдавать при выпускѣ аттестатъ съ правомъ студента; 6) нынѣ же, дабы увѣриться, кто изъ студентовъ и какъ прослушалъ приготовительные курсы, *сдѣлать въ нихъ каждому испытаніе* и кто оказался бы слабъ, долженъ слушать оное снова; 7) для поощренія успѣховъ установить *разныя одобренія*, напримѣръ замѣчаніе ежемѣсячное о занятіяхъ студентовъ, прочтеніе при собраніи студентовъ, по опредѣленію совѣта, именъ отличившихся, медали и т. д. „Предложеніе Фукса наконецъ дѣлало обязательнымъ для всѣхъ вообще

(1) Въ чемъ состоялъ этотъ курсъ и какое неопредѣленное представленіе соединялось съ нимъ, было уже разсказано въ первой части нашей книги, стр. 458—461.

студентовъ слушаніе публичныхъ лекцій для чиновниковъ, открытыхъ въ 1810 году и дѣлало „занятіе въ россійскомъ правовѣдѣніи предметомъ особеннаго вниманія“. Послѣдняя статья предложенія не могла быть принята безъ разрѣшенія попечителя, но, пока оно получится, пройдетъ много времени и безъ пользы для студентовъ, а потому Фуксъ и спѣшилъ представить эту мѣру на благоусмотрѣніе совѣта.

Предложеніе Фукса было заслушано въ первый разъ въ совѣтѣ 26 февраля. Оно заняло вниманіе всѣхъ членовъ и тогда же было постановлено: „по причинѣ важности бумаги поручить оную г. адъюнкту барону Врангелю перевести на нѣмецкій языкъ, и потомъ предоставить каждому члену совѣта дать объ ней свое мнѣніе“. Бумага дѣйствительно касалась очень важныхъ вопросовъ, посвященныхъ лучшему и правильному устройству всего преподаванія въ университетѣ, съ нею тѣсно связано было понятіе о факультетскихъ спеціальностяхъ, о раздѣленіи студентовъ по факультетамъ, какъ это было постановлено въ университетскомъ уставѣ 1804 года, но не было приведено въ исполненіе въ Казани. Дѣло должно было интересовать въ значительной степени тѣхъ новыхъ, свѣжихъ еще профессоровъ, біографіи которыхъ мы представили въ предъидущихъ главахъ этой книги. Понятно, что въ совѣтѣ возникло оживленіе, не существовавшее со времени погрома и увольненія нѣкоторыхъ профессоровъ три года назадъ тому Дѣло касалось всѣхъ; всѣ призваны были разсуждать о немъ согласно уставу 1804 года, возлагавшему заботы о содержаніи и достоинствѣ университетскаго преподаванія на членовъ совѣта, а не на канцелярію, совершенно чуждую наукѣ. Конечно эта пробудившаяся дѣятельность совѣта не могла понравиться Яковкину, самовластно управлявшему университетомъ. Привыкшій къ очень выгодному для него лично самоуправству, онъ долженъ былъ увидѣть въ этомъ оживленіи совѣтскихъ засѣданій столь ненавистное ему самоуправленіе. Такъ и сообщалъ онъ попечителю почти на другой день послѣ перваго совѣтскаго засѣданія, посвященнаго обсужденію предложенія профессора Фукса.

Первое мнѣніе по поводу предложенія Фукса было представлено въ совѣтъ профессоромъ Фойгтомъ; его подписали Браунъ, Френъ, Бартельсъ, Реннеръ и Финке. Яковкинъ очевидно не желалъ обсужденія этого мнѣнія въ совѣтѣ: „по

слабости моей я усталъ до крайности, пишетъ онъ къ Румовскому, и упросилъ отложить чтеніе сей тетради, листовъ изъ четырехъ состоящей, до будущаго засѣданія", но, какъ видно изъ подлиннаго протокола засѣданій, члены совѣта потребовали, чтобы мнѣніе Фойгта было представлено на благоусмотрѣніе попечителя. Это и было сдѣлано, но препровождая къ попечителю мнѣніе Фойгта, забыли послать то предложеніе Фукса, по которому это мнѣніе было подано, и Румовскій, на этотъ разъ не раздѣлившій мнѣніе своего директора о вредѣ самоуправленія („что касается до лекцій", писалъ онъ Яковкину, „то согласно было бы съ уставомъ, ежели бы расположеніе оныхъ дѣлано было въ общемъ собраніи совѣта"), потребовавъ доставить къ нему предложеніе Фукса, писалъ, чтобы это предложеніе, а также и замѣчанія Фойгта „для лучшаго разумѣнія" были препровождены къ нему не на нѣмецкомъ, а на русскомъ или французскомъ языкѣ При этомъ Румовскій высказывалъ желаніе, чтобъ „и прочіе гг. профессоры представили свои мнѣнія по сему предмету". Тогда обѣщалъ онъ предложить совѣту и свое мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически разъяснялъ то, чего не понимали ни Яковкинъ, ни Фуксъ, сдѣлавшій вмѣсто него свое предложеніе совѣту: „Предварительно долженъ сказать", писалъ онъ къ Яковкину, „что лекціи должны быть двояки: одни собственно для студентовъ, а другія *для публики, по указу послѣдовавшему въ разсужденіи производства*"

Мнѣніе профессора Фойгта, подписанное большинствомъ нѣмецкихъ товарищей его, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ гораздо ближе, чѣмъ всѣ русскіе профессора того времени, научное образованіе которыхъ въ большинствѣ случаевъ было случайно, знакомъ съ организаціей университетскаго преподаванія въ Германіи. Это нѣмецкое университетское преподаваніе и было тѣмъ идеаломъ, который онъ желалъ осуществить въ Казани. Съ этой точки зрѣнія онъ и разбиралъ предложеніе Фукса, подробно останавливаясь на каждомъ пунктѣ его. Начиная съ перваго § Фойгтъ не согласенъ ни съ однимъ. Такъ, по его мнѣнію, совершенно противоположному мнѣнію Фукса, не только что поступившіе въ число студентовъ должны имѣть наибольшее число часовъ для слушанія университетскихъ предметовъ, а напротивъ того—число слушаемыхъ лекцій можетъ быть увеличиваемо лишь въ слѣдующіе годы. Въ первый годъ должны изучаться „основанія

знаній пріуготовительныхъ и вспомогательныхъ", въ особенности языкъ латинскій, въ которомъ такъ слабы наши студенты. Конечно Фойгтъ былъ противъ мысли, выраженной въ предложеніи, заставить всѣхъ студентовъ слушать публичныя лекціи для чиновниковъ, согласно указу 6 августа 1809 года. Онъ разъяснялъ Яковкину, что эти публичныя лекціи и назначены только для служащихъ чиновниковъ или для вольныхъ слушателей, намѣревающихся посвятить себя гражданской службѣ. „Казенные студенты, обязанные по окончаніи курса преподавать различныя науки въ гимназіяхъ", писалъ Фойгтъ, „должны исключительно посвящать свое время изученію будущаго предмета своего преподаванія, а не терять время на занятія науками, неимѣющими ничего общаго съ ихъ будущею дѣятельностью. Обширное и трудное изученіе римскаго права и русскихъ законовъ потребуетъ хорошо употребленнаго времени отъ 4 до 5 лѣтъ. Гдѣ возьметъ студентъ, изучающій полный курсъ этихъ наукъ, еще время для изученія той науки, которую онъ обязанъ преподавать въ качествѣ учителя гимназіи? Цѣль нашего педагогическаго института, заключающаяся въ приготовленіи учителей математики, физики, исторіи, географіи и проч., съ принятіемъ предложенія г. Фукса, будетъ совершенно неосуществима. Для чего напримъ медику посѣщать юридическія лекціи и почему онъ, не слушавъ ихъ, не имѣетъ права получить свидѣтельство на званіе врача?" Далѣе, изъ словъ мнѣнія Фойгта видно, что Фуксъ, для приданія большаго авторитета своему предложенію, заявлялъ въ засѣданіи 23 февраля, что попечитель именно требуетъ, чтобы всѣ безъ исключенія студенты посѣщали юридическія лекціи. Въ такомъ случаѣ Фойгтъ соглашался измѣнить свой взглядъ, но просилъ показать подлинное предложеніе попечителя „для того, чтобы мы могли пунктуально соображаться съ волею, всегда для насъ священною, нашего уважаемаго начальника".

Понятія о содержаніи университетскаго курса были въ то время довольно смутны, особенно въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ отдѣленія (факультеты) не были еще открыты. Это было совершенно естественно въ странѣ, гдѣ наука была дѣломъ новымъ и мало извѣстнымъ. Самый уставъ 1804 г. выражался въ этомъ отношеніи чрезвычайно неопредѣленно. Въ немъ вовсе не показано было наприм. время, въ теченіе котораго можетъ быть пройденъ университетскій курсъ. Сту-

дентъ, поступившій въ университетъ долженъ былъ сначала познакомиться съ такими науками, „которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую бы службу ни избрали". Студентъ могъ переходить въ „главное (?) отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію" только „прослушавъ эти „приготовительные" или для всѣхъ наукъ нужные курсы. Онъ могъ оставить университетъ по окончаніи этого *приготовительнаго* курса и получалъ въ томъ отъ университета аттестатъ, не познакомившись такимъ образомъ ни съ одною спеціальностью (§§ 109, 110) На слушаніе этихъ „нужныхъ курсовъ" полагался трехлѣтній срокъ, и перешедшіе въ отдѣленіе (*факультетъ*) студенты носили уже названіе кандидатовъ. Въ современныхъ русскихъ университетахъ спеціальность опредѣляется съ перваго семестра, существуютъ приготовительныя или вспомогательныя науки по каждому отдѣльному факультету Тогда этого не было, господствовала страшная путаница представленій о томъ, что должны слушать студенты въ такъ называемыхъ приготовительныхъ курсахъ; здѣсь рѣшающимъ авторитетомъ былъ обыкновенно произволъ Яковкина Профессору Фойгту пришлось доказывать въ своемъ мнѣніи, что казанскій студентъ не можетъ посѣщать всѣ читаемые въ университетѣ курсы, что на это нужно употребить по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ жизни, что такой студентъ въ состояніи будетъ узнать ex omnibus aliquid, но за то ex toto — nihil. Какія однакоже науки должны считаться *приготовительными*—этого не опредѣляетъ проф Фойгтъ, говоря, что существуютъ различныя о томъ мнѣнія со стороны ученыхъ, но за то онъ и его товарищи возстали противъ частаго повторенія экзаменовъ, считая ихъ полезными только разъ въ теченіе года, противъ неумѣреннаго употребленія наградъ и поощреній, а также противъ замѣны двухчасовыхъ лекцій, какъ это было въ употребленіи — одночасовыми. „Замѣна эта", по словамъ нѣмецкихъ профессоровъ, „будетъ весьма непріятна для тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ университетскихъ зданій и въ особенности въ дурное время года, когда казанскія улицы едва проходимы".

Предложеніе Фукса и мнѣніе по этому поводу Фойгта были разсмотрѣны попечителемъ. Познакомившись съ ними, Румовскій писалъ совѣту, что находитъ болѣе полезнымъ

соблюдать тотъ порядокъ, который существуетъ въ другихъ университетахъ, и былъ за двухчасовыя лекціи, такъ чтобъ профессоръ читалъ свои лекціи дважды въ недѣлю и каждая лекція продолжалась два часа; если же, по недостатку времени, необходимость заставитъ прибѣгнуть къ одночасовому чтенію, то такія лекціи должны читать только профессора, имѣющіе казенныя квартиры. Попечитель былъ также противъ мнѣнія Фукса, „чтобъ всѣ студенты безъ разбора слушали лекціи для чиновниковъ службою обязанныхъ“, такъ какъ это несовмѣстимо съ спеціальнымъ приготовленіемъ къ учительству.

Что касается *наукъ приготовительныхъ*, на которыя указывали §§ устава, то самъ Румовскій имѣлъ о нихъ смутное представленіе Вѣроятно указаніе на нихъ въ уставѣ, напечатанномъ и обнародованномъ значительно ранѣе устава гимназій, явилось вслѣдствіе сознанія неудовлетворительности гимназическаго курса. На Западѣ, гдѣ наука выросла совершенно свободно изъ потребностей жизни, гдѣ она отвѣчала этимъ потребностямъ, какъ напр. изученіе классическихъ языковъ и римскаго права, не могъ конечно быть поднятъ вопросъ о наукахъ приготовительныхъ. У насъ, гдѣ введеніе науки и университетскаго преподаванія зависѣло исключительно отъ власти, содержаніе ея опредѣлялось произвольно или мѣнялось въ угоду временнымъ настроеніямъ. Въ то время, когда стали заботиться объ устройствѣ преподаванія въ Казанскомъ университетѣ, опредѣленіе содержанія науки предоставлено было самому университету. „Подъ именемъ пріуготовительныхъ наукъ разумѣю я тѣ“, писалъ Румовскій, *„кои необходимо нужно знать тому, кто желаетъ быть отечеству полезенъ* (это было повтореніе опредѣленія въ § 109), *какой бы родъ службы ни избралъ, и кои нужны для уразумѣнія физическихъ и умозрительныхъ наукъ въ университетѣ преподаваемыхъ.* Въ числѣ оныхъ можно кажется (?) положить, не говоря о россійскомъ, латинскій языкъ, ариѳметику и геометрію, исторію и географію, курсъ физики экспериментальной и философіи. При преподаваніи, особливо двухъ послѣднихъ, полезно бы было дать слушателямъ понятіе и о прочихъ (?) наукахъ, дабы, по окончаніи пріуготовительныхъ, учащіеся могли себѣ избрать науку, которой преимущественно посвятить себя желаютъ. Желалъ бы я, *чтобы совѣтъ точнѣе опредѣлилъ,*

какія науки должно считать пріуготовительными и поступающіе въ университетъ первый годъ или два ими бы наипаче занимались". Очевидно Румовскій сознавалъ полную неподготовленность тѣхъ молодыхъ людей, которые поступали въ университетъ. „Судя по всей строгости, ученикъ, окончившій ученіе въ гимназіи, долженъ имѣть достаточное свѣдѣніе о нужныхъ познаніяхъ къ слушанію лекцій, но какъ способности учащихся различны и знанія учителей не могутъ равняться съ знаніями профессоровъ, то, по мнѣнію моему, каждый ученикъ, удостоенный принятъ быть въ университетъ, нося званіе студента, долженъ, для своей пользы и общественной, прослушать въ университетѣ выше сего упомянутыя, *или какія совѣтъ заблагоразсудитъ назвать пріуготовительныя лекціи;* послѣ чего сдѣлать испытаніе, и кто изъ нихъ окажется слабъ, заставить оныя слушать вновь, а довольно успѣвшимъ *совѣтъ или инспекторъ назначаетъ* какія лекціи учащійся впредь посѣщать долженъ. Испытаніе сіе не должно смѣшивать съ годовымъ, въ уставѣ предписаннымъ".

Попечитель, препровождая это сужденіе свое о предложеніи Фукса и о мнѣніи Фойгта и другихъ нѣмецкихъ профессоровъ, предлагалъ совѣту „запмствовать изъ него то, что найдетъ нужнымъ и полезнымъ въ настоящемъ университета положеніи". Совѣтъ поручилъ Эриху перевести бумагу попечителя на латинскій языкъ и раздать переводъ всѣмъ членамъ, не знающимъ русскаго языка. Только къ концу года поступили мнѣнія нѣкоторыхъ профессоровъ о томъ, что такое они понимаютъ подъ названіемъ *наукъ приготовительныхъ*. Мнѣнія эти были однако весьма разнообразны; смотря по спеціальнымъ наукамъ, къ которымъ требовалось приготовляться. Профессоръ Сторль ограничился общимъ опредѣленіемъ, что приготовительныя науки тѣ, „quae ad excolendum animum atque ingenium studiosorum acuendum conferunt". — Яковкинъ, отвѣчая на вопросы, поднятые въ засѣданіи совѣта и противорѣча на этотъ разъ Фуксу и себѣ, стоялъ за двухчасовыя лекціи на слѣдующихъ, высказанныхъ имъ основаніяхъ: „а) Преподавателю никакъ не можно расположиться, чтобы въ продолженіе одного только часа объяснить все имъ предположенное, со всѣми обстоятельствами, потребными для слушателей. б) Никакъ не можно предполагать, чтобъ точно съ началомъ часа начиналось и преподаваніе, частію по причинѣ невѣрности ча-

совъ и опаздыванія преподавателей, частію по причинѣ перемѣны мѣста и перехода студентовъ изъ одной аудиторіи въ другую, а частію и по причинѣ случающагося *особливо въ сіе время* (?) исполненія студентами естественныхъ нуждъ, такъ что каждое преподаваніе никакъ не можетъ начаться прежде четверти часа, а потому и оставалось бы для дѣйствительнаго чтенія только три четверти часа, въ кои сдѣлать много никакъ невозможно“ 3) Третье основаніе—науки съ опытными доказательствами. Что касается наукъ приготовительныхъ, то въ опредѣленіи ихъ содержанія Яковкинъ согласенъ съ сужденіемъ о томъ попечителя. Это „науки, кои всякому, какъ обучающемуся для ученаго званія, такъ и готовящемуся на службу отечеству потребны по крайней мѣрѣ энциклопедически“. Изъ перечисленія ихъ, сдѣланнаго Яковкинымъ, мы видимъ, что всѣ эти науки составляютъ учебные предметы гимназическаго курса. Для прохожденія курса этихъ приготовительныхъ наукъ въ университетѣ, Яковкинъ назначалъ три года; съ этимъ временемъ „и гг. преподаватели обязаны сообразоваться продолженіемъ своихъ курсовъ“, заключалъ онъ. Все это даетъ намъ весьма печальное представленіе о состояніи научнаго преподаванія въ первые годы существованія Казанскаго университета. Какіе успѣхи могло сдѣлать оно, если студенты не были вовсе къ нему приготовлены? Кому изъ этихъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ условіяхъ того времени, по большей части избалованныхъ тогдашними, теперь давно исчезнувшими условіями жизни, могло придти въ голову желаніе посвятить себя какой то для него совершенно непонятной научной спеціальности, которой и мѣста не было собственно въ окружающей его жизни, послѣ трехъ лѣтъ приготовленія къ этой наукѣ? Какую пользу могли принести нѣмецкіе профессора, приглашенные именно для преподаванія спеціальностей факультетскихъ? Для насъ совершенно ясно, что дѣло шло здѣсь собственно о гимназическомъ курсѣ, о тѣхъ знаніяхъ, безъ которыхъ немыслимо было слушаніе университетскихъ лекцій, а не о приготовительныхъ для спеціальнаго курса наукахъ. Такъ и профессоръ Фойгтъ въ новомъ мнѣніи своемъ, вызванномъ предложеніемъ попечителя, говорилъ, что „о наукахъ собственно пропедевтическихъ спеціальныхъ (de disciplinis vero propaedeuticis specialibus) придется разсуждать въ послѣдствіи времени, когда увеличится число препо-

давателей и учащихся". Фойгтъ, какъ и всѣ его товарищи, стоялъ главнымъ образомъ за усиленіе познаній въ латинскомъ языкѣ, безъ чего лекціи ихъ не могли приносить пользы. Профессоръ Браунъ въ своемъ мнѣніи говорилъ, что и онъ считаетъ приготовительными науками тѣже, что были поименованы въ предложеніи попечителя, но прибавлялъ, съ своей стороны, что для студента-медика необходимы предварительныя свѣдѣнія въ наукахъ естественныхъ и химіи. И прочіе нѣмецкіе профессора, каждый отдѣльно, представили также свои мнѣнія, при чемъ каждый болѣе или менѣе смотрѣлъ на дѣло съ собственной точки зрѣнія, имѣя въ виду свою спеціальность. Такъ Френъ особенно требовалъ усиленія знаній въ латинскомъ языкѣ, такъ какъ почти всѣ главнѣйшія пособія для изученія арабскаго языка и литературы писаны на этомъ языкѣ. Профессоръ русскаго права Нейманъ желалъ, конечно для наполненія своей аудиторіи, чтобы были допущены къ слушанію лекцій по наукамъ, преподаваемымъ въ силу указа 6 августа 1809 года. *всѣ вообще студенты*, „буде они сами сіе пожелаютъ". И по отношенію къ своекоштнымъ студентамъ Нейманъ былъ за предоставленіе имъ полной „свободы слушанія". „Этимъ студентамъ, принятымъ на основаніи свидѣтельства директора гимназіи или частнаго испытанія въ университетѣ, какъ кегся мнѣ удобно", писалъ онъ, „самимъ предоставить выборъ лекцій неограниченно, *чтобы они не предпочитали ученіе въ другихъ россійскихъ университетахъ ученію въ здѣшнемъ по причинѣ большихъ ограниченій, здѣсь постановленныхъ*".

Самое обширное и обстоятельное по содержанію мнѣніе, названное имъ *мемуаромъ*, представилъ на французскомъ языкѣ Финке. На науки приготовительныя или вспомогательныя, по словамъ Финке, можно смотрѣть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: или безотносительно, или по отношенію къ другимъ наукамъ, для которыхъ онѣ служатъ пособіемъ или приготовленіемъ. Содержаніе такихъ наукъ зависитъ или отъ потребностей общихъ, или отъ потребностей частныхъ По отношенію къ просвѣщенію общему, къ развитію вообще ума и сердца, необходимыми являются однѣ науки, и Финке ихъ указываетъ и опредѣляетъ; по отношенію къ особеннымъ цѣлямъ университетскаго преподаванія, будетъ ли это учительство или изученіе какой либо факультетской спеціальности, эти науки будутъ уже имѣть другое содержаніе. Въ особен-

ности много и съ большимъ увлеченіемъ говоритъ въ своемъ мнѣніи Финке о культурномъ и образовательномъ значеніи древне-греческой литературы, греческихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ, философовъ, сравнивая ихъ съ римскими подражателями. Въ его словахъ, полныхъ энтузіазма, сказалось вліяніе той широкой классической школы, которая со временъ Возрожденія развивалась въ Германіи, и которой самъ Финке былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Конечно и въ этомъ увлеченіи надобно видѣть интересъ частный: Финке спеціально занимался римскимъ правомъ на византійской почвѣ, изучалъ и издавалъ комментатора Теофила, писавшаго по гречески. Собственно на приготовительныя науки, лекціи по которымъ требовалъ уставъ университета и попечитель, Финке смотрѣлъ правильно какъ на повтореніе гимназическаго курса и считалъ это повтореніе весьма полезнымъ и необходимымъ. Оно вызывалось и неудовлетворительнымъ состояніемъ гимназическаго преподаванія, и новымъ характеромъ его. „Повтореніе будетъ дѣлаться другими преподавателями, по другому болѣе широкому методу, способствующему большему развитію ума“, говоритъ Финке. „Гимназическіе уроки посвящаются преимущественно изученію языковъ, причемъ главное вниманіе обращается на грамматическія правила. Кромѣ того ученикъ гимназіи смотритъ на изучаемое имъ въ ней, какъ на дѣло памяти, тогда какъ студентъ долженъ усвоить себѣ духъ языка, изучать сочиненія поэтовъ и прозаиковъ за заключающееся въ нихъ содержаніе, цѣнить ихъ по внутреннему достоинству и вообще понимать смыслъ того, что изучаетъ“. И Финке, какъ и другіе, жалуется на положительное незнаніе студентами латинскаго языка. Безъ знакомства съ нимъ Финке считаетъ ничтожнымъ всякое образованіе. Но самымъ важнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго необходимо предварительно, представляется, по словамъ Финке, вопросъ о порядкѣ, въ какомъ должны слушать эти лекціи приготовительныхъ наукъ казенные студенты университета. Ему кажется недостаточнымъ трехлѣтній срокъ для нихъ. Дѣло совѣта опредѣлить этотъ порядокъ и время приготовительнаго курса; Финке предлагаетъ поэтому образовать изъ членовъ совѣта, читающихъ эти приготовительныя науки, особую коммиссію для опредѣленія этого порядка и установленія срока. Съ другой стороны большое затрудненіе представится еще тогда, когда придется опредѣлять содер-

жаніе тѣхъ вспомогательныхъ и приготовительныхъ наукъ, которыя необходимы, какъ введеніе въ науки специальныя, факультетскія. „Каждый профессоръ можетъ лучше судить о своей наукѣ; онъ одинъ знаетъ какія необходимы ей науки приготовительныя и вспомогательныя, и какой принять планъ изученія“. Финке вообще недоволенъ существующимъ въ Казанскомъ университетѣ порядкомъ вещей. Планъ ученія настоятельно необходимъ. Студенту часто приходится изучать науки, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ главной спеціальности, избранной имъ для будущей дѣятельности. Эта путаница понятій и представленій будетъ еще увеличиваться со временемъ, по мѣрѣ увеличенія числа профессоровъ. „При всей доброй волѣ быть полезнымъ, при самомъ широкомъ образованіи и при величайшей способности понимать отношенія, въ какихъ находятся другъ къ другу разныя науки, инспекторъ казенныхъ студентовъ всегда будетъ въ затрудненіи при указаніи каждому студенту тѣхъ лекцій, какія онъ долженъ посѣщать. Возможно-ли, чтобы одинъ человѣкъ былъ въ состояніи установить цѣлую систему лекцій, которую могли бы признать и удовлетворительною, и разумною и преподаватели, и студенты всѣхъ факультетовъ университета?“ Въ Казанскомъ университетѣ и былъ такой человѣкъ, отъ котораго все зависѣло—Яковкинъ. Финке приводитъ и свой личный опытъ Почему, спрашиваетъ онъ, студенты, слушающіе, по указанію Якозкина, лекціи профессора русскаго права Врангеля, не должны вслѣдствіе этого посѣщать уже его лекціи, посвященныя правамъ древнихъ и новыхъ народовъ и въ особенности римскому? Указывая на § 51 устава, по которому общему собранію университетскаго совѣта предоставлено между прочимъ „учрежденіе порядка времени и распоряженіе курсовъ въ университетѣ, *такъ чтобы науки слѣдовали въ естественной ихъ связи*, и студенты въ продолженіи оныхъ могли бы пользоваться всѣми наставленіями, кои нужны для будущаго ихъ званія“, Финке ходатайствовалъ въ своемъ мемуарѣ предъ попечителемъ о:

1) точномъ опредѣленіи того, что для казенныхъ студентовъ должно разумѣть подъ названіемъ наукъ вспомогательныхъ или приготовительныхъ; 2) о томъ, чтобы казенные студенты въ этихъ именно наукахъ, и въ особенности въ языкѣ латинскомъ подвергались самому строго-

му экзамену; 3) чтобы не выдержавшіе этого экзамена проходили въ другой разъ этотъ подготовительный курсъ; 4) чтобы былъ опредѣленъ общій порядокъ лекцій этого курса; 5) наконецъ о томъ, чтобы инспекторъ казенныхъ студентовъ не имѣлъ права произвольно соединять лекціи наукъ приготовительныхъ съ лекціями по наукѣ спеціальной, чтобы въ этомъ отношеніи онъ обязанъ былъ войти въ соглашеніе съ профессорами, читающими лекціи по наукамъ спеціальнымъ. Тогда возможно будетъ привести въ систему все университетское преподаваніе; всѣ лекціи будутъ читаться въ опредѣленное заранѣе время и не будетъ надобности сокращать число профессорскихъ часовъ преподаванія до четырехъ, когда каждому можно будетъ имѣть и шесть часовъ.

Мы нарочно привели всѣ эти подробности изъ мнѣній разныхъ профессоровъ относительно урегулированія преподаванія. Легко видѣть, что въ томъ положеніи, въ какомъ представляется оно въ этихъ мнѣніяхъ, оно имѣло весьма жалкій характеръ и не могло приносить никакой существенной пользы. Настоятельною надобностью являлось открытіе университета со всѣми его факультетами, и тогда только возможно бы было устроить преподаваніе и тѣхъ приготовительныхъ наукъ, которыя различны въ каждомъ факультетѣ. Всѣ мнѣнія, сущность которыхъ мы привели, изображаютъ дѣло такъ, что приготовленія гимназическаго какъ бы не существовало въ ту пору для молодыхъ людей, поступающихъ въ Казанскій университетъ. Всѣ эти мнѣнія были своевременно представлены совѣтомъ попечителю на его благоусмотрѣніе. Мы знаемъ, что онъ читалъ ихъ, но не постановилъ никакого рѣшенія, не далъ своего предписанія Дальнѣйшихъ разсужденій по вопросу о приготовительныхъ курсахъ въ томъ году въ совѣтѣ не было. Черезъ годъ, въ одномъ изъ іюльскихъ засѣданій совѣта 1811 года, профессоръ-директоръ (т. е. Яковкинъ) предложилъ о необходимости постановленія мнѣнія совѣта по поводу прошлогодняго „въ разсужденіи назначенія совѣтомъ пріуготовительныхъ наукъ, коихъ всякій изъ учащихся въ университетѣ долженъ выслушать полные курсы“. Въ виду того, что послѣ полученія упомянутаго предложенія попечителя поступили въ университетъ вновь нѣкоторые члены, было опредѣлено: при выпискѣ изъ протокола совѣта, препроводить къ нимъ въ копіяхъ предложеніе попечителя, и „когда подадутъ они о семъ дѣлѣ свое сужденіе,

собрать потомъ для разсужденія и заключенія о томъ особенный совѣтъ". Въ засѣданіи 24 августа 1811 года было разсуждаемо снова о томъ, какія науки разумѣть подъ именемъ *пріуготовительныхъ*, и совѣтъ, въ донесеніи о томъ попечителю (26 авг. 1811 г.), высказалъ свое согласіе съ мнѣніемъ попечителя, о которомъ мы говорили выше. Этими приготовительными науками онъ считалъ. языки россійскій и латинскій, ариѳметику и геометрію, исторію и географію, опытную физику и философію (въ чемъ послѣдняя состояла, опредѣлено не было), „присовокупляя къ тому естественную исторію, отечественную статистику и *основанія правъ, особенно россійскаго*". Очевидно главное содержаніе наукъ приготовительныхъ заключалось въ гимназическомъ курсѣ. Его-то именно и приходилось устранвать при университетѣ, но никакой организаціи его не послѣдовало На представленіе совѣта отъ попечителя отвѣта не было. На слѣдующій 1812 годъ было не до того; въ іюлѣ этого года умеръ Румовскій, первый поднявшій вопросъ о приготовительныхъ наукахъ. Новый попечитель сталъ хлопотать о скорѣйшемъ полномъ открытіи университета, и въ ноябрѣ того же 1812 года является уже первое дѣленіе университета на факультеты. Требованіе отъ студентовъ знаній въ наукахъ приготовительныхъ оставалось однако въ силѣ довольно долго, до 1819 года, несмотря на то, что университетъ былъ открытъ. Въ этомъ году (20 января) было Высочайше утверждено *Положеніе о производствѣ въ ученыя степени* (1). По выслушаніи этого положенія въ совѣтѣ университета, исправляющій должность ректора проректоръ Солнцевъ заявилъ, что по случаю этихъ новыхъ правилъ объ экзаменахъ на ученыя степени, „прежнее положеніе о слушаніи студентами въ *теченіе двухъ лѣтъ* только однихъ приготовительныхъ наукъ уже неудобно къ исполненію". Для соображеній по этому вопросу былъ образованъ тогда же особый комитетъ. Онъ состоялъ изъ деканонъ и по одному члену отъ каждаго факультета. Магницкій, уже назначенный тогда попечителемъ, разомъ пріостановилъ дѣятельность этого комитета и явился противникомъ „пріуготовительныхъ наукъ", не смотря на то, что своимъ

(1) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Спб. 1864. стр. 1134—1145.

распоряженіемъ онъ упразднялъ §§ 109 — 111 университетскаго устава 1804 года (впрочемъ, и очень можетъ быть, что по его инициативѣ, приготовительные курсы были Высочайше утвержденнымъ докладомъ главнаго правленія училищъ уничтожены до его распоряженія, около того же времени). Усмотрѣвъ изъ меморій за іюнь мѣсяцъ, ему представленныхъ, о томъ, что отдѣленіе физико-математическихъ наукъ установляетъ „повторительныя лекціи“ для началъ математики, Магницкій написалъ совѣту Казанскаго университета слѣдующее предложеніе: „Такъ называемыя *повторительныя лекціи* для какой бы то ни было науки я нахожу вовсе несообразными съ планомъ университетскаго ученія и *неприличными*, ибо онѣ не что иное суть какъ доучиваніе недоученыхъ подъ какимъ бы то званіемъ ни было. Если предполагается, что желающіе быть допущенными къ слушанію университетскихъ курсовъ знаютъ уже начала оныхъ, то репетиторскія лекціи не нужны; если же не знаютъ, то не должны быть принимаемы въ университетъ. *Для началъ наукъ существуютъ гимназіи; неприлично университету учреждать оныя у себя*“ (29 сент. 1819 г. № 189). Магницкій забывалъ однако, что приготовительные курсы въ университетѣ вытекали изъ необходимости, изъ сознанія ничтожной подготовленности молодыхъ людей къ слушанію настоящихъ университетскихъ лекцій, которыя являлись такимъ образомъ вполнѣ безполезными. Значительное большинство студентовъ выходило изъ казанской гимназіи, жившей все еще подъ уставомъ утвержденнымъ императоромъ Павломъ и вовсе неприспособленной къ тому, чтобы приготовлять молодыхъ людей къ слушанію университетскихъ лекцій; въ ней учили весьма разнообразнымъ предметамъ, всему по немногу, или собственно говоря — ничему. Директоромъ этой гимназіи былъ Яковкинъ, принадлежавшій къ той неперерождающейся и постоянно разцвѣтающей, и до нашихъ дней, породѣ директоровъ, которыхъ справедливо можно назвать *педагогическими нигилистами*. Впослѣдствіи, и весьма долго, университетъ гарантировалъ успѣхъ своего преподаванія строгостью пріемныхъ экзаменовъ при поступленіи въ университетъ.

Практическій результатъ всѣхъ этихъ разсужденій былъ только тотъ, что всѣми членами совѣта была отвергнута перемѣна двухчасовыхъ лекцій на одночасовыя. Противъ нея былъ на этотъ разъ и Яковкинъ. „Могу однако и теперь донести в. п.“,

писалъ онъ попечителю, „что ни мое, ни прочихъ моихъ сотрудниковъ мнѣнія не будутъ согласны на таковую несообразную перемѣну, тѣмъ болѣе, что и во время моей болѣзни посѣщавшіе меня гг профессоры между разговорами приписывали таковую перемѣну и уменьшеніе времени паче подозрѣнію въ лѣности, нежели нуждѣ, и съ особеннымъ огорченіемъ разговаривая о сей матеріи, опасались, чтобъ и в. п не возымѣли невыгоднаго и непріятнаго о всѣхъ чиновникахъ университетскихъ мнѣнія. Впрочемъ во всемъ теченіи дѣлъ по совѣту и университету донынѣ, слава Богу, все тихо, спокойно и порядочно“ (16 мая, 1810 года).

Тишина и порядочность, столь любезныя сердцу Яковкина, продолжались однако не долго. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ спокойствіе было нарушено самымъ жестокимъ образомъ Въ первой части нашей книги мы не разъ останавливались на ненормальной связи, установившейся между казанскою гимназіею и основаннымъ, но не открытымъ согласно уставу 1804 года Казанскимъ университетомъ. Положеніе послѣдняго было въ высшей степени неопредѣленно Этою неопредѣленностью естественно тяготились и сами профессора, главнымъ образомъ иностранцы, привыкшіе къ условіямъ дѣйствительной университетской жизни и недовольные самовластіемъ директора, совсѣмъ „незнакомаго съ организмомъ университетовъ“, какъ выражался одинъ изъ нихъ. Это было причиною разныхъ университетскихъ столкновеній и совѣтскихъ „исторій“, о которыхъ мы уже разсказывали. Отдѣленіе гимназіи отъ университета и открытіе послѣдняго въ полномъ его видѣ, съ выборнымъ ректоромъ и деканами, не разъ было темою переписки между попечителемъ и Яковкинымъ. Сообщались разныя предположенія, дѣлались нѣкоторыя приготовленія, впрочемъ идиллическаго характера, напр. сочинялись и въ Петербургѣ, и въ Казани стихотворные канты на открытіе университета и клались на музыку, но дѣло не двигалось. По всей вѣроятности причины этой медленности заключались въ недостаткѣ энергіи и въ бездѣятельности весьма стараго лѣтами Румовскаго. Можетъ быть, съ открытіемъ университета, онъ боялся нѣкотораго умаленія своей власти, а съ другой стороны весьма вѣроятно, что ему

гораздо пріятнѣе было имѣть дѣло съ Яковкинымъ, на котораго онъ вполнѣ полагался и который отвѣчалъ за все, чѣмъ съ самоуправляющимся университетомъ и съ уважающими себя профессорами. Не знаемъ, вполнѣ ли вѣрилъ Румовскій сердечнымъ письменнымъ излияніямъ Яковкина, но эти льстивыя завѣренія директора, повторяясь часто по разнымъ поводамъ, должны были имѣть свою долю вліянія на слабое человѣческое сердце. Такъ, по поводу случайной ошибки, допущенной имъ въ печатномъ объявленіи о публичныхъ курсахъ для чиновниковъ, оправдывая себя болѣзнью, Яковкинъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Шестилѣтнее мое подъ отечественнымъ в. п. начальствомъ служеніе оправдать меня можетъ предъ очами в. п., что чувствованія самовольныя были всегда чужды душѣ моей; а ежели когда на что рѣшался, донося однако тотчасъ в. п., то находилъ необходимымъ для непотерянія времени и соблюденія казны. Порокъ властолюбія и любоначалія, свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ, также никогда не обладалъ мною, и особливо еще послѣ претерпѣнной мною потери единороднаго моего первенца. Вашему п—ству чувствованія моего служенія всегда я старался сыновне обнаруживать; они неизмѣнны; бѣдность моя доказываетъ мое безкорыстіе, а нѣсколько-кратныя моленія объ избавленіи меня отъ начальствованія суть свидѣтели бывшаго мнѣ всегда сродным смиренія Конечно: propria laus sordet, но это есть сердечное сыновнее признаніе предъ отеческимъ начальствомъ. По множеству и разнообразію дѣлъ, чувствую, свойственно мнѣ погрѣшать; но погрѣшности мои, будучи неумышленны, ни мало не тяготятъ ни сердца, ни совѣсти моей, и искреннее въ нихъ признаніе всегда готово“ (20 іюня, 1810 г.).

Въ томъ же 1810 году, когда въ совѣтѣ шли разсужденія о болѣе раціональномъ устройствѣ преподаванія и о приготовительныхъ наукахъ, открытіе университета казалось болѣе близкимъ чѣмъ прежде. Въ маѣ полученъ былъ отъ попечителя изъ Петербурга ящикъ краснаго дерева для балотированія съ 30 костяными шариками (1), который опре-

(1) Ящикъ этотъ очень долго служилъ при балотированіи (онъ хранится теперь въ архивѣ, представляя изъ себя очень красивую столярную игрушку въ родѣ шкатульки Буоля) Только при дѣйствіи устава 1863 года, когда число членовъ совѣта превысило число прежнихъ костяныхъ

дѣлено было хранить при архивѣ. Попечитель съ своей стороны писалъ къ Яковкину и вызывалъ совѣтъ, „чтобы открытіе университета сдѣлать памятнѣе“, произвести разныхъ молодыхъ людей, однихъ въ адъюнкты, другихъ въ экстраординарные профессоры, сообщалъ, что приличнo будетъ въ день открытія провозгласить нѣсколько почетныхъ членовъ. „Не худо бы было подъ рукою навѣдаться угодно ли будетъ преосвященному и г. губернатору принять сіе званіе Объ отцѣ ректорѣ я не сомнѣваюсь. О нѣкоторыхъ господахъ любителяхъ наукъ я здѣсь навѣдаюсь. Московскій университетъ, и въ разсужденіи множества почетныхъ членовъ, не долженъ намъ служить примѣромъ. Казанскій университетъ помоложе Московскаго и число членовъ Казанскаго должно быть меньше“. Яковкинъ, вслѣдствіе предписанія попечителя, представилъ совѣту списокъ вещей нужныхъ къ открытію университета, и совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія на пріобрѣтеніе ихъ.

Всѣ эти распоряженія и приготовленія источникомъ своимъ имѣли желаніе новаго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго, занявшаго этотъ постъ въ апрѣлѣ 1810 года, открыть Казанскій университетъ сообразно уставу 1804 года. Мы разсказали въ первой части нашей книги тѣ причины, которыя вызвали министра на эту мѣру. Казанскій университетъ представлялся ему въ весьма неприглядномъ видѣ, свѣдѣнія, доходившія до него съ разныхъ сторонъ, особенно отъ лицъ, сопровождавшихъ ревизовавшаго Казанскую губернію сенатора Обрѣзкова, изображали его въ полномъ разстройствѣ, и общій голосъ считалъ виновникомъ этого разстройства директора Яковкина (часть 1-я, 443—447). Мы привели и самый текстъ предложенія министра Румовскому объ открытіи университета (Тамъ же, 305—306), гдѣ онъ говоритъ и о свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до него объ Яковкинѣ (¹). Эта воля министра, изложенная въ пред-

---

шариковъ 1810 года, сдѣланъ былъ новый, болѣе вмѣстительный ящикъ, но за то болѣе грубой формы. Теперь и этотъ послѣдній, вслѣдствіе измѣненныхъ условій университетской жизни, остается безъ употребленія

(¹) Свѣдѣнія эти должны быть весьма любопытны. Безъ сомнѣнія они, какъ и многое другое, находятся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, авторъ настоящаго сочиненія не имѣетъ никакой возможности пользоваться этимъ архивомъ, документы котораго безъ сомнѣнія придали бы труду его больше полноты и содержанія. Ми-

ложеніи попечителя совѣту, была заслушана послѣднимъ въ засѣданіи 13 сентября. Опредѣлено было начать выборы въ слѣдующемъ же засѣданіи совѣта, которое было назначено на 16 сентября, въ 11 часовъ утра, при чемъ предсѣдателемъ собранія, по общему согласію, избранъ былъ профессоръ директоръ и кавалеръ Яковкинъ Въ назначенный день собравшіеся ординарные профессора, числомъ тринадцать (двенадцать изъ нихъ были иностранцы и только одинъ русскій—Яковкинъ) приступили наконецъ къ избранію ректора и декановъ Не было ли времени иностраннымъ профессорамъ согласиться между собою (между временемъ полученія предписанія о балотировкѣ и самимъ актомъ ея прошло три дня), или и между ними, подъ вліяніемъ климата и окружавшей ихъ русской среды, господствовалъ коренной разладъ, свойственный русскимъ людямъ, у которыхъ личные разсчеты идутъ всегда впереди общественнаго дѣла, только выборы эти оказались неудачными. На должность ректора никто не былъ выбранъ Къ великому огорченію своему Яковкинъ на это званіе изъ двѣнадцати шаровъ получилъ въ свою пользу только три избирательныхъ Зная тогдашнія отношенія членовъ совѣта между собою, мы можемъ сказать съ полною достовѣрностью, что въ пользу его подали голоса: Фукъ, Сторль и Нейманъ. Изъ болѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ членовъ нѣмецкой коллегіи профессоровъ, только Браунъ и Литтровъ получили наибольшее число голосовъ, но все же ни одинъ изъ нихъ выбранъ не былъ: они получили по ровну, по шести шаровъ. Профессоръ Германъ не получилъ ни одного избирательнаго шара. Вслѣдъ за первою неудачною попыткою избрать ректора, приступлено было къ выборамъ деканов тѣмъ же количествомъ наличныхъ ординарныхъ профессоровъ. Въ званіе декана отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ былъ избранъ Фойгтъ (большинствомъ 8 противъ 4 голосовъ); деканомъ физическихъ и математическихъ наукъ Бартельсъ (9 противъ 3); въ деканы отдѣленія врачебныхъ наукъ оба наличные члены этого отдѣленія

нистру графу Разумовскому свѣдѣнія могли быть доставлены и прямо, лицомъ къ нему весьма, какъ извѣстно, близкимъ — Перовскимъ (Алексѣемъ), бывшимъ въ Казани, въ свитѣ ревизовавшаго губернію сенатора Обрѣзкова

были избраны одинаковымъ числомъ голосовъ (7 противъ 5); въ деканы отдѣленія словесныхъ наукъ избранъ Яковкинъ (9 голосовъ противъ 3) (1). Продолжать выборы назначено было на слѣдующій день, т. е. 17 сентября, но въ это засѣданіе избранъ былъ только секретарь совѣта, такъ какъ предсѣдатель собранія Яковкинъ заявилъ, что по причинѣ головной боли засѣданія продолжать не можетъ. Эта симулированная, а можетъ быть и дѣйствительная головная боль, вслѣдствіе волненія отъ необходимости подвергнуть свою личность общему суду сослуживцевъ по коллегіи, послѣ единоличныхъ успѣховъ, произошла вслѣдъ за инцидентомъ, такъ описаннымъ въ слѣдующей бумагѣ Яковкина, которую онъ внесъ въ первое затѣмъ засѣданіе совѣта, бывшее 21 сентября:

«Сего сентября 17 дня, по учиненному наканунѣ того дня предположенію, постановлено было продолжить, а ежели время позволитъ и окончить избраніе чиновниковъ въ уставѣ университета назначенныхъ. Засѣданіе открыто въ началѣ двѣнадцатаго часа поднисываніемъ списковъ предшедшаго избранія, въ которое время предложилъ я совѣту, во исполненіе § 48 устава университету даннаго, завести книгу для вписыванія причинъ отсутствующихъ членовъ, такъ какъ тогда г профессора Фойгта въ присутствіи не было и о причинѣ небытія знать отъ него не дано, на что всѣ гг члены совѣта согласились. По окончаніи сего, въ 35 минутъ двѣнадцатаго часа, пришелъ въ собраніе и г профессоръ Фойгтъ, коему, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, объявилъ я *со всею должною благопристойностью* объ учиненномъ прежде его приходу предположеніи. Выслушавъ сіе г Фойгтъ съ горячностью защумѣлъ и взявъ бумагу началъ что-то писать съ примѣтнымъ каждому жаромъ. Не кладучи къ сему ни малѣйшей причины, приступилъ я къ избранію секретаря совѣта по изготовленному списку и дошелъ уже до половины избираемыхъ. Въ то время г профессоръ Фойгтъ, дописавъ свою бумагу показалъ ее читать гг профессорамъ Литтрову, Финке, Френу и Бартельсу, изъ коихъ каждый, прочитавъ ее, пожималъ плечами, примѣтно удивлялся и возвращая оную бумагу г Фойгту, говорилъ съ нимъ, и, какъ казалось, уговаривалъ его, но онъ еще тѣмъ болѣе горячился до того, что въ 55 минутъ двѣнадцатаго часа (какая точность у Яковкина), соскочивъ съ своего мѣста, вырвалъ изъ рукъ у г Литтрова написанную имъ бумагу и взявъ съ канапе свою шляпу, хотѣлъ уйдти, будучи притомъ уговариваемъ и удерживаемъ г Литтровымъ. Почему вынужденъ я былъ многократно спрашивать *съ надлежащею пристойностью* о причинѣ его ухода для вписанія въ протоколъ; но онъ и болѣе разгорячившись, ничему не внималъ, и вдругъ отъ канапе побѣжалъ ко мнѣ, сломалъ въ четверо листъ и бросилъ передъ меня на столъ; потомъ сѣвъ опять на свое мѣсто, горячился и шумѣлъ, не внимая увѣщаніямъ гг. Литтрова и Неймана. Усмотрѣвъ таковую непристойность и нарушеніе предписаннаго порядка, просилъ я гг. сочленовъ, чтобъ записать

(1) Изъ этого видно, что нѣмецкіе профессора не желали только имѣть въ Яковкинѣ ректора

о семъ въ протоколъ, но никто словесно не заявилъ на то своего согласія. Кромѣ только что г. профессоръ Нейманъ, подошедъ ко мнѣ, извинялъ г. Фойгта въ горячности и въ шумѣ, приписывая оное какому-то недоразумѣнію, а г. профессоръ Литтровъ приписывалъ всѣ оные поступки болѣзни г. Фойгта, увѣряя, что въ сіе самое время воспослѣдовалъ съ нимъ параксизмъ. Первому отозвался я, что свидѣтельствуюсь всѣми гг. членами, не говорилъ ни одного двусмысленнаго слова, но и затѣмъ г. Фойгтъ продолжалъ свой разговоръ съ жаромъ, что и онъ такой же публичный ординарный профессоръ, какъ и я. Г. же Литтрову отозвался я, что каждый больной законами увольняется на сіе время отъ исправленія публичной должности, почему г. Фойгтъ, извѣстивъ совѣтъ о причинѣ своего отсутствія, не слѣдовало бы и приходить въ совѣтъ. Вслѣдствіе сего вторично предлагалъ я записать въ протоколъ *о разговорчивости г. Фойгта*, о шумѣ его и нарушеніи порядка засѣданія, убѣждая къ исполненію сего перваго по мнѣ члена г. профессора Германа, но и тогда ничего не сдѣлано. Принужденъ бывъ такими поступками, объявилъ я всему собранію, что не оставлю донести о семъ высшему начальству, присовокупя при томъ, что свидѣтельствуюсь всѣми гг. членами, не подалъ я ни малѣйшей причины къ неудовольствію и безпорядку оказанному г. профессоромъ Фойгтомъ. Между тѣмъ г. Фойгтъ занялся писать другую бумагу; почему видя возстановившееся въ совѣтѣ спокойствіе, возобновилъ я избраніе и старался оное окончить. Предъ самымъ окончаніемъ, въ 45 минутъ перваго часа, г. Фойгтъ подошелъ ко мнѣ, уже благопристойно подалъ вторую, написанную имъ бумагу, которую я и принялъ; и какъ оную, такъ прежде брошенную ко мнѣ на столъ, помѣтивъ своею рукою, отдалъ г. секретарю совѣта для храненія и должнаго по нимъ постановленія въ слѣдующее собраніе, чего для обо всѣхъ вышеписанныхъ происшествіяхъ, для прекращенія впредь въ засѣданіяхъ совѣта таковыхъ безпорядковъ и наблюденія надлежащей благопристойности по силѣ § 55 устава Казанскаго университета, долгомъ моимъ поставляю предложить совѣту, о чемъ отъ меня уже и Его пр—ству, господину д. с. с. и кавалеру попечителю Казанскаго университета и учебнаго его округа Степану Яковлевичу Румовскому донесено».

Совѣтъ постановилъ сообщить копію съ предложенія директора профессору Фойгту и копіи съ него же, вмѣстѣ съ копіями двухъ прошеній, поданныхъ Фойгтомъ, прочимъ членамъ совѣта. Такъ возникло дѣло „О горячности г. профессора Фойгта“ (Дѣла совѣта 1810 года, № 29). Выборы тѣмъ не менѣе продолжались. Въ засѣданіи 23 сентября избирались члены училищнаго комитета, при чемъ и въ этомъ случаѣ оказалось у Яковкина меньшее количество избирательныхъ шаровъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ. Въ этомъ именно засѣданіи профессоръ Нейманъ предложилъ запяться перебалотированіемъ между гг. профессорами, имѣющими равное число избирательныхъ баловъ въ выборахъ къ званію ректора. Онъ ссылался въ этомъ случаѣ на конецъ 14 ст. указа 14 декабря 1766 года, гдѣ говорится о выборѣ депутатовъ отъ дворянъ въ Коммиссію объ Уложеніи: „Ежели же случится равное число голосовъ у двухъ или трехъ, или и больше, то паки

ихъ однихъ перебалотировать и до того продолжать сей порядокъ, покамѣстъ одному превосходное число шариковъ его одобряющихъ, достанется". Тогда, вслѣдствіе отказа Яковкина, профессоръ Браунъ собиралъ голоса о томъ— долженъ ли участвовать въ немедленномъ перебалотированіи г. профессоръ и директоръ Яковкинъ, или нѣтъ. Всѣ объявили, что онъ долженъ участвовать Самъ же Яковкинъ, поддерживаемый Сторлемъ, и на этотъ разъ Фойгтомъ, настаивалъ на томъ, чтобъ перебалотированіе ректора отложить до окончанія всѣхъ выборовъ, по прочіе члены были противнаго мнѣнія и перебалотировка состоялась: избраннымъ оказался, большинствомъ семи противъ четырехъ голосовъ— Браунъ (профессоръ Фуксъ не присутствовалъ за болѣзнью) (1). Въ слѣдующія за тѣмъ засѣданія (24 и 26 сентября) совѣтъ исключительно занимался балотированіемъ разныхъ лицъ, согласно уставу. Прежде всего нужно было перебалотировать лицо въ деканы медицинскаго факультета, такъ какъ единственные два представителя медицины въ Казанскомъ университетѣ: профессора Браунъ и Эрдманъ получили одинаковое количество избирательныхъ шаровъ, но первый былъ уже избранъ въ званіе ректора, а потому совѣтъ согласился съ мнѣніемъ проф. Фойгта, что остается одинъ только представитель медицинскаго факультета, unum-unicum membrum, какъ выражался въ совѣтѣ по латыни Фойгтъ Eligere ex uno unico, говорилъ онъ, есть contradictio in adjecto, называемое въ логикѣ противорѣчіемъ внутреннимъ и онъ, какъ профессоръ философіи, не можетъ возставать противъ такой логической аксіомы. Поэтому Фойгтъ доказывалъ, что Эрдманъ, какъ единственный представитель медицинскаго факультета, безъ всякаго выбора, долженъ быть рекомендованъ въ деканы. Съ своей стороны Эрдманъ убѣждалъ, что пока Браунъ не утвержденъ ректоромъ, оба они должны быть избираемы въ деканы. Это мнѣніе свое онъ просилъ только записать въ протоколъ, такъ какъ большинство членовъ совѣта приняло мнѣніе профессора Фойгта.

За рѣшеніемъ этого вопроса происходила перебалотировка членовъ училищнаго комитета, при чемъ Яковкинъ получилъ наибольшее число шаровъ, затѣмъ послѣдовали

(1) «Положенные 7 согласныхъ и 4 несогласныхъ для Брауна, также 7 несогласныхъ и 4 согласныхъ для Литтрова обнаруживаютъ учиненное прежде о томъ согласіе»—сообщаетъ Яковкинъ.

выборы: синдика (адъюнктъ баронъ Врангель), секретаря цензурнаго комитета (магистръ Кондыревъ), директора педагогическаго института (въ пользу одного только Фойгта высказалось наибольшее число голосовъ—шесть противъ шести), и наконецъ секретаря училищнаго комитета (магистръ Перевощиковъ). Библіотекарь избираемъ не былъ, такъ какъ имъ недавно былъ назначенъ попечителемъ профессоръ Сторль; точно также не балотированъ былъ инспекторъ студентовъ, которымъ съ 1806 года, по назначенію попечителя, былъ Яковкинъ. Этимъ закончились выборы къ предполагаемому вскорѣ открытію университета, и о результатахъ ихъ было немедленно представлено попечителю Самые выборы однако, какъ мы увидимъ, утверждены не были, и университетъ открылся лишь почти чрезъ четыре года.

Въ своихъ частныхъ письмахъ къ попечителю, Яковкинъ доносилъ о всѣхъ подробностяхъ выборовъ. О „безпорядкѣ, произведенномъ криками и непристойными поступками профессора Фойгта“, онъ немедленно донесъ и оффиціальною бумагою, какъ мы видѣли уже, и письмомъ. „Впрочемъ, в. п., сами, по донесенію совѣта и по числу избирательныхъ и неизбирательныхъ для каждаго баловъ, усмотрѣть соблаговолите, *сколько пристрастно было каждое избраніе*, о чемъ, думаю, не преминутъ донести в. п. и особенно нѣкоторые изъ гг. профессоровъ“ — писалъ Яковкинъ тотчасъ послѣ первыхъ дней выборовъ. Дѣйствительно Сторль, сдѣлавшійся по личнымъ разсчетамъ, хотя и на короткое время, сторонникомъ и самымъ близкимъ человѣкомъ Яковкина, не безъ участія вѣроятно послѣдняго, написалъ латинское письмо къ Румовскому, полное разныхъ сплетней. Письмо это и было послано Яковкинымъ. Препровождая его къ Яковкину для отправки въ Петербургъ, Сторль возбуждалъ его къ энергическому дѣйствію и увѣрялъ въ полной своей преданности: „Vale et quae agis agi fortiter ut virum decet, заключалъ онъ свое письмо къ директору, non tibi deero“. Хотя у насъ въ рукахъ нѣтъ письма Сторля къ попечителю, но изъ его записки къ Яковкину знаемъ, что оно было наполнено все разными инсинуаціями съ цѣлью протестовать противъ выбора Брауна въ ректоры, такъ какъ этимъ послѣднимъ надѣялся и разсчитывалъ быть тогдашній покровитель Сторля—Яковкинъ (1). Такіе извѣты и инсинуаціи, подъ тайною пись-

(1) Сторль ссорился съ Брауномъ довольно часто въ качествѣ сосѣда по казенной квартирѣ. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ своихъ къ по-

ма къ начальнику, и въ послѣдующее, даже новѣйшее время, были вовсе не рѣдкимъ между профессорами явленіемъ. Письмо Сторля протестовало самымъ энергичнымъ образомъ противъ выбора Брауна. Онъ доказывалъ, что выборъ этотъ не былъ свободнымъ выборомъ. Браунъ „подступалъ, по словамъ Сторля, ко всѣмъ нѣмецкимъ профессорамъ, возбуждая ихъ противъ русскихъ, осыпая послѣднихъ бранью, злословя ихъ и представляя себя святымъ (1), говоря, что онъ перевернетъ все вверхъ дномъ, и обѣщая имъ золотыя горы, если будетъ ректоромъ“. Увлеченный ненавистью къ Брауну или пристрастіемъ передъ всемогущимъ пока Яковкинымъ, Сторль не стѣснялся обвинять перваго даже въ политической неблагонадежности. По увѣренію его Браунъ „постоянно былъ противникомъ на словахъ и императорскаго величества и законовъ: онъ обѣщалъ, что непремѣнно введетъ писаніе совѣтскихъ протоколовъ на языкѣ нѣмецкомъ“ (2).

Выборы естественно должны были возбудить волненіе въ средѣ профессоровъ. Это былъ первый опытъ. Яковкинъ, какъ мы уже хорошо знаемъ, былъ врагомъ самоуправленія; недолюбливалъ его и Румовскій и предполагаемое рѣшеніе открыть Казанскій университетъ явилось противъ воли его, было дѣйствіемъ новаго министра. Естественно, что Яковкинъ старался выставить и самые выборы и разные факты, съ ними соединенные, въ самомъ непривлекательномъ видѣ. „Сказывалъ мнѣ г. Фуксъ“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ попечителю, „что профессоръ Германъ обѣгивалъ всѣхъ сочленовъ, въ томъ числѣ и его, и униженно умолялъ избрать его инспекторомъ“. На самого Яковкина и процедура выборовъ, и непріязненныя отношенія къ нему большинства членовъ совѣта должны были произвести весьма непріятное впечатлѣніе. Онъ захворалъ дѣйствительно, или чаще сталъ

печителю, онъ передаетъ между прочимъ слѣдующее: «Dominus Brown, mihi amicus, ego illi amicissimus, vicinus proximus meus, ab ancillula sua totum se dirigi sinit; hinc jurgia litesque perpetuae; atque id eo usque invaluit, ut ille ad me ingressus, minatus mihi sit, se domesticos meos in carcerum publicum missurum et fustigationi publicae—innocentes, ut postea apparuit, traditurum» etc

(1) Ille omnes germanos prof. accessit, illos excitans contra Russos, conviciis et maledictis eos obruens et sancte se obstringens, se omnia sursum deorsum versurum et aureos montes pollicitus illis, si Rector fierit».

(2) Semper in ore Imperatoris majestatem et leges ejus clare ambobus adversetur: nam protocollum germanica lingua se introducturum promisit.

жаловаться на свое нездоровье. Сильнѣе въ письмахъ его къ попечителю высказывается разладъ между нимъ и гг. нѣмцами, рисуемыми имъ величайшими интриганами. Конечно больше всего онъ не любитъ Брауна, выбраннаго ректоромъ. „Г. Браунъ — душа сего сословія, снабжая ихъ бѣдность деньгами на векселя по десяти процентовъ“, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ этого времени (1), „а о первыхъ, самонужнѣйшихъ отъ меня по пріѣздѣ каждаго изъ нихъ пособіяхъ, и совсѣмъ позабыли. Господь знаетъ и совершитъ... Въ наказаніе всѣмъ имъ началъ было я въ совѣтѣ говорить по русски, но опасаюсь навлечь неудовольствіе в. п., *да и по латыни многіе изъ нихъ знаютъ весьма плохо* (2), такъ что на латинскія мои предложенія отвѣчаютъ по нѣмецки. Довольно было и такъ глупости просить отъ в. п для совѣта переводчика“. Представленіе о необходимости переводчика дѣйствительно было сдѣлано въ совѣтѣ однимъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, но дальнѣйшаго хода не получило. Около того же времени у Яковкина умеръ родной племянникъ его, учитель гимназіи Яковкинъ. Смерть эта, по его собственнымъ словамъ, была въ высшей степени тяжела для него. Онъ пишетъ о своемъ „горестномъ и слабомъ состояніи“. „Когда 28 ноября г. профессоръ Нейманъ спрашивалъ меня, о чемъ донести в. п., то я отвѣчалъ: донесите—плачетъ только, какъ и дѣйствительно было. Прошу только у Господа, да очиститъ возмущенный источникъ воды души моея.—Да будетъ его святая воля во всемъ“.

Выборъ Брауна въ ректоры былъ величайшею непріятностью для Яковкина; это былъ сильный ударъ его самолюбію. Онъ начинаетъ скромничать и малодушничать въ

---

(1) Мы привели уже одно свидѣтельство Яковкина о томъ, что Браунъ былъ человѣкъ денежный, а это было въ то время большою рѣдкостью между иностранными профессорами въ Казани (I, 171). Изъ одного письма Румовскаго къ Яковкину можно видѣть, что Брауну, въ видахъ безъ сомнѣнія вѣрнаго и хорошаго дохода съ крѣпостной силы, а не изъ увлеченія привольною дворянскою жизнью того времени, очень хотѣлось быть казанскимъ помѣщикомъ, но для этого нужно было сдѣлаться дворяниномъ. «Г. Браунъ писалъ ко мнѣ о доставленіи ему патента изъ геральдіи», говоритъ попечитель. «Прошу ему объявить, что доставленіе онаго не въ моей власти Патенты чиновникамъ въ 7 классѣ состоящимъ самъ Государь изволитъ подписывать и министръ просвѣщенія давно уже подалъ Государю имена чиновниковъ для подписанія. На чужое имя покупать маетность или деревню сопряжено съ великими неудобствами и я ему не совѣтую» (27 окт 1810 г.).

письмахъ къ попечителю. „Ежели служеніе мое благоугодно предъ в п., пишетъ онъ Румовскому, то дерзнулъ бы я испрашивать милостивой довѣренности на званіе *непремѣннаго засѣдателя* (1); но да будетъ воля твоя. Сею одною токмо должностью достаточно заняться человѣку усердному, мнѣ же извѣстно, что чѣмъ кто болѣе занимаетъ: тотъ тѣмъ болѣе и отвѣчаетъ". Успокоившись, Яковкинъ желаетъ особенно остаться директоромъ. „Отъ должности директора я не дерзну просить увольненія", пишетъ онъ, „прежде нежели усмотрю и узнаю достойнаго благомыслящаго человѣка, который бы продолжалъ усовершенствовать ея благосостояніе. Буди воля Всевышняго и судъ Его надъ моимъ служеніемъ... Чрезъ двѣнадцать лѣтъ служенія моего при гимназіи признакомились ко мнѣ не токмо всѣ чиновники ея, но и посторонніе, даже изъ отдаленныхъ городовъ; а сіе весьма много дѣйствуетъ и на состояніе гимназіи".

Эти слова въ письмѣ Яковкина вызваны были предположеніемъ Румовскаго, что онъ будетъ ректоромъ университета, и что ему не будетъ уже времени заняться какъ прежде гимназіей. „При отдѣленіи гимназіи отъ университета", писалъ онъ, „надобно думать кому препоручить дирекцію гимназіи. До открытія университета я надѣюсь, что вы не отречетеся отъ оной. Но когда откроется университетъ *то кромѣ профессорской должности вамъ достанется три* и управлять гимназіей не достанетъ вамъ времени".

Между тѣмъ дѣло „о горячности г. профессора Фойгта", начатое въ совѣтѣ выше на стр. 301—302 приведеннымъ нами предложеніемъ Яковкина, никакъ не способствовало успокоенію умовъ, возбужденныхъ выборами: напротивъ того оно обостряло отношенія. Содержаніе бумаги, поданной Фойгтомъ Яковкину въ отвѣтъ на его выговоръ (Verweis) и требованіе завести книгу для записыванія причинъ опозданія профессоровъ, было весьма скромно. Фойгтъ объяснялъ: 1) что онъ опоздалъ всего на 11 минутъ, что онъ повѣрилъ свои часы въ прошломъ засѣданіи по совѣтскимъ и никакъ не думалъ,

---

(1) По уставу 1804 года этотъ непремѣнный засѣдатель былъ членомъ правленія. *Онъ не избирался, а назначался попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ* (§ 5).

что послѣдніе отставали, и только въ тотъ же день переведены были впередъ, чего онъ не могъ знать, живя за двѣ версты отъ университета; 2) что ему часто, придя въ совѣтъ въ назначенное для засѣданія время, приходилось ждать начала цѣлый часъ; вчера засѣданіе началось получасомъ позже и „могъ ли онъ знать, что именно сегодня всѣ будутъ точны и взыскательны; 3) многіе изъ его сослуживцевъ не рѣдко и прежде опаздывали, но имъ не дѣлалось никакого выговора; нѣкоторые не являлись въ совѣтъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а другіе по цѣлымъ третямъ года не ходятъ въ совѣтъ, не представляя никакой уважительной причины своего отсутствія. „Почему только я получаю выговоръ за то, что опоздалъ на 11 минутъ? Для меня дорога моя честь, я дорожу честнымъ исполненіемъ долга, а потому и прошу совѣтъ это мое объясненіе представить на благоусмотрѣніе попечителя, дабы я не лишился его благосклонности, которою пользуюсь какъ и другіе“. Вотъ буквальное содержаніе той бумаги, которая была „сломана“ Фойгтомъ по выраженію Яковкина и брошена имъ передъ нимъ на столъ. Что касается до его горячности, до его неумѣренныхъ жестовъ и крика, что такъ возможно въ собраніяхъ при отстаиваніи своего мнѣнія, то это можно объяснить, и знавшіе его сослуживцы такъ и объясняли, его болѣзненною раздражительностью. Напрасно однако эти сослуживцы старались пріостановить разборъ дѣла Фойгта; напрасно они убѣждали Яковкина не доносить объ этомъ случаѣ попечителю. „Правда“, писалъ одинъ изъ нихъ Эрдманъ, къ директору, „у васъ въ рукахъ оружіе противъ него, но отъ вашего великодушія вполнѣ зависитъ не дѣлать употребленія изъ этого оружія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ уваженіе, заслуженное вами за вашу умѣренность въ совѣтскомъ засѣданіи, еще болѣе увеличится“. Очевидно хладнокровіе и умѣренность Яковкина и то, что онъ былъ близкій человѣкъ къ попечителю, пугали нѣмецкихъ профессоровъ. Въ томъ же самомъ засѣданіи Фойгтъ, избранный въ деканы нравственно-политическихъ наукъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ этой должности, ссылаясь на слабое здоровье, но „узнавъ“, какъ онъ пишетъ въ другомъ прошеніи, „что по причинѣ слабаго здоровья нельзя отказываться отъ наложенной должности“, онъ взялъ назадъ это прошеніе.

Дѣло получило дальнѣйшій ходъ и въ совѣтѣ оно росло, какъ комъ снѣга, накопляя постепенно бумаги на бумаги. Въ засѣданіи 12 октября профессоръ Германъ, по болѣзни не присутствовавшаго Фойгта, представилъ въ совѣтъ его „всепокорнѣйшее объясненіе и оправданіе“ по поводу заявленія, сдѣланнаго Яковкинымъ о поведеніи Фойгта во время выборовъ. Бумага эта была изложена въ плохомъ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ очевидно какимъ-либо нѣмцемъ, а такъ какъ совѣтъ состоялъ въ большинствѣ изъ нѣмцевъ, то и опредѣлено было просить Фойгта, „ежели ему угодно“, представить латинскій или нѣмецкій оригиналъ своего объясненія. При этомъ совѣтъ, принимая во вниманіе, что „таковые случаи и впредь могутъ быть, и никакого опредѣленнаго при совѣтѣ переводчика нѣтъ“, опредѣлилъ представить это обстоятельство на благоразсмотрѣніе г. попечителя. Это опредѣленіе подписалъ и Яковкинъ, а между тѣмъ мы видѣли выше, что онъ приписывалъ исключительно Брауну просьбу о необходимости переводчика въ совѣтѣ.

„Объясненіе“ и „оправданіе“ Фойгта представляетъ собою только распространеніе той бумаги, которую онъ написалъ въ засѣданіи во время выборовъ и положилъ на столъ передъ Яковкинымъ. Эта бумага внесена была въ совѣтъ по желанію его нѣмецкихъ членовъ, въ отсутствіе Яковкина, за что Фойгтъ и приноситъ благодарность совѣту. Тонъ его довольно длиннаго объясненія—тонъ обиженнаго человѣка. Изъ словъ заявленія Яковкина о томъ, что онъ предложилъ завести книгу для записыванія причинъ отсутствія членовъ совѣта въ засѣданіяхъ („такъ какъ тогда г. профессора Фойгта въ присутствіи не было и о причинахъ небытія знать отъ него не дано“). Фойгтъ дѣлаетъ заключеніе, что заведеніе этой книги вызывается исключительно имъ, и это сильно его возмущаетъ. „И такъ для меня?“—спрашиваетъ онъ. „Почему именно для меня? Почему именно въ то время, когда я разъ только опоздалъ на нѣсколько минутъ, тогда какъ о заведеніи такой книги не было ни разу рѣчи прежде при частомъ опаздываніи и при частомъ совершенномъ отсутствіи другихъ членовъ совѣта. Точно г. профессоръ Яковкинъ выжидалъ перваго случая моего опозданія или неприбытія въ засѣданіе совѣта“. Фойгтъ скорбитъ о томъ обстоятельствѣ, что его имя будетъ стоять

первымъ во вновь заведенной книгѣ о нерадивыхъ посѣтителяхъ совѣта Онъ сознается, что почувствовалъ жестокое оскорбленіе, а потому не могъ быть спокойнымъ и терпѣливымъ, но находитъ оскорбительнымъ для себя чтеніе ему хорошо знакомыхъ §§ университетскаго устава, гдѣ говорится о соблюденіи порядка въ засѣданіяхъ совѣта. Онъ приводитъ доказательства постояннаго уваженія, оказываемаго имъ Яковкину, говоритъ о своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему, и тѣмъ болѣе оскорбительными кажутся ему придирки директора и выговоръ (der Verweis) за то, что онъ опоздалъ на 11 минутъ. По счету Яковкина Фойгтъ опоздалъ на 35 минутъ, но послѣдній доказываетъ, ссылаясь на профессора астрономіи Литтрова, что стѣнные часы въ комнатѣ совѣтскихъ засѣданій или впередъ сравнительно съ „истиннымъ временемъ“.

Что касается до „горячности“ и произведеннаго имъ вслѣдствіе ея „шума“, о которомъ говоритъ Яковкинъ въ своей бумагѣ, то причину этой горячности Фойгтъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ, доказывая, что дѣло изложено Яковкинымъ въ противность истинѣ. „Когда я написалъ свое оправданіе и оно было читано нѣкоторыми изъ гг. членовъ совѣта, то желая потомъ *торжественно* (solenniter) вручить его г. предсѣдателю совѣта, попросилъ возвратить мою бумагу, ея на лицо не оказалось, я не могъ найти ее. *Спрашиваю всякаго, знакомаго хотя бы только съ начальными основаніями* эмпирической психологіи, какое впечатлѣніе это исчезновеніе моей оправдательной бумаги должно было произвести на меня, столь жестоко обиженнаго и оскорбленнаго? Какая другая мысль могла возродиться въ моей возмущенной душѣ, какъ не та, что отъ меня не принимаются ни извиненія, ни оправданія, что *меня лишаютъ права принадлежащаго послѣднему крѣпостному человѣку!!* Я чувствовалъ себя разбитымъ (zermalmt), уничтоженнымъ, лишеннымъ чести и всякаго права, изверженнымъ (hors de loi)!! Милосердый Боже! И я былъ ординарнымъ профессоромъ, имѣющимъ право выбирать другихъ въ должности! Какое противорѣчіе!!“

Очевидно Фойгтъ, какъ это и объясняли нѣкоторые, ближе знавшіе его нѣмецкіе коллеги, былъ человѣкъ болѣзненный, нервно разстроенный, волновавшійся изъ пустяковъ и преувеличивающій Потрясенный исчезновеніемъ бумаги, написанной въ оправданіе, онъ заявляетъ, что принужденъ

оставить собраніе, что не будетъ принимать участія въ выборахъ, пока не найдется его бумага. Когда, взявъ свою шляпу, Фойгтъ сталъ уже уходить изъ собранія, къ нему подошелъ проф Литтровъ и подалъ ему найденную имъ бумагу, но „въ сломанномъ видѣ“ (вѣроятно или сложенную, какъ складываютъ листъ, или скорѣе измятую, такъ какъ Фойгтъ, волнуясь, показывалъ ее и давалъ читать своимъ сослуживцамъ,—(Яковкинъ въ своемъ заявленіи писалъ, что „Фойгтъ“ сломалъ въ четверо листъ и бросилъ бумагу на столъ). Это успокоило его. Опровергая далѣе выставленныя противъ него Яковкинымъ обвиненія, Фойгтъ останавливается и на томъ обвиненіи, что онъ „сломалъ бумагу“. „Я не понимаю“, пишетъ онъ, „какимъ образомъ подача *сломаннаго* прошенія можетъ быть сочтена преступленіемъ. Не *ломаются* ли почти всѣ прошенія въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ? Не отдаются ли они, иногда даже запечатанными, предсѣдателю или секретарю?“ Вѣроятно однако, что Яковкинъ нашелъ бы какія-либо подходящія къ случаю слова указа относительно *сломанной* бумаги, не смотря на положительную увѣренность Фойгта въ томъ, что онъ знакомъ съ законами: „Я“, говоритъ онъ, „который въ теченіе 17 лѣтъ, несъ въ Россіи обязанности консулента (Rechts-Consulent), секретаря, судьи и предсѣдателя суда, полагаю, могу быть увѣренъ въ себѣ, что знаю, какимъ образомъ бумаги должны быть подаваемы по формѣ“. Не можетъ далѣе Фойгтъ понять, слѣдуетъ ли назвать непристойными и законопротивными слова его, что онъ такой же ординарный профессоръ, какъ и Яковкинъ, если слова эти касались общаго дѣла и произнесены были имъ публично, для огражденія нарушаемыхъ принадлежащихъ ему правъ.

Длинное объясненіе проф. Фойгта, представленное въ совѣтъ сначала въ чьемъ-то плохомъ русскомъ переводѣ, было, по порученію совѣта, повторено и въ подлинникѣ, который разосланъ былъ для прочтенія „членамъ неумѣющимъ Россійскій языкъ“. Нѣмецкій оригиналъ объясненія Фойгта былъ заслушанъ въ совѣтскомъ засѣданіи 19 октября 1810 года. По прочтеніи объясненія проф. Литтровъ представилъ письменное заявленіе слѣдующаго содержанія: „Большая часть бумаги проф. Фойгта, заслушанной сегодня въ засѣданіи совѣта, *не заключаетъ въ себѣ ничего кромѣ неправды.* Что бы таковое мнѣніе мое стало яснымъ для прочихъ чле-

новъ, я постараюсь снабдить его лучшими доказательствами и прошу, чтобы оно было занесено въ протоколъ“ (1). Объ этомъ конечно тотчасъ же было донесено попечителю. Фойгтъ, вѣроятно къ большому своему удивленію, нашелъ противника въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ. Всѣ прочіе члены совѣта опредѣлили: согласно просьбѣ проф. Фойгта, отослать его объясненіе къ попечителю и сообщить его въ копіяхъ всѣмъ членамъ совѣта, „чтобы каждый могъ представить совѣту свои замѣчанія, которыя ему кажутся нужными“. Такимъ образомъ дѣло „о горячности Фойгта увеличивалось въ размѣрахъ“.

Очень скоро, по поводу неудавшихся выборовъ и шума, произведеннаго Фойгтомъ, была получена отъ попечителя слѣдующая строгая бумага:

«Изъ меморіи сентября 21 дня къ прискорбію моему усматриваю я, что прежде нежели совѣтъ преобразованъ, и ни ректоръ, ни деканы еще не утверждены, *въ собраніи профессоровъ возникаютъ уже неустройства Г. профессоръ Браунъ, не бывъ утвержденъ ректоромъ, собираетъ уже голоса, а г Фойгтъ шумъть начинаетъ*, что заключаю я изъ того, что предложеніе г. профессора и директора Яковкина всѣ гг члены, не сдѣлавъ никакого замѣчанія, утвердили, и для того предлагаю совѣту доставить мнѣ бумаги, кои г. Фойгтъ подавалъ и кидалъ предъ предсѣдателя, дабы я, для прекращенія впредь подобныхъ произшествій, могъ представить оныя и донесеніе г Яковкина министру народнаго просвѣщенія на благоусмотрѣніе. Между тѣмъ *предлагаю предсѣдательствующему и совѣту, чтобы въ управленіи университета и гимназіи никакой отмѣны безъ вѣдомя моего не было дѣлано, до открытія университета*»

Выслушавъ это предложеніе попечителя, совѣтъ постановилъ исполнить его, но вмѣстѣ съ тѣмъ просить попечителя, „дабы онъ благоволилъ отложить представленіе о семъ дѣлѣ Его сіят—ству г. министру до полученія объясненія г.г. членовъ“.

Въ засѣданіи 26 октября, когда было заслушано это предложеніе Румовскаго, было доложено также и объясненіе Литтрова о дѣлѣ проф. Фойгта, но обсужденіе этого объясненія отложили до слѣдующаго засѣданія, однако и въ немъ оно не разсматривалось „за множествомъ другихъ дѣлъ“. Оно, хотя и было прочитано уже въ декабрьскомъ засѣданіи совѣта, но въ это время страсти уже достаточно улеглись и

(1) «Scripti illius a D-no Prof. Voigt hodie concilio traditi *bona pars non nisi res falsas continet* quae mea sententia, utpote etiam, si aliis visum fuerit, argumentis paullo melioribus a me demonstranda, ut in protocolum universitatis inseratur, rogo».

самъ Литтровъ просилъ, чтобы мнѣніе его не обсуждалось. Оно однако было постановленіемъ совѣта пріобщено къ „дѣлу о горячности проф. Фойгта“, гдѣ и можно познакомиться съ его содержаніемъ. По отношенію къ Фойгту оно нѣсколько рѣзко, но несправедливымъ назвать его нельзя. Оно отчасти оправдываетъ и Яковкина. Какъ бы мы ни судили этого человѣка, съ именемъ котораго въ теченіе десяти лѣтъ связаны были судьбы Казанскаго университета, въ какомъ непривлекательномъ свѣтѣ ни представлялась бы намъ эта личность, пронырливая, льстивая, своекорыстная, унижающаяся передъ высшими и гордящаяся передъ подчиненными, нельзя однако отнять у нея достоинства сдержанности въ характерѣ и умѣнья владѣть собою. Для этихъ житейскихъ достоинствъ вовсе нѣтъ надобности въ широкомъ умственномъ развитіи или въ глубокомъ нравственномъ содержаніи характера. Они, мы увѣрены въ томъ, легко соединяются съ значительными дозами наглости и безстыдства.

Ошибка Фойгта, по словамъ Литтрова, заключалась въ томъ, что совершенно спокойную рѣчь Яковкина, начатую имъ еще до прихода Фойгта въ засѣданіе, о необходимости завести согласно § 48 университетскаго устава, особливую книгу, въ которой записывались бы причины отсутствія или опозданія членовъ, онъ принялъ на свой счетъ и понялъ, какъ выговоръ начальства, къ нему обращенный. Увлеченный ложно понятымъ имъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія, онъ не хотѣлъ слушать ни одного изъ своихъ сочленовъ, старавшихся увѣрить его въ противномъ. Источникъ огорченія Фойгта, на которомъ онъ основываетъ свое длинное, представленное имъ въ совѣтъ самооправданіе, былъ ложенъ въ своемъ основаніи. „Напрасно“, говоритъ Литтровъ, „профессоръ Фойгтъ эту бумагу свою украсилъ такъ старательно всяческими реторическими фигурами, поставилъ въ разныхъ мѣстахъ ея двойные и тройные восклицательные знаки. Чистая, голая правда, выражаясь на бумагѣ, пренебрегаетъ такими мелочными средствами; не помогутъ они и неправдѣ“. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Литтровъ подробно разбираетъ самооправданіе проф. Фойгта, сравнивая его съ бумагою Яковкина, внесенною имъ въ совѣтъ. Литтровъ не видитъ въ дѣйствіяхъ директора ничего предосудительнаго, ничего личнаго по отношенію къ Фойгту. Онъ напоминаетъ послѣднему, что предложеніе Яковкина завести книгу для

записыванія причинъ опозданія и неявки членовъ совѣта было сдѣлано имъ прежде, въ то засѣданіе, когда было прочитано предложеніе министра о производствѣ выборовъ. О поведеніи Фойгта Литтровъ судитъ весьма рѣзко. Это поведеніе, по словамъ его, можно объяснить только или состояніемъ опьяненія или безумiемъ. „Вотъ причина“, пишетъ онъ, „моего тогдашняго заявленія, что я считаю проф Фойгта больнымъ. Съ моей стороны это были слова сожалѣнія, питаемаго къ человѣку, высоко цѣнимому мною за другія заслуги и только увлеченному тогда бурею страсти, но выраженіе жалости смѣняется у меня выраженіемъ неудовольствія на человѣка, продолжающаго повторять то, что было высказано имъ въ жару страсти“. Литтровъ разсказываетъ всѣ обстоятельства дѣла. „Напрасно старались мы“ (сочлены Фойгта), продолжаетъ онъ, „и общими просьбами, и убѣжденіями, успокоить его и привести въ сознаніе, но убѣдившись, что старанія наши напрасны, стали уговаривать его отложить объясненіе до слѣдующаго засѣданія, но и это не удалось“. Бумагу, заключавшую объясненіе Фойгта, Литтровъ, посовѣтовавшись съ Френомъ и Бартельсомъ, въ надеждѣ образумить впослѣдствіи Фойгта, спряталъ въ карманъ (по его словамъ это значило „отнять ножъ у больнаго“) Раздраженіе Фойгта описано въ бумагѣ Литтрова даже болѣе яркими красками, чѣмъ у Яковкина, уговаривавшаго расходившагося профессора, который билъ кулаками по столу, спокойно и съ достоинствомъ, напоминавшаго Фойгту о приличіи и указывавшаго на зерцало. Въ заключеніе длиннаго мнѣнія своего Литтровъ высказываетъ, что перомъ его руководила любовь къ истинѣ, и проситъ представить его мнѣніе на благоусмотрѣніе попечителя. Рѣзкость мнѣнія Литтрова можно объяснить развѣ тѣмъ возбужденіемъ умовъ, какое было въ профессорской средѣ вслѣдствіе неудавшихся выборовъ. Фойгта слѣдовало скорѣе жалѣть, чѣмъ обвинять: это былъ больной человѣкъ. Мы уже говорили (см. выше, стр. 48), что около того же времени, какъ случился съ нимъ разсказанный нами инцидентъ, Фойгтъ уже пересталъ читать лекціи по болѣзни, а въ іюнѣ слѣдующаго 1811 года его уже не было въ живыхъ

Хотя по собственному желанію Литтрова, высказанному имъ въ засѣданіи совѣта 9 ноября 1810 года, его, изложенное нами выше мнѣніе о поведеніи Фойгта не было обсуж-

даемо въ совѣтѣ на томъ основаніи, что о томъ же предметѣ, т. е. поведеніи Фойгта, было представлено попечителю коллективное мнѣніе, подписанное Брауномъ, Френомъ, Бартельсомъ, Реннеромъ, Финке, Нейманомъ, Эрдманомъ и самимъ Литтровымъ, но самое дѣло продолжало разбираться въ совѣтѣ и волновать умы. Коллективное мнѣніе нѣмецкихъ профессоровъ старалось очень подробно и вполнѣ объективно разсмотрѣть, что было справедливо въ утвержденіяхъ обвиненія Яковкина и самооправданія Фойгта и что противорѣчило истинѣ. Такихъ пунктовъ оказалось въ бумагѣ девять. Стараясь быть безпристрастны ми, эти члены совѣта указывали на горячность Фойгта, какъ на фактъ, не подлежащій спору. Они говорили, что ни одинъ изъ членовъ совѣта ни словомъ, ни дѣломъ не воспротивился бы занесенію въ протоколъ случая бывшаго въ совѣтѣ, но они обвиняли Яковкина именно въ томъ, что онъ дѣйствовалъ самолично, и, не составивъ протокола, не спросивъ мнѣнія совѣта, прямо отъ себя обратился съ донесеніемъ къ попечителю.

Въ своей бумагѣ попечитель, какъ мы видѣли, по донесенію Яковкина, обвинялъ проф. Брауна, выбраннаго послѣ вторичной балотировки, въ томъ, что не будучи еще утвержденъ ректоромъ, онъ позволилъ себѣ собирать голоса въ совѣтѣ. Проф. Браунъ былъ, какъ мы знаемъ, излюбленнымъ ректоромъ нѣмецкихъ профессоровъ, а потому естественно было со стороны ихъ выступить на его защиту. Особенная, писанная по французски записка (mémoire), подписанная восемью членами и представленная ими попечителю, посвящена этому обстоятельству. Она передаетъ его такимъ образомъ:

„Г профессоръ и кавалеръ Яковкинъ, приступая къ выборамъ и говоря о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ, предложилъ собранію профессоровъ руководствоваться закономъ 14 декабря 1766 года, опредѣляющимъ порядокъ, наблюдаемый при выборахъ въ коммиссію о составленіи законовъ, такъ какъ университетскій уставъ не даетъ никакихъ подробностей о такомъ порядкѣ. Какъ только г. профессоръ и кавалеръ Яковкинъ былъ избранъ предсѣдателемъ выборовъ (président de l'élection), порядокъ избранія былъ опредѣленъ согласно упомянутому закону“. Хотя предсѣдатель самъ предложилъ этотъ законъ въ руководство, но не обратилъ вниманія на случай, предусмотрѣнный этимъ зако-

номъ, когда двое или нѣсколько избираемыхъ получатъ одинаковое количество голосовъ въ свою пользу, и продолжалъ выборъ деканова. При этомъ профессора Браунъ и Эрдманъ получили также одинаковое число голосовъ, но на это также не обращено было вниманіе, и въ слѣдующемъ засѣданіи избирали секретаря. Наконецъ 23 сентября, послѣ избранія членовъ училищнаго совѣта, профессоръ Нейманъ, какъ юристъ, сдѣлалъ представленіе совѣту о необходимости перебалотированія тѣхъ членовъ совѣта, которые, при избраніи въ ректоры, получили одинаковое количество голосовъ и прочелъ самый текстъ закона. Это заявленіе было поддержано многими, но противъ него былъ предсѣдатель собранія, профессоръ Яковкинъ. Онъ не отрицалъ прямаго смысла закона, но выставлялъ другія основанія своему мнѣнію, что было конечно странно съ его стороны, такъ какъ онъ зналъ законъ и самъ же предложилъ имъ руководствоваться при выборахъ. Къ мнѣнію Яковкина присоединились профессора Сторль и Фойгтъ, вѣроятно испуганный возникшимъ дѣломъ о его горячности и желавшій помириться съ Яковкинымъ (Фуксъ не присутствовалъ по болѣзни). Основываясь на п. 6 § 55 устава, въ которомъ говорится, что „остающійся при противномъ мнѣніи пріобщаетъ оное за своимъ подписаніемъ къ дневной запискѣ, послѣ чего не отвѣчаетъ уже за общее опредѣленіе“, эти трое приводили какъ причину своего несогласія слѣдующее мнѣніе: „дабы кто либо изъ гг профессоровъ при единовременномъ избраніи впослѣдствіи не могъ бы обремененъ быть тремя или четырьмя особенными должностями“. Намъ ясно однако, что это странное опасеніе, высказанное Яковкинымъ, было просто съ его стороны уловкою или крючкомъ, чтобы помѣшать избранію ректора Это поняли очень хорошо и прочіе члены совѣта, потребовавшіе буквальнаго исполненія закона и повторенія балотировки въ ректоры тѣхъ лицъ, которыя получили равное число голосовъ въ свою пользу. Тогда Яковкинъ объявилъ, что онъ и двое другихъ профессоровъ, раздѣляющихъ его мнѣніе, не примутъ участія въ этомъ повтореніи балотировки, и положилъ три шара на столъ въ то мѣсто, гдѣ клались шары лицъ избираемыхъ, а слѣдовательно не принимающихъ участія въ балотировкѣ. Такой поступокъ со стороны Яковкина конечно былъ непріятенъ большинству членовъ совѣта. Они опасались, что отказъ

трехъ членовъ отъ балотировки или ихъ исключеніе сочтутъ свыше достаточною причиною для признанія недѣйствительности и всей балотировки. Незаконность заявленія Яковкина была сознана скоро и тѣми двумя профессорами, которые были на его сторонѣ. Вѣроятно убѣжденные доказательствами своихъ сочленовъ, Сторль и Фойгтъ заявили теперь, что они примыкаютъ къ большинству и примутъ участіе въ балотировкѣ. Только одинъ Яковкинъ твердо стоялъ на своемъ мнѣніи, доказывая, что онъ не обязанъ принимать участіе въ повторительной балотировкѣ, и спрашивая совѣтъ: не хотятъ ли его принудить къ тому? Во время возникшихъ по этому поводу преній, многими членами совѣта было замѣчаемо Яковкину, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо принужденіи, такъ какъ онъ самъ поставилъ вопросъ: „an debeo?“, но что все сводится къ вопросу: не есть ли его обязанность, какъ члена совѣта, согласиться съ общимъ опредѣленіемъ и принять участіе въ повтореніи балотировки. Чтобы положить предѣлъ этимъ безполезнымъ спорамъ, Яковкину было замѣчено, что если онъ будетъ настаивать на своемъ мнѣніи, никто не можетъ заставить его принять участіе въ балотировкѣ, но что необходимо записать отказъ его въ протоколъ, указать причины его, и тогда балотировка произойдетъ безъ него. Не давая никакого заключенія на это желаніе совѣта, Яковкинъ требовалъ, чтобы совѣтъ рѣшилъ: долженъ ли онъ принять участіе въ повторительной балотировкѣ или нѣтъ, потому что, какъ онъ самъ говорилъ, онъ не можетъ принять этого участія, пока совѣтъ не рѣшитъ формально этого вопроса, но въ случаѣ, если совѣтъ выскажется утвердительно объ этомъ вопросѣ, и онъ подастъ свой голосъ за повтореніе балотировки. Какъ ни странно казалось бы собирать голоса по такому вопросу, но совѣтъ не медля удовлетворилъ просьбѣ Яковкина, а между тѣмъ въ этихъ спорахъ и пререканіяхъ ушло даромъ очень много времени; напрасно профессоръ Браунъ два раза просилъ Яковкина собрать голоса. Онъ отказалъ въ этомъ, выставляя предлогомъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, будучи противнаго мнѣнія. Тогда Браунъ обращается съ просьбою къ Яковкину указать кого-нибудь изъ членовъ совѣта, кто бы вмѣсто него могъ собрать голоса, на что и получилъ отвѣтъ: „ipse petas“. Вслѣдствіе этого Браунъ и собралъ голоса по вопросу: обязанъ ли Яковкинъ принять участіе во вторичной балотировкѣ,

которая, согласно опредѣленію совѣта, должна была немедленно послѣдовать, и вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ единогласно.

Профессоры, подписавшіе записку, представленную попечителю, замѣчаютъ, что для совѣта было чрезвычайно важно, чтобы въ постановкѣ вопроса не было ничего двусмысленнаго. „Если профессоръ и кавалеръ Яковкинъ отказался подать свой голосъ, то совѣтъ не могъ принудить его подать его, но онъ могъ рѣшить было ли обязанностью со стороны профессора и кавалера Яковкина, какъ члена того же совѣта, подать свой голосъ вслѣдствіе единогласнаго рѣшенія этого совѣта Сравнивая поведеніе проф Брауна съ поведеніемъ проф. Яковкина, легко убѣдиться, что первый имѣлъ въ виду общее благо, и что его обязанностью было привести къ окончанію дѣло выборовъ, согласно предписаніямъ г. министра и г. попечителя. Мы всѣ положительно увѣрены, что профессора Брауна нельзя обвинить ни въ чемъ".

Нѣмецкихъ профессоровъ огорчаетъ предположеніе, что все дѣло представлено попечителю въ извращенномъ и для нихъ оскорбительномъ видѣ. Слова попечителя въ его предложеніи отъ 13 октября, что проф. Браунъ дозволилъ себѣ собирать голоса въ совѣтѣ прежде, чѣмъ былъ утвержденъ ректоромъ, наводятъ ихъ на это предположеніе, не говоря уже о знакомой имъ хорошо, обычной тактикѣ Яковкина. Они стараются поэтому возстановить истину въ настоящемъ ея видѣ: Браунъ не только не былъ утвержденъ ректоромъ во время собиранія имъ голосовъ, говорятъ они, но тогда не было и приступлено еще ко вторичной балотировкѣ, а слѣдовательно не было и рѣшено еще выскажется ли большинство за него или за Литтрова. То обстоятельство, слѣдовательно, что Браунъ не былъ еще утвержденъ ректоромъ, не имѣетъ никакого отношенія къ факту собиранія имъ голосовъ.

Съ большимъ достоинствомъ заключаютъ свою оправдательную записку нѣмецкіе профессора. Они, по словамъ ихъ, вовсе не имѣютъ намѣренія обвинять кого-либо, не желаютъ касаться поступковъ другихъ лицъ въ засѣданіи 23 сентября, такъ какъ они не имѣютъ отношенія къ Брауну. „Смѣемъ увѣрить в. п ", говорятъ они. „этимъ доказательствомъ нашей умѣренности, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ очевидной для всѣхъ необходимости оправдать одного изъ членовъ совѣта, обвиненнаго передъ Вами безъ всякаго

основанія". Они увѣряютъ наконецъ попечителя, что какъ въ засѣданіи 23 сентября, такъ и въ прочихъ, даже въ томъ, въ которомъ забылся профессоръ Фойгтъ, господствовалъ полный порядокъ, а потому совѣтъ не считаетъ себя заслуживающимъ упрека, сдѣланнаго попечителемъ въ предложеніи отъ 13 октября.

Другое мѣсто упомянутой бумаги Румовскаго предлагало предсѣдательствующему и совѣту, *„чтобы въ управленіи университета и гимназіи никакой отмѣны безъ вѣдома моего не было дѣлано, до открытія университета"*. Слова эти также вызваны были донесеніемъ Яковкина о собираніи голосовъ Брауномъ и высказывали недовольство со стороны попечителя воображаемымъ имъ началомъ самоуправленія. Объясненіе нѣмецкихъ профессоровъ касается и этого пункта. Ничего подобнаго не приходило имъ въ голову и не могло придти, по словамъ ихъ, до утвержденія результатовъ выборовъ. Но, ссылаясь на предложеніе министра народнаго просвѣщенія (17 августа 1810 года, № 917), въ которомъ прямо поручалось попечителю „предписать *сословію профессоровъ* Казанскаго университета избрать изъ нихъ ректора, установить раздѣленіе факультетовъ и сдѣлать выборы въ деканы для каждаго изъ оныхъ", они стояли на томъ, что дѣйствія ихъ вполнѣ законны и согласны съ волею высшаго начальства, но что перемѣны никакой не произошло, и совѣтъ, въ настоящемъ его видѣ, по отношенію къ завѣдыванію гимназіей, можетъ назваться скорѣе гимназическимъ, чѣмъ университетскимъ. Что у профессоровъ, занимавшихся выборами по предписанію начальства, не было никакого намѣренія дѣлать какія-либо измѣненія въ управленіи гимназіей и университетомъ, доказательствомъ можетъ служить то, что профессоръ и кавалеръ Яковкинъ былъ единогласно выбранъ предсѣдателемъ избирательнаго собранія профессоровъ, на что онъ и изъявилъ согласіе. Управленіе гимназіей и университетомъ остается по прежнему въ его рукахъ, и нѣмецкіе профессора твердо убѣждены, что они только исполнили свой долгъ и не сдѣлали ничего противозаконнаго.

Мы читали всѣ эти профессорскія бумаги, заключающія въ себѣ защиту дѣйствій какъ Брауна, такъ и цѣлаго совѣта. Писаны онѣ на разныхъ языкахъ, нѣкоторыя переведены и по русски. Въ разнообразныхъ видахъ онѣ представлялись и попечителю, такъ что онъ выразилъ совѣту свое недовольство

ихъ изліяніемъ: „Я получилъ меморію отъ 1 ноября на двухъ разноцвѣтныхъ листахъ“, писалъ онъ въ своемъ предложеніи совѣту (26 декабря, 1810 года), „двумя разными руками писанную и осьмью гг. профессорами подписанную, защищающую поступокъ въ собираніи голосовъ г. Брауна. Вскорѣ потомъ доставлена мнѣ еще копія съ той же меморіи, тѣми же гг. профессорами подписанная. Но какъ для меня предовольно одного подлинника, то копію, какъ для меня ни мало не нужную, возвращаю въ совѣтъ для храненія“.

Получило конецъ и „дѣло о горячности профессора Фойгта“, породившее такое разногласіе въ членахъ совѣта и возбудившее даже неудовольствіе противъ Фойгта въ средѣ его соотечественниковъ, наприм. въ такой достойной уваженія личности, какою былъ Литтровъ. Въ засѣданіи 7 декабря того же 1810 года Яковкинъ предложилъ совѣту просить г. попечителя, чтобы для прекращенія между членами университета всякаго несогласія и распри, „дѣло въ разсужденіи г. профессора Фойгта оставить безъ всякаго изслѣдованія и предать его забвенію. Съ этимъ предложеніемъ согласились: Броннеръ, Бартельсъ, Френъ, Сторль и конечно самъ Фойгтъ, давно успокоившійся, но остальные, а именно: Литтровъ, Эрдманъ, Финке, Реннеръ и Браунъ были несогласны и требовали, чтобы все дѣло, со всѣми къ нему относящимися бумагами, было представлено попечителю Какія основанія имѣли эти члены для продленія этого въ сущности ничтожнаго дѣла, мы не можемъ догадаться. Попечитель согласился съ первыми: „Похваляя миролюбивое мнѣніе гг. профессоровъ Броннера, Бартельса, Френа, Сторля и Яковкина о горячности г. Фойгта въ собраніи оказанной“, писалъ онъ 29 декабря 1810 года, „я съ ними согласенъ, чтобы дѣло сіе предано было забвенію, съ тѣмъ, чтобы совѣтъ объявилъ ему (Фойгту), что я для соблюденія тишины и согласія въ совѣтѣ, для общаго блага необходимо нужныхъ, желаю и прошу г. Фойгта, чтобы онъ миролюбіемъ загладилъ отъ излишней горячности сдѣланную ошибку“

Что касается до утвержденія выборовъ, произведенныхъ въ совѣтѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и о результатахъ которыхъ было представлено попечителю 27 сентября 1810 года, то они не были утверждены. Разсчеты попечителя на выборъ Яковкина не оправдались. Еще до полученія донесенія о выборахъ, въ отвѣтъ на просьбу Яковкина, увѣреннаго въ томъ, что его

не выберутъ ректоромъ и просившаго о мѣстѣ засѣдателя (см. выше, стр. 307), Румовскій писалъ ему: „Ежели я не преклоню графа (Разумовскаго), чтобы государь, по крайней мѣрѣ на первой годъ, утвердилъ васъ ректоромъ, то къ заведенію (sic) непремѣннаго засѣдателя никого достойнѣе и способнѣе васъ не знаю“. Брауна, сильно обнесеннаго передъ нимъ Яковкинымъ (см. нашей книги ч. 1-я, стр. 170—171), онъ не желалъ видѣть ректоромъ. По поводу прекращенія „дѣла о горячности Фойгта“, Румовскій писалъ Яковкину: „предложеніе ваше о преданіи забвенію горячности г. Фойгта открыло козлищъ и овецъ (т. е. непокорныхъ и покорныхъ). Благодарю васъ за оборотъ, который вы къ сему открытію употребили. Мнѣ удивителеленъ паче прочихъ г. Эрдманъ, который вскорѣ послѣ горячности Фойгтомъ оказанной, писалъ къ вамъ объ оставленіи безъ взысканія дѣла сего. Видно, что г Браунъ великое имѣетъ вліяніе на сердца своихъ сообщниковъ, обманывающихся, можетъ быть, что онъ будетъ утвержденъ ректоромъ. Когда я, сообщивъ вамъ экстрактъ изъ меморіи (о выборахъ), желалъ имѣть отъ васъ объясненіе, то не требовалъ отъ васъ ни лжи, ни клеветы, но истиннаго изложенія съ какими обстоятельствами происходило перебалотированіе. Ежелибъ вы, не соглашаясь на перебалотированіе, сказали: поелику указъ 1766 года касается до выбора депутатовъ (Екатерининской коммиссіи объ уложеніи), а въ уставѣ университета ничего о равенствѣ баловъ не сказано, то надлежитъ отдать на рѣшеніе начальства приступать ли къ перебалотированію, тогда, думаю, я избавился бы отъ затѣйливой меморіи гг. профессорами мнѣ доставленной. Теперь можете вы чтеніемъ ея насладиться. Я совѣтую и въ другихъ подобныхъ, напередъ пріуготовленныхъ предложеніяхъ, отклонять затѣи. Г. Нейманъ тотчасъ прилетѣлъ ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ, но когда я ему показалъ нѣкоторыя нелѣпости въ меморіи содержащіяся, и оказалъ свое неудовольствіе, то съ того времени болѣе не является“.

Примѣненіе закона 1766 года къ перебалотировкѣ лицъ, избираемыхъ въ ректоры, можетъ быть и ошибочное въ этомъ случаѣ, могло составить только формальное препятствіе. Сущность дѣла ничего не теряла. Предложеніе министра было исполнено: ректоръ, деканы и прочіе избираемые университетскіе чины, согласно уставу были избра-

ны. Между тѣмъ Румовскій все медлилъ донесеніемъ министру о результатахъ выборовъ, вѣроятно собирая для себя казанскія справки. По прошествіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ полученія имъ донесенія о выборахъ, онъ писалъ Яковкину: „На будущей недѣлѣ надѣюсь сдѣлать министру просвѣщенія представленіе о избранныхъ большинствомъ баловъ гг. профессоровъ къ должностямъ по университету со званіемъ ихъ сопряженнымъ“ (29 дек. 1810 г.).

Дѣйствительно 4 января 1811 года отправлено было Румовскимъ донесеніе министру народнаго просвѣщенія о казанскихъ университетскихъ выборахъ. Вѣроятно ему не удалось преклонить графа Разумовскаго къ тому, чтобы Яковкинъ былъ назначенъ ректоромъ хотя бы на одинъ годъ и пришлось дѣлать представленіе объ утвержденіи выбраннаго ректора. Изложивъ результаты всѣхъ выборовъ, попечитель останавливается довольно подробно на инцидентѣ перебалотированія лицъ, получившихъ одинаковое число шаровъ въ званіе ректора. Перебалотированіе это онъ считаетъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ, а потому проситъ министра отвергнуть его на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) „противъ него протестовалъ предсѣдатель“, 2) „оно сдѣлано спустя цѣлую недѣлю послѣ перваго и выиграно время составить заговоръ, какъ писалъ ко мнѣ одинъ изъ профессоровъ“, 3) „въ немъ профессоръ Браунъ, не бывъ еще утвержденъ ректоромъ, присвоилъ себѣ право собирать голоса, принадлежащее предсѣдателю совѣта и спрашивалъ: долженъ ли въ немедленномъ перебалотированіи участвовать профессоръ Яковкинъ?“ и наконецъ 4) „второе балотированіе сдѣлано было безъ вѣдома начальства“.

Таковы были причины, побудившія Румовскаго не придавать никакого значенія перебалотировкѣ. Ему очевидно не хотѣлось имѣть ректоромъ Брауна, и потому изъ двухъ кандидатовъ на эту должность, получившихъ равное число шаровъ, хотя это число составляло только половину ихъ, онъ остановилъ свой выборъ на профессорѣ астрономіи Литтровѣ и *„зная тихій нравъ его для соблюденія согласія и спокойствія въ университетѣ“*, онъ просилъ министра утвердить ректоромъ Литтрова. „Тихій нравъ“ въ ректорѣ такимъ образомъ былъ идеальнымъ требованіемъ со стороны власти въ эпоху Румовскаго. Позднѣйшія эпохи представляли свои рек-

торскіе идеалы, случалось радикально противоположные, смотря по измѣняющимся настроеніямъ времени и въ угоду той или другой внутренней политикѣ (мы конечно говоримъ о тѣхъ случаяхъ и тѣхъ годахъ, когда назначеніе ректоровъ не зависѣло отъ выбора членовъ совѣта). Ректоры, кромѣ „тихаго нрава“, назначались и за „дѣятельное благочестіе“, и за „стойкость характера“, и по личному расположенію начальства, и за популярность между студентами, и за хозяйственныя способности, и за либерализмъ, и за консерватизмъ убѣжденій и пр., но едва ли кто-либо изъ назначаемыхъ удостоивался вниманія за свои научныя достоинства и за успѣхи слушателей. Даже въ званіе декана отдѣленія врачебныхъ наукъ Румовскій представлялъ не Брауна, а Эрдмана. Прочихъ результатовъ выборовъ попечитель не измѣнялъ и представлялъ объ утвержденіи согласно совѣту. Замѣтивъ только, что училищный комитетъ составляютъ, согласно избранію, „члены россійскаго языка не умѣющіе“, а такъ какъ „всѣ отношенія училищнаго комитета къ училищамъ Казанскаго округа и отношенія училищъ къ комитету должны быть на россійскомъ языкѣ“, Румовскій отъ себя уже представлялъ къ утвержденію членами этого комитета поступившихъ уже послѣ выборовъ въ университетъ профессоровъ: ординарнаго Томаса и экстраординарнаго Городчанинова. Яковкина, выбраннаго также въ члены училищнаго комитета, попечитель считалъ и безъ того уже обремененнымъ разными должностями: онъ полагалъ необходимымъ сохранить его въ званіи инспектора студентовъ и въ особенности директора гимназіи. Вмѣстѣ съ открытіемъ университета должна быть переведена въ готовый уже для нея домъ и гимназія, и это перемѣщеніе гимназіи и устройство ея на новомъ мѣстѣ могли быть поручены по мнѣнію Румовскаго только одному человѣку въ Казани—Яковкину. Панегирикъ его послѣднему былъ уже сообщенъ нами (ч. 1-я, стр. 309—310).

Самая существенная сторона въ представленіи попечителя министру объ открытіи университета заключалась въ финансовыхъ условіяхъ, въ необходимости отпускать на Казанскій университетъ сумму гораздо болѣе значительную, чѣмъ какая отпускалась прежде. На университетъ до этого времени, кромѣ квартирныхъ денегъ, отпускаемо было въ годъ около 65 т. рублей. Румовскій просилъ теперь мн-

нистра отнестить къ государственному казначею, чтобы съ наступающаго (1811) года, „по примѣру прочихъ университетовъ, отпускаема была вся сумма всемилостивѣйше Государемъ Императоромъ на Казанскій университетъ пожалованная съ тѣмъ, чтобы остатки оной отъ неполнаго числа профессоровъ и другихъ чиновниковъ бывающіе, отдаваемы были въ государственные банки для приращенія. Они со временемъ послужатъ на покупку Молоствова дому, положеніемъ своимъ толико выгоднаго для университета и для заведенія порядочнаго ботаническаго сада, или на построеніе обсерваторіи, или другаго нужнаго зданія для университета безъ отягощенія казны“. Сверхъ того на переводъ гимназіи и на открытіе университета, представляя роспись по мнѣнію совѣта нужныхъ вещей, Румовскій ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ хозяйственной суммы до трехъ тысячъ рублей.

Не знаемъ въ точности, какія основанія имѣлъ министръ народнаго просвѣщенія для того, чтобы не утвердить это представленіе Румовскаго о ректорѣ, деканахъ и другихъ лицахъ, выбранныхъ согласно уставу и объ открытіи наконецъ университета. Сколько намъ извѣстно, оффиціальнаго отвѣта на представленіе попечителя не послѣдовало. Можно догадываться, и по всей вѣроятности это такъ и было, что открытію университета въ Казани помѣшала уже всѣми предвидимая война съ Наполеономъ и необходимость большихъ расходовъ для нея. Всякая лишняя трата пугала. Перечитывая частныя письма Румовскаго къ Яковкину, писанныя имъ въ 1811 и 1812 годахъ, мы не встрѣчаемъ уже въ нихъ намека на близкое открытіе университета; за то очень часто попечитель упоминаетъ о господствовавшей тогда въ высшихъ сферахъ экономіи, особенно при тогдашнемъ чрезвычайно низкомъ курсѣ. По его словамъ эту экономію „во всемъ здѣсь наблюдать стараются“; „правительство не о прибавленіи штатныя суммы, но объ уменьшеніи ея помышляетъ“, пишетъ онъ въ мартѣ 1811 года. Особеннымъ манифестомъ въ февралѣ этого года воспрещено было употреблять экономическую сумму на непредвидѣнныя нужды университета, да и „отпускъ штатной суммы сопряженъ съ такою трудностью, что графъ (Разумовскій) принужденъ былъ жалованье и квартирныя деньги новопроизведеннымъ возложить на экономическую сумму“. Въ письмѣ отъ іюля

того же года Румовскій сообщаетъ, что онъ расходъ въ 250 рублей для публичнаго собранія принужденъ былъ уменьшить до 50 руб. „Или вы не знаете“, пишетъ онъ, „что нынѣ деньгами располагать не дозволено такъ, какъ располагали начальники до манифеста. Ежели министръ финансовъ замѣтитъ расходъ въ 250 р. для публичнаго собранія, то легко можетъ статься, что я принужденъ буду внесть въ казну отъ себя 200 р. Въ августѣ 1811 года (въ этотъ срокъ дѣлались представленія въ то время объ отпускѣ суммъ на будущій годъ), Румовскій опять вошелъ къ министру съ представленіемъ объ отпускѣ на разныя потребности университета, перечисленныя имъ, еще 23100 рублей, съ тою „цѣлью, писалъ онъ, *дабы оставляя университетъ въ настоящемъ его положеніи*“ (слѣдовательно теперь уже между попечителемъ и министромъ не было рѣчи о полномъ открытіи университета) *„кромѣ нѣкоторыхъ отмѣнъ*, доставлены были ему способы принести всю пользу, какая отъ него по справедливости ожидается и къ чему гг. профессора, особливо нѣкоторые изъ нихъ, подаютъ несомнѣнную надежду. Ежелижъ вашему с—ству благоугодно будетъ“, заключаетъ свое представленіе Румовскій, „чтобы университетъ въ будущемъ году *совершенно* открытъ былъ, то пріемлю смѣлость покорнѣйше просить объ ассигнованіи къ отпуску съ начала онаго полной по штату суммы, за исключеніемъ жалованья профессорамъ и адъюнктамъ, котораго достаточно будетъ отпускать по числу ихъ дѣйствительно при университетѣ состоящемъ“ (17 авг. № 838) Представленіе это не имѣло результата Не можетъ быть кажется сомнѣнія въ томъ, что открытію университета воспрепятствовало тогдашнее состояніе финансовъ, но въ Казани этого не знали и нѣмецкіе профессора, еще черезъ годъ послѣ выборовъ, о которыхъ мы говорили, надѣялись на скорое открытіе университета. Въ письмѣ отъ 25 сентября 1811 года, напечатанномъ въ нѣмецкомъ заграничномъ журналѣ (1), между прочимъ говорилось слѣдующее: „Выборы еще не утверждены, и открытіе университета не воспослѣдовало, но видно, что оно будетъ скоро. По крайней мѣрѣ гимназія переведена уже въ другое зданіе“. Но все однако осталось по старому и открытія университета пришлось ждать почти четыре года.

(1) Intelligenz-Blatt der Jenaischen Literatur-Zeitung, № 80 (1811)

Выше (на стр. 287 и сл.) мы разсказали довольно подробно о тѣхъ разсужденіяхъ въ совѣтѣ, которыя возникли въ немъ совершенно естественно, въ виду несуществованія отдѣленій или факультетовъ: о наукахъ приготовительныхъ и главныхъ или факультетскихъ. Это былъ вопросъ насущной важности; онъ касался близко каждаго профессора. Мы видѣли, какъ неопредѣленно отвѣтилъ на всѣ эти разсужденія Румовскій (стр. 288), но будучи доволенъ упорядоченіемъ ученія въ гимназіи, что поручено было имъ Броннеру, и дѣйствіями этого профессора въ качествѣ директора педагогическаго института, онъ просилъ его письмомъ представить совѣту „планъ преподаваній“ на будущее время „*съ означеніемъ наукъ какъ пріуготовительныхъ, такъ и въ отдѣленіяхъ преподаваемыхъ, коихъ чтеніе необходимымъ полагаетъ для ученаго образованія*“. Планъ этотъ, писанный по латынѣ собственноручно и каллиграфически, съ большою аккуратностью Броннеромъ, разработанный имъ въ примѣненіи къ наличнымъ преподавательскимъ силамъ Казанскаго университета, былъ представленъ имъ въ совѣтъ въ августѣ 1812 года (1). Онъ былъ разсматриваемъ „въ особенныхъ собраніяхъ каждаго отдѣленія“, какъ значится въ совѣтскомъ протоколѣ, начиная съ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Мы знаемъ, что официально эти отдѣленія не существовали; деканы ихъ, избранные въ 1810 году, не были утверждены, но тѣмъ не менѣе сила вещей заставляла самовольно принять раздѣленіе на отдѣленія, когда дѣло касалось обсужденія какого-нибудь спеціальнаго вопроса. Вопросъ назрѣлъ самъ собою. Изъ протоколовъ видно, что планъ обсуждался съ большимъ интересомъ. Уже 9 сентября заслушаны были въ совѣтѣ представленія собраній отдѣленія о планѣ Броннера, и мнѣнія этихъ отдѣленій переданы были Броннеру для того, чтобы онъ могъ ими воспользоваться, а до окончательной редакціи весь планъ Броннера долженъ былъ циркулировать между всѣми членами университета, такъ чтобъ каждый могъ высказать о немъ свое мнѣніе въ совѣтѣ. Очень скоро весь планъ

(1) Studiorum academicorum series et ordo, Universitati Casaniensi accomodatus, a professore Bronner propositus, nunc insertis omnibus desideratis correctionibus ab eodem emendatus et a concilio academico in sessione 11 septembris, 1812, approbatus

былъ одобренъ, и совѣтъ опредѣлилъ представить его на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія (по смерти Румовскаго и до назначенія новаго попечителя, всѣ представленія университета шли прямо къ министру) (1) На основаніи этого плана составлено было и обозрѣніе преподаваній съ 1 октября 1812 года, о чемъ было также немедленно донесено г. министру. Мы не станемъ входить въ подробности этого плана Броннера, такъ какъ вскорѣ послѣ того послѣдовавшее открытіе университета и образованіе факультетскаго преподаванія дѣлали его излишнимъ. Онъ любопытенъ, какъ свидѣтельство о замѣчательной организаціонной способности Броннера, но собственно факультетское преподаваніе представляется у него довольно скуднымъ, такъ какъ должно было сообразоваться съ наличными преподавательскими силами. Болѣе подробно говорилось въ планѣ о двухлѣтнемъ курсѣ наукъ приготовительныхъ (2). Наукъ этихъ или предметовъ перечислялось очень много, потому вѣроятно, что казанская гимназія не могла дать университету хорошо подготовленныхъ слушателей. Науки *главныя* или *окончательныя* по терминологіи Броннера (principales или definitivæ) или факультетскія должны были преподаваться въ каждомъ факультетѣ по три года и только въ медицинскомъ курсъ требовалъ пяти лѣтъ преподаванія, на два года больше.

Представленіе совѣта о предметѣ столь важномъ для университета, какъ правильная организація преподаванія, едва ли обсуждалось принципіально въ высшихъ министерскихъ сферахъ Петербурга. Предметъ мало кого интересовалъ тамъ, да и не было надлежащихъ силъ для его обсужденія На представленіе совѣта взглянули совершенно кан-

---

(1) Въ своемъ частномъ письмѣ къ графу Разумовскому, говоря о томъ, что онъ составилъ этотъ планъ, «profitant du loisir que nous ici permet la distance de scènes guerrières, d'ailleurs si fatales aux sciences», Броннеръ разсказываетъ и объ употребленной имъ стратагемѣ для того, чтобъ планъ имъ составленный не встрѣтилъ противодѣйствія въ совѣтѣ: «Mais réflechissant que tout mon travail seroit à pure perte, si je n'engageois pas M-r Iacovkine, notre Plénipotentiaire, a me séconder, et même à aider l'exécution, j'ai pris le parti de renoncer à la petite gloire d'apparaitre comme le seul auteur de l'amélioration de nos études et de lui proposer moi-même, qu'il voulut permettre, que je fasse le rapport en (au) nom de nous deux directeurs»

(2) Cursus biennis litterarum propaedeuticarum.

целярскимъ образомъ, вѣроятно навели справку въ дѣлѣ и отписали почти буквально тоже самое, что покойный Румовскій сообщалъ совѣту по тому же поводу два года тому назадъ (см. выше, стр. 289): „Похваляя усердіе г. профессора Броннера относительно *поправленія* (?) преподаваемыхъ въ университетѣ наставленій“, гласило предписаніе министра, „предлагаю изъ представленнаго имъ на сей конецъ въ совѣтъ плана, заимствовать нынѣ то, что совѣтъ признаетъ наиболѣе нужнымъ почерпнуть изъ него, прочее же, что касается вообще до расположенія порядка ученія и учебнаго времени, отложить до *предбудущаго* новаго курса. Тогда совѣтъ имѣетъ въ расположеніи лекцій сообразоваться съ симъ планомъ, сколько по усмотрѣнію его польза и нужда того будетъ требовать“. Но изъ другаго донесенія совѣта, весьма скоро послѣдовавшаго вслѣдъ за первымъ, министръ увидалъ, что расположеніе лекцій, сдѣланное Броннеромъ, уже приведено въ исполненіе, и преподаваніе начато по этому плану, „то мнѣ и не остается другаго“, писалъ онъ въ предложеніи, „какъ дать свое согласіе“ (4 ноября, 1812 г. № 806).

Глава XIV.

Дѣйствія совѣта до открытія университета. Постепенное увеличеніе дѣятельности. Управленіе училищами округа и училищный комитетъ. Чистопольское дѣло: голова Плаксинъ и учитель Лебедевъ. Характеръ дѣлъ училищнаго комитета, разбираемыхъ совѣтомъ. Дѣленіе на факультеты въ первый разъ. О правахъ экстраординарныхъ профессоровъ. Столкновеніе Яковкина съ профессоромъ Германомъ. Вопросъ о переводѣ русскихъ бумагъ для нѣмецкихъ профессоровъ. Уколъ самолюбію Яковкина, какъ директору гимназіи. Личные счеты. Обида Брауномъ адъюнкта Петровскаго. Патріотизмъ 1812 года. Разборъ въ совѣтѣ частныхъ долговъ профессора Германа и его старанія о прибавкахъ къ профессорскому жалованью. Его же жалобы на нарушеніе казанской полиціей профессорскихъ привилегій. Послѣдніе годы его дѣятельности въ Казани до увольненія Магницкимъ. Экзаменный комитетъ и обвиненіе въ «лакомствѣ». Разборъ въ совѣтѣ дѣла по жалобѣ жены лектора татарскаго языка Хальфина на мужа.

Сила вещей должна была понемногу оказывать свое дѣйствіе. Не смотря на то, что университетъ не могъ быть открытъ, необходимость заставляла постепенно увеличивать его функціи. По уставу 1804 года (§§ 160—174) университету предоставлено было „надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ“; онъ обязанъ былъ „прилагать особенное и неутомимое попеченіе“ о томъ, чтобъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища „учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно“. Университету предоставлено было право выбирать для каждой губерніи округа директора училищъ и представлять его чрезъ главное правленіе училищъ на утвержденіе министра. Смотрителей же училищъ и учителей въ гимназіи и въ училища университетъ избиралъ или опредѣлялъ непосредственно самъ, или по представленію губернскихъ дирек-

торовъ. Для надзиранія за училищами и управленія ими, для производства всѣхъ дѣлъ по училищамъ учреждался *училищный комитетъ*. Онъ долженъ былъ избираться на годъ изъ шести ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Все управленіе училищъ зависѣло отъ него. Онъ посылалъ ежегодно визитаторовъ, „поручая каждому одну или двѣ губерніи для осмотра“. Эти визитаторы могли быть или изъ членовъ комитета, или изъ другихъ профессоровъ. Ежегодный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и о состояніи училищъ комитетъ обязанъ былъ представлять совѣту, а послѣдній уже, по разсмотрѣніи, препровождалъ его къ попечителю и министру. Секретаремъ комитета былъ одинъ изъ адъюнктовъ или магистровъ. Свои сношенія съ посторонними присутственными мѣстами комитетъ могъ производить лишь чрезъ посредство университетскаго правленія.

Громадный учебный округъ, ввѣренный попеченію Казанскаго университета и его училищнаго комитета, заключалъ въ себѣ губерніи: Казанскую, Оренбургскую (въ нее входили кромѣ Оренбургской, нынѣшняя Уфимская и Самарская), Астраханскую, Кавказскую (нынѣ Ставропольская), Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Тобольскую, Томскую и Иркутскую, послѣднюю съ такими отдаленными училищами, какъ Нерчинское, Троицкосавское и Якутское. Этимъ пространствомъ, правда въ то время почти пустыннымъ по отношенію къ просвѣщенію, но значительно бо́льшимъ, чѣмъ вся Европейская Россія, управлялъ въ учебномъ отношеніи самолично попечитель до конца 1811 года. Самъ онъ, проѣхавшись лишь разъ въ началѣ 1805 года изъ Петербурга въ Казань и по всей вѣроятности лично познакомившись только съ тѣми гимназіями и училищами, которыя встрѣчались на пути, никуда по старости не выѣзжалъ болѣе изъ Петербурга. Въ первой части нашей книги мы разсказали довольно подробно о двухъ визитаціяхъ въ попечительство Румовскаго, сдѣланныхъ по его предписаніямъ Яковкинымъ — пензенской гимназіи и адъюнктами Запольскимъ и Кондыревымъ—оренбургскихъ училищъ. Эти осмотры, соединенные со слѣдствіями, вызывались вопіющими безпорядками, столь естественными въ то время въ некультурной, оставленной на произволъ дали Кому и какое дѣло было здѣсь до просвѣщенія, до училищъ, пользу и значеніе которыхъ едва понимали? Самое управленіе Румовскаго но-

сило совершенно канцелярскій характеръ и велось исключительно бумажнымъ образомъ. Новыя училища открывались весьма рѣдко; успѣхъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ былъ уже послѣ, когда открылся училищный комитетъ при университетѣ. Изучая „входящія“ въ годы попечительства Румовскаго и просматривая большое количество рапортовъ и отчетовъ, поступавшихъ въ его канцелярію отъ губернскихъ директоровъ, мы пришли къ убѣжденію, что попечителю не было и возможности перечитать всю эту массу. Ею, по всей вѣроятности только слегка, пользовались канцелярскіе чиновники для составленія годовыхъ отчетовъ въ главное правленіе училищъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда получалось частное письмо, разсказывавшее о какомъ-нибудь изъ ряда вонъ выходящемъ казусѣ гдѣ-нибудь въ гимназіи или училищѣ, казусѣ, о которомъ кричала вся губернія, начиналось изслѣдованіе, поднималось дѣло Но поднимать подобныя дѣла сдва ли было кому выгодно и глубокій миръ царилъ посреди глубокаго невѣжества. Не даромъ и Румовскій, и Яковкинъ такъ часто хлопотали и говорили о тишинѣ и спокойствіи.

Между тѣмъ дѣла именно такого скандальнаго и вопіющаго свойства накоплялись. Судить ихъ заглазно, производить о каждомъ изъ нихъ слѣдствія изъ Петербурга не представлялось возможности, и вотъ именно такіе случаи, если мы не ошибаемся, и были причиною того, что попечитель и министръ рѣшились наконецъ, не смотря на господствовавшую вездѣ экономію, приступить къ открытію училищнаго комитета при университетѣ. Въ засѣданіи совѣта 31 августа 1811 года заслушано было прошеніе чистопольскаго головы, второй гильдіи купца и коммерціи совѣтника Василія Семенова Плаксина объ обидѣ, причиненной ему учителемъ чистопольскаго малаго народнаго училища Андреемъ Николаевымъ Лебедевымъ Въ этомъ прошеніи, писанномъ на листѣ гербовой бумаги 30-ти копеечнаго достоинства, по титулѣ и по пунктамъ, проситель объяснялъ, что учитель Лебедевъ, въ поданномъ имъ отъ себя въ чистопольское городническое правленіе донесеніи, „описалъ несодѣйствующія совсѣмъ причины, во первыхъ яко бы жена моя Марья Семенова была въ изступленіи, забывши свой полъ, состояніе, благопристойгость и законы, изъ своихъ рукъ стегнула плетью его ученика Романа Халукминова, г-на Аристова человѣка, а во вторыхъ въ тотъ же самый часъ

будто и я пришелъ къ нему въ училище, въ замѣшательствѣ, и въ горячности не спросилъ его ни о произшествіи дѣла, ни о знаніи (?), говорилъ ему язвительныя и колкія слова, забывши благопристойность, должность свою и мѣсто, дѣйствовалъ и повелѣвалъ у него въ училищѣ самовластно, и что о семъ отъ него будетъ рапортовано высшему начальству". Плаксинъ отрицаетъ факты, разсказанные учителемъ, и говоритъ, что „оглашеніе учителемъ Лебедевымъ въ чистопольскомъ городническомъ правленіи произнесено къ единственному поношенію и оскорбленію нашей чести, въ нарушеніе изданнаго прошлаго 1787 года апрѣля 21 числа о спокойствіи и тишинѣ манифеста 13 пункта". Съ своей стороны Плаксинъ съ женою подали въ чистопольскій уѣздный судъ встрѣчную жалобу на учителя, съ просьбою произвести слѣдствіе и дать имъ удовлетвореніе порядкомъ уголовнымъ, но уѣздный судъ жалобы этой не принялъ и указалъ просить на Лебедева въ университетѣ. Сверхъ того Плаксинъ узналъ, какъ онъ пишетъ въ своемъ прошеніи, что учитель Лебедевъ, сверхъ поданной имъ въ городническое правленіе жалобы, вошелъ съ подобною же, но „спустя не малое время", къ правящему должность директора народныхъ училищъ Смирнову, въ которой онъ прописалъ тѣже обстоятельства, что и въ жалобѣ въ городническое правленіе „и съ дальною еще клеветою": тамъ онъ „начально на жену мою писалъ, якобы она ученика изъ своихъ рукъ *стеногуа плетью*, а къ правящему должность директора въ рапортѣ написалъ совсѣмъ другое произшествіе, какъ то будто она того ученика изъ своихъ рукъ *ськла плетью*, слѣдовательно доносъ его одинъ съ другимъ показался не только несогласнымъ, но и совсѣмъ клевещущимъ меня и жену мою обстоятельствомъ". Указывая на это противорѣчіе въ обстоятельствахъ взводимаго на него и жену обвиненія, доказывая, что это обвиненіе потому въ сущности и является клеветою, Плаксинъ говоритъ въ своемъ прошеніи, что онъ также въ этомъ смыслѣ подалъ объясненіе правящему въ Чистополѣ городническую должность уѣздному судьѣ Михайлову, вслѣдствіе предложенія и запроса казанскаго гражданскаго губернатора, но дошло ли это объясненіе по назначенію—ему неизвѣстно Это и заставило Плаксина обратиться въ университетъ и просить „съ чистопольскимъ народнаго училища учителемъ Лебедевымъ за

сдѣланное мнѣ съ женою поношеніе и укоризну повелѣть въ удовольствіе мое поступить по законамъ и о томъ учинить. какъ Вашего Императорскаго Величества законы повелѣваютъ". Совѣтъ, выслушавъ это прошеніе, записалъ его въ протоколъ, но находя, что „училища Казанскаго учебнаго округа въ вѣдомство университета еще не поступили, а состоятъ подъ собственнымъ управленіемъ г. попечителя, то не имѣя права приступить къ разбирательству по сему дѣлу", опредѣлилъ: „представить его на начальственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе попечителя". Въ одинъ день съ этимъ представленіемъ совѣта, попечитель получилъ рапортъ и отъ правящаго должность директора училищъ Казанской губерніи о томъ же происшествіи.

Поводомъ къ чрезвычайному раздраженію госпожи Плаксиной вѣроятно была какая-нибудь шалость мальчиковъ, жившихъ при учителѣ. Помѣщеніе для училища и квартира учителя находились по найму въ домѣ Плаксина. Въ 9 часовъ вечера, 2 іюля, больной Лебедевъ былъ разбуженъ страшнымъ крикомъ, съ трудомъ поднялся, пошелъ на крикъ и въ заднихъ сѣняхъ своей квартиры увидѣлъ, по его словамъ *странное зрѣлище*: „Сама г-жа Плаксина, коммерціи совѣтника жена, была въ изступленіи, забывши свой полъ, состояніе, благопристойность и законы, изъ своихъ рукъ сѣкла плетью ученика, а за что—ему учителю неизвѣстно, потому что она не дала ему о его проступкѣ знать". Далѣе описывается появленіе самого головы и коммерціи совѣтника на сцену дѣйствія, какъ онъ „повелѣвалъ самовластно" и какъ приказалъ своимъ людямъ трехъ учениковъ, жившихъ у учителя „свести со двора, не смотря ни на ночное время. ни на юныя лѣта ихъ, ни на его учителя убѣжденія", не слушая увѣреній учителя, что по уставу о народныхъ училищахъ, учителямъ дозволяется имѣть у себя воспитанниковъ. Право это Плаксинъ отрицалъ и грозилъ учителю смѣною отъ должности. Такой поступокъ Плаксина побудилъ правящаго должность директора, во время обозрѣнія чистопольскаго училища, спросить „тамошнее благородное общество" о поведеніи Лебедева: оно отозвалось о немъ наилучшимъ образомъ. Тогда директоръ отнесся къ казанскому гражданскому губернатору, „дабы благоволилъ, по ввѣренной ему Высочайше въ управленіе Казанской губерніи власти, показаннаго главу Плаксина и

жену его предписаніемъ своимъ отъ поступковъ нарушающихъ законныя постановленія въ руководствѣ данномъ учителямъ и подтвержденныя сего года марта 18 дня предписаніемъ г. министра просвѣщенія, *чтобъ съ учащимися поступать ласково и не употреблять никакихъ наказаній*, удержать".

Едва ли мы ошибемся, полагая, что именно эта чистопольская исторія, рисующая намъ тогдашніе нравы уѣзднаго города и неумирающее самодурство Титъ-Титычей, была ближайшимъ поводомъ къ ходатайству Румовскаго предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи при Казанскомъ университетѣ училищнаго комитета для передачи ему всѣхъ дѣлъ по гимназіямъ и училищамъ обширнаго учебнаго округа. Румовскій чувствовалъ себя уже не въ силахъ управлять имъ. О случаѣ въ Чистополѣ онъ зналъ еще прежде рапортовъ изъ частныхъ писемъ. По представленію его, министръ 19 сентября 1811 г. изъявилъ на учрежденіе училищнаго комитета свое согласіе „для ближайшаго управленія всѣми училищами къ округу принадлежащими". Членами комитета утверждены были министромъ ординарные профессоры: Германъ, Броннеръ, Френъ, Фишке, Томасъ и экстраординарный профессоръ Городчаниновъ (незадолго до этого назначенія онъ снова перешелъ на службу въ Казанскій университетъ). Число шесть для членовъ этого комитета было опредѣлено § 162 устава, и согласно этому же § предсѣдателемъ былъ ректоръ, но Румовскій, „до утвержденія его", поручилъ предсѣдательство старшему профессору Яковкину. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ всѣмъ директорамъ округа, чтобы они о всѣхъ дѣлахъ своихъ съ этого времени относились въ комитетъ. Только на текущій 1811 годъ онъ дѣлалъ исключеніе для отчетныхъ вѣдомостей, необходимыхъ при составленіи общаго отчета и для ежемѣсячныхъ вѣдомостей о свидѣтельствѣ денежныхъ суммъ, для соображенія съ прежде присланными.

Училищный комитетъ немедленно образовался и первая дѣятельность его должна была быть по необходимости посвящена кляузному чистопольскому дѣлу. Препровождая въ совѣтъ полученныя имъ по этому дѣлу бумаги, попечитель поручалъ ему изслѣдовать это дѣло „по мѣстному удобству" и, если по изслѣдованію покажется справедливымъ показаніе Лебедева о поступкахъ Плаксина въ училищѣ, то въ такомъ

случаѣ просить должной защиты у его п—ства г. гражданскаго губернатора. Совѣтъ по принадлежности препроводилъ это дѣло въ только что образованный въ томъ же засѣданіи училищный комитетъ. Этотъ послѣдній донесъ съ своей стороны весьма скоро совѣту о томъ: не благоугодно ли будетъ ему отправить одного изъ членовъ совѣта въ званіи визитатора въ чистопольское народное училище *для точнаго розысканія дѣла* объ обоюдныхъ жалобахъ коммерціи совѣтника Плаксина и учителя Лебедева. Суммы, положенной по штату на визитаторовъ, хотя училищный комитетъ и былъ открытъ, однако еще не отпускалось, и на представленіе о томъ совѣта, попечитель отвѣтилъ, что отправленіе въ городъ Чистополь визитатора слѣдуетъ отложить до будущаго 1812 года. Прошелъ однако почти годъ, пока отпущены были суммы, и только въ засѣданіи 4 сентября 1812 года секретарь совѣта заявилъ о нерѣшенной жалобѣ чистопольскаго учителя Лебедева. Тогда совѣтъ постановилъ для окончанія этого дѣла отправиться въ Чистополь визитаторомъ адъюнкту Кондыреву, при чемъ поручено было ему осмотрѣніе и описаніе древностей пригорода Билярска.

Изъ „дневной записки“, веденной аккуратнымъ Кондыревымъ и представленной имъ въ совѣтъ, а равно изъ „дѣла объ обидѣ, причиненной коммерціи совѣтнику Плаксину учителемъ чистопольскаго училища Лебедевымъ“, можно познакомиться довольно подробно какъ съ дѣйствіями визитатора-слѣдователя, такъ и съ характерною обстановкою самого дѣла и съ старыми уѣздными нравами. Выѣхавъ изъ Казани 29 сентября, онъ уже дѣйствовалъ въ Чистополѣ 1 октября: посѣтилъ училище, принялъ рапортъ, написалъ отношенія въ городническое правленіе, въ городовой магистратъ и земскій судъ, посѣтилъ городничаго и пригласилъ его къ содѣйствію въ примиреніи гг. Плаксина и Лебедева. Приготовивъ такимъ образомъ все для будущаго слѣдствія въ Чистополѣ, Кондыревъ на другой день выѣхалъ въ Билярскъ для исполненія другаго порученія совѣта—изученія древностей этого болгарскаго города. „По полуночи въ часъ, 3 октября, пріѣхалъ въ пригородъ Билярскъ“, пишетъ онъ въ „дневной запискѣ“. „По утру имѣлъ нужныя совѣщанія съ священниками сего пригорода, муллами, случившимися тутъ на базарѣ и старѣйшинами, въ разсужденіи древностей Билярска, прося послѣднихъ объявить, чтобы всѣ находимыя

вещи мнѣ показали, а которыя и продали. *Волненіе народное о томъ, будто бы я французъ* и прочія народныя заключенія понудили вечеромъ оставить Билярскъ, не осмотрѣвъ его и удалиться въ ночь въ близь лежащую татарскую деревню Кулабаево Маразина (Кульбаева Мараса) дотолѣ, пока жители Билярскіе не получатъ съ посланнымъ въ Чистополь отъ земскаго суда обо мнѣ отвѣта" (1). Объѣхавъ нѣсколько татарскихъ деревень и посѣтивъ нѣкоторые изъ сосѣднихъ городковъ, Кондыревъ воротился 7 октября въ Чистополь. Весь слѣдующій день посвященъ былъ Кондыревымъ подробному осмотру училища, ознакомленію съ методою и способами преподаванія Лебедева и испытанію учениковъ. 9 октября явился къ Кондыреву для производства слѣдствія командированный, согласно его отношенію, изъ городоваго магистрата ратманъ Князкинъ. Съ нимъ онъ имѣлъ совѣщаніе „касательно порядка въ дѣлопроизводствѣ", затѣмъ посѣтилъ городничаго, который доставилъ ему случай говорить лично съ Плаксинымъ о примиреніи, но послѣдній на „обоюдное безобидное обоихъ ихъ примиреніе однакожъ не согласился". Тогда Кондыревъ приступилъ къ формальному слѣдствію, которое продолжалось три дни: 10, 11 и 12 октября.

Послѣ допроса различныхъ свидѣтелей, показывавшихъ подъ присягою и по прочтеніи всѣхъ бумагъ, писанныхъ по этому случаю разными лицами и въ разныя присутственныя мѣста, дѣло выяснилось вполнѣ. Того противорѣчія въ показаніяхъ учителя Лебедева, очевидно придуманнаго Плаксинымъ для того, чтобъ выставить жалобу учителя клеветою, т. е. что жена его и „стегнула", и „сѣкла" изъ своихъ рукъ ученика, въ бумагахъ не оказалось: Лебедевъ вездѣ писалъ, что она сѣкла. Мало этого: одна изъ свидѣтельницъ, подъ присягою показала, что человѣкъ Плаксиной, уже послѣ сѣченія, держалъ за волосы ученика Халупминова въ то время, какъ сама Плаксина била его по щекамъ. Слѣдствіе однако не выяснило причину крайняго раздраженія Плаксиной. Только изъ свидѣтельскихъ показаній видно было, что

(1) О результатахъ, весьма впрочемъ ничтожныхъ, археологической экскурсіи Кондырева, мы уже говорили («Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у—та», ч 1-я стр. 502).

она кричала учителю: „твои ученики озорничаютъ“, а Халупминовъ чѣмъ то обидѣлъ ея сына. Ни мужъ, ни жена, на посланные имъ Кондыревымъ вопросы (передъ слѣдователями Плаксинъ не согласился писать, объявивъ, что онъ лучше напишетъ на дому), что было сдѣлано два раза, не отвѣтили, а велѣли сказать, что оба они больны, почему рѣшено было отобрать отвѣты чрезъ городничаго. Вѣстовой послѣдняго заявилъ присутствію, что Плаксинъ, когда онъ явился къ нему въ первый разъ, взялъ у него изъ рукъ бумагу, но тотчасъ же отдалъ ее назадъ, сказавъ, что онъ уже довольно писалъ, что будетъ съ нихъ и того что есть, а во второй разъ взялъ его за руку, поворотилъ назадъ и сказалъ ему: „поди вонъ, а то велю людямъ въ шею выгнать“. Изъ другихъ показаній выяснилось, что факты, разсказанные въ жалобѣ учителя, въ дѣйствительности были еще рѣзче. Плаксинъ, спустившись внизъ, въ помѣщеніе училища, кричалъ на учителя, попрекалъ его прежними отношеніями, говорилъ, что онъ вывелъ его въ люди (1) и проч. Плаксинъ ударилъ его въ грудь такъ, что онъ едва могъ удержаться на ногахъ, ругалъ его дуракомъ, с.... сыномъ, кричалъ, что сейчасъ же велитъ согнать мальчиковъ дубьемъ со двора и, не смотря на всѣ просьбы учителя—подождать хотя бы до утра, сердце развоевавшагося домовладѣльца не смягчилось Плаксинъ закричалъ своихъ людей и приказалъ имъ немедленно тащить полусонныхъ мальчиковъ изъ комнатъ училища и со двора, не смотря на ночное время. „Сначала Плаксинъ“, показываетъ одна свидѣтельница подъ присягою, „велѣлъ было ихъ на конюшнѣ сѣчь, но послѣ сказалъ своимъ служителямъ: сейчасъ же чтобы ихъ не было на дворѣ, хоть перекинь черезъ заборъ, а одного мальчика, Якова Веселова, стащили

(1) Изъ дѣла не видно, каковы были эти прежнія отношенія и былъ ли чѣмъ либо Лебедевъ обязанъ Плаксину Этому учителю въ 1812 году было 25 лѣтъ, происходилъ онъ изъ духовнаго званія, въ учительскіе кандидаты казанскаго главнаго народнаго училища поступилъ онъ изъ Казанской духовной академіи, учительствовалъ въ Чистополѣ съ 1808 г. и былъ всегда на отличномъ счету у начальства. Въ октябрѣ 1809 года попечитель извѣстилъ главное правленіе училищъ, что по отношенію испр. долж. директора училищъ Казанской губерніи чистопольская городская дума, *за отличное Лебедева по должности прилежаніе*, согласно съ уставомъ учебныхъ заведеній, прибавила 100 р въ годъ и опредѣлила для приращенія библіотеки и на книги для бѣдныхъ учениковъ отпускать отъ 25 до 50 рублей въ годъ. См *Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія*. Спб 1810. № XXVI, стр. 249—250.

съ постели соннаго". Мальчики ночевали у сосѣдняго мѣщанина Панова, который и привелъ ихъ на другой день босыхъ, въ однѣхъ рубашкахъ Не довольствуясь этимъ, Плаксинъ немедленно же отказалъ въ квартирѣ и училищу. Смотритель училища, выбранный магистратомъ, мѣщанинъ Бородинъ былъ въ ту же ночь на мѣстѣ произшествія, но Плаксина не видалъ, хозяйка же сидѣла у окошка и объявила ему: „намъ не надобно училища, нанимайте гдѣ хотите квартиру немедленно".—Хорошо, сударыня", показываетъ Бородинъ, „и съ тѣмъ ушелъ На другой день по утру искалъ квартиры—не могъ противорѣчить головѣ и на третій день, по многому исканію, нашелъ квартиру у купца Тихонова, куда и переведено училище", подъ училище же нанималась у Плаксина квартира погодно Не смотря на неоднократныя настоянія и посылки, Кондыревъ не добился отъ Плаксина никакихъ отвѣтовъ. Есть впрочемъ одна бумага имъ подписанная. Въ ней онъ повторяетъ прежнюю свою жалобу и стоитъ на мнимомъ противорѣчіи въ разсказѣ учителя, что жена его и „стегнула плетью", и „сѣкла плетью". Эту бумагу онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Сверхъ того, требовать отъ меня отвѣтъ—въ чемъ же: Приходилъ ли я 2 іюля въ 9 часовъ по полудни 1811 года въ училище? Если приходилъ, то по какому поводу? Что говорилъ тогда съ учителемъ и что говорилъ тогда учитель? и о прочемъ сему подобномъ. Напротивъ чего и вынуждаюсь сказать: если-бы тому происшествію не минуло слишкомъ четырнадцать мѣсяцевъ, то я могъ бы объяснить такъ, какъ оное было". Такимъ образомъ Плаксинъ уклонился отъ дачи какихъ-либо отвѣтовъ, „удержалъ у себя вопросы, коя требовалось возвратить и сверхъ того написалъ неблагопристойныя слова обоимъ членамъ"—сообщалъ передъ своимъ отъѣздомъ Кондыревъ чистопольскому городничему

Ревизія Кондырева и слѣдствіе, имъ веденное, выяснили многое. Такъ газеты начала настоящаго вѣка, преимущественно „Московскія Вѣдомости" и органъ главнаго правленія училищъ—„Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія" наполнялись извѣстіями о различныхъ пожертвованіяхъ со стороны обществъ и частныхъ лицъ, дѣлаемыхъ въ пользу народнаго просвѣщенія. Существовало Высочайшее повелѣніе о печатаніи именъ благотворителей; отъ лица правительства жертвователямъ объявлялась при-

знательность; имена ихъ публиковались во всеобщее свѣдѣніе. Въ годовыхъ отчетахъ и на торжественныхъ актахъ разныхъ учебныхъ заведеній перечислялись всѣ пожертвованія и благотворенія (вопросъ о добровольномъ характерѣ ихъ никѣмъ не поднимался) Казалось, что общество съ любовью и усердіемъ сознаетъ, внимая словамъ монарха, необходимость и пользу просвѣщенія, науки, училищъ и искреннимъ образомъ готово на щедрыя пожертвованія. Трудно судить теперь, насколько въ этихъ печатныхъ извѣстіяхъ о пожертвованіяхъ было правды, но вотъ что случилось въ Чистополѣ. Въ № VIII упомянутаго выше оффиціальнаго „Періодическаго сочиненія“, на стр 95, въ § 17 напечатано, что „бывшій чистопольскій градской голова Антонъ Колпаковъ, въ прошломъ 1804 году, не только отвелъ для училища въ домѣ своемъ способный къ тому флигель, по причинѣ недостатка въ казенномъ строеніи, но и объявилъ бывшему директору училищъ Лихачеву, что онъ намѣренъ собственнымъ иждивеніемъ выстроить особенный каменный домъ для училища со всѣми къ тому принадлежностями. Собраніе членовъ главнаго училищъ правленія положило изъявить должное уваженіе къ таковому г. Колпакова усердію чрезъ помѣщеніе сей статьи о расположеніи его жертвовать собственностью для пользы общественной“.

Прошло пять лѣтъ, и въ 1809 году новый директоръ училищъ Казанской губерніи Смирновъ писалъ въ чистопольскую градскую думу, что при обозрѣніи чистопольскаго училища, онъ не только не нашелъ выстроеннаго Колпаковымъ дома, но не видѣлъ и никакихъ матеріаловъ для постройки приготовленныхъ, почему и просилъ думу, призвавъ Колпакова, спросить его: желаетъ ли онъ выстроить подъ училище домъ, или нѣтъ? Колпаковъ очень скоро объяснилъ, что и было сообщено директору, что во время его служенія городскимъ головою, онъ нашелъ помѣщеніе училища неудобнымъ и тѣснымъ и, „дабы мѣсту сему, якоже значительному для общаго блага заведенію дать лучшій видъ“, рѣшился отдать подъ училище отдѣльный флигель при домѣ своего отца, хотя самъ имѣлъ въ немъ надобность. Директоръ Лихачевъ, по словамъ Колпакова, нашелъ новое помѣщеніе училища довольно удобнымъ, благодарилъ его лично и склонялъ его, какъ главу градскаго общества, къ постройкѣ цѣлымъ обществомъ особаго для училища дома, съ тѣмъ

чтобъ оно навсегда оставалось въ одномъ мѣстѣ. „Зная совершенно въ оном необходимость, но не полагая однако надежды, чтобы градское общество согласилось на выстройку его, тѣмъ паче, что градскихъ доходовъ въ думу поступаемыхъ и на единое содержаніе его (училища) едва бываетъ достаточно, объявилъ о семъ г. директору Лихачеву и притомъ изъявилъ свое усердіе, что онъ со временемъ намѣренъ училище сіе въ пристойномъ города мѣстѣ выстроить каменное, со всѣми къ нему принадлежностями, собственнымъ своимъ иждивеніемъ. Каковое намѣреніе онъ, Колпаковъ, и теперь не перемѣнилъ и выстроить оное со временемъ постарается, а что по нынѣ сего выполнить не могъ, то сіе не по чему другому произошло какъ единственно отъ неудачливаго по торговымъ оборотамъ производства". Флигель собственный подъ училище Колпаковъ, хотя и отвелъ, но никакъ ни даромъ, а получая за него изъ городскихъ денегъ по 90 рублей въ годъ. Выслушавъ объясненія Колпакова, городская дума опредѣлила: записать обо всемъ въ журналъ, что дума „по сему обстоятельству купецкаго сына Колпакова за вызовъ и непостроеніе чрезъ пять лѣтъ училища и сверхъ того за полученіе имъ самимъ за три года два мѣсяца и девять дней квартирныхъ денегъ двухъ сотъ осьмидесяти семи рублей двадцати пяти копѣекъ *признаетъ не оскорбляющимъ чести и имовѣріе гражданина*, а какъ присутствіе думы само собою не входитъ ни въ какое разбирательство, то объ оном представить въ Казанское губернское правленіе допошеніемъ". Это было сообщено директору. Таково было пожертвованіе Колпакова. Въ 1809 году помѣщеніе училища въ его флигелѣ оказалось тѣснымъ и неудобнымъ, и оно было переведено въ домъ Плаксина, но уже за 150 рублей въ годъ. Когда Кондыревъ производилъ свое слѣдствіе, училище уже помѣщалось, за весьма приличную плату, послѣ ночной исторіи съ Плаксинымъ, въ маломъ каменномъ домѣ купца Колпакова, и Кондыревъ рапортовалъ совѣту, что въ домовладѣльцѣ видно уклоненіе отъ прежняго его обѣщанія. По возвращеніи Кондырева въ Казань, училищный комитетъ не бросилъ вопроса о понужденіи Колпакова и представлялъ о томъ въ декабрѣ 1812 года новому попечителю въ Петербургъ, но Салтыковъ просилъ дѣло это отложить до пріѣзда въ Казань.

Смотрители училищъ обыкновенно избирались городскими думами; этимъ думали привлечь къ участію въ дѣлѣ народнаго

просвѣщенія городскія общества. Съ открытія чистопольскаго училища въ 1796 году ихъ было десять. Что за люди были эти смотрители, видѣть можно изъ отзыва Кондырева о послѣднемъ изъ нихъ, десятомъ, бывшемъ при слѣдствіи—Бородинѣ. „Смотритель нынѣшній", пишетъ онъ, „есть самый обыкновенный и совершенно необразованный мѣщанинъ, едва разумѣющій читать и писать. Онъ не можетъ имѣть въ обществѣ никакого значительнаго голоса, будучи же не свѣдущъ въ дѣлахъ ученыхъ, совершенно не на своемъ мѣстѣ находится и не можетъ содѣйствовать по сей части успѣхамъ училища. Онъ опредѣленъ вопреки нынѣшнимъ законнымъ постановленіямъ и предписаніямъ министра просвѣщенія гражданскимъ начальствомъ По отзыву г. учителя должность смотрителя по большей части исполняется имъ, „ибо въ противномъ случаѣ они не только вспомоществовали бы училищу, но и сдѣлали бы учителю препятствіе, а въ дѣлахъ производили бы медленность Смотрители сіи не получаютъ никакого жалованья и совершенно зависятъ отъ градскихъ думъ". Въ виду того, что около того же времени былъ утвержденъ министромъ почетнымъ смотрителемъ училища капитанъ Бугениновъ (онъ же и предводитель чистопольскаго дворянства) ([1]), который, по словамъ Салтыкова, можетъ имѣть надзоръ и управлять училищемъ, Бородинъ былъ уволенъ Этому почетному попечителю поручалось, въ случаѣ отреченія купца Колпакова отъ своего обѣщанія, напомнить ему, что о пожертвованіи имъ дома было возвѣщено съ благодарностью въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и „что потому можетъ быть нужнымъ и справедливымъ почтется возвѣстить о томъ противное". Въ августѣ 1813 года Бугениновъ писалъ попечителю Салтыкову, что воздѣйствіе его на Колпакова не привело къ благопріятнымъ результатамъ. Онъ ни-

([1]) Почетные попечители, существовавшіе, если не ошибаемся, до 60-хъ годовъ, обыкновенно жертвовали ежегодно въ пользу училища опредѣленную сумму. Бугениновъ жертвовалъ 500 р. Должность эта была установлена Высочайшимъ указомъ 26 августа 1811 года, по представленію министра графа Разумовскаго На должность эту «избирались тѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, кои наиболѣе благорасположены къ наукамъ». Впослѣдствіи ежегодный взносъ, не свыше 300 р, представлялся легкимъ способомъ для почетныхъ попечителей, не служа, получать чины. «Какъ должности эти точно не опредѣлены», то министръ почти черезъ два года по ихъ учрежденіи (14 мая, 1814 года) предлагалъ Казанскому университету составить для нихъ инструкцію

салъ, что Колпаковъ „явно отъ обѣщанія своего уклоняется съ тѣмъ чтобы оное никогда не исполнить“. Попечитель наивно воображалъ, что этотъ жертвователь, а такихъ и въ то время, и потомъ, было конечно не мало, испугается какого-то печатнаго заявленія о немъ, котораго и читать то будетъ некому, что онъ не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія.

Что касается до слѣдствія объ обидѣ, причиненной учителю Лебедеву чистопольскимъ городскимъ головою и коммерціи совѣтникомъ Плаксинымъ, то хотя Кондыревъ тотчасъ же убѣдился въ совершенной правотѣ перваго, но не доносилъ о результатахъ изслѣдованія болѣе года Въ декабрѣ 1813 года, въ своемъ рапортѣ университетскому совѣту, онъ писалъ, что цѣлый годъ дожидался отъ чистопольскаго нижняго земскаго суда справокъ по дѣлу, а теперь и получить ихъ не надѣется. Очевидно вліяніе Плаксина въ Чистополѣ было очень сильно Все дѣло, со всѣми документами, Кондыревъ однако представилъ въ совѣтъ. Онъ писалъ, что „учитель Лебедевъ не только правъ, но еще обиженъ Плаксинымъ, равномѣрно обида нанесена отъ него, Плаксина и всему училищу; кромѣ того г. Плаксинъ оболгалъ учителя мѣстомъ присутственнымъ и по дѣлу своему не далъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, почему и *долженъ быть судимъ уголовнымъ порядкомъ и подвергнуться законному осужденію*“. Кондыревъ просилъ совѣтъ снестись объ упомянутыхъ справкахъ съ губернскимъ правленіемъ или губернаторомъ, „отъ коего можно требовать, чтобы г. Плаксинъ преданъ былъ здѣсь, въ Казани, суду, при чемъ долженъ находиться и депутатъ отъ университета“. На отношеніе къ губернатору, 4 декабря 1813 года посланное, совѣтъ не получилъ никакого отвѣта и больше чѣмъ черезъ годъ, а именно 27 января 1815 года тотъ же Кондыревъ доносилъ совѣту, что онъ почитаетъ дѣло чистопольское уже рѣшеннымъ, „поелику по воспослѣдовавшему Высочайшему манифесту 1814 года 30 августа, дѣла таковаго рода должны предаться забвенію“. И кляузное дѣло, которымъ началась дѣятельность только что открытаго училищнаго комитета при Казанскомъ университетѣ, было сдано въ архивъ.

Не смотря на замедлившееся открытіе университета жизнь его съ различными проявленіями ея и функціями постепенно развивалась, вызываемая силою вещей. Это можно видѣть изъ разныхъ фактовъ. Въ августѣ 1811 года совѣтъ разсуждаетъ о томъ, что „нѣкоторыя суммы, положенныя въ штатѣ и нынѣ не отпускаемыя, получать университету необходимо нужно, *дабы достигать съ пользою предполагаемой заведенію его цѣли*“. Между суммами, объ отпускѣ которыхъ на 1812 годъ совѣтъ постановилъ ходатайствовать, были суммы: на журналы и газеты (очевидно иностранцы-профессора нуждались въ нихъ), на содержаніе обсерваторіи, необходимой для профессора астрономіи Литтрова, на клинический институтъ и университетскую больницу, о которыхъ усиленно хлопоталъ дѣятельный клиницистъ Эрдманъ и проч. Эти разсужденія въ совѣтѣ уже свидѣтельствуютъ о зарожденіи въ немъ самоуправленія, яснѣе сознающаго то, что необходимо для университета и науки — Увеличеніе различныхъ функцій въ университетѣ вело къ увеличенію письмоводства, къ расширенію и канцелярской дѣятельности. До августа 1811 года совѣтъ имѣлъ только одного письмоводителя. Теперь совѣтъ сознавалъ, что число дѣлъ значительно увеличилось, да и впредь должно увеличиться еще болѣе; открываются постоянные комитеты и временныя коммиссіи, а потому совѣтъ представилъ попечителю о необходимости имѣть трехъ письмоводителей вмѣсто одного и просилъ объ отпускѣ потребной на то суммы. Попечитель однако на это представленіе отвѣтилъ необходимостью ждать, пока не будетъ отпускаема на предметъ этотъ положенная сумма. Отвѣта министра на его общее представленіе объ отпускѣ суммъ на университетъ (см. выше стр 325) еще не послѣдовало, а потому нужно соблюдать экономію. До отпуска суммъ онъ рекомендовалъ, сознавая однако необходимость увеличенія дѣлопроизводства, „смотря по надобности, употреблять поочередно студентовъ и кандидатовъ, не отвлекая однакоже отъ настоящей ихъ должности“. Такое распоряженіе не казалось тогда страннымъ: по представленію совѣта, сдѣланному около того же времени, попечитель разрѣшалъ письмоводителя совѣтскаго Климова помѣстить на казенное содержаніе въ числѣ готовящихся въ студенты къ слушанію профессорскихъ и адъюнктскихъ преподаваній въ университетѣ.

Увеличеніе письмоводства и канцелярской работы по совѣту, расширеніе объема его протоколовъ и жалобы профессоровъ на продолжительность засѣданій находятся въ необходимой связи съ постепеннымъ открытіемъ разныхъ органовъ университета. Въ особенности много работы доставлялъ совѣту училищный комитетъ, гдѣ сосредоточивались самыя разнообразныя дѣла обширнаго учебнаго округа. Этотъ комитетъ велъ обширную переписку и вся финансовая сторона дѣла лежала на немъ (онъ завѣдывалъ и расходами суммъ, и отчетностью); онъ входилъ въ сношенія съ мѣстными властями и съ обществами городскими въ ихъ различныхъ отношеніяхъ къ училищамъ; онъ опредѣлялъ и увольнялъ учителей, разбиралъ разныя дрязги, производилъ слѣдствія на мѣстѣ, посылая своихъ членовъ въ званіи визитаторовъ Архивныя дѣла училищнаго комитета хранятъ для будущаго историка нашего народнаго просвѣщенія драгоцѣнные, до сихъ поръ нетронутые матеріалы. Нѣтъ сомнѣнія, что такая же масса драгоцѣннаго матеріала должна заключаться и въ дѣлахъ болѣе поздняго времени, когда завѣдываніе училищами и гимназіями губерній, составляющихъ округъ, перешло, вслѣдствіе новаго университетскаго устава, непосредственно къ попечителю. Мы предполагаемъ конечно условіе, если дѣла эти перейдутъ въ первобытной свѣжести и въ полной сохранности къ потомству, какъ сохранилъ ихъ университетъ, когда управлялъ училищами. Изучая старыя дѣла университетскаго училищнаго комитета, мы пришли однако къ грустному заключенію, основанному на тяжеломъ впечатлѣніи, необходимо выносимомъ изъ этого своеобразнаго чтенія. Казалось, какъ отрадно было бы знакомиться съ этою только что вспаханною нивою, еще свѣжею и сырою, на которой стали едва пробиваться первые, робкіе, нѣжные, блѣдно-зеленые ростки знанія и ученія, освѣщенные теплымъ весеннимъ солнцемъ. Первые годы царствованія императора Александра I, это, по выраженію Пушкина, „дней Александровыхъ прекрасное начало“, его заботы о просвѣщеніи напоминали въ самомъ дѣлѣ вешнее тепло, но не свѣжую ниву, только что вспаханную и засѣянную, встрѣтимъ мы, какъ можно было бы ожидать, а что то дикое и грубое, испорченное и сгнившее, гдѣ росли и зрѣли только сорныя травы и слышался запахъ вовсе неплодотворнаго перегноя. И невольно западаютъ въ душу грустные вопросы: кому и для чего нужно было это зна-

ніе, о которомъ повидимому заботились только свыше? Возможна ли пересадка чужаго растенія, выросшаго въ иныхъ, благопріятныхъ условіяхъ на совершенно неподготовленную почву? и пр.

Изучая старые годы въ жизни Казанскаго университета и дѣятельность его профессоровъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждались весьма часто различныя представленія училищнаго комитета (этотъ комитетъ, хотя и имѣлъ нѣкоторое самостоятельное значеніе, почему-то, за окончательнымъ рѣшеніемъ, обращался постоянно въ совѣтъ, сообщая очень часто и весьма подробно весь ходъ дѣла), мы должны были бы коснуться и этой стороны дѣятельности стараго университета, т. е. управленія училищами. Въ этихъ дѣлахъ такъ много интереснаго и мало знакомаго; они даютъ намъ яркія картины и старыхъ нравовъ, и стараго быта, но подробное изложеніе этой стороны университетской дѣятельности расширило бы и безъ того увеличивающіеся размѣры нашего изслѣдованія. Нѣкоторыхъ дѣлъ этого рода мы уже касались эпизодически. Чтобъ показать, чѣмъ занимался совѣтъ по дѣламъ училищъ, мы возьмемъ, и не по выбору, только одинъ 1819 годъ, и посмотримъ, какого рода были эти дѣла, отнимавшія время у представителей университетской науки. Первое впечатлѣніе, какое выносишь изъ этихъ дѣлъ, то, что герои ихъ, люди, на обязанности которыхъ было сѣять сѣмена знанія и просвѣщенія, стояли гораздо ниже высокой задачи своей.

Въ началѣ января 1819 года училищный комитетъ доноситъ, что директоръ училищъ Иркутской губерніи окончилъ слѣдствіе *о продажѣ учителемъ Нерчинскаго уѣзднаго училища Чернышевымъ спирта по селеніямъ* и о требованіи имъ подводъ безъ прогоновъ. Въ іюлѣ уже поступило другое донесеніе директора о немъ, что „оный Чернышевъ, по худому своему поведенію, *безнадеженъ къ продолженію ученой службы* (еще бы!) и проситъ удалить его отъ должности учителя".—Тогда же заслушано было донесеніе, гдѣ училищный комитетъ ходатайствовалъ о выдачѣ учителю 2-го класса и рисованія уфимскаго уѣзднаго училища Круглополову, хотя бы въ половинномъ числѣ, жалованья, квартирныхъ и свѣчныхъ денегъ за три мѣсяца, въ которые онъ былъ уволенъ отъ должности директоромъ оренбургскихъ училищъ, а другую половину почислить въ уплату *потраченныхъ имъ казенныхъ денегъ*, а затѣмъ о дозволе-

ніи со стороны совѣта „почетному попечителю Либену взять изъ полиціи принадлежащіе учителю Круглополову два фрака, брюки и три сюртука, конечно ничего незначущіе, но по полученіи сего будетъ ему удобнѣе заплатить остальныя причитающіяся съ него деньги“.—Изъ третьяго январьскаго же донесенія комитета мы узнаемъ, что учитель ишимскаго уѣзднаго училища Булатниковъ *обращается въ пьянствѣ и разныхъ буйственныхъ поступкахъ*.—Въ февралѣ совѣтъ увольняетъ учителя 2 класса свіяжскаго уѣзднаго училища Звегинцева отъ исправленія должности рисовальнаго учителя *по чрезвычайному трясенію рукъ*, отъ чего онъ обучать рисованію не въ состояніи.—Въ апрѣлѣ слушается донесеніе директора астраханскихъ училищъ *о развратномъ поведеніи учителя французскаго языка астраханской гимназіи Дюро* и что до увольненія его должность учителя французскаго языка поручена другому, *а онъ Дюро, дабы не дѣлалъ болѣе соблазна, отданъ подъ арестъ въ полицію* Этотъ Дюро, обучавшійся сначала въ московскомъ, а потомъ с.-петербургскомъ коммерческихъ училищахъ „языкамъ и наукамъ, относящимся къ торговлѣ“, началъ службу въ пермскомъ губернскомъ правленіи, откуда перешелъ учителемъ нѣмецкаго языка, а потомъ французскаго, въ пермскую гимназію Въ Перми у него произошла скандальная исторія съ директоромъ, котораго онъ обвинялъ во взяткахъ, и за это перевели его въ Астрахань („изъ многихъ, какъ прежде въ бытность учителя Дюро въ Пермской гимназіи“, опредѣлялъ совѣтъ университета, „такъ и нынѣ производившихся въ училищномъ комитетѣ дѣлъ, явствуетъ неспособность онаго Дюро къ дальнѣйшему прохожденію учительскаго званія“). Въ Астрахани Дюро, какъ видно, нисколько не сдерживалъ себя; правящій должность директора астраханскихъ училищъ доносилъ въ августѣ 1818 года училищному комитету слѣдующее:

«Учитель французскаго языка Дюро, бывъ 15 августа у Астраханскаго архіепископа и кавалера Гая на публичномъ обѣдѣ, ежегодно даваемомъ Его высокопреосвященствомъ въ день храмоваго Астраханскаго собора праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, до того напился пьянъ, что забылъ всю благопристойность, надѣлалъ множество непріятностей, какъ высокопочтенному хозяину дома, такъ и посѣтителямъ, чѣмъ заставилъ астраханскаго полицмейстера вывести себя изъ сего публичнаго собранія Въ то самое время какъ онъ былъ выводимъ, изцарапалъ квартальному офицеру лицо и изорвалъ на немъ бѣлье, за что былъ отведенъ въ градскую полицію Почему училищный комитетъ истребо-

валъ предписаніемъ отъ 21 сентября № 711 отъ учителя Дюро объясненіе, въ которомъ онъ отъ 9 октября самъ сознался, что онъ можетъ быть выпилъ лишнюю рюмку за столомъ, отчего будто бы жаръ и безъ того бывшій у него отъ лихорадки, такъ умножился, что онъ самъ себя не помнилъ, при чемъ удостовѣрялъ онъ училищный комитетъ, что подобнаго никогда впредь съ нимъ Дюро не случится. Да и директоръ Храповицкій, чрезъ котораго оное объясненіе въ комитетъ прислано было при рапортѣ его, Храповицкаго, отъ 9 октября за № 514 засвидѣтельствовалъ комитету что послѣ сего произшествія учитель Дюро по 9 октября (т. е. меньше двухъ мѣсяцевъ), велъ себя очень хорошо и если будетъ вести себя таковымъ похвальнымъ образомъ, то онъ можетъ быть оставленъ при Астраханской гимназіи. По таковому удостовѣренію учителя Дюро и засвидѣтельствованію директора, училищный комитетъ поручилъ г. директору имѣть надъ нимъ, Дюро, особенный надзоръ и подтвердилъ учителю Дюро, чтобы онъ остерегался отъ подобныхъ поступковъ, въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ нимъ по законамъ. Но какъ директоръ отъ 20 марта сего 1819 года, № 96, донесъ совѣту университета, что всѣ убѣжденія и обѣщанія какъ его директора, такъ и г. визитатора Манассеина остались тщетными, ибо учитель Дюро 19 марта по полудни въ 5 часовъ, *опять напившись пьянъ, ходилъ по улицамъ въ столь развратномъ видѣ, что самая благопристойность не позволила ему, директору, того объяснить*, почему онъ, директоръ, и просилъ совѣтъ за дурное поведеніе отставить учителя Дюро, какъ неблагонадежнаго чиновника, отъ службы, а между тѣмъ, *дабы не сослать въ городъ соблазна, отдалъ его, Дюро подъ арестъ полиціи*». Совѣтъ уволилъ его по неснособности.

Въ маѣ 1819 года училищный комитетъ доноситъ совѣту университета, что „тобольская гимназія *дѣла привести въ порядокъ въ самоскорѣйшемъ времени не можетъ по тои причинѣ, что они въ совершенномъ безпорядкѣ* и посему проситъ снисхожденія, если замедлитъ скорымъ оныхъ окончаніемъ“.—Нельзя сказать, чтобы чувствовался повальный недостатокъ въ людяхъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ (вмѣсто Дюро немедленно же былъ утвержденъ иностранецъ города Сарбика, вѣроятно Saar-Brücken, Вильгельмъ Беръ), но оказывались ищущіе учительскихъ мѣстъ, конечно за жалованье, никому не нужные туземцы. Такъ пензенскій гражданскій губернаторъ, въ маѣ того же года, относился въ правленіе университета о желаніи открыть при пензенской губернской гимназіи *новаго класса россійскаго практическаго законовѣдѣнія и начальныхъ основаній римскаго права* (?) съ опредѣленіемъ для сего учителемъ дворянина прапорщика Соколова и о награжденіи его при вступленіи чиномъ 9 класса. По предположенію губернатора этотъ классъ долженъ былъ замѣнить тѣ публичныя преподаванія, которыя уже давно существовали при Казанскомъ университетѣ для чиновниковъ обязанныхъ службою. Совѣтъ уни-

верситета не могъ согласиться съ предложеніемъ губернатора по совершенно основательнымъ причинамъ: 1) потому, что такіе курсы разныхъ наукъ, согласно Высочайшему повелѣнію могутъ существовать только при университетахъ; 2) потому, что по пункту 6 утвердительной грамоты университета одни только кандидаты, магистры и доктора „могутъ быть опредѣляемы по части ученія безъ экзамена", Соколовъ же не имѣетъ никакой ученой степени и представилъ только аттестатъ на званіе студента Московскаго университета, что совершенно недостаточно для званія учителя гимназіи; 3) потому, что у совѣта нѣтъ уважительныхъ причинъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о награжденіи прапорщика Соколова чиномъ 9 класса; 4) потому, что пензенское дворянство о жалованьи учителя юридическихъ наукъ не сдѣлало никакого опредѣлительнаго постановленія, Соколовъ же принимаетъ на себя преподаваніе безъ жалованья только на три года. Совѣтъ предложилъ Соколову явиться на экзаменъ въ университетъ для полученія права на преподаваніе юридическихъ наукъ въ качествѣ старшаго учителя гимназіи, но Соколовъ разумѣется не явился.

Въ іюнѣ училищный комитетъ входилъ съ представленіемъ въ совѣтъ „о неисправности по должности штатнаго смотрителя и учителя 1-го класса ставропольскаго (симбирской губ.) уѣзднаго училища Твердышева, который *весьма худо обходится съ учениками, не исполняетъ предписаній директора, тратитъ училищную сумму безъ дозволенія начальства и весьма худо ведетъ приходо-расходныя книги.* Совѣтъ уволилъ Твердышева и предписалъ всѣмъ директорамъ посѣщать ввѣренныя имъ училища два или три раза въ годъ, „если на сей предметъ особая назначена будетъ сумма". Оказалось однако, что Твердышевъ не былъ уволенъ до октября мѣсяца. Въ сентябрѣ директоръ симбирскихъ училищъ доносилъ совѣту, что онъ „для обузданія" учителя Михаила Твердышева потребовалъ его въ Симбирскъ, чтобы отдать подъ присмотръ отца, симбирскаго купца, и ходатайствовалъ о сохраненіи ему половиннаго оклада жалованья на содержаніе его, до совершеннаго выздоровленія. Въ доказательство ненормальности Твердышева директоръ представилъ его рапортъ, въ которомъ онъ проситъ снабдить его деньгами для поѣздки въ Петербургъ „для донесе-

нія лично Его Императорскому Величеству о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ". Совѣтъ предписалъ освидѣтельствовать здоровье Твердышева чрезъ врачебную управу, а директоръ черезъ мѣсяцъ представлялъ объ удаленіи Твердышева, безъ всякаго освидѣтельствованія, *„а по причинѣ его неполнаго ума"*. Совѣтъ уже строго предписалъ директору, чтобъ онъ доставилъ свидѣтельство врачебной управы Въ ноябрѣ оно было и доложено совѣту и изъ него, къ общему удивленію, оказалось, что Твердышевъ здоровъ и совѣтъ предписывалъ теперь директору, „чтобы онъ относительно Твердышева *сдѣлалъ надлежащія распоряженія* (?) и что имъ учинено будетъ, донесъ совѣту". Въ декабрѣ тотъ же директоръ представляетъ новое лѣкарское, вѣроятно однако не отъ врачебной управы. свидѣтельство о томъ. что Твердышевъ оказался *помѣшаннымъ въ умѣ*, и что потому занятіе его должности онъ поручилъ другому и, какъ кажется, брату, Александру Твердышеву. Думаемъ, что эти противорѣчія въ донесеніяхъ директора и въ медицинскихъ свидѣтельствахъ можно съ вѣроятностью объяснить тѣмъ, что помѣшательство Твердышева было временное: онъ страдалъ отъ delirium tremens. Очень можетъ быть, что къ тому же роду болѣзни принадлежали и страданія учителя 1 класса тюменскаго уѣзднаго училища Тихонова, о которомъ училищный комитетъ доносилъ совѣту въ іюлѣ мѣсяцѣ, что онъ съ 30 января отказывается отъ исправленія своей должности „по причинѣ чувствуемой имъ въ груди и головѣ боли". Совѣтъ еще 26 мая предписалъ директору тобольскихъ училищъ доставить свѣдѣнія: скоро ли Тихоновъ получитъ облегченіе и вступитъ въ исправленіе своей должности, а за то что директоръ удѣлялъ больному самовольно половинный окладъ жалованья, сдѣлалъ ему строгій выговоръ. На это полученъ былъ отвѣтъ съ рапортомъ штатнаго смотрителя тюменскаго училища, что учитель Тихоновъ физически совершенно здоровъ, что назначенное ему въ выдачу *жалованье* за февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы, *онъ не принимаетъ, какъ не заслуженное имъ*, хотя и не имѣетъ другихъ средствъ къ содержанію, *а полученное имъ предписаніе почему не ходитъ къ должности и скоро ли вступитъ въ отправленіе ея, онъ изорвалъ* и выбросилъ въ окно. Изъ лѣкарскаго свидѣтельства видно, что Тихоновъ *страдаетъ*

ипохондріей и совѣтъ постановилъ „уволить его впредь до выздоровленія“.

Въ Астрахани не только учитель французскаго языка Дюро вытрезвляется въ полиціи, но тому же режиму подчиняются и другіе учителя. Въ августѣ того же наудачу взятаго нами 1819 года, директоръ астраханскихъ училищъ Храповицкій рапортуетъ „*о предосудительныхъ поступкахъ* учителя латинскаго языка въ гимназіи Востокова, *о причиненіи имъ въ нетрезвомъ видѣ обидъ* учителямъ Гортеру и Волочкову и что *оный Востоковъ имъ, директоромъ отправленъ подъ арестъ въ градскую полицію*“, а преподаваніе латинскаго языка поручено имъ учителю Шутихину. Этотъ Востоковъ и его отношенія къ директору Храповицкому занимали довольно продолжительное время вниманіе членовъ совѣта. Еще въ іюлѣ этого года попечитель далъ знать училищному комитету, что астраханскій директоръ коллежскій ассесоръ Храповицкій изъявилъ желаніе перейти на службу по вѣдомству министерства финансовъ, а потому поручалъ уволить Храповицкаго, возложивъ временно отправленіе его должности на одного изъ старшихъ учителей. Вслѣдствіе этого совѣтъ предписалъ учителямъ астраханской гимназіи Попову и Востокову (посаженному въ полицію) принять отъ Храповицкаго всѣ дѣла и имущество училищныя по описямъ и пр. Теперь, получивъ рапортъ Храповицкаго о „предосудительныхъ поступкахъ Востокова“, совѣтъ устранилъ его отъ пріема казеннаго имущества и замѣнилъ его учителемъ Игнатьевымъ, но предоставилъ однако Востокову право находиться при сдачѣ и пріемѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ замѣчалъ Храповицкому, что ему не слѣдовало самовольно удалять Востокова отъ должности безъ разрѣшенія начальства и требовалъ немедленнаго допущенія его къ исправленію должности учителя. Что касается рѣзкой мѣры, принятой директоромъ, совѣтъ замѣчалъ ему, что „слѣдовало бы принять другія мѣры въ отвращеніе безпорядка, *дабы гимназія въ общемъ мнѣніи какъ нынѣ не терпѣла*“. На жалобу учителей Волочкова и Гуртера объ обидѣ ихъ въ нетрезвомъ видѣ Востоковымъ отъ послѣдняго потребовали объясненія, а между тѣмъ отъ него поступило въ училищный комитетъ донесеніе *о неэкономномъ якобы употребленіи дровъ въ гимназіи и о прочемъ*. Словомъ завязывалось дѣло и грозило принять широкіе раз-

мѣры. Совѣтъ университета, препровождая всѣ имѣющіеся у него документы къ визитатору Манассеину, поручалъ ему „изслѣдовать дѣло *строжайшимъ образомъ* и, если нужно, пригласить, снесшись съ кѣмъ слѣдуетъ, по гражданской части чиновника для совокупнаго слѣдствія по соприкосновеннымъ къ сему дѣлу обстоятельствамъ". Отъ самого Востокова въ сентябрѣ былъ тоже полученъ рапортъ. Въ немъ онъ сообщаетъ, что подъ разными предлогами не былъ допущенъ къ принятію должности отъ директора астраханскихъ училищъ Храповицкаго и присоединяетъ, что „*г Храповицкій замѣшанъ въ злоупотребленіи о препровожденіи мѣдныхъ денегъ за границу* (1) и потому желалъ въ скоромъ

(1) Контрабанда мѣдною монетою, тайно сплавляемою въ Персію, была самымъ обычнымъ и всѣмъ извѣстнымъ явленіемъ въ Поволжьи. Мѣдныя монеты царствованія Екатерины II, Павла и первыхъ лѣтъ императора Александра I, особенно барнаульскія мѣдныя деньги, съ соболями (достоинствомъ отъ 10 коп до полушки), составляютъ какъ извѣстно, большую рѣдкость въ русской нумизматикѣ Все это ушло за нашу восточную границу и главными факторами въ этой торговлѣ были, какъ кажется, казанскіе татары—кущы. Контрабанда была выгодна, потому что въ кострюляхъ напр. мѣдь была въ трое или въ четверо дороже, чѣмъ въ монетѣ Особенно дорого цѣнилась мѣдная монета, чеканившаяся въ Барнаулѣ изъ мѣстной руды. Тогда не умѣли порядочно отдѣлять серебро отъ мѣди, и въ монетѣ заключалась нѣкоторая примѣсь благороднаго металла Въ Казанскомъ университетѣ, во время существованія въ немъ отдѣленія восточныхъ языковъ, былъ лекторъ персидскаго языка хаджи Миръ-муминовъ, родомъ изъ Персіи, человѣкъ уже значительно зрѣлыхъ лѣтъ. Мы помнимъ его въ началѣ сороковыхъ годовъ какъ онъ желалъ познакомиться съ русскимъ языкомъ по «Краткой грамматикѣ Греча» и вытверживалъ наизусть ея правила и особенно ея исключенія, вѣроятно потому что существительныя тамъ рифмовались. Изъ года въ годъ, съ началомъ вакаціоннаго времени онъ уѣзжалъ на родину и увозилъ съ собою водянымъ волжскимъ путемъ ящики, наполненные собранною имъ въ теченіе года мѣдною монетою Это всегда удавалось ему, но разъ случилась неудача У старика въ Персіи были семья, взрослые дѣти, но, какъ восточный человѣкъ, онъ былъ значительно любострастенъ и потому заводилъ въ Казани на учебный годъ временную молодую жену изъ татарокъ, которую, какъ приходила вакація, отпускалъ на основаніяхъ шаріата (*давалъ талакъ*), выдавая ей небольшое вознагражденіе. Одна изъ этихъ женъ, Сахибъ, болѣе ловкая чѣмъ другія, и имѣвшая уже ребенка, такъ какъ хаджи держалъ ее года два, замѣтила незаконную торговлю мужа и узнавъ отъ него, что онъ разведется съ нею, рѣшилась употребить въ свою пользу накопленный мѣдный капиталъ Нѣсколько пудовъ монеты было запаковано въ два солидные ящика. Жена, пользуясь прощальными визитами мужа, какъ кажется съ помощью родныхъ, весьма ловко очистила ящики замѣнивъ деньги кирпичами Лично мы видѣли выраженіе бѣшенства Миръ-муминова, воротившагося къ ученымъ занятіямъ по окончаніи вакаціи въ Казань, его горящіе глаза, слышали его энергическія жалобы

времени выѣхать изъ Астрахани". Вслѣдствіе этого сообщенія совѣтъ, до окончанія дѣла о деньгахъ, и не выдавалъ аттестата.

Приводимъ для характеристики Востокова, представляющагося намъ чѣмъ-то въ родѣ Донъ-Кихота, слова, сказанныя ему инспекторомъ врачебной управы, посѣтившимъ его во время болѣзни: „Зачѣмъ ты ссоришься съ начальникомъ? Лежалъ бы, да жалованье бралъ. Хочешь ты исправить *паршивую* гимназію". (Дѣло училищнаго комитета, 1819 года, № 156).

Намъ совершенно неизвѣстно, насколько Храповицкій былъ подготовленъ къ педагогической дѣятельности и каковъ былъ его образовательный цензъ, но знаемъ, что это былъ человѣкъ любознательный; отъ него сохранилась рукопись „Описаніе Астрахани", которую онъ доставилъ въ Казань въ качествѣ члена общества любителей русской словесности. Профессоръ Эрдманъ, какъ визитаторъ ревизовавшій астраханскую гимназію въ 1815 году (см о немъ выше, стр. 179—180), въ собраніи училищнаго комитета заявилъ, что при испытаніи учениковъ этой гимназіи онъ усмотрѣлъ весьма слабые успѣхи. Эта гимназія, представляя излюбленный по количеству казенныхъ прогоновъ пунктъ для будущихъ визитаторовъ и ревизоровъ округа, и много лѣтъ спустя не выдвигалась предъ другими. Было потребовано отъ директора объясненіе и указаніе способовъ къ улучшенію. Храповицкій представилъ „Разсужденіе о причинахъ останавливающихъ народное просвѣщеніе и о способахъ какимъ образомъ вкравшееся зло должно искоренить", за которое получилъ отъ министра благодарность. Хотя это разсужденіе и заключаетъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей и фактовъ, но способы, рекомендуемые Храповицкимъ къ искорененію зла, чисто внѣшняго характера Кромѣ того изъ жалобы издателя „Восточныхъ извѣстій" Вейскгопфена Салтыкову, мы знаемъ Храповицкаго, которому была первоначально поручена цензура этого астраханскаго листка, за самаго придирчиваго цензора. Въ 1812 году, еще штабсъ-капитанъ, хотя и утвержденный директо-

---

не столько впрочемъ на вѣроломство разведенной жены, сколько на то, что ему пришлось платить за провозъ въ Персію за пуды казанскаго кирпича

ромъ, Храповицкій прислалъ попечителю Румовскому слѣдующій проектъ учено-торговаго путешествія по сосѣдней Персіи:

«Со дня опредѣленія меня въ астраханскую гимназію директоромъ, всѣми мѣрами старался я собрать достовѣрныя свѣдѣнія касательно нынѣшняго политическаго состоянія Персіи. съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы могли оныя послужить въ пользу настоящихъ торговыхъ связей, невыгодныхъ до сего времени для россійскаго собственно купечества. но все собранное мною не удовлетворяетъ еще моему желанію, которое состояло въ томъ, дабы я могъ представить начальству точное описаніе Персіи, какъ то: ея торговлю, промышленность и проч. Для выполненія сего, рѣшился я нынѣшнею весною отправить туда на собственномъ моемъ иждивеніи двухъ изъ иностранцевъ путешественниковъ, о чемъ 14 февраля донесъ в п, ибо Россіяне. по незнанію персидскаго языка и военныхъ обстоятельствъ не могутъ проникнуть во внутрь Персіи Изъ отправляющихся туда аптекарь Блюмъ, имѣя очень хорошія свѣдѣнія въ химіи и натуральной исторіи, а особливо въ ботаникѣ, занимался бы разысканіемъ тамошнихъ и привозимыхъ туда произведеній, особливо врачебныхъ, и на основаніи прилагаемаго при семъ въ копіи контракта 4-го пункта, долженъ былъ бы выполнять и другія препорученія, какія могло бы начальство чрезъ меня ему поручить Другой, зная хотя немного тамошній языкъ, былъ бы переводчикомъ и помощникомъ первому въ осмотрѣ персидскихъ фабрикъ и въ знаніи торговыхъ связей, а приведеніемъ всего того въ извѣстность можетъ быть облегчилось бы попеченіе правительства уравнять торговый балансъ между россійскою и персидскою торговлею, и могли быть сдѣланы полезныя открытія по части наукъ; но *по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ* здѣшніе іезуиты и многіе иностранцы, въ томъ числѣ и аптекарь Блюмъ, подверглись какому-то подозрѣнію, ибо нѣкоторыхъ взяли подъ стражу, а у другихъ опечатаны бумаги Я просилъ правившаго въ то время астраханскою губерніею г вице-губернатора, дабы онъ увѣдомилъ меня: находитъ ли онъ аптекаря Блюма виновнымъ или нѣтъ, однако отвѣта не получилъ, почему и принужденъ былъ объ ономъ же просить новаго астраханскаго губернатора, который съ своей стороны обнадежилъ меня, что не замедлитъ меня объ ономъ увѣдомить. Всѣ, которые аптекаря Блюма знаютъ, отзываются о немъ очень хорошо; къ тому же у іезунтовъ и у нѣкоторыхъ другихъ бумаги распечатаны и они отъ подозрѣнія освобождены. слѣдовательно я полагаю, что и аптекарь Блюмъ скоро будетъ освобожденъ, то если в. п угодно будетъ ему препоручить сдѣлать какія наблюденія во время путешествія по Персіи, то покорнѣйше прошу объ оныхъ меня увѣдомить, ибо на основаніи вышеупомянутаго контракта онъ обязанъ ихъ выполнить».

Дѣлалъ ли какія либо порученія Румовскій астраханскому аптекарю Блюму, отправилъ ли Храповицкій путешественниковъ въ Персію, мы не знаемъ. Весьма вѣроятно, что широкіе планы о торговыхъ сношеніяхъ съ Персіею, о которыхъ Храповицкій такъ фразисто писалъ Румовскому, кончились только „препровожденіемъ мѣдныхъ денегъ за границу“, какъ сообщалъ Востоковъ, тѣмъ болѣе что это было выгодно. Учитель же Востоковъ, какъ донесъ совѣту въ сентябрѣ правящій должность директора учитель Поповъ, „освободясь изъ подъ

надзора полиціи, пришелъ въ гимназію, и отломалъ у дверей квартиры учителя Гуртера замокъ, съ намѣреніемъ выгнать его изъ оной“ (вѣроятно Гуртеръ, во время полицейскаго ареста Востокова, занялъ принадлежащую ему квартиру). Черезъ нѣсколько времени тотъ же Поповъ, препровождаетъ въ совѣтъ свидѣтельство астраханской врачебной управы, что „Востоковъ одержимъ припадками (?) наружными любострастной болѣзни“, и что онъ отказался отъ исправленія своей должности будто бы по причинѣ разстроеннаго здоровья Жалобы Востокова и доносы правящаго должность директора учителя Попова продолжались болѣе года; совѣтъ все это выслушивалъ, часто и опредѣлялъ, противорѣча самому себѣ въ этихъ опредѣленіяхъ, и препровождалъ всѣ бумаги къ визитатору Манассеину. Только въ октябрѣ пришло отъ послѣдняго донесеніе, что онъ приступилъ къ подробному слѣдствію о неурядицахъ въ астраханской гимназіи и „относительно подозрѣнія, павшаго на гимназію въ разсужденіи провоза мѣдныхъ денегъ“, и заручившись содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, далъ разнымъ лицамъ вопросные пункты и потребовалъ объясненій отъ нихъ. Слѣдствіе о мѣдной монетѣ Манассеинъ вскорѣ прекратилъ, такъ какъ въ Астрахани учреждена была по Высочайшему повелѣнію особая слѣдственная коммисія на счетъ вывоза мѣдныхъ денегъ за границу. Впослѣдствіи оказалось, что не только Храповицкій, но и учитель Игнатьевъ были замѣшаны въ мѣдной контрабандѣ. Не смотря на эти дѣйствія Манассеина, Востоковъ продолжалъ присылать свои донесенія и жалобы на самого слѣдователя. Такъ „по случаю представленій его г визитатору Манассеину о сохраненіи законнаго порядка при повѣркѣ пріема должности отъ директора Храповицкаго, г. визитаторъ не хотѣлъ принять оныхъ, *называлъ его безпокойнымъ человѣкомъ и упрожалъ, что приметъ противъ него, Востокова, мѣры*“. Почему Востоковъ проситъ у совѣта законной себѣ защиты, и притомъ представляетъ: не благоугодно ли будетъ принудить директора Храповицкаго *переправить классы и директорскія комнаты на его счетъ*, такъ какъ имъ, безъ разрѣшенія начальства, для своихъ собственныхъ удобствъ переправленныя, а *за домъ для уѣзднаго училища, купленный имъ съ невыгодою для казны, „взыскать употребленную на то сумму*“. Очевидно Храповицкій принималъ съ своей стороны разныя мѣры, чтобы директорская должность и все казенное

имущество приняты были отъ него не Востоковымъ, какъ распорядился первоначально совѣтъ, а кѣмъ-либо другимъ, болѣе къ нему благожелательнымъ. Новое донесеніе Востокова, что сдача должности и имущества была произведена въ два дни и притомъ въ учебные часы, вызвало со стороны совѣта университета замѣчаніе, что онъ считаетъ пріемъ этотъ, сдѣланный учителями Поповымъ и Линдегреномъ, „слишкомъ скороспѣшнымъ и въ сіе время (т. е. въ два дни) невмѣстительнымъ“. Съ слѣдующею почтою отъ Востокова получается новый рапортъ, что *слѣдствіе по его жалобамъ производится пристрастно*, и въ подтвержденіе того прописываетъ въ своемъ рапортѣ 9 пунктовъ. Дѣло астраханской гимназіи, директора Храповицкаго и учителя Востокова переходитъ и въ слѣдующій 1820 годъ, но мы, рѣшившись ограничиться только однимъ годомъ, не пойдемъ за нимъ дальше. Кажется, Храповицкій перешелъ въ вѣдомство министерства финансовъ, къ чему очевидно приготовлялся въ Астрахани торговлею съ Персіею мѣдною россійскою монетою.

Въ сентябрѣ 1819 года училищный комитетъ доноситъ совѣту, препровождая и подлинный рапортъ директора училищъ пензенской губерніи, что въ этомъ рапортѣ *заключаются угрозы противъ начальства и грубость*. Въ октябрѣ директоръ пермскихъ училищъ, представляя къ утвержденію въ должности почетнаго смотрителя чердынскаго училища надворнаго совѣтника Прокофьева, *представляетъ ложный формулярный о службѣ его списокъ*. По смыслу указа въ должность почетнаго смотрителя должны избираться люди безпорочной службы и доброй нравственности, а представляемый Прокофьевъ неоднократно былъ подъ судомъ, формуляръ же о томъ умалчиваетъ.—Въ октябрѣ же училищный комитетъ доноситъ совѣту объ увольненіи учителя чебоксарскаго приходскаго училища Нагаткина отъ должности, по причинѣ его *болѣзни ипохондріи* и о томъ, что учитель рисовальнаго искусства кавказской губерніи ставропольскаго уѣзднаго училища Покотиловъ *состоитъ подъ судомъ за лихоимство*. Совѣтъ требуетъ объясненія: „когда и по какому случаю Покотиловъ за лихоимство преданъ суду, гдѣ производится сіе дѣло и въ какомъ оно нынѣ положеніи“.—Учитель рисовальнаго искусства въ той же многострадальной астраханской гимназіи Протопоповъ жалуется, что директоръ Храповицкій не принялъ поданнаго имъ на его имя донесе-

нія *о незаконномъ поступкѣ учителя Волочкова* въ рисовальномъ классѣ съ ученикомъ Никитскимъ, *съ причиненіемъ ему удара въ лицо, послѣ чего Волочковъ вытащилъ его вонъ изъ класса.*—Въ ноябрѣ училищный комитетъ доноситъ, что учитель 1 класса бузулукскаго уѣзднаго училища Яковъ Ильинъ съ начала августа *совсѣмъ не ходилъ за пьянствомъ.*—Въ томъ же ноябрѣ почетный смотритель лапшевскаго уѣзднаго училища Груберъ рапортуетъ совѣту объ удаленіи изъ лапшевскаго приходскаго училища учителя Глейнига—*за нерадѣніе къ должности, за худое поведеніе, нетрезвость и буйство.* — Училищный комитетъ отправляетъ депутата при слѣдствіи въ Оренбургъ по случаю *обиды, нанесенной женѣ* учителя татарскаго языка оренбургскаго главнаго народнаго училища Чанышева оренбургскимъ плацъ-адъютантомъ.—Въ началѣ декабря спасское, казанской губерніи, уѣздное училище рапортуетъ, что классы въ немъ принуждены закрыться, такъ какъ въ немъ открылось, по распоряженію властей, рекрутское присутствіе

Таковъ скорбный листъ, свидѣтельствующій о крайне неутѣшительномъ состояніи и первоначальнаго и средняго образованія въ обширномъ казанскомъ учебномъ округѣ 70 лѣтъ тому назадъ. „Есть отчего въ отчаянье придти!“ невольно припоминается болѣзненный крикъ поэта, когда читаешь такой печальный мартирологъ просвѣщенія.

Мы взяли факты только за одинъ годъ, случайно нами выбранный, годъ въ особенности замѣчательный потому, что это было время полнаго развитія началъ просвѣщенія, введенныхъ въ жизнь нашей школы министерствомъ князя А. Н. Голицына, началъ нравственно-религіознаго воспитанія, отъ которыхъ надѣялись получить такіе благіе результаты. Вездѣ было усилено преподаваніе закона Божія, ежедневно, предъ началомъ классовъ, читался Новый Завѣтъ, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что великія, глубоко-нравственныя истины, полныя неизсякаемой любви къ человѣчеству, заключенныя въ Евангеліи, плохо прививались къ жизни. Въ ней повидимому царилъ мракъ до-Петровскаго времени. Напрасно стали бы мы искать въ документахъ того времени фактовъ болѣе отраднаго свойства, свидѣтельствъ о томъ успѣхѣ, который дѣлаетъ образованіе страны, о вліяніи просвѣтительныхъ началъ на дикую и грубую жизнь. Фактовъ этихъ и свидѣтельствъ мы не найдемъ. Передъ нами только

внѣшняя жизнь училищъ: опредѣленіе, увольненіе и переводъ чиновниковъ, или факты въ родѣ приведенныхъ нами, да цифровыя данныя, которымъ едва ли можно вполнѣ вѣрить. По крайней мѣрѣ то, что можно извлечь изъ архивныхъ дѣлъ, сохранилось, такъ какъ это сохранившееся было сосредоточено Сохраняется ли документы настоящаго времени, конечно свидѣтельствующіе о необходимомъ успѣхѣ народнаго просвѣщенія, хотя не въ количествѣ учащихся и училищъ, думаемъ, заключается духовно-нравственный успѣхъ страны, а въ интензивности этого просвѣщенія — мы не знаемъ. Удастся ли будущему изслѣдователю сквозь калейдоскопически-пестрыя клѣточки безчисленныхъ рубрикъ quasi-статистическаго характера, изъ которыхъ состоятъ настоящіе отчеты директоровъ и инспекторовъ, извлечь дѣйствительныя данныя духовнаго прогресса страны—сказать тоже не можемъ.

Съ конца 1812 года мы встрѣчаемся уже *съ раздѣленіемъ на отдѣленія* или факультеты, хотя на счетъ этого мы не знаемъ никакого начальственнаго распоряженія. О результатахъ экзаменовъ для полученія степени студента-кандидата Ярцевымъ и Рыбушкинымъ доноситъ совѣту отдѣленіе словесныхъ наукъ. Въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ происходитъ то же

Любопытно, что въ 1812 же году совѣтъ пересталъ именоваться совѣтомъ гимназіи Чрезвычайно удивился Яковкинъ, когда получилъ бумагу съ новою надписью и съ адресомъ—въ совѣтъ университета. „При основаніи Казанскаго университета“, писалъ онъ въ рапортѣ попечителю, „по начальственному предписанію в. п. повелѣно: оному и казанской гимназіи управляемыми быть отъ совѣта казанской гимназіи, каковымъ онъ донынѣ и именовался. Но съ послѣднею минувшаго марта 26 числа полученною почтою, всѣ предписанія надписаны на имя совѣта при Казанскомъ университетѣ. По сей причинѣ осмѣливаюсь испрашивать начальственное в. п. предписаніе,—подъ какимъ именемъ отнынѣ быть совѣту: подъ именемъ ли совѣта казанской гимназіи, или подъ именемъ совѣта при Казанскомъ университетѣ?“ Въ засѣданіи 5 іюня Яковкинъ заявилъ, что попечитель, „въ начальственномъ своемъ на имя его, 23 мая, за № 527, данномъ предписаніи соизволилъ приказать, чтобы управленію университета и гимназіи *по учебной и образовательной части*

именоваться, до совершеннаго образованія университета, *совѣтомъ при Казанскомъ университетѣ*". Это было самоличное распоряженіе Румовскаго: онъ созналъ наконецъ странность того обстоятельства, что совѣтъ гимназіи (хотя и состоитъ онъ изъ профессоровъ) распоряжается дѣлами университетскаго преподаванія. Хозяйственная часть осталась по прежнему въ вѣдѣніи конторы гимназіи.

Волненіе по поводу неудавшихся и неутвержденныхъ выборовъ въ сентябрѣ 1810 года и то раздраженіе, какое, какъ мы видѣли, господствовало въ то время въ совѣтѣ, улеглись не скоро. Съ одной стороны члены совѣта какъ будто съ особеннымъ усердіемъ принялись за изученіе смысла различныхъ параграфовъ устава, стараясь съ помощью ихъ познакомиться болѣе точнымъ образомъ съ организаціей университетскаго устройства, съ другой нѣсколько эпизодовъ совѣтскихъ засѣданій свидѣтельствуютъ о глубокомъ недовольствѣ со стороны всѣхъ членовъ совѣта Яковкинымъ, какъ главнымъ виновникомъ неудачи выборовъ.

Какъ мало члены университетскаго совѣта были знакомы съ практикою университетской жизни и съ уставомъ университета вообще (собственно говоря съ нимъ приходилось и рѣдко справляться, такъ какъ самый совѣтъ оффиціально назывался совѣтомъ казанской гимназіи, а не университета), видно изъ того, что въ одномъ изъ августовскихъ засѣданій совѣта въ 1811 году шли длинныя разсужденія о томъ, „что на предбудущее время необходимо нужно разрѣшить сомнѣніе нѣкоторыхъ: могутъ ли гг. экстраординарные профессоры имѣть такой же голосъ, какъ и ординарные въ университетскомъ совѣтѣ при избраніи?" Сопоставляя другъ съ другомъ разные параграфы устава, въ которыхъ говорится объ экстраординарныхъ профессорахъ, и замѣчая, что ни въ которомъ изъ нихъ не было сдѣлано точнаго опредѣленія названія экстраординарный, и не указано различіе его отъ ординарнаго (за исключеніемъ положительнаго опредѣленія, что ректоръ избирается только изъ ординарныхъ профессоровъ), и ссылаясь на то обстоятельство, что Московскій университетъ, въ противность § 162 устава выбралъ въ члены училищнаго комитета экстраординарнаго профессора (*Москов. Вѣдом.* 1810 г. № 5), нѣкоторые члены со-

вѣта полагали, что не существуетъ никакой разницы между разными наименованіями профессоровъ. Другіе отрицали это, говоря, что экстраординарные могутъ только избирать, но не сами быть избираемы въ должности, кои положено занимать ординарнымъ профессорамъ. Обо всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ опредѣлено было представить на благоусмотрѣніе и рѣшеніе попечителя. Любопытно, что поднятый совѣтомъ вопросъ Румовскій не могъ рѣшить самъ и спрашивалъ разрѣшеніе министра: „должны ли экстраординарные профессоры имѣть участіе въ выборахъ или нѣтъ?“ Вопросъ, впрочемъ довольно ясный и изъ устава, былъ разрѣшенъ министромъ конечно въ положительномъ смыслѣ: „экстраординарные профессоры должны участвовать въ выборахъ, ибо § 32 университетскаго устава исключаетъ изъ сего права только однихъ адъюнктовъ“.

Раздраженіе и неспокойное состояніе духа, вслѣдствіе неудавшихся выборовъ и обманутой надежды получить наконецъ послѣ долгихъ ожиданій самоуправленіе, которое избавило бы членовъ совѣта отъ произвола и начальнической грубости Яковкина, этого полномочнаго министра (plénipotentiaire), какъ называлъ его Броннеръ, выразилось въ разныхъ личныхъ столкновеніяхъ. Какую силу и какое значеніе имѣлъ Яковкинъ, указывавшій изъ Казани Румовскому образъ дѣйствій, и какъ слушался послѣдній полномочнаго директора, можетъ служить доказательствомъ инцидентъ съ проф Германомъ, съ которымъ никогда не ладилъ Яковкинъ. Выше (стр. 80—81) мы говорили объ экзаменахъ чиновниковъ, службою обязанныхъ по закону 1809 года, упомянули и о томъ, что вслѣдствіе многовѣковой, но естественной язвы, какъ ракъ поѣдающей общественный организмъ нашего отечества, въ экзаменаціонномъ комитетѣ мало по малу должно было внѣдриться взяточничество. Яковкинъ первый формулировалъ обвиненіе въ немъ профессора Германа. „Сварливость послѣдняго“, писалъ онъ къ попечителю, „и *слышимое лакомство отъ экзаминуемыхъ* выводятъ изъ терпѣнія, а какъ на мою часть досталось много предметовъ для экзаминованія, то не благоугодно ли будетъ в. п. отдѣлить отъ меня всеобщую исторію, географію и статистику съ частію хронологіи для г. профессора Томаса, да ему же препору-

чить и испытаніе въ иностранныхъ языкахъ“ (экзаменаторомъ въ иностранныхъ языкахъ былъ Германъ). Въ одинъ день съ этимъ письмомъ (14 марта 1811 года), уже оффиціальнымъ рапортомъ, какъ предсѣдатель комитета для испытанія чиновниковъ, Яковкинъ доносилъ, что „по случаю заданныхъ мною, какъ экзаминаторомъ россійскаго языка, двоимъ экзаминуемымъ гг. Груберу и Феодорову переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ, *членъ экзаменнаго комитета иностранныхъ языковъ* г. профессоръ Германъ объявилъ споръ, записанный въ протоколѣ того же дня, что разсмотрѣніе переводовъ съ иностранныхъ на россійскій языкъ принадлежитъ ему, а не мнѣ. *А какъ г. профессоръ Германъ по русски нисколько не знаетъ*, то по званію предсѣдательствующаго въ ономъ комитетѣ о семъ дѣлѣ имѣю честь представить на начальственное в. п. благоусмотрѣніе и разрѣшеніе“. Получивъ письмо и рапортъ Яковкина, попечитель немедленно далъ предложеніе, которымъ утверждалъ, согласно письму директора, профессора Томаса членомъ экзаменаціоннаго комитета по предметамъ Яковкина, а послѣднему поручалъ разсмотрѣніе переводовъ съ иностранныхъ на языкъ россійскій *„по незнанію онаго нисколько г. профессоромъ Германомъ“*.

Надобно полагать, что Яковкинъ и цѣлый совѣтъ, заслушавшій это предложеніе въ засѣданіи 5 мая 1811 года и опредѣлившій исполнить предписаніе попечителя, поняли его въ томъ смыслѣ, что Германъ исключается изъ членовъ экзаменаціоннаго комитета. Конечно и попечитель имѣлъ это въ виду, получивъ свѣдѣнія о „лакомствѣ“ Германа. Въ письмѣ къ попечителю Яковкинъ сообщалъ: „Прошедшее засѣданіе совѣта совершенно обнаружило, какъ чувствованія г. проф. Германа, такъ и усилія его остаться въ экзаменномъ комитетѣ. Вскорѣ послѣ того слышалъ я новыя подтвержденія, *что онъ даже требовалъ, чтобъ экзаминуемые приходили къ нему въ домъ на поклонъ и не съ пустыми руками.* По выслушаніи предписанія в. п, я ему подтвердилъ еще, что онъ уволенъ изъ экзаменнаго комитета по незнанію русскаго языка (eum liberatum esse a coetu examinatorio propter ignorantiam linguae Rossicae). Онъ чрезвычайно разгорячился и сказалъ мнѣ, что я самъ не понимаю ни по нѣмецки, ни по французски и никогда не задавалъ экзаминующимся никакихъ темъ для сочиненій (me non callere nec

teutonice, nec gallice (что конечно было правда) et nunquam dedisse examinandis quaedam themata ad componendum). На первое отвѣчалъ я, что не его дѣло судить о моихъ знаніяхъ, а о послѣднемъ обѣщалъ предложить для удостовѣренія въ комитетѣ экзаменномъ, что и дѣйствительно исполнилъ въ засѣданіи 5 дня, о чемъ отъ имени его имѣю честь съ сею же почтою представить особливымъ рапортомъ: поелику всѣмъ экзаминованнымъ, какъ изъ самыхъ дѣлъ комитета оказалось, надписываемы были предложенія каждому собственною моею рукою, кромѣ одного Княжевича, извѣстнаго уже сочиненіями своими и переводами, какъ сочлена разныхъ обществъ Россійской словесности. Потомъ онъ говорилъ еще, что члены экзаменнаго комитета назначены министромъ, а потому в п. и не можете его отъ онаго уволить. Наконецъ просилъ еще съ предписанія копію, но я отклонилъ сіе тѣмъ, что онъ самъ слышалъ оное и потому нѣтъ подобности давать копію.—Судя по его горячкѣ, можно предполагать, чтобъ онъ не вздумалъ о семъ писать къ г. министру, потому что сказалъ мнѣ съ жаромъ: „Вы обвиняете меня въ незнаніи русскаго языка: увидите, что будетъ“ (tu inculpasti mihi ignorantiam linguae rossicae; at videbis quid erit)“.

Къ министру Германъ не писалъ, но въ очень спокойномъ по тону письмѣ къ попечителю, въ которомъ вовсе незамѣтно *жара*, упоминаемаго Яковкинымъ, онъ разсказываетъ совершенно иначе чѣмъ послѣдній, какъ произошло у нихъ столкновеніе. „В. П. угодно было уволить меня отъ должности члена экзаменнаго комитета, потому что я не знаю русскаго языка. По прочтеніи этого продложенія, мною была сказана пара словъ профессору Яковкину о нашихъ дѣйствіяхъ въ сказанномъ комитетѣ. Между прочимъ проф. Яковкинъ утверждаетъ, что мною были сказаны слова: „Sie haben keine Themata aufgegeben—Вы не задавали темъ экзаминующимся“ (очень возможно, что Яковкинъ не понялъ нѣмецкой фразы и латинскій переводъ его былъ слишкомъ воленъ и выражалъ совершенно иное). „На основаніи этихъ словъ моихъ проф. Яковкинъ затѣваетъ противъ меня цѣлый процессъ. Я не помню, что собственно было мною сказано, но если я и сказалъ что нибудь въ этомъ родѣ, то я ничего иного не могъ сказать, какъ только: „Sie haben kein anderes als Themata aufzugeben—Вы только и дѣлали, что

задавали темы". Иной мысли я и не могъ высказать, потому что проф. Яковкинъ всегда задавалъ эти темы экзаминующимся въ моемъ присутствіи и я своими глазами видѣлъ отвѣты ихъ, хранящіеся въ дѣлахъ комитета". Германъ объясняетъ промахъ Яковкина незнакомствомъ его съ языкомъ иностраннымъ" (1), а за тѣмъ спѣшитъ увѣрить попечителя, что онъ вовсе не врагъ тишины и спокойствія и избѣгаетъ всякой ссоры.

Въ отвѣтъ на это письмо Германа, попечитель тотчасъ же написалъ новое предложеніе совѣту, что объ исключеніи проф. Германа изъ экзаменнаго комитета въ его прежнемъ предложеніи отъ 13 апрѣля вовсе не было рѣчи, а сказано только, что проф Яковкину, сверхъ настоящей его профессіи, препоручается въ оном комитетѣ также и разсмотрѣніе переводовъ съ иностранныхъ языковъ на Россійскій, по незнанію сего языка проф. Германомъ Онъ „не исключается изъ комитета, но долженъ въ оном оставаться для испытанія въ знаніяхъ иностранныхъ языковъ".—Выше, на стр. 360 мы привели латинскую фразу Яковкина, произнесенную безъ сомнѣнія съ нѣкотораго рода злорадствомъ и имѣвшую весьма опредѣленный и точный смыслъ, что Германъ увольняется (или исключается) изъ экзаменаціоннаго комитета. Всѣ члены совѣта такъ и поняли бумагу попечителя. Теперь, когда попечитель придавалъ ей другой смыслъ, писалъ, что объ увольненіи Германа не было и рѣчи, Яковкинъ также заговорилъ другое, особенно, когда члены совѣта потребовали отъ него объясненій. „Послѣднее сего іюня 14 дня засѣданіе совѣта обнаружило новыя противъ меня козни и интриги, какъ изъ особливаго съ сею почтою представляемаго рапорта в. п. усмотрѣть изволите"—писалъ онъ Румовскому. „По выслушаніи предписанія о препорученіи мнѣ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на россійскій, я только и сказалъ о семъ г. Герману, *а участвовать или не участвовать ему въ комитетѣ ничего не говорилъ, не видя ничего о томъ въ предписаніи*, и находя въ указѣ объ экза-

(1) «C'est une méprise de la part du prof. Iakowkin, qui peut très facilement avoir lieu dans une langue étrangère, quand on ne la possède pas en perfection Le même arrive à moi dans la langue russe, que je donne quelques fois un autre sens à une phrase ou par inadvertance ou par une erreur de l'oréille».

менахъ повелѣніе объ однихъ только переводахъ на россійскій языкъ, *а не объ эстетическомъ и мозголовномъ разбираніи какого нибудь автора*, какъ то всегда дѣлалъ съ экзаминуемыми г. Германъ".

Изъ вопроса о томъ, быть ли профессору Герману членомъ экзаменаціоннаго комитета или нѣтъ, вышелъ цѣлый совѣтскій инцидентъ, увеличившій конечно переписку съ попечителемъ. По выслушаніи предписанія попечителя, профессоръ Френъ сдѣлалъ предсѣдателю вопросъ: „объясненіе содержанія каждой бумаги имъ, г. предсѣдателемъ, по латыни, дѣлается ли по обязанности его или изъ доброй воли"? Яковкинъ отвѣтилъ, что дѣлается это вовсе не по обязанности, а *„для большаго вразумленія дѣла гг. членамъ россійскаго языка не разумѣющимъ"*. Попечителю онъ писалъ слѣдующее: „Объясненіе содержанія на латинскомъ языкѣ о каждой прочтенной въ совѣтѣ бумагѣ донынѣ давалъ я единственно *для доказанія по всѣмъ тогдашнимъ дѣламъ моего безпристрастія* (?); но послѣдствія открываютъ, что и самое доброе мое намѣреніе стараются перетолковать въ дурную сторону; а по сему и долженъ держаться только преимущественно своего природнаго россійскаго языка, дабы чрезъ то показать различіе между обязанностію и доброю волею" (19 іюня, 1811 года) Выслушавъ объясненіе Яковкина, проф. Браунъ началъ говорить *„какъ бы отъ лица совѣта"* и требовалъ занести въ протоколъ, „что совѣтъ таковымъ объясненіемъ доволенъ быть не можетъ, понеже отъ того происходятъ часто ошибки", и указалъ на случай съ Германомъ, когда проф Яковкинъ совершенно понятно и ясно сказалъ, что Германъ уволенъ изъ экзаменаціоннаго комитета, что вело въ заблужденіе и прочихъ членовъ совѣта.

Въ протоколѣ этого засѣданія совѣта (секретаремъ совѣта былъ взятъ Яковкина баронъ Врангель) не записано никакихъ дальнѣйшихъ преній по этому дѣлу. Разсуждаемо было только о томъ: сообщить ли мнѣніе Брауна для свѣдѣнія и для дачи съ своей стороны о немъ заключенія всѣмъ отсутствовавшимъ въ этомъ засѣданіи (а ихъ было 8 человѣкъ) или только тѣмъ, которые не явились по законной причинѣ (Бартельсъ и Броннеръ), и даже собирались по этому поводу голоса, и балотировкою было рѣшено сообщить только двумъ послѣднимъ, законно отсутствующимъ

Но въ рапортѣ попечителю отъ совѣта, подписанномъ Яковкинымъ и барономъ Врангелемъ, внесено такъ много постороннаго, съ такими подробностями переданы всѣ дебаты, что для насъ очевиднымъ является желаніе Яковкина какъ можно больше дискредптировать Брауна въ мнѣніи попечителя и выставить себя. Въ этомъ рапортѣ мы находимъ напр. якобы заявленіе большинства членовъ, что они никогда за себя Брауну не поручали подавать мнѣніе и вписывать его въ протоколъ, что это большинство членовъ совѣта разумѣетъ по русски довольно хорошо и слышитъ всѣ читаемыя бумаги ясно. Между тѣмъ въ этомъ же рапортѣ приписывалось Брауну мнѣніе о необходимости имѣть при совѣтѣ особаго переводчика и что нѣкоторые члены (конечно меньшинство) полагали просить попечителя о переводчикѣ, „ибо они, не зная языка, не возмогутъ знать безъ переводчика о чемъ идетъ въ совѣтѣ разсужденіе и слѣд. не могутъ дазать на сіе своего заключенія“ Это желаніе переводчика, можетъ быть кѣмъ-либо и высказанное, даетъ поводъ въ рапортѣ распространяться о незаконности такого желанія, о неимѣніи назначенныхъ на этотъ предметъ суммъ, о томъ, что и самый переводъ, безъ знанія со стороны членовъ русскаго народа и русскихъ законовъ, едва ли будетъ въ состояніи принести какую-либо пользу, что переводъ на нѣмецкій или другой какой-нибудь языкъ иностранный всякой бумаги, заслушанной и обсуждаемой въ совѣтѣ, поведетъ къ большой тратѣ времени, что члены университета, участвуя въ различныхъ комитетахъ и факультетскихъ собраніяхъ, исполняя разныя порученія и т. п., не могутъ во всѣхъ случаяхъ имѣть при себѣ переводчиковъ, а слѣдовательно должны учиться по русски. Рапортъ выражаетъ наконецъ патріотическую мысль, что „отправленіе дѣлъ на иностранномъ языкѣ среди Россіи и народа русскаго, *и можетъ быть не имѣющаго обязанности разумѣть иностранный*, будетъ несправедливо и незаконно“.

Оригинальное явленіе представлялъ изъ себя этотъ совѣтъ Казанскаго университета, гдѣ зачастую случалось члены рѣшительно не понимали о чемъ идетъ дѣло, какое содержаніе имѣетъ та или другая изъ только что прочитанныхъ секретаремъ и поступившихъ для обсужденія и рѣшенія бумагъ. А между тѣмъ въ этомъ же университетѣ функціонировали различные комитеты: цензурный, экзаме-

національный для чиновниковъ и училищный. Особенно послѣдній терялъ значительно отъ незнакомства многихъ членовъ его съ русскимъ языкомъ. Сюда поступала масса бумагъ со всѣхъ концовъ огромнаго округа, дѣла не столько касавшіяся преподаванія, сколько чисто денежныя и, согласно духу времени и общества, по большей части, какъ мы уже видѣли, кляузныя Иностранцамъ, незнакомымъ ни съ языкомъ, ни съ нравами, трудно было разбираться въ этихъ дѣлахъ. О томъ, какой вредъ приносило преподаванію это незнаніе языка своихъ слушателей, мы уже не разъ говорили и приводили собственныя жалобы лучшихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Этотъ вредъ мы видѣли лично. Между нѣмецкими профессорами юридическаго факультета сороковыхъ годовъ въ Казанскомъ университетѣ былъ одинъ, незнавшій вовсе по русски и читавшій свои лекціи на языкѣ французскомъ (прочіе нѣмцы, хотя и съ грѣхомъ по поламъ, читали по русски) Это былъ профессоръ международнаго права и дипломаціи Винтеръ, умершій въ холеру осенью 1847 года (1). Студенты юридическаго факультетата во всѣ времена учились незавидно: всегда у нихъ въ умѣ была впереди житейская практика, для которой нѣтъ надобности въ какой-либо наукѣ. Экзаменъ въ маѣ у Винтера происходилъ конечно въ присутствіи членовъ факультета, но репетиціи передъ Рождествомъ дѣлались имъ самимъ и однолично. Студенты конечно не могли отвѣчать Винтеру ни на какомъ иностранномъ языкѣ и употребляли отечественный. Находились нерѣдко такіе забавники, которые вмѣсто тезисовъ международнаго права и изложенія трактатовъ, съ совершенно серьезными лицами, разсказывали и такіе анекдоты, уснащая ихъ отечественными идіотизмами, что студенты другихъ факультетовъ, нерѣдко собиравшіеся на репетиціи Винтера въ его аудиторію въ ожиданіи шутокъ, должны были употреблять нечеловѣческія усилія, чтобъ не расхохотаться и не испортить дѣла товарищамъ.

---

(1) Винтеръ впрочемъ занимался не столько наукой, сколько поэзіей и въ теоріи и практикѣ Въ Казани онъ напечаталъ: Dichtlehre als philosophische Theorie der wissenschaftlichen Dichtkunst 1840 8° и писалъ, но напечатать ихъ не успѣлъ, нѣмецкія трагедіи Чтобъ иллюстрировать нѣкоторыя сцены изъ нихъ, онъ приглашалъ для того одного изъ своихъ слушателей, имѣвшаго талантъ въ живописи, но не понимавшаго по нѣмецки, и разсказывалъ содержаніе по французски

Намъ кажется поэтому, что Яковкинъ, въ своихъ жалобахъ на положительное незнакомство нѣмецкихъ профессоровъ съ языкомъ русскимъ, что естественно затрудняло ходъ дѣлъ, былъ вполнѣ правъ. „О дѣлахъ обоихъ комитетовъ по постановленнымъ въ нихъ протоколамъ, имѣю честь представить меморіи съ сею же почтою для не опущенія времени“, писалъ онъ попечителю. „Крайнее затрудненіе происходитъ какъ въ объясненіи отъ меня по латыни самихъ матерій, такъ особливо еще въ переводѣ на россійскій языкъ самихъ гг. профессорами написанныхъ замѣчаній, а потому, хотя и весьма желалось представить ихъ отъ имени будущаго совѣта, но переводъ, особливо техническихъ словъ и переписка всего едва ли позволятъ изготовить все уже къ будущей почтѣ. По полученіи ихъ в. п. сами усмотрѣть соблаговолите, сколько трудно обработывать (?) гг. иностранцевъ. Въ училищной комитетъ снова поступило много бумагъ, кои, какъ хотятъ гг. избранные на нынѣшній мѣсяцъ члены, неотмѣнно должны обработать сами, а мнѣ — за всѣхъ трудиться — сверхъ силъ моихъ“.

По поводу рапорта совѣта о недоразумѣніи на счетъ профессора Германа, котораго сочли уволеннымъ отъ званія члена экзаменаціоннаго комитета, попечитель конечно защитилъ Яковкина. Въ своемъ предложеніи онъ сообщалъ, что г. директоръ только *изъ доброй воли* для незнающихъ профессоровъ россійскаго языка, предлагаетъ бумаги на латинскомъ языкѣ, что винить въ недоразумѣніи его предложенія одного директора нельзя, потому что предложеніе было читано въ совѣтѣ и переведено на нѣмецкій языкъ секретаремъ барономъ Врангелемъ и что, еслибы число незнающихъ по русски превосходило число знающихъ, то и въ такомъ случаѣ не винить, а благодарить должно г. директора. Въ заключеніе попечитель сообщаетъ, что переводчика въ штатѣ не положено, и даетъ слѣдующій начальственный совѣтъ профессорамъ иностранцамъ: „Правительство справедливую имѣло причину предполагать, что иностранные ученые среди Россіи, гдѣ всѣ дѣла отправляются на россійскомъ языкѣ, не погнушаются со временемъ научиться россійскому языку, по крайней мѣрѣ столько, сколько нужно для разумѣнія дѣлъ на россійскомъ языкѣ предлагаемыхъ“ (13 іюля, 1811 года). Второй попечитель казанскій Салтыковъ, присутствуя въ совѣтѣ университета 2 апрѣля 1813 года, „изволилъ предложить,

какъ это записано въ протоколъ, чтобы къ поданнымъ въ совѣтъ представленіямъ на россійскомъ языкѣ было бы присовокупляемо содержаніе оныхъ вкратцѣ на языкахъ нѣмецкомъ или латинскомъ". Но какъ плохо и мало выучивались въ то время нѣмецкіе профессора по русски, можно видѣть изъ того, что Германъ, проживъ въ Казани 14 лѣтъ, подписывался на документахъ: „коллежкой саведникъ".

Не беремся рѣшить—имѣло ли источникомъ недоразумѣніе, возникшее въ совѣтѣ въ засѣданіи его 18 октября того же 1811 года незнаніе иностранными профессорами русскаго языка, или нѣкоторые изъ нихъ желали сознательно нанести въ извѣстномъ смыслѣ легкій уколъ самолюбію и начальническому самомнѣнію нелюбимаго ими директора. Заслушано было предложеніе попечителя, въ которомъ сообщалось о новомъ законѣ, чтобы всѣ лица, на имя которыхъ даны будутъ Высочайшіе указы или рескрипты и на пожалованіе орденами, представляли отъ себя съ нихъ, кромѣ секретныхъ, засвидѣтельствованныя ими копіи въ правительствующій сенатъ. Попечитель, согласно замѣчанію министра, что законъ этотъ не всегда наблюдается чиновниками подвѣдомыми министерству просвѣщенія, предлагаетъ подтвердить его всѣмъ директорамъ казанскаго округа для распоряженій и съ ихъ стороны. Совѣтъ опредѣлилъ: „сообщить предложеніе попечителя въ училищный комитетъ и контору, *а также г. профессору, директору и кавалеру Яковкину, какъ директору казанской гимназіи, дабы и онъ съ своей стороны далъ знать о семъ кому надлежитъ*". Самъ Яковкинъ не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи и опредѣленіе было постановлено девятью нѣмецкими профессорами, а съ отдѣльнымъ мнѣніемъ противъ нихъ оказались четыре русскіе адъюнкта, бывшіе на сторонѣ Яковкина, и единственный нѣмецъ, примкнувшій къ нимъ, поклонникъ Яковкина—Сторль. Сущность отдѣльнаго мнѣнія лицъ, несогласныхъ съ большинствомъ, заключалась въ томъ, что директору Яковкину нѣтъ надобности дѣлать особое сообщеніе, такъ какъ всѣ дѣла идутъ чрезъ его руки и исполненіе по нимъ лежитъ на его отвѣтственности. Это сообщеніе директору предписанія попечителя имѣло бы смыслъ, *еслибъ шло отъ университета, а не отъ совѣта сей же гимназіи*; совѣтъ не можетъ дѣлать предсѣдателю своему сообщеній, „ибо сообщенія дѣлаются отъ одного равнаго присутственнаго мѣста дру-

гому и между таковыми же частными особами; равномѣрно совѣтъ не могъ бы дать предсѣдателю своему предписанія, или доносить и рапортовать. Объявить учителямъ гимназіи предписаніе попечителя слѣдуетъ инспектору. Удивительные законники были эти молодые адъюнкты нашего университета (Кондыревъ, Никольской, Петровской, Перевощиковъ), хотя между ними собственно не было ни одного юриста, но когда въ составъ совѣта со временемъ вошли и юристы, то клизы и крючки стали обыденнымъ явленіемъ, стали глубокою и мучительною язвою организма, и наука теряла отъ этого.

Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій совѣта Яковкинъ, получившій сообщеніе совѣта (оно, какъ опредѣленное большинствомъ, должно было быть исполнено), „обратилъ это сообщеніе совѣту“ и доказывалъ, что объявить учителямъ предписаніе попечителя слѣдовало инспектору гимназіи, а не ему. Онъ ссылался при этомъ на *генеральный регламентъ* и выписывая изъ него опредѣленіе обязанностей президента, называлъ мнѣніе большинства членовъ несоотвѣтствующимъ законамъ, 4, 6 и 8 главамъ этого регламента, указу 31 декабря 1765 года и наконецъ §§ 55, 132 и 149 университетскаго устава (параграфы эти впрочемъ опредѣляли дѣйствія ректора, непремѣннаго засѣдателя и синдика, но всѣ эти три должности не существовали, такъ какъ университетъ открытъ не былъ и обязанности ихъ соединялись въ одномъ Яковкинѣ). По выслушаніи этого предложенія профессора и директора составилось новое большинство членовъ (изъ прежняго большинства не пришло четверо: Эрихъ, Френъ, Реннеръ и Литтровъ), а къ тремъ адъюнктамъ (Перевощиковъ тоже не явился) и Сторлю присоединились теперь: Фуксъ, Эрдманъ, Врангель и Городчаниновъ. Это большинство постановило: принять обратно сообщеніе, сдѣланное директору и о предписаніи попечителя сообщить инспектору гимназіи для объявленія учителямъ съ подпискою Только одинъ независимый Броннеръ въ своемъ отдѣльномъ, писанномъ по латыни мнѣніи, высказался прямо противъ принятія обратно отъ директора сдѣланнаго ему сообщенія. Броннеръ заявилъ слѣдующее: „Выслушавъ протестъ г. директора и кавалера Яковкина, неприсутствовавшаго въ засѣданіи, противъ сообщенія ему совѣтомъ, чтобы предложеніе высшей власти было объявлено при его посредствѣ въ казанской гимназіи, и обсудивъ обвиненіе въ незаконности этого сообщенія, я съ своей

стороны заявляю мое убѣжденіе что совѣтъ и не могъ передавать что либо для исполненія непосредственно подчиненному г. директора (т. е. инспектору), но долженъ былъ это сдѣлать чрезъ посредство директора. Почему полагаю возвратить обратно сообщеніе г. директору и кавалеру не какъ предсѣдателю совѣта, а какъ директору гимназіи, не какъ дѣло ему извѣстное просто только для исполненія и не съ тою цѣлью, чтобъ сдѣлать ущербъ его власти, но въ томъ смыслѣ, чтобы предложеніе начальства было объявлено тѣмъ лицомъ, которому принадлежитъ дирекція гимназія“ (1). Браунъ написалъ по русски свою фразу, о которой Яковкинъ конечно счелъ долгомъ сообщить Румовскому. „Въ прошедшемъ засѣданіи совѣта обратилъ я ему сдѣланное мнѣ отъ него сообщеніе“, пишетъ онъ, „яко противное узаконеніямъ. Цѣлые полтора часа, въ среду по полудни, въ засѣданіи не могъ я добиться отъ гг иностранцевъ никакого рѣшенія, почему и принужденъ былъ дѣло сіе обратить въ вопросъ, требуя отъ каждаго рѣшительный голосъ; но и тутъ нѣкоторые старались отвѣчать или условно, или съ раздѣленіями (cum distinctionibus), а одинъ изъ нихъ, при собираніи голосовъ, отрекшись прямо подать свое мнѣніе, по окончаніи совѣта подписалъ въ протоколѣ: „ad 7 по незнанію законовъ не могу подать мнѣніе свое, проф Браунъ“... При семъ случаѣ не могу я умолчать, в. п. и о томъ, что гг. иностранцы, подъ видомъ незнанія законовъ и россійскаго языка, уклоняются, какъ будто законно, и отъ обработыванія дѣлъ, кои потому и лежатъ только на однихъ русскихъ или знающихъ русскій языкъ—и не довольствуясь латинскимъ моимъ объясненіемъ дѣла, весьма часто требуютъ точнаго и полнаго перевода всей бумаги, чѣмъ не только теченіе дѣлъ затрудняется, *но и засѣданія весьма отяготительно и безъ вся-*

(1) «Audita protestatione D Equitis et Directoris Iakovkin contra communicationem ipsi absenti factam alicujus decreti auctoritatis superioris, ut id ejus interventu etiam in gymnasio Kasanensi promulgetur, atque perpensa accusatione illegalitatis ejus communicationis, pro mea parte declaro, me censuisse concilium non posse immediate subordinato D-ni Directoris quidquam ad exequendum tradere, sed id solum mediante Directore fieri posse Quare votavi, illud venerabile decretum reddendum Domino Equiti et Directori non tamquam Praesidi concilii, sed tanquam Directori gymnasii, nec tanquam rem ei notam, sed simpliciter exequendam, nequaquam vero animo dominium quoddam in eum afectante, sed tantum eo sensu, ut jussa superiorum per illum promulgentur, cui directio gymnasii incumbit»

кой законной причины длятся, какъ и послѣднее продолжалось отъ 12 до исхода третьяго часу по полудни". Эта жалоба на непроизводительную трату времени конечно заключала въ себѣ истину, но класть обвиненіе за нее только на однихъ иностранцевъ едва ли было справедливо. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ другихъ, источникомъ продолжительныхъ преній и разнаго рода прекаканій преимущественно были личные вопросы, большею частію совершенно формальнаго свойства. Не пропадала ли и потомъ, въ далеко позднѣйшіе годы, когда въ университетѣ не было ни одного иностраннаго профессора и тѣ изъ профессоровъ, которые носили иностранныя фамиліи, не заключали въ себѣ ничего иностраннаго, масса времени на препія, поднятыя изъ ничтожныхъ личныхъ интересовъ, или изъ за такой формалистики, какую въ данномъ случаѣ выказали сателлиты Яковкина? Я не говорю о тѣхъ дебатахъ, которые до устава 1884 года захватывали иногда нѣсколько засѣданій совѣта, когда дѣло шло о замѣщеніи той или другой каѳедры въ университеты. Эти дебаты были вполнѣ производительны: обсуждалась публично и со всѣхъ сторонъ годность человѣка для профессорской каѳедры; совершенно были понятны опасенія за судьбу науки на 25 или 30 лѣтъ въ преподаваніи, понятна и боязнь ввѣрить на продолжительный срокъ молодыхъ людей человѣку, въ которомъ нельзя быть увѣрену. Но большинство продолжительныхъ преній имѣло, если не явно, то въ подкладкѣ источникомъ своимъ преимущественно личные интересы. Не заключается ли этотъ печальный недостатокъ въ самомъ характерѣ русскаго общества, чуждаго самодѣятельности, весьма равнодушнаго къ вопросамъ общаго свойства и въ особенности идейнымъ, боящагося ихъ и оживляющагося только тогда, когда затрогиваются интересы личные. Всѣ наши общественныя собранія, какъ мы убѣдились долгою житейскою практикою, носятъ именно такой характеръ. Не заимствовали ли его иностранцы въ университетѣ у насъ?

Личные счеты весьма часто появлялись въ совѣтскихъ засѣданіяхъ На нихъ обращали особенное вниманіе, и эти немногіе годы, которые прошли со времени неудавшихся выборовъ въ концѣ 1810 года до полнаго открытія университета, отличались особеннымъ раздраженіемъ въ этомъ отношеніи. Яковкинъ, какъ мы уже упоминали, особенно не любилъ Брауна и потому что онъ былъ избранъ ректоромъ,

и потому что пользовался авторитетомъ въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Очень можетъ быть, что и Браунъ, опираясь на этотъ авторитетъ, держалъ себя гораздо самостоятельнѣе другихъ и нерѣдко наносилъ уколы Яковкину. Согласно § 140 устава годовой счетъ прихода и расхода университетскихъ суммъ заключается въ первыхъ числахъ января. Совѣтъ свидѣтельствуетъ цѣлость оставшейся суммы и свидѣтельство это скрѣпляетъ подписью присутствующихъ. Въ 1811 году съ этими отчетами опоздали. Яковкинъ послалъ отчеты для подписи на квартиры членовъ совѣта 13 февраля, нѣкоторые профессора подписали, но Браунъ не согласился подписать ихъ на дому, ссылаясь на смыслъ § 140 и подпись была остановлена до засѣданія, тѣмъ болѣе, „что другіе члены вицо не посмѣли подписывать, не видя его подписи, выключая однако почтеннаго старичка г. Броннера", какъ сообщаетъ попечителю Яковкинъ. Въ засѣданіи 13 марта 1812 года слушано было предложеніе попечителя о томъ, что онъ предписалъ конторѣ гимназіи устроить особый сарай для дровъ въ квартирахъ профессоровъ Сторля и Брауна (оба они жили въ типографскомъ домѣ), съ тѣмъ, чтобъ балаганъ, который нынѣ занимаетъ ихъ дровами, по близости и удобности его, перестроить для помѣщенія типографскихъ служителей. Браунъ замѣтилъ, что это невѣрно и Яковкинъ сейчасъ же потребовалъ записать въ протоколъ слова, сказанныя Брауномъ, что „контора представила попечителю фальшивыя извѣстія по этому дѣлу". Не умѣемъ сказать, какимъ образомъ изъ за этихъ словъ, можетъ быть и не точно переданныхъ, едва не возгорѣлось уголовное дѣло. Браунъ отрицалъ приданный Яковкинымъ словамъ его такой смыслъ, что контора *постоянно* доноситъ фальшиво попечителю, но только въ настоящемъ случаѣ онъ доказывалъ, что въ сказанномъ балаганѣ хранятся не дрова, и что имъ пользуются только по временамъ для просушки вымытаго бѣлья и для варенія кваса (pro coquendo kwas). Можетъ быть Яковкинъ и удовлетворился этими объясненіями и дѣло было пріостановлено.

Близкій и преданный Яковкину человѣкъ, инспекторъ гимназіи и адъюнктъ гражданской и военной архитектуры Петровскій, очень хлопотавшій, какъ мы разсказывали (ч I, стр. 555—556) о пособіяхъ къ изученію послѣдовавшихъ

во время первой войны съ французами въ 1806 году измѣненій въ размѣрѣ калибровъ тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій, вошелъ 15 февраля 1812 года съ слѣдующею жалобою въ совѣтъ на Брауна:

«По возложенной на меня должности инспектора гимназіи, будучи въ классахъ, дожидался я прибытія г профессора, директора и кавалера для начатія экзамена (въ это время или повѣрочныя испытанія въ латинскомъ языкѣ, производимыя профессорами университета въ гимназіи, и весьма непріятныя для Яковкина и его клевретовъ, см ч 1-я, стр 482), вдругъ входитъ ко мнѣ г профессоръ Браунъ и приказываетъ внести учительской изъ класса столъ въ залу собранія Я спрашивалъ: «для чего?» —Г профессоръ Браунъ отвѣчаетъ: «писать ученикамъ на экзаменѣ» На отвѣтъ мой, что безъ г профессора, директора и кавалера я приказаній его исполнять не могу, г профессоръ Браунъ, сказавъ, что г профессоръ Яковкинъ болѣнъ, и на экзаменъ не будетъ, приказываетъ стоявшему въ коридорѣ сторожу нести въ залу столъ Я отвѣчаю г профессору Брауну, что г профессоръ, директоръ и кавалеръ скоро будетъ, и учтиво прошу дождаться его. Не смотря на сіе, г профессоръ Браунъ *приказываетъ* грозно сторожу нести столъ При сказанномъ мною сторожу словѣ: «Погоди»— г профессоръ Браунъ вдругъ на меня вскрикиваетъ:—«Такъ ты не приказываешь; я тебѣ это докажу!» и злобивъ правила взаимныхъ обязанностей, при находившихся тутъ г учителѣ Упадышевскомъ и почти всѣхъ средняго латинскаго класса ученикахъ, началъ кричать на меня самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и потомъ ушелъ въ залу. Но спустя нѣсколько минутъ опять входитъ ко мнѣ и сдѣлавъ прежній вопросъ: «Такъ ты не приказываешь?» началъ вторично кричать и дѣлать мнѣ угрозы, не взирая, что при сей соблазнительной сценѣ находились почти всѣ ученики. Дабы не подать имъ большаго соблазну, я за необходимое почелъ оставить г проф Брауна и уйти въ другую половину классовъ, но и при семъ случаѣ г проф Браунъ не переставалъ вслѣдъ за мною кричать и дѣлать мнѣ угрозы Бывши таковой же членъ совѣта, какъ и г профессоръ Браунъ, я никакъ не полагалъ подлежать чьимъ либо полезѣніямъ, кромѣ предсѣдателя совѣта, какъ непосредственнаго моего начальника, но и отъ него слова *ты* я никогда не имѣлъ случая слышать Не ища удовлетворенія въ лично нанесенной мнѣ обидѣ, прошу покорнѣйше совѣтъ гимназіи *изслѣдовать публично причиненную мнѣ обиду въ присутствіи учениковъ во время отправленія моей должности*, которые видя меня, такъ какъ ближайшаго своего начальника, столько г. проф Брауномъ пренебреженна, притѣсненна и обругана, по незрѣлости ума своего и по поданному имъ соблазнительному поводу, легко могутъ выйдти изъ правилъ благопристойности, уваженія и подчиненности Въ причинѣ, недопустившей меня удовлетворить приказанію г. проф Брауна, ссылаюсь и на г проф Френа, сдѣлавшаго мнѣ однажды таковое же требованіе, и на отвѣтъ мой ему ни мало не негодовавшаго, въ истинѣ же показаннаго въ просьбѣ ссылаюсь на г. учителя Упадышевскаго и учениковъ средняго латинскаго класса»

И вотъ начинается новое кляузное дѣло, порождающее пререканія, поддерживающее недоразумѣнія и раздраженіе между членами совѣта. По всей вѣроятности источникъ такихъ дѣлъ находился въ нравахъ того времени, гдѣ уваженіе къ личности распространено было въ весьма незначительной

степени, да и самая личность въ большинствѣ случаевъ цѣнилась не по внутреннему достоинству своему, не по нравственнымъ свойствамъ, а въ силу внѣшнихъ прерогативъ: чиновъ, денегъ, происхожденія, что всегда импонируетъ неразвитой и грубой массѣ. Дѣла подобнаго рода, именно вслѣдствіе такихъ причинъ, случались повидимому нерѣдко, и мы разсказывали о нѣкоторыхъ изъ нихъ собственно для того, чтобъ представить характеристику нравовъ того общества, посреди котораго зарождался университетъ и бросались первыя сѣмена европейскаго просвѣщенія. Дѣла этого рода по уставу 1804 года разбирались университетскимъ судомъ (§§ 143 — 159), но университетъ открытъ не былъ, суда этого не существовало, и по поводу разсказаннаго нами столкновенія экзекутора Ларіонова съ Яковкинымъ и Кондыревымъ (ч. I, стр. 410—419), попечитель предлагалъ совѣту: „впредь, для подобныхъ случаевъ, до открытія суда университетскаго, *составить комитетъ* и о всякомъ дѣлѣ, съ представленіемъ его мнѣнія, требовать моего разрѣшенія“. Тогда же (засѣданіе 19 іюня 1811 года) такой комитетъ и составленъ былъ изъ профессоровъ Томаса, Эриха и адъюнкта Никольскаго, подъ предсѣдательствомъ Яковкина. Комитетъ этотъ существовалъ и теперь, но когда заслушана была совѣтомъ жалоба Петровскаго (28 февраля 1812 года), профессора Литтровъ и Броннеръ заявили, что они о всемъ этомъ дѣлѣ сами донесли попечителю, при чемъ они же (къ нимъ присоединились еще Бартельсъ и Эрдманъ) выразили передъ совѣтомъ сомнѣніе о томъ: имѣетъ ли право учрежденный въ прошломъ году временный комитетъ входить въ разбирательство дѣлъ и между членами совѣта. Въ виду этихъ заявленій опредѣлено было представить о дѣлѣ попечителю и просить его разрѣшенія. Что помѣшало этому дѣлу принять широкіе размѣры — мы не можемъ сказать. Удовлетворился ли попечитель тѣми свѣдѣніями, которыя доставлены были ему Литтровымъ и Броннеромъ, или онъ догадался наконецъ, что виновникомъ жалобы Петровскаго былъ врагъ Брауна— Яковкинъ, но только на рапортъ совѣта о происшествіи отъ него не послѣдовало никакого рѣшенія, и „дѣло по прошенію адъюнкта Петровскаго объ обидѣ причиненной ему г. профессоромъ Брауномъ“, хранящееся въ архивѣ, состоитъ только изъ двухъ бумагъ: самого прошенія и состоявшагося перваго опредѣленія совѣта.

Судя однако по письму Яковкина къ попечителю, можно думать, что первый желалъ, чтобы это кляузное дѣло кончилось миролюбиво; формальнаго разбирательства онъ не хотѣлъ допустить: „Разборъ между гг. Брауномъ и Петровскимъ“, пишетъ онъ, „произошелъ въ моемъ отсутствіи и безпристрастіе мое въ семъ дѣлѣ доказывается долговременнымъ ожиданіемъ взаимнаго ихъ примиренія, равно какъ увѣщаніями моими и просьбами неоднократными о возстановленіи согласія, поелику безпокойствія и кромѣ сего меня уже измучили и убили духъ мой“ (7 мая 1812 года). Главнымъ виновникомъ этихъ безпокойствъ былъ, по убѣжденію Яковкина, Браунъ. Онъ жалуется на „скрытность“ послѣдняго, на его „тайныя намѣренія“, на „отчужденіе отъ всѣхъ благомыслящихъ“. „Ежели только есть (?) Взыскующій и Созерцающій сердца и утробы“, пишетъ онъ, „то г. Браунъ много долженъ будетъ предъ нимъ отвѣчать за всѣ происки и возмущенія, производимыя имъ по университету. Кажется, что это же было одною изъ главнѣйшихъ причинъ выбытія его изъ Вильны. Господь судитъ комуждо по дѣломъ его. Свидѣтельствуясь Сердцевѣдцемъ, могу признаться откровенно предъ в. п., что не помощи и содѣйствія какого-либо въ отправленіи дѣлъ имѣю я всегда отъ гг. иностранныхъ членовъ, но всегда болѣе помѣшательствъ и недовѣрчивости, т. е. они ложно думаютъ, какъ будто бы я и самъ себя не оберегаю“. О Браунѣ мы уже говорили (часть 1-я, стр. 164—175) и думаемъ, что характеристика его, сдѣланная Яковкинымъ, пристрастна.

Адъюнктъ Петровскій впрочемъ нашелъ въ то же самое время удовлетвореніе въ новой, открывшейся для него дѣятельности, вызванной тѣми тяжелыми испытаніями, которыя переживало наше отечество въ 1812 году. Въ совѣтскомъ засѣданіи 7 февраля этого года Яковкинъ сдѣлалъ заявленіе, что „нѣкоторые изъ студентовъ желаютъ и *имѣютъ надобность обучаться артиллеріи и фортификаціи*, особенно же изъ дворянъ своекоштнаго содержанія, назначая себя для военной службы; а какъ университета г. адъюнктъ гражданской и военной архитектуры, инспекторъ гимназіи Петровской словесно заявилъ ему, г. директору, что онъ преподаваніе въ университетѣ своей части наукъ съ

удовольствіемъ на себя пріемлетъ, то и предлагаетъ дѣло сіе на благоразсмотрѣніе совѣта". Желаніе многихъ казанскихъ дворянъ, чтобы науки эти были преподаваемы въ Казанскомъ университетѣ, подтвердилъ и проф. Эрманъ, имѣвшій значительную практику въ городѣ. Совѣтъ, съ своей стороны, „почитая сказанныя науки нужными для общественной пользы", представилъ объ этомъ попечителю. Послѣдній изъявилъ свое согласіе, и для класса артиллеріи и фортификаціи были назначены первые послѣобѣденные часы по субботамъ. Объ успѣхахъ этого преподаванія, о числѣ студентовъ, обучавшихся у Петровскаго артиллеріи и фортификаціи, у насъ къ сожалѣнію нѣтъ свѣдѣній.

Въ теченіе всего 1812 года воинственное чувство поддерживалось выслушиваніемъ правительственныхъ сообщеній и манифестовъ о военныхъ событіяхъ. Эти сообщенія, оффиціально присылаемыя въ совѣтъ, заносились въ протоколы его засѣданій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти правительственныя сообщенія вызывали въ средѣ профессоровъ патріотическія чувствованія, которыя усиливались еще массою пріѣзжихъ въ Казань, уходившихъ отъ врага на востокъ Россіи. Такъ 19 іюля 1812 года заслушанъ былъ въ совѣтѣ привезенный курьеромъ манифестъ отъ 6 іюля *о сборѣ внутри государства новыхъ силъ, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой*. „Всѣ члены университета", говорилось въ рапортѣ къ попечителю, „изъявили свою готовность всѣми силами содѣйствовать къ общему благу, не щадя ни имущества, ни живота. Совѣтъ, разсуждая какимъ образомъ участвовать въ общемъ всѣхъ сословій *возстаніи*, опредѣлилъ представить слѣдующія, имъ предлагаемыя мѣры, на благоусмотрѣніе в. п: 1) гг. члены медицинскаго отдѣленія объявили, что они, въ случаѣ воззванія военныхъ врачей, примутъ на себя пользованіе военныхъ въ Казани находящихся госпиталей; 2) профессору Аргольдту предоставляется по его желанію упражнять гг. студентовъ медицины и охотниковъ (?) въ хирургическихъ пріемахъ: 3) испросить у здѣшняго г. коменданта, по числу инвалидной команды (т. е. университетскихъ сторожей-инвалидовъ), потребное количество ружей, для упражненія оной въ военной экзерциціи, что и препоручить коллежскому секретарю Ларіонову (его военныя способности засвидѣтельствованы были достаточно энергіей, которую онъ проявилъ въ различныхъ столкно-

веніяхъ съ сослуживцами, какъ мы разсказывали въ первой части); 4) взрослыхъ питомцевъ (гимназіи) обучать маршу и эволюціямъ больничному надзирателю, отставному капитану Селезневу и 5) студентовъ и желающихъ изъ чиновниковъ университета и гимназіи упражнять въ артиллерійскихъ пріемахъ предоставляется г. адъюнкту Петровскому. Мѣры эти всѣ были одобрены попечителемъ.

Въ началѣ сентября совѣтъ университета просилъ у казанскаго коменданта генералъ-маіора Есипова 1-го доставить въ университетъ нѣкоторое количество ружей для обученія инвалидовъ. Комендантъ, въ своемъ отношеніи совѣту, сообщалъ, что у него „во ввѣренномъ ему полку недостаетъ означеннаго числа ружей, требуемаго совѣтомъ, для показанія же питомцамъ *эволюцій на время* унтеръ-офицеръ Мехринъ при семъ посылается". Весьма вѣроятно, что вмѣстѣ съ бѣдствіями 12-го года исчезъ и воинственный пылъ въ университетѣ. Въ росписаніи лекцій на 1813—1814 годъ адъюнктъ Петровскій, преподававшій все время артиллерію и фортификацію въ казанской гимназіи по уставу ея, утвержденному имп. Павломъ, уже не преподаетъ этихъ наукъ студентамъ, а только *военную и гражданскую архитектуру*. Мало того: съ слѣдующаго 1814—1815 года прекращается преподаваніе и военной архитектуры; остается одна гражданская.

Личныя нападенія на Яковкина усилились въ особенности послѣ смерти Румовскаго. Новый попечитель Салтыковъ, какъ это мы не разъ уже замѣчали, не благоволилъ къ Яковкину и былъ на сторонѣ иностранныхъ профессоровъ. Въ маѣ 1813 года совѣтъ получилъ за № 304 предписаніе попечителя о томъ, что имъ усмотрѣно требованіе инспектора студентовъ (Яковкина) и его помощника Булыгина къ конторѣ, о пріобрѣтеніи для студентовъ разныхъ учебниковъ и пособій на сумму болѣе чѣмъ на 300 рублей, такъ какъ учебники эти, находившіеся въ рукахъ студентовъ, были взяты прежде изъ гимназической кладовой и теперь отобраны инспекторомъ гимназіи (она только что перешла тогда въ свое собственное помѣщеніе). Попечитель замѣчалъ: „какъ штатная сумма отпускается на студентовъ сполна, на каждаго по 200 р., въ числѣ коей и классическія ихъ надобности (учебники и пр.), то посему студенты должны бы имѣть отъ прошедшихъ годовъ оставшіяся, соб-

ственно имъ принадлежащія книги, которыя по выходѣ студентовъ должны оставаться въ университетѣ, за исправностью и бережливостью коихъ, инспекторъ смотрѣніе имѣть долженъ. *Назначеніе же книгъ въ покупку слѣдуетъ предоставить совѣту*, котораго члены гг. профессора, каждый по своей части, долженъ назначить сочиненіе, употребляемое имъ для руководства, соотвѣтственно устава § 26. Сіи книги, ежели можно преимущественно на россійскомъ языкѣ, слѣдуетъ выписать сообразно суммѣ на сей предметъ назначенной". Попечитель требовалъ свѣдѣній: почему по сіе время не были закуплены для студентовъ нужныя книги на получаемую сумму; неимѣнію книгъ слѣдуетъ отчасти приписать худые успѣхи студентовъ. Выслушавъ это предложеніе попечителя, совѣтъ поручилъ архиваріусу перевести его на французскій или нѣмецкій языкъ къ первому слѣдующему засѣданію совѣта, 23 мая, что и было имъ исполнено. Въ этомъ засѣданіи Яковкинъ по болѣзни не присутствовалъ и совѣтъ потребовалъ отъ конторы, которая все еще по прежнему вѣдала хозяйственныя дѣла какъ университета, такъ и гимназіи, разныхъ свѣдѣній по студенческому хозяйству съ явною цѣлью контроля надъ Яковкинымъ въ той области, гдѣ онъ никогда не допускалъ себя контролировать. Свѣдѣнія эти были слѣдующія: „1) Было ли всегда полное число казенныхъ студентовъ, т. е. 40 человѣкъ?; 2) Когда не было полнаго числа, на что именно употреблена остающаяся сумма? и 3) Какъ изъ отпускаемыхъ на содержаніе каждаго студента денегъ не куплены классическія пособія, то на что именно употреблена сія сумма?" Предсѣдателемъ конторы былъ тогда все еще Яковкинъ, а членомъ отъ университета профессоръ Аргольдтъ. Совѣтъ рѣшилъ также спросить и Яковкина, какъ инспектора студентовъ: какія книги были имъ приняты, и требовалъ ли онъ денегъ на покупку оныхъ? Секретарь совѣта, баронъ Врангель, зять Яковкина, заявилъ отъ его имени, что онъ представитъ въ самомъ непродолжительномъ времени свое объясненіе касательно того, что относится къ нему, какъ къ инспектору студентовъ.

Въ слѣдующее, 4 іюня, засѣданіе совѣта было заслушано объясненіе Яковкина о покупкѣ имъ учебниковъ для студентовъ, а также и сообщеніе конторы казанской гимназіи, заключающее въ себѣ справку о расходахъ на сту-

дентовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1805—1812). Эта справка заключала въ себѣ только голыя цифры, при чемъ многое оставалось темнымъ, а за нѣкоторые годы даже не указывалось, сколько было казенныхъ студентовъ. „Какъ дѣло сіе не найдено еще довольно яснымъ", говорилось въ опредѣленіи совѣта по этому поводу, то предположено было учредить особый комитетъ изъ профессоровъ Брауна, Броннера и Арнгольдта. Но адъюнктъ Никольскій протестовалъ противъ всѣхъ трехъ членовъ комитета; Врангель противъ профессора Броннера, а Финке, Ренардъ и Врангель противъ Арнгольдта И Врангель, и Никольскій были сторонниками Яковкина; Финке и Ренардъ были противъ Арнгольдта, какъ члена той же конторы, гдѣ предсѣдательствовалъ Яковкинъ. Въ виду такого разногласія между членами, опредѣлено было представить обстоятельства дѣла на благоусмотрѣніе попечителя Противъ комитета возсталъ и Кондыревъ. Онъ представилъ слѣдующее любопытное мнѣніе: „По многимъ другимъ важнѣйшимъ дѣламъ, требующимъ отъ совѣта особеннаго вниманія для пользы университета и подвѣдомыхъ ему мѣстъ, сходнѣе казалось бы составлять для оныхъ комитеты, а не для сихъ, притомъ же нынѣ комитетовъ столь много, что увеличеніе числа ихъ стѣснитъ главную цѣль университета, ученіе А потому полагаю составленіе особаго для сего комитета, а не разсмотрѣніе онаго дѣла обыкновеннымъ порядкомъ, въ собраніи совѣта, полезнымъ, равно какъ и обременительнымъ для Его пр-ства г. попечителя разрѣшать таковыя *распространяющіяся дѣла* и заниматься ими, а чрезъ то отвлекать вниманіе отъ важнѣйшаго для блага университета". Такимъ образомъ желаніе многихъ членовъ разобрать болѣе точнымъ образомъ хозяйственную сторону управленія Яковкина, къ которому очевидно былъ нерасположенъ новый попечитель, не осуществилось. Тѣмъ не менѣе прежняя власть директора была поколеблена. Онъ перестаетъ ходить въ засѣданія совѣта, и въ главѣ его членовъ, подписывавшихся подъ протоколами по старшинству, вмѣсто его имени стоятъ фамиліи Германа, а если онъ почему либо не пришелъ, то Брауна. Уже самое требованіе отъ него отчета о томъ, какія книги и на какую сумму выписывалъ онъ для казенныхъ студентовъ, походило на придирку. Онъ легко доказалъ, что всѣ книги такого рода были избираемы и одобряемы постановленіями совѣта,

но время его власти прошло, и на каждомъ шагу приходилось ему получать уколы своему самолюбію Такъ въ засѣданіи того же 4 іюня 1813 года Яковкинъ, въ званіи инспектора студентовъ, вошелъ въ совѣтъ съ объясненіемъ, что по вопросу объ обязательномъ для всѣхъ студентовъ изученіи нѣмецкаго языка, которое должно быть отнесено къ наукамъ приготовительнымъ, лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ „ни мало не предварив, а миновавъ по сему дѣлу инспектора студентовъ, отнесся самъ собою прямо и непосредственно въ совѣтъ, а чрезъ то поступилъ въ противность учиненнымъ о наблюденіи законнаго постепеннаго порядка постановленіямъ". Эта жалоба Яковкина о нарушеніи дисциплины (въ прежнее время, при жизни Румовскаго, Лейтеръ поступилъ бы совершенно иначе) не встрѣтила никакого сочувствія въ совѣтѣ. Большинствомъ голосовъ членовъ его поступокъ Лейтера не признанъ противнымъ законамъ

Въ томъ же засѣданіи совѣта былъ заслушанъ рапортъ профессора Арнольдта, какъ члена конторы, гдѣ онъ высказываетъ свое мнѣніе касательно объясненія Яковкина о пріобрѣтеніи книгъ для студентовъ и оспариваетъ его утвержденіе, что онъ исполнялъ только волю покойнаго попечителя, никогда не дозволяя себѣ самовольныхъ распоряженій. Между тѣмъ въ бумагѣ Арнольдта говорилось о всѣмъ извѣстномъ самовластіи Яковкина, называя онъ ничѣмъ неограниченнымъ ректоромъ (послѣднее слово впрочемъ было частію выскоблено и частію замѣнено другимъ). На защиту Яковкина, и очень горячую, выступилъ зять его баронъ Врангель. По выслушаніи рапорта Арнольдта, онъ выразился объ этой бумагѣ: „Ce sont des *кручи*". Слова эти возмутили въ сильной степени проф. Литтрова, уже выучившагося въ Казани понимать смыслъ нѣкоторыхъ болѣе другихъ употребительныхъ изъ бытовыхъ идіотизмовъ россійскаго языка. Онъ громко упрекалъ Врангеля за неприличіе его словъ, оскорбляющихъ достоинство совѣта (1). Арн-

(1) Comme m-r le prof. Wrangel trouvait dans l'écrit de m. le prof Arnold un mot (c'était le mot innocent *Rectеur*), rasé et corrigé et comme il disait hautement à m-r le prof Arnold «ce sont des *кручи*», j'étais indigné d'une telle indécence et je repondais à m-r Wrangel ouvertement, qu'il doit avoir honte de parler ainsi indecemment devant tous les membres du conseil».

гольдтъ слова Врангеля понялъ такъ, что тотъ называетъ его самого „крючкомъ“, и заявлялъ, что такое „выраженіе несовмѣстно моему званію и паче прискорбно мѣсту присутственному въ полномъ собраніи, о чемъ симъ прошу довесть до свѣдѣнія высшаго начальства“. Съ своей стороны и секретарь, баронъ Врангель, записалъ свое довольно длинное оправданіе и объясненіе, почему онъ является защитникомъ Яковкина. „Въ своей бумагѣ проф Аргольдтъ между прочимъ пишетъ, что г. инспектору студентовъ *была предоставлена власть ректора.* Я сказалъ ему откровенно, что сіе явная несправедливость, ибо нѣтъ никакого предписанія, предоставившаго г. инспектору подобную власть“. Врангель доказываетъ, что Яковкинъ былъ только инспекторомъ студентовъ и старшимъ профессоромъ, почему и предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ; возлагать на него отвѣтственность ректора было бы несправедливо. Врангель нашелъ, что Аргольдтъ выскоблилъ написанное имъ въ рапортѣ слово *ректоръ* и замѣнилъ его словомъ „предсѣдатель“, „но поправленіе бумаги поданной и уже рукою предсѣдательствующаго помѣченной, несообразно съ постановленіемъ производства“. Далѣе Врангель старается доказать, что замѣна Аргольдомъ слова *ректоръ* словомъ *предсѣдатель*, доказываетъ, что онъ не почиталъ слово ректоръ столь невиннымъ, какъ Литтровъ. Профессору Аргольдту должно быть извѣстно изъ генеральнаго регламента, что предсѣдатель никакой не имѣетъ власти касательно дѣлъ; онъ ничего не можетъ рѣшить или предпринять безъ согласія своей коллегіи. Возмущаетъ Врангеля и защита Аргольдтомъ покойнаго попечителя Румовскаго отъ мнимыхъ нападеній на него Яковкина въ его „объясненіи“. Совершенно неправильно видитъ онъ въ словахъ инспектора такой смыслъ, что будто бы онъ приписываетъ „нерадѣнію по умышленности“ (собственныя слова Аргольдта) покойнаго Румовскаго недостатокъ въ книгахъ. „Сіи несправедливости, трогая меня“, говоритъ Врангель, „вынудили меня употребить слозо *крючки*, не называя однакоже г. Аргольдта *крючкомъ*, какъ онъ утверждаетъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь всѣми присутствующими... Ежели я преступилъ неумышленно границы порядка, то г. профессоръ Литтровъ, сдѣлавъ мнѣ самъ собою съ горячностью произнесенный выговоръ и внеся его сверхъ того въ протоколъ, можетъ быть еще болѣе нарушилъ узаконенный поря-

докъ и оказалъ мнѣ больше несправедливости. Ежели я нарушилъ правила благопристойности, то по генеральному регламенту единственно предсѣдательствующій имѣлъ право напомнить мнѣ вѣжливо о моемъ поступкѣ.... Выговоръ я могу получить токмо отъ начальника, а никогда и ни подъ какимъ предлогомъ отъ сочлена, не имѣющаго даже права напоминать мнѣ въ подобныхъ случаяхъ. *Я преступилъ порядокъ въ негодованіи, защищая отсутствующаго и такого, котораго я почитаю и почитать обязанъ какъ отца*, но г. профессоръ Литтровъ нарушилъ установленный порядокъ изъ за посторонняго, который присутствуя также, самъ могъ себя защищать. Я не желалъ, чтобъ сей споръ сдѣлался оффиціальнымъ, но г. профессоръ Литтровъ, внеся свой выговоръ въ протоколъ, доказалъ, что онъ имѣлъ такое намѣреніе".

Странными дѣлами не рѣдко приходилось заниматься совѣту въ то время, когда университетскій уставъ 1804 года не получилъ еще въ Казани полнаго примѣненія. Въ сентябрѣ 1811 года, намъ неизвѣстно по какому поводу, профессоръ латинской словесности Германъ подалъ въ совѣтъ прошеніе о желаніи своемъ войти въ полное подданство Россіи и о томъ, чтобъ его привели къ присягѣ. Желаніе Германа было тотчасъ исполнено и попечителю донесено было о томъ, что присяга Герману учинена была на законномъ основаніи, и что ему выдано было въ томъ свидѣтельство. Попечитель донесъ объ этомъ министру народнаго просвѣщенія. Въ отвѣтъ на это донесеніе, графъ Разумовскій писалъ, что совѣтъ взялся не за свое дѣло, что приведеніе къ присягѣ на подданство принадлежитъ гражданскому начальству, а потому присяга, уже сдѣланная Германомъ, должна считаться тою присягой, какую Германъ обязанъ былъ принести при вступленіи своемъ на службу, если она не была имъ принесена тогда. О желаніи же своемъ вступить въ полное подданство Россіи Германъ долженъ подать прошеніе въ губернское правленіе, которое, по узаконенному порядку, сдѣлаетъ о томъ представленіе правительствующему сенату. Попечитель предлагалъ поэтому совѣту извѣстить губернское правленіе, что проф. Герману сдѣлана присяга не на подданство, а только на вѣрность въ отправленіи

должности, и совѣтовалъ „впредь не мѣшаться въ такія дѣла, кои принадлежатъ до гражданскаго начальства“ Оказалось однако, что поправить промахъ совѣта было затруднительно: Германъ въ Петропавловской лютеранской церкви въ С.-Петербургѣ принималъ уже присягу при вступленіи въ должность. Пришлось увѣдомить губернское начальство, что совѣтъ вмѣшался не въ свое дѣло

Занимался совѣтъ довольно долго и въ разные годы *домами профессора Германа.* О началѣ его дѣятельности въ Казани, о его жалобахъ попечителю на незнаніе студентами латинскаго языка, на которомъ онъ излагалъ свои лекціи по римской литературѣ и римскимъ древностямъ, о его столкновеніяхъ въ университетскомъ совѣтѣ и съ Яковкинымъ, о воспрещеніи ему за это участвовать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ намъ приходилось говорить въ первой части нашей книги. Начиная съ 1807 года, въ имѣющихся у насъ матеріалахъ, мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы Германа на свое весьма стѣсненное въ матеріальномъ отношеніи положеніе въ Казани. Были ли тому причиною непрактичность и неумѣнье вести свои дѣла, или плохія условія семейной жизни (вся семья Германа состояла изъ четырехъ членовъ: его, жены и троихъ дѣтей, сына 18 лѣтъ и двухъ дочерей: Генріетты—19 лѣтъ и Каролины—9 лѣтъ; сынъ былъ уже студентомъ), или можетъ быть онъ въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ представлялъ себѣ на родинѣ условія казанской жизни, ея довольство, ея удобства—сказать опредѣленно не можемъ. Чисто научные интересы, вынесенные имъ изъ университетской жизни Германіи, постепенно тускли и затирались посреди новой обстановки, которая не допускала не только ихъ преобладанія, но даже и существованія; сынъ, который можетъ быть на родинѣ постепенно привыкъ бы къ строгой школѣ и пошелъ бы отцовской дорогой, сталъ даже забывать родной языкъ въ Казани, въ печальномъ кружкѣ распущенныхъ и пьяныхъ товарищей. Судя по отзывамъ Яковкина, сынъ Германа не приносилъ родителямъ утѣшенія, ни успѣхами въ ученіи, ни поведеніемъ. Въ 1808 году онъ желалъ пріобрѣсти званіе студента-кандидата и съ этою цѣлью написалъ на четырехъ страницахъ сочиненіе „Flora Casaniensis“, которое и одобрилъ равнодушно-снисходительный Фуксъ,

но на испытаніи, произведенномъ по предложенію попечителя Брауномъ, Френомъ, Бартельсомъ, Запольскимъ и Эрихомъ, свѣдѣнія Германа оказались неудовлетворительными, и попечитель не утвердилъ его студентомъ-кандидатомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ представилъ разсужденіе: „Von der Aehnlichkeit zwischen die Thiere und Pflanzen“, одобренное также Фуксомъ и попечитель утвердилъ его студентомъ-кандидатомъ безъ испытанія, но и безъ жалованья. Можетъ быть вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства онъ вышелъ изъ университета и поступилъ въ военную службу; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. И вотъ въ письмахъ Германа-отца къ попечителю Румовскому, съ тѣхъ поръ какъ была снята съ него опала за противодѣйствіе въ совѣтѣ Яковкину, мы знакомимся съ различными попытками его устроиться лучше въ Казани: всѣ эти попытки однако какъ то не удавались. Въ началѣ 1807 года его сильно занимаетъ желаніе завести въ Казани пансіонъ (мы знаемъ, что такой пансіонъ былъ у Литтрова). Германъ сообщаетъ попечителю, что многіе изъ его казанскихъ знакомыхъ давно уже дѣлаютъ ему предложеніе брать на воспитаніе и обученіе малолѣтнихъ сыновъ, учить ихъ, устроивъ у себя на дому пансіонъ, для приготовленія ихъ въ публичныя училища. Германъ пишетъ, что какъ ни лестно было для него это довѣріе, но онъ долго не рѣшался, сознавая всѣ затрудненія, соединенныя съ этимъ дѣломъ, но наконецъ согласился, однако подъ условіемъ одобренія со стороны попечителя. По словамъ его, заведеніе такого пансіона принесетъ двоякую пользу: съ одной стороны облегчивъ воспитаніе сыновей для тѣхъ семействъ, которыя не имѣютъ возможности нанимать гувернеровъ, а съ другой стороны пансіонъ доставитъ нѣкоторую выгоду и его собственной семьѣ, содержаніе и воспитаніе которой, по его словамъ, сильно его озабочиваютъ теперь, „когда здѣсь все съ каждымъ днемъ дѣлается дороже“.

Попечитель не сдѣлалъ никакихъ затрудненій къ открытію Германомъ пансіона. Не знаемъ—успѣлъ ли онъ открыть его, сколько отдано было ему учениковъ на воспитаніе, на какія выгоды могъ онъ разсчитывать, но едва прошло четыре мѣсяца послѣ письма его къ Румовскому, какъ Германа уже занимаетъ новое предпріятіе, и предпріятіе болѣе научнаго содержанія и болѣе свойственное профессору. Мы приводили его жалобы на то, что онъ не знаетъ какъ объясняться съ

своими слушателями. „Я обязанъ говорить съ ними разомъ на трехъ языкахъ“, пишетъ онъ къ попечителю, „для того чтобы они что-нибудь поняли. По латыни—согласно приказанію в. п., по нѣмецки и по французски—по необходимости, такъ какъ одна часть моихъ слушателей понимаетъ по французски, а другая по нѣмецки Отсюда понятно, что успѣховъ быстрыхъ мои слушатели дѣлать не могутъ“. О причинахъ малаго знанія латинскаго языка, на что жаловались, какъ мы знаемъ, всѣ иностранные профессора, онъ говоритъ, хотя и на плохомъ французскомъ языкѣ, совершенно ясно. Его жалобы написаны какъ бы въ настоящее время; мы читали ихъ какъ будто вчера ([1]). Онѣ служатъ доказательствомъ, что исторія повторяется, и что существуютъ два противоположные способа изученія классическихъ языковъ въ гимназіяхъ: одинъ—для развитія ума, другой—для его отупленія. Съ цѣлью помочь злу, Германъ дѣлаетъ попечителю предложеніе открыть въ Казанскомъ университетѣ *филологическую семинарію* по образцу существующей въ Геттингенѣ, которая и по словамъ его, и какъ это извѣстно, приготовила много достойныхъ филологовъ и была разсадницею лучшихъ методовъ преподаванія языковъ класическихъ. Директоромъ этой семинаріи, въ которой было 12 слушателей, и въ ихъ числѣ Германъ, былъ извѣстный Гейне. Германъ подробно объясняетъ, въ чемъ состояли занятія этихъ семинаристовъ, которые получали по пятидесяти дукатовъ въ годъ на свое содержаніе Предвидя, что попечитель укажетъ ему, что глава XII университетскаго устава, трактующая о педагогическомъ институтѣ, дѣлаетъ излишнимъ рекомендуемую имъ семинарію, Германъ убѣждаетъ, что эта семинарія имѣетъ спеціальную цѣль—приготовлять солидныхъ филологовъ, превосходныхъ учителей, des docteurs de sciences, чего не въ состояніи сдѣлать педагогическій институтъ. По разсчету Германа расходы на такую филологическую семинарію въ Казани не превысятъ 2 т. рублей

([1]) «En un mot c'est que mes auditeurs sont trop faibles dans la langue latine, et cela durera aussi longtemps, que les précepteurs du gymnase ne lisent pas autant que possible, les auteurs latins avec la jeunesse et qu'ils continueront de n'expliquer et de n'inculquer que les règles grammaticales. Point de salut à cette méthode ennuyante et stérile qui ne donne ni quantité de notions communes, ni multitude de mots, ni nombre de phrases, ni le génie de la langue; *méthode mieux faite pour détester une langue, qu'exciter le désir et l'ardeur de s'en rendre maître*».

въ годъ, но если и эта сумма покажется большою, онъ уменьшаетъ число семинаристовъ до 10 и назначаетъ имъ въ содержаніе только по 50 р. въ годъ. Германъ считаетъ полезнымъ также обязать учителей латинскаго языка въ казанской гимназіи быть участниками этого учрежденія „не только для того, чтобъ усовершенствоваться въ знаніи латинскаго языка, но и для того, чтобъ научиться искусству объяснять древнихъ авторовъ, методѣ болѣе легкой и вѣрной, болѣе краткой и пріятной учить по латыни и знакомить учениковъ съ писателями основательно, со вкусомъ и съ пользою. Чтобы не обидѣть самолюбія этихъ господъ, Германъ считаетъ возможнымъ отдѣлить ихъ отъ студентовъ и заниматься съ ними отдѣльно; съ тою же цѣлью, содержанія получаютъ они вдвое, т. е. по 200 р. Та же сумма назначается ежегодно на покупку лучшихъ изданій латинскихъ авторовъ Въ директоры такого института Германъ предлагаетъ конечно себя, да и никого другаго онъ не могъ тогда предложить въ Казани. „Но эта должность требуетъ не только подготовительныхъ работъ, библіотеки, состоящей изъ лучшихъ изданій латинскихъ авторовъ и другихъ книгъ, касающихся римскихъ древностей, но еще и умственныхъ усилій, не совсѣмъ обыкновенныхъ (pas communs), чтобы всѣмъ направлять, а потому я льщу себя надеждою, что в. п будете столь милостивы и щедры, что пожелаете вознаградить меня за столь нелегкіе и полезные труды *увеличеніемъ получаемаго мною жалованья на тысячу* рублей въ годъ". Германъ хочетъ увѣрить попечителя, что онъ далекъ отъ мысли о личной выгодѣ и что только одно искреннее и горячее желаніе быть полезнымъ, на сколько онъ можетъ, *новому отечеству*, руководитъ имъ, и что онъ съ удовольствіемъ откажется отъ предпріятія гораздо болѣе выгоднаго, т. е. отъ задуманнаго имъ открытія пансіона. Съ такою прибавкою онъ разсчитываетъ жить вполнѣ удобно съ своею семьею, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ рессурсамъ, особенно, если осуществится надежда получать обѣщанные профессорамъ 500 р. въ годъ на квартиру и отопленіе. Попечитель очевидно не обратилъ вниманія на предложеніе Германа и не согласился на устройство въ Казани филологической семинаріи. Едва-ли впрочемъ она могла бы принести какую-нибудь пользу, при полномъ незнакомствѣ профессора съ русскимъ языкомъ. Но Герману очевидно необходимо было

во что бы то ни стало получить *добавленіе* къ своему профессорскому жалованью, котораго ему было недостаточно.

Въ 1807 году умеръ Левицкій; каѳедра философіи до опредѣленія Фойгта была вакантна, и Германъ проситъ попечителя поручить ему преподаваніе философіи, предоставивъ получать за это вознагражденіе въ размѣрѣ половины оклада годоваго жалованья. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ каѳедръ дѣлалось потомъ весьма часто, дѣлается иногда и теперь, но тогда это была первая попытка получить „добавочныя деньги“. Германъ по крайней мѣрѣ обязывался по обоимъ предметамъ читать вдвойнѣ, двѣнадцать часовъ въ недѣлю. Онъ увѣрялъ попечителя, что такое соединеніе двухъ каѳедръ сдѣлаетъ казнѣ ежегодную экономію въ 1000 р., а впослѣдствіи можетъ изъ этихъ остатковъ образоваться фондъ для поощренія студентовъ и учителей гимназіи за латинскій языкъ.

Въ январѣ слѣдующаго 1808 года, уже не прикрываясь никакими предлогами научными и преподавательскими, Германъ прямо объясняетъ попечителю свое стѣсненное матеріальное положеніе. „При недостаткѣ квартиръ въ Казани въ первое время послѣ моего пріѣзда, я не имѣлъ возможности нанять за пятьсотъ или шестьсотъ рублей въ годъ приличнаго помѣщенія и вынужденъ былъ, чтобъ неплатить дороже чѣмъ дозволяли то мои средства, купить небольшой домикъ и устроить его по возможности удобно для себя и для своей семи (домъ этотъ былъ впрочемъ въ залогѣ у статскаго совѣтника Карла Богданова Берстеля). Я заключилъ условіе объ уплатѣ въ извѣстные сроки, небольшими суммами, въ надеждѣ, что я буду получать проценты съ моего капитала, помѣщеннаго въ королевскомъ берлинскомъ банкѣ. Но я не могу разсчитывать получить въ настоящее время ни капитала, ни процентовъ, вслѣдствіе полнаго разгрома Пруссіи, а такъ какъ одинъ изъ сроковъ уплаты приближается, то это обстоятельство приводитъ меня въ страшное затрудненіе“. Германъ разсказываетъ, что всѣ усилія его найти деньги были напрасны и онъ принужденъ безпокоить попечителя просьбою разрѣшить выдачу ему впередъ жалованья за треть года. Свои просьбы, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, Германъ чередуетъ съ разными документами, имѣющими болѣе или менѣе прямое отношеніе къ его занятіямъ по каѳедрѣ. Онъ посылаетъ попечителю то образчики своихъ лекцій, состоящіе или въ объ-

лсненіяхъ латинскихъ авторовъ, или въ переводахъ на языкъ французскій и нѣмецкій, то выписки изъ разныхъ критическихъ отзывовъ о его сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Германіи, то конспектъ преподаванія римскихъ древностей, но рефреномъ къ каждому изъ такихъ сообщеній всегда является просьба о деньгахъ. Такъ, посылая попечителю конспектъ древностей, Германъ прилагаетъ при немъ прошеніе на имя министра о выдачѣ обѣщанныхъ профессорамъ на квартиру и отопленіе 500 р. въ годъ. Тутъ же онъ сообщаетъ, что разсчитываетъ, при будущемъ открытіи университета, получить какую нибудь второстепенную должность, напримѣръ директора педагогическаго института, не принимая въ соображеніе того обстоятельства, что если университетъ откроется, то должности, опредѣленныя уставомъ, будутъ замѣщаться уже по выборамъ.

Согласно просьбѣ Германа третное жалованье было выдано ему впередъ, что же касается до квартирныхъ денегъ, то министръ приказалъ объявить ему, что на нихъ, раньше дѣйствительнаго открытія университета, разсчитывать нельзя. Въ началѣ слѣдующаго 1809 года Германъ опять въ критическомъ положеніи. Оно вызываетъ новыя жалобы и новыя просьбы съ его стороны. Снова у него вычитаютъ, конечно съ его согласія, цѣлую третью часть его жалованья въ пользу кредиторовъ, согласно закону. Но его пугаетъ то обстоятельство, что кредиторы потребуютъ больше трети, они обратились въ судъ, а этотъ послѣдній въ совѣтъ, который, не зная какъ поступить въ этомъ случаѣ, испрашиваетъ рѣшенія попечителя. Послѣдній успокоилъ Германа, написавъ въ совѣтъ, что по закону нельзя дѣлать вычетовъ свыше трети жалованья. Довольно любопытно подробное изложеніе, сдѣланное Германомъ въ одномъ изъ писемъ его къ попечителю, уже конца этого года, его печальнаго матеріальнаго положенія и происхожденія долговъ Причины долговъ этихъ заключаются, по его словамъ, въ слѣдующемъ: „Дороговизна квартиръ, которая принуждала занимать деньги за большіе проценты; невѣрность здѣшней прислуги; тяжкая болѣзнь моей жены, возвращавшаяся пять разъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ; общая дороговизна въ настоящее время и высокій, отъ 7 до 8 копеекъ лажъ на ассигнаціонный рубль при промѣнѣ,—вотъ что разорило меня и грозитъ полною нищетою. Треть моего жалованья удерживается кредиторами; пятьсотъ рублей стоитъ квартира и отопленіе; другіе пятьсотъ рублей уходятъ на

пищу и на плату прислугѣ, такъ что отъ жалованья у меня остается только 335 р. на содержаніе мое съ семьею. Ясно, что денегъ этихъ недостаточно для сколько нибудь приличнаго содержанія профессорской семьи, состоящей изъ четырехъ лицъ. Чтобы помочь бѣдѣ и не умереть отъ холода и голода, я мало по малу распродалъ часть серебра и золотыхъ вещей, привезенныхъ мною изъ Германіи, другую же заложилъ. Въ настоящее время все, что было у меня изъ денегъ—прожито; я не имѣю никакихъ средствъ спастись отъ полной нищеты; я уже вижу семью безъ платья и безъ рубашекъ, и не имѣю никакихъ способовъ дать приличное образованіе дѣтямъ, которыя въ немъ нуждаются". Изложеніе этого печальнаго въ финансовомъ отношеніи положенія Германа предшествовало двойной просьбѣ его къ попечителю спасти его тѣми средствами, какія находятся въ его распоряженіи. Средства эти заключаются въ замѣщеніи двухъ вакантныхъ мѣстъ въ Казанскомъ университетѣ: каѳедры всеобщей исторіи (послѣ увольненія Цеплина) и мѣста лектора нѣмецкаго языка Доказывая довольно наивно передъ попечителемъ необходимость для успѣха знаній замѣщеніе обѣихъ должностей, Германъ проситъ поручить ему которую либо изъ нихъ. Просьба эта осталась, также какъ и другія, безъ удовлетворенія.

Дѣла о долгахъ профессора Германа начались въ 1809 году и велись изъ году въ годъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Собственно компетенціи совѣта они не подлежали (совѣтъ по п. 6 § 51 устава разсматривалъ изъ дѣлъ, не касающихся науки и преподаванія, только тяжебныя дѣла, перенесенныя изъ правленія), но университетъ не былъ открытъ, а потому и пришлось разбирать и судить долги Германа совѣту. Въ январѣ 1809 года казанскій уѣздный судъ, въ отношеніи своемъ въ совѣтъ, сообщалъ, что на требованіе этого суда явиться въ его присутствіе для платежа должныхъ Германомъ итальянцу Якову Моттцу денегъ, профессоръ подалъ объясненіе, что явиться, безъ позволенія главнаго его начальства, не можетъ. Судъ не принялъ этого отзыва въ уваженіе и требовалъ черезъ совѣтъ, чтобы Германъ или его повѣренный непремѣнно явился въ судъ. Принимая въ соображеніе, что дѣло проф. Германа не можетъ зависѣть отъ рѣшенія *нынѣшняго* совѣта, совѣтъ представилъ о случаѣ попечителю. Это распоряженіе было сообщено и уѣздному суду. Попечи-

тель писалъ совѣту, что хотя правленіе и университетскій судъ, къ которымъ принадлежитъ дѣло Германа. не учреждены еще при Казанскомъ университетѣ, „однакожъ университетъ чрезъ то не лишается своихъ преимуществъ“, и потому онъ предписывалъ совѣту потребовать отъ уѣзднаго суда. чтобы онъ или доставилъ документы Германа въ должныхъ деньгахъ, или приказалъ самому кредитору лично явиться въ совѣтъ и, если окажется, что Германъ дѣйствительно долженъ, то „удерживать изъ его жалованья третью часть для платежа каждому изъ заимодавцевъ“ (1). Противъ предъявленныхъ ему документовъ кредиторами, Германъ не дѣлалъ никакихъ возраженій, признавалъ себя должнымъ и контора распорядилась о законномъ вычетѣ изъ его жалованья. Только противъ заемнаго письма Засса въ 400 руб, признавая его силу, Германъ въ бумагѣ своей поданной въ совѣтъ, дѣлалъ нѣкоторыя возраженія. почему совѣтъ и опредѣлилъ: „предоставить гг. профессорамъ юриспруденціи Нейману и Финке дать о семъ къ слѣдующему собранію мнѣніе свое“. Мнѣніе, поданное Нейманомъ, не касается вовсе сущности возраженій Германа; онъ высказываетъ только, что совѣтъ компетентенъ

(1) Долги, взыскиваемые съ Германа были весьма разнообразны Въ 1808 г онъ долженъ былъ итальянцу Якову Мотти или Моттцу по векселю— 45 р 60 к; аптекарю Андрею Андреевичу Зассу. по двумъ заемнымъ письмамъ, изъ которыхъ второе, съ поручительствомъ жены Германа Маріи Ивановны на сумму 912 р; въ 1809 году поступило взысканіе отъ вдовы московскаго профессора Грелльмана, у которой жена Германа купила въ 1805 г. въ Москвѣ, при поѣздкѣ въ Казань, коляску за 375 р асс. но денегъ не уплатила, и отъ крестьянина Свіяжскаго уѣзда деревни Гребеней Василья Бушуева по роспискѣ Германа, писанной по нѣмецки. гдѣ онъ называетъ крестьянина Burger, за купленный у него овесъ, за уплатою 25 р.—остальные 45 р.; въ 1810 году, по новому заемному письму, аптекарю Зассу— 400 р; по счету казанскаго мѣщанина Петра Иванова за забранные въ его лавкѣ разные панскіе товары (преимущественно атласныя бѣлыя ленты, лайковыя перчатки и линобатистъ, вѣроятно для выѣздовъ старшей дочери, 75 р. 7½ коп); въ 1811 году, по требованію казанскаго совѣстнаго суда, по счету казанскаго мѣщанина Ларіона Спиридонова, должныхъ съ 1808 года за шитье башмаковъ женѣ и дѣтямъ 86 р 65 коп; аптекарю Якову Дальке за лѣкарства въ 1809 и 1810 гг—71 р.—Въ 1812 году никакихъ взысканій съ Германа въ совѣтъ не поступало — Въ 1813 году, губернскому секретарю Филиппу Пульхеровскому по заемному письму— 250 р.; коллежскому секретарю Дю-Виларду—220 руб Объ уплатѣ долга Пульхеровскому не было сдѣлано никакого распоряженія для вычета третьей доли, такъ какъ заемное письмо было кредиторомъ утрачено, о чемъ было имъ сдѣлано объявленіе въ полицію, но въ 1816 году Пульхеровскій, чрезъ казанское губернское правленіе, представилъ ко взысканію новый, уже опротестованный вексель на 310 рублей, на погашеніе котораго и вычтены были деньги изъ жалованья Германа въ 1817 году Если

разбирать это дѣло, о чемъ уже имѣется предложеніе попечителя. Самъ Германъ, въ своемъ латинскомъ объясненіи совѣту, признавалъ, что онъ долженъ Зассу 400 руб. (это сверхъ уже уплаченныхъ ему 912 р.), что онъ подписалъ заемное письмо, и вовсе не отказывается заплатить долгъ, но не сейчасъ и не въ текущемъ году, а начиная съ апрѣля мѣсяца будущаго 1811 года, ежемѣсячно третьею частью жалованья. Онъ объясняетъ и причины, почему онъ до указаннаго имъ срока платить не желаетъ: онъ только что заплатилъ Зассу болѣе 900 рублей, между тѣмъ какъ было условлено, чтобы въ 1809 году заплатить только 500 р съ процентами, а остальные въ 1811 году, но „проситель, выходя изъ моего дома, унесъ вѣроломно и безъ моего вѣдома писанное нами условіе, чтобы лишить меня доказательствъ, а потому и требуетъ теперь немедленной уплаты“. Кромѣ того Германъ объясняетъ, что онъ далъ Зассу въ закладъ свой совершенно новый инструментъ (фортепьяно), цѣною въ четыреста рублей, а „тотъ, кто даетъ въ займы подъ закладъ“, пишетъ онъ, „не имѣетъ права требовать уплаты ранѣе трехъ лѣтъ“. Не смотря на все это, чтобы избавиться отъ платежа процентовъ, я старался найти покупателя для своего инструмента; покупщикъ видѣлъ фортепьяно, но нашелъ его до того испорченнымъ, что исправленіе его будетъ стоить почти сто рублей: кредиторъ позволялъ играть на инструментѣ людямъ вовсе незнакомымъ съ музыкой. Наконецъ Германъ заявилъ, что онъ долженъ въ университетское казначейство

такъ много и отъ столь различныхъ лицъ поступало взысканій о неуплаченныхъ долгахъ съ Германа, то былъ случай, впрочемъ единственный, что и онъ въ свою очередь принужденъ былъ обращаться въ судъ съ прошеніемъ о взысканіи Въ 1818 году Германъ подалъ въ казанскій совѣстный судъ прошеніе о взысканіи съ коллежскаго ассесора штабъ-лѣкаря Дмитрія Саханскаго взятыхъ имъ отъ него, Германа, *за проданную дѣвку Авдотью Максимову*, которая нынѣ находится у продавца Саханскаго—денегъ 275 рублей, да за лѣкарства имъ, Германомъ, на лѣченіе той дѣвки, когда она у него находилась, употребленныя 75 р, всего 350 р и объ отобраніи снесеннаго оною дѣвкою платья, цѣною на 75 руб Совѣстный судъ потребовалъ и получилъ весьма скоро объясненіе отъ Саханскаго по прошенію Германа и резолюціею своею постановилъ: «противу объясненія отвѣтчика Саханскаго потребовать доказательство», но Германъ доказательства этого, не смотря на повтореніе требованія суда, не представилъ въ теченіе всего 1819 года (въ это время произошла ревизія Магницкаго и увольненіе Германа) и только въ декабрѣ этого года совѣстный судъ былъ извѣщенъ совѣтомъ, что Германъ въ вѣдомствѣ университета не состоитъ болѣе.

200 р., которые обязанъ заплатить прежде, чѣмъ покроется долгъ Зассу. Всѣ эти обстоятельства совѣтъ отдалъ на разсмотрѣніе профессоровъ юриспруденціи: Неймана и Финке. Первый, „немогши ничего сказать рѣшительнаго о судѣ университетскомъ“, указалъ на предписаніе попечителя о вычетѣ третьей части изъ жалованья, и совѣтъ препроводилъ все дѣло для исполненія въ контору гимназіи. Послѣдняя „по причинѣ противорѣчія, изъявляемаго Германомъ и за силою 91 ст. Учрежденія о губерніяхъ и Устава о банкротахъ 2 части VIII отдѣленія, 67 пункта“, не могла приступить къ рѣшенію дѣла и препроводила его обратно въ совѣтъ, извѣстивъ при этомъ, что заимообразной выдачи Герману 200 р. изъ университетскаго казначейства по дѣламъ конторы не оказалось. Всѣ эти обстоятельства совѣтъ, затрудняясь рѣшеніемъ, представилъ на „начальственное благоусмотрѣніе“ попечителя, „съ покорнѣйшимъ испрошеніемъ разрѣшенія и на предбудущіе подобные сему случаи“ Прежде чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ отъ попечителя, спорное и почти уголовное дѣло Германа съ Зассомъ уладилось какою-то полюбовною сдѣлкой, содержаніе которой намъ неизвѣстно. Зассъ подалъ въ іюнѣ 1810 года прошеніе въ совѣтъ, изъ котораго видно, что онъ сдѣлалъ Герману въ платежѣ денегъ отсрочку и взялъ отъ него другое обязательство Германъ, съ своей стороны, представилъ въ совѣтъ латинское объясненіе съ просьбою возвратить ему бумагу, обвиняющую Засса въ похищеніи документа и уже прямо сознавался, что „въ этой бумагѣ заключаются ошибки и вкрались въ нее повидимому несправедливыя обвиненія“ (1).

Всѣ долговыя обязательства Германа, какъ только они чрезъ совѣтъ поступали въ контору гимназіи, вѣдавшую суммы и денежныя дѣла университета, погашались постепенно вычетами третьей доли его содержанія. Герману приходилось существовать на двѣ трети получаемаго имъ жалованья, и изъ бѣдственнаго положенія онъ не выходилъ. Это впрочемъ былъ, сколько мы знаемъ, единственный примѣръ между нѣмецкими профессорами того времени человѣка, который не могъ устроиться такъ, чтобы жить независимо на жалованье

(1) «... in scriptum istud quidam errores ac minus verae criminationes irrepsisse videantur».

и не прибѣгать къ долгамъ. Такое зависимое положеніе вынуждало его весьма часто обращаться, какъ мы видѣли, къ первому казанскому попечителю съ просьбами о помощи, о постороннемъ заработкѣ. Въ ноябрѣ 1814 года, въ тотъ годъ когда университетъ былъ уже открытъ и Германъ по выбору состоялъ въ должности декана отдѣленія словесныхъ наукъ, а слѣдовательно и получалъ добавочныя къ жалованью профессора, онъ снова входитъ, теперь уже въ правленіе университета, съ прошеніемъ, о выдачѣ ему квартирныхъ денегъ съ 1805 года, съ того времени, какъ онъ поступилъ на службу, ссылаясь на то, что всѣ, и младшіе его по службѣ профессора, жили въ казенныхъ квартирахъ, профессора же Дерптскаго университета удостоились получить отъ щедротъ монаршихъ, въ прибавку къ получаемому ими жалованью, на квартиру, дрова и свѣчи еще 500 рублей, а онъ принужденъ былъ нанимать помѣщеніе изъ жалованья. Прежнія неоднократныя просьбы его о томъ къ покойному попечителю остались безъ уваженія. Съ 1810 года онъ, Германъ, какъ и всѣ прочіе, получаетъ квартирныя деньги, но наемъ квартиръ до того времени ввелъ его въ неоплатные долги, почему онъ и проситъ выдать ему квартирныя деньги за прежніе годы въ видѣ вспоможенія. Германъ ссылается на свою старость (ему было 64 года), которая дѣлаетъ для него уплату долговъ невозможною, на то, что онъ, по порученію попечителя Румовскаго, „занимался въ теченіе двухъ лѣтъ со студентами прохожденіемъ философіи“ (оффиціальныхъ указаній на это обстоятельство мы однако не имѣемъ), называетъ себя „безвинно несущимъ неудовольствія чиновникомъ“ и упоминаетъ о томъ, что онъ русскій подданный (присягою на подданство повидимому онъ думалъ помочь своему матеріальному разстройству). Это прошеніе Германа было написано на имя министра народнаго просвѣщенія и препровождено къ нему на благоразсмотрѣніе. Правленіе университета съ своей стороны уважило представленные Германомъ доводы. Какъ ни убѣдительными казались эти доводы, но министръ отказалъ, сообщивъ, что квартирныя деньги отпускаются лишь съ 1810 года, что въ его распоряженіи нѣтъ ихъ за прежніе годы, что подобная выдача Герману дастъ поводъ и прочимъ профессорамъ желать и требовать, чтобъ квартирныя деньги выданы были имъ за то время, когда еще не существовало постановленія о производствѣ таковыхъ. Напрасно Германъ вы-

хлопоталъ свидѣтельство изъ правленія университета о томъ, что поступившіе послѣ него на службу профессоры въ Казани: Сторль, Фуксъ, Френъ, Браунъ, Бартельсъ и Реннеръ жили на казенныхъ квартирахъ (впрочемъ не все время), — ему никакъ не удалось получить просимаго

Считаемъ удобнымъ въ этой главѣ, посвященной дѣятельности совѣта, черезъ который проходило такъ много различныхъ личныхъ дѣлъ профессора Германа, покончить разсказъ и о всей дѣятельности этого старѣйшаго профессора Казанскаго университета. Имя его, различныя его отношенія, весьма часто встрѣчаются и въ дѣлахъ, и на страницахъ протоколовъ совѣта и правленія. Его отношенія, его долги, его столкновенія съ различными личностями обрисовываютъ намъ старые университетскіе нравы и положеніе самого университета въ городѣ, который вовсе въ немъ не нуждался У Германа, какъ и у Сторля (о дѣлѣ Сторля мы разсказывали въ *первой* части нашей книги, стр. 109—110), были столкновенія съ казанской полиціей вслѣдствіе нарушенія его профессорскихъ правъ, Высочайше дарованныхъ. Въ 1808 еще году, задумавъ, какъ мы видѣли, заведеніе пансіона и считая свой маленькій домъ на Грузинской улицѣ тѣснымъ для этой цѣли, Германъ нанялъ въ Суконной домъ статскаго совѣтника Поспѣлова и немедленно просилъ контору снестить съ кѣмъ слѣдуетъ объ освобожденіи дома Поспѣлова отъ постоя, занявъ имъ *по соразмѣрности* собственный его домъ. Самъ онъ лично отъ себя просилъ о томъ же полицію, но она не уважила его просьбы: онъ написалъ большое французское съ жалобою письмо къ губернатору, но и оно осталось безъ всякаго дѣйствія. На отношеніе конторы полиція дала такой отвѣтъ, который, по словамъ рапорта совѣта, доносившаго объ этомъ дѣлѣ попечителю, „привилегіи Высочайше дарованныя членамъ Казанскаго университета подвергаетъ нѣкоторой якобы неопредѣлительности“. И обращеніе къ коллегамъ профессорамъ съ просьбою заступиться за него, обижаемаго полиціей, которая осмѣливается не признавать права, дарованныя университетскимъ профессорамъ, и большое письмо къ казанскому губернатору (и то и другое писаны по французски) выражаются съ большимъ жаромъ и полны реторическими

фразами въ духѣ того времени и той школы, которая воспитала Германа. Сущность дѣла заключается въ томъ, что, предполагая открыть мужской пансіонъ, для помѣщенія котораго его собственный домикъ былъ недостаточенъ, Германъ нанялъ домъ Поспѣлова, болѣе обширный. Домовладѣлецъ уступилъ ему что-то, но заключилъ съ нимъ условіе, чтобъ всѣ слѣдующія съ дома повинности уплачивались Германомъ. Послѣдній разсчитывалъ, что, какъ скоро онъ займетъ наемный домъ, то этимъ самымъ онъ уже освобождается отъ платежа городскихъ повинностей и постоя. Полиція взглянула на дѣло однако иначе. Она доказывала, въ отношеніи своемъ въ контору, 1) что у Германа есть свой собственный домъ, который и освобожденъ отъ повинностей: 2) что Германъ нанялъ другой болѣе обширный домъ для устройства въ немъ частнаго пансіона, а потому онъ не можетъ быть освобожденъ отъ повинностей, такъ какъ по п 12 утвердительной грамоты университетамъ, жилища профессоровъ (собственные дома или квартиры) свободны отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ, *если лично ими занимаются.* Германъ смотрѣлъ на эти резоны, выставляемые полицейскими властями, какъ на придирки, какъ на несправедливое нарушеніе правъ, какъ на ограниченіе и даже полное непризнаніе закона Онъ убѣжденъ и высказываетъ это убѣжденіе, что казанская полиція въ особенности почему-то не любитъ профессоровъ (¹). Конечно, нельзя согласиться съ словами Германа, слишкомъ обобщающими отношенія казанской полиціи къ профессорамъ, но нельзя не вспомнить о времени и о тогдашнихъ нравахъ. Безъ сомнѣнія просвѣщенный и гуманный законодатель, утверждавшій уставъ 1804 года, имѣлъ въ виду эти нравы и ту среду, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать профессоръ, являвшійся для того общества чѣмъ то въ родѣ миѳическаго единорога. Онъ хотѣлъ оградить этого незнакомаго звѣря

(¹) «J'ai porté mes plaintes à la police, elle a été sourde, elle ne veut pas entendre les plaintes des professeurs, elle ne veut pas, à ce qui parait, les protéger et défendre contre les insultes et les attaques d'une populace effrenée (?) Mon fils, par exemple, a été presque tué par un de mes cochers, votre Excellence a donné ses ordres pour examiner l'affaire. Personne n'y a touché. J'ai fait arrêter, il y a quinze jours un homme, qui m'a volé, la police l'a mis en liberté sans faire la moindre recherche la dessus, et actuellement ce coquin me rit au nez» etc.

отъ разнообразныхъ невзгодъ житейскихъ, дать ему удобства и тишину для занятій ума. Здѣсь источникъ привилегій профессора, которыя должны были служить ему защитою отъ притязаній, тяжелыхъ особенно въ то время, когда въ обществѣ было мало чувства законности и много произвола. Конечно, съ общимъ культурнымъ развитіемъ страны, значительно цивилизовались и прежніе держиморды: они стали по внѣшности походить на молодую гвардію, но и въ настоящее время нельзя не признать, не говоря о высокопоставленныхъ въ губернской іерархіи домовладѣльцахъ, что гораздо удобнѣе быть домовладѣльцемъ совѣтнику губернскаго правленія или члену городской управы, въ ихъ отношеніяхъ къ полиціи, чѣмъ профессору. Слова Высочайше утвержденной грамоты о привилегіяхъ профессорскихъ жилищъ говорятъ: „Дома профессоровъ освобождены отъ постоя на тотъ конецъ, чтобъ они могли свободнѣе упражняться въ своихъ предметахъ“. Но въ двухъ флигеляхъ дома напятаго Германомъ, были поставлены на постой солдаты. Это сильно возмущало его: солдатъ не сводили по его требованію и онъ жаловался губернатору въ весьма энергическихъ выраженіяхъ, хотя и нѣсколько забавно (1). Ни краснорѣчіе Германа, ни заступничество совѣта, обвинявшаго полицію въ нарушеніи правъ, не помогло. Въ 1812 году совѣтъ хлопоталъ, чтобы полиція не взыскивала постойныхъ денегъ съ домовъ проф. Френа и Томаса, но тогда это вызывалось общею потребностью: „по случаю нахожденія нынѣ въ Казани во многомъ количествѣ войскъ и сенатскаго штата чиновниковъ“, писала полиція, „дома эти отъ постоя освобождены быть не могутъ, потому наиболѣе, что жители города всѣ вообще онымъ отягощены“. Переписка съ губернаторомъ и попечителемъ

(1) «Par ce procédé la police de Casan m'accable, contre la volonté de sa Majesté Impériale de tous les désagremens et inconveniens, desquels sa Majesté a voulu gracieusement délivrer ses professeurs, c'est à dire de tout fracas militaire, de tous les démelées avec les magistrats respectifs, de tous les procès, de toutes les distractions, incompatibles avec les muses, qui ne désirent que de tranquillité, de paix, de solitude, de silence, pour n'être pas interrompues dans leurs méditations, et leurs travaux paisibles et bienfaisants à l'humanité. Voilà tout le contraire avec moi dans ce moment. Le militaire, logé dans les ailes, court, saute, chante, traverse à tout moment ma cour, se batte avec mes chiens, fait le diable à quatre et tout ce fracas me dérange, m'interrompt dans mes méditations, me rend incapable de m'aquitter de mes devoirs, comme il faut, parce que mon étude donne justement dans cette cours»

не повела ни къ чему. Тоже повторилось съ профессоромъ Брейтенбахомъ, жаловавшимся совѣту на нарушеніе правъ профессора и просившимъ о томъ, чтобъ былъ сведенъ казенный постой рядовыхъ изъ того дома, гдѣ онъ квартировалъ. Казанская квартирная коммиссія, увѣдомляя правленіе, что рядовые изъ занимаемаго Брейтенбахомъ каменнаго корпуса сведены, прибавляетъ. „а которые квартируютъ въ особой казармѣ деревяннаго строенія, тѣхъ свести не слѣдуетъ и они ему. г. Брейтенбаху, въ занятіяхъ своимъ предметомъ никакого помѣшательства чинить не могутъ“ (12 апр. 1815 г.). Потомъ и самъ совѣтъ нѣсколько иначе сталъ понимать права и преимущества, дарованныя Высочайшею властью профессорамъ. Такъ, когда казанская городская полиція увѣдомила въ январѣ 1815 года правленіе университета, что профессоръ Германъ, жизущій въ своемъ домѣ на Грузинской улицѣ „отказывается платить положенныхъ съ его дома, по приговору общества на содержаніе бутошныхъ служителей и прочихъ печныхъ (sic) денегъ“, и вопросъ переданъ былъ правленіемъ по протесту Германа на обсужденіе совѣта, послѣдній, большинствомъ девяти голосовъ противъ семи, опредѣлилъ: печныя деньги платить и профессорамъ.

Въ мартѣ 1817 года Германъ еще разъ дѣлаетъ попытку получить вторую каѳедру, именно философіи, безъ всякаго сомнѣнія имѣя въ виду поправить лишними деньгами свои обстоятельства. Теперь, когда съ открытіемъ университета онъ сталъ управляться самъ, Германъ обращается уже прямо въ совѣтъ, ссылаясь на то, что министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н Голицынъ разрѣшилъ на будущее время занимать профессорамъ двѣ каѳедры, если они способны къ тому (намъ впрочемъ совершенно неизвѣстно такое распоряженіе). „И время и силы“, говоритъ Германъ, „позволяютъ мнѣ взять на себя обязанности и другой каѳедры, и именно философіи“. Мотивы, которые побудили Германа къ этому предложенію и которые какъ бы маскируютъ невысказываемую имъ конечно главную причину, состоятъ 1) въ томъ, что каѳедру философіи вотъ уже полгора года занимаетъ одинъ изъ нашихъ адъюнктовъ, но философія такая обширная наука, что преподаваніе однимъ профессоромъ ея разнообразныхъ дисциплинъ совершенно немыслимо, 2) онъ, Германъ, имѣетъ право на

преподаваніе философіи, такъ какъ по особому распоряженію покойнаго попечителя онъ *три года* (теперь онъ прибавилъ еще одинъ годъ) преподавалъ этотъ предметъ: 3) онъ надѣется, что голоса нѣкоторыхъ прежнихъ его учениковъ, съ которыми онъ имѣетъ теперь честь засѣдать въ совѣтѣ, соединятся въ его пользу, и этимъ они представятъ доказательство, что труды его не были напрасны; 4) чтобъ доказать годность свою (meine Brauchbarkeit), какъ преподавателя философіи, тѣмъ изъ настоящихъ сочленовъ, которые незнакомы съ его трудами, Германъ ссылается на свою рѣчь, читанную имъ на университетскомъ актѣ прошлаго года (1). „Конечно“, говоритъ онъ, „это краткій, бѣглый очеркъ, но и его достаточно для доказательства, что я не совсѣмъ незнакомъ ни съ древней, ни съ новой философіей, что мнѣ извѣстно сдѣланное въ ней древними и то, что заимствовали изъ нихъ новые, на сколько послѣдніе усовершенствовали или испортили древнія ученія, какія сокровища для новой философіи можно извлечь еще изъ древнихъ писателей и какъ ихъ извлекать“ и проч Совѣтъ большинствомъ опредѣлилъ представить просьбу Германа на благоусмотрѣніе г. министра. Но и на этотъ разъ попытка Германа не имѣла успѣха. Представленіе совѣта и просьбу Германа князь Голицынъ передалъ на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Послѣднее не признало нужнымъ поручить каѳедру философіи другому профессору, тѣмъ болѣе что Германъ имѣетъ уже свою собственную каѳедру, а такъ какъ совѣтъ отлично одобряетъ настоящаго преподавателя философіи Срезневскаго (въ январѣ того же года, т. е. за два мѣсяца до заявленія Германа онъ былъ избранъ въ экстраординарные профессоры большинствомъ 14 голосовъ противъ 4), то министръ и утвердилъ его въ этомъ званіи Германъ впрочемъ нѣсколько успокоился. Въ засѣданіи 30 іюня того же года, на время отсутствія уѣзжающаго въ Швейцарію профессора Броннера, Германъ былъ избранъ совѣтомъ исправляющимъ должность директора педагогическаго института и оставался имъ до отставки. Впрочемъ отставка эта

(1) «Commentatio de usu ac praestantia litterarum graecarum latinarumque». Cas 1816 4° 26 pag. Содержаніе этой рѣчи, написанной впрочемъ прекрасною латынью, заключаетъ въ себѣ лишь общія мѣста и не можетъ служить доказательствомъ основательнаго знакомства Германа съ философіей, какъ онъ увѣряетъ.

послѣдовала весьма скоро, какъ только что окончилась ревизія Магницкаго. Первое же предложеніе его, какъ попечителя казанскаго учебнаго округа, называвшееся „О предварительномъ преобразованіи Казанскаго университета“ (5 авг 1819 г., № 61), заключало распоряженіе объ увольненіи профессоровъ Германа и Эриха—*по старости*, съ пенсіономъ (половинная пенсія эта была въ суммѣ 1000 р.) Въ отчетѣ Магницкаго по ревизіи Казанскаго университета, представленномъ имъ министру народнаго просвѣщенія (9 апр 1819 г.) о Германѣ, какъ профессорѣ вовсе не упоминается, не дѣлается никакой характеристики его преподаванія, какъ было съ другими. Но Магницкій очевидно понялъ, что преподаваніе его было безполезно „Каѳедры профессоровъ Германа и Эриха *могутъ оставаться на время праздными*“, писалъ онъ въ вышеупомянутомъ предложеніи своемъ совѣту университета, „*ибо слабое знаніе студентовъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ препятствовало бы высшему оныхъ преподаванію*“. Точно также Германъ не угодилъ Магницкому и какъ временный директоръ педагогическаго института, какъ умѣли ему угождать другіе, которые этимъ и выигрывали у него. Еще въ маѣ 1816 г. Германъ, который никакъ не могъ справиться съ своими долгами, подалъ прошеніе въ совѣтъ о „дачѣ ему казенной квартиры, когда откроется первая ваканція на оную“ Совѣтъ согласился предоставить Герману первую свободную квартиру, „буде въ оной не будетъ нужды для другихъ чиновниковъ университета, кои по должности обязываются жить неотлучно при университетѣ“. Случай занять казенную квартиру и представился вскорѣ Герману, когда по выбору совѣта онъ сталъ за Броннера исправлять должность директора педагогическаго института. Вотъ что Магницкій, въ своемъ донесеніи министру о ревизіи, писалъ объ этомъ учрежденіи: „Институтъ педагогическій существуетъ только по имени и весьма страннымъ образомъ. Тѣ самые студенты, которые живутъ въ университетѣ, окончивъ якобы академическій курсъ, числомъ два, подъ именемъ кандидатовъ, почитаются педагогическимъ институтомъ. Преподавателями сего мнимаго института считаются два магистра. Ни книгъ, ни пособій, ни преподаванія въ институтѣ, ни даже комнаты для онаго нѣтъ. *Есть одно дѣйствительно существующее въ семъ воображаемомъ заведеніи: прибавка къ жалованью профессора, именуемаго его директоромъ и цѣлый, почти особенный домъ для его помѣщенія*“.

Выше (на стр. 359) мы привели обвиненіе Германа, сдѣланное Яковкинымъ въ письмѣ къ попечителю Румовскому въ „лакомствѣ отъ экзаменуемыхъ“ (конечно отъ чиновниковъ, подвергавшихся испытанію для полученія чина, согласно указу 6 авг. 1809 г.). Насколько справедливо было это обвиненіе во взяткахъ, которое въ видѣ сплетенъ и преданія повторялось потомъ долго, собственно по отношенію къ Герману, опредѣлительно сказать не можемъ Въ дѣлахъ архива не сохранилось никакихъ письменныхъ слѣдовъ, подтверждающихъ это обвиненіе, да и странно было бы, если-бъ такіе слѣды сохранились: они свидѣтельствовали бы объ уголовномъ дѣлѣ. Есть указанія на неправильность дѣйствій комитета для экзамена гражданскихъ чиновниковъ въ отчетѣ о ревизіи Магницкаго. Комитетъ этотъ, въ годъ ревизіи, состоялъ изъ Яковкина, зятя его Врангеля и профессора Бартельса, не знающаго русскаго языка Магницкій говоритъ объ „общемъ въ городѣ нареканіи на этотъ комитетъ“, говоритъ что экзамены происходятъ не въ комитетѣ, а на дому у профессоровъ и приводитъ примѣръ злоупотребленій въ лицѣ титулярнаго совѣтника Яшерова, котораго онъ лично зналъ въ симбирской губерніи „за человѣка неученаго“, дѣлающаго ошибки противъ правописанія, а между тѣмъ онъ „получаетъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія, разрѣшаетъ задачи алгебры, совершенно ему неизвѣстной, а на вопросы о правахъ и политической экономіи даетъ отвѣты, совершенно смысла не заключающіе и доказывающіе, что онъ не умѣлъ даже пересказать того, что ему о сихъ отвѣтахъ сказывали. Злоупотребленіе сего экзамена извѣстно даже въ публикѣ казанской, но между тѣмъ Яшеровъ получилъ аттестатъ и по оному чинъ 8 класса. Подобныхъ сему экзаменовъ изъ 16, комитетомъ произведенныхъ, большая половина“ Нѣтъ основанія подвергать сомнѣнію справедливость этихъ словъ, и знакомый съ нравами и привычками того времени пойметъ, что тогдашнему чиновнику, для полученія повышенія по службѣ, а слѣдовательно и для увеличенія жалованья, для того *чтобы не остаться вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ*, какъ говорили тогда (для избавленія себя отъ этого чина ѣздили на службу въ Сибирь, на Кавказъ; это замѣняло экзаменъ, котораго сильно боялись) —было выгодно расплатиться, хотя бы и весьма порядочнымъ кушемъ. Думаемъ, что и самъ Яковкинъ не былъ безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что экзамены чиновниковъ

давали ему возможность угождать разнымъ важнымъ особамъ, родственники которыхъ экзаменовались, въ чаяніи пріобрѣсти себѣ на будущее время защитниковъ и покровителей. Въ декабрѣ 1810 года, послѣ слушанія лекцій у Неймана въ теченіе года, началъ сдавать такой экзаменъ на чинъ племянникъ вятскаго губернатора фонъ-Веймарнъ. Яковкинъ, Германъ и Бартельсъ весьма скоро проэкзаменовали его. Оставался главный экзаменъ изъ правъ, гдѣ экзаменаторомъ долженъ былъ быть Нейманъ, а онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

«Веймарнъ явился ко мнѣ», пишетъ Яковкинъ къ попечителю, «и объявилъ, что какъ г губернаторъ, такъ особенно еще генералъ-губернаторъ Модерахъ, предписываютъ ему скорѣе явиться къ новой должности по горной службѣ И такъ, дабы за неоконченнымъ экзаменомъ не оставался онъ здѣсь по напрасну, предложилъ я въ субботу совѣту о избраніи экзаменаторовъ по юриспруденціи; почему на время отлучки г. Неймана назначены для сего въ экзаменный комитетъ проф Финке—для римскаго и естественнаго правъ, а адъюнктъ Вранге—для частнаго и уголовнаго съ приложеніемъ къ россійскому законодательству, и для политической экономіи И при семъ случаѣ *г оралуль* Браунъ *не преминулъ оказать своего самолюбія*, требуя, дабы Веймарнъ для удостовѣренія представилъ совѣту присланныя ему отъ начальства приказанія, не довольствуясь тѣмъ, что Веймарнъ самъ, пришедъ во время экзамена, объявилъ мнѣ словесно, какъ предсѣдательствующему, о причинѣ понуждающей его поспѣшить окончаніемъ его экзамена Извѣстно, что всякая наука на всякомъ языкѣ имѣетъ свои собственныя техническія слова, а потому для всякаго, слушавшаго науки на природномъ языкѣ, сколь должно быть тягостно отвѣчать на французскомъ или нѣмецкомъ,—для г. Бартельса,—языкѣ на всѣ чинимые вопросы. Зная совершенно матерію, но не зная техническихъ иностранныхъ словъ, и самый хорошо знающій покажется ничего не знающимъ,—какъ и происходило многократно при экзаменуемыхъ, спрашивавшихъ у меня россійскаго значенія встрѣчавшихся техническихъ словъ. На таковые случаи не благоугодно ли будетъ предписать для обучавшихся на отечественномъ языкѣ прикомандировать въ экзаменный комитетъ кого либо по той самой части, знающаго россійскій языкъ,—а иначе,—кажется, скоро мы навлечемъ на себя негодованіе и роптаніе»

Такими хитросплетеніями желалъ Яковкинъ объяснить очевидно не совсѣмъ удачный экзаменъ Веймарна При выдачѣ аттестата ему, встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что проф. Финке отказывался дать удовлетворительный отзывъ объ отвѣтахъ по наукамъ юридическимъ. Отвѣты были и словесные и письменные, и Яковкинъ обвиняетъ Финке въ томъ, что въ своихъ отзывахъ о нихъ, онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Послѣ словесныхъ отвѣтовъ Веймарна, по разсказу Яковкина, Финке объявилъ, что отвѣтами этими онъ очень доволенъ (вѣроятно экзаменаторъ не понималъ вполнѣ того, что говорилъ Веймарнъ по русски), разсмотрѣвъ же дома письменные отвѣты, онъ донесъ совѣту, что эти по-

слѣдніе весьма посредственны. Былъ выданъ какой-то временный аттестатъ, а всѣ обстоятельства дѣла пошли на разсмотрѣніе попечителя, которому жаловался съ своей стороны и самъ Веймарнъ, прося предписать комитету выдать ему полный аттестатъ „Кажется скрываться тутъ должна какая нибудь личность", писалъ объ этомъ экзаменѣ Яковкинъ къ попечителю. Честный Финке, узнавъ, что все дѣло отпразлено по начальству, написалъ также вполнѣ откровенное письмо Румовскому. Оказывается изъ него, что Веймарнъ, хотя и жилъ довольно долго въ Казани, но публичныхъ лекцій для чиновниковъ не посѣщалъ, что онъ не читалъ ни одной юридической книги, какъ самъ сознался Финке, но *бралъ частные уроки у Неймана*. Этотъ послѣдній написалъ для него нѣсколько вопросовъ по правамъ русскому и уголовному, что и дало возможность Веймарну довольно порядочно отвѣчать въ этой части экзамена, тѣмъ болѣе, что, „какъ я узналъ", пишетъ Финке, „для него были переписаны отвѣты, которые онъ и выучилъ наизусть. Весьма сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ что либо отвѣтить на другіе вопросы, если бы я ихъ предложилъ. Въ римскомъ правѣ Веймарнъ оказался совершенно незнающимъ („il a prouvé la plus grande ignorance dans le droit romain"). Тоже слѣдуетъ сказать объ отвѣтахъ письменныхъ. До Финке дошли обвиненія въ „личности". Онъ не считаетъ достойнымъ оправдываться: „Je hais les personalités dans l'exercice de mon emploi", пишетъ онъ: „la religion et la loi sont la régle de ma conduite". Нѣтъ основаній заподозрить правду этихъ словъ. Разсмотрѣвъ документы экзамена, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Яковкина, чтобы тутъ должна скрываться какая-либо личность. Письменные отвѣты на написанные впереди ихъ вопросы очень напоминаютъ весьма краткій катехизисъ и очевидно были заучены. Безъ сомнѣнія вопросы были составлены заранѣе, были чѣмъ то въ родѣ программы, по которой экзаменовались всѣ, и были переведены съ латинскаго или нѣмецкаго подлинника. Изъ римскаго права Веймарнъ отвѣчалъ на 14 вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „В. Что есть наслѣдство? О. То что одинъ оставляетъ по смерти свое владѣніе другому. В. Что должно наблюдать при сдѣланіи завѣщанія? О. 1) при ономъ должно (быть) семь свидѣтелей произвольно дѣйствующіе и въ сіе время способны; они должны соблюдать единодѣйствіе" и пр. Тоже самое было и

съ правомъ естественнымъ. Финке говоритъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ въ совѣтъ, что изъ 14 вопросовъ по римскому праву Веймарнъ отвѣтилъ только на 6, а изъ 13 вопросовъ по праву естественному только на 4. Адъюнктъ Врангель по уголовному праву и по политической экономіи призналъ отвѣты удовлетворительными Германъ экзаменовалъ Веймарна въ иностранныхъ языкахъ и свидѣтельствовалъ, что онъ знаетъ нѣмецкій языкъ, говоритъ на немъ довольно свободно и можетъ переводить съ него на языкъ русскій; по французски же онъ въ состояніи читать только легкаго автора. Яковкинъ же, и по своимъ наукамъ, и въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ, которыхъ самъ не зналъ, и въ языкѣ россійскомъ, который Веймарнъ, по его словамъ, знаетъ „по правиламъ грамматики“, далъ весьма одобрительное свидѣтельство По отношенію къ языку русскому съ Яковкинымъ согласиться нельзя: письменные отвѣты Веймарна преисполнены ошибками противъ грамматики, и ошибками весьма грубыми.

Трудно поэтому, пожалуй даже невозможно, формулировать опредѣленнымъ образомъ обвиненіе кого либо въ „лакомствѣ“ или во взяточничествѣ по поводу экзаменовъ, но что оно было, что оно чуть не открыто существовало, мало кого шокировало. Разсказывали, и на нашей памяти, съ шутками и смѣхомъ, весьма изрядное количество случаевъ дипломовъ, купленныхъ за деньги, о приготовленіи на дому у профессоровъ, о томъ, какъ положительные неучи и пошляки, но находившіеся въ какомъ-либо родствѣ съ университетскими властями или профессорами, легко и играючи получали кандидатскія степени, платя деньги за написанныя для нихъ диссертаціи и т. п. Все это было въ порядкѣ вещей; болѣзнь была старая, къ ней привыкли, такъ что естественно приходилось мириться съ нею Если бы общество нуждалось въ наукѣ, его контролирующій голосъ конечно могъ бы оказать большую помощь и нравственному развитію, и дѣлу умственнаго успѣха, но это общество придавало значеніе только диплому и правамъ, которыя соединены съ нимъ. Поэтому въ старыхъ дѣлахъ университета мы не найдемъ уличенныхъ и наказанныхъ случаевъ взяточничества, которое не отвергалъ никто. Если и всплывалъ на поверхность какой-нибудь случай этого рода и доходилъ до совѣта, то недоумѣвали, что съ нимъ дѣлать, какъ поступить. Такъ въ мартѣ 1813 года

училищный комитетъ доносилъ совѣту университета, по дѣлу, возникшему въ пермской гимназіи между ея директоромъ и учителемъ французскаго языка Дюро, что послѣдній, въ своемъ объясненіи говоритъ, что *директоръ вызывалъ сдѣлать ему подарокъ* „Если овесъ и сѣно можно именовать подарками", пишетъ училищный комитетъ, „то настоящіе директора было на эти вещи, кои получалъ г. Дюро отъ своихъ родственниковъ, живущихъ въ селѣ Ильинскомъ. Времени же, когда г. директоръ вызывалъ сдѣлать ему таковые подарки, учитель Дюро точно опредѣлить не можетъ, ибо и въ объясненіи его значится, что это случалось частовременно. Что же касается до того, что г. директоръ требуетъ свидѣтелей по сему предмету, то г Дюро осмѣливается донести, что *таковыя дѣла обыкновенно производятся одинъ на одинъ и не письменно, а словесно*". Вотъ слѣдовательно причина, опредѣленно указанная французскимъ учителемъ, почему столь обыкновенныя дѣла „о лакомствѣ" не выходили на свѣтъ Божій Училищный комитетъ недоумѣваетъ, какъ поступить ему въ настоящемъ случаѣ „для открытія истины": можно ли, напримѣръ, и директора, и Дюро, привести къ клятвѣ, т. е къ присягѣ въ томъ, что каждый изъ нихъ говоритъ по чистой совѣсти и это свое недоумѣніе представляетъ на благоусмотрѣніе совѣта. Послѣдній, находя что дѣло это, заключающееся въ обоюдныхъ жалобахъ, *принадлежитъ къ дѣламъ гражданскимъ*, „въ коихъ только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, и то съ великою предосторожностью, допускаются къ присягѣ, *сумнѣвался въ томъ, можно ли сіи слова почесть столь важными* (т е. обвиненіе французскимъ учителемъ Дюро директора во взяткахъ), чтобъ привести касательно оныхъ кого либо изъ тяжущихся къ клятвѣ". а потому испрашивалъ на это начальственнаго разрѣшенія. Но и попечитель (тогда былъ имъ уже Салтыковъ) ничего не рѣшилъ. „Какъ совѣтъ Казанскаго университета", писалъ онъ, „состоитъ изъ ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ, преподающихъ въ наукахъ наставленія и раздѣляющихся по различію наукъ на факультеты или отдѣленія, то въ ономъ совѣтѣ и находятся профессора правовѣдѣнія, которымъ предлагаю отдать на рѣшеніе дѣло, касающееся директора пермской гимназіи и учителя французскаго языка Дюро". Согласно этому предложенію совѣтомъ дана была выписка изъ протокола профессору Финке, какъ старшему въ

отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ (9 апр. 1813 года), но Финке не представилъ никакого мнѣнія. Дѣло не получило дальнѣйшаго хода и поднесеніе, и принятіе подарковъ, хотя бы въ формѣ овса и сѣна, остались неуясненными обстоятельствами, да и должны были остаться такими по своему характеру. „Лакомство“ является такимъ образомъ фактомъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ, почти никого не возмущающимъ, но никогда не всплывавшимъ наружу, никогда не доходившимъ до слѣдствія и суда, какъ оскорбленіе законовъ и общественной нравственности. Что такое какъ не „лакомство“ нахлѣбники-студенты изъ богатыхъ помѣщичьихъ или купеческихъ семей, жившіе преимущественно у вліятельныхъ и ловкихъ профессоровъ не въ то время, о которомъ мы пишемъ, а нѣсколько позднѣе, въ тридцатые, въ началѣ сороковыхъ годовъ? Это нахлѣбничество, приносившее семейному профессору весьма хорошую прибавку къ жалованью, гарантировало, и очень часто, столбовому Митрофану и безпрепятственные переходы изъ курса въ курсъ, и полученіе желаннаго диплома, столь необходимаго для служебной карьеры (1). Само начальство, въ лицѣ попечителей, не смотря на ихъ *сильную власть*, смотрѣло равнодушно на это явленіе, не возмущалось имъ нисколько. Оно само было воспитано въ тѣхъ же понятіяхъ.

Вопросъ о „лакомствѣ“ однако отвлекъ насъ отъ разсказа о судьбѣ самаго стараго изъ казанскихъ профессоровъ, Германа, уволеннаго, какъ мы видѣли, послѣ ревизіи Магницкаго, по Высочайшему повелѣнію, 14 іюня 1819 года „по старости лѣтъ“. Если при полномъ жалованьи профессора и при добавочномъ содержаніи въ званіи декана или директора педагогическаго института, онъ никакъ не могъ устроить свою жизнь и хозяйство, вѣроятно вслѣдствіе семейныхъ неурядицъ, то существовать на тысячу рублей половинной пенсіи ему было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе что съ него, какъ и съ прочихъ уволенныхъ (см. выше,

(1) Едва-ли это «лакомство», въ формѣ профессорскихъ пансіонеровъ, не было общимъ явленіемъ во всѣхъ россійскихъ университетовъ того времени. Хозяйственные «жрецы науки», «профессора-пріобрѣтатели» были вездѣ. «У меня теперь одиннадцать пансіонеровъ, съ которыхъ не беру меньше восьмисотъ рублей съ каждаго», сообщаетъ Погодинъ въ 1830 году въ письмѣ своемъ къ Шевыреву, а съ другихъ, при урокахъ, тысячу пятьсотъ и тысячу двѣсти. «*Это приноситъ мнѣ хорошій доходъ и, кромѣ содержанія себя и семейства, остается въ скопъ*» См. *Н. Барсукова*, «Жизнь и труды М. П. Погодина», книга 3-я, Спб 1890, стр 185.

стр. 91) стали взыскивать немедленно и жалованье и квартирныя деньги, полученныя съ 14 іюля по 1 августа, а экзекутору было предписано, чтобъ онъ принялъ мѣры объ очищеніи квартиръ, „не продолжая далѣе трехъ дней“. Въ декабрѣ того же года Германъ получилъ отъ университета увольнительное свидѣтельство, но выѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся какъ нибудь устроиться, онъ не имѣлъ никакихъ средствъ и ему, какъ человѣку не служащему, конечно никто бы не далъ въ займы. Германъ обратился съ просьбою къ министру просвѣщенія о помощи и по его представленію комитетъ министровъ опредѣлилъ выдать уволенному профессору на путевыя издержки, для выѣзда его изъ Россіи, единовременно тысячу рублей. За границу Германъ однако не поѣхалъ, а жилъ съ годъ въ Петербургѣ въ очень бѣдственномъ положеніи: и тутъ пришлось ему еще платить изъ своей половинной пенсіи за чинъ статскаго совѣтника, пожалованный ему при выходѣ въ отставку. „Я, благодаря Бога, совершенно здоровъ“, пишетъ Германъ въ началѣ апрѣля 1820 года къ директору университета Владимірскому, этому alter ego попечителя Магницкаго, жившаго постоянно въ Петербургѣ; (Владимірскій, какъ видно изъ этого письма Германа, содѣйствовалъ своимъ ходатайствомъ о выдачѣ ему денегъ на путевыя издержки),—„но жена моя все болѣетъ и горюетъ о нашемъ теперешнемъ, весьма неутѣшительномъ положеніи. Сначала я разсчитывалъ на прибавку къ ежегодному пенсіону еще тысячи рублей, по крайней мѣрѣ нѣкоторую надежду на это мнѣ милостиво подавалъ попечитель Магницкій, но до сихъ поръ все это весьма неопредѣленно и полученіе прибавки представляется крайне затруднительнымъ. Дай Богъ, чтобъ надежда не обманула меня На тысячу рублей едва можетъ жить прилично и одинокій молодой человѣкъ, что же сказать о человѣкѣ моихъ лѣтъ, моего положенія и притомъ съ женою“. Изъ письма видно, что Владимірскій принималъ очень теплое участіе въ судьбѣ Германа и былъ съ нимъ близокъ. Германъ проситъ его замолвить слово попечителю, чтобы все профессорское жалованье его было обращено въ пожизненный пенсіонъ и „въ случаѣ крайности, по любви къ человѣчеству, помочь словомъ и дѣломъ его несчастной замужней дочери, оставшейся въ Казани. Богъ не забудетъ

этого добраго вашего дѣла“ (1). Послѣднія строки письма Германа заключаютъ просьбу о высылкѣ ему пенсіона по третямъ въ Петербургъ (пенсіи выплачивались тогда изъ университетскихъ суммъ), и о томъ, чтобы вычетъ за чинъ статскаго совѣтника дѣлался бы также частями, по третямъ: „удержать разомъ всю сумму значило бы окончательно разорить меня“—говоритъ онъ. При пересылкѣ пенсіи Германа въ Петербургъ удерживали съ него же и страховыя деньги, что составляло для него разсчетъ, но въ іюнѣ того же 1820 года Германъ обратился къ Магницкому съ просьбой, очень можетъ быть сознавая свою неразсчетливость въ расходахъ, чтобы пенсія выдавалась ему не по третямъ, а помѣсячно. Тогда, по распоряженію министра, вся пенсія по 1 января 1821 года доставлена была въ Петербургъ, а страховыя деньги были уплачены изъ департаментскихъ суммъ. Получить въ пенсію полный окладъ жалованья, не смотря на личныя хлопоты свои въ Петербургѣ, Герману такъ и не удалось. Очевидно однако, что жить на тысячу рублей въ годъ представлялось невозможнымъ. этой суммы недостаточно было и для жизни за границей; притомъ Германъ, сколько мы знаемъ, порвалъ всякія сношенія съ родиною и отсталъ совершенно отъ того развитія, которое получила его спеціальность тамъ въ то время, какъ въ Казани онъ дѣлалъ только долги. Герману надобно было искать какихъ-либо средствъ къ жизни сверхъ пенсіи. Въ январѣ 1821 года Германъ и опредѣленъ былъ пасторомъ по вѣдомству саратовской евангелической конторы, и тогда же, по Высочайшему повелѣнію онъ переименованъ былъ изъ статскихъ въ консисторіальные совѣтники, при чемъ дано было соизволеніе оставить за нимъ по смерть и получаемый имъ пенсіонъ, перешедшій потомъ къ его вдовѣ. Какъ устроился Германъ въ Саратовѣ и вышелъ ли онъ изъ нужды, такъ сильно тяготѣвшей надъ нимъ въ Казани, у насъ нѣтъ къ сожалѣнію свѣдѣній, и не смотря на всѣ наши

(1) Это была младшая дочь, Каролина, вышедшая замужъ въ 1817 году за аптекаря Дальке, которому былъ долженъ Германъ за лѣкарства жены. Къ сожалѣнію о судьбѣ этой дочери профессора мы ничего не знаемъ. Ея мужъ, der privilegirte Apotheker Iakob Gottlieb Dalke aus Pommern, вѣроятно скоро оставилъ Казань Изъ знакомыхъ мнѣ стариковъ нѣмцевъ, которые могли бы помнить его, всѣ до одного умерли.

старанія, мы не могли получить ихъ. Каѳедра римской словесности послѣ Германа въ Казанскомъ университетѣ долго оставалась незамѣщенною никѣмъ. Въ силу условій, о которыхъ мы не разъ упоминали, Германъ, хотя и былъ ученикомъ знаменитаго филолога Гейне, не могъ приготовить себѣ замѣстителя.

Примѣромъ того, какія странныя дѣла до открытія университета приходилось иногда разбирать совѣту, можетъ служить „Дѣло по прошенію жены лектора татарскаго языка Хальфина о разныхъ притѣсненіяхъ, чинимыхъ ей мужемъ ея“ (1814 года). Совѣтъ обратился какъ бы въ магометанскую консисторію. Въ декабрѣ 1813 года жена лектора татарскаго языка Хальфина, Хабиба Искандерова подала въ совѣтъ на Высочайшее имя и по пунктамъ, на гербовой бумагѣ, прошеніе съ жалобою на мужа и съ просьбою о защитѣ. Изъ прошенія видно, что Хабиба, 17 лѣтъ тому назадъ, вышла за Хальфина въ замужество и прижила съ нимъ четверыхъ дѣтей, живучи въ согласіи, но напослѣдокъ онъ ее билъ, ругалъ и выгналъ вонъ изъ дому (по всей вѣроятности онъ обзавелся другою, молодой женой), а дѣтей держитъ у себя и между тѣмъ взялъ у нея заимообразно 42 рубли и отнялъ ея имущество. Жена Хальфина проситъ совѣтъ о возвратѣ ей денегъ и имущества и о выдачѣ ей съ дѣтьми на пропитаніе какой-либо суммы, или о помѣщеніи ея въ домѣ мужа. Выслушавъ это прошеніе, совѣтъ опредѣлилъ препроводить его къ старшему ахуну для разбора по мухамеданскимъ законамъ. Узнавъ о такомъ опредѣленіи, мужъ просительницы лекторъ Хальфинъ, съ своей стороны, также обратился въ совѣтъ съ просьбою не посылать прошенія жены его къ ахуну, такъ какъ „онъ имѣетъ съ симъ ахуномъ нѣкоторыя дѣла, касающіяся до частной моей жизни и потому почитаетъ его пристрастнымъ къ рѣшенію этого дѣла“, а чрезъ губернское правленіе, къ указному муллѣ другаго прихода. Совѣтъ находился въ затрудненіи, недоумѣвая какъ ему поступить, не зная, какъ выражалось опредѣленіе, „на сколько совѣту нужно вникать въ сіе и подобныя тому дѣла“, а потому и предложилъ профессорамъ юридическаго отдѣленія представить къ слѣдующему засѣданію свое заключеніе. Два наличные тогда профессора-юристы: Финке и баронъ Вран-

гель, ссылаясь на п. 9 указа 28 мая 1767 года („Въ дѣла непринадлежащія до свѣтскихъ правленій, яко то въ женитьбы мужей отъ живыхъ женъ и въ выходъ женъ замужъ за другихъ мужей, свѣтскимъ командамъ отюдь не мѣшаться, а просителямъ объявлять о томъ, чтобъ они били челомъ въ надлежащихъ духовныхъ правительствахъ, также въ партикулярныя мужей съ женами несогласія не мѣшаться, развѣ какое при томъ произойдетъ грабительство или кража"), говорили, что совѣтъ не имѣетъ права входить въ разбирательство дѣла Хальфиныхъ, или предписывать разобрать его чиновникамъ магометанскаго закона. Но, обращая вниманіе на уставъ университетскій, юристы высказывали сомнѣніе и приходили къ другому заключенію, тѣмъ болѣе, что уставъ, какъ законъ, изданъ позднѣе. Онъ даетъ университету собственный судъ и расправу. „Въ случаѣ тяжбы члена или подчиненнаго университету съ какимъ нибудь частнымъ человѣкомъ или обществомъ, дѣло производится въ правленіи университета, ежели отвѣтчикъ къ нему принадлежитъ.... Въ дѣлахъ уголовныхъ, правленіе, учиня первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное куда слѣдуетъ". Отсюда юристы выводятъ заключеніе, что правленію принадлежитъ судъ и расправа во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, къ *которымъ также принадлежатъ дѣла по ссорамъ супружескимъ*. „Университетъ", заключаютъ они, „обязанъ не лишать себя правъ ему дарованныхъ произвольнымъ толкованіемъ законовъ, но онъ также обязанъ слѣдовать и общимъ законамъ, касающимся сего дѣла". Заключеніе юристовъ состояло въ томъ, чтобъ представить и все дѣло, и мнѣніе ихъ, попечителю на его разрѣшеніе.

Неизвѣстно, какъ бы стали разбирать это дѣло въ ссвѣтѣ (университетъ еще не былъ открытъ и правленіе не существовало), если-бъ послѣдовало рѣшеніе попечителя въ утвердительномъ смыслѣ, но въ тотъ же день, какъ состоялось опредѣленіе совѣта, несогласные супруги Хальфины, явясь въ совѣтъ, объявили, „что произшедшее между ними несогласіе они прекращаютъ миролюбіемъ и обѣщаются другъ другу оказывать должное супружеское уваженіе, мужъ содержать хорошо жену, а она имѣть къ мужу уваженіе и быть скромною и по поданной отъ жены на мужа въ совѣтъ просьбѣ дальнѣйшаго иска никакого имѣть не хотятъ и сіе утверждаютъ".

Въ двухъ послѣднихъ главахъ (XIII и XIV) мы старались показать *дѣятельность университетскаго совѣта* въ переходное время, т. е. до формальнаго открытія университета. Какой характеръ приняла эта дѣятельность по открытіи университета, измѣнилась ли она къ лучшему, получила ли успѣхъ университетская жизнь, преподаваніе и научные труды со времени открытія и до годовъ попечительства Магницкаго сильно измѣнившаго университетъ,—мы разскажемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Прежде однако, чѣмъ мы перейдемъ къ новой университетской жизни, считаемъ необходимымъ остановиться на *старыхъ казанскихъ студентахъ*, ихъ бытѣ, ихъ нравахъ, ихъ отношеніяхъ къ поставленной надъ ними власти, ихъ успѣхахъ и занятіяхъ; наконецъ мы должны познакомиться *съ новыми личностями профессоровъ*, приглашенныхъ въ университетъ и принесшихъ конечно съ собою и новые предметы преподаванія и новую дѣятельность.

Глава XV.

Школа и жизнь. Могущественное вліяніе жизни на школу.—Недагогическое безсиліе казанской гимназіи, откуда поступало большинство студентовъ.—Дѣло ученика Ивана Сокольскаго.—Яковкинъ, какъ педагогъ: собранія для декламаціи —Донесеніе инспектора Лубкина о безуспѣшности казенныхъ воспитанниковъ гимназіи. — Опредѣленіе неудачныхъ казенныхъ учениковъ въ писцы и канцеляристы.—Дѣла о бѣглыхъ ученикахъ гимназіи: Богдановичѣ, Маньковскомъ, Ларіоновѣ. — Дѣла: 1) о выбитіи глаза ученику Иванову; 2) о причиненной обидѣ ученику Вячеславу Манасеину; 3) о противозаконныхъ поступкахъ ученика Дмитрія Путилова съ инспекторомъ Броннеромъ.—Стремленіе учениковъ гимназіи и студентовъ, особенно казенныхъ, поступить въ военную службу.—Разсужденія о мѣрахъ къ исправленію студентовъ. — Нѣсколько случаевъ прямого нарушенія даннаго обязательства прослужить въ учебной службѣ шесть лѣтъ за казенное содержаніе.—Обсужденіе поведенія студентовъ.—Составленіе и изданіе «Правилъ благочинія».

Сравнивая исторію университетскаго образованія и университетскихъ нравовъ и обычаевъ въ Европѣ и у насъ, конечно независимо отъ времени, отъ продолжительности существованія университетовъ тамъ и въ нашемъ отечествѣ, мы невольно должны остановиться на бьющей каждому въ глаза глубокой и радикальной разницѣ внутреннихъ сторонъ университетской жизни

въ Европѣ и у насъ. Того, что составляетъ главную силу просвѣщенія европейскаго, того, что называется *преемственностью развитія*, мы не найдемъ у насъ. Знакомясь съ исторіею какого-либо германскаго университета, мы видимъ стройное развитіе науки, которою интересуется цѣлое общество: преемникъ умершаго, или вышедшаго въ отставку профессора, продолжаетъ его дѣло; онъ идетъ дальше своего предшественника, но онъ усвоилъ результаты его духовной дѣятельности, съ уваженіемъ говоритъ о нихъ своимъ слушателямъ, которые въ свою очередь представятъ изъ себя цѣлое историческое поколѣніе съ опредѣленнымъ духовнымъ содержаніемъ, но находящимся въ непосредственной связи съ прошлымъ. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Наша духовная жизнь и наша университетская наука живутъ какими-то странными скачками; ходъ ихъ развитія въ высшей степени неровенъ и напоминаетъ затруднительный ходъ экипажа по ухабистой или кочковатой дорогѣ, когда его кидаетъ изъ стороны въ сторону. Бывали печальныя эпохи въ жизни нашей родины, когда сознаніе умственныхъ интересовъ, вообще чрезвычайно слабое въ нашемъ обществѣ, смолкало почти совершенно. Понятно, что въ нашихъ университетахъ не сохраняется никакихъ духовныхъ традицій, за исключеніемъ развѣ анекдотическаго свойства. Отъ того наши университетскія поколѣнія такъ не похожи другъ на друга, такая глубокая бездна лежитъ между ними Отцы не узнаютъ себя въ сыновьяхъ: такъ чужды они другъ другу по своимъ убѣжденіямъ, по идеаламъ, къ которымъ они стремятся, по духовнымъ интересамъ. Бывали времена, когда и не найдешь этихъ интересовъ, когда жизнь становится невыносимо тяжелою, когда человѣкъ теряетъ всякую вѣру въ прогрессъ и впадаетъ въ мрачный пессимизмъ, и когда единственнымъ идеаломъ, хотя и ужаснымъ по своему содержанію, становится безучастное отношеніе ко всему окружающему.

Мы говоримъ собственно о духовномъ содержаніи, такъ неустойчивомъ у насъ и безпрестанно мѣняющемся. Оно опредѣляется не самодѣятельностью общества, не свободнымъ развитіемъ, а дается какъ бы свыше, независимо отъ человѣческой воли, представляетъ что-то стихійное, какъ ненастье, буря или гроза. Подъ такими стихійными вліяніями, предвидѣть которыя нѣтъ возможности, живетъ наша измѣнчивая школа, воспитывающая русскихъ людей для жизненной дѣятельности, для предполагаемаго честнаго служенія родной

странѣ. Сколько разъ мѣнялось ея направленіе и содержаніе, а потому, не смотря на то, что со временъ Петра В исполнилось двѣсти лѣтъ существованія нашей образовательной школы, намъ приходится такъ часто встрѣчаться въ жизни съ твердою массою стариннаго невѣжества, котораго только вскользь, едва, коснулось образованіе, не будучи въ состояніи пробить его толстую кору. До сихъ поръ наша школа не только не воспитываетъ людей, давая часто ничтожныя, безполезныя или вполнѣ тенденціозныя свѣдѣнія, скоро и безъ сожалѣнія забываемыя людьми, выходящими изъ школы въ жизнь, но она не въ состояніи дѣйствовать сколько-нибудь сильнымъ и благотворнымъ образомъ на самую жизнь. У насъ нѣтъ никакой преемственности культуры, и старая ненависть къ образованію, не смотря на красивыя фразы разныхъ такъ называемыхъ дѣятелей, скорѣе впрочемъ болтуновъ, чѣмъ дѣятелей, господствуетъ безконтрольно. Могущество условій русской жизни неизмѣримо сильнѣе, къ сожалѣнію, могущества идеи.

Желая представить характеристику студентовъ Казанскаго университета и ихъ нравовъ въ годы нами описываемые, во время попечительства Румовскаго и Салтыкова, желая познакомиться съ внутреннимъ міромъ этого студенчества, его жизненными интересами, мы по необходимости должны были опредѣлить ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на эту часть нашей работы. Молодое поколѣніе университета изслѣдуемыхъ нами годовъ необходимо должно было обратить на себя наше вниманіе. Какъ и другія, ему предшествовавшія и за нимъ послѣдовавшія поколѣнія, оно принесено было въ жертву всепоглощающему Молоху жизни; оно было созданіемъ могущественныхъ условій породившей и воспитавшей его жизни, лишенной почти всякаго умственнаго, а слѣдовательно и нравственнаго содержанія. Въ борьбѣ съ жизнью школа вообще безсильна, и такъ часто раздающіяся въ послѣднее время обвиненія нашего университетскаго преподаванія въ его якобы тлетворномъ вліяніи на молодежь и вообще нашей школы, для которой съ особенною, впрочемъ недальновидною хитростью, придумывается содержаніе, сегодня одно, завтра другое, не въ состояніи выдержать критики. Еслибъ еще это образовательное содержаніе школы цѣнилось само по себѣ, еслибъ уважалось его внутреннее содержаніе—мы глубоко были бы благодарны ему, но не въ немъ суть: оно только средство для совершенно постороннихъ ему цѣлей вліянія и формированія молодыхъ умовъ. Вотъ почему молодое поколѣніе у насъ, за весьма незначитель-

ными исключеніями, ничего почти не выноситъ изъ этой школы, кромѣ ненависти къ ней, когда жизненный опытъ дастъ позднее и напрасное сознаніе о безполезно потраченныхъ школьныхъ годахъ. Собственно *о знаніи* не было вовсе заботъ, и потому молодые люди не выносили ничего въ жизнь, кромѣ глубокаго эгоизма, кромѣ заботъ о личной карьерѣ. Школа, созданная жизнью, пріучала ихъ служить не общественнымъ интересамъ, не родинѣ и ея развитію, а только себѣ. Такимъ образомъ она по-своему формировала все будущее страны и въ этомъ случаѣ нельзя не повторить народную поговорку: „что посѣешь, то и пожнешь“. Но съ другой стороны нельзя не сказать утвердительно, что сама эта школа подчинялась вполнѣ вліянію жизни, и то направленіе внутренней государственной политики, которое необходимо отражается въ извѣстную минуту въ содержаніи нашей школы, должно было конечно вредить внутреннему достоинству ея Мѣры, предпринимаемыя изъ опасенія временныхъ увлеченій молодежи, которыя прошли и забылись очень скоро и въ которыхъ неповинно ни научное, ни обще-образовательное содержаніе школы, носили чисто внѣшній характеръ, а потому и не могли дать добраго направленія, лучшаго содержанія естественнымъ увлеченіямъ молодости. Желали пріучить къ труду, и къ этому должна особенно стремиться дѣятельность школы, но трудъ этотъ являлся постылымъ, и своимъ внутреннимъ содержаніемъ не могъ заинтересовать трудящагося. Заучиваніе, и не рѣдко усиленное, учебниковъ по Закону Божію и текстовъ было не въ состояніи развить настоящую, сердечную религіозность, создаваемую чувствомъ, примѣромъ, усвоеніемъ нравственныхъ истинъ христіанства Наши педагоги, за весьма малыми исключеніями, были или совершенными нигилистами въ педагогическомъ смыслѣ, нисколько не любящими даже тотъ предметъ, который преподаютъ они, или карьеристами, умѣвшими только льстить начальству, податливому на лесть, и ловко показывавшими ему фальшивую, но красивую внѣшность, или сухими, съ черствымъ сердцемъ, формалистами, чувствовавшими не любовь, а скорѣе ненависть къ воспитанникамъ.

Все высказанное нами возникло изъ изученія старыхъ дѣлъ архива Казанскаго университета. Мы старались уяснить себѣ изучаемые нами факты, понять, какимъ образомъ могли они появиться и въ какомъ отношеніи находятся они къ окружающей и создавшей ихъ жизни. Мы вовсе не претендуемъ на

званіе историка мѣстнаго высшаго образованія, но намъ глубоко дорогъ умственный успѣхъ страны, и мы желали бы уяснить себѣ тѣ препятствія, какія создаетъ сама жизнь и ея условія этому успѣху. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ предшественниковъ. Намъ ничего не даютъ весьма немногія, скудныя по содержанію и по горизонту наблюденія, личныя воспоминанія нѣкоторыхъ старыхъ воспитанниковъ Казанскаго университета и казанской гимназіи. Эти ничтожные мемуары носятъ только внѣшній и въ большинствѣ мелочной характеръ; притомъ ихъ весьма немного. Насъ не удовлетворяютъ и тѣ шаблонныя объясненія различныхъ, такъ называемыхъ „студенческихъ исторій“ и „волненій“ (впрочемъ болѣе новаго, совсѣмъ близкаго къ намъ времени), которыя мы встрѣтили въ статьяхъ напр. Шестакова, Аристова, Григорьева, написанныхъ кажется pro domo sua, или состоящихъ въ выборкахъ изъ архивныхъ дѣлъ, какъ у гг. Ѳирсова, Чумакова и др., имѣющихъ скорѣе анекдотическій чѣмъ историческій характеръ. Можно ли напр. допустить правду такихъ объясненій студенческихъ волненій, начиная съ конца 50-хъ годовъ, какъ напр. пролетаріатъ (?), или искать подстрекателей, совратителей и вожаковъ въ людяхъ не русскаго происхожденія, въ лицахъ посторонніхъ (?). Эти и подобные имъ изслѣдователи рѣшительно забываютъ о жизни, о ея всемогущемъ вліяніи на самую школу, которая конечно можетъ съ своей стороны вліять на жизнь, но только крайне медленно, не вдругъ создать ея хорошія и дурныя условія. Люди являются созданіями жизни, а не школы. И школьные дѣятели въ свою очередь не уйдутъ отъ вліянія жизни; она передѣластъ ихъ по своему, и въ ея рукахъ они появятся несамостоятельнымъ орудіемъ внѣшнихъ условій, въ безусловную справедливость которыхъ они можетъ быть и не вѣрятъ. Въ послѣднее время очень часто говорятъ объ отношеніи школы къ семьѣ и о воспитательномъ значеніи школы, но возможно ли послѣднее при всемогущемъ вліяніи жизни на школу? Плохая жизнь создаетъ и плохую школу и плохую семью. Какое воспитаніе можетъ дать изуродованная, испорченная семья, когда эта семья является произведеніемъ жизни, воспитывающей и воспитателей и педагоговъ. Въ недавнее время часто стали повторяться толки о томъ, что школа, наприм. гимназія, необходимо должна воспитывать, что съ этою цѣлью слѣдуетъ каждую гимназію обратить въ интернатъ, какъ кадетскіе корпуса или институты. Не говоря о томъ, что этимъ высказывается уже полное недовѣріе

къ русской семьѣ, которая одна только и въ состояніи воспитать для жизни, что этимъ требованіемъ какъ бы повторяются задачи и взгляды на воспитаніе, выраженные въ эпоху Екатерины II и высказывающіе убѣжденіе, господствовавшее въ теоріяхъ XVIII вѣка, о всемогуществѣ воспитанія. мы должны замѣтить, что понимаемъ закрытое учебное заведеніе только тогда, когда оно имѣетъ какую-либо спеціальную цѣль, наприм. in majorem dei gloriam, какъ іезуитскія школы, именно съ цѣлью выработать изъ людей простыя, послушныя и безотвѣтныя орудія для выполненія чужой воли. Для дѣйствительнаго служенія жизни, для дѣйствія на эту жизнь, люди должны учиться въ открытой для всѣхъ школѣ, а воспитаніе собственно принадлежитъ семьѣ. Если въ русской семьѣ такъ часто повторяются явленія атавизма, если ея невѣжество такъ грубо-консервативно, то это и служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ слабости умственнаго образованія въ странѣ и ничтожнаго вліянія школы.

Явленія, происходившія въ казанской гимназіи, которая одна почти подготовляла тогда, въ годы нами описываемые, весь контингентъ университетскихъ слушателей въ Казани, могутъ подтвердить высказанныя нами общія замѣчанія.

Воспитательное безсиліе старой школы доказывается слѣдующимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 27 апрѣля 1811 года: „Казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ университетскихъ и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ развратнаго поведенія и *уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ*, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній, отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же таковыхъ представлять Его Величеству съ тѣмъ, чтобы о каждомъ воспитанникѣ, подвергнувшемъ себя таковому наказанію, представляемо было г. министру просвѣщенія, съ означеніемъ вины каждаго и изъ какого кто званія“ Первое примѣненіе этого Высочайшаго повелѣнія послѣдовало къ ученику Казанской гимназіи изъ разночинцевъ Ивану Сокольскому (1). Главный надзиратель гимназіи Упадышевскій доносилъ 13 августа 1811 года директору Яковкину, что этотъ Сокольскій „многократно замѣчаемъ былъ въ своевольствѣ, буйствѣ, воровствѣ и пьянствѣ, но не взирая на всѣ *предпринимаемыя мною по начальству* и даже собственно вашимъ высокоблагородіемъ *мѣры* (въ

(1) Дѣло *совѣта* 1811 года, № 66 «Объ отсылкѣ въ военную службу Ивана Сокольскаго»

чемъ онѣ заключались — неизвѣстно), увѣщанія и *приличныя наказанія*, не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправленію. Сего августа 11 дня, бывши съ вакаціи за безпорядочные его поступки присланъ въ гимназію отъ дяди его, убѣжалъ изъ гимназіи, скрывался въ непотребныхъ домахъ и уже 13 числа поутру узнанъ надворнымъ совѣтникомъ г. Волковымъ, задержанъ и представленъ *съ найденными при немъ деньгами*, двадцатипяти-рублевою ассигнаціею". Совѣтъ, разсмотрѣвшій это донесеніе Упадышевскаго, въ засѣданіи своемъ 16-го того же августа, опредѣлилъ, основываясь на выше приведенномъ Высочайшемъ повелѣніи, представить о Сокольскомъ на благоусмотрѣніе г. попечителя и присовокуплялъ съ своей стороны, что Сокольскій „не подаетъ никакой надежды къ исправленію и сверхъ того для прочихъ соблазномъ своимъ служитъ вреднымъ примѣромъ". По докладѣ министромъ Государю Императору, согласно предписанію министра попечителю. Сокольскій былъ отосланъ въ распоряженіе казанскаго коменданта Есипова. Съ своей стороны Румовскій предписывалъ „чтобы сей случай могъ послужить и другимъ въ примѣръ, исполнить сіе (т. е. объявленіе Сокольскому, что онъ отдается въ военную службу) при собраніи учениковъ, „прочтя предъ ними предписаніе о семъ министра". Въ декабрѣ того же года Сокольскій былъ доставленъ въ Оренбургъ. Изъ дѣла о немъ, гдѣ проступки его перечислены лишь въ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, мы видимъ, что Сокольскому въ то время было уже 18 лѣтъ, что въ гимназію онъ поступилъ мальчикомъ 11 лѣтъ и всѣ семь лѣтъ былъ на казенномъ содержаніи. т. е. считался лучшимъ и по успѣхамъ и по поведенію. Страннымъ явленіемъ представляется намъ поэтому какъ бы вдругъ оказавшаяся его безнадежность и неисправимость, вызвавшія примѣненіе къ нему самой тяжкой мѣры наказанія, какая только существовала тогда для воспитанниковъ учебныхъ заведеній. На комъ лежитъ печальная вина этой ранней, но глубокой испорченности: на семьѣ или на учебномъ заведеніи? Думаемъ, что на послѣднемъ, такъ какъ Сокольскій былъ оторванъ отъ семьи и всецѣло, въ теченіе семи лѣтъ, находился въ интернатѣ казанской гимназіи, подъ воспитательнымъ вліяніемъ ея начальства, а пресловутый Яковкинъ считался у перваго попечителя выдающимся и опытнымъ педагогомъ.

Но вся дѣятельность этого опытнаго педагога носила чисто внѣшній характеръ. Онъ хотѣлъ пускать пыль въ глаза красивою внѣшностью, ловкими фразами, что особенно дѣйствуетъ на провинціальную публику, которая не въ состояніи разобрать скрытую подъ мишурою фальшь и пустоту содержанія. Таково, кажется намъ, его предложеніе совѣту, сдѣланное 25 октября того же 1811 года: „Дабы возбудить болѣе соревнованія къ успѣхамъ въ учащихъ и учащихся въ гимназіи, то весьма нужнымъ и полезнымъ усматриваю я учредить въ гимназіи, *послѣ каждаго ежемѣсячнаго инспекторскаго осмотра классовъ* (?), въ первое воскресенье наступившаго мѣсяца, въ восемь часовъ поутру (тогда, какъ видно, по воскресеньямъ, гимназистовъ не посылали къ обѣднѣ), въ залѣ гимназіи, собранія, въ коихъ бы учениками высшихъ классовъ, *съ приличною декламаціею*, въ присутствіи всѣхъ учителей и учениковъ, читано было по одному, признанному отъ инспектора и учителя самымъ лучшимъ, упражненію на россійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ, а иногда также на греческомъ и татарскомъ. Къ симъ собраніямъ приглашать гг. членовъ университета, да и постороннимъ входъ не возбранять". Совѣтъ, находя такое учрежденіе воскресныхъ декламаторскихъ классовъ нужнымъ и полезнымъ, далъ о томъ знать, *для всегдашняго исполненія*, инспектору гимназіи и представилъ рапортомъ попечителю. Послѣдній изъявилъ съ своей стороны согласіе на эти „декламаціонныя упражненія", и они начались весьма скоро. Это было простое чтеніе разныхъ классныхъ упражненій (безъ сомнѣнія главное участіе въ отдѣлкѣ этихъ упражненій принимали гимназическіе учителя, напримѣръ въ баснѣ, сочиненной на французскомъ языкѣ Иваномъ Сычуговымъ), чтеніе переводовъ съ русскаго на французскій, латинскій и обратно. Долго ли существовали эти упражненія—свѣдѣній нѣтъ у насъ, но со времени попечительства Магницкаго по воскресеньямъ упражненій этихъ не могло быть, такъ какъ гимназисты обязаны были ходить въ церковь къ божественной литургіи. Но еще въ 30-е и 40-е годы, на публичныхъ актахъ 1-й казанской гимназіи, гимназисты выходили съ рѣчами, сочиненными преподавателями на разнообразнѣйшихъ языкахъ, преподаваемыхъ въ гимназіи и въ существовавшемъ тогда при ней восточномъ отдѣленіи, начиная съ санскритскаго и китайскаго. Они произносили скороговоркой, какъ попугаи, слова и звуки, смысла которыхъ, какъ мы положительно знаемъ, не понимали.

Мы не можемъ входить въ подробности устройства и характера жизни въ интернатѣ казанской гимназіи, но ея воспитательное, въ смыслѣ нравственномъ, и образовательное значеніе, въ смыслѣ усвоенія въ ней знаній, было, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, вполнѣ ничтожно. На казенныхъ воспитанникахъ этой гимназіи, на ея пансіонерахъ и полупансіонерахъ, лежалъ постоянно особый и въ высшей степени печальный оттѣнокъ. Въ архивѣ этой гимназіи безъ сомнѣнія найдется множество возмутительныхъ фактовъ глубокой нравственной распущенности, за которые едва ли ли можно огульно винить семью, пославшую дѣтей своихъ учиться въ гимназію, и, главнымъ образомъ, на казенный счетъ. Мы обращаемъ здѣсь вниманіе только на тѣ факты, которые вышли за предѣлы собственной гимназической администраціи и сохранились въ дѣлахъ университетскихъ вслѣдствіе зависимости гимназіи отъ университета Эти факты и дѣла о нихъ, подымаемыя болѣе энергичными инспекторами, на совѣсти которыхъ лежалъ можетъ быть тяжелымъ гнетомъ упрекъ въ безполезной тратѣ казенныхъ денегъ, свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ педагогическомъ безсиліи гимназіи Такъ, инспекторъ гимназіи и адъюнктъ университета Лубкинъ представляетъ университету въ 1812 году (1) объ исключеніи вовсе изъ гимназіи казенныхъ воспитанниковъ: Александра Накрапина, Николая Скрубскаго и Николая Васильева (всѣ они происходили изъ дворянъ). Въ своемъ представленіи Лубкинъ писалъ объ этихъ ученикахъ: „не смотря на *долговременное ихъ пребываніе* въ гимназіи, они, по причинѣ лѣности и вѣтренности, остаются безуспѣшными и *нимало не соотвѣтствующими своей цѣли по званію казенныхъ воспитанниковъ*. А какъ всѣ они уже взрослы и притомъ своевольны, то и нѣтъ надежды, чтобы они удобно могли поправиться. Почему не разсуждено ли будетъ за благо, ихъ, на основаніи Положенія о гимназіи, изъ оной выключить, въ примѣръ прочимъ“. Дѣло это по представленію совѣта доходило чрезъ попечителя до министра народнаго просвѣщенія. Послѣдній, разрѣшая исключеніе учениковъ, не подающихъ надежды, поручалъ попечителю „дать на замѣчаніе начальству гимназіи, что не надлежало держать учениковъ столько времени (всѣ они пробыли въ гимназіи по 9 лѣтъ), когда оное не усматривало отъ нихъ никакой пользы“. Въ другомъ дѣлѣ, раз-

(1) Дѣло совѣта 1812 года, № 137

бирaвшемся въ совѣтѣ по представленію того же инспектора Лубкина, является передъ нами казенный воспитанникъ Ѳедоръ Сумароковъ, который „будучи призванъ имъ для объясненія въ разсужденіи *частаго его отбыванія отъ классовъ* (а онъ жилъ подъ кровлей самой гимназіи, на глазахъ у инспектора и надзирателей), *особливо латинскихъ* (тогда увеличилось требованіе знанія въ латинскомъ языкѣ для возможности слушать лекціи иностранныхъ профессоровъ), *рѣшительно объявилъ, что онъ не намѣренъ учиться* по причинѣ недостаточныхъ своихъ *способностей*, такъ какъ онъ, *въ продолжительную бытность свою въ гимназіи* (никакъ не менѣе 9 лѣтъ), *досель еще ни въ чемъ не успѣлъ*“. Всѣ учителя отозвались съ худой стороны о его успѣхахъ, способностяхъ и прилежаніи. Главный надзиратель не одобрилъ его поведенія. „И какъ онъ уже находится во взрослыхъ лѣтахъ“, заключалъ свой рапортъ Лубкинъ, „то и подаетъ о себѣ мало впредь надежды“ ([1]). Въ слѣдующемъ году Лубкинъ доноситъ, что „значущее количество, какъ казенныхъ и пансіонеровъ, такъ и своекоштныхъ учениковъ гимназіи *оказываются безуспѣшными по всѣмъ классамъ*, не смотря на то, что около 3 лѣтъ и болѣе въ гимназіи находятся, что заставляетъ *подозрѣвать о ихъ безнадежности къ успѣхамъ*“ ([2]). По словамъ инспектора они подаютъ другимъ поводъ къ лѣпости и небреженію своей должности. Онъ представляетъ объ исключеніи такихъ, а также и своекоштныхъ, „кромѣ тѣхъ изъ нихъ, кого родители согласятся принять на себя обязанность употребить зависящія отъ нихъ мѣры для исправленія, но такъ чтобъ *исправленіе было очевидно въ теченіе полугода*“. Такимъ образомъ предполагалось какъ бы массовое исключеніе.

Если значительная доля отвѣтственности за такой видимый всѣмъ неуспѣхъ и за такую распущенность гимназистовъ падаетъ на начальство гимназіи, съ главою его Яковкинымъ, то у насъ нѣтъ данныхъ для возможности всецѣло выгородить отъ отвѣтственности за неуспѣхъ и за слабое пониманіе нравственныхъ и другихъ обязанностей и самыя семьи воспитанниковъ гимназіи. Изъ рапорта того же Лубкина совѣту университета отъ 22 января 1813 года ([3]) видно, что казенные воспи-

---

([1]) Дѣло совѣта 1812 г., № 88.
([2]) Дѣло совѣта 1813 г., № 11.
([3]) Дѣло совѣта 1813 г. № 16.

танники Филатовы, отпущенные на лѣтнюю вакацію въ началѣ іюля, не явились въ теченіе болѣе чѣмъ полугодіе, и гдѣ находятся—неизвѣстно, а отпущены они были въ Саратовъ, къ отцу ихъ, артиллеріи маіору. Такіе случаи невозвращенія въ срокъ для продолженія ученія изъ отпуска на вакаціонное время очевидно были нерѣдки и конечно происходили по волѣ родителей, вслѣдствіе чего совѣтъ опредѣлилъ: „Сообщить въ саратовское губернское правленіе, *дабы оно побудило отца* оныхъ Филатовыхъ къ высылкѣ его дѣтей, а попечителю представить: не благоугодно ли будетъ *объявить всѣмъ родителямъ, кои дѣтей своихъ на казенномъ содержаніи находящихся, разными предлогами и умыслами стараются отъ ученія уклонить*, по исключеніи ихъ дѣтей, что отъ нихъ взысканы будутъ издержки казною на образованіе ихъ употребленныя". Такое объявленіе, съ разрѣшенія попечителя, и было напечатано въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ". Филатовы были вытребованы въ гимназію, но отецъ вскорѣ выразилъ желаніе, чтобы сыновья его оставили гимназію (очень можетъ быть, что онъ сознавалъ безполезность дальнѣйшаго ихъ тамъ пребыванія), и съ него взыскано было за шестилѣтнее пребываніе сыновей въ гимназіи 2349 р. 99 к.— Подобно Филатову поступила съ своимъ сыномъ и Скрубская, полковница. Его приняли на казенный счетъ по именному Высочайшему повелѣнію, когда казенные воспитанники гимназіи не были еще обязаны службою Съ 1805 по 1813 годъ Скрубскій воспитывался на счетъ казны. Въ 1813 году, согласно прошенію матери, въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ былъ уволенъ въ Тобольскъ для свиданія съ родственниками. Отпускъ этотъ былъ возобновленъ „по болѣзни и весенней распутицѣ" еще на 29 дней, и вслѣдъ за этимъ получено было прошеніе Скрубской объ увольненіи сына вовсе изъ гимназіи для опредѣленія его въ военную службу. Съ разрѣшенія попечителя онъ былъ уволенъ безъ взноса денегъ за свое воспитаніе.

Съ казенными воспитанниками гимназіи, принимавшимися по всей вѣроятности безъ строгаго выбора, вслѣдствіе разныхъ постороннихъ вліяній и соображеній, стоющими казнѣ весьма дорого, образовать и обучить которыхъ гимназія была вполнѣ безсильна, не знали что дѣлать и какъ ихъ утилизировать. Тотъ же инспекторъ Лубкинъ, заступившій мѣсто Петровскаго, клеврета Яковкина, въ январѣ 1814 года доносилъ совѣту университета о казеннокоштныхъ ученикахъ гимназіи: Пулькинѣ, Михайловѣ, Рудометовѣ и Павлѣ Сычуговѣ, въ выраже-

ніяхъ намъ уже знакомыхъ, что ученики эти, *не смотря на давность своего пребыванія въ гимназіи, никакихъ почти не оказываютъ успѣховъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ, и какъ они возрастны, то не предвидится надежды* и впредь, чтобъ они могли соотвѣтствовать цѣли казеннаго воспитанія. Сычуговъ же объявилъ мнѣ, что онъ *и склонности отнюдь никакой не имѣетъ къ званію ученому*" (1). Лубкинъ представляетъ ихъ всѣхъ къ исключенію изъ гимназіи, а съ цѣлью чѣмъ-нибудь вознаградить для гимназіи и университета ихъ безполезное пребываніе въ первой, предлагаетъ „опредѣлить ихъ къ письменнымъ дѣламъ по университету, при конторѣ, или другихъ мѣстахъ учебнаго вѣдомства, *дабы они, безъ дальнѣйшей потери времени и ущерба казнѣ, положенныя для казенныхъ воспитанниковъ лѣта непремѣнно выслужили, и чтобъ почему употребленное на нихъ иждивеніе никакъ не осталось втуне*". О Рудометовѣ (2) Лубкинъ сообщалъ, что онъ самъ вызывается на такую службу, „если только при жалованьи онъ будетъ пользоваться казенною квартирою и столомъ вмѣстѣ съ питомцами". Нельзя въ настоящее время безъ улыбки читать о томъ наивномъ способѣ, какимъ думалъ инспекторъ Лубкинъ хотя бы нѣсколько вознаградить казну за потраченныя ею совершенно безполезно, благодаря безсилію и неумѣнью гимназическихъ педагоговъ, на воспитаніе этихъ учениковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, значительныя суммы. Совѣтъ однако одобрилъ представленіе Лубкина и представилъ мѣру его, какъ весьма полезную, на утвержденіе попечителя. Его разрѣшеніе послѣдовало очень скоро, и совѣтъ навелъ справки въ различныхъ университетскихъ учрежденіяхъ о томъ, не нуждаются ли которые либо изъ нихъ въ канцелярскихъ служителяхъ. Дѣйствительно въ училищномъ комитетѣ нашлись мѣста для трехъ, съ жалованьемъ въ годъ по 150 и по 100 рублей. Казалось дѣло устроилось.

Между тѣмъ дежурный офицеръ гимназіи Поповъ, въ своемъ рапортѣ инспектору, писалъ, что на объявленіе его Сычугову, чтобъ онъ шелъ къ бухгалтеру „для переписыванія

---

(1) Дѣло совѣта 1814 г. № 11

(2) Это тотъ Рудометовъ, сынъ титулярнаго совѣтника, который согласно завѣщанію извѣстнаго Полянскаго, пожертвовавшаго свою библіотеку университету, былъ первымъ стипендіатомъ (казеннымъ воспитанникомъ) съ присвоенною ему фамиліею — Полянскаго См. объ этомъ нашей книги часть 1-я, стр. 107

нужнѣйшихъ щетовъ, онъ съ дерзостью отвѣчалъ, что сего не послушается и *не пойдетъ, потому что не писецъ*". Главный надзиратель не могъ побѣдить его строптивости ни увѣщаніями, ни угрозами. Рудометовъ и Михайловъ, спустя мѣсяцъ по объявленіи имъ чрезъ инспектора о постановленіи совѣта, написали, что они согласны быть писцами; Пулькинъ, ссылаясь на слабость зрѣнія, находилъ себя неспособнымъ къ письменнымъ дѣламъ и просилъ опредѣлить его учителемъ въ нижній классъ народнаго училища. Что касается Сычугова, то онъ твердо стоялъ на своемъ первомъ рѣшеніи Онъ писалъ, что не находитъ себя способнымъ ни къ какимъ письменнымъ дѣламъ. что онъ способенъ только къ военной службѣ, въ которую и желаетъ быть опредѣленнымъ. Попечитель согласился на опредѣленіе Михайлова и Рудометова въ канцелярскіе чиновники Рѣшеніе же участи Сычугова было пока отложено попечителемъ, но черезъ нѣсколько времени онъ служитъ уже, безъ сомнѣнія противъ своего желанія, писцомъ при совѣтѣ гимназіи, не теряя однако надежды поступить въ военную службу и добиваясь достигнуть этого разными путями. Въ маѣ 1815 года генералъ-маіоръ и кавалеръ Желтухинъ 1, принадлежавшій къ роду богатыхъ когда-то казанскихъ помѣщиковъ, писалъ оффиціально совѣту гимназіи слѣдующее: „*Покровительствуемый мною* бывшій питомецъ гимназіи, а нынѣ служащій при совѣтѣ опой Павелъ Сычуговъ объявилъ мнѣ свое рвеніе служить подъ моимъ начальствомъ въ военномъ званіи. почему и прошу оный совѣтъ, дабы онъ представилъ кому слѣдуетъ объ увольненіи его, Сычугова, изъ гимназіи для опредѣленія въ военную службу. При семъ долгомъ поставляю изъяснить, что *примѣченныя мною въ немъ способности къ сему новому званію подаютъ лестную надежду, что щедроты монарха, коими онъ пользовался, воспитываясь въ гимназіи, вознаградятся съ избыткомъ на полѣ чести и славы*".

Убѣдившись ли громкими фразами генерала, что Сычуговъ военный геній и будущій герой, или желая угодить сильному въ провинціи лицу, совѣтъ гимназіи, тогда уже отдѣленной отъ университета, сдѣлалъ совѣту послѣдняго весьма лестный отзывъ о Сычуговѣ, писалъ, что онъ, „въ продолженіе своей службы при совѣтѣ, былъ всегда рачителенъ и велъ себя похвально, *а званіе письмоводителя не удовлетворяетъ его желанію служить съ большею пользою*". Онъ только въ наукахъ худо успѣвалъ и мало подавалъ надежды быть полезнымъ въ

учительскомъ званіи, но всегда былъ хорошаго поведенія. Совѣтъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Сычугова отъ обязательной службы и увольненіи его изъ гимназіи. Министръ однако не согласился. Онъ писалъ, что Сычуговъ долженъ исполнить свою обязанность (т. е. служить писцомъ) и что „безвременнымъ увольненіемъ его данъ будетъ и другимъ поводъ искать того же".

Не удалось и Пулькину избавиться отъ канцелярской службы. Въ прошеніи своемъ, поданномъ на Высочайшее имя и на гербовой бумагѣ въ правленіе университета, онъ повторялъ прежнюю просьбу свою, что не можетъ, по слабости зрѣнія, заниматься бухгалтерскими дѣлами, и просилъ объ опредѣленіи его учителемъ, утверждая, что „знаетъ правила ученія россійскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ". Послѣ экзамена на должность учителя, произведеннаго ему въ училищномъ комитетѣ, оказалось однако, что Пулькинъ не можетъ занять мѣсто ни въ уѣздномъ, ни въ маломъ народномъ училищѣ—такъ были ничтожны его свѣдѣнія. И Михайловъ оказался неспособнымъ быть даже писцомъ. Пришлось представлять попечителю объ исключеніи обоихъ ихъ вовсе изъ гимназіи, и Салтыковъ, на основаніи § 29 первоначальнаго Положенія о гимназіи, предписалъ ихъ „исключить изъ гимназіи безъ аттестатовъ и возвратить родителямъ или родственникамъ обратно, а *гг. инспектору и директору дать знать, чтобы они неспособныхъ представляли въ началѣ ученія и поступленія въ гимназію, дабы долговременнымъ содержаніемъ ихъ въ гимназіи казна не теряла издержки безплодно*". Такая же участь постигла и Рудометова-Полянскаго, который самъ вызывался, какъ мы видѣли, быть писцомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя какъ онъ сдѣлался имъ, новытчикъ правленія Черновъ доносилъ, что Рудометовъ „съ самого поступленія въ число канцелярскихъ служителей, поручаемыя ему дѣла исправляетъ весьма нерадиво, занимается мало, *а иногда и ничего*; напоминанія членовъ правленія и секретаря оставляетъ безъ вниманія". Согласно представленію правленія Рудомеговъ, за дурное поведеніе и нерадѣніе къ должности, былъ исключенъ вовсе изъ службы и вѣдомства университета. Факты, приведенные нами изъ дѣлъ, были не единичны. Въ 1815 году два казенныхъ воспитанника, братья Спиридоновы, послѣ многолѣтняго и вполнѣ безплоднаго ученія въ гимназіи, были опредѣлены въ число канцелярскихъ чиновниковъ гимназіи и уни-

верситета. Все это служитъ печальною иллюстраціею казанской гимназіи описываемаго нами времени и свидѣтельствуетъ о полномъ педагогическомъ безсиліи ея, а между тѣмъ она почти исключительно доставляла молодыхъ людей въ университетъ.

Какая дисциплина существовала въ казанской гимназіи, можно видѣть изъ дѣла о самовольной отлучкѣ учениковъ: Богдановича и Маньковскаго (¹). Главный надзиратель гимназіи Петровъ доноситъ совѣту ея, что казеннокоштный питомецъ Ипполитъ Богдановичъ самовольно и неизвѣстно куда отлучился 11 сентября и не явился до 19-го. По приказанію директора дано было знать объ этомъ въ казанскую градскую полицію для скорѣйшаго разысканія Богдановича. Полиція и представила въ гимназію 19 сентября этого бѣглаго ученика Богдановича и вмѣстѣ съ нимъ другого, своекоштнаго, Алексѣя Маньковскаго. Оба они были задержаны въ Чебоксарахъ городской полиціей и чрезъ внутреннюю стражу препровождены въ Казань. Совѣтъ казанской гимназіи опредѣлилъ допросить бѣглыхъ учениковъ: „какія причины понудили ихъ къ столь необыкновенному поступку". Они были отдѣлены отъ прочихъ учениковъ и до разбирательства дѣла содержались подъ арестомъ. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстны показанія учениковъ о причинахъ, заставившихъ ихъ бѣжать. „Какъ изъ показаній ихъ совѣтъ гимназіи ничего не усматриваетъ болѣе кромѣ своевольства и лѣности", говорилось въ его донесеніи, „между тѣмъ таковой ихъ поступокъ навлекаетъ на гимназію непріятное мнѣніе общества, и поступокъ ихъ можетъ послужить вреднымъ примѣромъ для прочихъ учениковъ, то совѣтъ гимназіи поставляетъ необходимымъ долгомъ представить сіе совѣту Императорскаго Казанскаго университета, дабы онъ благоволилъ довести сіе до свѣдѣнія высшаго начальства, *котораго рѣшеніе, по своей назидательности для блага общественнаго, впредь можетъ охранить гимназію отъ подобнаго своевольства въ оной учащихся*". Гимназія сама слѣдовательно сознаетъ, что она не въ состояніи удержать своихъ воспитанниковъ отъ бѣгства. Оба бѣглеца имѣли по 16 лѣтъ, но бѣгство ихъ произошло отъ другихъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ вліяніемъ какой-либо увлекающей книги (недавніе случаи, подобные этому, приписываютъ обыкновенно

(¹) Дѣло совѣта 1817 г., № 52.

вліянію разсказовъ Майнъ-Рида). Совѣтъ университета представилъ все дѣло попечителю. „Необыкновенный и можно сказать единственный сей поступокъ“, писалъ совѣту Салтыковъ, „случившійся во все время моего правленія, обращаетъ по важности своей особенное мое вниманіе. Хотя изъ сдѣланнаго слѣдствія *усматриваю я ребяческую ихъ дерзость, произшедшую отъ лѣности и желанія вступить въ военную службу*“ (вотъ слѣдовательно тотъ главный стимулъ, который побудилъ ихъ къ бѣгству изъ гимназіи, военною службою увлекались тогда и великовозрастные гимназисты и, какъ мы увидимъ, студенты университета); „но мнѣніе и довѣренность общества къ заведенію (sic) казанской гимназіи чрезъ сіе весьма много претерпѣваетъ. Какъ главная обязанность директора гимназіи, яко ближайшаго начальства должна состоять въ неослабномъ смотрѣніи за ввѣреннымъ ему заведеніемъ, то и нахожусь я должнымъ приписать сіе его упущенію Почему и почитаю нужнымъ предложить, дабы онъ впредь обращалъ большее вниманіе свое на поведеніе учащихся, сообразно уставу учебныхъ заведеній, статьи VII, § 76, чрезъ что вѣроятно подобныхъ сему проступковъ не будетъ и гимназія избавится отъ невинныхъ (?) на себя нареканій“. Такимъ образомъ Яковкинъ получилъ выговоръ; авторитетъ его со смертью Румовскаго палъ. Салтыковъ сдѣлалъ и распоряженіе о наказаніи виновныхъ: Маньковскаго, какъ своекоштнаго, а потому не въ полномъ распоряженіи гимназическаго начальства находящагося, имѣющаго болѣе средствъ чѣмъ его товарищъ и вовлекшаго послѣдняго въ проступокъ, рѣшено было удалить вовсе изъ гимназіи, „Богдановичу же, при собраніи членовъ гимназическаго совѣта и всѣхъ его товарищей, объявить всю важность сдѣланнаго имъ проступка и внушить, что снисходя младости лѣтъ, раскаянію и бѣдному состоянію, оставляютъ его по прежнему въ гимназіи съ тѣмъ, чтобы онъ примѣрнымъ поведеніемъ и ученіемъ загладилъ сдѣланное имъ заблужденіе. Между тѣмъ лишить его отпуска по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ до исправленія, что возлагаю въ полной мѣрѣ на директора гимназіи, дабы онъ привелъ на путь истины сего заблудившагося птенца и тѣмъ возвратилъ бы хорошаго воспитанника гимназіи, на коего уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ употреблено довольно значительное казенное иждивеніе“.

Салтыковъ, называя случай съ воспитанниками гимназіи Богдановичемъ и Маньковскимъ „единственнымъ“, ошибался

однако. За нѣсколько дней до начала этого дѣла профессоръ Вердерамо подавалъ прошеніе въ казанское губернское правленіе *о разысканіи увезеннаго изъ казанской гимназіи ученика Григорія Сергѣева Ларіонова* (1) сенатскимъ регистраторомъ Елагинымъ (съ какою цѣлью, при какихъ обстоятельствахъ и куда былъ увезенъ Ларіоновъ—изъ дѣла не видно). Полиціи казанская и нижегородская разыскивали его одновременно съ исчезнувшимъ также студентомъ Брянкомъ, но были ли они найдены или нѣтъ—неизвѣстно. Дѣло о нихъ сдано было въ архивъ въ январѣ 1822 года и изъ него видно, что оба они, и Ларіоновъ и Брянкъ, были уже исключены изъ списковъ гимназіи и университета.

Весьма любопытно для характеристики педагогическихъ пріемовъ и порядковъ, существовавшихъ въ казанской гимназіи, дѣло о полупансіонерѣ ея Павлѣ Ивановѣ, производившееся въ 1818 году (2) Оно рисуетъ и личности гимназическихъ воспитателей и ихъ отношеніе къ ввѣренному дѣлу. Не смотря на значительный объемъ этого дѣла (оно заключаетъ въ себѣ 236 скрѣпленныхъ листовъ), мы изложимъ вкратцѣ его содержаніе, считая это необходимымъ для преслѣдуемой нами цѣли. Разсматривалось оно, на основаніи устава, въ правленіи Казанскаго университета, но всѣ документы были препровождены изъ совѣта гимназіи. Разслѣдованіе было обставлено всевозможными формальностями и длилось довольно долго вслѣдствіе допросовъ множества лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу. Оно началось слѣдующимъ рапортомъ главнаго надзирателя гимназіи Петрова, поданнымъ имъ директору Яковкину:

«Сего іюня 7 дня, т. е. въ субботу, въ 2 часа по полудни, полупансіонеръ гимназіи Павелъ Ивановъ былъ мною уволенъ для свиданія съ пріѣхавшимъ сюда ярапскимъ исправникомъ Трофимовымъ, состуживцемъ отца его и *будто бы* (?) *доставившимъ ему, Иванову, извѣстіе о кончинѣ его*

---

(1) Это былъ впослѣдствіи очень извѣстный въ Казани и коренной ея житель, губернскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, весьма долго служившій по этому вѣдомству, но замѣчательный большою сердечною добротою Онъ умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ въ чинѣ генералъ-маіора. Разыскивавшій его профессоръ Вердерамо былъ женатъ на родной его сестрѣ.

(2) Дѣло это (*по правленію* университета, 1818 года, № 104) носитъ слѣдующее заглавіе: «О выбитіи глаза неизвѣстными людьми ученику казанской гимназіи Павлу Иванову, объ отрѣшеніи учителя казанскаго главнаго народнаго училища Иванова и объ увольненіи надзирателя Петрова вовсе изъ вѣдомства оной гимназіи».

матери Я приказалъ Иванову настрожайше язиться въ гимназію чрезъ полтора часа, и чтобы онъ ни подъ какимъ предлогомъ въ другое мѣсто а особливо къ своему брату, учителю свящ[illegible] училища (онъ тоже былъ прежде воспитанникомъ Казанской гим[illegible], пріѣзжающему здѣсь за бочѣзнями, не уходилъ Изъ нѣсколькихъ опытовъ, нами сдѣланныхъ, его неблагонадежное поведеніе, нашелъ я необходимымъ сдѣлать ему подтвержденіе и предостереченіе Но онъ, Ивановъ, 8 числа, т. е. въ воскресенье, въ 6 часовъ вечера, былъ привезенъ въ гимназическую больницу Получивъ о семъ увѣдомленіе, я немедля пошелъ туда и увидѣлъ, что *Павелъ имѣлъ весьма обезображенный видъ, какъ лицо, а особливо глаза* Начавъ съ нимъ говорить, тотчасъ *я примѣтилъ, что онъ былъ очень пьянъ*, начали мнѣ разсказывать въ несвязныхъ выраженіяхъ какимъ образомъ кто-то изъ встрѣтившихся съ нимъ на дорогѣ разбилъ ему правый глазъ, такъ что, по осмотрѣ моемъ, я нашелъ, что этотъ глазъ совершенно закрытъ: еще я примѣтилъ, что на правой щекѣ осталась запекшаяся кровь *Такое соблазнительное для прочихъ зрѣлище, какъ не имѣющее мѣста въ благоустроенныхъ (?) заведеніяхъ*, побудило меня приказать ему Иванову немедленно удалиться изъ гимназіи. А какъ и прежде нѣсколькократно онъ Ивановъ былъ замѣчаемъ въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ, о чемъ я и доказывалъ в. в—дію, и какъ самые рѣзкіе опыты показываютъ его Иванова непривычность, то, дабы гимназія не могла *подвергнуться новому нареканію* за поведеніе его, Иванова, и чтобъ предохранить прочихъ отъ такового соблазнительнаго примѣра, честь имѣю симъ представить все сіе на начальственное благоусмотрѣніе»

Совѣтъ гимназіи потребовалъ, по выслушаніи этого рапорта главнаго надзирателя, чрезъ полицію (тогда всѣ эти и подобные имъ случаи производились формально и письменно: сохранялась такимъ образомъ какъ бы память о старинной волокитѣ) отобрать свѣдѣнія отъ исправника Трофимова, а чрезъ директора училищъ Николаева отъ учителя Иванова: былъ ли у нихъ ученикъ Ивановъ? Въ какое время? Сколько времени пробылъ? Въ какомъ видѣ былъ? Куда и съ кѣмъ отправился? Казанская полиція, въ отвѣтъ на требованіе гимназіи, препроводила рапортъ квартальнаго надзирателя Попова, которому поручено было разслѣдованіе Изъ этого рапорта видно: 1) по показанію домовладѣлицы, гдѣ жилъ небывалой тогда дома старшій братъ потерпѣвшаго ученика, дѣвки покойнаго губернскаго землемѣра князя Багратіона, Агафьи Даниловой, и по объясненію самого Трофимова, что ни Ивановъ, ни Трофимовъ не видали изувѣченнаго гимназиста, что 8 и 9 іюня онъ не приходилъ къ нимъ и они ничего не знаютъ о немъ въ эти дни; 2) что ямщика того, который привезъ въ гимназію Павла Иванова, и бившихъ его людей онъ разыскать не могъ. Съ своей стороны квартальный дѣлалъ заключеніе: „Едва ли и объясненіе его, Иванова, что будто ему то побойство причинено было неизвѣстными двумя человѣками, на дорогѣ,

идучи изъ Горшечной къ Мясному ряду, справедливо, *ибо дѣвка Данилова и г. Трофимовъ объяснили совсѣмъ противное его ссылкѣ*, изъ чего и видно, что Ивановъ *скрываетъ справедливость причиненнаго ему побойства* гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и поступки свои. „Что противное объяснили, Данилова и Трофимовъ—изъ показаній ихъ не видно, да объ этомъ не упоминается и во время всего хода слѣдствія. Слѣдуетъ замѣтить, что дни 8 и 9 іюня, когда случилось происшествіе, были тогда послѣдними днями Троицкой недѣли, а на Арскомъ полѣ, куда заходилъ Ивановъ, что видно изъ его собственныхъ словъ, во всю эту праздничную недѣлю происходитъ полный пьяный разгулъ; драки и побои въ прежніе годы и до послѣдняго времени, при малочисленности и испорченности самой полиціи, были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ.

Старшій братъ, учитель Ивановъ, въ своемъ объясненіи, поданномъ имъ директору училищъ, сообщалъ совѣту гимназіи, на вопросы ему заданные, что 8 іюня родной его братъ ученикъ гимназіи:

1) въ квартирѣ у меня не былъ; 2) ни въ какое время дня; 3) ни въ какомъ видѣ; 4) ни одинъ, ни съ кѣмъ либо другимъ, потому что я совсѣмъ за нимъ не посылалъ, да и не имѣлъ надобности его видѣть, и дѣйствительно во весь тотъ день не видалъ; 5) въ моей квартирѣ ничего въ тотъ день происходить не могло; слѣдовательно 6) поелику онъ совсѣмъ 8 іюня въ квартирѣ моей не былъ, то ему и не можно было куда либо изъ оной въ тотъ день выходить ни одному, ни съ кѣмъ другимъ. Почему, *ідъ братъ мой Павелъ Ивановъ 8 іюня былъ и что съ нимъ случилось въ тотъ день 8 іюня я совсѣмъ не зналъ, а должны о семъ знать тѣ особы, коихъ надзору онъ вѣренъ*».

Не довольствуясь этимъ, нѣсколько рѣзкимъ объясненіемъ своимъ, учитель Ивановъ вошелъ въ совѣтъ гимназіи съ слѣдующею жалобою:

«Принимая сердечное участіе въ несчастіи моего брата, тѣмъ болѣе, что главный надзиратель Петровъ нарушилъ законы, налагающіе на него обязанность къ поданію помощи каждому питомцу, живущему въ гимназіи такъ какъ и моему брату, который, *будучи лишенъ всякаго пособія*, можетъ быть во всю жизнь будетъ въ полной мѣрѣ *чувствовать жестокость главнаго надзирателя*.... На другой день послѣ случившагося съ братомъ моимъ несчастія, т. е. 9 числа поутру, узналъ я отъ студента Казанскаго университета Можарова, что братъ мой находится въ его квартирѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, куда я, приѣхавши съ Можаровымъ, увидѣлъ брата моего лежащаго на дворѣ и облитаго кровью, текущею изъ глаза. Въ ту же минуту поѣхалъ я къ г. профессору и доктору Адаму Ивановичу Аригольдту, но не заставъ его дома, принужденъ былъ просить г. лѣкаря Николаева, чтобъ онъ подалъ помощь моему брату. Г. Николаевъ сдѣлалъ ему всевозможное вспоможеніе, по совѣту коего я не могъ брата моего представить

въ тоже самое время по слабости его отъ многаго истеченія крови изъ глаза въ гимназическую больницу. Когда же силы его нѣсколько подкрѣпились, то я спрашивалъ его: какимъ образомъ случилось съ нимъ сіе несчастіе на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что 8 сего іюня выпросился онъ безъ записки у главнаго надзирателя Петрова сходить къ пріѣзжему изъ Ярославля г Трофимову, и что не сыскавши его квартиры, былъ на Арскомъ полѣ, отъ куда возвращаясь довольно поздно, былъ встрѣченъ неизвѣстными пьяными людьми, идущими на гору Новой Горшечной улицы, изъ коихъ одинъ ударилъ его кулакомъ по глазу, отъ чего онъ упалъ безъ чувствъ Опомнившись отъ обморока, просилъ онъ ѣхавшаго мимо извозчика довезти его до моей квартиры, но не доѣзжая до оной, вторично лишился чувствъ отъ чрезвычайной боли Извозчикъ, видя сіе, и повидимому испугавшись, снялъ его съ дрожекъ и оставилъ на землѣ близъ квартиры юнкера учебнаго батальона Морозова, который видя сіе, донесъ его съ помощью студента Можарова и его двороваго человѣка до его квартиры по ближайшему разстоянію оной. гдѣ онъ и провелъ ночь 9 числа іюня, въ 5 часу по полудни, отправилъ я брата моего въ больницу казанской гимназіи, изъ которой чрезъ самое короткое время главный надзиратель Петровъ, вѣроятно самъ собою, выгналъ его вонъ, не оказавъ ни малѣйшаго сострадания и должной по обязанности его помощи Выгнанный братъ мой, въ крайнемъ изнеможеніи силъ, принужденъ былъ прибѣгнуть ко мнѣ, а отъ меня отвезенъ былъ опять въ больницу, гдѣ и ночевалъ. 10 числа въ 7 часовъ утра братъ мой явился ко мнѣ въ слезахъ, и отъ слабости силъ и боли глаза едва стоящій на ногахъ, сказывая что главный надзиратель лишилъ его пристанища, выгнавъ вонъ и сказавъ, чтобъ онъ шелъ куда хочетъ. я что *ежели онъ еще осмѣлится придти въ больницу*, то велитъ изъ оной выгнать его въ шею *Братъ мой считался какъ преступникъ, осужденный къ плетямъ* Больно мнѣ было видѣть роднаго брата въ такомъ бѣдственномъ состояніи, и, хотя по родству долженъ бы я былъ принять его къ себѣ, но не имѣя средствъ къ облегченію болѣзни его, не могъ на то рѣшиться: сверхъ того, опасаясь, чтобъ не подвергнуть себя гнѣву моего родителя за то, что еслибъ я принялъ къ себѣ моего брата, и съ нимъ вмѣстѣ отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія отъ его болѣзни, потому что родитель мой отдалъ сына своего лично въ гимназію, въ полный ей надзоръ и попеченіе Въ такомъ случаѣ принужденъ былъ я довести сіе до свѣдѣнія г казанскаго гражданскаго губернатора графа Ильи Андреевича Толстаго *Но по приказанію Его Сіятельства я послалъ моего брата въ третій разъ въ гимназію*, который просилъ главнаго надзирателя не о помощи, въ которой онъ ему отказывалъ, но единственно о позволеніи ночевать въ гимназіи; но главный надзиратель, *вмѣсто должнаго сожалѣнія, снова выгналъ его и заставилъ провести ночь на улицѣ* — Когда же 11 числа извѣстился я, что почтеннѣйшій совѣтъ принялъ участіе въ судьбѣ моего несчастнаго брата, приказалъ подать всевозможныя средства къ возвращенію его здоровья, то пришедши въ больницу освѣдомиться о его состояніи, увидѣлъ я брата моего, пишущаго дрожащею рукою объясненіе по приказанію главнаго надзирателя, который требовалъ сего съ грозною миною. *Тутъ узналъ я отъ брата моего, что до силъ поръ не видалъ его еще докторъ*, почему я просилъ его, чтобъ онъ оставилъ писать и не подвергался бы опасности лишиться и послѣдняго глаза Главный надзиратель за сей мой поступокъ выгонялъ меня изъ больницы и запрещалъ ходить туда и впредь Въ тоже время пошелъ я къ профессору и доктору Арнгольдту и первый извѣстилъ его о болѣзни моего брата чрезъ двое сутки послѣ случившагося съ нимъ несчастія разсказавъ при томъ ему о поступкахъ главнаго надзирателя Петрова со мною и съ братомъ моимъ, и просилъ его покровительства Почтенный докторъ искусствомъ своимъ открылъ закрытый брату моему глазъ, объявивъ при томъ, что если бы ранѣе подана была помощь, то можно бы было надѣяться на совершенное излѣченіе глаза, а теперь нѣтъ уже надежды, и

братъ мой долженъ на вѣкъ остаться лишеннымъ онаго. А потому и прошу сіе мое прошеніе принявъ, записать подлинникомъ въ протоколъ, разсмотрѣть означенные поступки и учинить законное рѣшеніе Съ бумаги же (т е съ рапорта Петрова), послужившей поводомъ къ истребованію отъ меня объясненія, выдать мнѣ засвидѣтельствованную копію, дабы я о ходѣ сего дѣла могъ подробно извѣстить моего родителя».

Чего другаго, а quasi-педагогической строгости не занимать было тогдашнему начальству гимназическому. Правда и то сказать, что кромѣ этой строгости, въ сущности очень легкой для выполненія, при условіяхъ нашей жизни, едва ли и было какое-либо другое достоинство у этого начальства Отсюда тотъ крайне грустный фактъ, не рѣдко наблюдаемый и нами, что много русскихъ людей, выходя изъ воспитавшей ихъ школы, выносятъ въ жизнь, и весьма часто, чувство озлобленности, не сохранивъ свѣтлыхъ воспоминаній Нашлись однако и тогда члены гимназическаго совѣта, которые осудили бездушную строгость Петрова и сочувственно отнеслись къ жалобѣ учителя Иванова, брата пострадавшаго ученика, возмущаясь предложеніемъ главнаго надзирателя изгнать немедленно этого несчастнаго ученика, безъ уясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ его несчастіе. Такъ членъ совѣта гимназіи адъюнктъ Самсоновъ, въ особомъ, поданномъ имъ мнѣніи, указывалъ на то, что „главный надзиратель, говоря въ рапортѣ своемъ о худомъ поведеніи ученика Павла Иванова, упустилъ обстоятельство, которое, думаю, совѣту знать было необходимо, именно, что питомецъ имѣлъ несчастіе вечеромъ 8 іюня влипиться случайно глаза“. Самсоновъ справедливо упрекаетъ главнаго надзирателя за его безчеловѣчіе, за то что онъ „не только не озаботился подать помощь страждущему, но еще нѣсколько разъ выгонялъ его изъ гимназической больницы и не давалъ ему въ заведеніи, попеченіе котораго ему вѣрено, никакого пристанища“. Самсоновъ съ своей стороны предлагаетъ подробно изслѣдовать: справедливы ли слова учителя Иванова о дѣйствіяхъ Петрова и собрать показанія отъ всѣхъ тѣхъ, о комъ онъ упоминаетъ въ своемъ прошеніи. Въ особенности настаивалъ онъ на спросѣ самого главнаго надзирателя, между прочимъ: „для чего, пороча поведеніе питомца Иванова, отпускалъ онъ его безъ записки?“ или: „почему, представивъ 11 іюня рапортъ о худомъ поведеніи питомца и объ исключеніи его изъ гимназіи, не давалъ прежде знать совѣту о его поведеніи?“. Въ заключеніи своего мнѣнія Самсоновъ доказывалъ законность удаленія главнаго надзирателя отъ должности секретаря и отъ засѣданія въ гим-

назическомъ совѣтѣ на время, пока будетъ разсуждаемо о дѣлѣ питомца Иванова. Съ мнѣніемъ Самсонова вполнѣ согласился другой членъ совѣта Илья Заюльской. Съ своей стороны онъ прибавилъ нѣсколько ехидный вопросъ Иванову (учителю): почему онъ, минуя ближайшее гимназическое начальство, рѣшился безпокоить г. гражданскаго губернатора и искать у него защиты выгнанному главнымъ надзирателемъ изъ больницы, своему брату питомцу Иванову?

Главный надзиратель конечно не остался въ долгу у своихъ обвинителей и въ новомъ донесеніи своемъ совѣту гимназіи постарался объяснить мотивы своихъ дѣйствій и выставить въ благопріятномъ свѣтѣ свое умѣнье воспитывать и свой педагогическій тактъ:

«Іюня 8 числа сего 1818 года я замѣтилъ» писалъ въ своемъ донесеніи Петровъ, «что ученикъ казанской гимназіи Павелъ Ивановъ какъ до начатія утреннихъ классовъ, такъ и находясь въ моемъ географическомъ классѣ, *былъ весьма задумчивъ, и обстоятельствомъ такимъ былъ удивленъ*. Въ 2 часа по полудни онъ просилъ у меня позволенія увидѣться съ какимъ-то пріѣхавшимъ изъ Яранска бывшимъ исправникомъ Трофимовымъ, знакомымъ его отцу Тутъ я спросилъ его о причинѣ примѣченной мною въ немъ задумчивости Онъ, запинаясь, отвѣчалъ, что упомянутый Трофимовъ сообщилъ брату его Николаю Иванову (это былъ третій, самый младшій братъ, учившійся въ гимназіи и жившій въ ней) печальное извѣстіе о кончинѣ родной ихъ матери *По сострадательности и обязанности наставника я старался его успокоить* Окончивши сей разговоръ, онъ повторилъ еще свою просьбу, дабы, какъ онъ увѣрялъ, услышать лично отъ Трофимова описаніе ея кончины *Не хотѣлъ я увеличить прискорбіе его*, позволилъ я ему увидѣться съ онымъ Трофимовымъ: но чтобъ чрезъ полтора часа онъ непремѣнно явился въ гимназію, *строжайше повторилъ ему избытие свиданія съ своимъ братомъ, учителемъ Ивановымъ по тѣмъ причинамъ, кои я всеобратно слышалъ* какъ отъ обоихъ учениковъ Ивановыхъ, равно и отъ многихъ постороннихъ (причины эти не были однако выяснены во все время производившагося слѣдствія). *и будучи обязанъ я болѣе предупреждать простыхъ учениковъ, нежели поступъ за тяжкіе съ нихъ взыскивать Вотъ изложена причина, побудившая меня по законамъ уважить требованіе ученика Иванова* Когда прошелъ срокъ его отпуска, а между тѣмъ онъ еще не являлся, то я рѣшился ожидать его сколько законами позволительно (?) »

Далѣе Петровъ передаетъ появленіе въ больницѣ Иванова ученика, привезеннаго неизвѣстно кѣмъ, и несвязный разсказъ его, что по отпускѣ изъ гимназіи, онъ пробылъ съ 2 до 9 часовъ у Трофимова, въ его квартирѣ на Новой Горшечной улицѣ, и что при возвращеніи его въ гимназію, по дорогѣ къ Мяснымъ рядамъ, напали на него двое пьяныхъ, одинъ толкнулъ его въ бокъ, другой ударилъ кулакомъ въ правый глазъ, что извозчикъ довезъ его до квартиры его брата, учителя; тамъ провелъ онъ остатокъ ночи и тутъ же, въ ихъ

комнату входила иногда хозяйка дома, что братъ приглашалъ для помощи лѣкаря Николаева и весь день до 5 часовъ вечера онъ провелъ безотлучно въ квартирѣ своего брата (Выше мы видѣли, что разсказъ этотъ, переданный Петровымъ, противорѣчитъ показаніямъ Трофимова и хозяйки дома, гдѣ жилъ учитель, собраннымъ квартальнымъ надзирателемъ и объясненію брата, учителя Иванова). Петровъ продолжаетъ:

«Между тѣмъ весьма ясно примѣтилъ я, что платье на немъ было въ пуху, въ необыкновенныхъ (?) пятнахъ, сапоги по швамъ разорваны, лицо опухлое, на лѣвой щекѣ отъ уха остатокъ запекшейся крови, тупое произношеніе словъ и *разительные всего, во время разговора, сильныя запахи, какой бываетъ всегда отъ пьяныхъ* Но всѣмъ симъ признакамъ я заключилъ, что *разсказъ его былъ вымышленный*, и что причины какъ поврежденія глаза, такъ равно и столь безобразнаго состоянія были совсѣмъ иныя Для подтвержденія моихъ замѣчаній призвалъ я въ больницу комнатнаго надзирателя Сычугова, который подтвердилъ мое мнѣніе, да и больничный надзиратель Пономаревскій примѣтилъ тоже Здѣсь еще не упоминаю я о питомцахъ, бывшихъ свидѣтелями *сего, ибо невинность ихъ и неопытность такихъ наблюдений едва ли въ состояніи сдѣлать* (?) Послѣ чего я приказалъ оному ученику Павлу Иванову немедленно изъ больницы выдти и имѣть проживаніе у своего брата учителя Иванова, замѣтивъ ему, что *гимназія, какъ заведеніе благоустроенное, въ коемъ одно только благонравіе* (?) *имѣетъ мѣсто, никогда не терпѣла въ нѣдрахъ своихъ подобнаго распутства* (!) О всемъ этомъ я немедленно донесъ г директору, который и самъ лично видѣлъ ученика Иванова и нашелъ мое донесеніе истиннымъ. На другой день по утру я, къ величайшему моему удивленію, встрѣтилъ Иванова опять въ больницѣ и вторично приказалъ выдти *Безъ особеннаго приказанія начальства я не смѣлъ позволить ему, Иванову, остаться въ такомъ развратномъ состояніи между благовоспитывающимися* (?) *учениками*, а особеннаго отдѣленія для подобныхъ зазорнаго поведенія учениковъ, больница не имѣетъ Тогда же я подалъ обо всемъ этомъ происшествіи рапортъ на имя г директора гимназіи Въ 9 часовъ вечера того же дня явился ученикъ Иваловъ опять въ гимназію *въ нетрезвомъ видѣ*, чему еще свидѣтелемъ былъ дежурный комнатный надзиратель Поляковъ, и я тѣмъ болѣе не могъ позволить ему остаться здѣсь Хотя 11 дня, въ присутствіи совѣта гимназіи, при слушаніи предложеннаго директоромъ моего о семъ рапорта призванъ былъ оный ученикъ Павелъ Ивановъ и подтвердилъ все то о случившемся съ нимъ, что разсказывалъ мнѣ и 9 числа; равномѣрно повторилъ и тѣ наставленія, кои я дѣлалъ ему въ предосторожность отъ свиданія съ братомъ Но окончаніи засѣданія, когда онъ изшелъ ко мнѣ въ квартиру, то при г магистрѣ Кайсаровѣ подтвердилъ тоже Въ исполненіе опредѣленія совѣта, я немедленно препроводилъ его въ больницу, и въ 4 часа по полудни, самъ приѣхавши туда, приказалъ ему, при всѣхъ находившихся тамъ питомцахъ и студентахъ, написать на бумагѣ все, что онъ знаетъ подробнѣйшаго о случившемся съ нимъ съ 3 по 11 число іюня Всякое отлагательство могло произвести непреодолимыя препятствія къ открытію истины и *въ наказаніи виновнаго*. Павла Иванова, *въ вымышленныхъ разсказахъ* Это мое мнѣніе подтвердилъ самый рѣшительный опытъ Въ то время какъ онъ уже успѣлъ написать значительную часть показанія, является братъ его, учитель Ивановъ, и, узнавъ, что мы дѣлаемъ, вдругъ схватываетъ бумагу, беретъ къ себѣ и *приказываетъ ему, ученику Иванову, и впредь подобнаго не писать и ни въ чемъ предъ начальствомъ гимназіи не признаваться*, а въ короткихъ выраженіяхъ научаетъ его отвѣтамъ, кои заключали въ себѣ тожъ самое, что

Павелъ Ивановъ объявилъ и прежде Я напомнилъ ему, учителю Иванову, о мѣстѣ, гдѣ онъ находится, о противозаконномъ его поступкѣ и совѣтовалъ удержаться; но онъ, не внимая сему, началъ произносить лично мнѣ различныя дерзости Тогда я, призвавъ квартермистра гимназіи, приказалъ ему вывести учителя Иванова изъ больницы, а еслибъ онъ Ивановъ оказалъ упорство, то исполнить сіе съ помощью инвалидной команды Но удаленіи учителя Иванова, я спросилъ ученика Иванова: «намѣренъ ли онъ теперь начать снова свое показаніе?» —Онъ отвѣчалъ мнѣ рѣшительно, что, совсѣмъ не намѣренъ; что обо всемъ этомъ подано уже (братомъ) прошеніе въ управленіе Казанскаго университета.

«Соображая изложенныя обстоятельства сего дѣла въ прошеніи учителя Иванова, поданномъ въ совѣтъ гимназіи, *ясно видна лживость того и другаго брата* А посему обязанностью своею поставляю доножить совѣту гимназіи, что для открытія сей, столь важной для чести заведенія истины, *необходимы мѣры рѣшительныя* (?), и что *пристрастіе, съ какимъ разсматривалось* сіе дѣло нѣкоторыми гг членами совѣта, клонящееся только къ какому-то обвиненію собственно меня, *сіе пристрастіе безпрепятственно даетъ способъ прорываться распутству и избывать должнаго возмездія* Что ученикъ Павелъ Ивановъ безнадеженъ ко всякому дальнѣйшему исправленію, и что пороки его не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ заведеніи, сіе доказывается и тѣмъ, что онъ *Павелъ Ивановъ неоднократно былъ примѣченъ въ похищеніи различныхъ вещей какъ у своихъ товарищей, такъ и у посторонняго* За таковые предосудительные поступки онъ былъ подвергаемъ строгимъ, законнымъ наказаніямъ (очевидно однако, что эти наказанія его не исправили) по приказанію г директора; въ надеждѣ же на его исправленіе и внимая чистосердечному повидимому раскаянію, а особливо изъ состраданія къ недостаточному состоянію его отца и немаловременному семейству, онъ былъ оставляемъ въ гимназіи по прежнему Но послѣдній его проступокъ ясно показалъ, что всѣ наистрожайшія предварительныя мѣры будутъ уже тщетны и что онъ, ученикъ *Ивановъ, при первомъ подобномъ случаѣ безусловно готовъ къ самымъ позорнымъ проступкамъ* Дальнѣйшая терпимость таковаго разврата показала бы болѣе безпечность начальства нежели великодушіе, ибо обязанность воспитанія состоитъ въ отдаленіи соблазнительныхъ примѣровъ, которые и въ лѣтахъ зрѣлыхъ пагубны и совершенно неистребимы въ лѣтахъ юныхъ»

Въ заключеніи своего донесенія, Петровъ жалуется снова на пристрастіе нѣкоторыхъ, нами уже упомянутыхъ членовъ гимназическаго совѣта и проситъ все дѣло, для дальнѣйшаго сужденія, перепести въ правленіе Казанскаго университета. Мы привели такимъ образомъ въ выраженіяхъ подлинныхъ бумагъ всѣ обстоятельства этого дѣла, вѣроятно весьма громкаго въ свое время и надѣлавшаго шуму въ городѣ. Какъ бы мы ни разсматривали эти подробности (дальнѣйшее слѣдствіе, веденное правленіемъ университета, не прибавило къ нимъ ничего существеннаго, какъ мы увидимъ), какъ бы мы ни взвѣшивали показанія противныхъ сторонъ, все же приходится только развести руками и выразить недоумѣніе по вопросу: на чьей сторонѣ находится истина. Удаленные временемъ и необходимымъ развитіемъ, для котораго много значатъ 70 лѣтъ, мы не въ со-

стояніи никакъ и представить себѣ ту глубокую нравственную испорченность шестнадцатилѣтняго юноши, о которой такъ настойчиво твердитъ главный надзиратель, увѣряя, что всѣ разсказы его и брата о несчастномъ случаѣ не заключаютъ въ себѣ ничего кромѣ лжи. Мальчикъ задумчивый, печальный, весь въ слезахъ, просится у надзирателя сходить къ пріѣзжему изъ роднаго города сослуживцу его отца, узнать подробности о недавней смерти матери и возвращается чрезъ полторы сутки весь избитый, въ изорванномъ платьѣ, съ выбитымъ глазомъ и совершенно пьяный, какъ показываетъ надзиратель. Какое же сердце у него, какое нравственное развитіе, если смерть родной матери служитъ предлогомъ у него для распутства и пьянства? Кстати замѣтимъ, что никого не спрашивали, когда умерла мать Иванова и какимъ образомъ Трофимовъ видѣлъ только младшаго брата и ему передалъ печальное извѣстіе, такъ что и въ этомъ случаѣ справедливость является проблематическою. Намъ кажется совершенно естественнымъ, что Ивановъ, не найдя квартиры Трофимова, завернулъ на сосѣднее Арское поле, гдѣ широко развернулся праздничный разгулъ и уходя съ него, при спускѣ въ оврагъ (а этими оврагами въ то время была изрыта вся эта мѣстность), и былъ избитъ пьяными встрѣчными гуляками изъ простонародья, питавшими ненависть къ студентамъ и гимназистамъ. По и директору гимназіи Яковкину, и главному надзирателю Петрову безъ сомнѣнія также естественною бросалась въ глаза ложь отвѣтовъ ученика Павла Иванова и желаніе со стороны брата скрыть настоящія его похожденія, хотя послѣдній показанія свои вызывался подтвердить клятвою. Эти противорѣчія и и недомолвки даютъ намъ вѣрное представленіе о правахъ того времени и о томъ печальномъ состояніи, въ какомъ находилась казанская гимназія при Яковкинѣ.

Перенесеніе дѣла въ правленіе университета, при чемъ оно усложнилось еще жалобою старшаго надзирателя Петрова на обиду, причиненную ему учителемъ Ивановымъ (онъ, по словамъ Петрова, „самымъ дерзкимъ образомъ укорялъ меня незнаніемъ моимъ собственныхъ моихъ обязанностей въ отношеніи къ моей должности, нагло кричалъ и приводилъ различные, вымышленные имъ случаи моей несправедливости, заключивъ все это тѣмъ, что я, по его мнѣнію, нисколько не заслуживаю занимать то мѣсто, какое предоставлено мнѣ закономъ и высшею властію"), нисколько не способствовало къ откры-

тію истины. Если главный надзиратель жаловался на учителя Иванова, то съ своей стороны и этотъ писалъ правленію что въ жалобѣ Петрова заключена ложь, что продолжать брату писать показаніе по требованію главнаго надзирателя онъ запретилъ изъ опасенія потери и другого глаза, что бумаги, на которой уже было написано начало показанія, онъ не вырывалъ и не пряталъ въ карманъ и проч. Врачи Вердерамо и Фуксъ дали свидѣтельство, что ученикъ Ивановъ потерялъ глазъ окончательно, но что для общаго состоянія его здоровья это безразлично; въ свидѣтельствѣ не говорится однако о томъ, что помощь поданная во время могла бы спасти глазъ, какъ говорилъ, а въ своемъ письменномъ показаніи правленію и написалъ профессоръ Аригольдтъ, призванный въ гимназическую больницу. Снова спрошены были правленіемъ по вопроснымъ пунктамъ, на которые они должны были дать письменные отвѣты въ присутствіи членовъ: потерпѣвшій ученикъ Ивановъ, главный надзиратель (на вопросъ почему онъ препятствовалъ ученику Иванову оставаться въ больницѣ и не пригласилъ врача, Петровъ отвѣтилъ: „по обязанности моей врачъ тогда только приглашается въ подобныхъ случаяхъ, когда воспитанникъ получитъ болѣзнь или какое либо поврежденіе, находясь въ самой гимназіи, а *онъ ея получившій такое разительное поврежденіе и столь сомнительнымъ случаемъ едва ли не долженъ остаться на попеченіи тѣхъ, у кого онъ имѣлъ хотя бы временное пребываніе*“). Совершенно естественно, что Петрову необходимо было теперь, для своего оправданія, выставить въ самомъ черномъ свѣтѣ прежнее поведеніе ученика Иванова, но факты имъ приводимые и подтвержденные директоромъ Яковкинымъ усугубляютъ въ значительной степени печальное представленіе о состояніи нравственности воспитанниковъ казанской гимназіи:

«Главные проступки ученика Иванова, нарушающіе порядокъ благоустроеннаго заведенія состояли *въ кражѣ чужихъ вещей* а) Зимою, въ началѣ 1817 года, онъ укралъ у полупансіонера гимназіи Павла Алехина изъ комода суконные брюки, которые, по его же сознанію, найдены мною въ сундукѣ его, внѣ гимназіи. б) По его наущенію полупансіонеръ гимназіи Щегловъ укралъ въ домѣ архіерея Амвросія (Щегловъ былъ воспитанникомъ этого владыки) четыре серебряныя ложки, нанковый сюртукъ, брюки и одинъ рубль денегъ, 1817 года іюля 6 дня, бывши по билетамъ отпущены оба изъ Казани 30 іюня, но для исполненія своихъ предпріятій оставшіеся здѣсь. По прошенію архіерея я самъ отыскалъ какъ ихъ обоихъ, равно и всѣ украденныя вещи возвратилъ въ цѣлости. Обо всемъ неукоснительно было донесено г. директору, который, хотя и приказывалъ мнѣ подавать особые рапорты

для исключенія ихъ, однако я, по приказанію г. директора, *лично наказавъ ихъ* изъ снисхожденія къ 12-ти лѣтнему возрасту Щеглова и изъ состраданія къ Павлу Иванову, взялъ на себя обязанность исправить ихъ и отдалилъ всѣ случаи къ безпорядкамъ, не выпуская обоихъ изъ гимназіи никуда, и какъ самъ, такъ равно и всѣ комнатные надзиратели наистрожайше примѣчали за каждымъ ихъ преступкомъ *Дѣйствительно, казалось мнѣ*, что ученикъ Павелъ Ивановъ исправился, но настоящій случай подтвердилъ, что при первомъ соблазнительномъ обстоятельствѣ онъ готовъ повергнуться во всѣ преступленія.»

Спрошены были также указанные обѣими сторонами студентъ Можаровъ и Анфимовъ, дворовый человѣкъ его, профессоръ Арнгольдтъ, юнкеръ Морозовъ, комнатные надзиратели Сычуговъ и Поляковъ, магистръ Кайсаровъ, квартирмейстеръ Ушмарскій, студенты Кругликовъ, Сычуговъ и Антроповъ (всѣ они находились въ больницѣ общей тогда для студентовъ и гимназистовъ, когда явился туда ученикъ Ивановъ), больничный надзиратель Пономаревскій, лѣкарь Николаевъ, первоначально подавшій пособіе Иванову и другъ. Любопытна разница въ показаніяхъ этихъ свидѣтелей, на вопросъ наприм. заданный правленіемъ нѣкоторымъ изъ нихъ: „былъ ли Павелъ Ивановъ пьянъ, когда его привезли въ гимназію?“ студентъ Можаровъ и человѣкъ его Анфимовъ, юнкеръ Морозовъ и студенты Кругликовъ и Антроповъ показывали, что они или не замѣтили, что Ивановъ былъ пьянъ, или не могутъ утверждать или отрицать того, или говорили: „кажется не былъ пьянъ“, или не слыхали того запаха, какой бываетъ отъ пьяныхъ. Только комнатные надзиратели Сычуговъ и Поляковъ заявили, что отъ ученика Павла Иванова они слышали тотъ винный запахъ, какой бываетъ отъ пьяныхъ. Почему главный надзиратель, отпуская Иванова на полтора часа изъ гимназіи, запретилъ ему заходить къ его брату учителю, въ чемъ можно было обвинить этого послѣдняго и въ чемъ могло заключаться его вредное вліяніе—осталось также не разъяспеннымъ. Директоръ училищъ казанской губерніи, на предписаніе правленія университета объ учителѣ Ивановѣ доносилъ, что имъ не было замѣчено никакихъ неблагопристойныхъ его поступковъ, что никто не приносилъ на него письменныхъ жалобъ (жаловалась только одна квартирная хозяйка въ неплатежѣ денегъ, но и эти деньги всѣ сполна уплачены). Никакихъ другихъ свѣдѣній объ учителѣ Ивановѣ не было.

Что касается до членовъ гимназическаго совѣта: Упадышевскаго, Запольскаго и Самсонова, на пристрастіе которыхъ жаловался Петровъ, то смыслъ ихъ объясненій заключался въ

томъ, что все ихъ *пристрастіе* основывалось на человѣколюбіи: они настаивали на принятіи Иванова, пишучи[illegible] въ гимназическую больницу, а касательно его поведенія и нравственности дѣлать заключеніе отказывались, такъ какъ не принимаютъ никакого участія въ управленіи гимназіи по части надзора за поведеніемъ воспитанниковъ. Изъ прочихъ мѣстъ объясненій этихъ лицъ видно, что Яковкинъ долго отказывался помѣтить и внести жалобу учителя Иванова въ протоколъ и сдѣлать по ней какое-либо постановленіе Всѣ они высказывали недоумѣніе о важныхъ проступкахъ Иванова, о которыхъ никогда до того времени не заявлялось въ совѣтѣ; они ничего не знаютъ и о мѣрахъ къ исправленію нравственныхъ недостатковъ Иванова со стороны главнаго надзирателя и какимъ образомъ послѣдній, будучи увѣренъ въ испорченности ученика Иванова, отпустилъ его въ праздничный день въ неизвѣстный домъ и около двухъ сутокъ не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій. Видно, что ученикъ Ивановъ былъ сильно запуганъ и грознымъ видомъ, и обращеніемъ съ нимъ главнаго надзирателя „Петровъ, самовольно призвавъ его въ совѣтъ“, писалъ Самсоновъ, „пристрастно вынуждалъ изъ него отвѣты, и не давая кончить одного, перебивалъ и тотчасъ же требовалъ другого Странность такого поступка со стороны г. Петрова такъ меня поразила, что я и самъ не зналъ: въ совѣтѣ ли я или въ какомъ иномъ мѣстѣ? Невниманіе же г. директора къ такой непристойности еще болѣе утвердило во мнѣніи, что всѣ несвязные отвѣты запуганнаго воспитанника нужно было замѣчать только г. Петрову, такъ какъ онъ одинъ, безъ всякаго согласія на то гг. сочленовъ, домогался отъ него оныхъ, повидимому въ качествѣ непосредственнаго его начальника, ибо нѣсколько разъ громогласно повторялъ ему: *я вашъ, сударь, начальникъ! я вашъ начальникъ!*“. Защищаясь отъ обвиненій Петрова, Запольскій доказываетъ, что онъ добивался только „видѣть и знать убѣдительнѣйшія доказательства распутству воспитанника Иванова“. Доказательства этого распутства были вполнѣ голословны и только потомъ, послѣ увѣчья ученика Иванова, и главный надзиратель, и директоръ заговорили о воровствѣ, но когда пріучился Ивановъ къ пьянству, никто изъ нихъ не упоминалъ. „При томъ г. Петровъ, охуждая въ рапортѣ своемъ поведеніе онаго Павла Иванова“, говоритъ Запольской, „на вопросъ: зачѣмъ сдѣлалъ довѣріе и отпускалъ, вопреки своей обязанности, распутнаго мальчика безъ записки и поруки?“

отвѣчалъ, что „оный Ивановъ четыре мѣсяца былъ очень хорошаго поведенія. Какъ же сообразить, что одинъ и тотъ же воспитанникъ, изъ очень хорошаго, во время короткаго отпуска своего сдѣлался такъ дуренъ, что уже надежды никакой нѣтъ къ его исправленію? И кто повѣритъ, чтобы четырнадцатилѣтній или пятнадцатилѣтній ребенокъ въ нѣсколько часовъ могъ надѣлать столько неистовствъ, что совѣтъ долженъ прибѣгнуть къ послѣдней рѣшимости—изгнать его? *И въ семъ ли состоитъ цѣль заведенія, монаршими щедротами на общую пользу воздвигнутаго*?“. Дѣло объ изгнаніи воспитанника Иванова было рѣшено въ гимназическомъ совѣтѣ, какъ мы знаемъ, въ первое же засѣданіе. Директоръ согласился съ протестовавшими противъ изгнанія членами и Ивановъ былъ отправленъ въ больницу гимназіи, но потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, Яковкинъ, какъ бы забывъ прежнее рѣшеніе совѣта, сталъ на сторону главнаго надзирателя и не только не удерживалъ его „въ предѣлахъ благопристойности“, какъ выражается Запольской, но самъ изъявлялъ различныя неудовольствія на протестантовъ. Когда послѣдніе настаивали у директора на томъ, чтобы выслушана была жалоба брата, учителя Иванова, на Петрова, поданная имъ въ совѣтъ, Яковкинъ „съ видомъ величайшаго неудовольствія возгласилъ: *Молчать! молчать! прошу не въ свое дѣло не соваться! Я знаю что дѣлаю! Не вы меня, а я поставленъ васъ учить!*“ Видно, что и въ гимназическомъ совѣтѣ, какъ и въ университетскомъ. при началѣ университета, какъ мы уже знаемъ, Яковкинъ желалъ дѣйствовать вполнѣ самовластно. Но времена перемѣнились. Тамъ онъ могъ еще давить своимъ престижемъ, опираясь на довѣріе Румовскаго, и боязливыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, заѣхавшихъ Богъ знаетъ куда, и молодыхъ адъюнктовъ, своихъ воспитанниковъ, выведенныхъ имъ въ люди и всѣмъ ему обязанныхъ. Здѣсь, благодаря тому, что новый попечитель Салтыковъ не благоволилъ къ Яковкину, благодаря самоуправленію, дарованному въ 1814 году университету, отъ котораго зависѣла гимназія, люди сдѣлались гораздо самостоятельнѣе. Они могли теперь свободно писать въ правленіе университета и высказывать жалобы на Яковкина, теперь уже не всемогущаго, не смотря на его аррогантный тонъ. Въ одно изъ засѣданій директоръ говорилъ такъ: „*Стыдно тѣмъ, которые защищаютъ негодяя мальчишку, да до моихъ ушей дошло, что нѣкоторые изъ гимназическихъ чиновниковъ ходятъ къ учителю Иванову*

бражничать да метать на право и на лѣво. На вопросъ: къ кому бы относилось сіе? г. директоръ сказалъ, что *это не на вашъ счетъ, что это такъ.* „А если такъ, возразилъ Упадышевскій, „то позвольте доложить, что здѣсь не мѣсто разсказывать постороннее. Г. директоръ еще нѣсколько разъ въ другія засѣданія разсказывалъ *о худомъ поведеніи учителя Иванова, о поступкахъ его въ Елабугѣ* и много другого, чего ужъ за давностью припомнить не могу, нашимъ же и дѣльнымъ словамъ, мѣста не было"—пишетъ Запольской.

Шестой уже мѣсяцъ длилось это несчастное дѣло во взаимныхъ пререканіяхъ и въ медленной процедурѣ бумажнаго слѣдствія, производимаго правленіемъ университета. Между тѣмъ потерпѣвшій воспитанникъ Ивановъ, уволенный за невзносомъ на содержаніе его денегъ, живетъ у брата своего учителя, а въ классы по неизвѣстной причинѣ не ходитъ; оказалось, что посѣщать классы не допускаетъ главный надзиратель, какъ это видно изъ жалобы брата учителя. Казанская полиція не сообщаетъ правленію университета требуемыхъ свѣдѣній, не разыскиваетъ нѣкоторыхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, не отвѣчаетъ на бумаги. Правленіе университета жалуется на полицію губернскому правленію. Въ январѣ 1819 года является въ Казань и отецъ Иванова, служившій судьею въ Ранскѣ, чтобы принять личное участіе въ дѣлѣ. Въ прошеніи, поданномъ имъ въ правленіе университета, дѣло о сынѣ онъ называетъ уже дѣломъ „о жестокихъ поступкахъ главнаго надзирателя Петрова съ сыномъ моимъ, отъ которыхъ сынъ мой лишился глаза и намѣреніе мое отдать его въ военную службу осталось тщетнымъ". Онъ ставитъ на видъ правленію, что ждетъ рѣшенія почти семь мѣсяцевъ и теперь принужденъ взять отпускъ и собственно для этого дѣла оставить на время службу. Ни слѣдствіе, ни рѣшеніе дѣла не подвигались однако и отецъ рѣшился принести жалобу министру народнаго просвѣщенія. Князь Голицынъ предписалъ правленію университета поспѣшить собраніемъ нужныхъ справокъ и рѣшеніемъ дѣла, а потомъ представить это дѣло дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому по прибытіи его въ Казань. Въ виду такого оборота дѣла, правленіе обратилось уже къ власти губернатора съ жалобою на медленность казанской полиціи и губернскаго правленія въ доставленіи необходимыхъ по дѣлу справокъ, а справки эти заключались въ вопросѣ: „не были ли когда чиновниками градской полиціи и въ особенности квар-

тальнымъ надзирателемъ Поповымъ (высказанное имъ подозрѣніе, что потерпѣвшій ученикъ Павелъ Ивановъ лжетъ, дѣлая свои показанія, мы привели выше на стр. 427—428—151) замѣчены въ какихъ либо непристойныхъ поступкахъ ученикъ гимназіи Павелъ Ивановъ и братъ его, учитель казанскаго народнаго училища Александръ Ивановъ". Хотя губернаторъ графъ Толстой, какъ видно изъ его отношенія, и „строжайше подтвердилъ" доставить требуемыя справки, но ихъ не доставляли и только ровно черезъ годъ, а именно 6 іюня 1819 года, предложена была къ разсмотрѣнію правленія выписка изъ всего дѣла (одна она заключаетъ 60 страницъ мелкаго письма). По пункту 3-му, согласно этой выпискѣ „изъ просьбъ и показаній по этому дѣлу учителя Александра Иванова видно, что братъ его *склоненъ къ легкомыслію*", а по 4 п. присутствующіе въ совѣтѣ гимназіи: магистръ Самсоновъ, учители Запольской и Упадышевскій, при подачѣ по сему дѣлу голосовъ и объясненій, не соблюли узаконеннаго указомъ 1765 года, декабря 31 дня въ отдѣленіяхъ 1 и 2 предписанія. Дѣло было признано *судными* и въ засѣданіе правленія приглашенъ былъ синдикъ. Въ концѣ выписки записаны справки о долгахъ главнаго надзирателя и множество узаконеній, болѣе или менѣе примѣнимыхъ къ дѣлу, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и указовъ Петра В. и кончая законами Екатерины II. Приложена также справка изъ дѣлъ училищнаго комитета о старшемъ Ивановѣ, учителѣ главнаго народнаго училища 2 класса, которому шелъ только 20 годъ. Учился онъ въ казанской гимназіи, былъ учителемъ до Казани въ Елабугѣ и Свіяжскѣ. Изъ этой справки видно, что его начальники, штатные смотрители, обвиняли его въ непослушаніи, дерзостяхъ, въ неприлежаніи къ должности, въ томъ что въ классъ ходитъ онъ съ трубкой, что во время класса безчеловѣчно наказалъ розгами десятилѣтняго мальчика и вообще въ нерадѣніи. Тѣмъ не менѣе въ формулярномъ спискѣ за 1818 годъ онъ аттестованъ „къ продолженію службы способнымъ и достойнымъ".

Іюня 12-го 1819 года, слѣдовательно черезъ годъ послѣ произшествія, правленіе рѣшило наконецъ дѣло. Оно безусловно обвинило главнаго надзирателя за то, что онъ не принялъ Иванова въ больницу, изгонялъ его изъ нея и оставивъ его 4 сутокъ безъ помощи, былъ причиною того, что Ивановъ навсегда лишился зрѣнія (главный надзиратель въ это время былъ уже удаленъ отъ должности Магницкимъ). Обвинило оно

также и директора Яковкина за непринятіе надлежащихъ мѣръ (и онъ тогда уже долженъ былъ подать увольненіе отъ должности директора). Потерпѣвшаго ученика Иванова правленіе признало скрывавшимъ истину и совершенно пьянымъ въ то время, когда онъ получилъ ударъ, почему и опредѣлило, такъ какъ онъ исключенъ изъ гимназіи за невзносъ денегъ въ качествѣ полупансіонера, то и впредь не принимать его. По худому его поведенію Брата его, учителя Иванова, правленіе обвинило въ томъ, что онъ не захотѣлъ принять брата въ свою квартиру и не оказалъ заботливости въ пособіи ему. Въ его показаніяхъ и жалобахъ оно нашло только расположеніе къ тяжбамъ и строптивый характеръ, это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что онъ приносилъ жалобу на Петрова губернатору, а не правленію университета Считая обвиненія его, приведенныя выше изъ дѣлъ училищнаго комитета, вполнѣ справедливыми и приводя въ своемъ постановленіи тотъ фактъ, что когда, въ исходѣ 1817 и въ началѣ 1818 года, Ивановъ перемѣщаемъ былъ изъ елабужскаго въ свіяжское училище и почему-то имѣлъ квартиру въ казенномъ университетскомъ домѣ, онъ былъ высланъ изъ нея за распутство покойнымъ ректоромъ Брауномъ, правленіе находило, что по строптивому его характеру и поведенію, онъ не долженъ быть терпимъ въ ученомъ званіи Но какъ онъ, за полученное имъ въ гимназіи казенное содержаніе, не выслужилъ шестилѣтняго термина, то правленіе опредѣлило оставить его въ учительскомъ званіи, обязавъ подпискою исправить свое поведеніе Замѣчая далѣе, что „бумаги и объясненія учителей Самсонова, Запольского и Упадышевскаго наполнены излишними и неприличными къ дѣлу выраженіями и заключая изъ этого, что между ними и бывшимъ директоромъ Якозкинымъ и Петровымъ существуютъ давнишнія личныя неудовольствія“, правленіе ставитъ это имъ на замѣчаніе и „долгомъ своимъ поставляетъ внушить имъ удерживаться впредь отъ таковыхъ дѣйствій и не выходить изъ предѣловъ своего званія, удаляясь, сколько возможно личныхъ неудовольствій и недоброжелательствъ другъ противъ друга, въ чемъ обязать ихъ подпискою“. Съ этимъ опредѣленіемъ правленія объ Ивановѣ не согласился однако новый попечитель. „Онъ замѣченъ былъ и мною“, писалъ Магницкій (10 октября 1819 года, № 232), „въ бытность мою въ Казани человѣкомъ строптивымъ и виновенъ потому уже, что допустилъ младшаго брата до такой степени развра-

щенія". Согласно его представленію министру, Ивановъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а Петровъ уволенъ вовсе изъ вѣдомства гимназіи. Учитель Ивановъ принятъ былъ потомъ на службу въ казанскую казенную палату по управленію питейнаго сбора. Деньги 250 рублей, за невзносъ которыхъ былъ уволенъ изъ гимназіи его братъ, были взысканы съ отца, послѣ долгой переписки въ концѣ 1820 года. Такъ кончилось это кляузное дѣло, повидимому многихъ интересовавшее и представившее намъ довольно яркую картину и характера и содержанія воспитанія въ казанской гимназіи, самой старой въ округѣ и имѣвшей гораздо больше учениковъ, чѣмъ прочія.

Если въ дѣлѣ ученика Павла Иванова начальство гимназіи выказало столько невниманія и жестокости къ своему искалѣченному воспитаннику, то при случаѣ оно умѣло заступиться за учениковъ и не давать ихъ въ обиду. Это видно изъ дѣла „О причиненной обидѣ ученику гимназіи *Вячеславу Манасеину* въ каѳедральномъ соборѣ полковникомъ Траскинымъ" (1). Въ жалобѣ Манасеина, поданной имъ въ совѣтъ гимназіи, разсказывается, что 21 мая, въ царскій день, онъ отправился съ матерью своей и дядею Петромъ Ивановичемъ Филипповичемъ и его женою въ Благовѣщенскій соборъ къ литургіи, которую совершалъ архіепископъ Амвросій. „Въ продолженіе сей литургіи я стоялъ по лѣвую сторону амвона, недалеко отъ царскихъ дверей", пишетъ ученикъ Манасеинъ въ своей жалобѣ, очевидно продиктованной ему и сочиненной родителемъ,—„когда было пропѣто многолѣтіе о здравіи августѣйшей фамиліи и когда г губернаторъ и многія особы обоего пола прикладывались къ животворящему кресту, я, по примѣру другихъ, съ достодолжнымъ благоговѣніемъ также приблизился, въ увѣренности, что сей священный обрядъ и мнѣ, яко христіанину, позволенъ быть можетъ. Лишь только я успѣлъ сіе исполнить, какъ вдругъ г. полковникъ Траскинъ прокричалъ мнѣ весьма громко слѣдующее:—ты прежде отца и матери въ петлю не суйся!—потомъ, приложась къ кресту и мгновенно возвратясь, *толкнулъ меня въ грудь столь сильно*, что еслибъ не многолюдство поддержало меня, то я долженъ былъ бы упасть. При семъ случаѣ сказалъ онъ:—„Даромъ, что ты, подлецъ, *каналья студентъ*, я тебя велю сейчасъ от-

(1) Дѣло правленія 1816 года, № 58.

ташить на гауптвахту, дай только мнѣ выйти изъ церкви" — Я, по данному знаку отъ моихъ родныхъ читавшихъ таковой поступокъ и слышавшихъ столь дерзкія слова г. полковника Траскина, немедленно удалился. послѣ сего г. Траскинъ изъ церкви вышелъ". Магасеинъ указалъ и свидѣтелей сцены, сначала только двухъ: полицмейстера Симонова и служащаго у министра полиціи коллежскаго ассесора Плюмова.

Совѣтъ гимназіи принялъ дѣятельное участіе въ напрасной обидѣ ученику, безъ сомнѣнія главнымъ образомъ потому, что отецъ Манасеина былъ лицо не бѣдное, и въ губерніи вліятельное. Дѣло это, согласно тогдашнему обычаю и духу времени, поведено было совершенно формальнымъ образомъ и конечно, какъ всѣ подобныя дѣла, быстро увеличилось въ объемѣ. Совѣтъ гимназіи, разсмотрѣвъ жалобу, представилъ ее правленію университета, прося его ходатайства у высшаго начальства. Правленіе университета, на основаніи Высочайшаго указа сенату 17 февраля 1816 года, сообщило о семъ управлявшему тогда губерніей казанскому вице-губернатору. Этотъ „для законнаго разсмотрѣнія „препроводилъ отношеніе университетскаго правленія въ губернское, а это послѣднее увѣдомило университетское: „Какъ изъясненное въ отношеніи правленія университета произшествіе *открывается бывшимъ* (sic) при здѣшнемъ полицмейстерѣ Симоновѣ, которому слѣдовало бы принять къ удержанію отъ того законныя мѣры, то поручить слѣдствіе совѣтнику гражданской палаты Каратееву, вмѣстѣ съ депутатами со стороны военной и университета. Депутатомъ отъ университета, „поелику изъ чиновниковъ гимназіи нѣтъ ни одного, который занимался бы юриспруденціей, которой вовсе въ гимназіи не преподается", назначенъ былъ экстраординарный профессоръ Солнцевъ. Слѣдственная коммиссія препроводила въ правленіе университета отвѣты Траскина на заданные ему вопросные пункты и просила „взять отъ кого слѣдуетъ и доставить ей надлежащее противъ отвѣтовъ доказательство, въ коемъ должны быть помѣщены всѣ доводы, нужные для открытія правоты жалующагося и достаточные для опроверженія отвѣтовъ, ежели оные въ чемъ либо съ истиною несогласны". Изъ отвѣтовъ Траскина видно, что онъ рѣшительно отрицаетъ тѣ „ругательныя изъясненія", которыя выставлены въ жалобѣ ученика Манасеина, онъ замѣтилъ только его какъ онъ подходилъ къ кресту и приложившись, увидя подходящаго губернатора графа Толстого, *толкнулся* въ него,

Траскина, слѣдовавшаго за губернаторомъ. Онъ ничего не сказалъ тогда Манасеину, но спросивъ о немъ у полицмейстера и узнавъ отъ него, что это ученикъ гимназіи, замѣтилъ ему, что онъ прежде всѣхъ подошелъ къ кресту и торопясь толкнулся въ него, „каковое дѣйствіе, по мнѣнію его, предосудительно“. Въ томъ, что онъ показываетъ правду, Траскинъ ссылается на архіепископа Амвросія, губернатора, полицмейстера, уѣзднаго Лаишевскаго предводителя дворянства. Траскинъ увѣряетъ, что несправедливое показаніе ученика Манасеина произошло „отъ неудовольствія, которое имѣетъ на него отецъ Манасеина по причинѣ, что на него г Траскинъ жаловался казанской градской полиціи съ требованіемъ учинить изслѣдованіе о побояхъ, причиненномъ батальона ему ввѣреннаго унтеръ-офицеру да рядовому и о прочемъ“. Такимъ образомъ и здѣсь встрѣчаемся мы съ кляузою и съ невозможностью добиться истины Траскинъ подкрѣпляетъ свое оправданіе указаніемъ разнорѣчій въ жалобѣ ученика Манасеина и въ прошеніи отца его, который и отъ себя лично также принесъ жалобу начальнику Траскина генералъ маіору Соковнину. Отецъ жаловался на Траскина, что онъ оттолкнулъ локтемъ въ сторону „азартно осыпая его ругательствами, какъ самаго низкаго раба“, сына его, *приближавшагося къ кресту*, между тѣмъ какъ въ жалобѣ сына сказано, что онъ успѣлъ уже приложиться; кромѣ того отецъ вовсе не упоминаетъ о словахъ: „прежде отца и матери не суйся“ и пр.

Въ своихъ „доказательствахъ“ ученикъ Манасеинъ стоитъ на томъ, что было имъ написано въ жалобѣ, ссылаясь на свидѣтелей, указанныхъ имъ прежде и на толпу богомольцевъ, окружавшихъ ихъ, именъ которыхъ онъ не знаетъ, утверждая, что онъ не сдѣлалъ ничего противнаго благочинію и благопристойности, что пареканія и угрозы Траскина были напрасны, что онъ обиженъ ими: „Истину моей невинности“, говоритъ онъ, „можетъ подтвердить то обстоятельство, что г. полковникъ Траскинъ, по подачѣ родителемъ моимъ г казанскому коменданту просьбы и полученіи отзыва отъ университетскаго правленія въ здѣшнемъ губернскомъ правленіи. *самъ искалъ средства прекратить дѣло примиреніемъ съ моимъ родителемъ*“. И губернаторъ, графъ Толстой, призвавши чрезъ полицмейстера отца обиженнаго ученика гимназіи, упрашивалъ его помириться съ Траскинымъ, говоря что ежели Траскинъ по честолюбію своему, не будетъ просить у него изви-

ненія, то онъ, г. губернаторъ, самъ за него станетъ просить извиненія. Губернаторъ приглашалъ также къ себѣ и Яковкина и просилъ его покончить дѣло миромъ; отъ этого не отказывался и отецъ. Что касается до обстоятельства личной ссоры, о неудовольствіи отца за жалобу на него о побояхъ унтеръ-офицера и рядоваго батальона внутренней стражи, то въ „доказательствахъ“ своихъ ученикъ Манасеинъ объяснялъ: „Родитель мой сказанныхъ военныхъ чиновъ никогда не бивалъ, а приведены были оные въ ночное время сотникомъ и будочниками 1-й части съ человѣкомъ родителя моего, прибитымъ и ограбленнымъ до рубашки. Всѣ они были отправлены родителемъ въ полицію, но она *надлежащаго удовлетворенія не сдѣлала* и просьбу оставила безъ дѣйствія. Неудовольствіе родителя ближе всего могло относиться къ полицейскимъ чиновникамъ, чѣмъ къ Траскину, а потому *въ моей жалобѣ нѣтъ ничего выдуманнаго отъ личности*“.

Дѣло затягивалось. Оно перешло и въ слѣдующій 1817 годъ. Въ сентябрѣ 1816 года слѣдствіе было окончено Каратеевымъ, но губернское правленіе предписало ему еще дополнить его. Прежній депутатъ отъ университета Соницевъ куда-то выѣхалъ изъ Казани, назначенъ былъ вмѣсто него другой юристъ— баронъ Врангель. Приходилось спрашивать такихъ свидѣтелей, какъ архіепископъ и казанскій губернаторъ, но Каратеевъ доносилъ, что онъ не спрашивалъ этихъ двухъ послѣднихъ особъ „по важности ихъ“; другіе выѣхали изъ Казани. Изюмова отвелъ Траскинъ, говоря, что онъ имѣетъ дружество съ Манасеиномъ. Губернское правленіе предписало слѣдователю точно удостовѣриться въ послѣднемъ обстоятельствѣ, спросить отсутствующихъ чрезъ мѣстную полицію и сообщало Каратееву, что онъ въ правѣ отъ лица коммиссіи отнестись и къ архіепископу и къ губернатору. Только 16 апрѣля 1817 года, слѣдовательно почти чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ начатія дѣла, губернское правленіе сообщило правленію университета объ окончаніи и результатахъ слѣдствія. „Какъ по оному слѣдствію“, говорилось въ отношеніи, „того, чтобы г. полковникомъ Траскинымъ сдѣлана была ученику гимназіи Манасеину обида неоткрыто, и выставленные имъ свидѣтели: полицмейстеръ Симоновъ, подполковникъ Евсевьевъ и учитель Полянскій *показали за присягою противное ссылкѣ его Манасеина*, а изъ удостовѣренія Его Высокопреосвященства Амвросія, архіепископа казанскаго и симбирскаго и г. гражданскаго губернатора видно, что благо-

чиніе и порядокъ никакимъ дѣйствіемъ со стороны г. Траскина нарушены не были, а потому, не находя нужнымъ спрашивать во свидѣтельствѣ коллежскаго ассесора Изюмова, на котораго отъ г. Траскина объявлено достаточное сомнѣніе" — губернское правленіе заключаетъ, „что *жалоба отъ ученика Манасеина принесена неправильная* и хотя слѣдовало бы съ нимъ поступить по строгости законовъ, но какъ онъ есть несовершеннолѣтній и состоитъ въ вѣдомствѣ Казанскаго университета, то сообщить въ правленіе онаго, дабы благоволило, сообразно лѣтамъ, сдѣлать законное постановленіе къ воздержанію его впредь отъ подобныхъ поступковъ".

Правленіе университета сообщило объ этомъ конторѣ гимназіи. Что сдѣлала послѣдняя, какому наказанію подвергла она ученика Манасеина изъ дѣла не видно. Возбужденіе подобнаго дѣла возможно было только въ то время. Вмѣстѣ съ произволомъ въ тѣ годы господствовала глубокая формалистика; тяжебныя дѣла встрѣчались на каждомъ шагу и усложнялись разными побочными обстоятельствами. Весьма вѣроятно, что ученикъ Манасеинъ забѣжалъ, какъ не дисциплинированный мальчикъ, первый къ кресту въ соборѣ; очень можетъ быть, что Траскинъ, принимая въ соображеніе его военный характеръ, привычку къ требованіямъ подчиненности и личныя непріязненныя отношенія, ссору съ отцомъ гимназиста, обругалъ весьма грубо послѣдняго. Если отецъ Вячеслава Манасеина чувствовалъ обиженнымъ себя за сына, ему слѣдовало бы самому имѣть дѣло съ Траскинымъ, а не заставлять несовершеннолѣтняго мальчика писать жалобы и подвергаться формальному судебному слѣдствію. Такое явленіе, странное въ настоящее время, было обычнымъ въ эпоху чисто формальнаго суда и семьи мало тронутой развитіемъ

Трудно конечно рѣшить, какая доля отвѣтственности за глубокую нравственную испорченность молодыхъ людей, поступавшихъ въ Казанскій университетъ въ описываемые нами первые годы его существованія, должна пасть на семью съ одной и на гимназію съ другой стороны. Какова семья, таковы и дѣти, а сама семья создается условіями, содержаніемъ всей окружающей жизни. Когда кругомъ царитъ безправіе и произволъ, когда нигдѣ въ жизни нельзя встрѣтить ни духовнаго, ни нравственнаго интереса, тогда чего же добраго ждать отъ

семьи, а слѣдовательно и отъ школы въ воспитательномъ отношеніи? Пусть хорошая школа развиваетъ въ своихъ ученикахъ самые высокіе нравственные идеалы, но если эти идеалы не находятъ мѣста въ дѣйствительности, то они безполезны, пожалуй вредны и не представляютъ ничего заманчиваго для молодыхъ людей, которыхъ жизнь успѣла уже воспитать по своему. У большинства эти идеалы сразу улетучиваются и исчезаютъ. Вотъ почему школѣ и ея дѣятелямъ скорѣе приходится подлаживаться къ окружающей дѣйствительности, чѣмъ вліять на нее. Трудно предположить, чтобъ воспитанники казанской гимназіи въ ней только и ея условіями пріучались къ кражѣ вещей; между тѣмъ обвиненіе въ этомъ проступкѣ мы встрѣчаемъ весьма часто, и конечно источникомъ этого явленія была дѣйствительная жизнь, гдѣ главнымъ стимуломъ являлась личная нажива, не разбирая способовъ къ тому. Какія воспитательныя начала найдемъ мы въ семьѣ „пошехонской“ старины, гдѣ преобладающимъ интересомъ было спряженіе глагола „урвать“, гдѣ господствовала увѣренность, что все можно купить. Правда, въ этой семьѣ господствовало, да и теперь еще сохранилось понятіе о такъ называемомъ „благовоспитанномъ человѣкѣ“ (un homme bien élevé), но этотъ воспитанный по понятіямъ свѣта человѣкъ, въ нравственномъ смыслѣ весьма часто представляетъ полную ничтожность Его *внѣшнее* воспитаніе не мѣшаетъ ему дѣлать всевозможныя гадости отъ жизни на чужой счетъ и до присвоенія чужаго. Эти мысли невольно пришли намъ въ голову при знакомствѣ съ любопытнымъ и характернымъ случаемъ съ профессоромъ Броннеромъ, инспекторомъ студентовъ. Случай этотъ породилъ опять цѣлое дѣло (1). Приведемъ разсказъ объ этомъ случаѣ въ прошеніи самого Броннера, поданномъ имъ въ правленіе университета въ современномъ переводѣ съ латинскаго оригинала:

«10 ноября с. г. *Дмитрій Путиловъ* объявилъ мнѣ, что онъ былъ ученикомъ здѣшней гимназіи, но теперь экзаменовали его въ университетѣ 9 ноября Г ректоръ (по его словамъ) далъ ему позволеніе слушать профессорскія лекціи, на что и спрашивалъ у меня назначенія лекцій. Я, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что онъ сказалъ правду, назначилъ ему лекціи, какія долженъ посѣщать, съ тѣмъ, чтобы прилежно занимался науками. Сегодня, пришедшій ко мнѣ лекторъ Лейтеръ объявилъ, что питомцы гимназіи очень удивляются тому, что Путиловъ, несвѣдущій въ наукахъ, принятъ въ число студентовъ, а на вопросы, заданные ему, какимъ образомъ

(1) Дѣло о противозаконныхъ поступкахъ ученика *Путилова* съ профессоромъ Броннеромъ. *Правл.* 1814 г. № 150.

онъ. Путиловъ, достигъ сей цѣли, отвѣчалъ, что онъ зналъ какъ то сдѣлать (конечно не изъ уроковъ гимназіи, а изъ жизни), подкупивши г профессора Броннера («quod ego dona accepertm (2000 г.) a Pullow») Питомцы, говоря между собой, разсердились, что профессоръ Броннеръ такимъ постыднымъ образомъ поступилъ, въ чемъ онъ (Путиловъ) мнѣ (Лейтеру) и признался Г Лейтеръ, слышавъ между собою разговаривающихъ объ ономъ питомцевъ: Ивана Останкова и Николая Рейнсдорфа, подтвердилъ имъ, чтобы они такіе ложные разговоры впредь не распространяли, на что они отвѣтствовали, что готовы всегда свидѣтельствовать, что Дмитрій Путиловъ имъ то сказывалъ» Броннеръ доноситъ правленію: 1) «что Путиловъ его обманулъ; 2) обезчестилъ его постыднымъ денежнымъ подкупомъ въ присутствіи питомцевъ, а тѣмъ отвлекая ихъ отъ прилежанія къ ученію, *думая, что и они могутъ пріобрѣсти то за деньги, что пріобрѣтается прилежаніемъ*» Онъ проситъ правленіе наказать Путилова, «лжеца и клеветника безстыднаго» и «принудить его въ присутствіи питомцевъ сознаться что ложно онъ такіе слухи распространялъ» Но правленіе не могло уже исполнить этой просьбы Броннера и дать нравственное удовлетвореніе профессору: Путиловъ еще 5 ноября былъ уволенъ изъ гимназіи и оставилъ Казань (1)

---

(1) Путиловъ, Дмитрій Азаровичъ, оставилъ однако Казань не навсегда Прошло сорокъ лѣтъ со времени случая съ Броннеромъ; многое измѣнилось въ этотъ длинный промежутокъ времени, не измѣнился только глубокій консерватизмъ нравственной распущенности въ русской жизни Путиловъ былъ уже въ старческомъ возрастѣ (лѣтъ 55) Онъ былъ и женатъ и вдовъ Вскорѣ по увольненіи изъ гимназіи (года черезъ два), поступилъ онъ въ военную службу въ 1819 году перешелъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, получилъ чины корнета, поручика и въ 1826 году вышелъ въ отставку. Съ 1829 года и до 1854 года онъ служилъ по выборамъ дворянства депутатомъ самарскаго дворянства За эту службу по выборамъ онъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора и сдѣлался кавалеромъ ордена св Владиміра 4 степ Это былъ богатый самарскій помѣщикъ, послѣдній вѣроятно изъ дѣятельныхъ Могикановъ крѣпостнаго права и въ качествѣ богатаго земледѣльца—коннозаводчикъ Но формуляру у него было до 1000 душъ крестьянъ и до 18 тысячъ десятинъ земли, домъ въ Самарѣ и шесть домовъ на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ Тотъ же формуляръ, въ графѣ о судимости, упоминаетъ о томъ, что онъ былъ подъ судомъ по двумъ дѣламъ: 1) за дозволеніе (скорѣе приказаніе) своимъ крестьянамъ произвести порубку лѣса въ дачахъ помѣщицы Лопатиной и 2) за растлѣніе своей дворовой дѣвки. Но эти два дѣла были, кажется, самымъ ничтожнымъ процентомъ тѣхъ дѣлъ большею частью весьма некрасиваго содержанія, которыя сдѣлали имя его извѣстнымъ въ Самарской и сосѣднихъ губерніяхъ. Разсказы о его продѣлкахъ были любимою темою въ послѣдніе годы крѣпостнаго права для разговоровъ холостой компаніи послѣ рыпивки Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ, если не ошибаемся въ семидесятыхъ годахъ, было помѣщено нѣсколько разсказовъ и ходившихъ о немъ анекдотовъ, но у насъ нѣтъ желанія отыскивать эту статью, чтобы сдѣлать точную ссылку Пишущій эти строки очень давно, въ сороковые годы, встрѣчался съ Путиловымъ и выслушивалъ изъ устъ его разсказы о немъ самомъ, которыми онъ хвастался. Это былъ человѣкъ большаго роста, чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, отличавшійся физическою силою и остроуміемъ. Осталась въ памяти какая-то его собственная пародія (Путиловъ писалъ и стихи) на «Людмилу» Жуковскаго И вотъ этотъ-то легендарный самарскій помѣщикъ въ 1854 году является въ Казань, нанимаетъ большую квартиру и подаетъ

Выставляя разные случаи, рисующіе внутренній распорядокъ казанской гимназіи, мы касались только такихъ дѣлъ, которыя восходили на сужденіе и рѣшеніе начальства, тогда— правленія университета. Что дѣлалось внутри гимназіи и что не доходило до свѣдѣнія этого начальства—этого мы не касались; полное изученіе нравственно-воспитательной стороны гимназіи, ничтожной, сколько можно судить по приведеннымъ нами примѣрамъ, увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Случаи, нами разсказанные, служатъ какъ бы объясненіемъ грубыхъ студенческихъ правовъ и множества возникавшихъ тогда жалобъ, слѣдствій и дѣлъ, съ которыми теперь мы обязаны познакомиться, чтобы знать, чѣмъ въ дѣйствительности, а не оффиціально былъ тогда университетъ. Намъ не разъ приходилось говорить о томъ, что студенты того времени ничему не могли научиться у своихъ нѣмецкихъ профессоровъ, къ слушанію лекцій которыхъ они вовсе не были подготовлены. Естественно, что ходить на лекціи такимъ молодымъ людямъ было невыносимо скучно и, подъ разными предлогами, они старались освободить себя отъ этой непріятной обязанности. „Каждый день замѣчалъ я", рапортуетъ помощникъ инспектора Кондыревъ Яковкину (12 марта 1812 года) *„неходящихъ на лекціи многихъ студентовъ.* Завелъ о томъ записку. Сегодня десять студентовъ спокойно сидѣли въ спальныхъ комнатахъ вокругъ стола и разговаривали — всѣ изъ аудиторіи Томаса". Когда Кондыревъ сталъ записывать ихъ фамиліи, „студентъ Смирновъ *вышелъ изъ предѣловъ всякаго повиновенія и оказался буйнымъ* (въ чемъ заключалось это

ректору Казанскаго университета прошеніе о допущеніи его къ экзамену на званіе чиновника 2 разряда Какая цѣль имѣлась въ виду у Путилова получить это безполезное и ненужное ему званіе—сказать не умѣемъ, но думаемъ, какъ утверждали и тогда, что кромѣ насмѣшки надъ университетомъ и надъ профессорами, которыхъ этотъ господинъ хотѣлъ купить, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ Броннера — другой цѣли у него не было. Въ городѣ ходило много толковъ объ этомъ инцидентѣ. Говорили, что Путиловъ держалъ съ кѣмъ-то пари, что онъ экзаменъ выдержитъ. Не думаемъ, чтобъ Путиловъ давалъ деньги членамъ комитета для пріема въ студенты, но знаемъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ, падкихъ на угощеніе, онъ не скупился угощать Экзаменъ происходилъ въ два пріема: весной 1854 года, когда Путиловъ выдержалъ удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ тогдашняго гимназическаго курса, кромѣ латинскаго языка, на которомъ запнулся, и въ сентябрѣ, когда и изъ этого предмета получилъ удовлетворительную отмѣтку Мы не встрѣчали тогда Путилова и въ экзаменѣ его не участвовали. См. Дѣло объ утвержденіи въ званіи чиновника 2-го разряда коллежскаго ассесора Д. Путилова. *Сов* 1854 г.

буйство—Кондыревъ не объясняетъ). Такое расположеніе духа Смирнова онъ замѣчалъ и прежде; „подобные поступки“, говоритъ Кондыревъ, „заслуживаютъ особенное вниманіе и наказаніе.—Въ іюнѣ магистръ Юнаковъ доноситъ тому же Яковкину, что Смирновъ „оказался буйнымъ, грубымъ и дерзкимъ противъ эконома Звѣрева“, жалуется на его „неисправленіе и ожесточеніе“. Смирнова приговорили къ выговору, но этотъ выговоръ не былъ еще приведенъ въ исполненіе, какъ 4 іюля Яковкинъ заявляетъ въ засѣданіи совѣта, что этотъ же Смирновъ, вмѣстѣ съ студентомъ Филипповскимъ, въ комнатѣ подлѣ физическаго кабинета сожгли пороховой фонтанъ. За это опять послѣдовалъ выговоръ. Очевидно, что Смирновъ, хотя и былъ казеннымъ студентомъ, но не имѣлъ никакой склонности къ занятіямъ наукой Идеаломъ его, какъ и множества другихъ студентовъ того времени, была военная служба и вѣроятно онъ и осуществилъ его. О судьбѣ его ничего неизвѣстно. Въ 1812 году въ іюлѣ онъ взялъ отпускъ въ С. Петербургъ, слѣдовательно въ то время, когда уже началась отечественная война, и безъ сомнѣнія немедленно же былъ принятъ въ какой-либо полкъ. Помощникъ инспектора Юнаковъ доноситъ 17 сентября того же года, что Смирновъ изъ отпуска не воротился (1). Что касается до пороховаго фонтана, который былъ сожженъ Смирновымъ и Филипповскимъ въ зданіи университета, то фейерверки, пусканіе ракетъ, бураки и проч., все это было самымъ любимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ невиннымъ изъ развлеченій студентовъ того времени, хотя начальство университета относилось къ этому строго. Фейерверки сжигались обыкновенно на озерѣ Кабанѣ, почти съ самого основанія университета, и полиція очень часто доводила до свѣдѣнія университетскаго начальства объ этой любимой забавѣ студентовъ, которые за нее обыкновенно наказывались карцеромъ. Въ іюлѣ 1813 года командующій казанскимъ артиллерійскимъ гарнизономъ маіоръ Богомоловъ увѣдомилъ совѣтъ университета, что порохъ можетъ быть отпускаемъ студентамъ только тогда, когда они представятъ записку отъ инспектора (2). Полиція грозила тѣмъ даже, что донесетъ министру полиціи, если студенты не оставятъ этой забавы.

---

(1) Дѣло о худыхъ поступкахъ младшаго студента Африкана Смирнова и объ увольненіи его въ отпускъ въ С Петербургъ. *Сов* 1812 г. № 39.

(2) Дѣло *Сов* 1813 г. № 92.

Очень много хлопотъ, а также и значительную переписку возбуждало не прекращавшееся желаніе студентовъ и особенно казенныхъ, отдѣлаться отъ обязательной шестилѣтней службы въ званіи учителей и уйти въ военную службу, бывшую тогда идеаломъ дѣятельности для молодыхъ людей. Въ первой части нашего сочиненія, посвященнаго прошлому Казанскаго университета („Изъ первыхъ лѣтъ“ и пр. I, стр. 401—406), мы привели фактъ увольненія въ военную службу 24 студентовъ (изъ нихъ 19 было казенныхъ) Это было въ 1807 году, въ годъ ополченія и высочайшихъ рескриптовъ, которые призывали учащуюся молодежь на службу въ войско Мы отрицали тогда, что это стремленіе въ военную службу вызвано было сознательнымъ патріотическимъ чувствомъ; это доказывается тѣмъ, что изъ студентовъ, поступившихъ тогда въ военную службу, три четверти было казенныхъ, желавшихъ этимъ отдѣлаться отъ обязательной службы. Въ 1812 году повторилось тоже явленіе и также точно нѣтъ основаній видѣть въ немъ глубокое патріотическое увлеченіе. Только теперь не такъ легко было оставить университетъ желающимъ. Въ 1812 году первымъ сталъ проситься въ военную службу студентъ Сергѣй Сычуговъ, братъ того ученика гимназіи, который хотѣлъ уйти также въ военную службу (см. выше, стр. 421 и 422). Зная изъ распоряженія Румовскаго, что онъ не иначе можетъ быть уволенъ въ военную службу, какъ прослуживъ шесть лѣтъ въ званіи учителя, или по взносѣ денегъ, казною на его содержаніе употребленныхъ, Сычуговъ обратился съ просьбою прямо къ министру народнаго просвѣщенія. Изъ нея видно, что съ 1800 года онъ учился въ казанской гимназіи на казенномъ счету, а потомъ, съ 1807 года, продолжаетъ ученіе въ университетѣ. А какъ онъ по бѣдности своей денегъ сихъ (за 12 лѣтъ) внести не въ состояніи и не имѣетъ, по его словамъ, „ни малѣйшаго рвенія содѣлаться образователемъ юношества, то на основаніи §§ 101 и 117 университетскаго устава (совершенно не идущихъ къ дѣлу, какъ замѣтилъ и министръ) проситъ уволить его изъ университета для опредѣленія въ военную службу. Министръ, возвращая эту просьбу, предложилъ совѣту „объяснить Сычугову, что онъ приготовляемъ былъ не къ военной службѣ, и слѣдовательно не можно его уволить въ оную послѣ того какъ университетомъ употреблено на приготовленіе его къ учительской должности не малое иждивеніе, при чемъ внушить, что *во всякомъ родѣ службы можно быть полезнымъ*

отечеству, если только съ ревностью исполнять возложенную правительствомъ обязанность".

Едва ли подобные совѣты студентамъ Казанскаго университета могли имѣть практическое значеніе, могли заставить ихъ заниматься для обязательной службы въ званіи учительскомъ. Новый попечитель Салтыковъ былъ также противъ увольненія въ военную службу:

«Усматриваю я», писалъ онъ совѣту, «изъ списка, что въ Казанскомъ университетѣ находится казенныхъ студентовъ: старшихъ 9, да младшихъ 15, всего только 25 человѣкъ, при томъ же изъ числа послѣднихъ многіе гг профессора, какъ видно изъ представленія ихъ къ предмѣстнику моему, *почитаютъ даже не совсѣмъ способными къ слушанію лекцій по ихъ нетвердости въ иностранныхъ языкахъ*: по сему самому никакъ не могутъ быть уволены въ корпусъ волонтеровъ, находящіяся при 2 кадетскомъ корпусѣ, ни студенты Данковъ и др., ни студентъ Сычуговъ, о которомъ совѣтъ возобновляетъ ходатайство, по той причинѣ, что по столь недостаточному числу оныхъ *самъ университетъ имѣетъ въ нихъ необходимую нужду, дабы и профессоры не оставались совсѣмъ безъ занятій*» (1)

Не помогла студентамъ, просившимся въ военную службу, реторика, въ которой они были особенно сильны, изучая ее на урокахъ и упражняясь въ ней въ классахъ декламаціи, устроенныхъ Яковкинымъ. Въ своемъ коллективномъ прошеніи на Высочайшее имя, студенты эти пишутъ, что „горя усердіемъ къ любезному отечеству и ревнуя содѣлаться достойными изліянныхъ и изливаемыхъ на насъ щедротъ монаршихъ", они просятъ о переименованіи ихъ изъ студентовъ въ кадеты 2-го волонтирнаго корпуса (по манифесту 6 іюля 1812 года). „гдѣ бы", заключаютъ они, „мы, приготовивъ себя важнѣйшими воинскими познаніями, могли стать въ сонмѣ достославнаго и побѣдоноснаго Вашего Императорскаго Величества воинства на защиту престола и государства". Изъ справки о ихъ успѣхахъ и занятіяхъ, потребованной министромъ, видно, что всѣ они учились почти исключительно у русскихъ профессоровъ: Яковкина, Городчанинова, Перевощикова, Шоника. У Врангеля, читавшаго по русски, одинъ Данковъ; онъ же слушалъ у Броннера, вѣроятно потому что съ дѣтства зналъ языкъ нѣмецкій, но не особенно прилежно, non praecipuo studio, какъ свидѣтельствовалъ этотъ профессоръ. Только одинъ Ярцовъ, объ успѣхахъ котораго въ восточныхъ языкахъ мы говорили

(1) Дѣло по прошеніямъ казенныхъ студентовъ: Сычугова, Ярцова, Данкова, Климова, Андреева и учениковъ Скрубскихъ о поступленіи въ военную службу. *Сов.* 1812 г. № 46 и другое дѣло того же года. № 130.

(часть 1-я, стр. 194—198), выдавался передъ прочими своими свѣдѣніями. Это былъ единственный слушатель Френа; его и хвалилъ и любилъ профессоръ и потому энергически протестовалъ противъ поступленія его въ военную службу: „Talem igitur subito ardore impetuve juvenili ad arma abripi nollem“. Совѣтъ рѣшилъ: всѣ прошенія казенныхъ студентовъ о поступленіи въ военную службу возвращать назадъ и не давать имъ хода.

Еще до открытія университета въ совѣтѣ не разъ поднимались разсужденія о томъ: какими способами заставить заниматься студентовъ, вовсе не подготовленныхъ семьею и школою къ слушанію университетскихъ лекцій, совершенно не понимавшихъ ни цѣли образованія, ни надобности его въ жизни. Въ засѣданіи 6 ноября 1812 года, по выслушаніи рапорта инспектора гимназіи, адъюнкта Лубкина, уже приведеннаго нами (выше, стр 418) о неуспѣшности ученика гимназіи Сумарокова. совѣтъ опредѣлилъ: „предоставить гг. членамъ совѣта къ будущему совѣту представить свои мнѣнія *какимъ образомъ прекратить непослушаніе и нерадѣніе къ наукамъ, воспитанниками и студентами оказанныя*“. Въ это же засѣданіе совѣта было выслушано донесеніе помощника инспектора студентовъ Юнакова, который, подобно другимъ своимъ сослуживцамъ, писалъ, что студенты часто не посѣщаютъ лекцій, что онъ „старался всѣми силами отвратить ихъ отъ таковыхъ поступковъ, но видя ихъ почти ежедневно продолжающими поступать по прежнему“, считаетъ долгомъ донести объ этомъ. Такимъ образомъ начались въ совѣтѣ разсужденія о мѣрахъ исправленія студентовъ, съ которыми не знали какъ поступать (1).

Не всѣ профессора принимали участіе въ этихъ разсужденіяхъ, и мѣры ими придумываемыя къ тому, чтобъ пробудить въ студентахъ интересъ къ умственному труду и уваженіе къ знанію и тогда, какъ и въ далеко позднѣйшее, близкое къ намъ время, имѣли чисто внѣшній, формальный характеръ, при составленіи такъ называемыхъ „правилъ“. Никому не приходило въ голову, что глубокій историческій порокъ коренится въ самомъ складѣ и въ условіяхъ русской жизни; искали причинъ ближайшихъ и думали, что цѣли легко достигнуть принудительными средствами, строгостью и т. п. Профессоръ То-

(1) Дѣло о прекращеніи (sic) средствъ, относящихся до лѣнивыхъ учениковъ, къ ихъ грубостямъ и непослушанію. *Сов.* 1812 г. № 104

масъ находитъ напр, что „ненависть къ наукѣ (litterarum odium)“, замѣчаемая теперь во многихъ ученикахъ гимназіи и студентахъ, источникомъ своимъ имѣетъ „чрезвычайное, по большей части увлеченіе военною службою (magna ex parte oriatur ex nimio castrorum amore)“, и потому, чтобы прекратить это, необходимо, по мнѣнію Томаса, распоряженіе министра или особый указъ, чтобы студенты, воспитавшіеся на счетъ казны, принимались въ военную службу не иначе, какъ только по представленіи ими свидѣтельства отъ университета о хорошемъ поведеніи и о прилежаніи къ изученію наукъ — Лубкинъ, по почину котораго возникъ собственно вопросъ „касательно мѣръ въ разсужденіи студентовъ и учениковъ казенныхъ, безуспѣшныхъ по лѣности, своевольныхъ и уклоняющихся отъ своего назначенія“, дѣлитъ этотъ вопросъ на двѣ части 1) Что слѣдуетъ *теперь же* съ таковыми учениками и студентами дѣлать? и 2) Какія мѣры нужны *впредь*, дабы подобныхъ имъ сколько возможно менѣе было?

I) «Поелику всѣ почти изъ таковыхъ грозятъ своею готовностью поступить въ военную службу, то нынѣ не уволить ихъ, *а отослать оныя опредѣленія въ оную, какъ въ наказаніе имъ, такъ и въ примѣръ другимъ* Ибо они сами, *обязавшись приготовлять себя къ ученымъ (?) должностямъ, въ замѣщеніи коихъ великія находятся затрудненія по недостатку людей*, тѣмъ самымъ не только не сдержали своего слова и обманули правительство, но и втунѣ обратили казенное иждивеніе, употребленное на нихъ единственно въ сказанной, предполагаемой объ нихъ надеждѣ Но какъ не всѣ одинаково виновны, то о тѣхъ, которые вели себя хорошо отмѣчать при отправленіи ихъ въ воинскія команды, что они отправляются только по безнадежности своей и неспособности къ занятію ученыхъ должностей; о другихъ же—по причинѣ ихъ дурнаго и строптиваго характера *О первыхъ* — чтобы не лишить ихъ перспективы къ выслугѣ; *о послѣднихъ*—дабы примѣръ ихъ внушилъ остающимся товарищамъ, что упорностью и вольничаньемъ противу начальства они не могутъ выиграть, а все потеряютъ»

II) Чтобы впредь подобныхъ сему не соотвѣтствующихъ своей цѣли казенныхъ воспитанниковъ сколько возможно было менѣе, то кажется необходимо нужно всѣхъ ихъ, въ разсужденіи вниманія къ своей должности (?), *поставить между двумя неизбѣжными крайностями* Ибо изъ опытовъ извѣстно, что люди неутвердившіеся еще въ своихъ правилахъ, рѣдко исполняютъ свои обязанности охотно, если не видятъ въ томъ прямой для себя необходимости» Въ чемъ однакоже заключались, по мнѣнію Лубкина, эти крайности или альтернативы, которыя должны уничтожить зло, онъ не объясняетъ или говоритъ о томъ, какъ метафизикъ, весьма туманно; вообще онъ далекъ отъ дѣйствительности, ничего практическаго не предлагаетъ и нисколько не касается главнаго источника зла — безсилія господствовавшей педагогической системы и неприготовленности молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ. Мѣры, предлагаемыя Лубкинымъ—старыя мѣры, оставшіяся безъ результата: «Не принимать на казенный коштъ учениковъ мало подающихъ надежды о себѣ или со стороны своихъ способностей или со стороны расположенности своей къ ученому званію» (это совершенно понятное правило давно уже существовало, но люди, призванные исполнять

его, не исполняли) «Если такіе приняты, то съ таковыми принимать надлежащія (?) мѣры или къ исправленію ихъ (?), или къ скорѣйшему удаленію».

Сторль, съ своей стороны, предлагалъ, чтобы такихъ учениковъ и студентовъ, которые не хотятъ учиться и стремятся въ военную службу, совѣтъ призвалъ и увѣщевалъ Кондыревъ свои мѣры раздѣлилъ на нѣсколько рубрикъ: 1) „Совершенно худыхъ, безнадежныхъ выключить въ военную службу“ (т. е отдать въ солдаты, что считалось тогда самымъ жестокимъ наказаніемъ). 2) Подающихъ надежду (?) на исправленіе— *въ военную службу на краткое время*, съ возвращеніемъ опять въ университетъ или гимназію“ (слѣдовательно военная служба является не только наказаніемъ, но и мѣрою педагогическою). 3) При *худыхъ только дарованіяхъ* (?) уволить безъ свидѣтельства о поведеніи. 4) На казенное содержаніе принимать тѣхъ, кои въ среднемъ классѣ и подаютъ надежды (?). 5) Избирать въ надзиратели надъ учениками изъ *студентовъ, съ прибавкою къ ихъ надзирательскому жалованью по сту рублей*, при казенномъ столѣ; ихъ нужно двойное число, чтобъ они занимались съ учениками повтореніемъ *и смотрѣніемъ за поведеніемъ ихъ*. 6) Преподаватели обязаны прилежно замѣчать кто ходитъ къ нимъ на лекціи и показывать о томъ въ мѣсячныхъ рапортахъ совѣту“. И эти мѣры очевидно были непрактичны и также не могли принесть пользы, какъ и распоряженіе совѣта вслѣдъ за всѣми разсужденіями о вопросѣ: „казеннымъ студентамъ и воспитанникамъ гимназіи прочесть и подтвердить всѣ предписанія, запрещающія казеннымъ воспитанникамъ вступать въ другое званіе кромѣ ученаго“: всѣ эти предписанія давно были извѣстны, но именно ихъ-то и хотѣли нарушить стремящіеся въ военную службу. И попечитель также, съ своей стороны, дѣлалъ *предписаніе* о внутренней дисциплинѣ; но онъ видѣлъ довольно вѣрно, хотя и не вполнѣ точно, симптомы ея нарушенія, не задумываясь однако надъ историческою и общественною причиною этихъ симптомовъ:

«1) Подтвердить отъ моего имени всѣмъ казеннымъ ученикамъ гимназіи и студентамъ, чтобы съ ихъ стороны строго и съ точностью было наблюдаемо *чинопочитаніе* и что неповиновеніе ихъ доказываетъ, что они отнюдь неспособны къ военной службѣ, въ которую они просятся и гдѣ повиновеніе почитается душею порядка и благоустройства. Но когда они и за симъ моимъ подтвержденіемъ будутъ упорствовать и нарушать порядокъ, то противъ сего приняты будутъ такія мѣры, которыя заставятъ ихъ раскаяться. 2) Чтобы студенты и ученики не уклонялись отъ ученія, то смотрѣть, чтобы

при начатіи онаго никто изъ нихъ не оставался въ комнатахъ и *предписать* смотрителямъ (?), чтобы они за симъ имѣли неослабное наблюденіе, преподавателямъ же и учителямъ имѣть списки кто у нихъ долженъ быть въ классахъ; ежели же кто изъ студентовъ или учениковъ не явится къ ученію, то за таковымъ въ то же время посылать дежурныхъ офицеровъ; въ случаѣ же отзыва о болѣзни, дѣлать лѣкарское свидѣтельство 4) Усматриваю я изъ меморіи, что и самые *и учители гимназіи уклоняются часто отъ своей должности*, обыкновенно отзываясь болѣзнію, то объявить и имъ, чтобы они прилежнѣе и исправнѣе проходили свою обязанность и въ случаѣ ихъ отлучекъ отъ оной подъ предлогомъ болѣзни, дѣлать также и имъ лѣкарское свидѣтельство»

Всѣ эти мѣры и распоряженія съ чисто пальятивнымъ характеромъ были безсильны заставить заниматься студентовъ и отвлечь ихъ отъ военной службы, ставшей идеаломъ для большинства. Обязательства, даваемыя студентами и ихъ родителями, прослужить за казенное содержаніе шесть лѣтъ въ званіи учителя или вообще при университетѣ, носили или безсознательный характеръ, или давались со скрытою цѣлью такъ или иначе обойти ихъ при случаѣ. Если бы окончаніе въ университетѣ курса не давало никакихъ служебныхъ правъ, то безъ сомнѣнія онъ былъ бы пустъ въ тѣ годы, которые мы описываемъ. А тутъ представлялась двоякая возможность, весьма выгодная для родителей: воспитать даромъ дѣтей своихъ, да еще пріобрѣсти для нихъ служебныя права. Могли ли уничтожить зло этой спекуляціи какія-либо предписанія? И родители, и сыновья умѣли обходить всякое предписаніе, въ доказательство чего приведемъ слѣдующій случай. Салтыковъ, препровождая въ совѣтъ 17 іюня 1813 года, отношеніе къ нему главнокомандующаго московскимъ ополченіемъ графа Маркова, требуетъ свѣдѣній: „можно ли *законнымъ порядкомъ* исключить изъ штата университета студента Павла Овчинникова?“ Это только что послѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій и подтвержденій. Совѣтъ, ссылаясь на прежнее предписаніе министра, донесъ, что увольненіе Овчинникова, какъ казеннаго студента, въ воинскую службу, не соотвѣтствуетъ этому предписанію: Овчинниковъ долженъ прослужить шесть лѣтъ въ „ученомъ званіи“. Изъ бумаги графа Маркова оказалось, что онъ принялъ казанскаго студента Овчинникова въ ополченіе московской силы и назначилъ въ 3 егерскій полкъ еще въ 1812 году „по желанію его къ защитѣ отечества“. Выходитъ, что онъ не служа, числился въ полку уже съ годъ, но „по случаю безпрестанныхъ маршей“, Марковъ не успѣлъ о томъ увѣдомить попе-

чителя Салтыкова (1). Независимо отъ сообщенія Салтыкову, Марковъ писалъ о томъ же и къ министру. Послѣдній предписалъ не считать болѣе Овчинникова, получившаго уже чинъ прапорщика, въ вѣдомствѣ университета. Когда было объявлено объ этомъ Овчинникову, онъ тотчасъ подалъ просьбу въ совѣтъ о выдачѣ ему аттестата о поведеніи и успѣхахъ, а также и паспорта, безъ котораго онъ не можетъ ни явиться къ мѣсту своего служенія, ни проѣхать туда. При собираніи свѣдѣній о пребываніи Овчинникова въ университетѣ, инспекторъ, профессоръ Браунъ далъ свидѣтельство, что съ самаго его вступленія въ должность инспектора, съ 13 іюля 1813 года, Овчинниковъ велъ себя крайне дурно, почему попечитель вошелъ уже съ представленіемъ къ министру, „чтобы его за худыя качества и дурное поведеніе соблаговолено было отдать въ военную службу“ (въ наказаніе). Зачисленіе въ военную службу казеннаго студента и производство его въ прапорщики, безъ вѣдома университетскаго начальства, было сюрпризомъ для послѣдняго. Оказалось, что еще за годъ до этого, отецъ Овчинникова записалъ сына въ московское ополченіе, гдѣ и самъ служилъ и онъ, живя въ Казани, числился въ полку Согласно предписанію министра, Овчинникову былъ выданъ аттестатъ, но въ немъ прописано было неодобрительное свидѣтельство Брауна. По поводу этого свидѣтельства Овчинниковъ подалъ въ совѣтъ университета длинное, на двухъ гербовыхъ листахъ прошеніе, изъ котораго видно между прочимъ, что въ гимназіи и университетѣ онъ былъ на казенномъ содержаніи 14 лѣтъ. Не скрываетъ онъ того, что узнавъ о распоряженіи министра не считать его студентомъ и о томъ, что онъ прапорщикъ, онъ пересталъ учиться: „Съ сего самаго времени всѣ мои чувствованія, всѣ мои помышленія“, говоритъ онъ, съ свойственною школѣ Яковкина реторикою, „отклонены были болѣе на предметъ воинской Его Императорскаго Величества службы, и вслѣдствіе того, когда только могъ, всегда и всюду искалъ случаевъ видѣться и бесѣдовать съ г.г. опытными воинскими офицерами, научаясь (?) отъ нихъ мастерству и подвигамъ воинскимъ, къ которымъ себя приготовлялъ. Но совсѣмъ тѣмъ однакоже ни на пядь не отступалъ отъ прежнихъ правилъ, руководствовавшихъ

(1) Дѣло объ увольненіи изъ университета казенныхъ студентовъ: Овчинникова, Сычугова, Данкова, Андреева и кандидата Сидорова *Сов* 1813 года, № 84

поступками моими въ теченіе четырнадцатилѣтняго пребыванія моего въ гимназіи и университетѣ“ (ссылается на Эриха, Городчанинова и Петровскаго). Опровергая неблагопріятное мнѣніе о немъ Брауна, Овчинниковъ старается доказать, что если поведеніе его было дурно, то инспекторъ обязанъ былъ донести объ этомъ гораздо прежде совѣту, что раньше онъ никогда не слыхалъ отъ Брауна ни увѣщаній, ни „исправленій“, а только угрозы. Инспекторъ считаетъ дерзостью, говоритъ Овчинниковъ, что онъ, безъ вѣдома университета, пожелалъ опредѣлиться въ военную службу; но на это была воля отца; доказываетъ, что не онъ самъ, а отецъ подавалъ прошеніе главнокомандующему московскимъ ополченіемъ. Овчинниковъ жалуется на строгость и придирки Брауна За то, что онъ „на короткое время отлучился на квартиру отца посѣтить его страждущаго тяжкою болѣзнью, что не воспрещалось до того времени строго“, Браунъ „заточилъ меня самъ собою, безъ всякаго къ совѣту отношенія, въ карцеръ, въ которомъ я во все время моего ученія не сиживалъ и гдѣ *отъ ужасовъ тьмы, пустоты и гнилаго воздуха*, ощутивъ всю горесть души моей, тоску и отчаяніе, и представя себѣ, что по правиламъ университета предаются таковому наказанію за важнѣйшія токмо преступленія и не иначе, какъ по опредѣленію совѣта. Въ семъ мучительномъ состояніи, сочтя такой поступокъ г. инспектора *насиліемъ*, дерзнулъ сіи горестныя мои чувствованія *сообщить отцу моему*, прося его ходатайства о свободѣ“. Эту жалобу сына отецъ представилъ попечителю; послѣдній принялъ ее за дерзость противъ начальства и продлилъ время содержанія въ карцерѣ. „Вѣроятно ли, говорилось въ бумагѣ Салтыкова, чтобы человѣкъ, обыкшій и утвердившійся всегда держать себя по строгимъ правиламъ, въ мигъ и какъ бы нарочно для новаго инспектора, съ самаго перваго дня его вступленія, развратился?“

Прошеніе Овчинникова оканчивается требованіемъ, чтобы Браунъ объяснилъ, что разумѣетъ онъ подъ словомъ *дурно*, въ его поведеніи, въ чемъ состояло его худое поведеніе, въ какихъ порокахъ онъ былъ замѣченъ и почему инспекторъ не доносилъ о томъ прежде совѣту; словомъ Овчинниковъ требуетъ слѣдствія надъ инспекторомъ. Неблаговоленіе попечителя, по словамъ Овчинникова, онъ заслужилъ потому, что безъ его вѣдома подана просьба отцомъ о поступленіи сына въ военную службу, минуя его, непосредственнаго начальника, но Овчинниковъ оправдывается тѣмъ, что просьба эта была подана въ 1812

году, до вступленія Салтыкова въ должность. Попечитель грозилъ „написать его“ въ солдаты, когда онъ былъ уже прапорщикомъ. За это только и Браунъ, по словамъ Овчинникова, не могъ его терпѣть. Высказавъ все это, онъ просилъ о перемѣнѣ дурнаго аттестата на хорошій. Совѣтъ однако отказалъ ему въ этой просьбѣ.

Одновременно съ Овчинниковымъ министръ рѣшилъ также и дѣло о студентахъ Андреевѣ, Сычуговѣ и Данковѣ, которые подавали просьбы о поступленіи въ военную службу. „Если они не пріобрѣли еще столько познаній, сколько нужно для учительскаго званія“, писалъ министръ къ Салтыкову, и не стараются о пріобрѣтеніи оныхъ, можно ихъ опредѣлить, если не въ учители, то въ другія (?) по учебной части должности, *дабы прослужили въ оныхъ узаконенный срокъ*; но теперь же строго предпишите, дабы впредь, при избраніи учениковъ въ казенно-коштные студенты, *обращаемо было больше вниманія и принимаемы были въ число таковыхъ тѣ только, которые показали уже дарованія и склонность свою къ ученію*, разнымъ образомъ отнюдь не принимать въ оные тѣхъ, кои по какимъ либо тѣлеснымъ недостаткамъ, какъ-то: *косноязычіе* (казенный кандидатъ Сидоровъ былъ уволенъ за этотъ недостатокъ) и проч. къ учительской должности способны быть не могутъ“. Андреевъ и Данковъ исключены были безъ аттестатовъ. Любопытны фразы, какъ они росписались въ выслушаніи имъ распоряженія о нихъ министра народнаго просвѣщенія: „Когда высшее начальство признало насъ достойными такового жестокаго наказанія, то долгъ нашъ требуетъ почитать повелѣнія онаго священными и безпри(е)кословно повиноваться“.

Такимъ образомъ и министръ повторялъ распоряженія всѣмъ извѣстныя. Въ какія другія (?) должности по учебной части можно опредѣлять съ пользою ни на что негодныхъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи и университета, министръ не указывалъ, да едва ли онъ самъ сознавалъ значеніе и содержаніе этихъ предполагаемыхъ имъ должностей. Выше мы приводили примѣръ трехъ казенныхъ воспитанниковъ, которые оказались неудобными и негодными даже въ канцелярскіе чиновники. Существовало предписаніе покойнаго попечителя Румовскаго отъ 11 сентября 1811 года, въ которомъ говорилось, въ виду недостатка суммъ, отпускаемыхъ на университетъ и увеличенія письмоводства: „Смотря по надобности употреблять для письмоводства по очередно студентовъ и кандидатовъ, не отвлекая

однакоже ихъ отъ настоящихъ должностей". Въ 1813 году Яковкинъ, тогда еще инспекторъ студентовъ, послалъ двухъ изъ нихъ: Сычугова и Климова, „по необходимости", къ бухгалтеру гимназіи для переписки балансовъ и вѣдомостей о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, не болѣе какъ на три дни. Оба они, жаловался Яковкинъ совѣту, „оказали непослушаніе". Совѣтъ опредѣлилъ заключить ихъ въ карцеръ на недѣлю, а директору и инспектору поручилъ пригласить другихъ; послушались ли другіе намъ неизвѣстно (1).

Какъ казенные студенты не желали быть писцами, такъ и отъ прямой своей обязанности быть учителями, для чего собственно они и готовились, поступая на казенное содержаніе, они также отказывались; слѣдовательно всѣ мѣры, предписываемыя начальствомъ, внушенія и распоряженія, такъ часто повторяемыя, оставались безъ результатовъ. Правленіе университета 8 октября 1815 года за № 1638, сообщало совѣту слѣдующее: „Студенты казеннаго содержанія Бутлеръ (по другимъ спискамъ Бутлеровъ) и Веригинъ, опредѣленные совѣтомъ въ учительскія должности, первый въ томское, второй въ семеновское уѣздныя училища, правленіемъ сего 7 октября впущены были въ присутствіе для приведенія ихъ на сіи должности къ присягѣ и отправленія къ должностямъ, но они дерзновенно отъ принятія присяги отказались, говоря, что не хотятъ занять назначенныхъ имъ мѣстъ". Считая этотъ поступокъ студентовъ буйнымъ противъ начальства, совѣтъ представилъ о немъ попечителю. Вслѣдъ за этимъ отецъ Веригина, титулярный совѣтникъ, вошелъ въ совѣтъ съ просьбою, чтобъ онъ не опредѣлялъ его сына въ уѣздные учители, такъ какъ онъ неспособенъ къ учительскому званію, обязуясь съ своей стороны за пользованіе сыномъ казеннымъ содержаніемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вносить каждогодно, „по бѣдному своему состоянію", по 250 рублей. Совѣтъ возвратилъ прошеніе истцу, высказавшись, что онъ не можетъ перемѣнить свое рѣшеніе. Другой, казенный студентъ Бутлеръ, также представилъ свое объясненіе совѣту, въ которомъ писалъ, что несогласенъ поступить на службу учителемъ въ томское уѣздное училище *по силѣ Высочайше дарованной дворянству свободы* и просилъ объ увольненіи его въ „волонтирный корпусъ" или опредѣле-

(1) Дѣло о чинимыхъ грубостяхъ Яковкину студентами Сычуговымъ и Климовымъ *Сов.* 1813 г. № 15.

ніи учителемъ въ нижегородское уѣздное училище. Совѣтъ и это прошеніе возвратилъ съ надписью. Представленіе объ этомъ инцидентѣ попечителю вызвало слѣдующее предписаніе:

«Совѣтъ представляетъ мнѣ о дерзости и буйствѣ студентовъ Бутлера и Веригина, въ правленіи университета оказанныхъ. Признавая порядокъ за душу всякаго заведенія, по долгу своему я желаю содѣйствовать къ отвращенію всего нарушающаго оный, однакожъ, по донесенію совѣта *въ упомянутомъ случаѣ ни къ чему не могу основательно приступить* дотолѣ, пока совѣтъ не дастъ должнаго по сему опредѣленія, въ коемъ бы изобразилъ свое мнѣніе, а не просто представлялъ на разсмотрѣніе, о чемъ ему же было и предписываемо» (очевидно самъ попечитель не зналъ какъ поступить) Ибо дерзости и буйства имѣютъ свои степени, а потому и наказанія должны быть различны. Почему и предлагаю совѣту вникнуть: какая степень дерзновенія и буйности, сими студентами оказанная и чего потому заслуживаютъ, дабы я съ основательностью могъ представить о томъ его с-ству г. министру, или принять при семъ мѣры остановить таковой безпорядокъ Впрочемъ совѣтъ представитъ мнѣ о семъ мнѣніе и г. безсмѣннаго засѣдателя; кромѣ того, призвавъ въ присутствіе совѣта сихъ студентовъ, взять съ нихъ объясненіе и объявить отъ имени моего, что неповиновеніе ихъ строго будетъ наказано, коль скоро они и нынѣ покажутъ къ исполненію должнаго упорство».

Дѣло объ опредѣленіи Веригина и Бутлера въ уѣздные учители, вслѣдствіе бумажнаго производства, мало по малу измѣнялось и получало иной видъ. Профессоръ-визитаторъ Никольскій обратился въ совѣтъ съ просьбою: не благоугодно ли ему будетъ студенту Веригину, назначенному учителемъ въ Семеновское училище, дать какое либо иное назначеніе, „такъ какъ имъ, при обревизованіи сего училища 3 сентября, найдено только 9 учениковъ изъ бѣднаго состоянія, изъ которыхъ ни одинъ не умѣетъ порядочно читать по русски, и сіе происходитъ отъ того, что въ городѣ Семеновѣ около половины гражданъ записные старообрядцы. Потому настоящее число училищныхъ чиновниковъ слишкомъ достаточно для сего училища“. — Отецъ Бутлера также вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, „чтобы сына его, студента Капитона Бутлера, впредь до воспослѣдованія рѣшенія *на особенную его просьбу*, не посылать въ томское уѣздное училище въ учители, а помѣстить на имѣющуюся ваканцію въ нижегородское уѣздное училище, такъ какъ *онъ, при своей старости имѣетъ только одного сына, а отдаленіе его въ Томскъ будетъ ему и женѣ его весьма прискорбно*“. Подобно отцу Веригина, и онъ предлагаетъ выплачивать погодно по 250 рублей впредь до уплаты всей суммы, употребленной казною на воспитаніе и содержаніе его сына. Въ чемъ заключалось мнѣніе безсмѣннаго

засѣдателя Никольскаго—мы не знаемъ, такъ какъ не нашли его при дѣлѣ; оно было представлено совѣтомъ „на благоусмотрѣніе“ попечителя и на его разрѣшеніе; студентамъ же *предписано* пока слушаніе лекцій по прежнему. Объясненія обоихъ, назначенныхъ въ учителя и отказавшихся принять присягу на должность, требуемыя попечителемъ, состояли въ томъ, что Веригинъ чувствуетъ себя неспособнымъ и проситъ уволить его вовсе отъ *сидячей должности* по причинѣ болѣзни, а Бутлеръ проситъ о томъ же, потому что чувствуетъ себя совсѣмъ неспособнымъ къ учительству. Получивъ всѣ затребованныя имъ свѣдѣнія, попечитель предложилъ совѣту, что обоихъ казенныхъ студентовъ: Веригина и Бутлера „можно уволить изъ университета, если они представятъ поручителей съ достаточнымъ залогомъ въ уплатѣ въ извѣстное время слѣдующей казнѣ за содержаніе ихъ суммы; когда же въ скоромъ времени не представятъ оныхъ, то имѣетъ университетъ сообщить въ губернское правленіе *о высылкѣ ихъ къ учительскимъ должностямъ*, въ которыя они назначены“. Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ, студентъ Бутлеръ подалъ въ совѣтъ прошеніе о снабженіи его аттестатомъ и паспортомъ, приложивъ и запись въ вѣрномъ платежѣ суммы за содержаніе его на казенномъ коштѣ, которая подписана требуемыми попечителемъ поручителями. Совѣтъ однако призналъ эту запись неудовлетворительною и возвратилъ ее обратно, требуя другой, въ законной формѣ.

Если сыновьямъ представлялась весьма нежелательною карьера въ званіи учителя хотя бы и гимназіи, то отцамъ также нежелательно было взносить за нихъ вдругъ за нѣсколько лѣтъ деньги за содержаніе и ученіе, иногда за 14 и 15 лѣтъ. Вопросъ объ этомъ возникалъ уже въ 1807 году, при первомъ выпускѣ кончившихъ курсъ студентовъ въ Казанскомъ университетѣ. Мы говорили тогда, что на казенное содержаніе поступали иногда дѣти людей состоятельныхъ, но первою заботою при окончаніи курса было такъ или иначе отдѣлаться отъ обязательной службы за казенное содержаніе, и привели любопытное мнѣніе объ этомъ Яковкина: „Когда крайность и бѣдность“, писалъ онъ, „то всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ, а когда усматриваютъ, что они почти готовы на службу“ (болѣе выгодную конечно при тогдашнемъ недостаткѣ людей во всякомъ родѣ службы), то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами: это характеръ казан-

скихъ *голоколѣницевъ*" (часть первая, стр 451—452). Отцы и матери нашихъ семействъ вовсе не считали нравственною своею обязанностью сами воспитывать и учить дѣтей, да едва ли, въ большинствѣ случаевъ, и были способны на то. Вся забота ихъ заключалась въ томъ, чтобъ отдать дѣтей въ казенное заведеніе и чтобъ это стоило какъ можно дешевле Бутлерову выданъ былъ аттестатъ, въ которомъ значилось, что онъ долженъ университету службою за полученное имъ казенное содержаніе. Тогда отецъ его, коллежскій ассесоръ Семенъ Григорьевъ Бутлеровъ, которому безъ сомнѣнія вовсе не хотѣлось платить порядочную сумму за сына, завелъ почти тяжбу съ правленіемъ университета (1) Онъ вошелъ 11 марта 1815 г въ правленіе съ прошеніемъ на Высочайшее имя, что вслѣдствіе поданной имъ же прежде просьбы, сынъ его, казенно-коштный студентъ Капитонъ, послѣ трехъ лѣтъ пребыванія въ университетѣ и по окончаніи имъ курса, получилъ о томъ свидѣтельство, но въ немъ „*прописано неизвѣстно мнѣ по какимъ законамъ*, что я по сему свидѣтельству никакого не имѣю права просить объ опредѣленіи сына ни въ военную, ни въ гражданскую службу, по нахожденію его въ университетѣ на казенномъ содержаніи." Ректоръ объяснилъ ему, что по закону сынъ его или долженъ выслужить шесть лѣтъ учителемъ, или взнести за все время содержанія деньги. Но ни того, ни другого разумѣется не хочется отцу, и онъ пускается въ разныя увертки въ своемъ объясненіи Бутлеровъ-отецъ жалуется на бѣдность (помѣщикъ онъ былъ не бѣдный), на то, что кромѣ сына, есть у него еще семья (жена и дочь), что онъ первоначально училъ сына на своемъ коштѣ три года „и когда въ Императорской казанской гимназіи *усмотрѣны въ немъ успѣхи и дарованія* и видя мой недостатокъ *помѣщенъ онъ на казенное содержаніе безъ особенной* (?) *моей просьбы и тогда отъ начальниковъ не былъ я предваренъ* о таковомъ впослѣдствіи могущемъ быть сверхъ желанія принужденіи и требованіи; *да и теперь не вижу на то* Вашего Имп-скаго Вел-ства Высочайшей на то воли." Самъ ли Бутлеровъ придумалъ эти крючки, которыми онъ хотѣлъ запугать правленіе, или сочинялъ ихъ какой либо наемный законникъ—не знаемъ. Проси-

(1) Дѣло объ увольненіи казеннаго студента Капитона Бутлерова изъ университета для опредѣленія въ дѣйствительную службу *Сов.* 1815 г № 95.

тель ссылается на разные параграфы университетскаго устава, на „Наказъ“ о сочиненіи проекта Россійскихъ узаконеній (гл. X, § 365, въ которомъ говорится: „Мало такихъ случаевъ, которые бы болѣе вели къ полученію чести, какъ военная служба; защищать отечество свое, побѣдить непріятеля онаго есть первое право и упражненіе, приличествующее дворянамъ“), на указъ 1 октября 1780 года, манифестъ 6 сент. 1802 г. и др „И изъ всѣхъ сихъ узаконеній видя я“, продолжаетъ отецъ Бутлеровъ, „свободную волю сыну моему къ избранію рода службы отечеству, и признавая, какъ онъ себя и я, *замѣчая по темпераменту его неспособнымъ къ службѣ въ учительскомъ званіи и зная, что ни въ какомъ ученомъ званіи за ученіе недостаточнаго дворянскаго юношества* по окончаніи ученія употребленныхъ на содержаніе ихъ казенныхъ денегъ ни съ кого обратно требовано еще не было, и на то Высочайшаго повелѣнія не вижу“. Бутлеровъ ссылается на случаи съ казенными студентами: Журавлевымъ (1) и Овчинниковымъ (см. выше стр. 459—456), которые выпущены были изъ университета съ разрѣшенія министра: „и сынъ мой въ благодарность за воспитаніе и образованіе его въ другой службѣ по способности его можетъ заслужить отечеству и принести пользу.“ Всѣ эти доводы отца клонятся къ тому, чтобы правленіе выдало сыну *полный* аттестатъ, съ которымъ онъ могъ бы поступить на другую службу.

По этому прошенію, содержаніе котораго мы изложили, совѣтъ собралъ справки и опредѣлилъ: „Какъ оный Бутлеровъ вообще не подаетъ никакой надежды быть полезнымъ для ученаго званія, то и представить прошеніе на благоусмотрѣніе его сіят-ства г. министра, присовокупивъ, что совѣтъ не находитъ возможнымъ освободить его отъ взноса денегъ.“ Изъ справки оказалось, что еще въ 1803 году мать Бутлерова

---

(1) Журавлевъ, казенный студентъ, подалъ въ началѣ марта 1814 г прошеніе попечителю о необходимости вступить ему въ дѣйствительную службу и о выдачѣ ему аттестата Онъ ссылался на бѣдственное положеніе своей матери (отецъ удаленъ изъ общества, есть малолѣтняя сестра); долгъ отца увеличивается съ каждымъ годомъ. «Успѣхи въ наукахъ мои не столько значительны, пишетъ онъ, чтобы я могъ въ скоромъ времени получить какое либо академическое достоинство» Попечитель отвѣтилъ сначала, что прошеніе Журавлева противно предписаніямъ высшаго начальства, но потомъ, вѣроятно убѣжденный личными просьбами Журавлева, представилъ министру объ увольненіи Журавлева, которое и было разрѣшено. Дѣло *Сов.* 1814 г. №. 44.

вошла съ прошеніемъ о помѣщеніи сына ея на казенное содержаніе, что предписаніе попечителя объ обязательной службѣ казенныхъ воспитанниковъ послѣдовало еще въ февралѣ 1805 года, при открытіи университета, и Бутлеровъ тогда же былъ помѣщенъ на казенное содержаніе, такъ какъ въ 1803 году казенныхъ ваканцій не было, а въ 1811 году переведенъ въ университетъ; что попечителямъ предоставлено было право, въ случаѣ неспособности молодыхъ людей къ учительскому званію, и, если того требовали обстоятельства, освобождать отъ обязательной службы, но съ тѣмъ чтобъ родители или родственники ихъ вносили употребленныя на ихъ содержаніе и воспитаніе деньги. Все это было объявлено ректоромъ университета Бутлерову отцу. Совѣтъ находитъ весьма невѣроятнымъ, чтобы отецъ не зналъ, что жена его, хотя бы и въ его отсутствіе, подала просьбу о помѣщеніи сына въ гимназію на казенный счетъ; не могъ не знать онъ и о распоряженіи касательно службы казенныхъ воспитанниковъ, доведенномъ до общаго свѣдѣнія. „Ежели онъ не желалъ видѣть сына въ ученомъ званіи“, доносилъ совѣтъ, „то могъ бы взять его тотчасъ же изъ гимназіи; но онъ оставилъ его почти десять лѣтъ на казенномъ содержаніи“. Отъ себя совѣтъ также замѣчалъ, что студентъ Бутлеровъ оказываетъ единственно склонность къ военной службѣ, а *къ ученой показываетъ отвращеніе и неспособность* и по посредственнымъ его дарованіямъ и познаніямъ нельзя ожидать отъ него пользы въ ученой службѣ. тѣмъ болѣе, что онъ противъ желанія въ нее поступать.“ Министръ еще потребовалъ отъ совѣта по этому дѣлу свѣдѣній: было ли объявлено родителямъ Бутлерова объ обязательной службѣ ихъ сына и взята ли съ нихъ подписка, что это обязательство имъ извѣстно? За доставленіемъ этихъ свѣдѣній совѣтъ обратился къ Яковкину. Изъ донесенія его видно, что распоряженіе попечителя было имъ объявлено *всѣмъ* родителямъ, желающимъ помѣстить сыновей своихъ на казенное содержаніе *и отъ всѣхъ ихъ взяты были обязательства съ подпискою*, что видно изъ дѣлъ гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія (?), что и Бутлеровъ далъ такое обязательство, „ежели же обязательство сіе не находится при дѣлахъ, то *должно полагать* (?), что оно было въ числѣ двухъ обязательствъ, которыя при снятіи архива отъ бывшаго архиваріуса Шнора, удаленнаго отъ сей должности по нерадѣнію, оказались утраченными.“ Кромѣ того, писалъ Яковкинъ, всѣ поступавшіе на казенное содержаніе были принимаемы

только по предписаніямъ попечителя, который безъ упомянутыхъ обязательствъ не согласился бы никогда на такое принятіе. Отецъ Бутлерова не имѣетъ права отзываться незнаніемъ закона и обязанностей казенныхъ воспитанниковъ, извѣстныхъ всякому въ Казани, тѣмъ болѣе, что въ 1812 году сыну его было отказано по той же самой причинѣ, когда онъ просился въ военную службу Министръ не согласился на увольненіе Бутлерова. По всей вѣроятности отцу пришлось выплатить деньги, а сынъ, сколько намъ извѣстно, былъ военнымъ.

Бутлерову потому не удалось безъ взноса денегъ поступить въ военную службу по свободѣ дворянства, какъ онъ выражался, что ему выданъ былъ такой аттестатъ, съ которымъ онъ не могъ быть принятъ, такъ какъ на немъ уже лежалъ долгъ обязательной службы. Выдача такого свидѣтельства отъ университета послѣдовала вслѣдствіе новаго распоряженія министра „не выдавать уѣзжающимъ въ отпускъ студентамъ Казанскаго университета никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ паспорта“ Такое распоряженіе вызвано было случаемъ съ казеннымъ воспитанникомъ Максутовымъ, его продѣлкою избавиться отъ обязательной службы въ званіи учителя. Этотъ Максутовъ былъ уже кандидатомъ естественной исторіи и кончилъ такимъ образомъ полный курсъ; перспектива уѣзднаго учителя гдѣ нибудь въ Сибири, ему конечно не улыбалась. Въ 1814 году, уѣзжая на вакацію тамбовской губерніи елатомской округи въ деревню Бесѣдки, онъ, „для полученія наслѣдства и по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ“, беретъ отпускъ сверхъ вакаціоннаго времени на 28 дней: затѣмъ „для приведенія дѣлъ въ порядокъ“ просится въ отпускъ въ С.-Петербургъ на два мѣсяца. Для этой поѣздки выданъ былъ ему паспортъ. Между тѣмъ, на слѣдующій годъ, департаментъ государственныхъ имуществъ увѣдомилъ совѣтъ (1 іюля 1815 г. № 1030), что Максутовъ опредѣленъ на службу въ этотъ департаментъ. Донесено было министру народнаго просвѣщенія о такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, особенно потому что Максутовъ былъ казеннымъ воспитанникомъ Министръ въ виду того, что Максутовъ уже опредѣленъ на службу и переименованъ въ соотвѣтствующій чинъ, предложилъ его уволить изъ университета, но *поставилъ на видъ совѣту*, что Максутовъ не былъ бы опредѣленъ на службу, еслибъ университетъ не выдалъ ему свидѣтельства о правахъ его, гдѣ

вовсе не было сказано объ обязательной службѣ его по учебной части за казенное содержаніе (1).

Потребность въ учителяхъ для открываемыхъ довольно часто въ то время уѣздныхъ, большихъ и малыхъ народныхъ училищъ, съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ былъ при университетѣ училищный комитетъ, завѣдывавшій всѣми училищами округа, сознавалъ и совѣтъ, а между тѣмъ тѣ, на кого разсчитывали для замѣщенія этихъ мѣстъ, исчезали изъ вѣдомства университета совершенно безслѣдно: конечно они искали лучшаго. Недостатокъ людей для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ въ училищахъ озабочивалъ и власть, и высшее управленіе просвѣщенія. Еще въ 1811 году именнымъ Высочайшимъ указомъ сенату 10 ноября повелѣно студентовъ, поступающихъ въ университетъ изъ состояній въ окладѣ положенныхъ, *и которые пожелали бы посвятить себя ученому званію*, или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде окончанія ими полнаго курса ученія въ университетѣ. Потомъ, въ министерство графа Разумовскаго, было предписано: „въ предупрежденіе, чтобы люди изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ, которые, по представленіямъ учебнаго начальства утверждены въ службѣ по учебной части, по исключеніи ихъ изъ окладовъ, въ скоромъ времени не переходили въ другой родъ службы, *брать съ нихъ всегда подписки, что они таковую службу продолжать будутъ не менѣе шести лѣтъ*“. Слѣдуетъ замѣтить, что эта мѣра обязательной службы, предписанная для лицъ податныхъ состояній Высочайшимъ указомъ, распространялась одинаково какъ на казенныхъ, такъ и на своекоштныхъ студентовъ. Только впослѣдствіи, въ министерство князя Голицина, въ 1819 году, вышло распоряженіе, что „своекоштнымъ слѣдуетъ дать полную свободу продолжать службу по учебной части, сколько пожелаютъ и не вступать даже вовсе въ оную, хотя бы и изъ подушнаго оклада освобождены были“ Но при этомъ предписывалось наблюдать, чтобъ они непремѣнно кончили курсъ ученія (2).

Въ октябрѣ 1817 года въ совѣтѣ было разсуждаемо о студентахъ, „*кои полагаются за неблагонравное ихъ поведеніе*

---

(1) Дѣло *Сов* 1814 г. № 173

(2) Дѣло о томъ, чтобы казеннокоштные студенты и молодые люди въ учительское званіе поступающіе *съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада*, непремѣнно обязывались прослужить въ учебной службѣ шесть лѣтъ. *Сов.* 1819 г. №. 140

заслуживающими быть выпущенными въ уѣздные учителя". Такихъ студентовъ оказалось тогда шесть. Для „изслѣдованія сего дѣла" образованъ былъ комитетъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ; комитетъ этотъ состоялъ изъ восьми человѣкъ; онъ долженъ былъ собрать всѣ справки о поведеніи студентовъ, опредѣлить—кто изъ казеннокоштныхъ заслуживаетъ этого наказанія. Чья была идея посылать въ уѣздные учителя какъ бы въ наказаніе, какъ въ ту эпоху въ наказаніе повелѣно было отдавать въ солдаты, изъ дѣла не видно, но комитетъ повидимому идеи этой не раздѣлялъ и въ своемъ опредѣленіи, представленномъ имъ въ совѣтъ, онъ просилъ исключить изъ университета „за нерадѣніе и грубость" только одного студента. а прочихъ пятерыхъ предлагалъ оставить при университетѣ „съ подтвержденіемъ и обязательствомъ, чтобы они впредь вели себя сообразно цѣли ихъ воспитанія". Для лучшей постановки дѣла приготовленія учителей, комитетъ съ своей стороны предлагалъ, чтобы правящій тогда должность инспектора студентовъ имѣлъ тщательный надзоръ за ними и посѣщалъ ихъ комнаты, при чемъ высказывалось желаніе, чтобы студенты помѣщены были въ смежныхъ комнатахъ одного зданія и были „обезпечены касательно ихъ хозяйственной жизни" (въ чемъ заключалась „необезпеченность" комитетъ однако не говорилъ). Онъ предлагалъ также помощника инспектора Востокова, „яко навлекшаго на себя негодованіе всѣхъ студентовъ", удалить отъ должности. О дальнѣйшихъ разсужденіяхъ комитета мы еще скажемъ.

Если въ уѣздные учители опредѣляли за нерадѣніе, лѣность и дурное поведеніе, то естественно за такою мѣрою слѣдовало ожидать полнаго неуспѣха образованія, о которомъ заботились весьма немногіе, да и то болѣе бумажнымъ образомъ. Въ предъидущей главѣ этой части (стр. 344—356) мы привели только за одинъ 1819 годъ цѣлый рядъ дѣлъ училищнаго комитета, служащій весьма грустной иллюстраціей того печальнаго положенія, въ какомъ находилось начальное и среднее образованіе въ казанскомъ округѣ, каковы были нравственныя качества преподавателей; о полномъ педагогическомъ безсиліи казанской гимназіи мы привели, какъ кажется намъ, убѣдительныя доказательства. Конечно не могло все это быть скрыто отъ власти, какъ бы ни отуманивали ея пониманіе разными реторическими фразами, но мѣры, ею употребляемыя и рекомендуемыя, были вполнѣ безсильны и не были въ со-

стоянiи дать благiе результаты. Еще въ началѣ 1814 года тогдашнiй министръ народнаго просвѣщенiя графъ Разумовскiй писалъ попечителю Салтыкову (31 января, № 32):

«Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣнiй, къ крайнему прискорбiю усматривая, что *учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведенiи, нерѣдко обращаются въ пьянство, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленiю должности* Въ прекращенiе сего предпишите ваше пр-ство, собравъ въ каждомъ учебномъ заведенiи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, толь гнуснымъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, то таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ»

Нельзя безъ улыбки читать эти наивныя предписанiя, когда знаешь дѣйствительность и знаешь изъ множества случаевъ прошлаго, что слова предписанiй не имѣли никакой силы и никакого дѣйствiя. А большинство этихъ пьянствующихъ учителей нашего округа вышли и изъ казанской гимназiи, и изъ университета, воспитываясь на казенный счетъ.

Вопросъ о поведенiи студентовъ, какъ внѣ университета, вполнѣ ввѣренныхъ инспекцiи и университетскому суду, такъ и въ стѣнахъ университета, долженъ былъ необходимо обратить на себя вниманiе начальства. Съ назначенiемъ новаго попечителя звѣзда всемогущаго Яковкина неминуемо должна была закатиться. Мы знаемъ, что Салтыковъ весьма высоко ставилъ, и въ умственномъ и нравственномъ отношенiи, иностранныхъ профессоровъ Казанскаго университета, отдавалъ имъ преимущество предъ русскими. Они-то безъ сомнѣнiя сообщили новому начальству весьма неутѣшительныя свѣдѣнiя о порядкахъ управленiя Яковкина, о ничего недѣланiи казанскихъ студентовъ, которые весьма рѣдко посѣщали лекцiи, да едва ли и могли чему-нибудь и научиться на нихъ, будучи совсѣмъ неприготовлены къ университету. Преподаванiе русскихъ профессоровъ вовсе незнакомыхъ съ настоящею наукой, по большей части было не чѣмъ инымъ, какъ только повтореніемъ гимназическаго курса и на этихъ лекцiяхъ студенты еще успѣвали. У иностранныхъ же профессоровъ, было одинъ-два слушателя, *назначенныхъ*, чтобы аудиторiи не оставались пустыми, произволомъ Яковкина, да и эти немногочисленные слушатели, какъ видно изъ жалобъ самихъ же профессоровъ, весьма рѣдко ходили на лекцiи и профессора часто по мѣсяцамъ не читали. Дѣло ученiя не шло впередъ. За то, когда Салтыковъ, по пріѣздѣ въ Казань, позна-

комился ближе и съ обществомъ провинціальнаго города и съ нравами тогдашнихъ студентовъ, которые конечно были не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ нравовъ этого общества и семей, онъ, собирая факты, слыша о возмутительныхъ случаяхъ грубой распущенности казанскихъ студентовъ, о которыхъ говорилъ весь городъ, долженъ былъ приписать все это неустройство нерадѣнію начальства и первымъ дѣломъ его, какъ только онъ осмотрѣлся въ Казани, было увольненіе Яковкина отъ должности инспектора студентовъ. Попечитель 6 іюня 1813 года предложилъ совѣту, на мѣсто просящаго увольненія Яковкина, выбрать другое лицо изъ ординарныхъ профессоровъ. Черезъ четыре дня избранъ былъ Браунъ (большинствомъ 13 противъ 3). Сдаточная вѣдомость о пріемѣ, которую требовалъ Салтыковъ, представлена не была, потому что, по словамъ Яковкина въ донесеніи его въ совѣтъ, у него не было на рукахъ никакихъ казенныхъ вещей, кромѣ журнальной инспекторской книги. Браунъ вступилъ въ должность 6 іюля.

Въ 1813 году въ Казанскомъ университетѣ студентовъ всего было: а) казенныхъ—23. б) пансіонеровъ—4 и в) своекоштныхъ — 15; всѣхъ студентовъ—42 человѣка. Не смотря на такое незначительное число молодыхъ людей, имѣющихъ еще спеціальную обязанность трудиться надъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ, что одно въ состояніи наполнить всю человѣческую жизнь, тѣ, которые призваны были вести эту семью молодыхъ людей по пути умственнаго развитія, приготовляя юношей къ будущему ихъ призванію — честному и сознательному служенію родной странѣ, не умѣли ладить съ ними. Они могли только жаловаться на распущенность, взваливая всю отвѣтственность за нее на нихъ же, этихъ молодыхъ людей, печальныхъ жертвъ общественнаго развитія, или прибѣгать къ разнымъ бумажнымъ мѣрамъ, правиламъ и инструкціямъ, по большей части не приносившимъ видимой и ощутительной пользы. Вотъ что писалъ Салтыковъ совѣту (17 сентября 1813 года, № 540), вѣроятно послѣ долгихъ бесѣдъ съ новымъ инспекторомъ:

«Ежедневныя жалобы инспектора студентовъ относительно своевольства и непослушанія, вкоренившихся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, заставляютъ меня употребить строжайшія мѣры для отвращенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ необузданной молодости. Сіи проступки, противные законному учрежденію и *могущіе быть приписаны ихъ неопытности и незнанію постановленій, не могли однакоже достигнуть такой степени свое-*

вольства безъ послабленія прежняго надъ ними начальства (т. е Яковкина) Инспекторъ, въ силу § 113 устава, есть блюститель порядка и благочинія студентовъ; привыкшіе къ онымъ молодые люди не могутъ вдругъ сдѣлаться дерзкими Г. инспектору и помощникамъ его предписываю наблюдать строго, чтобы *чинопочитаніе* (это было излюбленное словечко Салтыкова; наблюденіе его спасало отъ всѣхъ золъ, по его убѣжденію) никогда не было нарушаемо и подтвердить студентамъ казеннымъ, что уставъ обязываетъ ихъ продолжать службу не менѣе шести лѣтъ въ *ученомъ* (?) званіи, что сопротивленіе въ семъ случаѣ доказываетъ непослушаніе волѣ монарха и неблагодарность за воспитаніе, которое получаютъ отъ щедротъ его Поелику нѣкоторые изъ нихъ отзываются незнаніемъ устава, то предписываю гг помощникамъ выписать статьи изъ устава и предварительныхъ правилъ, относящихся до обязанностей студентовъ и дать имъ оныя для чтенія. Также ни одинъ студентъ не имѣетъ права отлучаться безъ воли инспектора; *совѣту же предлагаю, въ силу § 121 устава, сочинить правила благочинія для студентовъ*» (1).

О содержаніи первыхъ правилъ для поведенія студентовъ, составленныхъ въ 1808 году Яковкинымъ, весьма краткихъ и неясныхъ, мы уже говорили. (Часть первая, стр. 468—469). Очевидно они оказались недостаточными. По выслушаніи предложенія попечителя, совѣтъ опредѣлилъ дать выписку изъ протокола инспектору студентовъ объ этомъ и ему же поручить составленіе новыхъ правилъ благочинія, чего требовалъ попечитель; эти правила должны быть представлены въ совѣтъ для его разсмотрѣнія Въ слѣдующее же засѣданіе совѣта (24 сентября) Браунъ представилъ составленныя имъ на латинскомъ языкѣ *правила благочинія для студентовъ* (Regulae pro formandis moribus studiosorum). Совѣтъ, выслушавъ ихъ, опредѣлилъ: „сообщить эти правила всѣмъ членамъ совѣта порознь, съ тѣмъ, дабы они могли пріобщить свои примѣчанія; а собравъ всѣ мнѣнія, препоручить ихъ гг. профессорамъ Финке, Брейтенбаху, Врангелю и адъюнкту Кондыреву (изъ нихъ образованъ былъ комитетъ) для окончательнаго соображенія". Финке, какъ старшій изъ профессоровъ, былъ въ немъ предсѣдателемъ. Первымъ дѣломъ его, согласно примѣчаніямъ, сдѣланнымъ Броннеромъ на правила благочинія, составленныя Брауномъ, было просить совѣтъ распорядиться собраніемъ всѣхъ прежнихъ министерскихъ распоряженій, а также и сдѣланныхъ попечителями о казенныхъ студентахъ, постановленій о наказаніяхъ, налагаемыхъ за нехожденіе на лекціи и другія нарушенія порядка, хотя бы въ извлеченіи. Секретарю совѣта

(1) Дѣло о разныхъ грубостяхъ и своевольствѣ студентовъ и о сочиненіи правилъ благочинія для оныхъ. *Сов.* 1813 г № 108.

поручено было доставить всѣ эти свѣдѣнія профессору Финке, который желалъ такимъ образомъ познакомиться съ вопросомъ исторически. Можетъ быть это собираніе справокъ, а можетъ быть и желаніе со стороны Финке и нѣкоторыхъ другихъ составить правила благочинія какъ можно полнѣе, чтобы они могли быть примѣняемы въ наивозможно большемъ количествѣ случаевъ, были причиною медленности въ работахъ комитета. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ перваго предписанія своего совѣту о составленіи правилъ, въ виду увеличивающихся своевольствъ между студентами, о чемъ доносилъ ему инспекторъ Браунъ, Салтыковъ 25 февраля 1814 года, *вторично* предлагаетъ совѣту „въ непродолжительномъ времени“ сочинить правила и представить ихъ ему на разсмотрѣніе. Прежде чѣмъ комитетъ представилъ эти правила, одинъ изъ членовъ этого комитета адъюнктъ Кондыревъ, независимо отъ общей работы, представилъ совѣту свое личное мнѣніе. Въ этомъ мнѣніи Кондыревъ желалъ повидимому высказать свой личный взглядъ на составляемыя правила для студентовъ, чего онъ желалъ бы отъ этихъ правилъ. Нельзя не видѣть также въ словахъ Кондырева довольно замѣтнаго, хотя и скрытаго антагонизма между профессорами русскими и иностранными, которые теперь, наканунѣ открытія университета, становились преобладающими и численно, и особеннымъ расположеніемъ къ нимъ попечителя. Приведемъ in extenso это мнѣніе:

«Будучи членомъ совѣта (Кондыревъ не считаетъ себя членомъ комитета для составленія правилъ), учрежденнаго для устроенія и усовершенствованія всего относящагося къ цѣли университета и подвѣдомыхъ ему училищъ, долгомъ службы и совѣсти почитаю представить на безпристрастное благоусмотрѣніе нижеслѣдующее: *Университетъ нашъ не получилъ еще никакого твердаго особеннаго своего характера и все* (?) *еще ожидаетъ въ немъ образованія* Такимъ образомъ и полныя правила для студентовъ доселѣ еще не были начертаны, выключая самонужнѣйшаго, что можно видѣть изъ инспекторской шнуровой книги: сіе откладываемо было до совершеннаго устроенія университета Между тѣмъ необходимость правилъ сихъ велика Многое изъ прежде наблюдаемаго студентами, нынѣ повидимому оставляется; новаго, по чемъ бы они поступали, еще ничего нѣтъ, и такъ явственно что произойти должно. *Кромѣ того подобныя перемѣны рѣдко могутъ имѣть хорошія послѣдствія.* Почему необходимо начертать не одни правила благочинія, но *вообще правила, разсматривая студента во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣхъ сторонъ, касательно его ума и сердца, нравственности, поведенія, занятій и ученія,* дабы онъ могъ быть со временемъ истинно полезенъ государю и отечеству на службѣ, начальству какъ подчиненный, обществу какъ членъ, семейству какъ отецъ».

Кондыревъ повидимому желаетъ, чтобы университетъ взялъ на себя обязанность вполнѣ воспитать молодаго человѣка и

забываетъ о научномъ содержаніи университетскаго образованія. Но онъ признаетъ необходимость правилъ. Такія правила для студентовъ существуютъ въ университетѣ Дерптскомъ, въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и, кажется, говоритъ Кондыревъ, въ университетѣ Виленскомъ. Тоже можно сдѣлать и у насъ: написать правила, по утвержденіи начальствомъ напечатать и давать всякому при поступленіи. „Но правила сіи", говоритъ Кондыревъ, „*должны быть написаны съ великимъ тщаніемъ, нравоучительно* (?), *полно, ясно, а при семъ обращено вниманіе на наше правительство, разные роды службъ, отечественные нравы и обыкновенія, народный духъ и разныя состоянія*". Такая широкая задача составляемыхъ уже комитетомъ правилъ, какую высказываетъ Кондыревъ, очевидно служитъ намъ доказательствомъ, что на университетъ онъ смотрѣлъ какъ на какое-то воспитательное заведеніе и притомъ съ національнымъ характеромъ, а потому, между строками его широковѣщательной программы, можно читать недовольство тѣмъ, что члены комитета для составленія правилъ— люди не русскіе, не знаютъ русскаго быта и мало знакомы со страною и ея учрежденіями. Предполагая практическій характеръ будущихъ студенческихъ правилъ, Кондыревъ предлагаетъ въ составъ комитета лицъ изъ казанскихъ профессоровъ, извѣстныхъ уже своею долгою опытностью въ воспитательномъ дѣлѣ, какъ бы забытыхъ совѣтомъ при выборѣ членовъ комитета:

«Для исполненія сего нужно составить *особенный комитетъ* изъ особъ, кромѣ учености, особенно опытностію по симъ дѣламъ преисполненныхъ. Таковыми я по совѣсти своей почитаю: 1) г. профессора *Яковкина*, уже слишкомъ тридцать лѣтъ воспитаніемъ и надзоромъ надъ россійскимъ юношествомъ занимающагося, особенно въ здѣшней гимназіи какъ инспекторъ и директоръ, и въ университетѣ, какъ инспекторъ. *Опытъ мой научитъ его многому касательно мѣстнаго положенія и обстоятельствъ.* 2) Г. проф. *Броннера*, столь много по сей части въ *важныхъ чинахъ* (?) въ иностранныхъ земляхъ, при общей похвалѣ занимавшагося и слѣдовательно успѣвшаго ближе узнать полезнѣйшее и вредное при семъ въ чужеземныхъ учебныхъ заведеніяхъ, чего можетъ намъ, русскимъ, и неизвѣстно Кромѣ того онъ показалъ уже и здѣсь опыты своей общеполезной дѣятельности при разныхъ случаяхъ и какъ директоръ педагогическаго института и 3) г. адъюнкта *Лубянина*, также всю жизнь при разныхъ россійскихъ учебныхъ заведеніяхъ находившагося и притомъ начальствующею особою по части смотрѣнія надъ воспитанниками, педагогіею практически и теоретически занимавшагося и здѣсь потому, по мудрому благоусмотрѣнію его превосходительствомъ покойнымъ попечителемъ въ гимназію инспекторомъ опредѣленнаго».

Кондыревъ извиняется предъ членами совѣта, что онъ указываетъ только на трехъ этихъ, поименованныхъ имъ чле-

новъ. „Такое предпочтеніе, говоритъ онъ, произошло единственно по моему безпристрастному наблюденію и сужденію, учиненное изъ желанія истиннаго добра мѣсту служенія“..... „Отличное порученіе принести умомъ и опытностью своею“, заключаетъ онъ, „столь важную пользу въ составленіи помянутаго начертанія останется на всегда памятникомъ ревности, дѣятельности и просвѣщенія сихъ членовъ и всеконечно будетъ лестною наградою; *но совѣтъ за успѣшное дѣло можетъ представить о нихъ и его превосходительству*, какъ высокому своему покровителю“. Совѣтъ опредѣлилъ перевести рапортъ Кондырева на нѣмецкій языкъ и по выслушаніи сдѣланнаго перевода, 8 апрѣля, постановилъ: представить рапортъ на благоусмотрѣніе попечителя и на его разрѣшеніе также и вопросъ, возникшій въ совѣтѣ: *принадлежитъ ли г. Кондыревъ къ комитету сочиненія правилъ благочинія для студентовъ, составленному по опредѣленію совѣта* изъ гг. профессоровъ Финке, Брейтенбаха и Врангеля и *сего г Кондырева, который избранъ совѣтомъ потому, что онъ, какъ русскій, лучше знаетъ нравы своихъ соотечественниковъ и* притомъ долгое время исправлялъ должность помощника инспектора студентовъ, или не принадлежитъ, какъ какъ въ предложеніи г. попечителя (18 марта, № 163) онъ не упомянутъ. Попечитель утвердилъ конечно Кондырева членомъ; за тѣмъ, согласно просьбѣ профессора Финке, какъ предсѣдателя комитета, отсрочилъ (18 марта, № 163) на шесть недѣль представленіе правилъ благочинія. Въ этотъ разрѣшенный срокъ правила и были наконецъ представлены 15 апрѣля 1814 года. Кондыревъ однако не принималъ никакого участія въ составленіи ихъ, будучи вѣроятно обиженъ тѣмъ, что совѣтъ не обратилъ никакого вниманія на его рапортъ и не выбралъ ни одно изъ указанныхъ имъ опытныхъ въ педагогіи лицъ въ члены комитета, и даже о его правѣ быть членомъ поднималъ вопросъ. Финке, какъ старшій членъ этого комитета, представляя совѣту кодексъ правилъ (они были и составлены собственно имъ и переписаны его рукою, а только одобрены Брейтенбахомъ и Врангелемъ), писалъ, что онъ эти правила представлялъ также и на разсмотрѣніе адъюнкта Кондырева, „но онъ постоянно и упорно отказывался отъ моего приглашенія, утверждая, что онъ не членъ нашей коммиссіи“ (1).

(1) «...attamen is sprevit constanter et tenaciter meam invitationem, affirmans se non esse illius commissionis membrum».

Правила или *законы благочинія*, составленные профессоромъ Финке и на которые онъ положилъ много труда, представляютъ первую попытку со стороны нѣмецкихъ профессоровъ, весьма мало знакомыхъ съ русскою жизнью и съ русскою молодежью, упорядочить эту недисциплинированную воспитаніемъ, полную дикой разнузданности и атавизма, молодежь. Правила относятся ко всѣмъ студентамъ какъ казеннымъ, такъ и своекоштнымъ, а также и къ кандидатамъ университета. Они, по словамъ Финке, заключаютъ въ себѣ общій полицейскій распорядокъ (generalem politiae ordinationem, Polizeiordnung). Въ предисловіи къ кодексу Финке говоритъ, что онъ, при составленіи правилъ, больше всего основывался на университетскомъ уставѣ, пользовался имъ преимущественно, дѣлая во многихъ мѣстахъ ссылки на его параграфы; много пользы также принесли ему правила Дерптскаго университета, на которыя онъ смотрѣлъ, почему-то восторгаясь ими, какъ на собственныя „aurea dicta“ государя императора Система и порядокъ изложенія принадлежатъ самому Финке и онъ строго наблюдаетъ за сохраненіемъ ихъ во всѣхъ отдѣлахъ своего „Начертанія“. Правила говорятъ объ обязанностяхъ студентовъ, о ихъ привилегіяхъ и наконецъ о взысканіяхъ или наказаніяхъ за нарушеніе правилъ и несоблюденіе обязанностей. Обязанности дѣлятся на общія и частныя, на обязанности къ самому себѣ, къ членамъ университета и къ публикѣ не академической. По представленіи этого „начертанія“, совѣтъ опредѣлилъ: 1) перевести правила, составленныя Финке, на русскій языкъ; 2) переводъ этотъ представить немедленно ректору университета, который 3) для поспѣшнѣйшаго теченія дѣла сего передастъ оный каждому факультету, назначивъ быть собранію каждаго же изъ оныхъ въ теченіе четырехъ дней для сдѣланія на начертаніе сіе своихъ замѣчаній; 4) факультетъ, по окончаніи засѣданій, сообщитъ ректору свои замѣчанія для предложенія оныхъ совѣту.

Русскій переводъ правилъ, составленныхъ Финке, представленъ былъ однако не немедленно, а мѣсяца черезъ два, передъ самымъ началомъ вакаціоннаго времени и тогда же былъ препровожденъ на разсмотрѣніе въ отдѣленія или факультеты. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ успѣло разсмотрѣть ихъ еще до вакаціи, другія гораздо позднѣе, такъ что полное разсмотрѣніе всего кодекса, составленнаго Финке, могло послѣдовать только въ засѣданіи 31 марта 1815 года,

уже послѣ смерти составителя Но эти правила благочинія были уже разсмотрѣны въ факультетскихъ собраніяхъ, большинство членовъ совѣта сдѣлало на нихъ и вообще, и въ частности множество замѣчаній, такъ что совѣтъ уже не входилъ въ подробности и частности, а нашелъ болѣе удобнымъ остановиться на краткой редакціи правилъ, сдѣланной врачебнымъ отдѣленіемъ и на замѣчаніяхъ этого отдѣленія. Оно состояло тогда собственно изъ двухъ профессоровъ: ректора Брауна и Эрдмана и по всей вѣроятности предпочтеніе, оказанное совѣтомъ редакціи врачебнаго отдѣленія, основывалось на томъ, что главное участіе въ этой редакціи принималъ ректоръ, которому, когда онъ былъ еще инспекторомъ студентовъ, и поручено было первоначально составить правила благочинія. Эти правила „кратко и ясно выведенныя“ и были утверждены попечителемъ (14 іюня, 1815 года), напечатаны (только въ количествѣ 200 экземпляровъ) и опредѣлено было раздавать ихъ каждому вновь поступающему студенту. „Законы“ же Финке, вмѣстѣ со всѣми высказанными по поводу ихъ мнѣніями какъ факультетовъ, такъ и отдѣльныхъ профессоровъ, опредѣлено сдать въ архивъ.

Деканъ медицинскаго факультета Эрдманъ, въ своемъ латинскомъ представленіи въ совѣтъ говоритъ, что чѣмъ проще, яснѣе и короче будутъ написаны правила, тѣмъ больше будутъ они имѣть силы. „Законы“ Финке слишкомъ обширны и многословны. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ рубрикъ и подраздѣленій, дѣлятся на 120 артикуловъ или параграфовъ и заключаютъ въ себѣ очень много лишняго и посторонняго, касаясь не одной только студенческой жизни, но и другихъ сторонъ университета. Съ другой стороны „Законы“ Финке весьма любопытны, потому что представляютъ намъ попытку нѣмецкаго профессора-идеалиста, привыкшаго къ яснымъ и точнымъ формуламъ римскаго права, которое онъ преподавалъ на лекціяхъ, регулировать нравы русской молодежи, которая не приносила изъ родной семьи никакихъ нравственныхъ основъ для жизни и дѣятельности, а изъ безсильной въ воспитательномъ смыслѣ тогдашней гимназіи приносила съ собой въ университетъ обычные пороки закрытаго заведенія и никакой привычки, никакого уваженія къ умственному труду. Финке въ самомъ дѣлѣ былъ наивный идеалистъ; онъ весь полонъ любви къ молодымъ людямъ; у него идеальное представленіе объ университетѣ и универ-

ситетскихъ слушателяхъ. Поэтому иные §§ его „законовъ“ скорѣе совѣты, чѣмъ правила, предписываемыя категорически. Въ нихъ рекомендуются: религія, благочестіе, скромность и многія другія хорошія качества и добродѣтели. Финке включилъ въ свои правила или законы много такого, что рѣшительно непримѣнимо къ русскимъ студентамъ и что можетъ быть было внесено профессоромъ въ „законы“, какъ воспоминаніе его нѣмецкой родины. Такъ, въ правилахъ упоминаются разныя, никогда не существовавшія въ нашихъ университетахъ преступленія: подозрительныя сообщества, *не получившія дозволенія отъ совѣта* (§ 34), торжественныя шествія (Fakelzug) безъ разрѣшенія, хотя бы общество (?) имѣло въ виду въ будущемъ общую пользу, ношеніе какого либо оружія (§ 35), дуэли и др. Многія правила слишкомъ мелочны, имѣютъ претензію слишкомъ многое регулировать и доходятъ иногда до двусмысленности, напр. § 28: „Студенты должны на лекціи сидѣть тихо, пристойно, слушать со вниманіемъ и проч. и безъ необходимой нужды не выходить изъ покоя (und verlassen nie ohne erhebliche Ursache das Zimmer)“. Финке не былъ знакомъ хорошо ни съ русской жизнью, ни съ русской молодежью. Иныя правила у него черезчуръ суровы и вовсе не могутъ назваться студенческими, а скорѣе принадлежатъ къ общеполицейскимъ. Запрещается, наприм. студентамъ „безмѣрно скорая ѣзда по улицамъ“. „Но кто же, спрашиваю, сочтетъ это проступкомъ, когда это въ общемъ употребленіи въ Россіи (Sed quis, quaeso, rem, quae in Rossia ubique moris est, vitio verteret)?“ замѣчаетъ Эрдманъ. Заботы о порядочности въ житейскихъ отношеніяхъ въ правилахъ могутъ иногда невольно вызвать улыбку на уста рускаго читателя. Повидимому Финке совсѣмъ игнорируетъ русскую семью. Такъ § 24 гласитъ: „Полезной бережливости наипаче студентъ долженъ научиться. Тотъ, кто не имѣя недостатка во всѣхъ нужныхъ вещахъ, надѣлаетъ въ продолженіе года болѣе долговъ, чѣмъ онъ въ состояніи заплатить, *лишается права располагать имуществомъ своимъ и будетъ порученъ особливому вѣдѣнію опекуна*“. Это уже прямое вторженіе въ частную жизнь: какъ будто у студента нѣтъ ни родителей, ни близкихъ. Такія правила какъ это, очевидно входили въ мысли Финке и отъ того, что онъ видѣлъ кругомъ себя, въ казанской жизни, безчисленные примѣры той непорядочности въ жизни, противъ которой возстаетъ въ этомъ §, и отъ того, что онъ имѣлъ весьма высокое понятіе объ университетѣ, считая его призваннымъ даже нравственно воспитывать юно-

шество русское. Это понятіе объ университетѣ высказывается въ § 23: „Университетъ для студентовъ есть *судилище* (?), но также и заведеніе для *нравственнаго* и ученаго ихъ образованія. Онъ есть вѣчный памятникъ благости монарха, доставляющей юношамъ тѣ выгоды, коими въ частномъ состояніи они никогда не могли бы наслаждаться". Не знаемъ, много ли студентовъ того времени смотрѣли на университетъ этими глазами профессора Финке, но, очевидно, самъ онъ считалъ студентовъ полноправными гражданами. Такъ отъ студента вмѣсто подписки и обязательства въ соблюденіи правилъ, § 14 требуетъ только подачу руки ректору, противъ чего высказался физико-математическій факультетъ. Но за то у Финке есть и лишняя формалистика: для казенныхъ студентовъ въ „законахъ" точно опредѣлены часы, когда они должны вставать и когда ложиться спать. Хожденіе ко всенощной и къ обѣднѣ въ праздничные дни обязательно для нихъ непремѣнно съ помощниками инспектора и пр.

Правила благочинія или „законы", составленные профессоромъ Финке, вызвали, какъ мы уже говорили, замѣчанія, какъ факультетовъ, такъ и нѣкоторыхъ профессоровъ, напр. Эрдмана, Брейтенбаха, Френа, Лубкина, Юнакова и др Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изложеніе всѣхъ этихъ замѣчаній, въ особенности потому, что вліяніе ихъ отразилось на краткой редакціи правилъ, сократившей очень многое въ первоначальномъ кодексѣ. Но нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній весьма любопытны, потому что даютъ намъ представленіе о господствовавшихъ тогда взглядахъ Такъ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ. какъ кажется намъ, смотрѣло скептически на самыя правила вообще. Повидимому оно не вѣрило благотворному дѣйствію правилъ, и это потому, что большинство членовъ его были русскіе люди, сами прошедшіе оба курса: и гимназическій и университетскій и на себѣ испытавшіе недѣйствительность какихъ бы то ни было правилъ, которыя сдерживаютъ дисциплинированныя нѣмецкія натуры, но не годятся для русскихъ. Это отдѣленіе настаивало на необходимости точнѣе опредѣлить власть инспектора, увеличить эту власть сколько возможно, сдѣлать инспектора начальникомъ. Иное нѣмецкій составитель писалъ безъ всякаго знакомства съ характеромъ и условіями русской жизни. Такъ § 16 въ первоначальномъ кодексѣ Финке говоритъ: „Находящійся при студентѣ *провождающій* (der Begleiter oder Führer (?) eines ange-

kommenen Studierenden), или *надзиратель* (мы пользуемся современнымъ переводомъ, сдѣланнымъ подъ надзоромъ самого Финке) долженъ представить о себѣ свидѣтельство, если желаетъ въ семъ качествѣ пребывать въ университетѣ и, подобно всѣмъ студентамъ, подверженъ законамъ и постановленіямъ университета". На это физико-математическое отдѣленіе справедливо замѣтило: „Кто разумѣется подъ провожающимъ? Часто и *дворовый человѣкъ* заступаетъ сіе мѣсто подъ именемъ *дядьки* и тогда едва ли можно требовать, чтобы онъ, *не желая, а долженъ будучи* остаться съ господиномъ своимъ, подвергался, подобно всѣмъ студентамъ, законамъ и постановленіямъ университета?"—Любопытны нѣкоторыя замѣчанія адъюнкта Лубкина по инымъ §§ „законовъ" Финке. Такъ по поводу дозволенія, заключающагося въ § 30, упражняться студентамъ въ зданіи университета вокальною музыкою, Лубкинъ замѣчаетъ: „Подъ именемъ *вокальной музыки* конечно разумѣется здѣсь пѣніе пѣсенъ. Противу сего ничего вообще сказать не можно, но могутъ быть и такія пѣсни, коихъ пѣніе въ казенномъ и публичномъ домѣ отнюдь не можетъ быть позволительно. Равно и благопристойныя пѣсни можно пѣть такимъ образомъ, что университетъ будетъ походить на питейный домъ. Для того нужно сдѣлать нѣкоторыя ограниченія, не предоставляя студентамъ всего на произволъ". Тамъ, слѣдовательно, гдѣ нѣмецкій профессоръ довѣрялъ такту юношей, тамъ русскій профессоръ, переводя на русскій языкъ иностранное слово „вокальная музыка", непремѣнно ожидалъ чего-то дурнаго и предосудительнаго. Такова глубокая разница въ нравахъ и понятіяхъ. Другое замѣчаніе Лубкина заключаетъ въ себѣ недовѣріе къ университетскому суду, постановленному уставомъ. Онъ полагаетъ, что наказанія за нѣкоторые проступки, назначаемыя правилами, не будутъ имѣть силы и дѣйствительности. По поводу § 36 „законовъ" Финке, Лубкинъ говоритъ: „Строгое преслѣдованіе упорства противъ установленнаго порядка, забіячество, *а особливо дерзость на словахъ или на дѣлѣ противъ начальствующихъ*, или подобныя тому грубыя преступленія, должны быть судимы и разсматриваемы на основаніи общихъ россійскихъ узаконеній". Это лучше всѣхъ *домашнихъ*, даже *строжайшихъ* наказаній, высказывается нѣсколько иронически Лубкинъ, не довѣряя правиламъ, не довѣряя и студентамъ. „Студенты почитаютъ себя гражданами въ государствѣ", говоритъ Лубкинъ, „только не подлежащими общей ихъ повин-

ности, а потому и имѣющими какъ бы нѣкоторую привилегію на своевольство". Любопытно, что Кондыревъ, говорившій съ такою реторическою эмфазою о значеніи составляемыхъ правилъ и законовъ, выставлявшій дѣло это чрезвычайно важнымъ, имѣющимъ огромное значеніе для будущаго, ни разу не обмолвился тѣмъ или другимъ замѣчаніемъ на счетъ отдѣльныхъ параграфовъ правилъ. Вѣроятно, онъ былъ очень обиженъ тѣмъ, что столь опытный и столь старый педагогъ, какимъ считался очень долго Яковкинъ, не былъ избранъ въ члены комитета для составленія правилъ. И Яковкинъ совершенно устранился отъ этого дѣла и не принималъ въ обсужденіи его никакого участія. Эти правила благочинія были задуманы и выполнены нѣмецкими профессорами, которые считали ихъ настоятельно необходимыми, предполагая, что они въ состояніи помочь горю и способствовать къ искорененію той умственной и нравственной распущенности, которая била въ глаза въ студенческихъ нравахъ того времени. Приведемъ слѣдующее весьма любопытное сравненіе нашего Казанскаго университета съ подобными же разсадниками знанія въ Европѣ, сдѣланное деканомъ врачебнаго отдѣленія, профессоромъ Эрдманомъ:

«Если мы бросимъ взглядъ на старые европейскіе университеты, особенно прославившіеся тѣмъ, что дали образованіе многимъ великимъ людямъ, многимъ ученымъ, то найдемъ, что въ этихъ учрежденіяхъ для науки господствуетъ особый *духъ*, который можно назвать по его свойствамъ,—*академическимъ* (der akademische Geist). Отличительнымъ признакомъ этого духа является его *свобода*, первое основаніе которой могло заключаться первоначально въ тѣхъ правахъ или привилегіяхъ (Vorrechten), которыя дарованы были университетамъ и въ теченіе длиннаго ряда годовъ, придали этимъ учрежденіямъ особый, оригинальный характеръ, существенно отличающій ихъ отъ другихъ образовательныхъ заведеній Историческое развитіе человѣческаго духа въ различные періоды его жизни сдѣлало необходимымъ это различіе».

Далѣе Эрдманъ говоритъ объ университетской молодежи и ея правахъ, о неизбѣжно переживаемомъ ею бурномъ періодѣ, о необходимости со стороны руководителей осторожныхъ и гуманныхъ отношеній къ этой молодежи, рекомендуетъ довѣріе къ ней. Критическій возрастъ, переживаемый студентомъ, больше чѣмъ всякое другое время жизни, нуждается въ разумномъ руководствѣ. Нѣтъ ничего хуже грубаго принужденія въ этомъ возрастѣ. Эрдманъ говоритъ о необходимости свободы для студентовъ, но при этомъ оговаривается, что разумѣетъ не ту неограниченную ничѣмъ свободу, при которой

возможны, какъ въ современной Германіи, появленіе и дѣятельность разныхъ орденскихъ соединеній и Landsmannschaft'овъ, „но я глубоко убѣжденъ“, говоритъ онъ, „что безъ существованія академической свободы, много дѣльныхъ головъ будутъ отвлечены отъ науки и совершенно останутся неразвитыми“. Всѣ эти мысли объ академической свободѣ Эрдманъ высказываетъ какъ бы мысли общія, безъ примѣненія къ окружавшей его дѣйствительности. Другой вопросъ, по словамъ его, состоитъ въ томъ: долженъ ли нашъ, Казанскій университетъ имѣть вообще такой свободный характеръ? Способенъ ли онъ принять этотъ свободный характеръ теперь? Можетъ ли онъ и въ настоящее время быть такимъ? Едва ли это возможно. Для того, чтобы изъ академической свободы не выросли произволъ и злоупотребленія, необходимо требуется твердость нравственныхъ основъ, а для этой нравственности — доброе воспитаніе, ясное сознаніе своего назначенія и своихъ обязанностей. Обращаясь къ тому, что окружаетъ его, Эрдманъ ставитъ вопросъ: „У кого же изъ нашихъ студентовъ можно найти это приготовленіе, это хорошее воспитаніе?“ и даетъ, къ нашему сожалѣнію, отвѣтъ вполнѣ отрицательный: „Могу сказать, что ни у одного. *Вотъ почему необходимы принудительныя мѣры, бо́льшая строгость полицейскихъ распоряженій, чѣмъ въ заграничныхъ университетахъ*“. Эрдманъ конечно не вдается въ изслѣдованіе глубокихъ, историческихъ и соціальныхъ причинъ, почему для русскаго студента нужно значительно больше строгости, чѣмъ для студента германскаго. По всей вѣроятности причины эти были ему не такъ ясны и доказательны, какъ для насъ теперь, но разсужденія объ этихъ причинахъ увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ разсказываемой нами старой исторіи. Эрдманъ требуетъ поэтому примѣненія къ Казанскому университету тѣхъ *принудительныхъ мѣръ*, которыя заключаются въ краткихъ правилахъ благочинія, составленныхъ медицинскимъ факультетомъ, деканомъ котораго былъ онъ. Эта строгая внѣшняя дисциплина необходима въ настоящее время“, говоритъ Эрдманъ, „для укрѣпленія добрыхъ побужденій и ослабленія злыхъ“. Не нужно однако забывать, и онъ высказываетъ это категорически, того необходимаго условія, что это внѣшнее принужденіе должно быть *законно* (legal). Чтобъ подсластить эту горькую для русскаго студента пилюлю, Эрдманъ рекомендуетъ преподаваніе *курса нравственной философіи* и *чтеніе нравственныхъ сочиненій* (!!).

Изъ всѣхъ разсужденій въ комитетѣ и совѣтѣ видно, что правиламъ для студентовъ приписывали весьма большое значеніе, думали, что они въ состояніи излѣчить нравственныя болѣзни разъѣдающія студенчество, ожидали отъ нихъ очень многаго. Но parturiunt montes.... Правила эти, на составленіе и обсужденіе которыхъ было употреблено почти полтора года, утвержденныя попечителемъ и министромъ, были напечатаны къ началу 1815—1816 учебнаго года по латыни и по русски, подъ заглавіемъ „Краткое изложеніе правилъ для наблюденія Императорскаго Казанскаго университета студентамъ“. Въ исторіи казанскаго студенчества это была вторая редакція правилъ (о первой Яковкинской редакціи, весьма краткой, гдѣ мѣрою исправленія являлась черная доска, мы уже говорили, ч. 1-я, стр 468—469) Эта вторая редакція была нѣсколько распространеннѣе первой; она увеличена была нѣсколькими параграфами прописной морали, но едва ли и она могла имѣть воспитательное значеніе и ужъ никоимъ образомъ не могла осуществить блестящія ожиданія составителей. Приведемъ, какъ историческій документъ, русскій текстъ этихъ правилъ. Онъ дастъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, чего желали тогда отъ студентовъ члены совѣта, обдумывавшіе правила и забывавшіе, что правильное воспитаніе, вкоренившіяся нравственно-честныя привычки и убѣжденія создаются не правилами, а семьею, обществомъ, глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ религіи, вѣками, посвященными на практическое усвоеніе вѣчныхъ истинъ евангелія...

1) «Каждый студентъ повинуется постановленіямъ университетскимъ

2) «Желающій поступить въ число студентовъ вопервыхъ является къ ректору, который разсмотрѣвъ аттестатъ отъ какой либо гимназіи данный, ежели найдетъ оный удовлетворительнымъ, или подвергнувъ его испытанію отъ назначенныхъ для сего членовъ совѣта, отсылаетъ его въ правленіе.

3) «Имя студента, давшаго въ присутствіи правленія обязательство, что онъ будетъ вести себя сообразно университетскимъ постановленіямъ, вносится правленіемъ въ списокъ, и въ доказательство сего получаетъ онъ свидѣтельство.

4) «Получивши оное, опять является къ ректору, который даетъ наставленіе какія проходить ему приуготовительныя науки.

5) «Онъ обязывается назначенныя ему приуготовительныя науки слушать съ прилежаніемъ, вниманіемъ и тщательностью

6) «Преподаванія повторять для укорененія ихъ въ памяти

7) «Оказывать университетскому начальству повиновеніе, членамъ совѣта почтеніе, товарищамъ дружелюбіе, а всѣмъ и каждому учтивость и благопріятство

8) «Блюсти себя отъ развратныхъ нравовъ, особенно пьянства, безстыдства и коварства

9) «Не играть въ денежныя игры

10) «Кто испортитъ умышленно вещь казенную или частной особѣ принадлежащую, тотъ строго (?) будетъ наказанъ

11) «Студентъ, претерпѣвшій обиду, не долженъ приступать къ отмщенію

12) «Онъ долженъ искать право свое вопервыхъ предъ лицомъ ректора, потомъ предъ правленіемъ, наконецъ предъ совѣтомъ университетскимъ

13) «Студентъ, желающій оставить университетъ, не прежде получитъ отъ совѣта свидѣтельство о его поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, пока не заплатитъ долги свои

«Тѣ студенты, которые будутъ послѣдовать симъ правиламъ, не только удостоятся одобренія начальства, но получатъ въ свое время *почести и награды*, такъ напримѣръ:

a) «Они пользоваться будутъ правомъ носить шпагу.

b) «За точное и надлежащее рѣшеніе вопросовъ, предлагаемыхъ отъ университета съ награжденіемъ за рѣшеніе оныхъ, получать будутъ медали

c) «Студентъ, окончившій трехлѣтній университетскій курсъ и доказавшій каждому преподавателю, у котораго обучается, свое стараніе, прилежаніе и ревностное исполненіе своихъ обязанностей, получитъ аттестатъ и по оному, при вступленіи въ службу, чинъ 14 класса

d) «Студентъ, оказавшій удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, можетъ предстать на испытаніе кандидатское, магистерское или докторское, и ежели окончитъ оное съ похвалою, получитъ степень, которой признанъ будетъ достойнымъ

«Студенты, нарушающіе *умышленно* университетскія постановленія, по непокорности, упрямству и высокомѣрію, подлежатъ *наказаніямъ* меньшимъ или большимъ, соразмѣрно преступленіямъ; такъ напримѣръ:

a) «Выговору ректора на единѣ

b) «Выговору въ присутствіи правленія

c) «Замѣчанію въ присутствіи совѣта

d) «Публичному извиненію

e) «Заключенію подъ стражу

f) «Исключенію изъ числа студентовъ до времени исправленія (?).

g) «Исключенію изъ университета навсегда

h) «Исключенію изъ университета *съ безчестіемъ*, о чемъ доносимо будетъ съ изъясненіемъ преступленія исключаемаго, главному правленію училищъ и сообщаемо другимъ университетамъ.

i) «Отсылкѣ въ уголовный судъ.

Послѣ знакомства съ этими правилами, намъ остается только удивляться тѣмъ фразамъ, частію уже приведеннымъ нами выше, которыя говорились и писались при составленіи ихъ, и тѣмъ несоразмѣрнымъ съ дѣйствительностію результатамъ, какіе предполагались отъ ихъ примѣненія къ нравамъ студенческимъ. Дѣло вѣковъ поправить не легко, и разсказы о различныхъ случаяхъ студенческой жизни во время составленія этихъ правилъ и въ немногіе годы до времени попечительства Магницкаго, замѣчанія и наблюденія надъ жизнію и нравами студентовъ, сдѣланныя инспекторами послѣ Яковкина: Брауномъ, Броннеромъ, Брейтенбахомъ, которые мы передадимъ,

послужатъ убѣдительнымъ доказательствомъ полнаго безсилія этихъ правилъ и ничтожности ихъ вліянія. Въ самомъ дѣлѣ: не вполнѣ ли банальными представляются намъ первые 13 параграфовъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя говорятъ о нравственныхъ обязанностяхъ? Можно ли ими не только исправить глубоко испорченные нравы тогдашнихъ студентовъ, внушить имъ любовь къ знанію, къ умственному труду, отучить ихъ отъ пьянства, отъ картежной игры, отъ дикихъ проявленій разнузданнаго разгула? Тѣ *почести* и *награды*, о которыхъ говорится во второмъ отдѣлѣ правилъ, не составляютъ ли онѣ скорѣе правъ, принадлежащихъ студенту, чѣмъ награды? Если правила въ третьемъ отдѣлѣ, *о наказаніяхъ*, представляютъ цѣлую лѣстницу ихъ, то почему не указано какая ступень этой лѣстницы соотвѣтствуетъ тому или другому проступку студента? Не правилами, какъ бы они хитро и тщательно ни были обдуманы (кромѣ разумѣется чисто формальныхъ) создаются нравы университетской молодежи, а другими средствами. Мы убѣждены въ полномъ безсиліи всевозможныхъ правилъ благочинія Но дайте этимъ юношамъ такое знаніе, которое бы наполнило душу и заняло ихъ умъ, въ которомъ не было бы ничего принудительнаго, мертваго, глубоко презираемаго, какъ безполезная обязанность, внушите имъ влеченіе къ этому знанію, увѣренность въ его могуществѣ надъ жизнью, подарите имъ, съ первыхъ сознательныхъ лѣтъ, благородныя общечеловѣческія чувства и идеалы, каковы бы они ни были: идеалы чувства, науки, вѣры, свободы, идеалы общественные и соціальные, и вы не узнаете этихъ юношей. Какъ бы жестоко ни поступила съ ними жизнь потомъ, выбивая и обливая своею грязью эти молодыя мечты, но много человѣческаго, много свѣтлаго и бодрящаго останется на старость „Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ!“ говоритъ великій русскій писатель.

Познакомимся теперь съ нравами и событіями изъ жизни студенческой въ описываемое нами время.

Глава XVI.

Студенты до двадцатыхъ годовъ.—Истечники для изученія правовъ казанскихъ студентовъ.—Неподготовленность тогдашнихъ студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій и ихъ умственная неразвитость.—Исхожденіе на лекціи.—Характеръ слушанія лекцій.—Жалоба штабъ-лѣкаря Кельца.—Новые инспекторы студентовъ послѣ Яковкина: Брауэръ, Броннеръ и Брейтенбахъ.—Грубости студентовъ.—Законъ Божій, какъ воспитательное средство, и введеніе его въ университетское преподаваніе.—Увѣщанія инспекторовъ.—Пьянство студентовъ; различные случаи и проступки ихъ, соединенные съ этою слабостью, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и внѣ его.—Дѣла о студентахъ: Замятинѣ и Бабановскомъ.—Комитетъ для разбора своевольствъ между студентами и его взгляды на инспекцію и поведеніе студентовъ вообще.—Проступки студентовъ: Попова, Саножникова, Соловьева, Уфимцева и другихъ.—Снисходительный взглядъ членовъ совѣта на проступки студентовъ.—Устройство жизни и хозяйства казенныхъ студентовъ.—Фиктивное существованіе спеціальнаго (факультетскаго) преподаванія въ университетѣ.—Энергическія дѣйствія студентовъ при казанскихъ пожарахъ.

Три четверти вѣка, отдѣляющія насъ отъ студенческихъ правовъ въ описываемые нами годы, значили бы много въ общемъ развитіи общества, если-бы оно дѣйствительно шло впередъ, усвоивая и не забывая нравственныя пріобрѣтенія предшествовавшихъ поколѣній и накопляя такимъ образомъ жизненный опытъ. Не смотря на слабость этого нравственнаго развитія въ русскомъ обществѣ, мы все же увѣрены, что живемъ въ лучшее сравнительно время, что умственный успѣхъ замѣтенъ, что количество знанія увеличилось, что окружаютъ насъ теперь все же лучшіе, сравнительно съ прежъ-

ними, нравы молодаго поколѣнія, и во всякомъ случаѣ иные, не похожіе на прежніе. Мало придется намъ касаться на этихъ страницахъ идейнаго содержанія, духовной атмосферы, окружавшей тогдашнее студенчество; нѣсколько разъ было замѣчено нами, что для студентовъ занимающихъ насъ годовъ, за весьма малыми, незначительными исключеніями, интересы духа и знанія почти вовсе не существовали. Этому найдемъ мы многочисленныя доказательства въ дѣлахъ совѣта и правленія, въ протоколахъ, въ журналѣ, веденномъ инспекторами, подъ названіемъ „Книга о поведеніи студентовъ“, начатая въ первый мѣсяцъ по основаніи университета (5 марта 1805) и доведенная до 1820 года, т. е. до времени Магницкаго и до появленія имъ приглашенныхъ новыхъ лицъ, которыя должны были дать новое направленіе и новое содержаніе жизни студентовъ Казанскаго университета. Книга эта весьма замѣчательна, особенно потому что въ ней сохранилось множество случаевъ изъ студенческой жизни, представляющихъ живыя картины этой жизни, записанныя такимъ тонкимъ и талантливымъ наблюдателемъ, какимъ безъ всякаго сомнѣнія можно назвать Броннера. Всѣ дѣла, даже уголовнаго свойства, въ которыхъ были замѣшаны студенты, разбирались тогда внутреннимъ университетскимъ судомъ, собственно правленіемъ университета, а потому въ архивѣ его находятся драгоцѣнные матеріалы для достаточно полной характеристики нравовъ тогдашняго поколѣнія студентовъ. Надобно замѣтить однако, что матеріалы эти касаются главнымъ образомъ казенныхъ студентовъ, жившихъ въ стѣнахъ университета и находившихся подъ постояннымъ надзоромъ, но это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы обобщить сохранившіеся факты и распространить ихъ и на своекоштныхъ студентовъ. Послѣднихъ было весьма немного, и они находились въ постоянномъ общеніи съ казенными, какъ мы и увидимъ. Нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что студенты первыхъ лѣтъ Казанскаго университета были подчинены университетскому суду. Это сохранило отъ забвенія исчезнувшіе нравы и даетъ возможность изслѣдователю познакомиться съ этими нравами. Не такъ счастливъ будетъ тотъ, кто захотѣлъ бы ближе, по источникамъ и документамъ, узнать жизнь, нравы и обычаи современной университетской молодежи, которая внѣ университета, за нарушеніе не формальныхъ университетскихъ правилъ, а общихъ законовъ и постановленій, подчинена общему суду.

Источники для изслѣдованія подобнаго рода придется искать въ архивахъ мировыхъ судей или окружнаго суда. Для сравненія съ прошлымъ, для констатированія нравственнаго успѣха университетской молодежи, факты эти или спрятаны слишкомъ далеко, или и совсѣмъ недоступны. Въ провинціальныхъ періодическихъ листкахъ совершенно случайно проскальзываютъ иногда свѣдѣнія о буйствѣ на улицѣ или о неблаговидныхъ поступкахъ такъ называемыхъ репортерами молодыхъ „интеллигентовъ“; въ обществѣ, въ разговорахъ весьма часто циркулируютъ разсказы о разбирательствахъ у того или другаго изъ мировыхъ судей города, гдѣ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ обрисовываются нравы и условія жизни учащейся въ университетѣ молодежи; весьма рѣдко, но за то крайне рельефно и ясно освѣтитъ нравственное развитіе современныхъ студентовъ какой-нибудь уголовный процессъ, разбиравшійся въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ, возмутительное содержаніе котораго проникнетъ случайно въ общество. Обо всемъ этомъ конечно не скажетъ правды связанная житейскими условіями провинціальная пресса. Чаще всего она скроетъ кричащій фактъ или постарается затемнить и извратить правду въ угоду разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Въ этой прессѣ кромѣ того до сихъ поръ еще сохранилось то слѣпое идолопоклонство передъ „молодымъ поколѣніемъ“, которое провозглашено было выдающимися органами печати въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Пора однако убѣдиться, что всякое молодое поколѣніе, т. е. духовный и нравственный міръ его, создается только жизнію и условіями его окружающими. Оно не что иное какъ только созданіе жизни. Была конечно пора, когда въ русскомъ обществѣ пользовался дѣйствительнымъ почетомъ такъ называемый „человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ“, хотя это образованіе весьма часто улетучивалось подъ вліяніемъ условій окружающей жизни, и случалось, что „человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ“ переставалъ и совсѣмъ походить на человѣка. Въ настоящее время ошибиться будетъ труднѣе: внѣшній знакъ подскажетъ современному скептику, что онъ дѣйствительно имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, прошедшимъ всѣ требуемые семестры университетскаго курса.

Какой успѣхъ сдѣлало это образованіе въ три четверти вѣка, отдѣляющія насъ отъ эпохи нами описываемой, въ чемъ измѣнились въ этотъ періодъ времени нравы университетской

молодежи — пусть судитъ будущій изслѣдователь внутренней жизни Казанскаго университета, если она будетъ для него также глубоко интересна, какъ для нишущаго эти строки. Позволяемъ себѣ однако надѣяться, что факты, нами собранные и тщательно изученные, послужатъ ему точкою отправленія, и постараемся изложить эти факты съ полнымъ безпристрастіемъ.

Не смотря на заботы Яковкина и прочихъ слѣдовавшихъ за нимъ инспекторовъ студентовъ о такъ называемомъ *наполненіи* аудиторій слушателями, т. е. объ отысканіи для вновь прибывающихъ профессоровъ студентовъ, не смотря на увѣреніе, еще въ 1811 году сдѣланное передъ совѣтомъ Яковкинымъ, что „число учащихся теперь, въ сравненіи съ прежнимъ, несравненно болѣе, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что аудиторіи нѣмецкихъ профессоровъ были по большей части пустыми. Одинъ, много два слушателя — вотъ то число студентовъ, передъ которымъ профессору приходилось излагать свою науку. Конечно у него должна была пропадать всякая энергія. Не могло быть и никакого живаго общенія между профессоромъ и слушателемъ, тѣмъ болѣе, что оба они были разобщены незнаніемъ языковъ, на которыхъ они говорили. „Наполненіе аудиторій“, то есть приглашеніе студентовъ идти записаться слушателемъ у того или у другаго профессора, сопровождалось различными хитростями, уговорами и увѣщаніями со стороны инспекторовъ. „Всѣ слушатели“, писалъ Яковкинъ въ 1811 году, „кромѣ нѣкоторыхъ, заняты особенно приготовительными науками“, а мы знаемъ что эти приготовительныя науки заключали въ себѣ только гимназическій курсъ, да и тотъ былъ для нѣкоторыхъ такъ затруднителенъ, что по представленію Броннера ихъ слѣдовало возвратить назадъ, въ гимназію („aliqui incapaces in gymnasiam remittendi“ (1)). Первоначально этотъ приготовительный курсъ длился два года, но въ 1815 году Броннеръ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, чтобы этотъ курсъ, согласно желанію нѣкоторыхъ профессоровъ, сталъ трехгодичнымъ: такъ мало были приготовлены слушатели къ пониманію наукъ спеціальныхъ, въ университетѣ преподаваемыхъ. Броннеръ расположилъ этотъ курсъ тогда же на три года,

(1) Книга о поведеніи, стр. 606.

раздѣливъ предметы на *необходимые* (necessariae) и *украшающіе* (ornantes), слушаніе которыхъ было предоставлено на произволъ студентовъ (¹). Въ томъ же дѣлѣ, гдѣ говорится о необходимости продленія курса приготовительныхъ наукъ еще на одинъ лишній годъ, находится не лишенное значенія свѣдѣніе о томъ, какъ безпорядочно былъ устроенъ самый пріемъ студентовъ въ университетѣ. Попечитель Салтыковъ писалъ совѣту, что до его свѣдѣнія дошло, что студенты принимаются во всякое время, отчего, по словамъ его, вступившіе въ теченіе года не получаютъ настоящей пользы. Онъ предписалъ поэтому принимать только въ началѣ курса.

Естественно, что при малой подготовкѣ студентовъ къ слушанію лекцій и въ виду того, что имъ снова приходилось повторять тотъ же гимназическій курсъ, который они прошли въ гимназіи и который не могъ уже интересовать ихъ, имъ скучно было ходить на лекціи. У инспекторовъ и ихъ помощниковъ, у нѣкоторыхъ профессоровъ, которыхъ мучило сознаніе, что они противъ воли не читаютъ, мы находимъ частыя жалобы на *уклоненіе отъ лекцій*, какъ выражались тогда, на лѣность и нерадѣніе студентовъ, изъ которыхъ очень многіе или рѣдко посѣщали аудиторіи, или вовсе не ходили въ нихъ. Профессоръ астрономіи Литтровъ доноситъ въ январѣ 1813 года совѣту, что ему часто, въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, по цѣлымъ часамъ, приходилось ожидать единственныхъ двухъ своихъ слушателей Макарова и Перелѣшина и уходить безъ чтенія лекцій. А эти два студента были еще спеціалистами, и отецъ Перелѣшина, флота капитанъ-командоръ, письменно изъявлялъ благодарность совѣту и гг. преподавателямъ за образованіе его сына, увольняемаго изъ университета со степенью кандидата. Въ книгѣ о поведеніи Броннеръ очень часто записываетъ то о томъ, то о другомъ студентѣ, что онъ вовсе не посѣщаетъ лекцій: „nunquam adfuit“. Стоитъ внимательно изучить этотъ собственноручно писанный имъ съ большою аккуратностью и вниманіемъ журналъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что собственно лекціи существовали только номинально. Въ этомъ увѣряютъ насъ и многочисленные рапорты, подаваемые инспектору его помощниками.

(¹) Дѣло, на какомъ основаніи полагается для студентовъ трехгодичный курсъ ученія и о принимании въ университетъ студентовъ въ началѣ каждаго курса, а не во всякое время. *Сов* 1815 г. № 50.

Юнаковъ наприм., часто доноситъ, что при утреннемъ посѣщеніи имъ комнатъ казенныхъ студентовъ, онъ часто находитъ въ то время, когда уже начались лекціи, студентовъ, вмѣсто того, чтобъ быть въ аудиторіи, или спящими, или просто лежащими на кроватяхъ, или наконецъ играющими усердно въ шашки, лото и карты (самою распространенною тогда игрою, требующею нѣкотораго сосредоточенія мыслей, была между студентами, какъ это видно изъ книги о поведеніи,—бостонъ). Весною казенные студенты весьма часто прятались, чтобъ не ходить на лекціи, въ бесѣдкахъ Тепицевскаго сада, и помощники инспектора насильно выгоняли то того, то другаго въ аудиторіи профессоровъ, остававшихся безъ слушателей. Прятались и въ пустыя аудиторіи, уходя во время лекціи изъ аудиторіи: конечно рѣдкихъ удавалось субъ-инспекторамъ воротить и водворить обратно. Такъ какъ лекціи въ тѣ годы начинались въ 8 часовъ по утру, то существовало распоряженіе о томъ, чтобы студенты вставали въ 7 часовъ, но ихъ трудно было поднять и въ 10. Обыкновенно вставали они весьма недобровольно, и чрезвычайно часто изъ за поздняго вставанья происходили непріятныя столкновенія съ помощниками инспектора

Эта распущенность, это почти общее нежеланіе ходить на лекціи и учиться могутъ быть объяснены только ничтожностью умственныхъ интересовъ, почти не существовавшихъ въ средѣ студентовъ того времени. Какими средствами воспитать эти интересы, какъ заставить студентовъ учиться—это конечно приходило въ голову и инспекторамъ и профессорамъ, но ни къ чему иному не могли они прибѣгнуть, какъ только къ обычнымъ въ то время наказаніямъ, или къ увѣщаніямъ, имѣвшимъ столько же силы, сколько имѣетъ ея горохъ, брошенный въ стѣну. Съ своекоштными студентами церемонились меньше: ихъ исключали за нехожденіе на лекціи, иногда въ продолженіе долгаго времени. Такъ былъ уволенъ студентъ Африканъ Смирновъ, уѣхавшій изъ Казани на лѣтнюю вакацію и не возвращавшійся полтора года. Опаздывали и многіе другіе. Рѣдко кто возвращался къ началу лекцій, иные (напр. Веригинъ) возвращались съ лѣтней вакаціи въ февралѣ и мартѣ слѣдующаго года. Да и какой интересъ могли имѣть для студентовъ занятія умственныя или научныя, если ихъ примѣняли, какъ мѣру наказанія? Такъ студенту Бабановскому, за то, что онъ 6 іюля 1815 года въ университетскомъ

саду высѣкъ розгами десятилѣтнюю дочь сторожа при астрономической обсерваторіи, посаженному на три дня въ карцеръ по опредѣленію правленія на хлѣбъ и на воду. Броннеръ задастъ переводы съ латинскаго языка на русскій. Студентъ Шопинъ, посаженный въ карцеръ на тотъ же срокъ, и также на хлѣбъ и на воду, долженъ поработать въ уединеніи калъ рѣшеніемъ нѣсколькихъ математическихъ задачъ. Студентовъ Шутихина Петра, Базилева, фонъ Гине и Эрнста Фика, не присутствовавшихъ на церковной службѣ накапунѣ Вербнаго воскресенія, какъ было сдѣлано о томъ распоряженіе инспекціи, Броннеръ, прочитавъ имъ приличную нотацію, удерживаетъ у себя съ 8 до 10 часовъ вечера, заставляя ихъ переводить съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ. Еврейнова студента, въ наказаніе за какой-то проступокъ, заставляютъ переводить отрывки изъ комедій Грессе, вѣроятно потому что онъ зналъ французскій языкъ; Чашковъ за нерадѣніе, переводитъ изъ хронологіи Вольфа и т. п.

Когда умственный трудъ является чѣмъ-то принудительнымъ, родомъ наказанія, тогда конечно невозможно ожидать какой-либо любви къ нему со стороны уже взрослыхъ и совершенно физически развитыхъ студентовъ. Изъ инспекторовъ того времени больше прочихъ возмущался этою умственною неразвитостью и глубокимъ отчужденіемъ отъ всякаго знанія Броннеръ, и при всякомъ удобномъ случаѣ читалъ или высказывалъ студентамъ и порицанія, и увѣщанія. На какомъ языкѣ объяснялся онъ со студентами: по латыни или по нѣмецки— мы не знаемъ, но увѣрены, что студенты или не понимали его, или не слушали. „Я порицалъ за лѣпость", пишетъ онъ въ своемъ журналѣ, „гг. Кожевникова, Чхейзе и де-Роберти, которые не могли мнѣ ни назвать, ни показать что-либо ими писанное, сочиненное или прочитанное" (1). Чаще чѣмъ кто либо другой изъ инспекторовъ, Броннеръ доноситъ совѣту о безуспѣшности казенныхъ студентовъ и проситъ совѣтъ принять какія-либо съ его стороны мѣры противъ этого нерадѣнія, называя студентовъ по именамъ и указывая, чѣмъ каждый изъ нихъ не хочетъ заниматься. Совѣтъ не нашелъ никакой другой болѣе дѣйствительной мѣры, кромѣ слѣдующей:

---

(1) qui nihil scripti, nihil compositi aut lecti denominare aut monstrare poterant» (p 56a)

„*предписать* студентамъ Перимову и Лебедеву снова прослушать лекціи, для коихъ въ прошломъ году записались, Таушеву прослушать курсъ исторіи, Сычугову, чтобъ окончилъ приготовительный курсъ прежде, нежели приступитъ къ факультетскимъ наукамъ, Оффенбергу, чтобъ продолжалъ науку, которой посвятилъ (?) себя“ и т. д. Предоставляемъ читателю судить: могла ли быть дѣйствительнымъ стимуломъ и возбуждать стремленіе къ пріобрѣтенію знанія такая канцелярская форма, какъ предписаніе (1). За неуспѣхъ и нерадѣніе въ теченіе года студенты, по представленію Броннера, получали или замѣчанія со стороны совѣта, или заставляли ихъ слушать вторично тѣ же самыя лекціи, какъ двухъ Молоствовыхъ, Нюхтилова, Борисова и Перимова На сколько дѣйствительно и полезно было это вторичное слушаніе лекцій, можно судить по тому, что черезъ полгода послѣ перваго представленія своего въ совѣтъ, Броннеръ снова входилъ съ бумагою „о принужденіи къ слушанію прошлогоднихъ лекцій, студентовъ Молоствовыхъ и Перимова *„кои за нерадѣніе*, по опредѣленію совѣта слушать должны (2)“ Въ той же бумагѣ своей совѣту, инспекторъ Броннеръ представлялъ о томъ, чтобъ оставить еще на годъ Красицкаго, „который, хотя третій годъ слушаетъ, но не всѣхъ выслушалъ приготовительныхъ курсовъ“. а Красицкій желалъ слушать спеціальныя лекціи юридическихъ наукъ. Совѣтъ утвердилъ представленіе Броннера. Тогда Красицкій подалъ жалобу на Броннера въ тотъ же совѣтъ; въ ней онъ писалъ, что „по волѣ родителей“ желаетъ посѣщать лекціи по части юриспруденціи, но не допускаетъ его къ слушанію оныхъ инспекторъ Броннеръ. Красицкій проситъ оградить его отъ несправедливыхъ ограниченій Броннера. Жалоба Красицкаго была переведена на нѣмецкій языкъ и сообщена предварительно ректоромъ Броннеру, который и объяснилъ совѣту въ чемъ дѣло Профессоръ Солнцевъ, извѣстный впослѣдствіи казанскій юристъ, нашелъ однако возможнымъ обвинить Броннера, называя его объясненіе незаконнымъ и пристрастнымъ, такъ какъ переводъ жалобы Красицкаго былъ переданъ Броннеру ректоромъ заблаговременно, а слѣдовательно незаконно; притомъ Броннеръ, участвуя въ засѣданіи совѣта, гдѣ обсуж-

(1) Протоколы совѣта, 1815 года, стр 67а

(2) Протоколы совѣта, 1816 г стр. 101а, 144а.

далась жалоба студента Красицкаго, явился судьею въ собственномъ дѣлѣ и поступилъ также несправедливо. Броннеръ съ большимъ достоинствомъ и довольно рѣзко отвѣтилъ по латыни на крючекъ Солнцева, и совѣтъ оставилъ жалобу Красицкаго безъ послѣдствій (1). Болѣе можетъ быть дѣйствительною была мѣра, которую стали принимать послѣ того, какъ казенныхъ студентовъ перевели съ казеннаго стола и полнаго содержанія на стипендіи, выдаваемыя имъ помѣсячно, или, какъ выражались тогда, *на жалованье* (2). Въ концѣ каждаго мѣсяца всѣ казенные студенты и кандидаты должны были предоставлять инспектору свидѣтельства о своемъ прилежаніи (testimonia diligentiae suae), выданныя имъ профессорами за посѣщеніе лекцій и за занятія въ аудиторіяхъ. Свидѣтельства эти разсматривалъ инспекторъ и съ своей стороны ставилъ отмѣтку о поведеніи, послѣ чего уже студентамъ выдавалась безпрепятственно стипендія за мѣсяцъ. На сколько эта мѣра, если она примѣнялась строго и справедливо, въ чемъ можно и сомнѣваться, достигала цѣли, по русской практической поговоркѣ: „не бей палкой, бей рублемъ“, утвердительно сказать не можемъ, но въ инспекторскомъ журналѣ Броннера мы не рѣдко найдемъ запись, что такіе-то и такіе студенты вовсе не представили свидѣтельствъ о своемъ ученіи и занятіяхъ („nondum reddiderint rationem studiorum suorum inspectori“).

Конечно главная причина неуспѣха преподаванія заключалась въ томъ, что профессора и слушатели не понимали другъ друга, отчего часто возникали взаимныя жалобы Распредѣляли слушателей по профессорамъ обыкновенно инспекторы, но что принимали они за основаніе распредѣленія, не знаемъ. Безъ сомнѣнія они руководствовались просто личными соображеніями, произволомъ, выборомъ самихъ студентовъ, которымъ по чему-либо нравился тотъ, а не этотъ профессоръ, но едва-ли руководствовались факультетскимъ значеніемъ той или другой науки въ системѣ приготовленія къ какой-либо научной спеціальности. Въ сентябрѣ 1814 года инспекторъ Броннеръ поручаетъ своему помощнику Юнакову *уговаривать*

---

(1) Протоколы совѣта 1816 г. стр 160а и 1817 г. стр. 3а,б, 5б, 6а, 8б.

(2) О мѣрѣ этой, существовавшей недолгое время и вообще неудавшейся, мы скажемъ подробно въ этой же главѣ.

вновь поступившихъ въ студенты (8 человѣкъ), чтобы они больше записывались на лекціи философіи Лубкина, чѣмъ Срезневскаго, котораго они уже слушали въ прошедшемъ году въ гимназіи, и объ этомъ распоряженіи увѣдомить Срезневскаго. Вѣроятно въ этомъ случаѣ Броннеръ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что студентамъ, только что поступившимъ для слушанія приготовительныхъ наукъ, будетъ все же интереснѣе выслушать уже знакомыя имъ логику и метафизику у новаго профессора, чѣмъ повтореніе стараго. Непониманіе языка заставляло студентовъ слушать охотнѣе лекціи у знакомыхъ ихъ учителей гимназіи, читавшихъ также въ университетѣ, чѣмъ у нѣмецкихъ профессоровъ. Между тѣми же вновь поступившими студентами и проф. и деканомъ Германомъ въ томъ же сентябрѣ возникли недоразумѣнія, или, какъ выражается Броннеръ, ссора (querelle). Германъ жаловался на неравенство въ познаніяхъ латинскаго языка своихъ слушателей, что мѣшаетъ усвоенію ими его лекцій, студенты же, съ своей стороны, на то, что съ трудомъ понимаютъ его лекціи. Чтобъ найти выходъ изъ обоюдныхъ затрудненій, Броннеръ отъ себя лично приглашаетъ преподавать по четыре часа въ недѣлю латинскій языкъ учителя Ибрагимова и поручаетъ помощнику Юпакову послать написанныя имъ латинскія письма какъ къ Ибрагимову, такъ и къ Герману о томъ, а студентамъ сказать, чтобы они посѣщали Ибрагимова (1). Въ ноябрѣ того же года совѣтъ поручаетъ Броннеру найти для проф. Брейтенбаха хотя бы одного слушателя, который сталъ бы спеціально заниматься преподаваемой имъ наукой—технологіей. Броннеръ, послѣ разспросовъ, продолжавшихся съ мѣсяцъ, донесъ совѣту, что нашелся одинъ только студентъ Кручининъ, который желалъ бы поучиться технологіи (для полученія степени кандидата этой науки), но не зная нѣмецкаго языка, затрудняется теперь же приступить къ изученію технологіи, а проситъ дать ему срокъ на годъ, для лучшаго ознакомленія съ нѣмецкимъ языкомъ (2).

Характеръ слушанія лекцій соотвѣтствовалъ всему строю тогдашней университетской жизни и студенческимъ обычаямъ времени. Если молодымъ людямъ скучно было слушать нѣмец-

---

(1) Книга о поведеніи стр. 57 а,б

(2) *Тамъ же*, стр. 76 а,б.

кихъ профессоровъ, которыхъ они не понимали, то нельзя положительно утверждать, чтобы они внимательно и сознательно слѣдили за чтеніемъ знакомыхъ еще имъ съ гимназіи русскихъ профессоровъ. Много фактовъ говорятъ о совершенно другомъ. Въ октябрѣ 1814 года студентъ Павелъ Красицкій приноситъ инспектору жалобу на проказы, которыя дозволили себѣ на лекціи профессора Никольскаго двое его товарищей: де-Роберти и Лохтинъ, бросавшіе въ него, Красицкаго, кусочки дерева и шарики изъ жеванной бумаги (ligni frustula chartaeque comestae globulos). Въ совѣтскомъ засѣданіи въ маѣ 1816 года нѣкоторые изъ профессоровъ жаловались на шумъ и стукъ, производимые студентами какъ въ классахъ, такъ и въ III студенческой комнатѣ, въ домѣ Тенищевскомъ, куда входятъ толпою, и во время лекцій занимаются музыкою, мѣшая другимъ. Лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ жалуется инспектору, что на его лекціи студенты Шицъ, Кулаковъ и Веригинъ громко хохотали и раскрывали окна при сквозномъ вѣтрѣ. Всѣ они были наказаны заключеніемъ на нѣсколько часовъ въ карцеръ. Студенты весьма часто вышучивали своихъ наставниковъ. Филаретъ Базилевъ, за грубость и оскорбленіе профессора Кондырева и за то, что онъ обманулъ профессора Томаса, пришедшаго въ университетъ читать лекціи, сказавъ, что онъ опоздалъ, и что всѣ студенты уже разошлись, что все было ложью, былъ посаженъ въ карцеръ.—Братъ его Петръ Базилевъ подвергся тому же наказанію за рѣдкое посѣщеніе аудиторіи Лейтера и за то, что съ шумомъ войдя въ нее, когда уже началась лекція, немедленно вышелъ и гулялъ по коридору съ товарищами, болтая во время лекціи, и даже не снялъ шапки передъ лекторомъ, когда тотъ прошелъ мимо него.—Студентъ Араповъ въ классѣ учителя Полиновскаго произвелъ шумъ, прибилъ слушателя Севрюгина и изломалъ столы. На той же лекціи студента Страхова товарищи вытѣсняютъ съ лавки или „выдавливаютъ“, такъ что онъ падаетъ.—Въ коридорѣ, у самыхъ дверей аудиторіи Полиновскаго, во время его лекціи, студентъ Андреяновъ „ссорится съ матерью г. танцмейстера Фавра“, а университетскій сторожъ Терентьевъ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу о сломаніи столовъ, разсказываетъ видѣнныя имъ подробности во время „плетенія имъ лаптей“. Почему-то студенты, записавшіеся слушать математическія лекціи, неохотно ходили слушать молодаго и потомъ столь извѣстнаго профессора Лобачевскаго и предпо-

читали ему другаго математика—Никольскаго. Думаемъ отъ того, что первый относился гораздо серьезнѣе къ своему дѣлу и былъ строже втораго. Студенты Веригинъ и Мухачевъ просятъ въ 1816 году Броннера позволить имъ посѣщать математическія лекціи Никольскаго, говоря, что Лобачевскій очень рѣдко приходитъ. Броннеръ убѣдилъ ихъ подождать, говоря, что профессоръ по всей вѣроятности не здоровъ. Черезъ нѣсколько времени являются другіе два студента: Пономаревъ и Евсиновъ и жалуются Броннеру, что они не въ состояніи понимать лекцій Лобачевскаго,—такъ какъ онъ говоритъ не объ употребленіи логариѳмовъ, а о ихъ происхожденіи. Студенты просятъ позволить имъ слушать Никольскаго, излагающаго вторую часть алгебры Броннеръ успокоилъ ихъ и разрѣшилъ имъ, если пожелаютъ, ходить къ обоимъ профессорамъ (1).

Слушать Никольскаго вмѣсто Лобачевскаго студенты предпочитали вѣроятно и потому еще, что на его лекціяхъ было вообще веселѣе. Что дѣлалось на этихъ лекціяхъ, которыя были публичными и читались собственно для чиновниковъ службою обязанныхъ, можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе довольно любопытное дѣло, возникшее въ 1816 году по жалобѣ штабъ-лѣкаря Кельца на студентовъ Попова и Кругликова (2). Просьба этого старшаго штабъ-лѣкаря, коллежскаго ассесора и кавалера, посѣщавшаго публичныя лекціи съ цѣлью держать экзаменъ на доктора (у него сынъ былъ уже студентомъ и ходилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ университетъ), состояла въ жалобѣ на обиду, сдѣланную имъ студентомъ Поповымъ. Кельцъ отецъ еще 3 сентября услышалъ отъ студента Беттихера, что студентъ Поповъ, въ собраніи всѣхъ студентовъ, находившихся на лекціи кандидата Востокова, сказалъ Беттихеру: „И ты связался съ этимъ г... Кельцомъ“. Обиженный штабъ-лѣкарь проситъ съ Поповымъ *поступить по законамъ*. Какая подкладка была у всей этой пестрой исторіи, слѣдственнымъ порядкомъ разбиравшейся правленіемъ, мы не можемъ теперь догадаться, такъ какъ и правленіе не разыскивало причинъ взаимныхъ жалобъ и ссоръ между студентами, и какое къ нимъ отношеніе имѣлъ штабъ-лѣкарь. Съ самаго поступленія въ

(1) Книга о поведеніи, стр. 64,б 80,б 84,б 85,б 87,а 88,б 101.а

(2) Дѣло наченьшееся 1816 года ноября 9 дня по просьбѣ штабъ-лѣкаря Кельца съ жалобою на студентовъ Попова и Кругликова. *Правл* 1816 г., № 89.

число студентовъ молодаго Кельца (по журналу Броннера оно состоялось 30 сентября), товарищи почему-то не взлюбили его, и между ними довольно часто происходили ссоры Броннеръ въ своемъ журналѣ записалъ 15 октября, что студентъ Беттихеръ передалъ ему о томъ, что Сычуговъ Михаилъ прибилъ кулаками молодаго Кельца (studiosum Kelz pugnis male tractasse etc), и что ему помогалъ Поповъ. Броннеръ посадилъ Сычугова въ карцеръ, а Попова заставилъ извиниться предъ Кельцомъ. Октября 17 прибѣжалъ къ Броннеру отецъ Кельцъ съ жалобою на Попова за оскорбленіе, нанесенное ему имъ въ аудиторіи проф. Никольскаго, прежде прихода профессора. Ноября 5 Попова за это заперли на нѣсколько часовъ въ карцеръ, но на другой день въ аудиторіи онъ снова оскорбилъ Кельца отца, и его снова посадили. Тогда Кельцъ принесъ уже формальную жалобу на Попова въ правленіе и написалъ увѣдомленіе Броннеру, что онъ нѣкоторое время не будетъ ходить на лекціи, пока не уляжется волненіе студентовъ.

Одновременно съ формальною жалобою Кельца отца, тотъ же Беттихеръ, который передалъ ему оскорбительныя слова Попова, подалъ инспектору Броннеру тоже письменную жалобу на обиду, сдѣланную ему студентомъ Отсолигомъ (1). „Обиженъ я г Отсолигомъ", писалъ Беттихеръ, „который называлъ меня нѣсколько разъ *подлецомъ*, ухватя меня за грудь, также говорилъ мнѣ, что не прежде перестанетъ, покуда не выживетъ меня изъ университета. Я, спрося его за что онъ называетъ меня подлецомъ, то отвѣчалъ онъ мнѣ, что онъ сіе и предъ лицомъ ректора и инспектора скажетъ. Сентября же 3-го называлъ меня г. Поповъ подлецомъ и говорилъ сіи слова: — И ты связался съ этимъ.... Кельцемъ".

Произведя изслѣдованіе, Броннеръ обѣ просьбы, и Кельца и Беттихера, представилъ ректору университета. Онъ считалъ все это дѣло важнымъ и не желалъ, чтобы судъ принадлежалъ ему одному, особенно потому что смотрѣлъ на Кельца, какъ на важнаго чиновника („principalis homo sit in dignitate constitutus"). Первоначально ссора между Отсолигомъ и студ. Беттихеромъ, вышла изъ за того, что первый назвалъ втораго бездѣльникомъ за защиту Кельца отъ побоевъ Мих. Сычугова. Броннеръ думалъ, что эта ссора кончилась миролюбиво послѣ

(1) Впослѣдствіи довольно извѣстный медикъ, директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ и почетный членъ Казанскаго университета.

того, какъ онъ заставилъ просить прощенія и у Беттихера, но этотъ подаетъ теперь новую жалобу на Попова. Броннеръ считаетъ необходимымъ передать теперь все дѣло на разсмотрѣніе ректора и правленія: „необходимы сильныя устрашающія средства для того, чтобъ прекратить эту увеличивающуюся вражду въ средѣ студентовъ“ (1). Взаимныя обвиненія возрастали въ числѣ. Беттихеръ жаловался на Отсолига, что онъ и другіе нарочно толкали его въ грязь, когда онъ шелъ въ университетъ; Отсолигъ жаловался на отца Кельца, что тотъ хотѣлъ бить его, и на Беттихера, что онъ долженъ ему 5 рублей и не платитъ. Беттихеръ доказывалъ, что деньги эти проиграны въ карты, а это воспрещено правилами и т. д. Все это событія изъ тогдашнихъ студенческихъ правовъ самыя обыденныя, часто встрѣчавшіяся, грубоватыя шалости испорченныхъ мальчиковъ, которые никѣмъ не воспитывались и ничему не учились. Мы привели ихъ случайно изъ дѣла, представляющаго намъ между прочимъ любопытный образчикъ какъ читались въ то время лекціи въ Казанскомъ университетѣ. Этотъ образчикъ въ новой жалобѣ Кельца:

«Ноября 6 дня по утру пришелъ я лекцію г профессора Никольскаго посѣтить, гдѣ студентъ Поповъ пришелъ ко мнѣ и началъ мнѣ дѣлать упреки какъ я смѣлъ на него ложно доносить, не знавши законовъ Я ему отвѣтилъ: оставьте меня въ покоѣ, а если думаете, что ложно на васъ донесъ, то жалуйтесь на меня; между прочимъ (?) онъ продолжалъ Я принужденъ былъ идти къ инспектору жаловаться, который пришелъ и взялъ его съ собою Возвратившись на лекцію къ г профессору Никольскому, хотѣлъ я сѣсть и сказалъ студенту Кругликову: «подвиньтесь», который сего не хотѣлъ, говоря мнѣ, что самъ хочетъ тутъ сидѣть; также сказалъ: «опять Попова взяли», я же повторилъ, чтобъ онъ подвинулся и онъ сѣлъ дальше. *На лекціи у г проф Никольскаго, въ продолженіи двухъ часовъ продолжалась безпрестанно ходьба, хохотъ, разговоры и заглядываніе въ двери, въ числѣ коихъ студентовъ находился и ст Кругликовъ, заглядывая въ дверь, смѣялся и дразнилъ г. проф Никольскаго Напослѣдокъ меня вывели изъ терпѣнія. Я нашелся принужденнымъ уйти съ лекціи, сказавши студентамъ, что сего нельзя сносить и, попросивши у г. проф Никольскаго прощенія за то, что безпоконлъ его, ушелъ* Вышедши изъ двери, студентъ Кругликовъ смѣялся и дразнилъ меня, также плюнулъ передо мною, но я ушелъ, не говоря ни слова Почему и прошу поступить съ ними по законамъ, во первыхъ—для общаго спокойствія, во вторыхъ—для меня. ибо мнѣ теперь потребно спокойствіе для достиженія своей цѣли, чтобъ приступить можно было къ экзамену»

Правленіе начало формальное слѣдствіе. Оно призвало противъ жалобы лѣкаря Кельца въ присутствіе студентовъ

(1) «Res in longam inter studiosos animositatem vergere videtur, ni forte adhibeatur remedium, quo terreantur»..

Попова и Кругликова, спрашивало ихъ и отобрало письменныя показанія. Изъ показаній Попова выяснилось, что грубыя слова, имъ произнесенныя, никакъ не могли относиться къ Кельцу отцу, на котораго онъ не имѣлъ неудовольствія личнаго, но будучи обиженъ однажды, въ присутствіи многихъ товарищей студентомъ Кельцемъ, употребилъ слова эти на счетъ сына. Ноября 6, до прихода еще профессора Никольскаго, лѣкарь Кельцъ, явившись въ большую аудиторію, началъ укорять его, Попова, въ причиненной обидѣ, и когда онъ началъ оправдываться и объяснилъ, что онъ ничего противъ него не имѣетъ, Кельцъ просилъ забыть все прошедшее и придти къ нему, Кельцу, для лучшаго объясненія въ его квартиру, отъ чего онъ, Поповъ вѣжливымъ образомъ отказался, выставляя причиною, что опасается, чтобы въ квартирѣ его не было поступлено съ нимъ также, какъ съ студ. Отсолигомъ (онъ былъ побитъ). Симъ онъ, Кельцъ раздражился и *призвавъ инспектора въ самое то время, когда проф. Никольскій уже читалъ свою лекцію, съ азартомъ приступилъ къ самому тому мѣсту, на которомъ Поповъ находился, началъ на него кричать столь сильно, что по словамъ студентовъ нельзя было слышать лекціи въ другихъ аудиторіяхъ*, произнося на его счетъ обидныя слова въ присутствіи его товарищей и инспектора". Кругликовъ также отрицалъ всѣ обвиненія Кельца, доказывалъ, что говорилъ съ нимъ вѣжливо и, если онъ вышелъ изъ аудиторіи, то это потому, что *его вызвалъ почтальонъ* (съ лекціи?), для полученія объявленія о посылкѣ, присланной отъ родителей, за которой онъ и пошелъ на почту.

Никольскій, которому сдѣлалась извѣстною картинка, нарисованная Кельцемъ, порядковъ, существующихъ на его лекціи, счелъ своимъ долгомъ, рапортомъ въ правленіе, опровергнуть свѣдѣнія, доставленныя Кельцемъ. Отрицая разныя преувеличенія его, Никольскій говоритъ однако, что „по многочисленности слушателей въ семъ классѣ и потому, что показывая въ семъ классѣ математическія задачи на доскѣ, *я не могу всякій разъ наблюдать за уклоняющимися отъ порядка, дѣйствительно на заднихъ столахъ бываетъ иногда небольшой шумъ, какъ-то недавно замѣченъ мною Беттихеръ* (его-то именно и не любили студенты) *въ разговорахъ и смѣхѣ; хохоту же никогда не происходило* .... Во время же преподаванія моего 6 ноября никто столько не надѣлалъ шуму,

какъ г. Кельцъ, что случилось слѣдующимъ образомъ Пришелъ онъ, г. Кельцъ въ классъ мой съ инспекторомъ казенныхъ студентовъ Броннеромъ, и въ крайнемъ гнѣвѣ, указывая на студента Попова, требовалъ, чтобы сей студентъ, какъ обидчикъ его, Кельца, подвергнутъ былъ наказанію При семъ случаѣ г. Кельцъ въ гнѣвѣ весьма громко кричалъ слова, имѣвшія слѣдующій смыслъ: что онъ не хочетъ терпѣть обидъ отъ такихъ молодыхъ людей, каковыхъ тысячи бывали у него подъ командою, что онъ искоренитъ сіи безпорядки, что будетъ жаловаться г. министру просвѣщенія. Имѣя уваженіе къ лѣтамъ и заслугамъ г. Кельца и принявши во вниманіе то, что онъ, будучи увлеченъ страстью, произносилъ сіи слова, я пропустилъ ихъ безъ всякаго замѣчанія". Дѣло это кончилось ничѣмъ. Поповъ былъ еще прежде подвергнутъ наказанію и правленіе уже не повторило его. Кругликовъ былъ оправданъ, и это было объявлено Кельцу.

Происшествіе съ Кельцемъ мы привели собственно для того, чтобъ читатель получилъ нѣкоторое представленіе о характерѣ аудиторій описываемаго времени въ Казанскомъ университетѣ и объ отношеніи слушателей къ профессорамъ. Ясно для насъ, что въ этихъ аудиторіяхъ не было вовсе уваженія къ знанію. Между тѣмъ аудиторія Никольскаго была самая многочисленная: математику, т. е повтореніе тогдашняго гимназическаго курса, обязаны были выслушать всѣ, и можетъ быть это стеченіе слушателей всякаго рода и было причиною того, какъ мы видѣли, что студенты предпочитали его Лобачевскому, преподавателю болѣе строгому и научному. Кажется, что Никольскій *искалъ*, выражаясь языкомъ современныхъ намъ публицистовъ извѣстнаго лагеря, *популярности*, а для этого въ то время не требовалось серьезности преподаванія. Во время попечительства Магницкаго, Никольскій принадлежалъ къ числу его любимцевъ и умѣлъ плыть по теченію, что, какъ извѣстно, и не трудно, и выгодно. Отъ старыхъ студентовъ, его слушателей, мы знаемъ, что, нарисовавъ на доскѣ два треугольника, Никольскій начиналъ свое доказательство ихъ равенства словами: „*Съ помощью Божіею* эти два треугольника равны потому-то" и пр. Было ли это кощунствомъ съ его стороны, или искреннимъ убѣжденіемъ—не знаемъ.

Послѣ Яковкина, принужденнаго подать въ отставку, инспекторомъ студентовъ былъ избранъ Браунъ, но оставался имъ недолго, не болѣе года, такъ какъ былъ выбранъ и утвержденъ ректоромъ, а съ 20 іюля 1814 года вступилъ уже въ должность выбранный инспекторомъ проф. Броннеръ. Мы не разъ уже упоминали, что Брауна особенно не любилъ Яковкинъ, потому что тотъ стоялъ въ главѣ нѣмецкой партіи и пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ. Теперь, когда и попечитель Салтыковъ гораздо больше цѣнилъ иностранцевъ, Браунъ и другіе всѣми средствами старались раскрыть порядки или скорѣе безпорядки, господствовавшіе при Яковкинѣ. Прежде, именно при немъ, студенческіе нравы и проступки студентовъ, если и дѣлались предметомъ обсужденія въ совѣтѣ, то только въ общихъ чертахъ. Помощникъ инспектора доносилъ инспектору о „своеволіи“ студентовъ, объ ихъ „ослушаніи“, иногда о „буйствѣ“, о „дерзости“, но по какому случаю происходили эти проступки, въ чемъ они проявлялись, чѣмъ они были вызваны,—объ этомъ не говорилось вовсе или упоминалось въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Съ выходомъ въ отставку Яковкина, обращено было, какъ мы уже знаемъ, гораздо больше вниманія на поведеніе студентовъ, которое всѣми почиталось неодобрительнымъ. Стали доискиваться причинъ: высказывалось порицаніе прежнимъ порядкамъ и дѣйствіямъ прежняго инспектора Сначала Яковкинъ старался оправдываться, нападать въ свою очередь на своихъ хулителей. Такъ, по поводу представленія, сдѣланнаго въ совѣтъ Брауномъ, гдѣ онъ противится совершенно резонно принятію въ студенты двухъ учениковъ казанской гимназіи Назарова и Оффенберга, потому что они не изъ высшихъ классовъ, Яковкинъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ ссылался на уставъ гимназіи, это допускающій, такъ какъ ученикъ гимназіи долженъ только представить свидѣтельство отъ гимназіи съ какимъ онъ прилежаніемъ и успѣхомъ проходилъ науки. Послѣ того какъ съ нимъ не согласились, Яковкинъ былъ совершенно безучастенъ.

Брауну неоднократно приходилось доносить совѣту о грубостяхъ и дерзостяхъ, которыя онъ встрѣчалъ со стороны студентовъ своимъ распоряженіямъ или замѣчаніямъ, имъ сдѣланнымъ. Трудно сказать положительно чѣмъ вызывались эти грубости? Не думаемъ, чтобъ вызывались они личностью самого Брауна, который пользовался общимъ уваженіемъ.

Весьма возможно, и мы почти въ томъ увѣрены, что на грубость казанскіе студенты вызывались національностью Брауна, хотя мы никакъ не можемъ представить себѣ въ тѣ годы такой нелюбви къ нѣмцамъ профессорамъ, какая проявилась въ концѣ 50-хъ годовъ. Всего вѣроятнѣе, что выдающаяся грубость студентовъ коренилась въ нравахъ общества и въ воспитаніи, которое давала имъ тогдашняя казанская гимназія, а больше всего въ ничего недѣланіи, въ общей распущенности и въ неимѣніи вовсе умственныхъ интересовъ, безъ которыхъ студенческая среда необходимо должна была становиться грубою. Въ октябрѣ 1813 года Браунъ доноситъ совѣту университета, что имъ сдѣлано распоряженіе, въ виду того, что своекоштные студенты, посѣщая казенпокоштныхъ во время лекцій, мѣшаютъ заниматься послѣднимъ, о запрещеніи первымъ ходить въ комнаты казенныхъ въ несвободное отъ классовъ и занятій время. Ноября 8 онъ увидѣлъ своекоштнаго студента *Павла Перова* въ комнатѣ казенпокоштныхъ, говорящаго весьма громко, что дѣлалъ онъ и прежде, и приказалъ ему удалиться. „По означенный студентъ Перовъ, вмѣсто послушанія, которое онъ долженъ былъ оказать, сказалъ: почему другихъ не высылаете изъ комнатъ? На что я отвѣчалъ ему, что если и другіе замѣчены будутъ въ подобныхъ безпорядкахъ, то съ таковыми будетъ поступлено также. Однакожъ Перовъ оказалъ мнѣ различныя грубости, сдѣлался непослушнымъ и съ дерзостью отказался исполнить мое приказаніе". Браунъ просилъ принять мѣры для отвращенія подобнаго непослушанія. Совѣтъ призвалъ Перова и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, инспектору же предоставилъ, ежели кто изъ своекоштныхъ впредь въ подобныхъ поступкахъ окажется, выводить таковыхъ изъ комнатъ чрезъ служителей. Черезъ нѣсколько дней Браунъ снова вошелъ въ совѣтъ съ описаніемъ другаго подобнаго случая:

«По прочтеніи гг студентамъ предписанія Его превосходительства г попечителя, коимъ подтверждается *наблюденіе чиноначалія* (см. выше, стр 455), я выговаривалъ студенту *Чашкову* за грубые поступки его, оказанные г адъюнкту Кондыреву въ библіотекѣ и его неучтеніе, на что оный Чашковъ очень дерзко отвѣчалъ мнѣ, что онъ поступилъ такъ грубо съ ад. Кондыревымъ, потому что сей запрещалъ ему входить въ дальнѣйшія комнаты, библіотекою занимаемыя, на что, по его мнѣнію, онъ не имѣлъ никакого права Я сказалъ ему на сіе, что это должно быть такъ, что г. Кондыревъ испросилъ на то моего согласія касательно всѣхъ гг. студентовъ, а Чашковъ отвѣтствовалъ мнѣ съ тою же дерзостью, что и я не имѣю права возбранять ему входъ въ библіотеку, не исключая ни одной комнаты

ю занимаемой. Послѣ сего я выходилъ уже изъ комнаты, какъ упомянутый Чашковъ закричалъ мнѣ: «Ой, послушайте, вы! у меня пропала шапка: отыщите ее» Находя что Чашковъ, будучи грубъ самъ по себѣ, *да чаю не нетвлетсъ воспитан сиъ*, прошу совѣтъ принять *какія нибудь мѣры* для удержанія его впредь отъ подобныхъ проступковъ»

Наказаніе, совѣтомъ Чашкову назначенное, было трехдневное содержаніе на хлѣбѣ и водѣ за особеннымъ столомъ, а имя его, съ надписаніемъ его проступка, т. е. грубости противъ начальства, было вывѣшено на черной доскѣ. Брауну новизнѣ рѣшительно терялся съ русской молодежью, привѣрженной его попеченію, не зналъ, какія мѣры принять ему, чтобы обуздать ея своеволіе, просилъ этихъ мѣръ у совѣта, но тотъ также не имѣлъ ихъ въ своемъ распоряженіи и предлагалъ только мѣры карательныя, которыя могли можетъ быть исправить малолѣтныхъ дѣтей, но не имѣли никакого значенія по отношенію къ взрослымъ и глубоко испорченнымъ юношамъ. Въ мартѣ 1814 года, въ своемъ рапортѣ совѣту, Браунъ придумалъ мѣру для нравственнаго воспитанія студентовъ, которая пришла ему на умъ, какъ протестанту

«Замѣчая частыя изъ университета и безъ позволенія отлучки студентовъ *Бобылева* и *Кожевникова*, я рѣшился привести ихъ въ надлежащее повиновеніе *подвергнувъ* перваго студента *наказанію* на *сутки* и на *ночь* на полтора сутки, а послѣдняго на одни сутки. Приказалъ исполнить сіе моему помощнику, услышалъ отъ него, что студентъ Бобылевъ отрекся исполнить мое приказаніе. По сему я рѣшился самъ лично наказать ихъ *подвергнувъ* во время стола обѣденнаго за особливъ столъ, но они вчерашняго числа и мнѣ ни малѣйшаго не оказали повиновенія. *Не находя способовъ кои бы достаточны были къ тому, чтобъ привести ихъ въ повиновеніе*, я вынужденъ просить почтеннѣйшій совѣтъ принять въ отвращеніе сего надлежащія мѣры. При чемъ почитаю нужнымъ упомянуть и о слѣдующемъ. Замѣчая неоднократно самъ, и слыша отъ моихъ помощниковъ, что *студенты нерѣдко обнаруживаютъ злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ* (1), я почитаю нужнымъ просить совѣтъ обратить на сіе особенное вниманіе. Поелику таковыя ихъ мысли и подобныя онымъ служить могутъ бичемъ разрушающимъ благоденствіе общественное, и сіи заблужденія очень легко простыщаютъ молодыхъ людей, то и прошу почтеннѣйшій совѣтъ *немедленно принять сообразныя для уничтоженія сего мѣры*. Мнѣ кажется, что *сіе происходитъ* отъ худаго, темнаго и несовершеннаго *имъ познанія священныхъ истинъ*. И такъ, по моему мнѣнію, надлежало бы выбрать изъ среды и членовъ универ-

(1) У насъ вовсе нѣтъ данныхъ которыя могли дать поводъ Брауну сдѣлать такое заключеніе о распространеніи въ средѣ казанскихъ студентовъ вольнодумства по отношенію къ предметамъ религіи. До этой бумаги Брауна мы не встрѣтили ни одного указанія на возможность существованія такого религіознаго скептицизма. Если онъ и былъ, то его нельзя никакъ объяснить вліяніемъ знакомства съ скептическими сочиненіями прошлаго вѣка, напр. съ Вольтеромъ, сочиненія котораго Магницкій «извергалъ» изъ библіотеки: наши студенты ихъ не читали

ситета (?) человѣка, который бы обязанностью поставилъ утвердить ихъ въ незыблемыхъ основаніяхъ религіи»

Совѣтъ постановилъ: 1) сдѣлать Кожевникову и Бобылеву строжайшій выговоръ и 2) просить г. попечителя объ опредѣленіи, сообразно § 22 устава, способнаго *чиновника, которому бы можно было препоручить классъ христіанскаго законоученія* (1). Необходимость опредѣленія такого *чиновника* (2) по закону Божію и для религіознаго наставленія студентовъ указана была Салтыковымъ почти за годъ до донесенія Брауна въ совѣтъ. Вотъ что писалъ попечитель (23 мая 1813 года), основываясь на разныхъ собранныхъ имъ и сообщенныхъ фактахъ: „Дошло до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ гг студентовъ и питомцевъ (т. е. учениковъ гимназіи) не наблюдаютъ во время службы церковной должной благопристойности и отъ того смущаютъ молящихся посторонніхъ людей. За нужное почитаю замѣтить, что нарушеніе порядка и благочестія, особенно въ храмѣ Божіемъ, доказываетъ въ надзирателяхъ неусмотрительность, а *въ воспитанникахъ невѣжество и своеволіе*. Къ вящему моему прискорбію таковыя вѣсти, до сего времени отъ меня утаенныя, сообщены мнѣ посторонними особами, и потому наставники, заслуживающіе нареканія за таковое съ ихъ стороны послабленіе, подаютъ мнѣ болѣе причинъ не довѣрять ихъ донесеніямъ, поелику *они умалчиваютъ о многихъ безпорядкахъ* не только въ моемъ отсутствіи случившихся, но и по другимъ частямъ ежедневно оказывающихся. Образованіе юношества зависитъ отъ примѣровъ. Благонравіе, благомысліе и доброе поведеніе воспитанниковъ зависятъ отъ нравственности и усерднаго наблюденія особъ, ими управляющихъ,—слѣдовательно всякое неустройство на ихъ отвѣтственности". Такимъ образомъ и попечитель видѣлъ въ отношеніяхъ студентовъ къ церковной службѣ не проявленіе религіознаго скептицизма и то, что называлось и тогда еще волтерьянствомъ, а слѣды дурнаго воспитанія, невѣжества,

(1) Въ § 22 университетскаго устава 1804 года, гдѣ перечисляются каѳедры четырехъ отдѣленій или факультетовъ, въ главѣ объ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, поставлены два профессора: 1) богословія догматической и нравоучительной и 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, но обѣ эти каѳедры не были замѣщены до самого попечительства Магницкаго. Мысль прибѣгнуть къ религіозному вліянію для нравственнаго воздѣйствія на испорченныхъ казанскихъ студентовъ, за шесть лѣтъ до Магницкаго, принадлежитъ такимъ образомъ нѣмецкому профессору и протестанту

своеволія и распущенности нравственной. Ни семья, ни школа не могли внушить имъ добрыхъ нравовъ, а тогдашніе руководители-педагоги конечно ставили выше идеи своекорыстные интересы. Что вліяніе преподаванія нравственно-религіозныхъ истинъ компетентными лицами не всегда достигало цѣли и не всегда служило нравственнымъ цѣлямъ, это мы увидимъ изъ характеристики студенческихъ нравовъ во время попечительства Магницкаго, когда введено было усиленное преподаваніе закона Божія. Къ сожалѣнію о томъ, что могло бы дѣйствительно служить и нравственному воспитанію молодыхъ людей, и преуспѣянію родной страны, т. е. о дѣйствительномъ, не мнимомъ и наружномъ, существующемъ только на бумагѣ и въ оффиціальныхъ отчетахъ знаніи, не думали тогда вовсе. Этого знанія боялись, не довѣряли ему, и въ такомъ отношеніи къ нему слѣдуетъ искать причинъ неуспѣха. Не будь этой боязни мысли и знанія, не было бы и тѣхъ крайностей, съ которыми привелось выступать потомъ на борьбу (1).

Почему Браунъ, представляя о необходимости ввести преподаваніе закона Божія, согласно уставу, по двумъ незамѣщеннымъ каѳедрамъ, рекомендовалъ совѣту выбрать для того *человѣка изъ среды профессоровъ*, — отвѣтить на это мы не можемъ (2), равно какъ и на вопросъ: почему Румовскій не по-

(1) Законъ Божій какъ-то неопредѣленно преподавался вообще въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1811 года, хотя намъ положительно извѣстно, что предметъ этотъ былъ обязателенъ. Не знаемъ чѣмъ, если только не запрещеніемъ іезуитовъ тогда, объяснить выслушанную совѣтомъ Казанскаго университета въ предложеніи попечителя отъ 28 сентября 1811 года, № 1032, Высочайшую волю, объявленную чрезъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода (князя А. Н. Голицына) «дабы отнынѣ навсегда во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, *не изъемля изъ сего и состоящихъ подъ управленіемъ иностраннаго духовенства*, обучаемо было юношество закону Божію, и чтобы при ежегодныхъ испытаніяхъ всегда начинаемъ былъ экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія, приглашая къ сему всегда, въ особо назначаемый день, почетное духовенство, а въ городахъ, гдѣ существуютъ архіерейскія каѳедры, и самихъ епархіальныхъ архіереевъ». Въ предложеніи попечителя предписывалось исполнить въ точности эту высочайшую волю въ казанской гимназіи и сообщить о томъ къ исполненію всѣмъ директорамъ училищъ округа, но о введеніи преподаванія закона Божія въ университетъ рѣчи пока не было.

(2) Хотя въ уставѣ объ этомъ не говорится, но естественно предполагать, что для замѣщенія двухъ богословскихъ каѳедръ, положенныхъ по уставу, необходимы были люди съ богословскимъ образованіемъ, а такихъ въ средѣ членовъ тогдашняго совѣта не было. Броннеръ записываетъ иначе: «Rogavimus in concilio Excellentissimum, ut velit *hominem ecclesiasticum*, optimae indolis, philosophum et sapientem, qui praelectiones religioso-morales habeat studiosis et candidatis».

заботился замѣстить эти каѳедры съ первыхъ годовъ Казанскаго университета Первая попытка введенія этого предмета въ университетскій курсъ сдѣлана была, какъ мы видѣли, инспекторомъ Брауномъ съ цѣлью нравственно-религіознаго вліянія на студентовъ. На представленіе о томъ совѣта никакого однако отвѣта получено не было, и только черезъ четыре года, какъ разъ передъ ревизіей Казанскаго университета Магницкимъ, когда уже вполнѣ сложились новыя требованія касательно университетскаго преподаванія, въ годы полнаго развитія идей, господствовавшихъ въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына, проф. Городчаниновъ также подаетъ рапортъ въ совѣтъ о необходимости введенія въ университетское преподаваніе закона Божія. „Какъ членъ университета“, писалъ онъ, „священнымъ долгомъ себѣ поставляю кратко представить почтеннѣйшему совѣту онаго, о такомъ предметѣ, который по важности своей, всеобщее заслуживаетъ вниманіе, а именно: Юные питомцы музъ, образуясь подъ благотворною сѣнію сего величественнаго, многовѣтвистаго древа наукъ, не имѣютъ счастія вкушать спасительныхъ плодовъ того ученія, которое есть начало и конецъ премудрости, которое всѣ человѣческія познанія освящая, на незыблемомъ утверждаетъ ихъ основаніи. Я говорю о изученіи *закона Божія*. Кому неизвѣстно сколь это вредно для нравовъ еще неопытныхъ и страстями быстро увлекаемыхъ молодыхъ людей, сколь пагубно для самого ума, ученіемъ вѣры непросвѣщаемаго! Когда и въ низшихъ казанскаго учебнаго округа училищахъ преподается *законъ Божій*, то не прискорбно ли видѣть, что питомцы высшаго наукъ сословія еще не пользуются симъ счастіемъ, которое въ ихъ возрастѣ тѣмъ для нихъ нужнѣе, чѣмъ преклоннѣе сердце къ разврату, а умъ къ заблужденію“. Совѣтъ опредѣлилъ навести объ этомъ справку. Справка эта была доложена на другой годъ, именно 8 марта 1819 года, когда въ томъ же засѣданіи совѣта было заслушано предложеніе министра о близкой ревизіи университета по Высочайшему повелѣнію Магницкимъ и о томъ, чтобы совѣтъ по всѣмъ дѣламъ относился уже прямо къ нему. Изъ справки оказалось, что Браунъ, какъ мы видѣли, еще въ 1814 году предлагалъ совѣту замѣстить каѳедру богословія для борьбы съ *лжеумствованіями* студентовъ (это было новое, модное оффиціальное слово, которое вошло скоро въ общее употребленіе, какъ нынѣ выраженіе—*превратныя*

идеи; Брауну оно было неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что студентовъ нельзя было обвинить не только въ „лжеумствованіи“, но и въ какомъ-либо умствованіи вообще) Совѣтъ представилъ ревизору ходатайство „о дозволеніи пригласить преподавателя по части богословскихъ наукъ изъ духовныхъ лицъ, полагая оному жалованья изъ оклада на сію каѳедру отпускаемаго“ Изъ предписанія министра, одновременно полученнаго совѣтомъ (22 февраля, № 664), видно, что каѳедры богословія, положенныя уставомъ, не были замѣщены до того времени въ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, что на это обстоятельство обратило уже вниманіе главное правленіе училищъ, которое нашло, что „хотя образованіе богослововъ для духовнаго званія и имѣетъ свой надлежащій ходъ и дѣйствіе по учрежденнымъ именно для сего духовнымъ училищамъ и академіямъ, но симъ не отнимается ни право, ни обязанность ученой части гражданской всѣмъ и каждому изъ воспитанниковъ своихъ, къ какому званію и состоянію ни приготовляли бы они себя, открывать путь къ пріобрѣтенію достаточныхъ свѣдѣній въ Богопознаніи и христіанскомъ ученіи, только существенныхъ и необходимо нужныхъ для каждаго человѣка вообще. Свѣдѣнія сіи конечно не должны быть въ такой обширной подробности и полнотѣ предметовъ какія пріобрѣтаются посвящающими себя въ званіе богослововъ и въ духовный санъ (уставы университетовъ, отнеся двѣ каѳедры этого предмета, къ отдѣленію нравственно политическихъ наукъ, желали повидимому сохранить за ними научный характеръ), но со всѣмъ тѣмъ пѣтъ никакого другого званія въ обществѣ, ни случая въ жизни, въ которыхъ христіанину не слѣдовало бы учреждать своихъ поступковъ сообразно ученію Божія откровенія. Сія наука потому есть общая для каждаго воспитывающагося, и конечно не менѣе, но *болѣе нужная всѣхъ общихъ вспомогательныхъ наукъ*“. Согласно этому предложенію министра, каѳедра *по части богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія* замѣняетъ прежнія двѣ и учреждается какъ бы вновь при Казанскомъ университетѣ, для преподаванія по оной уже студентамъ всѣхъ факультетовъ, а не только въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, какъ это было по университетскому уставу. Совѣтъ долженъ былъ предварительно представить Магницкому: на какомъ основаніи и правилахъ учредить эту каѳедру. Онъ и донесъ, что предполагаетъ ввести преподаваніе христіанскаго законоученія,

„богословіе догматическое и нравственное, библейскую и церковную исторію съ археологіею“, два раза въ недѣлю, четыре часа. Новый попечитель увеличилъ число часовъ преподаванія до шести. Въ ноябрѣ того же года совѣтъ университета, изъ отношенія къ нему архіепископа Казанскаго узналъ, что должность профессора богословскихъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ поручена архимандриту Ѳеофану, ректору казанской духовной семинаріи

О томъ, какое нравственное вліяніе на нравы студентовъ, на исправленіе ихъ испорченности имѣло возстановленіе или скорѣе учрежденіе забытой каѳедры богословія, была ли она въ состояніи передѣлать вѣковыя привычки и могущественное вліяніе жизни, мы скажемъ уже впослѣдствіи времени, если будемъ въ состояніи довести нашъ разсказъ до времени попечительства Магницкаго. Мы знали многихъ живыхъ свидѣтелей этихъ замѣчательныхъ годовъ Казанскаго университета. Не имѣющіе ничего общаго ни съ предшествовавшимъ, ни съ послѣдующимъ временемъ въ жизни университета, эти годы являются передъ нами какимъ-то случайнымъ явленіемъ, имѣвшимъ только временное значеніе Для проведенія въ жизнь студентовъ господствующихъ идей, начиная съ конца 1819 года, т. е. года ревизіи и назначенія попечителемъ Магницкаго, нужны были новые люди: они и явились скоро, но въ теченіе полугодія, тотчасъ по увольненіи отъ инспекторства и отъ службы проф. Брейтенбаха (апрѣль—октябрь) правилъ должность инспектора человѣкъ, воспитывавшійся въ Казанскомъ университетѣ почти съ самаго основанія его и знавшій всѣ его порядки. Это былъ скромный и тихій адъюнктъ, потомъ профессоръ русской исторіи Булыгинъ. Ему досталось въ теченіе полугодія вводить новыя исправительныя мѣры, придуманныя новымъ начальствомъ, пока не пріѣхалъ вновь назначенный избранникъ Магницкаго директоръ педагогическаго института и инспекторъ студентовъ. Въ журналѣ или дневникѣ Булыгина, который онъ велъ по заведенному обычаю во время исправленія должности инспектора, являются уже эти новыя мѣры, прежде неизвѣстныя, посреди обычныхъ проявленій жизни и привычекъ студентовъ того времени. Булыгинъ ежедневно, и не одинъ разъ въ день, подобно своимъ предшественникамъ, обходитъ комнаты, въ которыхъ живутъ студенты. И поздно утромъ, и тотчасъ послѣ обѣда, и въ часы, назначенные для лекцій, Булыгинъ, обходя, въ званіи инспек-

тора, студенческія комнаты, застаетъ ввѣренныхъ попеченію его молодыхъ людей то спящими, то за картами, то играющими, вмѣсто того чтобъ быть на лекціи, въ мячъ въ Тенищевскомъ саду, по большей части неодѣтыми или полуодѣтыми, иныхъ, по его выраженію, „въ предосудительномъ состояніи“ или въ „безобразномъ видѣ и въ „сомнительномъ поведеніи“. Булыгинъ разбираетъ претензіи разныхъ лицъ, принесшихъ къ студентамъ за уплатою мелочныхъ долговъ, даетъ выговоры и увѣщанія за обиду, нанесенную однимъ студентомъ другому, разбираетъ случаи, когда одинъ студентъ прибьетъ другаго (Шицъ—Турпкова) или отниметъ у него цѣнную вещь, наприм. серебряный рубль, или сердоликовую печать и т. п. Выговоры, увѣщанія, саженье подъ арестъ и въ карцеръ слѣдуютъ быстро другъ за другомъ, за нехожденіе на лекціи, за грубость, за продолжительную отлучку изъ университета безъ дозволенія, за пьянство въ самихъ студенческихъ комнатахъ и въ трактирѣ, за буйство въ нетрезвомъ видѣ не только въ студенческихъ комнатахъ, но и на улицѣ. Булыгина, какъ и Бронцера возмущаетъ удивительная нечистота въ студенческихъ комнатахъ и нечистоплотность самихъ молодыхъ людей. При всѣхъ усиліяхъ, дѣлаемыхъ нами, чтобъ перенестись въ то время и его условія, мы не въ состояніи найти въ приведенныхъ нами калейдоскопическихъ картинкахъ, сдѣланныхъ съ извѣстною долею инспекторской наблюдательности, какихъ-либо признаковъ того, что называлось тогда *лжеумствованіемъ* и считалось главнымъ порокомъ современности. Ни одинъ старый инспекторъ не замѣтилъ ни разу въ журналѣ, чтобы студенты увлекались какимъ-либо чтеніемъ, прятали при входѣ его какую-либо книгу, да такихъ книгъ въ ту пору и не было. Рядомъ съ этими картинками изъ студенческаго быта того времени, мы встрѣчаемъ на немногихъ страницахъ журнала, веденнаго Булыгинымъ, и запись о его дѣйствіяхъ съ цѣлью „противодѣйствовать „лжеумствованію“ или грубости, испорченности и нерадѣнію студентовъ. Булыгинъ записываетъ, что онъ посылаетъ или водитъ студентовъ ко всенощной, къ обѣднѣ, къ молебну („августа 12 посылалъ въ церковь для принесенія Господу Богу моленія о дарованіи успѣха въ ученіи при наступающемъ курсѣ. За молебномъ, пѣтымъ въ залѣ университета предъ начатіемъ ученія, замѣтилъ дьякона (!) и младшаго Бовина худо себя державшими, почему послѣ молебна далъ имъ выговоръ публично“). Вслѣдствіе ордера, полученнаго

отъ проректора Солнцева по распоряженію высшей власти, съ 27 сентября 1819 года, относительно учрежденія чтенія слова Божія у студентовъ, въ каждый праздникъ передъ обѣднею. Булыгинъ *предписалъ* всѣмъ кандидатамъ, студентамъ и университетскимъ слушателямъ собираться въ университетъ каждый праздникъ непремѣнно. „Для вящихъ успѣховъ“ въ чтеніи слова Божія, Булыгинъ вытребовалъ у начальства нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта съ русскимъ переводомъ. Въ журналѣ, въ теченіе октября и ноября, пока Булыгинъ не сдалъ своей должности, мы очень часто находимъ его записи, что онъ занимался со студентами чтеніемъ Новаго Завѣта или водилъ ихъ къ той или другой божественной службѣ въ ближайшую къ университету церковь (собственная была устроена при Магницкомъ) Мы не знаемъ однако, въ чемъ заключалось это чтеніе слова Божія при Булыгинѣ: имѣло ли оно объяснительный характеръ, занимался ли Булыгинъ со студентами толкованіемъ тѣхъ и другихъ мѣстъ евангелія, или это было простое чтеніе, какъ выполненіе наружное предписаній начальства. О томъ, какое вліяніе эта новая система воспитанія молодыхъ людей, основанная на началахъ религіозныхъ, на текстахъ св. писанія, на „дѣятельномъ благочестіи“, за которое давали награды и даже золотыя медали, имѣла на воспитаніе студентовъ, каково было ея дѣйствіе, мы можемъ уяснить себѣ только при знакомствѣ съ событіями изъ жизни студентовъ при Магницкомъ Новая система воспитанія была дѣйствительно новою. Все должно было измѣниться въ университетѣ.

Если Браунъ думалъ исправить зло съ помощью церковнаго ученія и богословскими лекціями, такъ какъ придумываемыя и назначаемыя имъ наказанія не помогали, то Бронперъ, прошедшій самъ строгую школу, считалъ съ своей точки зрѣнія, возможнымъ достигнуть той же цѣли строго обдуманными по его мнѣнію педагогическими пріемами, системою и увѣщаніями. Тотчасъ по вступленіи въ должность инспектора, познакомившись съ казенными студентами, онъ распредѣлилъ ихъ по комнатамъ такъ, что прилежнѣйшіе и благонравнѣйшіе (diligentiores et intemerati), нерадивые и заслуживающіе порицанія (negligentiores et vituperio contaminati) жили бы отдѣльно другъ отъ друга. За 16 рублей онъ завелъ двѣ книги: красную и черную. Имена лучшихъ и

достойныхъ похвалы записывались въ красную книгу Броннеръ былъ вообще человѣкомъ наблюдательнымъ и прежде всего, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своемъ журналѣ, посвятилъ особыя заботы ознакомленію съ нравами студентовъ, посѣщая каждые два часа ихъ комнаты, разговаривая со студентами, наблюдая за ними и наставляя ихъ словами. Въ журналѣ Броннера записано по латыни содержаніе нѣкоторыхъ увѣщательныхъ рѣчей его, сказанныхъ имъ при разныхъ случаяхъ въ назиданіе студентамъ. Не знаемъ, на какомъ языкѣ говорилъ онъ со студентами, но по всей вѣроятности они мало понимали его и краснорѣчіе Броннера пропадало даромъ. Отдѣливъ лучшихъ отъ худшихъ, Броннеръ устроилъ такъ, что они и обѣдали не вмѣстѣ, а въ разное время. Въ первый разъ, когда это было приведено въ исполненіе, Броннеръ, придя въ столовую, увидѣлъ, что и лучшіе и худшіе сидѣли вмѣстѣ. „Я приказалъ первымъ удалиться. Послѣ сильнаго противодѣйствія, они ушли наконецъ. Оставшіеся желали узнать причину такого наказанія. Я сказалъ имъ, что вотъ уже болѣе года они постоянно не слушаютъ распоряженій начальниковъ, осмѣиваютъ ихъ, пренебрегаютъ ими, каждаго инспектора оскорбляютъ постоянно повторяющимися пустыми выходками (unumquemque inspectorum offendisse perpetuis ineptiis). Я все ждалъ до настоящаго времени, дѣйствовалъ снисходительно, просилъ, уговаривалъ, но только даромъ терялъ и слова, и трудъ. Даже только что поступившихъ, новичковъ, вы стали соблазнять на дурное. Наконецъ и надо мною вы осмѣливались насмѣхаться. Я вынужденъ теперь отдѣлить соблазнителей и наказать непокорныхъ. Я не перестану, пока вы не образумитесь. Я говорю здѣсь не о немногихъ и случайныхъ дѣйствіяхъ вашихъ, не объ одномъ какомъ либо проступкѣ, но о дурномъ поведеніи всѣхъ васъ, о непослушаніи вашемъ, безпорядочной жизни, невѣжествѣ, нерадѣніи, развратѣ. Не безпокойтесь: я сумѣю исправить на хлѣбѣ и на водѣ виновныхъ“ (1). Каждый мѣсяцъ въ залѣ университета, послѣ завтрака, Броннеръ собиралъ казенныхъ студентовъ и торжественно читалъ рецензію о каждомъ изъ нихъ, составленную изъ отзывовъ профессоровъ и учителей, изъ собственныхъ наблюденій и донесеній субъ-инспекторовъ и изъ таблицы ихъ общихъ отмѣтокъ и спеціальныхъ занятій. „Я уговаривалъ

(1) Книга о поведеніи, стр. 62.

нерадивыхъ исправиться, хвалилъ хорошихъ и похвалы достойныхъ, упрашивалъ ихъ твердо держаться праваго пути и заключилъ: „теперь вы находитесь въ томъ возрастѣ, когда можете приготовить для себя и хорошую жизнь въ зрѣлыя лѣта, и счастливую старость; что посѣете, то и пожнете. Не забывайте же моихъ наставленій“! Такія наставленія Броннеръ дѣлалъ ежемѣсячно, читая свои „рецензіи“, т. е публично объявляя студентамъ, кто изъ нихъ и какъ велъ себя въ теченіе мѣсяца. Для выслушанія выговоровъ, получающіе ихъ приглашались къ черной доскѣ (1) Едва ли однако „жалкія слова“ Броннера оказывали какое-либо вліяніе на его молодыхъ слушателей, на которыхъ не дѣйствовали всѣ исправительныя мѣры, принимаемыя университетскимъ начальствомъ. Всего вѣроятнѣе, что надъ нимъ только смѣялись, тѣмъ болѣе, что по добротѣ своей онъ рѣдко приводилъ угрозы свои въ исполненіе. Читая въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Казани, передъ праздникомъ Рождества Христова 1817 года свою „рецензію“ за истекшій мѣсяцъ, содержаніемъ рѣчи своей, обращенной къ студентамъ, Броннеръ выбралъ проповѣдь воздержанія. Тема конечно имѣла практическое содержаніе и самое близкое отношеніе къ жизни, такъ какъ именно невоздержностью, и особенно пьянствомъ, отличались казанскіе студенты того времени. Броннеръ говорилъ „о необходимости воздержаться для праздника Рождества отъ пьянства и другихъ излишествъ, развивалъ мысли, что человѣкъ честный, вѣжливый, добрый отличается отъ негодяя, злаго и грубаго тѣмъ, что сознаетъ свои обязанности, умѣетъ себя сдерживать, человѣкъ же неразвитой и невѣжественный неспособенъ и веселиться порядочно, не умѣетъ сдерживаться, не владѣетъ собой, впадаетъ въ излишества и грязнитъ своимъ безсмысліемъ дѣйствительное удовольствіе“ (2). Не думаемъ, чтобъ эта проповѣдь имѣла какое-нибудь значеніе, могла дойти до чьего-либо сердца изъ слушателей Броннера. Самъ же онъ, въ томъ же журналѣ разсказываетъ, что когда онъ входилъ въ большую аудиторію для чтенія

(1) Книга о поведеніи, стр 63б и 86а.

(2) Тамъ же, стр 86б: «monens praesertim, ut abstineant feriis Christi natalitatis ab inebriationibus aliisque excessibus; dignosci hominem honestum, probum, urbanum ab inhonesto, improbo et rudi ex eo, quod homo ad probos mores formatus, sciat sibi et in jucunditate sua temperare, malesanos vero ac rusticos nescire, quomodo honeste gaudeant, semper intemperantes, suique impotentes in excessus prolabi, veraque gaudia suis ineptiis inquinare etc».

своей рецензіи, то услышалъ звукъ лопнувшей хлопушки, начиненной порохомъ (clangor excitatus est chartula, pulvere detonante infecta), что разбилъ ее студентъ Шицъ, а хлопушки раздавалъ студентъ Добровольскій.

На вопросъ о томъ, уважали ли студенты вообще своего инспектора, читавшаго имъ такія, конечно полныя искренности наставленія, думаемъ, что отвѣчать приходится отрицательно. Доказательства можно въ изобиліи найти въ собственныхъ запискахъ Броннера въ журналѣ. Такъ 5 октября 1814 года, въ то время какъ онъ былъ въ столовой и наблюдалъ за обѣдающими студентами, кто-то изъ нихъ сзади бросилъ въ него кускомъ хлѣба. „Я притворился," пишетъ онъ, „что не замѣтилъ: но уходя изъ столовой, снова почувствовалъ ударъ и быстро обернувшись, увидѣлъ, что кусокъ летѣлъ по направленію отъ Николаева. Я тогда же приказалъ выйдти ему изъ столовой и лишилъ его достоинства камернаго студента. Вскорѣ за тѣмъ вышелъ также сидѣвшій съ нимъ рядомъ Пивоваровъ, и Броннеръ услышалъ, какъ этотъ студентъ говорилъ, что бросалъ не Николаевъ и что онъ знаетъ кто настоящій виновникъ. Услышавъ это, я велѣлъ ему назвать его, но онъ притворно увѣрилъ, что я не понялъ его." Черезъ три дни послѣ этого Броннеръ записываетъ, что когда онъ ночью входилъ чрезъ саловую дверь, то былъ легко раненъ въ лобъ и очень сильно въ плечо обрушившимися брусьями двери, камнями, и глиняными цвѣточными горшками, наполненными землею (corruentibus tignis lapidibusque ac vasis plantarum fictilibus terra oppletis laesus): „Студенты устроили эту западню (decipulam), чтобъ я получилъ при входѣ ударъ". Броннеръ передалъ этотъ случай попечителю, и тотъ конечно высказалъ сожалѣніе. Тотчасъ послѣ этого случая, обходя спальни студентовъ, Броннеръ нашелъ въ первыхъ двухъ все въ порядкѣ, а изъ третьей всѣ перешли въ четвертую, гдѣ и забавлялись. Стекла дверей изъ педагогическаго института были замазаны известью и другими нечистотами для того, чтобъ оттуда не видно было, что дѣлается въ четвертой камерѣ. Въ ней господствовалъ страшный шумъ, раздавались веселые и торжествующіе крики. Наконецъ уговорилъ Броннеръ студентовъ перестать и заставилъ потушить огни. На другой день онъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобъ въ его присутствіи были задѣланы сообщенія между студенческими комнатами, для того чтобъ не могли мѣшать одни изъ нихъ другимъ. Студенты конечно остались недовольны этимъ

и грозили, что будутъ жаловаться совѣту на Броннера. На слѣдующій день въ столовой, когда по окончаніи обѣда лучшихъ студентовъ, начался обѣдъ худшихъ, Броннеръ замѣтилъ, что послѣдніе садились за столъ съ большимъ шумомъ и ругательствами, направленными противъ нѣмцевъ (magno cum tumultu et injuriis, Teutonicae genti inustis), и это подъ надзоромъ магистровъ, его помощниковъ. Одинъ изъ нихъ докладываетъ потомъ инспектору, что студенты собираются поколотить его, а служитель передаетъ, что двое студентовъ, большаго роста, снова устраиваютъ для него западню Возникло цѣлое дѣло и началось слѣдствіе. Студентъ Кожевниковъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, подалъ ректору бумагу, въ которой говорилъ, что студенты Уфимцевъ, Ардашевъ, Григорій Саханскій и Шелудко-Тектоновъ устроили засаду или западню (decipulam), чтобъ убить Броннера. Узнавъ, что дѣло повели порядкомъ уголовнымъ, Броннеръ ходатайствовалъ о дисциплинарномъ. Ректоръ сообщилъ Броннеру, что Уфимцевъ сознался, другіе же отрицали свое участіе. Чѣмъ кончилось это дѣло—намъ неизвѣстно, но изъ замѣтокъ Броннера объ отношеніяхъ его къ студентамъ едва-ли можно вывести заключеніе, что наставленія его доходили до сердца студентовъ и что послѣдніе и цѣнили его, и уважали (¹).

Не нужно забывать, что это были далеко не дѣти, а ужъ очень взрослые молодые люди, съ нравами вовсе не дѣтскими, часто глубоко испорченные. Слова и увѣщанія едва ли могли подѣйствовать на нихъ и исправлять ихъ было уже, кажется, поздно. Къ числу дурныхъ привычекъ казанскихъ студентовъ, въ эти первые годы университета, принадлежало *пьянство*. Нѣсколько характерныхъ картинокъ этой привычки сохранилось въ журналѣ Броннера. Едва только вступилъ Броннеръ въ должность инспектора, какъ долженъ былъ дать выговоръ студентамъ Тирапову и Шелудко-Тектопову за то, что они напились пьяными на завтракѣ (jentaculum) или на пирушкѣ, данной младшими студентами въ честь старшихъ (безъ всякаго сомнѣнія завтракъ этотъ происходилъ въ стѣнахъ университета). За прилежаніе ихъ однако, оказавшееся по справкѣ, Броннеръ не внесъ ихъ имена первыми въ *черную* книгу. Это случайное пьянство было еще простительно вслѣд-

(¹) Книга о поведеніи, стр 60—64.

ствіе того, что причина его была общая шалунка, но вотъ прибѣгаетъ со всѣхъ ногъ къ Броннеру помощникъ его Булыгинъ и объявляетъ, что студентъ Николаевъ пьянъ съ самаго ранняго утра до того, что не въ состояніи держаться на ногахъ и что онъ громко кричитъ „пить хочу, до смерти хочу" (bibere volo, donec moriar) Не смотря на свою лихорадку, Броннеръ немедленно побѣжалъ въ студенческія комнаты, но нашелъ виновнаго уже спящимъ поручилъ товарищамъ смотрѣть за нимъ и прислать, когда пройдетъ хмѣль (evaporata crapula). На другой день Николаевъ пришелъ къ Броннеру въ слезахъ и прося прощенія. Броннеръ указалъ ему на важность его проступка, а въ наказаніе лишилъ его трехъ обѣдовъ. Съ согласія отца, онъ позволилъ ему жить дома, но потребовалъ, чтобы онъ велъ дневникъ и приносилъ его на просмотръ инспектора каждыя 10 20 и 30 числа мѣсяца (1). Студенты напивались въ камерахъ Разъ вечеромъ въ 9 часовъ Булыгинъ докладываетъ, что нѣсколько студентовъ пьяны „Посѣтивъ *первую* камеру," записываетъ Броннеръ, „я прежде всего увидѣлъ Левитскаго, лежащаго на половину въ кровати, на половину свѣсившись съ нея, Бабановскаго пьянаго и тоже спящаго и т. д. Обходя прочія камеры, во второй нашелъ студентовъ и гостей ихъ: Телешева, кандидата Скворцова и др. занимающимися музыкою или спокойно играющими въ карты. На вопросъ мой какой справляютъ они праздникъ, отвѣчали, что нѣтъ никакого праздника: но запахъ вина доказывалъ, что они говорятъ неправду. Попросивъ ихъ, чтобъ они недолго мучили своею музыкой больныхъ въ сосѣдней комнатѣ больницы, я перешелъ въ третью комнату, гдѣ нашелъ всѣхъ преспокойно ужинающими". Конечно и это пьянство не прошло безъ упрековъ и наставленій со стороны Броннера: онъ говорилъ, что пьянство унижаетъ человѣка, что пьяница постепенно опускается, грозилъ наказаніями, для того кого онъ видѣлъ пьянымъ въ первый разъ, болѣе легкими, а Бабаковскому обѣщалъ исключеніе, такъ какъ онъ попался уже не въ первый разъ, и ссылался при этомъ на циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, уже приведенный нами, который „грозитъ отставкою даже самимъ учителямъ и прочимъ чиновникамъ за пьянство".

(1) Казеннымъ студентамъ часто позволяли тогда жить у родственниковъ, и Броннеръ завелъ, чтобъ такіе доносили ему три раза въ мѣсяцъ о своемъ ученіи и научныхъ занятіяхъ

Иногда однако Бронперъ считалъ свои личныя распоряженія и увѣщанія по случаю пьянства недостаточными и доносилъ правленію, чтобы оно разобрало, судило и наказало студентовъ. Такъ онъ донесъ о пьянствѣ, въ которомъ участвовали многіе студенты 30 ноября 1816 года, въ день св ап Андрея Первозваннаго, вѣроятно по случаю именинъ кого-либо изъ нихъ. Какъ кажется, именинникомъ былъ новичекъ Добровольскій, давшій на угощеніе 25 рублей, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ деньги эти были возвращены ему Самъ онъ впрочемъ не принималъ участія въ праздникѣ и ушелъ изъ университета, а когда на другой день потребовалъ, чтобы ему возвратили деньги, студенты объявили ему, что деньги ему не возвратятъ, *потому что здѣсь такъ водится*. На слѣдствіи показанія студентовъ сводились только къ тому, что было ихъ, пьяныхъ студентовъ, человѣкъ двадцать, что всѣ собрались въ одной изъ комнатъ казенныхъ студентовъ, принесли съ собою краснаго вина, сахару и сдѣлали пуншъ, показывали всѣ, что были пьяны, не скрывали этого. Правленіе приговорило этихъ пировавшихъ студентовъ (уличенныхъ свидѣтельскими показаніями оказалось девять человѣкъ) за пьянство и за драку съ кучеромъ, дворовымъ человѣкомъ Петрашевскаго, который принесъ въ гимназію (тогда, послѣ пожара 1815 года, ее снова перевели въ зданіе университета) за дѣтьми своего барина, къ карцеру на разные сроки (1).

Слѣды пьянства Бронперъ видѣлъ въ комнатахъ казенныхъ студентовъ и вечеромъ, и по утру. „Посѣтивъ вчера вечеромъ (1 декабря 1816 года), въ половинѣ девятаго, камеры студентовъ“, доноситъ онъ правленію, „я нашелъ почти всѣхъ уже спавшими въ трехъ камерахъ, но студентъ Ардашевъ, совершенно одѣтый и въ глубокомъ снѣ, лежалъ на одной кровати съ Бѣляевымъ, также спящимъ. Я разбудилъ Ардашева и приказалъ ему лечь на свою кровать. Въ четвертой камерѣ, на постели Ардашева, сидѣлъ только что проснувшійся Пулькинъ (своекоштный); весь блѣдный, онъ надѣвалъ на себя шубу. Я велѣлъ ему идти домой. На полу я видѣлъ слѣды пьянства (signa madita vomitus“) —Случаи напиться пред-

(1) Дѣло начавшееся 1816 года, декабря 2 дня, 1817 года февраля 8 дня о пьянствѣ и шалостяхъ студентовъ *Правл* 1816 г, № 98.

ставлялись нерѣдко. Такъ въ праздникъ св апостоловъ Петра и Павла (29 іюня, 1817 года) Броннеръ также доноситъ, что разбуженный ночью, въ первомъ часу, онъ пришелъ у дверей университета студента Дмитрія Соловьева въ сильномъ спорѣ со сторожемъ. „Мнѣ сказали, что Соловьевъ лежалъ сначала въ сѣняхъ, которыя ведутъ въ студенческія камеры, но при моемъ приходѣ онъ вскочилъ и пытался убѣжать. Я велѣлъ, для спокойствія, увести его въ карцеръ. Обходя за тѣмъ студенческія камеры, у самого входа, я увидѣлъ на полу слѣды пьянства (vomitu conspurcatum vidi solum), а на полу, возлѣ кровати студента Михайлова, громко храпящаго студента Уфимцева, далѣе на постели, совершенно огаженной слѣдами пьянства (vomitibus), которыми покрытъ былъ и полъ у самой кровати, лежалъ студентъ Иконниковъ. На другой день пришелъ ко мнѣ Уфимцевъ, прося, чтобъ я наказалъ его и извинялъ свое пьянство празднованіемъ своихъ именинъ“ Трое виновныхъ не были казенными студентами, и такъ какъ, по словамъ Броннера, наказаніе ихъ не принадлежало къ его компетенціи, то онъ и просилъ ректора озаботиться ихъ исправленіемъ.

Тяжело становится на душѣ, когда изъ желанія уяснить себѣ безсиліе нашей интеллигенціи и причины этого безсилія, намъ приходится поневолѣ знакомиться съ такими отвратительными картинками паденія этой, такъ называемой у насъ „интеллигенціи“, совершенно равнодушно нарисованными Броннеромъ. И на этихъ представителяхъ молодаго поколѣнія почіютъ надежды страны! И ихъ-то приходится называть будущими дѣятелями прогресса! Могла ли дѣйствовать на этихъ испорченныхъ юношей проповѣдь о томъ, что человѣчество развивается только умомъ, что „знаніе есть сила“? Приводя на мысль могущественный и неумолимый законъ наслѣдственности, мы невольно вспоминаемъ длинный рядъ поколѣній, на которыхъ лежали эти физическіе и нравственные слѣды пьянства, обратившіе на себя вниманіе Броннера. Какъ печальныя тѣни встаютъ передъ нами множество видѣнныхъ нами въ жизни лицъ худосочныхъ, золотушныхъ, съ явными признаками прогрессивнаго паралича, безсильныхъ на добро, безсильныхъ на всякую дѣятельность и живущихъ, какъ звѣри, только шкурными интересами. Какъ избавиться отъ ужаснаго наслѣдія, какъ создать „новую породу людей“? На вопросъ этотъ едва ли кто въ состояніи отвѣтить и остается возложить всѣ на-

дежды лучшаго на могущественную силу времени или на независящій отъ воли человѣческой катаклизмъ. Почти повальное пьянство казанскихъ студентовъ описываемаго времени, при бѣдности ихъ умственнаго развитія, представляющее такъ много общаго съ повальнымъ пьянствомъ разореннаго сѣверовосточнаго села, гдѣ люди пьютъ тѣмъ больше, чѣмъ они бѣднѣе дѣлаются, свидѣтельствовало о глубокой нравственной испорченности и соединялось съ такими явленіями и случаями въ студенческой жизни, отъ которыхъ дѣйствительно можно придти въ отчаяніе. Приведемъ нѣсколько фактовъ сначала изъ записей Броннера, а потомъ и изъ дѣлъ того времени. „Магистръ Юнаковъ (помощникъ инспектора) принесъ мнѣ писанную студентомъ Тирановымъ жалобу на студентовъ Николаева, Филипповскаго, Кожевникова и Пивоварова, что они ночью на 25 сентября 1814 года *высѣкли его розгами* (eum virgis ceciderint). Сентября 28 я приступилъ *торжественно* или публично (solenniter) къ слѣдствію по дѣлу Тиранова, въ присутствіи магистровъ и переводчиковъ". Рѣшеніе о наказаніи виновныхъ, въ присутствіи всѣхъ студентовъ, было объявлено Броннеромъ въ большой залѣ для диспутовъ, и было записано въ *черной книгѣ* (¹). Наказаніе очевидно не имѣло большаго нравственнаго вліянія, и Броннеръ записываетъ: „Въ тотъ день и въ тотъ часъ, когда было сдѣлано объявленіе о наказаніи, одинъ изъ виновныхъ, Филипповскій, нанесъ обиду словами магистру Юнакову". О случаѣ этомъ Броннеръ донесъ ректору. Ректоръ сказалъ ему, что онъ съ своей стороны сдѣлалъ выговоръ Юнакову за то, что тотъ участвовалъ со студентами въ пирушкѣ у экзекутора и что отъ этого происходитъ вредная фамильярность. Филипповскому же Броннеръ предложилъ: или публично просить прощенія у Юнакова, или высидѣть сутки въ карцерѣ. Экзекуторъ также получилъ выговоръ за устройство пирушки. —Веригинъ бьетъ кулакомъ солдата за то, что тотъ близко подошелъ къ нему въ то время, когда онъ передавалъ что-то по секрету товарищу.—Его же, за сдѣланные долги и за непослушаніе,

(¹) Книга о поведеніи, стр 586. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстна причина этого линча, исполненнаго студентами надъ своимъ товарищемъ. Броннеръ, въ своихъ краткихъ отмѣткахъ, не вдается въ подробности, а тѣ acta specialia и specialissima, принадлежащія къ этому дню, на которые онъ ссылается въ своемъ журналѣ, въ архивѣ университетскомъ не существуютъ.

оказанное ректору, садятъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду на трое сутокъ.—У казеннаго студента Шоника въ его камерѣ изъ шкатулки посредствомъ подобраннаго ключа крадутъ 13 рублей денегъ. Этотъ же самый Шоникъ бьетъ кулаками жену Гедлера, экопома въ дворянскомъ собраніи за то, что она не отпустила ему вина безъ денегъ. Призванный ректоромъ для объясненій, Шоникъ отвѣчалъ ему грубо и дерзко, за что и посаженъ въ подвальный (subterraneus) карцеръ на три дня. Броннеръ поручаетъ Булыгину убѣдить въ послѣдній разъ этого же Шоника, чтобъ онъ не уходилъ на цѣлые дни изъ университета и не отлучался по ночамъ, какъ это было имъ не разъ замѣчено, когда онъ по ночамъ обходилъ спальни студентовъ. Заниматься онъ вовсе не хотѣлъ, и ему было объявлено, что если онъ не станетъ учиться, то его не выпустятъ изъ карцера, но потомъ ему позволено было ректоромъ съѣздить къ отцу и привезти денежный взносъ за казенное содержаніе, которымъ онъ пользовался (pecunia liberationis). Онъ и вышелъ изъ университета.

Личныя оскорбленія между самими студентами и между студентами и посторонними лицами, т. е. оскорбленія дѣйствіемъ, были явленіемъ вовсе не рѣдкимъ въ тѣ годы. Броннеру часто приходилось разбирать возникавшія по этимъ поводамъ дѣла Нѣкоторые случаи въ этомъ родѣ мы уже приводили. Упомянемъ еще нѣсколько изъ болѣе характерныхъ и могущихъ дать намъ понятіе о нравахъ и привычкахъ студентовъ. Сычуговъ Петръ даетъ пощечину Шицу за оскорбленіе ему нанесенное. Оно состояло въ томъ, что Шицъ сказалъ адъюнкту Юнакову о Сычуговѣ, бывшемъ на его лекціи, что онъ не записываетъ, а только скрипитъ перомъ. Сычуговъ былъ наказанъ тремя часами пребыванія въ карцерѣ.—Доносятъ Броннеру, что студентъ Куликовъ прибилъ ученика гимназіи Трескина, что онъ же Кулаковъ, вмѣстѣ со студентомъ Александромъ Сапожниковымъ и съ помощью Шица, разбросали въ банѣ платье и сильно избили гимназиста Заруцкаго. Помощникъ инспектора Востоковъ докладываетъ, что вчера (2 дек. 1816 года) студенты Поповъ, Бѣляевъ и Михайло Сычуговъ прибили какого-то крѣпостнаго сапожника, а Поповъ билъ еще студента Ивана Фика.—Слуга Кайсарова жалуется на Сычугова за то, что тотъ ударилъ его.—„Нашелъ“, записываетъ Броннеръ, „студента Михайлова пьянымъ, лежащимъ въ постели. На распросы, сдѣланные потомъ: гдѣ и по какому слу-

чаю онъ напился, Михайловъ ложно показалъ, что былъ у брата и сознался потомъ, что выпилъ лишнее съ друзьями по неосторожности. Строго упрекнувши его, я приказалъ ему принести его тетрадки и, найдя въ нихъ доказательства его прилежанія, простилъ".—Поповъ Александръ запирается въ карцеръ за то, что кредитору своему, пришедшему требовать съ него должныя ему деньги, надавалъ пощечинъ.—Студентъ Нюхтиловъ жалуется на своекоштнаго студента Евреинова, что тотъ, войдя въ его камеру, прибилъ его палкою. Сказалъ ему сначала, что приносилъ книгу Востокову, по какъ тотъ попросилъ его придти позднѣе, то онъ и зашелъ къ нему, Нюхтилову. Были въ камерѣ и другіе студенты. Начался общій разговоръ; и тотъ и другой были пьяны. Въ сущности трудно объяснить изъ за чего возникла ссора и драка. Евреиновъ отозвался презрительно о какомъ-то медальонѣ или образкѣ, висѣвшемъ на шеѣ Нюхтилова на красной лентѣ; за это Нюхтиловъ грубо обругалъ его; Евреиновъ схватилъ палку и прибилъ его.—Ночью на 8 мая 1817 года Бронперъ видѣлъ студентовъ Соловьева, Иконникова и Уфимцева совершенно пьяными; Соловьевъ спачала лежалъ въ корридорѣ передъ спальнями студентовъ, а потомъ убѣжалъ.—На другой день, между 9 и 10 часами вечера тотъ же Соловьевъ, въ пьяномъ видѣ, ворвался въ первую камеру студенческую, гдѣ жилъ Знобишинъ съ нѣкоторыми товарищами, и прицѣливаясь изъ пистолета, грозилъ студенту Бабановскому, что пуститъ въ него пулю, такъ что тотъ въ испугѣ побѣжалъ въ уголъ сѣней, а Соловьевъ преслѣдовалъ его, пока не явился въ камеру Востоковъ (помощникъ инспектора) и, не безъ личной опасности, угрозами и просьбами, не уговорилъ его отдать пистолетъ и уйдти домой. Но долго еще онъ, уже будучи во дворѣ, кричалъ сквозь окна разныя ругательства Востокову, пока усталость не заставила его уйдти. Виновникъ этого пьянаго буйства былъ приговоренъ къ заключенію въ карцеръ на двѣ недѣли, какъ за этотъ, такъ и за другіе проступки, но онъ взломалъ карцеръ черезъ нѣсколько дней и снова былъ посаженъ на тотъ же срокъ, не считая уже высиженныхъ имъ дней.

Помощникъ инспектора Востоковъ доноситъ 27 сентября 1817 года уже новому инспектору Брейтенбаху слѣдующее:

«Сего 1817 года сентября 26 дня вечеромъ нѣкоторые изъ студентовъ въ *нетрезвомъ видѣ имѣли и оказывали различнымъ образомъ умышленіе про-*

тивъ студента Телешева: 1) поставили окно въ коридорѣ у его комнаты, замѣтивъ, что онъ въ тѣ минуты долженъ идти въ свою комнату, запнуться и упасть съ оннымъ окномъ; 2) студенты Александръ Поповъ, Александръ Маклаковъ и Валеріанъ Знобишинъ не менѣе трехъ разъ приходили отбивать дверь комнаты, гдѣ живетъ оный студентъ Телешевъ, чтобы ворваться въ оную, 3) читали ему, Телешеву, ругательные стихи; 4) первые: Поповъ и Маклаковъ подходили съ улицы къ окну оной комнаты и стучали необыкновенно въ оконницу, и шумѣли на улицѣ О семъ сегодня приносилъ мнѣ жалобу самъ студентъ Телешевъ. Все сіе они чинили, начавъ съ 10 часовъ по полудни до 2 часовъ за полночь, и потому только, что онъ Телешевъ *показалъ сущую правду по дѣлу слушателя Бѣлявва*, происходившему въ правленіи отъ 13 по 18 тогожъ сентября» (¹)

Всѣмъ этимъ студентамъ данъ былъ „строжайшій выговоръ“ въ присутствіи ректора. Дѣло о Бѣляевѣ заключалось въ томъ, что онъ за что-то былъ избитъ товарищами Другое дѣло объ исключеніи изъ университета студента *Григорія Саханскаго* производилось въ правленіи по жалобѣ, поданной инспекторомъ Брейтенбахомъ и представляетъ нѣкоторыя любопытныя частности по разногласію членовъ касательно его сущности. Востоковъ доноситъ инспектору, что онъ, исполняя его приказаніе, *за неоднократное ослушаніе*, объявилъ Саханскому приказаніе идти въ карцеръ на одинъ день, но онъ, на такое объявленіе, отвѣтилъ рѣшительно, что въ карцеръ не пойдетъ. Брейтенбахъ прислалъ четырехъ служителей силою отвести его въ карцеръ, но Саханскій вырвался у нихъ и убѣжалъ, сначала въ комнату студентовъ Парначева и Шутихина, гдѣ и заперся. Находя почему-то неудобнымъ оставаться долѣе въ этой комнатѣ, Саханскій, разбилъ два стекла въ окнѣ, выскочилъ изъ нея и пробрался въ комнату студентовъ Сычуговыхъ, гдѣ и остался. По показанію солдатъ, посланныхъ силою взять Саханскаго въ карцеръ, въ той комнатѣ находятся и другіе студенты, но они, или желая скрыть Саханскаго, или боясь его, дверей не отворяютъ. Востоковъ проситъ у своего начальника инструкціи „въ оной ли комнатѣ *до надлежащаго времени*, держать его чрезъ приставленіе къ оной караула, который и теперь тамъ находится, или поступить иначе?“ Правленіе университета, по полученіи этого рапорта Брейтенбаха, потребовало Саханскаго къ слѣдствію и объясненій отъ него. Онъ показалъ, что въ карцеръ по приказанію инспектора, а потомъ и ректора, не пошелъ

(¹) Объ исключеніи изъ университета студента Григорія Саханскаго, тутъ же о студентахъ: Поповѣ, Маклаковѣ и Знобишинѣ. Дѣло *Правл* 1817 г. № 109

потому что въ немъ было холодно и никакихъ другихъ причинъ къ извиненію не имѣетъ.

Правленіе университета, по изслѣдованіи дѣла о Саханскомъ и его неповиновеніи начальству, представило о немъ совѣту университета. По правиламъ его должно было посадить въ карцеръ на 12 часовъ „за самоуправство и участвованіе въ дракѣ“, но онъ, какъ мы видѣли, не пошелъ въ карцеръ, отбился отъ него. Тогда правленіе сдѣлало слѣдующее опредѣленіе: „Какъ сентября 28 дня было теплоты одинъ градусъ, почему извиненіе Саханскаго не заслуживаетъ никакого вниманія. А какъ онъ Саханскій, такимъ неповиновеніемъ помощнику инспектора, г инспектору и г ректору подалъ примѣръ своимъ товарищамъ къ несносной дерзости, непокорливости начальству и возмутительному духу, то правленіе полагаетъ заключить его въ карцеръ на три дни и запретить ему ходить въ студенческія комнаты, *а для обузданія прочихъ студентовъ отъ таковыхъ дерзновенныхъ поступковъ*, исключить Саханскаго изъ университета безъ аттестата, съ опубликованіемъ въ московскихъ и С.-петербургскихъ вѣдомостяхъ“ (¹). Совѣтъ постановилъ: Саханскаго, въ примѣръ прочимъ, опредѣлить учителемъ перваго класса кургапскаго уѣзднаго училища, препоручивъ его особенному надзору мѣстнаго начальства. Училищному комитету дано о семъ знать для немедленнаго отправленія Саханскаго въ Курганъ. Въ одно время съ назначеніемъ Саханскаго, совѣтъ полагалъ выпустить въ уѣздные учителя, въ наказаніе за дурное поведеніе, еще 6 студентовъ, и для этого, какъ мы видѣли (см. выше, стр 467—468), былъ образованъ комитетъ, который не согласился съ этою мѣрою.

Саханскому конечно сильно не хотѣлось ѣхать въ отдаленный Курганъ, и какъ только онъ узналъ о своемъ назначеніи туда учителемъ, такъ тотчасъ же подалъ просьбу въ совѣтъ и въ ней высказывалъ свое раскаяніе. „Чувствуя въ полной мѣрѣ мое преступленіе и признавая себя совершенно виновнымъ въ ослушаніи противу начальства“, писалъ онъ, „я не имѣю ничего представить почтеннѣйшему совѣту къ пощадѣ меня въ опредѣленномъ наказаніи, кромѣ чистосердечнаго моего раскаянія и рѣшительнаго впредь обѣщанія испра-

(¹) Дѣло объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ *Сов.* 1817 г. № 17

виться въ моей запальчивости и по мѣрѣ того усугубить мое прилежаніе въ наукахъ, дабы заплатить университету за иждивеніе на меня употребленное и за попеченія почтеннѣйшими наставниками къ образованію меня приложенныя,—заплатить выгоднѣйшимъ и похвальнѣйшимъ образомъ, нежели какъ въ званіи учителя курганскаго уѣзда". Не смотря на очевидную сочиненность и неискренность этого раскаянія, доказываемыя и риторическими фразами, употребленными Саханскимъ, совѣтъ, по собраніи голосовъ, большинствомъ ихъ опредѣлилъ: оставить его впредь до усмотрѣнія перваго проступка, поручивъ его особенному смотрѣнію отца и, заставивъ его раскаяться предъ товарищами, заключить его на недѣлю въ карцеръ —Противъ этого опредѣленія большинства членовъ совѣта заявлены были противныя мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ: инспектора Брейтенбаха, ректора и профессора Солнцева, которыя и были заслушаны въ слѣдующемъ засѣданіи, 23 октября 1817 года Брейтенбахъ настаивалъ на томъ, чтобы первое опредѣленіе совѣта не было отмѣняемо. Онъ указывалъ на лживость Саханскаго и привелъ въ доказательство ея, что при допросѣ его въ правленіи университета, на вопросъ, заданный ему тогдашнимъ синдикомъ проф. Врангелемъ: „почему онъ, не взирая на полученное отъ правящаго должность инспектора приказаніе не ходить въ горницы казенныхъ студентовъ, пошелъ туда, отвѣчалъ, что онъ этого приказанія не слыхалъ" Далѣе онъ разсказываетъ недавній случай съ Саханскимъ. „Вчера, 19 числа сего мѣсяца, послѣ обѣда въ три часа, я осматривалъ горницы казенныхъ студентовъ" (слѣдовательно 4 часа спустя послѣ того, какъ Саханскій былъ выпущенъ изъ карцера), и я нашелъ въ горницѣ напротивъ библіотеки, за перегородкою, студентовъ Гр Саханскаго, Александра Попова, Николая Куликова и своекоштнаго студента Гаврилу Кругликова *за карточнымъ столомъ*. Послѣдній собиралъ въ поспѣшности карты и положилъ ихъ въ боковой карманъ Я требовалъ отъ него потомъ выдать карты и въ два раза я получилъ отъ него приложенную игру картъ. Карточный столъ впрочемъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ много начертанъ былъ мѣломъ, и изъ колоды также явно было, что они играли вчетверомъ. Впрочемъ студентъ Саханскій *еще не записался* (это въ октябрѣ!) *въ реестръ слушаемыхъ въ семъ году лекцій* и такъ я не знаю чѣмъ онъ занимается(?). Прошу повелѣнія какъ мнѣ поступить".

Мнѣнія прочихъ членовъ носили больше формальный характеръ. Такъ ректоръ Браунъ старался доказать, что коллегія не можетъ измѣнять своихъ опредѣленій, что измѣненіе это предоставлено только начальству, что иначе уничтожатся всякій порядокъ и повиновеніе. Почти такого же содержанія было мнѣніе Вердерамо, и изъ него видно, что отмѣненное опредѣленіе (о высылкѣ Саханскаго учителемъ въ Курганъ) было постановлено главнымъ образомъ ординарными профессорами. — Солнцевъ, въ качествѣ остроумнаго юриста, доказывалъ, что Сахапскій „учинилъ раскаяніе не во время производства о немъ и не въ продолженіе принимаемыхъ надъ нимъ начальствомъ исправительныхъ мѣръ, по уже послѣ приговора совѣтскаго о немъ состоявшагося". „Таковое его раскаяніе я сомнѣваюсь почесть за истинное, а мню оное вынуждено было страхомъ учиненнаго приговора и надеждою чрезъ принесеніе раскаянія избавиться заслуженнаго наказанія"... Далѣе Солнцевъ возстаетъ противъ ослабленія наказаній и перемѣны ихъ, доказываетъ, что это будетъ дурно вліять на студентовъ, которые всегда пайдутъ легкое средство „чрезъ невмѣстное раскаяніе" вымаливать себѣ прощеніе. Совѣтъ такимъ измѣненіемъ своихъ опредѣленій покажетъ въ дѣлахъ непостоянство сужденій, а потому потеряетъ отъ подчиненныхъ мѣстъ приличное коллегіи уваженіе и даже у студентовъ навлечетъ невыгодное о себѣ мнѣніе".

Совѣтъ всѣ отдѣльныя мнѣнія и два уничтожающія одно другое опредѣленія представилъ на благоусмотрѣніе попечителя. На это представленіе Салтыковъ писалъ (12 ноября, 1817 года) слѣдующее: „Какъ изъ всѣхъ полученныхъ мною представленій не усматриваю я въ чемъ именно состоятъ проступки Саханскаго, дабы чрезъ подробное и ясное оныхъ обозначеніе могъ я судить о важности имъ сдѣланнаго, почему не могу прежде сего дать разрѣшеніе на сіе, доколѣ не получу должнаго дополненія къ сдѣланному уже мнѣ представленію. При чемъ вынужденнымъ нахожусь дать на замѣчаніе, что таковое упущеніе неоднократно было мною находимо, о чемъ я давалъ совѣту съ своей стороны на замѣчаніе". Въ дополненіе къ объясненію проступковъ Саханскаго, совѣтъ ничего не могъ представить больше того, что нами было уже разсказано. Мы узнаемъ только одинъ весьма любопытный фактъ, но безъ всякихъ подробностей, да и самое дѣло это не значится ни въ какихъ архивныхъ описяхъ: Саханскій, при вступленіи

своемъ въ университетъ, за соучастіе *въ умыслѣ противъ инспектора студентовъ*, о чемъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и за драку съ студентами, былъ заключенъ въ карцеръ.

Всѣ приведенные нами выше случаи и разсказы изъ студенческой жизни рисуютъ намъ нравы студентовъ и ихъ столкновенія между собою въ стѣнахъ университета, гдѣ вредъ наносился только образованію и ученію и непривлекательныя событія не выходили наружу. Это были домашнія дѣла. Но архивные документы оставили намъ также не мало случаевъ, гдѣ пьянство и нравственная распущенность студентовъ Казанскаго университета входили въ соприкосновеніе съ лицами посторонними, которыя страдали отъ того, или обнаруживались передъ обществомъ, которое, каково бы оно ни было, должно было получить самое неблагопріятное представленіе объ университетѣ, о молодыхъ людяхъ въ немъ воспитываемыхъ и о наставникахъ, не знавшихъ, что съ ними дѣлать и какимъ образомъ внушить имъ самыя элементарныя понятія о нравственности и о долгѣ. Очевидно однако, что это было не дѣломъ университета, не смотря на то, что только что составленныя правила поведенія, обязательныя для всѣхъ и перепечатанныя нами въ концѣ предшествовавшей главы, проникнуты главнымъ образомъ убѣжденіемъ, что университетъ долженъ дать нравственное воспитаніе студентамъ, которые не вынесли его изъ подъ отеческой кровли. Если бы университетъ заботился о знаніи дѣйствительномъ, а не фиктивномъ, то очень можетъ быть, что всѣ эти толки о нравственности, столь частые въ то время, вовсе и не раздавались бы: знаніе внутреннею, интезивною силою своею, глубокою правдою своего содержанія само исправило бы испорченныхъ молодыхъ людей и сдѣлало бы ихъ полезными гражданами. Но въ знаніи, въ наукѣ никто не нуждался (1); молодые люди, вступавшіе въ университетъ, были вовсе не приготовлены къ усвоенію университетскихъ лекцій, а тѣ, которые должны были читать эти лекціи, были

---

(1) Недавно пишущій эти строки былъ печально пораженъ случайно попавшимися ему цифрами оффиціальнаго отчета, по которому оказалось, что въ прошломъ году, изъ числа лицъ стоящихъ во главѣ фабрикъ, заводовъ и другихъ подобныхъ заведеній, пользующихся покровительственными пошлинами, отъ завѣдывающихъ которыми требуется техническое образованіе, 93% оказалось нигдѣ не учившимися.

разъединены съ своими слушателями незнаніемъ языка. Съ этими условіями, которыми было обставлено къ сожалѣнію все наше образованіе, необходимо примириться, и какъ бы мы ни возмущались событіями, сохранившимися въ архивныхъ дѣлахъ, не слѣдуетъ ихъ однако игнорировать. Эти совершившіеся факты очень уясняютъ и прошедшее и настоящее нашего образованія, объясняютъ намъ, чего намъ ждать въ будущемъ, на кого и на что приходится надѣяться.

Пьянство во всѣхъ этихъ „исторіяхъ“ играло главную роль и было источникомъ и причиною почти всѣхъ непривлекательныхъ случаевъ, на которые намъ, для полноты и правдивости нашихъ разсказовъ, необходимо обратить вниманіе. Казанскій полицмейстеръ, въ своемъ отношеніи въ совѣтъ университета (3 сентября, 1813 года), пишетъ (1), что студентъ Замятинъ „бывъ въ весьма нетрезвомъ видѣ“, завелъ ссору съ купцомъ Парашинымъ, торгующимъ фруктами и прибилъ его и прикащика его Второва. Они хотѣли за буйство, произведенное имъ въ лавкѣ, представить его въ полицію и повели, но на Черномъ озерѣ Замятинъ сталъ отъ нихъ отбиваться, закричалъ *караулъ*, на крики наѣхалъ полицмейстеръ и съ помощью солдатъ едва могли задержать Замятина и отвести въ полицію. Послали за инспекторомъ студентовъ (Брауномъ), который, по словамъ полицмейстера, „много ему внушалъ“.

По бумагѣ полицмейстера началось дѣло. Совѣтъ потребовалъ отъ Замятина письменное объясненіе. Изъ этого объясненія видно, что въ лавкѣ онъ хотѣлъ что-то купить, но съ него, по словамъ его, запросили вдвое, и Замятинъ сказалъ сидѣльцу Второву, что требуютъ съ него лишнее, на что Второвъ отвѣтилъ: „Гдѣ это купить тебѣ, кутейнику, дурьей породѣ?“ Отсюда ссора. Онъ замахнулся на сидѣльца палкою, но былъ удержанъ. Полицмейстеръ взялъ его „не яко обиженнаго, но уже яко обидчика“, но бить и обидѣть онъ не могъ, потому что въ лавкѣ было трое, а онъ одинъ (2). Объясненіе это было препровождено къ полицмейстеру для допросовъ Парашина и Второва. Между тѣмъ полицмейстеръ прислалъ

---

(1) Дѣло по отношенію казанскаго полицмейстера Симонова о томъ, что онъ взялъ *въ буянствѣ* студента здѣшняго университета Замятина. *Сов.* 1813 г. № 105.

(2) Замятинъ поступилъ въ студенты изъ духовной академіи въ маѣ 1812 года, по увольненіи синодомъ изъ духовнаго званія

и другое отношеніе въ совѣтъ. Изъ него видно, что Замятинъ, не отвѣчая на вопросъ полицмейстера по какому поводу онъ кричалъ *караулъ*, „такъ разгоряченнымъ образомъ *разительнымъ произношеніемъ словъ* (?) ругалъ его". Приглашенный въ полицію Браунъ, „видя его въ большомъ безобразіи и пьяномъ видѣ, ничего не сказалъ какъ только, чтобъ по вытрезвленіи прислать его въ университетъ съ описаніемъ грубости Замятина. Приложенныя при отношеніи полицмейстера длинныя объясненія Парашина и Второва по содержанію почти одинаковы; кажется писало ихъ одно лицо. Оба они только отрицаютъ. По словамъ Парашина Замятинъ, „въ пьянствѣ злоеобычный или неспокойный", стращалъ его наказаніемъ плетьми, а по показанію сидѣльца Второва, Замятинъ ему знакомъ и прежде, даже жилъ у него на его иждивеніи, безъ всякой платы. Замятинъ, говорилъ онъ, увеличилъ свою брань и продолжалъ опую въ разныхъ неприличныхъ ученому человѣку изъясненныхъ словахъ"; Второвъ даже рекомендовалъ его въ учители къ какому-то знакомому его купцу Филимонову. И Замятинъ и купцы считали себя обиженными, такъ что дѣло въ подробностяхъ не разбиралось, не смотря на то, что для иностранныхъ профессоровъ выписка изъ дѣла была переведена на языкъ нѣмецкій. Замятинъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета по неимѣнію средствъ содержать себя, и былъ уволенъ 3 ноября 1813 года. Дѣло постановлено было считать поконченнымъ. При увольненіи однако Замятину не было выдано никакого аттестата, и онъ не получилъ такимъ образомъ никакихъ правъ, для чего именно онъ и поступалъ въ университетъ, а потому въ мартѣ слѣдующаго года, „найдя средства къ содержанію себя", пожелалъ окончить начатые курсы и просилъ снова принять его въ студенты. Замятинъ былъ принятъ, но продолжалъ вести туже пьяную жизнь и не занимался. Разсчитывая, что лишнее время пребыванія въ университетѣ поможетъ ему получить аттестатъ, дающій служебныя права, уже въ сентябрѣ того же года онъ подалъ опять просьбу объ увольненіи. Уволенъ онъ былъ тогда уже вовсе изъ университета, но безъ аттестата, съ однимъ только свидѣтельствомъ „якобы еще не окончилъ курса приготовительныхъ наукъ". Тогда Замятинъ подалъ жалобу на совѣтъ министру просвѣщенія, прибѣгнувъ въ ней къ реторикѣ, бывшей тогда въ такомъ ходу:

«Теперь же чувствую себя совершенно несчастливымъ, проведши болѣе четырнадцати лѣтъ въ ученіи (?), будучи четыре года въ духовной академіи студентомъ и содержась во все продолженіе моего ученія на собственномъ иждивеніи отца моего, чувствую не малую потерю моего здоровья, имѣя отъ роду 26 годъ и лишась аттестата, *какъ вѣрнаго руководителя къ счастью*, совершенно теряюсь въ своихъ мысляхъ Ваше сіятельство! Единственную и послѣднюю надежду полагаю на великодушіе, Вамъ свойственное *Не погасите въ груди моей того огня, который пылаетъ ревностью къ отечественной службѣ*, удостойте благосклоннаго вниманія мою нижайшую просьбу, дабы соизволено было предписать совѣту Казанскаго университета о снабженіи меня полнымъ аттестатомъ, перемѣнивъ данное мнѣ свидѣтельство, *да съ новымъ (?) жаромъ и усердіемъ потеку на поприще службы нашего отечества*»

Не довольствуясь этою просьбою на имя министра, Замятинъ подалъ еще другую на Высочайшее имя. Трудно сказать, какое дѣйствіе вообще имѣла эта ложная реторика въ то время на людей, на которыхъ хотѣли дѣйствовать ею. Въ ней слышится глубокая неправда тогдашнихъ общественныхъ отношеній, и на насъ она оказываетъ дѣйствіе совершенно противоположное тому, на которое разсчитывалъ самъ составитель фразъ. Замятинъ однако не выигралъ. Объясненія, данныя совѣтомъ на запросъ министра, были не въ пользу Замятина, и аттестата онъ не получилъ.

Вечеромъ въ 10 ч. 27 іюня 1815 года ректоръ Браунъ получилъ отъ проф. Литтрова записку; въ ней, со словъ служителя при астрономической обсерваторіи Кабанскаго, передавался некрасивый случай, героемъ котораго былъ студентъ Бабановскій (1) По словамъ Броннера студентъ этотъ—Викторъ Петровичъ Бабановскій, молодой человѣкъ, имѣющій около 15 лѣтъ Пріѣхалъ онъ изъ Тобольска; въ университетѣ только первый годъ. Онъ цѣлые дни ничего не дѣлаетъ и *очень любитъ водку*. Кабанскій знаетъ его въ лицо. По разсказу Литтрова, Бабановскій „пришелъ вчера послѣ обѣда въ ботаническій садъ и встрѣтилъ тамъ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, дочь Кабанскаго, которая тамъ играла. Онъ, сдѣлавъ пучекъ розогъ изъ крапивы, высѣкъ ее, вѣроятно изъ шалости, такъ какъ дѣвочка ничѣмъ его не обидѣла, но сѣкъ такъ больно, что дѣвочка кричала не своимъ голосомъ больше часу.

---

(1) Дѣло о шалости студента *Бабановскаго*, сѣкшаго солдата Кабанскаго дочь дѣвочку въ Тенищевскомъ саду крапивой, содержащее въ себѣ одни показанія *Прав.* 1815 г № 88

Я считаю необходимымъ довести этотъ случай до вашего свѣдѣнія".

Началось въ правленіи слѣдствіе, которое вели ректоръ и Броннеръ. Первое показаніе дѣлалъ отецъ дѣвочки, прибѣжавшій въ садъ на крикъ дочери и увидѣвшій ее лежащею внизъ лицомъ, а Бабановскій сѣкъ ее по голому тѣлу крапивой (natibus nudis adplicatis verberibus). На вопросъ Кабанскаго: „Что ты дѣлаешь?"—Бабановскій отвѣчалъ очень грубо (1), а когда солдатъ сказалъ, что пойдетъ жаловаться Ивану Осиповичу (Брауну), Бабановскій закричалъ на него: „Какъ ты смѣешь, с. с., со мной, благороднымъ говорить; за это, с. с., пройдешь сквозь строй. Я самъ благородный и отецъ у меня полковникъ". Когда Броннеръ получилъ записку отъ ректора, тотчасъ же пошелъ отыскивать Бабановскаго, и въ томъ же Тенищевскомъ саду встрѣтилъ его и двухъ его товарищей: Лохтина и Веригина. Они побѣжали ему на встрѣчу и стали ему жаловаться на то, что солдатъ Кабанскій оскорбилъ Бабановскаго, что его дочь рвала въ саду крыжовникъ, что Бабановскій только выгонялъ ее изъ сада крапивою. Спрошенная въ присутствіи правленія дѣвочка показала, что Бабановскій сѣкъ ее и высѣкши, сѣлъ въ бесѣдкѣ. Бабановскій съ своей стороны жаловался на отца дѣвочки, что онъ сжалъ его руку до синеты. Броннеръ сдѣлалъ выговоръ Лохтину и Веригину за ихъ ложь и за то, что они несправедливо вступились за Бабановскаго, а Литтровъ передавалъ еще, что они говорили ему грубости. Спрошены были и другіе студенты, но всѣ они старались выгородить своего товарища, и дѣло кончилось для виновника этой „шалости" трехдневнымъ арестомъ въ карцерѣ.

Въ камерахъ казенныхъ студентовъ, съ тѣхъ поръ какъ они перешли съ казеннаго содержанія на жалованье и должны были сами заниматься своимъ хозяйствомъ, нерѣдко появлялись и женщины разнаго рода, что особенно возмущало цѣломудреннаго Броннера, не забывшаго еще своего монашескаго

---

(1) Онъ отрицалъ въ непечатномъ выраженіи болѣе ужасное преступленіе, въ совершеніи котораго его могли бы заподозрить, и Броннеръ замѣчаетъ послѣ изслѣдованія: «videbatur res non adeo turpiter tractata, qualis primo momento apparuerit».

воспитанія. О подобномъ случаѣ съ Ярцевымъ мы уже передавали, а вотъ и другой разсказъ такого же содержанія изъ журнала Броннера: „Посѣщая спальни студентовъ (10 апрѣля 1816 года), я нашелъ въ камерѣ Тепищевскаго дома, въ 9 часовъ вечера (огни не были зажжены) студентовъ вокругъ кровати Попова, который сидѣлъ и игралъ на гитарѣ. Когда я обернулся къ противоположной кровати, мнѣ бросились въ глаза двѣ фигуры: одна лежала на кровати (это былъ Петръ Базилевъ), другая сидѣла около него. Я не разглядѣлъ сначала и подумалъ, что это сидитъ какой-либо студентъ, но подойдя ближе, узналъ въ этой фигурѣ, сидящей на кровати у Базилева, женщину—кухарку и служанку, нанятую студентами безъ моего вѣдома Пораженный такою дерзостью, я сдѣлалъ строгій выговоръ и женщинѣ, и студентамъ; ей немедленно приказалъ уйдти, угрожая, что завтра же выгоню ее изъ зданія университета. Удалившись на короткое время, я снова воротился въ ту же камеру и засталъ студентовъ въ жаркомъ общемъ спорѣ и съ ними ту же женщину Тогда, возбужденный гнѣвомъ (ire percitus), я вытолкнулъ ее изъ спальни, ударивъ ее пинкомъ ноги (calce eandem feriens). На другой день я попросилъ ректора, чтобъ онъ приказалъ удалить эту женщину изъ университета, что и было сдѣлано экзекуторомъ. Петра же Базилева я не могъ посадить въ карцеръ, такъ какъ онъ не былъ еще вполнѣ отстроенъ. Прошло только двѣ недѣли послѣ этого случая, какъ Броннеру снова пришлось дѣлать выговоръ тому же студенту Петру Базилеву за то, что снова была взята кухарка безъ вѣдома начальства; она однако скоро была отпущена, безъ противодѣйствія со стороны студентовъ.—Студентъ Можаровъ, за оскорбленіе дочери солдата, дѣвушки Авдотьи Никитиной, по приказанію ректора наказывается выговоромъ.—„Въ 2 часа по полудни“, записываетъ Броннеръ, „прибѣжала ко мнѣ служанка профессора Брейтенбаха (онъ жилъ въ самомъ зданіи университета), съ жалобою на студента Базилева младшаго (Ивана), что онъ, въ отсутствіе профессора, вошелъ въ его спальную и сталъ приставать къ ней (ab ipsa petiisse obscoena), но когда она отказала ему, онъ надавалъ ей пощечинъ. Войдя въ камеру студентовъ, я увидѣлъ Ивана Базилева на постели, уже раздѣтымъ; онъ притворился спящимъ и совершенно отрицалъ обвиненіе. Я приказалъ ему идти за собою и скоро мы встрѣтили ту же женщину, которая немедленно узнала Базилева и

повторила въ его присутствіи свою жалобу, почему я увелъ его въ мою подземную келью (in cellam meam subterraneam— вѣроятно подвалъ) и продержалъ его тамъ до 9 часовъ вечера. Послѣ увѣщаній, сдѣланныхъ мною ему, чтобъ онъ не оскорблялъ болѣе этой дѣвушки, я отпустилъ его" (1).—Эта же самая горничная Брейтенбаха была обижена (male tractata), какъ мы увидимъ, студентами Соловьевымъ и Уфимцевымъ, главными забіяками и героями пьяныхъ похожденій того времени.—На студента Шутихина, котораго инспекторъ Брейтенбахъ называетъ quasi dux studiosorum, служитель-солдатъ приноситъ жалобу, что онъ избилъ его Шутихинъ получаетъ за это выговоръ и даетъ обѣщаніе воздерживаться на будущее время отъ такой грубости — По опредѣленію правленія студенты Маклаковъ и Петровъ приговариваются къ осьмидневному содержанію въ карцерѣ за то, что прибили студенческаго повара-солдата (2)

Не станемъ приводить многочисленные случаи различныхъ грубостей, оказанныхъ студентами инспектору, его помощникамъ, а также и ректору. Упоминанія объ этихъ случаяхъ нерѣдко встрѣчаются въ „Книгѣ о поведеніи", а нѣкоторые были уже приведены нами. Въ записяхъ не указываются причины и подробности этихъ грубостей и непослушанія, а потому у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ для правильнаго сужденія о нихъ. Не знаешь, чѣмъ объяснить эти явленія: грубостью ли общей нравовъ студентовъ, лишенныхъ всякаго воспитанія и культурнаго вліянія, или неумѣньемъ тѣхъ, которые должны были слѣдить за поведеніемъ студентовъ и направлять ихъ на прямую и честную дорогу. Одно только можно утверждать съ увѣренностью: студенты нисколько не уважали представителей непосредственнаго надзора, поставленныхъ надъ ними, и ни одинъ изъ профессоровъ не пользовался у нихъ популярностью (употребимъ этотъ современный намъ терминъ), то есть ни у одного изъ нихъ они не учились. Помощниками инспектора были большею частью молодые люди, только что окончившіе курсъ и почти товарищи тѣхъ, надзоръ за которыми былъ ввѣренъ имъ. О довольно часто упоминаемомъ нами помощникѣ инспектора

(1) Книга о поведеніи, стр. 79б, 80а, 81а, 89б.
(2) Тамъ же, стр. 90б, 91б.

Востоковѣ (1), о которомъ комитетъ отозвался, что онъ привлекъ на себя *общее студентовъ неуваженіе*, Бронперъ записалъ, что онъ нерадиво отправляетъ свою должность и не водитъ ихъ въ церковь, какъ ему было то приказано имъ, Бронперомъ. Повторивъ ему вновь это приказаніе, онъ заставилъ его написать сочиненіе „Объ обязанностяхъ помощника инспектора“ (De officiis adjutoris inspectoris) и погрозилъ ему, что помѣститъ въ его компату для совмѣстнаго житья кандидата Чашкова. Онъ замѣчаетъ, что такое сочиненіе и было представлено Востоковымъ. По увольненіи его, на его мѣсто былъ опредѣленъ Саханскій, о фальшивомъ раскаяніи котораго мы разсказали (стр. 160—161). О „худомъ отправленіи должности имъ и другимъ помощникомъ Самсоновымъ очень скоро Брейтенбахъ вынужденъ былъ донести совѣту. Такимъ образомъ трудно было ожидать какой-либо дѣйствительной помощи въ дѣлѣ наблюденія за нравственностью студентовъ отъ помощниковъ инспектора, воспитанныхъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ и не отличавшихся свойствами, которыя бы внушали къ нимъ уваженіе. „Ибо всѣми лучшими педагогами признано за неоспоримую истину“, говоритъ упомянутый нами комитетъ о студентахъ и ихъ поведеніи, „что внутреннее въ воспитанникахъ почтеніе къ воспитателямъ своимъ есть первое и необходимое условіе успѣшнаго нравственнаго образованія“ (2). Прошло только два года со времени составленія всѣми профессорами и всѣми факультетами правилъ благочинія для студентовъ, а между тѣмъ очевидно правила эти не принесли существенной пользы и признаковъ благочинія въ средѣ студентовъ трудно было замѣтить. Всѣ нарушенія порядка и благопристойности приписывались обыкновенно несмотрѣнію начальства, слабости инспекторскаго надзора. А между тѣмъ требованія, какія выставлялъ къ инспекторской дѣятельности комитетъ, были таковы, что выполнить ихъ едва ли было возможно. Комитетъ, составленный изъ молодыхъ экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ и одного только

---

(1) О его похожденіяхъ въ Астрахани и ссорѣ его съ директоромъ Храповицкимъ мы разсказывали выше, стр 350 сл. Онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ увольненіи его отъ должности помощника инспектора, вслѣдствіе неблагопріятнаго о немъ отзыва особаго комитета, образованнаго для сужденія о поведеніи студентовъ «для лучшаго достиженія цѣли образованія».

(2) Дѣло объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ. *Сов.* 1817 г. № 117.

ординатора, профессора Арнтца, [illegible] мѣстныя надобности инспектора Брейтенбахъ былъ выбранъ инспекторомъ утвержденъ, и, такъ какъ онъ, повидимому, уже навсегда остался въ Нѣмецкой. Мюльгаузенъ, пользуясь его пребываніемъ въ удобномъ случаѣ и высказывалъ такое мнѣніе о томъ, что инспектора, что однако не было выполнено. Помимо этой внѣшней враждебности, трудно сказать чистосердечно-ли, что университетъ и доцентъ заявили разочарованіе въ отношеніи студентовъ. Онъ писалъ (съ намекомъ на Брейтенбаха, противящаго на темпераментъ *сотъ, что мѣры, когда по этому сю должны быть приняты для достиженія оной цѣли*» (т. есть возстановленія устройства и благочинія въ обществѣ студентовъ):

1) «Учинить [illegible] отвратить [illegible] общую обязанность старался *внушить студентамъ любовь къ наукѣ и отвлечь ихъ отъ праздности*, и [illegible] [illegible] [illegible]

Такимъ образомъ комитетъ, критикуя въ нѣкоторыхъ случаяхъ недавно составленныя правила, замѣчая напр. „что въ нихъ нѣтъ надлежащей постепенности и соразмѣрности въ наказаніяхъ, кои состоятъ только въ заключеніи въ карцеръ“, „простерши виды свои далѣе“, открылъ *причины дурного поведенія* студентовъ, стоящія внѣ ихъ: это — „нѣкоторыя упущенія и недостатки въ надзорѣ за студентами“. Но комитетъ ни словомъ не обмолвился о томъ, что студенты не хотятъ ничему учиться и не могутъ учиться, такъ какъ не сознаютъ въ ученьи надобности, не приготовлены къ нему, да и кругомъ не видятъ нигдѣ примѣровъ примѣненія къ жизни этого знанія. Условія жизни и окружающая ихъ дѣйствительность, ихъ неумѣренное наслѣдственное пьянство влекли въ другую сторону. Посмотримъ еще на студентовъ не въ розовыя стекла юношескихъ воспоминаній, а въ фактахъ дѣйствительности.

— —

Въ маѣ 1816 года профессоръ Солнцевъ заявилъ въ засѣданіи совѣта, что студенты ходятъ по городу въ пьяномъ видѣ, что полиція забираетъ ихъ и проч. На просьбу Брошнера назвать по фамиліи кого-либо изъ такихъ студентовъ, Солнцевъ не отвѣтилъ. Но это была правда, и жалобы на безобразія казанскихъ студентовъ были общими. „Сегодня (8 іюня 1816 года) принесены мнѣ жалобы на студента Шутихина, что онъ пьянъ, на Знобишина, Парначева и Бѣляева, что позднею ночью, бѣгая по улицамъ, они ругали ночныхъ сторожей и бросали въ нихъ каменья. Послѣ строгаго слѣдствія оказалось, что шестеро студентовъ, ночью съ 7 на 8 іюня, послѣ моего обхода спаленъ между 10 и 11 часами, уйдя изъ университетскаго дома, побѣжали сначала по улицамъ къ Черному озеру, театру, останавливаясь на Красной улицѣ, въ Кузнечномъ ряду, въ Княжевической рощѣ (¹), не входя однако ни въ одинъ домъ. Дозоръ ночной остановилъ ихъ и сдѣлалъ имъ допросъ, но струсившіе студенты вырвались у дозора и

(¹) Эта роща, теперь уже давно не существующая, получившая свое названіе или отъ дома Княжевича или отъ того, что принадлежала ему, была расположена по высокому берегу Казанки, теперь уже значительно обвалившемуся, на право отъ Односторонки Ѳедоровскаго монастыря, которому также грозитъ паденіе въ Казанку. Въ 30-хъ годахъ еще существовали на мѣстѣ рощи сады и колокольные заводы.

скрылись въ ворота, рядомъ съ домомъ Спижарнаго. Когда дозорные солдаты стали смѣяться надъ ихъ трусостью, четверо студентовъ: Шутихинъ, Знобишинъ, Нарначевъ и Бѣляевъ, разсерженные этими насмѣшками, подбѣжали къ другимъ, южнымъ воротамъ и выйдя изъ нихъ, встали на горкѣ, къ западному спуску, вооружившись камнями, которые и начали бросать сверху, въ проходящихъ по склону и въ оврагѣ дозорныхъ солдатъ. Студенты Левицкій и Телешевъ, одинъ съ Черпаго озера, а другой изъ театра, воротились ранѣе. Всѣ они были посажены въ карцеръ по приказанію ректора, на разные, смотря по винѣ, сроки". Во время чтенія мѣсячной вѣдомости за май о лучшихъ и худшихъ студентахъ, Броннеръ велѣлъ прочитать также для свѣдѣнія студентамъ, его отношеніе къ коменданту (militiae magister), которымъ онъ проситъ его студентовъ, бродящихъ ночью по улицамъ и не имѣющихъ при себѣ инспекторскаго разрѣшенія на выходъ изъ университета, брать подъ караулъ.—Какіе странные случаи бывали тогда въ жизни студентовъ, объясняемые конечно правами эпохи, можно видѣть изъ слѣдующей записи Броннера: „Ночью 23 апрѣля (1817 года) четверо служителей привели изъ дому дворянскаго собранія пьянаго студента Можарова. Онъ не могъ заплатить по общей подпискѣ (symbola—складчина) слѣдующихъ съ него денегъ 100 рублей. Я приказалъ солдатамъ-служителямъ карауліть его, находящіеся же при немъ 20 р. взялъ и отправилъ для уплаты части долга въ управленіе дворянскаго собранія (domus nobilium)". Приложена росписка въ полученіи. Черезъ нѣсколько дней того же Можарова садятъ въ карцеръ за драку съ полицейскими.—Сильно въ особенности возмутила Броннера некрасивая выходка студента Попова, сдѣланная въ томъ же дворянскомъ собраніи, гдѣ былъ тогда маскарадъ. „Я не могу скрыть отъ васъ" (т. е. отъ членовъ правленія), писалъ Броннеръ въ своемъ докладѣ по латыни, „что сдѣлалъ ночью съ 4 на 5 февраля (1817 года) студентъ Поповъ. Онъ ушелъ изъ университета съ нѣсколькими товарищами своими въ домъ дворянскаго собранія. Тамъ, говорятъ, или вслѣдствіе ссоры, происшедшей между ними, или потому что онъ былъ пьянъ, Поповъ захотѣлъ раньше чѣмъ обыкновенно дѣлалъ онъ въ эти дни (тогда была масляница), уйдти изъ собранія. Подойдя къ служителямъ, у которыхъ хранились шубы, онъ потребовалъ подать ему его шубу, стоившую не дороже 20 рублей, которую онъ взялъ на время

у товарища своего Бѣляева Покуда ее довольно долго искали, онъ вдругъ закричалъ: „Я нашелъ свою шубу, схватилъ чужую, стоющую рублей 400 съ вѣшалки, и надѣвъ, убѣжалъ изъ сѣней. Такъ разсказываетъ Гедлеръ, содержатель въ дворянскомъ собраніи буфета (cantonam), повторяя то, что самъ слышалъ отъ своихъ служителей. Раннимъ утромъ явились ко мнѣ и собственникъ шубы, и служитель Гедлера, принесли и самую шубу студента Попова, на которой вписѣлъ значекъ № 17; студенты немедленно узнали ее какъ принадлежащую Бѣляеву, у котораго взялъ ее Поповъ на подержаніе. На вопросы мои, сдѣланные Попову, онъ отвѣчалъ, что унесъ изъ маскарада (a Bacchanal) безъ шубы, въ одномъ только домашнемъ платьѣ. Испуганный однако моими распросами, онъ сознался наконецъ и возвратилъ шубу Гедлеру, говоря что надѣлъ чужую потому, что не нашли его собственной и сказалъ служителю, что возвратитъ ее на другой день поутру Я не умѣю и не могу извинить безстыдство человѣка, который за шубу цѣною въ 20 рублей, взялъ чужую, стоющую 400 рублей, но считаю необходимымъ донести о томъ правленію для назначенія наказанія такому наглецу“ Поповъ за эту продѣлку наказанъ былъ карцеромъ, но посаженъ въ него только въ началѣ мая Выпущенъ онъ былъ на свободу ранѣе назначеннаго срока, но не поблагодарилъ за это сокращеніе срока ректора, какъ училъ его Броннеръ, такъ что ректоръ хотѣлъ снова наказать его, но простилъ (1) —Пропуская разные „дерзновенные поступки“, „буйства“, какія-то „дерзости“, сдѣланныя какимъ-то студентомъ кому-то на Воскресенской улицѣ или обиду, нанесенную Бѣляевымъ человѣку инструментальнаго мастера Экселя, мы остановимся еще на нѣкоторыхъ, болѣе характерныхъ случаяхъ. Въ декабрѣ 1817 года исправляющій должность инспектора профессоръ Брейтенбахъ вошелъ въ правленіе университета съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Послѣ того какъ мнѣ 24 числа с. м. учинено было объявленіе, что казенный студентъ *Александръ Сапожниковъ* унесъ у живущаго съ нимъ въ одной горницѣ товарища Егора Виноградскаго изъ его столоваго ящика денегъ 45 рублей 40 коп. я велѣлъ онаго тотчасъ призвать и допрашивать въ присутствіи синдика г адъюнкта Юнакова и инспекторскаго помощника магистра Самсонова Сначала оный отрекался, но когда дали ему уразумѣть, что онъ уже довольно уличенъ, и что онъ чрезъ отриновеніе привлечетъ себѣ еще большій стыдъ и наказаніе, то онъ признался и далъ о семъ

(1) Книга о поведеніи, стр. 81б, 32а, 88б и 89б

приложенную роспись. Сіе приключеніе дошло до свѣдѣнія всѣхъ студентовъ и лучшая часть оныхъ тѣмъ весьма разгнѣвана и стыдится имѣть между ними такового товарища, и вѣроятно тѣмъ болѣе, что объявленіе *стараго времени въ публикѣ очень громко разговариваютъ что студенты крадутъ*. При семъ за обязанность почитаю еще покорнѣйше объявить, что сей Сапожниковъ, особливо *около четырехъ недѣль весьма распутную жизнь съ нѣкоторымъ (?) своекоштнымъ студентомъ который при продажѣ потомъ*, какъ публично говорятъ, *обманулъ своего отца на 2000 р.*, за что онъ Сапожниковъ и получилъ отъ помощника студентовъ Сахаисаго выговоръ. Впрочемъ имѣю я еще честь объявить, что Сапожникова, послѣ того какъ онъ въ учиненномъ воровствѣ признался, велѣлъ заключить 24 числа сего въ университетскую темницу и что его сегодня (28-го) по утру, по приказанію г. ректора, изъ оной выпустилъ» *Росписи виновнаго* «1817 года декабря 28 дня въ присутствіи правленія, я нижеподписавшійся казенный студентъ Александръ Сапожниковъ показалъ: у студента Виноградскаго взялъ онъ, Сапожниковъ, изъ столоваго ящика его 45 р. 40 к. декабря 21 дня во 2 часу по полудни, въ небытность Виноградскаго и другихъ студентовъ никого въ комнатѣ, а какъ столикъ былъ запертъ то онъ, Сапожниковъ подпявши столовую доску, вынулъ изъ стола показанныя деньги. Декабря съ 12 дня ведетъ онъ, Сапожниковъ, себя особенно худо по причинѣ сообщества съ бывшимъ вольнымъ слушателемъ Кіромъ Борисовымъ, съ которымъ нѣсколько ночей проводилъ онъ, Сапожниковъ, въ непотребныхъ домахъ, отлучаясь изъ университета самовольно»

Проф. Брейтенбахъ приводитъ выписку изъ журнала Броннера за весь 1816—1817 годъ о Сапожниковѣ. Оказывается, что онъ стоитъ самымъ послѣднимъ въ спискѣ reprehendorum (достойныхъ публичнаго выговора). Онъ мало прилеженъ и неодобрительнаго поведенія. Былъ наказанъ два раза за дерзости ученику гимназіи Заруцкому и за буйство въ квартирѣ помощника инспектора. Правленіе, по разслѣдованіи дѣла, опредѣлило и представило о томъ попечителю: исключить изъ университета Сапожникова „въ страхъ другимъ“ и отослать его въ военную службу, а вольнаго слушателя Борисова, „яко болѣе года на лекціи въ университетъ не ходившаго, *исключить съ опубликованіемъ*“. Попечитель не согласился только на отсылку Сапожникова въ военную службу, „ибо сіе послѣднее наказаніе постановлено токмо для тѣхъ студентовъ, кои уличены будутъ въ важныхъ преступленіяхъ“. Отъ Сапожникова были отобраны всѣ казенныя вещи и книги и подтверждено ему, чтобъ онъ удовлетворилъ всѣхъ своихъ кредиторовъ (1). Если проступокъ Сапожникова можетъ быть названъ „кражею со взломомъ“, то встрѣчались и „подлоги“. Въ книгѣ о поведеніи (стр. 51 б) записанъ (29 апрѣля 1813 года) слѣдующій случай: „Его пр—ство г. попечитель приказалъ

(1) Дѣло о студентѣ Сапожниковѣ, *Правл.* 1817 г., № 134.

наказать посаженіемъ въ карцеръ на трое сутокъ младшаго студента Капитона Бутлерова (того самаго, который такъ энергически хотѣлъ отдѣлаться отъ обязательной службы по учебному вѣдомству, см. выше, стр. 460—466), *замѣченнаго въ подписываніи подъ чужую руку*". Подробностей объ этомъ однако мы не имѣемъ никакихъ.

Была подана жалоба въ правленіе университета тремя рядовыми университетской инвалидной команды на одного кандидата Филипповскаго, что онъ *билъ ихъ*, а одного изъ нихъ, Никитина—особенно, „привязывалъ къ затылку и груди горчицы съ тѣстомъ и прикладывалъ къ головѣ снѣгу". Какимъ образомъ правленіе записало эту жалобу (можетъ быть со стороны Филипповскаго это была медицинская помощь)—мы не знаемъ, производства по дѣлу не было никакого, и давалъ ли какое-либо объясненіе Филипповскій правленію—неизвѣстно (1).

Свіяжскій городничій, въ отношеніи своемъ въ правленіе университета, 22 іюня 1818 года № 609, сообщаетъ: „Сего іюня 22 числа свіяжскій земскій исправникъ г. капитанъ и кавалеръ Есиповъ и помощникъ Лазаревъ словесно принесли мнѣ жалобу, что пришедши къ нему, г. Есипову въ домъ, называющійся *якобы* Казанскаго университета студентъ Петръ Рѣшетниковъ *въ пьяномъ видѣ* и требовалъ отъ него, Есипова, какого-то билета дворовому человѣку, для торгу на ярмаркѣ въ селѣ Утяковѣ, неприличнымъ образомъ называя себя *офицеромъ* (2), и сверхъ сего обидѣлъ ихъ непристойными словами, въ ихъ домѣ, и даже при мнѣ кричалъ съ азартомъ". За это и за неимѣніе вида, онъ былъ взятъ въ полицію и оттуда отосланъ въ университетъ. Высидѣлъ два дни въ карцерѣ (1).

Лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ жалуется ректору университета на живущаго у него въ домѣ (Лейтеръ содержалъ пансіонъ) студента Рейнсдорфа, что онъ кричалъ на него. Дѣло началось изъ простой шалости студента. Въ пансіонѣ Лейтера воспитывались сыновья генералъ-маіора Рылѣева и Рейнсдорфъ часто игралъ съ ними. Разъ онъ, играя, схватилъ ихъ за уши. Мальчики вырвались и побѣжали отъ

---

(1) Дѣло о битіи кандидатомъ Филипповскимъ инвалидовъ Никитина, Макарова и Петрова. *Правл* 1818 г. № 35.

(2) Дѣло о дурныхъ поступкахъ студента Рѣшетникова, учиненныхъ въ городѣ Свіяжскѣ. *Правл.*, 1818 г. № 96

него и уронили столъ со свѣчею на полъ. Прѣзжей дѣлка ихъ вступился за дѣтей и вѣроятно очень рѣзко, такъ что студентъ обидѣлся, сталъ ругать дѣлку и хотѣлъ даже бить, еслибъ не удержалъ его Лейторъ. „Вы всегда вступаетесь за дядекъ, а не учениковъ или студентовъ“—упрекнулъ онъ Лейтера. Тотъ началъ указывать на его проступки, припомнилъ, какъ онъ 22 октября, *напившись до пьяна* въ трактирѣ со студентомъ Араповымъ, пришелъ домой въ пьяномъ видѣ. Рейнсдорфъ сталъ кричать на Лейтера: „Какъ ты смѣешь это говорить мнѣ? Я благородный человѣкъ“! Рейнсдорфъ былъ вызванъ въ правленіе для допросовъ, по чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно (1).

Казанская полиція отнеслась (5 декабря 1817 года, № 7106) въ правленіе университета: „Вдова, *написавшаяся изъ дворянъ* (?), *иностранка* (?) Катерина Васильева по мужѣ Рыщева, въ объявленіи, поданномъ въ полицію, пишетъ „25 ноября, во время бывшаго пожара, пріѣхавъ къ ней въ домъ, состоящій на Односторонкѣ у Ѳедоровскаго монастыря, на ямской лошади, по примѣтамъ ея, здѣшняго университета студенты три человѣка, и изъ коихъ она якобы признала (но не объясняя почему именно) по фамиліи Уфимцева, другаго Баранова, и послѣдній—ей неизвѣстный, безъ всякой причины причинили ей ругательство, выбивъ въ трехъ окнахъ, съ поломаніемъ рамъ, стекла, и *унесли грабительски* стоющую 70 рублей гитару, убранную бармаутовыми (?) костями (не перламутромъ ли?), два платка гарнитуровыхъ, стоющихъ 20 рублей и шаль кунавинскую, красную, въ 35 рублей“ Полиція проситъ правленіе допустить къ обыску поличнаго частнаго пристава Хлѣбникова при чиновникѣ университета. Для изслѣдованія назначенъ былъ синдикъ университета Юпаковъ, но изслѣдованія не было и дѣло было пріостановлено вѣроятно за примиреніемъ. Впрочемъ такихъ исторій, какая была въ домѣ „иностранки Рыщевой“, въ тѣ годы, да и долго потомъ, до усиленія бдительности полиціи и до дѣятельности мироваго суда, было не мало. Онѣ ставились въ особую честь студентамъ; ими гордились какъ молодечествомъ (2).

---

(1) Дѣло о причиненной обидѣ студентомъ Рейнсдорфомъ лектору Лейтеру *Правд.* 1818 г, № 150.

(2) Дѣло по жалобѣ иностранки Рыщевой на студентовъ Уфимцева, Баранова и третьяго неизвѣстнаго о причиненныхъ ими въ домѣ ея буйственныхъ поступкахъ и грабительствахъ. *Правд* 1817 г. № 125

Броннеръ зачислялъ въ своемъ журналѣ и такія нравственныя уклоненія, о которыхъ говорятъ только при „закрытыхъ дверяхъ“. Безъ сомнѣнія привычка къ нимъ пріобрѣтена была въ гимназіи (1), гдѣ она существовала долго —Уваженіе къ женщинѣ, отличающее культурнаго въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова человѣка отъ дикаря, не составляло достоинства тогдашняго казанскаго студента. Доказательства тому мы найдемъ въ архивныхъ дѣлахъ.

„Вчера (12 марта 1816 года), въ 9 часовъ вечера“, пишетъ по латыни Броннеръ въ донесеніи своемъ въ правленіе, „прибѣжала ко мнѣ молодая служанка профессора Брейтенбаха (она уже два раза встрѣчалась въ этой книгѣ, какъ предметъ ухаживаній студентовъ), въ слезахъ и горько рыдая, съ жалобою, что два какіе-то студента, когда она вышла изъ дому за покупками, нагло пристали къ ней и хватали ее, но когда она стала сопротивляться (cumque eorum tactus ferre nollet), они стали бить ее и таскать за волосы. Быстро обойдя всѣ студенческія комнаты, я нашелъ вездѣ тишину и всѣхъ по мѣстамъ. *Нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ пьянства.* Попросивъ жену Брейтенбаха помочь мнѣ и быть переводчицею, я распросилъ дѣвушку о наружныхъ примѣтахъ драчуновъ. По словамъ ея, оба были высокаго роста: одинъ одѣтъ въ сюртукъ; русые волосы у обоихъ; носы длинные; имена ихъ она не знаетъ“. Виновные не были найдены и только впослѣдствіи открылось, что это были Соловьевъ и Уфимцевъ, герои

---

(1) «Observavi (15 sept. 1814 г) cum non exiguo animi dolore, D-um Tchcheise commilitonis sui de-Roberti in amplexu haerentem, manum versus virilia hujus juvenis dirigere Dissiluerunt me videntes, sed retro tergum meum subridendo jocati sunt, cum pertransissem Severe dein eos redargui, atque D-um Tchcheise separavi a de-Roberti camera».. (стр 56 а)... «Cubilia visitans (12 февр 1816 г), et in cameram domus Tenischew intrans, reperi D-um Иванъ Базилевъ et D Ардашевъ lecto decumbentes una, ita ut unus alterum inhoneste tangere videretur, multis cum petulantiis et clamitationibus, ceteris aspicientibus Omnes vehementer reprehendi Ardaschew jam altera vice reus Citavi Ardaschew' um. cum consortio mensae in camera Tenischew semper abesse jussi. dedi dies 3 ad aliam mensam quaerendam, accessum postea omnem prohibui, et comminatus sum, si tertio peccaverit, ipsum fore remotum in scholam circularem longe dissitam Весьма жаль (переводимъ дальше), что такой даровитый молодой человѣкъ погибаетъ даромъ, что для сохраненія отъ соблазна нравственности прочихъ, жертва необходима, а въ его власти или образумиться или погибнуть» . (стр 78 а). «Reperi (17 апр 1816 г) studiosum Levitsky in camera II penes Ardaschew in propinquo lecto decumbentem» (стр. 80 а) etc Изъ инспекторовъ описываемаго нами времени одинъ только Броннеръ замѣтилъ эти явленія и преслѣдовалъ ихъ.

весьма громкой исторіи, довольно долго занимавшей и горолъ, такъ какъ потерпѣвшія принадлежали къ высшему казанскому обществу, и университетское начальство, не зная какъ поступить само во всей этой исторіи, которая дошла во многихъ своихъ подробностяхъ до свѣдѣнія петербургской власти. Передадимъ ее по документамъ и по разсказу Броннера (1).

Не прошло и часу по возвращеніи Броннера съ поисковъ за обидчиками горничной Брейтенбаха, какъ уже самъ Брейтенбахъ, въ 10 часовъ вечера, приводитъ къ нему чьего-то лакея со вздутою щекою (gena intumescente) и передаетъ ему, что двѣ благородныя дѣвицы (одна изъ нихъ Попова), ѣхавшія въ саняхъ со своимъ слугою и кучеромъ, были остановлены среди улицы двумя пьяными студентами, напуганы нападеніемъ ихъ на слугу и на кучера, а слуга осыпанъ пощечинами, выброшенъ изъ саней (traha) и избитъ. Дѣвушки побѣжали, громко крича о помощи, къ Брейтенбаху (онъ жилъ на казенной квартирѣ, въ типографскомъ домѣ, гдѣ нынѣ клиника). Увидѣвъ это, студенты, оставя въ покоѣ и слугу и кучера, убѣжали, но слуга, преслѣдуя ихъ, замѣтилъ, какъ они вошли въ главныя двери университетскаго зданія. Убѣдившись, что ихъ замѣтили и за ними гонятся, студенты снова выскочили, сами крича „караулъ"! (vigilias urbis inclamantes ipsi), чтобы побудить караульщиковъ или стражу задержать преслѣдующаго ихъ лакея барышенъ („это достаточно показываетъ, что они не совсѣмъ были пьяны"—замѣчаетъ Броннеръ). Тѣмъ не менѣе, настигаемые слугою, они подбѣжали къ окошку комнаты, гдѣ живетъ студентъ Поповъ, и одинъ изъ преслѣдуемыхъ, ударившись головою въ окно, разбилъ стекло, и оба они влѣзли одинъ за другимъ въ окно спальни, призывая студентовъ-товарищей на помощь.

На услышанный шумъ въ зданіи университета прибѣжалъ помощникъ инспектора Востоковъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ позвалъ экзекутора. Между тѣмъ Броннеръ и Брейтенбахъ, вмѣстѣ съ лакеемъ, обошли всѣ камеры, отыскивая виновниковъ буйства; тамъ не было ихъ, и только въ кухнѣ Востокова, прибѣжавшаго на шумъ, нашли студента Соловьева, лежавшаго въ постели (остается открытымъ вопросъ: зналъ ли

(1) Дѣло о причиненіи студентомъ *Соловьевымъ* и вольнымъ слушателемъ *Уфимцевымъ* дѣвицамъ *Поповой* и *Глуховой* обиды *Сов* 1817 г № 94.

уже Востоковъ о своемъ гостѣ, или Соловьевъ спрятался въ его кухнѣ въ то время, когда Востоковъ вышелъ на шумъ). Соловьевъ лежалъ пьяный, съ распухшимъ, багроваго цвѣта лицомъ, щеки были изрѣзаны (разбитымъ стекломъ) и въ крови. Броннеръ немедленно распорядился взять его подъ арестъ. Запертый въ карцеръ, онъ неистово кричалъ и вопилъ, стучалъ въ дверь кулаками, топалъ ногами, страшнымъ воемъ, ругательствами и проклятіями проявляя свое бѣшенство

Когда уводили Соловьева, выскочилъ откуда-то и побѣжалъ товарищъ его; онъ былъ замѣченъ, но за темнотою нельзя было узнать навѣрное въ лицо бѣгущаго. Востоковъ и экзекуторъ утверждали, что это былъ Уфимцевъ, но напрасно искали его вездѣ въ университетскомъ зданіи: его и слѣдъ простылъ. Была осмотрѣна та комната, въ которой жилъ Поповъ и гдѣ было разбито окно. На другой день къ инспектору Броннеру пришли Востоковъ и Уфимцевъ Этотъ послѣдній совпался и спрашивалъ: что съ нимъ будетъ. Броннеръ приказалъ ему идти подъ арестъ и о всемъ событіи представилъ подробный рапортъ правленію университета. Съ своей стороны и обиженныя барышни подали жалобу. Правленіе постановило: допросить всѣхъ свидѣтелей въ своемъ присутствіи и совершенно формальнымъ образомъ, подъ присягою

Первымъ свидѣтелемъ явился Яковъ Андреевъ, дворовый человѣкъ покойнаго статскаго совѣтника А. Р Попова, доставшійся по раздѣлу внучкѣ его, Попова, дѣвицѣ Маргаритѣ, дочери артиллеріи полковника Василія Алексѣевича Глухова (онъ былъ командиромъ казанскаго пороховаго завода). Онъ разсказалъ, что 12 марта, часу въ 9 вечера, ѣхалъ онъ съ госпожею своею и съ дѣвицею Анною Александровною Поповою (теткою Глуховой) мимо университетскихъ зданій *въ открытыхъ саняхъ*, парою и, на спускѣ подъ гору къ Кузнечному ряду (нынѣ: мимо университетской клиники на Николаевскую площадь), встрѣтили двухъ весьма пьяныхъ студентовъ (оказались потомъ они Соловьевымъ и Уфимцевымъ), которые, на крикъ ихъ кучера: *пади! начали ругаться скверно-матерными словами* и когда онъ, Андреевъ, сталъ ихъ уговаривать, что неприлично имъ такъ дерзко вести себя въ присутствіи двухъ благородныхъ дѣвицъ, *то они ударили его въ щеку и начали бить*, отъ чего подшибли ему глазъ до багроваго знака. При этомъ одинъ изъ студентовъ ударилъ и госпожу его Маргариту Васильевну *въ лицо* такъ сильно,

что она отъ того сдѣлалась больною Послѣ сего показанные студенты побѣжали на типографскій дворъ, гдѣ онъ. Андреевъ, дожидался ихъ. Въ скоромъ времени они вышли оттуда, хотѣли его снова бить, но онъ, спасаясь отъ нихъ, бѣжалъ и оглядываясь, примѣчалъ ихъ движенія Не найдя его, Андреева, студенты побѣжали на главное крыльцо университетскаго корпуса, гдѣ начали бить нижнія онаго корпуса окошки, гдѣ живутъ студенты, и кричали „караулъ"; одинъ влѣзъ въ окно, а другой убѣжалъ во дворъ.

Нѣсколько иначе объясняетъ это происшествіе въ своемъ рапортѣ Востоковъ, представляя нѣкоторыя неизвѣстныя подробности. По его разсказу въ то же время, т. е. въ 10 ч. вечера того дня, прибѣгаетъ къ нему кандидатъ Чашковъ и передастъ, что у нихъ въ комнатѣ первое съ улицы окошко кѣмъ-то разбито Увѣдомивъ объ этомъ экзекутора, онъ пошелъ въ комнату съ разбитымъ окномъ, но ничего не могъ узнать. Только что успѣлъ онъ возвратиться въ свои комнаты, какъ вбѣгаетъ къ нему солдатъ Филипповъ, говоря, что еще бьютъ окна въ студенческихъ камерахъ „Я тотчасъ выбѣгаю къ часовому, кричу чтобъ онъ скорѣе смотрѣлъ, и, если можно, схватилъ бы тѣхъ, кто бьетъ окна"—пишетъ Востоковъ. „Потомъ иду въ тѣ камеры, гдѣ разбили окошки и *вижу пролъзающаго сквозь разбитыя* оконницы студента Соловьева (выше, мы видѣли, что когда Броннеръ и Брейтенбахъ искали по всему университету виновныхъ и нашли Соловьева въ его кухнѣ, Броннеру не было извѣстно, что его помощникъ видѣлъ его въ разбитомъ окнѣ). „На вопросъ мой:—что это значитъ? Соловьевъ прося помощи отъ меня, сказалъ мнѣ, что его били и преслѣдовали какой-то Мансаръ съ какими-то людьми Я, тотчасъ же, отсылая его къ экзекутору, вхожу въ свои комнаты, чтобы взять шапку и верхнюю одежду и идти лично дать о семъ знать экзекутору и немедленно извѣстить г. профессора-инспектора Броннера. Въ эту минуту входитъ ко мнѣ означенный студентъ Соловьевъ, требуя отъ меня вторично той же помощи. Лицо у него и руки были въ крови, а губа разбита. Кровь на немъ была отъ того, что разбивши окошко, пролѣзъ сквозь оное, а губа разбита вѣроятно (?) отъ преслѣдовавшихъ его. За нимъ входитъ другой студентъ, г. Уфимцевъ, который, какъ я примѣтилъ, былъ гораздо трезвѣе Соловьева. Онъ сего послѣдняго началъ успокоивать, внушая ему, что таковой искъ (?) можетъ онъ отложить до утра, и

беретъ его отъ меня изъ комнаты. Послѣ я взялъ экзекутора и вмѣстѣ шли въ камеру съ разбитыми окнами и на крыльцѣ, что къ университетскому правленію, увидали уже профессора-инспектора и профессора Брейтенбаха и что потомъ было—объ этомъ больше можетъ разсказать проф Бронперъ. Впрочемъ долгомъ почитаю извѣстить, что въ эти же самыя минуты г. профессоръ-инспекторъ, я и проф. Брейтенбахъ и съ экзекуторомъ обошли всѣ студенческія комнаты и нашли всѣхъ внутрь университета живущихъ студентовъ *въ должномъ порядкѣ, но никакихъ признаковъ пьянства не было*".

Главный виновникъ Дмитрій Соловьевъ (18 лѣтъ, род. въ Симбирскѣ, сынъ отставнаго титулярнаго совѣтника) показалъ, что весь день до вечера онъ провелъ съ товарищемъ Уфимцевымъ, въ восьмомъ часу были въ студенческихъ комнатахъ и оттуда пошли на квартиру къ нему, Соловьеву, а потомъ онъ, Соловьевъ, пошелъ обратно провожать Уфимцева въ университетъ. Когда спускались они съ Лецкой горы къ университету, сани, запряженныя парою лошадей, наѣхали на нихъ сзади и такъ сильно толкнули его, что онъ упалъ. Вставши, онъ будто бы остановилъ лошадей и сказалъ кучеру и лакею, что онъ возьметъ ихъ на „съѣзжую". За это оба они стали его ругать и одинъ изъ нихъ сшибъ Соловьева съ ногъ и, удерживая его, Соловьевъ уронилъ его на себя. За тѣмъ прибѣжалъ другой и оба начали бить Соловьева. Успѣвши вырваться отъ нихъ, онъ побѣжалъ на типографскій дворъ, а слѣдомъ за нимъ и Уфимцевъ. Оба спрятались въ передней комнатѣ больницы, гдѣ никого не было, или Соловьевъ, по темнотѣ, какъ замѣчаетъ онъ самъ, примѣтить никого не могъ. Когда вышли они изъ больницы, то услышали крики: „вотъ они! держи"! Это заставило ихъ, ища спасенія, побѣжать къ парадному университетскому крыльцу, но оно было заперто и Соловьевъ сталъ стучать въ студенческія окна, крича, чтобы товарищи выслали солдата посмотрѣть (?) кто за ними гонится. Не дождавшись никого, Соловьевъ выбилъ оконницу и влѣзъ въ комнату, гдѣ живетъ студентъ Поповъ.

Показаніе Уфимцева (сынъ пермскаго 2-й гильдіи купца, 20 лѣтъ) разнится отъ показаній его товарища. Изъ него видно, что на квартирѣ Соловьева они *пили бѣлое вино и пуншъ*. Пристяжная лошадь сшибла съ ногъ Соловьева, за что онъ ругалъ кучера матерно, а *лошадей не останавливалъ*. Тогда лакей и кучеръ (?) соскочили съ своихъ мѣстъ и на-

нали на Соловьева. Опъ. Уфимцевъ. вступился Соловьева. но кучера и лакея не билъ и къ самимъ обо они не подходилъ. Вырвавшись. оба они вмѣстѣ вошли въ комнаты больницы. *гдѣ Соловьевъ умылся водой, поданной ему сторожемъ, ибо былъ огонь* Вышли они на типографскій дворъ, гдѣ увидѣли бѣгущихъ по улицѣ людей: *бросились къ народному крыльцу.* Уфимцевъ вбѣжалъ на университетскій дворъ. въ студенческія комнаты. а потомъ на квартиру свою, у бухгалтера

Одновременно съ донесеніемъ Брокнера о происшествіи, въ правленіе университета поступила также и *жалоба обывательницъ*. Поповой и Глуховой. Такъ какъ правленіе было тогда судебной инстанціей, то жалоба была формальная. по пунктамъ. на гербовой бумагѣ и подана на Высочайшее имя. Она повторяла показаніе служителя Андреева, съ нѣкоторыми новыми подробностями:

«Встрѣтились съ нами, *объѣзжая квартиры по должности*, одна чиновница и два обывателя. *которые учинили намъ* они *ругательными и непотребными словами, коихъ и произнесть здѣсь неудобно* Хотя человѣкъ Андреевъ и старался о удержаніи ихъ отъ такового грубо и ругательно произносимыхъ словъ, при насъ будучи благородныхъ дѣвицахъ уговаривать ихъ очи, вмѣсто наблюденія благопристойности, начали его. Андреева билъ отчего большибли глазъ, да изъ нихъ *меня, Маріанны въ тотъ время плачущи по лицу только сильно*. что я отъ того и отъ нанесеннаго мнѣ страху, сдѣлалась больною —Когда встрѣтившійся съ нами танцмейстеръ Маисаръ (1) упрошенъ былъ мною, Анною, остановиться и дать записку. то онъ. поговоря съ ними. какъ видно ему людьми извѣстными, тогда одинъ изъ кучера ударилъ (2). отчего Маисаръ отъ насъ уѣхалъ, а они побѣжали на типографскій дворъ далѣе они увидали Андреева и хотѣли снова его бить но онъ скрылся, примѣчая всѣ ихъ движенія и поступки, *съ произнесеніемъ словъ сожалѣнія. что не удалось и оными барышнь хотѣли дать изрядной пощечины*» (Далѣе въ прошеніи излагается тоже, что и въ приведенныхъ имъ показаніяхъ и все заключается просьбою поступить съ виновными студентами «по законамъ»)

Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ въ правленіи новый допросъ студентовъ. которые теперь противорѣчили въ своихъ показаніяхъ и обвиняли другъ друга. Сначала Уфимцевъ повторялъ прежнія свои показанія. но за тѣмъ прибавилъ: „Въ это время проѣзжалъ танцмейстеръ Маисаръ. Кучеръ пересталъ бить Соловьева, который жаловался Маисару на кучера

(1) Это былъ французъ, подававшій въ томъ же 1817 году прошеніе въ совѣтъ университета, объ учиненіи ему экзамена въ фехтовальномъ и танцовальномъ искусствѣ и о снабженіи его свидѣтельствомъ съ дозволеніемъ давать уроки.

и показывалъ боевые знаки и кровь, а когда Мансаръ оставилъ ихъ, то Соловьевъ подбѣжалъ къ санямъ, *ударилъ по лицу Маргариту Васильеву*, и оба они, какъ въ первомъ допросѣ показано, побѣжали въ типографскій домъ. Изъ за рѣшетки видѣли они бѣгущихъ за ними *людей Попова* (?) и старались отъ нихъ убѣжать. Самъ онъ дѣвицу не билъ въ лицо и *не говорилъ о другой барышнѣ* (себя опъ выгораживаетъ), и удерживалъ Соловьева. Послѣдній, съ своей стороны, опровергалъ показаніе товарища, что ударилъ дѣвицу Маргариту; видѣлъ Мансара, но что съ нимъ говорилъ—не помнитъ.—Послѣ всѣхъ давалъ показаніе танцмейстеръ французъ Мансаръ подъ присягою По его словамъ онъ видѣлъ не двухъ, а одну только неизвѣстную ему госпожу, которая сказала, что она обижена какими-то уходившими впередъ къ университету людьми ругательствомъ и побойствомъ и просила оказать ей защиту. Мансаръ подъѣхалъ къ неизвѣстнымъ людямъ, увидѣлъ, что ихъ было четверо, и хотѣлъ съ ними говорить. Одинъ изъ четырехъ, *избитый и въ крови*, называя меня по имени и отчеству, сказалъ о себѣ, что онъ студентъ университета Соловьевъ. Когда я симъ четыремъ говорилъ, что имъ стыдно драться и особенно обижать женскій полъ, то изъ числа оныхъ одинъ кучера моего ударилъ по шапкѣ Кто онъ былъ—не знаю По словамъ госпожи двое было дворовыхъ людей ея. „Во избѣжаніе худаго послѣдствія“, Мансаръ сѣлъ въ сани и велѣлъ кучеру ѣхать домой. Слышалъ только сзади голосъ. „*Колотите! колотите его!*“ По темнотѣ—были ли пьяны имъ встрѣченные,—замѣтить не могъ.

То чисто формальное судопроизводство, съ подборомъ разныхъ уликъ и доказательствъ, со ссылками на самыя разнообразнѣйшія узаконенія, мало знакомыя кому-либо и едвали примѣнимыя къ студентамъ, не могло дать яснаго и сознательнаго убѣжденія въ правотѣ или виновности тѣхъ, которые подлежали суду. Оно пріучало и студентовъ къ увертками и хитростямъ, и никакъ не могло способствовать къ укорененію въ нихъ нравственныхъ убѣжденій, не приводило ихъ къ сознанію несправедливости ихъ дѣйствій. Опредѣленіе правленія по дѣлу состояло въ слѣдующемъ:

«1) Правленіе пришло къ убѣжденію, что *драка* происходила между студентомъ Соловьевымъ и дворовыми людьми *обоюдная*, при которой дворовому человѣку Андрееву подшибенъ глазъ до багроваго пятна, а студенту Соловьеву разбито было лицо, почему оба они, по узаконенію въ *Морскомъ*

уставъ (точно произшедшее случилось на кораблѣ), 5 книги, главы XIII въ 96 пунктѣ толкованію изображенному и по Указу 1732 года, января 3 дня подлежать наказанію

«2) Госпожи дѣвицы Попова и Глухова жалобы своей о причиненной обидѣ имъ *словесныя* произнесеніемъ студентомъ Соловьевымъ обще съ Ефимцевымъ непотребныхъ, дерзкихъ и ругательныхъ словъ а дѣвицѣ Глуховой въ начесенномъ ей по лицу сильномъ ударѣ жалобы Ефимцевымъ, по узаконенію, изображенному въ процессахъ—во 2 части, въ отдѣленіи 2-мъ, не доказали, изъ прошенія же ихъ видно, что онѣ, дѣвицы, обоихъ студентовъ не знали и что Ефимцевъ ударилъ дѣвицу Глухову сіе написано ими, какъ видно съ показанія дворовaго человѣка Андреева, которое показаніе подвержено не малому сомнѣнію ибо когда онъ Андреевъ въ правленіи, въ присутствіи Ефимцева, спрошенъ былъ: можетъ ли онъ узнать того, кто причинилъ ударъ господѣ его, отозвался, что за темнотою узнать ихъ не могъ; когда же призванъ былъ Соловьевъ, то онъ показалъ, что Соловьевъ ударилъ его, а Ефимцевъ господу его Напротивъ сего Ефимцевъ показалъ что ни онъ, ни Соловьевъ къ санямъ не подходили, а потомъ, противъ прошенія господъ дѣвицъ утверждалъ онъ, Ефимцевъ, что Соловьевъ, подбѣжавъ къ санямъ ударилъ дѣвицу Глухову по лицу но Соловьевъ, отрекаясь отъ того показалъ ударилъ ли кто ее, Глухову не знаетъ Но сіи разнообразныя показанія ихъ, *безъ посторонняхъ* ихъ равно и показаніе о семъ дворовaго человѣка Андреева, за силою процессовъ главы 3, о свидѣтеляхъ, отдѣленій 12 и 15-й, за основаніе принять не можно — *Приказали*: 1) Какъ госпожи дѣвицы Анна Попова и Маргарита Глухова, въ обидѣ студентомъ Соловьевымъ и вольнымъ слушателемъ Ефимцевымъ произнесеніемъ ругательныхъ словъ на счетъ оскорбленія чести ихъ и въ причиненномъ дѣвицѣ Глуховой по лицу ударѣ, жалобы своей, сообразно вышеприписаннымъ узаконеніямъ, не доказали, то правленіе ихъ, Соловьева и Ефимцева, за силою узаконенія въ Наказѣ о составленіи проекта новаго уложенія, главы X, отдѣленія 189, обвинить въ томъ не можетъ, почему, на основаніи Высочайшаго манифеста, состоявшагося 1787 года апрѣля 21 дня, предоставить имъ, дѣвицамъ Поповой и Глуховой, *просить о семъ съ доказательствами и законными* узаконеннымъ порядкомъ гдѣ слѣдуетъ —2) А какъ студентъ Соловьевъ и вольный слушатель Ефимцевъ, въ противность даннымъ имъ правиламъ, п. 8, будучи въ нетрезвомъ видѣ, буйными своими поступками нарушили благопристойность и сдѣлали прочимъ соблазнъ и безпокойство, то за таковые ихъ поступки оштрафовать, на основаніи § 151 устава *содержаніемъ въ карцерѣ четырнадцать дней*, потомъ *обязать ихъ подпискою*, чтобы они впредь отъ таковыхъ предосудительныхъ поступковъ, а паче пьянства воздерживались, подъ опасеніемъ предания ихъ суду гражданскому, на основаніи § 154 устава Копія съ постановленія выдана была дѣвицамъ 11 мая 1817 года.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что обиженныя дѣвицы остались недовольны судомъ правленія. Самый фактъ грубаго оскорбленія отрицался; требуемыхъ уликъ и доказательствъ, не смотря на указаніе одного изъ участниковъ, у нихъ не было. Вѣроятно по желанію родныхъ онѣ рѣшились жаловаться на правленіе высшей власти. Ихъ повѣренный, коллежскій секретарь Петровъ, представилъ въ правленіе формальную довѣренность дѣвицъ и просилъ выдать ему копію съ рѣшенія. Довѣренному поручалось заявить неудовольствіе, если дѣло рѣшено не въ пользу обиженныхъ и жаловаться

на правленіе въ совѣтъ. Такая апелляція была узаконена § 153 устава университетскаго (1). Но потерпѣвшія очевидно не знали объ осьмидневномъ срокѣ для этой апелляціи и не воспользовались имъ; рѣшеніе правленія вошло въ законную силу. Тогда обѣ обиженныя дѣвицы обратились съ письменною жалобою къ министру народнаго просвѣщенія князю Голицыну и просили допустить ихъ къ апелляціи въ совѣтъ. Въ засѣданіи совѣта 1 августа и заслушано было отношеніе министра къ попечителю округа о дозволеніи дѣвицамъ апелляціи на рѣшеніе правленія. Министръ находилъ, что къ оправданію студентовъ нѣтъ ни малѣйшаго повода, какъ рѣшило и само правленіе и *домашнее наказаніе*, опредѣленное правленіемъ (двухнедѣльный карцеръ), не удовлетворяетъ обиды, и что дѣвицамъ слѣдуетъ предоставить просимую имъ апелляцію. Это рѣшеніе министра было, предварительно слушанія его въ совѣтѣ, объявлено полицейскимъ обиженнымъ, но повѣренный ихъ и теперь пропустилъ срокъ. Между тѣмъ обвиняемые Соловьевъ и Уфимцевъ уже въ началѣ іюля кончили трехгодичный курсъ и подали прошенія объ увольненіи изъ университета, почему совѣтъ, имѣя въ виду пропущенный для апелляціи срокъ, увѣдомилъ правленіе, что для увольненія ихъ изъ университета препятствій болѣе нѣтъ. На томъ же основаніи совѣтъ возвратилъ довѣренному дѣвицъ Поповой и Глуховой Петрову обратно его апелляціонную жалобу, ссылаясь на то, что прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ со дня постановленія правленія, что студенты между тѣмъ кончили курсъ и уволены изъ университета, а потому совѣтъ предоставляетъ дѣвицамъ, „буде онѣ недовольны рѣшеніемъ, искать въ томъ судебномъ мѣстѣ, кому подвѣдомы стали вышедшіе изъ университета студенты“.

О рѣшеніи совѣта попечитель донесъ министру. Исправлявшій тогда его должность Козодавлевъ (18 окт. 1817 г. № 3097) въ письмѣ къ Салтыкову высказывалъ неудовольствіе, что совѣтъ, не смотря на предписаніе князя Голицына, не допустилъ до апелляціи дѣвицъ, которыя два раза приносили жалобу, доказывая, что срокъ для апелляціи прошелъ

---

(1) «По всѣмъ прочимъ дѣламъ тяжущіеся, получивъ по своему желанію копію съ объявленнаго правленіемъ опредѣленія, ежели недовольны рѣшеніемъ, имѣютъ право взносить апелляцію въ университетскій совѣтъ, *не позже осьми дней* со дня объявленія рѣшенія, и въ такомъ случаѣ исполненіе по опредѣленію правленія отлагается до рѣшенія совѣта.»

не по их упущению, а вследствие местности переписки Козодавлев был на их стороне. „К тому же не показывает беспристрастия", писал он, „со стороны правления и то обстоятельство, что во время сих переписок студенты Соловьев и волный слушатели Уфимцев уволены из университета. По всем сим причинам не остается ничего иного делать теперь, как поставить на вид университету, что таковое уклонение от исполнения предписаний начальства предосудительно в порядке службы и *не делает чести университету*". Козодавлев просит то утвердить об исполнении предписания князя Голицына и его о том уведомить. *Но просительницы в противном случае будут иметь право принести свою жалобу* высшему правительству на начальство университетское. И Салтыков, со своей стороны, находил увольнение студентов не испросив на то разрешения у высшего начальства, *неосторожным*. Это „не приносит ни малейшей чести совету", писал он, „навлекает порицание целому заведению и впредь может навлечь весьма неприятные последствия" (23 окт. № 191).

Вследствие этих начальственных настоянй совет сообщил в ноябре гвардейскому губернскому правлению объявить девицам Глуховой и Поповой, что они могут подать апелляционную жалобу. Дело девиц совет рассматривал только в марте 1818 года и по разсмотрении нашел: „1) что просительницы Глухова и Попова поданною ныне своею жалобою отыскивают свою обиду *уголовным судом*, сообразялся же со статьею 154 устава, совету не присвоено права уголовнаго суда; 2) что Соловьев и Уфимцев уже выбыли из университета, и первый, как чиновник, а второй, как состоящий в отставке, не подлежат ведомству университета, на основании же указа 1723 года, апреля 30 дня, подтвержденнаго и другими законами, повелено просить в тех местах, где чиновники в ведомстве состоят, совет, по приведенным узаконениям, не осмеливаясь без разрешения высшаго начальства приступить к производству уголовнаго суда надъ лицами, университету неподведомыми, просить на сей предмет разрешения попечителя" (28 марта, № 132).

Совет для удовлетворительнаго решения дела обиженных девиц нашел со своей стороны еще юридическое препятствие: „По общим законам члены того судилища, из котораго дело по апелляции внесено в высшую инстанцию,

не могутъ участвовать во вторичномъ разсмотрѣніи того дѣла, почему г. ректору и членамъ правленія не слѣдовало бы присутствовать въ совѣтѣ при разборѣ апелляціонныхъ дѣлъ, но какъ о семъ въ уставѣ Казанскаго университета нѣтъ предписаній, а въ ст 47 сказано, что никакое опредѣленіе совѣта не дѣйствительно, если сдѣлано въ отсутствіе ректора, то совѣтъ онаго удалить его безъ разрѣшенія начальства не почитаетъ себя въ правѣ Въ уставѣ же Дерптскаго университета предписано удалять членовъ правленія въ такомъ случаѣ, выбравъ одного изъ членовъ совѣта предсѣдателемъ собраній совѣта, имѣющихъ предметомъ разборъ апелляціонныхъ дѣлъ (слѣдовательно уставъ Дерптскаго университета составленъ болѣе обдуманно и въ немъ нѣтъ указаннаго противорѣчія), почему совѣтъ просилъ соизволенія попечителя руководствоваться въ дѣлахъ апелляціонныхъ правилами, изображенными о семъ предметѣ въ уставѣ Дерптскаго университета Попечитель на это представленіе разрѣшилъ совѣту объявить дѣвицамъ, чтобы онѣ просили на обидѣвшихъ ихъ студентовъ тамъ, гдѣ они находятся. О примѣненіи же устава Дерптскаго университета къ дѣламъ апелляціоннымъ Салтыковъ представилъ министру. Вопросъ этотъ разсматривался въ главномъ правленіи училищъ, но былъ рѣшенъ отрицательно, чтобы не усиливать формальной стороны судопроизводства.

Приведенныхъ нами примѣровъ и случаевъ изъ жизни казанскаго студенчества думаемъ весьма достаточно для того, чтобы читатель составилъ себѣ опредѣленное представленіе о нравахъ студентовъ за описываемые нами годы Много темнаго, грубо-невѣжественнаго найдемъ мы въ этихъ нравахъ. Слабость или порокъ пьянства встрѣчается на каждомъ шагу. Подъ вліяніемъ вина мы видимъ забвеніе самыхъ элементарныхъ нравственныхъ понятій. Передъ нами среда, почти вовсе нетронутая умственнымъ развитіемъ и не сознающая его надобности, но уже признающая права, которыя даются за пребываніе въ университетѣ и наивно гордящаяся ими или своимъ происхожденіемъ, свободою или вольностью, предоставленною дворянамъ указомъ императора Петра III. „Смѣешь ты, такой-сякой, разговаривать со мною такимъ образомъ: я сынъ полковника“, говоритъ одинъ студентъ; „я офицеръ!“ —хвалится другой. Араповъ бьетъ палкой на лекціи студента

Севрюгина, говоря, что онъ иначе воспитанъ и не хочетъ слушать такихъ замѣчаній отъ „купца“ и проч. Все это были наслѣдственные недостатки, все это было отраженіемъ жизни, окружавшей студентовъ, которой они безсознательно подчинялись и дурныя стороны которой разглядѣть не могли. Что могло пересоздать этихъ юношей, такъ чтобъ отъ этихъ поколѣній остался сколько-нибудь прочный слѣдъ въ исторіи страны? На вопросъ этотъ трудно отвѣчать удовлетворительно. Мы увѣрены, что коренной недостатокъ этихъ юношей былъ недостатокъ умственнаго развитія, невѣжество, которое были не въ состояніи излѣчить ни приготовлявшая ихъ къ университету гимназія, ни высшее преподаваніе его. Образованіе, наука, умъ никому не нужны были въ окружающемъ студентовъ обществѣ; подъ отеческой кровлей въ нихъ не зарождалось никакихъ желаній лучшаго, никакихъ сколько-нибудь благородныхъ стремленій. Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, не существовало еще того сильнаго стимула, который создался въ самое послѣднее время, когда всеобщее оскудѣніе и бѣдность поневолѣ заставляютъ прибѣгать къ знанію, какъ къ средству, могущему спасти отъ голода Ощущенія голода въ описываемое нами время не могло быть; средства давались легко, даже незаконная нажива, встрѣчавшаяся на каждомъ шагу, была во сто разъ для пріобрѣтателя безопаснѣе, чѣмъ теперь. Не нужно забывать, что тогда ученіе и образованіе существовали лишь для привилегированныхъ классовъ; они были роскошью и принимали исключительно свѣтскій характеръ, не были необходимостью, средствомъ для добыванія куска хлѣба. Эти привилегированные классы не нуждались; на что имъ нужно было ученіе? При всемъ нашемъ искреннемъ желаніи быть снисходительнымъ къ этимъ разсказаннымъ нами случаямъ изъ старой студенческой жизни, мы не можемъ однако помириться съ очевидною глубокою испорченностью молодаго поколѣнія, хотя нельзя не сожалѣть о немъ, какъ о печальной жертвѣ печальныхъ обстоятельствъ, его окружавшихъ. Современники однако были гораздо снисходительнѣе насъ. Они не возмущались тѣмъ, что возмущаетъ насъ; они не видѣли недостатка знанія и образованія въ студентахъ, который для насъ очевиденъ. Мы упоминали о комитетѣ, образованномъ изъ молодыхъ преимущественно членовъ совѣта, для обсужденія вопроса о томъ: дѣйствительно ли нѣсколько студентовъ, на которыхъ инспекторскій надзоръ въ концѣ 1817 года указы-

валъ, какъ на совершенно безнадежныхъ къ исправленію, „*должны привлечь на себя столь строгое наказаніе, каково помѣщеніе ихъ на мѣста учителей?*“ Мы нарочно подчеркнули слова, употребленныя комитетомъ, чтобъ показать странный взглядъ членовъ комитета и для него, и для большинства совѣта мѣсто уѣзднаго учителя представляется наказаніемъ, а между тѣмъ казенныя стипендіи собственно и учреждались для того, чтобы могли быть приготовлены хорошіе учителя въ уѣздныя училища, такъ какъ гимназій въ округѣ было весьма мало Какую полезную дѣятельность можно было ожидать отъ этихъ учителей, посылаемыхъ какъ бы въ ссылку? Какъ сами они должны были смотрѣть на свое призваніе, которое противъ воли ихъ и сознательно, какъ наказаніе, налагалось на нихъ совѣтомъ и начальствомъ?

Имена студентовъ, поведеніе которыхъ подлежало обсужденію комитета, встрѣчались всѣ въ тѣхъ исторіяхъ и случаяхъ некраснаго свойства, которые переданы нами выше въ этой главѣ Для насъ поступки этихъ студентовъ возмутительны, конечно, болѣе или менѣе; объясненіе ихъ мы ищемъ въ гнилой общественной средѣ, создавшей ихъ Комитетъ напротивъ былъ гораздо мягче; онъ находилъ возможность если не оправдать вполнѣ эти поступки, то найти ихъ заслуживающими снисхожденія. „Комитетъ признаетъ“, говорилось въ его донесеніи въ совѣтъ, „поступки, учиненные этими студентами въ разное время, говоря вообще, дурными и *благовоспитанными юношамъ несвойственными*. Будучи далекъ отъ той мысли, чтобы почитать ихъ достойными вниманія начальства, комитетъ думаетъ однакоже, что *вовсѣхъ учиненныхъ ими студентами проступкахъ не замѣчается ни дурнаго умысла ни ожесточенія*. Комитетъ судитъ о важности проступка по намѣренію, съ какимъ онъ сдѣланъ, и, смотря съ сей точки на проступки помянутыхъ студентовъ, *почитаетъ всѣ ихъ шалостями, только молодости свойственными и требующими по тому самому что онѣ шалости, одного предотвращенія чрезъ бдительный надзоръ*, а не дѣяніями злонамѣренными, которыя по уваженію причиняемаго ими вреда, должны непремѣнно влечь за собою строгое наказаніе. Комитетъ, при разсматриваніи поведенія тѣхъ студентовъ, *не могъ опустить изъ виду самой нравственности ихъ* (?) и сдѣлавъ надлежащія освѣдомленія касательно сего, *нашелъ новыя причины къ изліченію сдѣланныхъ ими проступковъ Онѣ заключаются въ нравственномъ каждаго образованіи*, улучшеніе

коего и исправленіе въ потребныхъ случаяхъ должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ занятій Казанскаго университета (?), въ коемъ, говоря словами устава его (§ 1), юношество приготовляется для вступленія въ различныя званія государственной службы („къ чему оно способно быть не можетъ безъ добрыхъ нравовъ“) Поставленныя нами въ скобкахъ слова прибавлены комитетомъ, и въ уставѣ ихъ нѣтъ Соглашаясь съ абсолютною справедливостью смысла ихъ, мы не можемъ согласиться со взглядомъ комитета, что главнѣйшее занятіе университета есть улучшеніе и исправленіе нравовъ Въ уставѣ говорится только, что университетъ есть „вышее ученое сословіе для преподаванія наукъ учрежденное“ Не смотря на господство тогда взгляда высказаннаго комитетомъ, имѣющаго смыслъ фразы, не смотря на существованіе многихъ кодексовъ благочинія для студентовъ, нравы ихъ не исправлялись, такъ какъ добрые нравы—продуктъ исторіи, а не надзора

Комитетъ вдавался во внимательное изученіе каждой личности студента, подлежащей его сужденію. Такъ, въ одномъ онъ объяснялъ проступокъ оскорбленнымъ самолюбіемъ, самонадѣянностью, молодостью, но видѣлъ въ виновномъ (изъ чего?) „ревность къ наукамъ; другой вовлекался въ проступки легкомыслі-емъ; третій также легкомыслемъ и самомнительностью (комитетъ замѣчалъ въ немъ хорошія умственныя способности), четвертый—упрямъ и т. п. Въ чемъ однако проявлялись эти отвлеченныя свойства молодыхъ людей—мы не видимъ. Проступки студентовъ, найденные комитетомъ неважными, наказывались домашнимъ выговоромъ, письменнымъ обязательствомъ вести себя лучше, порученіемъ особому надзору и т. п. въ то время, какъ совѣтъ находилъ этихъ студентовъ вполнѣ безнадежными и хотѣлъ совсѣмъ избавиться отъ нихъ, посылая ихъ въ уѣздные учителя отдаленныхъ городовъ. Вовсе не глубоко комитетъ вдавался и въ разсмотрѣніе существующихъ причинъ неустройствъ въ студенческой средѣ. Онъ видѣлъ эти причины въ слабости надзора, но на это можно было бы возвразить, что инспекторъ Броннеръ, занимавшій эту должность три года, имѣлъ неусыпный надзоръ; дѣятельнѣе и наблюдательнѣе его мы не въ состояніи представить себѣ другаго инспектора. За тѣмъ комитетъ находилъ, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, что надзоръ не раздѣленъ между инспекторомъ и его помощниками. Ему бросалось въ глаза то, что студенты (мы говоримъ собственно о казенныхъ студен-

тахъ, такъ какъ своекоштные не подлежали вовсе надзору) размѣщены въ разныхъ отдѣльныхъ комнатахъ, зданіяхъ и даже внѣ (?) университета. Наконецъ причины неустройствъ комитетъ усматривалъ въ томъ обстоятельствѣ, что „нѣтъ надлежащей постепенности и соразмѣрности въ наказаніяхъ, кои состоятъ только въ заключеніи въ карцеръ". Это замѣчаніе было несправедливо, такъ какъ въ правилахъ благочинія, приведенныхъ нами выше, эта постепенность въ наказаніяхъ была соблюдена, но заключеніе въ карцерѣ случалось чаще, такъ какъ эта мѣра считалась дѣйствительнѣе прочихъ. Комитету казалось, что все устроится хорошо, если студенты будутъ помѣщены въ смежныхъ комнатахъ въ университетскихъ зданіяхъ и имъ воспрещено будетъ жительство внѣ университета (нѣкоторые изъ казенныхъ студентовъ отпрашивались жить въ городѣ у близкихъ родныхъ), и отъ студентовъ отвращены будутъ всѣ заботы о хозяйствѣ.

Помѣщеніе всѣхъ казенныхъ студентовъ въ смежныхъ комнатахъ комитетъ считаетъ „необходимымъ для возстановленія порядка, благоустройства и благонравія между студентами". Это въ особенности настойчиво доказывалъ членъ комитета проф. Аргольдъ. Ректоръ же заявилъ, что въ томъ не видитъ никакой надобности, и изъ за этого мнѣнія возникъ довольно горячій споръ. „Не позволивши мнѣ окончить изъясненіе моего мнѣнія", пишетъ Аргольдъ, „начали нѣкоторые гг. профессора, въ особенности проф. Цеплинъ и Бартельсъ (оба деканы) требовать, въ настойчивыхъ выраженіяхъ, записать въ протоколъ, что я опорочиваю распоряженія правленія". Они доказывали, что нѣтъ средствъ иначе размѣстить студентовъ и что настоящее размѣщеніе утверждено попечителемъ. Оспаривая это утвержденіе и „побуждаясь истиннымъ усердіемъ къ славѣ университета", Аргольдъ проситъ обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ. Увѣряя, что попечитель согласится, если ему докажутъ пользу лучшаго размѣщенія, измѣнить настоящее, Аргольдъ высказываетъ лесть попечителю: „Всякъ изъ членовъ совѣта", говоритъ онъ, „имѣя счастіе служить подъ начальствомъ достопочтеннѣйшаго г. попечителя М. А. Салтыкова, долженъ знать неутомимыя попеченія Его п-ства о благоустройствѣ и усовершенствованіи сего университета, кои служатъ вѣрнѣйшимъ залогомъ, что онъ не отринетъ способовъ, предполагаемыхъ для благоустройства необходимыми". Разсѣянность въ разныхъ уни-

верситетскихъ корпусахъ казенныхъ студентовъ чрезвычайно затрудняла надзоръ и давала возможность и разнымъ шалостямъ и исторіямъ некрасиваго свойства. Это сознано было наконецъ совѣтомъ, и о лучшемъ размѣщеніи студентовъ онъ представилъ попечителю, который и предписалъ совѣту (12 марта 1818 года, № 81), дабы принялъ лучшее попеченіе *о удобнѣйшемъ размѣщеніи* студентовъ по комнатамъ, непремѣнно въ какомъ-либо одномъ корпусѣ зданія, сообразно съ обстоятельствами, нынѣ существующими въ университетѣ. Вскорѣ всѣ студенты размѣщены были въ главномъ зданіи.

Желаніе комитета избавить студентовъ отъ хлопотъ хозяйственныхъ было совершенно естественно и понятно, такъ какъ эти хлопоты служили лишнимъ поводомъ для молодыхъ людей не учиться, не ходить на лекціи и были источникомъ разныхъ происшествій, ничего общаго съ ученіемъ не имѣющихъ. Кому неизвѣстна неспособность русскихъ студентовъ, какъ необходимое слѣдствіе національной исторіи, устраивать сколько-нибудь сноснымъ образомъ благое общее дѣло. Не ходя далеко, гдѣ мы найдемъ такія же аналогичныя явленія, стоитъ только вспомнить о печальной судьбѣ въ Казанскомъ университетѣ въ шестидесятые и семидесятые годы студенческихъ: библіотеки, столовой, взаимопомощи, чтобъ убѣдиться въ полной организаціонной неспособности русской молодежи, не умѣющей взяться за дѣло и затемняющей прекрасную цѣль совершенно чуждыми ей стремленіями. Мы удовлетворяемся исключительно только фразами. Какъ краснорѣчиво пишутся разные уставы и проекты. Какъ много разговоровъ тратится при составленіи ихъ и какъ мало стройнаго, настоящаго дѣла выходитъ изъ этой крикливой болтовни. И въ описываемые нами годы происходили такія же явленія, тѣмъ болѣе печальныя, что сама власть и начальство въ университетѣ не умѣли и не знали, какъ устроить обстановку жизни казенныхъ студентовъ. Самый уставъ въ этомъ отношеніи былъ неполонъ.

По примѣрному штату Казанскаго университета, въ его первоначальномъ уставѣ 1804 года, полагалось на 40 казенныхъ студентовъ 8000 рублей, по 200 рублей на каждаго, но ни слова не говорилось о томъ, какъ должна быть устроена жизнь этихъ молодыхъ людей и ихъ хозяйство. Правда, въ

уставѣ упоминается, что казенные студенты содержатся иждивеніемъ университета (§ 114), что кандидаты и магистры имѣютъ общій столъ со студентами (§ 118), но и только. О хозяйственной обстановкѣ, о необходимости значительнаго инвентаря для нея, объ экономѣ, о кухнѣ и т. п. не было сказано ни слова На ассигнованные по штату для казеннаго студента 200 р. смотрѣли какъ на *жалованье*. Между тѣмъ это жалованье не было выдаваемо, да и не могло быть выдано, потому что съ выдачею его исчезалъ надзоръ Выдача стипендій студентамъ въ настоящее время дѣлается въ томъ предположеніи, что получаютъ ихъ зрѣлые люди, хотя бы на основаніи лѣтъ и аттестата зрѣлости, притомъ настоящіе студенты не имѣютъ надъ собою никакого надзора въ отношеніи нравственности, зависятъ отъ общаго, для всѣхъ подданныхъ равнаго суда, а не университетскаго Дѣло исключительно формальной инспекціи облегчилось до послѣдней крайности: это только канцелярія, для которой важно, чтобы были въ порядкѣ бумаги, а нравственный надзоръ—не ея дѣло. Всего этого не могло быть въ годы, о которыхъ мы говоримъ. На инспекціи лежало очень много обязанностей и выполнить ихъ было нелегко, хотя бы напримѣръ удовлетворительно устроить содержаніе казенныхъ студентовъ на скудныя штатныя средства. Съ ноября 1805 года, когда былъ основанъ Казанскій университетъ внутри существовавшей уже гимназіи и появились первые, въ незначительномъ числѣ студенты, содержаніе ихъ было совмѣстное съ воспитанниками гимназіи; былъ одинъ общій экономъ, общій инвентарь, все хозяйство было общее для обоихъ заведеній; изъ общей суммы, назначенной на студентовъ, отпускалось на каждаго столько, сколько и на гимназиста. Прошло нѣсколько лѣтъ; содержаніе вообще сдѣлалось гораздо дороже, особенно послѣ войнъ съ французской имперіей и послѣ сильнаго паденія нашего курса. Еще въ началѣ января 1813 года контора гимназіи, завѣдывавшая до совершеннаго отдѣленія университета отъ гимназіи всею хозяйственною частью—имѣла разсужденіе объ этой дороговизнѣ. „Какъ содержаніе казенныхъ студентовъ столомъ и одѣяніемъ, наравнѣ съ гимназическими воспитанниками, *и еще съ превосходствомъ въ количествѣ пищи и одѣянія*, по нынѣшнему времени контора находитъ для казны весьма тягостнымъ“, то она и спрашивала въ офиціальной бумагѣ инспектора студентовъ Брауна и его помощниковъ: „имѣютъ ли они въ виду лучшее средство

и удобность, чтобы *казеннымъ студентамъ, вмѣсто вычитанія всего казеннаго содержанія выдавать положенное по штату жалованье?*» (1) Отвѣтить на этотъ вопросъ было тѣмъ болѣе необходимо, что скоро предстоялъ переходъ гимназіи въ свой собственный отдѣльный домъ, со всѣми принадлежащими воспитанникамъ гимназіи вещами и служителями, однимъ словомъ со всѣмъ хозяйствомъ, которое теперь для студентовъ нужно было заводить вновь. Вопросъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ и студентамъ, и очень можетъ быть, что по совѣту инспекціи они обратились къ попечителю съ прошеніемъ, высказывая въ немъ желаніе, чтобы жалованье имъ производилось *наличнемъ*. Сообщая объ этомъ совѣту (14 апрѣля, № 191), попечитель пишетъ: «по соображенію моему съ узаконеніями университетскаго устава, я нахожу необходимымъ, дабы студенты не отвлекались отъ ученія и сообразно другимъ заведеніямъ, сдѣлать слѣдующее распоряженіе (2)

1) «Студенты должны быть довольствованы столомъ казеннымъ и деньги на то, по смѣтѣ 76 р. 65 к. должны быть вычитаемы изъ положенной на содержаніе ихъ общей суммы (предполагалось содержать не 40 казенныхъ студентовъ, а только 30. 2) Опредѣленные по штату (гимназіи): на кровать—12 р., тюфякъ 19 р. 60 к., одѣяло 7 р. 50., простыни—3 р. 75 к., наволочки 2 р. 44 к. простыни подъ одѣяло—6 р., на содержаніе прачки, шитье и починки—5 р. 32 к., на столовое бѣлье и на посуду—12 р. 50 к., полотенцы—90 к., всего 70 р. 1 к. вычитаемы были изъ суммы, на содержаніе ихъ отпускаемой, остальную же, на платье, рубахи и проч.—120 р. можно выдавать имъ по прошествіи каждаго мѣсяца, если они согласны, на слѣдующемъ *обязательствѣ* (sic): а) чтобъ бѣлье они имѣли всегда чистое и сменяли по крайней мѣрѣ каждую недѣлю; б) чтобы они ходили въ опрятной одеждѣ и каждый имѣлъ непремѣнно форменный мундиръ; 3) если кто нибудь изъ нихъ окажется худымъ хозяиномъ, и не будетъ имѣть нужнаго изъ обуви, книгъ и проч, таковымъ не производить жалованье, но отдавать оное *исправляющему изъ нихъ* (2) для продовольствія

«Поручаю совѣту, призвавъ гг студентовъ въ присутствіе, объявить сіе мое предложеніе и отобрать отъ нихъ отвѣтъ: согласны ли они на сіи условія или нѣтъ, и буде согласны, то обязать ихъ въ томъ подпискою и донесть мнѣ».

Совѣтъ сообщилъ это инспектору студентовъ съ тѣмъ, что ежели студенты единогласно на сіе условіе согласятся, онъ представилъ бы ихъ подписки". Казенные студенты черезъ

---

(1) Дѣло объ исключеніи студентовъ на жалованье имъ положенное. *Правл.* 1814 г. № 9.

(2) Дѣло по предписанію г. попечителя и прошенія студентовъ о производствѣ имъ жалованья. *Сов.* 1814 г. № 56.

четыре дня представили въ совѣтъ свое объясненіе. Въ немъ они отвѣчаютъ на каждый пунктъ предложенія попечителя и даютъ намъ очень хорошій образчикъ той житейской практичности, какою отличались люди того поколѣнія. У студентовъ была одна цѣль: получить въ свою пользу по возможности больше денегъ. На *первый* пунктъ, о довольствованіи казеннымъ столомъ, они отвѣчаютъ, съ свойственною времени реторикою: „Видя столь благодѣтельную предусмотрительность почтеннѣйшаго начальства, мы съ удовольствіемъ объявляемъ на сіе свое согласіе“. На *второй* пунктъ предлагаемыхъ попечителемъ условій, они весьма резонно замѣчаютъ: „Въ 1805 году щедротами Августѣйшаго Монарха нашего положено основаніе здѣшнему университету, и еще прежде онаго существовала Императорская Казанская гимназія. Студенты и воспитанники оныхъ необходимо имѣли всѣ потребности, какъ то: кровати, тюфяки, посуду и проч Оныя вещи, переходя отъ однихъ къ другимъ, дошли наконецъ и до насъ *Невозможно думать, чтобы за всѣ сіи вещи, находящіяся въ употребленіи столь долгое время, не было заплачено надлежащее количество денегъ, о чемъ безъ сомнѣнія сдѣлано уже и донесеніе высшему начальству.* И такъ, ежели угодно почтеннѣйшему начальству *дозволить намъ пользоваться вышеупомянутыми вещами, и вмѣстѣ деньгами за оныя полагаемыми* (!), то мы съ признательностью остаемся довольными“. Далѣе студентамъ не нравится предполагаемый вычетъ за простыни, полотенцы и т. п., что все они надѣются получить отъ родныхъ своихъ *„или по крайней мѣрѣ платить за нихъ дешевѣйшую цѣну* И такъ деньги, на оныя остающіяся, могутъ доставлять намъ другія потребности. Содержаніе казенной прачки также не будетъ нужно, потому что мы будемъ нанимать для себя свою. Сверхъ же сего намъ довольно извѣстно, что студенты, опредѣлявшіеся въ учители, или другія университетскія должности, всегда получали тюфякъ, одѣяло, двѣ подушки и двѣ перемѣны наволочекъ, также рубашки, чулки, мундирную или сертучную пару и проч. Въ семъ сказанномъ благотворительномъ распоряженіи начальства мы свидѣтельствуемся бывшимъ почтеннѣйшимъ нашимъ инспекторомъ г. профессоромъ и директоромъ гимназіи И. Ѳ. Яковкинымъ. Мы, обучаясь въ университетѣ, имѣемъ туже цѣль назначенія, какъ и наши предшественники и потому кажется имѣемъ полное право пользоваться таковыми же выгодами. И такъ, ежели почтеннѣйшее

начальство, уважа всѣ представленныя нами причины, благоволитъ выдать намъ прочее жалованье—195 р въ годъ, то мы необходимымъ почитаемъ замѣтить слѣдующее: получая оное помѣсячно, мы не можемъ сдѣлать на оное ничего изъ платья, почему и осмѣливаемся просить почтеннѣйшій совѣтъ представить его п-ству, дабы жалованье выдать намъ по крайней мѣрѣ за первую треть вдругъ". Въ заключеніе этого объясненія студенты обѣщаютъ сохранять чистоту, опрятность и разсчетливо употреблять свое жалованье. Подписалось ихъ 18 человѣкъ.

Студенты требовали такимъ образомъ денегъ больше, чѣмъ предлагалъ имъ попечитель Опъ, на первыхъ порахъ, какъ и писалъ совѣту (30 апрѣля 1814 года), не согласился удовлетворить ихъ требованія и предложилъ правленію, *впредь до особаго разсмотрѣнія*, довольствовать ихъ по прежнему казеннымъ столомъ, одеждою и прочимъ. Но это скоро было отмѣнено Эконому было предписано озаботиться немедленно шитьемъ сюртуковъ и брюкъ для студентовъ, *которые крайне нужны имъ*. Между тѣмъ 17 студентовъ заявили, что они желаютъ получить за сюртучныя пары деньгами. По справкѣ, доставленной экономомъ, поручикомъ Булыгинымъ, стоимость сюртучной пары составляетъ 26 р. 40 к., и попечитель разрѣшилъ выдать эти деньги каждому изъ высказавшихся за полученіе не натурою; потомъ деньгами замѣнена была выдача суконныхъ картузовъ и проч. Вскорѣ студенты согласились и подписали заявленіе, что они готовы теперь получать по прежнему предписанію попечителя, по 120 р. въ годъ. Это согласіе было нѣсколько вынуждено: изъ донесенія правленію университета въ сентябрѣ 1814 года помощника инспектора Юнакова видно, что многіе студенты жалуются ему ежедневно на неполученіе различныхъ казенныхъ вещей, „а всѣ вновь переведенные изъ гимназіи получили весьма ветхое бѣлье, ни мало неспособное къ ношенію". Предписано было эконому и кассиру немедленно исполнить эти требованія, но все осталось по прежнему. Юнаковъ снова писалъ: „Хотя и доносимо было мною уже правленію, что вновь поступившіе студенты не обмундированы и что въ обмундировкѣ терпятъ они крайнюю нужду, но какъ протекло уже послѣ поданія рапорта болѣе трехъ недѣль, а исполненія по оному никакого не сдѣлано, то принявъ въ уваженіе неотступныя на сіе жалобы гг. студентовъ, долгомъ почитаю донести

о семъ правленію и просить понудить кого слѣдуетъ скорѣе приступить къ обмундированію студентовъ вновь поступившихъ на казенное содержаніе". Новый экономъ А. Тимьянскій (уже только для студентовъ) доносилъ съ своей стороны правленію, что „ему доселѣ не дано никакой инструкціи, въ которой бы означено было: сколько должно стоить одѣяніе студента, когда оно должно быть изготовляемо и кѣмъ, какіе сроки разнымъ вещамъ", и потому просилъ такой инструкціи. И дѣло было новое, и экономъ былъ повый, такъ какъ передъ самымъ началомъ университетскаго курса, передъ поступленіемъ новыхъ студентовъ, гимназія вмѣстѣ съ прежнимъ экономомъ, въ іюлѣ 1814 года, перешла въ собственное помѣщеніе. Правленіе предписало эконому гимназіи доставить требуемыя свѣдѣнія экономy университетскому, какъ новичку въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя, разрѣшилъ, чтобы изъ суммы въ 8 т. рублей, на содержаніе въ Казанскомъ университетѣ студентовъ опредѣленной, вмѣсто 40 студентовъ, „доколѣ настоящая дороговизна продолжится", содержимо было 30 студентовъ. Это распоряженіе министра, уменьшающее число казенныхъ студентовъ и увеличивающее годовое содержаніе каждаго, сдѣлалось извѣстнымъ студентамъ. Въ началѣ слѣдующаго 1815 года они подали въ правленіе новое прошеніе, въ которомъ высказывали, что они теперь „согласны совершенно быть на своемъ содержаніи, ежели каждый станетъ ежегодно получать жалованья по 250 рублей". Прошеніе это подписали 22 человѣка. Правленіе высчитало, что при сокращеніи числа студентовъ, отпускаемой на содержаніе ихъ суммы придется по 266 р. 66 $^{2}/_{3}$ коп. на каждаго въ годъ, и соглашаясь на просьбу студентовъ, представило министру о выдачѣ каждому изъ нихъ въ годъ по 250 р., а остальные употребить на *классическія надобности*, какъ то столы, доски, губки, мѣлъ, чернила и на содержаніе двухъ сторожей, причемъ доносило, что „по малому числу пансіоперовъ въ университетѣ, вся вообще экономія студентовъ такъ мала, что вообще *трудно находить опытныхъ экономовъ по малому жалованью изъ суммы студентовъ производимому*". Министръ 25 февраля 1815 года разрѣшилъ согласно представленію правленія. Впрочемъ надобно замѣтить, что нѣкоторые студенты, весьма немногіе, заявляли желаніе остаться на казенномъ содержаніи:

тогда дѣлали другой разсчетъ. Отчетъ хозяйственнаго эконома о недолго просуществовавшемъ студенческомъ хозяйствѣ представленъ былъ не скоро. Началась довольно длинная переписка. Заготовленные раньше запасы пришлось продавать съ публичнаго торга; до іюня 1815 года никто на эти торги не явился, а потому многое сгнило, другаго недоставало, несмотря на точность контрольнаго счета (пересчитаны были даже огурцы (5220), приготовленные для соленья). Студенты должны были сами хозяйничать.

Эти молодые люди, до сихъ поръ находившіеся подъ опекою и проявившіе свою самостоятельность только въ расшумленности, въ томъ, что на языкѣ инструкціи того времени называлось своевольствомъ и буйствомъ, привыкшіе къ безпорядочности, должны были теперь сами о себѣ заботиться и устраивать свою жизнь на получаемое ими жалованье. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о томъ, какъ устроилось самостоятельное хозяйство студентовъ, а было бы весьма любопытно знать это. Характеръ этого хозяйства и тогдашнія организаціонныя попытки этихъ студентовъ могли бы дать намъ достаточно любопытнаго матеріала для общихъ заключеній о свойствахъ этой молодежи, которая знакома намъ и умственно по случаямъ отклоненія отъ нравственныхъ правилъ, приведеннымъ нами въ настоящей главѣ. Ни одинъ изъ современниковъ этой эпохи студенческой жизни не записалъ своихъ воспоминаній, очевидно прошлое не могло ихъ интересовать, и ни мѣсту своего воспитанія, ни духовнымъ пріобрѣтеніямъ, вынесеннымъ ими изъ университета, они не придавали никакого значенія, да и существовали ли эти пріобрѣтенія? Вопросъ этотъ остается открытымъ. То былъ вѣкъ наживы и пріобрѣтенія: жизнь полна была волчьею жадностью и никому, никакого дѣла не было до умственныхъ интересовъ. Изъ только что приведенной нами переписки студентовъ съ комендантомъ на счетъ выдачи имъ *жалованья*, мы знаемъ ихъ практическія свойства. Насколько эти практическія свойства проявились въ устройствѣ студентами своего собственнаго хозяйства, намъ однако неизвѣстно. Знаемъ, что самый внимательный изъ инспекторовъ того времени, Броннеръ былъ вообще недоволенъ этою мѣрою, вызванною больше всего финансовыми соображеніями о недостаткѣ средствъ на содержаніе студентовъ, которымъ начальство предоставляло только помѣщеніе. „Увѣдомило меня правленіе

университета", записываетъ Броннеръ (1), „что министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ выдавать каждому стипендіату казны по 250 р. въ годъ, на которые они должны и питаться и одѣваться. Но ректоръ объявилъ мнѣ, что никому однако изъ казенныхъ студентовъ не будетъ дозволено имѣть столъ внѣ университетскихъ зданій, исключая тѣхъ, у кого есть родственники въ городѣ; остальные же пусть по ихъ желанію имѣютъ столъ или у кандидата Ярцева или у магистра Кайсарова, или у адъюнкта Тимьянскаго или у какого либо преподавателя, человѣка семейнаго и живущаго въ университетѣ" Такимъ образомъ начальство позаботилось съ самаго начала о нѣкоторыхъ гарантіяхъ порядка въ этомъ отношеніи, но изъ разсказовъ того же Броннера, выше нами приведенныхъ, мы видѣли случаи нахожденія кухарокъ въ студенческихъ спальняхъ, приходившихся вѣроятно для составленія menu на слѣдующій день. „Весьма затруднительною дѣлается теперь, вслѣдствіе этой мѣры, инспекція", заключаетъ Броннеръ; „теперь изъ за хозяйственныхъ заботъ и хлопотъ, люди довольно спокойные прежде, начнутъ бродить по городу, забывать, что надобно идти на лекціи, не станутъ сидѣть дома. Оба мои помощника, магистры, хотятъ отказаться отъ своей должности; они пришли ко мнѣ и высказали жалобу, что теперь, при новыхъ порядкахъ, должны лишиться единственной своей выгоды—пользоваться даровымъ столомъ вмѣстѣ со студентами. Я обѣщалъ имъ употребить ходатайство о вознагражденіи за эту потерю деньгами"

Мнѣніе, высказанное Броннеромъ, заключало въ себѣ много правды. Подробностей, какъ мы замѣтили уже, мы не имѣемъ, но безъ сомнѣнія студенческое хозяйство шло незавидно, и молодые люди еще меньше стали учиться. Впрочемъ этотъ порядокъ существовалъ не долго. Прошло едва два года, какъ невыгоды его сознаны были и совѣтомъ университета, и начальствомъ. Изъ приведеннаго нами мнѣнія комитета о неустройствахъ между студентами, заслушаннаго въ совѣтѣ 25 января 1818 года, одинъ пунктъ, именно о необходимости избавить студентовъ отъ хозяйственныхъ заботъ, въ которыхъ видѣли одну изъ главныхъ причинъ неустройствъ, былъ признанъ совѣтомъ заслуживающимъ полнаго вниманія, и члены, большинствомъ голосовъ, опредѣлили: „предоставить комитету

(1) Книга о поведеніи, стр 68.

изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою и составить для сего смѣту“ Комитетъ однако отклонилъ отъ себя исполненіе этого порученія. Онъ писалъ:

«По мнѣнію съ своей стороны онъ находитъ довольствованіе казенныхъ студентовъ въ здѣшнемъ университетѣ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою несогласнымъ, *вопервыхъ* съ особеннымъ предписаніемъ высшаго начальства, которымъ требуется произвесть казеннымъ студентамъ жалованье а не содержать ихъ казенною пищею и одеждою; *во вторыхъ*—съ выгодами казны и въ *третьихъ* съ своимъ собственнымъ (т е комитета) мнѣніемъ, то какъ по симъ причинамъ, такъ еще и потому, что на содержаніе студентовъ при настоящемъ распорядкѣ, достаточно и той суммы, которая опредѣлена Высочайше утвержденнымъ штатомъ Казанскаго университета и распредѣляется по предписанію начальства на 30 студентовъ вмѣсто 40 онъ и не можетъ принять на себя составленіе требуемой въ оной выпискѣ смѣты равно и изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою Въ отвращеніе недоразумѣній по сему дѣлу комитетъ считаетъ для себя долгомъ изъяснить при семъ сказанное имъ въ представленіи совѣту подъ ст 7: «отвратить *по возможности* затрудненія и заботы студентовъ касательно хозяйственной ихъ жизни Въ числѣ причинъ неустройства между студентами комитетъ нашелъ, сверхъ означеннаго имъ въ представленіи его совѣту еще и то, что нѣкоторые студенты, не держа стола дома, составляютъ изъ сего довольно благовидный для себя предлогъ къ безвременнымъ отлучкамъ, коихъ имъ и возбранить почти нельзя, не смотря на то, что *онѣ не могутъ быть терпимы*, ибо разрушаютъ столь необходимый въ общественныхъ заведеніяхъ порядокъ Помышляя о средствахъ противу сего зла, *комитетъ призналъ за необходимое, чтобы студенты, всѣ безъ исключенія, готовили себѣ столъ дома*, а какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ сего учинить невозможно безъ особенныхъ распоряженій со стороны совѣта, то комитетъ и представлялъ его благоусмотрѣнію изысканіе средствъ къ отвращенію встрѣчающихся въ упомянутомъ дѣлѣ затрудненій и съ тѣмъ вмѣстѣ къ облегченію самихъ студентовъ касательно хозяйственной ихъ жизни, которая должна быть расположена соотвѣтственно вышеприведенному Имъ мнѣнію, *по причинѣ невыразумѣнія*, отклонился отъ изысканія оныхъ средствъ, то комитетъ беретъ смѣлость представить о нихъ именно на благоусмотрѣніе совѣта:

«1) Казенные студенты, *всѣ безъ исключенія*, должны быть въ смежныхъ комнатахъ, такъ при томъ, чтобы они имѣли подъ руками все необходимое для хозяйства, какъ погреба, чуланы, кухню и проч. 2) Постановить, чтобы студенты, всѣ безъ исключенія, имѣли столъ свой дома, *соединяясь въ общества* (?) 3) Постановить въ обязанность помощниковъ инспектора казенныхъ студентовъ имѣть столъ со студентами общій 4) Поручить инспектору казенныхъ студентовъ, вмѣстѣ съ его помощниками, имѣть надзоръ за самымъ ходомъ хозяйства студентовъ, придерживаясь сказаннаго въ предложеніяхъ Его превосходительства г. попечителя».

Не смотря на то, что студенты были очень довольны, получая каждый въ годъ по 250 р. на пищу и одежду, оказалось вскорѣ, что этой суммы недостаточно. Въ концѣ 1818 года правящій должность инспектора профессоръ Брейтенбахъ уже писалъ въ рапортѣ совѣту о недостаточномъ содержаніи сту-

дентовъ. Совѣтъ опредѣлилъ: испросить у г. министра народнаго просвѣщенія прибавку къ ежегодному жалованью казенныхъ студентовъ, а также и кандидатовъ по 50 рублей въ годъ „въ уваженіе возвысившейся дороговизны ихъ содержанія“, но ходатайство это уважено не было, а въ слѣдующемъ году казенные студенты распоряженіемъ начальства переведены были опять на прежнее, устраиваемое казною содержаніе. Самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи продолжалась недолго, съ небольшимъ три года. „По распоряженію бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія (графа Разумовскаго)“, писалъ въ своемъ предложеніи совѣту новый попечитель Казанскаго университета Магницкій (16 октября 1889 года, № 257), „деньги, назначенныя по штату на содержаніе студентовъ Казанскаго университета, раздаются имъ въ видѣ жалованья и они сами, распоряжая и занимаясь своимъ хозяйствомъ, отвлекаются отъ своихъ занятій попеченіями, несовмѣстными ихъ лѣтамъ *и могутъ дѣлать разныя вредныя употребленія изъ вверенныхъ имъ денегъ*. Найдя сіе весьма вреднымъ для добраго воспитанія, я испрашивалъ приказанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ сего распоряженія и объ обращеніи студентовъ на казенное содержаніе, на что и получилъ разрѣшеніе“. Съ этого времени и до конца пятидесятыхъ годовъ, до движенія, возбужденнаго крымскою войною, казенные студенты, живя въ университетѣ, пользовались казеннымъ содержаніемъ. Все ихъ участіе въ хозяйствѣ состояло или въ дежурствѣ по очереди на кухнѣ, или въ непрестанной войнѣ съ экономами.

На самостоятельное хозяйство студентовъ смотрѣли въ годы, къ которымъ относятся наши разсказы, какъ на источникъ (конечно не одинъ, а въ числѣ другихъ) продолжающихся *разстройствъ* между студентами, но излѣчить зло, помочь укрѣпиться добрымъ началамъ думали только различными правилами, разными предупредительными мѣрами, о которыхъ имѣли самое общее, отвлеченное представленіе. „Своевольство и худая нравственность студентовъ“, говорилось въ цитированномъ нами не разъ донесеніи комитета, „наносящая заведенію нареканіе и недовѣріе отъ публики, должна обратить все вниманіе совѣта, имѣющаго право и обязанность по силѣ 7 и утвердительной грамоты *дѣлать частныя и подробнѣйшія постановленія въ разсужденіи внутренняго устройства*. Но мѣры, предпринимаемыя донынѣ къ возстановленію

благоустройства между студентами состоятъ единственно въ наказаніяхъ за преступленія. Они не излишни, но недостаточны. Ибо правила здравой педагогики поставляютъ первымъ средствомъ къ сохраненію благонравія мѣры предупредительныя, предотвращающія случаи къ распутству и укореняющія въ сердцахъ юношей любовь къ добродѣтели и отвращеніе ко злу". Невольно за этими красивыми фразами чувствуется пустота содержанія и, еслибы спросить этого ритора-моралиста: въ чемъ заключаются эти рекомендуемыя имъ предупредительныя мѣры (вѣдь начало ихъ лежитъ въ семьѣ, въ надзорѣ матери) — онъ не былъ бы въ состояніи отвѣтить. Нельзя обвинять тогдашнихъ инспекторовъ въ неисполненіи своихъ обязанностей и въ недостаткѣ бдительнаго съ ихъ стороны надзора. Особенно Броннеръ вовсе не былъ скупъ на выговоры, на убѣжденія; онъ замѣчалъ малѣйшій безпорядокъ въ комнатахъ студентовъ, дѣлалъ указанія на мелочныя отклоненія отъ порядка. Казенные студенты не имѣли права безъ спросу уходить изъ университета и, если напримѣръ не ночевали дома, или уходили на четыре дня на охоту, то наказывались. Броннеру не нравилось, если онъ заставалъ студентовъ пляшущихъ подъ гитару, или обонялъ запахъ сожженнаго фейерверка и табаку въ комнатахъ. Рядомъ съ преслѣдованіемъ мелкихъ отступленій отъ порядка, мы видимъ, что допускаются разные случаи, объясняемые общественными нравами и привычками того времени. Студенты, отличавшіеся практичностью, очень любили прибѣгать тогда къ лоттереямъ. Это былъ легкій способъ сбыть ненужныя вещи за дорогую цѣну. Этотъ способъ до сихъ поръ въ большомъ употребленіи въ провинціи, даже безъ разрѣшенія властей. Броннеръ настоялъ, чтобъ на лоттерею было испрашиваемо дозволеніе. Такъ, студенту Макарову позволено было разыграть въ лоттерею дорогія золотыя вещи и мѣха, доставшіеся ему послѣ смерти матери (на сумму 1426 р.) не иначе какъ съ дозволенія отца, разрѣшенія ректора и полиціи. За то другой студентъ Знобишинъ, вздумавшій безъ спроса разыграть въ лоттерею свои вещи и книги безъ разрѣшенія, получилъ строгій выговоръ. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности надзора за студентами Казанскаго университета; думаемъ, что собранныхъ и изложенныхъ нами фактовъ довольно для знакомства съ бытомъ и нравами этихъ студентовъ. Ко времени ревизіи Магницкаго, то есть къ началу 1819

года существовало почти общее убѣжденіе въ полномъ „разстройствѣ“ студентовъ. Въ этомъ убѣжденіи сказалось безсиліе надзора, полное неумѣнье пріучить студентовъ къ порядочности, къ труду, къ исполненію обязанностей и къ умственнымъ занятіямъ. Мы привели выше (стр. 274) отрывки изъ предписанія министра народнаго просвѣщенія (14 дек. 1818 года), основаннаго на рапортѣ профессора Арнгольда объ этихъ *разстройствахъ* между студентами. Съ этого времени стали особенно обращать вниманіе на поведеніе студентовъ. Совѣтъ постановилъ „навести справки въ дѣлахъ совѣта и правленія, какъ и по инспекторскимъ книгамъ, были ли неустройства между кандидатами и студентами и какія“. Правленіе, уже отъ 16 января 1819 года, представило полныя справки о студентахъ: кто изъ нихъ и въ чемъ былъ замѣченъ. Собственныя справки совѣтъ получилъ изъ своей канцеляріи, а затронутые рапортомъ или скорѣе доносомъ проф. Арнгольда директоръ педагогическаго института проф. Германъ и и. д инспектора проф. Брейтенбахъ представили также свои оправданія, разныя свидѣтельства и справки и, чтобы не быть судьями въ своемъ дѣлѣ, вышли изъ засѣданія совѣта. Разсужденій же по существу вопроса не было, и только было опредѣлено всѣ эти справки и объясненія представить министру. Въ слѣдующемъ февралѣ проректоръ Солнцевъ сдѣлалъ для той же цѣли надзора два предложенія, какъ бы возстановляющія прежнихъ камерныхъ студентовъ, существовавшихъ при Яковкинѣ: „1) нужно имѣть въ комнатахъ студентовъ *старшихъ*, изъ числа ихъ самихъ, для усиленія за комнатными (?) студентами надзора, избираемыхъ, о чемъ уже сдѣлано предварительное отъ него, проректора, распоряженіе; 2) нужно также имѣть старшихъ студентовъ и по классамъ каждаго преподавателя, *для усиленія надзора за приличіемъ* (вызвано же было чѣмъ нибудь такое странное предложеніе) и хожденіемъ въ классы студентовъ. Почему не угодно ли будетъ совѣту принять сіе предложеніе на уваженіе и привести касающееся до него въ надлежащее исполненіе“. Совѣтъ поручилъ или предоставилъ самому проректору привести эти предложенія его въ исполненіе, но могла ли эта возобновленная старая мѣра оказать какую-нибудь дѣйствительную пользу, было весьма сомнительно. Тогда же въ первый разъ заведенъ былъ списокъ студентовъ, съ показаніемъ „когда они поступили въ университетъ, гдѣ обучались прежде,

чьи дѣти и когда уволены изъ университета". Жили ревизіи Магницкаго, приготовлялись къ ней: жгали новыхъ людей и новыхъ порядковъ. Насколько все это измѣнило бытъ казанскихъ студентовъ къ лучшему, что дало это время студентамъ—здѣсь уже не мѣсто говорить. Свой разсказъ о студентахъ мы довели до этого знаменательнаго времени. Нельзя не замѣтить однако, что первыя распоряженія новаго попечителя свидѣтельствовали о полномъ его незнаніи источника „неустройствъ" и печальной нравственной испорченности казанскихъ студентовъ. Магницкій былъ, какъ извѣстно, проповѣдникомъ обскурантизма, этого страннаго явленія въ странѣ и безъ того не свѣтлой. Какъ исторически создалось это явленіе у насъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но кому же неизвѣстно, что мѣры, имъ принятыя, могутъ вызвать только улыбку сожалѣнія на лицѣ человѣка сколько-нибудь знакомаго съ прошлымъ Студентамъ того времени были рѣшительно чужды умственные интересы; они ничего не читали, за исключеніемъ безъ сомнѣнія тѣхъ безчисленныхъ переводныхъ романовъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которые въ изобили появлялись тогда въ литературѣ, не имѣвшей еще возможности и силы сколько-нибудь сознательно разработывать темы изъ родной жизни. Магницкій же искалъ причины неустройствъ между студентами въ ихъ „лжеумствованіи", навѣянномъ чтеніемъ „вредныхъ" книгъ. Въ предложеніи отъ 19 сентября 1819 г, № 148, данномъ совѣту, попечитель писалъ, что „разсматривая реестръ книгамъ и пособіямъ, составляющимъ студенческую библіотеку, онъ нашелъ въ оном заглавія *книгъ или безбожныхъ, или противныхъ нравственности*, какъ то: „Курсъ философіи Снелля" (переведенный Кондыревымъ и Лубкинымъ и напечатанный въ Казани, весьма невинный курсъ), „Oeuvres de Voltaire" (нѣсколько разрозненныхъ томовъ), Maupertuis „La figure de la terre", Фергюсона „Начальныя основанія нравственной философіи", Corani, caput primum (пріобрѣтено Френомъ для спеціалистовъ по восточнымъ языкамъ) и нѣкоторыя другія. Магницкій предписывалъ совѣту „немедленно изъять ихъ изъ студенческой библіотеки и замѣнить ихъ другими, соотвѣтствующими цѣли воспитанія". Мы положительно увѣрены, что казенные студенты ихъ вовсе не читали, и распоряженіе Магницкаго можетъ быть выражено французской поговоркой „chercher midi à quatorze heures".

Мы не разъ уже замѣчали, что для студентовъ Казанскаго университета въ то время, о которомъ мы говоримъ, не существовало почти вовсе какихъ-либо умственныхъ интересовъ, если не считать устройства домашнихъ спектаклей въ зданіи университета, но и о нихъ извѣстіе въ это время мы находимъ только въ 1817 году; даже литературныя упражненія, занимавшія самыхъ первыхъ студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ Аксаковъ, были повидимому чужды имъ. По крайней мѣрѣ мы не можемъ назвать ни одного имени, которое сколько-нибудь было извѣстно въ области литературы. Литературная дѣятельность общества любителей россійской словесности становится чрезвычайно вялою, а при Магницкомъ было еще хуже. Студенты избѣгали лекцій всѣми возможными способами и подъ самыми разнообразными предлогами Они питали полную увѣренность, что знаніе, какъ знаніе само по себѣ, вовсе не нужно въ окружающей жизни, и ничто въ ней, съ другой стороны, не давало имъ повода смотрѣть на университетскую науку, какъ на Brodwissenschaft. Что такое былъ университетъ въ годы, о которыхъ говоримъ, можетъ дать намъ полное представленіе слѣдующее предложеніе (или циркуляръ) министра народнаго просвѣщенія 30 сентября 1814 года, № 2912:

«Учрежденіемъ въ имперіи университетовъ желая правительство доставить способы юношеству *почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени.* Дабы болѣе поохотить каждаго продолжать ученіе въ сихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ установлены для тѣхъ, кои въ нихъ образованы будутъ, разныя по службѣ выгоды, какъ то по 26 ст Высочайше утвержденныхъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, студенты, *по окончаніи ученія*, должны быть принимаемы въ службу 14-мъ классомъ, а именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 6 день августа 1809 года, повелѣно въ восьмиклассные чины и выше производить тѣхъ только, которые предъявятъ свидѣтельство одного изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, что *обучались въ немъ съ успѣхомъ въ наукахъ, гражданской службѣ свойственныхъ*, или, что представъ въ университетѣ на испытаніе, заслужили на ономъ одобреніе *Цѣль сихъ постановленій состояла въ томъ, чтобъ разнымъ частямъ гражданской службы доставить способныхъ и ученыхъ образованныхъ чиновниковъ* Изъ доходящихъ однако свѣдѣній усматривается, *что многіе, желая воспользоваться помянутыми по службѣ выгодами, вступаютъ въ университеты на весьма короткое только время, и потомъ тотчасъ оставляютъ оные, дабы имѣть только университетскіе аттестаты* Въ отвращеніе сего, соотвѣтственно разуму помянутыхъ постановленій, прошу, и я распорядиться, чтобы полные аттестаты отъ Казанскаго университета выдаваемы были тѣмъ только студентамъ, *которые окончатъ полный курсъ ученія*, прочимъ же студентамъ, которые не пройдутъ полнаго курса ученія, *выдавать аттестаты съ означеніемъ времени бытности ихъ въ университетѣ*, и съ присовокупленіемъ, *что какъ они не окончили курса ученія, то и не распро-*

страняется на них сила указа 1809 года и 26 ст предварительных правилъ народнаго просвѣщенія» (1)

Это предложеніе министра народнаго просвѣщенія было объявлено всѣмъ казанскимъ студентамъ, собраннымъ въ главной аудиторіи. Сейчасъ однако встрѣтилось и недоразумѣніе, о которомъ Салтыковъ и представилъ министру. Онъ спрашивалъ министра о томъ: 1) что же слѣдуетъ считать окончаніемъ курса для студента? Слѣдуетъ ли ограничиваться при этомъ *приготовительными науками*, какъ это и опредѣлено § 110 устава („студентъ, *выслушавшій курсы, для всѣхъ наукъ* (?) *нужные*, и желающій оставить университетъ, получаетъ въ торжественномъ собраніи аттестатъ за подписаніемъ правленія и съ приложеніемъ печати университета“); 2) курсъ приготовительныхъ наукъ при университетѣ продолжается, по утвержденному министромъ плану Броннера, два года (выше было указано, что срокъ этотъ былъ продленъ еще на одинъ годъ), но поступаютъ нѣкоторые молодые люди съ таковыми познаніями и способностями, что *по прошествіи перваго года оказываютъ всѣ нужныя познанія во всѣхъ наукахъ въ двухгодичномъ приготовительномъ курсѣ положенныхъ*, имѣя полное довѣріе профессоровъ и выдержавши экзаменъ изъ всѣхъ наукъ, требуютъ полные студенческіе аттестаты; 3) иногда являются молодые люди, „образовавшіеся въ какомъ либо публичномъ училищѣ“ и имѣющіе весьма хорошія познанія; они на основаніи §§ 93 и 107 устава Казанскаго университета, требуютъ экзамена изъ всѣхъ наукъ, въ приготовительномъ курсѣ положенныхъ на званіе студента, по испытаніи оказываютъ надлежащія познанія и признаются общимъ собраніемъ достойными званія студента, послѣ чего и требуютъ полнаго аттестата“. Дѣйствительно въ уставѣ 1804 года, при сравненіи его съ совершенно основательнымъ предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія Салтыкову, заключалось противорѣчіе. Являлся молодой человѣкъ, или со способностями, или хорошо подготовленный, сразу выдерживалъ экзаменъ и получалъ наименованіе студента, а съ нимъ

---

(1) Дѣло по предписанію начальства о томъ, чтобы выдавать тѣмъ только студентамъ университетскіе аттестаты, которые окончатъ полный курсъ ученія *Сов* 1814 г. № 148

по уставу и аттестатъ, и всѣ тѣ служебныя права, которыя исключительно заставляли поступать въ университетъ Это было недоразумѣніе, и на представленіе Салтыкова министръ графъ Разумовскій разрѣшилъ его (30 ноября 1814 г. № 3607) слѣдующимъ образомъ:

«1) На окончаніе полнаго курса ученія для студентовъ, *не желающихъ поступить въ какой либо особый факультетъ* (странное для насъ представляютъ явленіе эти студенты, поступающіе въ университетъ и не желающіе (?) поступать въ какой либо факультетъ), по § 117 университетскаго устава опредѣленъ трехлѣтній срокъ (но тогда такіе студенты выслушавшіе въ теченіе трехъ лѣтъ, *нужные курсы* и желающіе продолжать ученіе въ факультетѣ или отдѣленіи носятъ уже званіе кандидата) и таковымъ только студентамъ, которые окончили трехлѣтнее ученіе, на основаніи § 110 устава, должно выдавать полные студенческіе (?) аттестаты 2) Курсъ приготовительныхъ наукъ, какъ выше сказано, долженъ продолжаться чрезъ три года, а потому *всѣ студенты должны прослушать при университетѣ трехлѣтній курсъ* — 3) Не обучавшимся въ университетѣ, *хотя бы они и имѣли познанія, какія требуются отъ студентовъ* (т е знаніе приготовительнаго курса наукъ), *не выдавать студенческихъ аттестатовъ*, ибо таковымъ предоставляется подвергать себя испытанію, въ указѣ 6 августа 1809 года для гражданскихъ чиновниковъ постановленному»

Это разрѣшеніе графа Разумовскаго или его распоряженіе уничтожало, по нашему мнѣнію, самую идею университета, его существенное значеніе. Самъ же онъ говорилъ, что цѣль университета есть приготовленіе образованныхъ, т. е. свѣдущихъ чиновниковъ по разнымъ родамъ службы: учителей, медиковъ, юристовъ. Недостаткомъ ихъ и страдала тогда страна, что прекрасно было сознано высшею властью, основывавшею университеты. Приготовительныя науки, которыя должны быть выслушаны студентомъ непремѣнно въ теченіе трехлѣтняго курса, были не что иное, сколько намъ извѣстно, какъ только повтореніе гимназическаго курса, почти нераспространеннаго. Въ Казанскомъ университетѣ преподавателями этихъ приготовительныхъ наукъ были тѣ же учителя казанской гимназіи или русскіе профессоры и адъюнкты. Для большинства казенныхъ студентовъ эти курсы являлись только повтореніемъ того, что они учили съ грѣхомъ пополамъ въ гимназіи и что уже надоѣло. По циркуляру министра выходило, что даже хорошо приготовленные и знающіе должны были слушать эти приготовительныя, для всѣхъ нужныя науки. Понятно, что студенты ничего не дѣлали, что ходить на лекціи имъ было скучно, что наукъ спеціальныхъ, факультетскихъ, никто не слушалъ, потому что слушать ихъ приходилось у профессоровъ иностранцевъ, говорившихъ на непо-

нятномъ языкѣ. Спеціалистовъ поэтому университетъ не былъ въ состояніи приготовить. Между тѣмъ настоятельная надобность для государства въ спеціалистахъ, особенно медикахъ, заставила министра уже въ 1818 году дѣлать распоряженія объ увеличеніи числа стипендіатовъ казенныхъ собственно для обязательной шестилѣтней службы по медицинской части. Три года готовиться къ факультетскому курсу казалось очень долгимъ срокомъ для молодыхъ людей, а между тѣмъ званіе студента давало имъ легко права, столь важныя въ жизни. Въ іюнѣ 1819 года составлены были правила для испытанія студентамъ, окончившимъ этотъ трехлѣтній курсъ приготовительныхъ наукъ для перехода въ отдѣленія или факультеты. Какой успѣхъ и какой характеръ получили спеціальныя науки во время попечительства Магницкаго и преподаваніе по факультетамъ, мы скажемъ со временемъ, когда придется говорить объ этой эпохѣ Казанскаго университета.

Оканчивая эту главу, посвященную нравамъ казанскаго студенчества и его характеристикѣ, мы должны сознаться, что отъ знакомства съ молодымъ поколѣніемъ въ первые годы университета, знакомства, вынесеннаго изъ изученія дѣйствительныхъ фактовъ прошлаго, сохранившихся въ архивныхъ бумагахъ, у насъ остается въ душѣ чрезвычайно тяжелое чувство. Изъ этой, по лѣтамъ еще по видимому юной сферы, вѣетъ гнилымъ и затхлымъ воздухомъ. Глубокая испорченность свидѣтельствуетъ не о юности, и безотрадно становится на душѣ Нѣтъ никакихъ основаній винить тогдашнее университетское молодое поколѣніе за его разсказанные нами недостатки, за его испорченность и пороки, за его стремленія, въ которыхъ было мало свѣтлаго, человѣческаго, за то, что у него не было никакихъ идеаловъ, которые могли бы скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія. Эти темныя стороны, это извращеніе нравственное были не вполнѣ произвольны. Много печальныхъ факторовъ русской жизни и ея условій соединились въ одно для того, чтобъ сдѣлать это молодое поколѣніе такимъ, какъ изображаютъ его документы. Было бы очень долго разсматривать эти факторы, тѣмъ болѣе, что передавая факты и событія, мы всегда старались объяснить ихъ исторически и отчасти оправдать. Но было бы очень печально, еслибъ мы не вынесли изъ изученія прошлаго казанскаго студенчества ни одного

отраднаго впечатлѣнія. Были къ счастію случаи, когда и этимъ столь практическимъ, какъ знаемъ ихъ, юношамъ суждено было проявлять „благіе порывы“, когда они могли дѣлаться „рыцарями на часъ“. Объ этомъ также свидѣтельствуютъ архивныя дѣла. Студенты оказывали дѣйствительную помощь казанскимъ жителямъ во время частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ, которыми Казань была извѣстна до самаго послѣдняго времени. Изъ студентовъ можно бы было образовать превосходную вольную пожарную команду. Мы говоримъ это какъ очевидцы бѣдственныхъ казанскихъ пожаровъ сороковыхъ годовъ, когда студенты дѣйствительно показали себя героями, спасая университетскія зданія, дома и квартиры профессоровъ. Если въ эти сороковые годы, при страшныхъ размѣрахъ пожаровъ и ужасныхъ буряхъ, городская пожарная команда, управляемая полиціей, была не въ состояніи принести никакой существенной помощи, даже защитить отъ открытаго грабительства, этого вѣчнаго спутника русскихъ пожаровъ, если сила пламени превосходила силу полицейской охраны, то въ годы нами описываемые городъ во время большаго пожара являлся вполнѣ беззащитнымъ (мы сами видѣли, какъ цѣлая улица, конечно вся состоящая изъ деревянныхъ домовъ, оставленныхъ обитателями, увезшими всѣ свои пожитки, улица совершенно безлюдная, обхватывалась огнемъ отъ дома къ дому, какъ будто они были бумажные, чрезвычайно быстро. Опустошительность казанскихъ пожаровъ зависѣла и отъ характера построекъ, и отъ мѣстоположенія города, и отъ тѣхъ періодическихъ сухихъ бурь, которыя носятся постоянно надъ городомъ въ извѣстное время года, когда именно и случаются сильные пожары (май, конецъ августа и начало сентября). „Городъ Казань, лежащій по ту сторону Волги, составляющей по старому опредѣленію границу Европы и Азіи“, говоритъ очевидецъ большаго пожара, 3 сентября 1815 года, профессоръ Литтровъ (1), „имѣетъ только 50000 жителей, но также обширенъ какъ Вѣна, такъ какъ дома отдѣлены другъ отъ друга садами и даже незастроенными вовсе пространствами. Казалось бы такое расположеніе города должно спасать его отъ опустошительныхъ пожаровъ. Не смотря однако на это, Казань постигло такое пожарное бѣдствіе, какому, сколько мнѣ извѣстно, не

(1) «Der Brand von Kasan». Vermischte Schriften. Erster Band. Stuttgart 1846. S.

подвергался ни одинъ городъ въ теченіе послѣдняго столѣтія, за исключеніемъ Москвы, но тамъ пожаръ длился двѣ недѣли, тогда какъ Казань превратилась въ пепелъ въ какіе нибудь десять часовъ". Намъ нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ этого страшнаго бѣдствія, ихъ можно найти у современниковъ (1). Подробности эти были ужасны (по Литтрову сгорѣло $^{7}/_{10}$ домовъ, изъ 2500 или около того—1800, въ томъ числѣ и крѣпость, со всѣми каменными домами своими и церквами, не смотря на окружающую ее каменную стѣну). Городъ былъ вполнѣ безпомощенъ; ни остановить разливъ пламени, ни бороться съ нимъ не было никакой возможности. Всѣ помыслы были сосредоточены лишь на личномъ спасеніи или чего-нибудь изъ имущества. Такіе большіе пожары, какіе переживала Казань въ разныя эпохи своего существованія до послѣдняго времени, представляютъ намъ картину полнѣйшей безпомощности. Кто видалъ пожары въ нашихъ селахъ и деревняхъ, три четверти которыхъ происходитъ отъ поджоговъ, тотъ можетъ составить себѣ довольно вѣрное представленіе о прежнихъ казанскихъ пожарахъ и получить понятіе о характерѣ русскаго народа во время общественнаго бѣдствія Нѣтъ ничего печальнѣе того равнодушія и безучастія, съ которыми собравшаяся толпа смотритъ на чужое бѣдствіе, какъ горятъ чужіе дома, въ то время какъ застигнутые въ расплохъ пожаромъ, хозяева этихъ горящихъ домовъ или выгоняютъ свой скотъ изъ хлѣвовъ или спасаютъ свои бѣдные пожитки. Распространенію пламени полный просторъ Нѣтъ ни воды, ни топоровъ, ни багровъ и пр., да и не кому было бы дѣйствовать ими при полномъ равнодушіи всѣхъ окружающихъ. Для того, чтобы дѣятельно бороться съ общественнымъ бѣдствіемъ, для того, чтобъ работать и помогать на немъ, необходима извѣстная доля чувства и нравственнаго развитія. Этихъ элементовъ нѣтъ въ нашемъ сельскомъ народѣ. То же самое явленіе повторялось и во время прежнихъ казанскихъ пожаровъ, только нужно прибавить къ нему еще грабежъ подгородныхъ крестьянъ, пользовавшихся общею сумятицей и наживавшихся во время пожара. Но въ Казани все же мы встрѣтимъ

(1) Кромѣ Литтрова, довольно вѣрно, хотя и въ общихъ чертахъ, описавшаго видѣнные имъ ужасы въ самый день пожара, и на другой день, когда онъ обошелъ все пожарище, укажемъ на статьи «Казанскихъ Извѣстій» 1815 года, №№ 71 и слѣд.

личности, у которыхъ могло проявиться чувство человѣколюбія и побудить ихъ къ дѣятельной помощи ближнему, даже до самоотверженія. Этотъ лучшій, болѣе гуманный, чуждый эгоизма, или на время забывшій его элементъ—были студенты Казанскаго университета. Ихъ дѣйствія на казанскихъ пожарахъ представляютъ свѣтлую страницу въ исторіи казанскаго студенчества. Конечно въ этихъ дѣйствіяхъ не было никакой правильной организаціи; это было увлеченіе, но увлеченіе чистое, человѣческое, какое только бываетъ въ молодости. Это былъ свѣтлый порывъ, свойственный только молодости, но непремѣнно сколько-нибудь затронутой развитіемъ. Случаи, гдѣ дѣйствовали студенты, записаны были Броннеромъ въ его журналѣ. „Сгорѣлъ прекрасный домъ вдовы дворянки по сосѣдству со мною (5 апрѣля 1815 года). Много студентовъ сбѣжалось, чтобъ спасти мои пожитки, если то нужно будетъ“ (1). Нѣсколько прежде этой записи, именно въ октябрѣ 1814 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевъ, фигурирующій въ казанскихъ воспоминаніяхъ Литтрова (см. выше, стр. 141), въ отношеніи, присланномъ имъ въ совѣтъ университета, изъявляетъ „искреннѣйшую благодарность“ студентамъ за помощь при пожарѣ 23 октября 1814 года. Студенты были собраны и имъ объявлено было это, вмѣстѣ съ благодарностью и отъ совѣта (2). Но въ особенности энергично, дружно и много дѣйствовали студенты во время большаго пожара 3 сентября 1815 года. Броннеръ записалъ въ своемъ журналѣ, что „эта книга“ (т. е. журналъ, въ которой онъ писалъ, была спасена студентами изъ пламени со всѣмъ его имуществомъ. Упомянувъ о томъ, что студенты постоянно оказывали помощь при казанскихъ пожарахъ и профессорамъ университета, и близкимъ своимъ, и роднымъ, неизвѣстный авторъ статейки, помѣщенной въ мѣстномъ періодическомъ изданіи (3), говоритъ о студентахъ: „И нынѣ, 3 сентября, они себя таковыми же показали. Въ то время, когда все было въ смятеніи, они старались сберегать имѣніе многихъ профессоровъ, вытаскивали

(1) Книга о поведеніи, стр. 68б.

(2) Дѣло по отношенію д. с. с. Сергѣева о засвидѣтельствованіи благодарности студентамъ за дѣятельность ими оказанную при бывшемъ пожарѣ. *Сов.* 1814 г., № 134.

(3) Казанскія Извѣстія, 1815 г. № 81.

и охраняли оное; не менѣе того оказали дѣятельность также и въ охраненіи нѣкоторыхъ домовъ, защищая ихъ въ ночи отъ огня (пожаръ продолжался съ 10 ч. утра до 8 по полудни), даже и въ самомъ университетскомъ кварталѣ; носили воду, таскали доски, были на крышѣ и т. п.; въ томъ числѣ, порадоваться должно, были дѣти или сродственники и знатнѣйшихъ здѣсь особъ и фамилій. Таковыя дѣти всеконечно будутъ всегда вѣрною утѣхою и для сердецъ родителей. Такъ *студенты и не бываютъ только праздными зрителями при пожарахъ несчастія ближняго*; съ чернію они не стыдятся помогать ближнему; не словами, а дѣломъ не стыдятся, ибо вѣдаютъ по религіи христіанской хорошо, что и самъ Богъ болѣе всѣхъ печется о тваряхъ своихъ и что должно подражать дѣламъ Божіимъ; не стыдятся, *ибо знаютъ примѣры въ иныхъ земляхъ, что тамъ и знатнѣйшія особы при пожарахъ помогаютъ дѣломъ и простыми зрителями не бываютъ Одушевляемыя чувствомъ вѣры, сердца ихъ къ человѣколюбію подвигаются и просвѣщеніемъ, искореняющимъ предразсудки*“. Далѣе современникъ-публицистъ высказываетъ нѣсколько общихъ, но совершенно вѣрныхъ мыслей о значеніи просвѣщенія и его вліяніи на развитіе и успѣхъ страны, но при этомъ требуетъ непремѣнно отличать просвѣщеніе отъ полупросвѣщенія: „для сего стоитъ только посмотрѣть на бѣдной народъ—дикой и на богатый народъ—образованный. Какъ мало слышно у послѣдняго о тѣхъ бѣдствіяхъ (пожарахъ), кои столь часто случаются у перваго“!

Совѣтъ университета въ засѣданіи 17 сентября какъ бы увѣковѣчилъ прекрасную дѣятельность казанскихъ студентовъ на страшномъ пожарѣ 3 сентября. Ректоръ университета доложилъ совѣту *о примѣрной ревности и мужествѣ*, съ каковыми гг. студенты во время большаго пожара всѣмъ гг. членамъ университета угрожавшаго (тогда сгорѣли дома Броннера, Брейтенбаха и Вердерамо, но студенты спасли ихъ пожитки; они отстаивали дома и другихъ профессоровъ или вытаскивали ихъ имущество) и даже постороннимъ оказали помощь“. Рѣшено было отъ лица ректора и совѣта выдать студентамъ „похвальный листъ“ или „аттестатъ“. Этотъ документъ, сочиненный по латыни профессоромъ Френомъ, былъ съ разрѣшенія попечителя напечатанъ и, скрѣпленный большою университетской печатью, выданъ каждому студенту въ общемъ ихъ собраніи, какъ памятникъ ихъ прекрасной

дѣятельности на пожарѣ и какъ свидѣтельство того, что они вкусили плодовъ дѣйствительнаго просвѣщенія. Дипломъ этотъ говорилъ о самоотверженіи „совершенно добровольномъ, съ которымъ студенты бросались на помощь („nec erat qui vos cogeret, qui posceret, qui vocaret“), не боясь огня, презирая опасность, упоминалъ, что благодаря энергической дѣятельности студентовъ, ничто принадлежащее профессорамъ и служащее наукѣ не погибло, что къ этому больше всего они стремились („in id omnes intendere nervos, ne quid sarcinarum, ne quid sacrorum musis instrumentorum flammis his abolitum post hac deplorarent doctores vestri“). Нельзя не согласиться съ тою общею мыслью, присутствующею, какъ въ печатной статьѣ современника, такъ и въ дипломѣ Френа, что только дѣйствительное просвѣщеніе есть источникъ человѣколюбія и дѣятельной помощи ближнему. Пока не просвѣтится дѣйствительно, а не фиктивно только, молодое поколѣніе селъ и деревень, до тѣхъ поръ оно будетъ только праздными зрителемъ чужаго бѣдствія, наводящимъ этимъ равнодушіемъ уныніе и ужасъ на посторонняго зрителя.

Глава XVII.

Неудачныя попытки замѣщенія вакантныхъ каѳедръ.—Профессоры опредѣленные въ послѣдніе два года жизни Румовскаго, до открытія университета: 1) Іоаннъ Михаилъ Томасъ (Иванъ Григорьевичъ), ординарный профессоръ всеобщей исторіи, статистики и географіи (1810—1819); 2) Адамъ Ивановичъ Ригольдъ, экстраординарный профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства (1812—1814); директоръ тобольскихъ училищъ (1815—1817); ординарный профессоръ хирургіи (1817—1819); 3) Іосифъ Христоферъ (Осипъ Христоферовичъ) Ренардъ, адъюнктъ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности (1812—1817); 4) Филиппъ Леонтьевичъ Брейтенбахъ, ординарный профессоръ технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ (1812—1819); 5) Александръ Степановичъ Лубкинъ, ординарный профессоръ умозрительной и практической философіи (1812—1815); 6) Г. И. Городчаниновъ, ординарный профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, возвратившійся въ Казань (1811—1819).

Въ первые годы по основаніи Казанскаго университета попечителю Румовскому довольно скоро удавалось замѣщать каѳедры, и уже въ 1810 году почти большинство факультетскихъ каѳедръ, положенныхъ по уставу, были заняты. Преподавали на нѣкоторыхъ весьма достойные ученые нѣмецкіе, имена которыхъ извѣстны почетнымъ образомъ въ исторіи европейской науки, и хотя именно эти-то лучшіе люди не долго оставались въ Казани, и одинъ за другимъ переселялись или на родину, или въ такія мѣста, гдѣ было больше простора и удобствъ для ихъ научной дѣятельности, но они, въ особенности математики, оставили учениковъ въ Казани, слѣдовательно живую и продолжительную память о себѣ. Въ это первое время было нѣсколько благопріятныхъ условій для того,

чтобы дѣльные германскіе ученые сами искали профессорскихъ каѳедръ въ отдаленной Казани Первые, реформаторскіе годы царствованія императора Александра I, когда власть желала такъ много сдѣлать для просвѣщенія страны, когда громко сознавались ею недостатокъ просвѣщенія и необходимость науки, гуманныя идеи молодаго государя, его стремленія къ законности, его уваженіе къ знанію вызывали сочувствіе мыслящихъ людей Европы. Они привѣтствовали пробужденіе цѣлой обширной и великой страны, казалось, жаждавшей новой и лучшей жизни. И это было въ то время, когда Германія стонала подъ гнетомъ Наполеона и почти теряла свою самостоятельность. При такихъ условіяхъ было естественно переселеніе лучшихъ людей науки въ малоизвѣстную, но привлекательную по новымъ ея условіямъ страну. Румовскому легко удавалось замѣщать въ началѣ университета пустующія каѳедры; онъ могъ даже иногда дѣлать и выборъ. Но прошли годы Старый попечитель еще болѣе состарѣлся и его прежняя энергія ослабѣла, да наконецъ изъ донесеній, изъ писемъ и изъ сообщеній близкихъ къ нему лучшихъ профессоровъ, онъ догадался, что предполагавшаяся имъ возможною передача науки студентамъ Казанскаго университета на языкѣ латинскомъ, котораго они совсѣмъ не знали, или на родномъ языкѣ профессора—совершенно немыслима, и что большія ожиданія пользы отъ ученыхъ иностранныхъ профессоровъ не оправдались. Время измѣнило многое и у ученыхъ германскихъ, которыхъ прежде манила карьера въ молодой, пробужденной къ умственной жизни странѣ, можетъ быть потому что самыя историческія условія измѣнились, а можетъ быть и вслѣдствіе сообщеній изъ Казани соотечественниковъ, охота къ переселенію въ далекій, за границей Европы лежащій городъ пропала. Румовскому пришлось искать около себя, пользоваться тѣми людьми, которые были подъ руками. Но эти случаи были и рѣдки, и не могли быть удовлетворительными Часто надежда замѣстить каѳедру обманывала. Въ 1810 году, на которомъ мы остановились, въ медицинскомъ факультетѣ было всего два профессора: Браунъ и Эрдманъ, и приготовленіе медиковъ, особенно нужныхъ для войска, было немыслимо. Въ это время упразднялось московское отдѣленіе Медико-хирургической академіи и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, указалъ на возможность пополнить незамѣщенныя въ Казани медицинскія каѳедры изъ этого источника. Румовскій и обратился къ на-

чальству академіи съ предложеніемъ: „не согласятся ли нѣкоторые изъ *читающихъ лекціи на россійскомъ языкѣ* занять свободныя въ Казани каѳедры“? Прежде Румовскій требовалъ отъ кандидата на каѳедру и солидныхъ сочиненій, и извѣстности въ ученомъ мірѣ. Теперь онъ уже не могъ предъявлять такихъ требованій. „Ежели изъ гг профессоровъ никто не пожелаетъ вступить въ Казанскій университетъ“, писалъ онъ, „то покорно прошу увѣдомить: нѣтъ ли между учащимися въ академіи такихъ, *кои въ ученомъ свѣтѣ ни сочиненіями по медицинскимъ наукамъ, ни по преподаваемымъ въ оныхъ постановленіямъ, будучи еще неизвѣстны*, восхотѣли бы вступить въ Казанскій университетъ, подвергнувъ себя испытанію, сообразному той степени, на какую поступить желаютъ“. Вслѣдствіе этого письма экстраординарный профессоръ московскаго отдѣленія Медико-хирургической академіи, докторъ медицины и хирургіи *Мироновичъ* изъявилъ желаніе занять каѳедру хирургіи. Опредѣленіе его однакоже не состоялось, вѣроятно потому, что Румовскій началъ переписку съ другимъ лицомъ. Теперь искатели каѳедръ сами уже начали обращаться къ попечителю, ища мѣстъ.

Въ августѣ 1810 года обратился письменно къ Румовскому нѣкто *Венцеславъ Ганаузекъ* (Hanausegg), докторъ медицины и коллежскій ассесоръ, врачъ Екатеринбургскаго мушкатерскаго полка въ Оренбургѣ. Онъ искалъ каѳедры по materia medica (врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности—по уставу 1804 года). Этотъ претендентъ на каѳедру былъ родомъ чехъ, первоначальное (гимназическое) образованіе получилъ въ Прагѣ, а медицину изучалъ въ теченіе пяти лѣтъ въ Вѣнѣ. Три года онъ получалъ русскую стипендію по 1000 р., выхлопотанную ему русскимъ посланникомъ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, который и принялъ его на русскую службу; а потомъ, послѣ экзамена въ С.-петербургской медико-хирургической академіи, онъ получилъ степень доктора медицины. По его словамъ, ему было 39 лѣтъ; онъ говорилъ на языкахъ: чешскомъ, рутенскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ. „Принужденный вести жизнь на границѣ съ кочевниками (in loco nomadibus confini vitam degere), не имѣя возможности слѣдить за успѣхами науки, Ганаузекъ весьма желалъ бы перейти на службу въ Казанскій университетъ и просилъ о томъ, приложивъ одобрительный аттестатъ

о службѣ отъ своего начальника, дивизіоннаго доктора. Румовскій, немедленно по полученіи этого письма, представилъ о Ганаузекѣ министру, указывая на то, что врачебное отдѣленіе въ Казани имѣетъ только двухъ профессоровъ; „наполнить прочія каѳедры, сколько я ни прилагалъ старанія“, писалъ попечитель, „я не могъ; онѣ остаются праздны“. Румовскій въ особенности цѣнилъ этого кандидата потому, что „будучи родомъ изъ Богеміи, въ продолженіе службы своей пріобрѣлъ довольное знаніе россійскаго языка для преподаванія наставленій“. Онъ испросилъ у министра разрѣшенія предложить искомую каѳедру Ганаузекку и, получивъ его, не теряя времени, увѣдомилъ кандидата о томъ, прося его поторопиться увольненіемъ изъ полка (12 сентября 1810 года). Отвѣта долго не было, и Румовскій безпокоился. „По сіе время не имѣю я отвѣта отъ доктора въ Оренбургѣ находящагося“, писалъ онъ (8 декабря, 1810 г.) къ Яковкину. „Кажется, что *неприлично, чтобы цѣлый факультетъ составляли два только человѣка.* Не имѣете ли вы случая или средства навѣдаться о причинѣ его молчанія“. Изъ письма Ганаузекка отъ 4 января 1811 года оказалось однако, что медицинская экспедиція военнаго департамента отказалась увольнить его „по недостатку лѣкарей въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ“ для поступленія въ вѣдомство Казанскаго университета, „развѣ господину министру народнаго просвѣщенія угодно будетъ самому снестись по сему предмету съ г. военнымъ министромъ“. Румовскій и просилъ министра о такомъ ходатайствѣ съ его стороны. Не знаемъ, принималъ ли графъ Разумовскій въ этомъ дѣлѣ личное участіе, но Ганаузекъ каѳедры не получилъ.

За годъ до смерти перваго профессора по каѳедрѣ умозрительной и практической философіи — Фойгта, искалъ ее занять докторъ правъ и философіи Эргардъ Готтлибъ *Стекъ*, или Штекъ (Steck). Въ доказательство знаній своихъ онъ представилъ два сочиненія: одно, напечатанное въ Ригѣ въ 1805 году: „Начертаніе исторіи философіи (Die Geschichte der Philosophie, I-er Thl. Die Weltweisheit der Alten“), а другое рукописное латинское изъ области права: „De principiis successionis legitimae ex indole juris Romani Germanicique commentatio“. Прочитавъ эти сочиненія, Румовскій нашелъ въ нихъ, по его словамъ, обширныя свѣдѣнія и знаніе греческаго языка. „Изъ личнаго знакомства я убѣдился“, писалъ онъ, „что университетъ полу-

читъ въ немъ „*человѣка тихаго и кроткаго нрава, и, что для университета драгоцѣннѣе, могущаго преподавать наставленія на россійскомъ языкѣ*“. Стекъ служилъ консулентомъ въ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Получивъ извѣстіе о смерти Фойгта, Румовскій предложилъ Стеку освободившуюся каѳедру. Стекъ 14 августа 1811 года изъявилъ свое согласіе и писалъ, что черезъ четыре недѣли онъ совершенно освободится отъ многихъ порученныхъ ему дѣлъ, но на другой день, 15 августа, онъ уже отказался, ссылаясь именно на эти дѣла и на невозможность передать ихъ кому-либо другому Стекъ писалъ свои письма по русски, но этотъ русскій языкъ изобличалъ въ немъ только нѣмца.

Какіе странные искатели каѳедръ появлялись въ то время, можно видѣть изъ сохранившагося письма какого-то Андрея Андреева, жившаго въ Казани въ собственномъ домѣ, въ приходѣ Грузинской Божіей Матери. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и дослужился до чина коллежскаго совѣтника. Всѣ его отношенія къ Румовскому состояли въ томъ, что онъ когда-то учился у него математикѣ въ „артиллерійскомъ инженерномъ (?)“ шляхтскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1779 году оставилъ службу въ этомъ корпусѣ и по 1805 годъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ; „опытами и прилежаніемъ пріобрѣлъ свѣдѣнія *о порядкѣ дѣлопроизводствъ разнаго рода въ присутственныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи*“. Послѣдняя служба его была въ званіи оберъ-секретаря въ комитетѣ для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія правительствующаго сената. Это былъ очевидно практическій юристъ того времени, но письмо его свидѣтельствуетъ о полной безграмотности. Въ Казань онъ пріѣхалъ въ 1811 году для образованія двухъ малолѣтнихъ сыновей, привлеченный „славою о порядкѣ и способахъ ученія въ Казанскомъ университетѣ и гимназіи“—и въ надеждѣ помѣстить ихъ на казенное содержаніе. Не имѣя никакого понятія о наукѣ, не справляясь даже съ уставомъ университета, этотъ искатель каѳедры одновременно (мартъ 1812 года) подалъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія и написалъ письмо къ попечителю о помѣщеніи его въ Казанскій университетъ для *преподаванія практическаго порядка всѣхъ употребляемыхъ въ Россіи судопроизводствъ* (?). Прошеніе и письмо остались безъ послѣдствій.

Кандидатомъ на вакантную каѳедру всемірной исторіи, географіи и статистики послѣ оставившаго ее адъюнкта Миллера, уѣхавшаго въ ноябрѣ 1809 года директоромъ училищъ въ Иркутскъ, явился вскорѣ *Томасъ*, Іоаннъ Михаилъ, или Иванъ Григорьевичъ, какъ его звали въ Казани. Выписывать этого кандидата изъ далека—надобности не было. Онъ жилъ въ самой Казани и оттуда обратился письмомъ, сначала къ Румовскому (7 марта 1810 года), а послѣ уже, не получая никакого отъ него отвѣта, къ министру графу Разумовскому (25 сентября 1810 года). Письмо имъ полученное министръ препроводилъ къ попечителю вмѣстѣ съ небольшою латинскою рукописною статьею или, какъ называлъ ее авторъ, диссертаціею на 39 разгонисто писанныхъ крупнымъ почеркомъ страницахъ въ малую четвертку. „Animadversiones nonnullae in historiam universalem scribendam, addiscendam et docendam“. Сочиненіе это было написано въ томъ же 1810 году, когда Томасъ сталъ искать каѳедры въ Казанскомъ университетѣ и, сколько мы знаемъ, было его единственнымъ трудомъ. Министръ поручилъ Румовскому разсмотрѣть эту диссертацію и въ случаѣ, если искатель найденъ будетъ способнымъ, представить его для опредѣленія

Томасъ не былъ конечно коренным казанскимъ жителемъ, но какъ человѣкъ, получившій образованіе въ германскихъ университетахъ, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ близкія отношенія къ нѣмецкимъ профессорамъ, которые и посовѣтовали ему искать каѳедры. Изъ его писемъ мы узнаемъ и нѣкоторыя біографическія данныя о немъ. Томасъ родился въ 1770 году въ Кобургѣ, въ верхней Саксоніи. Прослушавши послѣ кобургской гимназіи лекціи въ университетахъ Галльскомъ и Іенскомъ, Томасъ, по его объясненію, не имѣя средствъ для того, чтобъ получить желаемую имъ академическую степень („comme mes moyens se refusaient au désir, que j'avais de prendre un grade académique“), Томасъ сдѣлался въ 1792 году на родинѣ кандидатомъ теологіи. Съ этого года Томасъ, какъ это обыкновенно водилось съ молодыми, не выдающимися ничѣмъ людьми, пока не откроется какое-либо мѣсто, сдѣлался домашнимъ учителемъ и въ этомъ званіи провелъ нѣсколько лѣтъ въ Франконіи, Швейцаріи и наконецъ въ Лифляндіи. Здѣсь, именно въ Дерптѣ, онъ былъ выбранъ въ пасторы-дьяконы и конректоры училища. Но доходы съ этой должности были, по словамъ его, слишкомъ недостаточны для

содержанія семьи (Томасъ былъ женатъ и имѣлъ уже сына), а потому онъ въ слѣдующемъ году рѣшился принять мѣсто гувернера или воспитателя сына казанскаго помѣщика, надворнаго совѣтника и дѣйствительнаго камергера Мусина-Пушкина (1). Въ этомъ домѣ Томасъ пробылъ 7 лѣтъ и девять мѣсяцевъ. Воспитаніемъ Мусина-Пушкина и тѣмъ, что его воспитанникъ получилъ „блестящій аттестатъ“ („un certificat brillant“) отъ испытательнаго комитета (для чиновниковъ) Казанскаго университета, Томасъ очень гордился. По окончаніи воспитанія будущаго казанскаго попечителя, уѣхавшаго на службу въ Петербургъ, Томасъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ другому богатому казанскому помѣщику Алексѣю Ѳедоровичу Моисееву. Придавая большое повидимому значеніе для полученія каѳедры тому, что въ теченіе 19 лѣтъ былъ воспитателемъ молодыхъ людей. Томасъ выставляетъ также свое знаніе различныхъ языковъ: онъ свободно говоритъ по латыни, по французски и по нѣмецки и сдѣлалъ уже довольно успѣховъ въ языкѣ русскомъ „pour ne pas jouer un personnage muet dans des compagnies russes et pour être en état de m'énoncer devant mes auditeurs en leur langue maternelle, au cas qu'il plût à Votre Excellence de me l'ordonner“ Въ заключеніе письма Томасъ увѣряетъ Румовскаго, что онъ не найдетъ никого другаго, кто бы, подобно ему, такъ привыкъ къ казанскому климату и былъ поэтому въ состояніи исполнять обязанности по должности профессора. У него отличное здоровье: „Ma santé pendant 8 ans, n'a reçu aucune atteinte du climat de Kazan, ordinairement si redoutable pour les étrangers nouvellement arrivés“. Наконецъ Томасъ указываетъ и на то, что онъ пользуется довѣріемъ дворянства.

Румовскій конечно весьма обрадовался такому профессору, за которымъ не было надобности отправляться за море. Онъ не справлялся даже о личности Томаса у своего постояннаго казанскаго корреспондента, которому довѣрялъ. О сочиненіи Томаса попечитель отозвался самымъ лестнымъ образомъ. Онъ цѣнилъ его особенно за то достоинство, что не было въ немъ лишней учености. „Диссертацію его читалъ я дважды съ надлежащимъ вниманіемъ“, пишетъ онъ

(1) Это былъ отецъ столь извѣстнаго впослѣдствіи времени попечителя Казанскаго и С.-петербургскаго учебныхъ округовъ.

въ своемъ представленіи министру, „и нахожу, что предложенія его о преподаваніи и сочиненіи всеобщей исторіи основательны, что мысли его здравы и во многомъ согласны съ мнѣніемъ другихъ писателей, изображены ясно и чистымъ латинскимъ языкомъ. По недостатку профессоровъ при Казанскомъ университетѣ, знающихъ россійскій языкъ, вмѣняю я г. Томасу и *то въ немалое достоинство, что онъ въ состояніи лекціи преподавать на россійскомъ языкѣ* (Румовскій лично не зналъ Томаса и вѣрилъ ему на слово) *съ лучшимъ успѣхомъ, нежели какой нибудь глубокомысленный критикъ на иностранномъ языкѣ*“ (1). Но всего дороже попечителю въ этомъ кандидатѣ на профессуру былъ его личный характеръ, о которомъ сообщалъ Томасъ въ своемъ письмѣ, вѣроятно справившись о вкусахъ Румовскаго. Приведя въ своемъ представленіи министру объ утвержденіи Томаса ординарнымъ профессоромъ слѣдующее мѣсто изъ письма его: „De plus, comme j'ai mis l'étude de ma vie à vivre en bonne harmonie avec tout le monde et à éviter soigneusement tout ce qui pourrait blesser ou offenser les autres, j'espère qu'avec des sentiments si paisibles je ne manquerais pas de gagner la confiance et l'amitié de messieurs mes collègues futurs“, Румовскій говоритъ: „въ короткое время попечительства моего, *и недавно* я испы-

(1) Безъ сомнѣнія Румовскому понравилось особенно слѣдующее мѣсто въ сочиненіи Томаса: «Professor igitur, omni evitata prolixitate, copiosiorem rerum expositionem historiae particulari relinquat Sed ut aureum illud praeceptum: ne quid nimis! rarissime a mortalibus observatur, ita et historiae professores saepissime in id peccant, cum imperiti, tum et periti Illi, omnibus, quae annalibus consignata legunt, pro gravibus habitis, nunquam ad finem perveniunt Hi vero saepe, nimio incensi amore in nonnullas haud raro parvi momento materias, quas multo ruminarunt, aut de quibus ipsi libros composuerunt, animo paterno resistere nequeunt, quin omnia de ista re cogitata minutatim auditoribus enarrent Quo vitio doctissimi professores imprimi laborare solent, cum minus ad auditorum commoda spectent, quam gloriae studio inserviant Quare saepius accidit, eruditissimorum deserta, minus vero celebrium, sed sedulo agentium, quod ad rem pertinet, auditoria stipata esse studiosis»— p 24—25 Такимъ образомъ Томасъ не былъ ученымъ и на лекціяхъ желалъ быть занимательнымъ, увлекать своимъ предметомъ: иного и нельзя было ожидать отъ домашняго учителя или гувернера, какіе были воспитателями въ то время въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ Чтобы сказалъ Магницкій о Томасѣ, еслибъ прочиталъ въ его диссертаціи похвалу «славному во всемъ мірѣ Вольтеру», который говорилъ, что нѣтъ ничего хуже какъ быть авторомъ скучной книги: «Toto orbe celebris Voltarius nihil pejus cognovit, quam libri taediosi esse auctorem»—p 38 Томасъ желалъ быть популярнымъ.

талъ колико нужно таковое качество для спокойствія всего сословія и смѣю сказать для моего".

Томасъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ 19 декабря 1810 года. Въ засѣданіи совѣта 25 января слѣдующаго года, новый профессоръ заявилъ, что *всеобщую исторію* онъ будетъ преподавать по напечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1799 году книгѣ: „Всемірная исторія въ трехъ частяхъ", *географію* по Gatterer, „Kurzer Begriff der Geographie", а *статистику* по *Meusel*, „Lehrbuch der Statistik". Руководства эти не перемѣнялись во все время служенія Томаса профессоромъ. Это не былъ ученый, который могъ бы слѣдить за развитіемъ своей науки и усвоивать ея успѣхи. Преподаваніе его едва-ли приносило пользу, и даже неизвѣстно были-ли у него слушатели, знаніе же русскаго языка, чѣмъ былъ такъ доволенъ Румовскій, не было на столько сильно, чтобъ онъ могъ читать на немъ лекціи. Главная цѣль его—добиться спокойнаго мѣста профессора и жалованья, которое обезпечивало бы жизнь его и семьи, была достигнута. Тѣмъ драгоцѣннымъ нравственнымъ свойствамъ, которыя такъ высоко ставилъ Румовскій въ своемъ донесеніи о немъ министру: любви къ тишинѣ и миролюбію, Томасъ не измѣнялъ во все время своей службы Онъ не искалъ ничего, да и не ссорился ни съ кѣмъ. Остался онъ также и учителемъ домашнимъ у помѣщика Мойсеева и лѣтнія вакаціи проводилъ въ его селѣ Черемышевѣ. Какъ профессоръ всеобщей исторіи, предмета не спеціальнаго, Томасъ, немедленно послѣ своего опредѣленія, сдѣлался членомъ экзаменаціоннаго для чиновниковъ комитста и оставался имъ до 1815 года; три года 1811—1814 онъ былъ членомъ училищнаго комитета, но и въ томъ и въ другомъ комитетѣ дѣятельность его не имѣла ничего выдающагося.

И самъ Томасъ, не подражая въ этомъ случаѣ большинству своихъ сослуживцевъ, отказывался отъ разныхъ другихъ должностей по университету, даже если онѣ соединялись съ матеріальною выгодою. Такъ, въ августѣ 1812 года, когда профессоръ Фуксъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности члена гимназической конторы, въ которой все время до открытія университета сосредоточивались денежныя и хозяйственныя дѣла, и попечитель предложилъ совѣту вмѣсто Фукса для управленія экономическою частью университета, пока не образуется университетское правленіе, выбрать другаго члена, совѣтъ выбралъ Томаса. Въ засѣданіи совѣта, въ которомъ происходилъ

этотъ выборъ, Томасъ не участвовалъ и, узнавъ, что донесеніе о немъ уже отправлено для утвержденія, немедля послалъ письмо къ министру, отказываясь отъ должности члена конторы. Онъ писалъ, что выборъ этотъ сдѣланъ въ его отсутствіе и безъ его согласія, что онъ совершенно незнакомъ съ хозяйственными дѣлами и что онъ очень занятъ своею профессорскою должностью. Министръ согласился съ доводами Томаса и вмѣсто него назначилъ Арнгольда. Въ другой разъ, уже въ 1814 году, когда выбирали въ совѣтѣ, послѣ Брауна, избраннаго ректоромъ, инспектора студентовъ и больше избирательныхъ шаровъ оказалось въ пользу Броннера, отказывавшагося отъ этой должности по незнанію русскаго языка, вмѣсто него избранъ былъ отсутствовавшій снова въ засѣданіи Томасъ. И на этотъ разъ, поблагодаривъ членовъ совѣта за честь, оказанную ему выборомъ, Томасъ также отказался, ссылаясь на то, что онъ недовольно еще знаетъ русскій языкъ, что „не имѣлъ случая въ другихъ университетахъ научиться надзиранію надъ студентами“, и наконецъ потому, что у него есть свой домъ, а будучи инспекторомъ, ему пришлось бы жить въ университетѣ.

Въ октябрѣ 1816 года Томасъ вошелъ однако самъ въ совѣтъ университета съ просьбою о дозволеніи занять ему постороннюю должность, которая была ему вполнѣ по наклонностямъ. Нѣмецкое евангелическо-лютеранское общество, въ виду преклонныхъ лѣтъ тогдашняго пастора, предложило Томасу, по отставкѣ его, быть пасторомъ. Томасъ, несшій эти обязанности въ Дерптѣ, принялъ предложеніе, но съ условіемъ, если начальство дозволитъ ему сохранить съ званіемъ пастора и профессорскую должность. Ходатайствуя у совѣта объ этомъ дозволеніи, Томасъ объяснялъ, что ему будетъ удобно соединить обѣ должности, что обязанности пастора будутъ отвлекать его только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, а небольшія поѣздки для исправленія должности проповѣдника могутъ быть легко дѣлаемы во время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не встрѣтилъ препятствій къ удовлетворенію просьбы Томаса и желанія казанскаго лютеранскаго общества. Онъ былъ опредѣленъ „дивизіоннымъ проповѣдникомъ“ (Divisions Prediger (1).

(1) Это названіе происходитъ отъ того, что казанскій лютеранскій пасторъ получаетъ содержаніе изъ военнаго вѣдомства и находится въ зависимости отъ него

Вѣроятно потому что насторомъ былъ ординарный профессоръ университета и членъ училищнаго комитета, директоръ симбирскихъ училищъ не нашелъ съ своей стороны затрудненія удовлетворить желанію симбирскаго лютеранскаго общества и представить ходатайство въ совѣтъ университета о дозволеніи этому обществу, въ воскресные и табельные дни, до выстройки церкви, отправлять богослуженіе свое въ залѣ дома симбирской гимназіи принадлежащаго, съ тѣмъ, что оно принимаетъ на себя отопленіе въ зимнее время и отвѣтственность за всякое могущее произойти поврежденіе. Это было разрѣшено въ октябрѣ 1818 года министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ разъ Симбирскъ по обязанностямъ настора, Томасъ сдѣлалъ визитъ директору училищъ Гапонову. „Не смотря на мои слова, что я не имѣю никакого порученія отъ университета для осмотра гимназіи", доноситъ Томасъ совѣту въ маѣ 1819 года, „директоръ, не обращая вниманія на мое сопротивленіе, повелъ меня (me quasi reluctantem duxit) по классамъ гимназіи и въ моемъ присутствіи спрашивалъ изъ ариѳметики, всеобщей исторіи, латинскаго языка и русской словесности. На всѣ вопросы ученики отвѣчали чрезвычайно скоро и все прочее въ гимназіи нашелъ я въ добромъ порядкѣ". Это счелъ своимъ долгомъ донести совѣту Томасъ, особенно хваля изъ присутствовавшихъ и видѣнныхъ имъ учителей— Скворцева. Совѣтъ постановилъ объявить директору, а равно и учителямъ, „и преимущественно г. Скворцеву", благодарность за „найденное по учебной и хозяйственной части хорошее устройство".

Отъ должности профессора Томасъ былъ уволенъ въ августѣ 1819 года вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами, тотчасъ послѣ ревизіи Магницкаго. Какія обвиненія собственно противъ него, кромѣ только того, что онъ былъ, подобно большинству, нѣмецъ, могъ выставить ревизоръ—не знаемъ. Насторомъ Томасъ оставался также не долго. Тотъ же князь Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который опредѣлилъ его, 27 февраля 1822 года, уволилъ его согласно прошенію. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Въ 1812 году была замѣщена одна изъ вакантныхъ каоедръ медицинскаго факультета, гдѣ, какъ мы знаемъ, было

очень мало профессоровъ. Кандидатомъ на эту каѳедру явился медико-хирургъ, служащій при казанскомъ адмиралтействѣ Адамъ Ивановичъ *Аргольдъ* (¹). Надобно думать, что это былъ петербургскій, уже обрусѣвшій, нѣмецъ Былъ онъ сыномъ пріѣхавшаго въ Россію ювелира и учился первоначально практически въ какой нибудь петербургской аптекѣ. Въ 1804 году, лѣтъ 19 отъ роду, Аргольдъ поступилъ „по охотѣ“ изъ провизоровъ въ С.-петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ и учился съ небольшимъ года три, переходя изъ класса въ классъ съ наградами, состоящими изъ книгъ, какъ значится въ его формулярѣ. Въ августѣ 1807 года Аргольдъ, въ званіи *кандидата медико-хирургіи*, опредѣленъ въ С.-петербургскій морской госпиталь и въ томъ же году получилъ высочайшую награду по представленію конференціи академіи „за превосходное производство разныхъ важнѣйшихъ операцій въ хирургической клиникѣ“ (формуляръ писанъ самимъ Аргольдомъ). Въ ноябрѣ 1808 года произведенъ въ лѣкаря и опредѣленъ въ балтійскій корабельный флотъ; въ 1809 году произведенъ въ старшіе лѣкаря, а въ 1811 году—въ медико-хирурги, а за годъ до того, именно 19 ноября 1810 года, опредѣленъ къ казанскому адмиралтейству. По словамъ того же curriculum vitae, написаннаго самимъ Аргольдомъ и названнаго имъ почему-то формуляромъ, онъ изобрѣлъ (?) инструментъ для особенныхъ операцій—*горжеретъ* (Gorgeret) *съ подвижнымъ путеводителемъ и иглу желобоватую для аневризмы*. Наконецъ Аргольдъ указываетъ и на свой литературный трудъ: переводъ сочиненія Лангенбека: „О производствѣ операцій кампесѣченія“, къ чему сдѣлалъ свои прибавленія и примѣчанія. Переводъ этотъ не былъ однако напечатанъ, но служилъ доказательствомъ, что Аргольдъ владѣлъ русскимъ языкомъ, хотя и писалъ на немъ неправильно. Румовскій былъ доволенъ, найдя такого медика для университета.

Попечитель лично зналъ Аргольда въ то время, какъ послѣдній служилъ въ Петербургѣ, но какого рода было это знакомство—намъ неизвѣстно. Въ припискѣ къ первому письму Аргольда изъ Казани Румовскому, жена его называетъ попечителя „милостивымъ благодѣтелемъ“. Самъ Аргольдъ

(¹) Фамилія его по нѣмецки пишется Arnholdt, по русски же и пишется и печатается разнообразно: Аргоалдтъ, Аргоалдъ, Аргольдтъ и Аргольдъ Такъ какъ въ послѣдней формѣ это имя уже упоминалось и печаталось нами, то мы и удерживаемъ ее.

въ письмахъ свидѣтельствуетъ глубочайшее почтеніе женѣ попечителя Аграфенѣ Яковлевнѣ и проситъ поцѣловать за него „милую Аннинъку“ (вѣроятно дочь попечителя). Безъ сомнѣнія, по порученію Румовскаго, Аргольдъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань, посѣтилъ Яковкина „Въ субботу по утру въ первый разъ посѣтилъ меня г. медико-хирургъ Адамъ Ивановичъ Аргольдъ“, пишетъ онъ попечителю. „а въ воскресенье вечеръ провелъ у насъ и съ женою своею, осматривалъ ужинный столъ студентовъ и питомцевъ Онъ снова увѣрялъ меня въ отеческомъ в. п. ко мнѣ благорасположеніи, котораго заслуживать и быть достойнымъ поставляю я себѣ всегда священнѣйшею обязанностію“ (6 февр. 1811 г.) Можно думать, что знакомство съ Яковкинымъ было указано Аргольду еще въ Петербургѣ самимъ попечителемъ; но мысль пристроить себя къ Казанскому университету въ званіи преподавателя одной изъ медицинскихъ спеціальныхъ наукъ возникла въ Аргольдѣ самостоятельно Оглядѣвшись въ Казани, онъ узналъ въ какомъ неопредѣленномъ и печальномъ положеніи находилось дѣло медицинскаго преподаванія въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ было только два профессора медика. Какъ человѣкъ ловкій и искательный, какимъ мы знаемъ его, онъ гораздо больше думалъ о выгодной практикѣ, чѣмъ о наукѣ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ безкорыстныхъ благодѣтелей человѣчества, какіе все рѣже и рѣже появляются въ сословіи медиковъ, и очень скоро понялъ матеріальныя выгоды положенія клиническаго профессора при тогдашнемъ всеобщемъ недостаткѣ медиковъ, и значительную по тому времени разницу въ содержаніи, получаемомъ медикомъ при какомъ-то казанскомъ адмиралтействѣ и профессоромъ университета.

Еще прежде визита своего къ Яковкину, которымъ онъ сондировалъ почву, Аргольдъ, ссылаясь на „милостивое расположеніе“ попечителя къ нему и къ его женѣ, уже прямо обращается къ Румовскому съ просьбою объ опредѣленіи его въ университетъ. „Безчисленные множества юношей (сохранимъ на этотъ разъ, чтобъ показать степень его знакомства съ русскимъ языкомъ, его правописаніе) прославляютъ высокое имя в. п., яко благотворца своего, благодарятъ своимъ образованіемъ и счастіемъ. Я, будучи *преданъ пламеннымъ рвеніемъ къ наукамъ* (?), прибѣгаю къ покровителю оныхъ, къ в. п. и прошу принять меня въ ваше начальство, удостоить высокаго вашего покровительства. При Казанскомъ университетѣ имѣет-

ся ваканція адъюнкта хирургіи. Я занимался всегда наиболѣе сею частью медицины и съ удобностью таковую должность исполнить могу. Находясь при казанскомъ адмиралтействѣ, имѣю слишкомъ много времени для исполненія онаго (слѣдовательно Аргольдъ разсчитывалъ совмѣстить обѣ должности). Почему покорнѣйше прошу в п. помѣстить меня на помянутую ваканцію по штатному положенію“ (14 янв. 1811 года). Черезъ недѣлю послѣ перваго письма своего и перваго знакомства съ Аргольдомъ, Яковкинъ сообщаетъ уже попечителю, что этотъ искатель каѳедры снова посѣтилъ его и говорилъ *о предположеніи самого попечителя* пристроить его и при университетѣ по части хирургической. „Рѣшеніе его участи зависитъ отъ благорасположенія в и“, писалъ директоръ, „особливо, что онъ, живучи въ самомъ городѣ Казани (а не въ Адмиралтейской слободѣ), свободно и удобно можетъ отправлять должность и въ университетѣ“ (13 февр.). Попечитель однако не соглашался на то, чтобъ Аргольдъ совмѣстилъ свое адъюнктство въ университетѣ съ должностью военнаго врача при адмиралтействѣ. „Изъ аттестата г. Аргольда я заключаю, что полезно бы было пріобщить его адъюнктомъ къ университету по части хирургіи“, писалъ онъ Яковкину, „но я напередъ скажу, что графъ (министръ просвѣщенія) не инако согласится принять его адъюнктомъ, какъ чтобы получилъ увольненіе отъ настоящей должности, точно такъ какъ случилось съ докторомъ Ганаузекомъ, который по сіе время тщетно проситъ объ увольненіи“ (9 марта, 1811 года). Это было объявлено Яковкинымъ претенденту, „но онъ никакъ не надѣется получить увольненіе отъ врачебнаго начальства“, писалъ директоръ, „а полагалъ было, кажется, быть вмѣстѣ и при адмиралтейской конторѣ, и при университетѣ. Впрочемъ обстоятельства лучше покажутъ, какимъ образомъ помочь ему будетъ возможно“ (27 марта, 1811 года).

Не ранѣе какъ черезъ годъ послѣ первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ Аргольдомъ для полученія мѣста адъюнкта въ Казанскомъ университетѣ, ему удалось достигнуть предположенной цѣли. Для этого онъ долженъ былъ съѣздить въ Петербургъ, лично хлопотать о своемъ назначеніи и отказаться отъ возможности совмѣстить двѣ должности и два жалованья. За то онъ былъ опредѣленъ (29 февр. 1812 г.) уже не адъюнктомъ, а экстраординарнымъ профессоромъ хирургіи и повивальнаго искусства, что приносило тогда 1200 рублей жалованья и

500 руб. квартирныхъ, до назначенія казенной квартиры. Мы не знаемъ подробностей его поѣздки въ Петербургъ вѣроятно въ самомъ началѣ 1812 года, но знаемъ, что до своего опредѣленія, Аргольдъ, въ первый же годъ пребыванія своего въ Казани, старался различными способами рекламировать себя и свое врачебное искусство. Такъ непосредственный начальникъ Аргольда капитанъ командоръ Перелешинъ, въ оффиціальномъ письмѣ своемъ на имя Яковкина (14 апрѣля 1811 г., № 1369), пишетъ, что опредѣленный недавно къ казанскому адмиралтейству медико-хирургъ Адамъ Аргольдъ изъяснилъ ему рапортомъ, что „онъ Россіи, *сему любезному отечеству* (2), обязанъ своимъ образованіемъ и въ благодарность того, желая оказать свое усердіе въ помощи страждущимъ болѣзнями, паче наружными, какъ то: глазами, каменною и прочими, требующими къ изцѣленію операціи каждаго рода, предлагаетъ бдительную въ томъ свою услугу къ изцѣленію ихъ, *не взирая на состояніе и корысть*, почему и проситъ объ ономъ распубликовать". Изъ этого же письма Перелешина мы узнаемъ, что находившійся тогда въ Казани для набора рекрутъ въ Черноморскій флотъ капитанъ-лейтенантъ Матвѣевъ донесъ Перелешину, что Аргольдъ посредствомъ операціи излѣчилъ его отъ болѣзни (въ настоящее время легко излѣчимой, но мы не рѣшаемся привести здѣсь ея названіе), „которою страдалъ около пяти лѣтъ и при всемъ стараніи многихъ врачей въ Кіевѣ, Николаевѣ и Казани въ теченіе того времени не получилъ никакого облегченія, Аргольдъ же доставилъ ему совершенное выпользованіе". Сообщая все это, Перелешинъ проситъ, „если благоугодно будетъ предлагаемое медико-хирургомъ Аргольдомъ усердіе и услугу къ пользованію больныхъ принять во уваженіе и не оставить сдѣлать о семъ по ввѣренной вамъ части чрезъ кого слѣдуетъ объявленіе, *дабы страждущіе въ болѣзняхъ требовали отъ него*, Аргольда, помощи въ изцѣленіи отъ оныхъ". Контора гимназіи, которой было передано Яковкинымъ письмо Перелешина, опредѣлила сообщить его совѣту и поручила квартермистру объявить о содержаніи бумаги всѣмъ находящимся при гимназіи и университетѣ чиновникамъ по экономической части и прочимъ служителямъ (1). Совѣтъ, выслу-

(1) Дѣло по объявленію г директоромъ отношенія г. капитанъ-командора Перелешина о предлагаемыхъ медико-хирургомъ Аргольдомъ услугахъ въ помощи страждущимъ болѣзнями. *Конторы*, 1811 г., № 70

шавъ бумагу Перелешина, опредѣлилъ записать ея содержаніе въ протоколъ. Какъ только появился первый періодическій листокъ въ Казани, такъ Аргольдъ воспользовался имъ для печатной рекламы о себѣ (1).

Новый и молодой профессоръ является передъ нами такимъ образомъ не столько ученымъ (прежніе искатели каѳедръ обыкновенно представляли болѣе или менѣе длинный списокъ своихъ сочиненій, какъ права на каѳедру), сколько юркимъ и ловкимъ въ достиженіи цѣли. Аргольдъ пріѣхалъ изъ Петербурга, откуда выѣхалъ 26 марта, въ Казань въ концѣ іюня Изъ его рапорта видно, что поѣздка эта происходила въ сильную весеннюю распутицу, что во время пути, а въ особенности при переправахъ чрезъ рѣки, онъ „претерпѣвалъ великія опасности“ и, доѣхавъ до Рыбинска, остался въ этомъ городѣ весновать Аргольдъ ѣхалъ на казенные прогоны, такъ какъ получилъ отъ Румовскаго оффиціальное порученіе обревизовать на пути гимназію и уѣздное училище въ Нижнемъ, что и было имъ исполнено въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ. Намъ неизвѣстны, за недостаткомъ документовъ, подробности этой ревизіи. Рапортъ о ней, или, какъ выражался Аргольдъ, „плодъ изслѣдованія, заключающій стремленіе его къ истинѣ“, до насъ не дошелъ, но изъ частнаго письма его къ попечителю отъ 15 мая узнаемъ, что училищныя дѣла въ Нижнемъ были очень запутаны, и что онъ долженъ былъ употребить „неусыпныя старанія“, чтобы распутать ихъ. Онъ нашелъ значительную разницу между суммами внесенными и *въ наличіи* находящимися, но позволилъ директору внесть эту разницу въ наличіе. „Причины сему суть: состраданіе къ многолюдному его семейству, долговременная служба и то, что сей недостатокъ оказался по его оплошности и упущенію, ибо онъ зналъ уже три недѣли ранѣе о моемъ назначеніи ревизоромъ, чѣмъ я прибылъ, и имѣлъ бы случаи исправить-

(1) Въ № 17 (9 авг 1811 г) «Казанскихъ Извѣстій» напечатано: «Пріѣхавшій сюда медико-хирургъ Адамъ Аргольдъ дѣлалъ операцію въ домѣ коллежскаго ассесора и кавалера Ныхачева дворовому его человѣку, у котораго вырѣзалъ между плечъ наростъ, величиною болѣе фунта, и вынялъ сало съ проросью на подобіе коровьяго вымя; оный человѣкъ послѣ сей операціи излѣчился О учиненіи сей операціи имѣющимъ таковую же надобность симъ къ свѣдѣнію публикуется — Въ № 18 (16 авг) живущій въ Чебоксарахъ коллежскій регистраторъ Кузьма Матвѣевъ выражаетъ «чувствительную благодарность» Аргольду за операцію раздробленія камня 11-лѣтнему сыну его, «поелику прочіе медики сей болѣзни ослабить не могли»

ся; но казенный интересъ сохраненъ свято и посему прошу покорнѣйше простить сію смѣлость". Уѣзжая изъ Нижняго, Аргольдъ въ своемъ предложеніи директору нижегородской гимназіи (Кужелеву) указалъ въ 8 пунктахъ нѣкоторыя замѣченныя имъ отступленія отъ устава, производящія безпорядки. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что „чиновники не дѣлаютъ должнаго уваженія предъ своимъ начальствомъ, равно и другъ другу не оказываютъ предъ учениками должнаго уваженія и вѣжливости". Онъ замѣтилъ *суровое* обращеніе учителей съ учениками, что первые слишкомъ обременяютъ память вторыхъ, заставляя ихъ только заучивать наизусть, но никакъ „не пріучая ихъ къ трудолюбію и не возбуждая въ нихъ охоту и привязанность къ наукамъ и на будущія времена". Аргольдъ нашелъ, что §§ 51 и 52, по которымъ училища должны вести записки заведеннымъ и впредь заводимымъ училищамъ, равно историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія о губерніи вовсе не исполняются. Далѣе Аргольдъ указывалъ директору на нечистоту, найденную имъ въ гимназическихъ строеніяхъ и на множество живущихъ въ нихъ безъ всякаго на то права и т. п. Практическіе результаты этой ревизіи Аргольда намъ неизвѣстны

Аргольдъ привезъ съ собою отъ попечителя Румовскаго принесенную имъ въ даръ университету Доллондову трубу, мѣдную, съ мѣднымъ прибором, съ объективнымъ микроскопомъ, въ особомъ краснаго дерева ящикѣ, съ пьедесталемъ или стативомъ изъ того же дерева. Съ своей стороны Аргольдъ подарилъ университету человѣческій скелетъ и особо черепъ, а также наполненные воскомъ сосуды, состоящіе изъ двухъ рукъ и трехъ ногъ. Труба отдана была для наблюденій профессору Литтрову, а анатомическіе препараты „до времени" препровождены въ кабинетъ естественной исторіи". Уѣзжая изъ Петербурга, искательный и предпріимчивый профессоръ, кромѣ казенныхъ прогоновъ до Казани, успѣлъ выхлопотать себѣ лишнее мѣсто при университетѣ, мало общаго съ наукою имѣющее, но за то оплачиваемое. Вскорѣ послѣ пріѣзда Аргольда въ Казань, членъ гимназической конторы, въ которой сосредоточивались, какъ мы знаемъ, всѣ денежныя и хозяйственныя дѣла гимназіи и университета, профессоръ Фуксъ, исполнявшій эту должность послѣ отставленнаго профессора Каменскаго (см. о немъ нашей книги, часть первая,

стр. 151—152) лѣтъ шесть, писалъ попечителю: „Ваше пр — ство изволили сдѣлать мнѣ честь увѣдомить меня чрезъ г. проф. Аргольда (не знаемъ, было ли это увѣдомленіе сдѣлано письмомъ, или на словахъ) *о желаніи вашемъ, чтобъ я оставилъ мѣсто члена въ конторѣ гимназіи.* Съ радостію готовъ я исполнить повелѣніе в п., тѣмъ болѣе, что самая справедливость требуетъ, чтобъ другой изъ моихъ собратій принялъ на себя труды, которыми я столь долгое время занимался въ конторѣ. Увольненіе меня отъ конторы я почту милостію в п, *ибо время сіе я могъ бы употребить съ большею пользою на ученыя наши занятія*, которыя не менѣе конторскихъ дѣлъ, требуютъ прилежанія и рачительности". Румовскій очевидно желалъ, чтобы членомъ конторы вмѣсто Фукса, которымъ былъ недоволенъ Яковкинъ, сталъ Аргольдъ. Фуксъ немедленно подалъ прошеніе объ отставкѣ, но письмо его пришло въ Петербургъ уже послѣ смерти Румовскаго и было распечатано министромъ графомъ Разумовскимъ. Очевидно онъ ничего не зналъ о желаніи Румовскаго назначить членомъ конторы Аргольда и на представленіе совѣта объ увольненіи профессора Фукса, предписывалъ: „доколѣ не учредится университетское правленіе, избрать изъ числа профессоровъ другаго и онаго представить на мое утвержденіе". Послѣдствіе этого предписанія, въ засѣданіи 25 августа, былъ выбранъ, какъ мы уже передавали, профессоръ Томасъ, о чемъ и было донесено министру. Выборъ этотъ состоялся безъ вѣдома избраннаго Томаса, въ совѣтѣ отсутствовавшаго, и онъ обратился письмомъ къ министру, высказывая въ немъ, что выборъ этотъ сдѣланъ безъ его согласія, что онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ хозяйственныхъ и крайне занятъ своею должностью, будучи сверхъ того членомъ училищнаго и экзаменнаго комитетовъ. Томасъ просилъ не назначать его. „Такъ какъ нельзя сдѣлать ему въ семъ принужденія", писалъ совѣту министръ (3 октября, 1812 г. № 756), „и мнѣ извѣстно (безъ сомнѣнія изъ письма или просьбы самого Аргольда), что предмѣстникъ мой назначалъ къ сему экстраординарнаго профессора Аргольда, *который при обозрѣніи нижегородской гимназіи* доказалъ, что онъ не несвѣдущъ въ дѣлахъ сего рода, почему и можетъ быть онъ назначенъ членомъ въ контору на мѣсто профессора Фукса, доколѣ не учредится университетское правленіе (1). Мы увидимъ скоро, что это членство

(1) Дѣло объ увольненіи г проф. Фукса отъ присутствія въ конторѣ и объ опредѣленіи на его мѣсто проф. Аргольда. *Сов* 1812 г. № 75.

въ конторѣ совмѣстно съ Яковкинымъ имѣло для Аргольда, какъ и для его предшественника Каменскаго, роковое значеніе.

Передъ началомъ лѣтняго вакаціоннаго времени Аргольдъ, въ рапортѣ совѣту, указалъ на тѣ сочиненія, которыми онъ намѣренъ пользоваться при преподаваніи по занимаемой имъ каѳедрѣ 1) *Въ хирургіи*—сочиненіемъ академика Ивана Ѳедоровича Буша „Руководство къ преподаванію хирургіи", 3 т., располагая курсъ такимъ образомъ: *общую хирургію*—въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ; *операторію*—въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ; остальное время—*о болѣзняхъ органовъ* въ особенности. 2) *Акушерство*—по сочиненію Фрорина, съ такою только разницею въ порядкѣ: сначала собственно акушерство, а по окончаніи его *о болѣзняхъ женскихъ* и *дѣтскихъ*. Присутствующіе въ совѣтѣ доктора медицины и прочіе члены нашли этотъ планъ преподаванія полезнымъ для учащихся, и онъ былъ внесенъ въ списокъ общихъ преподаваній по университету. Лекціи свои Аргольдъ началъ съ августа 1812 года. Какой успѣхъ могли онѣ имѣть, можно заключить изъ слѣдующаго любопытнаго письма его, писаннаго 22 іюля къ Румовскому, за два дня до полученія въ Казани извѣстія о его смерти:

«Имѣя честь быть членомъ Казанскаго университета, долгомъ моимъ поставляю бдѣть о пользѣ его неусыпно, почему, разсматривая состояніе здѣшняго университета, а паче по медицинской части, и находя, что *еще нѣтъ ни малѣйшаго успѣха, даже и въ основаніи оныя*, долгомъ поставляю представить сіе вашему превосходительству. Нѣтъ еще ни одного студента медицины, ибо ни одинъ изъ нихъ, даже два и три года обучающіеся, не имѣетъ познаній въ анатоміи, ни практически, ни теоретически, а въ протекшемъ году она вовсе и не преподавалась профессоромъ. По сему видно, что студенты не имѣютъ познанія тѣла человѣческаго, а съ тѣмъ и физіологіи. Слушали же они судебную науку, которая основываясь на познаніяхъ терапіи, хирургіи и акушерства, должна быть преподаваема въ окончаніи курса; сіи же студенты слушаютъ патологію и не знавъ терапіи, руководствуются въ пользованіи больныхъ. Съ таковымъ распоряженіемъ никогда не можемъ мы достичь предположенной цѣли. Я покорнѣйше прошу в. п. приказать назначить нѣсколько человѣкъ студентовъ собственно къ медицинѣ и раздѣлить предметы ея на классы по систематическому порядку, для чего при семъ табели (росписаніе преподаванія) С.-Петербургской медико-хирургической академіи представить честь имѣю».

Письмо это, только помѣченное Румовскимъ числомъ полученія, не имѣло никакого дѣйствія, и у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько преподаваніе самого Аргольда способствовало успѣху медицинскихъ наукъ вообще въ Казанскомъ университетѣ. Въ мартѣ слѣдующаго 1813 года Арн-

гольдъ вошелъ рапортомъ въ совѣтъ, прося его разсмотрѣть и одобрить, какъ руководство для преподаванія и для напечатанія, переведенныя имъ съ языка нѣмецкаго „таблицы Мартенса, знаменитаго нѣмецкаго акушера“, польза которыхъ, по словамъ его, признана въ Германіи. Представленіе Аргольда передано было совѣтомъ на разсмотрѣніе отдѣленія врачебныхъ наукъ, уже образовавшагося тогда, хотя и неоткрытаго. Врачебное отдѣленіе представило совѣту очень скоро мнѣнія трехъ своихъ членовъ, которые всѣ не совсѣмъ одобрительно отзывались объ избранномъ Аргольдомъ руководствѣ. Фуксъ находилъ, что „хотя эти таблицы довольно изрядно расположены и конечно достойны быть переведенными, но должно признать ихъ *весьма недостаточными* и неудобными для совершеннаго руководствованія студентовъ, посвятившихъ себя сей наукѣ“. Онъ высказывалъ желаніе, чтобъ вмѣсто Мартенса принято было въ руководство сочиненіе „славнаго Штейна“.—Эрдманъ, не отрицая достоинства таблицъ Мартенса, ссылался на мнѣніе самого сочинителя, что таблицы его скорѣе должны служить для повторенія, чѣмъ какъ основательное руководство при преподаваніи; онѣ очень кратки. Эрдманъ считаетъ гораздо болѣе основательнымъ руководствомъ сочиненіе Фрорипа (Frorier). Браунъ всецѣло присоединился къ этому послѣднему мнѣнію, присовокупивъ, что нельзя и сравнивать оба сочиненія другъ съ другомъ.—На эти мнѣнія членовъ врачебнаго отдѣленія Аргольдъ немедленно представилъ въ совѣтъ свой отзывъ. По его словамъ, онъ еще въ прошломъ году указалъ на сочиненіе Фрорипа, какъ избранное имъ руководство при лекціяхъ родовспомогательнаго искусства. Но оно не существуетъ въ русскомъ переводѣ, и студенты не могутъ имъ пользоваться. Для того, чтобы сколько-нибудь содѣйствовать успѣхамъ учащихся, онъ перевелъ таблицы Мартенса, съ цѣлью пользоваться ими при лекціяхъ практическаго родовспомогательнаго искусства. Аргольдъ не отвергаетъ употребленія сочиненія Флорипа, но оставляетъ его *для опредѣленнаго предмета*, т. е. для чтенія по немъ лекцій, но окончивъ теоретическую часть и приступая къ практическимъ занятіямъ, онъ предполагаетъ употреблять для руководства таблицы Мартенса. „Члены медицинскаго отдѣленія“, заключаетъ Аргольдъ, „отвергаютъ мое представленіе, говоря, что таблицы Мартенса неспособны для руководства въ родоврачебной наукѣ, но я и

не утверждалъ этого и не могъ утверждать, будучи профессоромъ чей науки“ (1). Единственное пріобрѣтеніе для преподаваемой Аргольдомъ науки, сдѣланное въ 1813 году, былъ доставленный имъ въ анатомическій театръ трупъ младенца, чтобъ „употреблять его при практическихъ занятіяхъ со студентами надъ фантомомъ для показаній различныхъ положеній младенца въ родахъ“ (2). Не знаемъ, были ли слушатели у Аргольда, и какіе успѣхи они оказывали, но въ самомъ началѣ слѣдующаго 1814 года онъ доноситъ рапортомъ совѣту, что студенты „нынѣ окончили уже общую патологію, пройденную г. проф. Эрдманомъ и полагаетъ, что они способны потому къ слушанію и понятію общей или медицинской части хирургіи“. Онъ проситъ совѣтъ позволить ему заняться преподаваніемъ хирургіи, „дабы онъ могъ обширную ея часть окончить съ будущимъ годомъ“. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ нашло намѣреніе Аргольда полезнымъ, и совѣтъ предоставилъ ему произвести его въ дѣйствіе. Вѣроятно для этого преподаванія общей хирургіи Аргольдъ вскорѣ послѣ того, именно 4 февраля, просилъ совѣтъ выписать для студентовъ избранную имъ въ руководство хирургію Буша и сочиненіе Беттхера „Краткое изложеніе отборныхъ хирургическихъ повязокъ въ пользу молодыхъ лѣкарей“ (перев. съ нѣм. М. Митрофановъ. Спб. 1803). По два экземпляра того и другаго сочиненія были пріобрѣтены на деньги, отпускаемыя на содержаніе студентовъ (3).

Намъ неизвѣстно, началъ-ли Аргольдъ преподаваніе общей хирургіи, и кто были два его слушателя, но преподаваніе его должно было прекратиться въ силу особенныхъ обстоятельствъ. Въ слѣдующее же засѣданіе, а именно 11 февраля, совѣтомъ была заслушана бумага попечителя такого содержанія: „Препровождая при семъ въ оригиналѣ рапортъ конторы казанской гимназіи, предлагаю совѣту изслѣдовать изображенные въ оном ъ *поступки* профессора Аргольда,

(1) Дѣло по рапорту э. о. проф. Аргольда о позволеніи издать на россійскомъ языкѣ таблицы Мартенса по части родовраченаго искусства. *Сов* 1813 г. № 50 и протоколы сов 1813 г. стр 876 Таблицы эти были напечатаны въ университетской типографіи въ 1813 году, подъ названіемъ: «Обозрѣніе практическаго родовраченаго искусства, начертанное докторомъ Францъ—Гейнрихъ Мартенсомъ», переводъ съ нѣмецкаго профессора Аргольда

(2) Дѣло о выдачѣ проф Аргольду на покупку стекляной банки и двухъ ведеръ спирту для сохраненія умершаго младенца въ анатомическомъ театрѣ, денегъ 25 рублей *Конторы* 1813 г, № 26.

(3) Протоколы совѣта 1814 года, стр. 146, 214

взять съ него по сему объясненіе и довесть до свѣдѣнія моего, потомъ вмѣстѣ съ симъ, по списаніи съ рапорта копіи, представить его мнѣ обратно. А какъ господину профессору директору по этому дѣлу, какъ предсѣдателю конторы, голосъ не слѣдуетъ, то препоручить собраніе голосовъ проф. Брауну". Началось новое кляузное дѣло, какихъ было довольно въ первые годы Казанскаго университета. Совѣтъ потребовалъ къ будущему собранію своему объясненіе отъ Аргольда, а адъюнкты, присутствовавшіе въ совѣтѣ, заявили, что они не имѣютъ права подавать голоса въ другихъ дѣлахъ кромѣ ученыхъ (§ 32 устава говорилъ, что адъюнкты имѣютъ право „подавать голоса по учебнымъ предметамъ, но не имѣютъ участія въ выборахъ"). Считая это неяснымъ, совѣтъ представилъ вопросъ на разрѣшеніе попечителя.

Мы не можемъ составить себѣ вполнѣ яснаго представленія о дѣятельности вообще члена конторы по хозяйственной части до времени открытія дѣйствій университетскаго правленія, на долю котораго достались всѣ хозяйственныя дѣла. Единственнымъ памятникомъ служебной дѣятельности Аргольда, какъ члена конторы, было предпринятое имъ или взятое имъ на себя *очищеніе колодниками гимназическихъ дворовъ* (1). Почему это дѣло, для котораго существовалъ достаточный комплектъ разныхъ гимназическихъ и университетскихъ чиновъ, которымъ оно было гораздо ближе, чѣмъ для профессора хирургіи, взялъ на себя Аргольдъ—сказать не можемъ. Вѣроятно инициатива принадлежала самому профессору. „По предписанію Его пр—ства" (попечителя), писалъ онъ конторѣ, „имѣю начать чистку дворовъ съ будущаго понедѣльника (2 мая 1813 года) колодниками военнаго казамата, коимъ будетъ производиться двадцать пять копѣекъ въ день на пищу, которую прошу приказать (выдавать) кому слѣдуетъ, дабы не остановлять работы, десять копѣекъ будетъ выдаваться деньгами, сколько же человѣкъ—буду съ вечера доносить Помянутыхъ колодниковъ конвой будетъ военный, но за недостаткомъ нужно дать имъ въ помощь гимназическихъ инвалидовъ, а сколько—также съ вечера требовать буду. Прошу мнѣ отпустить подъ росписку пятьдесятъ рублей". Всего денегъ потребовано было Аргольдомъ въ три раза—125 рублей, изъ которыхъ онъ возвратилъ 2 р. 70 коп. Кромѣ того онъ вытребовалъ для свозу печи-

(1) Дѣло по рапорту г проф. Аргольда объ очищеніи колодниками домовъ. *Конторы*, 1813 г № 34.

стоитъ: казенныхъ лошадей, рогожъ изъ старыхъ кулей, деревянной посуды и наконецъ для рабочихъ по уставу въ день квасу *втораго налива* (первый идетъ студентамъ и питомцамъ), то есть пожиже. Очень можетъ быть, что этимъ способомъ очистки дворовъ, Аргольдъ хотѣлъ доказать возможность и сти это дѣло и болѣе удовлетворительнымъ образомъ, и гораздо дешевле, чѣмъ оно велось прежде единолично Яковкинымъ, которому Салтыковъ не довѣрялъ. Директоръ по уставу гимназіи былъ главою конторы. На внѣшательство члена отъ университета въ хозяйственныя распоряженія собственно по гимназіи онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на нарушеніе своихъ правъ Отсюда столкновенія Но личное веденіе дѣла очищенія дворовъ профессоромъ хирургіи, только что начавшимъ свой курсъ, представляется намъ весьма страннымъ.

Поступки Аргольда въ конторѣ, которые вслѣдствіе предложенія попечителя предстояло разобрать и обсудить совѣту, заключались, какъ видно изъ рапорта конторы попечителю въ томъ, что когда въ январѣ 1813 года, по контракту съ казанскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Холиковымъ, надобно было заплатить ему по счету имъ представленному, за вставку новыхъ стеколъ и перемазку старыхъ 491 р. 91 коп. Аргольдъ въ журналѣ конторы, при подписаніи его, написалъ: „большое количество вставленныхъ стеколъ въ прошедшей трети отъ 17 августа (sic), по неизвѣстное, заслуживаетъ строжайшаго изслѣдованія и должно быть представлено попечителю; до тогоѣ времени денегъ не выдавать“. Журналъ этотъ былъ уже подписанъ Яковкинымъ и понятно, что въ словахъ Аргольда онъ увидѣлъ недовѣріе къ нему, обвиненіе и личную обиду. Рапортъ конторы, написанный конечно самимъ Яковкинымъ, доказывалъ, что слова Аргольда вписаны въ журналъ въ противность генеральнаго регламента 6 главы и устава Казанской гимназіи, высочайше утвержденнаго въ 1798 году, въ § 16 котораго узаконено: „всѣ вѣдомости квартермистра повѣрять и отвращать всякую потерю казны директору гимназіи“; это подтверждено въ 1805 году главнымъ правленіемъ училищъ и министромъ народнаго просвѣщенія, такъ что самое участіе Аргольда въ этомъ дѣлѣ является тоже незаконнымъ. Въ своемъ объясненіи въ совѣтъ Аргольдъ доказывалъ, что о дѣлѣ въ засѣданіи конторы не было вовсе разсуждаемо, что рапорта квартермистра, свидѣтельствующаго дѣйствительное количество вставленныхъ стеколъ, онъ не видалъ и нашелъ уже совсѣмъ готовый журналъ. Сумма, подлежащая къ

уплатѣ за вставку новыхъ стеколъ и перемазку прежнихъ, естественно показалась ему большою, и онъ считалъ необходимымъ обратить на это вниманіе начальства, что квартермистръ, принимавшій этотъ домъ (съ половины 1812 года до августа 1813 года гимназическій домъ былъ занятъ Московскимъ Екатерининскимъ институтомъ), представилъ опись всего, что онъ принялъ, но ее не сравнили со счетомъ контрагента. Аргольдъ доказываетъ наконецъ законность своего участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ конторы, членомъ которой онъ назначенъ министромъ, имѣетъ полное право разсуждать о каждомъ дѣлѣ и свободно подавать свой голосъ, что контора не находится въ единоличномъ завѣдываніи директора (на это было указано и въ предписаніи министра 12 сентября, 1812 года, № 739) и проч

Какъ только совѣту предписано было заняться слѣдствіемъ по жалобѣ Яковкина, какъ этотъ послѣдній и въ совѣтъ подалъ жалобу, но уже форменную, на высочайшее имя и по пунктамъ Эта новая жалоба написана довольно рѣзко; въ ней опровергается все то, что Аргольдъ высказывалъ въ своемъ объясненіи для оправданія своего „поступка". Яковкинъ даже не видитъ въ томъ, что Аргольдъ написалъ въ журналѣ, „правильной конструкціи" и смысла, что, говоритъ онъ, „въ 6 главѣ генеральнаго регламента воспрещается подъ наказаніемъ". Ссылаясь на предложеніе Румовскаго отъ 11 іюня 1806 года, которымъ опредѣлялся проф. Каменскій членомъ конторы и поручалось ему яко бы только *веденіе экономическихъ дѣлъ по части университета*, чего строго держался уклончивый Фуксъ, Яковкинъ доказываетъ, что Аргольдъ вмѣшался не въ свое дѣло, нарушивъ уставъ Казанской гимназіи, имѣющей особыя права свои. Аргольдъ, говоритъ онъ, „чрезъ таковое публичное меня попошеніе и присвоеніе мнѣ самовластія, сдѣлалъ мнѣ обиду, въ противность воинаго устава 151 артикула и морскаго 5-й книги главы 1, пункта 4-го и высочайшаго манифеста о тишинѣ и спокойствіи, состоявшагося 1787 года апрѣля 21 дня, 13 и 16 статей" (на манифестъ этотъ Яковкинъ часто ссылался). Аргольдъ немедленно вытребовалъ отъ совѣта копію съ формальной жалобы Яковкина и съ своей стороны подалъ на нее объясненіе, гдѣ уже самъ жалуется на сдѣланную ему обиду. „Г. Яковкинъ поноситъ меня непонимающимъ, изобличающимся, неудобопонятнымъ, къ весьма чувствительной личной меня обидѣ, съ каковыми выраженіями входящія въ судебныя мѣста бума-

ги всегда возвращаются подавателямъ ихъ обратно". Собственноручная запись его мнѣнія въ журналѣ не считается Арнгольдомъ противозаконною, такъ какъ онъ дѣлалъ это и прежде и такія записи вошли давно въ обычай въ совѣтѣ.

Всѣ бумаги, относящіяся къ слѣдственному дѣлу о поступкѣ Арнгольда въ конторѣ, были переведены на нѣмецкій языкъ для иностранныхъ профессоровъ; въ совѣтѣ всѣ онѣ читались. Объясненія Арнгольда, какъ первое, такъ и второе, были заслушаны въ совѣтѣ; опредѣлено было разсмотрѣть все дѣло въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, но почему-то это разсмотрѣніе откладывалось. Можетъ быть недовольный этой медленностью и видя въ ней признакъ личнаго къ себѣ нерасположенія, Арнгольдъ вошелъ въ совѣтъ 18 марта съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Находясь съ 3 октября 1812 года членомъ конторы казанской гимназіи, прилагалъ я неутомимое стараніе къ исполненію моихъ обязанностей, соотвѣтственно учиненной мною присягѣ и удостоивался благоволенія начальства Нынѣ, *по слабости здоровья*, должность сію исполнять болѣе не въ состояніи безъ особаго вреда моему слабому здоровью. Посему покорнѣйше прошу почтеннѣйшій совѣтъ уволить меня отъ сей должности и о выполненіи оной въ теченіе одного года и пяти мѣсяцевъ снабдить меня свидѣтельствомъ". Совѣтъ опредѣлилъ: представить эту просьбу на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе попечителя. Салтыковъ, который былъ на сторонѣ Арнгольда, желавшаго повидимому въ угодность начальству раскрыть неправильныя хозяйственныя дѣйствія Яковкина по конторѣ гимназіи, написалъ совѣту укорительную бумагу, что онъ до сихъ поръ не приступалъ къ разслѣдованію дѣла о поступкѣ Арнгольда въ конторѣ и предписывалъ вторично немедленно приступить къ слѣдствію (8 апрѣля). Въ тотъ же день, въ засѣданіи совѣта, опредѣлено было для разсмотрѣнія дѣла составить комитетъ изъ гг. профессоровъ Финке, Литтрова, Городчанинова и адъюнкта Лубкина. Но и этотъ комитетъ, тотчасъ по своемъ образованіи, долженъ былъ распасться. Адъюнктъ Лубкинъ подалъ слѣдующій рапортъ:

1) «Предсѣдательствующій въ конторѣ г профессоръ Яковкинъ есть купно и директоръ гимназіи Потому я, какъ инспекторъ оной, въ разсужденіи г Яковкина, составляю лицо субалтерное и зависимое, не смотря на нѣкоторыя относительно сего ограниченія, сдѣланныя при опредѣленіи меня въ настоящую инспекторскую должность Но начальникъ, доколѣ въ званіи своемъ пребываетъ, кажется не можетъ быть судимъ отъ подвѣдомыхъ ему или отъ подчиненныхъ: и сіе одно было бы для него, по его званію уже обидою, даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы по изслѣдованію нашлось, что онъ не правъ А потому и голосъ мой по сему дѣлу не только не можетъ

быть дѣйствителенъ но и законнымъ образомъ, какъ думаю, можетъ быть отведенъ со стороны Яковкина

2) «Сіе же самое обстоятельство, что г Яковкинъ директоръ, а я инспекторъ гимназіи, дѣлаетъ еще другія неудобства въ разсужденіи помѣщенія меня въ число членовъ комитета для разбирательства дѣла между г Яковкинымъ и г Аригольдомъ Ибо, если бы надлежало дать мнѣ свой голосъ не въ пользу г Аригольда, то онъ можетъ отвести оный тѣмъ, что я такъ поступилъ по пристрастію, изъ опасенія, дабы тѣмъ не раздражить на себя директора, и не подвергнуть себя чрезъ то впредь могущимъ быть неудовольствіямъ, каковыя онъ мнѣ яко начальникъ гимназіи сдѣлать можетъ Если же мнѣніе мое будетъ противъ г Яковкина, то сей также можетъ протестовать противу онаго тѣмъ что я по должности своей имѣя съ нимъ сношеніе, такъ поступилъ по какому либо скрытному съ моей стороны на него неудовольствію, имѣя въ виду тѣмъ ему отмстить, или ослабить вліяніе его въ гимназіи на мою часть Притомъ же не скрываю я и того, что съ г. Аригольдомъ имѣю я семейственное знакомство и потому, сообразно законамъ, и не могу участвовать въ слѣдственномъ дѣлѣ до него касающемся».

Попечитель Салтыковъ, на представленіе совѣта о томъ, имѣютъ ли право адъюнкты участвовать въ спорномъ и тяжебномъ дѣлѣ между Яковкинымъ и Аригольдомъ, не далъ никакого отвѣта. За него обсудилъ этотъ вопросъ Лубкинъ, говорившій въ дополненіе къ своему объясненію:

«По силѣ устава университета (§ 147) «дѣла и жалобы, касающіяся до профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ университета поступаютъ въ правленіе», а правленіе по § 131 состоитъ изъ деканова отдѣленій, которыя должны быть ординарные профессора И посему адъюнкты, на основаніи § 44, не входятъ даже собственно въ составъ университетскаго совѣта и имѣютъ право (§ 32) только присутствовать въ общихъ собраніяхъ и подавать голосъ по учебнымъ только предметамъ, какъ сіе ясно означено, то за таковымъ ограниченіемъ адъюнкты и не могутъ быть назначаемы для изслѣдованія какихъ либо тяжебныхъ и другихъ дѣлъ къ учебной части никакого отношенія не имѣющихъ: поэтику сіе противно законамъ правамъ и обязанностямъ профессоровъ ординарныхъ А посему, если подобныя порученія возлагать по необходимости надобно на адъюнктовъ, то въ опредѣленіи совѣта именно надлежитъ обозначать обстоятельства, такую необходимость производящія, дабы отвратить тѣмъ жалобы происходить могущія на постановленія совѣта съ указанными узаконеніями несообразныя».

Удивительные законники были эти профессора въ первые годы Казанскаго университета, какъ это можно видѣть даже изъ заявленій Лубкина, до мелочей изучившаго университетскій уставъ 1804 года. Впрочемъ это можетъ относиться только къ русскимъ профессорамъ, нѣмецкіе же коллеги ихъ, незнакомые съ языкомъ, не могли различать такія тонкости. Такъ Литтровъ, отказавшійся одновременно съ Лубкинымъ отъ участія въ дѣлѣ и выбранный въ комитетъ заочно, причинами отказа своего выставлялъ, *во первыхъ*, что дѣло, подлежащее разсмотрѣнію, такого рода, что для него необходимо совершенное знаніе русскаго языка, онъ же знакомъ только

съ первоначальными его основаніями. *Вторая* причина та, что для разбора этого дѣла необходимы юристы, а онъ совсѣмъ незнакомъ съ наукою юриспруденціи („quam nihilum ne a limine quidem salutavi“) *Третья* причина, по словамъ Литрова, та, что всѣмъ извѣстна ссора его съ проф Яковкинымъ по поводу преподаванія латинскаго языка въ гимназіи, почему и самый законъ воспрещаетъ ему участвовать въ обсужденіи этого дѣла Выслушавъ всѣ эти заявленія и сознавая, что избранный имъ комитетъ для разсмотрѣнія спорнаго дѣла между Яковкинымъ и Аргольдомъ, за отказомъ двухъ членовъ, не можетъ приступить къ дѣйствію, опредѣлилъ представить это на разрѣшеніе попечителя. Отвѣта однако на это представленіе не послѣдовало, и только на прошеніе Аргольда уволить его, по слабости здоровья, отъ должности члена въ конторѣ. Салтыковъ писалъ (8 апрѣля) „предлагаю совѣту объявить г. Аргольду, что я *нахожу необходимымъ* присутствовать ему членомъ въ конторѣ и потому уволить его отъ сей должности не могу. *Но для большей удобности (?) предлагаю, исправивъ комнаты со службами, занимаемыя предъ симъ проф Яковкинымъ* (переѣхавшимъ въ домъ гимназіи), назначить для жительства г. Аргольду“. Изъ дѣлъ архива и изъ протоколовъ совѣтскихъ засѣданій не видно, чтобы совѣтъ изслѣдовалъ „поступки“ Аргольда въ конторѣ гимназіи, какъ предписывалъ попечитель.

Намъ поэтому совершенно неизвѣстны причины, которыя заставили Аргольда оставить профессуру и начать службу педагогическую, ничего общаго съ хирургіею не имѣющую. Уже въ маѣ мѣсяцѣ того же года Аргольдъ продаетъ университету всѣ, какіе были у него, хирургическіе инструменты на сумму 900 рублей: ясно, что онъ разрываетъ вполнѣ съ своей профессіей. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ одобрило это пріобрѣтеніе, и попечитель тотчасъ же разрѣшилъ заплатить за инструменты деньги изъ суммы на клиническій институтъ отпускаемой. Число этихъ „медико-хирургическихъ“ инструментовъ, какъ называлъ ихъ самъ Аргольдъ, простиралось до 56. Сколько мы можемъ судить, не будучи спеціалистомъ, это были самые простые инструменты: ножи, ножницы, пилы, щипцы, пенсеты, крючки, иглы, спринцовки, бритвы и т. п. Мало общаго съ хирургіею имѣетъ также его литературный трудъ, впрочемъ только предполагаемый, о которомъ онъ доносилъ совѣту слѣдующимъ рапортомъ:

«Весьма просвѣщенными нациями признано, сколь необходимо знаніе медицинской полиціи, и сколь полезно распространеніе таковыхъ сочиненій, кои сію часть врачебной науки трактуютъ На россійскомъ языкѣ не имѣются еще таковыя сочиненія; посему, желая съ моей стороны споспѣшествовать сколько нибудь распространенію полезныхъ сочиненій въ Россіи на отечественномъ языкѣ, предпринялъ я перевесть «Краткую систему медицинскаго законодательства» Вильдберга (Kurzgefasstes System der medicinischen Gesetzgebung, 1804) и дополнить оную прибавленіями и примѣчаніями Намѣренъ будучи въ скоромъ времени открыть подписку на оную книгу, имѣю честь представить оную почтеннѣйшему совѣту съ покорнѣйшею просьбою подвергнуть оную книгу цензурѣ (т е оригиналъ) и по окончаніи дать мнѣ копію съ рецензіи и мнѣнія совѣта».

Отдѣленіе врачебныхъ наукъ нашло книгу полезною для распространенія въ Россіи, какъ это видно изъ донесенія его совѣту отъ 17 іюня, но переводъ книги остался только въ намѣреніи Аргольда. Хотя въ росписаніи лекцій на 1814 годъ, утвержденномъ совѣтомъ, и значится, что Аргольдъ будетъ преподавать *хирургію* по Бушу и *повивальное искусство* по Фрорину, но едва-ли онъ началъ это преподаваніе. Уже 15 сентября 1814 года онъ подалъ попечителю прошеніе, въ которомъ писалъ, что онъ *по слабости здоровья своего* продолжать службу профессора университета не можетъ, и просилъ *для поправленія здоровья* (?) опредѣлить его директоромъ тобольской гимназіи; мѣсто это сдѣлалось тогда вакантнымъ. Попечитель, „уважая дѣятельность и хорошія качества его“, извѣстилъ объ этомъ совѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ общее собраніе его доставило ему, попечителю, мнѣніе на желаніе, изъявленное Аргольдомъ. Совѣтъ нашелъ его способнымъ къ исправленію должности директора, такъ какъ по § 161 устава избраніе директоровъ предоставлено было ему. Министръ 17 октября утвердилъ Аргольда директоромъ, а попечитель Салтыковъ, сообщая объ этомъ совѣту, предписывалъ выдать ему надлежащій аттестатъ. Въ немъ, согласно этому предписанію, заключался панегирикъ:

«Г. Аргольду предмѣстникомъ моимъ (Румовскимъ) поручено было въ 1812 году обревизовать и привесть въ ясность весьма запутанныя дѣла нижегородской гимназіи, что и было имъ исполнено съ отличною точностью, успѣхомъ и похвалою; потомъ опредѣленъ онъ былъ, за неучрежденіемъ университетскаго правленія, членомъ конторы казанской гимназіи, для управленія экономическою университетскою частью, коею и управлялъ до открытія университета, равнымъ образомъ исправлялъ онъ и всѣ особыя начальства порученія съ отличнымъ усердіемъ, точностью, дѣятельностью, безкорыстіемъ и благонравіемъ, безъ всякой за то платы и воздаянія Признавая отличныя услуги Аргольда въ пользу и для чести университета, долгомъ почитаю изъявить ему при семъ совершенную и отличную мою благодарность, надѣясь, что онъ и впредь, по новой его должности, будетъ столь же полезенъ, какъ былъ при университетѣ».

Этотъ панегирикъ выражалъ личныя чувства особаго благоволенія попечителя къ Аргольду, но коллеги его вѣроятно смотрѣли на него съ другой точки зрѣнія. Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года, во время выборовъ передъ открытіемъ университета, Аргольдъ не выбранъ былъ ни на одну должность. Это обстоятельство сильно задѣло его самолюбіе и по всей вѣроятности было причиною, что онъ отказался отъ профессорства Можетъ быть впрочемъ его соблазнялъ и чинъ, который въ тѣ годы имѣлъ большое значеніе. На основаніи указа 21 марта 1810 года онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники, но съ тѣмъ, чтобы прослужилъ въ тобольской губерніи непремѣнно три года

Тобольская служба Аргольда продолжалась не долго: не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ принужденъ былъ оставить директорство и съ помощью весьма благоволившаго къ нему попечителя Салтыкова, снова искать и добиться профессорской должности въ Казанскомъ университетѣ. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности служебной дѣятельности Аргольда въ званіи директора тобольской гимназіи, хотя эти подробности могли бы служить любопытной характеристикой времени и его отношеній къ дѣлу народнаго образованія въ Сибирскомъ краѣ. Тотчасъ по прибытіи въ Тобольскъ, Аргольдъ вступилъ въ отправленіе должности директора съ 1 января 1815 года (1). Изъ донесеній его училищному комитету Казанскаго университета (2) видно, что канцелярію гимназіи, съ которой Аргольдъ прежде всего познакомился, онъ нашелъ въ полномъ безпорядкѣ; всѣ бумаги, безъ различія входящихъ отъ исходящихъ, безъ всякаго порядка годовъ, безъ номеровъ и безъ описи, лежали въ одной кучѣ, такъ что по словамъ Аргольда, не было возможности привести ихъ въ какой-либо порядокъ. Затѣмъ идутъ указанія на *несообразности въ счетахъ*, на недостатокъ суммы въ количествѣ 359 р. 24 к., очевидно растраченной предшественникомъ Аргольда барономъ Эйбеномъ; библіотека найдена была въ совершенной неисправности. Недостатки въ суммахъ по отчетнымъ вѣдо-

---

(1) Рѣчь его по этому случаю была напечатана въ университетской типографіи 1815

(2) Дѣло объ опредѣленіи э о профессора Аргольда директоромъ тобольской гимназіи. По *Училищ. комит.* 1814 г № 158.

мостямъ оказались и въ тобольскомъ уѣздномъ училищѣ и по тарскому малому народному училищу, и въ Туринскѣ, и въ Тюмени. Не досчитывались разныхъ суммъ, или вырученныхъ отъ продажи учебныхъ книгъ, присылаемыхъ изъ департамента народнаго просвѣщенія, или пожертвованныхъ вслѣдствіе настоянія начальства городскими думами и обществами на разныя училищныя нужды. Не видно однако изъ переписки, было ли возбуждено дѣло о растратѣ и были ли приняты какія-либо мѣры къ восполненію недостающихъ суммъ.

Изъ педагогическихъ мѣропріятій Аргольда, повидимому совершенно случайныхъ, мы укажемъ на одно, какъ кажется, имъ самимъ придуманное (1) „Для поощренія юношества къ ученію“, доносилъ Аргольдъ училищному комитету (29 мая 1815 г.), „заведены мною нѣкоторыя игры, къ коимъ во время отдохновенія между и послѣ классовъ допускаются *въ награду* всѣ рачительные ученики. Напротивъ нерадивые въ то же время остаются въ классахъ и должны заниматься ученіемъ. Сіи мѣры наказанія и награды имѣютъ весьма хорошее вліяніе на успѣхи и прилежаніе учащихся“. Другая мѣра, которую Аргольдъ думалъ было привести въ дѣйствіе и съ этою цѣлью написалъ отношеніе къ тобольскому гражданскому губернатору, возбудила противъ него сильное неудовольствіе мѣстныхъ властей (2). Между высочайше утвержденными предварительными правилами народнаго просвѣщенія 1803 года, на самой зарѣ царствованія Александра I, когда люди, окружавшіе молодаго императора, придавали такъ много значенія наукѣ и просвѣщенію, находилась 24 статья. На основаніи этой статьи „никто не могъ быть опредѣленъ къ гражданской должности не кончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ, основанномъ сообразно правиламъ народнаго просвѣщенія“. Это высочайшее постановленіе, „которое весьма споспѣшествовать бы могло успѣхамъ народнаго просвѣщенія“, Аргольдъ прописалъ въ своемъ отношеніи къ губернатору и просилъ его исполнять эту статью. Аргольдъ или забылъ, или не зналъ, что Тобольскъ находится въ Сибири, странѣ, управляемой не общими законами всей страны, а особенными

(1) Дѣло о заведеніи директоромъ тобольскихъ училищъ для прилежныхъ учениковъ нѣкоторыхъ игръ. По *Училищн. комит* 1815 г № 104.

(2) Дѣло по представленію директора тобольскихъ училищъ о неопредѣленіи неокончившихъ ученіе въ какомъ либо учебномъ заведеніи къ должностямъ гражданскимъ. По *Училищн комит.* 1815 г. № 112.

постановленіями и главнымъ образомъ могущественнымъ произволомъ ни отъ кого независимыхъ генералъ-губернаторовъ, а въ тѣ годы эту должность занималъ исторически извѣстный своимъ произволомъ генералъ-губернаторъ Пестель. На бумагу Аргольда, посланную имъ лично отъ себя, какъ директора, безъ всякаго предписанія о томъ со стороны училищнаго начальства, губернаторъ взглянулъ какъ на незаконное вторженіе въ границы предоставленной ему власти и жаловался Пестелю. Для того времени ст. 24 предварительныхъ правилъ имѣла идеальный характеръ, едва ли и въ европейской Россіи она могла быть строго исполняема

Однимъ словомъ Аргольдъ своими дѣйствіями и распоряженіями возбудилъ къ себѣ сильное негодованіе сибирскаго начальства, которое не замедлило жаловаться на него его непосредственному начальству Не прошло и полутора года со времени опредѣленія Аргольда въ Тобольскъ, какъ совѣтъ университета выслушалъ предложеніе попечителя Салтыкова (отъ 4 мая 1816 года № 107) о томъ, „чтобъ тобольскихъ училищъ директоръ Аргольдъ *удерживался отъ употребленія экономическихъ суммъ* (для перестройки пришедшаго въ ветхость дома гимназіи), а для избѣжанія многихъ другихъ неустройствъ, могущихъ произойти отъ его распоряженій, особливо отъ возникшаго между нимъ и гражданскимъ начальствомъ несогласія, поручаю послать въ Тобольскъ *визитаторовъ*“. Такъ какъ визитаторами этими были уже избраны деканъ врачебнаго отдѣленія Эрдманъ и адъюнктъ Ренардъ, то совѣтъ и поручилъ первому, при обозрѣніи тобольскихъ училищъ, „разсмотрѣть принесенныя на директора жалобы (см. выше, стр. 181) и для того снабдить его всѣми нужными по сему дѣлу свѣдѣніями“ (1). Визитаторы давно уже уѣхали, когда совѣтъ получилъ еще предписаніе, теперь уже отъ министра (отъ 28 іюля № 167), дополняющее наши свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Аргольда въ Тобольскѣ, „о неоднократномъ изъявленіи Сибирскаго генералъ-губернатора Ив. Борисовича Пестеля *негодованія* на директора тобольской гимназіи Аргольда, *причиняющаго несогласіе съ гражданскимъ начальствомъ разными притязаніями*, при чемъ отдаются на разсужденіе совѣта мѣры, могущія споспѣшествовать общей пользѣ по учебной части, не нарушая порядка, и что въ сношеніяхъ съ гражданскими чиновниками относи-

(1) Протоколы совѣта 1816 г., стр 55а.

тельно веденія ученыхъ записокъ, директоръ Аргольдъ и учители *не оказываютъ никакого уваженія*, а тѣмъ наипаче директоръ обвиняется въ нарушеніи сего правила (2) и отъ того вредитъ общей пользѣ" (1).

Въ Тобольскѣ визитаторы произвели формальное дознаніе и заставили Аргольда дать письменные отвѣты на девять вопросныхъ пунктовъ, составленныхъ ими на основаніи оффиціальныхъ жалобъ тобольскаго губернатора и поддерживающаго его Сибирскаго генералъ-губернатора (2). Аргольдъ обвинялся: 1) въ томъ, что требовалъ отъ тобольской градской думы учрежденія трехъ приходскихъ училищъ, *минуя гражданское правительство*, не зналъ, что такое открытіе зависитъ отъ разрѣшенія генералъ-губернатора и поспѣшилъ ихъ открытіемъ; 2) Аргольду неизвѣстно было распоряженіе гражданскаго начальства объ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ по Тобольской губерніи, по мѣстнымъ и другимъ обстоятельствамъ, только въ тѣхъ знатнѣйшихъ селеніяхъ, гдѣ имѣетъ пребываніе частный коммисаръ, и что онъ требовалъ отъ земскихъ начальствъ принудительныхъ мѣръ для скорѣйшаго заведенія училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и денежнаго сбора на оныя, 3) что не было побудительной причины въ сношеніяхъ съ гражданскимъ правительствомъ о выполненіи 24 статьи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія; 4) что Аргольдъ, въ противность устава училищъ 1804 года § 80, отлучился отъ публичнаго испытанія учениковъ гимназіи, изъ Тобольска въ Курганъ, Ялуторовскъ, Тюмень и Туринскъ, не извѣстивъ губернатора заблаговременно и всю публику чрезъ полицію; 5) въ томъ, что, испрашивая 1 декабря 1815 года отъ гражданскаго губернатора подорожную на проѣздъ въ Березовъ и получивъ ее, Аргольдъ не обратилъ вниманія на сообщеніе губернатора, что въ Березовской округѣ обитаютъ только одни остяки и самоѣды, что не было ему никакой цѣли отправиться изъ Березова въ Обдорскъ, гдѣ происходилъ сборъ ясака и пробылъ тамъ во время ярмарки восемь дней, не показавъ въ рапортѣ, что въ Березовѣ онъ собралъ въ пользу училища 499 р. 50 коп. (3); 6) въ томъ, что Арн-

---

(1) Протоколы совѣта 1816 г., стр. 95б

(2) Собраніе бумагъ по визитаціи тобольской дирекціи за 1816 годъ. Дѣло *Училищ комит.* 1816 г. № 253

(3) Это было самое серьезное обвиненіе Аргольда, но въ отвѣтахъ

гольдъ, затребовавъ отъ гражданскаго губернатора свѣдѣнія по описанію тобольской губерніи и, получивъ вмѣсто нихъ (собираніе такихъ свѣдѣній лежало на обязанности директоровъ) описаніе, сдѣланное землемѣромъ Филимоновымъ, не воспользовался имъ и, не смотря на запрещеніе генералъ-губернатора входить за помянутыми свѣдѣніями, помимо мѣстнаго начальства, въ присутственныя мѣста, учитель Ленкинъ, по приказанію Аргольда, требовалъ отъ тюменскаго городничаго доставить подобныя свѣдѣнія о городѣ Тюмени, и далѣе, что Аргольдъ о предписаніи генералъ-губернатора, запретившаго сообщать Аргольду какія-либо свѣдѣнія, на его требованія, отозвался „неправильными и неприличными выраженіями, сужденіями и дерзкимъ отзывомъ; 7) что Аргольдъ, на частыя предложенія губернатора представить для хозяйства съ его стороны объ исправленіи весьма ветхаго зданія гимназіи не захотѣлъ этого сдѣлать: 8) что Аргольдъ не руководствовался никакими правилами о формѣ сношеній своихъ съ гражданскимъ губернаторомъ и „обращалъ форму сношеній въ видъ партикулярныхъ писемъ“; наконецъ 9) что 28 іюня Аргольдъ, неизвѣстно по какому случаю, отбылъ въ городъ Тюмень и только при этомъ отъѣздѣ въ первый разъ сообщилъ губернатору, что управленіе гимназіей въ свое отсутствіе поручаетъ учителю Набережному, а прежде такихъ сообщеній не дѣлалъ.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться подробно на объясненіяхъ, сдѣланныхъ Аргольдомъ по каждому обвинительному пункту. Очевидно, что директоръ тобольской гимназіи не умѣлъ снискать къ себѣ личнаго расположенія сибирскаго

своихъ онъ объяснилъ, что хотя изъ бумаги губернатора онъ и видѣлъ, что въ Березовской округѣ живутъ одни только ясашные и что потому онъ, губернаторъ, не рѣшался приглашать ихъ къ пожертвованію въ пользу постройки училищнаго дома, «но я предполагалъ», пишетъ обвиняемый, «что и ясашные, по воззванію государя императора ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, могутъ усердствовать въ пользу народнаго просвѣщенія и съ тѣчъ вмѣстѣ, любопытствуя видѣть житіе и обряды остяковъ и самоѣдовъ рѣшился отправиться въ Обдорскую крѣпостцу потому болѣе, что время было праздничное и употреблено было на поѣздку собственное иждивеніе» По приглашенію Аргольда, въ квартирѣ исправника, коммиссаръ, обдорскій князь, другіе остяки и самоѣды пожертвовали около 90 рублей въ пользу заводимаго въ Березовѣ училищнаго дома; деньги эти должны храниться у исправника Въ Березовѣ городничій Захаровъ уговаривалъ общество на пожертвованіе дома; была устроена подписка и по ней значилось подписной суммы дѣйствительно 499 р 50 к на постройку или покупку дома, а не наличныхъ, которыя должны быть еще собраны

высшаго начальства вслѣдствіе неправильно составленнаго имъ представленія о своей самостоятельности и о подчиненіи и отчетности своихъ только одному непосредственному казанскому начальству, т. е. университету. Онъ писалъ напримѣръ губернатору „отношенія“, тогда какъ тотъ желалъ бы получать отъ него рапорты. Прежде, въ Казани, положеніе его какъ профессора было гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ положеніе директора гимназіи въ Тобольскѣ Онъ не зналъ, что въ Сибири ему придется имѣть дѣло не съ начальниками, дѣйствующими по законамъ, а съ сатрапами, руководствовавшимися въ тѣ далекіе годы личнымъ произволомъ, властями, для которыхъ „законъ не писанъ“. Когда визитаторы обратились въ Казань и представили совѣту университета 8 сентября вопросные пункты, данные ими Аргольду, его отвѣты и свое мнѣніе, совѣтъ, по разсмотрѣніи всего этого, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Онъ находитъ главную причину неудовольствій въ томъ, что директоръ Аргольдъ, *стараясь объ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, употреблялъ иногда мѣры, которыя гражданское правительство находило несовмѣстными съ постановленіями о управленіи сибирскими краями и почитало доказательствомъ дѣйствовать независимо отъ губернскаго начальства* Хотя намѣренія директора были похвальны, но *онъ заслуживаетъ порицаніе за то*, что находясь при должности въ Сибири, *онъ не старался узнать постановленія сего края* и чрезъ таковое нерадѣніе подалъ поводъ къ неудовольствіямъ и равномѣрно за то, что *прежде экзамена предпринялъ путь въ уѣздные города* и не употреблялъ въ своихъ сношеніяхъ законную форму. *Удаленіе его изъ Тобольска кажется необходимымъ, но какъ исправность его и усердіе къ службѣ одобряются визитаторами*, то просить г. попечителя представить о семъ г. министру“ (1).

На это донесеніе совѣта попечитель предоставилъ ему отнестись прямо отъ себя къ министру объ Аргольдѣ и просить о переводѣ его директоромъ въ Симбирскъ, а симбирскаго директора Гапонова перевести на его мѣсто (2). Министръ однако, безъ сомнѣнія по настояніямъ сибирскаго генералъ губернатора, постоянно жившаго въ Петербургѣ, не

(1) Протоколы совѣта 1816 г стр 120а
(2) Тамъ же стр стр 140б

согласился на такую комбинацію. Въ своемъ предписаніи совѣту (12 дек. 1816 г. № 4003) онъ требовалъ, чтобъ Аргольдъ остался по прежнему на своемъ мѣстѣ и подтверждалъ ему, что „*если онъ не удержитъ себя въ порядкѣ*, правилами службы предписаннымъ, то лишится своего мѣста". На основаніи этого предписанія министра, совѣтъ опредѣлилъ: сдѣлать Аргольду выговоръ, препроводивъ къ нему копію съ этого предписанія, а такъ какъ Гаюновъ былъ незадолго до этого переведенъ за что-то учителемъ въ иркутскую гимназію, то предписать ему немедленно отправиться обратно въ Симбирскъ, а о выдачѣ ему прогонныхъ денегъ отъ Иркутска просить его сіятельство г. министра" (1). Какъ только Аргольду сдѣлалось извѣстнымъ это распоряженіе министра, онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ, мотивируя его тѣмъ, что ему необходимо быть въ Москвѣ для раздѣла имѣнія между родственниками, но какъ человѣкъ ловкій и практическій, онъ очень хорошо понималъ, какое значеніе имѣютъ личныя хлопоты, лесть и поклоны — у источника власти въ Петербургѣ, гдѣ жилъ и благоволившій ему попечитель Салтыковъ. Сдавъ должность, наличное имущество и деньги гимназіи старшему учителю Набережному и получивъ жалованье за январскую треть, Аргольдъ выѣхалъ немедленно изъ Тобольска. Въ началѣ марта онъ былъ уже въ Казани, гдѣ „по слабости здоровья и весьма худой дороги", выхлопоталъ себѣ вторичный отпускъ на 28 дней. Воспользовавшись пребываніемъ въ Казани и познакомившись съ университетскими дѣлами, Аргольдъ рѣшился сдѣлать попытку снова попасть на каѳедру, которая теперь представляла ему и больше выгодъ, и больше спокойствія, чѣмъ директорство въ гимназіи. Что онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ отсталъ отъ науки, что онъ продалъ всѣ свои хирургическіе инструменты, что три года онъ не вырывалъ даже и зубовъ — все это не приходило ему въ голову, какъ не приходило оно ни одному изъ его современниковъ, кромѣ тѣхъ, которые черпали знаніе изъ дѣйствительнаго его источника — на Западѣ. Аргольдъ видѣлъ впереди только солидный для того времени окладъ профессора и прибыльную практику. Представляя при прошеніи своемъ въ совѣтъ аттестатъ о службѣ, Аргольдъ говорилъ и о прежней службѣ своей профессоромъ, продолжавшейся два съ

(1) Протоколы совѣта 1817 г. стр. 1а

половиною года и называемой имъ теперь *многоуважаемой* (Аргольдъ былъ опредѣленъ по старому режиму, а не по выборамъ, которымъ теперь предстояло ему подвергнуться). Онъ говорилъ, что только „для поправленія слабаго здоровья“ онъ просилъ попечителя назначить его директоромъ въ Тобольскѣ (поѣздка за полярный кругъ, въ Обдорскъ, въ самую средину зимы, въ Крещенье, не свидѣтельствуетъ однако о слабости его здоровья). О своей службѣ въ должности директора Аргольдъ говоритъ, что онъ „прилагалъ всевозможное стараніе о исполненіи возложенныхъ на меня обязанностей со всею точностію для пользы народнаго просвѣщенія, но непредвидѣнныя отношенія вовлекли меня въ величайшія затрудненія, обратили на меня неблагорасположеніе гражданскаго начальства, и тѣмъ самымъ привели въ невозможность исполнять обязанности мои съ пользою для заведеній, управленію моему ввѣренныхъ“ (1).

Такія причины выставлялъ Аргольдъ для объясненія желанія своего *обратнаго перемѣщенія* въ Казанскій университетъ и теперь уже не экстраординарнымъ профессоромъ, какимъ выходилъ изъ него, такъ какъ не имѣлъ степени доктора, а ординарнымъ. Каѳедру, которую онъ желалъ теперь занять, указывалъ уже другую, именно врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности. Нѣтъ свѣдѣній у насъ, насколько Аргольдъ былъ приготовленъ къ этой каѳедрѣ, но она была свободна, а потому ее легче было получить. Каѳедру хирургіи, на которую Аргольдъ былъ назначенъ въ 1812 году, занималъ профессоръ анатоміи и ректоръ Браунъ. Недостатокъ профессоровъ и много пустующихъ каѳедръ вызвали не задолго до прошенія Аргольда особую мѣру, дополнявшую въ нѣкоторомъ отношеніи уставъ 1804 года. По докладу министра просвѣщенія, утвержденному Государемъ Императоромъ въ 3 день января 1817 года, разрѣшено было профессорамъ занимать, кромѣ одной, и другую каѳедру съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ половиною штатнаго жалованья. Этимъ разрѣшеніемъ въ Казанскомъ университетѣ воспользовались, какъ мы увидимъ, тогда же въ довольно широкихъ размѣрахъ. Ректоръ Браунъ, первый заявилъ въ совѣтѣ желаніе занять праздное въ университетѣ мѣсто профессора хирургіи (онъ еще

(1) Дѣло объ увольненіи директора тобольскихъ училищъ Аргольда на 28 дней въ городъ Москву и объ увольненіи его вовсе отъ директорской должности. *Сов.* 1817 г. № 13

прежде того сталъ преподавать эту науку). Совѣтъ опредѣлилъ представить объ этомъ министру „такъ какъ хирургія имѣетъ *теперь* (?) связь съ анатоміею“ (1). Это представленіе совѣта было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія (25 апрѣля 1817 года, № 1023). Все это было очень хорошо извѣстно Аригольду, и потому-то онъ и выбралъ для себя каѳедру врачебнаго веществословія и просилъ „въ случаѣ несоизволенія на сію покорнѣйшую просьбу, уволить его отъ должности директора тобольскихъ училищъ для приисканія приличнаго мѣста“. На счетъ чина надворнаго совѣтника, который былъ данъ ему какъ отправлявшемуся на службу въ Сибирь, на основаніи закона, Аригольдъ писалъ, что лѣта, положенныя указомъ 9 декабря 1799 года, въ чинѣ 8 класса выслужилъ съ избыткомъ, какъ явствуетъ изъ аттестата, а потому считаетъ возложенный на него чинъ надворнаго совѣтника „заслуженнымъ трудами и похвальною службою“, а не за поѣздку въ Сибирь полученнымъ. „Впрочемъ“, заключаетъ свое прошеніе Аригольдъ, „еслибы почтеннѣйшее начальство мое почло незаслуженнымъ помянутый чинъ, то осмѣливаюсь покорнѣйше донесть, что я съ покорностью готовъ сложить съ себя оный, но ѣхать обратно въ Тобольскъ не могу, какъ *по слабости здоровья*, такъ въ особенности по вышеизъясненнымъ причинамъ, по коимъ я, при всемъ усердіи ко благу просвѣщенія, долженъ быть безполезенъ для тамошнихъ заведеній“.

Къ прямому опредѣленію или выбору (совѣтъ разсуждалъ о способѣ удовлетворенія просьбы Аригольда) въ ординарные профессоры по указанной имъ каѳедрѣ, встрѣтилось препятствіе въ распоряженіи, сдѣланномъ попечителемъ Салтыковымъ (14 іюля, № 153). Это распоряженіе, имѣвшее источникомъ своимъ заботы объ увеличеніи экономическихъ средствъ университета, состояло въ томъ, „чтобы *до времени* (?) университетъ ограничивался числомъ профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся, и чтобы вакантныя каѳедры, какъ было и до сего времени, занимаемы были экстраординарными профессорами и адъюнктами, если только для сего оныхъ достаточно, такъ какъ *отъ неполнаго числа ординарныхъ профессоровъ составится важная отрасль экономической суммы*, которая послужитъ на поправленіе учебныхъ при университетѣ заведеній и на ихъ усовершенствованіе, и чтобы совѣтъ, при

(1) Протоколы Совѣта 1817 г. стр. 26.

устроеніи заведеній, въ смѣтахъ имѣлъ великую разсчетливость, дабы таковыя заведенія устраивались постепенно, слѣдуя § 136 устава". Это распоряженіе попечителя утверждено было вскорѣ министромъ (1). Совѣтъ поэтому и отказался удовлетворить прошеніе Арнгольда, „не приступая къ установленному §§ 57 и 58 устава изслѣдованію о знаніи и о достоинствахъ ищущихъ профессорскихъ мѣстъ", но опредѣлилъ представить копію съ своего опредѣленія министру. Слѣдствіе этого представленія Арнгольдъ былъ уволенъ отъ должности директора.

Личное ходатайство въ Петербургѣ и житейская ловкость Арнгольда успѣли однакожъ поставить дѣло опредѣленія его вновь въ Казанскій университетъ такъ удачно, какъ вѣроятно онъ самъ и не разсчитывалъ. Совѣтъ, въ двухъ представленіяхъ своихъ (№№ 331 и 358), почти одновременно поданныхъ къ министру, противорѣчилъ самому себѣ. Въ первомъ онъ препровождалъ просьбу Арнгольда о перемѣщеніи его въ Казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ врачебнаго веществословія, а вторымъ испрашивалъ порученіе профессору Вердераму, сверхъ занимаемой имъ каѳедры, и другую—ту же каѳедру врачебнаго веществословія. Министръ передалъ оба представленія на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Здѣсь „принято было въ уваженіе и *личное засвидѣтельствованіе* г. попечителя Казанскаго университета о надворномъ совѣтникѣ Арнгольдѣ, который прежде сего служилъ профессоромъ по части хирургіи". Правленіе, основываясь на этомъ, положило *опредѣлить его, Арнгольда, на имѣющуюся вакантную каѳедру хирургіи ординарнымъ профессоромъ, яко извѣстнаго уже знаніемъ своимъ по оной*, а ректора Брауна уволить отъ преподаванія хирургіи (мы видѣли выше, что министръ, согласно представленію совѣта, не задолго до того поручилъ ему преподаваніе по оной), которую онъ принялъ на себя за неимѣніемъ особаго профессора по сей части, впредь до опредѣленія онаго. Сверхъ того, при ректорской должности, двѣ столь обширныя каѳедры занимать затруднительно и невозможно".

Профессоромъ хирургіи снова назначенъ былъ Арнгольдъ 5 августа 1817 года, а 7 того же августа, по предложенію попечителя, поручена ему должность доктора гимназической

---

(1) Протоколы совѣта 1815 г. стр. 88а и 99б.

больницы, „съ производствомъ опредѣленныхъ выгодъ“, до опредѣленія профессора клиники. Торжествующій возвратился такимъ образомъ Аргольдъ въ Казань тѣмъ болѣе, что по видимому и дорога ему ничего не стоила. Ему выданы были прогонныя деньги, а изъ рапорта нижегородской гимназіи училищному комитету университета отъ 10 сентября 1817 года, № 432, съ приложеніемъ росписки Аргольда, мы узнаемъ, что онъ везъ какія-то казенныя вещи, отправленныя изъ С.-Петербурга попечителемъ Салтыковымъ (въ первый разъ онъ также везъ, какъ мы видѣли, на казенный счетъ Доллингову трубу отъ Румовскаго) и взялъ изъ гимназической суммы „для разсчета съ рабочими людьми“ заимообразно триста рублей. Мы не нашли однако никакихъ указаній на то, какія казенныя вещи Аргольдъ привезъ съ собою. Тотчасъ по прибытіи его въ Казань, за переходомъ Эрдмана въ Дерптскій университетъ, ему препоручены былъ и клиническій институтъ.

Вторичная служба профессора Аргольда въ Казанскомъ университетѣ на каѳедрѣ хирургіи продолжалась также не долго: всего около двухъ лѣтъ, до окончанія ревизіи Магницкаго. Слѣдовательно и по краткости времени этой служебной дѣятельности едва-ли можно полагать, чтобъ отъ нея остался глубокій слѣдъ. Изучая немногіе сохранившіеся слѣды этой дѣятельности въ архивныхъ документахъ, мы пришли къ убѣжденію, что собственно преподавательской дѣятельности со стороны Аргольда и не было. Хотя въ росписаніи преподаванія на 1818—1819 учебный годъ и напечатано, что онъ будетъ читать студентамъ хирургію по сочиненію Буша, но мы очень сомнѣваемся, чтобъ это было въ дѣйствительности. Изъ студентовъ, которые могли бы учиться у него, мы знаемъ только одного Отсолига. Для наступающаго курса 1818—1819 года Аргольдъ представилъ правленію о необходимости пріобрѣтенія *моделей*, которыхъ университетъ не имѣлъ, и просилъ „для построенія ихъ“ и пріобрѣтенія хирургическихъ „снарядовъ и повязокъ“ отпустить ему 250 рублей изъ клинической суммы. Сумма эта не была еще назначена вообще; чтобы получить просимую имъ часть ея, необходима была длинная переписка, такъ что лишь въ ноябрѣ разрѣшено было выдать Аргольду требуемую имъ сумму, отчетъ объ употребленіи которой онъ представилъ лишь въ іюлѣ 1819 года. Въ теченіе этого времени Аргольдъ доносилъ правленію университета: „какъ сумма сія не ассигнована, то и затруд-

няюсь я въ преподаваніи хирургическихъ наставленій и сознаю невозможнымъ преподавать безъ сего пособія съ успѣхомъ“ (1). Преподавалъ ли Арнгольдъ въ это время хирургію или нѣтъ — мы положительно сказать не можемъ, но какъ разъ въ половинѣ этого учебнаго года, послѣдняго въ профессорской дѣятельности Арнгольда, отдѣленіе врачебныхъ наукъ входитъ 3 февраля 1819 года, послѣ смерти профессора Брауна, въ совѣтъ съ представленіемъ о „порученіи Арнгольду лекцій по анатоміи, физіологіи и судебной врачебной наукѣ, *безъ жалованья*, впредь до опредѣленія настоящаго сихъ наукъ профессора“. Въ этомъ же представленіи отдѣленіе просило совѣтъ снестись съ казанскимъ губернаторомъ, чтобъ онъ благоволилъ предписать кому слѣдуетъ о доставленіи впредь въ анатомическій театръ университета человѣческихъ труповъ, необходимо нужныхъ для преподаванія (2). Вслѣдъ за симъ самъ Арнгольдъ представляетъ совѣту просьбу поручить ему вполнѣ каѳедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, а на занимаемую имъ каѳедру по части хирургіи пригласить другаго профессора (3). Не знаемъ, какъ объяснить эту частую измѣнчивость Арнгольда по предметамъ его преподаванія, но очевидно, что какъ представленіе врачебнаго отдѣленія о порученіи Арнгольду преподаванія анатоміи безъ жалованья, такъ и ходатайство его самого оставить хирургію и перейти на каѳедру анатоміи, дѣлались безъ взаимнаго соглашенія отдѣленія и профессора. Совѣтъ потребовалъ заключенія по послѣднему ходатайству Арнгольда отъ врачебнаго отдѣленія. Заключенія этого довольно долго не давало отдѣленіе, такъ что и. д. ректора послѣ смерти Брауна проректоръ Солнцевъ заявилъ въ засѣданіи совѣта, что лекціи анатомическія остаются безъ чтенія (покойный Браунъ успѣлъ въ этомъ году пройти только вкратцѣ одну остеологію), и просилъ совѣтъ сдѣлать по этому предмету какое-либо окончательное распоряженіе, такъ какъ ходатайство Арнгольда о перемѣнѣ каѳедры не получило еще разрѣшенія. Совѣтъ просилъ отдѣленіе поспѣшить своимъ представленіемъ по этому дѣлу. Въ представленіи, заслушан-

---

(1) Дѣло по рапорту г. проф. Арнгольда о покупкѣ моделей и хирургическихъ инструментовъ. *Прибав.* 1818 г., № 118.

(2) Протоколы совѣта 1819 года, стр. 27а.

(3) Тамъ же, стр. 31.

номъ въ совѣтѣ 28 февраля, отдѣленіе настаивало на временномъ только порученіи профессору Аргольду чтенія по каѳедрѣ анатоміи, считая преподаваніе анатоміи и физіологіи „предпочтительно необходимымъ“, согласиться же на обмѣнъ каѳедръ, предлагаемый Аргольдомъ, оно не можетъ, такъ какъ самъ совѣтъ, по смерти Брауна, объявилъ конкурсъ на замѣщеніе каѳедры анатоміи и измѣнить это опредѣленіе совѣта отдѣленіе не имѣетъ права. Аргольдъ же настаивалъ на своемъ, доказывая, что онъ не въ состояніи принять на себя преподаваніе по двумъ каѳедрамъ, какъ желаетъ того отдѣленіе, по неимѣнію времени и по недостатку прозектора и нужныхъ препаратовъ (1). Мы имѣемъ основаніе думать, что если бы въ представленіи отдѣленія не стояла прибавка о *безденежномъ* преподаваніи анатоміи, то со стороны Аргольда препятствій къ совмѣстительству не нашлось бы. Совѣтъ опредѣлилъ представить о перемѣнѣ каѳедры Аргольдомъ министру, а пока повтореніе пройденнаго поручить студенту Отсолигу, подъ наблюденіемъ декана (Вердерамо) (2). Аргольдъ, какъ видно изъ донесенія экзекутора совѣту, отказался и отъ принятія анатомическихъ вещей, какъ было постановлено совѣтомъ „за неимѣніемъ времени“, и принять ихъ долженъ былъ орд. проф. Вердерамо (3). Но и хирургію Аргольдъ едва ли преподавалъ. Въ засѣданіи совѣта 12 іюня того же года проректоръ Солнцевъ читалъ записку о небывшихъ на лекціяхъ нѣкоторыхъ гг. преподавателей, „при чемъ оказалось, что проф. Аргольдъ *съ давняго времени въ лекціяхъ не бывалъ* и причины отсутствія своего не объявилъ“. Совѣтъ единогласно опредѣлилъ: потребовать отъ Аргольда объясненія о причинахъ его отсутствія. На этотъ запросъ Аргольдъ отвѣтилъ слѣдующее: „будучи занятъ по порученному мнѣ высочайшимъ повелѣніемъ построенію казанскаго военнаго госпиталя и *разстроенъ здоровьемъ моимъ* (мы уже видѣли, что Аргольдъ постоянно жаловался на слабость здоровья), долженъ былъ на нѣсколько времени оставить преподаванія свои, а потому и прошу почтеннѣйшій совѣтъ не вмѣнить мнѣ оное въ вину“ (4). Что же касается до ис-

(1) О томъ, что заключалось тогда въ анатомическомъ театрѣ, можно видѣть изъ донесенія проф Вердерамо Дѣло *Сов.* 1818 г. № 127.

(2) Протоколы Совѣта 1819 года, стр 37а

(3) Тамъ же, стр. 44

(4) Дѣло о нехожденіи проф. Аргольда на лекціи *Сов* 1819 г. № 177.

правленія Аргольдомъ зданія казанскаго военнаго госпиталя, то оно доказываетъ намъ съ одной стороны большую житейскую ловкость Аргольда и умѣнье устраивать свои дѣла, съ другой—недостатокъ людей съ техническимъ образованіемъ въ военномъ вѣдомствѣ. Мы знаемъ только начало этого дѣла. Министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ сообщаетъ совѣту Казанскаго университета (23 марта 1819 г. № 1298), что проф. Аргольдъ, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 5 декабря прошлаго года, изложилъ свое мнѣніе касательно исправленія строенія казанскаго военнаго госпиталя и просилъ его ходатайства о доведеніи о томъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. И письмо, и планъ, представленные Аргольдомъ, князь Голицынъ препроводилъ къ начальнику главнаго штаба, сообщившему все это на разсмотрѣніе военнаго министра. Затѣмъ начальникъ главнаго штаба увѣдомляетъ князя Голицына, что военный министръ призналъ полезнымъ поручить профессору Аргольду исправленіе зданій казанскимъ военнымъ госпиталемъ занимаемыхъ, *съ отпускомъ потребной на то суммы* изъ коммиссаріатскаго вѣдомства, прикомандировавъ въ помощь къ Аргольду университетскаго архитектора, съ тѣмъ, чтобы исправленіе это было произведено подъ надзоромъ казанскаго коменданта. Изъ бумаги начальника главнаго штаба князя Волконскаго видно, что все дѣло объ участіи Аргольда въ перестройкѣ зданій госпиталя, на которую была ассигнована сумма въ количествѣ 172642 р., было доложено Государю Императору, соизволившему утвердить планъ перестройки. Аргольду, какъ видно изъ той же бумаги, позволялось „жить въ перестроенномъ зданіи, но высушкѣ сырыхъ покоевъ, для пробы“ (2). Ему поручалось также составить смѣту для исправленія стараго строенія „по методѣ его“ для обращенія въ казармы. Такимъ образомъ Аргольдъ является передъ нами и зодчимъ, но намъ ничего неизвѣстно, какъ исполнилъ онъ порученіе военнаго вѣдомства, вызванное имъ самимъ. Если онъ и довелъ до конца перестройку, то уже не будучи профессоромъ Казанскаго университета (1).

Не совсѣмъ удачно было для Аргольда исполненіе имъ должности врача гимназической больницы, въ которой лѣчи-

---

(1) Дѣло о порученіи профессору Аргольду исправленія зданій казанскимъ военнымъ госпиталемъ занимаемыхъ *Сов.* 1819 г. № 136

лись и студенты. На первыхъ порахъ, познакомившись съ больницею, онъ своимъ долгомъ сѣлъ донести правленію университета (12 августа 1818 г.) о неустройствахъ въ ней замѣченныхъ. Онъ нашелъ тамъ 1) грязныя и сголившія деревянныя, до того безобразныя что онѣ скорѣе непригодны были бы даже и въ солдатскихъ больницахъ; 2) тюфяки, частію набитые сѣномъ, частію перьями, были, за долговременностью, совершенно ветхіе: подушки при нихъ худыя, одѣяла—ветхія и безобразныя, кружки—оловянныя и поломанныя. Обо всемъ этомъ онъ представлялъ директору Яковкину, но тотъ отозвался неимѣніемъ суммъ на устройство новой обстановки. Поэтому Аргольдъ и просилъ правленіе „приказать помянутыя неисправности, подъ руководствомъ моимъ исправить, а вещи вновь построить". Все это кончилось однако ничѣмъ, такъ какъ правленіе предложило Аргольду объ исправленіяхъ отнестись въ контору гимназіи.— Должность врача въ этой больницѣ доставила однако не мало непріятностей Аргольду. Такова его ссора, разбиравшаяся судебнымъ порядкомъ университетскимъ правленіемъ, съ главнымъ надзирателемъ гимназіи Петровымъ, тѣмъ самымъ, на котораго жаловались учителя гимназіи въ дѣлѣ „о выбитіи глаза ученику Иванову", разсказанномъ нами въ одной изъ предшествовавшихъ главъ. Новое дѣло, сущность котораго мы считаемъ полезнымъ изложить для болѣе полной характеристики Аргольда (1), не возникло бы однако никоимъ образомъ, еслибы попечителемъ оставался Салтыковъ, чрезвычайно благоволившій Аргольду, какъ это было уже не разъ нами замѣчено. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для объясненія причинъ этого благоволенія. Но Салтыковъ, живя въ Петербургѣ, близко видѣлъ какъ измѣнялось направленіе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; до него доходили слухи, распускаемые въ Петербургѣ, о неурядицахъ въ Казанскомъ университетѣ; онъ зналъ вѣроятно о готовящейся ревизіи Магницкаго и 4 августа 1818 года былъ уволенъ по прошенію. У Аргольда не стало сильнаго защитника. Нападать можно было теперь безнаказанно.

---

(1) Дѣло по жалобѣ профессора хирургіи Адама Аргольда о причиненной ему обидѣ главнымъ надзирателемъ казанской гимназіи Петровымъ относительно худаго пользованія имъ, Аргольдомъ, въ больницѣ питомцевъ гимназіи *Прав.* 1818 г. № 124

Въ своемъ прошеніи, поданномъ имъ 8 сентября 1818 года въ правленіе, Аргольдъ жалуется на „обиды, претерпѣваемыя имъ со стороны посторонняго въ отношеніи больницы человѣка—главнаго надзирателя Петрова. Обида состояла въ томъ, что Петровъ пригласилъ въ больницу профессоровъ: Брауна, Вердерамо и Фукса для совѣщанія о болѣзни питомца Попова, не давъ знать о томъ ему, Аргольду. Эти профессора, не найдя въ больницѣ врача, не могли и совѣщаться. *„Петровъ входилъ въ разсмотрѣніе больнаго и его лѣкарства и отзывался обо мнѣ, въ присутствіи студентовъ, моихъ слушателей, съ весьма невыгодной стороны* и между прочимъ сказалъ, что двое питомцевъ померли въ бытность мою при больницѣ, изъ коихъ одинъ погибъ невинно". Аргольдъ проситъ правленіе „воспретить Петрову входить въ дѣла и распоряженія по больницѣ, потому что она не подлежитъ его надзору. Правленіе потребовало отъ Петрова объясненія на эту жалобу. Его длинное объясненіе представлено было лишь черезъ два мѣсяца. Въ немъ Петровъ говоритъ, что *не безъ причины* онъ почелъ необходимымъ доложить директору о сомнительномъ состояніи здоровья *уже покойнаго* пансіонера Попова и директоръ приказалъ просить означенныхъ въ бумагѣ Аргольда профессоровъ, извѣстя о томъ и его. По словамъ Петрова, онъ дѣлалъ эти приглашенія лично, дважды былъ и у Аргольда, но не засталъ его дома и просилъ домашнихъ передать ему о причинѣ его прихода. И надзиратель больницы Фаврѣ могъ извѣстить его, зная заранѣе о предполагавшемся консилиумѣ. Далѣе, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Аргольду, идутъ у Петрова уже прямыя обвиненія его, какъ невнимательнаго врача:

«Будто я входилъ въ разсмотрѣніе больнаго и его лѣкарства?»—изъясняю, что безъ дальняго разсматриванія больнаго, можно было понимать тягостное его состояніе, выражаемое охриплыми стонами, икотою и кашлемъ; а лѣкарство я разсматривать не могъ, не имѣя медицинскихъ познаній; только поставлялъ на видъ посѣтившимъ профессорамъ, что на сигнатуркѣ лѣкарства Попову написано было «pro gymnasio» и поясняя, что и на большей части бланокъ съ лѣкарствами бываютъ подобныя надписи, отчего, предполагаю, могутъ легко лѣкарства даваться ошибкою и не тѣмъ больнымъ, для которыхъ назначаются. Кромѣ того я отвѣтствовалъ на вопросы гг. профессоровъ Брауна и Вердерамо, желавшихъ знать о времени болѣзни Попова и отвѣтствовалъ потому, что надзиратель больницы и помощникъ доктора Фаврѣ, на всѣ вопросы ихъ давалъ единообразные отвѣты: *«не знаю»* или *«не могу знать»* И дѣйствительно не могъ ничего знать, ибо сказалъ ясно, въ присутствіи всѣхъ тутъ бывшихъ, что ни рецептовъ, ни больничнаго журнала онъ не читывалъ, который журналъ, по его словамъ,

для чего-то не помню хранится въ квартирѣ г Аргольда а не въ самой больницѣ, какъ все учреждено съ основанія гимназіи и строго соблюдалось всѣми прежде бывшими докторами Я даже усомнился въ существованіи онаго журнала, но къ удивленію моему, 6-го числа, въ 12 часу утра получилъ оный журналъ представленнымъ отъ г Аргольда на основаніи, гг профессорахъ Брауну и Вердеромо И примѣтилъ, что сей журналъ былъ весьма тщательно сберегаемъ а чистота его, опрятность почерка и самыхъ чернилъ были только сомнительными свидѣтелями давняго его существованія И такъ здѣсь не разсматриваніе лѣкарствъ было, а разсматриваніе больнаго, который уже болѣе полугода былъ подвергаемъ различнымъ перемѣнамъ болѣзни и конечно внимательное, продолжительное, непрерывное пользованіе его. Попова, не только спасло бы ему жизнь, но и возвратило бы ему прежнее, цвѣтущее его здоровье

«Здѣсь, для ясности, приличало бы хронологическое, когда онъ, покойный Поповъ вступилъ въ больницу, и когда изъ оной былъ выпускаемъ Въ 1818 году, сдѣлавшись болѣнъ лихорадкою, вступилъ 30 января выпущенъ 5 февраля, вступилъ 11 февраля выпущенъ—17, вступилъ 28 февраля—выпущенъ 7 марта, вступилъ 24 марта—выпущенъ 6 апрѣля, вступилъ 13 апрѣля, выпущенъ 6 мая, вступилъ 7 мая выпущенъ 13 іюня Въ продолженіе іюня и іюля страдалъ сильною одышкою, вступилъ въ больницу 9 августа, а 17 сентября вотъ и болѣю номеръ Представляю просвѣщеннымъ врачамъ судить о пользѣ или вредѣ такового *непостояннаго способа пользованія больныхъ* въ казенныхъ заведеніи .

5) «Упоминаетъ г Аргольдъ (въ своей жалобѣ), будто я говорилъ, что *двое питомцевъ померли въ бытность его Аргольда при больницѣ* Изъясняю, что померли двое питомцевъ при немъ до 16 сентября, а 14 еще одинъ, слѣдовательно въ вышѣшнемъ году, съ 15 апрѣля по 17 сентября, при г Аргольдѣ всего померло въ гимназической больницѣ трое питомцевъ. Это доказывается и рапортами его, г Аргольда, въ контору гимназіи

6) «Будто я говорилъ, что одинъ изъ умершихъ именно Алексѣй Новиковъ погибъ невинно? На сей пункт отвѣтствую Когда по приказанію г. директора, я просилъ профессоровъ Брауна, Вердеромо и Фукса въ гимназическую больницу для совѣщанія о болѣзни покойнаго казеннокоштнаго ученика Новикова, то по окончаніи консилиума, оные профессора именно сказали что *призваны поздно и что прервать болѣзни уже нельзя*» Слѣдственно я, по здравому смыслу и безошибочно, могу заключить, что *если бы г Аргольдъ имѣлъ болѣе попеченія о больныхъ питомцахъ то конечно приглашалъ бы и врачей на совѣщанія заблаговременно* и долженъ былъ бы, какъ искусный врачъ, хорошо знать когда можно еще воспользоваться совѣтами другихъ врачей къ спасенію больныхъ, и таковыя приглашенія, какъ видно изъ приведеннаго отзыва гг профессоровъ, могли бы извлекать изъ опасности здоровье и самую жизнь больныхъ учениковъ гимназіи А онъ, г Аргольдъ, не только ихъ не приглашаетъ, но еще и сѣтуетъ на тѣхъ, кои по состраданію, по должности и по святости христіан необходимо должны при всякомъ случаѣ печись о безопасности ввѣренныхъ имъ питомцевъ»

Далѣе главный надзиратель Петровъ оправдывается отъ обвиненія Аргольда, что будто бы онъ хотѣлъ судить о свѣдѣніяхъ его въ лѣченіи. Объ этомъ онъ и не мыслилъ. „Когда начальство признало его, г. Аргольда съ достаточными познаніями врача“, говоритъ Петровъ, „то я обязанъ считать и всегда считаю священными таковыя признанія. Однако законы требуютъ отъ каждаго служащаго не только познаній въ долж-

ности, но и исполненія оной съ усердіемъ, дѣятельностью и внимательностью". И вотъ, въ доказательство того, что Аргольдъ не отличался ни усердіемъ, ни дѣятельностью, ни внимательностью, Петровъ приводитъ нѣсколько доказательствъ. Аргольдъ вовсе не велъ журнала о болѣзни, и если бы онъ велся, какъ слѣдуетъ, то не было бы напримѣръ такого случая (приведемъ одно изъ доказательствъ), что казенно-коштный питомецъ гимназіи Николай Михайловъ былъ признанъ *безнадежно глухимъ*, такъ какъ при записываніи, или по приказанію записывать помощнику своему, Аргольдъ не рѣшился бы записать, что *въ ушахъ Михайлова барабаны пропали*, а это онъ утверждалъ предъ врачебнымъ отдѣленіемъ, когда Михайлова свидѣтельствовали по опредѣленію совѣта университета. Врачебное отдѣленіе повѣрило Аргольду и опредѣлило, что Михайловъ потерялъ слухъ безвозвратно. Онъ былъ уволенъ съ казеннаго коштa, избавился отъ обязательной ученой или учебной службы. „Но на сихъ дняхъ только я точно удостовѣрился", заключаетъ Петровъ, „извѣстіемъ изъ С.-Петербурга, что онъ, Михайловъ, находится въ оной столицѣ, имѣетъ совершенно здравый слухъ и опредѣляется, ежели уже не опредѣлился, въ военную службу".

Правленіе университета потребовало 20 ноября 1818 года отъ Аргольда, чтобы онъ, на объясненіе Петрова, представилъ свое „показаніе съ доказательствами", и такъ какъ Аргольдъ медлилъ съ нимъ, то правленіе въ другой разъ потребовало немедленно представить его. Это показаніе и было представлено имъ 23 декабря. Не станемъ останавливаться на подробностяхъ его объясненій, не имѣющихъ впрочемъ ничего спеціально медицинскаго и ограничивающихся или категорическимъ отрицаніемъ, или укоромъ обвинителю. „Каждый врачъ, по опытамъ, съ горестью сознаетъ", пишетъ Аргольдъ, „что часто чистѣйшее усердіе и совершеннѣйшія знанія не въ силахъ отвратить смертельнаго слѣдствія роковой болѣзни; требовать же отъ врачей совершенства и могущества Божія, требовать непремѣннаго изцѣленія каждой болѣзни и поставлять смерть, постигающую и самихъ царей, въ вину и охужденіе врачу, означало бы нелѣпость, свойственную токмо грубому невѣждѣ". Весь отзывъ Петрова Аргольдъ считаетъ для себя *тяжкою обидою* и проситъ правленіе защитить его на законномъ основаніи. Копія съ показанія Аргольда препровождена была немедленно правленіемъ къ Петрову съ тре-

бованіемъ отвѣтнаго объясненія. Нѣсколько разъ повторялось это требованіе до 14 августа 1819 года, но Петровъ молчалъ и только 5 ноября этого года правленіе постановило, за выбытіемъ изъ вѣдомства университетскаго Аргольда и Петрова, все дѣло сдать въ архивъ. Но гораздо прежде этого, именно 15 апрѣля 1819 года, Аргольдъ подалъ въ совѣтъ университета прошеніе уволить его отъ должности врача при гимназической больницѣ „по слабости здоровья“ и по другимъ занятіямъ на него „возложеннымъ по высочайшему повелѣнію“. Аргольдъ былъ немедленно уволенъ и должность врача при гимназической больницѣ снова была поручена профессору Фуксу (1).

Въ 1818 году довольно обыденное происшествіе случившееся въ казенной квартирѣ Аргольда, было поводомъ къ возникновенію цѣлаго дѣла, оффиціальной переписки и къ слѣдствію. Экзекуторъ университета Ушмарскій донесъ правленію о томъ, что Аргольдъ сообщилъ ему, что „находящаяся у него въ услуженіи крѣпостная женщина Василиса, якобы съ намѣреніемъ зажгла вѣникъ въ печкѣ и бросила на полъ, отъ чего могъ бы произойти пожаръ, еслибъ онъ, Аргольдъ, вскорѣ не взошелъ въ комнату и не прекратилъ все оное, къ опасности предвидимое“. Донесеніе это экзекуторъ долженъ былъ сдѣлать на бумагѣ, оффиціально, по просьбѣ, какъ онъ пишетъ, самого Аргольда. Правленіе приказало экзекутору взять крѣпостную женку Аргольда подъ караулъ и самого его увѣдомило о томъ выпискою изъ журнала. Какъ только Аргольдъ получилъ эту выписку изъ журнала, такъ сейчасъ же донесъ рапортомъ, что приведенные экзекуторомъ въ бумагѣ его факты ложны: 1) происшествіе, случилось въ его кухнѣ въ его отсутствіе и прекращено не имъ, а по распоряженію жены Аргольда; 2) пожаръ начался въ то время, когда готовила кушанье крѣпостная дѣвка жены—Авдотья, а не Василиса, какъ показываетъ экзекуторъ; 3) происшествіе считалъ онъ, Аргольдъ „важнымъ для безопасности общей“ и потому, призвавъ экзекутора, объявилъ ему о томъ съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ розыскъ о немъ по горячимъ слѣдамъ, былъ ли случай преднамѣренный или произошелъ

(1) Дѣло объ увольненіи профессора Аргольда отъ должности доктора гимназической больницы и о препорученіи оной г. проф. Фуксу. *Сов.* 1819 г № 100.

онъ по неосторожности, и донесъ о томъ ректору „Экзекуторъ, не учиня должнаго слѣдствія, извѣстилъ меня на другой день, что онъ о произшествіи докладывалъ ректору и что ректоръ приказалъ ему увѣдомить меня, что я дѣвку мою могу наказать дома, и для того предлагалъ взять солдать". Далѣе Аргольдъ пишетъ, что случай произошелъ отъ неосторожности, какъ оказалось по его собственному изслѣдованію, „а по сему и не могу дать женщину Василису подъ караулъ, но впрочемъ, какъ дѣвка Авдотья еще не наказана, то и предаю ее распоряженію правленія". Правленіе приказало: дѣвку Авдотью въ присутствіи синдика о описанномъ въ рапортѣ экзекутора расспросить, а г. проф. Аргольду дать выписку, чтобъ онъ имѣлъ за своими людьми строжайшій присмотръ. Далѣе, въ слѣдующемъ рапортѣ, экзекуторъ доноситъ, что Аргольдъ не отдастъ ему уже ни той, ни другой изъ предполагаемыхъ виновницъ пожара, и что онъ теперь уже вовсе не стоитъ на утвержденіи предпамѣренности. Тѣмъ не менѣе однакоже, 11 іюля 1818 года, дѣвка г-жи Аргольдъ Авдотья была допрошена синдикомъ университета Юлаковымъ и по ея показанію выходило, что помело въ нижней кухнѣ профессора Аргольда зажжено было не ею, Авдотьею, а кучеромъ Серафимомъ, но было ли это сдѣлано имъ съ намѣреніемъ или нѣтъ—ей неизвѣстно. Синдику предписано было спросить кучера и изъ его словъ оказалось, что онъ „загребая помеломъ кухонную печку, вдругъ спроненъ былъ своимъ барином, профессоромъ Аргольдомъ, почему вторичныхъ, надлежащимъ образомъ не осмотрѣвши помело, положилъ его подъ печку Будучи принужденъ немедленно ѣхать съ г. проф. Аргольдомъ, онъ не имѣлъ случая въ скоромъ времени побывать въ своей кухнѣ, возвратившись же домой часа чрезъ три, онъ услыхалъ, что отъ неосмотрительности его, отъ оставшейся въ комнатѣ искры, загорѣлось самое помело и произошло отъ сего подъ печкою пламя". Синдикъ замѣтилъ ему, чтобъ онъ впредь былъ остороженъ, а Аргольду подтверждено имѣть за служащими у него людьми строжайшій присмотръ. Этимъ подтвержденіемъ Аргольдъ остался недоволенъ и нашелъ нужнымъ донести правленію, что онъ „никогда своимъ людямъ потачки не давалъ и худыхъ ихъ поступковъ не скрывалъ и что онъ не заслуживаетъ этого подтвержденія", такъ какъ виноватъ экзекуторъ, не сдѣлавшій изслѣдованія (1).

(1) Дѣло о произшедшемъ было въ квартирѣ г проф Аргольда пожарѣ *Прав.* 1818 г № 91.

Изъ литературныхъ трудовъ Аригольда, кромѣ упомянутаго нами перевода „Таблицъ Мартенса“, принятаго имъ въ руководство при преподаваніи, перевода съ объясненіемъ небольшаго сочиненія Августа Геккера „О нервныхъ горячкахъ, свирѣпствовавшихъ въ Берлинѣ 1807 года“ (Казань 1811 8°), мы можемъ указать еще на одну рѣчь его, произнесенную въ торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1818 года. „Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка“ (¹). Разсужденіе это не имѣетъ ничего общаго не только съ наукою, которую Аригольдъ преподавалъ въ университетѣ, но и вообще съ наукою, заключая въ себѣ не факты, добытые изслѣдованіемъ, а общія мѣста. Намъ нѣтъ надобности поэтому входить въ подробное разсмотрѣніе его. Начавъ издалека, съ доврeменнаго хаоса, Аригольдъ, подъ конецъ своей рѣчи, спускается въ область гигіены и останавливается на доказательствахъ съ одной стороны „сколь для благоденствія каждаго необходимъ *воздухъ* чистый и сколь строго должно соблюдать чистоту его какъ въ городахъ вообще, такъ и въ частныхъ домахъ въ особенности“, и съ другой, что „столь же необходимую потребность для человѣка, животныхъ и всѣхъ въ природѣ дѣйствій составляетъ *вода*, которая распространена повсюду въ нѣдрахъ земли и въ воздухѣ, въ тѣлахъ твердѣйшихъ, мягкихъ и жидкихъ“. Мѣстный интересъ представляли приведенныя Аригольдомъ доказательства необходимости для здоровья хорошей воды и весьма краткій очеркъ мѣропріятій болѣе просвѣщенныхъ народовъ для полученія чистой и здоровой воды. „Опыты доказываютъ“, говорилъ ораторъ-профессоръ, „что во всѣхъ мѣстахъ, коихъ народы прилагали и прилагаютъ ревностное попеченіе о сохраненіи въ свѣжести и чистотѣ хорошей естественной воды, или улучшеніи худой, отвращеніе жесточайшихъ болѣзней и долговременное наслажденіе добрымъ здравіемъ вѣнчали и вѣнчаютъ дѣятельность и благоразуміе жителей“. И вотъ Аригольдъ желаетъ вызвать своимъ краснорѣчіемъ жителей Казани на заботы о чистой и хорошей водѣ. „Высокопочтеннѣйшее дворянство“, обращается онъ прежде всего къ передовому сословію, „вы, кои составляете опору престола царскаго и щитъ отечества, вы, кои въ ту бѣдственную и славную для Россіи годину, когда лю-

(¹) 23 стр. 4°.

тый врагъ истреблялъ огнемъ и мечемъ западные предѣлы Имперіи и когда великій монархъ нашъ пригласилъ васъ къ отраженію дерзкаго сего непріятеля“ и т. д. „Именитое купечество, пламенные соревнователи благороднаго дворянства! вы, кои всегда и во всѣхъ случаяхъ, отъ трудовъ и избытковъ своихъ повергали значительныя дани на пользу общую“ и пр. Аргольдъ, говоря, что эти передовыя сословія казанскихъ жителей знаютъ какъ великъ недостатокъ хорошей воды въ Казани, призываетъ ихъ „ознаменовать себя на жертву для общаго и частнаго благоденствія“. Жертва эта должна имѣть задачею своею оградить озеро Кабанъ, заключающее въ себѣ лучшую воду, отъ различныхъ засореній, которыя портятъ ее Не вдаваясь ни въ какія подробности техническія, Аргольдъ, въ очень общихъ словахъ, указываетъ на тѣ мѣры, которыя могли бы служить къ оздоровленію озера, этого единственнаго тогда хранилища воды, употребляемой въ пищу жителями Казани. „Слѣдуетъ дать движеніе водѣ“, говоритъ онъ, „очистить Булакъ, наконецъ обвести Кабанъ, наипаче тамъ, гдѣ онъ окруженъ строеніями, валомъ или набережною, засыпавъ ее пескомъ, дабы вода во время весны, осени и сильныхъ дождей, со всѣхъ сторонъ и со всякими нечистотами къ Кабану стекающая и тѣмъ искажающая добрыя качества струй его, проходя сквозь песокъ, оставляла въ немъ всю мутность и вредоносность свою“. Сильно сомнѣваемся, чтобы предлагаемый Аргольдомъ проектъ очищенія кабанной воды могъ быть приведенъ въ исполненіе на практикѣ. Слова его не возбудили рвенія ни въ высокопочтенѣйшемъ дворянствѣ, владѣвшемъ въ ту пору большими средствами, ни въ именитомъ купечествѣ, торговавшемъ тогда на наличныя деньги, если не изъ яснаго сознанія непрактичности мѣръ, предлагаемыхъ Аргольдомъ, то изъ увѣренности въ правотѣ исторической казанской татарской пословицы, что „кабанная вода человѣка *мягчитъ*“. Напрасно увѣрялъ ораторъ передовыя сословія Казани, что по реализаціи предлагаемаго имъ проекта „безъ сомнѣнія улучшится свойство кабанской (sic) воды и будетъ доставлять вамъ и потомкамъ вашимъ пріятное и здоровое питье; тогда вы вѣрно не увидите въ водѣ сей тѣхъ насѣкомыхъ, кои нынѣ даже невооруженный глазъ усматриваетъ тысячи въ одномъ стаканѣ“. Напрасно соблазнялъ профессоръ будущихъ жертвователей благословеніями потомства, „клянясь именемъ благодарности къ одолженіямъ, что

на томъ мѣстѣ, гдѣ бы водрузили вы памятникъ усердія къ выгодѣ собственной и бпанныхъ, вѣчно былъ бы возжигаемъ вамъ отцами чистѣйшей признательности отъ позднѣйшихъ жителей казанскихъ". Никого не убѣдило это краснорѣчіе и пятьдесятъ лѣтъ послѣ рѣчи Аргольда Казань пила все туже неоздоровленную кабацную воду, да и теперь цѣлая четверть жителей пробавляется ею въ такъ называемыхъ „нездоровыхъ" частяхъ города

Трудно въ настоящее время представить, чтобы ораторская рѣчь профессора на актѣ могла быть вымѣнена на живой товаръ, а между тѣмъ это случилось съ рѣчью Аргольда По требованію правленія университета заплатить за выданные Аргольду отпечатанные экземпляры его рѣчи деньги, онъ отвѣтилъ, что изъ 450 экз. получилъ только 350 и просилъ доставить остальные экземпляры. Изъ этихъ 350 экз имъ послано 125 экз. въ тобольскую гимназію, гдѣ былъ директоромъ, 15—въ пермскую и 15 въ томскую, но такъ какъ ни книги не возвращены, ни деньги ему не заплачены, то Аргольдъ и просилъ правленіе предписать о высылкѣ ему денегъ за книги Правленіе распорядилось сдѣлать это немедленно. Правящій должность директора тобольской гимназіи отвѣтилъ, что экземпляры рѣчи Аргольда, въ какомъ количествѣ ему неизвѣстно, присланы были чрезъ канцелярію училищнаго комитета безъ всякаго предписанія и не на имя гимназіи, а на имя бывшаго старшаго учителя Менделѣева, при частномъ письмѣ Аргольда. Менделѣевъ распоряжался продажею, какъ своею собственностью, продавалъ экземпляры учителямъ и прочимъ гражданамъ, но получилъ ли онъ съ покупщиковъ деньги, или нѣтъ, никому это неизвѣстно. Бывшій директоръ Набережнинъ, котораго Аргольдъ и рекомендовалъ университету на свое мѣсто, получая отъ Менделѣева экземпляры рѣчи, разсылалъ ихъ по уѣзднымъ училищамъ, но получалъ-ли за нихъ деньги—тоже неизвѣстно. Въ документахъ гимназіи на приходѣ не было записано ни книгъ, ни денегъ за нихъ. Когда онъ, Вознесенскій, сталъ получать отъ уѣздныхъ училищъ деньги за рѣчь Аргольда, а именно изъ ишимскаго—10 р., тарскаго—10 р., березовскаго (гдѣ жили ясашные остяки и самоѣды)—10 р. и изъ курганскаго—12 р., всего 45 р., то счелъ долгомъ частнымъ образомъ увѣдомить о томъ профессора Аргольда и спрашивалъ его: какимъ образомъ отправить къ нему эти деньги — формально

или партикулярно, но отвѣта получить не удостоился. Онъ написалъ только тобольскому смотрителю Протопопову, чтобы онъ взялъ эти деньги у него, Вознесенскаго, *для совершенія купчей крѣпости на купленнаго Арнольдомъ у бывшаго учителя Пискарева—калмыка*. Эти деньги и выданы были подъ росписку, остальные же 20 р. „я готовъ переслать по первому требованію Арнгольда или начальства“—заключалъ Вознесенскій. Пермскій директоръ выслалъ 15 р, томскій же только за 5 экз, купленныхъ имъ для училищъ, остальные же 10 экз. прислалъ обратно Денегъ однако за экземпляры своей рѣчи, какъ видно изъ дѣла, Арнольдъ не получилъ. Уже потомъ, когда онъ былъ уволенъ, правленіе вычитало изъ причитающагося ему жалованья не только за напечатаніе рѣчи въ типографскую сумму 87 р. 26 к, но и за другіе долги и даже взыскиваемые ишимскою городскою думою съ Арнгольда, когда онъ былъ тобольскимъ директоромъ 25 р. 35 к. Изъ дѣла видно также, что правленіе, уже въ новомъ составѣ своемъ, постановило (30 января 1820 года) считать покупку 10 экз. рѣчи Арнгольда для березовскаго училища (какъ въ награду ученикамъ) незаконною, купленные 10 экз. за 10 р исключить изъ училищнаго имущества, какъ ненужные и присовокупить къ собственности Сосунова. Оказалось однако изъ дальнѣйшей переписки, что экземпляры рѣчи куплены были березовскимъ штатнымъ смотрителемъ „собственно для награжденія при публичныхъ испытаніяхъ учениковъ училища, отличившихся поведеніемъ и прилежаніемъ, а потому оныя рѣчи въ теченіе прошлыхъ лѣтъ и розданы всѣ безъ остатка“ (1).

Высочайшимъ указомъ сенату 19 іюля 1819 года вслѣдствіе ревизіи Магницкаго, Арнгольдъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими своими сослуживцами, былъ *удаленъ* изъ университета Какъ только Арнгольду сдѣлалось это извѣстнымъ (22 августа), онъ немедленно подалъ прошеніе правленію университета о выдачѣ паспорта „для проѣзда и проживанія въ С.-Петербургѣ“ (какая участь постигла порученную ему перестройку военнаго госпиталя—намъ неизвѣстно), но правленіе отказало ему въ видѣ, такъ какъ онъ удаленъ изъ университета и указало обратиться къ гражданскому начальству.

(1) Дѣло о истребованіи г. проф Арнгольду денегъ за разосланную имъ рѣчь. *Правл* 1819 г № 129.

Въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія, представленномъ послѣ ревизіи Казанскаго университета (9 апрѣля 1819 года), Магницкій называетъ Аргольда человѣкомъ „незнающимъ языка латинскаго и неумѣвшимъ досель собрать остова человѣческаго тѣла, коего познанія хирургія обличается представляемымъ у сего спискомъ, сдѣланныхъ имъ операцій", а онъ преподаетъ хирургію (1). Другое обвиненіе Магницкаго состояло въ томъ, что Аргольдъ, безъ всякихъ правъ и основаній, вѣроятно вслѣдствіе особаго расположенія къ нему попечителя Салтыкова, пользовался казенною квартирою, состоявшею изъ 11 комнатъ. Намъ нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе того, былъ ли правъ или нѣтъ Магницкій въ своемъ рѣзкомъ приговорѣ о дѣятельности Аргольда какъ профессора. Изъ того, что собрано нами объ Аргольдѣ, о его дѣятельности какъ профессора и о его нравственной физіономіи, нельзя, полагаемъ, составить убѣжденіе, что это былъ достойный профессоръ, преданный своему дѣлу. Мы принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ необходимыми для успѣха преподаванія и науки въ русскомъ провинціальномъ университетѣ высокія личныя и нравственныя достоинства профессора и уваженіе его къ наукѣ, именно потому что среда представляетъ такъ много случаевъ къ нравственному паденію. Нѣмецъ по происхожденію, Аргольдъ не былъ однако приготовленъ старою нѣмецкою школою, какъ нѣкоторые, упомянутые нами его нѣмецкіе предшественники въ Казанскомъ университетѣ. Онъ столь гораздо ниже ихъ. Это былъ нѣмецкій профессоръ въ Казани, употребляя приведенное имъ самимъ выраженіе тогдашнихъ казанскихъ квасниковъ, *второго налива*. Пользуясь личнымъ благорасположеніемъ двухъ попечителей, умѣя ловко снискивать это благорасположеніе, Аргольдъ очевидно хлопоталъ не о достоинствѣ преподаванія, а о личныхъ выгодахъ. Начавъ, какъ мы

(1) Справедливъ ли былъ рѣзкій отзывъ Магницкаго—пусть судятъ спеціалисты. Приведемъ перечисленіе операцій, сдѣланныхъ Аргольдомъ за два полные года его университетской дѣятельности—за 1813 и 1818 годы. Въ первомъ было сдѣлано пять операцій: 1) извлеченіе бѣльма, 2) и 3) изсѣченіе камня, 4) изсѣченіе мѣшечной опухоли на лѣвомъ плечѣ и 5) изсѣченіе кисти лѣвой руки; въ 1818—семь операцій: 1) аневризма, 2) изсѣченіе яйца (умеръ), 3) извлеченіе конца веретена изъ ляшки мальчика, 4) изсѣченіе мѣшечной опухоли на внутренней сторонѣ щеки, 5) отсѣченіе плечевой кости, 6) отсѣченіе передняго (?) плеча гонца (?) локтя и 7) изсѣченіе 3 пальцевъ и нѣсколькихъ костей ладони.

видѣли, свою врачебную дѣятельность въ Казани безцеремонною рекламою, Арнгольдъ съ небольшимъ черезъ два года бросаетъ профессію, которую рекламировалъ, и продаетъ всѣ свои хирургическіе инструменты, до щипцовъ для выдергиванія зубовъ включительно. Ни изъ чего однако не видно, чтобъ къ этой продажѣ его вынуждала крайность. Когда не повезло ему въ Тобольскѣ, онъ возвращается на прежнюю каѳедру, но очень скоро, безъ всякой основательной причины, кромѣ можетъ быть самимъ имъ ясно несознаваемой причины полной неподготовленности къ каѳедрѣ, доставшейся ему не за познанія, а по милости начальства, отказывается отъ прежней профессуры и желаетъ перейти на другую, но и тутъ не проявляетъ никакой дѣятельности Конечно съ такими представителями знанія успѣхъ науки и образованія былъ немыслимъ. Они способны были лишь развращать студентовъ. Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ наши старанія, мы никакъ не могли собрать какія-либо свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни Арнгольда. Не знаемъ, какъ и гдѣ онъ устроился.

Положительный недостатокъ людей съ научнымъ образованіемъ, способныхъ занять профессорскую каѳедру въ университетѣ, и скорѣе предполагаемое чѣмъ дѣйствительное знаніе русскаго языка были причиною опредѣленія адъюнктомъ фармаціи и врачебнаго веществословія значительно обрусѣвшаго уроженца Гамбурга, находившагося въ Россіи съ 1795 года Ренарда (¹) Христоформъ Іосифъ или по русски *Осипъ Христофоровичъ Ренардъ* происходилъ изъ французскаго семейства, переселившагося изъ Амстердама въ концѣ прошлаго вѣка въ Гамбургъ. Вся семья принадлежала къ католическому исповѣданію. Ренардъ родился въ 1781 году 14 марта. Онъ былъ младшимъ въ семьѣ послѣ трехъ старшихъ братьевъ и сестры. Въ 1795 году Іосифъ Ренардъ, четырнадцати

(¹) Біографическія данныя о Ренардѣ извлечены нами изъ *Дѣла о смерти адъюнкта Іосифа Ренарда*, объ оставшемся послѣ него имѣніи и долгахъ *Архивъ* 1817 г № 110 Въ этомъ дѣлѣ заключены свѣдѣнія, доставленныя его братомъ изъ Гамбурга университету Онъ желалъ получить тѣ деньги, которыя остались по смерти брата и по закону города Гамбурга должны были принадлежать матери, находившейся въ то время еще въ живыхъ О смерти адъюнкта Ренарда родные его узнали изъ публикаціи, напечатанной университетомъ въ «Гамбургскомъ Корреспондентѣ»

лѣтъ отъ роду, уѣхалъ изъ Гамбурга съ нѣкимъ Родэ въ Россію чрезъ Петербургъ, сначала въ Москву, а потомъ почему-то во Владиміръ, гдѣ и сталъ учиться въ какой-то нѣмецкой аптекѣ фармацевтикѣ, знанію весьма выгодному въ то время, такъ какъ русскихъ аптекарей вовсе не было. Бывшая государственная медицинская коллегія въ 1801 году, по экзамену, произвела его въ аптекарскіе помощники или въ *кандидаты фармаціи и химіи*. Въ томъ же году онъ переѣхалъ въ Москву и сталъ служить въ аптекѣ Рихтера. По словамъ брата, Іосифу Ренарду покровительствовали въ Москвѣ двое: какой-то статскій совѣтникъ фонъ Пекенъ и надворный совѣтникъ Гильдебрандтъ, которые убѣдили его учиться медицинѣ, а одинъ изъ нихъ даже взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ давалъ уроки французскаго языка, которымъ владѣлъ какъ роднымъ. Но почему-то изученіе медицины не состоялось, и съ того времени Ренардъ не давалъ роднымъ своимъ въ Гамбургѣ никакихъ о себѣ извѣстій. Въ слѣдующемъ 1802 году Ренардъ присягнулъ на русское подданство, а въ 1806 году утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ званіи провизора и содержателя вольной аптеки по пермской губерніи, кажется тогда единственной тамъ. Какіе разсчеты руководили Ренардомъ въ желаніи поступить на службу въ Казанскій университетъ—мы не знаемъ. Быть содержателемъ единственной аптеки въ губернскомъ городѣ, да еще и привилегированной, въ тѣ годы было очень выгодно. Доходы аптекаря настолько были велики, что болѣе ловкіе изъ нихъ, отдѣляя крупицы отъ этихъ доходовъ на разныя благотворенія, достигали и чиновъ и почестей. Изъ аттестата, выданнаго Ренарду пермскимъ губернаторомъ, и изъ свидѣтельства, подписаннаго всѣми губернскими властями и чинами въ Перми начиная съ пермскаго епископа и кончая секретаремъ казенной палаты, мы узнаемъ, что Ренардъ пользовался общимъ уваженіемъ въ Перми, что изъ чувства благотворительности онъ снабжалъ медикаментами 25 стариковъ, живущихъ въ богадѣльнѣ и 12 почтальоновъ, что во время падежа рогатаго скота въ разныхъ селеніяхъ кунгурскаго уѣзда, Ренардъ отпустилъ безденежно для пресѣченія заразы, въ пользу неимущихъ крестьянъ, не малое количество соляной и купоросной кислоты. Объ этомъ было донесено въ 1811 году Государю Императору ревизовавшимъ пермскую губернію се-

наторомъ Обрѣзковымъ и Ренарду было объявлено высочайшее благоволеніе (1).

Въ дѣлѣ опредѣленія Ренарда адъюнктомъ принималъ прямое и непосредственное участіе всесильный въ ту пору Яковкинъ. Онъ познакомился съ Ренардомъ, когда тотъ за чѣмъ-то былъ въ Казани и представился директору Яковкину и писалъ попечителю Румовскому о желаніи Ренарда пристроиться къ Казанскому университету въ званіи адъюнкта по части врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности. „Изъ Перми провизоръ Іосифъ Ренардъ, коего два письма прежде дерзнулъ я представить на начальственное в. п. благоусмотрѣніе“, писалъ Яковкинъ, „нынѣ по случаю пріѣхавъ въ Казань, представилъ ко мнѣ данные ему изъ разныхъ мѣстъ аттестаты объ его занятіяхъ и службѣ. Списки съ нихъ осмѣливаюсь представить и в. п. на благоусмотрѣніе. Г. проф. Фуксъ обѣщалъ съ своей стороны, какъ докторъ медицины, сдѣлать в. п. представленіе о занятіяхъ онаго Ренарда; при молодости своей (лѣтъ около 28) кажется онъ весь з хорошъ; но *на сусть пива и старики наши не узнавали*. Впрочемъ всѣ вообще его хвалятъ и отдаютъ справедливость душевнымъ и умственнымъ его дарованіямъ“ (23 янв. 1811 г.). Съ своей стороны и Ренардъ „высказывалъ попечителю желаніе увѣрить совѣтъ какимъ нибудь сочиненіемъ о достаточномъ своемъ знаніи помянутыхъ наукъ“. На это попечитель писалъ совѣту (9 февр 1811 г. № 183). „По малому числу членовъ къ медицинскому факультету принадлежащихъ, предлагаю совѣту избрать изъ фармацевтики нѣсколько вопросовъ и предложить г. Ренарду ихъ на объясненіе и по полученіи отвѣтовъ доставить мнѣ о знаніи его мнѣніе совѣта“. Еще прежде этой бумаги, выгодный отзывъ о Ренардѣ представилъ попечителю профессоръ Фуксъ, а попечитель съ своей стороны, согласно съ мнѣніемъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ достоинство Ренарду ставилъ, „что онъ столько свѣдущъ въ россійскомъ языкѣ, что можетъ преподавать на оном наставленія“. Ренарда уже не было въ Казани, и совѣтъ поручилъ Яковкину увѣдомить его объ этомъ предписаніи попечителя. Ренардъ отвѣтилъ,

(1) Дѣло объ опредѣленіи въ Казанскій университетъ въ званіи адъюнкта содержателя привилигированной аптеки Ренарда *Сов* 1811 г № 15.

что ранѣе двухъ мѣсяцевъ не можетъ быть въ Казани, и проситъ совѣтъ вопросы по фармаціи, на которые онъ долженъ сдѣлать письменные отвѣты, переславъ ему въ Пермь. Совѣтъ однако не согласился на это, такъ какъ отвѣты должны были написаны въ его присутствіи, и требовалъ, чтобъ Ренардъ явился лично. Въ началѣ іюня 1811 года Ренардъ предъявился членамъ совѣта, и послѣдній поручилъ профессорамъ медикамъ: Фуксу, Брауну и Эрдману подвергнуть его испытанію. Были заданы четыре вопроса по фармаціи, на которые Ренардъ долженъ былъ написать свои отвѣты въ присутствіи экзаменаторовъ: 1) откуда добывается камфара, составъ ея, что приготовляется изъ нея въ аптекахъ и какіе ученые писали о ней; 2) какіе извѣстны составы изъ ртути и какъ ихъ приготовлять. 3) какія правила должно наблюдать при собираніи растеній и наконецъ 4) какія растенія находятся въ пермской губерніи и какими изъ нихъ можно замѣнить привозныя иностранныя." Вопросы эти были заданы Ренарду на языкѣ нѣмецкомъ, отвѣты же *по требованію экзаменаторовъ были писаны по русски*, при чемъ русскій текстъ исправленъ. Экзаменъ, какъ видно изъ письма Яковкина, писаннаго въ тотъ же день, продолжался отъ одиннадцатаго часа до шести по полудни. Всѣ четыре отвѣта не заключали болѣе десяти строкъ каждый. Экзаменаторы дали довольно удовлетворительный отзывъ, при чемъ въ своемъ донесеніи въ совѣтъ изложили отвѣты Ренарда гораздо обширнѣе его самого (1). Этотъ отзывъ съ одобреніемъ совѣта и представленъ былъ имъ попечителю. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что мнѣнія экзаменаторовъ нѣсколько расходились между собою. Тогда какъ всегда снисходительный Фуксъ, одобряя въ общемъ отвѣты Ренарда, объяснялъ ихъ недостатки тѣмъ, что у него не было никакихъ пособій и книгъ и дано было для отвѣтовъ слишкомъ мало времени, отзывы Брауна и Эрдмана были не такъ одобрительны и подробно говорили о недостаткахъ Ренарда Яковкинъ, въ письмѣ къ попечителю, сообщая между прочимъ, что „въ чиновникѣ семъ (т е. Ренардѣ) пріемлетъ весьма больное участіе Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ (пермскій генералъ-губернаторъ), постарался до нѣкоторой степени набросить тѣнь на справедливость экзаменаторовъ: „Когда я 7 дня сего іюня по законной причинѣ не могъ соприсутствовать въ совѣтѣ, то

(1) Протоколы Совѣта 1811 г стр 17б, 23а, 52б, 57б, и 67б

явившійся тогда для экзамена г. Репардъ имѣлъ случай замѣтить *многіе опыты любоначалія и празднословія г.г. моихъ сотоварищей иностранцевъ*, о чемъ не преминетъ и самъ изустно объясниться, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, какъ о томъ самъ онъ меня предувѣдомилъ".

На основаніи этихъ мнѣній и сообщеній было сдѣлано Румовскимъ представленіе министру объ опредѣленіи Репарда адъюнктомъ. Попечитель отнесся къ дѣлу опредѣленія съ большою осмотрительностью. Пріобрѣтеніе для университета Репарда онъ считаетъ весьма полезнымъ „по малому числу ученыхъ, врачебное отдѣленіе составляющихъ, особливо для преподаванія наставленій въ фармаціи на россійскомъ языкѣ", но онъ не скрываетъ отъ министра, что мнѣнія профессоровъ, экзаменовавшихъ Репарда, были различны и излагаетъ ихъ содержаніе. „Читая мнѣніе профессоровъ Брауна и Эрдмана, на трехъ листахъ кругомъ написанное и на которое употреблена цѣлая недѣля", пишетъ онъ въ своемъ представленіи, „легко видѣть я могъ, что они безъ пособія книгъ сочинить онаго не могли и *что въ сужденіи ихъ личность имѣла участіе* (это на основаніи сообщеній Яковкина) Вопросы предложены были на нѣмецкомъ языкѣ, Репардъ, отвѣтствуя на россійскомъ, перевелъ оные на россійскій, то г.г профессоры и переводъ его находятъ недостаточнымъ, будто бы г. Репардъ искалъ при университетѣ мѣсто переводчика". Румовскій не бралъ на себя рѣшеніе вопроса: кто изъ экзаменовавшихъ Репарда былъ правъ. „Не въ состояніи будучи судить основательны ли отвѣты Репарда", говоритъ онъ, „сообщилъ я г. академику Озерецковскому предложенные ему вопросы, отвѣты его и судъ объ оныхъ г.г. профессоровъ Брауна и Эрдмана, чтобъ онъ принялъ трудъ разсмотрѣть какъ отвѣты Репарда, такъ и сужденіе объ нихъ г.г. профессоровъ и сообщилъ мнѣ мнѣніе свое о знаніяхъ Репарда. Г. академикъ отозвался въ пользу Репарда, согласно со свидѣтельствомъ Фукса, а о судѣ г.г. профессоровъ Брауна и Эрдмана изъяснился, *что какая нибудь личность побудила ихъ отозваться невыгодно о познаніяхъ г. Репарда* Сіе явствуетъ изъ четвертаго вопроса, въ которомъ вопрошаемо было: какія лѣкарственныя растенія могутъ собираемы быть въ пермской губерніи и какими произрастеніями можно замѣнить нынѣ употребляемыя? Г. Репардъ въ отвѣтѣ своемъ исчислилъ 29 растеній, кои преимущественно въ пермской губерніи могутъ

быть собираемы и 6 наименованій произрастеній, кои съ пользою вмѣсто иностранныхъ могутъ быть употребляемы. На отвѣтъ сей между прочимъ замѣчаютъ гг. Брамъ и Эрманъ, что они, какъ иностранцы, имѣя несовершенное свѣдѣніе о пермской губерніи, не могутъ точно судить о травахъ, въ оной растущихъ, однако утверждаютъ, что сомнѣваться не можно, что число растеній отъ Ренарда поименованныхъ, знатно можетъ быть увеличено, потому что большее число врачебныхъ травъ въ казанской губерніи находится, а пермская губернія, по различію климата и почвы, еще вящше споспѣшествуетъ къ различію произрастеній. По сему ихъ умствованію надлежало бы заключить, что въ странахъ, ближе къ полюсу лежащихъ, еще большему должно быть числу произрастеній и большему въ оныхъ различію, нежели въ казанской губерніи".

Основываясь на мнѣніи Озерецковскаго, а также и профессора Фукса, о знаніи Ренарда въ фармаціи, попечитель представилъ министру объ утвержденіи его въ званіи адъюнкта въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ, собственно для преподаванія фармаціи и врачебнаго веществословія *на россійскомъ языкѣ*, съ жалованьемъ по штату 800 р. и квартирными 200 руб. Кромѣ предполагаемаго въ Ренардѣ знанія русскаго языка, попечитель, въ своемъ представленіи министру, высказывалъ увѣренность, что Ренардъ „*приличнымъ званію своему поведеніемъ, знаніемъ обязанности, кротостью и раченіемъ*, пермскимъ генералъ-губернаторомъ, духовенствомъ и гражданствомъ засвидѣтельствованными, *съ избыткомъ наградитъ можетъ недостатки, въ отвѣтахъ его усмотрѣнные*". Согласно этому представленію министръ и утвердилъ Ренарда адъюнктомъ 28 августа, дозволивъ ему для устройства дѣлъ пробыть въ Перми два мѣсяца. Изъ дѣлъ и изъ протоколовъ видно однако, что и Ренарду, для полученія должности адъюнкта, пришлось съѣздить въ Петербургъ, вѣроятно для личнаго ходатайства о себѣ. Въ засѣданіи совѣта 8 сентября директоръ заявилъ, что Ренардъ, проѣздомъ изъ Петербурга, являлся къ нему 20 октября и просилъ о томъ, чтобы дозволенное ему двухмѣсячное увольненіе въ Пермь считать со времени его проѣзда чрезъ Казань. Въ Перми однако Ренардъ нѣсколько запоздалъ по случаю простуды и пріѣхалъ въ Казань 28 декабря. По приведеніи къ присягѣ на службу 7 февраля, Ренардъ заявилъ письменно совѣту о

томъ, что онъ будетъ преподавать и по какимъ руководствамъ. Читать онъ будетъ на русскомъ „*materiю medicu* по Лезеке, съ присовокупленіемъ статей вюртембергской фармакопеи и словаря академика Севергина (?) и *врачебное веществословіе* по сочиненію профессора Флиера, присоединяя наблюденія гг. Марелога, Лемера и Бекера: съ своей стороны директоръ заявилъ объ удобныхъ для чтенія Ренарда часахъ и что студенты предварительно для его аудиторіи назначены Чтенія должны происходить 4 часа въ недѣлю, и хотя Ренардъ просилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ назначить ему еще двѣ часовыя лекціи, но первоначальное число ихъ не измѣнялось. Изъ печатныхъ росписаній лекцій на слѣдующіе годы мы видимъ, что Ренардъ преподавалъ. *естествo* (sic) *историческую часть материи медики, о приготовленіи медикаментовъ по Вилье и Менху*; *фармацевтическую химію* по Вилье и Тромсдорфу (объясняя преподаванія свои практическими упражненіями и собственными наблюденіями на россійскомъ языкѣ).

Кромѣ чтенія лекцій Ренардъ несъ и другія обязанности. Такъ въ самомъ началѣ службы онъ былъ назначенъ смотрителемъ или надзирателемъ публичныхъ курсовъ, начавшихся при университетѣ согласно указу 6 августа 1809 года, а послѣ открытія въ 1814 году университета, былъ выбранъ секретаремъ отдѣленія врачебныхъ наукъ, какъ кажется именно за знаніе имъ русскаго языка. Какъ смотритель курсовъ, Ренардъ очень внимательно и усердно несъ свои обязанности и часто доносилъ совѣту о томъ, кто записался на эти курсы и кто посѣщаетъ ихъ. Свѣдѣнія эти представляютъ нѣкоторый интересъ для того, кто хорошо знакомъ съ старою Казанью и съ образовательнымъ цензомъ ея общества въ тѣ и послѣдующіе годы. При Ренардѣ, когда онъ былъ смотрителемъ курсовъ, произошелъ случай, обрисовывающій канцелярскіе нравы и обычаи того времени. Пермское губернское правленіе писало совѣту Казанскаго университета (25 мая 1812 года, № 15522):

«Онаго университета отдѣленія врачебныхъ наукъ адъюнктъ и надзиратель публичныхъ курсовъ Ренардъ, при присланномъ въ сіе правленіе отъ 4 сего мая № 22 сообщеніи: «По возложенной на меня совѣтомъ университета должности надзирателя курсовъ публичныхъ преподаваній для чиновниковъ службою обязанныхъ, препровождаетъ пять экземпляровъ извѣщеній о имѣющихъ начаться съ 1 числа мая по высочайшему августа 6 дня 1809 года указу публичныхъ въ ономъ университетѣ преподаваніяхъ для чиновниковъ гражданскою службою обязанныхъ съ тѣмъ, чтобы желающіе пользоваться сими преподаваніями поступили согласно съ предписан-

ными въ упомянутомъ высочайшемъ указѣ правилами. Впрочемъ и вышеозначенная бумага получена въ видѣ сообщенія [illegible] правительства съ губернскимъ правленіемъ университетскаго города, отзыва права не имѣетъ, потому что губернское правленіе, по высочайшему учрежденію о губерніяхъ поставлено въ должностныя отношенія къ присутственнымъ коллегіямъ, и слѣдовательно не имѣетъ права входить съ Университетомъ въ сообщенія иначе, какъ отъ имени самого университета и его ближайшаго правленія, и для того, прекративъ вышеизложенное отношеніе съ приложеннымъ при немъ экземпляромъ, въ Императорскій Казанскій университетъ при отношеніи просить его дабы благоволилъ выдать изъ бумагъ адъюнкта Ренарду, не имѣющему права присылать сюда отъ имени своего отношенія».

При слушаніи въ совѣтѣ этого сообщенія пермскаго губернскаго правленія и при наведеніи справокъ о тѣхъ законахъ, которые были въ немъ упомянуты, Ренардъ представилъ и свой отзывъ по дѣлу. Вѣроятно наученный болѣе его опытными университетскими юристами, онъ доказывалъ, что само губернское правленіе „поступило въ совершенную противность сего высочайшаго узаконенія (учрежденія о губерніяхъ) 129 и 130 статей вступленіемъ въ теперешнюю переписку съ совѣтомъ университета“, что онъ только исполнялъ порученіе совѣта какъ членъ его, что разсылка извѣщеній была прямою его обязанностью и притомъ „оныя объявленія не заключаютъ сношеній, ниже принадлежатъ къ какому либо судебному производству и не составляютъ мнимой пермскимъ губернскимъ правленіемъ корреспонденціи“. Ренардъ, какъ видно изъ его отзыва, разсылалъ извѣщенія во всѣ присутственныя мѣста округа, и только изъ пермскаго губернскаго правленія были они возвращены. Совѣтъ опредѣлилъ: представить вопросъ на начальственное благоусмотрѣніе попечителя. Представленіе совѣта было получено Румовскимъ и помѣчено имъ наканунѣ смерти, и уже потомъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, съ которымъ университетъ сносился непосредственно до назначенія Салтыкова, писалъ совѣту (1 августа, № 678): „На рапортъ совѣта замѣчаю, что отзывъ пермскаго губернскаго правленія основателенъ; совѣтъ поступилъ не только противъ высочайшаго учрежденія о губерніяхъ, но и противъ устава университетскаго, поручивъ адъюнкту Ренарду войти въ сношеніе съ губернскими правленіями по случаю извѣщенія о публичныхъ преподаваніяхъ для чиновниковъ службою обязанныхъ, когда сего права не предоставлено и училищному комитету,

какъ явствуетъ изъ ст. 174 устава. И потому предписываю въ подобныхъ случаяхъ держаться узаконеннаго порядка" (1).

Вѣроятно знаніе русскаго языка было причиною, что нѣмецкіе профессора, отправлявшіеся на визитацію, выбирали его своимъ товарищемъ. Такъ онъ ѣздилъ съ Реннеромъ для осмотра тамбовскихъ и пензенскихъ училищъ въ 1815 году (см. выше, стр. 29—30) и съ Эрдманомъ въ 1816 году—въ Тобольскъ (стр 181), но самостоятельнаго значенія во время этихъ визитацій не имѣлъ. Насколько онъ зналъ русскій языкъ можетъ служить доказательствомъ единственное, до насъ дошедшее письмо его къ попечителю, писанное въ началѣ службы (11 марта 1812 года) Оно начинается слѣдующими строками, дающими намъ понятіе о степени знакомства его съ русскимъ языкомъ (копируемъ ихъ буквально). „Простите со свойственнымъ вамъ снисхожденіемъ смелости юнона (ему было 30 лѣтъ) решившагося лишить Васъ нѣсколько минутъ неусыпнымъ Вашимъ, и можетъ быть наислаичайшіе минуты Вашего спокойствіе сими строками". Цѣль письма Ренарда состояла въ томъ, чтобъ довести до свѣдѣнія попечителя о недостаточности квартирныхъ денегъ адъюнкту, что за 200 рублей нельзя найти сколько-нибудь сносную квартиру въ Казани (Ренардъ былъ холостъ), не говоря уже о дровахъ. Онъ испрашиваетъ позволенія остаться, пока это возможно, въ тѣхъ трехъ комнатахъ въ университетскомъ зданіи, въ которыхъ онъ временно жилъ. Другая просьба его, имѣвшая прямое отношеніе къ его лекціямъ въ университетѣ, состояла въ желаніи устроить при своей каѳедрѣ хотя бы небольшую аптеку не для надобности университетской и гимназической больницъ, что стоило бы дорого, но небольшую рецептурную аптеку, собственно для практическихъ занятій студентовъ. Отвѣта какого-либо на это письмо или распоряженій со стороны попечителя не послѣдовало, и Ренардъ не повторялъ больше своихъ просьбъ.

Нѣтъ никакихъ у насъ свѣдѣній ни о лекціяхъ Ренарда, ни объ успѣхахъ его малочисленныхъ и случайныхъ слушателей. Будучи только адъюнктомъ, Ренардъ хотя и участвовалъ въ засѣданіяхъ совѣта, но оставался вовсе безъ голоса. Ни въ какихъ исторіяхъ университетскихъ имя его не встрѣчается. Самая смерть его, послѣдовавшая „по немаловременной бо-

(1) Протоколы *Сов.* 1812 г. стр 93 а, 127 б.

лѣзни 7 октября 1817 года (онъ служилъ такимъ образомъ нѣсколько менѣе пяти лѣтъ) не была замѣчена мѣстною тогдашнею прессою, которая не сообщила о немъ даже некролога. Но приведеніе въ порядокъ оставшагося послѣ него имущества, уплата его долговъ „такъ какъ Ренардъ занимался и посторонними порученіями“, переписка съ разными присутственными мѣстами образовали цѣлое, весьма толстое дѣло, которое закончилось лишь въ 1826 году. Дѣло это велось правленіемъ университета и представляетъ нѣкоторыя особенности, но вдаваться въ подробности мы не находимъ возможности, такъ какъ въ разсказахъ нашихъ о смерти профессоровъ Финке и Реннера мы указали на дѣятельность правленія въ такихъ случаяхъ. Здѣсь не было только описуновъ, какъ у Финке. Правленіе, вмѣстѣ съ лицами, командированными губернскимъ начальствомъ, сдѣлало опись оставшагося имѣнія, разобрало бумаги, вызывало должниковъ и кредиторовъ покойнаго чрезъ объявленіе въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, напечатало извѣщеніе о его смерти въ Московскихъ, С-Петербургскихъ и Гамбургскихъ вѣдомостяхъ. Все имущество Ренарда, для продажи съ публичнаго торга, оцѣнено было въ 1054 р. 88 коп.: выручено было 1882 р. 62 к., да книгъ продано отдѣльно на 266 р., присоединяя заслуженное жалованье 14 р. 10 к., получилось всего 2172 р. 72 коп. Различныхъ долговыхъ претензій по росписямъ, по указаніямъ живыхъ свидѣтелей и по пенямъ (тутъ же расходы по погребенію и аукціонисту) уплачено 1335 р. 41 к. и сверхъ того портному Гутону по счету— 242 р., уплаченные уже въ 1820 году. Не уплачены долговыя претензіи безъ доказательствъ: 1) иностранцу Эндерсу 39 р. 70 к. и 2) дѣвицѣ Агафьѣ Даниловой—54 р. Наслѣдникамъ въ Гамбургъ было выслано 501 р. 61 к.

Желая составить себѣ какое-нибудь представленіе о личности Ренарда, мы разсматривали списокъ проданныхъ съ аукціона вещей, но вещи эти по всей вѣроятности пріобрѣтались случайно и онѣ весьма разнородны, кромѣ конечно предметовъ необходимыхъ для домашняго употребленія. Встрѣчается довольно много вещей китайскихъ, преимущественно изъ одеждъ; татарскія женскія одежды и головные уборы женскіе съ жемчугомъ и монетами, одежды тунгузскія и якутскія; были музыкальные инструменты: флейты, семиструнная гитара, арфа, фаготъ; самые дорогіе предметы были въ минералогическомъ собраніи Ренарда, которое онъ предполагалъ не

задолго до смерти разыграть въ лотерею. Была и библіотека, состоявшая изъ 172 названій; были и картины, но ни содержаніе ихъ, ни достоинство въ спискѣ не показаны. Всего любопытнѣе нахожденіе между вещами Ренарда, назначенными къ продажѣ, кареты на лѣтнемъ ходу, оцѣненной въ 100 рублей (лошадей однако и упряжи въ аукціонномъ спискѣ не значится) ѣздилъ ли Ренардъ въ этой каретѣ—мы не знаемъ, но мы видѣли карету въ спискѣ вещей, оставшихся послѣ Фишке, и Яковкинъ ѣздилъ въ каретѣ Въ тѣ годы вѣроятно представлялась возможность не только профессорамъ, но и адъюнктамъ ѣздить въ собственныхъ каретахъ, тогда какъ теперь въ собственныхъ каретахъ ѣздятъ лишь тѣ профессора, которые взяли за женами хорошее приданое или клиницисты, имѣющіе прибыльную практику Всѣ вещи Ренарда, сколько мы можемъ судить, проданы были очень дешево

Какъ у Аргольда былъ калмыкъ, такъ и у Ренарда оказался такой же. Въ іюнѣ 1818 года было доложено правленію, что послѣ Ренарда „остался *калмычонокъ*, показанный въ данномъ свидѣтельствѣ изъ Коряковской таможенной заставы 1815 года января 24 дня семи лѣтъ, по азіатскому названію *Аталбай*, рожденный отъ плѣнныхъ калмыка и калмычки и промѣненный на заставѣ на товаръ за 50 рублей“ Этотъ докладъ сдѣланъ былъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ смерти Ренарда и неизвѣстно, гдѣ жилъ и чѣмъ питался этотъ мальчикъ въ теченіе этого времени. Правленіе опредѣлило: „Какъ на покойномъ Ренардѣ долговыя состоятъ претензіи, на уплату которыхъ, по продажѣ всего имѣнія, денегъ будетъ недостаточно, почему въ казанское губернское правленіе сообщить, дабы оное благоволило сдѣлать законное постановленіе о продажѣ калмыченка Аталбая имѣющему право на владѣніе крѣпостными людьми“. Губернское правленіе отвѣтило, что не видя на калмыченка узаконеннаго акта, приступить къ требуемой продажѣ не можетъ и просило доставить такой актъ. Дѣло, по представленіи акта на калмыченка, для исполненія перешло въ казанскій уѣздный судъ. Послѣдній, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ 1819 года, сообщилъ правленію университета, на основаніи высочайшихъ указовъ: 9 января 1757 года, 23 мая 1808 года и 30 апрѣля 1819 года, слѣдующую резолюцію: „Хотя бы Ренардъ и имѣлъ на владѣніе калмыченка выпись, исполнить требованіе университета, т. е. продать его, невозможно, но къ сему открыто и то, что *калмы-*

ченокъ не приведенъ въ вѣру греческаго исповѣданія и на [illegible] въ продолженіе слишкомъ трехъ лѣтъ отъ времени свидѣтельства, не взято изъ гражданской палаты владѣлицей залога, то по сходствію указа 9 января 1757 года, сей уѣздный судъ к опредѣляетъ: *когда мальчика Аталбая изъ работы освободить, тоже и о приведеніи его въ греко-россійское исповѣданіе, а потомъ объ отсылкѣ въ казенную палату для причисленія въ какой родъ жизни пожелаетъ, представить* казанскому губернскому правленію Такимъ образомъ смерть Ренарда послужила свободѣ человѣка, но какъ воспользовался Аталбай этою свободою—намъ неизвѣстно. Религія Будды, вошедшая въ кровь и плоть этихъ инородцевъ, примиряла ихъ съ неволею. Сколько невидѣнными нами въ памяти возстаетъ этихъ несчастныхъ созданій, жертвъ старой барской прихоти, забитыхъ и приниженныхъ, игравшихъ по большей части роль домашнихъ шутовъ, то съ чулкомъ въ рукахъ, то за стуломъ своего барина у обѣденнаго стола! Случалось, что они и мстили, не сознавая того, за печальное рабство, широкія скулы, узкіе глаза, приплюснутый носъ у нѣкоторыхъ потомковъ барскихъ родовъ,—наглядно свидѣтельствуютъ объ этой безсознательной мести.

Смерть Ренарда ускорила такіе свободу и другаго инородца—молодаго киргиза, принадлежавшаго бывшему казанскому прокурору Козьмѣ Михайловичу Сперанскому, родному брату знаменитаго государственнаго мужа Ректоръ и правленіе желали опредѣлить судьбу этого киргиза Изъ письма Брауна къ М. М. Сперанскому (тогда онъ былъ еще пензенскимъ губернаторомъ) видно, что киргизъ этотъ, купленный лѣтъ семь тому назадъ братомъ Сперанскаго въ Тюмени, а у кого неизвѣстно, привезенъ былъ имъ въ Казань и отданъ въ услуженіе покойному адъюнкту Ренарду, у котораго находился пять лѣтъ. Имя киргизу было Есень, а по крещеніи стали звать его Алексѣемъ Ивановымъ. Не имѣя свѣдѣній, гдѣ находится бывшій казанскій прокуроръ, ректоръ просилъ Сперанскаго увѣдомить его о томъ и сообщить, слѣдуетъ ли мальчика отправить къ нему, для чего нуженъ былъ видъ, а на проѣздъ и содержаніе деньги Сперанскій отвѣтилъ изъ Пензы (15 марта 1818 года), что братъ его по болѣзни уже другой годъ живетъ въ Георгіевскѣ, у кавказскихъ водъ и просилъ „киргизца отдать на время кому либо въ услуженіе, хотя бы то было и безъ всякой платы“ — до распоряженій владѣльца. Уже изъ Сибири, на новое отношеніе къ нему

правленія о томъ же киргизцѣ, черезъ годъ (16 мая 1819 года), Сперанскій писалъ, что въ качествѣ уполномоченнаго брата, онъ даетъ знать правленію, что мальчикъ Алексѣй Ивановъ, на котораго никакихъ *укрѣпленій* не имѣется, жилъ у брата его только въ услуженіи и долженъ быть вольнымъ.

Слѣдующій по времени пріѣзда своего въ Казань ординарный профессоръ технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ *Филиппъ Леонтьевичъ фонъ-Брейтенбахъ*, какъ звали его по русски, былъ опредѣленъ также при жизни попечителя Румовскаго и принадлежалъ къ числу нѣмецкихъ, заграничныхъ ученыхъ. Онъ самъ пожелалъ переселиться въ Россію и выбралъ Казань, гдѣ какъ онъ узналъ отъ дерптскаго профессора Зегельбаха, каѳедра технологіи, по выходѣ въ отставку Буттиха, была свободна. Брейтенбахъ родился въ Майнцѣ въ 1770 году и учился въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ: Эрфуртскомъ, Майнцскомъ и Геттингенскомъ. Съ 1792 года онъ уже служилъ ассесоромъ верхняго земскаго суда въ Гейленштадтѣ; въ 1795 году опредѣленъ членомъ эрфуртскаго главнаго суда, а въ 1801 году промѣнялъ эту служебную дѣятельность на профессорскую, сдѣлавшись въ Эрфуртѣ ординарнымъ профессоромъ наукъ камеральныхъ и касающихся финансовъ. Начиная съ 1800 года и до самаго отъѣзда своего въ Россію, Брейтенбахъ напечаталъ очень много по предметамъ, относящимся къ той каѳедрѣ, которую онъ занималъ. Въ извѣстномъ библіографическомъ каталогѣ Кайзера (1) мы насчитали тринадцать сочиненій его, напечатанныхъ въ Берлинѣ, Веймарѣ, Лейпцигѣ и Эрфуртѣ (1800—1810 гг.); (по пріѣздѣ же въ Россію, Брейтенбахъ уже ничего не печаталъ и писалъ только служебныя бумаги). Въ счетъ Кайзера не входятъ статьи Брейтенбаха, помѣщенныя въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ. Сочиненія его (нѣкоторыя изъ нихъ и въ двухъ частяхъ, и солиднаго размѣра) трактуютъ о винокуреніи, о добываніи торфа и каменнаго угля, о запасныхъ магазинахъ, о хмѣлеводствѣ, объ откармливаніи скота (Fleischoekonomie), о кормовыхъ травахъ, о льноводствѣ и о разныхъ растеніяхъ, годныхъ для пряжи, о плодовыхъ

---

(1) Vollstandiges Bucher-Lexicon von *Chr. Gottl. Kayser* Erster Theil. Lpz 1834. S 339—340

деревьяхъ, о добываніи масла изъ разныхъ растеній (die Oelokonomie), о пряныхъ кореньяхъ, извѣстныхъ въ торговлѣ, и о растеніяхъ, употребляемыхъ въ мануфактурѣ, о лѣсоводствѣ и наконецъ начало большаго сочиненія, первая часть котораго вышла изъ печати передъ самымъ отъѣздомъ Брейтенбаха въ Россію: „Allgemeine deutsche Landwirthschafts-Kule", Erfurt. 1811 Мы не имѣемъ возможности сдѣлать какое либо съ нашей стороны заключеніе о научномъ достоинствѣ этихъ сочиненій, но кажется большая часть ихъ дѣйствительно имѣла отношеніе къ каѳедрѣ технологіи или скорѣе къ тому, что называлось тогда экономіей, которую Брейтенбахъ и преподавалъ въ Эрфуртскомъ университетѣ Самъ о себѣ, въ первомъ письмѣ своемъ къ Румовскому, Брейтенбахъ говорилъ, что онъ „уже 15 лѣтъ считается между такими писателями по экономіи, сочиненія которыхъ хорошо распространяются (seit 15 Jahren unter den Schriftstellern im ökonomischen Fache gezahlt werde, deren Bücher guten Abgang haben"). Румовскій, въ своемъ представленіи министру о Брейтенбахѣ, говорилъ, что „сочиненія его отлично одобрены учеными обществами". „Въ полученныхъ отъ прусскаго короля и отъ великаго герцога франкфуртскаго Карла рескриптовъ" (Франкфуртъ сталъ вольнымъ городомъ послѣ Вѣнскаго конгресса), писалъ попечитель, „содержатся весьма лестные отзывы, не только о учености и обширныхъ свѣдѣніяхъ, но и отмѣнной нравственности его". Къ свидѣтельствамъ этихъ аттестатовъ и въ доказательство знакомства своего съ наукою, требующею многихъ практическихъ свѣдѣній, Брейтенбахъ присовокупляетъ и то, что для увеличенія своихъ свѣдѣній по экономической и технологической наукамъ, онъ объѣздилъ большую часть Германіи и чувствуетъ себя въ силахъ примѣнить эти свѣдѣнія къ Россіи (1). Онъ проситъ попечителя сообщить ему, если онъ согласенъ на опредѣленіе его на службу въ Казань, на какомъ языкѣ придется читать ему лекціи. „Въ экономикѣ и технологіи, которыя въ послѣдніе годы сдѣлали такіе исполинскіе успѣхи, слѣдуетъ предпочесть всякій новый языкъ и въ ихъ числѣ нѣмецкій—латинскому", пишетъ онъ. Но особенно пріятно было Румовскому заявленіе Брейтенбаха, что „имѣя

(1) . «Und mich stark genug fühle die durch Anschauung gewordenen Kenntnisse auf das Local Russlands anzuwenden»

хорошій навыкъ къ изученію иностранныхъ языковъ, и по своимъ лѣтамъ будучи еще способенъ къ пріобрѣтенію новыхъ познаній, надѣется онъ въ короткое время столько научиться россійскому языку, сколько нужно будетъ для яснаго на ономъ преподаванія".

Какія причины заставляли Брейтенбаха думать о переселеніи въ Россію и высказывать твердое желаніе избрать себѣ новую родину, мы не знаемъ Политическія убѣжденія его неизвѣстны; онъ былъ уже не молодъ и холостъ. Разсчитывать на большое содержаніе у него не было ни основаній, ни надобности, но въ первомъ же письмѣ своемъ (18 іюля, 1811 года) Брейтенбахъ высказываетъ заботу о томъ, чтобъ ему достало денегъ на переѣздъ, въ особенности потому, что у него большая библіотека по его спеціальности, которую онъ считаетъ необходимымъ перевезти съ собою. „Вы знаете", пишетъ онъ Румовскому, „что нѣмецкіе ученые небогаты, и все что я могу принести въ жертву новому отечеству съ моей стороны — это сумма въ 100 дукатовъ, на которую можно уменьшить выдаваемое на переѣздъ". Въ сентябрѣ того же года Румовскій представилъ министру народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ему пригласить Брейтенбаха и, получивъ согласіе, тотчасъ же увѣдомилъ послѣдняго. Въ первыхъ числахъ января 1812 года попечитель представилъ министру объ утвержденіи Брейтенбаха ординарнымъ профессоромъ съ положеннымъ жалованьемъ, которое будетъ считаться со времени его пріѣзда въ С.-Петербургъ или Москву и съ выдачею ему на переѣздъ 300 червонцевъ, которые должны быть ему переведены въ Эрфуртъ. При этомъ попечитель представлялъ на разрѣшеніе министра четыре вопроса, предложенные ему Брейтенбахомъ: 1) „Библіотека моя по части наукъ и финансовъ", пишетъ Брейтенбахъ, „стоитъ по крайней мѣрѣ 3000 рублей. Мнѣ сказано, что я долженъ буду заплатить за нее пошлины, потому что однѣ только непереплетенныя книги ввозить дозволено безъ пошлины. Если подлинно существуетъ такой законъ, то спрашиваю: касается ли онъ и до моей библіотеки, или въ разсужденіи меня сдѣлано будетъ изъятіе; 2) взимаются ли пошлины съ ношеннаго платья, бѣлья, стараго серебра и драгоцѣнныхъ вещей?; 3) поелику курсъ на ассигнаціи нынѣ весьма низокъ, то не разумѣются ли подъ 3000 рублями, на какую сумму дозволяется мнѣ безпошлинно привезти вещей, серебряные рубли?; 4) мнѣ

сказано, что я безденежно получу подорожную на двѣ подводы, что крайне для меня было бы пріятно, но если понадобится мнѣ больше подводъ, то долженъ ли я платить?" Наконецъ Брейтенбахъ, въ заключеніи своего письма, пишетъ еще: „Ежели съ библіотеки, которой провозъ и безъ того дорого стоитъ, взяты будутъ пошлины, то я принужденъ буду большую ея часть оставить въ Эрфуртѣ."

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти вопросы, естественно представлявшіеся иностранцу, незнакомому со страною, были разрѣшены вполнѣ удовлетворительно для Брейтенбаха Министръ согласился и утвердилъ его, но мы не знаемъ никакихъ подробностей о его переѣздѣ, который онъ долженъ былъ сдѣлать чрезъ Петербургъ. Знаемъ только изъ переписки, что онъ ѣхалъ не одинъ, а въ сопровожденіи „домоводки", какъ переводилъ Румовскій слово Haushalterinn, Каролины Августы Конфъ изъ Альтштадта и слуги Іоганна Бекка (1). Неизвѣстно, засталъ ли Брейтенбахъ въ Петербургѣ въ живыхъ Румовскаго, но въ совѣтъ Казанскаго университета онъ явился въ первый разъ 4 сентября 1812 года, а въ слѣдующее засѣданіе, 9 сентября, былъ приведенъ къ присягѣ, послѣ чего заявилъ, что онъ выбираетъ руководствомъ книгу Бекмана. Этимъ сочиненіемъ Брейтенбахъ пользовался постоянно, до времени своей отставки въ 1819 году; въ послѣдующіе годы, кромѣ технологіи, онъ читалъ еще *сельское домоводство*, тоже по Бекману, и *о лѣсоводствѣ* (послѣдній предметъ — по собственнымъ запискамъ), но все по нѣмецки. Это значится по печатнымъ росписаніямъ лекцій На 1816—1817 годъ обязательнымъ предметомъ для слушанія остается одна только технологія, прочіе же предметы, къ которымъ присоединилась

(1) Были ли полезны Брейтенбаху его спутники дорогою, доѣхали ли они съ нимъ до Казани — намъ неизвѣстно, но вотъ что онъ пишетъ въ одной изъ просьбъ къ министру о вознагражденіи его за пожарные убытки: «во время переѣзда своего въ 1812 году изъ Эрфурта въ Казань, по случаю занятія французскими войсками мѣстъ, чрезъ которыя онъ долженъ былъ проѣзжать, *потерялъ библіотеку, которую онъ собиралъ* въ теченіе 20 лѣтъ» (вѣроятно только нѣкоторыя книги, которыя онъ взялъ съ собою, такъ какъ большая библіотека его была имъ оставлена въ Эрфуртѣ и впослѣдствіи онъ желалъ продать ее университету); «сверхъ того, дорогою, во время сна, украдены у него золотые часы съ репетицією и золотою цѣпочкою и 44 червонныхъ и на сіе путешествіе прибавилъ онъ большую часть собственныхъ денегъ» — *Дѣло* объ объявленіи проф Брейтенбаху рѣшенія на просьбу его относительно вознагражденія его потери во время бывшаго въ Казани пожара. *Сов.* 1819 г № 137

въ этомъ году еще *энциклопедія камеральнаго дѣла* по Шмальцу, читаются только для желающихъ, но ихъ, какъ кажется, не нашлось, и въ росписаніи лекцій на 1818—1819 годъ, послѣдній служенія Брейтенбаха, остались только технологія и сельское домоводство. Много ли было слушателей у Брейтенбаха, кто были они и какъ успѣвали эти слушатели въ усвоеніи технологическихъ знаній — отвѣтить на это съ полною достовѣрностью мы не въ состояніи. Судя по даннымъ, приведеннымъ нами выше (стр. 494), о томъ съ какимъ трудомъ, и то не скоро, инспекторъ студентовъ Броннеръ могъ найти для Брейтенбаха одного только слушателя по технологіи, да и тотъ просилъ отсрочки на годъ, пока выучится по нѣмецки, чтобъ имѣть возможность понимать профессора, можно думать, что слушателей этихъ было немного. Найти хотя одного было необходимо вслѣдствіе предписанія попечителя Саттыкова (14 ноября, 1815 года, № 237), въ которомъ онъ высказывалъ желаніе, „чтобы г. проф. Брейтенбахъ, избравъ одного изъ способнѣйшихъ казенныхъ студентовъ, употребилъ особенное стараніе на обученіе онаго какъ технологіи, такъ и сельскому домоводству, на тотъ конецъ, чтобы таковой былъ въ виду для поступленія въ кандидаты, магистры и адъюнкты по сей части, какъ подобное дѣлали уже нѣкоторые профессора“. Въ представленіи совѣту на слѣдующій годъ (22 марта 1816 года) Брейтенбахъ пишетъ, что „*въ то время не было ни одного изъ таковыхъ, который могъ бы съ успѣхомъ слушать мои лекціи.* Въ прошломъ мѣсяцѣ просили меня: бывшій студентъ Александръ Брынкъ и служащій при здѣшней гимназіи учитель чистописанія Петръ Васильевъ о выслушаніи у меня полнаго курса 1) технологіи, 2) сельскаго домоводства и 3) лѣсоводства, *дабы по окончаніи курса и выдержаніи кандидатскаго экзамена посвятить себя дальнѣйшему образованію въ сихъ частяхъ* Изъ ревности къ намѣренію его пр — ства г. попечителя и изъ любви къ новому своему отечеству, я согласился исполнить желаніе гг. Васильева и Брынка, а потому, кромѣ хожденія ихъ на мои публичныя лекціи, читаю я имъ у себя на дому шесть часовъ въ недѣлю упомянутыя три части“. Брейтенбахъ проситъ совѣтъ наконецъ 1) довести объ этомъ до свѣдѣнія попечителя и 2) спросить Васильева и Брынка — будутъ ли они согласны, по окончаніи курса и по выдержаніи экзамена, принять ученое званіе. Спрошены были оба занимающіеся техно-

логіею: Брынкъ и Васильевъ, но они, за общимъ ихъ подписомъ, дали довольно уклончивый отвѣтъ „При избраніи сихъ наукъ", писали они, „мы полагали главнѣйшею цѣлью то, чтобы и з пріобрѣтеніи надлежащихъ свѣдѣній въ оныхъ, имѣть средства быть полезными членами любезному своему отечеству и служить въ ученомъ или въ другомъ званіи, смотря по обстоятельствамъ и способностямъ нашимъ. Если мы, по удостоеніи степенной кандидатовъ, возчувствуемъ въ себѣ достаточныя силы нести званіе ученаго, то мы съ искреннѣйшею признательностью готовы будемъ принять всякое назначаемое намъ отъ почтеннѣйшаго совѣта благопріличное мѣсто" (1). Ни изъ того, ни изъ другаго однако не вышло спеціалиста по технологіи. Васильевъ, и тогда уже учительствующій, не покидалъ педагогической карьеры, а Брынка разыскивала полиціей, какъ исчезнувшаго неизвѣстно куда (см. выше, стр. 426). Въ спискѣ о количествѣ слушателей у каждаго профессора, представленномъ Магницкому при началѣ его ревизіи, у Брейтенбаха значилось слушателей: по технологіи — 6, а по сельскому домоводству —4 (не надобно забывать однако, что въ этомъ числѣ показаны и слушатели публичныхъ курсовъ) Кто были эти десять слушателей — неизвѣстно Вообще мы не можемъ составить себѣ никакого яснаго представленія о какихъ-либо успѣхахъ слушателей Брейтенбаха, такъ какъ нельзя предполагать знанія нѣмецкаго языка у русскихъ студентовъ. Въ январѣ 1813 года Брейтенбахъ, ссылаясь на свидѣтельства профессоровъ медиковъ Эрдмана и Брауна, просилъ совѣтъ, по причинѣ его глазной болѣзни, дозволить студентамъ слушать его лекціи на дому Совѣтъ однако не согласился на эту просьбу, указывая на то, *что студенты не имѣютъ теплой одежды* (!), а въ городѣ сильное повѣтріе кори, но такъ какъ Брейтенбахъ и самъ боленъ, и въ университетъ являться не можетъ, то и рѣшено освободить его отъ чтенія лекцій до поправленія здоровья. Вѣроятно однако онъ скоро излѣчился отъ глазной болѣзни. Это видно изъ того, что чрезъ три недѣли послѣ заявленія о ней совѣту, Брейтенбахъ уже доносилъ ему, что сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью статскаго совѣтника Берстеля Анною. Въ слѣдующемъ 1814 году мы находимъ, только въ дѣлахъ исключительно, слѣды преподаватель-

(1) Дѣло о препорученіи г проф. Брейтенбаху для обученія технологіи и сельскому домоводству, одного казеннаго студента *Сов.* 1815 г, № 110

ской дѣятельности Брейтенбаха. Въ іюнѣ этого года, слѣдовательно не задолго до окончанія лекцій (вакація начиналась въ половинѣ іюля), представляя правленію университета, что онъ занимался до того времени со своими слушателями только теоретически технологіей и, указывая на необходимость имѣть имъ практическія свѣдѣнія, Брейтенбахъ проситъ правленіе „истребовать ему отъ г. гражданскаго губернатора бумагу ко всѣмъ казеннымъ и частнымъ фабрикантамъ, чтобы они позволили ему осматривать подвѣдомыя имъ заведенія". Кромѣ того онъ просилъ подорожную для объѣзда всей губерніи такого рода, чтобъ по ней можно было получать лошадей столько, сколько понадобится. На мелочные расходы, при посѣщеніи фабрикъ и заводовъ въ самой Казани и въ ея окрестностяхъ, Брейтенбахъ просилъ выдать ему сто рублей. Но въ штатѣ университетскомъ на технологію особой суммы положено не было, а потому правленіе просило разрѣшить отпускъ просимой Брейтенбахомъ суммы изъ источника, какой благоугодно будетъ начальству указать ему. Попечитель разрѣшилъ выдачу изъ суммы на поѣздки визитаторовъ назначенной (1). Какія фабрики и мануфактуры были осмотрѣны Брейтенбахомъ съ его слушателями, какія были сдѣланы имъ замѣчанія по обзору, и на что были израсходованы выданныя ему деньги — намъ неизвѣстно. Онъ не представилъ никакого отчета, такъ что предшественникъ его Вуттигъ, о дѣятельности котораго было нами разсказано, стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше его.

Съ начала 1815 года Брейтенбахъ совсѣмъ не читаетъ лекцій и 15 мая дѣлаетъ заявленіе, что, желая вознаградить потерянное время, онъ станетъ читать ежедневно. Мы знаемъ уже, что въ этомъ году у него не было ни одного слушателя. Въ мартѣ 1815 года Брейтенбахъ изъявилъ желаніе вступить въ русское подданство и принялъ присягу. Въ томъ же году 3 сентября онъ и профессоръ Вердерамо пострадали отъ общаго казанскаго пожара. У обоихъ сгорѣли дома и оба они выхлопотали разрѣшеніе, какъ потерпѣвшіе, жить на казенныхъ квартирахъ, получая квартирныя деньги, что было разрѣшено имъ, но только до 1 сентября слѣдующаго 1816 года. Брейтенбахъ началъ немедленно хлопотать о возмѣщеніи ему потерь, понесенныхъ отъ пожара. Въ томъ

(1) Дѣло о выдачѣ проф Брейтенбаху на расходы при осмотрѣ казенныхъ и частныхъ фабрикъ денегъ 100 рублей *Правл.* 1814 г. № 87.

же самомъ году онъ подалъ въ совѣтъ заявленіе объ общей вмѣстѣ съ женою потерѣ отъ пожара имущества на 3222 рубля, но рѣшенія по этому заявленію не послѣдовало никакого. Прошло больше трехъ лѣтъ. Брейтенбахъ снова сталъ хлопотать о возмѣщеніи ему потерь и въ началѣ 1819 года подалъ о томъ прошеніе самому министру, начавъ съ перечисленія всего утраченнаго имъ при переѣздѣ въ Россію и опредѣляя сумму убытковъ въ 6000 руб., но онъ выбралъ весьма неудачный моментъ: это было передъ самою ревизіею Магницкаго. Министръ передалъ прошеніе Брейтенбаха ревизору, который, наведя подробныя справки на мѣстѣ, донесъ князю Голицыну, что Брейтенбахъ еще въ 1815 году подавалъ просьбу о понесенномъ имъ убыткѣ на 3222 р., въ вознагражденіе чего онъ и занималъ безденежно казенную квартиру съ сохраненіемъ квартирныхъ денегъ въ теченіе года, да чрезъ гражданскаго губернатора изъ казанской пожарной коммиссіи онъ получилъ 600 р., что съ квартирными деньгами составило 1100 р. Отвѣтъ самого же Брейтенбаха на запросъ проректора, представленный Магницкимъ въ подлинникѣ, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ немъ показана прежде просимая имъ сумма въ 3222 р., тогда какъ теперь онъ уже проситъ о 6000 рубляхъ. На основаніи такого донесенія Магницкаго, министръ предложилъ совѣту Казанскаго университета (30 апрѣля 1819 года № 1390)· „*объявить профессору Брейтенбаху о несообразности его требованій и что при томъ, изъ отзывовъ о службѣ его, не видно ничего такого, что могло бы дать ему особенное право на какую либо награду*“ ( ).

И 1816 годъ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній объ успѣшности преподаванія Брейтенбаха. Въ концѣ предшествовавшаго года, согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія, необходимо было отправить въ Оренбургъ визитатора для слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ правящаго должность директора оренбургскихъ училищъ Чекіева. Такимъ визитаторомъ былъ выбранъ совѣтомъ Брейтенбахъ. Въ первое же засѣданіе совѣта 1816 года, именно 3 января былъ представленъ имъ рапортъ объ исполненіи возложеннаго на него

(1) Дѣло объ объявленіи профессору Брейтенбаху рѣшенія на просьбу его относительно вознагражденія его потери во время бывшаго въ Казани пожара *Сов.* 1819 г. № 137.

порученія. При производствѣ изслѣдованія и обозрѣнія оренбургскихъ училищъ Брейтенбахъ доносилъ совѣту, что онъ имѣлъ счастіе пользоваться покровительствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора князя Гр. Сем. Волконскаго и совѣтъ опредѣлилъ послать князю отъ себя признательность. Не станемъ, изъ боязни увеличить уже все сказанное о Брейтенбахѣ, входить въ подробности его дѣйствій въ Оренбургѣ и въ разсмотрѣніе самого дѣла о Чекіевѣ, представляющаго любопытныя черты времени. Совѣтъ, имѣя въ виду, что на Чекіева поступили и другія жалобы, поручилъ училищному комитету, вмѣстѣ съ профессорами правъ Врангелемъ и Солнцевымъ, разсмотрѣть все дѣло и представить о немъ свое мнѣніе совѣту. На основаніи донесенія этого комитета, образованнаго совѣтомъ для разбора дѣла Чекіева, министръ народнаго просвѣщенія (24 февраля 1817 года № 634) предложилъ уволить Чекіева отъ занимаемой имъ должности, а совѣтъ опредѣлилъ поручить профессору Брейтенбаху обревизовать оренбургское главное народное училище, принять отъ Чекіева дѣла, деньги и училищныя вещи, почему снабдить его инструкціею и снестись съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Какъ видно изъ дѣла ( ) и изъ журнала правленія, Брейтенбахъ еще въ мартѣ 1817 года, получивъ на 4 лошади прогоновъ отъ Казани до Оренбурга 168 р. 96 коп., отправился ревизовать оренбургское училище, а въ іюнѣ того же года, по предложенію ректора, сдѣланному въ совѣтѣ, онъ снова былъ отправленъ въ Оренбургъ для открытія въ городахъ Бузулукѣ и Мензелинскѣ уѣздныхъ училищъ. На этотъ разъ онъ получилъ прогоновъ нѣсколько больше, а именно 352 р. 2 к., но такъ какъ Брейтенбахъ, какъ видно изъ его нѣмецкаго представленія правленію, сдѣлалъ еще лишнія поѣздки: изъ Оренбурга въ Уральскъ и обратно—600 в., въ имѣніе бузулуцкаго предводителя дворянства и обратно — 60 в и въ имѣніе Румянцово маіорши Румянцевой, туда и обратно — 48 в., а всего 708 верстъ, то правленіе, хотя и спросило училищный комитетъ: какія надобности имѣлъ Брейтенбахъ быть въ означенныхъ мѣстахъ, но не дождавшись отвѣта, выдало еще дополнительные 84 р. 96 коп. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ

(*) Дѣло объ отправленіи профессора Брейтенбаха для обревизованія оренбургскаго главнаго народнаго училища и открытія училищъ тамошней губерніи, равно и для обозрѣнія училища уральскаго *Прав.* 1817 г. № 54.

Брейтенбахъ сдѣлалъ три поѣздки въ Оренбургъ и оренбургскую губернію и всю первую половину 1817 года онъ совсѣмъ не читалъ лекцій. Эти частыя поѣздки Брейтенбаха въ Оренбургъ вызвали предложеніе попечителя Салтыкова (12 октября 1817 года, № 186) о томъ, „чтобы г профессоръ Брейтенбахъ (въ іюнѣ того же года по случаю отпуска Броннера въ Швейцарію, онъ былъ выбранъ исправлять должность инспектора студентовъ) „по знанію имъ мѣстныхъ обстоятельствъ и личнаго знакомства съ начальниками оренбургской губерніи, *продолжалъ дальнѣйшее производство по письменнымъ сношеніямъ объ открытіи училищъ въ упомянутой губерніи, но вторично отъ университета не отлучался, ибо сознанія имъ довольно довременная отлучка лишила слушателей его необходимыхъ лекцій, которыя никѣмъ преподаваемы не были*“ (1). Въ іюлѣ 1816 года, въ промежутокъ между первою и второю поѣздкою въ Оренбургъ, Брейтенбахъ хлопоталъ снова о поѣздкѣ по казанской губерніи для осмотра существующихъ въ ней заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ, съ цѣлью „соединенія теоретическихъ наставленій съ практикою“, и просилъ о выдачѣ ему для этой цѣли на поѣздку 300 рублей Представлено было о разрѣшеніи министру народнаго просвѣщенія Просимая сумма была разрѣшена довольно не скоро, и Брейтенбахъ взялъ деньги подъ росписку лишь въ январѣ слѣдующаго 1817 года.

Сопоставляя всѣ эти факты о различныхъ и частыхъ поѣздкахъ Брейтенбаха, мы естественно приходимъ къ заключенію, что онъ, если и преподавалъ что-нибудь, то весьма не долго и собственно на публичныхъ курсахъ; обязательныхъ студентовъ у него не было. Между тѣмъ въ засѣданіи совѣта въ мартѣ 1817 года онъ заявляетъ желаніе занять еще каѳедру сельскаго домоводства за половинное жалованье ординарнаго профессора, на основаніи уже приведеннаго нами высочайшаго указа отъ 3 января 1817 года, ссылаясь на то, что „онъ уже четыре года занимается безденежно прохожденіемъ сельскаго домоводства и что онъ ученому свѣту извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ“. Министръ разрѣшилъ Въ октябрѣ 1816 года Брейтенбахъ предложилъ совѣту купить его библіотеку, оставленную имъ въ Эрфуртѣ, состоящую изъ книгъ

(1) Протоколы Совѣта 1816 г стр. 102 а, б.

по части технологіи и коммерческихъ знаній и ходатайствовалъ о пріобрѣтеніи моделей разныхъ машинъ на сумму отъ 2 до 3 тысячъ рублей. Совѣтъ нашелъ пріобрѣтеніе и книгъ и моделей полезнымъ и передалъ представленіе Брейтенбаха правленію, но тамъ дѣло это неизвѣстно почему не получило хода.

1818 годъ прошелъ для Брейтенбаха совершенно спокойно, безъ всякихъ волненій, но слѣдующій, 1819 годъ, былъ роковымъ для него, какъ и для многихъ его сослуживцевъ. Ревизія Магницкаго рѣшила судьбу его „Профессоръ сельскаго домоводства и технологіи Брейтенбахъ", писалъ въ своемъ донесеніи министру Магницкій, „преподаетъ лекціи сихъ тщетныхъ (?) наукъ весьма недостаточно на нѣмецкомъ языкѣ. Занимаетъ двѣ каѳедры для жалованья и имѣетъ въ одной 6, а въ другой 4 слушателя потому только, что отправляя должность инспектора студентовъ, можетъ онъ принудить и принуждаетъ тѣхъ изъ нихъ, кои разумѣютъ по нѣмецки, ходить къ нему на лекціи". Столь же неблагопріятенъ былъ отзывъ о немъ, какъ объ инспекторѣ. Это „человѣкъ слабый въ отношеніи своей должности; онъ навѣщаетъ студентовъ весьма рѣдко, т. е. чрезъ нѣсколько дней и они живутъ безъ всякаго за ними присмотра. Когда сдѣланъ былъ мною вопросъ о числѣ ихъ, то для узнанія онаго собирались отъ профессоровъ свѣдѣнія о числѣ слушателей на ихъ лекціяхъ" (?). Дальше говорится о неопрятности въ комнатахъ казенныхъ студентовъ, о нечистотѣ кухни и проч. Вѣроятно нѣкоторыя изъ замѣчаній своихъ Магницкій высказывалъ во время самой ревизіи, такъ что Брейтенбахъ, еще до полученія въ Казани распоряженій послѣ ревизіи, отказался по болѣзни отъ исправленія должности инспектора и жалованье за нее было прекращено ему съ іюня мѣсяца. Брейтенбахъ былъ удаленъ изъ университета и слѣдовательно лишенъ пенсіи. Отправляясь въ Петербургъ, онъ просилъ совѣтъ выдать ему свидѣтельство о его службѣ въ Казанскомъ университетѣ, о томъ, что онъ преподавалъ и какъ онъ исполнялъ и другія обязанности на него возлагаемыя, „соображаясь съ послужнымъ спискомъ, дѣлами совѣта и аттестаціями г. ректора". Совѣтъ представилъ о такой просьбѣ новому попечителю, который согласился на выдачу свидѣтельства Брейтенбаху, но съ тѣмъ, чтобъ „таковое выдано было не по аттестату бывшаго рек-

тора Брауна (благопріятному), какъ Брейтенбахъ въ просьбѣ пишетъ, а по послужному списку» (¹)

Послѣднимъ профессоромъ, избраннымъ еще Румовскимъ и опредѣленнымъ въ Казань при его жизни, былъ про-

(¹) Дѣло о выдачѣ свидѣтельства бывшему профессору Брейтенбаху 1819 г. № 233. Дальнѣйшая судьба Брейтенбаха намъ достаточно извѣстна. Сначала, по всей вѣроятности, онъ прожилъ нѣсколько времени въ Казани (у тестя было имѣніе въ Лаишевскомъ уѣздѣ), а потомъ отправился въ Петербургъ искать служебной дѣятельности. Кажется, онъ сдѣлалъ поѣздку и на родину и прожилъ въ Германіи едва ли не два года. Въ 1824 году Брейтенбахъ имѣлъ случай быть представленнымъ Каиарину (по дѣлу графу) и описать его благопріятное положеніе. Въ 1826 году Каиаринъ назначилъ его директоромъ состоявшаго въ то время въ вѣдѣніи министерства финансовъ форстъ-института, переименованнаго въ 1829 году въ Лѣсной институтъ. Въ этой должности Брейтенбахъ оставался до 1837 года, когда Лѣсной институтъ былъ преобразованъ и получилъ военное устройство. Директоромъ назначенъ былъ военный генералъ графъ Ламздорфъ, а Брейтенбахъ былъ сначала причисленъ къ министерству финансовъ, но послѣ, въ 1839 году, вышелъ въ отставку, оставаясь на жительствѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ 1845 году. Жена его, казанская уроженка, умерла гораздо прежде него—въ началѣ 30-хъ годовъ. Плодомъ этого брака были три дочери, изъ которыхъ двѣ старшія вышли за мужъ за лицъ нѣмецкаго происхожденія. Какъ въ Казани, такъ и въ Петербургѣ, Брейгенбахъ ничего не печаталъ, ничего не писалъ, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ. Вся литературная дѣятельность его, весьма плодовитая до переѣзда въ Россію, прекратилась въ новомъ для него отечествѣ, гдѣ она повидимому оказалась ненужною, такъ какъ для различныхъ производствъ у насъ, для фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ для сельскаго домоводства и лѣсоводства вовсе не требовалось тогда и долго потомъ, научныхъ свѣдѣній и образованности. До послѣдняго дня службы Брейтенбаха графъ Каиаринъ очень благоволилъ къ Брейтенбаху, но директоръ департамента государственныхъ имуществъ, которому былъ подчиненъ Лѣсной институтъ, Дубенскій, не долюбливалъ его, частью потому что Брейтенбахъ весьма плохо зналъ русскій языкъ до конца жизни (слѣдовательно его способность къ изученію языковъ, которою онъ хвалился передъ Румовскимъ, спасовала, встрѣтившись съ особенностями языка его «новаго отечества») но главнымъ образомъ за нераспорядительность по хозяйственной части (не даромъ же онъ держалъ при себѣ до женитьбы «домоводку») и за жестокія тѣлесныя наказанія, которымъ онъ подвергалъ воспитанниковъ института (Роднаго племянника жены своей—Берстеля, учившагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ, во время каникулъ въ Казанской губерніи, онъ наказалъ такъ жестоко розгами, что тотъ пролежалъ въ больницѣ около двухъ недѣль послѣ этой экзекуціи). Воспитанники Лѣснаго института не любили Брейтенбаха, преподаватели не уважали его. На ходъ преподаванія Брейтенбахъ не оказывалъ никакого вліянія, безъ сомнѣнія потому что не зналъ языка, это мѣшало ему также хорошо вникать въ содержаніе дѣловой переписки и отчетности; за то онъ строго слѣдилъ за внѣшнею чистотою, преслѣдовалъ всякій наружный безпорядокъ. Эти послѣднія заботы о внѣшности совершенно противорѣчатъ отзыву Магницкаго о найденной имъ нечистотѣ въ комнатахъ казенныхъ студентовъ.

Въ маѣ 1829 года Брейтенбаха посѣтилъ въ Петербургѣ бывшій слушатель его Васильевъ (см. о немъ выше, стр. 646—647) и получилъ отъ него

фессоръ философіи, преемникъ перваго преподавателя этой науки Фойгта—*Александръ Степановичъ Лубкинъ*, весьма недолго занимавшій эту каѳедру. Лубкинъ, костромичъ родомъ, родился по всей вѣроятности въ 1770 или 1771 году, учился первоначально въ костромской семинаріи и по окончаніи въ ней курса отправленъ былъ для приготовленія къ учительству въ С.-петербургскую Александро-Невскую академію, гдѣ учился до сентября 1792 года. Тогда онъ былъ назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка и математики въ костромскую семинарію, но въ 1797 году сдѣлался префектомъ семинаріи и сталъ уже преподавать философію, не оставляя ее до конца жизни. Успѣхъ этого преподаванія, выдающіяся способности и нравственныя достоинства Лубкина были причиною, что 5 марта 1801 года онъ былъ переведенъ на службу въ *армейскую* семинарію, гдѣ отправлялъ должность ректора и также преподавалъ философію по собственнымъ рукописямъ. Служба по духовному вѣдомству продолжалась однако не долго. Лубкинъ вышелъ изъ духовнаго въ *свѣтское званіе* по собственному своему желанію, но какія причины побудили его къ этому шагу — намъ неизвѣстно. Около того же времени онъ женился и 18 октября 1806 года поступилъ во 2-е отдѣленіе С.-петербургскаго педагогическаго института *смотрителемъ за поведеніемъ студентовъ* (т. е. инспекторомъ) На этой должности, какъ мы полагаемъ, Лубкинъ сдѣлался лично извѣстнымъ Румовскому, оцѣнившему его достоинства. Румовскій и опредѣлилъ его 26 мая 1810 года директоромъ

разрѣшеніе осмотрѣть форетъ-институтъ и дачу его. Вѣроятно онъ подробно осмотрѣлъ эти заведенія, какъ и другія петербургскія, и описалъ ихъ, но его «Дневныя записки» (Каз 1868) не были кончены печатаніемъ, которое прервано было на пятомъ листѣ

Всѣми свѣдѣніями о Брейтенбахѣ, послѣ того какъ онъ оставилъ университетъ, мы обязаны благосклонной любезности г члена совѣта министерства государственныхъ имуществъ и бывшаго директора Лѣснаго корпуса ϑ В Арнольда, уважаемаго автора книги «Русскіе лѣса», не отказавшаго нашей просьбѣ сообщить то, что ему извѣстно о Брейтенбахѣ Приносимъ ему глубочайшую благодарность за просвѣщенное участіе къ нашему труду Эта благодарность тѣмъ болѣе глубока и искренна съ нашей стороны, что мы вовсе не избалованы легкостью собирать какія либо свѣдѣнія о старыхъ казанскихъ профессорахъ. Такъ, желая узнать наприм о жизни въ отставкѣ профессоровъ Германа и Арнольда, переселившихся послѣ увольненія въ два большіе города Поволжья, мы обращались съ просьбами о доставленіи намъ хотя бы копій съ формуляровъ по новому мѣсту служенія этихъ профессоровъ, къ двумъ лицамъ, успѣшно подвизающимся на педагогическомъ поприщѣ, лично намъ извѣстнымъ, не не получили отъ нихъ не только какихъ-либо свѣдѣній, но даже и отвѣтовъ на наши покорнѣйшія просьбы.

народныхъ училищъ оренбургской губерніи. Какъ только попечитель узналъ о смерти фойгта, такъ поручилъ (въ октябрѣ 1811 года) находящемуся при немъ правителю дѣлъ надворному совѣтнику Соколову написать Лубкину и спросить его: не согласится ли онъ занять въ Казанскомъ университетѣ свободную каѳедру умозрительной и практической философіи *на положеніи адъюнкта* (Лубкинъ не имѣлъ ученой степени, и экстраординарными и ординарными профессорами преимущественно назначались заграничные ученые, имѣвшіе отъ своихъ университетовъ степень доктора). Лубкинъ съ большою радостію принялъ это предложеніе и тотчасъ отвѣтилъ Соколову. Эта радость была тѣмъ сильнѣе, что жизнь въ Оренбургѣ, которая такъ по сердцу пришлась его предшественнику, упомянутому нами музыканту и поэту Протопопову, сильно не нравилась Лубкину. „Признаюсь, милостивый государь мой Дмитрій Михайловичъ", писалъ онъ Соколову „что пріятное ваше письмо, хотя сверхъ всякаго чаянія, но подоспѣло весьма кстати. Худыя обстоятельства здѣшнихъ училищъ, которымъ едва ли еще скораго окончанія ожидать можно, съ чѣмъ вмѣстѣ преграждаются и личныя мои, яко семейнаго человѣка, выгоды. Жестоко мнѣ здѣсь наскучило. Повѣрите ли вы, что другой уже годъ живу здѣсь я такъ, какъ бы черезъ день надо было перебираться на другое мѣсто. Никакъ еще не можно основаться на чемъ либо, ниже расположиться въ прокъ, по причинѣ встрѣчающихся часто обстоятельствъ, требующихъ перемѣны квартиры, а также и по причинѣ ожиданія, что скоро заставятъ переселяться въ Уфу.... Таковая безнадежность и колеблемость обстоятельствъ сносна быть можетъ только для человѣка одинокаго, *а я отъ него въ одинъ годъ семью людей прожилъ* (?), при всемъ томъ, что жилъ въ такомъ уединеніи, какъ бы держалъ трауръ, стараясь даже избѣгать знакомства не только чтобы искать его. И такъ нынѣшнему случаю я крайне радъ. Чувствительнѣйше благодарю васъ за участіе по сему дѣлу, вами въ пользу мою пріемлемое. Конечно, если бы я здѣсь завелся домомъ, и стоялъ уже на твердой ногѣ, тогда бы могли встрѣтиться въ разсужденіи перемѣны мѣста значущія затрудненія. Но теперь? Теперь сіе для меня ничуть не страшно, ибо живу я такъ, какъ бы былъ еще въ дорогѣ, окончанія которой не могу дождаться". Самому попечителю Лубкинъ доноситъ: „на занятіе въ Ка-

занскомъ университетѣ каѳедры философіи я не только совершенно согласенъ, но и сочту себѣ за особенную милость и благодѣяніе, если в. п сего удостоить меня благоволите, поелику между прочими, такожде для меня относительно сего причинами, *я никогда не терялъ изъ виду искать и пользоваться случаемъ, дабы начатое нѣкогда мною по части философіи. а нѣсколько и нынѣ* продолжаемое усовершить и привести къ окончанію“ (20 дек. 1811 г. Оренбургъ)

Къ сожалѣнію мы не знаемъ, въ какихъ выраженіяхъ попечитель Румовскій представлялъ Лубкина на утвержденіе министра, но утвержденіе послѣдовало быстро, именно 2 февраля слѣдующаго 1812 года, и 27 марта Лубкинъ уже явился въ засѣданіе совѣта, о чемъ и было немедленно донесено попечителю Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго появленія своего въ совѣтѣ, Лубкинъ подалъ ему представленіе о томъ, какого плана и порядка онъ будетъ держаться при преподаваніи имъ *умозрительной и нравственной философіи.* Нѣмецкій предшественникъ Лубкина профессоръ Фойгтъ, такъ недолго служившій, былъ скорѣе юристъ чѣмъ философъ, какъ мы говорили. Вліянія на слушателей онъ не могъ имѣть никакого, да едва ли кто нибудь и слушалъ его, не понимая языка профессора Тѣмъ болѣе должно быть любопытно, что говорилъ о своей наукѣ второй профессоръ философіи въ Казанскомъ университетѣ, русскій по происхожденію и обязанный своимъ философскимъ образованіемъ исключительно духовной нашей школѣ, гдѣ только и можно было въ то время познакомиться съ философіей. Лубкинъ былъ первымъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, который всѣмъ своимъ образованіемъ былъ обязанъ духовной школѣ: семинаріи и академіи, гдѣ образованіе, начиная съ переноса духовной науки въ концѣ XVII вѣка изъ Кіева въ Москву, имѣло уже нѣкоторыя преданія, имѣло и силу, покрайней мѣрѣ въ области отвлеченныхъ знаній. Во всякомъ случаѣ Лубкинъ былъ гораздо полезнѣе своего предшественника на каѳедрѣ. Какъ и Фойгтъ, Лубкинъ не былъ послѣдователемъ какой-либо одной философской системы, но по различнымъ причинамъ. Первый не занимался философіей, былъ чуждъ ей, не смотря на общее увлеченіе философіей, этой „наукой наукъ“ въ Германіи въ то время какъ онъ учился, приготовляясь быть чиновникомъ. На каѳедру философіи онъ попалъ случайно. Лубкинъ *не могъ быть* послѣдователемъ какой-либо одной германской системы, потому что съ наукой онъ знакомился

не въ нѣмецкихъ университетахъ, а въ духовной академіи, хотя и зналъ основательно нѣмецкій языкъ и былъ знакомъ съ нѣмецкой философіей. Его планъ преподаванія былъ слѣдующій:

«1) Поелику основательное свѣдѣніе логическихъ правилъ составляетъ необходимую предуготовительную часть для всѣхъ познаній разумѣнія и строгаго изслѣдованія требующихъ, а притомъ и слушатели мои не получили еще твердаго основанія въ сей наукѣ: для того и преподаваніе философическаго курса нужнымъ почитаю начать съ *логики* (Какъ учебную книгу могущую служить пособіемъ при изложеніи. Любинъ рекомендуетъ учебникъ логики на нѣмецкомъ языкѣ, изданный главнымъ правленіемъ училищъ: Grundriss der allgemeinen Logik fur die Gymnasien des russischen Reichs и тотъ же учебникъ не болѣе подробный: Ausführliche Erklärung des Grundrisses der allgemeinen Logik, zum Gebrauch der Lehrer) Впрочемъ при изустномъ преподаваніи располагаюсь я только придерживаться порядка оной, предоставляя себѣ по мѣрѣ надобности, въ разсужденіи содержанія, дѣлать нѣкоторыя дополненія и перемѣны изъ имѣющихся у меня письменныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ для изданія вторымъ тисненіемъ логики прежде мною сочиненной (1)

2) «Для частей умозрительной философіи, относящихся къ *метафизикѣ*, не вѣдаю я никакой удовлетворительно способной учебной книги которою бы можно было прямо руководствоваться. Ибо всѣ оныя, кромѣ частныхъ нѣкоторыхъ недостатковъ, не смотря на изящность нѣкоторыхъ въ другихъ отношеніяхъ, *наполнены духомъ секты схоластическаго догматизма, основывающагося на пристрастномъ уваженіи къ прославившемуся начальнику какой-либо философской секты* Слѣдовательно если бы и избрать какую-либо изъ сихъ книгъ себѣ въ руководника, то половину а можетъ быть и болѣе времени, на преподаваніе подлинной науки нужнаго, надлежало бы употребить для опроверженія такого догматизма, и для необходимыхъ по поводу сего въ системѣ науки перемѣнъ, что послужитъ только къ ненужному и излишнему затрудненію, особливо учащихся Впрочемъ, хотя бы въ другихъ краяхъ и были способныя учебныя по части метафизики книги, какъ напримѣръ сочиненная Федеромъ (2), который наименѣе придерживается какой либо *секты*, но по нынѣшнимъ обстоятельствамъ (1812 года) великая предстоитъ трудность въ выписываніи таковыхъ книгъ и снабденіи ими слушателей. Упражнявшись прежде въ преподаваніи философіи нѣсколько лѣтъ, по сказаннымъ выше обстоятельствамъ, принужденнымъ я наконецъ нашелся *составить свой курсъ наукъ, къ такъ называемой метафизикѣ относящихся* И поелику и въ послѣдующее за тѣмъ время симъ предметомъ заниматься я не оставлялъ, выправляя и дополняя свое сочиненіе, то нынѣ остается только оное еще снова пересмотрѣть и выправить для изданія въ свѣтъ. Потому, если совѣтъ заблагоразсудитъ, согласенъ я преподавать части умозрительной философіи по собственной моей на россійскомъ языкѣ рукописи, для частнаго же упо-

(1) «Начертаніе логики, сочиненное и преподанное въ армейскои семинаріи *Александромъ Любинымъ*» Спб 1807 8° —Доказательствомъ знакомства его съ языкомъ нѣмецкимъ можетъ служить переводъ его сочиненія *Цахаріэ* «Четыре времени года въ ихъ сокращеніи или четыре части дня», подражаніе Томсону. Спб. 1805. 16°.

(2) *Feder* (Joh Georg Heinr) «Grundsatze der Logik und Metaphysik» — много изданій.

требленія желающимъ студентамъ *приготовить для нихъ сокращенія въ возможно уменьшенномъ видѣ*, каковыя предварительно и имѣю представить на разсмотрѣніе совѣта

3) «Что касается до *нравственной философіи*, то по моему мнѣнію преподаваніе оной должно быть начато по окончаніи уже курса теоретической философіи, поелику одно внушеніе совѣсти не можетъ имѣть надъ человѣкомъ довольной силы безъ предварительнаго увѣренія его о нѣкоторыхъ умозрительныхъ истинахъ, на нравственность имѣющихъ вліяніе. Впрочемъ, поелику нынѣ, и весьма правильно, нравственная философія отдѣляется отъ философіи правъ, то и содержаніе оной слѣдуетъ кажется ограничивать только однимъ закономъ совѣсти По сей причинѣ, если не приискана будетъ какая либо способная въ семъ отношеніи учебная нравственной философіи книга, то въ такомъ случаѣ также могу принять на себя преподаваніе нравственной философіи *по своей рукописи*, относительно чего предварительно нужнымъ почитаю представить о семъ мои мысли Весь *курсъ нравственной философіи* приличнымъ образомъ *можетъ быть кажется раздѣленъ на три части* Изъ нихъ въ 1-й имѣютъ быть объяснены общія понятія до нравственности, обязанностей, закона и права относящіяся, и предложено объ основаніяхъ и началахъ нравственности въ человѣкѣ; во 2-й представлено быть можетъ аналитическое изложеніе естественныхъ законовъ или предписаній совѣсти, приспособляясь къ разнымъ отношеніямъ, въ какихъ люди между собою находятся; часть 3-я будетъ содержать въ себѣ *полку* или изложеніе способовъ, разумомъ обрѣтаемыхъ къ нравственному себя усовершенствованію и къ отвращенію препятствій къ тому, противополагаемыхъ чувственною природою человѣка и обстоятельствами, въ какихъ онъ находится

«Если слушатели мои, развлекаемые многими учебными предметами, успѣютъ за мною слѣдовать, то курсъ умозрительной философіи (логика и метафизика) располагаюсь я окончить въ теченіе одного года, а въ теченіе другаго пройти съ ними нравственную философію, употребивъ остающееся, если будетъ, время, на ознакомленіе ихъ съ нѣкоторыми новѣйшими философическими сектами, или, если сіе признано будетъ ненужнымъ, на сокращенное повтореніе всего пройденнаго» (1)

Мы привели этотъ планъ преподаванія Лубкина, представленный имъ въ совѣтъ, для характеристики этого новаго профессора такой науки, которая одна въ тѣ годы, да и много лѣтъ потомъ у насъ, могла дать въ университетахъ молодымъ людямъ общее развитіе, укрѣпить ихъ умъ, дать ему содержаніе и развить обще-человѣческія чувства и прочныя нравственныя убѣжденія. Кому изъ образованныхъ русскихъ людей неизвѣстно то вліяніе философіи, какое имѣла она на нѣкоторыя выдающіяся личности въ исторіи русскаго духовнаго развитія, особенно на тѣ, которыя черпали ея основанія прямо изъ источника, въ германскихъ университетахъ Въ царствованіе Екатерины это могущественное культурное вліяніе науки наукъ сказалось на молодыхъ людяхъ, учившихся въ Лейпцигѣ вмѣстѣ съ Радищевымъ; при Александрѣ I оно выразилось

(1) Донесеніе совѣта попечителю 8 апрѣля 1812 года, № 224.

въ дѣятельности нѣкоторыхъ государственныхъ людей, учившихся въ Геттингенѣ; ближе къ намъ—въ литературной дѣятельности московскаго кружка, посреди котораго усвоивались Шеллинговы идеи; еще ближе—вліяніе ученія Гегеля на людей съ такимъ противоположнымъ направленіемъ, какъ Бѣлинскій и славянофилы. Не надобно забывать однако, что вліяніе это имѣло лишь общій характеръ: слагалось, собственно говоря, только міросозерцаніе, понятіе о жизни, объ исторіи и пр., но метафизика системъ рѣшительно не усвоивалась русскимъ умомъ. Начиная съ Магницкаго, преподаваніе философіи въ нашихъ университетахъ, подъ сильнымъ вліяніемъ разныхъ тенденцій и, какъ говорятъ у насъ, теченій, господствовавшихъ во внутренней политикѣ, пережило столько разнообразныхъ фазисовъ, такъ часто и такъ странно заподозривалось, что цивилизующее, нравственное значеніе философіи для общаго развитія совершенно утратилось. Изъ выписаннаго нами краткаго конспекта будущихъ чтеній Лубкина можно видѣть серьезность содержанія предположеннаго имъ къ чтенію курса философіи, хотя этотъ курсъ составленъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ преподавалась тогда философія въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Требовать отъ Лубкина, чтобъ онъ слѣдовалъ какому-либо выдающемуся философу было бы, думаемъ, несправедливо. Намъ именно и нравится въ немъ это критическое отношеніе его къ одной излюбленной системѣ, философской доктринѣ, или *сектѣ*, какъ выражается самъ онъ. Кажется Лубкинъ дѣйствительно хлопочетъ о наукѣ, о ея строгомъ содержаніи и развитіи; при томъ, и это мы ставимъ ему въ особую заслугу, онъ чуждъ господствовавшей тогда реторики.

Планъ преподаванія Лубкина, представленный попечителю, былъ утвержденъ, нѣмецкія руководства по логикѣ, указанныя имъ, были выписаны: сокращенное въ числѣ 12, пространное въ 6 экземплярахъ, но едва-ли планъ преподаванія былъ выполненъ въ дѣйствительности Лубкинымъ и въ теченіе перваго академическаго года его службы. Даже и руководства стали другія. Лубкинъ былъ человѣкъ семейный. Въ годъ поступленія его на службу, у него было четверо дѣтей (три сына и одна дочь), изъ которыхъ старшему было только шесть лѣтъ. Жить на адъюнктское жалованье (800 р. и 200 квартирныхъ) представлялось затруднительнымъ. Пришлось искать заработковъ сверхъ адъюнктскаго жалованья, на что

быть можетъ Лубкинъ разсчитывалъ еще въ Оренбургѣ. Не прошло и мѣсяца со времени пріѣзда его въ Казань, какъ онъ уже былъ опредѣленъ (25 апрѣля), вмѣсто больнаго Петровскаго, инспекторомъ гимназіи. Лубкинъ скоро увидѣлъ однако, что, добросовѣстно неся эту обязанность, онъ не въ состояніи будетъ выполнить все то, на что онъ указывалъ въ своемъ планѣ, какъ преподаватель. Вѣроятно предвидя это, Лубкинъ сталъ хлопотать о другомъ преподавателѣ философіи. „По каѳедрѣ умозрительной и практической философіи въ здѣшнемъ университетѣ“, представлялъ онъ въ совѣтъ, „состою *чиновникомъ* одинъ только я. И, если болѣзнь или другое какое-либо обстоятельство встрѣтиться могущее, воспрепятствуетъ мнѣ быть въ классахъ, то въ такомъ случаѣ и преподаваніе философскихъ лекцій по необходимости должно остановиться, что замедляя съ одной стороны курсъ науки, съ другой можетъ быть вредно и для успѣховъ слушателей, почему признаю полезнымъ, дабы по части сей въ виду находился какой либо другой сверхъ меня чиновникъ, который бы въ нужномъ случаѣ могъ вмѣсто меня преподавать философію, *не отступая отъ моего плана*“. Чиновникъ по части философіи, котораго представлялъ совѣту Лубкинъ, былъ Срезневскій, кандидатъ юридическихъ наукъ. Мы говорили уже о немъ („Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у—та“, ч. 1-я, стр. 517—529). Срезневскій, по словамъ Лубкина, трижды проходилъ курсъ философскихъ наукъ: въ рязанской семинаріи, въ московской академіи и С.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Попечитель разрѣшилъ Срезневскаго, тогда еще кандидата (17 іюня, 1817 года), „употреблять для преподаванія лекцій въ такомъ только случаѣ, когда адъюнктъ Лубкинъ отвлеченъ будетъ отъ онныхъ экзаменами по должности инспектора гимназіи, которые требовать будутъ личнаго его присутствія“. Съ тѣхъ поръ однако, какъ Срезневскій получилъ степень магистра, съ 1813—1814 года, преподаваніе философіи было распредѣлено между ними обоими, Лубкинымъ и Срезневскимъ: первый сталъ читать философію *практическую*, второй—теоретическую. И руководства выбраны были другія. Въ 1813 году, 13 марта, адъюнкты Лубкинъ и Кондыревъ вошли въ совѣтъ съ представленіемъ, что они начали переводить съ нѣмецкаго „Начальный курсъ философіи Снелля (1), и просили со-

(1) «Начальный курсъ философіи», сочиненіе *Снелля* Пять частей. Казань 1813—1814. 8°

вѣтъ одобрить его для общаго употребленія, „находя съ своей стороны оный для сего способнѣйшимъ“. Попечитель Салтыковъ разрѣшилъ, чтобы деньги, слѣдуемыя за напечатаніе этого курса, были уплачены университетской типографіи не тотчасъ по отпечатаніи, а по мѣрѣ распродажи книги (¹). И Лубкинъ, и Срезневскій стали съ того же года читать по Снеллю, а въ 1814—1815 году присоединили къ нему и Якоба. Оба эти нѣмецкіе философы признаны были потомъ Магницкимъ весьма вредными. Лекціи Лубкина были обязательными для всѣхъ студентовъ. Изъ его рапорта въ совѣтъ въ декабрѣ 1812 года видно, что въ продолженіе ноября мѣсяца онъ прошелъ съ своими слушателями *чистую логику* (должно быть это былъ очень краткій курсъ), что всѣхъ студентовъ, которые обязаны были слушать его, было 41 и онъ дѣлилъ ихъ на три категоріи: постоянно ходившихъ на лекціи—14, небывшихъ по болѣзни—3, изрѣдка приходившихъ—11 и вовсе неходившихъ—13.

Должность инспектора гимназіи поручена была Лубкину безъ всякой просьбы съ его стороны. „Хотя отправленіе подобныхъ должностей“, писалъ онъ попечителю, „не весьма можетъ быть лестно для того, кто извѣдалъ оныя своимъ опытомъ, но милостивое довѣріе начальства всегда было дороже для меня собственнаго спокойствія и потому, хотя бы я и хотѣлъ, но не смѣю и не могу отрицаться отъ принятія сего, возлагаемаго на меня отъ в. п. порученія“. По желанію Румовскаго, Лубкинъ долженъ былъ сообщить ему, въ какомъ положеніи онъ нашелъ гимназію. Новый инспекторъ пишетъ, что знакомъ съ нею только съ недѣлю, а потому не можетъ сказать ничего точнаго и опредѣленнаго, надѣется донести обстоятельно уже по окончаніи экзаменовъ и узнать причины общей неуспѣшности учащихся, но и предварительно уже онъ можетъ сообщить, „что по крайнему недостатку въ учебныхъ пособіяхъ и книгахъ, едва ли успѣхи учащихся могутъ быть болѣе, нежели каковы суть, хотя бы не присоединялось къ тому другихъ причинъ и препятствій“. Сообщить эти свѣдѣнія попечителю уже нельзя было за его смертію. При открытіи университета въ 1814 году, Лубкинъ произведенъ былъ въ экстраординарные профессоры и хотя содержа-

(¹) Дѣло о томъ, что гг. адъюнкты Кондыревъ и Лубкинъ переводятъ на россійскій языкъ философію, сочиненную г. Снеллемъ. *Сов.* 1813 г., № 41

ніе его по службѣ теперь сдѣлалось значительнѣе, но онъ въ томъ же году вынужденъ былъ, 4 іюня, обратиться въ совѣтъ съ прошеніемъ объ увеличеніи его. За инспекторство онъ получалъ только половинное жалованье. Между тѣмъ для этой должности, говоритъ онъ, „долженъ я употреблять все дневное время, такъ что доколѣ продолжаются классы, я ничѣмъ прямо запяться не могу по причинѣ ежечасныхъ почти развлеченій по сей должности; и въ семъ отношеніи получаю я жалованья изъ гимназіи противу каждаго въ оной учителя несравненно меньшее. Не говоря о таковой несоразмѣрности (?), слѣдствіемъ такого развлеченія есть еще и то, что я, жертвуя всѣмъ своимъ временемъ службѣ, не могу для себя имѣть выгодныхъ занятій (какъ будто онъ не получаетъ жалованья экстраординарнаго профессора), дабы собственными трудами пріобрѣтать нѣчто (?) и симъ образомъ дополнять къ моему жалованью недостающее для безбѣднаго себя содержанія". Далѣе Лубкинъ сообщаетъ, что у него многочисленное семейство (11 человѣкъ), что жалованья изъ университета и гимназіи едва достаетъ на пропитаніе, что у него подростаютъ дѣти, нужно учить ихъ, а онъ не имѣетъ времени самому это дѣлать и не въ состояніи нанять для нихъ учителя, что онъ задолжалъ во время своихъ прежнихъ переѣздовъ и не знаетъ какъ и чѣмъ уплатить долги. Лубкинъ проситъ совѣтъ исходатайствовать ему полученіе полнаго инспекторскаго жалованья по штату и указываетъ на то, что не получаетъ въ званіи экстраординарнаго профессора слѣдующихъ по штату ему 500 р. квартирныхъ денегъ, какъ живущій на казенной квартирѣ, между тѣмъ какъ квартира эта, по ея неудобности и сырости, стоитъ не дороже 200 рублей. Совѣтъ опредѣлилъ испросить у г. попечителя „во уваженіе заслугъ профессора Лубкина начальственнаго снисхожденія къ его просьбѣ". Салтыковъ отвѣтилъ, что если Лубкину выгоднѣе получать квартирныя деньги, то онъ можетъ воспользоваться квартирными деньгами экстраординарнаго профессора Кондырева, что же касается до прибавки къ жалованью, то въ настоящее время онъ сдѣлать этого не можетъ, но при этомъ изъявляетъ благодарность Лубкину за усердную его службу (1).

(1) Дѣло по прошенію г инспектора гимназіи э о. профессора Лубкина объ исходатайствованіи ему за инспекторскую должность, по примѣру другихъ чиновниковъ гимназіи, полнаго штатнаго жалованья и квартирныхъ по званію э о профессора *Сов* 1814 г № 84.

Черезъ годъ послѣ этой просьбы, получившей какъ видно неполное разрѣшеніе, Лубкинъ снова дѣлаетъ попытку передъ совѣтомъ увеличить свое содержаніе. Очевидно большая семья и недостаточность содержанія вынуждали его къ тому. Онъ подаетъ 7 мая 1815 года въ совѣтъ большую латинскую просьбу объ удостоеніи его званіемъ ординарнаго профессора. „Non honoris ambitio titulorumque mania ad id me impellit", говоритъ онъ въ просьбѣ. „cum namque dignitatis civilis gradum (чинъ VII класса) in imperio nostro Rossico jam dum possideo, cui professores ordinarii ex statutis adnumerantur". Побудительнымъ мотивомъ выставляетъ онъ снова невозможность жить съ семьею, теперь уже изъ 12 членовъ состоящею, при увеличивающейся на все дороговизнѣ, на жалованье экстраординарнаго профессора. Въ доказательство того, что онъ заслуживаетъ проснмаго имъ производства, Лубкинъ представляетъ совѣту составленныя имъ рукописи: 1) *Логики* по Якобу, но во многихъ мѣстахъ подлинникъ, гдѣ нужно, или распространенъ, или сокращенъ; 2) *Метафизики*, состоящей изъ четырехъ частей, съ присоединеніемъ пятой, заключающей въ себѣ теорію религіи, какъ естественной, такъ и откровенной, т. е. положительной. Объ этой, очень существенной части метафизики, гдѣ находился камень преткновенія для философовъ, особенно въ то время, когда уже стали слышаться нападенія на свободную мысль. Лубкинъ высказываетъ свои воззрѣнія, въ которыхъ не могло быть ничего такого, что заслуживало бы порицанія (1). Кромѣ этихъ сочиненій, находящихся въ рукописи, Лубкинъ упоминаетъ объ *Учебникѣ логики*, имъ составленномъ и напечатанномъ въ С.-Петербургѣ, и о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ (in ephemeridibus), которыя сдѣлали имя его не безызвѣстнымъ и за границею („quae mihi etiam in exteris non plane contemnendum nomen dederunt"),

(1) Hoc in opere meo id mihi maxime incumbendum putavi, ut expositis, quae sola ratione humana, sibi relicta, de homine, mundo et Deo, vel cognosci, vel saltem rationaliter credi possunt, praecaverem ne haec scientia, tanto abusui exposita, palam, vel occulte sit patriae religioni inimica, moribusque et civitati noxia, ut quae non instituendo quam destruendo magis juvenum ingenio inseruiret Ideoque quantum id freti potuit, omnem sectae speciem evitare curavi, principia solummodo sanae rationis cuique obvia et clare secutus .. *Non enim scholae vel sectae, sed vitae societatique humanae philosophandum esse existimabam*

что именно и побудило покойнаго попечителя Румовскаго пригласить его на каѳедру философіи. Совѣтъ и прошеніе, и сочиненіе Лубкина препроводилъ на заключеніе отдѣленія нравственно политическихъ наукъ. Отдѣленіе донесло, что члены его знакомы съ сочиненіями Лубкина, знаютъ, что онъ давно занимаясь философіей, пріобрѣлъ въ этой наукѣ опытность и твердыя познанія, имѣетъ основательныя свѣдѣнія во многихъ языкахъ и другихъ предметахъ учености, наконецъ „зная духъ *отечественнаго* народа, правительства и вѣры, тѣмъ удобнѣе можетъ занимать каѳедру философіи. Совѣтъ единогласно выбралъ Лубкина въ ординарные профессоры, и министръ утвердилъ его въ этомъ званіи 15 іюня 1815 года.

Вскорѣ послѣ этого утвержденія, на университетскомъ актѣ 5 іюля 1815 года, Лубкинъ читалъ свое „Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи“ (¹). Это было первое торжественное собраніе послѣ открытія Казанскаго университета и Лубкинъ, посвятивъ въ своемъ вступленіи къ рѣчи нѣсколько словъ воспоминанію „сего достопамятнаго для здѣшнихъ краевъ событія“, останавливается на объясненіи цѣли университета, безъ сомнѣнія смутно сознаваемой его слушателями. Цѣль эта—„образованіе юныхъ гражданъ“, „приготовленіе ихъ къ будущему ихъ званію, къ будущему служенію въ государствѣ, котораго они суть дѣти“. Понятно, что при крайней молодости въ то время нашей университетской науки и въ томъ обществѣ, посреди котораго говорилъ ораторъ, для него важнѣе науки казалось нравственное воспитаніе молодаго человѣка. „Надобно напередъ образовать человѣка въ человѣкѣ“, говорилъ Лубкинъ, „дабы видѣть въ немъ добраго и полезнаго гражданина, нужно предварительно (?) раскрыть въ людяхъ ихъ человѣчество, и тогда уже можно ожидать отъ нихъ гражданъ, вѣрныхъ своему отечеству“.... Какъ профессоръ, преподающій нравственную философію, Лубкинъ конечно выше всего ставитъ ученіе о нравственности. „Нравственное воспитаніе человѣка“, говоритъ онъ, „всегда было почитаемо основаніемъ къ образованію разумному и общежительному“.... Важнѣйшею, ежели не главною цѣлью всѣхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній *должно быть поставлено нрав-*

(¹) Казань, 1815. Стр. 1—40. 4°.

ственное образованіе человѣка, яко основаніе всякаго образованія, къ каковому онъ безъ предосужденія своей человѣческой природы можетъ быть способенъ“ ... Нельзя не согласиться съ Лубкинымъ, что вопросъ о томъ, какъ сообщить молодому человѣку добрую нравственность—есть самый важный въ наукѣ воспитанія, но другой вопросъ: *какое дать прочное основаніе нравоученію, какъ сообщить ему надлежащую твердость и убѣдительность*—составляетъ самую трудную задачу любомудрія. Эта задача, выражаемая ораторомъ вопросомъ: „возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи“ или „возможна ли истинная и непоколебимая нравственность безъ всякаго отношенія къ религіи?“ и составляетъ всю тему рѣчи.

Не станемъ входить въ подробное изложеніе развитія этой темы у Лубкина. Она могла быть изложена только въ одномъ направленіи, но рѣчь даетъ намъ свидѣтельство о значительной силѣ логическихъ доказательствъ профессора, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ онъ полемизируетъ съ основаніями критической философіи, съ нравственными постулятами Канта, развитыми въ его критикѣ практическаго разума. Нигдѣ однако Лубкинъ не говоритъ въ своей рѣчи о томъ вліяніи, какое имѣетъ на нравственныя убѣжденія человѣка дѣйствительное знаніе, которое съ своей стороны представляетъ глубоко-могущественную воспитательную силу Этого вопроса онъ и не касается.

Не долго однако Лубкинъ пользовался преимуществами званія ординарнаго профессора. Онъ умеръ 30 августа того же года, послѣ короткой болѣзни. Небольшой некрологъ его, помѣщенный въ мѣстной газетѣ вскорѣ послѣ смерти его (1), написанный кѣмъ-либо изъ близкихъ къ нему людей (по всей вѣроятности Срезневскимъ), полонъ выраженіемъ искренняго чувства къ покойному и даетъ намъ довольно ясное представленіе о личности Лубкина. Передавъ о его обширныхъ и разносторонніхъ свѣдѣніяхъ въ самыхъ различныхъ и многочисленныхъ областяхъ знанія, современникъ говоритъ о его сочиненіяхъ, между которыми называетъ его „глубокомысленныя разсужденія *о критической философіи*, принятыя съ похвалою въ Германіи“ (безъ сомнѣнія въ нѣмецкомъ пере-

(1) Казанскія Извѣстія, 4 сентября, 1815 года, № 71

водѣ, но намъ неизвѣстно заглавіе этой статьи, помѣщенной вѣроятно въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ журналѣ), далѣе, замѣтивъ, что „преподаваніе философіи, какъ важнѣйшей части изъ учености, полезно и успѣшно только при профессорѣ природномъ русскомъ“, даетъ и нравственную характеристику Лубкина: „Неутомимое его прилежаніе, точность въ исполненіи и усердіе по всѣмъ должностямъ университетскимъ, какія ему поручались, увѣнчеваемы были совершеннымъ и желаемымъ успѣхомъ. Не менѣе важная черта въ его характерѣ была тихость права, постоянство, доброта, честность, кротость, скромность и благочестіе. Сей примѣрный сынъ отечества, своими дѣлами доказавшій пользу свою, сей примѣрный подчиненный, былъ вмѣстѣ примѣрнымъ собесѣдникомъ и отцемъ семейства“. Неизвѣстный авторъ некролога разсказываетъ о глубокомъ уваженіи къ покойному, о скорбныхъ чувствахъ студентовъ, сослуживцевъ и многихъ знакомыхъ, проявившихся у гроба и во время похоронъ Лубкина „Одинъ изъ членовъ университета“, говоритъ онъ, „намѣренъ издать какъ описаніе погребенія сего, такъ краткое жизнеописаніе покойнаго, рѣчь и стихи особою тетрадкою въ память достопочтеннаго сего мужа, оставившаго безутѣшными въ горести какъ супругу и пятеро милыхъ дѣтей, такъ и своихъ, и друзей“. Совѣтъ немедленно началъ ходатайство о пенсіи (служба Лубкина продолжалась нѣсколько болѣе 20 лѣтъ) и высочайшимъ указомъ 3 февраля слѣдующаго 1816 года вдовѣ и дѣтямъ назначено было единовременно 2000 р. и пенсіи съ 30 августа 1815 года по 500 р. той и другимъ въ годъ. Вдова съ дѣтьми скоро переѣхала въ Костромскую губернію, гдѣ Буйская дворянская опека назначила ее опекуншею. Пенсію ей пересылали сначала Кондыревъ, а потомъ Солнцевъ.

Въ ноябрѣ 1817 года вдова Лубкина, безъ сомнѣнія по совѣту друзей покойнаго мужа, вошла въ совѣтъ Казанскаго университета съ прошеніемъ, при которомъ представила четыре части *метафизики*, состоящія изъ онтологіи, умозрительной психологіи, космологіи и естественнаго богословія. Покойный мужъ, по ея словамъ, намѣренъ былъ издать это сочиненіе; оно было отдано въ цензурный комитетъ при университетѣ, который и одобрилъ его къ напечатанію. Предположеніе это было извѣстно и многимъ членамъ совѣта и самому начальству. Лубкина проситъ совѣтъ, чтобы въ память заслугъ ея мужа и изъ уваженія къ бѣдности осиротѣвшаго многочи-

сленнаго семейства, возбуждено было ходатайство у престола милосерднаго монарха о напечатаніи метафизики на казенный счетъ въ количествѣ 1000 экземпляровъ, съ тѣмъ чтобъ, по распродажѣ ихъ всѣхъ, заплачены были изъ вырученной суммы издержки печатанія, а остальное было бы обращено въ пользу сиротъ. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, которому было передано на разсмотрѣніе сочиненіе Лубкина, согласно мнѣнію члена своего Срезневскаго, уже извѣстнаго намъ, нашло печатаніе выгоднымъ и полезнымъ, о чемъ и было представлено попечителю. Салтыковъ согласился съ ходатайствомъ совѣта и отказалъ только въ просьбѣ, прибавленной съ своей стороны совѣтомъ, о дозволеніи преподавать по этой книгѣ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, потому что тамъ предписано употреблять метафизику сочиненія Якоби (1). По смѣтѣ, составленной факторомъ типографіи Бокельманомъ, всѣ расходы по печатанію 1200 экз., кромѣ переплета, исчислены были въ 1730 рублей, на что и согласилась вдова, а совѣтъ поручилъ въ апрѣлѣ 1818 года, съ своей стороны, профессору Солнцеву имѣть надзоръ надъ печатаніемъ. Но Солнцевъ, какъ видно изъ жалобы Лубкиной министру народнаго просвѣщенія, присланной въ апрѣлѣ слѣдующаго года, то есть черезъ годъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ вовсе изданіемъ книги не занимался, имѣя другія занятія и особенно будучи обремененъ должностью ректора, которую поручено ему исправлять, и печатаніе идетъ крайне медленно. А потому Лубкина и проситъ министра о подтвержденіи правленію имѣть попеченіе за печатаніемъ и поручить за этимъ надзоръ профессору Городчанинову, на котораго она особенно надѣется по дружбѣ его съ покойнымъ мужемъ. Изъ этой только просьбы вдовы князь Голицынъ узналъ, что разрѣшено печатать метафизику Лубкина (это разрѣшеніе дано было Салтыковымъ безъ вѣдома министра), на счетъ университетской суммы и строго подтвердилъ совѣту университета, чтобы впредь, безъ его вѣдома, никакихъ подобныхъ разрѣшеній изъ казенныхъ суммъ дѣлаемо не было. Были уже отпечатаны первыя три части метафизики Лубкина и набиралась четвертая; явились уже желающіе пріобрѣсти книгу и присылали за нее деньги въ типографію по

(1) Дѣло о напечатаніи метафизики покойнаго профессора Лубкина въ пользу дѣтей его. *Сов.* 1817 г. № 139.

10 рублей за экземпляръ (статскій совѣтникъ Андрей Ивановичъ Лохтинъ, елабужскій протоіерей Павелъ Юрьевъ, директоръ тамбовскихъ училищъ—3 экз.), какъ новый попечитель университета Магницкій (28 августа 1819 года, № 106) предложилъ совѣту *остановить печатаніе метафизики Лубкина* и рукопись доставить къ нему (1). Это было разумѣется немедленно исполнено; печатаніе было прекращено, распоряженіе же о томъ, чтобъ напечатанное было истреблено, сдѣлано было позже.

Ранѣе всѣхъ этихъ профессоровъ, назначенныхъ еще при Румовскомъ и выбранныхъ имъ, воротился въ Казанскій университетъ уже служившій ему профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго Г. Н. Городчаниновъ (2). Мы знаемъ, что въ 1808 году, будучи адъюнктомъ по своей каѳедрѣ, онъ вышелъ въ отставку, оскорбленный тѣмъ, что совѣтъ не согласился на избраніе его въ экстраординарные профессоры по свободной тогда каѳедрѣ философіи. Не то чтобы Городчаниновъ по влеченію и убѣжденію желалъ промѣнять свое краснорѣчіе и стихотворство на философію, но этимъ способомъ, думалъ онъ, легче добиться своей цѣли. Хотя онъ, по смерти Левицкаго, въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, и продолжалъ чтеніе вмѣсто него, и какъ кажется по тетрадкамъ покойнаго, но съ философіей онъ не имѣлъ ничего общаго, что и доказали ему всѣ до единаго его сослуживцы въ своихъ мнѣніяхъ, представленныхъ Румовскому (3). Дѣло заключалось въ простомъ житейскомъ

---

(1) Дѣло о напечатаніи метафизики профессора Лубкина *Прав.* 1818 г. № 76 Первыя двѣ части разсматривались профессоромъ Городчаниновымъ, а 3 и 4-я — Срезневскимъ. — При всемъ нашемъ стараніи найти погибшую книгу, печатавшуюся, какъ мы видѣли, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, мы никакъ не могли попасть на ея слѣдъ Все изданіе было истреблено, но когда—неизвѣстно

(2) О немъ, о его личности, дѣятельности по каѳедрѣ и о его отношеніяхъ къ университету мы разсказали въ *первой* части нашего сочиненія. «Изъ первыхъ лѣтъ Каз у-та, стр. 130—144

(3) Мнѣнія эти, писанныя всѣ по латыни, несмотря на очень понятную со стороны нѣмецкихъ профессоровъ, по незнанію ими русскаго языка, сдержанность, довольно любопытны, какъ мнѣнія современниковъ. Для большинства ихъ Городчаниновъ извѣстенъ только какъ переводчикъ «знаменитаго творенія Рейналя (celeberrimi operis Raynali») Н П. Лихачевъ, въ своемъ обстоятельномъ библіографическомъ изслѣдованіи о Городчаниновѣ и

разсчетѣ: жалованье экстраординарнаго профессора было вдвое больше адъюнктскаго. Не смотря на личныя и чужія просьбы у Румовскаго въ Петербургѣ, не смотря на заступничество такого сильнаго покровителя, каковъ былъ тогда Трощинскій, Городчанинову не удалось добиться званія экстраординарнаго профессора даже по занимаемой имъ каѳедрѣ краснорѣчія и стихотворства. Причина со стороны попечителя, кромѣ неблагопріятныхъ отзывовъ сослуживцевъ, заключалась въ томъ, что въ Казанскомъ университетѣ, по лѣтамъ службы, оказывалось старше его четверо адъюнктовъ, производство которыхъ попечитель откладывалъ до торжества открытія университета. Какими путями Городчанинову добился того,

---

его сочиненіяхъ (Казань, 1836 8°), говоря (стр 18—21) объ этомъ переводѣ, перечислилъ всѣ свѣдѣнія о его изданіяхъ и предположенія о переводчикахъ Эти предположенія сводятся къ тому, что Городчанинову переводилъ не одинъ Но ни г Лихачеву, ни нашему это не были извѣстны мнѣнія современниковъ Сплетня это или фактъ—рѣшить не берется, но въ латинскомъ мнѣніи профессора и библіотекаря Спорія въ его сужденіи о Городчанинову находится извѣстіе, что большая часть перевода принадлежитъ „другому лицу — какому-то коллежскому ассесору *Турпину* (librum abbatis Raynal quem se (т е Городчаниновъ) ex idiomate gallico in idioma rossicum transtulisse asserit, collegiorum assessor Turpin sibi vindicet, maxima saltem ex parte“) Кстати объ этой книгѣ и ея изданіяхъ Въ изслѣдованіи П Н Лихачева о профессорѣ Городчанинову мы находимъ извѣстіе (стр 20—21) объ объявленіи Городчанинова, приложенномъ имъ къ № 63 «Казанскихъ Извѣстій» 1819 года. Изъ этого объявленія видно, что Городчаниновъ «рѣшился приступить» ко второму изданію своего (?) перевода книги и открываетъ подписку на нее, что *двѣ первыя части его уже отпечатаны и выдаются подписчикамъ*». Г Лихачевъ прибавляетъ, что онъ не могъ достать этого изданія, предполагая вѣроятно, что его печаталъ самъ Городчаниновъ въ Казани Мы можемъ положительно утверждать, основываясь на документахъ, что въ университетской типографіи въ Казани такого изданія предпринято не было и объявленіе о немъ Городчанинова вѣроятно сдѣлано было случайно и составляетъ большую, любопытную для характеристики профессора краснорѣчія и времени, рѣдкость Въ двухъ извѣстныхъ намъ экземплярахъ «Казанскихъ Извѣстій» 1819 года, мы не нашли такого объявленія и если оно и находится въ экземплярѣ г Лихачева, то первыя двѣ части уже отпечатанныя, по всей вѣроятности относятся ко *второму изданію*, появившемуся въ тридцатыхъ годахъ; весьма возможно, что онѣ были уже отпечатаны въ 1819 году въ С-Петербургѣ, но поступить въ продажу, вслѣдствіе тогдашнихъ цензурныхъ условій, не могли до 1834 года. Самыя объявленія о подпискѣ, нѣтъ сомнѣнья, уже не повторялись и исчезли. Печатаніе и выходъ въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Рейналя, уже сильно общипаннаго «благоразумiемъ цензуры» въ первомъ изданіи, для профессора Казанскаго университета во времена Магницкаго было бы тяжкимъ преступленіемъ, а Городчаниновъ сдѣлался вскорѣ persona grata знаменитаго попечителя Слѣдуетъ также замѣтить, что переводилъ онъ Рейналя вовсе не изъ сочувствія къ идеямъ этого французскаго писателя, а только изъ за гонорара Безъ сомнѣнія Магницкій и не узналъ объ объявленіи

что черезъ два года, 9 декабря 1810 года, былъ назначенъ въ Казань экстраординарнымъ профессоромъ—на это у насъ нѣтъ документовъ. Впрочемъ и теперь Городчанинова едва ли могъ быть вполнѣ доволенъ: хотя онъ и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, но жалованье оставлено ему было адъюнктское, только съ добавкою 400 р. изъ экономическихъ суммъ университета. Случилось такъ вслѣдствіе канцелярской путаницы: казенная палата весьма долго не получала никакихъ распоряженій отъ государственнаго казначея о выдачѣ Городчанинову жалованья, и цѣлый годъ ему пришлось жить на адъюнктское.

Въ засѣданіе совѣта въ первый разъ снова Городчаниновъ явился 15 февраля 1811 года, а чрезъ недѣлю представилъ совѣту, что будетъ „проходить съ своими слушателями: *лирическую поэзію* и изъяснитъ имъ *красоты псалмовъ Давидовыхъ*, съ показаніемъ *важности, силы и краткости славянскаго языка*, разсмотритъ нѣкоторыя *Ломоносовы* и *Гораціевы оды*, держась правилъ сего же лирика въ посланіи его ad Pisones. По временамъ, для *прозаическаго краснорѣчія*, будетъ читать нѣкоторыя мѣста изъ Цицероновыхъ рѣчей Кромѣ сего желаетъ, сообразно § 119 устава Казанскаго университета, заняться однажды въ недѣлю *бесѣдою со студентами* во время, какое будетъ назначено отъ совѣта“. Изъ этой краткой программы можно видѣть, что лекціи Городчанинова представляли совершенно теоретическій характеръ и мало имѣли отношенія и къ русской словесности, и къ русскому языку. Въ послѣдующіе годы, до Магницкаго, въ программу преподаванія Городчанинова входили: „*Эстетическій разборъ* славнѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ—по правиламъ Батте и частію Мейнерса“ и *наставленія въ языкѣ славянскомъ*, при чемъ онъ руководствовался книгою Шишкова „О старомъ и новомъ слогѣ“ (собственно „для слушателей, желающихъ пріобрѣсть въ россійской словесности болѣе свѣдѣній“). Въ слѣдующіе годы, вѣроятно для разнообразія по правиламъ реторики, „эстетическій разборъ славнѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ“ назывался уже „лучшія піитическія сочиненія россійскія съ разборомъ оныхъ по эстетическимъ правиламъ г. Батте“. Также разнообразилъ Городчаниновъ и преподаваніе языка славянскаго: въ одинъ годъ онъ руководствовался, для показанія красоты его книгою Шишкова, на другой годъ псалмами Давида, потомъ снова царь Давидъ уступалъ свое

мѣсто Шишкову. Никакихъ другихъ, особенно внутреннихъ измѣненій, не было въ преподаваніи, и только время Магницкаго должно было наложить свою, болѣе своеобразную печать на него. Въ чемъ заключались „бесѣды со студентами", продолжавшіяся впрочемъ не долго, мы не знаемъ, только Румовскій, за намѣреніе вести ихъ, „не могъ оставить безъ похвалы" Городчанинова, какъ онъ выражался въ предложеніи своемъ совѣту (1). Въ ноябрѣ 1812 года Городчаниновъ представилъ совѣту университета „трудъ свой, предпринятый для студентовъ, посвятившихъ себя россійской словесности и въ учительскія по сей части званія приготовляемыхъ" Это былъ „Опытъ краткаго руководства къ эстетическому разбору по части россійской словесности". Книга эта была напечатана въ 1813 году; она разсматривалась въ отдѣленіи словесныхъ наукъ и была имъ одобрена. Въ августѣ 1813 года Городчаниновъ проситъ совѣтъ „назначить ему новыхъ слушателей изъ класса адъюнкта Перевощикова (читавшаго тотъ же предметъ), поелику его слушатели всѣ кончили курсъ россійской словесности" (2).

Не задолго до открытія университета, Городчаниновъ снова начинаетъ жаловаться и грозитъ необходимостью оставить профессуру, чтобы искать болѣе прибыльныхъ для себя занятій. „Не находя достаточнымъ получаемаго мною по званію экстраординарнаго профессора жалованья (sic) къ содержанію *немалаго моего семейства*, и не имѣя здѣсь, въ Казани, никакого другаго дохода, я принужденъ входить въ долги. Сіе поставляетъ меня въ печальную необходимость, противъ воли и желанія моего, *прійскивать себѣ другое мѣсто*, гдѣ бы я могъ безъ долгу содержать себя съ семействомъ моимъ. Для сего потребно мнѣ предварительное отъ совѣта свидѣтельство, каковымъ прошу покорнѣйше почтеннѣйшій совѣтъ меня снабдить". Городчаниновъ самъ указываетъ то, что должно помѣщаться въ этомъ свидѣтельствѣ, кромѣ носимой имъ должности экстраординарнаго профессора: званіе редактора „Казанскихъ Извѣстій" (съ іюля 1811 по мартъ 1813 года), члена училищнаго комитета (съ ноября 1811 года), что онъ издалъ книгу, выше нами упомянутую „Опытъ руководства" и пр.

---

(1) Протоколы совѣта 1811 года, стр 36а.

(2) Протоколы совѣта, 1813 г., стр. 155б.

и наконецъ, „что къ чести университета, какъ членъ онаго, я нѣсколько споспѣшествовалъ и другими изданными моими *стихотвореніями*, за которыя удостоенъ весьма для меня лестнымъ его пр—ства господина попечителя отзывомъ, каковой имѣю честь представить при семъ въ подлинникѣ“ (1). Послѣдующее вскорѣ открытіе университета доставило ему званіе ординарнаго профессора, а черезъ годъ послѣ того и должность декана словеснаго отдѣленія, что казалось бы должно было успокоить его. Не смотря однако на это, въ началѣ 1817 года (9 января) Городчаниновъ подастъ въ совѣтъ прошеніе объ оставленіи службы въ университетѣ „для вступленія въ вѣдомство министерства юстиціи, гдѣ ваканція открыться можетъ“. Причиною этой, по словамъ его, печальной необходимости, является опять казанскій климатъ, неблагопріятствующій будто здоровью его и всего семейства, изнуряемаго лихорадкою Мы не можемъ дать вѣры этому показанію. По представленію совѣта министръ согласился на увольненіе Городчанинова для вступленія въ вѣдомство министерства юстиціи „на такомъ основаніи какъ онъ проситъ, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы до вступленія въ означенное министерство, онъ не числился только при университетѣ, а дѣйствительно исправлялъ настоящую свою должность“ (Городчаниновъ просилъ, чтобы начальство благоволило *уволить его не прежде, какъ по то самое число*, „когда *могу я поступить въ вѣдомство министерства юстиціи*“) Въ іюнѣ того же года Городчаниновъ подалъ однако другое прошеніе Изъ него мы узнаемъ, по словамъ его, что „въ вѣдомствѣ министерства юстиціи“, куда онъ намѣренъ былъ перейти, не открылось для него такое мѣсто, которое бы и способностямъ его соотвѣтствовало и состоянію здоровья его, въ разсужденіи климата, приличествовало“ (2).

Лучшіе дни пришли для Городчанинова со вступленіемъ въ должность попечителя Магницкаго. Тогда онъ сдѣлался однимъ изъ излюбленныхъ исполнителей его мѣръ и предначертаній. Новое время и новыя требованія были съ особенною, конечно нѣсколько грубоватою чуткостію, уловлены Городчаниновымъ. Не знаемъ, насколько измѣнился харак-

---

(1) Протоколы совѣта, 1814 г стр 21, а, б.

(2) Дѣло объ увольненіи вовсе отъ службы университета и о. профессора Городчанинова *Соч.* 1817 г. № 3

теръ его преподаванія, но всего рельефнѣе и сильнѣе замѣчается измѣненіе направленія въ содержаніи литературной дѣятельности Городчанинова, преимущественно критической, для чего можетъ дать матеріалы такъ тщательно составленная упомянутая мною книга г. Лихачева. Пользуясь его точнымъ указаніемъ хронологіи произведеній Городчанинова, мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о содержаніи поэтическаго творчества Городчанинова въ двѣ такія различныя эпохи Казанскаго университета, какъ годы съ его основанія до ревизіи и—время Магницкаго. На своей лирѣ профессоръ умѣлъ брать струны, затрогивающія современность, звучащія по камертону Магницкаго Городчаниновъ, хоть и неуклюжимъ образомъ, старался подлаживаться къ тѣмъ идеямъ и къ тому содержанію, которыя читались въ предписаніяхъ начальства; лично для него это было выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Съ 1811 года, со времени вторичнаго поступленія Городчанинова въ Казанскій университетъ, мы нѣсколько лѣтъ прислушиваемся къ торжественнымъ одамъ и каптатамъ, которыми поэтъ, какъ новый Тиртей, воспламенялъ сердца казанцевъ. Эти громкіе звуки выражали патріотическія чувства, возбужденныя великими событіями 1812 года. Тутъ и голоса вѣрноподданныхъ при чтеніи манифестовъ, и торжество побѣдъ надъ французами, и воспѣваніе благодѣяній мира, и привѣтствіе храброму казанскому ополченію, и выдающіяся современныя событія въ казанской жизни и проч. Начиная съ 1820 года — иныя, не столь торжественныя, но можетъ быть болѣе прочувствованныя и во всякомъ случаѣ болѣе близкія по времени и болѣе выгодныя темы затрогиваетъ университетскій бардъ. Онъ промѣнялъ стихи на прозу. Самъ онъ уже съ другимъ наружнымъ видомъ: одѣтъ во вретище; глава посыпана пепломъ; содержаніе чисто великопостное. Это—переводы изъ проповѣдей Фенелона, отрывки изъ Боссюэта, переложенія притчъ и т. п. Городчаниновъ въ силу такого настроенія примиряется даже съ казанскимъ климатомъ Его здоровье укрѣпляется и чаще, безъ вреда этому здоровью, онъ прибѣгаетъ, какъ это видно изъ обстоятельнаго изслѣдованія Н. П. Лихачева, къ помощи откупнаго нектара.

Городчаниновымъ, воротившимся въ Казань, мы оканчиваемъ разсказъ о профессорахъ, приглашенныхъ Румовскимъ. Этого перваго профессора русской словесности впрочемъ весьма вѣрно оцѣнилъ Магницкій тотчасъ послѣ ревизіи въ сво-

емъ донесеніи. „Профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка Городчаниновъ—*человѣкъ весьма доброй нравственности* и знаетъ языкъ правильно, но подастъ невыгодное мнѣніе о своемъ вкусѣ, ибо дѣлаетъ критическій разборъ, въ видѣ образцовыхъ твореній, одамъ графа Хвостова, преподаетъ и печатаетъ оный Не отнимая достоинства отъ сего поэта, позволительно желать, чтобы разбору его твореній предшествовалъ разборъ Ломоносова, Державина и Жуковскаго". При слѣдующемъ попечителѣ Салтыковѣ уже не было ни одного, собственно имъ приглашеннаго преподавателя. Вскорѣ открылся самоуправляющійся университетъ. Опредѣленіе профессоровъ уже зависѣло отъ выборовъ и къ разсказу объ открытіи университета, о его дѣятельности, которая не вошла въ прежнія главы, и о новыхъ, впрочемъ немногихъ профессорахъ, мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ

Глава XVIII.

Новый попечитель послѣ Румовскаго. — Постепенное измѣненіе взглядовъ на наши университеты.—Личность Салтыкова и біографическія о немъ свѣдѣнія. — Характеристика его дѣятельности, какъ попечителя.—Отношеніе его къ Яковкину и борьба съ нимъ.—Мотивы для открытія университета.—Выборы должностныхъ лицъ и утвержденіе ихъ.—Возвращеніе удаленнаго въ 1807 году профессора Цеплина. — Распоряженія по открытію университета и первыя дѣйствія отдѣленій — Торжество открытія 5 іюля 1814 года.—Отношеніе общества и мѣстной газеты.—Первыя самостоятельныя распоряженія совѣта.—Отношеніе университета къ казанской гимназіи; паденіе значенія Яковкина; составленіе новаго положенія для гимназіи.—Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ.—Правила объ испытаніяхъ на ученыя степени.—Іоаннъ Готтлибъ Іонъ, первый докторъ (обоихъ правъ) въ Казанскомъ университетѣ.—Лица ищущія ученыхъ степеней. — Приготовленіе молодыхъ людей къ профессорской дѣятельности: магистръ Самсоновъ и кандидатъ Лентовскій. — Два выбранные по открытіи университета профессора: 1) Эмануилъ Вердерамо, профессоръ повивальнаго искусства (1815—1819) и 2) Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ, профессоръ правъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ (1815—1822).—Искатели каѳедръ. — Занятіе профессорами вторыхъ вакантныхъ каѳедръ за половинное жалованье. — Заключеніе.

Извѣстіе о смерти перваго попечителя Казанскаго университета, послѣдовавшей 8 іюля 1812 года, было заслушано въ засѣданіи совѣта 24 іюля. На немъ постановлено было отпѣть, при собраніи всѣхъ университетскихъ и гимназическихъ чиновъ панихиду по покойномъ въ ближайшей къ университету городской Воскресенской церкви (1). Министръ народнаго

(1) Казанскія Извѣстія 1812 года, № 30

просвѣщенія увѣдомляя совѣтъ о смерти Румовскаго, предписывалъ по всѣмъ дѣламъ, впредь до опредѣленія новаго попечителя, относиться непосредственно къ нему. Такая прямая переписка университета съ министромъ продолжалась недолго. Изъ предписанія графа Разумовскаго отъ 19 сентября того же 1812 года, за № 1252, члены совѣта узнали, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа быть дѣйствительному камергеру Михаилу Александровичу Салтыкову, къ которому и слѣдуетъ съ этого времени относиться со всѣми представленіями по дѣламъ. По выслушаніи этого предписанія министра, совѣтъ въ засѣданіи своемъ 12 октября, препоручилъ профессору Городчанинову сочинить новому начальнику поздравительное письмо на россійскомъ языкѣ отъ имени совѣта, а профессору Френу на языкѣ латинскомъ (1). Въ одномъ изъ первыхъ предписаній своихъ на имя совѣта Салтыковъ увѣдомлялъ, что онъ намѣренъ пріѣхать въ Казань вскорѣ послѣ наступленія новаго года. Съ начала февраля 1811 года, по распоряженію Салтыкова, бумаги на его разрѣшеніе уже болѣе не посылались въ Петербургъ, и самъ онъ пріѣхалъ въ Казань 4-го марта и остановился въ университетѣ (2).

Съ первымъ годомъ попечительства М. А. Салтыкова соединенъ, какъ извѣстно, самый важный фактъ въ исторіи Казанскаго университета—его открытіе, согласно уставу 1804 года. Этого открытія самоуправляющагося университета во всѣхъ частяхъ его организма, давно ждали какъ иностранные члены университетскаго сословія, привыкшіе вѣковыми преданіями къ корпоративному самоуправленію университетовъ на своей родинѣ, такъ и русскіе профессора. „Наконецъ всѣми толико желанный день насталъ!“ восклицаетъ одинъ изъ нихъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ на актѣ торжественнаго открытія университета (Вас. Перевощиковъ). „Мы торжествуемъ *полное, во всѣхъ частяхъ сообразное священной волѣ великаго нашего монарха открытіе* Казанскаго университета“. Румовскій, на долю котораго досталось положить основаніе этому университету, пытался, вслѣдствіе однакоже категорически высказанной воли министра народнаго просвѣщенія (см. нашей книги ч. 1-я, стр. 305—306 и выше

(1) Протоколы совѣта 1812 г, стр 116 б и 156 а

(2) Казанскія Извѣстія 1813 года, № 10.

стр. 299 и слѣд.) также открыть университетъ. но едва ли онъ самъ искренно желалъ этого открытія и сочувствовалъ ему. Съ одной стороны онъ боялся умаленія своей власти, въ силу которой для успѣха университета и науки онъ новѣйшему искренно вѣрилъ, чуждаясь однако эгоистическихъ мотивовъ: съ другой стороны Румовскій принадлежалъ, какъ это можно заключить изъ его собственныхъ заявленій, къ тому къ сожалѣнію немалочисленному разряду русскихъ людей, которые не вѣрятъ способности роднаго народа своего къ лучшему и болѣе свободному устройству, независимо отъ власти все направляющей и все указующей. Можетъ быть, это недовѣріе имѣетъ своимъ источникомъ и непривычку только. Надобно вспомнить также и старость Румовскаго, которая безъ сомнѣнія и была главною причиною, что онъ, со времени первой поѣздки своей въ Казань въ февралѣ 1805 года, для основанія университета, въ теченіе своего семилѣтняго управленія университетомъ и округомъ, ни разу уже не былъ въ этомъ городѣ, а объ округѣ не имѣлъ никакого личнаго представленія. Эта старость внушала ему тѣ нѣсколько разъ приведенныя нами и высказанныя имъ по многимъ поводамъ желанія спокойствія, нарушаемаго разными вполнѣ неизбѣжными и естественными университетскими исторіями и столкновеніями. Старость Румовскаго была также причиною того, что онъ безусловно довѣрялъ Яковкину и на многое смотрѣлъ его глазами, а послѣднему было выгодно преувеличивать и пугать старика. Румовскій былъ человѣкомъ науки, спеціалистомъ и академикомъ по астрономіи, но онъ не учился въ университетѣ, вовсе не былъ знакомъ съ внутреннимъ устройствомъ его въ тѣхъ странахъ, гдѣ университеты давно существуютъ, гдѣ ихъ формы и условія сложились исторически. Надобно отдать справедливость Румовскому, особенно въ первые годы его попечительства, что онъ умѣлъ выбирать кандидатовъ на профессорское званіе. Человѣкъ съ большимъ и многостороннимъ образованіемъ, знатокъ французской литературы, очень хорошій для своего времени переводчикъ Тацита, Румовскій, полагаясь на свои силы, могъ оцѣнить знанія многихъ ученыхъ и права ихъ на каѳедру. Много благопріятствовало этому и самое время, когда положено было основаніе Казанскому университету, когда придавали такое значеніе наукѣ и высшему образованію въ нашемъ отечествѣ. Въ скоромъ времени однако такой взглядъ на науку измѣ-

нился. Надвигающаяся на насъ всѣмная гроза съ европейскаго Запада, откуда мы заимствовали эту науку, скоро перемѣнила непрочныя убѣжденія. Въ это время Карамзинъ, забывшій свои молодыя увлеченія подъ вліяніемъ преувеличеній революціи, читалъ въ Твери императору Александру I свою „Записку о древней и новой Россіи“, гдѣ мы находимъ первыя нападенія на университеты. Многое заставило понемногу власть измѣнить свой взглядъ на высшее образованіе. Иностранныхъ ученыхъ стали подозрѣвать въ неблагонадежности политической. Для многихъ изъ нихъ былъ весьма непріятенъ такъ называемый тогда оффиціально „разборъ иностранцевъ“, и мы говорили, что въ послѣдніе годы попечительства Румовскаго ему или вовсе не было изъ кого выбирать, или приходилось довольствоваться такими профессорами, какіе встрѣчались случайно. Въ послѣдніе два года своей жизни, послѣ неудачнаго опыта въ 1810 году, Румовскій вовсе не думалъ объ открытіи университета. Между тѣмъ первымъ и самымъ важнѣйшимъ дѣломъ новаго попечителя было именно это открытіе университета, на которое не рѣшался или котораго не желалъ Румовскій. Тѣмъ болѣе любопытною кажется намъ личность Салтыкова, рѣшившагося на это открытіе; интересны и мотивы, которые побудили его.

Михаилъ Александровичъ Салтыковъ принадлежалъ къ извѣстному древнему роду Салтыковыхъ, появившемуся еще въ первой половинѣ XIII вѣка въ Новгородѣ въ лицѣ выѣхавшаго изъ Пруссіи Михаила Прушанина, какъ это можно видѣть изъ родословныхъ книгъ (1). Родъ этотъ потомъ распался на нѣсколько вѣтвей, и казанскій попечитель принадлежалъ къ той изъ нихъ, которая не выдавалась ни высокимъ служебнымъ положеніемъ, ни матеріальнымъ благосостояніемъ. Салтыковъ получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выходили въ то время лучшіе представители русской образованности, носившей совершенно свѣтскій характеръ и основанной исключительно на французской литературѣ и на французскомъ языкѣ. Послѣднимъ Салтыковъ владѣлъ въ совершенствѣ. Родившись въ 1769 году и принадлежа къ аристократіи Петербурга, Салтыковъ, какъ сверстникъ, часто находился въ обществѣ будущаго наслѣдника

(1) *Долгорукій*, кн II В «Россійская Родословная книга», ч 2, стр. 68—85.

престола Александра Павловича и по нѣкоторымъ указаніямъ (1) принадлежалъ къ числу его друзей въ первые молодые его годы, хотя не выдавался между ними ни большими способностями, ни вліяніемъ, да и потомъ, когда нѣкоторые его товарищи сдѣлались государственными людьми и пошли въ гору, Салтыковъ остался далеко позади Какъ большинство современниковъ, онъ поступилъ въ военную службу, которую началъ въ 1787 году въ чинѣ поручика, и въ послѣдніе годы царствованія Екатерины обратилъ на себя общее вниманіе быстрыми служебными повышеніями. Въ теченіе двухъ лѣтъ Салтыковъ дослужился до чина маіора, а въ 1794 году произведенъ въ подполковники Онъ находился при князѣ Потемкинѣ и участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 годовъ (2). Онъ дѣлалъ успѣхи и при дворѣ Екатерины, чему много способствовало его блестящее свѣтское образованіе и красивая наружность (3). Долго-ли продолжался его фаворъ—неизвѣстно, но онъ не принесъ ему большихъ матеріальныхъ выгодъ, какъ это было съ другими любимцами. Во все кратковременное царствованіе императора Павла Салтыковъ оставался не у дѣлъ: онъ нигдѣ не служилъ. По свидѣтельству Греча императоръ Александръ предлагалъ ему какое-то мѣсто, но Салтыковъ отказался, сказавъ, что онъ намѣренъ жениться и желаетъ жить въ уединеніи. Дѣйствительно онъ вскорѣ женился по страстной любви на одной изъ дочерей французской швейцарки, содержательницы славившагося тогда въ Петербургѣ пансіона для дѣвицъ, Елизаветѣ Францовнѣ Ришаръ (4) (дру-

---

(1) *Гречъ Н И* «Записки о моей жизни» Спб 1886 стр 247 и XLVII

(2) *Современникъ* 1854 г. т XVIII. отд III, стр 4 (статья Гаевскаго о Дельвигѣ) См еще примѣчаніе г Салтова къ юбилейномъ изданіи *Сочиненій Батюшкова*, т III, стр 696—697

(3) Н Н Бантышъ-Каменскій пишетъ (1 марта 1794 года) къ князю А Б Куракину: «Platon Zoubof переходитъ въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ князь Потемкинъ Мѣсто его занимается Салтыковымъ, сыномъ А М и внукомъ М М, бывшаго въ вотчинной (коллегіи)» *Русск Арх* 1876 г стр 385

(4) Жена Салтыкова умерла въ Казани 4 ноября 1814 года Не смотря на замѣчаніе Греча, что Салтыковъ «жилъ съ нею не очень счастливо» (Записки, стр XLVII), онъ былъ такъ огорченъ ея смертью, что оффиціально, хотя и на словахъ, заявилъ на другой же день ректору университета Брауну, что онъ «порученную ему отъ высшаго начальства должностью, по дѣламъ относящимся до управленія Казанскаго университета и округа заниматься нынѣ не можетъ, а по сему поручаетъ всѣ дѣла до него относящіяся направлять къ г. ректору, а въ случаѣ власть его превышающихъ, доносить его с—ству г министру». Такое положеніе дѣлъ продолжалось десять мѣсяцевъ Салтыковъ, предложеніемъ совѣту отъ 11 сент. 1815 года,

гая дочь Анна вышла за мужъ за Клейнмихеля и была матерью столь извѣстнаго любимца императора Николая Павловича, управлявшаго министерствомъ путей сообщенія и сдѣланнаго впослѣдствіи графомъ). Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ Салтыкова въ дѣйствительные камергеры, и въ его царствованіе онъ числился по иностранной коллегіи до самаго опредѣленія его попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Какъ послѣдовало это назначеніе—у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Безъ сомнѣнія онъ былъ хорошо извѣстенъ лично министру графу Разумовскому, съ которымъ вмѣстѣ принадлежалъ къ одному кругу общества. Право на занятіе столь важной въ то время должности, какою была должность попечителя университета и округа, давало ему значительное по тому времени образованіе, правда нѣсколько одностороннее, такъ какъ все оно основывалось на большомъ знакомствѣ съ французскою литературою и преимущественно съ французскими мыслителями и философами XVIII вѣка. Въ то время, когда основывали и открывали у насъ универ-

---

№ 116. возстановилъ прежній порядокъ и вступитъ въ отправленіе своей должности Не знаемъ, могли-ли сколько-нибудь утѣшить огорченнаго мужа «Стихи на кончину Ея пр—ства Е Ф Салтыковой, сочиненные учителемъ казанской академіи *Михаломъ Погановскимъ*, искавшимъ мѣста при университетѣ и вскорѣ его получившимъ Они были напечатаны въ прибавленіи къ № 46 «Казанскихъ Извѣстій» 1814 года. Намъ кажется, что звуки лиры этого «огорченнаго юнаго сына волжскихъ музъ», какъ называетъ себя поэтъ, могли только увеличить скорбь объ утратѣ Онъ говоритъ:

«Взойдетъ румяная Аврора,—
Но нѣтъ! Ее не возбудить
Вдохнетъ въ цвѣты весной жизнь Флора,
Но ахъ! Ее не оживитъ
Ни свистъ свирѣпыхъ аквилоновъ,
Ни шумъ кипящихъ, бурныхъ водъ,
Ни громъ среди стихійныхъ споровъ,—
Ничто ее не развлечетъ
Напрасно, Салтыковъ почтенный,
Ты тяжки вздохи издаешь:
Прахъ хладный изъ могилы темной
Ничѣмъ, ничѣмъ не воззовешь».

Поэтъ успокоиваетъ надеждою загробнаго свиданія:

«Тамъ, тамъ съ супругою любезной,
Увидишься опять порой (?)
Тамъ, тамъ въ странѣ надзвѣздной
Съ нея вкусишь радость и покой!»

И оффиціальный поэтъ университета, Городчаниновъ старался утѣшить вдовца, напечатавъ въ той же газетѣ, въ прибавленіи къ №48, свое «Элегическое изліяніе сердца къ другу музъ».

ситеты, когда приходилось ухаживать за наукой какъ за нѣжнымъ растеніемъ, отъ попечителя недостаточно было требовать только однѣхъ административныхъ способностей. Необходимо было и нѣчто другое: знаніе, образованность и уваженіе къ наукѣ. Если вѣрить воспоминаніямъ желчнаго Вигеля, хорошо знавшаго Салтыкова, то второй казанскій попечитель отличался большимъ самомнѣніемъ, высоко ставилъ свои способности и достоинства, не искалъ ничего изъ самолюбія и думалъ, какъ всѣ подобные ему, что „правительство обязано ихъ награждать употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную; какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнивые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести безъ всякаго труда сами собою должны были къ нему приходить“ (1). Изъ характеристики Салтыкова, сдѣланной тѣмъ же Вигелемъ, выходитъ также, что этотъ человѣкъ не отличался дѣятельностью, былъ вообще лѣнивъ и неспособенъ на какую-либо инициативу. По словамъ того же автора записокъ Салтыковъ, какъ и другіе молодые люди, близкіе къ императору Александру, въ самые первые годы его царствованія, увлекался идеями, пущенными въ оборотъ первыми ораторами французскаго національнаго собранія. Въ обществѣ того времени его считали свободномыслящимъ, чуть не якобинцемъ. Онъ былъ большимъ поклонникомъ Руссо, но конечно все это только на словахъ и въ разговорахъ. Какъ попечитель, онъ держался исключительно обычной канцелярской рутины, и едва ли у него было въ головѣ сколько-нибудь опредѣленное представленіе о требованіяхъ, которымъ должно было удовлетворять университетское преподаваніе. Тѣмъ не менѣе репутація свободномыслящаго оставалась за нимъ довольно долго, и когда съ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ явилось другое, противоположное прежнему направленіе, когда стали высказывать недовѣріе къ наукѣ, когда возникло убѣжденіе въ положительномъ вредѣ нѣкоторыхъ наукъ, Салтыковъ, передъ самой ревизіей Магницкаго, вызванной по всей вѣроятности свѣдѣніями, доставляемыми въ министерство о состояніи университета, счелъ собственное свое положеніе неловкимъ и подалъ въ отставку. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ сенаторомъ въ московскіе департаменты и былъ почетнымъ опекуномъ. Отецъ Салтыкова переводилъ и печаталъ

(1) Воспоминанія *Вигеля*, ч. 3-я, стр. 62—63.

во второй половинѣ прошлаго вѣка нѣсколько легкихъ французскихъ произведеній литературы (см. „Роспись“ *Смирдина*, №№ 7252, 8629 и 8797), и сынъ также любилъ русскую литературу, переводилъ съ французскаго и писалъ комедіи, какъ передаютъ современники, но ничего не печаталъ. Послѣ отставки отъ попечительства, онъ постоянно въ Москвѣ вращался въ обществѣ выдающихся современныхъ русскихъ писателей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ единственная дочь его Софья Михайловна вышла за лицейскаго товарища Пушкина, поэта барона Дельвига. Даже и потомъ Салтыковъ являлся въ домѣ Елагиныхъ и слѣдовательно въ позднѣйшемъ московскомъ литературномъ кружкѣ (1). Въ собраніяхъ писемъ Батюшкова и Пушкина имя Салтыкова встрѣчается много разъ, и когда образовалось извѣстное литературное общество Арзамасъ, Салтыкова стали считать въ немъ почетнымъ членомъ. „Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу, будущему своему тестю“, пишетъ въ октябрѣ 1825 года барону Дельвигу Пушкинъ (2). Въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ (1833), онъ поручаетъ Нащокину доставить Салтыкову денегъ 2525 рублей и взять отъ него росписку. Батюшковъ также отзывается о немъ съ большою любовью и уваженіемъ. На сколько заключаетъ въ себѣ правды рѣзкій отзывъ о немъ Греча (3): „Причудливостью своею и дурнымъ нравомъ онъ заставлялъ забывать многія свои добрыя качества и умеръ никѣмъ неоплаканный“—рѣшить не беремся. Онъ умеръ 6 апрѣля 1851 года въ Москвѣ, когда ему шелъ уже 83-й годъ.

Дѣятельность Салтыкова какъ попечителя представляла собою исключительно только высшую инстанцію, такъ какъ безъ его утвержденія и безъ его предписанія не могла быть приведена въ исполненіе никакая мѣра. Едва ли этотъ попечитель былъ въ состояніи понимать нужды молодаго университета, начавшаго свое существованіе въ такой восточной и дикой дали и посреди въ высшей степени неблагопріятныхъ условій. Въ теченіе нашего разсказа, говоря о той или другой сторонѣ университетской жизни, мы уже нѣсколько разъ приводили разныя предложенія Салты-

(1) Русскій Архивъ 1870 г. стр. 675.

(2) Сочиненія Пушкина. Изданіе литер. фонда, VII стр. 165.

(3) Записки, стр. XLVII.

кова или отрывки изъ нихъ, по тому или другому поводу. Изъ нихъ и изъ изученія сборниковъ предложеній Салтыкова по университету, въ вѣдѣніи котораго находился и округъ, мы пришли къ убѣжденію, что главное вниманіе Салтыкова обращено было на внѣшнія стороны университетской жизни: онъ замѣчаетъ въ студентахъ недостатокъ чинопочитанія, ихъ неприличное поведеніе во время церковныхъ службъ, что все было конечно въ большинствѣ случаевъ указано ему тѣми профессорами, съ которыми онъ сблизился, главнымъ образомъ иностранцами, весьма нерасположенными къ Яковкину. Салтыковъ указываетъ на грамматическія ошибки въ бумагахъ, ему представляемыхъ, и хотя сознаетъ, что эти ошибки принадлежатъ собственно писцу, но считаетъ необходимымъ указать на „неусмотрительность“ лица, подписавшаго бумагу ([1]). Особенное вниманіе обратилъ Салтыковъ на наружный видъ университетскихъ и гимназическихъ зданій, который долженъ былъ поразить его, пріѣхавшаго изъ столицы, своею крайнею неряшливостью. Не смотря на архитектоническія фантазіи Яковкина, который такъ краснорѣчиво описывалъ въ своихъ письмахъ къ покойному попечителю лѣпныя украшенія возводимыхъ вновь или перестраиваемыхъ имъ зданій, не смотря на украшеніе фронтоновъ алебастровыми статуями и бюстами боговъ Олимпа и знаменитыхъ мужей и мудрецовъ древности, все это было весьма неприглядно Едва оглядѣвшись въ новомъ мѣстѣ своей дѣятельности и не успѣвъ еще представить министру болѣе подробный отчетъ о томъ, что онъ нашелъ въ Казани ([2]), Салтыковъ писалъ въ частномъ письмѣ къ графу Разумовскому:

«Прежде чѣмъ познакомить васъ съ состояніемъ заведеній, ввѣренныхъ моимъ попеченіямъ, я полагаю, что будетъ не безполезно сообщить вамъ вкратцѣ содержаніе мною виднаго, съ тою цѣлью, чтобъ воспользовавшись вашими замѣчаніями, я могъ бы представить подробности вашему сіятельству въ оффиціальномъ рапортѣ Нѣкоторыя виды, представляемые внѣшностью зданій, кучи мусора и нечистоты покрывающія дворы, свидѣтельствуютъ о развалинахъ, о ветхости, совершенно не соотвѣтствующей зданію только недавняго происхожденія Такое нерадѣніе тѣмъ болѣе непзви-

([1]) Протоколы Совѣта 1813 г., стр. 63 б.

([2]) Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности пользоваться петербургскимъ архивомъ министерства народнаго просвѣщенія и потому лишены возможности приводить подлинныя слова донесеній Салтыкова по начальству. Донесеніями Румовскаго мы пользовались по черновымъ или «отпускамъ», сохранившимся въ казанскомъ университетскомъ архивѣ Такихъ черновыхъ въ бумагахъ времени Салтыкова не сохранилось

нительно, что эта часть администраціи, столь важная для сохраненія здороваго воздуха какъ внутри зданій, такъ и внѣ ихъ, требуетъ только чисто физическаго наблюденія и издержекъ весьма незначительныхъ, если человѣкъ будетъ вѣренъ принципу исполненія своей обязанности, требующей только вниманія и ежедневныхъ заботъ (1) Въ настоящее время все это находится въ такомъ упадкѣ, что суммы, ассигнуемыя по штату на ремонтъ, едва ли будутъ въ состояніи предупредить развитіе зла, особенно принимая во вниманіе чрезвычайную дороговизну матеріаловъ, которая здѣсь на мѣстѣ въ особенности, продолжаетъ возрастать съ быстротою по истинѣ изумительною Пожаръ, уничтожившій недавно одинъ изъ нашихъ домовъ, я приписываю отчасти случайности, отчасти недостатку надзора, хотя въ дѣйствительности огонь не могъ бы произвести такія опустошенія, еслибъ городская полиція была лучше устроена Трубы не дѣйствовали за недостаткомъ лошадей Не существовало ни порядка, ни дѣятельности; полная путаница въ направленіи работъ, замедленіе въ оказаніи помощи, совершенная неопытность въ исполненіи обязанностей въ пожарныхъ случаяхъ Многое бы можно было сказать о мѣстной администраціи отдаленныхъ губерній (тогда пожарная команда совершенно не зависѣла отъ городскаго самоуправленія), но ваши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя опытомъ и ваши собственныя наблюденія не нуждаются въ дополненіи моими» (2)

Тотъ же самый пожаръ, свидѣтелемъ котораго довелось быть Салтыкову въ первые мѣсяцы по своемъ пріѣздѣ въ Казань, вызвалъ съ его стороны слѣдующее предложеніе совѣту (30 апр. 1813 г. № 256), въ которомъ онъ высказывалъ уже почти прямо свое неудовольствіе Яковкину:

«По кратковременному пребыванію въ Казани и многоразличнымъ занятіямъ по дѣламъ университетскимъ, не могъ я еще заняться разсмотрѣніемъ *внутренняго распоряженія до пожарной части относящагося* полагалъ однакожъ, что управляющій вмѣсто ректора (т е Яковкинъ) не упускалъ изъ виду, чтобы исполняемо было все то, что по сей части до законнаго благоустройства относится, нынѣ же *на сожженномъ и по сей части крайнемъ зданіи*, такъ что исключая причины, пожаръ произведшей 23 числа сего мѣсяца, усиѣніе и распространеніе онаго приписать должно *нерадѣнію довѣренныхъ и управляющихъ чиновниковъ* Ибо вопреки узаконенія, нѣтъ и не было воды ни на крышѣ, ни на подволокѣ, ни даже вѣтизи дома, коею бы въ началѣ очень легко огонь потушить можно было при усиѣніи же онаго не было ни лѣстницъ, ни багровъ, ни трубъ (кромѣ одной ручной), университетскихъ и гимназическихъ Предлагаю совѣту подтвердить всѣмъ живущимъ въ казенныхъ домахъ, чтобъ неусыпно смотрѣли за огнемъ, и въ случаѣ какой либо неосторожности доносили конторѣ; равно предлагаю предписать конторѣ чтобы приняла дѣятельнѣйшія мѣры для отвращенія оныхъ упущеній и впредь строжайшимъ образомъ исполняла свои обязанности» (3)

---

(1) Вѣроятно такой взглядъ попечителя былъ причиною того, что проф Арнгольдъ, какъ мы видѣли выше (стр 600), чтобы угодить начальству, взялся за очистку дворовъ

(2) *Васильчиковъ*, Семейство Разумовскихъ Томъ II, стр 524—525. Письмо было писано 12 мая 1813 года.

(3) Протоколы *Сов* 1813 г, стр 96 а, б.

Виновникомъ того печальнаго положенія, въ какомъ нашелъ Салтыковъ не только одинъ внѣшній видъ университетскихъ домовъ, который прежде всего долженъ былъ естественно обратить на себя его вниманіе, онъ считаетъ Яковкина и убѣжденіе въ томъ уже прямо высказываетъ министру графу Разумовскому въ письмѣ, отрывки котораго мы уже приводили. „Въ теченіе почти девяти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Казанскій университетъ“, пишетъ Салтыковъ, „профессоръ Яковкинъ, игравшій первую роль при его основаніи, управлялъ имъ, при отсутствіи покойнаго попечителя, съ постоянною и почти неограниченною властью. Предсѣдатель въ совѣтѣ, въ конторѣ, въ различныхъ комитетахъ, инспекторъ студентовъ, директоръ гимназіи, его управленію должно приписать всѣ безпорядки. До организаціи университета вся административная власть находилась въ его рукахъ. Надобно признать, что онъ злоупотреблялъ ею, хотя въ свое оправданіе онъ ссылается передо мною постоянно на то, что попечитель не обращалъ никакого вниманія на его представленія, которыя часто имъ повторялись. Независимо отъ его неспособности, одной дурной репутаціи его достаточно было бы для удаленія его отъ управленія. Онъ не можетъ служить примѣромъ для юношества ни въ отношеніи нравственности, ни въ отношеніи способностей и знаній. Я не буду говорить о казнокрадствѣ; необходимо поймать на немъ, чтобы убѣдиться, но долженъ сознаться, что я подозрѣваю его. Расходы прошлаго года на постройки и на ремонтъ доходятъ до 11,880 рублей, суммы, которая покажется весьма значительною тому, кто взглянетъ на эти зданія, большинство которыхъ грозитъ паденіемъ. Между тѣмъ, когда я упрекаю его контрастомъ такой суммы съ результатами ея употребленія, онъ закрываетъ мнѣ ротъ, говоря, что онъ не укралъ ея, что я могу сдѣлать обыскъ въ его сундукахъ и что представленные имъ мнѣ документы могутъ служить оправдывающимъ его доказательствомъ. Такія рѣчи даютъ мѣрку человѣка (de pareils propos donnent la mesure de l'homme—Салтыковъ писалъ по французски). Присоедините къ этому лесть, которою онъ старается скрасить свое поведеніе, между тѣмъ какъ она раскрываетъ всю его гнусность. Вотъ въ какомъ отношеніи я нахожусь къ Яковкину.“ Чтобы сколько-нибудь познакомиться хотя бы съ наружнымъ состояніемъ ввѣренныхъ ему заведеній, Салтыковъ, желая имѣть, какъ онъ писалъ совѣту,

свѣдѣніе, въ какомъ состояніи находятся строенія университетскія и гимназическія и „чтобы получить полное и подробное свѣдѣніе о прочныхъ и ветхихъ частяхъ каждаго оныхъ дома порознь по наружности, равно какъ и по внутренности“, предложилъ совѣту образовать съ этою цѣлью комитетъ изъ назначенныхъ имъ самимъ профессоровъ: Брауна, Броннера, Аргольда, Петровскаго и Никольскаго. Комитетъ этотъ образовался конечно, но слѣдовъ его дѣятельности мы не нашли Безъ всякаго сомнѣнія открытіе университета, выборы, новая дѣятельность согласно уставу, отвлекли членовъ этого комитета отъ исполненія указаннаго имъ попечителемъ дѣла. На разные запросы попечителя о положеніи того или другаго вопроса, или по преподаванію или по хозяйственной части, обращенные къ Яковкину, послѣдній весьма умѣло и хитро отписывался, и Салтыковъ былъ не въ состояніи формулировать противъ него какое-нибудь опредѣленное обвиненіе и только удалось заставить его отказаться отъ инспекторства студентовъ. Напротивъ, конечно безъ вѣдома Салтыкова, въ первые годы его попечительства, Яковкинъ удостоился даже получить значительную по времени денежную награду. Какъ удивился вѣроятно Салтыковъ послѣ всего того, что онъ сообщалъ графу Разумовскому о Яковкинѣ, прочитавъ въ началѣ слѣдующаго 1814 года, бумагу отъ него, что Государь Императоръ, „по положенію комитета гг. министровъ, учиненному согласно моему представленію, вслѣдствіе полученныхъ мною отношеній отъ г. оренбургскаго военнаго губернатора князя Волконскаго и покойнаго попечителя Казанскаго университета Румовскаго, повелѣть соизволилъ профессору сего университета Яковкину, въ награду усердной службы его, выдать единовременно двѣ тысячи рублей изъ хозяйственной университетской суммы“ Искательный Яковкинъ давно уже успѣлъ пріобрѣсти покровительство такого сильнаго въ то время лица, какимъ былъ оренбургскій генералъ-губернаторъ князь Г. С Волконскій, первый почетный членъ Казанскаго университета, избранный имъ по иниціативѣ конечно Яковкина (1). Помочь послѣднему, умѣвшему жаловаться на свое бѣдственное положеніе, на обремененіе большою семьею, на долги и проч. князю Волконскому было очень легко: съ министромъ народнаго просвѣщенія они были

(1) См нашей книги, часть 1-я, стр. 441—443.

въ сватовствѣ, такъ какъ родной сынъ Волконскаго, извѣстный больше подъ фамиліей князя Репнина (впослѣдствіи малороссійскій генералъ-губернаторъ), былъ женатъ на старшей дочери графа Разумовскаго. Министръ, не смотря на то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, основываясь на разсказахъ роднаго ему человѣка графа Перовскаго, посѣтившаго Казань въ свитѣ сенатора Донаурова, былъ весьма невыгоднаго мнѣнія о Яковкинѣ, теперь повидимому смотрѣлъ на него иными глазами Въ ноябрѣ 1814 года Салтыковъ донесъ министру народнаго просвѣщенія, что Яковкинъ самъ собою взялъ изъ гимназической суммы впередъ жалованье Министръ конечно предписалъ попечителю сдѣлать виновному отъ его имени строгій выговоръ и подтвердить ему, что если онъ еще сдѣлаетъ такой поступокъ, то будетъ преданъ суженію по законамъ Графъ Разумовскій предписывалъ (26 ноября 1814 года, № 3584) остановить у Яковкина жалованье по званію профессора, „доколѣ изъ онаго пополнится взятая имъ впередъ изъ гимназіи сумма“. Но онъ же какъ бы и оправдывалъ его проступокъ. „Директоръ Яковкинъ“, писалъ онъ Салтыкову, „обремененъ семействомъ и нужды его заставили можетъ быть забрать впередъ жалованье Онъ получаетъ только половинное жалованье по званію директора гимназіи, хотя, какъ извѣстно мнѣ, неоднократно просилъ о произведеніи ему и другой половины жалованья. Убѣждаясь долговременною службою его и *большимъ семействомъ*, требующимъ отъ него содержанія своего, прошу Васъ увѣдомить меня: не находите ли вы удобности, чтобы и другая половина жалованья (директора) была ему выдаваема“?

Полагаемъ, что для Салтыкова, этотъ вопросъ, поставленный ему графомъ Разумовскимъ о прибавкѣ жалованья Яковкину только что получившему высочайшую денежную награду, звучалъ весьма горькой ироніей или насмѣшкой. Намъ неизвѣстно, какъ, но очевидно хитрый директоръ успѣлъ поддѣлаться къ министру. „Большое семейство“ сильно помогало его искательству и какъ вообще многіе ловкіе люди русскіе, онъ умѣлъ выдвигать впередъ эту „армію спасенія“ и извлекать изъ нея матеріальныя лично для себя выгоды. Въ этой же бумагѣ министръ пишетъ: „*А какъ извѣстно мнѣ*“ (очевидно, что извѣстіе это никѣмъ инымъ не могло быть сообщено министру, какъ только самимъ Яковкинымъ въ свое оправданіе), „что учителю гимназіи Измайлову, по приказа-

нію вашему также выдано въ августѣ мѣсяцѣ сего года впередъ триста рублей, то прошу васъ распорядиться, дабы впредь подобныя незаконныя выдачи казенныхъ суммъ пресѣчены были". Трудно было Салтыкову бороться, а тѣмъ болѣе побѣдить Яковкина, на сторонѣ котораго былъ теперь и министръ. У него было привилегированное положеніе, измѣнить которое онъ не имѣлъ власти самъ, а министръ или не желалъ, или не рѣшался. „Ваше превосходительство доносите", писалъ министръ, „что поступокъ Яковкина (самовольное полученіе впередъ жалованья) заставилъ васъ предписать университетскому правленію (оно уже было открыто тогда), дабы оно приняло всѣ гимназическія суммы въ свое казначейство подъ непосредственное вѣдомство. На сіе долгомъ считаю замѣтить, что *вина одного члена не даетъ права къ нарушенію высочайше утвержденныхъ уставовъ Казанской гимназіи*, отмѣнять дѣйствіе которыхъ не иначе можно, какъ съ высочайшаго же соизволенія". Министръ предписывалъ попечителю до преобразованія этой гимназіи, которое должно было, по его словамъ, послѣдовать скоро, привести экономическую часть гимназіи въ прежній порядокъ, согласно прежнему уставу. И попечитель долженъ былъ предписать совѣту, членамъ котораго онъ поручалъ обревизовать всѣ суммы, находящіяся въ конторѣ, какъ университетскую, такъ и гимназическую, чтобъ онъ завѣдывалъ гимназіею, согласно уставу университета „наблюдая при томъ, чтобы внутреннее управленіе гимназіи въ точности основано было на особенномъ положеніи высочайше оной дарованномъ" (то есть, чтобы власть директора нисколько не нарушалась (1).

За этимъ уставомъ Императорской казанской гимназіи, высочайше утвержденнымъ Павломъ Петровичемъ въ 1798 году, какъ за каменною стѣною, крѣпко сидѣлъ Яковкинъ, спокойно перенося нападенія попечителя и не признавая его власти. Не зная, какъ подчинить гимназію власти университета, согласно уставу 1804 года, а слѣдовательно и своей, Салтыковъ сдѣлалъ представленіе о ея преобразованіи, говоря въ немъ, что эта гимназія въ настоящемъ ея видѣ, послѣ основанія въ Казани университета, не приноситъ надлежащей пользы. Министръ поручилъ вслѣдствіе этого Салтыкову составить новое положеніе для гимназіи, которое обѣщалъ, по

(1) Протоколы *Сов* 1814 г., стр 147а

разсмотрѣніи и одобреніи, представитъ на утвержденіе высочайшей власти. Мысль министра, какъ видно изъ его предложенія попечителю, состояла въ томъ, чтобы уже существующую въ Казани гимназію соединить съ предполагаемою губернскою, согласно тому типу, какой выработанъ былъ тогда уставомъ такихъ гимназій, такъ чтобъ существовало одно только заведеніе, приготовляющее въ университетъ (26 ноября 1814 года, № 3585) Между тѣмъ Салтыковъ представилъ такой планъ преобразованной въ Казани гимназіи, сущность котораго заключалась только въ ограниченіи власти директора,. гимназія же могла продолжать свое существованіе рядомъ съ губернскою. Министръ не утвердилъ этотъ планъ, считая съ своей стороны невозможнымъ, чтобъ въ тогдашней Казани нашлось достаточное число учащихся для всѣхъ трехъ заведеній. Преобразованіе гимназіи такъ и не состоялось при Салтыковѣ.

Не удалось Салтыкову вполнѣ отдѣлаться отъ Яковкина который сильно ему не нравился, во все время своего попечительства. Какимъ образомъ заставилъ онъ его подать въ отставку отъ должности инспектора казенныхъ студентовъ, съ чѣмъ сопряжено было пользованіе большою казенною квартирою, намъ неизвѣстно. Выбранный, по предложенію Салтыкова, на его мѣсто инспекторомъ Браунъ, былъ немедленно имъ утвержденъ въ этой должности (2 іюля 1813 года), но не скоро удалось Салтыкову выжить Яковкина изъ казенной квартиры, которую онъ, какъ мы видѣли и предоставилъ тотчасъ своему любимцу Аргольду, поссорившемуся съ Яковкинымъ. Изъ за этой квартиры Салтыкову пришлось даже вступить въ бумажную канцелярскую полемику съ Яковкинымъ. Послѣдній, остававшійся на казенной квартирѣ, съ согласія попечителя, до пасхи 1814 года, при переходѣ въ собственный домъ, обратился въ контору гимназіи, гдѣ былъ предсѣдателемъ, 4 марта 1814 года (правленіе университета еще не существовало), съ предложеніемъ, что въ его казенной квартирѣ „сдѣланы имъ для удобности пять перегородокъ и шестой въ спальнѣ альковъ съ четырьмя колоннами, подъ мраморъ раскрашенными, съ лѣпною работою и раскрашенною на холстѣ и деревѣ завѣсою, что все я сдѣлалъ собственнымъ иждивеніемъ и стоитъ мнѣ самому триста рублей. Почему, ежели конторѣ угодно будетъ, чтобы остались сіи перегородки и альковъ въ нынѣшнемъ ихъ со-

стояніи, то я соглашаюсь ихъ уступить за означенную сумму, а безъ нихъ занимать оные покои нѣтъ удобности“ (1). Въ разсказахъ нашихъ о постройкахъ, сдѣланныхъ подъ главнымъ надзоромъ Яковкина, намъ не разъ случалось говорить о его архитектурныхъ вкусахъ и объ особенной любви его къ лѣпнымъ работамъ и поддѣлкамъ „подъ мраморъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что и казенная квартира его, для представительности, о которой онъ очень заботился, была украшена имъ по его вкусу. На сколько участвовало въ этомъ его „собственное иждивеніе“ — вопросъ другой, и отвѣтить на него положительно мы не можемъ. Контора, получивъ такое извѣщеніе отъ Яковкина, принимая во вниманіе бывшій примѣръ разрѣшенія прежнимъ попечителемъ выдачи 45 рублей профессору Фуксу за сдѣланныя имъ поправки въ квартирѣ своей въ Тенищевскомъ домѣ, при передачѣ ея профессору Эрдману, опредѣлила выдать Яковкину за перегородки и альковъ 300 р. и представила объ этомъ попечителю. Салтыковъ не согласился на это. „Такъ какъ перегородки и альковъ съ колоннами, подкрашенныя подъ мраморъ“, предписывалъ онъ правленію, „сдѣланныя въ квартирѣ профессора Яковкина и оцѣненныя имъ въ 300 рублей, суть его собственныя прихоти, то предлагаю конторѣ разсмотрѣть прежде: нѣтъ ли надобности въ другихъ издержкахъ къ общей, а не къ частной пользѣ предназначенныхъ. Буде найдется сумма, изъ которой можно будетъ почислить 300 рублей для уплаты Яковкину за перегородку альковы, то предоставляю ему повторить свое прошеніе. Приведенный же примѣръ профессора Фукса, коему выдано 45 рублей по предложенію покойнаго попечителя, не можетъ служить примѣромъ для послѣдующихъ подобныхъ обстоятельствъ, ибо сіе поощритъ всякаго чиновника къ подобнымъ требованіямъ, а такъ какъ нельзя опредѣлить границъ роскоши и прихотямъ, притомъ между 45 и 300 рублями соразмѣрность уже не малая, то и можно полагать, что и впредь возродятся таковыя же самовольныя заключенія“. Это было объявлено Яковкину, но остается неизвѣстнымъ, увезъ ли онъ перегородки алькова въ собственный домъ, или предоставилъ пользоваться ими даромъ проф. Аргольду.

---

(1) Дѣло *конторы* по объявленію г. профессора директора гимназіи Яковкина о томъ, что по выѣздѣ съ казенной квартиры, не можетъ онъ имѣть болѣе за домами университетскими главнаго присмотра и сохраненія между живущими въ оныхъ должнаго порядка. 1814 г, № 37.

Оставляя черезъ нѣсколько дней эту занимаемую имъ казенную квартиру въ университетскомъ домѣ, Яковкинъ заявилъ въ присутствіи конторы, что по случаю своего выѣзда съ квартиры, онъ не можетъ уже болѣе имѣть за домами университетскими главнаго присмотра и наблюдать за сохраненіемъ между живущими въ нихъ должнаго порядка. Когда объ этомъ конторою донесено было попечителю, Салтыковъ предложилъ ей спросить у Яковкина, „какія онъ придумаетъ мѣры для наблюденія чистоты и порядка въ домахъ гимназическихъ, отъ коихъ онъ такіе не близко жительствуетъ?“ На этотъ ироническій вопросъ Салтыкова, Яковкинъ весьма спокойно отвѣтилъ, что по должности директора гимназіи, онъ „какъ прежде, такъ и нынѣ священною обязанностью и непремѣннымъ долгомъ поставляетъ себѣ имѣть наблюденіе по гимназіи, на основаніи высочайше утвержденнаго 1798 года мая 29 дня устава; относительно же жительства его, то онъ нынѣ ближе къ гимназіи имѣетъ домъ, въ сравненіи разстоянія главнаго корпуса отъ гимназіи“. Обязанность наблюдать за чистотою и порядкомъ въ домахъ университетскихъ попечитель поручилъ теперь Аргольду. Для него же была *исправлена* и бывшая квартира Яковкина. Контора вскорѣ однако перестала существовать Для университета ее замѣнило правленіе

Изучая дѣятельность Салтыкова, какъ попечителя, мы невольно должны придти къ тому убѣжденію, что онъ не стоялъ на высотѣ своего призванія. Въ тѣ первые годы Казанскаго университета, когда только начиналась университетская наука, отъ попечителя требовались, думаемъ, иныя условія, чѣмъ потомъ, когда эта наука окрѣпла достаточно, когда корпорація профессоровъ нѣсколько попривыкла къ самоуправленію и къ сознанію своего собственнаго достоинства и своихъ собственныхъ обязанностей передъ страною, передъ властью и передъ молодымъ поколѣніемъ, которое она призвана была приготовить къ полезному и честному служенію родинѣ. Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, на долю попечителя, особенно въ такомъ далекомъ отъ всего развитаго городѣ, какимъ была тогда Казань, выпадали не однѣ обязанности администраціи или репрессіи, какъ потомъ, а болѣе широкая, болѣе плодо-

творная дѣятельность. Онъ долженъ былъ явиться защитникомъ науки и высшаго преподаванія; онъ долженъ былъ поднять званіе профессора въ окружающемъ его грубомъ обществѣ; онъ долженъ былъ импонировать этому обществу своимъ властнымъ авторитетомъ и высокимъ положеніемъ Немного было задатковъ для всего этого у Салтыкова, и онъ какъ-то безслѣдно стушевался при одномъ слухѣ о предстоящей ревизіи Магницкаго. Большой самостоятельности въ его дѣйствіяхъ мы не видимъ. Покойный Румовскій, въ своемъ завѣщаніи, отказалъ университету всѣ сочиненія Эйлера, портретъ императора Александра Павловича, собраніе разныхъ латинскихъ диссертацій и географическихъ картъ, принадлежавшихъ впрочемъ къ библіотекѣ Франка, которая почти вся досталась Казанскому университету. Салтыковъ, вскорѣ послѣ этого, въ сентябрѣ 1813 года, жертвуетъ также университету книгъ суммою на 300 рублей и нѣсколько птичьихъ чучелъ (1). Совѣтъ опредѣлилъ изъявить попечителю живѣйшую благодарность за его пожертвованіе и испросить у него соизволеніе довести объ этомъ пожертвованіи чрезъ казанскія газеты до свѣдѣнія публики, на что онъ и согласился (2) Въ слѣдующемъ году онъ снова пожертвовалъ нѣсколько книгъ; все это были старыя французскія книги.

Какъ человѣкъ получившій поверхностное французское, чисто свѣтское образованіе, ничего общаго съ наукою не имѣвшее, хотя онъ превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ, Салтыковъ естественно долженъ былъ больше тяготѣть къ нѣмецкимъ членамъ университета, съ которыми говорилъ конечно по французски Онъ ставилъ ихъ во многихъ отношеніяхъ выше русскихъ (между послѣдними онъ благоволилъ больше всего къ Кондыреву, большому мастеру на мелкія послуги начальству), но вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно понималъ всю безполезность ихъ преподаванія казанскимъ студентамъ, не знавшимъ ни одного иностраннаго языка. „Что касается до успѣховъ преподаванія“, писалъ онъ къ графу Разумовскому въ большомъ французскомъ письмѣ, уже не разъ нами цитированномъ, „то кромѣ недостатка учебныхъ книгъ и другихъ пособій этого рода, успѣхамъ студентовъ мѣшаетъ

(1) Протоколы совѣта 1813 г, стр 177 а

(2) Казанскія Извѣстія 1813 г., № 42

положительное незнаніе ими иностранныхъ языковъ, особенно латинскаго, такъ что иностранные профессора должны выбирать одно изъ двухъ: или пользоваться переводчиками (1), если таковые найдутся, или читать передъ слушателями, которые ихъ не понимаютъ. Это неудобство будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока профессорскія каѳедры не будутъ замѣщены русскими. Невозможно требовать, чтобы иностранцы выучились русскому языку. Для этого у нихъ нѣтъ ни времени, ни средствъ; кромѣ того такое изученіе будетъ безплоднымъ для людей, находящихся въ извѣстномъ возрастѣ. Я долженъ сознаться, съ нѣкоторымъ чувствомъ досады, что профессора нѣмецкіе превосходятъ нашихъ, какъ по познаніямъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и такое превосходство должно было произвести раздоръ, господствующій между ними Какъ бы я ни любилъ свое отечество, но эта любовь не въ состояніи заглушить во мнѣ чувство справедливости до такой степени, чтобы быть нейтральнымъ между притѣснителями и притѣсненными. Я прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ примиренія и мнѣ удалось нѣсколько успокоить ненависть и соперничество, или удержать ихъ по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ благопристойности. До сихъ поръ я никого еще лично не обвинялъ, но если мнѣ тяжело указывать на личности, я не въ состояніи однако забыть, что такъ какъ вопросъ поставленъ объ общемъ дѣлѣ, то всякое постороннее соображеніе должно исчезнуть передъ истиною". Далѣе слѣдуютъ жалобы на Яковкина и его обвиненія, выше нами приведенныя. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Салтыковъ былъ на сторонѣ нѣмецкихъ профессоровъ. Посѣтивъ въ началѣ своего

---

(1) Въ концѣ ноября 1812 года подалъ Салтыкову прошеніе объ опредѣленіи его адъюнктомъ по медицинѣ. *съ тѣмъ, чтобъ переводить по русски слушателямъ лекціи профессора Эрдмана*, находящійся при московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ штабъ-лѣкарь коллежскій ассесоръ Калайдовичъ (братъ извѣстнаго археолога). Министръ, по представленію Салтыкова, утвердилъ его 19 декабря. Успѣшны ли были его переводы — намъ неизвѣстно, но уже въ маѣ слѣдующаго года, Калайдовичъ, въ новомъ прошеніи Салтыкову писалъ, что «чувствуя изнеможеніе во всемъ моемъ тѣлѣ отъ вліянія здѣшняго воздуха, для поправленія здоровья, намѣренъ возвратиться въ Москву, гдѣ по открытіи Московскаго университета и благороднаго пансіона, займу прежнее мѣсто» Изъ этого прошенія видно однако, что съ февраля онъ читалъ лекціи *гигіены* Изъ этой науки, по его словамъ, онъ «*выписывалъ сокращенныя правила и преподавалъ слушателямъ на письмѣ для сохраненія въ памяти*». Согласно этому прошенію Калайдовичъ былъ уволенъ.

попечительства какъ-то разъ засѣданіе совѣта, онъ предложилъ, чтобъ къ представленіямъ, подаваемымъ въ совѣтъ на языкѣ русскомъ, непремѣнно было присоединяемо краткое содержаніе бумаги на языкахъ латинскомъ или французскомъ (1). Нѣкоторыя предложенія его, болѣе важныя по содержанію, переводились по опредѣленію совѣта на французскій языкъ.

Кажется намъ, что желаніе избавиться отъ непріятнаго ему во многихъ отношеніяхъ Яковкина, убѣжденіе, что не даромъ питаютъ къ самовластному директору нелюбовь уважаемые имъ нѣмецкіе профессора и полная увѣренность, что Яковкинъ не будетъ выбранъ на предстоящихъ выборахъ должностныхъ лицъ по университету при его открытіи, побудили Салтыкова сдѣлать министру представленіе объ этомъ открытіи. Особенно не довѣрялъ Салтыковъ Яковкину въ завѣдываніи хозяйственной или финансовой частью. Уѣзжая въ началѣ іюля изъ Казани для обозрѣнія училищъ казанскаго округа, Салтыковъ предложилъ, чтобы хозяйственною частью, по неоткрытію еще правленія университета, завѣдывала не контора гимназіи, какъ это было съ самого основанія въ 1805 году университета, а временный комитетъ по выбору членовъ совѣта изъ ординарныхъ профессоровъ. Этотъ выборъ и послѣдовалъ 3 іюля 1813 года и комитетъ, немедленно утвержденный попечителемъ, составился изъ нѣмецкихъ профессоровъ, получившихъ большинство избирательныхъ шаровъ. Браупа, Бартельса, Литтрова, Броннера и Томаса Яковкинъ не баллотировался, потому что получилъ разрѣшеніе на отпускъ и долженъ былъ выѣхать изъ Казани. Въ іюльское во время вакаціи 1813 года засѣданіе совѣта, очевидно уже послѣ отъѣзда Салтыкова, проф. Аргольдъ, явившись въ весьма немногочисленное собраніе членовъ совѣта, большинство которыхъ разъѣхалось на вакацію, предъявилъ совѣту „по приказанію“ попечителя, при своемъ рапортѣ, предложеніе министра къ попечителю отъ 11 іюля № 1691 слѣдующаго содержанія: „*По причинамъ, изъясненнымъ въ представленіи* в. п. № 381, я согласенъ, чтобы въ Казанскій университетъ избраны были ректоръ, деканы и для прочихъ должностей чиновники, съ учрежденіемъ правленія и суда, соотвѣтственно уставу сего

(1) Протоколы совѣта 1813 г., стр. 81а.

университета". Къ сожалѣнію мы не знаемъ этого представленія Салтыкова министру, и потому намъ неизвѣстны тѣ мотивы, какіе излагалъ онъ, ходатайствуя о полномъ открытіи, но думаемъ, что не ошиблись, высказавъ выше предположеніе, что главная причина ходатайства заключалась въ желаніи избавиться отъ Яковкина, который и Салтыкову и многимъ изъ сослуживцевъ его профессоровъ представлялся тормазомъ, мѣшающимъ дальнѣйшему развитію жизни молодаго университета

Получивъ бумагу попечителя вмѣстѣ съ копіею предписанія министра о предстоящихъ выборахъ, совѣтъ поручилъ временному комитету представить къ слѣдующему засѣданію мнѣніе свое о порядкѣ, который долженъ быть наблюдаемъ при избраніи. Порядокъ этотъ былъ опредѣленъ, написанъ, представленъ совѣту и утвержденъ попечителемъ безъ измѣненій, за исключеніемъ того, что выборъ проректора и просекретаря сочтенъ ненужнымъ и признана возможность выбора секретаря изъ экстраординарныхъ профессоровъ, что немного измѣняло требованіе устава. Попечитель предложеніемъ 3 сентября предписалъ начать выборы. Эти выборы и произведены были въ засѣданіи совѣта на другой же день, 4 сентября. По большинству голосовъ ректоромъ былъ избранъ профессоръ *Браунъ*; въ деканы отдѣленій нравственно-политическихъ наукъ *Финке*, физико-математическихъ *Бартельсъ*, врачебныхъ *Эрдманъ*, словесныхъ *Германъ* Въ званіе библіотекаря—*Реннеръ*, указывавшій, какъ мы говорили, что библіотека стала мѣстомъ храненія муки для хозяйственнаго помощника библіотекаря Кондырева. Въ секретари совѣта—*Томасъ*, который однако тогда же протестовалъ противъ этого выбора, и наконецъ въ синдики былъ избранъ баронъ *Врангель*. Послѣ Томаса былъ выбранъ въ секретари Фуксъ, но и онъ отказался; тогда вмѣсто него въ секретари выбранъ синдикъ баронъ Врангель, профессоръ экстраординарный. Такимъ образомъ въ Казани образовался чисто-нѣмецкій университетъ; по крайней мѣрѣ въ числѣ главнѣйшихъ должностныхъ лицъ его не было ни одного русскаго. Уже послѣ совершившихся выборовъ заслушана была бумага попечителя, который предлагалъ отложить избраніе библіотекаря „впредь до предбудущаго времени", такъ какъ настоящее состояніе библіотеки вовсе не требуетъ, чтобъ въ ней находились два лица, когда уже есть одинъ, который дѣйствительно служитъ (это былъ

помощникъ библіотекаря Кондыревъ и Салтыковъ благоволилъ къ нему). Это тѣмъ болѣе будетъ полезно, писалъ Салтыковъ, что штатная сумма, отпускаемая на библіотекаря, можетъ быть употреблена въ пользу библіотеки, бѣдной многими изданіями.

Когда представленіе Салтыкова о совершившихся выборахъ было получено въ Петербургѣ, министръ замѣтилъ, что въ числѣ избранныхъ лицъ недостаетъ еще членовъ училищнаго комитета, а потому Салтыковъ предложилъ совѣту избрать и ихъ, „или утвердить старыхъ, тѣмъ болѣе, что они утверждены были самимъ г. министромъ народнаго просвѣщенія“. Въ этой же бумагѣ министръ, повидимому нѣсколько недовольный тѣмъ, что не выбрано было ни одного русскаго, замѣтилъ, что по уставу (§ 68) секретарь университетскаго совѣта „долженъ быть искусенъ въ россійскомъ и иностранныхъ языкахъ нынѣ употребительныхъ“. Въ знаніи послѣднихъ или, по крайней мѣрѣ языка нѣмецкаго, судя по фамиліи, министръ повидимому не сомнѣвался, но желалъ знать: искусенъ ли Врангель въ языкѣ россійскомъ. Попечитель вслѣдствіе этого просилъ совѣтъ объяснить познанія въ русскомъ языкѣ Врангеля, который выбранъ также и въ синдики, а по мнѣнію министра и въ этой должности необходимо лицо, свѣдущее въ русскомъ языкѣ. Совѣтъ объяснилъ, что Врангель три года уже отправлялъ должность секретаря совѣта на россійскомъ языкѣ, „объясняя текущія дѣла и на иностранныхъ языкахъ для лучшаго уразумѣнія мало знающихъ россійскій языкъ членовъ“; что онъ родился въ Лифляндіи и „слѣдственно по законамъ состоитъ россійскимъ подданнымъ“, и потому находитъ Врангеля способнымъ и достойнымъ къ отправленію должности какъ синдика, такъ и секретаря. Послѣдніе выборы были членовъ въ училищный комитетъ (совѣтъ не согласился съ предложеніемъ попечителя утвердить прежнихъ членовъ, вѣроятно потому, что въ числѣ ихъ и предсѣдателемъ комитета былъ Яковкинъ). Эти выборы происходили 28 ноября; большинство голосовъ получили ординарные профессора (по уставу ихъ должно быть шесть, § 162) Бартельсъ, Реннеръ, Литтровъ и Броннеръ и, съ разрѣшенія попечителя, два экстраординарныхъ профессора: Эрихъ и Городчаниновъ (единственный русскій — для русскаго языка). Такимъ образомъ одержана была полная побѣда надъ Яковкинымъ, не получившимъ никакой выборной должности по

университету, что было безъ сомнѣнія пріятно и торжествующимъ иностранцамъ, и самому попечителю. Съ этого времени Яковкинъ остается въ тѣни и, не смотря на свое служебное старшинство, теряетъ всякое вліяніе. Давніе враги его торжествуютъ. Еще выборные ректоръ и деканы не были утверждены, какъ въ Казанскій университетъ воротился самый непримиримый и ожесточенный врагъ Яковкина, считавшій себя выше его по службѣ и ведшій съ нимъ, хотя и не долго, всего года два по основаніи университета, постоянную войну, за что, по представленію Румовскаго, онъ былъ удаленъ изъ службы въ январѣ 1807 года. Это былъ профессоръ дипломатики и политической экономіи—Цеплинъ. Почти семь лѣтъ не было его въ Казани, но намъ ничего неизвѣстно, гдѣ и въ какихъ занятіяхъ, служебныхъ или другихъ, провелъ эти годы „главный, высокій крикунъ“, какъ называлъ его Яковкинъ, да и вообще его личность и дѣятельность представляются намъ загадочными, немного мы знаемъ и о первыхъ годахъ его службы въ университетѣ (часть 1, стр 72—74). По представленію Салтыкова, по всей вѣроятности основанному на рекомендаціи его бывшихъ сослуживцевъ - соотечественниковъ, въ средѣ которыхъ онъ видимо пользовался расположеніемъ, Цеплинъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по прежде занимаемой имъ каѳедрѣ еще 9 октября 1813 года. По распоряженію министра выдано было ему заимообразно изъ суммъ главнаго правленія училищъ на проѣздъ до Казани—400 р. Въ Казань воротился онъ въ мартѣ 1814 года и первымъ дѣломъ его было принести въ даръ университету нѣсколько книгъ разнаго содержанія и на разныхъ языкахъ, которыя онъ пожертвовалъ еще въ 1807 году, но не успѣлъ тогда сдать за скоростью отъѣзда. По случаю смерти декана отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ Финке, по выбору въ октябрѣ 1814 года, Цеплинъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Утвержденіе избранныхъ ректора, декановъ и прочихъ чиновъ университетскихъ, указанныхъ въ уставѣ 1804 года, послѣдовало однако не очень скоро. Только въ засѣданіи совѣта 18 апрѣля 1814 года былъ заслушанъ высочайшій указъ, данный 24 февраля въ главной квартирѣ въ Шомонѣ (Chaumont) на имя министра народнаго просвѣщенія, объ утвержденіи ректоромъ университета на три года ординарнаго профессора Брауна и предложеніе министра на имя попечителя объ

утвержденіи деканов всѣхъ четырехъ отдѣленій, синдика, секретаря совѣта и непремѣннаго засѣдателя, согласно избранію, и о повышеніи, по случаю открытія университета, нѣкоторыхъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные (Городчанинов и Эрихъ), адъюнктовъ въ экстраординарные и т. д. Попечитель съ своей стороны предлагалъ сдѣлать всѣ распоряженія къ открытію университета, донести въ непродолжительный срокъ, сколько и какія суммы потребуются къ отпуску въ университетъ въ текущемъ году, сверхъ тѣхъ, какія уже назначены, и приготовить все къ открытію правленія, собранія отдѣленій и пр., а потомъ и самого университета. Совѣтъ опредѣлилъ: открыть правленіе университета *подъ именемъ комитета правленія университета* (для насъ совершенно неясно, почему было придумано такое названіе, такъ какъ въ комитетъ этотъ вошли всѣ тѣ лица, которыя входятъ въ составъ правленія), и комитету этому поручить исполненіе всего того, что требуетъ предписаніе попечителя: 1) составить подробную вѣдомость о суммахъ, 2) приготовить все къ открытію университета и его частей, 3) пріобрѣсти всѣ предметы, которые необходимы для открытія и пр., однимъ словомъ распорядиться всѣмъ. Въ засѣданіи совѣта 22 апрѣля, въ которомъ Яковкинъ не былъ, приведены были въ присутствіи попечителя къ присягѣ ректоръ, всѣ утвержденные чины и получившіе повышеніе въ званіяхъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи 29 апрѣля рѣшено было, кому и какія рѣчи читать въ день торжественнаго открытія университета

Одновременно начались также дѣятельность и устройство отдѣленій или факультетовъ, причемъ естественно было, что обращалось больше всего вниманія на внѣшнія стороны Такъ, прежде другихъ, *отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ*, въ первомъ засѣданіи своемъ 4 мая того же 1814 года, 1) озаботилось избраніемъ секретаря. По уставу онъ долженъ быть выбранъ изъ адъюнктовъ, но въ отдѣленіи таковыхъ не оказалось, а потому изъ трехъ принадлежащихъ къ нему магистровъ: Булыгина, Срезневскаго и Алехина по балотировкѣ оказался выбраннымъ второй. 2) Деканъ предложилъ о необходимости имѣть для засѣданій факультета особую комнату, или по крайней мѣрѣ общую съ другимъ какимъ-либо факультетомъ, а въ этой комнатѣ столъ достаточной или большой величины, покрытый зеленымъ сукномъ и при немъ 12 креселъ. Далѣе требовались разныя канцелярскія принадлежности для

письмоводства, шкафъ для хранснія дѣлъ и бумагъ, особая факультетская печать, разныя шнуровыя книги и т. п. 3) Факультетъ разсуждалъ о почетныхъ членахъ по случаю предстоящаго открытія университета, сначала по § 37 изъ „мужей, прославившихся ученіемъ и дарованіями", и прежде всего *объ учености* и заслугахъ двухъ лицъ: министра народнаго просвѣщенія графа А. К Разумовскаго и государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева (1) Кромѣ почетныхъ членовъ, деканъ отдѣленія предложилъ еще избрать въ иногородные почетные члены въ силу §§ 38 и 39, съ жалованьемъ по 200 р. (въ качествѣ членовъ корреспондентовъ), королевскаго великобританскаго надворнаго совѣтника доктора правъ и ординарнаго профессора правъ въ Геттингенскомъ университетѣ Густава Гуго, извѣстнаго по своимъ знаніямъ и трудамъ (мы знаемъ, что Финке слушалъ его лекціи) и по § 41 устава („изъ особъ науки покровительствующихъ и мужей ученіемъ знаменитыхъ")—дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Густава Розенкампфа. „Факультетъ желалъ бы", говорилось въ его представленіи совѣту, „пріобщить къ числу почетныхъ членовъ и много другихъ почетнѣйшихъ особъ, еслибъ не сомнѣвался, чрезъ многочисленные выборы ослабить уваженіе къ сему достоинству" (2).

Отдѣленіе *физико-математическихъ наукъ*, въ своихъ засѣданіяхъ 30 апрѣля и 5 мая, постановило также ходатайствовать о предметахъ внѣшней обстановки. Въ ней, сравнительно съ отдѣленіемъ нравственно-политическихъ наукъ, мы нашли только 6 лишнихъ стульевъ, малый столъ для секретаря, зерцало, теку или портфейль для разноски бумагъ по гг. членамъ, съ 13 ключами къ замку на ней и три экземпляра печатнаго устава университета.—Согласно желанію совѣта и это отдѣленіе разсуждало о почетныхъ членахъ. Оно раздѣлило ихъ на два класса: почетные члены *покровители* и почетные члены—*корреспонденты*. Подобно прочимъ отдѣленіямъ и это единодушно опредѣлило поднести дипломы почетнаго члена покровителя графамъ Разумовскому и Румянцеву. Наконецъ отдѣленіе просило совѣтъ изъявить его пр—ству г. попечителю желаніе отдѣленія, чтобы онъ соизволилъ принять на себя званіе почетнаго члена Казанскаго университета. Кромѣ

(1) Протоколы совѣта 1814 г, стр. 81а, б.
(2) Протоколы совѣта 1814 г, стр 86б, 87а.

этихъ трехъ указаны были отдѣленіемъ еще четыре: академики Фуссъ и Шубертъ, д. с. с. Мартыновъ и капитанъ 1-го ранга Крузенштернъ. Наконецъ членовъ-корреспондентовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, большею частью профессоровъ разныхъ университетовъ отдѣленіе указало—19 ([1]).

Отдѣленіе *врачебныхъ наукъ* доносило совѣту, что въ засѣданіи своемъ 2 мая, оно выбрало въ секретари единогласно своего адъюнкта Ренарда Что же касается до почетныхъ членовъ, то кромѣ извѣстныхъ тогда лейбъ-медиковъ и лейбъ-хирурговъ: Вилье, Крейтона, Лейтона, Франка и Рихтера, оно намѣтило девять членовъ-корреспондентовъ ([2]).

Отдѣленіе *словесныхъ наукъ*, въ двухъ своихъ первыхъ засѣданіяхъ 2 и 5 мая, какъ видно изъ донесенія его совѣту, разсуждало также подробно о своей внѣшней обстановкѣ; въ перечисленіи требуемыхъ имъ для канцелярской дѣятельности предметовъ мы не встрѣтили бо́льшаго числа ихъ, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ, только шнуровыхъ книгъ попадобилось почему-то больше, именно шесть. Секретаремъ, по большинству голосовъ, избранъ магистръ Юпаковъ. Почетными членами оно признало конечно прежде всего министра графа Разумовскаго, но „кромѣ покровительства и ревностнаго содѣйствія на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія“, отдѣленіе указывало на „особенно отличившихся и пріобрѣвшихъ славу чрезъ труды свои по части словесности“: Державина, Дмитріева, Шишкова, графа Хвостова и переводчика греческихъ классиковъ и директора департамента народнаго просвѣщенія Н. Н. Мартынова (перечислялись всѣ ихъ титулы и чины). Изъ иностранныхъ ученыхъ, безъ сомнѣнія по указанію Френа, рекомендовался въ почетные члены и сверхъ того въ члены-корреспонденты, съ жалованьемъ въ 200 рублей—извѣстный орьенталистъ, профессоръ въ Ростокѣ Тихсенъ, учитель Френа ([3]). Всѣ намѣченные и указанные факультетами почетные члены и члены-корреспонденты были потомъ избраны совѣтомъ и утверждены министромъ просвѣщенія.

Между тѣмъ временный комитетъ, образованный изъ членовъ правленія, дѣятельно работалъ надъ выполненіемъ порученной ему задачи, приготовляя все нужное къ открытію

([1]) Протоколы совѣта. 1814 г, стр 82а, 87б.

([2]) Тамъ же, стр 82а, 87а.

([3]) Тамъ же, стр 82 б

университета Онъ составилъ подробныя вѣдомости о суммахъ, которыя должны быть отпущены на Казанскій университетъ въ его полномъ видѣ послѣ открытія, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя уже получались. Наведены были точныя справки о томъ, сколько отпускалось въ прежніе годы для предполагаемаго, но несостоявшагося полнаго открытія университета. Оказалось, что начиная съ 1808 года, ежегодно ассигновалось на открытіе университета по 2000 р., что всей суммы съ этою цѣлью ассигнованной въ теченіе шести лѣтъ, по апрѣль 1814 года, состояло 12691 р. 29½ к., изъ которыхъ на разныя потребности, преимущественно на мебель, обстановку, канцелярскія принадлежности и проч., было израсходовано 7707 р. 20½ к. и поступило въ хозяйственную университетскую сумму 4564 р. 49¾ к. Оставшейся суммы, оказалось, было достаточно на предстоящіе по открытію университета расходы, и комитетъ, соображаясь съ нею, составилъ списокъ вещей и разной мебели, необходимыхъ для правленія и для факультетовъ, принимая во вниманіе тѣ заявленія, которыя были сдѣланы самими факультетами Наконецъ комитетъ составилъ „*обрядъ* какимъ порядкомъ торжествовать открытіе Казанскаго университета“ (1). Все это черезъ совѣтъ пошло на утвержденіе попечителя, который согласился, какъ на пріобрѣтеніе всѣхъ предметовъ, перечисленныхъ въ спискахъ, за исключеніемъ почему-то большаго зеркала, такъ и на обрядъ открытія (2).

Согласно составленному комитетомъ и начальствомъ утвержденному *обряду* или церемоніалу, днемъ открытія Казанскаго университета назначено было 5 іюля. За нѣсколько дней до этого знаменательнаго въ судьбахъ университета дня, или наканунѣ его, казанскіе жители, на листахъ большаго формата, получили слѣдующее печатное на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и татарскомъ съ лапидарною разстановкою строкъ извѣщеніе:

---

(1) Дѣло объ открытіи университета, правленія университетскаго и объ учрежденіи временнаго комитета правленія, о утвержденіи ректора, декановъ, непремѣннаго засѣдателя, синдика и секретаря и о выпискѣ для правленія законныхъ книгъ *Правл* 1814 г. № 46

(2) Протоколы совѣта 1814 г., стр 90 б, 96 а.

„По повелѣнію державнѣйшаго великаго Государя Александра I, Императора и самодержца всероссійскаго, данному среди звука оружій и грома побѣдъ на полѣ брани, подъятой ко благу человѣчества, для защищенія попранныхъ и угнетенныхъ правъ европейскихъ народовъ и возвращенія свободы и мира, имѣетъ совершиться сего 1814 года іюля 5 дня торжественное *открытіе* Императорскаго Казанскаго университета, щедротами монаршими *утвержденнаго* 1804 года ноября 5 дня, и *основаннаго* 1805 года февраля 14 дня. О чемъ, по приказанію Его превосходительства, г. дѣйствительнаго камергера, Казанскаго университета и его учебнаго округа попечителя, Михаила Александровича Салтыкова, извѣщая почтеннѣйшихъ оо: пастырей и наставниковъ церкви, гг военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, и чиновниковъ и другихъ покровителей и споспѣшествователей просвѣщенія, и всѣхъ, всякаго состоянія любителей наукъ и познаній, къ соучаствованію въ семъ торжествѣ здѣшнихъ музъ усерднѣйше проситъ и приглашаетъ ректоръ сего университета Иванъ Браунъ, медицины докторъ и профессоръ".

Вмѣстѣ съ этимъ приглашеніемъ разосланы были также печатныя на трехъ языкахъ *программы* торжественнаго акта. Эти извѣщенія и программы почетнымъ лицамъ города, съ приглашеніемъ ихъ на актъ и послѣ него на обѣденный столъ, развозили нѣкоторые, нарочно для того избранные молодые адъюнкты и магистры, между которыми самымъ дѣятельнымъ и расторопнымъ оказался адъюнктъ и секретарь отдѣленія медицинскихъ наукъ Ренардъ, которому поручены были заботы и о столѣ. По приглашенію ректора, наканунѣ дня открытія, всѣ члены университета, магистры, кандидаты и всѣ студенты въ мундирахъ должны были собраться въ большой залѣ главнаго корпуса для выслушанія всенощнаго бдѣнія, но это было потомъ нѣсколько измѣнено, и всѣ собравшіеся, въ 7 часовъ вечера, церемоніально рядами пошли въ ближайшую къ университету Воскресенскую церковь, гдѣ и слушали всенощную. На другой день, рано по утру, къ зданію университета явился „для охраненія порядка", *почетный караулъ*, какъ выразился современный хроникеръ, изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 24 рядовыхъ учебнаго гренадерскаго батальона, присланный казанскимъ комендантомъ Къ 7 часамъ утра собрались въ большую университетскую залу ректоръ, профессоры, адъюнкты, магистры, всѣ чиновники университета. Здѣсь совершено было

водоосвященіе соборнымъ протоіереемъ, а послѣ него, согласно заранѣе утвержденному обряду, всѣ собравшіеся по повѣсткѣ, имѣя въ главѣ своей ректора, шли церемоніальнымъ порядкомъ въ Воскресенскую церковь На бархатныхъ подушкахъ впереди профессора несли высочайше пожалованные университету утвердительную грамоту и уставъ. Эти акты были помѣщены на подушкахъ по обѣ стороны царскихъ вратъ, на приготовленныхъ заранѣе мѣстахъ. Литургію совершалъ архіепископъ казанскій и симбирскій Павелъ въ сослуженіи трехъ архимандритовъ монастырей: Свіяжскаго, Спасо-Преображенскаго и Зилантовскаго и главныхъ представителей бѣлаго казанскаго духовенства. Въ церкви присутствовали всѣ наличныя губернскія власти, за исключеніемъ губернатора Мансурова, не бывшаго по болѣзни, много дворянъ и чиновниковъ. Никакихъ рѣчей, случаю приличныхъ, представителями духовной власти въ храмѣ произнесено не было, и по окончаніи литургіи попечитель и всѣ чины университета возвратились тѣмъ же торжественнымъ порядкомъ въ университетскую залу. Послѣ чиновъ университетскихъ, прибыли въ залу архіепископъ съ главными представителями духовенства, участвовавшими въ литургіи и всѣ приглашенныя почетныя лица города Принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Его Императорскому Величеству и всему августѣйшему дому, благодѣтельному начальству, пекущемуся о просвѣщеніи, учащимъ и учащимся. Послѣ того архипастырь съ представителями духовенства, генералитетъ, высшіе чиновники и дворяне приглашены были университетскимъ начальствомъ къ обѣденному столу, который былъ накрытъ на сто человѣкъ въ другой сосѣдней залѣ Обѣдъ былъ ранній, начался никакъ не позже 1 часу по полудни (1). Во время обѣда былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Государя Императора, причемъ играла

(1) Въ дѣлѣ объ открытіи университета сохранились и списки всѣхъ приглашенныхъ лицъ, и menu обѣда, и стоимость его, перечислены также и всѣ другіе расходы, употребленные на открытіе Это былъ единственный крупный расходъ на декорумъ, сдѣланный въ теченіе почти девяностолѣтняго существованія университета и, сравнивая его съ подобными же расходами на торжества въ настоящее время, мы не можемъ считать его весьма значительнымъ Содержатель трактира и буфета въ дворянскомъ собраніи Гедлеръ взялъ за обѣдъ по 2 р съ каждаго приглашеннаго лица (со стороны университета ему предоставлены были: кухня, дрова, караулъ и услуга) «Что отъ стола останется, то ему не возвратится, а обращено будетъ на угоще-

инструментальная музыка. Послѣ обѣда, до начала акта, всѣхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ было три „богатыхъ татарина“, члены университетской корпораціи развлекали показываніемъ и объясненіемъ различныхъ рѣдкостей и достопримѣчательностей. Пили и кофе, но ликеровъ и разныхъ pousse-café не было: въ этихъ принадлежностяхъ обѣда уже состоитъ прогрессъ новаго времени.

Въ четыре часа попечитель въ короткихъ словахъ объявилъ всѣмъ присутствующимъ о цѣли собранія, и актъ открылся чтеніемъ учредительной грамоты университету высочайше дарованной. Читалъ ее одинъ изъ профессоровъ. Послѣ музыкальной симфоніи, слѣдовавшей за этимъ чтеніемъ, читаны были высочайшій указъ объ утвержденіи ректора университета и предписаніе министра объ утвержденіи декановъ и производствѣ разныхъ выбранныхъ на должности и въ ученыя достоинства лицъ. За тѣмъ провозглашены были имена

ніе архіерейскихъ пѣвчихъ (для нихъ, музыкантовъ и слугъ куплено было ведро ерофеича—въ 8 р.) и на ужинъ студентовъ Кофе, водка и весь столовый приборъ—Гедлеровы; небольшая закуска—10 рублей Обѣдъ былъ двухъ родовъ постный (для духовенства) изъ 11 блюдъ и скоромный—изъ 10 блюдъ Винъ разныхъ (шампанскаго 2 б.—30 р цимлянскаго—24 б.—24 р. краснаго, бѣлаго и проч.), пива и меду на 145 рублей и аккуратные распорядители нѣмцы выговорили себѣ у виноторговца Куса (тогда всѣ винные погреба Казани принадлежали нѣмцамъ и вина въ нихъ были настоящія) право возвратить за ту же цѣну неоткупоренныя бутылки, а также и всѣ порожнія Не станемъ входить во всѣ подробности угощенія и множества мелкихъ расходовъ; угощаемы были также и студенты, кандидаты и магистры, но обѣдъ ихъ стоилъ весьма дешево, всего 35 р 92 к., считая въ томъ числѣ 3 штофа водки и 5 бутылокъ бѣлаго вина; угощаемы были, какъ на провинціальныхъ свадьбахъ, солдаты охранители порядка, кучера, гайки, музыканты военные и евреи и пр За вечернее угощеніе (конфекты, варенье, лимонадъ, чай, ромъ и проч.) заплачено было Гедлеру 124 рубля Всѣ счеты составлялъ, повѣрялъ и сводилъ э о. профессоръ Никольскій, только что выбранный и утвержденный «безсмѣннымъ засѣдателемъ» правленія, и въ первый разъ онъ вступилъ тогда въ отправленіе новыхъ обязанностей (по § 132 устава «безсмѣнный засѣдатель есть ближайшій помощникъ ректору въ дѣлахъ къ правленію и университетскому суду принадлежащихъ. Онъ наипаче печется, чтобъ въ отправленіи текущихъ дѣлъ соблюдаемъ былъ порядокъ, сохранены были законы и непоколебимы были полезныя и опытомъ утвержденныя постановленія») Всѣхъ расходовъ по торжественному открытію университета, за исключеніемъ немногихъ, особенныхъ, было на сумму 690 р 99 коп По первоначально составленной смѣтѣ расходъ былъ высчитанъ въ 400 р., на что согласился и попечитель; передержку свыше этой суммы члены, по предварительному согласію, приняли на себя, но такъ какъ передержка эта значительно превысила смѣту, то Салтыковъ, весьма довольный тѣмъ, что университетскій праздникъ сошелъ блистательно, прибавилъ еще 200 рублей изъ хозяйственной суммы университета Не нужно забывать, что издержки высчитаны были на рубли ассигнаціонные.

разныхъ лицъ, избранныхъ и утвержденныхъ въ званіи почетныхъ членовъ университета. Во главѣ ихъ стояло имя министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго. Послѣ прочтенія именъ почетныхъ членовъ исполненъ былъ при акомпаниментѣ музыки въ хоровомъ пѣніи *кантъ*, положенный на музыку учителемъ музыки въ казанской гимназіи, а потомъ и въ университетѣ—Новиковымъ Кантъ этотъ, по свидѣтельству современника, былъ сочиненъ еще прежде при предполагавшемся открытіи университета, за шесть лѣтъ до того времени, бывшимъ попечителемъ университета и округа Румовскимъ и былъ присланъ имъ изъ Петербурга въ концѣ 1808 года (1). За тѣмъ слѣдовала латинская рѣчь ректора Въ ней выражалась глубокая благодарность монарху за открытіе университета, за то, что вдали отъ Россіи, посреди войны и при звукахъ оружія онъ не забылъ о мѣстопребываніи казанскихъ музъ („sedem Musarum Casaniensium mox inter media arma cogitabat“). Браунъ и за себя, какъ за перваго выборнаго ректора, сознавая всю тяжесть возложенныхъ на него обязанностей, благодаритъ создателя университета—монарха и торжественно обѣщаетъ не отступать въ теченіе всей будущей службы своей отъ того, что онъ старался во все время жизни своей наблюдать, какъ глубокое сердечное убѣжденіе: сознаніе справедливости, чистоту жизни, религіозную заботу объ обязанностяхъ службы и твердую вѣру и надежду на Бога („conscia mens recti, vitae integritas, religiosissima officiorum cura et fiducia in Deo opt. maximo reposita“). Коротенькая рѣчь Брауна, въ которой онъ въ общихъ чертахъ говорилъ о значеніи университета, закончилась сначала обращеніемъ къ попечителю, заключающимъ въ себѣ краткій панегирикъ и выражающимъ благодарность, какъ за желанное для всѣхъ открытіе университета, такъ и за его любезное и полное привѣтливости обращеніе съ учащими и учащимися. Нѣсколько словъ обращено къ коллегамъ-профессорамъ и къ студентамъ (cives academici). Первыхъ призывалъ новый ректоръ къ строгому и честному исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ, а вторыхъ къ неустанному труду въ пріобрѣтеніи знаній, столь необходимыхъ для жизни.

---

(1) Казанскія Извѣстія 1814 г, № 28. стр. 382—383.—Объ этомъ кантѣ мы уже говорили и привели изъ него нѣкоторые отрывки. См «Изъ первыхъ лѣтъ Каз у-та», часть 1-я, стр. 302—303.

Рѣчь Брауна смѣнилась музыкальною пьесою, а вслѣдъ за нею профессоръ Городчаниновъ прочелъ свою „Оду на всеобщій миръ въ Европѣ“, состоящую изъ 20 строфъ. Мѣстнаго интереса въ этихъ вымученныхъ стихахъ почти не было. Поэтъ выражалъ ту же самую мысль, какъ и Браунъ въ своей рѣчи. Онъ также высказывалъ благодарность монарху, за то, что

„Среди кровавой лютой брани
О музахъ вспомнилъ Ты Казани;
Се новый блескъ Тобой имъ данъ!
. . . . . .
Гдѣ солнца краснаго восходъ,
Среди *безплодныя пустыни*
Наукъ благоухаютъ крины“..

За одой—хоръ музыки и кантъ, послѣ чего на каѳедру вступилъ э. о. профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго—*Василій Перевощиковъ*. Въ своей необширной рѣчи профессоръ желалъ, по его словамъ, предложить слушателямъ „О пользѣ паукъ вообще *и въ особенности о пользѣ Казанскаго университета*“. Это была самая содержательная, несмотря на краткость свою, рѣчь изъ произнесенныхъ на торжествѣ. Въ основу ея ораторъ положилъ слова, приписываемыя Сократу. „Всякая добродѣтель есть знаніе; всякій порокъ есть невѣжество“, и исходя изъ этой мысли, онъ приводилъ нѣсколько фактовъ изъ близкой, окружавшей его дѣйствительности казанской, которые противорѣчили словамъ Сократа Онъ упоминалъ о знакомыхъ ему отцахъ и матеряхъ, которые признавались ему, что учатъ дѣтей единственно изъ подражанія другимъ, а сами не видятъ отъ наукъ никакой пользы; онъ возставалъ противъ господствовавшаго убѣжденія, что „невѣжественные простолюдины всегда здоровѣе людей образованныхъ“. Наука особенно необходима намъ „Мы, жители Казани, обитаемъ въ климатѣ суровомъ“, говорилъ ораторъ, „и, что несравненно гибельнѣе, въ климатѣ сыромъ и удивительно перемѣнчивомъ. Нѣтъ у насъ весны; лѣтомъ сильный жаръ и пронзительный осенній холодъ смѣняются непрестанно и быстро; осенью мы тонемъ въ грязи; зимою наши термометры замерзаютъ отъ лютыхъ морозовъ. Притомъ окружена Казань стоячими, гнилыми болотами; не имѣетъ чистой воды, сего перваго и важнѣйшаго средства для поддержанія здоровья.

Книги метрическія доказываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится. Посему нахъ-то особенно должно искать въ наукахъ естественныхъ средствъ для предохраненія и продолженія нашей жизни. „Людямъ просвѣщеннымъ возможно все: они сильны измѣнить самую природу". Глубокая вѣра въ могущество знанія и науки проникаетъ слова оратора. „Просвѣщеніе раждаетъ и самую любовь къ отечеству. Грубый человѣкъ имѣть ее не можетъ"—говоритъ онъ. Науки наконецъ „приводятъ къ утѣшительной, благотворной, святой вѣрѣ". Конечно не обошлось и безъ преувеличеній; большая часть ихъ должна быть отнесена на счетъ господствовавшаго во времени реторическаго вкуса: другая объясняется молодою вѣрою оратора, который всего ждалъ отъ только что открывшагося университета. „Главная польза, какую Казанскій университетъ приносить можетъ", говорилъ онъ, „состоитъ въ образованіи полезныхъ членовъ для всѣхъ званій государства. Отсюда выйдутъ *купцы* (?), дальновидные (?) въ торговыхъ соображеніяхъ; отсюда выйдутъ знающіе судьи; отсюда выйдутъ искусные *воины* (?); отсюда наконецъ выйдутъ и наставники юношества просвѣщенные, благоразумные, которые спасительнымъ свѣтомъ наукъ озарятъ *и самыя хижины* (это при крѣпостномъ правѣ?), слѣдовательно водворятъ въ нихъ возможное на землѣ счастіе".—Послѣ рѣчи Перевощикова, по обычаю, какъ это всегда дѣлалось на тогдашнихъ актахъ, были розданы шпаги шести студентамъ, а одному выдана награда за прилежаніе и успѣхи. Въ заключеніе всего пропѣты были многочисленнымъ хоромъ стихи сочиненія профессора Кондырева въ честь Государя Императора, выражающіе благодарность за открытіе университета.

Вечеромъ приглашенное общество долго еще не расходилось, наполняя залу. Гостей угощали чаемъ, прохладительными напитками, вареньемъ, мороженымъ. Народъ пѣшій и множество пріѣхавшихъ въ экипажахъ казанскихъ жителей толпились въ концѣ Воскресенской улицы, у университета, гдѣ у параднаго входа главнаго зданія выставленъ былъ транспаранъ, какъ говорили тогда, или прозрачная аллегорическая картина, безъ которой рѣдко обходились торжества того времени и акты университета, обыкновенно назначаемые въ день открытія, 5 іюля. Прозрачная картина изготовлена была учителемъ живописи Крюковымъ; она была весьма большихъ размѣровъ и изображала *торжество музъ* въ присутствіи его

виновника—Государя Императора (1). Всѣ дома университета были иллюминованы (2).

Такъ совершилось наконецъ это открытіе университета, котораго давно ждали и желали, но едва-ли, кромѣ весьма немногихъ профессоровъ иностранцевъ, привыкшихъ въ Европѣ къ формамъ университетскаго самоуправленія, кому-либо представлялось ясно то, чего теперь достигли. Если внимательнѣе присмотрѣться и къ нимъ, то придется сознаться, что и они, получивъ самоуправленіе, смутно сознавали какую пользу въ состояніи принести они болѣе свободною своею дѣятельностью странѣ, для которой они были чужды во многихъ отношеніяхъ, не зная ея языка, не понимая ея исторіи и нравовъ. Добиваясь чрезъ новаго попечителя открытія университета, согласно уставу, они кажется имѣли въ виду не столько общую пользу, сколько возможность избавиться отъ невыносимаго и своекорыстнаго гнета Яковкина. Личное чувство руководило ими, но общее дѣло съ открытіемъ университета нисколько не подвинулось. Мы по прежнему не видимъ ни успѣха въ преподаваніи, ни научныхъ трудовъ. Изъ разсказовъ нашихъ, помѣщенныхъ въ этой второй части ихъ, изъ біографій профессоровъ, изложенныхъ нами, можно было видѣть, что дѣятельность университета и послѣ его открытія не представляетъ никакихъ особенныхъ, новыхъ явленій, которыя свидѣтельствовали бы о чемъ-либо лучшемъ. То же безсиліе въ организаціи университетской жизни, и въ теченіе пяти лѣтъ прошедшихъ со времени открытія университета, и до назначенія попечителемъ Магницкаго, мы не видимъ ни одного новаго профессора (за исключеніемъ Вердерамо и Солнцева), котораго бы приготовилъ факультетъ какъ достойнаго замѣстителя каѳедры, а этихъ каѳедръ было такъ много пустующихъ тогда. Если нѣкоторыя и замѣщались, то не лицами новыми, а тѣми, которые уже существовали на лицо и понемногу подвигались отъ студента и кандидата до званія профессора. Вотъ почему, излагая жизнь Казанскаго университета въ первые годы его существованія, мы не дѣлали никакой разницы между годами до полнаго открытія университета и годами послѣ него. Все происшедшее въ попечительства Ру-

---

(1) По счету Крюкова стоимость картины была 298 р 30 к. Одного коленкору, тогда болѣе дорогаго чѣмъ теперь, пошло на 113 р. 40 к.

(2) 500 плошекъ стоили 75 р.

мовскаго и Салтыкова казалось намъ совершенно одинаковымъ. Мы соединили разные годы въ одно цѣлое и разсказали нѣсколько подробно о фактѣ открытія университета не потому, чтобъ мы придавали этому факту большое, особенное значеніе, а потому, что намъ любопытно было взглянуть на общество, въ средѣ котораго открывался университетъ. Намъ придется весьма немного прибавить къ тому, что было разсказано нами о дѣятельности совѣта послѣ того, какъ онъ сталъ самостоятельнымъ, и разсказать двѣ-три біографіи новыхъ профессоровъ, поступившихъ послѣ открытія

Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находилось къ молодому университету казанское общество, чего оно ждало отъ него—остается для насъ едва-ли разрѣшимымъ вполнѣ. Было бы очень грустно, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго, сказать, что это общество было вполнѣ равнодушно. Лучшіе представители его, приглашенные новымъ ректоромъ, собрались на торжество открытія, какъ собирались они и на обыкновенные акты, слушали рѣчи, стихи, музыку и пѣніе, угощались разными яствами и питіями въ честь университетской науки, но ни дѣйствительнаго уваженія къ ней, какъ къ могущественной силѣ, ни сознанія ея потребности и значенія для государства, мы не найдемъ въ этомъ обществѣ. Если мы обратимся за свѣдѣніями къ тогдашней казанской прессѣ, которая по банальной фразѣ должна быть выразительницею общественнаго мнѣнія, то мы не найдемъ и здѣсь ничего кромѣ приторной реторики. Вотъ что говоритъ современный хроникеръ:

«Многочисленное собраніе особъ разныхъ званій, чиновъ, состояній, вѣръ и пола, согласовало чувствованія свои съ чувствованіями университета, ликовствовало о мудромъ, добродѣтельномъ и великомъ отцѣ Государѣ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, щедротами коего основанъ и воздвигается въ столицѣ бывшаго царства татарскаго храмъ просвѣщенія, долженствующій проливать свѣтъ свои отъ Кавказа до Камчатка въ Америкѣ (?), почти отъ предѣловъ Малороссіи и московскихъ до китайскихъ, среди многочисленныхъ племенъ народовъ, въ шалашахъ, кибиткахъ, пещерахъ (?) и палатахъ (почему-то забыта изба), оживлять пособіемъ своимъ промышленность, земледѣліе, торговлю, жизнь общественную и возбуждать въ груди различныхъ во всемъ народовъ единую любовь къ матери Россіи и единое усердіе къ отцу-Государю. Какой проницательный умъ и какой патріотъ (а кто изъ русскихъ не патріотъ?), не восхищался настоящимъ празднествомъ музъ казанскихъ, гласъ радости коихъ пренесется вскорѣ быстро по берегамъ рѣкъ Волги, Оки, Камы, Бѣлой, Иртыша, Тобола, Енисея, Лены, Анадыра, по хребтамъ Кавказа, Рифея, горъ сибирскихъ, у береговъ морей Каспійскаго, Ледовитаго, Восточнаго, Охотскаго и прочихъ! Кто не благословлялъ Александра, насаждающаго въ отдаленныхъ предѣлахъ своей

Имперіи вертоградъ, долженствующій въ потомствѣ принести отечеству и человѣчеству плоды, отъ сѣмянъ коихъ въ пустыняхъ прозябнутъ новые вертограды Здѣсь Европа подастъ руку Азіи и гордая, древняя въ сѣдинахъ своихъ Азія смиряется предъ юною образованною Европою» (1)

На другой день послѣ торжества открытія, ректоръ университета, открывая засѣданіе совѣта, обратился къ членамъ съ рѣчью на латинскомъ языкѣ, въ которой изложилъ *выгоды и преимущества, пріобрѣтенныя университетомъ вмѣстѣ съ его открытіемъ* (въ чемъ состояли эти выгоды и преимущества по мнѣнію Брауна, мы не знаемъ, такъ какъ рѣчь эта не сохранилась), и при этомъ упомянулъ о ходатайствѣ предъ высшимъ начальствомъ г. попечителя, содѣйствіемъ котораго университетъ *вступилъ въ свои права*. Совѣтъ опредѣлилъ: принести попечителю за его содѣйствіе лично и in corpore свою благодарность (2). Съ своей стороны и Салтыковъ благодарилъ университетъ въ своемъ предложеніи совѣту: „Долгомъ своимъ поставляю изъявить сочленамъ почтеннаго правленія университета совершенную мною благодарность за дѣятельность, ревность и усердіе понынѣ и при открытіи наипаче оказанную. Я увѣренъ, что примѣръ ревности и неутомимости къ пользѣ университета усугубитъ усердіе и въ прочихъ его членахъ, что *благонравіе и кротость ихъ водворятъ спокойствіе, дружелюбіе и единодушіе между всѣми сочленами университета*“. Особенную благодарность изъявляетъ попечитель адъюнкту Ренарду за труды имъ добровольно понесенные при устройствѣ праздника и учителю живописи Крюкову за „кротость (2), усердіе, безкорыстіе и искусство, съ коимъ всегда исполняетъ онъ свои обязанности и особо оказанныя при сдѣланномъ ему порученіи о написаніи прозрачной картины“.

Никакихъ особенныхъ видимыхъ перемѣнъ въ университетѣ тотчасъ за его открытіемъ не послѣдовало. Только члены совѣта, сильно занятые приготовленіями къ этому открытію и безпрестанными засѣданіями совѣта, которыя отвлекали ихъ отъ прямыхъ обязанностей, вспомнили о § 46 устава, назначающемъ обыкновенныя засѣданія совѣта единожды въ мѣсяцъ, для того, „чтобъ они не прерывали порядка въ преподаваніи“ наукъ и опредѣлили общимъ собраніямъ быть на вторую середу

(1) Казанскія Извѣстія 1814 г., № 28.

(2) Протоколы Совѣта 1814 г., стр. 123а

каждаго мѣсяца. Внѣшняя сторона засѣданій и дѣятельности совѣта, которая всецѣло зависѣла прежде отъ Яковкина, должна была естественно обратить на себя вниманіе членовъ на первыхъ порахъ самоуправленія, особенно членовъ нѣмецкихъ, весьма мало знакомыхъ и съ правами, и съ языкомъ, и съ самими законами и различными постановленіями и распоряженіями начальства. Послѣднихъ накопилось множество въ девять лѣтъ существованія университета, а ихъ необходимо было знать, чтобъ руководствоваться ими, ссылаться на нихъ. Вотъ почему въ первыя засѣданія совѣта послѣ открытія университета мы встрѣчаемъ въ протоколахъ, что въ засѣданіи читается уставъ университетскій и безъ сомнѣнія объясняется и переводится, что попечитель находитъ нужнымъ напомнить совѣту о необходимости, при представленіи къ нему какого нибудь рѣшеннаго дѣла по большинству голосовъ, доставлять и отдѣльныя мнѣнія, если таковыя были. Попечитель предписывалъ также совѣту (6 декабря, 1815 года, № 286) „о сдѣланіи вѣрнаго оглавленія по хронологическому порядку, а равно о снятіи по тому же порядку копій съ *предписаній имѣющихъ свойство правилъ*, для наблюденія или разрѣшенія въ разныхъ случаяхъ, министерскихъ и попечительскихъ, съ основанія университета сдѣланныхъ совѣту и конторѣ гимназіи, совѣту, правленію и училищному комитету университета“ Попечитель требовалъ, чтобъ „таковыхъ оглавленій и собраній копій съ предписаній“ было изготовлено четыре экземпляра. Сдѣлать эти сборники конечно нѣмецкіе члены совѣта сами не могли, такъ какъ едва-ли были знакомы съ дѣлами, а потому попечитель уже отъ себя поручалъ это дѣло секретарю совѣта барону Врангелю, въ знакомствѣ котораго съ русскимъ языкомъ онъ убѣдился, профессорамъ Кондыреву и Солнцеву и наконецъ секретарямъ правленія и училищнаго комитета.

Членъ совѣта и бывшій предсѣдатель его Яковкинъ, болѣе прочихъ конечно знакомый со всѣми мѣропріятіями и распоряженіями начальства за годы съ основанія университета, всегда въ своихъ бумагахъ и заявленіяхъ ссылавшійся на всевозможные законы, со времени открытія университета и утвержденія ректора и выборныхъ должностныхъ лицъ по университету, совершенно стушевывается. Недовольный новымъ положеніемъ вещей, огорченный непріязненнымъ отношеніемъ къ нему попечителя, видя вокругъ себя торжествую-

щихъ враговъ, онъ перестаетъ даже ходить въ засѣданія совѣта и не принимаетъ никакого участія въ университетскихъ дѣлахъ. Ограждая свою самостоятельность и независимость отъ университетскаго совѣта уставомъ гимназіи 1798 года, Яковкинъ, какъ предсѣдатель совѣта гимназіи и ея директоръ, нѣкоторымъ образомъ старается даже нанести ущербъ университету. Въ январѣ 1815 года онъ входитъ въ правленіе университета съ требованіемъ возвратить въ гимназію натуральный кабинетъ, состоящій изъ 128 банокъ съ животными, и библіотеку князя Потемкина-Таврическаго, что все по повелѣнію императора Павла передано было въ собственность гимназіи при ея возрожденіи и преобразованіи въ 1798 году. Собранія эти самъ Яковкинъ передавалъ университету при его основаніи. Совѣтъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи музея натуральной исторіи при университетѣ, „гдѣ отъ онаго больше пользы ожидать можно при преподаваніи лекцій, нежели въ гимназіи. Что же касается до библіотеки, то совѣтъ, въ отвѣтѣ своемъ гимназіи, сослался на предписаніе министра отъ 29 августа 1812 года, № 729, въ которомъ говорилось: „отдѣленныя изъ библіотеки казанской гимназіи по распоряженію бывшаго попечителя для составленія университетской библіотеки книги— считать принадлежащими университету“. Кажется, что Яковкинъ или забылъ самъ объ этомъ предписаніи, или думалъ, что другіе забыли о немъ Теперь и музей натуральной исторіи, согласно предписанію министра, присоединенъ былъ *вовсе* къ университетскому кабинету (1) Благодаря тому, что Яковкинъ со времени назначенія попечителемъ Салтыкова потерялъ свое вліяніе и не пользовался расположеніемъ власти, непосредственно подчиненные ему учители, члены гимназическаго совѣта, стали гораздо самостоятельнѣе и старались эманципироваться отъ директора. Выше (стр 437—438) мы привели ихъ жалобу на его грубый тонъ, при разборѣ университетскимъ правленіемъ въ 1818 году дѣла объ ученикѣ гимназіи Ивановѣ, привезенномъ въ нее съ выбитымъ глазомъ. Противодѣйствіе Яковкину учителей началось еще раньше. Въ декабрѣ 1815 года комитетъ, составленный изъ профессоровъ Бартельса, Цеплина и Солнцева, разсматривалъ представленное при рапортѣ инспектора гимназіи распредѣленіе зимнихъ экзаменовъ, исправленное директоромъ послѣ того, какъ оно было

(1) Протоколы Совѣта 1815 г, стр 46, 196.

составлено всѣми преподавателями. Послѣдніе остались недовольны замѣчаніями и измѣненіями, сдѣланными Яковкинымъ. „Нужно ли уже собираться для совѣщанія о пользѣ ученыхъ предметовъ“, писали они въ своей жалобѣ, „когда директоръ самъ собою имѣетъ власть и право предупреждать таковыя совѣщанія, давать рѣшительныя опредѣленія мѣсту, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, вводить новыя и перемѣнять прежнія учрежденія по учебной части“ и т. д. Члены гимназическаго совѣта просятъ представить этотъ вопросъ или ихъ недоумѣніе на разрѣшеніе власти. Комитетъ находитъ съ своей стороны такое представленіе ненужнымъ, потому что собираться для совѣщаній по учебнымъ вопросамъ члены имѣютъ не только право, но и обязанность; это ясно опредѣлено законами: размѣръ власти директора также ясно обозначенъ какъ уставомъ гимназіи, такъ и другими узаконеніями. Замѣчанія директора Яковкина комитетъ изъ профессоровъ находитъ правильными и согласными съ пользою учащихся; они только *несогласны съ узаконеніями по своей внѣшней формѣ* Комитетъ такимъ образомъ поддержалъ уже разшатанный авторитетъ директора. По словамъ его члены совѣта гимназіи, назвавъ замѣчанія директора „безполезными“, „устранились отъ границъ ихъ обязанностей“, что же касается до директора, то комитетъ нашелъ, что онъ долженъ былъ писать свои замѣчанія *особо на бумагѣ* или въ видѣ мнѣнія или предложенія, а не на оборотѣ поданнаго ему инспекторомъ росписанія. Совѣтъ опредѣлилъ: предписать членамъ гимназическаго совѣта, чтобы они были въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе, внушить имъ, чтобъ они не наносили другъ другу неудовольствій, директору же Яковкину предписать, чтобъ онъ въ подобныхъ случаяхъ руководствовался „не только внутреннею, но и внѣшнею формою, въ законахъ изложенною“. Такимъ образомъ самъ совѣтъ университета сталъ поддерживать поколебленный авторитетъ Яковкина ([1]).

Положеніе казанской гимназіи послѣ реформъ по народному образованію въ началѣ царствованія императора Александра, съ ея особыми правами и преимуществами и почти независимой отъ университета, представляло теперь странную аномалію. Въ Казани необходима была такая гимназія, кото-

---

([1]) Протоколы Совѣта 1815 года, стр. 118б, 119а.

рая бы была приготовленіемъ къ университету, между тѣмъ, какъ мы говорили уже, съ преобразованіемъ существующей почему-то медлили, да и сама она постепенно приходила въ упадокъ. Это сталъ сознавать и самъ министръ, теперь уже новый, князь Голицынъ, заступившій мѣсто графа Разумовскаго. Долго строившаяся съ большими архитектоническими затѣями Яковкинымъ, она только одинъ годъ исполняла свое назначеніе (съ августа 1811 года по августъ 1812 года, когда на два года, вслѣдствіе нашествія Наполеона, ея помѣщеніе заняли два московскіе для дѣвицъ института). Послѣ возвращенія ихъ въ Москву, гимназія перешла снова въ свое помѣщеніе, но не надолго; въ пожаръ 3 сентября 1815 года она сгорѣла и съ тѣхъ поръ уже никакъ не могла отстроиться надлежащимъ образомъ, не смотря на значительныя отпускаемыя на то суммы Гимназія, съ своимъ пансіономъ и со всѣми служащими при немъ, и съ хозяйствомъ, со времени пожара помѣщалась въ домахъ университета, сильно стѣсняя его. Совѣтъ университета въ засѣданіи своемъ 25 октября 1818 года выслушалъ слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 8 октября, № 2359:

«Университетское правленіе представило объ отпускѣ на содержаніе казанской гимназіи на текущій 1818 годъ «къ положенной на оную по штату суммѣ, еще 18000 рублей Между тѣмъ и отъ директора гимназіи коллежскаго совѣтника Яковкина получено увѣдомленіе, что *гимназія сія находится въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи*, и что на отстройку оной еще въ іюнѣ мѣсяцѣ назначено 30,000 рублей, но понынѣ къ удовлетворенію сей надобности ничего не сдѣлано и гимназія должна отъ сего претерпѣвать стѣсненіе и неудобства Еще въ 1814 году предписано было попечителю составить новое положеніе и новый штатъ И хотя таковое положеніе имъ было и представлено, но онъ *составилъ оное сообразно Царскосельскому лицею* и предполагалъ, дабы окончательные (вѣроятно послѣдніе) курсы преподаваемы были чиновниками университета, да и вообще расположеніе онаго несоотвѣтственно цѣли, то бывшій министръ просвѣщенія предлагалъ попечителю передѣлать оное. при чемъ изъяснилъ ему на какомъ основаніи, по мнѣнію его, должна быть учреждена сія гимназія Въ прошломъ 1817 году, когда отпущено было для гимназіи, сверхъ опредѣленной по штату суммы, еще десять тысячъ рублей, главное правленіе училищъ поручило попечителю войти въ ближайшее изслѣдованіе и разсмотрѣніе дѣла и донести, въ разсужденіи содержанія на будущее время гимназіи, какъ равно и о томъ: нужна ли она на томъ обширномъ основаніи, на какомъ теперь находится, при существованіи университета и еще особо предположенной губернской гимназіи, мѣсто которой занимаетъ нынѣ главное народное училище, *но на всѣ сіи предписанія отъ попечителя не было получено досель никакого донесенія*». Далѣе говорится, что въ дѣлахъ попечителя (по выходѣ его въ отставку) былъ отысканъ новый уставъ для гимназій, составленный совѣтомъ ея въ 1818 году, но совѣтъ этотъ находилъ оклады въ новомъ штатѣ положенные недостаточными Директоръ Яковкинъ, съ своей

стороны, представить на новый уставъ пространныя замѣчанія, но совѣтъ не обратилъ на нихъ вниманія, не сдѣлалъ ни объясненій, ни возраженій. Вотъ почему новое положеніе и не могло быть представлено попечителемъ къ утвержденію. Министръ, вслѣдствіе всего этого, предлагалъ совѣту университета: «доставить вопервыхъ обстоятельное свѣдѣніе о нынѣшнемъ состояніи казанской гимназіи относительно содержанія оной, представивъ вѣдомость всѣхъ суммъ, подлежащихъ къ расходу и какія нужны къ нимъ дополненія. За симъ имѣетъ университетъ обратить все свое вниманіе на сіе *заведеніе, состоящее въ такомъ упадкѣ, какъ директоръ оной изъясняетъ*, и представить мнѣ: почему допущено было оное до таковыхъ недостатковъ и не принято надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію столь накопившихся требованій, отчего всѣ оныя произошли, и не было ли при семъ и отъ кого именно, каковыхъ упущеній. Таковое донесеніе предлагаю университету доставить немедленно безъ всякаго потерянія времени и *тотчасъ, превратительно же употребить возможныя средства къ потребному упущенію*, а между тѣмъ заняться составленіемъ новаго положенія и штата для гимназіи, которые представить не позже какъ въ концѣ текущаго года: при этомъ принять въ соображеніе, что *губернская гимназія существовать уже не должна* (такимъ образомъ самъ министръ какъ бы стоялъ за прежній типъ гимназіи). Далѣе министръ входитъ въ различныя подробности положенія и заключаетъ свое предписаніе слѣдующею тирадою: «При семъ случаѣ нахожу нужнымъ замѣтить, что *университетъ вообще оказывается во многихъ случаяхъ и по другимъ дѣламъ неисправнымъ и мало радящимъ объ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей*». Медленность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, упущеніе и несвойственное и безпорядочное употребленіе разнородныхъ суммъ на предметы не относящіеся до того (?) и истощеніе чрезъ то всѣхъ средствъ къ содержанію, суть видимыя всего того послѣдствія. По сему, поставляя все сіе на видъ, нахожусь въ необходимости требовать, дабы отнынѣ обращаемо было лучшее вниманіе на пользу службы и благо университета и подвѣдомыхъ ему заведеній; въ противномъ случаѣ принужденъ буду приступить къ мѣрамъ строгости противъ виновныхъ, хотя сего желалъ бы избѣгнуть и имѣть напротивъ всегда причины къ изъявленію признательности и удовольствія за усердіе къ службѣ и исправность[1]».

Предложеніе министра по своему тону было какъ бы провозвѣстникомъ близящейся ревизіи университета. Совѣтъ немедленно опредѣлилъ поручить составленіе новаго положенія для гимназіи, собравъ для того всѣ нужныя свѣдѣнія, профессорамъ: Яковкину, Солнцеву и Срезневскому, и все это исполнить немедленно. Подымался вопросъ о томъ: долженъ ли быть членомъ этого комитета Яковкинъ, но рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Комитетъ немедленно взялся за порученное ему дѣло. Педагогическихъ собственно вопросовъ онъ не касался и обратилъ все свое вниманіе на внѣшнее состояніе

---

[1]) Дѣло о доставленіи свѣдѣній, почему казанская гимназія пришла въ крайнее разстройство и упадокъ, почему университетъ не исполняетъ въ скорости предписаній начальства и о составленіи новаго положенія для казанской гимназіи и о донесеніи: не состоитъ ли кто виновенъ въ упущеніи относительно гимназіи и о прочемъ. *Сов.* 1818 г., № 107.

гимназіи и на положительный недостатокъ средствъ къ ея лучшему устройству. Оказалось, что причиною печальнаго положенія гимназіи былъ пожаръ 1815 года. До него она находилась въ цвѣтущемъ состояніи; у ней была значительная экономическая сумма. Теперь большая часть этой суммы пошла на поправку сгорѣвшихъ домовъ, и этотъ вѣрный источникъ для удовлетворенія встрѣчающихся нуждъ гимназіи изсякъ. Бывшій попечитель Салтыковъ распорядился тогда составленіемъ новаго устава и штата, которые и написаны были на языкѣ латинскомъ (вѣроятно для иностранныхъ профессоровъ). Потомъ перевели ихъ по русски и прошло не мало времени, пока стали ихъ разсматривать въ университетскомъ совѣтѣ. Разсматривались при этомъ также и замѣчанія, представленныя директоромъ, инспекторомъ и главнымъ надзирателемъ. Затѣмъ опредѣлено было все дѣло препроводить для разсмотрѣнія и соображеній во всѣ отдѣленія или факультеты, но изъ перваго же, именно нравственно-политическихъ наукъ, оно было взято къ попечителю, и дальше не имѣло движенія. Такимъ образомъ этою медленностью въ веденіи дѣла тормозился вопросъ объ улучшеніи положенія гимназіи. Самъ совѣтъ гимназіи, опасаясь подпасть отвѣтственности, вошелъ въ февралѣ того же 1818 года въ совѣтъ университета съ представленіемъ объ обращеніи вниманія на печальное состояніе гимназіи. Совѣтъ университета призналъ причины такого состоянія, указанныя совѣтомъ гимназіи, вполнѣ основательными и съ своей стороны, представляя о томъ попечителю, указалъ, что и его крайне затрудняетъ и стѣсняетъ помѣщеніе гимназіи въ его зданіяхъ и просилъ о необходимо нужныхъ распоряженіяхъ, но на свое представленіе не получилъ никакого отвѣта. Не дѣйствовало ли въ этомъ случаѣ на Салтыкова приведенное уже нами распоряженіе министра, что нельзя думать объ отпускѣ какихъ-либо новыхъ суммъ, а слѣдуетъ ограничиваться лишь „починкою ветхостей“? Гимназія вотъ уже четвертый годъ (1818) со времени пожара помѣщена была въ университетскомъ зданіи такъ тѣсно, что классы находились въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ были и спальни учениковъ. Это было замѣчено и в. кн. Михаиломъ Павловичемъ, посѣтившимъ Казань въ 1817 году. Яковкинъ свидѣтельствуетъ въ своемъ представленіи, что гимназія не могла иначе и дѣйствовать, какъ только представлять начальству о нуждахъ ея настоящаго положенія, но начальство-то

и бездѣйствовало. Въ заключеніе приводятся разсчеты о вздорожаніи въ четыре раза цѣнъ на всѣ продукты въ Казани съ 1798 года, когда былъ утвержденъ уставъ гимназіи.

Не станемъ входить въ разсмотрѣніе всей дѣятельности комитета, собравшаго всевозможныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи гимназіи и, главное, о финансовой сторонѣ вопроса, объ употребленіи отпущенныхъ на гимназію въ разное время послѣ пожара суммъ Членовъ, безсмѣннаго засѣдателя Никольскаго, секретарей совѣта и правленія никакъ нельзя упрекнуть въ бездѣятельности Уже 4 ноября, то есть черезъ полторы недѣли по полученіи строгаго предписанія министра отъ 8 октября, совѣтъ представилъ ему и объясненіе Яковкина и объясненіе университетскаго правленія объ употребленіи 30 т. рублей, отпущенныхъ на гимназію и множество различныхъ счетовъ и вѣдомостей Между тѣмъ министръ торопилъ этимъ дѣломъ. По всей вѣроятности, не получивъ еще перваго донесенія, онъ снова предписывалъ совѣту *о скорѣйшемъ исполненіи предписанія его* отъ 8 октября, а по полученіи помянутаго представленія совѣта, остался имъ недоволенъ:

«Главное правленіе училищъ», писалъ министръ народнаго просвѣщенія 27 ноября, № 2775, «находитъ представленіе совѣта отъ 4 ноября вовсе неудовлетворяющимъ требованіямъ Его сіятельства отъ 8 октября изъясненнымъ; ибо *оно, равно какъ и вообще представленія Казанскаго университета по счетнымъ и денежнымъ дѣламъ, весьма неосновательно, недостаточно, запутанно и показываетъ несоблюденіе должнаго порядка въ веденіи счетовъ* Вслѣдствіе того, согласно заключенію главнаго правленія училищъ, Его сіятельство подтверждаетъ университету снова, дабы оный привелъ въ настоящую ясность все то, что требовалось предписаніемъ отъ 8 октября сего года, не довольствуясь токмо однимъ словеснымъ описаніемъ (?) обстоятельствъ, но точнымъ на самомъ дѣлѣ показаніемъ нынѣшняго дѣйствительнаго состоянія гимназіи» Указывая далѣе свои требованія въ шести пунктахъ, министръ очевидно требуетъ подробностей: «все то, что въ отношеніи къ симъ вопросамъ слѣдуетъ быть объяснено о суммахъ и о лицахъ къ гимназіи принадлежащихъ, должно быть представлено *не въ сношномъ описаніи*, но въ вѣдомостяхъ, надлежаще ясно составленныхъ, не смѣшивая однѣхъ суммъ и однихъ предметовъ съ другими». Далѣе бумага министра указываетъ на извѣстныя азбучныя требованія финансовой отчетности, которыя были однако не въ домекъ членамъ тогдашняго совѣта

Далѣе въ совѣтѣ университета читанъ былъ уставъ казанской гимназіи, вновь составленный директоромъ ея Яковкинымъ, дѣлаемы были на него замѣчанія разными членами относительно неудобствъ въ нѣкоторыхъ частяхъ его, и затѣмъ онъ былъ препровожденъ „для учиненія въ немъ надлежащихъ и полезныхъ перемѣнъ“ къ профессорамъ Солнцеву, Никольскому

скому и Срезневскому. Уставъ этотъ заключалъ въ себѣ 120 §§; также подробно составлены были и штаты для гимназіи. Въ передѣланномъ профессорами и исправленномъ ими уставѣ заключалось уже 127 §§. На проектъ этотъ представлены были мнѣнія еще нѣкоторыми профессорами. Такъ тогдашній инспекторъ гимназіи Кондыревъ указывалъ на то, что составители устава, очевидно имѣвшіе, хотя и невполнѣ сознательно, цѣль образовать изъ гимназіи приготовительное для университета заведеніе, не имѣли права отнимать отъ гимназіи названіе „Императорской", данное ей ея основателемъ. Онъ стоялъ на томъ, чтобъ остались по прежнему и инспекторъ, какъ наблюдатель за успѣхами въ ученіи, и главный надзиратель, слѣдящій за поведеніемъ, считалъ необходимымъ сохранить въ гимназіи преподаваніе артиллеріи и фортификаціи на томъ основаніи, что „Казань отъ С.-Петербурга въ дальнемъ разстояніи и не всѣ могутъ поступать въ кадетскій корпусъ", и т. п. Любопытно мнѣніе профессора математики Бартельса, преподававшаго тогда въ гимназіи свой предметъ съ годовымъ окладомъ жалованья въ 1100 р, писанное по французски. Бартельсъ является въ своемъ мнѣніи противникомъ составителей устава и какихъ-либо измѣненій „Нашъ министръ, предлагая намъ составить новое положеніе для казанской гимназіи", пишетъ онъ, „имѣлъ, какъ кажется, двѣ цѣли. 1) уменьшеніе расходовъ и 2) если возможно, улучшеніе преподаванія". Разсматривая проектъ новаго устава съ этихъ двухъ исходныхъ точекъ зрѣнія, Бартельсъ и является недовольнымъ имъ Сумма, назначенная на годовое содержаніе гимназіи, составляетъ 37 т. р. „Въ теченіе двухъ лѣтъ, вслѣдствіе постоянно возрастающей дороговизны, получился дефицитъ въ 18 т. р Прибавляя половину этой суммы къ назначенной по штату, мы получимъ 46 т. рублей, именно ту сумму, которой достаточно будетъ на годовое содержаніе гимназіи. А по проекту новаго устава требуется сумма въ 54800 рублей, слѣдовательно на 8800 рублей больше, чѣмъ заключалось въ прежнемъ проектѣ.—Что касается до учебной части гимназіи, то, по словамъ Бартельса, многаго нужно въ этомъ отношеніи пожелать ей. „Но у какого учебнаго заведенія нѣтъ своихъ недостатковъ, и въ особенности у такого, какъ казанская гимназія, гдѣ преподается такъ много самыхъ разнообразныхъ предметовъ изъ различныхъ потребностей воспитанниковъ". Новый уставъ не устраняетъ этихъ невыгодныхъ условій.

Здѣсь такое же разнообразіе предметовъ преподаванія, какое существовало и прежде. Для чего же вводить въ гимназію новое положеніе, польза котораго ничѣмъ не доказана? Бартельсъ не желаетъ никакихъ измѣненій: онъ увѣренъ, что гимназія и въ прежнемъ видѣ своемъ была полезна, и указываетъ на многихъ сочленовъ своихъ въ университетскомъ совѣтѣ, которые кончили съ успѣхомъ въ ней курсъ. Онъ желаетъ только необходимаго увеличенія штатной суммы на ея содержаніе и опредѣленіе ближайшаго отношенія гимназіи къ университету. „Я такого мнѣнія", говоритъ въ заключеніе Бартельсъ, „что совѣтъ гораздо лучше поступитъ, если откровенно сознается Его сіятельству г. министру „что онъ не можетъ представить ему такого новаго положенія для гимназіи, которое, сокращая расходы на нее, давало бы такіе результаты, какъ теперь".

Совѣтъ университета 16 декабря 1816 года, № 1147, представилъ министру народнаго просвѣщенія проектъ новаго устава гимназіи со всѣми сдѣланными на него замѣчаніями и съ отдѣльными мнѣніями профессоровъ Кондырева и Бартельса—на благоусмотрѣніе и утвержденіе, присовокупивъ съ своей стороны ходатайство о томъ, чтобы азіатская типографія, поступившая въ вѣдомство казанской гимназіи по указу правительствующаго сената 18 сентября 1800 года, согласно просьбѣ татаръ казанской, оренбургской и другихъ губерній о „снабдѣніи ихъ книгами магометанскаго исповѣданія, коими они нуждаются и покупаютъ дорогою цѣною" (доходы съ типографіи получала гимназія) отнынѣ и навсегда была исключена изъ подъ вѣдомства гимназіи и сдана университету въ непосредственное его завѣдываніе.

На представленіе это не послѣдовало однако никакого отвѣта изъ Петербурга, потому вѣроятно, что тамъ была уже рѣшена необходимость ревизіи Магницкаго и будущему попечителю предоставлено было озаботиться и возстановленіемъ приведенной въ упадокъ казанской гимназіи, и ея преобразованіемъ, которое становилось крайне необходимымъ. Въ предложеніи министра отъ 13 февраля 1819 года, № 549 сообщается о порученіи, данномъ Магницкому произвести ревизію и предлагается университету „остановиться всѣми представленіями къ Его сіятельству по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему училищъ кромѣ самонужнѣйшихъ, по прибытіи же въ Казань г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Магницкаго, представлять Его превосходительству

на разрѣшеніе, какъ по уставу положено дѣлать представленія попечителю округа". Такимъ образомъ совѣтъ, исполняя предписаніе министра народнаго просвѣщенія о составленіи новаго устава для казанской гимназіи и дѣлая подробное изслѣдованіе тѣхъ причинъ, которыя привели ее въ упадокъ, работалъ совершенно безполезно въ теченіе года. Магницкій засталъ гимназію въ недостроенномъ видѣ, и въ теченіе своей весьма непродолжительной ревизіи конечно не могъ самъ познакомиться съ положеніемъ гимназіи, узнать причины ея упадка послѣ тѣхъ блестящихъ представленій о ней, какія существовали во время попечительства Румовскаго, на основаніи донесеній Яковкина. Ревизоръ долженъ былъ положиться на мнѣніе другаго лица, которому онъ сталъ съ перваго знакомства съ нимъ особенно довѣрять. Это былъ тогдашній безсмѣнный засѣдатель правленія и профессоръ математики Никольскій. „Совершенное разстройство сего заведенія во всѣхъ его частяхъ не буду излагать нынѣ совѣту", писалъ въ своемъ предложеніи Магницкій (16 марта, 1819 года № 2), „ибо профессоръ Яковкинъ подалъ мнѣ просьбу объ исходатайствованіи ему увольненія отъ службы и объ освобожденіи его нынѣ, по причинѣ болѣзни, отъ управленія сею гимназіею. Профессоръ Никольскій *недавно обнаружившій всѣ неустройства хозяйственнаго управленія гимназіи* (въ качествѣ члена вышеупомянутой коммиссіи для изслѣдованія причинъ разстройства гимназіи и для составленія новаго для нея устава, Никольскій, какъ безсмѣнный засѣдатель правленія, дѣйствительно много работалъ надъ изученіемъ хозяйственнаго управленія гимназіи, но то, что онъ представилъ коммиссіи, не заключало въ себѣ прямыхъ обвиненій Яковкина), представленъ нынѣ мною къ принятію должности г. Яковкина *до преобразованія самой гимназіи, которая въ настоящемъ положеніи оставаться не можетъ* (жалованье директора Никольскій сталъ уже получать съ 19 марта). Преобразованіе это тѣмъ болѣе казалось необходимымъ ревизору не столько потому, чтобъ гимназія дѣйствительно приготовляла къ университету, сколько потому, что въ это время въ главномъ правленіи училищъ составлялось уже *росписаніе учебныхъ предметовъ* для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, согласно новому духу времени и новому направленію, которое усилилось со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына. Главнымъ участникомъ въ составленіи этого рос-

писанія, гдѣ изгонялись одни предметы, другіе же вводились не на основаніи какихъ-либо педагогическихъ соображеній, а въ угоду направленія внутренней политики, которое начинало тогда господствовать, былъ именно Магницкій. Онъ совершенно справедливо былъ убѣжденъ, что то новое вино, частью заграничнаго, частью домашняго производства, которое онъ долженъ былъ теперь приготовлять въ Казани, не слѣдуетъ вливать въ старые мѣха. „Такъ какъ виновность всей конторы гимназической и особенно экономa“, писалъ онъ, „могла бы препятствовать г. Никольскому дѣйствовать на возстановленіе порядка сими самыми лицами потерянаго, то предлагаю въ тоже время замѣнить экономa г. Псаломщикова и главнаго надзирателя г. Петрова другими, надежнѣйшими“. Указывая на нѣкоторые, совершенно лишніе расходы, истощающіе отпускаемую на содержаніе гимназіи сумму, Магницкій дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о томъ, какъ велась отстройка гимназическаго дома послѣ пожара 1815 года. Замѣчанія эти вытекали не изъ личныхъ наблюденій ревизора, а сообщены были ему Никольскимъ, извѣстнымъ намъ потомъ за отличнаго строителя многихъ университетскихъ зданій, и теперь благополучно существующихъ. „Смерть архитектора Мари“, писалъ онъ въ своемъ упомянутомъ выше предложеніи совѣту, „подаетъ благовидный поводъ къ пріостановленію перестройки гимназическаго дома и подробнѣйшему разсмотрѣнію подряда на оную сдѣланнаго. При поверхностномъ обозрѣніи сего зданія представились слѣдующія замѣчанія: а) въ новой пристройкѣ онаго оставшіеся своды ненадежны; по неопытности строителя сдѣланы они слишкомъ плоски и безъ нужнаго разстоянія; упадшій изъ нихъ сіе доказываетъ; б) стѣны ведены не вездѣ по отвѣсу; в) надъ заломъ настланъ накатъ слишкомъ тонкій и подтяжки балокъ сего наката прикрѣплены къ ненадежнымъ откоснымъ бревнамъ; г) откосныя угловыя стропилы утверждены не такъ какъ должно; д) въ крышѣ примѣчены скважины и течь“. Вслѣдствіе всего этого Магницкій предложилъ совѣту нарядить немедленно особую коммиссію, которая, осмотрѣвъ зданіе, предохранила бы казну отъ лишнихъ издержекъ. Учебная и нравственная части гимназіи найдены были ревизоромъ также вообще въ неудовлетворительномъ положеніи, но въ подробности онъ не вдается, высказывая только надежду, что новый директоръ приведетъ

все въ надлежащій порядокъ (1). Что касается до прежняго директора Яковкина, вынужденнаго подать въ отставку, не дожидаясь результатовъ ревизіи, а въ виду явнаго неблаговоленія, выказаннаго ему Магницкимъ, то онъ оставался еще нѣкоторое время профессоромъ, когда вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами университета былъ не только *удаленъ* изъ службы, но и лишенъ пенсіи. Но о дальнѣйшей судьбѣ его и литературной дѣятельности, насколько онѣ намъ извѣстны, мы можемъ быть разскажемъ въ своемъ мѣстѣ, если намъ придется говорить о Казанскомъ университетѣ при Магницкомъ.

Одною и, какъ намъ кажется, важнѣйшею прерогативою самоуправляющагося университета, является право, въ теченіе многихъ вѣковъ ничѣмъ не нарушаемое въ нѣмецкихъ университетахъ, которые послужили образцами для нашихъ, наполнять пустующія каѳедры по собственному выбору. Мы понимаемъ университетскую корпорацію, какъ нѣчто цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, однимъ направленіемъ, и этотъ интересъ цѣлаго предполагаетъ со стороны этой корпораціи естественное желаніе сохранить цѣлостность своего характера и одинаковость убѣжденій выборомъ на вакантную каѳедру лицъ, подходящихъ подъ господствующій и уже укрѣпившійся строй. Никакихъ политическихъ партій въ европейскомъ смыслѣ, судя строго и какъ бы мы внимательно ни наблюдали, не было въ нашихъ университетахъ, какъ не существуетъ ихъ въ обществѣ. Бывали профессора отставшіе отъ науки, обремененные семействомъ, преслѣдующіе такъ сказать династическіе интересы, что выражалось иногда въ желаніи пристроить къ какому-либо университетскому мѣстечку „роднаго человѣчка“ (давно замѣченная русская общественная черта), сами желавшіе получить какую-либо должность административную сверхъ профессорской, или усиленно хлопотавшіе о своемъ на лишній срокъ выборѣ въ то время, когда онъ зависѣлъ отъ корпораціи, и съ этою цѣлью подбиравшіе *партію* Источникъ дѣятельности такой партіи былъ эгоизмъ, собственная выгода.

---

(1) Дѣло о безпорядкахъ по университету и казанской гимназіи, найденныхъ г. ревизоромъ д. с. с Магницкимъ, объ увольненіи и удаленіи нѣкоторыхъ чиновниковъ университета и гимназіи. Сов. 1819 г., № 71.

Рядомъ были болѣе молодые, болѣе свѣжіе профессора, для которыхъ наука являлась дорогою какъ наука, а не какъ средство для полученія профессорскаго жалованья и соединенныхъ съ званіемъ преимуществъ, чуждавшіеся личныхъ интересовъ и ставившіе выше ихъ достоинство университета и успѣхъ науки. Понятно, что между тѣми и другими въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно при выборахъ въ должности или на каѳедру, должна была возникать борьба, должны были образовываться партіи, но что же было въ нихъ политическаго? Если и говорили, что въ университетѣ есть партіи съ политическимъ оттѣнкомъ, то такое увѣреніе единственнымъ основаніемъ имѣло инсинуацію, орудіе самое употребительное въ борьбѣ партій. Такъ и не въ однихъ университетахъ стоитъ дѣло: то же можно видѣть и въ обществѣ, и въ прессѣ Одна партія — это интересы личные, своекорыстные, другая - общіе интересы страны, ея развитіе. Правда, и та и другая прикрываются громкими фразами, увѣряя, что хлопочутъ о благѣ общемъ, но внимательный наблюдатель легко разгадаетъ тщету фразъ.

Главнымъ средствомъ для хорошаго выбора достойныхъ лицъ на вакантныя каѳедры въ университеты для корпораціи являются *испытанія на ученыя степени* (кандидата, магистра, доктора). Уставъ 1804 года опредѣлилъ (§§ 93—105) внѣшній порядокъ этихъ испытаній, но въ чемъ состояли научныя требованія для той или другой степени—это было неизвѣстно. До открытія университета производились, правда, нѣкоторыя лица въ степень магистра, напримѣръ Кондыревъ, В. Перевощиковъ и др., но безъ какого бы то ни было экзамена. Такъ перваго предлагаетъ совѣту попечитель Румовскій въ 1809 году удостоить степени магистра „для поощренія къ дальнѣйшимъ трудамъ“. Вслѣдствіе такого же предписанія степень магистра получилъ и Перевощиковъ (1). Теперь, когда университетъ былъ открытъ и всѣ функціи его стали дѣйствовать, экзамены на ученыя степени должны были происходить часто, тѣмъ болѣе, что полученіе каѳедры въ университетѣ обусловливалось уже ученою степенью, дававшею право, а не тѣмъ или другимъ воззрѣніемъ начальства. Такою степенью была докторская. Первымъ желавшимъ подвергнуться испытанію на степень доктора математическихъ наукъ былъ ма-

(1) См. нашей книги, ч. 1-я, стр. 495 и 510.

гистръ Симоновъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ астрономіи и ректоръ, подавшій о томъ просьбу въ совѣтъ университета 14 февраля 1814 года, еще до открытія университета. Дѣло было повидимому совершенно новое для университета, и совѣтъ поставленъ былъ въ затрудненіе. Опредѣлено было представить просьбу Симонова на разрѣшеніе попечителя. Совѣтъ спрашивалъ его: „1) во всѣхъ ли къ отдѣленію принадлежащихъ наукахъ проэкзаменовать просящихъ экзаменъ на докторское достоинство, или токмо именно въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ желаетъ получить сіе достоинство; 2) должны ли входить въ экзаменъ тѣ *приготовительныя науки*, которыя по утвержденному г. профессора Броннера плану признаны таковыми?“ Вопросы эти поставили конечно въ тупикъ попечителя, который зналъ о томъ гораздо меньше, чѣмъ спрашивающіе. Чтобы выйдти изъ затрудненія онъ предложилъ совѣту „въ непродолжительномъ времени отнестись къ Московскому университету, неоднократно возводившему въ докторскія достоинства разныхъ отдѣленій, съ испрашиваніемъ формы дипломовъ и испытанія для производства въ докторское достоинство“ (1). Совѣтъ, вслѣдствіе этого предложенія попечителя, и обратился въ Московскій университетъ за свѣдѣніями, но отъ него нескоро однако была прислано увѣдомленіе. Въ своемъ отношеніи, полученномъ въ Казани чрезъ два мѣсяца, ректоръ Двигубскій благодаритъ отъ лица Московскаго университета Казанскій за честь ему сдѣланную вопросомъ, посылаетъ формы дипломовъ и извѣщаетъ касательно экзаменовъ на высшія ученыя степени, что и „здѣшній университетъ, въ разсужденіи производства оныхъ, взошелъ теперь съ представленіемъ къ высшему начальству, какое же послѣдуетъ разрѣшеніе о томъ, не преминетъ увѣдомить Казанскій университетъ“. Еще не было получено это отношеніе Московскаго университета, какъ письмоводитель попечителя Х. Герке подалъ въ совѣтъ прошеніе о проэкзаменованіи его въ силу устава на степень доктора по отдѣленію словесныхъ наукъ. Совѣтъ, имѣя въ виду приведенное выше предложеніе попечителя, по большинству голосовъ, опредѣлилъ ожидать

(1) Протоколы Совѣта, 1814 года, стр. 31 б—Дѣло по прошеніямъ магистра физико-математическихъ наукъ Симонова и друг. о учиненіи экзамена на докторскую степень, и о порядкѣ при предстоящихъ диспутахъ въ производствѣ въ магистры и доктора наблюдаемомъ. *Сов.* 1814 г., № 31.

отвѣта Московскаго университета (¹). Когда это постановленіе сдѣлалось извѣстнымъ попечителю, онъ принялъ сторону меньшинства и въ своемъ новомъ предложеніи совѣту говорилъ, что касательно отношенія въ Московскій университетъ онъ имѣлъ въ виду „болѣе науки приготовительныя и вспомогательныя". Поэтому, кажется ему теперь, откладывать испытаніе Герке не слѣдуетъ, а такъ какъ „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ университета" (т. е. по его открытіи), согласно уставу, дѣло производства испытаній принадлежитъ факультету, то и слѣдуетъ препроводить безъ отлагательства прошеніе Герке въ отдѣленіе словесныхъ наукъ. Салтыковъ при этомъ случаѣ рекомендуетъ руководствоваться при испытаніи знакомымъ намъ уже планомъ Броннера.

Какъ и въ чемъ происходилъ экзаменъ въ словесномъ отдѣленіи Герке, ищущаго докторской степени и желавшаго испытанія особенно *въ краснорѣчіи, стихотворствѣ и языкѣ россійскомъ*, и сверхъ того *въ словесности новѣйшихъ языковъ*, именно англійскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и французскаго — изъ дѣла не видно. Экзаменъ этотъ, какъ видно изъ донесенія факультета, согласно § 97 устава, былъ только по словамъ этого § *предварительнымъ искусомъ*; онъ производился деканомъ и приглашенными имъ двумя профессорами вспомогательныхъ наукъ. Этотъ искусъ былъ выдержанъ Герке удовлетворительно, и отдѣленіе, на основаніи того же § 97 устава, просило совѣтъ о назначеніи для *публичнаго испытанія* двухъ депутатовъ. Депутатами этими со стороны совѣта были избраны профессора Лубкинъ и Литтровъ. Въ ихъ присутствіи происходило новое засѣданіе словеснаго отдѣленія по дѣлу объ испытаніи Герке, причемъ подняты были разные вопросы о требованіяхъ, какія слѣдуетъ предъявлять изъ главныхъ и побочныхъ предметовъ ищущимъ степени доктора по различнымъ наукамъ преподаваемымъ въ отдѣленіи: 1) краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго; 2) латинской словесности; 3) восточныхъ языковъ; 4) греческой словесности и 5) историческихъ наукъ. Одобренъ былъ порядокъ испытанія на основаніи § 98 устава и возникли споры о томъ, на какомъ языкѣ производить испытаніе. Большинствомъ голосовъ опредѣлено было: въ словесности россійской и россійской исторіи, географіи и статистикѣ употреблять языкъ латинскій или

(¹) Протоколы Совѣта 1814 г, стр 69а.

россійскій, въ прочихъ же наукахъ дозволяется употреблять одинъ только латинскій. Всѣ эти вопросы были представлены отдѣленіемъ на разрѣшеніе совѣта, а потому экзаменъ Герке былъ отложенъ до этого разрѣшенія.

Съ своей стороны совѣтъ нескоро приступилъ къ обсужденію вопросовъ, поднятыхъ отдѣленіемъ словесныхъ наукъ и представленныхъ имъ на разсмотрѣніе совѣта. Въ засѣданіи 22 іюня, прежде разсмотрѣнія предположеній отдѣленія о докторскихъ степеняхъ по разнымъ наукамъ, опредѣлено было: дать выписки во всѣ факультеты, *исключая медицинскаго*, о томъ, чтобы они представили въ совѣтъ „формы производства экзаменовъ на высшія университетскія степени". Что касается экзамена Герке, то отдѣленію предоставлялось учинить ему докторскій экзаменъ сообразно § 98 устава. Много споровъ и отдѣльныхъ мнѣній возбудилъ вопросъ о языкѣ, на какомъ должно быть производимо испытаніе. Нѣмецкіе члены совѣта поддерживали въ этомъ вопросѣ опредѣленіе отдѣленія, но большинствомъ голосовъ рѣшено было: предоставить отдѣленіямъ сообразоваться съ § 103 устава. Въ немъ говорилось: „Слѣдуя общему правилу магистерскіе и докторскіе *диспуты* (а не все испытаніе, о которомъ шла рѣчь) должны происходить на латинскомъ языкѣ; но *отдѣленіе, по причинамъ до учености касающимся*, можетъ дозволить оные на россійскомъ, по прошенію испытуемаго".

Въ засѣданіи 21 октября (ст. 7) прежде всего ректоръ предложилъ на разсмотрѣніе совѣта „порядокъ при предстоящихъ диспутахъ и производствѣ въ доктора наблюдаемый". Эти два 1) ordo de disputationibus и 2) ordo de promotionibus, писанные по латыни, заключаютъ въ себѣ описаніе той внѣшней обстановки, которая должна быть наблюдаема при диспутахъ и промоціяхъ. Это удержавшіеся и безъ сомнѣнія въ то время еще сохранявшіеся въ нѣмецкихъ университетахъ отголоски того средневѣковаго декорума, который съ незапамятныхъ временъ окружалъ университетскую науку. Мольеръ въ своемъ „Le malade imaginaire", какъ извѣстно, осмѣялъ очень остроумно эту академическую помпу. Иное изъ нея сохранилось до настоящаго времени, но многое исчезло. Такъ напр. вышла изъ употребленія музыка, при звукахъ которой происходило провозглашеніе новаго доктора, представленіе его попечителю, ректору и членамъ совѣта (1). Вслѣдъ за симъ

(1) «Finita caerimonia sub strepitu fidium (какого-то струннаго инстру-

отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ представило въ совѣтъ мнѣнія своихъ членовъ относительно производства испытаній на высшія университетскія степени, и въ засѣданіи 21 октября постановлено было образовать коммиссію изъ ректора, четырехъ деканов и профессоровъ Броннера и Лубкина. Этой коммиссіи поручено было сдѣлать *общее положеніе о производствѣ экзаменовъ просящимъ высшія ученыя степени.* Коммиссія эта 1 февраля 1815 года, въ дополненіе къ тѣмъ §§ устава, въ которыхъ говорится о производствѣ экзаменовъ на ученыя степени, признала нужнымъ постановить еще слѣдующее:

1) «Согласно мнѣніямъ факультетовъ, науки къ одному отдѣленію причисленныя, но по своей особенности неимѣющія между собою необходимой связи, должны составлять (?) *подотделения факультетовъ;* такъ что имѣющіе преимущественныя по симъ наукамъ свѣдѣнія могутъ быть производимы въ университетскія степени, соразмѣрно своему знанію (?). Что согласно мнѣніямъ факультетовъ и изображено на прилагаемой при семъ таблицѣ, въ коей кромѣ главныхъ наукъ, означены и вспомогательныя Такимъ образомъ нравственно-политическій факультетъ раздѣленъ на четыре, физико-математическій на четыре, а словесный на пять отдѣленій

2) «Относительно сего въ нравственно-политическомъ отдѣленіи, противу мнѣнія его та сдѣлана отмѣна, что юридическія науки соединены съ политическими, но такъ, что для юриспрудента политическія науки составляютъ вспомогательныя, а для политика таковыми суть юридическія.

3) «Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ противу мнѣнія онаго почтено нужнымъ такую сдѣлать отмѣну, чтобы изъ восточной словесности тѣ только были экзаменованы, которые по сей собственно части ищутъ университетскихъ степеней, а прочіе, къ сему же отдѣленію принадлежащіе, чтобъ отъ того были изъяты; поелику восточная словесность съ другими къ сему отдѣленію принадлежащими науками связи не имѣетъ, и поелику несправедливо было бы требовать въ оной свѣдѣній отъ каждаго, кто словесностью занимается и по сей части хочетъ получить ученую степень

4) «При предварительномъ испытаніи, кромѣ надлежащихъ свѣдѣній въ общихъ предуготовительныхъ (sic) наукахъ, нужно особенно смотрѣть, чтобы экзаминующійся основательно зналъ *природный* (?) языкъ и достаточно былъ бы опытенъ въ правильномъ письменномъ израженіи своихъ мыслей, или могъ бы на ономъ сочинять по правиламъ реторики.

5) «*Вопросы* по жеребью выбираемые, словесные и письменные, *должны относиться только до главныхъ или коренныхъ наукъ испытуемаго,* вообще изо всѣхъ (?), а не изъ каждой порознь (?), по четыре для доктора и по два для магистра на основаніи § 98 устава (1)»

мента), Decanus cum promoto ex cathedra descendet (деканъ сидѣлъ на каѳедрѣ гораздо большаго размѣра, чѣмъ докторантъ), Curatori illustrissimo, Rectori magnifico et toti Senatui academico eum commendans» (§ 5).

(1) Такимъ образомъ требуется для доктора только двойное количество отвѣтовъ, сравнительно съ магистромъ, но нигдѣ не опредѣляется степень и характеръ знанія Тоже и въ уставѣ. Вообще составленныя коммиссіей правила страдаютъ большою неясностью.

Это мнѣніе коммиссіи не встрѣтило никакихъ противорѣчій со стороны членовъ совѣта, и въ засѣданіи 5 февраля 1815 года постановлено было представить правила на благоразсмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія. Въ представленіи этомъ, инициатива котораго шла отъ университета, а не отъ высшей власти, изложенъ весь ходъ этого дѣла, очевидно интересовавшаго членовъ университета и важнаго для нихъ въ научномъ отношеніи. Совѣтъ руководствовался желаніемъ, чтобъ „во всѣхъ отдѣленіяхъ производство сихъ дѣлъ имѣло ходъ однообразный и постоянный (исключено отдѣленіе медицинскихъ наукъ, руководствовавшееся докладомъ, 22 августа 1808 года высочайше утвержденнымъ). Прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ отъ министра, самое дѣло возбудило еще въ средѣ совѣта нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ. Такъ въ засѣданіи 25 сентября ректоръ предложилъ вопросъ: можно ли допускать до экзаменовъ на университетскія степени не имѣющихъ аттестатовъ о своихъ познаніяхъ? Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, на основаніи § 111 устава, по которому „студентъ по выслушаніи пріуготовительныхъ курсовъ“, можетъ требовать испытанія и *получить степень, какую заслужилъ своими успѣхами* (слѣдовательно прямо и доктора). Это постановленіе было утверждено попечителемъ. Въ томъ же засѣданіи ректоромъ было доложено о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся при производствѣ экзаменовъ на университетскія степени „въ разсужденіи тѣхъ, которые не обучавшись въ университетахъ, требуютъ испытанія на степень кандидата, магистра или доктора, не имѣя равно основательныхъ познаній въ каждой, къ отдѣленію принадлежащей наукѣ (мы увидимъ, что охотниковъ получать ученыя степени, нигдѣ не учившись, въ то время было много), какъ напримѣръ почетный смотритель училища (онъ же и предводитель дворянства чистопольскаго уѣзда) титулярный совѣтникъ Бужениновъ, который „не имѣя познанія латинскаго языка, требуетъ экзамена на степень кандидата словесныхъ наукъ“ (въ правилахъ, представленныхъ на утвержденіе министра, свѣдѣнія въ латинской словесности необходимо требуются). Это было донесено попечителю, но Салтыковъ, вѣроятно недовольный тѣмъ, что совѣтъ, минуя его, представилъ прямо министру составленныя имъ правила испытанія на ученыя степени, сдѣлалъ замѣчаніе, что совѣтъ, основываясь на этихъ правилахъ, поступаетъ неправильно по отно-

шенію къ Буженинову, такъ какъ въ правилахъ рѣчь идетъ о степеняхъ магистра и доктора, а не о кандидатской. Онъ предлагаетъ донести: отъ чего произошло такое разногласіе и доставить ему общія правила Почему-то попечитель видитъ, что коммиссія, составлявшая правила, „смѣшала высшія ученыя степени съ низшею“. Съ своей стороны онъ замѣчаетъ, что по §§ 95 и 98 устава слова „наука, предметъ, языкъ отдѣленія“ почитаются за одно“, и требуетъ „изъяснить ему полагаемое совѣтомъ соотношеніе § 22 отд. IV устава (въ немъ перечислены каѳедры словеснаго отдѣленія) съ испытаніемъ кандидатскимъ, равно и причину, для чего въ донесеніи упоминается о § 103, касающемся производства диспутовъ докторскихъ и магистерскихъ на латинскомъ языкѣ и исключая изъ сего и § 119, гдѣ говорится объ учебныхъ бесѣдахъ и упражненіи въ разговорахъ на латинскомъ языкѣ казенныхъ студентовъ, приготовляющихся къ ученой службѣ и какимъ образомъ примѣнено сіе къ кандидатскому испытанію постороннихъ особъ?“ Салтыковъ высказывалъ недовольство свое, находя неполноты въ донесеніяхъ совѣта, но въ настоящемъ случаѣ онъ очевидно неясно понималъ то, въ чемъ упрекалъ совѣтъ и нѣсколько путалъ, какъ это за частую случается съ властью, весьма достойною во многихъ отношеніяхъ, но желающею иногда настоять на своемъ авторитетѣ въ предметахъ, выходящихъ за предѣлы ея умственной компетенціи. Совѣтъ отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ:

1) «Въ своемъ донесеніи онъ имѣлъ въ виду правила о производствѣ испытаній для полученія университетскихъ степеней, а потому предполагаемое въ ст 1 и 2 раздробленіе факультетовъ на подраздѣленія относится также до кандидатовъ Ежели же въ ст. 3 только говорится о степени магистра и доктора, то сіе потому, что § 96 устава ясно показываетъ какъ поступить при производствѣ испытанія на степень кандидата

2) «Совѣтъ ссылается на ст 22 отд IV устава по той причинѣ, что изъ сей статьи видно какія науки въ отдѣленіи словесныхъ наукъ должны быть преподаваемы, а въ § 96 между прочимъ сказано относительно испытанія на степень кандидата: «деканъ предлагаетъ испытуемому задачи, касающіяся до наукъ къ отдѣленію принадлежащихъ.

3) «Что въ § 103 предписано о диспутахъ на латинскомъ языкѣ магистровъ и докторовъ, потому что кандидаты по § 96 вообще не обязаны къ диспутамъ, и что полагать должно, что ежели для полученія степени магистра требуется удобность свободно объясняться на латинскомъ языкѣ, то и для полученія кандидата нужны нѣкоторыя познанія онаго языка, тѣмъ болѣе, что познаніе латинскаго языка нужно даже для полученія званія студента, какъ явствуетъ изъ § 107 устава, въ сравненіи съ § 5 устава учебныхъ заведеній (гдѣ латинскій языкъ показанъ обязательнымъ предметомъ преподаванія) и что совѣтъ притомъ имѣлъ въ виду предписаніе его пр—ства г. попечителя отъ 9 января 1813 года, № 11, коимъ изъявляетъ

свое несогласіе на возведеніе студента Рыбушкина въ званіе кандидата «*потому что при испытаніи оказался слабымъ* въ философіи, математикѣ, физикѣ и *наипаче въ латинскомъ языкѣ, который каждому студенту знать нужно*» (такимъ образомъ совѣтъ уличаетъ попечителя въ противорѣчіи съ самимъ собою; наконецъ, что въ докладѣ 7 іюня 1811 года Высочайше утвержденномъ о предоставленіи 9 класса учителямъ латинскаго языка, изображены ясно важность и потребность латинскаго языка, равно и соотношеніе его съ словесными науками Совѣтъ, основываясь на сихъ постановленіяхъ, не сомнѣвался въ томъ, что для поступающихъ изъ студентовъ въ кандидаты нужно знаніе латинскаго языка, но не могъ сіе распространить на титулярнаго совѣтника Буженинова, необучавшагося въ университетѣ, почему и опредѣлено испрашивать о семъ начальственное разрѣшеніе»

Съ этимъ постановленіемъ совѣта по прошенію Буженинова и съ защитою своего мнѣнія, высказаннаго тѣмъ же совѣтомъ передъ попечителемъ, не согласился экстраординарный профессоръ Кондыревъ Онъ поддерживалъ попечителя и отчасти Буженинова, съ которымъ былъ знакомъ по своимъ поѣздкамъ въ Чистополь, когда производилъ слѣдствіе по дѣлу Плаксина. Не приводя его доводовъ, составляющихъ повтореніе предложенія попечителя, остановимся на его взглядѣ на латинскій языкъ, на его значеніе въ наукѣ и въ общемъ образованіи. Взглядъ этотъ представляется вообще любопытнымъ:

«Я такого мнѣнія, что языкъ латинскій весьма нуженъ, *но не для народнаго образованія* (?). а для ученыхъ, по общему употребленію онаго ими; однакожъ и здѣсь не во всѣхъ случаяхъ и въ одинаковой степени необходимъ. Въ университетахъ, по смыслу § 109 устава о наукахъ приготовительныхъ, латинскій языкъ нельзя къ онымъ причислить Но онъ есть вспомогательный предметъ учености и въ нѣкоторыхъ наукахъ нельзя сдѣлать безъ него извѣстнаго успѣха: тамъ знанія его неотмѣнно слѣдуетъ требовать большаго Простирать за должные предѣлы требованіе, чтобы всякій зналъ латинскій языкъ болѣе нужнаго, значило бы тоже, что и унижать его важность для ученыхъ, т. е его распространенію (?) вредить Ибо чего нельзя или не нужно исполнять, а исполнять предписывалось бы, то будетъ исполняемо только изъ формы, либо и не будетъ исполняемо. Нужное употребленіе и знаніе латинскаго языка и донынѣ осталось и впредь (?) останется при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Само правительство желаетъ сего нужнаго знанія и употребленія, и всякій обязанъ исполненію воли его содѣйствовать. Но цѣнить познаніе латинскаго языка выше познанія въ наукахъ по какой либо части испытуемаго, вредно для распространенія просвѣщенія въ любезномъ моемъ отечествѣ, гдѣ о семъ распространеніи надлежитъ прилагать большое попеченіе *Доколь своекоштнымъ студентомъ никто въ нашемъ университетѣ не могъ быть безъ знанія латинскаго языка, дотолѣ ихъ было впятеро менѣе нынѣшняго:* что же истинно полезнѣе? Образованный человѣкъ будетъ таковымъ и безъ знанія латинскаго языка; онъ даже можетъ быть и извѣстнымъ писателемъ по какой либо части, но потому, что онъ не знаетъ латинскаго языка, нельзя не признавать его писателемъ и человѣкомъ свѣдущимъ Повторю еще, что излишнее, напряженное въ чемъ либо и неестественный ходъ чего либо не могутъ оставаться таковыми навсегда».

Кондыреву такимъ образомъ и на мысль не приходило

то образовательное значеніе латинскаго и вообще древнихъ языковъ, которое стали доказывать у насъ гораздо позднѣе, ссылаясь на примѣръ Европы Для него знаніе латинскаго языка являлось печальною необходимостью для науки, но и она въ его время давно уже обратилась къ языку родному. Все имъ сказанное, сказано потому по словамъ его, что онъ не могъ этого не высказать, „будучи оживляемъ чувствомъ справедливости въ душѣ и любовію къ пользѣ отечества въ сердцѣ, а равно руководствуясь благоразуміемъ". Исходя изъ этого чувства, Кондыревъ говоритъ между прочимъ: „касательно знанія латинскаго языка *потребно уваженіе къ постороннимъ (?) соотечественникамъ, занимавшимся наукою по любви къ ней* (Буженіновъ искалъ кандидатской степени для дальнѣйшаго производства въ чины) въ сравненіи съ тѣми, кои ищутъ степени, дабы быть дѣйствительно въ ученой службѣ и притомъ въ университетѣ" Съ своей стороны и попечитель не остался въ долгу передъ совѣтомъ; защищая себя, онъ замѣчаетъ совѣту, что тотъ дѣлаетъ различіе между предписаніемъ и его исполненіемъ, а въ заключеніе говоритъ, что „возраженія, показывающія неудобство въ исполненіи моихъ предложеній, я всегда пріемлю съ уваженіемъ, въ противномъ случаѣ совѣтъ подвергается отвѣтственности". Этими пререканіями дѣло, поднятое самимъ совѣтомъ и очень важное для него, какъ близко стоящее къ успѣху науки и преподаванія, повидимому пріостановилось. У насъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, было ли представлено министерству народнаго просвѣщенія съ такимъ трудомъ и такъ медленно составленное факультетами и совѣтомъ положеніе о производствѣ въ ученыя степени. Если оно было представлено, что вѣроятнѣе, то не разсматривалось вовсе. Прошли два почти года. И вотъ, какъ это часто случалось и потомъ, департаментъ министерства народнаго просвѣщенія требуетъ отъ Казанскаго университета тѣхъ свѣдѣній, какія давно уже были имъ представлены: „доставить въ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнія какимъ порядкомъ происходитъ въ немъ производство въ ученыя степени студентовъ (?), кандидатовъ, магистровъ и докторовъ, отъ какихъ мѣстъ (?) выдаются на званія сіи свидѣтельства или дипломы, то есть отъ правленія, отъ факультета или отъ совѣта, представляются ли удостоиваемые означенныхъ званій университетскому совѣту для утвержденія въ оныхъ, при чемъ приложить формы свидѣтельствъ, аттеста-

товъ и дипломовъ, выдаваемыхъ на каждую ученую степень". (13 ноября, 1816 года, № 3632). Страннымъ представляется намъ это значительно запоздалое требованіе высшей власти, регулирующей науку и просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ, черезъ тринадцать лѣтъ существованія министерства народнаго просвѣщенія. А между тѣмъ свѣдѣнія, которыя теперь потребовались вдругъ, касались самой существенной стороны дѣятельности вѣдомства: отъ правильнаго устройства экзаменовъ на ученыя степени, требованій отъ экзаменующихся, точно опредѣленныхъ, зависѣлъ будущій успѣхъ университетскаго преподаванія и науки въ странѣ; этимъ правильнымъ устройствомъ гарантировались и раціональность и полезность нашихъ университетовъ на будущее время. Что испытанія на ученыя степени не были правильно устроены, что необходимо было разумно составленное положеніе объ этой сторонѣ университетской дѣятельности, можно видѣть изъ того, что понадобилось высочайшее повелѣніе, на основаніи положенія комитета гг министровъ, чтобы „университеты впредь прямо въ докторы, минуя предписанное въ университетскомъ уставѣ испытаніе и производство въ магистры, не производили, за исключеніемъ медицинскихъ производствъ, для каковыхъ существуютъ особыя правила, высочайше утвержденныя" (предложеніе министра п. пр. 23 ноября 1816 года, № 3763). Второе высочайшее повелѣніе, также циркулярно сообщенное по университетамъ министромъ, какъ и первое, того же числа, состояло въ томъ, что „по случаю незаконнаго производства юридическимъ факультетомъ Дерптскаго университета въ докторы правовѣдѣнія *Вальтера* и *Вебера*, упомянутое производство ихъ не считать дѣйствительнымъ и отобрать отъ нихъ дипломы на докторское званіе, преградивъ имъ вовсе ходъ по производству въ ученыя степени и запретивъ всѣмъ университетамъ въ Имперіи подвергать ихъ испытанію, если бы они стали искать онаго". Наконецъ третье высочайшее повелѣніе, также того же 23 ноября, циркулярно разосланное по русскимъ университетамъ министромъ просвѣщенія, заключалось въ томъ, что „для точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени, сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и съ особымъ мнѣніемъ внесть записку на уваженіе комитета гг. министровъ". Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія министръ сдѣлалъ распоряженіе (19 декабря 1816 года, № 4121)

циркулярно, по всѣмъ университетамъ, „дабы университетъ, *до учиненія по сему предмету окончательнаго положенія, остановился производствомъ въ ученыя степени, исключая званій медицинскихъ*“ (1). Эта пріостановка производствъ въ ученыя степени, дѣла столь необходимаго и столь важнаго въ жизни университета, непосредственно связаннаго съ наукою, ея интересами и преподаваніемъ, продолжалась ровно два года: только 31 января 1819 года, № 346 министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ прислалъ въ Казанскій университетъ въ копіяхъ высочайше утвержденные въ 20 день января: 1) докладъ главнаго правленія училищъ и 2) положеніе о производствѣ въ ученыя степени, по которому впредь и поступать (2).

Было бы невозможно объяснить, почему вдругъ, въ концѣ 1816 года, понадобилась такая усиленная дѣятельность со стороны министерства народнаго просвѣщенія для пересмотра всѣхъ правилъ о производствѣ въ ученыя степени въ русскихъ университетахъ, еслибъ скрыты были отъ насъ тайныя пружины, вызвавшія эти мѣропріятія, и факты, обратившіе на себя вниманіе высочайшей власти Въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ со времени утвержденія императоромъ Александромъ I университетскихъ уставовъ, министерство народнаго просвѣщенія ни разу не подумало о томъ: есть ли необходимость въ особомъ положеніи о производствѣ въ ученыя степени по университетамъ послѣ тѣхъ §§ устава, въ которыхъ говорилось о производствѣ испытаній и объ удостоеніи учеными степенями ищущихъ ихъ. Изъ приведеннаго нами требованія, сдѣланнаго департаментомъ просвѣщенія и вопросовъ имъ поставленныхъ, легко сдѣлать заключеніе, что само министерство не имѣло объ этомъ дѣлѣ сколько-нибудь яснаго представленія. Иниціатива регулированія этого дѣла въ Казанскомъ университетѣ принадлежала самому университету, какъ мы это видѣли, но на свое представленіе онъ не получилъ никакого отвѣта. Московскій университетъ, одновременно съ Казанскимъ, также занялся этимъ вопросомъ и тоже вошелъ съ представленіемъ о немъ. Очевидно, что на

---

(1) Дѣло о доставленіи высшему начальству: а) какимъ образомъ дѣлаются производства въ ученыя степени, б) какимъ образомъ и на будущее время ихъ производить и т. д *Сов* 1816 г, № 154.

(2) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Спб. 1864 стр. 1134—1145.

скоро составленные §§ университетскаго устава (93—105), говорившіе о правилахъ, касающихся производства въ ученыя степени, были неудовлетворительны. Хотя образцомъ для нашихъ университетовъ взяты были нѣмецкіе, но въ послѣднихъ, какъ извѣстно, существуетъ только одна степень доктора, не дающая какихъ-либо особыхъ правъ, а тѣмъ болѣе чиновъ. У насъ была цѣлая градація степеней, а между тѣмъ ни соотношеніе ихъ между собою, ни требованія, предъявляемыя къ каждой, ни объемъ знаній по каждой, ни промежутки времени между ними не были опредѣлены вовсе. Не случись въ Казанскомъ университетѣ желанія сильнаго въ то время лица, какимъ былъ письмоводитель попечителя Салтыкова какой-то Герке, пожелавшій вдругъ почему-то получить степень доктора по отдѣленію словесныхъ наукъ, ссылаясь на свои знанія европейскихъ языковъ и безъ сомнѣнія надѣясь на авторитетъ своего начальника, видимо ему покровительствующаго, вопроса о наилучшемъ положеніи для экзаменовъ на ученыя степени вовсе и не подымалось бы. Само министерство также никогда не подняло бы его, и все обстояло бы благополучно, еслибъ не ненавидимая столь многими гласность, та могучая сила, которая силою вещей и умственнымъ развитіемъ призывается на служеніе странѣ и ея успѣху, оказывая всему этому самую существенную помощь, гласность, столь непріятная невѣжеству, своекорыстію и весьма распространенному въ людяхъ желанію „ловить рыбу въ мутной водѣ“. Считаемъ нужнымъ однако оговориться: наши слова относятся не къ гласности русской прессы въ то время, которой и не было и не могло быть, а къ гласности европейской періодической печати. Къ ней въ тѣ годы прислушивались, даже опасались ея, и извѣстія изъ Россіи, ею сообщаемыя, ловились и обращали на себя вниманіе даже верховной власти. Вотъ какого рода „извѣстіе изъ Лифляндіи“ было напечатано въ одномъ изъ распространенныхъ тогда нѣмецкихъ журналовъ (1). Приведемъ его въ современномъ русскомъ оффиціальномъ переводѣ:

«Случилось происшествіе, которое здѣсь и въ Петербургѣ привело всѣхъ въ удивленіе. Нѣкоторый г Вальтеръ, бывшій прежде театральнымъ портнымъ въ Ревелѣ, пріобрѣтя въ С-Петербургѣ оборотливостью въ разныхъ дѣлахъ большое имѣніе, успѣлъ получить себѣ магистерскій (?) дип-

(1) «Zeitung fur die elegante Welt» Leipzig 1816. № 254 (немедленно послѣ полученія № въ Петербургѣ и начались мѣропріятія, разсказанныя нами).

ломъ изъ какого-то нѣмецкаго университета (если не ошибаюсь—изъ Эрлангенскаго). Съ онымъ явился онъ въ Дерптъ и умѣлъ желаніямъ своимъ дать такую силу, что *при извѣстномъ соблюденіи главнѣйшихъ правилъ*, дѣйствительно былъ возведенъ въ званіе доктора правъ Сказываютъ, что разныя издержки его простирались до 30 000 рублей *Званіе доктора дало ему поводъ къ испрошенію себѣ чина коллежскаго ассесора, который онъ также получилъ, и даже сдѣланъ былъ членомъ комиссіи о составленіи законовъ* Коль же скоро узнали какого свойства было сіе его докторское званіе, то возсталo всеобщее негодованіе вмѣстѣ съ насмѣшками надъ портнимъ, явившимся законодателемъ. Началось съ отставки отъ должности проректора и по особому, именному Его Императорскаго Величества указу, г докторъ лишенъ всѣхъ своихъ достоинствъ Въ Дерптѣ выдумали весьма странное средство поправить сію ошибку Объявили, что возведенные университетомъ въ званіе докторское, съ упущеніемъ исполненія нѣкоторыхъ правилъ, могутъ не прежде быть признаны докторами, пока снова еще разъ не явятся въ Дерптъ для пополненія всего опущеннаго. Нѣкоторые, въ увѣренности, что они по всей справедливости заслужили дипломы свои, полагаютъ, что если что либо и упущено, то въ этомъ вина университета, а не ихъ Все вышеупомянутое есть достовѣрное произшествіе Весьма любопытно знать, какому штрафованію подвергнется университетъ» (1)

Корреспондентъ такимъ образомъ сообщаетъ событіе уже совершившееся, но къ сожалѣнію ни изъ этой статьи лейпцигскаго журнала, ни изъ другихъ источниковъ и документовъ, намъ неизвѣстно, какимъ образомъ обнаружился этотъ случай покупки докторства, былъ ли онъ единственнымъ явленіемъ въ Дерптскомъ университетѣ, или оно повторялось изъ году въ годъ. Какъ проникнуть въ тайны факультетскихъ совѣщаній объ удостоеніи кандидатовъ учеными степенями? Но дерптская исторія получила большую гласность. Оказалось, что приходится считаться съ дѣйствительнымъ фактомъ. Проректоръ Дерптскаго университета Гизе въ оффиціальной статьѣ, напечатанной въ „Inländische Blätter“, газеты, издававшейся въ Ригѣ (1817 г. № 12), называетъ эту лейпцигскую корреспонденцію „смѣсью правды и лжи“, дополняетъ и исправляетъ ее. Вальтеръ, докторъ (извѣстно, какая существенная разница между докторами нѣмецкихъ университетовъ и нашихъ) Эрлангенскаго университета, дѣйствительно получилъ степень доктора правъ въ Дерптскомъ 19 іюля 1816 года. Все это производство происходило въ составѣ исключительно

(1) Дерптскій университетъ при докторскомъ экзаменѣ производилъ довольно значительный денежный сборъ Экзаменующій профессоръ получалъ 15 р серебромъ, деканъ 12 р. секретарь 4 р, каждый изъ трехъ педелей по 2 р и т. д. Послѣ всей передряги, главное правленіе училищъ уничтожило этотъ сборъ, признавъ его самопроизвольнымъ и незаконнымъ. Между тѣмъ онъ существовалъ 15 лѣтъ, какъ законное постановленіе. См. *М И. Сухомлинова*, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». Томъ первый. Спб. 1889. Стр. 144.

юридическаго факультета и прочимъ членамъ университета оно было неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что это было во время вакаціи и большинства ихъ не было въ Дерптѣ. По окончаніи вакаціи, согласно предложенію попечителя Клингера (онъ вскорѣ вышелъ въ отставку), совѣтъ разсматривалъ удостоеніе, сдѣланное юридическимъ факультетомъ степенью доктора правъ Вальтера и другаго, тоже Эрлангенскаго доктора, Вебера. Предсѣдателемъ этого совѣта, въ которомъ не принимали участіе, какъ подсудимые, члены юридическаго факультета, былъ проректоръ Эверсъ, только что выбранный. Въ октябрѣ того же года этотъ университетскій судъ призналъ производство Вальтера и Вебера несогласнымъ съ правилами университетскаго устава, а потому и недѣйствительнымъ, что и было представлено на утвержденіе начальства. Во время этого слѣдствія оказалось, что и *при другихъ производствахъ того же юридическаго факультета не соблюдены въ точности постановленія* и потому совѣтъ опредѣлилъ разсмотрѣть и ихъ. Тогда Эверсъ отказался отъ должности проректора, и вмѣсто него выбранъ Гизе. Новое изслѣдованіе привело къ заключенію, что всѣ другія производства въ докторскія степени по юридическому факультету неправильны, а потому всѣхъ произведенныхъ докторовъ правъ слѣдуетъ признать недѣйствительными, о чемъ совѣтъ и представилъ министерству, полагая съ своей стороны впрочемъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ, которые ему извѣстны какъ болѣе достойные, можно было бы дозволить явиться въ Дерптъ для дополнительнаго испытанія, не лишая ихъ докторства. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по этому дѣлу, рѣшено было лишить докторской степени не только Вальтера и Вебера (они не могли быть допущены къ новому испытанію), но и всѣхъ прочихъ докторовъ юридическаго факультета Дерптскаго университета, но послѣднимъ дозволено было, при соблюденіи всѣхъ правилъ находящихся въ уставѣ относительно пріобрѣтенія ученыхъ степеній, вновь пріобрѣсти докторское достоинство. По высочайшему же повелѣнію совѣтъ, согласно § 84 устава, судилъ профессоровъ юридическаго факультета за нарушеніе ими законовъ. Свой приговоръ совѣтъ представилъ также въ министерство, и по доведеніи о немъ до свѣдѣнія Государя Императора, по положенію комитета министровъ, высочайше повелѣно ректора Штельцера, члена юридическаго факультета и декана этого же факультета Кёхи удалить вовсе изъ

университета и впредь никогда не опредѣлять на службу. „Ректоръ“, говорится въ этомъ повелѣніи, „не можетъ оправдываться незнаніемъ университетскаго устава и какъ членъ юридическаго факультета, долженъ былъ знать о противозаконности испытанія, и какъ ректоръ долженъ былъ остановить сіе производство“. Остальные члены юридическаго факультета оставлялись на своихъ мѣстахъ, но имъ повелѣно было сдѣлать въ присутствіи совѣта строгій выговоръ, „съ подтвержденіемъ, дабы впредь были осмотрительнѣе“. Запрещалось кого-либо изъ нихъ выбирать въ ректоры, „пока не оправдаютъ себя къ пріобрѣтенію совершеннаго во всемъ довѣрія“, и до опредѣленія новыхъ профессоровъ вмѣсто уволенныхъ, имъ не дозволялось ни производить испытанія, ни давать университетскія достоинства, но только продолжать свои лекціи по прежнему.—Нарушеніе правилъ испытанія на ученыя степени, опредѣленныхъ университетскимъ уставомъ, со стороны юридическаго факультета Дерптскаго университета, какъ видно изъ предложенія министра (13 мая, 1817 года, № 1503) совѣту Казанскаго университета, состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не было сдѣлано предварительно магистерскаго экзамена, а прямо на степень доктора; 2) для словесныхъ и письменныхъ экзаменовъ задано было вопросовъ меньше, чѣмъ положено въ уставѣ; 3) вмѣсто трехъ лекцій—читана была только одна; 4) факультетъ не требовалъ себѣ представленія диссертаціи прежде публичнаго защищенія оныхъ. Эти четыре пункта отступленія отъ правилъ устава и были причиною распоряженія, сдѣланнаго по всѣмъ университетамъ о составленіи цѣлаго кодекса правилъ или положенія о производствѣ въ ученыя степени и о пріостановкѣ испытаній до утвержденія этого положенія. Но могло ли оно гарантировать, какъ бы точно и обдуманно ни было составлено, отъ злоупотребленій, состоящихъ въ факультетскихъ поблажкахъ, вызываемыхъ самыми разнообразными причинами? На вопросъ этотъ человѣкъ, хорошо знакомый съ университетской практикой, долженъ къ сожалѣнію дать отрицательный отвѣтъ. Ни тепло, ни холодно для власти, завѣдывающей высшимъ надзоромъ за жизнью нашихъ университетовъ было бы отъ того, что въ томъ или другомъ изъ нихъ явились бы два или три плохіе доктора. И мало ли ихъ въ дѣйствительности бывало? Кому незнакомы тощенькія диссертаціи прежнихъ лѣтъ на ученыя степени Дерптскаго университета, писанныя почти

всегда по латыни и дававшія права? Между тѣмъ университетъ этотъ привлекалъ русскихъ юношей въ 20-е, 30-е, 40-е годы европейскою постановкою преподаванія и корпоративнымъ духомъ студенчества. Все было бы шито и крыто, все осталось бы по прежнему, еслибъ не гласность и не статья лейпцигскаго журнала. Очевидно была другая какая-либо причина, кромѣ формальнаго нарушенія правилъ, тѣхъ чрезвычайно строгихъ мѣръ, какія приняты были властью по отношенію къ профессорамъ юристамъ. Упоминаніе въ корреспонденціи о 30,000 рублей, которыхъ стоила будто бы степень доктора Вальтеру, по всей вѣроятности и дало поводъ къ строгимъ мѣрамъ, хотя объ этой причинѣ не упоминается ни въ одномъ послѣдовавшемъ тогда по этому поводу распоряженіи. Проректору Гизе, въ его полемической статьѣ, сумма, указанная въ лейпцигской корреспонденціи, кажется только слишкомъ большою. Онъ защищаетъ отъ обвиненія цѣлый университетъ съ прочими тремя факультетами, кромѣ юридическаго, между тѣмъ какъ корреспондентъ, распространяетъ обвиненіе въ „лакомствѣ“ на всю университетскую корпорацію, „дабы тѣмъ показанной имъ суммѣ издержекъ при производствѣ испытанія дать больше вѣроятія“—говоритъ Гизе. Кому однако изъ русскихъ людей неизвѣстно, какъ трудно уличить кого-либо во взяткахъ?

Какъ только получено было Казанскимъ университетомъ требованіе департамента министра народнаго просвѣщенія, о доставленіи свѣдѣній, какъ производятся испытанія на ученыя степени, свѣдѣнія эти были немедленно собраны и доставлены. Изъ донесенія видно, что правила, указанныя въ §§ устава, исполняются строго, но все различіе въ требованіяхъ, предъявляемыхъ ищущимъ ученыхъ степеней заключалось въ объемѣ экзаменовъ—различіе чисто внѣшнее. Такъ экзаменъ на кандидата заканчивается въ 2—3 засѣданія факультета; вопросовъ письменныхъ задается ищущему степени по два изъ наукъ главныхъ и вспомогательныхъ. Магистръ подвергается экзамену въ теченіе 4—5 засѣданій; вопросовъ рѣшаетъ онъ 4; для доктора число засѣданій и число вопросовъ удвоивается. Какъ лекціи, требуемыя отъ магистра и доктора, такъ и диссертація на степень и защита ея передъ тремя оппонентами должны быть на языкѣ латинскомъ. Изъ донесенія совѣта,

основаннаго на представленіяхъ факультетовъ, видно, что въ Казанскомъ университетѣ правила, постановленныя уставомъ, соблюдались „свято и ненарушимо“. До конца 1816 года, когда было послано это донесеніе и послѣдовала пріостановка производства въ ученыя степени, въ Казанскомъ университетѣ по экзамену (мы уже приводили случаи повышенія въ магистры безъ всякаго испытанія, а просто какъ производство въ чинъ по волѣ попечителя) утверждены были въ докторскомъ достоинствѣ (правъ) двое: Богданъ Іонъ и Гавріилъ Солнцевъ; въ магистерскомъ тоже двое: по правовѣдѣнію Эльпидифоръ Манассеинъ и по восточной словесности Ярцевъ. Кандидатовъ за все это время произведено было 18: цѣлая половина ихъ, именно 9 человѣкъ, приходилась на долю отдѣленія наукъ словесныхъ.

Первымъ докторомъ (правъ) въ Казанскомъ университетѣ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, иностранецъ, саксонскій уроженецъ Іоганнъ Готтлибъ или Богданъ *Іонъ*, подавшій въ совѣтъ университета латинское прошеніе о желаніи своемъ подвергнуться узаконенному испытанію и получить степень доктора обоихъ правъ (pro gradu doctoris utriusque juris) еще 6 ноября 1812 года. Онъ не былъ ни магистромъ, ни даже кандидатомъ. Изъ его curriculum vitae, приложеннаго къ прошенію, видно, что онъ родился въ Зондерсгаузенѣ въ 1784 году, что, получивъ среднее образованіе въ одной изъ саксонскихъ гимназій, онъ поступилъ въ 1803 году въ университетъ Геттингенскій, гдѣ слушалъ лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ, перечисленнымъ имъ въ прошеніи, отдавая впрочемъ преимущество наукамъ юридическимъ, въ теченіе 7 лѣтъ. Какія обстоятельства заставили Іона переселиться въ Россію, именно въ Москву, и сдѣлаться студентомъ Московскаго университета, что видно изъ свидѣтельства, выданнаго ему 22 августа 1812 года, какъ разъ передъ занятіемъ Москвы французами, ректоромъ университета Геймомъ, намъ неизвѣстно; въ Московскій университетъ онъ поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ 1810 году. Здѣсь желалъ онъ подвергнуться испытанію на степень доктора, но этому воспрепятствовало нашествіе французовъ. Изъ поданнаго имъ прошенія видно, что его сочиненіе, представленное имъ на тему, заданную отдѣленіемъ нравственно-политическихъ наукъ Московскаго университета: „De fundamento juris puniendi et primario poenarum fine, re juridice et philosophice considerata“,

было награждено золотою медалью. Война 1812 года привела Іона въ Казань. Совѣтъ университета, выслушавъ его прошеніе, опредѣлилъ: препроводить его для проэкзаменованія въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ (оно, какъ и университетъ, открыто не было оффиціально и декана въ немъ не было также). Старшій изъ членовъ этого отдѣленія Финке, на имя котораго было писано предложеніе совѣта объ экзаменѣ Іона, въ виду того, что это былъ первый случай испытанія на ученую степень, которое должно быть произведено согласно уставу въ отдѣленіи, подъ предсѣдательствомъ декана, сдѣлалъ и представилъ совѣту нѣкоторыя возраженія. Онъ говорилъ, что въ Казанскомъ университетѣ нѣтъ факультетовъ, не существуютъ и деканы, что самъ университетъ не открытъ торжественно, а потому Финке справедливо заключалъ, что безъ особеннаго предписанія попечителя нельзя допустить студента Іона къ экзамену на степень доктора. Финке говорилъ, что въ Казанскомъ университетѣ совершенно неизвѣстна внѣшняя сторона испытаній на ученыя степени, не существуетъ даже форма дипломовъ, выдаваемыхъ на степени. До сихъ поръ многіе студенты повышались въ степень кандидатовъ и многіе кандидаты въ степень магистровъ не нами, профессорами, а по волѣ покойнаго попечителя. Если и происходили до сихъ поръ иногда, хотя и очень рѣдко, нѣкоторые магистерскіе экзамены, то въ чрезвычайно краткомъ видѣ, вовсе не по установленной формѣ; мы не читали диссертацій этихъ экзаменующихся, не слышали ихъ пробныхъ лекцій, не присутствовали на ихъ диспутахъ. Поэтому Финке и просилъ совѣтъ: 1) представить все имъ высказанное на благоусмотрѣніе г. попечителя и 2) просить его разрѣшить о студентѣ Іонѣ: a) можно ли допустить его къ испытанію; b) не должны ли быть дополнены тѣ §§ устава, которые относятся къ испытанію и c) можно ли студента Іона признать докторомъ правъ *противъ правилъ* (extra ordinem), и подъ какою формою можно предоставить ему права и привилегіи докторской степени.

Такимъ образомъ изъ представленія профессора Финке и изъ бумаги имъ поданной, можно видѣть недостаточность постановки вопроса объ испытаніяхъ и о производствѣ въ ученыя степени въ Казанскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ русскихъ, причемъ нѣмецкихъ профессоровъ, а можетъ быть и самого Іона сбивало понятіе о степени доктора, суще-

ствующее въ германскихъ университетахъ, съ ея незначительными требованіями сравнительно съ тѣми, какія были постановлены въ первый разъ въ нашихъ уставахъ въ началѣ царствованія Александра I. Дерптскій университетъ, какъ мы видѣли, опираясь на дарованное ему самоуправленіе, разрѣшилъ недоразумѣнія и неясности устава въ этомъ отношеніи путемъ практическимъ, въ Казани прибѣгли къ авторитету власти. На представленіе совѣта объ экзаменѣ иностранца Іона попечитель отвѣчалъ, что „хотя въ Казанскомъ университетѣ не учреждены еще факультеты и не назначены деканы", но были однако случаи производства испытаній (впрочемъ только по медицинскому факультету), для чего составлялись временные комитеты, и такой изъ членовъ юридическаго отдѣленія попечитель предлагалъ образовать и теперь для экзамена Іона, руководствуясь при этомъ правилами, заключающимися въ уставѣ. Объ этомъ дано было знать профессору Финке, какъ старшему изъ юридическихъ профессоровъ; онъ же былъ и предсѣдателемъ комитета для экзамена. Экзаменъ собственно, начиная съ предварительнаго *искуса* (§ 97), произведеннаго деканомъ и двумя приглашенными имъ профессорами (Германомъ и Томасомъ) и кончая защитою диссертаціи, продолжался съ 11-го марта 1813 по конецъ 1814 года. Ассистентами отъ прочихъ факультетовъ были профессора Никольскій и Лубкинъ. Іонъ отвѣтилъ на четыре заданные ему вопроса изъ римскаго права—письменно по латыни (отвѣты эти впрочемъ занимаютъ каждый объемомъ никакъ не болѣе одной страницы; далѣе изъ правъ всеобщаго уголовнаго германскаго, естественнаго или, какъ оно называется въ протоколѣ, природнаго, отвѣчалъ также письменно изъ каждаго предмета на четыре вопроса или вынутые по жребію или „въ тайнѣ хранимые" предсѣдателемъ. Эти послѣдніе отвѣты писались уже по нѣмецки, что правилами не возбранялось, и потому были обширнѣе по объему. Затѣмъ шли отвѣты словесные или изустные, на четыре вопроса изъ правъ: римскаго, уголовнаго судопроизводства и естественнаго—по латыни; изъ русскихъ уголовныхъ законовъ (у профессора барона Врангеля), русскаго гражданскаго права и законовъ о судопроизводствѣ (у него же)—по нѣмецки. Содержаніе всѣхъ отвѣтовъ, сдѣланныхъ Іономъ было довольно подробно записано въ протоколѣ. Въ засѣданіи комитета 1 іюля 1813 года, по окончаніи испытаній, которыя продолжались четыре мѣсяца, Финке заявилъ,

что на основаніи § 99 устава, онъ задалъ Іону для *публичныхъ лекцій* три вопроса изъ правъ: естественнаго, римскаго и уголовнаго. Черезъ недѣлю, именно 8 іюля, Іонъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ факультета, нѣкоторыхъ членовъ совѣта и постороннихъ лицъ читалъ на латинскомъ языкѣ двѣ свои лекціи по естественному и уголовному праву (эти лекціи писаны Іономъ и сохранились въ дѣлѣ). Что касается до лекціи по римскому праву (она также находится въ дѣлѣ и по объему своему значительно больше первыхъ двухъ, взятыхъ вмѣстѣ), то чтеніе ея послѣдовало уже черезъ полгода, именно 14 февраля 1814 года, вѣроятно потому, что докторантъ не былъ достаточно подготовленъ, въ уставѣ же сроки экзаменовъ опредѣлены не были. Это обстоятельство вызвало со стороны одного изъ депутатовъ, адъюнкта Лубкина, слѣдующій протестъ, поданный имъ въ совѣтъ:

«Экзаменующійся въ здѣшнемъ университетѣ иностранецъ г Іонъ нынѣ свой экзаменъ почти уже окончилъ, такъ что теперь не болѣе ему остается, какъ выдержать диспутъ Но касательно полноты дѣланнаго ему испытанія я нахожу нѣкоторыя затрудненія, о которыхъ и поставляю долгомъ представить совѣту на разсмотрѣніе, а именно:

1) «Г Іонъ требуетъ возвышенія на степень доктора въ Россіи и въ университетѣ россійскомъ, изъ чего и надлежитъ заключать, что онъ службу проходить намѣренъ въ Россіи по части юридической Но для сего необходимо нужно знать, кромѣ права философическаго и иностраннымъ, паче право россійское, а для сего необходимо знаніе языка россійскаго, по крайней мѣрѣ такое, чтобы не затрудняться въ надлежащемъ разумѣніи изданныхъ и издаваемыхъ узаконеній и указовъ Однакоже онъ въ россійскомъ языкѣ экзаменованъ не былъ» (Лубкинъ забываетъ, что уставъ этого и не требуетъ)

2) «Въ учебномъ планѣ университета, сочиненномъ проф Броннеромъ, одобренномъ совѣтомъ и утвержденномъ отъ высшаго начальства, въ числѣ вспомогательныхъ наукъ по части правъ, поставлены также, какъ помнится, политическая экономія, судебная медицина и статистика Послѣдняя, а особливо россійская, для россійскаго доктора правъ кажется необходима, поелику безъ сего не можетъ онъ дѣлать надлежащаго примѣненія философическаго или иностраннаго правовѣдѣнія къ законамъ россійскимъ, положительнымъ и мѣстнымъ А въ уставѣ университета значится, что требующій университетскаго достоинства долженъ быть также испытываемъ и въ наукахъ вспомогательныхъ Сіе однакоже при испытаніи г Іона изъ виду также упущено

3) «Экзаминующимся для полученія степени доктора предписано уставомъ давать *практическія задачи*, смотря по свойству науки, въ коей экзаминуются. Посему и г. Іону слѣдовало бы задать для разрѣшенія, или по крайней мѣрѣ для приготовленія къ оному, какой либо вымышленный или истинный, гражданскій или уголовный процессъ. Поелику непростительно было бы доктору правъ не умѣть сдѣлать того, что можетъ и долженъ дѣлать всякій повытчикъ въ присутственныхъ мѣстахъ обрѣтающійся.

«Наконецъ къ замѣчанію совѣта нахожу нужнымъ поставить въ виду еще слѣдующее Г. Іонъ первыя свои двѣ лекціи давалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ

прошлаго 1813 года, а послѣднюю не прежде, какъ по прошествіи уже послѣ того седьми мѣсяцевъ, но таковой промежутокъ времени въ экзаминующемся долженъ быть значителенъ, поелику и посредственно знающему свое дѣло, въ таковой срокъ не трудно будетъ надлежащимъ образомъ приготовиться. Что же касается до самыхъ лекцій, то по прочтеніи ихъ экзаминующимся, надлежало бы ихъ немедленно и на мѣстѣ *скрѣпить по листамъ, чтобы онѣ авторомъ не могли быть подмѣнены новыми*, или находящіяся или найденныя, ежели будутъ въ нихъ, ошибки и ложныя положенія, послѣ не могли быть поправлены или передѣланы, что такожде упущено» (были-ли у Лубкина какія либо основанія для высказыванія этихъ подозрѣній,—не знаемъ).

Хотя это мнѣніе Лубкина и было совѣтомъ препровождено въ латинскомъ переводѣ на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, но, сколько видно изъ дѣла, оно не разсматривалось и осталось безъ результата. Въ началѣ іюня 1814 года Іонъ представилъ отдѣленію свою латинскую диссертацію, написанную имъ для полученія искомой степени (1). Въ теченіе вакаціоннаго времени диссертація эта была разсмотрѣна членами факультета и, съ разрѣшенія совѣта, состоялся 31 октября первый въ Казанскомъ университетѣ публичный диспутъ. Деканомъ по смерти Финке былъ уже Цеплинъ, воротившійся на занимаемую имъ прежде каѳедру. Диспутъ былъ не особенно блестящимъ, какъ это видно изъ представленныхъ оппонентами мнѣній. „Съ отвѣтами имъ данными вообще можно быть довольнымъ“, представлялъ профессоръ Врангель, „и ежели они не всѣмъ казались удовлетворительными, то кажется главная тому причина малое упражненіе въ диспутатахъ по діалектической методѣ. самое разсужденіе доказываетъ хорошія юридическія познанія“. Кондыревъ писалъ о докторантѣ, что хотя „онъ и не могъ отвѣтствовать удовлетворительно *по формѣ диспутовъ* (?), однакожъ на многіе вопросы отвѣтствовалъ такъ, что показалъ довольныя свѣдѣнія въ правѣ естественномъ и на мои вопросы отвѣчалъ хорошо“. Въ томъ же родѣ писалъ о защитѣ диссертаціи и Лубкинъ, ожидавшій отъ нея повидимому большаго: „dissertationem suam defendit non quidem plane ex voto et expectatione de eo habita“, но это можетъ быть зависѣло отъ причинъ постороннихъ, такъ какъ на экзаменѣ Іонъ пока-

(1) Dissertatio inauguralis «De jure puniendi, non nisi in statu civili fundando» Это была первая печатная и притомъ докторская диссертація, написанная иностранцемъ (Sondershusano-Thuringensis) Она посвящена была попечителю Салтыкову (26 стр., изъ нихъ 4 составляютъ заглавіе и посвященіе, Casani, 4°) Тезисы вѣроятно не были напечатаны. Книжка составляетъ библіографическую рѣдкость

залъ достаточныя знанія. Совѣтъ, основываясь на донесеніи факультета и на приведенныхъ нами отдѣльныхъ мнѣніяхъ, утвердилъ Іона докторомъ обоихъ правъ и тотчасъ же сдѣлалъ о томъ донесеніе министру. Опредѣленной формы для дипломовъ тогда еще не существовало, и Іону выдано было только предварительное свидѣтельство.

Въ томъ же самомъ засѣданіи совѣта, на основаніи мнѣній Кондырева и Лубкина и представленія отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, былъ утвержденъ послѣ публичнаго защищенія тезисовъ, извлеченныхъ изъ диссертаціи (сама она не была напечатана), въ степени доктора правъ губернскій секретарь Солнцевъ. Самое производство экзамена и дѣло о немъ въ архивѣ не сохранилось, но Солнцевъ сдѣлался вскорѣ профессоромъ. О судьбѣ Іона намъ ничего неизвѣстно.

Послѣ открытія университета, когда онъ получилъ право удостоивать учеными степенями лицъ, ищущихъ ихъ, охотниковъ получить ихъ было не мало. Одни искали ученыхъ степеней для служебныхъ выгодъ, другіе изъ честолюбія Въ засѣданіи совѣта 15 іюля 1815 года ректоръ представилъ сочиненія коллежскаго секретаря Новикова (учителя музыки при университетѣ), который просилъ удостоить его по онымъ степени *магистра музыки*. Странно, что ректоръ принялъ такую просьбу и передалъ ее на заключеніе совѣта. Послѣдній долженъ былъ объявить Новикову, что въ уставѣ университета нѣтъ такой степени и отказать просителю (1).—Въ засѣданіи совѣта 15 декабря того же года слушано было прошеніе мѣстнаго ученаго, имя котораго имѣетъ значеніе въ исторіи разработки науки русской исторіи, члена казанскаго общества любителей русской словесности, С.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и соревнователя общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ Николая Сергѣевича *Арцыбышева* (2), слѣдующаго содержанія:

---

(1) Протоколы совѣта 1815 г., стр. 57а.

(2) Мы печатаемъ эту фамилію съ такимъ правописаніемъ, основываясь на собственной рукописи историка. Фамилія эта, въ словарѣ *Венгерова* (I, 818—826), въ статьѣ г. Иконникова, напечатана, какъ кажется невѣрно

«Преданъ будучи Казанскому университету по служенію (онъ былъ почетнымъ попечителемъ Цывильскаго уѣзднаго училища) и по чувствамъ моимъ, имѣю я честь представить ему сочиненіе мое, въ трехъ томахъ (въ рукописи), подъ названіемъ *Приступа къ Повѣсти о Русскихъ*, сочиненіе, которому пожертвовалъ я тринадцатью лучшихъ лѣтъ моей жизни, многими выгодами политическаго и экономическаго бытія и даже отчасти моимъ здоровьемъ. Вознагражденнымъ за все то почелъ бы я себя конечно, ежелибъ Казанскій университетъ, найдя трудъ мои не безполезнымъ *удостоилъ меня безъ экзамена докторскаго сана;* тѣмъ болѣе, что сотоварищи мои на стезѣ наукъ (2) привлечены бы были чрезъ то къ большимъ усиліямъ для усовершенствованія ихъ въ нашемъ отечествѣ. Въ таковомъ случаѣ употреблю я всѣ мои способы издать какъ можно скорѣе четвертый и окончательный томъ помянутаго сочиненія Ежелилъ, при всѣхъ моихъ напряженіяхъ, трудъ мой не могъ еще заслужить одобренія высшаго ученаго мѣста, то нижайше прошу Казанскій Императорскій университетъ возвратить мнѣ рукопись, дабы могъ я заблаговременно сдѣлать ей другое предназначеніе (1)»

Совѣтъ опредѣлилъ: дать знать г. Арцыбышеву, что по силѣ §§ 97, 98 и 99 устава онъ не имѣетъ права возводить въ ученыя степени безъ экзамена. Странно, что Арцыбышевъ не справился объ этомъ предварительно. Очень можетъ быть, что предполагая полную самостоятельность только что открытаго университета, Арцыбышевъ думалъ, что его удостоятъ докторской степени honoris causâ, но такое удостоеніе сдѣлалось возможнымъ только по университетскому уставу 1863 года. Однако мысль объ удостоеніи докторскою степенью безъ экзамена лицъ, выдающихся своею ученостью и трудами пришла въ голову профессору Кондыреву, и въ одно изъ осеннихъ засѣданій 1816 года онъ подалъ въ совѣтъ рапортъ „о удостоеніи званія докторовъ безъ испытанія людей прославившихся отличною ученостью и сочиненіями“, но совѣтъ не далъ никакого хода этому представленію и опредѣлилъ только принять его къ свѣдѣнію (1). Что касается Арцыбышева, совѣтъ,

---

(1) Зная, что совѣтъ Казанскаго университета состоитъ преимущественно изъ нѣмцевъ, Арцыбышевъ приложилъ къ своему прошенію нѣмецкое стихотвореніе «Die Lebenskost», въ видѣ captatio benevolentiae (онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ какъ получилъ образованіе въ петербургскомъ нѣмецкомъ пансіонѣ). Мы не приводимъ его, но въ дополненіе библіографіи сочиненій Арцыбышева, упоминаемыхъ въ словарѣ г. Венгерова, назовемъ по его собственнымъ указаніямъ: 1) «*Поэма* или разореніе Полоцка», повѣсть (*Съв. Вѣст.* 1804 г.) и 2) «*Случай* или доказательство бытія Божія», ода (тамъ же, 1805 г.). Арцыбышевъ называетъ еще двѣ свои оды, тогда въ рукописи: «Пѣснь на возстановленіе всеобщаго мира» и «Безсмертіе», ода «О мелочныхъ и бѣглыхъ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ, по разнымъ журналамъ разсѣянныхъ, я не упоминаю.» заключаетъ онъ.

(2) Протоколы совѣта 1816 года, стр. 120а.

увѣдомляя его о томъ, что онъ не имѣетъ права въ силу устава и особаго подтвержденія министра никого удостоивать степенью доктора безъ экзамена, высказывалъ въ своемъ письмѣ къ нему надежду, „что сіе не будетъ для васъ препятствіемъ получить званіе, котораго вы столько достойны и съ вашими познаніями не будетъ для васъ затруднительно подвергнуться испытанію, которое дастъ совѣту пріятное для него право исполнить ваше желаніе“ Любопытенъ отвѣтъ Арцыбышева:

«Осчастливенъ будучи лестнѣйшимъ для меня отношеніемъ онаго почтеннѣйшаго совѣта о моихъ сочиненіяхъ отъ 27 текущаго декабря за № 773, обязанностью моею почитаю на то донести слѣдующее: Представленная мною въ Императорскій Казанскій университетъ русская исторія подъ названіемъ *приступа къ повѣсти о русскихъ*—есть уже мое испытаніе И буде напряженіе мое показать ученому свѣту Европы и моего отечества *первое, критикою очищенное бытописаніе наше*, къ доставленію мнѣ просимаго докторскаго званія недостаточно, то все прочее и тѣ слабыя мои познанія, которыя совѣтъ столь благоволительно ко мнѣ почитаетъ во мнѣ великими, къ желанію моему способствовать отнюдь не могутъ. Кромѣ обрядовъ, IX главою университетскаго устава предписываемыхъ, поприщу жизни моей вовсе чуждыхъ, не могу я подвергнуть себя испытанію болѣе потому, что ко вреду наукъ оправдаю совершенно мнѣніе тѣхъ, которые убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривали меня въ теченіе тринадцати лѣтъ отстать отъ моего многотруднаго предпріятія, *увѣряя, что я дѣлаю дѣло безполезное и трачу только время, въ которое занятія другаго рода могли бы доставить мнѣ разныя, немаловажныя выгоды*» Арцыбышевъ убѣдительно проситъ совѣтъ представить все то, что онъ высказалъ въ двухъ своихъ письмахъ, на разрѣшеніе министра и, если и это съ правилами университетскими не будетъ согласно, возвратить ему его рукописи, «дабы я заблаговременно могъ сдѣлать изъ нихъ другое употребленіе».

Грустная очевидно нота слышится въ словахъ Арцыбышева, когда онъ передаетъ увѣренія многихъ, и вѣроятно близкихъ ему людей, о безполезности его занятій наукой. Очень можетъ быть, что онъ хотѣлъ знать мнѣніе другихъ людей, которые по своему оффиціальному положенію призваны исключительно заниматься наукою, желалъ получить въ нѣкоторомъ родѣ санкцію университета, наивно забывая, что весьма часто патентованные жрецы на жалованьи занимаются всѣмъ чѣмъ угодно, только не наукой. Въ самомъ дѣлѣ Арцыбышевъ представлялъ въ тѣ годы весьма рѣдкое явленіе посреди окружающаго его общества, потому можетъ быть, что получилъ образованіе въ петербургскомъ нѣмецкомъ пансіонѣ. Состоятельный помѣщикъ, въ глухой цывильской деревнѣ, со всѣхъ сторонъ окруженный финнскими инородцами, рѣдко наѣзжая въ губернскій городъ, въ которомъ конечно не находилъ отрады для ума, онъ весь преданъ умственнымъ интересамъ, много

пишетъ, много печатаетъ, посылая статьи свои въ петербургскіе и московскіе журналы и мечтая возсоздать русскую исторію въ ея дѣйствительномъ видѣ, не такъ какъ искажена она, по его мнѣнію, подъ перомъ Карамзина. Посреди окружающаго общества, съ его исключительно плотоядными интересами, Арцыбышевъ безъ сомнѣнія принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ единицамъ, которыя съ уваженіемъ смотрѣли на зарождающійся университетъ, пока неуспѣвшій еще проявить жизненной силы своей, искалъ съ нимъ сближенія и общенія, но нашелъ только формальное отношеніе къ дѣлу.

Какіе странные были въ тѣ годы искатели ученыхъ степеней и какіе удивительные экзамены производились профессорами по распоряженію совѣта, въ доказательство можно привести нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ. Одновременно съ Арцыбышевымъ подалъ прошеніе, писанное на гербовой бумагѣ и по пунктамъ, въ астраханскую гимназію (для передачи въ совѣтъ Казанскаго университета) учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ ней Іосифъ фонъ Вейскгопфенъ. Въ прошеніи онъ высказывалъ, на основаніи § 50 устава учебныхъ заведеній желаніе быть удостоеннымъ докторскаго званія, но заочно и конечно безъ испытанія. Причиною необходимости такого заочнаго производства въ доктора Вейскгопфенъ выставлялъ то, что онъ, какъ издатель періодическаго сочиненія, выходящаго въ Астрахани „Восточныя Извѣстія“ (1), и какъ преподаватель двухъ языковъ въ гимназіи, не можетъ лично предстать въ университетъ, а посылаетъ вмѣсто себя свои труды, „какъ свидѣтелей своихъ занятій“. Труды эти даютъ очень смутное представленіе о Вейскгопфенѣ какъ ученомъ. Это: 1) „метафизическое сочиненіе“ по его собственному опредѣленію, подъ названіемъ „Probabilia de origine mali; 2) „театральное сочиненіе: Der gute Sohn“; 3) „грамматическое сочиненіе“ на русскомъ языкѣ: „Руководительная тетрадь для преподаванія нѣмецкаго языка“ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ классахъ гимназіи и 4) тоже для французскаго языка въ 1 классѣ Если этихъ „свидѣтелей“ будетъ не довольно, какъ доказательствъ его знанія, Вейскгопфенъ готовъ явиться и лично для испытанія по части словесныхъ наукъ,

---

(1) См о немъ *Леонтьева Н. И.* «Іосифъ Антоновичъ Фонъ-Вейскгопфенъ, издатель первой астраханской газеты *Восточныя Извѣстія* (1813—1816 гг.). Астрахань. 1885. 8°.

если только дозволено будетъ ему на время прекратить изданіе „Восточныхъ Извѣстій,“ чѣмъ онъ, по его собственнымъ словамъ, „единственно старается отличиться“. Совѣтъ увѣдомилъ Вейскгопфена, что онъ долженъ явиться лично для экзамена (1).

И самъ совѣтъ имѣлъ весьма смутное представленіе о своихъ обязанностяхъ. Онъ распространялъ свою компетенцію на разныя свободныя и несвободныя художества и искусства, желалъ быть экспертомъ во многомъ (2). Выше (этой же части стр. 545) мы упомянали о французѣ Мансарѣ, фигурировавшемъ въ одной изъ студенческихъ исторій. Этотъ Мансаръ подалъ въ іюнѣ 1817 года прошеніе въ совѣтъ „объ учиненіи ему экзамена въ фехтовальномъ и танцовальномъ искусствѣ и о снабженіи его свидѣтельствомъ съ дозволеніемъ давать уроки.“ Хотя совѣтъ, какъ видно изъ протоколовъ, не далъ хода этому прошенію, но Мансаръ имѣлъ полное основаніе подать свое прошеніе объ экзаменѣ: онъ основывался на примѣрѣ. Дѣйствительно до него, въ апрѣлѣ того же года, иностранецъ Иванъ Матонъ, „принявшій присягу на вѣчное россійское подданство“, какъ значится въ его документѣ, подавалъ прошеніе объ учиненіи ему испытанія въ фехтовальномъ искусствѣ и о снабженіи его свидѣтельствомъ о знаніи „съ дозволеніемъ давать уроки“. Совѣтъ поручилъ тогда профессорамъ Вердерамо и барону Врангелю, *„знающимъ фехтовальное искусство*, учинить Матону испытаніе и донести совѣту“. Въ слѣдующее засѣданіе совѣта оба они донесли, что „экзаменовали иностранца Ивана Матона въ фехтовальномъ искусствѣ и нашли, что онъ съ пользою можетъ давать въ оном наставленія“. Матону выдано было на то дозволеніе отъ университета (3). Если, какъ мы видѣли нѣсколько выше, совѣтъ отказалъ учителю музыки Новикову удостоить его степени

(1) Дѣло объ удостоеніи докторскихъ степеней титулярнаго совѣтника Арцыбышева и учителя Астраханской гимназіи Вейскгопфена *Сов.* 1815 г № 122.

(2) Въ ноябрѣ 1817 года, согласно отношенію правленія университета, совѣтъ назначаетъ какъ экспертовъ, для освидѣтельствованія штукатурной работы университетскихъ домовъ, совмѣстно съ архитекторомъ, профессоровъ Аригольда и Симонова и адъюнкта Петровскаго, какъ будто для того было недостаточно членовъ правленія. Содержаніе рапорта ихъ состоитъ лишь въ томъ, что штукатурная работа началась слишкомъ поздно и до сихъ поръ не кончена, что начались морозы и потому прочности произведенныхъ работъ опредѣлить невозможно. Протоколы Совѣта, 1817 г., стр. 108а, 117б.

(3) Тамъ же, стр. 46б., 56б.

магистра этого искусства, то онъ не отказывался дѣлать испытаніе въ музыкѣ. Такъ въ маѣ 1817 года совѣтъ поручалъ профессорамъ Броннеру и Эриху, „знающимъ правила композиціи“, и учителю музыки Нейману сдѣлать испытаніе въ музыкальномъ искусствѣ отставному губернскому регистратору Ѳедору Тефлингеру, подавшему о томъ прошеніе и представившему сочиненія, до этого искусства относящіяся. Экзаменаторы донесли, что Тефлингеръ имѣетъ основательныя свѣдѣнія въ музыкальномъ искусствѣ, и совѣтъ снабдилъ его аттестатомъ (1).

Въ мало утѣшительномъ видѣ представляется въ эти первые годы Казанскаго университета со времени его открытія, такая существенная сторона ученой дѣятельности университета, какъ экзамены на ученыя степени будущихъ профессоровъ и преподавателей Мы указали на всѣ экзамены, произведенные въ послѣдніе пять лѣтъ со времени открытія университета (1814—1819) до преобразованія его Магницкимъ. Ихъ очень немного и нѣкоторые изъ нихъ ничего общаго не имѣютъ съ наукою. Собственно говоря послѣ открытія университета было только два полныхъ экзамена на доктора правъ: Іона и Солнцева, со всѣми условіями, требуемыми уставомъ и положеніями, съ публичными лекціями, диспутами при защитѣ тезисовъ и пр. Да и тутъ полнымъ можно назвать только экзаменъ Іона. Солнцевъ, не будучи воспитанникомъ Казанскаго университета, да и никакого другаго, какъ мы увидимъ, не имѣя кандидатской степени, началъ съ экзамена на магистра, и этотъ экзаменъ во время самаго производства какимъ-то страннымъ образомъ перешелъ въ докторскій, и онъ получилъ степень доктора обоихъ правъ. Какъ это случилось—объяснить довольно трудно, потому что дѣла о производствѣ этого экзамена не существуетъ. Мы знаемъ только латинское заглавіе его диссертаціи. Солнцевъ былъ единственный преподаватель въ эти годы, получившій по экзамену степень доктора. Всѣ остальные преподаватели того времени, учившіеся въ Казанскомъ университетѣ, профессора и адъюнкты, между которыми было нѣсколько вполнѣ достойныхъ людей, со славою

---

(1). Протоколы Совѣта, 1817 года, стр 54б, 62а. Тефлингеръ потомъ былъ учителемъ музыки въ университетѣ до сороковыхъ годовъ.

и честью служившихъ университету, были только магистрами, получившими эту степень или по простому производству, сдѣланному попечителемъ для ихъ поощренія, или по экзамену, мало имѣющему общаго съ тѣми требованіями, какія предлагаются теперь ищущему этой степени. Эти преподаватели, дѣлавшіеся постепенно адъюнктами, экстраординарными и ординарными профессорами, въ тѣ годы были: Алехинъ, Булыгинъ, Дупаевъ, Кайсаровъ Кондыревъ, Лобачевскіе, В. Перевощиковъ, Петровскій, Симоновъ, Тимьянскій, Шошкъ, Юпаковъ, Ярцевъ. Не всѣ изъ нихъ долго служили университету.

Не въ лучшемъ положеніи представляется намъ въ эти годы (1814—1819) и приготовленіе молодыхъ людей къ будущей профессорской дѣятельности. О томъ, какъ неудачно приготовлялись, подъ руководствомъ профессора Неймана въ Петербургѣ, для занятія юридическихъ каѳедръ, два молодые кандидата Казанскаго университета: Алехинъ и Э. Манассеинъ, мы уже разсказали (1). Столь же неудачны были приготовленія молодыхъ людей внѣ Казани и по другимъ факультетамъ, да и было ихъ только два случая: въ отдѣленіи словесныхъ и медицинскихъ наукъ (математики не были куда-либо посылаемы). Разскажемъ, какъ приготовлялся къ занятію каѳедры греческаго языка *Самсоновъ*, получившій впослѣдствіи должность адъюнкта. Мы упомянули о командировкѣ его въ Московскій университетъ на три года, съ 17 сентября 1813 года (2). Самсоновъ былъ уже магистромъ словесныхъ наукъ и занималъ должность учителя высшаго латинскаго класса въ казанской гимназіи, занимался, подъ руководствомъ Сторля греческимъ языкомъ, на сколько успѣшно—намъ неизвѣстно. Командировку онъ получилъ не по представленію словеснаго отдѣленія, а по собственному желанію и по собственной просьбѣ. Точно ли у Самсонова было сильное и сознательное желаніе изучать греческій языкъ и словесность, знатоковъ которыхъ по смерти Сторля въ Казани не было, или побудили его къ тому какія-либо другія, побочныя, личнаго свойства причины—не знаемъ, но только въ августѣ 1813 года онъ обратился съ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія, прося командировать его въ Московскій университетъ *для усовершенствованія себя въ древней и особенно въ греческой словесности.*

---

(1) См. этой части стр. 101—110.

(2) Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у-та, ч. 1-я, стр. 524.

Онъ просилъ только сохранить ему магистерское жалованье (400 р. въ годъ) во время его московскаго пребыванія, за что онъ будетъ служить Казанскому университету. Министръ выразилъ на это полное согласіе. Совѣтъ, не теряя времени, отнесся немедленно въ совѣтъ Московскаго университета, рекомендуя ему „своего питомца, отличавшагося прилежаніемъ и успѣхами“ и „препоручая его покровительству и благорасположенію гг. начальствующихъ и управляющихъ въ Московскомъ университетѣ, въ полномъ увѣреніи, что трехгодичное пребываніе г. Самсонова въ обширномъ ученомъ кругу древнія россійскія столицы не только послужитъ къ собственной его пользѣ и распространенію его знаній, но и удовлетворитъ ожиданіямъ здѣшняго университета, каковыя онъ по всей справедливости предполагать можетъ въ разсужденіи сего своего воспитанника“. Самсоновъ получилъ паспортъ въ началѣ октября и уѣхалъ

Прошло болѣе года. О магистрѣ Самсоновѣ и его московскихъ занятіяхъ наукою не было никакихъ извѣстій, но въ Казани его не забыли. Какъ видно изъ письма его къ ректору Брауну отъ 1 декабря 1814 года, онъ получилъ чрезъ товарища своего по университету магистра Юнакова запросъ начальства: почему онъ не присылаетъ до сихъ поръ отчета о своихъ занятіяхъ и ничего не увѣдомляетъ о себѣ. Оправдываясь, онъ приводитъ ту причину, что университетъ долго послѣ его отъѣзда не былъ открытъ (?), и что уѣзжая изъ Казани, онъ не получилъ отъ университета никакой инструкціи о своихъ обязанностяхъ „Я не зналъ“, пишетъ онъ, „ни кого, ни чрезъ сколько времени, ни о чемъ именно извѣщать долженъ. Въ уставѣ сказано, что отпускаемыя въ иностранныя государства должны чрезъ три мѣсяца увѣдомлять университетъ о своихъ успѣхахъ; я не принадлежалъ къ числу сихъ, и думалъ, что отъ меня потребуютъ отчета по моемъ возвращеніи“. Изъ письма его далѣе видно, что онъ слушалъ двѣ лекціи въ недѣлю греческаго языка (объясненіе 6 книги Иродіана или Геродіана и IX-ю пѣсню Одиссеи); три—латинскаго языка (5-я книга Ливія и нѣкоторыя сатиры Горація). Оба древніе языка читались Тимковскимъ. Разъ въ недѣлю въ 1813—1814 году Самсоновъ слушалъ археологію у Каченовскаго (въ этомъ году ея не читаютъ) и нѣсколько разъ былъ на лекціяхъ у Мерзлякова. Не считая себя въ правѣ судить о достоинствѣ слушаемыхъ имъ

лекцій, Самсоновъ замѣчаетъ однако, что Тимковскій ограничивался почти однимъ переводомъ на русскій языкъ изъясняемыхъ имъ авторовъ, а Каченовскій читаетъ очень бѣгло. Дома занимается онъ языкомъ греческимъ. „Сравнивая прежнія познанія въ ономъ съ нынѣшними“, говоритъ онъ, „нахожу, что я нѣсколько успѣлъ; но сравнивая ихъ съ тѣми, какія надлежитъ имѣть, къ стыду моему долженъ сознаться, что они крайне ограничены *и я сомнѣваюсь буду ли я въ состояніи, по своемъ возвращеніи, читать лекціи сего языка* (если то угодно будетъ университету)“. Самсоновъ жалуется на чрезвычайный недостатокъ пособій, на то, что рѣдко имѣетъ случай пользоваться совѣтами людей опытныхъ, что въ библіотекѣ недостаетъ многихъ древнихъ классическихъ писателей, нѣтъ почти ни одного изъ новѣйшихъ ученыхъ изданій ихъ. И въ латинскомъ языкѣ, по тѣмъ же причинамъ, онъ не можетъ похвалиться успѣхами, хотя и говоритъ, что этимъ предметомъ заниматься удобнѣе. Изъ занятій, не имѣющихъ прямаго отношенія къ избранной имъ спеціальности, Самсоновъ указываетъ на переводъ, начатый имъ еще имъ въ Казани книги „De la littérature considerée dans ses rapports avec les institutions sociales“. Переводъ этотъ имъ конченъ и исправленъ въ Москвѣ (1). Вотъ все, что высказалъ Самсоновъ о своихъ занятіяхъ. Въ концѣ этого отчета-письма находятся жалобы на недостатокъ средствъ; сначала онъ пользовался даровою квартирою, вѣроятно у знакомыхъ, но это продолжалось только четыре мѣсяца, и затѣмъ ему пришлось платить по 40 рублей за квартиру въ мѣсяцъ, что одно превышаетъ все получаемое имъ жалованье магистра, не упоминая о другихъ потребностяхъ жизни, совершенно необходимыхъ. Ему хотѣлось бы обратиться за помощью къ университету, но его удерживаетъ неизвѣстность, какъ будетъ принята его просьба. Самсоновъ жалуется и на болѣзнь выдержанную имъ нѣсколько разъ и на то, что недостатокъ средствъ, не позволялъ ему лѣчиться. Сравнивая однако московскую жизнь съ казанскою, онъ находитъ первую гораздо удобнѣйшею второй для занятій. „Здѣсь имѣю болѣе времени, не бу-

(1) Изъ нѣкоторыхъ словъ Самсонова видно, что переводъ этотъ уже печатался въ Москвѣ, но сколько мы знаемъ, въ свѣтъ не появлялся. Намъ неизвѣстенъ также авторъ французскаго оригинала, хотя по заглавію книга напоминаетъ нѣсколько сочиненіе г-жи Сталь: «Sur la littérature, considerée dans ses rapports avec l'état moral et politique des nations».

дучи занятъ ни повторительными уроками, ни составленіемъ таблицъ для „Казанскихъ Извѣстій“, ни развлекаемъ знакомствами. И если бы было облегчено нѣсколько мое состояніе, тогда, надѣюсь, успѣхи были бы гораздо значительнѣе: время, по необходимости часто употребляемое на помышленіе о средствахъ какъ жить, могло бы быть посвящено наукамъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Самсоновъ писалъ правду и былъ вполнѣ искрененъ въ своемъ письмѣ и въ сдѣланныхъ имъ заявленіяхъ. Но въ университетѣ Казанскомъ были вообще недовольны его поступкомъ, просьбою обращенною имъ прямо къ министру и желаніемъ учиться въ Московскомъ университетѣ. Очень можетъ быть, что онъ понималъ ничтожность своихъ ученыхъ занятій съ старикомъ и чудакомъ Сторлемъ. Но и этотъ наставникъ умеръ. „Сей поступокъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, навлекъ на меня негодованіе всѣхъ почти профессоровъ“, писалъ Самсоновъ Брауну. „Всѣ говорили: развѣ нѣтъ у насъ своихъ знатоковъ греческаго языка, хотя никто не заступилъ мѣсто покойнаго Сторля. Послѣ его смерти я совершенно безъ всякаго призрѣнія, если можно такъ выразиться, остался: никто не принималъ ни малѣйшаго участія въ моихъ занятіяхъ. Знаю, что молодые люди должны сами искать въ старшихъ: я и старался бы пріобрѣсти ихъ благосклонность, еслибъ не опасался получить въ отвѣтъ презрительной улыбки. Кто бы согласился, хотя два-три часа въ недѣлю терять для моей пользы? Если бы нашелся столь великодушный, тогда бы я не имѣлъ права ѣхать изъ Казани Впрочемъ пусть всякій судитъ о моемъ поступкѣ какъ ему угодно. Объ одномъ прошу: если университетъ надѣется отъ меня какой-либо пользы, то пусть доставитъ средства сдѣлаться *достойнымъ* членомъ онаго; если же онъ мною недоволенъ, то пусть позволитъ мнѣ, пока здоровье мое не доведено до крайняго разстройства, оставить себя (т. е. университетъ), дабы я имѣлъ еще время пріучиться къ новому роду какой либо службы“. Считая вѣроятно совершенно достаточнымъ это подробное и откровенное письмо на имя ректора (1 декабря, 1814 года), Самсоновъ представилъ за майскую треть слѣдующаго 1815 года свой отчетъ въ нѣсколькихъ строчкахъ, прося о пособіи, заявляя о крайней нуждѣ, препятствующей его занятіямъ. Отчетъ этотъ былъ заслушанъ въ совѣтскомъ засѣданіи 12 мая, и рѣшено было представить просьбу Самсонова на разрѣшеніе министра, но къ

этому совѣтъ присовокуплялъ съ своей стороны, что *не предвидитъ пользы отъ пребыванія его въ Москвѣ*. Въ представленіи къ министру включены были и всѣ откровенныя подробности, высказанныя Самсоновымъ въ письмѣ къ ректору, которыя должны были набросить невыгодную тѣнь на него и стараніе снять съ университета обвиненіе въ безучастіи къ его занятіямъ, которое сдѣлалъ Самсоновъ. Упоминалось о томъ, что „библіотека Казанскаго университета богата хорошими изданіями по части древней словесности“, и что профессоръ греческой словесности Эрихъ съ удовольствіемъ принялъ бы на себя способствовать Самсонову въ его занятіяхъ, что онъ заявлялъ и прежде, тотчасъ по смерти профессора Сторля. Совѣтъ однакожъ признавалъ всю недостаточность магистерскаго жалованья для жизни и занятій въ Москвѣ.

Министръ предложилъ отозвать Самсонова изъ Москвы для занятій въ Казани, о чемъ немедленно былъ увѣдомленъ Московскій университетъ для объявленія Самсонову. Въ Москвѣ ему выданы были деньги на проѣздъ въ Казань, куда онъ и отправился 20 сентября. Когда черезъ десять дней Самсоновъ воротился въ Казань и донесъ о томъ совѣту, послѣдній немедленно потребовалъ отъ него подробный письменный отчетъ о его занятіяхъ за все время пребыванія въ Москвѣ. Отчетъ этотъ Самсоновъ дѣйствительно представилъ очень скоро, но нельзя его назвать подробнымъ никоимъ образомъ. Тѣже самыя свѣдѣнія, какія находились въ письмѣ его къ Брауну, повторяются и въ новомъ отчетѣ. Прибавлено о томъ, что онъ слушалъ лекціи Каченовскаго по русской исторіи и Мерзлякова по русской словесности и о домашнихъ занятіяхъ. Эти послѣднія состояли, по словамъ его, въ чтеніи авторовъ, которыхъ имѣлъ съ собою или могъ доставать у своихъ знакомыхъ. Меньше всего успѣлъ онъ въ греческомъ языкѣ, для изученія котораго поѣхалъ въ Москву, „ибо и лексиконъ сего языка могъ я достать только въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ“. По словамъ его онъ читалъ однако Эліана, Аполлодора и отрывки другихъ писателей. Изъ латинской словесности Самсоновъ приводитъ сочиненія почти всѣхъ классическихъ писателей какъ поэтовъ, такъ и прозаиковъ, съ которыми онъ якобы знакомъ. Изъ особыхъ трудовъ сверхъ классическихъ литературъ, Самсоновъ говоритъ, что онъ составилъ словарь для учебной книжки De viris illustribus urbis Romae, перевелъ комментаріи и дополнилъ

ихъ своими. На русскомъ языкѣ перечитывалъ знаменитѣйшихъ писателей и участвовалъ (?) въ составленіи *новой русской грамматики*, которая скоро будетъ издана кандидатомъ Московскаго университета Калайдовичемъ.—По французскомъ языкѣ онъ „старался усовершенствоваться какъ посредствомъ разговоровъ, такъ и чтеніемъ отличнѣйшихъ произведеній". Упоминаетъ также вновь о переведенной имъ книгѣ.

Совѣтъ очевидно не довѣрялъ Самсонову и по выслушаніи этого отчета опредѣлилъ: 1) предписать Самсонову представить совѣту тѣ письменныя занятія, о которыхъ онъ писалъ въ отчетѣ, и 2) просить совѣтъ Московскаго университета, дабы онъ благоволилъ истребовать у гг. преподавателей, у коихъ Самсоновъ слушалъ лекціи, аттестаціи и препроводить ихъ въ Казань (это было постановлено по большинству голосовъ, такъ что очевидно у Самсонова были защитники). Самсоновъ въ другомъ своемъ представленіи ходатайствовалъ, „основываясь на мнѣніи нѣкоторыхъ почтенныхъ людей и на собственномъ сужденіи", о напечатаніи на казенный счетъ и о введеніи, какъ руководства въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ округа книги, изданной Ломондомъ De viris illustribus съ примѣчаніями, переведенными на русскій языкъ и дополненными имъ, Самсоновымъ. Приготовленная къ изданію эта книга оставлена имъ въ Москвѣ Ее не можетъ онъ представить потому что, какъ ему пишутъ изъ Москвы, она послана на разсмотрѣніе къ Евгенію архіепископу калужскому; переводъ же книги „Considérations" уже печатается, и существованіе этого перевода удостовѣрить можетъ профессоръ Перевощиковъ, „слова котораго, какъ члена совѣта и сужденіе, какъ профессора русской словесности, думаю могутъ быть приняты въ уваженіе". Всѣ прочія письменныя работы Самсонова оставлены, по словамъ его, въ Москвѣ, кромѣ небольшаго отрывка изъ перевода „Андріянки" (1), который онъ и представляетъ совѣту въ черновомъ видѣ. „Ежели совѣтъ недоволенъ поданнымъ мною отчетомъ," заключаетъ Самсоновъ, „то покорнѣйше прошу его привести себѣ на память, что я при отъѣздѣ моемъ не получилъ отъ него ни малѣйшаго наставленія, какія обыкновенно даются отправляющимся куда-либо отъ своего мѣста". Совѣтъ послѣ этого поручилъ профессорамъ Френу

(1) »Andria», уроженка острова Андроса, одна изъ комедій Теренція

и Эриху „выбрать изъ какого-либо греческаго сочиненія статью и заставить оную г. Самсонова у себя дома письменно переводить, на что ему дать мѣсяцъ“ Френъ и Эрихъ должны были разсмотрѣть этотъ переводъ и донести о немъ совѣту. Отрывокъ перевода „Андріянки“ Самсоновъ долженъ былъ переписать и снова представить въ совѣтъ. Обо всемъ этомъ было донесено попечителю, сдѣлавшему замѣчаніе совѣту, что онъ не представилъ ему о возвращеніи Самсонова.

Гораздо раньше назначеннаго срока профессора Френъ и Эрихъ донесли по латыни совѣту, что они нѣсколько измѣнили порученіе имъ данное и вмѣсто того, чтобъ заставить Самсонова переводить въ теченіе мѣсяца у себя на дому какой-либо выбранный ими отрывокъ, такъ какъ о сдѣланномъ въ ихъ отсутствіи они не могли бы составить правильнаго сужденія („quum de eo quod absentibus nobis actum sit, idoneum judicium ferri a nobis vix possit“), то и посовѣтовали ему переводить въ ихъ присутствіи. На это онъ вполнѣ согласился. Они предложили ему перевести отрывокъ изъ сочиненія Палефата περὶ ἀπίστων (о невѣроятныхъ вещахъ) выбранную ими главу „объ улиткѣ дающей пурпуровую краску“ (murex). „Отрывокъ этотъ“, по словамъ экзаменаторовъ, „весьма удобопонятенъ; его легко можетъ перевести всякій ученикъ, который только недавно сталъ учиться по гречески; онъ и выбранъ былъ нами потому, что его можно перевести, не обращаясь къ пособію словаря. Но Самсоновъ объявилъ намъ, что безъ лексикона переводить онъ не можетъ, и мы должны были согласиться съ этимъ. Онъ переводилъ 16 и 18 ноября, справляясь почти о каждомъ словѣ въ лексиконѣ. Смыслъ отрывка, впрочемъ весьма легкаго для разумѣнія, онъ понялъ вообще вѣрно, хотя иногда и ошибался. Надобно сожалѣть однако, что онъ весьма мало знакомъ съ языкомъ, не знаетъ самыхъ употребительныхъ словъ; не свѣдущъ въ грамматикѣ и не могъ отвѣчать на самые простые наши вопросы о склоненіяхъ и спряженіяхъ“. Френъ и Эрихъ совѣтовали Самсонову приложить особое стараніе къ изученію грамматическихъ формъ греческаго языка, мало знакомыхъ ему и посредствомъ чтенія усвоить себѣ большее количество словъ, такъ какъ и то и другое было имъ не исполнено въ Москвѣ, *„если онъ въ состояніи побудитъ свою нелюбовь къ греческому языку, въ которой онъ намъ сознался“* (si modo animum quem sibi ab his litteris prorsus alienum esse ipse

confessus est, mutaverit). Что мнѣніе Френа и Эриха было справедливо, доказательствомъ можетъ служить приложенный къ дѣлу черновой латинскій переводъ Самсонова небольшаго упомянутаго отрывка изъ Палефата. Совѣтъ, согласившись съ мнѣніемъ профессоровъ Френа и Эриха, представилъ о томъ попечителю, а отъ Самсонова потребовалъ объясненія *„по какой части словесности (·) онъ желаетъ посвятить себя, почитая себя преимущественно къ оной способнымъ?“* Нѣтъ никакого сомнѣнія, что греческимъ языкомъ Самсоновъ сталъ заниматься не по собственному сознательному желанію, а по наряду Яковкина для „пополненія аудиторіи“ Сторля.

Вскорѣ Самсоновъ представилъ въ совѣтъ переписанный имъ переводъ отрывка изъ „Андріянки“ и полученную изъ Москвы книгу „De viris illustribus“, а вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ, что желаетъ преимущественно заниматься словесностью россійскою. Книга „De viris illustribus“ и отрывокъ изъ „Андріянки“ препровождены были на разсмотрѣніе профессоровъ Эриха и Городчанинова съ тѣмъ, чтобъ они дали о нихъ заключеніе. Профессорамъ русской словесности Городчанинову и Перевощикову поручено особенно заниматься съ Самсоновымъ, а самому ему былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ не занимался греческимъ языкомъ, для чего отправленъ былъ въ Москву. Городчаниновъ нашелъ переводъ отрывка изъ „Андріянки“—„довольно хорошимъ“, но сравнить его съ подлинникомъ онъ былъ не въ состояніи, и намъ кажется, что больше обращалъ вниманія на французскій переводъ Теренція, чѣмъ на подлинникъ. Другаго мнѣнія былъ попечитель. Онъ счелъ нужнымъ предложить совѣту, „чтобы магистръ Самсоновъ, *для пользы университета*, кромѣ россійской словесности, занимался и латинскою. Для успѣховъ въ семъ совѣтъ долженъ оказать ему съ своей стороны всевозможное содѣйствіе, доставить оному удобную для занятій квартиру, или дозволить сойти на свою, препоручить его особенному руководству профессоровъ по части латинской словесности и сдѣлать все, что клониться будетъ къ пользѣ университета и сего г. магистра, прилагая о немъ отечески начальственное попеченіе“. Объ этомъ предписано было профессорамъ Герману и Эриху, а также и самому Самсонову. Между тѣмъ получено было отношеніе совѣта Московскаго университета, на запросъ Казанскаго, о заня-

тіяхъ Самсонова. Изъ отношенія видно, что по свидѣтельству декана профессора Тимковскаго, Самсоновъ слушалъ у него лекціи по греческой и латинской словесности съ особеннымъ прилежаніемъ и успѣхомъ, гг. же профессоры Мерзляковъ и Качеповскій объявили, что Самсоновъ лекцій ихъ никогда не слушалъ, а потому они ничего вѣрнаго сообщить о немъ не могутъ. Совѣтъ потребовалъ отъ Самсонова объясненій, но, кажется, онъ никакихъ не представилъ (1).

Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, у кого и какимъ предметомъ занимался Самсоновъ послѣ разсказаннаго нами его неудачнаго изученія греческаго языка и греческой словесности въ Московскомъ университетѣ. Но въ началѣ декабря того же 1816 года совѣтъ получаетъ отъ министра народнаго просвѣщенія князя Голицына прошеніе или жалобу Самсонова, писанную на его имя, и предложеніе доставить по ея содержанію объясненіе. Жалоба эта была направлена противъ ректора. Самсоновъ объяснялъ въ ней, что числясь слишкомъ пять лѣтъ магистромъ при Казанскомъ университетѣ, онъ рѣшился просить совѣтъ удостоить его званія адъюнкта. Въ тѣ годы инициатива повышенія въ университетскихъ должностяхъ не принадлежала еще отдѣленію или факультету; всякій желающій того или ищущій повышенія долженъ былъ самъ хлопотать о себѣ и подавать прошеніе по начальству. Когда открылся университетъ, вслѣдствіе прошенія происходилъ выборъ. Такую просьбу Самсоновъ и желалъ подать, если представленное имъ сочиненіе (намъ неизвѣстно какое) будетъ одобрено, но ректоръ, увидавъ эту просьбу, запретилъ вписывать ее въ протоколъ и сказалъ будто-бы Самсонову, что право производить въ адъюнкты предоставлено ему. Считая отказъ этотъ противнымъ правиламъ и оскорбительнымъ для себя и ставя свидѣтелемъ такого оскорбленія весь университетъ, какъ онъ выражался, Самсоновъ и принесъ свою жалобу министру. Началось по этому дѣлу слѣдствіе. Совѣтъ предоставилъ ректору подать объясненіе, а отъ Самсонова потребовалъ свѣдѣній: гдѣ и при комъ подано было имъ прошеніе, и что разумѣетъ онъ подъ словами „оскорбительный отказъ“. Всѣ члены совѣта должны были письменно отвѣтить на вопросъ, поставленный ректоромъ: кто былъ свидѣтелемъ оскорбительнаго отказа?

(1) Дѣло по предложенію г. попечителя объ отпускѣ на три года въ Московскій университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія магистра Самсонова съ оставленіемъ при немъ его жалованья. *Сов.* 1813 г., № 119

Никѣмъ однако не было подтверждено, что ректоръ высказался о правѣ производить въ адъюнкты, какъ принадлежащемъ лично ему; никто не могъ объяснить также, что было оскорбительнаго въ отказѣ ректора принять просьбу Самсонова; всѣ только подтверждали фактъ непринятія просьбы и то, что ректоръ объяснялъ свой отказъ тѣмъ, что по каѳедрѣ русской словесности есть уже ординарный и экстраординарный профессора (Городчаниновъ и Перевощиковъ). Любопытно мнѣніе давно замолкшаго въ совѣтѣ Яковкина: „Объ отказѣ принятія ректоромъ просьбы я ничего не знаю“, писалъ онъ; „слѣдовало бы кажется магистру Самсонову подать просьбу свою въ совѣтъ, а не прямо къ г. министру, въ чемъ я признаю его виновнымъ противъ законовъ, изданныхъ по сему предмету. Исканіе высшаго академическаго достоинства зависѣть должно отъ признательности и удостоенія начальства, а не отъ самохотѣнія. Предлагаю не угодно ли будетъ занять г. магистра Самсонова обученіемъ студентовъ греческому языку (?), коего словесность высочайше предписана по уставу университета“. Онъ упорно вѣрилъ въ непогрѣшимость своего выбора.

Скоро послѣ того поступили въ совѣтъ объясненія какъ Самсонова, такъ и ректора. Первый конечно стоялъ на своемъ и приводилъ разныя подробности о томъ, какъ онъ подавалъ свою просьбу, по въ жалобѣ министру, какъ мы видѣли, онъ выставлялъ свидѣтелями отказа ректора и словъ его, что право производить въ адъюнкты предоставлено ему—весь университетъ; теперь же, пишетъ онъ, слова эти произнесены были ректоромъ *наединѣ*, но въ томъ, что они были дѣйствительно произнесены, онъ „готовъ принять очистительную присягу“. Въ старой русской жизни, до введенія новаго судопроизводства, въ обыкновенныхъ житейскихъ разговорахъ, эта *очистительная присяга*, сколько помнится, была въ большомъ употребленіи, хотя въ дѣйствительности, не на словахъ, прибѣгали къ ней чрезвычайно рѣдко. Всякая торговка на базарѣ готова была принять очистительную присягу въ томъ, что гнилой товаръ, продаваемый ею—дѣйствительно свѣжій. Можетъ быть, въ томъ же смыслѣ говорилъ и ищущій званія адъюнкта. Смягчаетъ теперь Самсоновъ и смыслъ употребленнаго эпитета „оскорбительный“ къ слову отказъ. Это значитъ уже, по его словамъ—горестный или прискорбный, потому что въ званіи магистра (безъ экзамена) онъ состоитъ съ 1811 года, слиш-

комъ шесть лѣтъ, и многіе изъ его товарищей удостоились уже, по его словамъ, слѣдующихъ степеней (Самсоновъ смѣшиваетъ должность со степенью). Ректоръ, какъ мы говорили, свой отказъ вписать просьбу Самсонова въ протоколъ, мотивировалъ тѣмъ, что по русской словесности есть уже два профессора, и что второй изъ нихъ, Перевощиковъ, получаетъ только адъюнктское содержаніе, именно то, о которомъ для себя хлопочетъ Самсоновъ. Онъ писалъ кромѣ того, что Самсоновъ, проведя два года въ Московскомъ университетѣ для усовершенствованія себя въ греческой словесности, оказалъ на экзаменѣ въ ней слабые успѣхи, что оставивъ этотъ, избранный имъ самимъ предметъ, рѣшился заниматься россійской словесностью, но успѣхи его и въ ней до сихъ поръ „никакими опытами не доказаны“. Оба объясненія: и ректора и Самсонова представлены были министру, который нашелъ основательнымъ объясненіе ректора объ отказѣ Самсонову въ производствѣ его въ адъюнкты и предложилъ объявить о томъ ему (1).

О чемъ было написано разсужденіе Самсонова по русской словесности — мы не нашли свѣдѣній, но получивъ отказъ въ адъюнктствѣ, согласно предписанію министра, онъ очень сузилъ свои желанія и въ апрѣлѣ слѣдующаго 1817 года уже заявлялъ совѣту, что желалъ бы, до пріѣзда назначеннаго учителя Измайлова, занять, теперь безъ жалованья, высшій классъ латинскаго языка въ гимназіи, гдѣ онъ и до поѣздки въ Москву преподавалъ (2). Въ слѣдующемъ 1818 году мы видимъ Самсонова въ званіи помощника инспектора, на котораго жалуется за нерадѣніе по должности заступающій мѣсто инспектора профессоръ Брейтенбахъ. Въ гимназіи, вмѣсто высшаго латинскаго, онъ на должности высшаго россійскаго языка и „занимается порученіями (?) отъ казанскаго общества любителей словесности“. Самсоновъ былъ и однимъ изъ редакторовъ въ этомъ году „Казанскихъ Извѣстій“. По прошенію, тогда же поданному имъ, онъ былъ уволенъ отъ редакторства и отъ должности помощника инспектора (3). Такъ кончилось приготовленіе Самсонова на каѳедру греческаго

(1) Дѣло о жалобѣ г. магистра Самсонова на г. ректора, что не принялъ у него прошенія объ удостоеніи званія адъюнкта по части россійской словесности. *Сов* 1816 г № 162

(2) Протоколы совѣта 1817 г, стр. 43а

(3) Протоколы Совѣта 1818 г, стр. 38б, 51а

языка и словесности. Въ концѣ 1819 года, уже при попечителѣ Магницкомъ, онъ все еще былъ магистромъ, но за службу свою былъ награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора.

Столь же неудачно было приготовленіе для занятія каѳедры въ медицинскомъ факультетѣ кандидата медицины Лентовскаго. Въ іюнѣ 1816 года отдѣленіе врачебныхъ наукъ, прилагая прошеніе этого кандидата объ увольненіи его отъ учительской обязанности (учившіеся медицинѣ казенные студенты весьма часто поступали въ учителя; они не могли быть врачами, такъ какъ при двухъ наличныхъ профессорахъ, не многое могли они усвоить), просило совѣтъ объ утвержденіи Лентовскаго кандидатомъ практической медицины, а имѣя въ виду, что въ Казанскомъ университетѣ не существуютъ еще всѣ институты, нужные для врача, объ отправкѣ Лентовскаго на казенный счетъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Отдѣленіе высказывало надежду, что Лентовскій по окончаніи курса возвратится въ университетъ „для занятія должности къ какой окажется способнымъ“ (1). Совѣтъ представилъ объ этомъ министру, который и согласился съ экономическою однако оговоркой. „если только на содержаніе Лентовскаго въ С.-Петербургѣ требуется отъ университета не больше той суммы, какая нынѣ на него издерживается“ (300 р. въ годъ). Лентовскій немедленно подалъ прошеніе о выдачѣ ему прогонныхъ денегъ до С.-Петербурга, съ обязательствомъ возвратить ихъ изъ своего содержанія, если министръ не согласится на эту выдачу. Въ Лентовскомъ, вѣроятно какъ въ прилежномъ студентѣ, принималъ участіе ректоръ Браунъ, какъ членъ медицинскаго факультета По его заявленію совѣтъ рѣшился ходатайствовать у министра о нѣкоторой прибавкѣ къ его жалованью, въ виду крайней его недостаточности. Отправленный кандидатъ долженъ былъ представлять отдѣленію каждую треть года отчеты о своихъ занятіяхъ. Это было постановлено вслѣдствіе неудачнаго опыта съ Самсоновымъ. Министръ разрѣшилъ прибавить 300 р. къ жалованью, получаемому Лентовскимъ изъ суммы на „путешествіе въ чужіе края адъюнктовъ изъ Россіянъ, отличившихся талантами“. Аккуратный Лентовскій уже 1 января слѣ-

(1) Протоколы совѣта 1817 года, стр. 61об, 87об, 92об, 125об, 141об

дующаго 1817 года прислалъ свой первый отчетъ факультету за истекшую треть года (1). Въ октябрѣ однако того же года медицинскій факультетъ, не высказывая основаній (за первую треть этого года Лентовскій также представилъ отчетъ) проситъ совѣтъ предписать кандидату, чтобы онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ приготовился къ испытанію „и по окончаніи сего времени“ возвратился обратно въ университетъ. Получивъ такое предписаніе, нарушающее условія его отправки, Лентовскій ходатайствуетъ о позволеніи ему остаться въ С.-Петербургѣ по 14 августа будущаго 1818 года съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ выслушать полный курсъ медицинскихъ наукъ, что и было ему разрѣшено. Курсъ медицинскихъ наукъ онъ дѣйствительно окончилъ въ Петербургѣ и въ концѣ 1818 года возвратился въ Казань. Но медицинскій факультетъ предложилъ ему снова ѣхать въ С.-Петербургъ, чтобы выдержать въ академіи экзаменъ на степень доктора. Лентовскій на это предложеніе донесъ совѣту, что онъ не въ состояніи ѣхать на свой счетъ въ С.-Петербургъ, и что онъ прямо отъ себя отнесся къ министру съ просьбою объ опредѣленіи его уѣзднымъ врачомъ (2) Дѣйствительно, по предписанію министра отъ 1 февраля 1819 года, Лентовскій, получившій въ академіи званіе лѣкаря втораго отдѣленія, былъ назначенъ уѣзднымъ врачомъ въ казанской губерніи.

Такъ неудачно кончилось и это приготовленіе къ будущей академической дѣятельности. Въ этихъ неудачахъ Самсонова и Лентовскаго, какъ и въ прежнихъ случаяхъ съ Алехинымъ и Манассеиномъ, оказывается, по нашему мнѣнію, безсиліе преподаванія, существовавшаго въ первые годы Казанскаго университета, и полная неподготовленность студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій, которыхъ они въ большинствѣ случаевъ не понимали, такъ какъ иностранные профессора не могли читать по русски. Исключеніе должны составить только студенты-математики, которыхъ и не отправляли никуда приготовляться къ ученой службѣ, но это было потому, что математика говоритъ на универсальномъ языкѣ, равно доступномъ для каждаго, кто владѣетъ способностью пониманія и и извѣстнымъ развитіемъ. Съ открытія университета до назначенія попечителемъ Магницкаго (при немъ начались уже

(1) Протоколы совѣта 1817 года, стр. 1а, 7б, 103а, 114а, 123б.

(2) Протоколы совѣта 1817 года, стр. 16б

другіе порядки для пополненія каѳедръ) были только эти четыре, разсказанные нами случая приготовленія къ каѳедрѣ. Впрочемъ Лентовскій впослѣдствіи времени воротился въ Казанскій университетъ профессоромъ, но изображеніе его служебной и научной дѣятельности выходитъ за предѣлы настоящей книги. Лентовскій служилъ уже подъ дѣйствіемъ устава 1835 года, былъ ординарнымъ профессоромъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, завѣдывалъ клиникой и не покидалъ каѳедры до начала 50-хъ годовъ. Много любопытныхъ разсказовъ сохранилось объ этомъ старикѣ. Наука медицины шла впередъ, гдѣ-то далеко, въ неизвѣстной Лентовскому Германіи, создавались новыя теоріи, изобрѣтались разнообразные инструменты, кипѣла научная дѣятельность, но профессоръ оставался чуждъ всему этому новому движенію, держался усвоенныхъ имъ въ десятыхъ годахъ вѣка медицинскихъ воззрѣній, упорно отстаивалъ ихъ, давая пищу насмѣшкамъ болѣе молодыхъ сослуживцевъ.

Вопросъ о приготовленіи достойныхъ замѣстителей на вакантныя каѳедры являлся самымъ существеннымъ вопросомъ въ жизни нашихъ университетовъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали дѣйствовать съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія. Иностранные профессоры, какія бы достойныя научныя силы они ни представляли собою, скоро оказались непригодными и почти безполезными. Понятно, что приготовлять университетскихъ преподавателей собственными силами при такомъ положеніи вещей оказалось немыслимымъ, доказательствомъ чего могутъ служить приведенные нами четыре неудачные примѣра Казанскаго университета. Не нужно забывать и того, что въ той глухой, провинціальной средѣ, которая окружала этотъ университетъ, не было никакихъ возбуждающихъ поводовъ для молодаго человѣка къ занятію наукой, къ увлеченію ею. Напротивъ въ этомъ обществѣ господствовала скорѣе безсознательная инстинктивная ненависть къ наукѣ, кромѣ разумѣется той, которая имѣла сколько-нибудь практическое содержаніе. На каѳедрахъ занятыхъ русскими, доморощенными преподавателями выслушивались только разорванные, несвязанные идеей клочки знаній, пріобрѣтенные и нахватанные случайно, или пустыя фразы. Молодой человѣкъ могъ заниматься чѣмъ угодно, лишь не наукой, и этимъ онъ выигрывалъ въ мнѣніи почти

всѣхъ и даже университетской корпораціи. Съ такими вкусами и убѣжденіями онъ садился на каѳедру. Все это продолжалось довольно долго, до графа Уварова, который первый изъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія, понимая глубокое значеніе науки въ государственной жизни, обратилъ серьезное вниманіе на вопросъ о приготовленіи дѣльныхъ преподавателей въ университетахъ. При немъ былъ учрежденъ дерптскій профессорскій институтъ и организовано отправленіе молодыхъ людей за границу. Въ строгой научной школѣ могло быть только это приготовленіе къ достойному замѣщенію университетской каѳедры. Въ самомъ дѣлѣ молодые люди, возвратившіеся въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ въ наши университеты изъ дерптскаго института или изъ нѣмецкихъ университетовъ, впервые положили основаніе дѣйствительно научнымъ занятіямъ и сильно возбуждали студентовъ къ умственному труду, хотя на этихъ молодыхъ ученыхъ, почти на всѣхъ и со всѣхъ сторонъ, сыпались и тогда обвиненія въ „исканіи популярности“. Прошло не болѣе двухъ десятилѣтій, если не меньше, и уваровская система приготовленія достойныхъ университетскихъ преподавателей, вслѣдствіе измѣнившагося направленія, была оставлена. Всякому извѣстны тѣ глубоко-серьезныя причины, которыя заставили министерство Головина обратить преимущественное вниманіе на этотъ вопросъ.

Естественно, что въ годы, о которыхъ мы ведемъ разсказъ, первые годы самоуправленія Казанскаго университета, замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ, которое предоставлено было теперь корпораціи, могло совершаться только случайно, безъ особенно строгаго выбора. Впрочемъ до ревизіи Магницкаго такихъ случаевъ всего было два, и не университетъ искалъ преподавателей, а они сами обращались къ нему съ просьбами объ опредѣленіи. Остановимся на этихъ случаяхъ и посмотримъ, что принесли университету эти новыя, уже „выборныя“ личности профессоровъ.

Первымъ такимъ избранникомъ былъ вольнопрактикующій докторъ медицины и хирургіи *Эмануилъ Вердерамо*, подавшій въ декабрѣ 1814 года прошеніе въ совѣтъ университета объ опредѣленіи его профессоромъ повивальнаго искусства (1). При прошеніи были приложены его сочиненія и

(1) Вердерамо слѣдовательно не получалъ приглашенія отъ университета, какъ говоритъ его родственникъ Ларіоновъ въ некрологѣ своего отца Г. С Ларіонова (3 декабря 1870 г) См *Казанскія губернскія вѣдомости* 30 дек. 1870 г., № 101

дипломъ. Прошеніе и приложенія были препровождены въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ для отвѣта на вопросъ: способенъ ли проситель къ просимой имъ должности? Не прошло и двухъ недѣль, какъ медицинское отдѣленіе, разсмотрѣвъ сочиненія Вердерамо, донесло совѣту, что не находитъ никакого препятствія къ опредѣленію его ординарнымъ профессоромъ по указанной имъ каѳедрѣ. Исполнивъ требованія § 56 устава, то есть разсмотрѣвъ сочиненія (это было сдѣлано факультетомъ) и собравъ „свѣдѣнія о нравственности кандидата" (какъ это дѣлалось—намъ неизвѣстно), совѣтъ, въ чрезвычайномъ собраніи своемъ 8 января 1815 года, большинствомъ голосовъ избралъ Вердерамо въ ординарные профессоры, а министръ утвердилъ его 31 января (1). Вся процедура опредѣленія совершилась очень быстро; очевидно Вердерамо, не смотря на краткость своего пребыванія въ Казани, пользовался уже расположеніемъ многихъ. Отдѣленіе медицинскихъ наукъ разсмотрѣло его диссертацію, за которую онъ получилъ въ Виленскомъ университетѣ степень доктора медицины: „Dissertatio medico-practica de methodo mercurium adhibendi in morbis syphiliticis" (было ли оно напечатано—не знаемъ). Три какія-то сочиненія Вердерамо на языкѣ итальянскомъ только упоминаются, но разсмотрѣны не были. Они касались различныхъ частей медицины. Наконецъ была представлена имъ рукопись „О повивальномъ искусствѣ" на языкѣ латинскомъ. Эти сочиненія дали полное право отдѣленію врачебныхъ наукъ признать Вердерамо достойнымъ званія публичнаго ординарнаго профессора, „тѣмъ болѣе потому"—доносило отдѣленіе, „что онъ обязался преподавать студентамъ хирургическія операціи *по своему начертанію* (значитъ онъ писалъ и по хирургіи) дотолѣ, пока мѣсто профессора хирургіи при университетѣ занято не будетъ" (Арнгольдъ въ это время уѣхалъ въ Тобольскъ).

Кто былъ этотъ новый профессоръ и какимъ образомъ попалъ онъ въ Казань? На вопросы эти мы можемъ дать достовѣрные и довольно обстоятельные отвѣты. Эмануилъ Вердерамо или Мануилъ Осиповичъ, какъ звали его въ Казани, былъ родомъ изъ тогдашняго Неаполитанскаго королевства,

---

(1) Дѣло объ избраніи доктора Вердерамо профессоромъ публичнымъ ординарнымъ повивальнаго искусства *Сов* 1814 г. № 169.

изъ города Лечче (Lecce) (1). Въ 1815 году, согласно его записи, ему было 37 лѣтъ, слѣдовательно онъ долженъ былъ родиться въ 1778 году. Въ 1803 году онъ получилъ степень доктора философіи, медицины и хирургіи въ самой древней европейской медицинской школѣ (civitas hippocratica) въ Салерно, на берегу Неаполитанскаго залива (2). Въ ней и учился Вердерамо.

Съ 1805 по 1811 годъ, т. е. до отъѣзда своего изъ Италіи, онъ былъ въ королевскомъ неаполитанскомъ университетѣ адъюнктомъ у профессора повивальнаго искусства и хирургіи, а въ 1811 году поѣхалъ въ Россію чрезъ Тріестъ и Радзивиловъ. Въ Вильнѣ Вердерамо получилъ отъ университета степень доктора медицины, давшую ему право практиковать въ предѣлахъ Россіи. Во время войны 12-го года Вердерамо служилъ военнымъ врачомъ, но гдѣ—изъ документовъ не видно. Въ 1814 году онъ пріѣхалъ въ Казань и вскорѣ послѣ пріѣзда пристроился къ Казанскому университету. Причина пріѣзда Вердерамо была семейная. Тутъ былъ и романъ и экономическій разсчетъ, и мы не въ состояніи рѣшить, который изъ этихъ двухъ факторовъ былъ преобладающимъ. Суть дѣла была такая.

Въ концѣ прошлаго вѣка былъ въ Казани дворянинъ и помѣщикъ Сергѣй Епифановъ Ларіоновъ, владѣвшій вмѣстѣ съ тремя братьями родовымъ имѣніемъ въ свіяжскомъ уѣздѣ. Служилъ онъ въ артиллеріи, гдѣ дослужился до маіорскаго чина. Вердерамо называетъ его „храбрымъ и добрымъ“. По разсказу его внука, онъ участвовалъ въ 1788 году въ составѣ дѣйствующей арміи при взятіи Очакова и потомъ служилъ въ Севастопольской артиллерійской командѣ до 1804 года. Въ этомъ году Ларіоновъ съ командою и полевыми орудіями былъ отправленъ на Іоническіе острова, въ Корфу, гдѣ уже нахо-

---

(1) Небольшой, но главный городъ провинціи Terra d'Otranto въ южной Италіи (въ древности Licia), по дорогѣ изъ Бари въ Отранто, почти у самаго берега Адріатическаго моря

(2) Еще въ X вѣкѣ множество больныхъ стекалось сюда изъ разныхъ концовъ Италіи для чудеснѣйшаго исцѣленія отъ мощей св. Матоея, патрона Салерно и трехъ святыхъ мученицъ. Съ XI вѣка салернитанскіе монахи стали учиться медицинѣ у врачей греческихъ и арабскихъ, и уже во время крестовыхъ походовъ медицинская школа въ Салерно, послужившая прототипомъ для всѣхъ медицинскихъ факультетовъ въ Европѣ, пользовалась большою извѣстностью Она перестала существовать въ 1827 году, но чудесныя исцѣленія продолжаются по прежнему.

дились русскія войска (1). Съ этого времени онъ былъ командиромъ всей артиллеріи на Іоническихъ островахъ и комендантомъ крѣпости въ Корфу, гдѣ и умеръ 21 декабря 1809 года, не задолго до отправки нашихъ войскъ и кораблей на родину (2). Ларіоновъ былъ женатъ въ первый разъ на Авдотьѣ Ѳедоровнѣ Югариной, или Юхориной, дочери артиллерійскаго генералъ-маіора, отъ которой имѣлъ дочь Евдокію. Эта жена умерла въ 1800 году. Ларіоновъ вскорѣ женился на дочери перекопскаго коменданта, національность которой намъ неизвѣстна, Иринѣ Карловнѣ Любергъ, или Лубергъ. Съ нею онъ и жилъ въ Корфу. Плодомъ этого брака были: сынъ Григорій (род. въ 1803 или 1804 году) и дочь Марія. Понятно, что дѣти, не смотря на услуги крѣпостной семьи, говорили больше по итальянски, чѣмъ по русски. Молодая вдова съ двумя малолѣтними дѣтьми и падчерицею, вмѣстѣ съ русскими войсками, была перевезена изъ Корфу въ Италію на небольшихъ лодкахъ, во избѣжаніе англійскихъ крейсеровъ, въ Лечче, гдѣ былъ сборный пунктъ (3). Здѣсь, въ родномъ своемъ городѣ, познакомился со вдовою Вердерамо и въ началѣ февраля 1811 года, слѣдовательно не задолго до переѣзда въ Россію, который и рѣшенъ былъ по этому случаю, женился на вдовѣ и „принялъ отеческое попеченіе объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ Ларіонова“, какъ самъ онъ пишетъ въ одной изъ своихъ тяжебныхъ бумагъ, переведенной съ итальянскаго языка товарищемъ его по службѣ, извѣстнымъ казанскимъ полиглотомъ профессоромъ Солнцевымъ (4), „а также о вдовѣ Иринѣ Карловой, доставляя имъ содержаніе, приличное состоянію ихъ и обстоятельствамъ, болѣе изъ состраданія, видя ихъ въ иноплеменной землѣ, безъ родственниковъ, безъ покрова и безъ всякаго

---

(1) Во время итальянскаго похода Суворова, или вслѣдъ за нимъ, русскій адмиралъ Ушаковъ, командуя союзнымъ флотомъ (русскіе и турки) покорилъ послѣ бомбардировки о Корфу и выгналъ французовъ изъ Неаполя и Рима. Республика семи Іоническихъ острововъ по Аменскому миру въ 1801 году была признана подъ покровительствомъ Россіи и Турціи и въ Корфу былъ нашъ гарнизонъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса Іоническіе острова перешли подъ покровительство Великобританіи.

(2) По Тильзитскому миру 1807 года о. Корфу долженъ быть сданъ адмираломъ Сенявинымъ французамъ.

(3) См. *Броневскаго*, «Записки морскаго офицера» ч. 4-я, Спб. 1819. стр. 262.

(4) Дѣло о доставленіи отъ г. профессора Вердерамо казанской палатѣ гражданскаго суда свѣдѣній о малолѣтнихъ дѣтяхъ умершаго маіора Ларіонова. *Прав.* 1817 г., № 61

пособія къ содержанію себя по смерти храбраго и добраго маіора Ларіонова оставшихся, *бывъ между тѣмъ удостовѣряемъ вдовствующею Ириною Карловою въ томъ, что всѣ издержки на ихъ употребляемыя, будутъ возвращены по прибытіи въ Россію, гдѣ оная вдова надѣялась получить по наслѣдству съ тѣми малолѣтними дѣтьми имѣніе по смерти отца ихъ и ихъ дядей и къ принадлежащее*“ (у умершаго Ларіонова, кромѣ живаго брата Григорія, были два брата Дмитрій и Петръ, также покойные). На другой годъ по пріѣздѣ въ Казань, Вердерамо даже вдвойнѣ породнился съ Ларіоновыми. Въ началѣ апрѣля 1815 года онъ доноситъ совѣту университета, что по смерти жены, послѣдовавшей въ декабрѣ 1814 года, вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань, онъ началъ страдать болѣзнію, сопровождаемою судорогами (morbum convulsionum contraxit). По прошествіи нѣкотораго времени онъ думалъ, что выздоровѣлъ, но болѣзнь оказалась упорною и сверхъ того онъ сталъ страдать ипохондріей Эти страданія заставили Вердерамо просить объ отпускѣ на три недѣли, чтобъ удалиться изъ города на три или четыре мили, и дыша чистымъ воздухомъ, излѣчиться отъ болѣзни. Въ настоящемъ своемъ состояніи онъ не находитъ возможности исполнять свои обязанности, какъ бы желалъ. *Чистый* воздухъ казанскихъ окрестностей на столько помогъ Вердерамо, что онъ скоро пересталъ быть вдовцомъ, и уже 5 мая, съ разрѣшенія казанской духовной консисторіи, обвѣнчался на падчерицѣ покойной жены своей дочери маіора Сергѣя Ларіонова отъ перваго брака—Евдокіи (1)

Мы остановились на этихъ фактахъ семейной жизни Вердерамо, потому что двойной бракъ его со вдовою маіора Ларіонова, а потомъ съ его дочерью отъ перваго брака его же, былъ источникомъ разныхъ тяжебныхъ дѣлъ и исковъ, веденныхъ Вердерамо во все время его кратковременнаго служенія въ Казани. Онъ такъ много запятъ былъ этимъ тяжебнымъ дѣломъ, такъ часто приходилось ему писать разныя бумаги, объясненія и жалобы то на латинскомъ, то на родномъ итальянскомъ языкѣ, которыя переводились на русскій канцелярскій языкъ и оффиціальными и не оффиціальными переводчиками, что тяжба о наслѣдствѣ сиротъ Ларіоновыхъ

(1) .. «и сталъ такимъ образомъ изъ отчима зятемъ молодыхъ Григорія и Маріи Ларіоновыхъ»—говоритъ сынъ перваго. L. c.

и въ ихъ числѣ жены Вердерамо, должна была отнять у профессора много времени въ ущербъ его прямымъ обязанностямъ. Мы не знаемъ подробностей содержанія тяжбы. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ; производилось оно и въ свіяжской дворянской опекѣ, и въ казанской палатѣ гражданскаго суда, и въ университетскихъ совѣтѣ и правленіи и наконецъ въ сенатѣ. Послѣ трехъ покойныхъ братьевъ Ларіоновыхъ, и въ ихъ числѣ отца сиротъ, остался въ живыхъ четвертый братъ, поручикъ Григорій, жившій въ своемъ имѣніи свіяжскаго уѣзда. Въ его рукахъ находилось фактически и имѣніе братьевъ Ларіоновыхъ (было ли оно раздѣлено или нѣтъ—изъ бумагъ сохранившихся въ университетскомъ архивѣ не видно). Намъ неизвѣстно также, велико ли было это имѣніе, состоявшее изъ крѣпостныхъ душъ и земли. Григорій Ларіоновъ былъ опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей умершаго брата своего маіора Сергѣя Ларіонова и отчеты по имѣнію долженъ былъ представлять въ свіяжскую дворянскую опеку; были ли наслѣдники у другихъ двухъ покойныхъ братьевъ Ларіоновыхъ, намъ тоже неизвѣстно, какъ не знаемъ и того, насколько опекунъ заботился объ участи сиротъ, жившихъ съ матерью сначала на о. Корфу, а потомъ въ разныхъ городахъ Италіи, и доставлялъ ли онъ какія-либо средства для ихъ жизни тамъ. Изъ прошенія на высочайшее имя, поданнаго опекуномъ Григоріемъ Ларіоновымъ въ совѣтъ университета съ жалобою на „незаконные и корыстолюбивые требованія“ Вердерамо, какъ онъ выражается, видно, что опекуномъ онъ сдѣлался и принялъ на свое попеченіе дѣтей брата *по завѣщанію* умершей жены Вердерамо. Послѣ ея смерти, послѣдовавшей въ 1814 году, Вердерамо вскорѣ женился на ея падчерицѣ и тогда только началъ искъ противъ опекуна. Изъ письма къ нему Вердерамо, въ которомъ, онъ называетъ его „любезный дядюшка“ (1), видно, что Вердерамо нѣсколько разъ, черезъ разныхъ лицъ, предъявлялъ денежныя требованія къ этому дядѣ и отъ сиротъ, а болѣе отъ себя, на что получалъ отвѣтъ, что послѣ смерти его все достанется племянникамъ. Недовольный этимъ, Вердерамо, не довѣряя вѣроятно искренности, правдѣ и законности такого обѣщанія, предъявилъ ему на письмѣ свои требованія.

(1) Дѣло о доставленіи отъ г профессора Вердерамо казанской палатѣ гражданскаго суда свѣдѣній о малолѣтнихъ дѣтяхъ умершаго маіора Ларіонова. *Сов.* 1817 г., № 61.

Эти „корыстолюбивыя“ требованія заключались, какъ видно изъ письма, представленнаго Ларіоновымъ, въ слѣдующемъ: „отдайте мнѣ седьмую часть послѣ жены моей Ирины Карловны и слѣдующую часть Евдокіи Сергѣевнѣ (второй женѣ) и доходъ, который вы получили съ имѣнія (трехъ братьевъ), который *мнѣ* по всѣмъ правамъ принадлежитъ (?), потому что я пять лѣтъ содержалъ жену мою съ тремя дѣтьми“. Вердерамо проситъ выяснить ему: сколько доходу получилъ опекунъ и согласенъ ли онъ заплатить эти деньги. Далѣе требуетъ онъ за содержаніе дочери Ларіонова по 200 р. въ годъ; иначе не хочетъ держать ее у себя. „Я самъ человѣкъ не богатый“ Соглашается Вердерамо, чтобы крѣпостные люди, слѣдующіе на долю Евдокіи Сергѣевны, жили бы по прежнему въ деревнѣ и пахали землю (то есть не обращали бы ихъ въ дворовыхъ), „а мы будемъ получать отъ нихъ хлѣбъ, сѣно, солому и прочее; теперь дайте намъ кучера, потому что я плачу въ годъ 120 рублей“. Соглашается Вердерамо, если у опекуна нѣтъ наличныхъ денегъ, получить отъ него вексель. Очень длинную бумагу, съ большимъ аптекарскимъ счетомъ, писанную на итальянскомъ языкѣ и переведенную Солнцевымъ, представилъ Вердерамо въ отвѣтъ на жалобу опекуна и по требованію казанской гражданской палаты вслѣдствіе указа сената отъ 17 января 1817 года Въ этомъ объясненіи Вердерамо высчитывалъ всѣ сдѣланныя имъ издержки на семью Ларіоновыхъ съ 1811 года по 1817 годъ: 1) на содержаніе дѣтей (въ томъ числѣ и жены, оставляя всякія подробности расходовъ аккуратно обозначенныя—5650 р.; 2) содержаніе трехъ крѣпостныхъ людей (мужъ, жена и сынъ), „зачитая услуги, оказанныя ими семейству“—600 р.; 3) путевыя издержки для всѣхъ отъ Тріеста до Казани—3400 р.; весь счетъ „по истинѣ вѣрный и съ христіанскимъ чувствованіемъ полагаемый“, говоритъ Вердерамо въ русскомъ переводѣ, такимъ образомъ представляетъ сумму въ 9650 (на ассигнаціи). У насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрить дѣйствительность этихъ расходовъ, какъ дѣлаетъ это опекунъ, называя требованія Вердерамо „корыстолюбивыми“. Кто знаетъ, какъ странно и несправедливо и къ сожалѣнію довольно часто *опекаются* въ нашемъ отечествѣ сироты (глаголъ опекать давно уже получилъ ироническое значеніе), не столько вслѣдствіе недостаточности закона, сколько вслѣдствіе низкаго нравственнаго уровня русскаго общества, тотъ не найдетъ преувеличенія въ

слѣдующей характеристикѣ опекуна, сдѣланной Вердерамо и пошедшей въ сенатъ:

«Виновникомъ стѣсненія и бѣдности оныхъ осиротѣвшихъ дѣтей Ларіонова и жены моей Евдокіи Вердерамовой состоитъ ихъ дядя родной по отцу поручикъ Григорій Епифановъ сынъ Ларіоновъ, который *вопреки законовъ* самопроизвольно распоряжалъ и распоряжаетъ всѣмъ имѣніемъ, сиротамъ принадлежащимъ, не доставляя никакихъ годовыхъ отчетовъ о доходахъ, имъ незаконно удержанныхъ, который дяля ихъ никогда не имѣетъ ни малѣйшаго должнаго попеченія о своихъ племянникахъ, но только хотѣлъ у себя ихъ имѣть тогда уже, когда они, будучи вынуждены обстоятельствами, начали просить въ судебныхъ мѣстахъ о возвращеніи имъ принадлежащаго отцовскаго имѣнія, который скрывалъ и нынѣ силится скрывать качество, количество и положеніе того имѣнія, не уважая законныхъ требованій, законными лицами чиненныхъ, который не хочетъ представить подлинныхъ документовъ, касающихся до наслѣственнаго имѣнія и, не уважая родства, ниже законныхъ требованій, стѣсняетъ судьбу и участь сиротъ».

Случай весьма обыкновенный. Тогдашніе законы къ сожалѣнію допускали, если не ошибаемся, правоспособность не достигшихъ совершеннолѣтія. Малолѣтній сынъ Ларіонова, вмѣстѣ съ своими сестрами часто подписывалъ, безъ сомнѣнія руководимый тѣми юристами, которые помогали Вердерамо, прошенія въ разныя присутственныя мѣста объ отысканіи имѣнія имъ принадлежащаго и объ опредѣленіи опекуновъ. Этимъ воспользовалась партія дяди. Экзекуторъ университета Сычуговъ, тоже родственникъ опекуна Ларіонова, называвшій его дядею, къ которому мальчикъ заходилъ иногда изъ гимназіи, научилъ его написать письмо къ дядѣ. Въ немъ онъ извиняется, что подписалъ на него жалобу, и увѣряетъ, что „его принудилъ это сдѣлать Вердерамо“, а самъ онъ не желаетъ вовсе вести тяжбу съ дядею. Этимъ признаніемъ конечно воспользовался опекунъ. Въ своихъ письмахъ къ дѣтямъ дядя обѣщаетъ имъ подарки. Вердерамо узналъ объ этой перепискѣ и подалъ жалобу на Сычугова въ правленіе университета, обвиняя его въ развращеніи нравовъ мальчика и въ оскорбленіи его чести. Началось подробное судебное изслѣдованіе дѣла въ правленіи. Обвиненіе Вердерамо подтвердили своими показаніями профессора Брейтенбахъ и Солнцевъ и кандидатъ Филипповскій. Потребованы объясненія отъ старшаго надзирателя Петрова, ученика Ларіонова и экзекутора. Послѣдній отрицалъ все, въ чемъ его обвиняли, хотя не отрицалъ того, что заставилъ ученика Ларіонова переписать письмо будто бы небрежно имъ написанное и потому, по его мнѣнію непочтительное, на лучшей, синей, бумагѣ. Съ своей стороны онъ, не отвергая

того, что ученикъ Ларіоновъ говорилъ про него, высказываетъ мнѣніе, что послѣдній по малолѣтству своему, могъ быть наученъ къ тому другими. Свидѣтели подтвердили, что ученикъ Ларіоновъ показывалъ на Сычугова въ ихъ присутствіи. Показаніе, отобранное отъ самого ученика, говорило, что онъ переписывалъ только письмо, сочиненное Сычуговымъ, просьбы же объ отысканіи наслѣдства онъ подписывалъ не по принужденію, а съ согласія Вердерамо. Все это изслѣдованіе дѣла было отправлено правленіемъ въ свіяжскую опеку, а экзекутору Сычугову подтверждено было, чтобъ онъ не вмѣшивался не въ свои дѣла. Вердерамо остался однако недоволенъ тѣмъ, что Сычуговъ не былъ приговоренъ къ какому-либо наказанію. Объясняя это правленію, онъ указывалъ на противорѣчія въ словахъ Сычугова, на недостатокъ слѣдствія и требовалъ, чтобы все дѣло перенесено было въ совѣтъ для сужденія по законамъ. Это было исполнено. Совѣтъ, для постановленія по дѣлу, составилъ комитетъ изъ профессоровъ Фукса, Томаса, Эриха и адъюнкта Срезневскаго. Комитетъ этотъ нашелъ, что необходимо сдѣлать къ слѣдствію дополненія, но такъ какъ дѣла, перенесенныя въ высшую инстанцію, на основаніи указа 28 іюля 1800 года, не возвращаются для дополненія въ тѣ мѣста, откуда они поступили, то совѣтъ опредѣлилъ разсмотрѣть это дѣло подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго профессора Яковкина, „какъ управлявшаго прежде въ качествѣ директора университетомъ“. Въ засѣданіи этомъ не должны участвовать члены правленія, а только истецъ, свидѣтели Солнцевъ и Брейтенбахъ и прикосновенныя къ дѣлу лица. Этотъ новый составъ судей сталъ приводить къ присягѣ свидѣтелей, собирать новыя свѣдѣнія и недостающіе документы, но окончательнаго рѣшенія не постановилъ (1).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что составители университетскаго устава 1804 года, предоставляя совѣту и правленію вести судебныя дѣла, въ которыхъ замѣшаны были личные и имущественные интересы профессоровъ, имѣлъ въ виду освободить ихъ отъ многихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ

---

(1) 1) Дѣло о претензіи г профессора Вердерамо на экзекутора Сычугова, что онъ вмѣшивается въ дѣла совсѣмъ къ нему непринадлежащія относительно имѣнія. *Правл.* 1816 г, № 96 — 2) Дѣло объ отдачѣ въ совѣтъ дѣла по жалобѣ г. проф. Вердерамо на экзекутора Сычугова. *Сов.* 1816 г., № 64.

веденіемъ процесса въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ и дать имъ болѣе возможности и болѣе свободы посвящать свое время дѣлу, къ которому они призваны. Въ дѣйствительности вышло однако иначе, какъ мы видѣли это уже въ разныхъ мѣстахъ нашихъ разсказовъ. Тяжелая бумажная форма процесса, съ ссылками на самые разнообразные, часто противорѣчащіе другъ другу указы и законы, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, цѣликомъ была перенесена въ университетскій судъ, давая просторъ ябедѣ и крючку и отнимая массу времени у профессоровъ. Иногда случалось, что патентованные юристы, доктора правъ и профессора юридическаго факультета, должны были пасовать передъ наторѣвшими юсами и выслушивать ихъ наставленія въ незнаніи законовъ. Такъ это случилось въ разсказываемомъ нами дѣлѣ, когда попечители несовершеннолѣтней жены профессора Вердерамо профессоръ Солнцевъ и архитекторъ Мари подали жалобу въ казанскую палату гражданскаго суда на свіяжскую дворянскую опеку, „что она не удовлетворила ихъ просьбу и не побудила опекуна поручика Ларіонова доставить въ непродолжительномъ времени въ Казань на свой счетъ бричку и коляску г-жи Вердерамо для оцѣнки ихъ присяжными цѣновщиками, и въ случаѣ порчи и поврежденія ихъ взыскать съ него, Ларіонова, деньги, согласно требованію Вердерамо, въ ея удовлетвореніе“. Гражданская палата, возвращая жалобу попечителямъ, писала: „находящаяся подъ попечительствомъ несовершеннолѣтняя жена Вердерамо, хотя при совѣтахъ ихъ попечителей, но сама собственно распоряжаетъ принадлежащимъ ей имѣніемъ, а слѣдовательно какъ искъ о доставленіи надлежащаго ей, такъ и жалобы по сему случаю, согласно съ существующими узаконеніями, должны быть отъ нея лично, или чрезъ уполномоченныхъ ею законнымъ образомъ, а не отъ нихъ, попечителей, которые могутъ совѣтовать только въ дѣлахъ“. Далѣе, касаясь сущности иска, гражданская палата писала: „Экипажи, отыскиваемые Вердерамо, какъ по справкѣ съ опекунскими свѣдѣніями изъявилось, никогда во управленіи подъ вѣдѣніемъ дворянской опеки не были, а слѣдовательно, по ненахожденію уже нынѣ и самой Вердерамо въ опекунскомъ попеченіи, не подлежатъ иску“. Растрату же надобно взыскивать не въ опекѣ, а въ судебныхъ мѣстахъ (1). Въ пре-

(1) Дѣло по сообщенію казанской гражданской палаты съ препровож-

тензіяхъ на заботы о воспитаніи малолѣтняго Ларіонова соперничали между собою дядя и опекунъ, и зять Вердерамо. Въ 1816 году Вердерамо вноситъ въ казанскую гимназію 200 р. и проситъ опредѣлить мальчика полупансіонеромъ, не испросивъ на то согласія опекуна, между тѣмъ какъ онъ уже опредѣленъ туда по просьбѣ опекуна Гимназія „сдѣлала его зависимымъ“ отъ Вердерамо, по словамъ опекуна и, не смотря на представленія свіяжскаго предводителя дворянства, признала Вердерамо распорядителемъ судьбы ученика Ларіонова „Съ того самого времени“, жалуется опекунъ, „онъ, держа его у себя въ домѣ, не выпуская для наукъ и въ классы(?) одиннадцать мѣсяцевъ, а малолѣтній племянникъ, будучи 12 лѣтъ, въ невѣжествѣ теряя златое время дней его безъ наукъ, *а о религіи и понятія не имѣетъ*, что кажется, можетъ чрезъ то священное(?) училище сіе лишиться довѣрія публики отъ несправедливаго сего притѣсненія“ (1).

Не знаемъ, какъ и когда кончился процессъ съ опекуномъ, къ какому рѣшенію пришелъ сенатъ и получили ли жена Вердерамо и дѣти Ларіонова наслѣдственное имѣніе свое, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что процессъ этотъ, длившійся все время службы Вердерамо въ Казанскомъ университетѣ, занималъ его гораздо больше, чѣмъ преподаваніе и научныя занятія. Вердерамо вовсе не зналъ русскаго языка, въ медицинскомъ же факультетѣ, какъ мы знаемъ, были только случайные и рѣдкіе слушатели. Вотъ что, судя по „Извѣщенію о преподаваніи наукъ“ читалъ Вердерамо въ тѣ полные учебные годы, которые онъ служилъ въ Казанскомъ университетѣ Въ 1815 — 1816 году: *повивальное искусство* по своей рукописи и показывалъ(?) *хирургическія операціи* по сочиненію Сабатье на латинскомъ языкѣ. Въ томъ же году онъ заявилъ готовность преподавать желающимъ *итальянскій языкъ*, но сколько было этихъ желающихъ и были ли они вообще — свѣдѣній нѣтъ. Въ слѣдующемъ году однако было по его просьбѣ выдано ему совѣтомъ свидѣтельство, что онъ читалъ нтальян-

---

деніемъ доношенія незаконно поданнаго попечителями несовершеннолѣтней жены профессора Вердерамо профессоромъ Солнцевымъ и архитекторомъ Мари, для отдачи онаго г Солнцеву *Прав.* 1818 г. № 103

(1) Сыну Ларіонова, писавшему некрологъ отца, не было ничего извѣстно о тяжбѣ Вердерамо и сиротъ съ опекуномъ дядею, иначе онъ не упоминалъ бы о «нѣжныхъ заботахъ старика дяди» L c

скій языкъ безъ платы. Наконецъ въ исходѣ декабря этого же года Вердерамо заявилъ совѣту, что по окончаніи врачебной науки, онъ намѣренъ преподавать „по просьбѣ студентовъ" *о венерическихъ болѣзняхъ*, слѣдуя книгѣ Сведьери. Совѣтъ одобрилъ это намѣреніе.—Въ 1816—1817 году повивальное искусство уже не преподавалось; за то читались *начала системы нынѣшней хирургіи*—по сочиненію Генриха Каллисенія: продолжалось преподаваніе о *хирургическихъ операціяхъ* и Вердерамо обѣщалъ, если будутъ трупы, показать *клинико-хирургическія операціи* вмѣстѣ съ *способомъ дѣлать перевязки*—по латыни.—Въ 1817—1818 году мы видимъ, что „начала системы нынѣшней хирургіи" замѣнены лекціями *о болѣзняхъ мочевыхъ путей*.—Въ 1818 — 1819 году наконецъ ординарный профессоръ повивальнаго искусства и деканъ медицинскаго факультета Вердерамо, кромѣ своего предмета по рукописи читаетъ еще *materiam medicam* по руководству Рейнгольда Шнильмана (1). Вердерамо читалъ въ недѣлю обыкновенно главный, выставляемый имъ предметъ — четыре часа. Чтенія прочихъ предметовъ были случайны, а потому нисколько неудивительнымъ должно казаться ихъ разнообразіе. Впрочемъ это разнообразіе предметовъ составляетъ характерную черту многихъ преподаваній въ то время.

Остались отъ Бердерамо и нѣкоторыя литературные труды, написанные и напечатанные въ Казани. Впрочемъ ихъ немного и всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ его научною спеціальностью. Оказывается, что Вердерамо былъ поэтомъ на родномъ языкѣ. Въ первое годичное торжество открытія университета 5 іюля 1815 года (Il giorno festivo dell' installazione della Cesarea università in Casan), онъ напечаталъ и произнесъ итальянскій *сонетъ* ad Alessandro I и латинскую эпиграмму (въ смыслѣ надписи). Въ 1817 году, по случаю прибытія въ Казань 27 августа великаго князя Михаила Павловича (in occasione del fausto suo arrivo a Casani), Вердерамо напечаталъ и поднесъ (in controsegno

---

(1) *Sabatier* (1732 — 1811): «De la médecine operatoire», 1796. — *Sue diaur* или *Sue diauer* (1748 — 1824): «Traité sur les symptomes, les effets, la nature et le traitement des maladies syphilitiques», 1-е изд 1798. — *Callisen Heinrich* 1740—1824): «Principia systematis chirurgiae hodiernae» Kopenh. 1788—1790. — *Spielmann Jac. Reinh.*: (1722—1783): «Institutiones materiae medicae», Strasb 1774.

di fedeltà) итальянскій сонетъ и латинскую эпиграмму (1). На актѣ университетскомъ 5 іюля 1818 года Вердерамо читалъ латинскую рѣчь, исключительно реторическаго содержанія, состоящую изъ общихъ только мѣстъ: „Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam (2)“. Не находимъ возможности привести изъ нея хотя бы одну мысль, стоющую вниманія. Вѣроятно и немногимъ сослуживцамъ оратора, понимавшимъ по латынѣ, было скучно ее слушать

Для Вердерамо, какъ и для многихъ его сослуживцевъ, 1819 годъ, когда происходила ревизія Магницкаго, былъ послѣднимъ годомъ служенія въ Казанскомъ университетѣ, но вовсе не вслѣдствіе этой ревизіи. Напротивъ того, въ своемъ донесеніи министру, представленномъ тотчасъ послѣ ревизіи (9 апрѣля 1819 года, № 3), ревизоръ, дѣлая оцѣнку достоинствъ профессоровъ медицинскаго факультета, а ихъ было всего три, не считая студента Отсолига, и рѣзко отозвавшись, какъ мы видѣли, объ Аргольдѣ, хвалитъ Вердерамо: „За профессора врачебнаго веществословія, фармацевтики и врачебной словесности преподаетъ профессоръ медицины и хирургіи докторъ Вердерамо, *человѣкъ отлично достойный и въ ученомъ свѣтѣ извѣстный*. Онъ же преподаетъ и лекціи повивальнаго искусства“. Поэтому мы не можемъ выяснить себѣ, за несуществованіемъ въ архивѣ данныхъ для того, причинъ его отставки, на которой онъ настоялъ Дѣйствительно ли причиною выхода въ отставку была болѣзнь Вердерамо, или домашнія обстоятельства, неотложно требовавшія его возвращенія на родину, или окончаніе того тяжебнаго дѣла, по наслѣдству жены его и дѣтей Ларіонова, для котораго, какъ кажется, главнымъ образомъ онъ и переселился въ Казань, или можетъ быть Вердерамо вѣрно предчувствовалъ непрочность положенія сво-

---

(1) Casan Impresso del universitâ 6 p 4° Посѣщеніе великимъ княземъ университета вдохновило также и оффиціальнаго университетскаго поэта Городчанинова И онъ поднесъ ему «Надпись на прибытіе» Замѣтимъ кстати, что догадка Н П Лихачева, этого внимательнаго изслѣдователя жизни и сочиненій Городчанинова (Казань, 1886 стр 37), о стихахъ его по этому случаю—невѣрна Изслѣдователь говоритъ, что онъ не могъ достать привѣтствія Городчанинова Оно напечатано (4°, 2 стр) и состоитъ изъ слѣдующихъ шести строкъ: «Изъ благосвѣтлыхъ трехъ Россіи днесь свѣтилъ, Какъ благотворная, прекрасная планета, Отъ солнца Россскаго испущенная свѣта, Течетъ на горизонтъ Казанскій Михаилъ Казань, отрадѣ полна, и сердцемъ и устами Гласитъ: Се Михаилъ, се Ангелъ Божій съ нами!»

(2) Casani, 1818. 4° 22 р.

его какъ профессора при будущемъ попечителѣ,—все это вопросы, отвѣтовъ на которые у насъ нѣтъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1819 года, когда еще не было ничего извѣстно въ Казани о результатахъ ревизіи Магницкаго, Вердерамо, ссылаясь на свое слабое здоровье и на ушибъ руки (a forte contagione ad bracchium accepta), просилъ совѣтъ разрѣшить ему читать лекціи на дому въ теченіе 28 дней, что и было ему разрѣшено. Повидимому однако здоровье его не поправлялось и, задумавъ оставить Казань и службу при университетѣ, онъ представилъ въ совѣтъ университета о пріобрѣтеніи отъ него собственныхъ инструментовъ, необходимыхъ для хирургіи, на сумму четыреста рублей По заявленію профессора Фукса, нашедшаго эту сумму сходною, инструменты были пріобрѣтены (1). Такимъ образомъ и Вердерамо, какъ Аргольдъ, навсегда разставался съ инструментами, необходимыми ему по профессіи. Въ октябрѣ, снова ссылаясь на разстроенное здоровье свое, требующее лѣченья, и на семейныя обстоятельства, Вердерамо проситъ совѣтъ университета исходатайствовать ему шестимѣсячный отпускъ на родину, въ Неаполитанское королевство, въ городъ Лечче, и выдать ему видъ на проѣздъ. На представленіе объ этомъ совѣта новый попечитель посмотрѣлъ весьма неблагосклонно „Г. Вердерамо, недавно еще обязавшемуся преподавать по двумъ разнымъ медицинскимъ каѳедрамъ“, писалъ Магницкій (25 ноября, 1819 г. № 448), „нѣтъ благовидной причины проситься внезапно въ отдаленный отпускъ, или по крайней мѣрѣ долженъ обождать, чтобы кто-нибудь для замѣны его былъ пріисканъ, тѣмъ болѣе, что аттестаты и свидѣтельства, коихъ онъ проситъ, показываютъ, что онъ возвратиться не расположенъ (2)“. Послѣдствіе такой резолюціи, ему объявленной, Вердерамо тотчасъ же подалъ прошеніе уже объ окончательной отставкѣ, высказывая въ немъ, что по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ никакъ не можетъ остаться на службѣ до конца академическаго года, и на упрекъ Магницкаго о двухъ каѳедрахъ замѣчаетъ, что онъ взялъ на себя другія преподаванія не изъ денежнаго интереса (non ex interesse quodam expectato), но для общаго

(1) Дѣло о покупкѣ у г профессора Вердерамо хирургическихъ инструментовъ *Правл.* 1819 г, № 138

(2) Дѣло объ увольненіи профессора Вердерамо въ Неаполитанское королевство, въ городъ Лицію. *Сов.* 1819 г, № 324.

блага и по распоряженію совѣта (sed ex studio ad bonum publicum promovendum, et ex dispositione ipsius consilii)". Послѣ того Вердерамо былъ уволенъ отъ службы согласно прошенію (23 января 1820 года). Весною этого года Вердерамо уѣхалъ на родину. По словамъ его родственника онъ былъ живъ еще въ 1870 году. Намъ неизвѣстны ни годъ его смерти, ни дѣятельность его въ оставкѣ. Знаемъ только, что въ концѣ 50 годовъ жена его и взрослые уже дѣти жили въ городѣ Леччѣ

Совершенно также случайно появился на каѳедрѣ по выбору совѣта профессоръ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ *Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ*, бывшій нѣкоторое время проректоромъ и ректоромъ университета. Въ годы управленія Магницкимъ казанскимъ учебнымъ округомъ, послѣ насильственной отставки, Солнцевъ сдѣлался губернскимъ прокуроромъ, и въ этой должности, а потомъ уже въ полной отставкѣ долго пользовался большою популярностью въ городѣ Казани, и о немъ сохранилось множество разсказовъ, изъ которыхъ конечно нѣкоторые имѣютъ легендарный характеръ. Предполагая въ своемъ мѣстѣ говорить о дѣятельности Солнцева въ послѣдующее время, при Магницкомъ, мы ограничимся въ этой главѣ краткимъ разсказомъ о томъ, какъ Солнцевъ сдѣлался докторомъ правъ и профессоромъ, и о его дѣятельности до ревизіи Магницкаго, основываясь исключительно на достовѣрныхъ документахъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи. Солнцевъ родился 22 марта 1786 года (1). Учился

---

(1) Это собственное показаніе Солнцева, повторенное имъ три раза, причемъ онъ прибавляетъ еще болѣе точное опредѣленіе времени, что рожденіе его случилось «matutino tempore, hora sexta, circa Annunciationis Sanctae Mariae Deiparae nostrae festum» Три раза въ теченіе своей жизни, какъ кажется уже въ концѣ ея. Солнцевъ принимался, къ сожалѣнію по латыни, писать свои записки или автобіографію, подъ заглавіемъ «Vita et gesta Gabrielis de Solncew» Но, натура сангвиническая, подвижная и страстная, часто предававшаяся увлеченіямъ и излишествамъ въ чисто русскомъ вкусѣ, Солнцевъ былъ настолько неусидчивъ что изъ этой автобіографіи, имъ задуманной, мы имѣемъ только нѣсколько весьма небрежно написанныхъ страницъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ собственно воспоминаній ни о дѣтствѣ, ни объ ученіи, ни о томъ, какъ онъ сдѣлался профессоромъ и все сводится къ формуляру Довольно любопытно желаніе Солнцева, основываясь на «Родословной книгѣ князей и дворянъ россійскихъ», изданной Миллеромъ, гдѣ часто встрѣчается старая фамилія *Сонцовыхъ* или *Сонцевыхъ* и князей *Солнцевыхъ-Засѣкиныхъ*, связать происхожденіе своихъ предковъ съ

Солнцевъ сначала въ дмитровскомъ духовномъ училищѣ, когда отецъ его сталъ священникомъ въ этомъ городѣ, а затѣмъ въ сѣвской семинаріи, которая была переведена потомъ въ Орелъ. По окончаніи курса въ послѣдней, онъ не захотѣлъ идти въ духовное званіе, а поступилъ на службу въ орловское губернское правленіе „съ оставленіемъ при дѣлахъ по должности губернатора". Здѣсь получилъ онъ первый гражданскій чинъ въ 1809 году.

Въ 1811 году Солнцевъ, по желанію своему, перемѣщенъ въ канцелярію седьмаго департамента правительствующаго сената, находящагося въ Москвѣ, гдѣ онъ оставался всего одинъ годъ, до дней Бородинскаго сраженія, когда надобно было оставлять Москву. Солнцевъ пробылъ въ Москвѣ на службѣ въ сенатѣ всего одинъ годъ. Нѣкоторые біографы Солнцева (1)

этимъ древнимъ родомъ На это указываетъ и претенціозная французская частица de, поставленная передъ фамиліей въ латинскомъ заглавіи автобіографіи Но не имѣя документовъ, Солнцевъ ничего, что не рѣшается ни утверждать, ни доказывать эту связь родовъ Тѣмъ не менѣе Солнцевъ говоритъ о родственной связи своихъ предковъ съ разными дворянскими фамиліями Орловской губерніи: Третьяковыми, Сусловыми и др., передаетъ преданія, что предки его Солнцевы когда-то были богаты, но что имѣнія ихъ были отняты какимъ-то вельможею Гурьевымъ, что предки эти служили въ военной и преимущественно въ конной службѣ, охраняя русскія границы, что одинъ изъ нихъ былъ въ плѣну у татаръ крымскихъ и успѣлъ бѣжать изъ плѣна, что перейдя уже въ духовное сословіе предки его носили дома, вмѣсто подрясниковъ, казакины и чапаны, къ которымъ привыкли въ прежней военной жизни Когда перешли его предки въ духовное званіе —Солнцевъ не знаетъ Родился Солнцевъ въ подгородномъ селѣ Радогощѣ, имѣніи князей Голицыныхъ, рядомъ съ городомъ Дмитровымъ Орловской губерніи. Тамъ отецъ его, до постриженія въ священники, служилъ капельмейстеромъ у Голицыныхъ, у которыхъ были и оркестръ и хоръ пѣвцевъ и пѣвицъ Священникомъ отецъ Солнцева былъ сначала въ сѣвскѣ, а затѣмъ въ селѣ Сусловѣ Дмитровскаго уѣзда При этомъ случаѣ Солнцевъ припоминаетъ одного изъ Голицынскихъ дворовыхъ пѣвцовъ, отцовскаго ученика, одареннаго необычайнымъ талантомъ и знаніемъ музыки—Мисцова. Для усовершенствованія его посылали даже въ Италію По возвращеніи оттуда, не смотря на свои таланты и музыкальные успѣхи, этотъ несчастный рабъ, за любовь свою къ одной изъ крѣпостныхъ пѣвицъ князя Голицына, былъ жестоко наказанъ розгами и опредѣленъ въ самыя низкія служительскія должности Потомъ Солнцевъ встрѣчался съ нимъ и въ лучшихъ обстоятельствахъ, но не передаетъ, какимъ образомъ онъ могъ освободиться изъ рабства. Вообще записки Солнцева, много видѣвшаго людей и много испытавшаго, могли бы быть очень любопытны, еслибъ у него былъ какой-нибудь литературный талантъ и сколько нибудь привычки писать, да не выбери онъ латинскій языкъ, который его связывалъ

(1) *Агафоновъ Н. Я* «Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Г. П. Солнцева» (отд. отт. изъ «Справочнаго Листка»). Казань. 1864 16°

придаютъ очень большое значеніе его московской жизни, говорятъ о слушаніи имъ университетскихъ лекцій, объ изученіи имъ многихъ новѣйшихъ языковъ, но на все это нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ, и не слѣдуетъ забывать, что Солнцевъ въ теченіе всего этого московскаго года служилъ. Въ 1812 году, передъ самымъ занятіемъ французами Москвы, Солнцевъ общимъ присутствіемъ 6, 7 и 8 московскихъ департаментовъ сената, для спасенія отъ непріятеля текущихъ дѣлъ сената и при немъ архивовъ: вотчиннаго, помѣстнаго и другихъ былъ командированъ съ 12-ю сенатскими курьерами, къ которымъ присоединены были графомъ Ростопчинымъ нѣсколько инвалидныхъ служителей, сначала до Нижняго, а потомъ и до Казани, подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора московскихъ департаментовъ Столыпина. Транспортъ слѣдовалъ на перекладныхъ обывательскихъ телѣгахъ. Была особая инструкція: предъ каждымъ городомъ и селеніемъ по тракту составлять военный вагенбургъ и окружать его карауломъ. Но Столыпинъ не провожалъ транспорта, а прямо изъ Москвы съ израненнымъ подъ Бородинымъ роднымъ братомъ своимъ уѣхалъ въ замосковскія помѣстья. На дорогѣ изъ Москвы въ Нижній Солнцевъ нагналъ своего знакомаго капитана артиллеріи Жданирова, сопровождавшаго по распоряженію Ростопчина изъ Москвы на перекладныхъ 300 пушекъ безъ канониръ, и просилъ его, для общей безопасности дѣлъ и пушекъ, примкнуть къ сенатскому транспорту. Въ городѣ Меленкахъ, по разсказу Солнцева, они застали французскихъ мародеровъ и промышленниковъ провіанта и фуража для французской арміи. Для устрашенія жителей, французы стрѣляли по крышамъ города, „но мы выстрѣлами изъ нѣсколькихъ частныхъ ружей сенатскихъ курьеровъ прогнали французскихъ мародеровъ и фуражировъ изъ города въ лѣсную дачу“. Не сообщая никакихъ подробностей о дальнѣйшемъ пути, Солнцевъ упоминаетъ только, что транспортъ благополучно прибылъ въ Казань. Дѣла сената въ цѣлости сданы были 22 ноября 1812 года казанскому губернатору Мансурову, а пушки въ крѣпость коменданту Есипову. „А какъ гг. сенаторы московскихъ департаментовъ, прибывъ также въ Казань, присутствія своего не открывали, за отсутствіемъ просителей и отвѣтчиковъ, то я и рѣшился службу мою по канцеляріи правительствующаго сената оставить и *поступить въ ученую* при Императорскомъ

Казанскомъ университетѣ, при коемъ общества любителей отечественной словесности былъ я дѣйствительнымъ членомъ. Какими сочиненіями своими участвовалъ Солнцевъ въ трудахъ этого общества, намъ неизвѣстно. Вообще точныхъ свѣдѣній о началѣ жизни его въ Казани, о знакомствѣ его съ профессорами университета у насъ нѣтъ. Въ упомянутыхъ мною попыткахъ на составленіе своей автобіографіи Солнцевъ часто противорѣчитъ оффиціальнымъ документамъ. Такъ онъ говоритъ, что подалъ въ университетъ прошеніе о допущеніи къ экзамену для полученія ученой степени магистра юридико-политическихъ наукъ еще въ 1813 году, а въ свѣдѣніяхъ, для составленія формуляра (и то и другое писано его собственною рукою) значится, что онъ служилъ еще въ канцеляріи 7 департамента совѣта и получалъ тамъ награды до апрѣля 1814 года, когда вышелъ въ отставку и получилъ аттестатъ о службѣ для пріисканія другаго мѣста. Имѣемъ полное основаніе полагать, что явившись въ Казань случайно въ 1812 году, какъ человѣкъ любознательный, бойкій умомъ, знающій нѣсколько иностранныхъ языковъ кромѣ латинскаго, онъ завелъ знакомства въ ученомъ мірѣ казанскомъ, примкнувъ къ обществу любителей словесности, но не остался въ Казани, а воротился на службу въ Москву. Тѣмъ не менѣе мысль сдѣлаться профессоромъ въ отдѣленіи нравственно политическихъ наукъ, гдѣ было такъ мало членовъ, назрѣла въ немъ въ Казани. По его словамъ, такъ какъ въ Казани не было присутствія сената, по недостатку сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и чиновниковъ, онъ „въ свободное время *прослушалъ* здѣсь *курсъ юридико-политическихъ и философскихъ наукъ*“. Возвратившись въ Москву онъ въ послѣднее время московской службы, а можетъ быть и прежде, до 1812 года, посѣщалъ лекціи университета и тамъ, и задумалъ наконецъ получить степень магистра. Служба университетская казалась ему предпочтительнѣе другой, и онъ воротился въ Казань.

Ничего неизвѣстно намъ о приготовленіи Солнцева къ магистерскому экзамену и о томъ, какимъ образомъ достались научныя свѣдѣнія ему, незнакомому съ университетскою школою. „Болѣе в его одолженъ я моими юридико-политическими и философскими свѣдѣніями лекціямъ знатнѣйшихъ профессоровъ Геттингенскаго университета“—говоритъ Солнцевъ, подразумѣвая конечно сочиненія ихъ, но чьи и какія—этого онъ ни разу не сказалъ. Самое производство экзамена

представляется очень темнымъ, сравнительно съ одновременно происходившимъ экзаменомъ Іона, о которомъ мы разсказали (см. выше стр. 737—742). При экзаменѣ Іона соблюдены были строго всѣ формы, хотя этотъ экзаменъ происходилъ минуя магистерскую степень. Диссертація Іона была единственная печатная юридическая диссертація въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Мы упоминали, что дѣла объ экзаменѣ Солнцева не сохранилось въ архивѣ; протоколы совѣтскихъ засѣданій представляютъ также весьма скудныя свѣдѣнія. Въ засѣданіи совѣта 29 апрѣля 1814 года было заслушано прошеніе губернскаго секретаря Солнцева „о учиненіи ему на законномъ основаніи испытанія *на степень магистра правовѣдѣнія* и о причисленіи его въ службу университета“. Прошеніе это для исполненія передано было въ отдѣленіе. — Въ засѣданіи 21 октября того же года слушано было донесеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, что *экзаменующійся на докторскую степень* губернскій секретарь Солнцевъ 24 октября въ 12 часовъ будетъ читать вторую публичную лекцію, а 19 ноября отдѣленіе уже просило совѣтъ о назначеніи времени для публичнаго защищенія диссертаціи Солнцева и о позволеніи *напечатать тезисы* (но не самую диссертацію, которая только прилагалась). Тезисы, кажется, были напечатаны, но намъ не случилось видѣть ни одного ихъ экземпляра ( ) Наконецъ въ засѣданіи 2 декабря было заслушано донесеніе экстраординарныхъ профессоровъ Врангеля, Лубкина и Кондырева о совершенномъ успѣхѣ публичнаго защищенія *положеній изъ диссертаціи* выбранныхъ экзаменующагося на степень доктора губернскаго секретаря Солнцева Въ званіи доктора обоихъ правъ онъ утвержденъ былъ 17 декабря (2)

Вотъ все, что намъ извѣстно о чрезвычайно быстромъ сравнительно съ Іономъ производствѣ Солнцева въ степень доктора. И экзаменъ на магистра, превратившійся въ докторскій, и искусъ, и публичныя лекціи, и множество письменныхъ отвѣтовъ, требуемыхъ уставомъ, и написаніе диссертаціи и защита ея,—все это, для чиновника сенатскаго, не учившагося въ университетѣ, продѣлано было менѣе чѣмъ въ полгода,

---

(1) Диссертація Солнцева имѣла слѣдующее заглавіе: De successione ab intestato secundum juris Rossici principia, respectu quoque non minus habito ad jus Institutionum».

(2) Протоколы совѣта 1814 года, стр 79а, 145а, 153б., 157б.

и въ этомъ срокѣ нужно считать и лѣтнее вакаціонное время. Не имѣя въ нашемъ распоряженіи подлиннаго дѣла объ этомъ экзаменѣ, мы никакъ не можемъ объяснить себѣ, особливо принимая въ соображеніе требованія нашего времени отъ докторской степени въ русскихъ университетахъ, такой чудесной и необыкновенной быстроты. Очевидно то положеніе о производствѣ въ ученыя степени, которое было составлено и утверждено для руководства въ докторы вслѣдствіе неправильнаго производства въ эту степень въ Дерптѣ, еще не дѣйствовало. Самъ Солнцевъ такъ говоритъ объ этомъ производствѣ въ докторы: „Какъ на ономъ испытаніи показалъ я гораздо больше свѣдѣній, *нежели какія требуются для магистра* (требованія же эти однако опредѣлены не были), о чемъ командированные университетомъ для предварительнаго тентамена или экзамена профессоры наукъ юридико-политическихъ, философскихъ, математическихъ, историческихъ и древностей (?) донесли въ тоже время университетскому совѣту, то и допущенъ я былъ, въ дополненіе магистерскаго экзамена, и къ испытанію докторскому, согласно поданному мною въ совѣтъ прошенію“. При утвержденіи въ степени доктора, по разсказу Солнцева, съ него былъ взятъ вмѣсто присяги *юраментъ* въ полномъ присутствіи совѣта, „что бы я, гдѣ бы ни находился, охранялъ и защищалъ права Казанскаго университета, что и было мною исполняемо и нынѣ (когда?) исполняется не опустительно“. Мы не встрѣчали въ дѣлахъ нигдѣ такого *юрамента* или формы его.

Не теряя напрасно времени, Солнцевъ 8 марта слѣдующаго 1815 года подаетъ въ университетскій совѣтъ прошеніе, по формѣ того времени на высочайшее имя, объ опредѣленіи его экстраординарнымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ „съ приложеніемъ къ онымъ россійскаго законодательства“. Читать эти лекціи Солнцевъ желаетъ или по собственнымъ тетрадямъ, или „по сочиненію какого либо писателя по симъ частямъ извѣстнаго, къ чему много способствовать мнѣ можетъ знаніе многихъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго, итальянскаго и частію греческаго. Кромѣ чтенія по этой каѳедрѣ, Солнцевъ высказываетъ желаніе со студентами, „опредѣлившими себя преимущественно изученію россійскаго права, заниматься и по сей части, а наипаче практическимъ судопроизводствомъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, въ которомъ пріобрѣлъ я опытныя познанія чрезъ долговремен-

ное прохожденіе мною сенатской службы". Въ дополненіе къ степени доктора, полученной имъ по экзамену, одобренныхъ пробныхъ лекцій на языкѣ латинскомъ и диссертаціи „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія", Солнцевъ „въ подкрѣпленіе своего прошенія", представляетъ свои *сочиненія*, правда „по краткости времени и по недостатку нужныхъ пособій несовершенно-обработанныя". Сочиненія эти были: 1) тетради римскаго права на латинскомъ языкѣ (потомъ подъ названіемъ „Систематическое начертаніе римскаго права"); 2) тетради общаго германскаго уголовнаго права, сокращеннаго по системѣ Грольмана (¹) („Изложеніе теоріи уголовнаго права г. Грольмана"); 3) краткое обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства вообще,—по русски и 4) историко-юридическій трактатъ, содержащій въ себѣ обозрѣніе правъ древнихъ и новыхъ народовъ—на латинскомъ языкѣ. Второе и третье сочиненія не были еще окончены Солнцевымъ. Потомъ упоминаются еще сочиненія по разнымъ предметамъ, напр. „общее уголовное право" и нѣкоторыя другія, всѣ повидимому оставшіяся въ рукописяхъ. Мы никогда ихъ не видѣли и поэтому не имѣемъ никакого представленія объ этихъ трудахъ Солнцева, изъ которыхъ ничего не было напечатано. Нельзя не удивляться только дѣйствительно уму и дарованіямъ Солнцева, который, не смотря на постоянную восьмилѣтнюю дѣятельность служебно-практическую въ орловскомъ губернскомъ правленіи и въ московскихъ департаментахъ сената, успѣлъ написать эти сочиненія, трактующія почти о всѣхъ дисциплинахъ, входившихъ тогда въ составъ юридическаго факультета. Насколько однако были самостоятельны эти труды Солнцева, представляющіе свидѣтельство о разнообразіи его познаній—не знаемъ. Потомъ, послѣ недолгой службы въ университетѣ, когда онъ насильственно долженъ былъ оставить ее и промѣнять на практическую службу, онъ не имѣлъ уже возможности и времени обработать можетъ быть на скоро набросанные труды, по всей вѣроятности только конспекты. Печальныя условія жизни заглушили потомъ въ Солнцевѣ всякую преданность теоріи. Наука не терпитъ измѣны и въ своемъ вѣчномъ шествіи впередъ, какъ гордая

(¹) *Grolmann*, К L. W. профессоръ Гиссенскаго у—та: «Grundsätze der Kriminalrechtswissenschaft» Первое изданіе—Giessen, 1798.

женщина, не оглядывается на своихъ случайныхъ поклонниковъ, не смогшихъ овладѣть ею.

Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ поручило немедленно разсмотрѣть эти сочиненія Солнцева своимъ членамъ: барону Врангелю и Нейману. Къ нимъ присоединился потомъ и Кондыревъ. Всѣ мнѣнія (они не сохранились) были весьма благопріятны для Солнцева, и по большинству голосовъ отдѣленія онъ признанъ былъ достойнымъ занять просимое имъ мѣсто. Въ слѣдующее засѣданіе совѣта 15 мая онъ избранъ *единогласно* экстраординарнымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ народовъ. Каѳедра была не замѣщена, и министръ утвердилъ его 9 іюня (1). Въ томъ же году началъ Солнцевъ свои лекціи (4 часа въ недѣлю по *римскому праву*, руководствуясь сочиненіемъ Вальдека (*Waldeck Ioh Peter* (1784—1815): „Institutiones juris civilis Heineccianae emendatae“ etc. Gotting. 1784), но по своимъ рукописямъ (не было ли это просто сокращеніе книги Вальдека). Сверхъ того Солнцевъ занималъ своихъ слушателей *юридическими состязаніями*. Въ чемъ они состояли — однако неизвѣстно. Въ половинѣ 1815—1816 года, въ январѣ Солнцевъ доноситъ совѣту, что онъ кромѣ публичныхъ лекцій руководствовалъ студентовъ въ языкѣ латинскомъ. Въ доказательство этого онъ представилъ четыре тетради трудовъ студента Сычугова, котораго онъ „намѣренъ занять собственными сочиненіями по части правъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ“ (2). Вообще занятія Солнцева были весьма разнообразны, какъ въ этомъ такъ и въ послѣдующихъ годахъ. Разсматривая формулярный списокъ Солнцева, мы невольно приходимъ въ изумленіе отъ возможности со стороны профессора университета нести такъ много самыхъ разнообразныхъ обязанностей, почти ничего общаго съ предметомъ каѳедры его не имѣющихъ. Онъ и членъ

(1) Дѣло объ избраніи доктора правъ Солнцева экстраординарнымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ. *Сов.* 1815 г., № 27.

(2) Протоколы Сов. 1816 г стр 3а—Этотъ Сычуговъ, очевидно считавшійся лучшимъ студентомъ у Солнцева, въ концѣ 1816 года, по представленію факультета, былъ удостоенъ степени кандидата, намѣреваясь, какъ онъ и говорилъ въ своемъ прошеніи, немедленно подвергнуться испытанію на степень магистра Въ слѣдующемъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, конечно по совѣту своего руководителя, Сычуговъ подалъ прошеніе въ совѣтъ университета, въ которомъ писалъ: «Посвятивъ себя изученію правовѣдѣнія и преимущественно россійскаго, поставляю необходимымъ, для возможнаго усовер-

училищнаго комитета, постоянно занятый массою дѣлъ обширнаго по пространству округа, и участвуетъ въ различныхъ, составляемыхъ весьма часто комитетахъ, и правитъ должность синдика, и читаетъ лекціи по второй каѳедрѣ за половинное жалованье, и несетъ разныя административныя должности по университету и т. д. Солнцевъ пишетъ множество конечно недолговѣчныхъ уставовъ. Все это изобиліе совершенно посторонняхъ дѣлъ должно было естественно отвлекать Солнцева отъ профессуры, не дозволяло ему обработать какъ слѣдуетъ хотя бы одинъ курсъ изъ того разнообразія предметовъ, которые онъ преподавалъ, и не давало возможности напечатать хотя бы одно сочиненіе научнаго содержанія. Это былъ типъ профессора-дѣльца, какихъ въ то время, да и долго спустя было очень много въ нашихъ университетахъ Преимущество Солнцева предъ массою такихъ профессоровъ-дѣльцовъ заключалось въ его дарованіяхъ, умѣ, огромномъ трудолюбіи въ началѣ дѣятельности, пока не засосала его грязная тина провинціи; другіе же дѣльцы-профессоры были созданы какъ бы для этой жизни, случайно или искательствомъ попавъ на каѳедру.

Не прошло полнаго года со времени полученія Солнцевымъ званія экстраординарнаго профессора, какъ 24 мая 1816 года, онъ входитъ съ новымъ прошеніемъ въ совѣтъ о возведеніи его въ званіе ординарнаго профессора. При про-

---

шествованія себя по сей части, *познать на опытѣ уголовное судопроизводство*». Просьба его заключалась въ томъ, чтобъ ему, на основаніи главы 36 генеральнаго регламента, дозволено было упражняться въ казанской палатѣ уголовнаго суда практикою по дѣламъ, въ оной производимымъ Совѣтъ отнесся объ удовлетвореніи просьбы Сычугова въ палату Послѣдняя пришла въ недоумѣніе. Вѣроятно просьба Сычугова, который «не объявлялъ желанія поступить на гражданскую службу, на каковой предметъ позволено молодыхъ дворянъ 36-ою главою ген регл принимать въ приказы, была первою въ практикѣ палаты Послѣдняя писала совѣту университета. «чтобъ студенты университета могли быть допущены къ приватнымъ въ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ занятіямъ, на какомъ правѣ и съ обязанностью и отвѣтственностью того не сказано» Палата, для разрѣшенія своего недоумѣнія, представила это обстоятельство на разрѣшеніе губернскаго правленія. Это послѣднее увѣдомило, что Сычугова, *какъ не обязаннаго присягою на вѣрность службы* къ производству дѣлъ допустить воспрещено Безъ присяги допущеніе Сычугова оно находитъ «невозможнымъ да и не нужнымъ по учрежденію при Казанскомъ университетѣ факультета(!) практическаго правовѣдѣнія (?)». Вѣроятно губернское правленіе принимало Солнцева за весь факультетъ, но странно, что этотъ практикъ не зналъ порядковъ. См *Дѣло* объ удостоеніи своекоштнаго студента Ивана Сычугова званія кандидата правовѣдѣнія и о позволеніи ему заниматься практически въ дѣлахъ казанской уголовной палаты. *Сов.* 1816 г., № 151.

шеніи были приложены два новыя, или изъ прежнихъ передѣланныя имъ, сочиненія по римскому праву: „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata“ и Institutiones juris civilis romani ex genuinis fontibus deductae et antiquitatibus illustratae“. Отдѣленіе признало за эти сочиненія въ Солнцевѣ *прилежание* и, „въ уваженіе его познаній въ наукахъ и языкахъ, и особеннаго знанія юридической практики“, сочло его достойнымъ просимаго званія. Очевидно отдѣленіе не разбирало сочиненій и вовсе не представило рецензіи. Выборъ состоялся 27 іюня, но не единогласно, какъ было въ первый разъ, а 10 голосами изъ 16. Представленіе пошло отъ совѣта не чрезъ попечителя, находившагося въ то время въ С.-Петербургѣ, а прямо къ министру Послѣдній (4 августа, № 2536) сообщилъ совѣту, что онъ „отлагаетъ впредь до дальнѣйшаго времени утвержденіе Солнцева, „тѣмъ болѣе, что онъ принятъ въ университетъ прямо въ экстраординарные профессоры и въ семъ званіи находится съ небольшимъ годъ“. Изъ переписки, возбужденной Салтыковымъ съ ректоромъ по поводу избранія Солнцева видно, что попечитель обидѣлся представленіемъ совѣта прямо министру, минуя его, или *безпосредственно*, какъ выражался онъ. Уставъ требовалъ въ § 58 объ избраніи предварительнаго представленія попечителю; не смотря на напоминаніе со стороны Салтыкова объ этомъ, представленіе было сдѣлано прямо министру. „Долгомъ поставляю изъявить вамъ негодованіе“, писалъ попечитель къ ректору, „и повторить, что приказанія, напоминающія о наблюденіи устава, подвергаютъ нарушающаго оный, строгости законовъ“. Онъ и воспротивился утвержденію Солнцева (это былъ первый случай) и въ числѣ возраженій главнѣйшимъ выставлялъ приведенное нами прежде предписаніе министра отъ 13 іюля того же года о невыборѣ въ теченіе нѣкотораго времени ординарныхъ профессоровъ изъ соображеній экономическихъ. Ректоръ въ своемъ заявленіи, сдѣланномъ имъ въ совѣтѣ, доказалъ правильность представленія министру прямо, что вытекало изъ распоряженія самого Салтыкова, а распоряженіе министра ограничиться числомъ нынѣ находящихся въ университетѣ ординарныхъ профессоровъ было получено уже послѣ избранія Солнцева. Попечитель остался однако недоволенъ противодѣйствіемъ Брауна, не хотѣвшаго съ нимъ согласиться. Онъ писалъ: „Упорство, обнаруженное въ случаѣ избранія гг. Лобачевскаго и Симонова, обнаружило также неуваженіе къ моимъ мнѣніямъ

и посѣяло взаимную недовѣрчивость между мною и нѣкоторыми членами, первенствующими въ совѣтѣ". Солнцевъ не оставался бездѣятельнымъ и лично хлопоталъ о себѣ. Какъ только въ управленіе министерствомъ вступилъ князь А. Н. Голицынъ, Солнцевъ обратился къ нему письмомъ, прося о производствѣ, оставивъ его при жалованьи экстраординарнаго профессора, но Голицынъ не нашелъ удобнымъ отмѣнить распоряженіе своего предшественника и отказалъ. Только на слѣдующій годъ, ровно черезъ годъ послѣ перваго своего представленія, совѣтъ, тоже по новому прошенію Солнцева, рѣшился вновь сдѣлать представленіе и на этотъ разъ чрезъ Салтыкова, и министръ, *„основываясь на похвальномъ отзывѣ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа"*, утвердилъ 23 іюля Солнцева ординарнымъ профессоромъ (1).

Въ слѣдующіе годы, до назначенія попечителемъ Магницкаго, Солнцевъ продолжаетъ читать *римское право*, затѣмъ *общее германское уголовное право*, и кромѣ того, въ часы удобные для слушателей—*главнѣйшіе законы евреевъ и египтянъ*, а въ 1819 году, по случаю смерти адъюнкта Алехина, онъ принимаетъ на себя и его чтенія по римскому праву,—все это по латыни и по своимъ рукописямъ. Кромѣ того занимаетъ своихъ слушателей *юридическими состязаніями* и „продолжаетъ частныя свои упражненія по юридическимъ наукамъ со студентами и кандидатами правъ, *дабы пріучить ихъ доказывать каждую статью изъ правъ словесно и письменно*, какъ на россійскомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ". Такимъ образомъ преподаваніе Солнцева носило преимущественно практическій характеръ, согласный съ его прежнею служебною дѣятельностью. Въ 1819 году Солнцевъ представилъ въ отдѣленіе большое мнѣніе свое о преподаваніи наукъ юридическихъ. Ему онъ придавалъ именно такой практическій характеръ (2). Такого же содержанія была повидимому и рѣчь его на актѣ 1819 года (ненапечатанная): „De necessariis benemeriti jurisconsulti requisitis". Что касается до „тетрадей" или, какъ называлъ ихъ Солнцевъ, „сочиненій" его, то это было не что иное, какъ краткіе курсы тѣхъ предметовъ, какіе читалъ онъ, или

---

(1) Дѣло объ удостоеніи г. э о. проф. Солнцева званія ординарнаго профессора правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ. *Сов* 1816 г., № 72.

(2) Протоколы совѣта 1819 года, стр 76 а.

переведенные въ сокращеніи съ какого-нибудь нѣмецкаго или французскаго руководства, или имъ составленные Такихъ краткихъ курсовъ наукъ изъ тѣхъ лѣтъ мы знаемъ нѣсколько. Лекціи не читались тогда, а диктовались, и безъ сомнѣнія заучивались наизусть, и это являлось необходимостью, такъ какъ слушатели не разумѣли по латыни Въ этихъ „тетрадяхъ“ нельзя поэтому искать слѣдовъ самостоятельной разработки науки.

Съ 1818 года для Солнцева уже невозможна была вообще научная работа, къ какой онъ и не былъ склоненъ по натурѣ. Онъ весь погруженъ въ заботы и труды административныхъ должностей. Онъ избранъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, оставаясь членомъ училищнаго комитета, по болѣзни секретаря совѣта барона Врангеля, правитъ эту должность до его выздоровленія, а въ декабрѣ того же года, когда опасно заболѣлъ ректоръ Браунъ, вскорѣ и умершій, Солнцевъ, на основаніи § 21 устава, былъ выбранъ, впрочемъ послѣ Врангеля, который не могъ взять на себя эту обязанность какъ секретарь, въ проректоры. Какъ и прежде, Солнцевъ и въ этомъ году занятъ разными порученіями совѣта, всецѣло на него возлагаемыми. Такъ онъ сочиняетъ уставы: медицинскаго института, предполагаемаго къ учрежденію при университетѣ, казанской гимназіи, сочиняетъ правила для старшихъ комнатныхъ студентовъ, разсматриваетъ дѣла по азіатской типографіи, предсѣдательствуетъ въ коммиссіи для осмотра перестраиваемаго зданія гимназіи, для разбора смѣты, подрядовъ и проч. Еще больше подобной работы выпало на его долю, когда нужно было приготовить массу затребованныхъ свѣдѣній по разнымъ частямъ университетской дѣятельности и по округу для предстоящей ревизіи. Все это могъ выполнить въ университетѣ въ то время только одинъ Солнцевъ Въ февралѣ 1819 года министръ предписалъ по случаю смерти Брауна, не приступая къ новому выбору, править должность ректора Солнцеву, впредь до распоряженія. Во время ревизіи Магницкаго Солнцевъ, какъ исправляющій должность ректора, игралъ конечно главную, выдающуюся роль. Онъ знакомилъ ревизора съ университетомъ, съ профессорами, съ лицами, учрежденіями и дѣлами. Намъ неизвѣстно однако, насколько взгляды и сужденія Солнцева отразились въ распоряженіяхъ и мнѣніяхъ ревизора. Магницкій въ своемъ донесеніи министру писалъ о Солнцевѣ слѣдующее:

„Въ семъ факультетѣ (нравственно-политическихъ наукъ) одинъ профессоръ Солнцевъ преподаетъ лекціи на латинскомъ языкѣ (это ставилъ онъ въ особую заслугу, не обращая вниманія на то, что студенты его не понимаютъ); одинъ онъ занимается своей частью съ прилежаніемъ, имѣетъ собраніе нужныхъ для нея авторовъ, составляетъ записки и принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы студенты ходили на лекціи". Въ лицѣ и дѣятельности Солнцева сосредоточивался весь факультетъ послѣ ревизіи. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи. „За выбытіемъ изъ университета многихъ наличныхъ профессоровъ юридико-политическихъ наукъ, г. новымъ попечителемъ университета Магницкимъ, съ утвержденія и г. министра народнаго просвѣщенія, сверхъ занимаемыхъ мною каѳедръ съ добавочнымъ по опымъ жалованьемъ, возложены были на меня университетскія преподаванія правъ россійскихъ: гражданскаго, уголовнаго, полицейскаго, государственнаго, даже правъ и обязанностей публичныхъ нотаріусовъ или маклеровъ, съ ихъ судопроизводствомъ, права естественнаго, частнаго, публичнаго, народнаго, права народнаго практическаго, съ объясненіемъ притомъ представительныхъ правительствъ: англійскаго, французскаго, шведскаго и правъ американскихъ, правъ провинціальныхъ литовско-польскаго и ганзеатическихъ городовъ, правъ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго". Полагаемъ, что со времени основанія университета никогда не преподавалось въ юридическомъ факультетѣ столько разнообразныхъ дисциплинъ въ отдѣльности, сколько ихъ насчиталъ для себя одинъ Солнцевъ Благосклонность Магницкаго къ Солнцеву выразилась и въ томъ, что по его представленію Солнцевъ былъ въ ноябрѣ 1819 года утвержденъ на одинъ годъ ректоромъ. Впрочемъ благосклонностью начальства новый ректоръ пользовался недолго. Заключалась ли причина размолвки въ неподатливомъ характерѣ Солнцева, или не понялъ онъ духа новаго времени и его требованій, какъ понимаютъ ихъ ловкіе русскіе люди, въ томъ числѣ и профессора-хамелеоны въ эпохи перемѣнъ въ направленіи внутренней политики, или, что гораздо вѣрнѣе, онъ и самъ не придавалъ ровно никакого значенія тѣмъ §§ естественнаго права, конечно чужимъ, за изложеніе которыхъ съ каѳедры пострадалъ (да въ нихъ и не было ничего опаснаго), но только черезъ два года онъ не былъ уже не только ректоромъ, но и профессоромъ Казанскаго университета. Впрочемъ разсказъ объ этомъ

столкновеніи Солнцева съ Магницкимъ выходитъ уже изъ рамокъ нашего сочиненія, посвященнаго первымъ годамъ университета и изображающаго его жизнь при двухъ первыхъ его попечителяхъ: Румовскомъ и Салтыковѣ (*).

Со времени открытія университета и до попечительства Магницкаго совѣтъ только два раза по собственной инициативѣ и по выбору замѣстилъ пустующія каѳедры. Мы разсказали, какимъ образомъ сдѣлались профессорами Бердерамо и Солнцевъ, люди не имѣвшіе до тѣхъ поръ никакого отношенія къ университету. Произошло это, какъ мы говорили, совершенно случайно. Не женись Бердерамо гдѣ-то въ Триестѣ или въ Неаполитанскомъ королевствѣ на вдовѣ казанскаго помѣщика, не сопровождай Солнцевъ транспортъ съ архивными дѣлами московскихъ департаментовъ сената въ 1812 году въ Казань,—конечно ни тотъ, ни другой не были бы на каѳедрахъ Казанскаго университета. Замѣщеніе въ большинствѣ случаевъ вообще происходило случайно, безъ достаточныхъ основаній. Такъ Солнцевъ въ январѣ 1819 года вдругъ предлагаетъ совѣту предоставить давно вакантную послѣ смерти Финке каѳедру естественнаго права экстраординарному профессору русской словесности В Перевощикову, не имѣя по видимому для того никакихъ другихъ основаній, кромѣ того, что Перевощиковъ при жизни ординарнаго профессора Городчанинова не могъ сдѣлаться ординарнымъ по той же каѳедрѣ. Солнцевъ заявлялъ:

«Со времени смерти орд проф Финке курсъ естественнаго права былъ прерываемъ *отсутствіемъ* преподавателей по сей части, какъ наприм. отсутствіемъ и о. п Неймана и адъюнкта Манассеина (читавшихъ вмѣсто Финке), а за таковымъ прерываніемъ лекцій и не можно ожидать отличныхъ успѣховъ по сей части Препорученіе же лекціи различнымъ чиновникамъ, по различію образа преподаванія и выбора системъ, также имѣть можетъ многія неудобности Нынѣ же г адъюнктъ естественнаго права Манассеинъ (см о немъ выше, стр 101—110), отправленный визитаторомъ въ кавказскую губернію, кромѣ того, что препоручено ему для открытія училищъ по кавказской губерніи оставаться для сего въ тамошнемъ краѣ, вошелъ проше-

---

(*) Какимъ образомъ Солнцевъ пересталъ быть ректоромъ и профессоромъ, было нами разсказано въ статьѣ: «Университетскій судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго». *Ученыя Записки Каз у-та* (по отдѣленію историко-филологическихъ и политико-юридическихъ наукъ) 1864 года Вып. I, стр. 267—288

ніемъ въ совѣтъ объ утвержденіи его въ директоры тифлисскаго училища, о чемъ и представлено Его с-ству г. министру. А какъ онъ, проректоръ, и другіе члены совѣта *признаютъ единодушно достоинства и способности по сей же части* э о профессора Перевощикова, то и предложилъ: не угодно ли будетъ отъ лица совѣта предложить э о Перевощикову: *не пожелаетъ ли онъ быть ординарнымъ профессоромъ естественнаго права* и, буде пожелаетъ, то и *препоручить ему предварительно сочинить и представить совѣту конспектъ по части естественнаго права для дальнѣйшаго по сему предмету послѣдствія»* (конспектъ, какъ доказательство знакомства съ предметомъ каѳедры, былъ идеею Солнцева —Въ томъ же засѣданіи совѣта потребованы были «для достиженія высшихъ степеней», такіе конспекты отъ адъюнктовъ Тимьянскаго, Алехина и Юнакова)

Предложеніе Солнцева было принято единогласно, а Перевощиковъ изъявилъ свое согласіе представить конспектъ по естественному праву и въ томъ же мѣсяцѣ былъ выбранъ *единодушно* (1) Утвержденъ однако онъ не былъ и впослѣдствіи перешелъ на службу въ Дерптскій университетъ, гдѣ былъ профессоромъ русской словесности Являлись охотники занять вакантныя каѳедры исключительно впрочемъ изъ медиковъ, такъ какъ въ то время одно только спеціально-медицинское образованіе было устроено у насъ довольно правильно. Лицъ же способныхъ занять вакантныя давно каѳедры по другимъ факультетамъ надобно было искать днемъ съ огнемъ. Въ концѣ 1814 года, какъ только открылся университетъ, и совѣтъ получилъ право выбирать профессоровъ, на каѳедру врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности въ званіи ординарнаго профессора просился томскій городской и уѣздный врачъ, вышедшій въ отставку въ 1810 году и жившій въ Симбирскѣ *Бриль-Крамеръ*, докторъ медицины, хирургіи и философіи Онъ обѣщалъ читать науки по указанной имъ каѳедрѣ „съ легкостью“ на россійскомъ языкѣ, и представлялъ свою диссертацію „о параличѣ“, а также *общее разсужденіе о фармаціи* въ доказательство правъ своихъ на каѳедру. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ признало сочиненіе его о фармаціи *совершенно неудовлетворительнымъ*, диссертація же его не представляла ничего особеннаго и не имѣла никакого отношенія къ предмету каѳедры. Искателю каѳедры было отказано (2). Въ началѣ слѣдующаго года явился еще претендентъ

---

(1) Протоколы совѣта 1819 года, стр. 8б—9а и 25 б.

(2) Дѣло по прошенію симбирскаго доктора Бриль-Крамера объ опредѣленіи его орд проф врачебнаго веществословія въ Казанскій университетъ. *Сов* 1814 г, № 141

на каѳедру—надворный совѣтникъ *Ѳедоръ Ивановъ Шлегель*. Учился онъ въ Вѣнскомъ университетѣ и въ 1792 году получилъ тамъ степень доктора медицины, хирургіи и повивальнаго искусства и вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ на службу въ Россію, гдѣ и получилъ мѣсто врача въ городѣ Бабиновичи Могилевской губерніи, служилъ затѣмъ врачомъ при кадетскомъ корпусѣ въ Шкловѣ, потомъ при Московскомъ университетѣ. но безъ жалованья, „сверхъ должности занимаясь медицинскими сочиненіями". Такъ одно изъ нихъ „О трудныхъ родахъ" онъ посвятилъ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, за что былъ награжденъ золотыми часами, а другое „О истребленіи болѣзни, называемой Plica poloniса" (колтунъ)—Государю Императору, за что получилъ брилліантовой перстень (1). Послѣ того Шлегель находился врачомъ и при московскомъ воспитательномъ домѣ, и при архивѣ иностранной коллегіи, а въ 1813 году вышелъ по слабости здоровья въ отставку. Въ своемъ прошеніи онъ указывалъ, что въ Казанскомъ университетѣ имѣются три *порожнія* каѳедры: клиническая, акушерская и хирургическая, и просилъ принять его на ту, „на какую по благоусмотрѣнію начальства разсудится замѣщеніемъ удостоить". По полученіи мнѣнія отъ медицинскаго факультета, по опредѣленію совѣта, секретарь баронъ Врангель увѣдомилъ Шлегеля, что ваканціи замѣщены въ отдѣленіи врачебныхъ наукъ, кромѣ хирургіи, и просилъ представить сочиненія до хирургіи относящіяся, а ежели таковыхъ нѣтъ, то „*общее разсужденіе о хирургіи на латинскомъ языкѣ*, о предметѣ опой, о ея пространствѣ, успѣхахъ, о настоящемъ ея состояніи, удобнѣйшемъ способѣ преподавать оную и разныхъ писателяхъ, лучшимъ образомъ оную объяснившихъ". Отвѣта не послѣдовало (2).—Третьимъ претендентомъ медикомъ, на каѳедру акушерства, является въ 1818 году акушеръ симбирской врачебной управы *Владимірскій*. О желаніи его получить каѳедру было предложено совѣту попечителемъ, но врачебное отдѣленіе, разсматривавшее его сочиненія, признало ихъ неудовлетворительными и совѣтъ отказалъ; Владимірскій жаловался на

---

(1) Оба эти сочиненія, сколько намъ извѣстно, напечатаны не были, но два другія напечатаны въ 1819 и 1823 годахъ. См. *Смирдина* «Роспись», №№ 4789 и 4794

(2) Дѣло объ опредѣленіи въ Казанскій университетъ профессоромъ хирургіи надворнаго совѣтника Шлегеля. *Сов.* 1815 г., № 28.

пристрастіе отдѣленія министру. Но любопытный эпизодъ съ этимъ Владимірскимъ, который при Магницкомъ былъ первымъ *директоромъ* Казанскаго университета, можетъ быть разсказанъ и объясненъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ примѣровъ, нами приведенныхъ, можно видѣть, что самъ университетъ, въ первые годы своего существованія, былъ положительно безсиленъ наполняться и развиваться собственными средствами, внутренними силами приготовлять замѣстителей для вакантныхъ каѳедръ. Какъ ни печально это явленіе, но оно было совершенно понятно и легко объясняется исторіей. Развитіе нашихъ университетовъ, созданныхъ въ началѣ царствованія Александра I, больше всего подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, которымъ была проникнута верховная власть до 1811 года, и изъ тогдашняго убѣжденія этой власти въ необходимости просвѣщенныхъ и образованныхъ людей въ государствѣ, происходило не органически и, сколько мы знаемъ изъ изученныхъ нами внимательно фактовъ, при самомъ незначительномъ участіи общества Старые европейскіе университеты, напримѣръ итальянскіе (собственно университетами они и не могли называться сначала, такъ какъ не претендовали на универсальность), развились вполнѣ органически, изъ живой потребности общества въ той или другой необходимой тогда наукѣ Изложеніе ея съ каѳедры, иногда устроиваемой на площади, по недостатку удобнаго помѣщенія, какъ наприм. въ Болоньѣ, привлекало тысячи слушателей Другія науки развивались уже постепенно, годами, изъ той же общественной и глубокой потребности Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ не было недостатка ни въ ученыхъ, ни въ профессорахъ. У насъ были совершенно иныя условія въ тѣ годы. Спеціальнаго приготовленія къ той или другой каѳедрѣ не могло быть, потому что не было кому приготовлять (это былъ circulus vitiosus); польза иностранныхъ ученыхъ оказалась сомнительною, отъ немногихъ изъ нихъ остались слѣды. Каѳедры вакантныя замѣщались счастливымъ случаемъ, хотя, какъ мы видѣли, для медицинскаго факультета не было недостатка въ искателяхъ, готовыхъ читать любой предметъ, лишь бы были у него въ рукахъ тетрадки. Но что это были за кандидаты! Между тѣмъ факультеты лишены были преподаваній по многимъ предметамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ какими же знаніями выходили изъ университета тѣ молодые люди, которые должны были именно познаніями служить странѣ? Такое множество

незамѣщенныхъ каѳедръ привело министерство народнаго просвѣщенія въ концѣ 1816 года къ тому докладу, утвержденному Государемъ Императоромъ въ 3 день января 1817 года, о которомъ мы уже упоминали. На основаніи его всякій профессоръ могъ читать и другой предметъ по другой каѳедрѣ, если онъ одного факультета, слѣдовательно занимать другую каѳедру, но за половинный окладъ жалованья. Первымъ воспользовался этою льготою э. о. профессоръ Никольскій, которому, безъ ходатайства о томъ совѣта, разрѣшено было министромъ производить за преподаваніе *смѣшанной математики*, пока не будетъ опредѣленъ профессоръ сей науки, по 800 р. въ годъ. Какъ только такое распоряженіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Казанскомъ университетѣ, такъ уже въ слѣдующемъ февралѣ ректоръ Браунъ объявилъ въ совѣтѣ желаніе занять праздное при университетѣ мѣсто профессора хирургіи „за половину по штату опредѣленнаго на сей предметъ жалованья". Совѣтъ, имѣя въ виду, что Браунъ уже преподаетъ безденежно хирургію, что *эта наука имѣетъ тѣсную связь съ анатоміей*, что Браунъ съ перваго года службы своей какъ профессоръ анатоміи, не имѣетъ прозектора и несетъ его обязанности, представилъ это все на утвержденіе министра. Мы разсказали уже, что это ходатайство не было уважено, потому что нужно было опредѣлить на каѳедру хирургіи воротившагося изъ Тобольска Арнгольда. Тогда совѣтъ, желая угодить ректору, сталъ ходатайствовать, на основаніи представленія отдѣленія врачебныхъ наукъ, о назначеніи ректору, въ вознагражденіе понесенныхъ имъ въ теченіе 10 лѣтъ службы трудовъ, за исправленіе должности прозектора, такъ какъ сумма жалованья по этой должности не полагалась штатомъ, въ размѣрѣ адъюнктскаго содержанія, т. е. по 800 р. въ годъ (1). Ходатайство не получило успѣха.—Вслѣдъ за Брауномъ въ томъ же засѣданіи изъявляетъ желаніе занять вторую каѳедру, съ половиннымъ содержаніемъ, сельскаго домоводства, профессоръ технологіи Брейтенбахъ, у котораго и по своему предмету не было слушателей, какъ мы знаемъ. — За нимъ просятъ о второй каѳедрѣ, конечно на тѣхъ же условіяхъ: Вердерамо, Германъ— о философіи (ему было отказано), Бартельсъ—о каѳедрѣ теоре-

(1) Дѣло о производствѣ г. ректору Брауну за исправленіе должности прозектора при анатомическомъ театрѣ жалованья по 800 р. въ годъ. *Сов.* 1817 г., № 114

тической астрономіи, хотя онъ уже получалъ по 1100 р. въ годъ за высшій математическій классъ въ гимназіи (онъ получилъ также отказъ, такъ какъ каѳедру занялъ Симоновъ). Наконецъ и профессоръ натуральной исторіи Фуксъ заявилъ совѣту о желаніи своемъ занять вторую каѳедру патологіи, терапіи и клиники, но уже не за половинный окладъ, а за полное, положенное по штату годовое жалованье. Попечитель, въ отвѣтъ на это писалъ, что ходатайства этого удовлетворить невозможно, да и примѣра подобнаго не бывало, а сверхъ того на эту каѳедру просится Владимірскій (1). Столько ходатайствъ о добавочномъ жалованьи послѣдовало въ первый же годъ послѣ распоряженія. И при Магницкомъ, который нападалъ на профессоровъ, занимающихъ по двѣ каѳедры, этотъ обычай, вызываемый необходимостью, существовалъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Солнцева, и можетъ быть еще въ большей степени. Какъ бы ни были обширны свѣдѣнія у профессора, но вторая каѳедра, занимаемая имъ, не смотря можетъ быть на свое важное значеніе, всегда оставалась второстепенною для него Для нея онъ уже не могъ приготовить себѣ преемника и заинтересовать предметомъ студентовъ.

Открытіе университета, котораго такъ сильно желало большинство профессоровъ, и полученное вмѣстѣ съ нимъ самоуправленіе, можетъ быть и потому, что новая жизнь университета продолжалась недолго, всего шесть лѣтъ, ни въ чемъ существенномъ не измѣнило университетъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, при Румовскомъ. Салтыковъ, какъ мы уже говорили, былъ вообще на сторонѣ профессоровъ иностранцевъ, и въ его мнѣніи они стояли гораздо выше своихъ русскихъ коллегъ. Но это предпочтеніе, оказываемое имъ первымъ, не имѣло никакого вліянія на взаимныя отношенія членовъ совѣта между собою. Оно не породило, какъ можно было бы ожидать, враждебности съ національнымъ оттѣнкомъ, какъ это было въ гораздо позднѣйшіе годы. Напротивъ мы видимъ совершенно спокойное настроеніе большинства и, изучая протоколы совѣтскихъ засѣданій, мы не встрѣтили ни разу такихъ бурныхъ сценъ и пререканій, какія происходили до открытія

(1) Протоколы совѣта 1817 года, стр. 17б, 26а, 36б, 51б, 107б, 124б.

во время диктаторства Яковкина. Если попечитель Салтыковъ и высказывалъ иногда свое недовольство тѣми или другими дѣйствіями совѣта, то это недовольство выражалось только въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, обыкновенно дѣлаемыхъ имъ въ письмахъ къ Брауну. Салтыковъ былъ, какъ человѣкъ свѣтски образованный, любимъ всѣми, хотя у него и были свои избранники, какъ Аргольдъ напримѣръ, но они не могли уже имѣть такой власти, какую имѣлъ при Румовскомъ Яковкинъ. Не смотря на то, что съ открытіемъ университета совѣтъ получилъ значительную самостоятельность, что попечитель являлся какъ бы только посредникомъ между самоуправляющимся университетомъ и министромъ, которому принадлежала высшая санкція, онъ много бы могъ сдѣлать полезнаго для университета и для цѣлаго громаднаго округа, еслибъ имѣлъ авторитетъ власти и понималъ значеніе университетской науки. Но это былъ человѣкъ добрый, и вмѣстѣ съ тѣмъ слабый. Отсюда его повидимому полное равнодушіе къ ввѣренному ему дѣлу и дѣлу такого большаго значенія, какъ научные и умственные интересы страны—хотя бы только въ одной части ея. По всѣмъ даннымъ и по изученнымъ нами документамъ, Салтыковъ самъ работалъ мало. Управленіе имѣло канцелярскій, совершенно равнодушный характеръ. Салтыковъ разгорячался только въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось ему, на дѣлѣ или на бумагѣ, задѣвали его самолюбіе. Проживъ года два не болѣе въ Казани и сдѣлавъ кратковременную поѣздку въ одну изъ губерній округа, онъ едва ли могъ хорошо познакомиться съ дѣломъ и людьми. Потерявъ въ Казани жену, Салтыковъ, какъ мы видѣли, на цѣлый годъ отказался принимать участіе въ дѣлахъ, а потомъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда влекли его свѣтскія связи и отношенія. Уѣзжая, онъ предложилъ ректору Брауну „о всѣхъ текущихъ дѣлахъ относиться по прежнему прямо къ высшему начальству (министру), а мнѣ сообщать только обо всѣхъ увѣдомленія, ибо до возвращенія моего въ Казань, съ соизволенія князя А. Н. Голицына, *я не буду заниматься подробно дѣлами*, а только тѣми, гдѣ необходимо требуется мое посредничество“ (21 августа 1816 г. № 200). При такомъ характерѣ управленія ни самое дѣло, ни университетъ, не могли быть дороги Салтыкову. Какъ только узналъ онъ, что готовится пресловутая *ревизія* университета Магницкимъ, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку, не имѣя гражданскаго муже-

ства встрѣтить на мѣстѣ совершенно равнаго ему въ правахъ ревизора. Очень можетъ быть, что предоставляя полный просторъ Магницкому, онъ самъ разсчитывалъ выиграть въ служебномъ отношеніи и дѣйствительно скоро сдѣлался сенаторомъ. Ревизія эта являлась неизбѣжнымъ фактомъ вслѣдствіе измѣнившагося взгляда и направленія въ дѣйствіяхъ власти. Никакими особенными, вопіющими злоупотребленіями и якобы полнымъ (?) разстройствомъ университета не вызывалась эта ревизія. За неимѣніемъ гласности, она вытекала главнымъ образомъ изъ массы сплетень, возникавшихъ всегда въ пустомъ провинціальномъ обществѣ, постоянно нерасположенномъ къ университету. Магницкій любовно прислушивался къ нимъ и собиралъ ихъ въ Симбирскѣ; онѣ были ему и его единомышленникамъ на руку Изъ тѣхъ фактовъ, которые мы собрали и изложили въ нашемъ сочиненіи безпристрастный читатель увидитъ, что исторія этого университета не могла быть другою, какою была, что не злая, всегда устранимая человѣческая воля дѣйствовала здѣсь, а вполнѣ могущественные, неизбѣжные историческіе факторы. Нельзя не вспомнить смысла когда-то знаменитаго положенія Гегеля (второй его половины), не оправдывающаго дѣйствительность, а объясняющаго ея разумность, ея raison d être и неизбѣжность:

«Was wirklich ist, das ist vernünftig»

Ревизія вытекала изъ глубокаго незнанія страны (Магницкій только слышалъ звонъ, но не понималъ его смысла), изъ своекорыстнаго чувства, изъ честолюбія, изъ стремленія сдѣлать карьеру и т. п., но никакъ не изъ желанія добра родинѣ. Для того, чтобъ умѣть дѣлать добро, нужно понимать, въ чемъ оно состоитъ. Назначеніе Магницкаго было, выражаясь по современному, *подтянуть* университетъ, хотя это „подтягиваніе“, по нѣмецкому выраженію, направлялось in's Blaue. Этотъ знаменитый терминъ изъ военной дисциплины долженъ быть хорошо знакомъ тому, кто слѣдитъ за исторіей русскаго духовнаго развитія. Университетъ дѣйствительно былъ „подтянутъ“. Онъ получилъ совершенно новый видъ; явились новые люди, рабски выполнявшіе предначертанія власти съ новымъ ея направленіемъ. Но разсказъ о *ревизіи и попечительствѣ Магницкаго*, представляющій въ высшей степени любопытныя страницы изъ исторіи нашего ду-

ховнаго развитія, не можетъ уже принадлежать къ серіи разсказовъ „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета", которые мы, какъ и намѣревались прежде, довели только до этого знаменательнаго времени.

Въ засѣданіи совѣта 8 марта 1819 года было заслушано предписаніе г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (отъ 13 февраля, № 549) о Высочайшемъ порученіи дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому *обозрѣть Казанскій университетъ и подвѣдомыя ему училища*. Въ тотъ же самый день, 8 марта, за № 1 получено было совѣтомъ и первое предписаніе ревизора, пріѣхавшаго наканунѣ въ Казань, съ требованіемъ разнообразныхъ свѣдѣній для успѣха предстоящихъ дѣйствій своихъ. Извѣстіе объ этомъ конечно произвело большой эффектъ и въ университетѣ, и въ самомъ городѣ. Безъ сомнѣнія неожиданное появленіе ревизора, имѣвшаго большія полномочія, могло походить на заключительную нѣмую сцену гоголевскаго ревизора. Тѣ, которыхъ близко касалась эта ревизія, растерялись, пугаясь предстоящихъ переворотовъ, намъ же, на исторической перспективѣ почти трехъ четвертей вѣка, бросающихъ ретроспективный взглядъ на исторію университетской науки, ясенъ настоящій смыслъ событія. Это былъ не дѣйствительный ревизоръ, желавшій изучить на мѣстѣ университетъ, уважающій науку и духовное развитіе, желающій имъ успѣха. Съ большими данными ему, полномочіями и властью, съ громаднымъ самомнѣніемъ, съ хвастовствомъ и познаніями, напоминающими гоголевскаго героя, но безъ его простодушія и доброты, Магницкій только могъ вредить, а не приносить пользу. Исторія иначе и не можетъ смотрѣть на всю его дѣятельность.

I.

Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ во второй части.

(ЦИФРЫ ОБОЗНАЧАЮТЪ СТРАНИЦЫ).

Алехинъ, адъюнктъ 55, 56, 89, 95—96, 101—103.

Алферовъ, купецъ въ Пензѣ, 31.

Андреевъ Андрей, искатель каѳедры—581.

Аргольдъ, профессоръ и директоръ тобольск. гимназіи 181, 273—274, 379, 533, 554—555, 586—630.

Арцыбышевъ Н. С. 742—745.

Бартельсъ, проф. 25 — 26, 27, 32, 48, 64, 186, 226—227, 233, 278, 300, 718—719, 795.

Беда (Мауг), ученый іезуитъ, 193, 195, 198.

Безобразовъ, губерн. Тамб. 31.

Богдановичъ, ученикъ каз. гимн. 424—426.

Браунъ, проф. 3, 4, 34, 35, 61, 291, 300, 303—306, 317—319; 363—364; 371—374; 501—506, 702, 792.

Брейтенбахъ Фил. Леонт., проф. 271, 494, 533; 642—654, 793.

Вриль - Крамеръ, томскій врачъ 792.

Броннеръ, Францъ Ксаверій, профессоръ теоретическои и опытной физики (1758—1850), 62, 90, 185—276, 281, 326—327; 368—369; 447—448; 488, 491, 494, 510—513, 562.

Буженниковъ, чистоп. предводитель дворянства 341, 728—729.

Булатниковъ, учитель ишимскаго училища 346.

Булыгинъ, адъюнктъ и. д. инспектора 508—510.

Бюнеманъ, профессоръ 48—49.

Вальдекъ, проф. Гёттинг. у-та 50, 54.

Васильевъ, архитекторъ 130, 132.

Васильевъ П., учит. 646, 653.

Веймарнъ, фонъ. Его экзаменъ на чинъ 400—402.

Вейсгауптъ, иллюминатъ 196.

Вейскопфенъ фонъ, учитель астрах гимназіи 745—746.

Вердерамо, Мануилъ Осиповичъ, профессоръ 762—778, 795.

Винтеръ, профессоръ—365.

Владимірскій, акушеръ симбирской врачебной управы—791—792.

Востоковъ, учитель астраханской гимназіи 350 — 355; помощн. инспект. 532.

Врангель, баронъ Егоръ Васильевичъ, профессоръ правъ (1785—1841), 74, 77—78, 80—82, 87—93, 279, 280, 284, 379.

Врангель Юлія, магистръ правъ 56.

Вуттигъ, Іоаннъ Фридрихъ Христіанъ, проф. технологіи (1783—1850), 3—19.

Ганаузекъ, д-ръ медиц., искат. каѳедры 579—580.

Гаттонъ, англичанка, 161—168.

Гейкингъ, баронъ Генрихъ Карлъ 40, 67.

Герке, письмоводитель попечителя. Его экзаменъ на доктора 724—725.

Германъ, проф., 27, 271, 300, 305, 359-363; 381 398; 404 407.

Германъ, начальн. уральск. горн. завод. 6.

Гермбштедтъ, химикъ 10.

Геснеръ, Соломонъ идилликъ, 186, 188, 201—202, 204, 215.

Гётлингъ, химикъ 7, 10.

Глазовъ, помѣщикъ, 159.

Глейнигъ, учитель лашевскаго приходскаго училища, 316.

Голицынъ, кн. С. Ѳ., главнокомандующій, 113, 115, 116—117, 119.

Горденинъ, механ. ун. 235, 239

Городчаниновъ, профессоръ 36, 506, 668—674.

Гофакеръ, тюбингенскій профессоръ 58.

Григорьевъ, капит. внутр. стражи въ Пензѣ, 31.

Груберъ, Ев. Андр., попечитель—278.

Депрейсъ Н. Ис., дворян. 146.

Дунаевъ, магистръ 242

Дюро, учитель пермской и астраханской гимназіи 346—347, 403.

Завадовскій, графъ, министръ просвѣщенія 123.

Зайлеръ, проф. іезуитъ 204, 207

Запольской, проф. 16, 36, 227, 234—236, 258.

Запольской Илья, учитель каз. гимн. 436—439.

Звегинцевъ, учитель свіяжскаго училища 346.

Ивановъ Ал-дръ, учитель, 428—430, 441—442.

Ивановъ Ник., ученикъ каз. гимн (дѣло о немъ) 426—442.

Ильинъ, учитель бузулукскаго училища 356.

Іона, просвящ. тамб. 31.

Іонъ, Богданъ, докторъ правъ 64, 737—742.

Кайсаровъ, адъюнктъ 271, 273

Калайдовичъ, адъюнктъ 693.

Кальмъ, лифляндецъ, 157.

Капцевичъ, генер. губерн. Зап. Спб. 181.

Карпека, почтъ-директоръ въ Казани, 83—84.

Кастеллій, каз. комендантъ 81—82.

Кельцъ, штабъ лѣкарь 496—500.

Княжевичъ, Дм. Макс. 85-86.

Колпаковъ Антонъ, чистоп. купецъ 339—342.

Кондыревъ, проф. и библіотекарь, 28—29, 72, 91, 242—243, 335—336, 378, 455, 472—474; 480, 695-696, 718, 730, 731.

Костливцевъ, каз. помѣщикъ 134.

Круглополовъ, учитель уфимскаго училища 345—346.

Крюковъ, Левъ, учитель рисованія при у-тѣ 172, 174.

Лангель, инспекторъ врач. управы 176.

Ланской, кіевскій губернаторъ 120.

Ларіоновъ, Григ. Серг., ученикъ каз. гимн. 426. Его отношенія къ проф. Вердерамо 765—772.

Лафатеръ 200—201, 211.

Лебедевъ, А. Н, учитель чистоп училища 331—338.

Левицкій, адъюнктъ, 36.

Лентовскій, Александръ Егоровичъ, профессоръ 156. Его приготовленіе къ каѳедрѣ 759—761.

Литтровъ, Іосифъ Іоганнъ, профессоръ астрономіи (1781—1840), 110—114; 300, 311—315; 379.

Лобачевскій А. П., адъюнктъ 14, 15.

Лобачевскій Н. И., профессоръ 125, 134—135

Лондесъ, д-ръ, ботаникъ 19, 20.

Лохтинъ Андрей, астраханецъ 21.

Лубкинъ, Ал-дръ Степ., инспект. гимн. и профессоръ—418—421; 479—480; 653 668, 740—742.

Магницкій, попечитель, 90, 105—106, 796—797.

Малинъ изъ молоканъ тамбов. 30—31.

Манассеинъ, Вячеславъ, ученикъ каз. гимн., 442—446.

Манассеинъ Эльнид. Петр., магистръ † 1833 г. 15, 89, 95—96, 101—110.

Мансаръ, танцмейстеръ 516, 746.

Маньковскій, ученикъ каз. гимн. 424—426.

Матонъ Иванъ, иностранецъ, учитель фехтованія 746.

Мейеръ, коммисс. Акад. Наукъ, 133

Мейнерсъ, проф. Геттинг. у-та 50.

Мейстеръ, проф. Геттинг. у-та 50, 54, 57

Миллеръ, Иванъ, адъюнктъ исторіи и географіи, 19—25.

Мироновичъ, д-ръ медицины искат каѳедры 579.

Миръ-муминовъ, хаджи, лекторъ персидскаго языка 351—352.

Михайловъ, ученикъ каз. гимн. 420—424.

Модерахъ, фонъ Пермскій губернаторъ 10

Молоствозъ Влад. Порф., попечитель округа 278

Моръ, минералогъ 5.

Мосоловъ, заводчикъ, 182,

Мусинъ-Пушкинъ, М. Н., попечитель округа 278, 583.

Мячкова, Над. Петр. 163—167.

Нагаткинъ, учитель чебоксарскаго училища 355.

Нейманъ, Іоаннъ Георгъ Іосія, профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства (1780—183.), 66—74, 75—87, 92—101, 279, 280, 291, 401.

Никольскій, проф. 495—496, 498—500, 704, 720, 793.

Новиковъ, учитель музыки 742.

Парротъ, 3.

Пасквичъ, астрономъ въ Пештѣ 138, 142.

Пёлицъ, проф. въ Витгенбергѣ, 38, 146—147.

Перевощиковъ В. М, профессоръ 259, 706--707, 789--791.

Перовскій Алексѣи 300

Пестель, сиб. генер.-губерн. 23.

Петровскій, адъюнктъ, инспекторъ гимназіи 371—

Петровъ, главн. надзират. каз гимн. 426—427, 431—436, 442, 619—623

Пикель, ученый іезуитъ 195.

Плаксинъ В. С., чистоп голова 331 - 338.

Покотиловъ, учитель ставропольскаго училища 355.

Полиновскій М. учитель въ академіи и адъюнктъ 679—680.

Похвисневъ, полицм. въ Тамбовѣ 31.

Протопоповъ, учитель астраханской гимназіи 355.

Пулькинъ, ученикъ каз. гимн. 420- 424.

Путиловъ, Дм. Азар., ученикъ казанской гимн. 447—449.

Пфефель, нѣмецкій писатель 223.

Ренардъ, Ос. Христоф., (1781—1817) адъюнктъ, 29, 30, 181, 630—642.

Реннеръ, Каспаръ Фридрихъ, профессоръ прикладной математики (1780—1816), 26—32.

Реннеръ, Теобольдъ, профессоръ скотолѣченія (1779—1850), 32—36.

Рудометовъ, ученикъ каз. гимн. 420—424.

Румовскій С. Я., попечитель. 297; 676—678; 703.

Рындовскій, Ѳ. П., штабъ-лѣкарь и стихотворецъ, 183.

Салтыковъ, М А., попечитель, 134, 676, 678—694, 795—796.

Самсоновъ Д. П., кандидатъ, 258, учитель каз. гимн. 436—439, субъ-инсп 532, магистръ 748—759.

Сергѣевъ, д. ст. сов. въ Казани 141.

Симоновъ П. М, профессоръ 125, 130, 131, 133—135; 136, 140, 143, 179.

Словцовъ, директ. тобольск. гимн. 181.

Смитъ Адамъ. Его сочиненіе 71—72, 76—77.

Соколовъ, прапорщикъ, пензенскій дворянинъ 347—348

Сокольскій Ив. ученикъ каз. гимн 415—416.

Солнцевъ, Гавріилъ Ильичъ, профессоръ правъ (1786—1866) 55, 64, 90, 492, 524, 776—789.

Сперанскій М М. 76, 82, 84, 279.

Срезневскій, О Е., профессоръ 89, 177, 256.

Стекъ (Steck), Эрг. Готтл., искат каѳедры 580—581.

Стефани, учитель 6.

Сторль, проф. 289, 304—305.

Сумароковъ Ѳед. ученикъ каз. гимн. 419.

Сычуговъ Пав. ученикъ каз. гимн. 420—424.

Твердышевъ, учитель ставропольскаго училища, 348—349.

Тефлингеръ Ѳедоръ, учитель музыки 747.

Тимьянскій Вас., адъюнктъ, 265.

Тихоновъ, учитель тюменскаго училища, 349.

Томасъ, (Іоаннъ Мих.) профессоръ, 250, 262; 582—587.

Траскинъ, полковникъ 442—446.

Триснекеръ, астрономъ въ Вѣнѣ, 112.

Тромсдорфъ, химикъ 10.

Турчаниновъ, кригсъ-коммиссаръ 6-го класса, 240—243.

Упадышевскій, учитель каз. гимн. 436—439

Финке, Іоаннъ Христоферъ, профессоръ правъ: естественнаго, политическаго и народнаго (1773—1814), 49—65; 278, 291—294; 472, 475—479, 738.

Фишеръ Ф. Вальдгеймъ 34.

Фойгтъ, Карлъ Теофиль (Готлибъ), профессоръ умозрительной и практической философіи (1759—1811), стр. 36—48, 252, 280, 284—287, 290—291, 300, 301—303; 307—315; 320

Фойгтъ Елисавета Карловна, жена профессора 39, 42.

Фойгтъ Карлъ Карловичъ, профессоръ 38—39.

Френъ проф., 28, 171—173, 280, 291.

Фуксъ проф.—11, 34, 151, 162—168, 280, 281, 793—794.

Фуссъ Н., непрем. секр. А. Н. 34, 42, 45, 47, 67—68.

Фюссли, ратсгерръ въ Цюрихѣ, 200—201

Хальфинъ, лекторъ татарскаго языка и жена его Хабиба, 407—408.

Храповицкій, директоръ астраханской гимназіи 350—354.

Цеплинъ профессоръ 697.

Чернышевъ, учитель нерчинскаго училища, 345.

Шадъ, проф. Харьк. у-та 267.

Шарпіо, лекторъ франц. яз., 279, 280.

Шлегель, Ѳ. Н., докторъ медицины, 791.

Шоберъ, лейбъ-медикъ, 159.

Шоникъ, магистръ, 171.

Шредеръ, вице-губерн. въ Тамбовѣ 31

Шторхъ, академикъ 72.

Эверсманъ, проф. 271.

Эверсъ, дерптскій проф. 94—95.

Эвестъ проф., 4, 82—83.

Эйхвальдъ, проф. 65, 271.

Эрдманнъ Іоаннъ Фрдрихъ, профессоръ патологіи, терапіи и клиники (1778—1846), 64, 145—185, 269, 303, 480—481.

Эрдманъ, Ѳедоръ Ив. профессоръ, 42.

Юнаковъ, магистръ, 242.

Юшковъ, винокур. и стеклян. заводчикъ, 182, 237

Яковкинъ проф. 12, 13, 24, 25, 28, 53, 62, 78, 83, 84—85; 87, 92, 124, 125, 128, 137, 162—168, 250—251, 277, 279, 289, 298, 300, 301, 305—307; 315—319; 320—321, 363, 366—370, 376—379; 417, 425; 438—439; 600—602, 684—691; 711—713; 720—722; 770.

Ярцовъ, магистръ восточн. слов. 256—258, 280.

Яшеровъ, титулярный совѣтникъ изъ Симбирска 399.

II.

Алфавитный указатель фамилій студентовъ, упоминаемыхъ во второй части.

Андреяновъ 495.
Араповъ 495, 539.
Ардашевъ 514, 516, 540.
Бабановскій 490, 515, 520, 528—529.
Базилевъ, Пв. 530, 540.
Базилевъ, Петръ 491, 495, 530.
Базилевъ, Филар. 495.
Барановъ 539.
Бередниковъ, Я. П. 259.
Веттихеръ 496—497.
Бобылевъ 503.
Вовинъ 509.
Борисовъ 492.
Брынкъ 646.
Бутлеръ(овъ), Капитонъ (дѣло о немъ), 460—466, 538.
Вѣляевъ 519, 521, 534—535.
Веригинъ (дѣло о немъ), 460—466, 495.
Гине, фонъ 491.
Граздовскій кандидатъ, 254.
Де-Роберти 491, 495.
Добровольскій 513, 516.
Евреиновъ 491, 496, 520.
Журавлевъ 464.
Замятинъ 526—528.
Знобишинъ 520, 534—535, 565.
Иконниковъ 496, 517, 520.
Кожевниковъ 491, 503, 514, 518.
Красицкій 492—493, 495.
Кругликовъ 496, 523.
Кручининъ 47, 494.
Куликовъ, Никол. 495, 519, 521.
Лебедевъ 492.
Левицкій 515, 535, 540.
Линдегренъ 125.
Лохтинъ 495.
Макаровъ 565
Маклаковъ, А—ръ, 521, 531.
Максутовъ, кандидатъ, 258, 261, 466—467.
Михайловъ 517.
Можаровъ 530.
Молоствовы 492.
Николаевъ 513, 514, 515, 518.
Нюхтиловъ 492, 520.
Овчинниковъ, Павелъ, 456—459.
Отсолигъ 156, 497, 617.
Оффенбергъ 492.
Панаевъ, Влад. Пв. 88, 259—260, 261.
Панкратовъ, кандидатъ 255, 261.
Парначевъ 521, 534—535.
Перелѣшинъ 489.
Перимовъ 492.

Перовъ, Пав. 502.
Пивоваровъ 513, 518.
Поповъ, А—дръ 496, 520, 535—536.
Пулькинъ 516.
Рейнсдорфъ 538—539.
Рѣшетниковъ, Петръ 538.
Сапожниковъ, А—дръ 519, 536—537
Саханскій, Григ 514, 521—523, 532.
Севрюгинъ 495.
Скворцевъ, канд. 515.
Смирновъ, Африканъ 449—450, 490.
Соловьевъ, Дм. 517, 520, 540.
Страховъ 495.
Стрѣлковъ, Николай, 47.
Сычуговъ, Мих. 519.
Сычуговъ, Петръ 492, 497, 519.
Сычуговъ, Сергѣй 451.
Таушевъ 492.
Телешевъ 515, 521, 535.
Тирановъ 514, 518.
Уфимцевъ 514, 517, 520, 539, 540—550.
Фикъ, П. 519.
Фикъ, Эрнстъ 491.
Филипповскій, 518, 538.
Чашковъ, 502—503.
Чхейзе, 419, 540.
Шелудко-Тектоновъ, 514.
Шицъ, 495, 513, 519
Шоникъ, 491, 519.
Шутихинъ, Петръ 491, 531.